267/525
2 х
801-94/9482-8

ИСТОРІЯ

СЕМИРѢЧЕНСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА

Н. Леденевъ

ВѢРНЫЙ.
Типографія Семирѣченскаго Областного Правленія.
1909.

Глубокоуважаемому Евгенію Евгеніевичу Скорнякову на добрую память о Семирѣчьѣ — авторъ его исторіи
17 Октября 1912 г.

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина
46074-51

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Еще въ концѣ 1874 г., по иниціативѣ вр. наказнаго атамана Семирѣченскаго каз. войска, генерала Михайловскаго, возникла мысль составить десятилѣтнюю хронику войска, которая обняла-бы первыя восемь лѣтъ (1867—75 г г.) самостоятельной жизни войска и два года, предшествовавшіе его возникновенію.

Мысль эта, быть можетъ даже и подсказанная генераломъ Колпаковскимъ, наказнымъ атаманомъ войска, остававшимся въ то время за командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа,—была имъ одобрена и генералъ Колпаковскій со своей стороны ходатайствовалъ предъ военнымъ министромъ о разрѣшеніи назначить премію въ 500 руб. изъ суммъ войска тому лицу, трудъ котораго былъ бы признанъ войсковымъ начальствомъ лучшимъ и наиболѣе отвѣчающимъ поставленной программѣ *).

Что помѣшало составленію хроники неизвѣстно, но только къ составленію ея приступлено не было.

Съ тѣхъ поръ и до 1902 г. вопросъ о составленіи исторіи войска не затрогивался.

Бывшій военный министръ, генералъ адъютантъ Куропаткинъ, обративъ вниманіе, что казачество—такой видный факторъ государственной жизни—до сихъ поръ не имѣетъ, какъ общей, такъ и отдѣльной для каждаго казачьяго войска, исторіи, приказалъ заполнить этотъ пробѣлъ отечественной литературы.

На одномъ изъ докладовъ по этому поводу начальника главнаго управленія казачьихъ войскъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ положилъ слѣдующую резолюцію: „Надо поспѣшить составленіемъ подробныхъ историческихъ трудовъ по каждому изъ казачьихъ войскъ, по опредѣленной программѣ, о его прошломъ; затѣмъ составить по общей программѣ описаніе о настоящемъ казачьихъ войскъ; *тогда легче будетъ безъ ошибокъ и сомнѣній рѣшать всѣ вопросы, опредѣляющіе*

*) Архивъ войскового правленія Семирѣченскаго каз. войска, опись дѣлъ казачьяго отдѣленія штаба войскъ Семирѣченской области, части строев., дѣло 1874 г. № 55.

будущее каждаго изъ казачьихъ войскъ въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ".

Вслѣдствіе такого распоряженія военнаго министра, начальникъ главнаго управленія казачьихъ войскъ 19 ноября 1902 года обратился ко всѣмъ войсковымъ и наказнымъ атаманамъ казачьихъ войскъ съ циркулярнымъ предложеніемъ, въ которомъ просилъ отъ имени военнаго министра озаботиться составленіемъ историческихъ очерковъ ввѣренныхъ имъ казачьихъ войскъ, для чего и предложилъ: въ каждомъ войскѣ избрать лицо, которому могла-бы быть поручена эта работа; избранное лицо должно составить программу, долженствующую быть представленной на утвержденіе военнаго министра. Составленная программа должна обнимать слѣдующіе общіе вопросы:

1) Казачество—какъ колонизаторъ.

2) Казачество—какъ охранитель государственныхъ границъ.

3) Казачество—какъ охранитель православной вѣры.

Частные вопросы:

1) Самобытно-ли развилось казачье войско или образовалось распоряженіемъ правительства.

2) Однороденъ-ли племенной составъ казачьяго войска.

3) Чѣмъ обусловливалось обложеніе казачьяго войска государственными повинностями.

4) Чѣмъ обусловливалось образованіе одного, двухъ или трехъ родовъ оружія въ каждомъ войскѣ.

5) Чѣмъ обусловливался порядокъ землевладѣнія.

6) Чѣмъ обусловливалось образованіе отдѣльныхъ казачьихъ областей или включеніе территоріи казачьяго войска въ составъ губерній.

7) Чѣмъ обусловливалось распространеніе на казачье населеніе новыхъ правительственныхъ или мѣстныхъ хозяйственныхъ учрежденій.

Въ заключеніи циркулярнаго предположенія начальника главнаго управленія казачьихъ войскъ сказано, что военный министръ, намѣтивъ и одобривъ эти основные вопросы программы, высказалъ, однако, *что: составители историческихъ изслѣдованій при подробной разработкѣ программы отнюдь не должны стѣсняться перечисленными вопросами,* ибо въ каждомъ казачьемъ войскѣ, при разработкѣ программы, несомнѣнно могутъ возникнуть, сообразно съ мѣстными условіями, и другіе вопросы, да и намѣченные вопросы могутъ разрѣшиться далеко не одинаково въ каждомъ изъ казачьихъ войскъ въ отдѣльности".

Такимъ образомъ, генералъ-адъютантъ Куропаткинъ выразилъ желаніе въ предпринятыхъ, по его иниціативѣ, работахъ имѣть не простые военно историческіе очерки, а такіе историческіе труды, полнота и объемъ которыхъ давали-бы возможность почерпать изъ нихъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, нужныя для высшихъ органовъ власти чтобы *„безъ ошибокъ и сомнѣній рѣшать всѣ вопросы, опредѣляющіе будущее каждаго изъ казачьихъ войскъ въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ*)“.

Руководствуясь этой основной идеей, авторомъ настоящаго труда была составлена программа историческаго очерка Семирѣченскаго каз. войска, которая и была утверждена военнымъ министромъ, генералъ-адъютантомъ Сахаровымъ, преемникомъ генералъ-адъютанта Куропаткина

Болѣе чѣмъ скромныя средства войска, сравнительно малая подготовленность автора къ такому серьезному историко-экономическому труду, уничтоженіе въ архивахъ области многихъ дѣлъ историческаго характера, какъ окончившихъ опредѣленный срокъ храненія, гибель и потеря такихъ дѣлъ въ центральныхъ областныхъ архивахъ, вслѣдствіе бывшаго въ 1887 г. въ городѣ Вѣрномъ землетрясенія и другихъ причинъ—не дали возможности совершенно выполнить составленную программу въ томъ широкомъ объемѣ въ какомъ она была намѣчена. Главы первая, вторая, часть 3-й и 4-й части 1-й—исполнены компилятивно по литературнымъ и отчасти офиціальнымъ источникамъ, все-же остальное представляетъ самостоятельный трудъ, основанный на офиціальныхъ данныхъ, которыми служили: законодательство, различные приказы и распоряженія правительственныхъ лицъ и учрежденій, а главнымъ образомъ орхивные матеріалы этихъ учрежденій Семирѣченской области. Болѣе подробное заключеніе по этому поводу можно составить по источникамъ, приложеннымъ въ концѣ каждой главы, точно опредѣляющимъ—откуда именно и что взято. Для непосредственнаго и болѣе близкаго ознакомленія со страною, автору, по его просьбѣ, была дана возможность посѣтить всѣ безъ исключенія поселенія войска и болѣе видные центры Семирѣчья, а точно такъ-же и осмотрѣть всѣ ихъ архивы.

Въ заключеніе авторъ считаетъ своимъ долгомъ заявить, что только благодаря содѣйствію и во многихъ случаяхъ прямой защитѣ предсѣдателя войскового правленія Семирѣчен-

*) Циркулярное отношеніе начальника главн. упрв. каз. войскъ войсковому наказ. атаману Семир. каз. войска отъ 19 ноября 1902 г. № 17019 и «Русскій инвалидъ» 1902 г. 11 дек. № 267 ст.: «объ организаціи историческихъ работъ въ казачьихъ войскахъ».

скаго казачьяго войска генералъ-маіора Волкова онъ имѣлъ возможность довести до конца принятую имъ на себя, по его же предложенію, сложную и трудную задачу; что онъ въ своемъ трудѣ преслѣдовалъ главнымъ образомъ точное и объективное изложеніе и освѣщеніе историческихъ фактовъ, имѣя исключительной цѣлью только одно—посильно выполнить приведенное выше желаніе военнаго министра и тѣмъ самымъ исполнить свой долгъ передъ родиной.

Исполненный трудъ—авторъ не считаетъ свободнымъ отъ недостатковъ и возможныхъ ошибокъ, которые противъ всякаго его желанія могутъ оказаться въ немъ, какъ слѣдствіе недостаточной подготовленности автора и сравнительнаго недостатка историческихъ матеріаловъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I-я.

Глава I-я.

Географическій очеркъ.

	Стран.
Общій обзоръ	1
Горы Тарбогатой	2
Семирѣченскій (Джунгарскій) Алатау	2
Заилійскій Алатау	4
Геогностическое строеніе	5
Ископаемыя богатства	6
Землетрясенія	8
Лѣса	10
Равнины и долины	11
Равнины	12
Долины	13
Животный міръ	14
Рѣки и озера. Рѣки	14
Р. Чу	16
Р. Или	16
Р. Караталъ	18
Р. Акъ су	18
Р. Лепса	18
Р. Аягузъ	19
Рѣки бассейна озера Ала-куль	19
Рѣки бассейна озера Иссыкъ-куль	19
Озеро Балхашъ	19
Ала-куль	19
Иссыкъ-куль	20
Климатъ	20
Климатъ равнины	20
Климатъ подгорной полосы	21
Климатъ горной полосы	22

Сѣверная зона 23
Средняя зона 23
Южная зона 23
Источники къ части 1, главѣ 1 исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска 24

Глава II-я.

Историческое прошлое страны.

Хунъ-ну (Гунны) 27
Юэджи и Усуни 28
Сэ 28
Тюрки 29
Карлуки 30
Кара-Китаи 31
Монголы 34
Тамерланъ 38
Первое появленіе въ Семирѣчьѣ калмыковъ . . . 38
Появленіе киргизъ-казаковъ 38
Могулистанъ. Борьба за самостоятельность . . . 39
Киргизы (Кара-киргизы) 40
Киргизъ казакскій союзъ 41
Паденіе владычества монголовъ 42
Покореніе Семирѣчья калмыками. 42
Калмыки 43

Народы, занимавшіе страну предъ появленіемъ въ ней русскихъ.

Кара-киргизы 45
Киргизъ-казаки 47
Причины, вызвавшія завоеваніе страны русскими . . 49
Источники къ главѣ II части I исторіи Семирченскаго казачьяго войска 52

Глава III-я.

Краткій очеркъ наступательнаго движенія русскихъ изъ Сибири въ Среднюю Азію.

(*въ Семирѣчье и Заилійскій край*).

Первые шаги въ Семирѣчье 55
Занятіе Семирѣченскаго края 60
Занятіе Заилійскаго края 69

Источники къ части I, главѣ III исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска 78

Глава IV-я.

Поселеніе Сибирскихъ казаковъ въ Семирѣчьѣ и Заилійскомъ краѣ.

Краткій историческій очеркъ Сибирскаго казачьяго войска 85
Колонизація съ господствовавшей точки зрѣнія . . 88
Колонизація Семирѣченскаго и Заилійскаго края до 1868 года 90
Первый опытъ колонизаціи 97
Систематическая колонизація. Аягузъ 98
Станица Капальская 99
Рѣшеніе вопроса о колонизаціи 1855 и 1856 г.г. . . 99
Льготы и пособія переселенцамъ 1855—1856 г.г. . . 104
Колонизація 1855 и 1856 г.г. 106
Станица Урджарская 106
Станица Лепсинская 107
Поселеніе на рѣкѣ Коксу 107
Начало колонизаціи Заилійскаго края 108
Станица Алматинская 108
Разрѣшеніе вопроса о дальнѣйшей колонизаціи . . 109
Станица Надеждинская 115
Выселокъ Илійскій 115
Станица Коксуйская 115
Станица Сарканская 115
Выселокъ Арасанскій 116
Выселокъ Карабулакскій 116
Колонизація съ 1860 по 1868 г. 116
Станица Каскеленская 117
Выс Карабулакскій 118
Станица Мало-Алматинская 119
Общій обзоръ организаціи переселенія съ 1848 по 1868 г.г. 119
Источники къ части I, главѣ IV Семирѣченскаго казачьяго войска 127

Глава V-я.

Административное устройство, служба и бытъ Сибирскихъ казаковъ въ Семирѣчьѣ до 1868 года.

Административное и судебное устройство до 1868 года . 139

Станичные и выселковые сходы 153
Общій обзоръ „положенія 1861 года“ 155
Образованіе областей и военныхъ округовъ . . . 157

Служба Сибирскихъ казаковъ въ Семирѣчьѣ, ихъ содержаніе, вооруженіе, снаряженіе и спеціально-военная организація до 1868 года.

Положеніе 1808 года 160
Положеніе 1846 года 163
Отпуски и льготы отъ службы 167
Строевыя правила 167
Положеніе 1861 года 171
Бытъ Сибирскихъ казаковъ въ Семирѣченскихъ поселеніяхъ; ихъ экономическое положеніе, характеръ, взаимоотношенія съ туземцами и проч. условія, вліявшія на складъ ихъ быта и жизни 173
Положеніе 1808 года 181
Положеніе 1846 года 181
Положеніе 1861 года 186
Источники къ части I, главѣ V исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска 189

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава 1-я.

Первые годы существованія войска 1867—1879 года.

Время отдѣленія Семирѣченскаго казачьяго войска отъ Сибирскаго, цѣль и задачи назначенія его 199
Территорія, занятая первоначально войскомъ и его первоначальный численный составъ 200
Выселокъ Кугалинскій 204
Калмыки—эмигранты 204
Выселки: Абакумовскій, Басканскій, Аксуйскій и Царицинскій 205
Станица Голубевская 205
Выселокъ Охотничій 206
„ Подгорный 206
„ Чуньжинскій 207

„ Джангызъ-Агачскій 207
„ Тополевскій 207
„ Попутный 207
Обращеніе выселковъ въ станицы 207
Вопросъ объ увеличеніи численности войскъ . . . 208
Первоначальное административное и судебное устройство Семирѣченскаго казачьяго войска 209
Административное устройство до іюня 1868 года . . 212
Административное устройство съ іюня 1868 года . . 215
Организація станичнаго управленія до половины 1870 г. 219
Организація станичнаго управленія съ половины 1870 г. 219
Организація судебнаго устройства 223
Станичный судъ 224
Общія судебныя установленія области 225
Денежные рессурсы войска (1867—1879 г.) . . . 227
Образованіе войскового капитала 228
Станичные капиталы 235
Источники къ части II, главѣ I-й исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска 237

Глава 2-я.

Экономическое положеніе.

Общій обзоръ 251

Поземельное устройство.

Землевладѣніе у киргизъ 261
Краткій историческій очеркъ поземельнаго права казак. 263
Надѣлы станицъ землею до 1868 года 265
Положеніе земельнаго вопроса послѣ 1867 года . . 271
Способъ землевладѣнія 289
Земскія повинности въ войскѣ (1867—1879 г.) . . 292
Землевладѣніе 298
Промыслы 312
Садоводство 314
Лѣсоводство 317
Скотоводство 322
Пчеловодство 327
Рыболовство 331
Охота и звѣроловство 332
Торговля 333
Бытъ, характеръ, взаимоотношеніе казаковъ и туземцевъ 337
Религія 342

Источники къ части 2-й, главѣ 2-й исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска 350

Глава 3-я.

Военная организація въ періодъ 1867—1879 г.

Организація военныхъ силъ войска 365
Первый періодъ 366
Періодъ полковой организаціи 376
Полевая и внутренняя служба 384
Служба въ строевомъ разрядѣ 388
Льготы отъ службы 1867—1880 г. г. 397
Положеніе строевого разряда на льготѣ 400
Служба разряда внутренно служащихъ 403
Вооруженіе 408
Обмундированіе и снаряженіе 412
Денежное и все прочее довольствіе нижнихъ чиновъ . 418
Происхожденіе офицерскаго состава въ войскѣ . . 421
Комплектованіе офицерск. состава въ Семирѣченскомъ в. 430
Матеріальное положеніе офицеровъ 433
Общія условія положенія офицеровъ 439
Источники къ части 2-й, главѣ 3-й исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска 442

Глава 4-я.

Военно-историческій обзоръ съ 1855 г. 459
1855 годъ 460
1856 годъ 462
1859 годъ 463
1860 годъ. Экспедиція въ при-Иссыкъ-Кульскій край. Взятіе Токмака и Пишпека. Бой при Узунъ-Агачѣ . . . 465
1861 годъ 475
1862 годъ. Новый походъ въ Чуйскую долину . . . 476
Положеніе дѣлъ на китайской границѣ 483
1863 годъ. Новая рекогносцировка долины Чу и Нарына. Конфликтъ на китайской границѣ 485
Нарынскій отрядъ 486
За-Чуйскій отрядъ 492
Осложненія на границѣ съ Западн. Китаемъ . . . 495
1864 годъ 498
1865, 1866 и 1867 годы 499
1868 годъ 501
1869 годъ 502

1870 и 1871 годы. Занятіе Кульджинскаго султаната . 504
Участіе Семирѣченскихъ казаковъ въ завоеваніяхъ внѣ своей области 1873—1876 годы 516
Хивинскій походъ 1875 года 516
Коканскій походъ 1875—1876 г. 530
Зимняя экспедиція въ ханство 1875—1876 г. г. . . 538
Годы съ 1877 по 1902-й. Натянутыя отношенія съ Китаемъ 550
Источники къ части 2 й, главѣ 4-й исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска 556

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава 1-я.

Устройство управленія въ Семирѣченскомъ казачьемъ войскѣ съ 1879 года по 1 января 1892 года.

Учрежденіе войскового управленія въ 1879 году; составъ его; кругъ дѣятельности и вліянія 571
Положеніе 1879 г. и его общій обзоръ 571
Образованіе войскового управленія; его первоначальный и послѣдующій составъ 576
Кругъ дѣятельности и вліянія войскового правленія. . 579
Двойственность власти въ управленіи Семирѣченскимъ войскомъ 581
Самоуправленіе въ станицахъ войска 586
Источники къ части 3-й, главѣ 1-й исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска 592

Глава 2-я.

Развитіе самостоятельности войскового правленія.

Устройство управленія въ Семирѣченскомъ казачьемъ войскѣ съ 1-го января 1892 года 594
Вліяніе новаго порядка управленія войскомъ на управленіе въ станицахъ. Порядокъ введенія положенія 1891 года . 603
Положеніе 1891 года. Общій обзоръ 605
Устройство судной части въ войскѣ 610
Судъ станичныхъ судей 610
Судъ почетныхъ судей 611

Войсковое правленіе въ качествѣ кассаціонной инстанціи 613
Учрежденіе въ войскѣ станичныхъ судовъ . . . 614
Источники къ части III, главѣ II, исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска 617

Глава 3-я.

Финансовое положеніе Семирѣченскаго казачьяго войска съ 1880 по 1904 годъ.

Войсковыя денежныя средства 621
Порядокъ управленія войсковымъ капиталомъ по положенію 30 іюня 1879 года 621
Доходы 623
Расходы 627
Станичные общественные капиталы 632
Общій обзоръ съ 1880 по 1892 годъ 633
Общій обзоръ съ 1892 по 1904 годъ 636
Доходы 637
Расходы 639
Источники къ части III, главѣ III, исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска 645

Глава 4-я.

Развитіе войска.

Увеличеніе народонаселенія 646
Увеличеніе числа поселеній 649
Образованіе новыхъ поселеній и ростъ прежнихъ . . 652
Выселокъ Царицинскій 652
„ Хоргосскій 652
„ Мало Алматинскій 652
„ Николаевскій 653
„ Каргалинскій 653
Упраздненіе и возстановленіе выселка Аксуйскаго . 653
Обращеніе выселковъ Мало-Алматинскаго и Надеждинскаго въ станицы 654
Обращеніе выселка Любовнаго въ станицу Каскеленскую. 654
Образованіе выселка Каратальскаго и упраздненіе Царицинскаго 654
Вопросъ о казачьихъ поселеніяхъ на рѣкѣ Чу . . . 655
Возникновеніе при станицахъ городовъ, ихъ вліяніе на экономическое положеніе смежныхъ станицъ 659

Источники къ части III, главѣ IV исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска 663

Глава V-я.

Народное образованіе.

Краткій историческій очеркъ 665
Положеніе народнаго образованія въ Семирѣченскомъ войскѣ съ 1867 года 670
Источники къ части III, главѣ V исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска 681

Глава VI-я.

Экономическое положеніе населенія Семирѣченскаго казачьяго войска въ періодъ съ 1880 по 1904 годъ.

Земскія повинности въ войскѣ съ 1880 по 1904 г. . 683
Поземельный вопросъ съ 1880 года 684
Землеустройство съ внѣшней стороны. 685
Землеустройство въ самомъ войскѣ 696
Станичные юртовые надѣлы 696
Уравненіе душевыхъ надѣловъ въ поселеніяхъ. . . 704
Пути сообщенія 710
Ирригація 714
Земледѣліе 718
Скотоводство. Общій обзоръ 723
Коневодство 724
Пчеловодство 727
Садоводство и лѣсоводство. 730
Отхожіе и прочіе промыслы 732
Торговля 733
Обезпеченіе народнаго продовольствія. Обзоръ съ 1867 года. 735
Страхованіе отъ огня 741
Лѣса 745
Положеніе войска въ медицинскомъ и ветеринарномъ отношеніяхъ 750
Общій обзоръ экономическаго положенія семирѣченскихъ казаковъ 752
Источники къ части III, главѣ VI исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска 765

Глава VII-я.

Военныя силы войска и военная организація въ періодъ съ 1880 по 1904 годъ.

Военная организація съ 1880 г. 770

Лѣтопись военной организаціи. 1880 годъ 772
1883 годъ 773
1884 годъ 774
1885 годъ 774
1887 годъ 775
1888 годъ 775
1889 годъ 775
1891 годъ 776
1892 годъ 777
1893 годъ 778
1895 годъ 778
1897 годъ 778
1898 годъ 779
1899 годъ 779
1900 годъ 779
1902 годъ 780
Комплектованіе полевыхъ частей 782
Зимніе учебные сборы 783
Разверстка нарядовъ 784
Выкомандированіе на полевую службу 785
Комплектованіе льготныхъ частей 787
Лѣтніе учебные сборы 787
Оружіе и вооруженіе казаковъ 792
Снаряженіе молодыхъ казаковъ по дѣйствующему законодательству и въ дѣйствительности 795
Вспомогательные станичные капиталы и помощь казакамъ изъ другихъ источниковъ. 800
Снаряженіе льготныхъ казаковъ 802
Лѣтопись формъ снаряженія съ 1880 по 1904 годъ. . 804
1893 годъ 805
1895 годъ 805
Источники къ части III, главѣ VII исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска 807

Глава VIII-я.

Офицерскій составъ войска въ періодъ съ 1880 по 1904 годъ.

Составъ и комплектованіе 810
Служба офицеровъ 812
Матеріальное положеніе офицеровъ 814
Источники къ части III, главѣ VIII 822

Глава IX-я.

Войсковыя учрежденія.

Войсковая мастерская 825
Войсковой музыкантскій хоръ 826
Войсковая Александровская богодѣльня 828
Источники къ части III, главѣ IX 830

Глава X-я.

Войсковыя регаліи и депутаціи.

Войсковыя регаліи 831
Депутаціи отъ войска 832
Источники къ части III, главѣ X 834

Приложенія къ исторі и

№ 1. Таблица роста общественнаго капитала.
№ 2. Таблицы А. и Б. роста населенія войска.
№ 3. Свѣдѣнія о состояніи народнаго образованія.
№ 4. Таблица земли, съ подраздѣленіемъ ея по поселеніямъ, по качеству и проч.
№ 5. Таблица зернового хозяйства и его доходность.
№ 6. Таблица скотоводства въ войскѣ.
№ 7. Таблица пчеловодства.

ИСТОРІЯ

Семирѣченскаго казачьяго войска.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I-я

Географическій очеркъ.

Часть I-я.

Глава 1-я.

Географическій очеркъ.

Населенная территорія Семирѣченскаго казачьяго войска расположена въ средней и сѣверной частяхъ Семирѣченской области, гдѣ она разбросана болѣе или менѣе крупными участками въ Вѣрненскомъ, Джаркентскомъ, Копальскомъ и Лепсинскомъ уѣздахъ. **Общій обзоръ.**

Вслѣдствіе такого раздробленія войсковой территоріи,— здѣсь будетъ изложенъ географическій обзоръ средней и сѣверной частей Семирѣченской области, т. е. страны, заключающейся между горнымъ хребтомъ Тарбоготаемъ на сѣверѣ, озеромъ Иссыкъ-Куль на югѣ, озеромъ Балхашъ на западѣ и государственной границей съ Китаемъ на востокѣ. Расположившаяся въ этихъ предѣлахъ страна, по характеру своей поверхности, въ высшей степени разнообразна: въ ней высятся громаднѣйшіе горные хребты и стелятся необозримыя равнины; горные массивы прорѣзываются плодородными долинами, а равнины на огромныхъ протяженіяхъ заняты песчаными пустынями или покрыты мѣстами, солончаковыми и болотистыми пространствами.

На югѣ и западѣ страна прилегаетъ къ однимъ изъ величайшихъ въ мірѣ озерамъ Иссыкъ-Кулю и Балхашу, причемъ Балхашъ, своей восточной оконечностью, почти на 200 верстъ, врѣзается въ описываемую страну, какъ-бы и теперь еще стремясь по широкой полосѣ песковъ и болотъ возстановить свою былую связь съ озерами Сасыкъ-Куль, Уялы, Ала-Куль и др., которыя тянутся цѣпью къ извѣстной своими чудовищными вѣтрами Каптагайской тѣснинѣ.

Но среди всего этого разнообразія мѣстности рѣзко вы-

ступаютъ три горныхъ массива: Тарбоготай, Семирѣченскій или Джунгарскій Ала-тау и Заилійскій Ала-тау, въ долинахъ и у подножій которыхъ сосредоточилась вся культурная жизнь страны.

Горы.

Тарбоготай.

Тарбоготайская горная система представляетъ собственно западное отвѣтвленіе Алтайской и отдѣляется отъ нея широкою долиною рѣки Чернаго Иртыша и озера Зайсанъ. Тарбоготай ограничиваетъ съ сѣверо-востока ту обширную низменность, среди которой расположены озера: Балхашъ, Сасыкъ-Куль, Ала-Куль и др. За начало Тарбоготая можно считать незначительныя высоты на юго-востокѣ отъ станицы Сергіопольской, а конецъ, насколько онъ извѣстенъ, лежитъ въ китайскихъ предѣлахъ, въ сосѣдствѣ озера Улюнгуръ или Кызылъ-башъ.

Въ предѣлахъ Семирѣчья расположены только южные склоны системы, западнѣе перевала Хабаръ-асу*), поворотной точки государственной границы съ Китаемъ; сѣверные-же склоны и развѣтвленія Тарбоготая находятся въ Зайсанскомъ уѣздѣ Семипалатинской области.

Въ Семирѣченской части Тарбоготая, какъ и вообще во всей его системѣ, на западъ отъ перевала Хабаръ-асу, нѣтъ ни одной снѣжной вершины, хотя и есть пики до 9200 ф. высотою надъ уровнемъ моря. Эта часть Тарбоготая почти безлѣсна и бѣдна водными источниками, такъ что на всемъ своемъ протяженіи даетъ только двѣ рѣчки, достаточно многоводныхъ, чтобы добраться до озера Ала-куль—Урджаръ и Хатынъ-су (Кокъ-Терекъ), всѣ-же остальныя не имѣютъ столько воды и пропадаютъ безслѣдно въ пустынныхъ степяхъ. Исключеніе составляетъ еще рѣка Эмиль, тоже достигающая Ала-Куля, но рѣка эта беретъ начало уже въ китайскихъ владѣніяхъ.

Семирѣченскій (Джунгарскій) Ала-тау.

Семирѣченскій (Джунгарскій) Ала-тау ограничиваетъ съ юга и юго-востока ту-же обширную низменность, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ которой высится Тарбоготай, и представляетъ сѣверо-западное отвѣтвленіе Тянь-Шаня.

Главный хребетъ системы тянется почти вдоль 45 й параллели и здѣсь мы видимъ снѣжныя вершины на разстояніи болѣе 200 верстъ**). На западѣ хребетъ этотъ почти внезапно падаетъ у почтовой станціи (бывшій пикетъ) Акъ-ич-

*) Хабаръ-асу—по 40-ка верстной картѣ изд. 1892 г. военно-топографическаго отдѣла Главнаго Штаба и «Талды-асу» по Венюкову—Опытъ обозрѣнія русскихъ гриницъ въ Азіи 1873 г. стр. 327 и Костенко—Туркестанскій край т. I стр. 148. 1880 г.

**) Снѣжная линія проходитъ здѣсь на высотѣ почти 10,000 фут.

ке*), откуда уже идутъ къ западу лишь невысокіе холмы, скоро сливающіеся со степью; на востокѣ тоже явленіе представляетъ урочище Каптагай, гдѣ обрывъ хребта еще рѣзче.

Въ западной половинѣ между истоками рѣкъ Кокъ-су и Саръ-кана, отъ главнаго хребта начинаютъ отдѣляться слегка расходящіяся, но почти параллельныя вѣтви, большею частью значительной высоты и мало доступныя.

Самая южная и длинная изъ вѣтвей—хребетъ Кунгей-тау (Чулакъ-Аламанъ или Алтынъ Эмельскій), съ средней высотою въ 6000 футъ, доходитъ почти до самой рѣки Или, ограждая собою и своими южными развѣтвленіями Илійскую долину съ сѣвера. Въ этомъ хребтѣ имѣется удобный для колесной ѣзды горный проходъ Алтынъ-Эмельскій, расположенный на высотѣ 5963 футъ**), черезъ который и проходитъ почтовая дорога изъ г. Вѣрнаго въ городъ Джаркентъ и далѣе, въ китайскіе предѣлы, въ городъ Кульджу.

Снѣжные хребты Семирѣченскаго Алатау даютъ начало многимъ воднымъ источникамъ, а потому долины его сравнительно густо заняты русскими поселеніями, которыя сосредоточиваются въ его нижней лѣсной зонѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, кочуютъ и киргизы Средней Орды. Пространство между Каптагайскою тѣсниною и долиною рѣки Эмиль занимаютъ горы Барлыкъ и Орхочукъ; ихъ, до нѣкоторой степени, можно еще считать восточнымъ продолженіемъ Семирѣченскаго Ала-тау, но только меньшей высоты. Топографія этихъ горъ еще мало извѣстна.

Барлыкскія горы, повидимому, состоятъ изъ ряда параллельныхъ цѣпей. Джаирскій перевалъ черезъ эти горы, на дорогѣ изъ китайскихъ пограничныхъ городовъ Чугучака и Дорбулджина, въ китайскіе-же Шихо и Урумчи, хотя и весьма плоскій, но, однако, въ своихъ высшихъ точкахъ достигающій 5945 ф. надъ уровнемъ моря,—показываетъ, что средняя высота Барлыка не должна быть менѣе 6000 футъ. Съ Барлыка стекаетъ нѣсколько рѣчекъ, но всѣ онѣ такъ незначительны, что почти ни одна изъ нихъ не достигаетъ Ала-Куля, теряясь въ его прибрежной унылой степи.

Барлыкъ извѣстенъ въ Семирѣчьѣ своими минеральными источниками, находящимися на западномъ склонѣ горъ, въ Лепсинскомъ уѣздѣ. Неустроенность путей сообщенія въ этой части области и отдаленность источниковъ отъ населенныхъ

*) На почтовой дорогѣ изъ гор. Вѣрнаго въ гор. Копалъ, первая станція въ 27 верстахъ отъ гор. Копала.

**) Костенко, «Туркестанскій край». Каталогъ барометрически опредѣленныхъ высотъ.

пунктовъ, усложняющая вопросъ продовольствія больныхъ, затрудняютъ пользованіе источниками.

Заилійскій Ала-тау.

Заилійскій Ала тау, собственно одно изъ западныхъ отвѣтвленій исполинской цѣпи Тянь-Шань,- располагается между озеромъ Иссыкъ-Куль и долиною рѣки Или и представляетъ одинъ изъ типичныхъ складчатыхъ хребтовъ системы Тянь-Шаня. Заилійскій Ала-тау состоитъ изъ двухъ длинныхъ, высокихъ, почти параллельныхъ, цѣпей, извѣстныхъ подъ именами сѣвернаго и южнаго гребня. Южный гребень называется еще и Кунгей-Ала-тау. Обѣ эти цѣпи почти на меридіанѣ средины озера Иссыкъ-Куль связаны громаднымъ гранитнымъ массивомъ Чилико-Кебинскимъ горнымъ узломъ, который раздѣляетъ долину, образовавшуюся между цѣпями, на двѣ продольныя долины: по западной изъ нихъ течетъ рѣка Большой-Кебинъ, притокъ рѣки Чу, а по восточной—рѣка Чиликъ—притокъ Или.

Сѣверный и южный хребты Заилійскаго Ала-тау слегка и постепенно, расходятся въ своихъ восточныхъ и западныхъ оконечностяхъ, а въ расширившуюся такимъ образомъ продольную долину входятъ небольшіе промежуточные кряжи, параллельные съ двумя главными хребтами.

Восточный промежуточный кряжъ Далашикъ,—достигающій 7835 фут средней высоты, а въ отдѣльныхъ вершинахъ и 9530 футъ—отдѣляетъ долину рѣки Чилика отъ болѣе короткой долины его-же притока рѣки Дженышке.

Западный промежуточный кряжъ-Учь-Конуръ - раздѣляетъ долины рѣкъ Большого и Малаго Кебина, притоковъ рѣки Чу

Сѣверный гребень Заилійскаго Ала-тау представляетъ непрерывный кряжъ, въ средней своей части возвышающійся за предѣлы вѣчныхъ снѣговъ и нѣсколько понижающійся въ своихъ оконечностяхъ, прорванный въ восточной своей части ущельями рѣкъ Чилика и Нарына, горный кряжъ между которыми носитъ названіе Туръ-айгыръ.

Западная часть сѣвернаго хребта, отъ меридіана западной оконечности озера Иссыкъ-Куль, начинаетъ уклоняться къ сѣверо-западу, понижаясь постепенно, минуетъ южную оконечность озера Балхашъ уже сплошною волнистою возвышенностью и теряется затѣмъ въ прибалхашскихъ степяхъ Семипалатинской области.

Эту часть сѣвернаго Заилійскаго Ата-тау—отъ горнаго узла, раздѣляющаго истоки рѣкъ Большого Кебина и Чилика можно разсматривать, какъ высокій горный водораздѣлъ между бассейнами озера Балхашъ и рѣки Чу, направляющейся къ Аральскому морю.

Почти противъ только что упомянутаго горнаго узла и близъ станицы Софійской возвышается Талгарнынъ-талъ-чеку или гора Талгаръ—высшая точка сѣвернаго гребня, достигающая 15000 футъ надъ уровнемъ моря, покрытая вѣчными снѣгами. Отъ этого пика сѣверный гребень понижается постепенно въ обѣ стороны. Вѣчные снѣга располагаются на немъ верстъ на 50 по сторонамъ Талгарскаго пика, да и то на южномъ склонѣ хребта снѣгъ лежитъ далеко не непрерывнымъ покровомъ; остальныя же высокія вершины сѣверной гряды Заилійскаго Ала-тау покрыты только пятнами вѣчнаго снѣга, такъ что весь гребень вполнѣ оправдываетъ свое названіе Ала-тау, т. е. пестрыхъ горъ. Средняя высота этой гряды опредѣляется въ 8600 футъ, а снѣжная линія проходитъ здѣсь на высотѣ 11000 футъ.

Южный гребень Заилійскаго Ала-тау, начинающійся отъ Буамскаго ущелья, по строенію своему довольно сходенъ съ сѣвернымъ, но только въ своей средней части нѣсколько ниже его, зато менѣе понижается на оконечностяхъ, а попотому средняя высота южнаго гребня —8800 футъ—нѣсколько превосходитъ высоту сѣвернаго.

Южный гребень поднимается со стороны Иссыкъ-Куля такою крутою стѣной, что почти не имѣетъ ни передовой цѣпи, ни предгорій, а только короткіе и быстро понижающіеся контрфорсы.

Геогностическое строеніе.

Относительно геогностическаго строенія горъ Семирѣчья изслѣдованія горныхъ инженеровъ Мушкетова, Романовскаго и др. обнаружили, что породы, слагающія ихъ, весьма разнообразны, но, кромѣ образованій чисто осадочныхъ, преобладаютъ породы массивно-кристаллическія (граниты, сіениты, гнейсы, кварцевые и ортоклазовые порфиры, фельзиты) и метаморфическія (глинистые и кремнистые сланцы, кристаллическіе известняки, кварциты, туфы*).

Какъ самый Тянь Шань, такъ и его западныя продолженія Семирѣченскій и Заилійскій Ала-тау, долгое время считались заключавшими въ себѣ множество вулкановъ. Еще путешественники XVIII-го столѣтія много разсказывали о горящихъ горахъ въ Тянь-Шанѣ. Со времени Гумбольта вопросъ о вулканизмѣ Тянь-Шаня былъ окончательно рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Но когда русскіе изслѣдователи проникли въ самыя заповѣдныя области горъ Тянь-Шаня, то этотъ вопросъ получилъ уже обратное рѣшеніе, т. е. что въ изслѣдованныхъ въ этомъ отношеніи частяхъ Тянь-Шаня,

*) Геологическая карта Туркестанскаго края Мушкетова и Романовскаго изд. 1884 года.

главнымъ образомъ въ Семирѣченскомъ и Заилійскомъ Ала-тау, нѣтъ не только дѣйствующихъ вулкановъ, но даже и сольфатаръ *), къ разряду которыхъ были причисляемы раньше горы Куулукъ (въ восточн. части Кунгей Ала-тау, по рѣкѣ Чарыну) и Кату—близь города Кульджи. При ближайшемъ изслѣдованіи этихъ горъ оказалось, что предположеніе о вулканизмѣ ихъ обязано своимъ происхожденіемъ подземнымъ пожарамъ залежей каменнаго угля. **)

Ископаемыя богатства. Изъ полезныхъ ископаемыхъ здѣсь извѣстны мѣсторожденія: въ Заилійскомъ Ала-тау: золота—въ верховьяхъ рѣки Кегень (притокъ Чилика) въ двухъ пунктахъ и въ верховьяхъ рѣки Кетьмень,—въ горахъ Кетьмень.

Серебра—тамъ-же, между притоками Кегеня, рѣкъ Кумырчи и Кара-Аиши,

Свинцовыя руды: въ горахъ Тимирликъ, къ югу отъ выселка Подгорнаго, и между истоками рѣчекъ Таргапа и Кастека.

Марганца—въ верховьяхъ рѣкъ Акъ-сая и Каргалинки, къ юго-западу отъ города Вѣрнаго. Добыча извести и ломки колыбташа въ горахъ, близь станицы Каскеленской. ***)

Въ Семирѣченскомъ Ала-тау: золота въ двухъ мѣстахъ: по рѣкѣ Тентекъ, вблизи селенія Учь-Аралъ и мѣжду рѣчками Тентекъ и Джаманты, къ юго-юго-западу отъ селенія Колпаковскаго.

Желѣзнаго блеска и магнитнаго желѣзняка—въ горахъ Кара,—къ юго-востоку отъ горсда Копала и въ горахъ Кату-тау,—на правомъ берегу рѣки Или, противъ устья Чарына.

Бураго и глинистаго желѣзняка—въ верховьяхъ рѣки Каратала.

Каменнаго и бураго угля: въ горахъ—Алтуайтъ и Кеденъ, въ системѣ рѣки большой Биже, въ горахъ Кату-тау и Калканъ—на правомъ берегу рѣки Или.

Свинцовыя руды: вблизи Джаманъ-Алтынъ-Эмельскаго перевала въ горахъ Чулакъ и въ горахъ Калканъ.

Мраморъ—въ Джаманъ-Алтынъ-Эмельскомъ перевалѣ, богатыя ломки. ****)

---

*) Сольфатара—вулканъ, вступившій въ ту фазу, которую проходятъ многіе вулканы на пути къ полному покою. Сольфатары обыкновенно выдѣляютъ сѣроводородъ и сернистый газъ.

**) Исторія земли М. Неймайръ,—Геологія, стр. 173, 229 и 230 Мушкетовъ. Краткій отчетъ о геологическомъ путешествіи по Туркестану 1875 г.

***) Калыбташъ—мягкій камень, пригодный для скульптурныхъ работъ.

****) Костенко. Очерки Семирѣченскаго края. Военный сборникъ № 11—1872 г.

Калыбташъ, аметистъ и др. минералы—въ горахъ Чулакъ, вблизи и на югъ отъ Карачекинской почтовой станціи, по дорогѣ изъ Вѣрнаго въ Копалъ.

Въ Тарбоготаѣ:

Мѣдныя руды,—по рѣкѣ Аягузу—въ верховьяхъ, а затѣмъ и вблизи станицы Сергіопольской, къ сѣверо-востоку отъ нея; въ трехъ пунктахъ въ горахъ Чингизъ-тау, къ западу отъ Сергіополя и здѣсь-же въ двухъ пунктахъ—свинцовыя руды.

Каменный и бурый уголь въ горахъ по верхнему теченію рѣки Аягуза и вблизи перевала Су-асу въ верховьяхъ рѣки Кусакъ (притокъ Урджара). *)

Вообще-же горныя богатства области мало изслѣдованы и ожидаютъ еще изученія не только съ промышленными, но и съ научными цѣлями, такъ какъ только два ученыхъ,—горные инженеры Мушкетовъ и Романовскій,—совершили здѣсь поѣздки для ознакомленія съ геологическимъ строеніемъ края, но не видѣли многихъ его мѣстностей и не имѣли въ своемъ распоряженіи достаточно времени для полнаго его изученія. **)

Многія изъ извѣстныхъ мѣсторожденій разрабатывались туземцами еще до появленія въ странѣ русскихъ, но тѣмъ не менѣе ни одно производство не достигало до широкихъ размѣровъ. По приходѣ русскихъ разработка полезныхъ ископаемыхъ не усилилась, а, напротивъ, даже уменьшилась, такъ какъ туземцы бросили свои работы (исключеніе—соль) а русскіе- полезныя ископаемыя начали привозить изъ Европ. Россіи и Сибири.

Такое положеніе горной промышленности обусловливается малою населенностью и малою культурою края. Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ въ выводѣ, что гораздо выгоднѣе привезти нужныя ископаемыя изъ Россіи или Сибири, чѣмъ строить для ихъ обработки заводы на мѣстѣ, которые, въ данное время, никоимъ образомъ не оправдаютъ затраты на нихъ. Да и кромѣ того, извѣстныя мѣсторожденія, напримѣръ, золота, какъ самаго цѣннаго металла, повидимому, настолько незначительны, что единственный въ Семирѣченской области золотопромывательный пріискъ, въ верхсвьяхъ рѣки Кетьмень, въ Джаркентскомъ уѣздѣ, въ 1903 году изъ 900 тысячъ пу-

*) Геологическая карта Туркестанскаго края Мушкетова и Романовскаго, 1884 г.

**) Обзоръ Семирѣченской области за 1882 г. стр. 9.

довъ промытаго песку далъ только 8 съ небольшимъ фунтовъ золота *).

Для развитія горной промышленности, которой по обилію рудныхъ и минеральныхъ мѣсторожденій несомнѣнно предстоитъ большая будущность, важно было-бы открытіе и разработка каменнаго угля въ Илійской долинѣ. Геологическое и топографическое строеніе этой долины даетъ полную вѣроятность, что мощные каменно-угольные пласты, залегающіе въ горахъ по обоимъ берегамъ рѣки Или, въ китайскихъ владѣніяхъ, продолжаются и въ нашихъ предѣлахъ. Это подтверждается признаками и выходами каменнаго угля въ горахъ Кату-тау и Калканъ, затѣмъ на сѣверъ отъ Чингильдинскаго пикета, къ рѣкамъ Биже и Макуру **) и пожарами залежей каменнаго угля въ горахъ Куулукъ по р. Чарыну.

Землетрясенія.

Совершенное отсутствіе вулканизма въ горахъ, наполняющихъ Семирѣчье, не исключаетъ, однако, дѣятельности иныхъ силъ въ нѣдрахъ земной коры, дѣятельности, вызывающей здѣсь сотрясеніе земной поверхности. Землетрясенія такъ часты въ описываемой странѣ, что населеніе почти привыкло къ нимъ и сотрясенія, непричиняющія видимыхъ разрушеній, почти не обращаютъ на себя вниманія и считаются чѣмъ-то совершенно обычнымъ Такое отношеніе къ землетрясеніямъ удерживалось здѣсь до 22 іюля 1885 г., когда сильно пострадало селеніе Бѣловодское. Съ этого времени началъ циклъ разрушительныхъ землетрясеній, особенная сила которыхъ проявилась 28 мая 1887 года. Въ этотъ памятный день былъ разрушенъ землетрясеніемъ лучшій и самый многолюдный въ Семирѣчьѣ гор. Вѣрный

Вся Россія была взволнована страшными послѣдствіями катастрофы и отовсюду стекались пожертвованія пострадавшимъ. Мрачныя воспоминанія о минувшемъ событіи никогда не исчезнутъ изъ памяти пережившихъ его.

Землетрясеніе разразилось внезапно надъ спящимъ городомъ.

28 мая, въ 4 часа 35 минутъ утра, раздался сильный подземный гулъ и почувствовался рѣзкій толчекъ, разбудившій спавшихъ, но, привычные къ такимъ явленіямъ, обитатели скоро успокоились и не сочли это за начало грядущей катастрофы. Но чрезъ нѣсколько минутъ прокатился второй гулъ, а за нимъ послѣдовали сильные подземные удары, начали сыпаться штукатурка, рушиться печи и стѣны,

(*) Обзоръ Семирѣченской области за 1903 годъ стр. 20.

**) Обзоръ Семирѣченской области 1882 г. стр. 8 и 9.

падать потолки *). Шумъ и грохотъ разрушившагося города былъ ужасенъ, а поднявшаяся пыль наполнила улицы, какъ-бы туманомъ. Среди населенія распространилась всеобщая, неподдающаяся описанію, паника. Подземные удары и сотрясенія продолжались съ нѣкоторыми промежутками цѣлый день;—поврежденныя и расшатанныя первыми ударами стѣны домовъ не выдерживали новыхъ толчковъ и обрушивались, то здѣсь, то тамъ погребая подъ развалинами неосторожныхъ, старавшихся спасти изъ строеній болѣе цѣнное или болѣе необходимое имущество.

Убытки, причиненные землетрясеніемъ, весьма значительны. Въ самомъ городѣ изъ 1799 домовъ уцѣлѣлъ совершенно только одинъ, а въ окрестныхъ селеніяхъ изъ 3373 разрушено 994. Общую потерю оцѣниваютъ слишкомъ въ 2½ милліона рублей.

Какъ это не удивительно при такомъ размѣрѣ бѣдствія, но число человѣческихъ жертвъ оказалось сравнительно не большимъ: всего убитыхъ и умершихъ отъ ушибовъ было 332 человѣка.

Землетрясеніе это не только разрушило городъ Вѣрный, но произвело массу опустошеній и въ Заилійскомъ Ала-тау, особенно въ долинѣ рѣки Акъ-сая, гдѣ силы землетрясенія развернулись наиболѣе грозно; громадные обвалы гранитныхъ скалъ, уничтоженный лѣсъ и неисчислимые оползни, обвалы и осыпи, испестрившіе сѣверный склонъ Ала-тау на протяженіи 100 почти верстъ, достаточно свидѣтельствуютъ о разрушительной силѣ и размѣрахъ этого страшнаго явленія природы, ощущавшагося на пространствѣ 27000 квадратныхъ географическихъ миль, съ площадью наибольшаго разрушенія въ 100 квадратныхъ географическихъ миль.

Въ 1889 году землетрясеніе снова повторилось, но уже не съ тою силой и центромъ наибольшаго напряженія было селеніе Зайцевское (Чиликъ).

Геологъ Мушкетовъ, командированный во главѣ цѣлой экспедиціи, для изученія и опредѣленія причинъ Вѣрненскаго землетрясенія, въ своемъ отчетѣ по этому поводу говоритъ: „Изслѣдованіе Вѣрненскаго землетрясенія 28 мая 1887 года доставило цѣлый рядъ доказательствъ въ пользу того,

*) Строенія въ гор. Вѣрномъ до этого землетрясенія были изъ кирпича, у рѣдкихъ изъ горожанъ имѣлись деревянныя; только въ смежныхъ съ городомъ станицахъ Большой и Малой Алматинскихъ, а точно также и въ окрестныхъ Каскеленской и Софійской (Талгаръ), какъ выстроенныхъ еще до возникновенія г. Вѣрнаго и до воспрещенія постройки домовъ изъ дерева—большинство строеній было деревянныхъ.

что не только оно само, но и почти всѣ сколько нибудь значительныя землетрясенія Туркестана, въ томъ числѣ и Бѣловодское 22 іюля 1885 года, принадлежатъ къ тектоническимъ землетрясеніемъ, тѣсно связаннымъ съ дислокаціею *) Тянь-Шаня.

Основная причина Вѣрненскаго землетрясенія въ частности—кроется въ движеніи горныхъ массъ Заилійскаго Алатау, происходящемъ или вслѣдствіе опусканія отдѣльныхъ частей по трещинамъ сбросовъ и сдвиговъ, или вслѣдствіе горизонтальнаго стяженія, увеличивающаго интенсивность горныхъ складокъ, причемъ разрывъ сплошности въ мѣстахъ наибольшаго растяженія или на перегибахъ складокъ сопровождается ударомъ, вызывающимъ сотрясенія поверхности" **).

Лѣса. Лѣса въ Семирѣчьѣ располагаются только въ горахъ. Въ долинахъ и равнинахъ страны древесная растительность, въ видѣ разныхъ кустарниковъ, встрѣчается только по русламъ рѣкъ.

Семирѣченскій и Заилійскій Ала-тау, подобно всѣмъ горамъ степной полосы Азіи, имѣютъ то свойство, что на южныхъ покатостяхъ горныхъ кряжей нигдѣ нѣтъ лѣса, а древесная растительность встрѣчается только на покатостяхъ, обращенныхъ къ сѣверу, да и то лишь, преимущественно, по ущельямъ рѣчекъ, вытекающихъ изъ подъ снѣга. Гдѣ-же вершины горъ безснѣжны въ теплое время года—тамъ нѣтъ и лѣсовъ. Въ общемъ выводѣ лѣса прекращаются совершенно на высотѣ около 9200 футъ кверху и 2000 футъ надъ моремъ книзу, за исключеніемъ яблони, мѣстами дикаго абрикоса, рябины, боярышника, облепихи, тополя, тала, мѣстами ясеня и проч., которые спускаются и въ подгорныя долины, держась вдоль рѣкъ.

Хвойные лѣса Семирѣчья состоятъ главнымъ образомъ изъ ели съ очень рѣдкой, и далеко не повсемѣстной, примѣсью пихты. Ель, представляющая собою почти единственную древесную породу, идущую здѣсь на постройки, располагается въ верхнихъ частяхъ горъ, а ниже ея произрастаютъ обыкновенно, но не вездѣ и не въ одинаковой степени, осина и береза.

Горные лѣса области, по крайне приблизительному исчисленію, занимаютъ всего лишь до 200 тысячъ десятинъ ***).

---

*) «Дислокація» обозначаетъ въ геологіи—перемѣщеніе земной коры, т. е. движеніе въ ней.

**) И. В. Мушкетовъ, «Вѣрненское землетрясеніе 28 мая 1887 г.» Труды геологическаго комитета т. X, № 1, стр. 137 и 138.

***) Семирѣченскаго Областного Управленія государственными имуществами—отчетъ за 1903 г. лѣсное хозяйство и садоводство, стр. 1-я.

Въ виду такой незначительности этихъ лѣсовъ, значеніе ихъ для страны весьма важно. Прежде всего они являются единственными источниками удовлетворенія потребности въ строевомъ лѣсѣ, которая сравнительно велика, такъ какъ въ странѣ, подверженной землетрясеніямъ, только деревянныя строенія, какъ болѣе устойчивыя, гарантируютъ наибольшую безопасность въ нихъ.

Въ странѣ-же, вся жизнь и культура которой возможны лишь при искусственномъ орошеніи и гдѣ источникомъ орошенія являются горные потоки, лѣса эти, регулируя таяніе горныхъ снѣговъ и задерживая быстрый токъ дождевыхъ водъ, имѣютъ несомнѣнно величайшее водохранное значеніе.

Хвойные лѣса Семирѣчья тянутся иногда по горамъ на десятки верстъ или располагаются отдѣльными, болѣе или менѣе значительными, группами, но, во всякомъ случаѣ, названіе лѣса въ русскомъ смыслѣ этого слова къ нимъ нейдетъ. Деревья отстоятъ другъ отъ друга на значительныхъ разстояніяхъ и рѣдко гдѣ связаны между собою подлѣскомъ. Они почти нигдѣ не образуютъ дремучей чащи нашихъ русскихъ лѣсовъ и не представляютъ никакого серьезнаго препятствія для движенія, дозволяя не только пѣшему, но даже и конному, почти свободно двигаться въ нихъ. Препятствіями въ этомъ случаѣ являются главнымъ образомъ крутизна и прихотливый рельефъ горныхъ склоновъ да обнаженные корни деревьевъ, нерѣдко значительно приподнявшіеся надъ поверхностью скатовъ.

Скудность и легкая доступность лѣсныхъ порослей въ горахъ Семирѣчья служила одною изъ самыхъ важныхъ причинъ малаго, почти ничтожнаго сопротивленія, встрѣченнаго русскими войсками при ихъ наступательномъ движеніи въ глубину горъ. Наибольшее противодѣйствіе было встрѣчено въ прилегающихъ степяхъ, на равнинахъ, при овладѣніи крѣпостями, и въ полевыхъ битвахъ, а наименьшее въ горахъ, ибо горы не могли дать надежнаго укрытія своимъ защитникамъ, такъ какъ непріятель не могъ пользоваться лѣсами и стрѣлять изъ *опушекъ*, также точно, какъ и не могъ препятствовать нашему движенію, устраивая *заськи*. Русскимъ войскамъ никогда здѣсь въ горной войнѣ не приходилось сталкиваться съ необходимостью дѣлать лѣсныя просѣки.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ наши военныя дѣйствія въ Семирѣчьѣ представляютъ совершенную противоположность съ военными дѣйствіями на Кавказѣ.

Равнины и долины.

Почти половину площади описываемой страны занимаетъ равнина, раскинувшаяся отъ береговъ Балхаша на западѣ,

до Семирѣченскаго Ала-тау на востокѣ, отъ Тарбоготая на сѣверѣ и до Заилійскаго Ала-тау на югѣ. Характеръ-же равнины носитъ и большая часть Илійской долины.

Равнины. Семирѣченскія равнины—унылыя печальныя степи. Не говоря уже про обширные пески по нижнимъ и среднимъ частямъ рѣкъ Или, Каратала, Лепсы, Аягуза, т. е. про пустыни, сосѣднія Балхашу, можно сказать, что и равнина между Тарбоготаемъ и Семирѣченскимъ Ала-тау есть страна годная только для рѣдкаго кочевого населенія и то лишь въ извѣстныя времена года. Исключеніе здѣсь составляютъ только подгорныя полосы, мѣстами верстъ до 6-ти, рѣдко 15-ти, шириною, преимущественно у выхода изъ горъ рѣчекъ, гдѣ возможность искусственнаго орошенія дѣлаетъ почву довольно плодородной.

Обширныя болота, заросшія камышемъ, и кочковатые пески наполняютъ необозримую ложбину озеръ Ала-Куля, Уялы и Сасыкъ Куля. Вся эта равнина несомнѣнно представляетъ дно прежняго громаднаго моря, остатками котораго и являются озера: Балхашъ, Сасыкъ-Куль и др., связанныя и донынѣ широкою полосою песковъ и болотъ, часть которыхъ понимается весенними водами.

Здѣсь даже по почтовой дорогѣ,*) проведенной въ возможно выгодномъ направленіи, встрѣчается около ста верстъ пути по странѣ безводной и почти лишенной растительности. Только на юго-востокъ отъ выселковъ Басканскаго и Аксуйскаго (на той-же почтовой дорогѣ) къ сторонѣ горъ, по рѣчкамъ Саркану, Баскану и Лепсѣ располагаются культурныя земли.

На западъ-же отъ рѣки Каратала и до послѣднихъ сѣверо-западныхъ отвѣтвленій Заилійскаго Ала-тау, раскинулась песчаная низменность, которая во всей своей безотрадности простирается до Балхаша, подступая къ нему то необозримыми песками, то камышами особенно въ устьяхъ рѣкъ, а на востокѣ тянется вдоль рѣки Или и частью переходитъ въ Китай. Тутъ, не смотря на равнинный характеръ мѣстности, между выселкомъ Илійскимъ и станціей Сарыбулакъ**), не было даже возможности проложить дорогу по прямой линіи потому, что страна безводна, и направленіе пути пришлось отнести далеко на востокъ, къ станціи Алтынъ-Эмельской и выселкамъ Кугалинскому и Царицинскому, лежащимъ въ горныхъ

*) Магистральная—изъ г. Вѣрнаго, чрезъ Копалъ, станицу Сергіопольскую въ Семипалатинскъ.

**) Сарыбулакъ на той-же почтовой дорогѣ, вторая станція въ 55 верстахъ отъ Копала на Вѣрный.

долинахъ. Но и по этому послѣднему направленію не удалось совершенно избѣгнуть песковъ, такъ какъ ближайшія къ рѣкѣ Или мѣстности представляютъ почти сплошную, большей или меньшей ширины, песчаную полосу, гдѣ, даже непосредственно у воды, часто ничего не растетъ

Совершенно иной характеръ носитъ вся подгорная полоса равнины за весьма немногими исключеніями. Вытекающія съ горъ рѣки, рѣчки и ручьи даютъ возможность искусственнаго орошенія, которое дѣлаетъ почву плодородной, а потому въ этой полосѣ, у подножія горъ, и сосредоточена вся культурная жизнь страны.

Ширина культурной подгорной полосы равнины весьма разнообразна, колеблясь отъ одной до 10 и даже мѣстами до 15 и болѣе верстъ. Въ сѣверной подгорной полосѣ Заилійскаго Ала-тау, междудолинныя пространства, стекающихъ съ горъ рѣкъ, заняты болѣе или менѣе значительными полосами лёсса и лёссоваго суглинка, за исключеніемъ пространства между рѣками Чиликомъ и Чарыномъ, гдѣ присутствіе лёсса не обнаружено.

Въ подгорной полосѣ Семирѣченскаго Ала-тау площади лёсса встрѣчаются почти только въ долинахъ рѣкъ: Лепсы—въ надѣлѣ станицы Лепсинской, Каратала—близь выселка Карабулакскаго и въ долинѣ рѣки Больш. Биже (притокъ Каратала) у сліянія съ Малой Биже

Подгорная полоса Тарбагатая еще бѣднѣе въ этомъ отношеніи—здѣсь лёссъ встрѣчается только въ системѣ рѣки Урджара, Лёссовая почва, при условіяхъ искусственнаго орошенія, является едва ли не самой благодарной, а потому совершенно понятной становится та почти неистощимая сила плодородія полей подгорной полосы Илійской долины, гдѣ безъ всякаго удобренія, уже много лѣтъ подъ-рядъ, даютъ урожаи пшеница и прочіе злаки.

Такой удобной культурной полосы, однако, лишена южная сторона Семирѣченскаго Ала-тау, обрамляющаго съ сѣвера Илійскую долину. Здѣсь, начиная отъ поворота на сѣверо-сѣверо-западъ рѣки Или, близь выселка Илійскаго и почти до рѣки Борохудзиръ, т. е. на пространствѣ не менѣе 200 верстъ, подгорная полоса представляетъ, выжженную солнцемъ, засыпанную щебнемъ и крупнымъ пескомъ, пустыню.

Почти тотъ-же характеръ носитъ и южная подгорная полоса Кунгей-Алатау, обращенная къ озеру Иссыкъ-Куль.

Горы Семирѣчья изрѣзаны множествомъ поперечныхъ и продольныхъ долинъ, высота которыхъ надъ уровнемъ моря безконечно колеблется. **Долины.**

Главныя поперечныя долины начинаются обыкновенно около хребта и, направляясь къ подножію горъ, переходятъ въ настоящія долины размытія со множествомъ съуженій до тѣснины и расширеній. Бока такихъ долинъ преимущественно скалисты, часто отвѣсны, почему эти долины по мѣстному и называются „щелями". По дну щелей, нерѣдко заваленному обломками скалъ, почти всегда стремятся горные потоки, бурливые, со множествомъ водопадовъ.

Продольныя долины тянутся обыкновенно параллельно главному хребту на нѣсколько десятковъ, а иногда и сотни верстъ и онѣ всегда составляютъ начало рѣчныхъ бассейновъ и въ большинствѣ случаевъ, заканчиваются скалистымъ ущельемъ—тѣсниною.

Культурная пригодность долинъ, кромѣ почвы, находится въ полной зависимости отъ ихъ направленія, высоты надъ уровнемъ моря и орошенія: въ однихъ вызрѣваетъ виноградъ, а другія лишь годны, какъ пастбища. Почву горныхъ долинъ въ ихъ верхнихъ, а часто и среднихъ, частяхъ составляютъ обыкновенно продукты выноса водъ: гравій и валуны съ глинистой прослойкой. Поверхность такого конгломерата обыкновенно ничѣмъ не прикрыта, но, съ расширеніемъ долины и ея приближеніемъ къ подножію горъ, на поверхности начинаетъ появляться пскровъ изъ минеральныхъ и органическихъ отложеній, слой которыхъ, съ дальнѣйшимъ пониженіемъ долины, становится все толще и толще, обращается въ продуктивную почву, а конгломератъ каменистыхъ отложеній переходитъ въ подпочву долины. Такимъ образомъ создается возможность кочевой или осѣдлой жизни въ долинѣ

Животный міръ. Представителями животнаго міра въ Семирѣчьѣ являются: тигры и барсы почти исключительно въ Илійской долинѣ, рыси, дикія кошки, медвѣди, волки, лисицы, куницы, хорьки, горностаи, сурки, барсуки, зайцы, дикія козы, горные бараны (архары), маралы (южный олень) и кабаны.

Въ настоящее время тигры, барсы и рыси стали сравнительно рѣдки, да и вообще количество звѣрей замѣтно уменьшилось и уменьшается съ каждымъ годомъ.

Изъ пернатыхъ представителей обращаютъ на себя вниманіе: грифы, достигающіе весьма почтенныхъ размѣровъ, орлы, беркуты, соколы, коршуны, масса разновидностей ночныхъ хищниковъ, лебеди, гуси, утки многихъ породъ, фазаны, улары, дрофы и очень много другихъ.

Рѣки и озера. Всѣ рѣки Семирѣчья принадлежатъ къ четыремъ воднымъ бассейнамъ:

Рѣки. 1). Бассейнъ Аральскаго моря—рѣка Чу.

2). Бассейнъ озера Балхашъ: рѣки Или, Караталъ, Акъ-су Лепса и Аягузъ.

3). Байссенъ озера Ала-Куль: рѣки Урджаръ, Хатынъ—су (Кокъ-тамъ) и Эмиль.

4). Бассейнъ озера Иссыкъ-Куль: рѣки Джергаланъ, Тюпъ и множество мелкихъ, впадающихъ въ озеро со всѣхъ сторонъ.

Всѣ эти рѣки замѣчательны своей быстротою, которая объясняется высокимъ положеніемъ ихъ истоковъ, вслѣдствіе чего рѣки, даже и по выходѣ на равнину, т. е. дѣлаясь изъ горныхъ степными, всетаки продолжаютъ еще на нѣкоторомъ пространствѣ течь сравнительно быстро.

Судоходныхъ нѣтъ; даже самая большая—Или можетъ быть отнесена только къ сплавнымъ.

Кромѣ этого недостатка, рѣки Семирѣчья обладаютъ еще и другимъ—онѣ лежатъ поперекъ торговыхъ путей въ Сибирь, Ташкентъ и Кашгаръ, являясь, такимъ образомъ не помощью, а затрудненіемъ на путяхъ сообщенія, особенно во время разлива водъ.

Высота воды въ рѣкахъ замѣчательно измѣнчива, не только по времени года, но даже и въ теченіе сутокъ. Питаясь снѣгами, рѣки весною, а нѣкоторыя только къ срединѣ лѣта, сильно наполняются водою и разливаются.

Таяніе-же снѣговъ является причиной поднятія уровня водъ послѣ полудня, вслѣдствіе, чего многія горныя рѣки, проходимыя вбродъ съ утра до полудня, непроходимы послѣ полудня до утра.

Такая измѣнчивость воднаго уровня рѣкъ крайне затрудняетъ постройку и содержаніе на нихъ мостовъ.

Если рѣки страны лишены значенія водныхъ путей, за то для земледѣлія онѣ имѣютъ величайшую и первостепенную важность. Располагаясь своими верхними и средними частями на значительныхъ покатостяхъ, онѣ даютъ полную возможность пользоваться водами ихъ для искусственнаго орошенія полей, безъ чего урожай въ Семирѣчьѣ болѣе чѣмъ сомнителенъ.

Нижнія-же части теченія рѣкъ, распопагающіяся въ равнинѣ, не имѣютъ никакого значенія для искусственнаго орошенія, такъ какъ устройство канализаціи въ равнинѣ, т. е. на мѣстности съ ничтожнымъ уклономъ—является или совершенно невозможнымъ, или крайне дорогимъ.

Такимъ образомъ, имѣютъ существенное значеніе только верхнія и среднія части теченія названныхъ главныхъ рѣкъ, а нижнія служатъ только кочевникамъ, какъ пункты добычи

воды въ пустынѣ для людей и скота, а для русскихъ, какъ мѣста рыболовли.

Всѣ-же второстепенныя и болѣе мелкія рѣки и рѣчки, въ огромномъ большинствѣ—притоки главныхъ и всецѣло служатъ для орошенія.

Въ Семирѣчьѣ, какъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Азіи, есть немало рѣкъ, совсѣмъ не имѣющихъ устья, т е. на столько маловодныхъ, что онѣ не могутъ достигнуть ни главной рѣки, ни какого либо озера и почти безслѣдно теряются въ пустынной равнинѣ.

Р. Чу. Р. Чу только частями своего верхняго и средняго теченія проходитъ по описываемой странѣ. Имѣя истоки въ предѣлахъ Семирѣченской области, Чу составляется собственно изъ сліянія двухъ рѣчекъ. восточнаго Кара-гола и Суіока и въ верховьяхъ называется Кочкаръ. Передъ самымъ выходомъ изъ Буамскаго ущелья, отдѣляющаго Александровскій хребетъ отъ Заилійскаго Кунгей-Алатау, Чу принимаетъ съ правой стороны довольно многоводный притокъ Большой Кебинъ. Не доходя до селенія Токмакъ, рѣка дробится по долинѣ на множество рукавовъ, которые начинаютъ собираться въ одно русло только верстахъ въ 5 за Токмакомъ и рѣка становится возможною для сплава, а еще верстъ 15 ниже—и по рѣкѣ могутъ ходить крупныя лодки.

Судоходство и сплавъ возможны на протяженіи верстъ 300.

Чу заканчивается обширнымъ разливомъ—озеромъ, которое носитъ названіе Саумалъ-куль, отстоящимъ отъ р. Сыръ-Дарьи въ 100 верстахъ Вся длина рѣки около 950 верстъ.

Рѣка богата рыбою; въ ней водятся: сомъ, сазанъ (карпъ), судакъ, лещъ, щука, окунь, язь, чебакъ, карась и особенно маринка

Въ причуйскихъ камышахъ водятся тигры и кабаны. Миріады мошекъ и комаровъ составляютъ здѣсь по истинѣ бичъ для людей и скота. Часть побережья отъ Токмака до города Пишпека извѣстна обиліемъ фалангъ, скорпіоновъ и особенно кара-кункуртовъ—черныхъ пауковъ, въ высшей степени ядовитыхъ.

Р. Или. Или составляется изъ сліянія двухъ рѣкъ—Кунгеса и Текеса, изъ которыхъ только верховья одного Текеса находятся въ русскихъ предѣлахъ,—онъ вытекаетъ изъ главнаго массива Тянь-Шаня и, направляясь на востокъ, уходитъ въ Китай, гдѣ и сливается съ Кунгесомъ.

Или переходитъ русско-китайскую границу уже довольно многоводной, по мѣстному, рѣкой, доступной для барокъ ма-

лаго размѣра. Или впадаетъ въ Балхашъ многими рукавами, образуя обширную, почти въ тысячу квадратныхъ верстъ, дельту, заросшую камышами.

Общая длина рѣки, считая отъ истоковъ Текеса, около 1200 верстъ, изъ которыхъ нѣсколько болѣе половины въ русскихъ предѣлахъ

Судоходность Или начинается отъ китайскаго города Кульджи. по развитію его сильно препятствуетъ быстрота теченія, частыя мели, преграждающія русло рѣки, крайняя измѣнчивость фарватера, непостоянство уровня воды, безжизненность долины и равнины, проходимыхъ рѣкою Всѣ опыты судоходства по рѣкѣ заканчивались полною неудачей. Въ 1856 году купецъ Кузнецовъ построилъ на Балхашѣ судно, нагрузилъ его мукою, купленною въ Каркаралинскѣ, и поднялъ его бичевою вверхъ по Или до выселка Илійскаго.

Хотя войска, расположенныя въ только что занятомъ краѣ, и нуждались въ провіантѣ. но мука, доставленная на этомъ суднѣ, обошлась настолько дорого (по 15 руб. за четверть). что попытка снабжать войска дешевымъ сибирскимъ хлѣбомъ по Или уже не повторялась.

Въ 1871 году былъ сдѣланъ опытъ сплава барокъ внизъ отъ города Кульджи къ выселку Илійскому, т. е. на разстояніи 380 верстъ. Это пространство внизъ по водѣ было пройдено въ 8 сутокъ; вверхъ-же барку поднимали бичевою 10 человѣкъ, при чемъ 220 верстъ отъ Илійска до Борохудзира, было пройдено въ 40 дней, а до Кульджи понадобилось-бы около 80.

Но неудача предъидущихъ двухъ опытовъ не смутила инженера Поклевскаго, который, въ компаніи съ мѣстнымъ капиталистомъ, выписалъ въ 1882 году изъ Англіи, а въ 1883 году спустилъ въ выселкѣ Илійскомъ на воду 35-ти сильный, желѣзный, паровой винтовой, баркасъ *). Этотъ баркасъ сдѣлалъ нѣсколько рейсовъ до города Кульджи, пробовалъ проникнуть въ оз. Балхашъ, но всѣ усилія энергичныхъ предпринимателей, всетаки, закончились полной неудачей, и прекрасное судно. стоившее огромныхъ затратъ, было вытащено на берегъ, гдѣ остатки его лежатъ еще и до сихъ поръ (1903 г.), служа какъ-бы предостереженіемъ дальнѣйшимъ попыткамъ.

Рѣка богата рыбою, главнымъ образомъ оригинальными среднеазіатскими формами—османа и маринки.

*) Приложеніе ко Всеподданнѣйшему отчету военнаго Губернатора Семирѣченской области. Обзоръ Семирѣченской области за 1882 годъ стр. 9.

Источниками орошенія служатъ притоки Или, но воды самой рѣки, въ русскихъ предѣлахъ, для цѣлей орошенія не служатъ, вслѣдствіе почти полной непригодности къ обработкѣ прилегающихъ къ самой рѣкѣ частей долины и, въ большинствѣ случаевъ, высоты береговъ, окаймляющихъ рѣку.

Берега Или, почти на всемъ протяженіи, поросли узкою полосою камыша и кустарниковъ; особенно густо покрыты ими острова. Здѣсь водятся кабаны, встрѣчаются тигры и барсы.

Масса паутовъ, мошекъ и комаровъ положительно отравляютъ лѣтомъ жизнь на рѣкѣ и въ устьяхъ ея притоковъ.

Притоки Или въ русскихъ предѣлахъ: съ правой стороны Хоргосъ и Усекъ, съ лѣвой Чарынъ, Чиликъ, Талгаръ, Каскеленъ и Курту. Рѣки-же Тургень и Иссыкъ, воды которыхъ почти цѣликомъ расходуются на орошеніе, только въ исключительные годы достигаютъ Или.

Р. Караталъ. Караталъ беретъ начало нѣсколькими истоками изъ покрытаго вѣчнымъ снѣгомъ Семирѣченскаго Алатау. Сначала рѣка не глубока, но, по соединеніи въ Кокъ-су, принимаетъ значительные размѣры. Теченіе весьма быстро, средняя ширина около 20 саженъ: глубина весьма непостоянна: въ іюнѣ и іюлѣ наибольшая и доходитъ мѣстами до 3-хъ саженъ; въ сентябрѣ начинаетъ сильно убывать, а съ октября по рѣкѣ образуются во многихъ мѣстахъ броды. Дно Каратала усѣяно камнями, часто достигающими значительной величины. Рѣка впадаетъ въ Балхашъ.

Изъ притоковъ Каратала наиболѣе замѣтны Кокъ-су и Биже, оба впадающіе съ лѣвой стороны. Особенно многоводенъ Кокъ-су, берущій начало тоже съ Ала-тау. Вся система Каратала имѣетъ значеніе только для земледѣлія.

Р. Акъ-су. Акъ-су вытекаетъ изъ тѣхъ-же горъ Ала-тау. Прежде она впадала въ рѣку Лепсу, но потомъ, измѣнивъ теченіе, направилась въ Балхашъ. Съ правой стороны принимаетъ рѣку Сарканъ. Обѣ рѣки имѣютъ значеніе только для земледѣлія.

Р. Лепса. Лепса вытекаетъ изъ предгорій Семирѣченскаго Ала-тау и составляется изъ двухъ рѣчекъ Текты. Въ верховьяхъ рѣка течетъ очень быстро, но отъ города Лепсинска теченіе постепенно становится тише и ровнѣе, глубина увеличивается здѣсь настолько, что въ періодъ полноводья по ней могутъ ходить плоскодонныя лодки съ грузомъ почти до самаго устья, но выходъ въ Балхашъ въ самомъ устьѣ загораждаютъ камышевыя крѣпи, *) а верстахъ въ 25-ти отъ устья, рѣка во всю свою ширину преграждается еще и порогомъ.

*) Крѣпи—сплошныя заросли камыша.

Изъ притоковъ Лепсы болѣе значительны Малая Лепса и Басканъ, впадающіе съ лѣвой стороны.

Р. Аягузъ. Аягузъ беретъ начало на сѣверныхъ склонахъ Тарбоготая (въ Семипалатинской области), а затѣмъ постепенно поворачиваетъ на юго-западъ, потомъ на югъ и достигаетъ Балхаша. Рѣка протекаетъ преимущественно въ странѣ пустынной и только въ надѣлѣ станицы Сергіопольской, вмѣстѣ со своими незначительными притоками, можетъ служить еще до нѣкоторой степени цѣлямъ орошенія.

Рѣки. бассейна озера Ала-куль. Въ бассейнѣ озера Ала-куль имѣютъ еще нѣкоторое значеніе рѣки Урджаръ и Хатынъ-су, стекающія съ южныхъ склоновъ Тарбоготая и достигающія Ала-Куля. Р. Тентекъ, берущая начало у снѣжныхъ вершинъ главной цѣпи Алатау и текущая по направленію къ Сасыкъ-Кулю, не доходитъ до него, теряясь въ комышахъ за нѣсколько десятковъ верстъ до озера. Рѣки Урджаръ, Хатынъ су (Кокъ-талъ), и Тентекъ пригодны только въ цѣляхъ орошенія, но и то только въ нагорной и подгорной частяхъ своего теченія.

Рѣка-же Эмиль, впадающая въ озеро Ала-куль, лишена даже и этого значенія, такъ какъ ея низовья, находящіяся въ русскихъ предѣлахъ, расположены въ странѣ почти совершенно пустынной.

Рѣки бассейна озера Иссыкъ-куль. Изъ многочисленныхъ притоковъ озера наиболѣе значительны Тюпъ и Джаргаланъ, берущіе начало въ вѣчныхъ снѣгахъ отроговъ Тянь-Шаня и впадающіе въ Иссыкъ-куль съ восточной стороны. Обѣ рѣки, по выходѣ изъ горъ, текутъ вдоль Иссыкъ-кульской долины, будучи раздѣлены между собою невысокимъ кряжемъ Тасьма, продолженіе котораго вдается въ озеро между лиманами обѣихъ рѣкъ, и образуетъ полуостровъ, называемый киргизами Куке-кулуссунъ.

Рѣчки Тюпъ и Джергаланъ въ общемъ весьма незначительны и могутъ служить только для цѣлей орошенія.

Озеро Балхашъ. Балхашъ занимаетъ сѣверо-западную часть Семирѣченской области и имѣетъ сильно вытянутую къ востоку и выпуклую къ сѣверо-западу фигуру. Длина его около 600 верстъ, ширина отъ 8 до 80-ти, въ окружности оно около 1350 вер., а площадь его равняется 19200 квад. верстамъ.

Озеро чрезвычайно бурно, окрестности его пустынны; попытки завести здѣсь судоходство не увѣнчались успѣхомъ. Балхашъ чрезвычайно богатъ рыбою, особенно маринкою, встрѣчаются османы и окуни.

Ала-куль. Ала-Куль, Уялы и Сасыкъ-Куль, какъ сказано уже, составляли одно озеро, а вмѣстѣ съ Балхашемъ представляютъ остатки бывшаго огромнаго моря, заливавшаго когда-то

всю Туранскую низменность. Озера Уялы и Ала-куль богаты рыбою.

Иссыкъ-куль. Иссыкъ-Куль заключенъ, какъ въ чашѣ, въ исполинской котловинѣ, образуемой развѣтвленіями Тянь-Шаня. Длина его 172½ версты, наибольшая ширина 47 верстъ, а поверхность озернаго бассейна равняется 4656 квад. верстамъ; высота же его надъ уровнемъ моря равна 5300 футъ. Озеро никогда не замерзаетъ; только заливы и бухты его зимой покрываются льдомъ.

Вода въ немъ солоновата.

Побережье озера уныло и пустынно; оно въ большей своей части безплодно, каменисто, усѣяно безчисленными валунами и почти лишено лѣсной растительности, только восточное и юго-восточное побережья, восточная часть сѣвернаго, по долинамъ впадающихъ здѣсь рѣкъ, благопріятны для осѣдлой жизни и заняты русскими поселеніями

Озеро богато рыбой (сазанъ, османъ, маринка, чебакъ), а мѣстами чернымъ желѣзнымъ шлихомъ, который выбрасывается волнами на берегъ,

Шлихъ этотъ,—сваренный и прокованный,—даетъ довольно порядочное желѣзо.

Климатъ. Недостаточность метеорологическихъ наблюдательныхъ пунктовъ, большая отдаленность ихъ другъ отъ друга, сравнительная непродолжительность наблюденій на большинствѣ изъ нихъ и отрывчатость этихъ наблюденій не даютъ возможности сдѣлать болѣе обоснованные и болѣе подробные выводы о климатѣ Семирѣчья.

На основаніи имѣющихся данныхъ, климатъ страны, въ зависимости отъ устройства ея поверхности, высоты надъ уровнемъ моря и широты, заключаетъ въ себѣ всѣ зоны, отъ виноградной до ледниковой включительно.

Главныя отличительныя свойства климата — континентальность и сухость. На большей части протяженія территоріи области климатъ отличается рѣзкими переходами температуры, какъ въ перемѣнѣ дня и ночи, такъ относительно и перемѣны временъ года.

Климатъ области собственно можетъ быть подраздѣленъ на климатъ низменности (равнины), подгорья и горной полосы.

Климатъ равнины. Климатъ низменности, равнины, сухой континентальный, соединяетъ двѣ крайности—зной и сравнительно сильный холодъ, съ быстрыми переходами отъ одной температуры къ другой.

Количество атмосферныхъ осадковъ здѣсь весьма незначительно и распредѣленіе ихъ по временамъ года не равномѣрно, причемъ меньшая часть приходится на лѣтніе мѣсяцы. Это послѣднее обстоятельство, въ связи съ господствующими здѣсь вѣтрами, уносящими снѣжный покровъ зимою, и затруднительностью, а мѣстами и прямо невозможностью устройства искусственнаго орошенія въ равнинѣ, служитъ огромнымъ, зачастую, неодолимымъ препятствіемъ для развитія земледѣлія.

Къ сожалѣнію, отсутствіе метеорологическихъ наблюдательныхъ пунктовъ въ равнинѣ не даетъ возможности подкрѣпить цифрами этотъ общій очеркъ климата описываемой полосы. Подтвержденіемъ сказанному могутъ служить, до нѣкоторой степени, только данныя Бахтинской метеорологической станціи, расположенной въ сѣверо восточномъ углу области и разсматриваемой климатической полосы*).

По четырехлѣтнимъ наблюденіями (1895—1898 г.г.) этой станціи средняя годовая температура = + 6, 5° по Цельсію, средняя температура зимы —10, 2°, лѣта+22,6°; среднее годовое количество осадковъ за четырехлѣтній періодъ (1894—1897 г.г.) равняется всего 275, 7 миллиметрамъ, изъ которыхъ только 59,1 мил. приходится на долю лѣтнихъ мѣсяцевъ**).

Климатъ подгорной полосы.

Нагорье, въ предѣлахъ приблизительно до 3-хъ тысячъ футъ надъ уровнемъ моря въ Заилійскомъ Алатау и нѣсколько ниже въ Семирѣченскомъ, отличается болѣе умѣреннымъ и большимъ, въ сравненіи съ низменностью, количествомъ атмосферныхъ осадковъ. Но и здѣсь рѣзкія перемѣны погоды—явленіе обычное, а мѣстами поздніе весенніе и ранніе осенніе заморозки вредно вліяютъ на садоводство, огородничество и препятствуютъ развитію хлопководства.

По десятилѣтнимъ (1889-1898 гг.) наблюденіямъ метеорологической станціи въ городѣ Вѣрномъ, расположенномъ***) въ сѣверной подгорной полосѣ Заилійскаго Алатау, средняя годовая температура здѣсь+7,5° по Цельсію, средняя температура зимы—7,5°, лѣта+21,7°, среднее-годовое количество осадковъ въ тотъ-же періодъ 598, 5 миллиметровъ, изъ которыхъ на долю лѣтнихъ мѣсяцевъ приходится 126 миллим.****).

---

*) Бахтинская метеор. станція подъ 46° 44 сѣв. шир. и 82° 48 восточ. отъ Гринвича долготы.

**) Приложеніе ко Всеподданнѣйшему отчету за 1900 г.—обзоръ Семирѣченской области стр. 3-я.

***) Подъ 43° 16 сѣверной широты и 76° 53 восточной отъ Гринвича долготы, на высотѣ 2605 футъ надъ уровнемъ моря.

****) Тотъ-же обзоръ Семирѣченской области.

Расположеніе горъ съ юга или сѣвера для данной мѣстности въ Семирѣчьѣ, какъ и вездѣ, имѣетъ весьма существенное значеніе: такъ южная подгорная полоса Семирѣченскаго Алатау теплѣе противолежащей сѣверной подгорной полосы Заилійскаго Алатау, хотя и расположена сѣвернѣе ея. Среднія данныя за пятилѣтній (1894—1398 гг.) періодъ наблюденій Борохудзирской метеорологической станціи, расположенной въ восточной части области*), въ южной подгорной полосѣ Семирѣченскаго Алатау, какъ нельзя лучше подтверждаютъ это положеніе. Здѣсь средняя годовая температура +9,1° по Цельсію, зимы —7,1°, лѣта +23,5° среднее годовое количество осадковъ 169 миллим., изъ которыхъ на лѣтніе мѣсяцы приходится 72,4 мил.

Значительная разница въ температурѣ двухъ названныхъ подгорныхъ полосъ происходитъ, вслѣдствіе расположенія относительно этихъ полосъ Семирѣченскаго Алатау съ сѣвера, а Заилійскаго съ юга, почему Заилійская подгорная полоса открыта господствующему здѣсь холодному сѣверо-западному вѣтру, а южное подгорье Семирѣченскаго Алатау совершенно укрыто отъ него, но за то и лишено большей части атмосферныхъ осадковъ, приносимыхъ этимъ вѣтромъ.

Климатъ горной полосы.

Горная полоса, въ предѣлахъ приблизительно отъ 3 до 6 тысячъ футъ надъ уровнемъ моря, отличается отъ предъидущей болѣе прохладнымъ климатомъ и изобилуетъ атмосферными осадками. Здѣсь, на этой высотѣ, средняя температура лѣта и его продолжительность еще достаточны для культуры**) пшеницы и овса въ нижней и средней частяхъ полосы и для ячменя въ верхней, но ранніе осенніе заморозки, сопровождаемые нерѣдко снѣгомъ, часто портятъ, а иногда, особенно въ средней и верхней частяхъ полосы, даже и совершенно лишаютъ урожая. Начиная съ 8 тысячъ футъ, дожди во всѣ лѣтніе мѣсяцы перемежаются съ снѣгомъ, выше 9—9½ тысячъ футъ дождя уже нѣтъ,—идетъ только снѣгъ, хотя въ лѣтніе мѣсяцы скоро стаивающій; на высотахъ—же около 10 тысячъ футъ въ Семирѣченскомъ Алатау и 11 тысячъ въ Заилійскомъ царствуютъ вѣчные снѣга и льды, съ присущей имъ животной и растительной жизнью.

Основываясь на различіи въ температурѣ, влекущемъ за собою видоизмѣненія растительности, и условіи животной жизни, территорію Семирѣчья можно раздѣлить на три хара-

*) Подъ 44° 28 сѣверной широты и 79° 49 восточной отъ Гринвича долготы.

**) Тотъ-же обзоръ Семирѣченской области за 1900 г. стр. 10-я.

терныхъ зоны: сѣверную, среднюю-абрикосовую и южную—персиковую.

Эта климатическая зона, вмѣщая въ себѣ всю равнину области, простирается нѣсколько южнѣе 45° сѣверной широты, т. е. охватываетъ собою Сергіопольскій, Лепсинскій и большую часть Копальскаго уѣзда. Все это пространство отличается довольно прохладнымъ климатомъ, такъ что нѣжныя растенія—абрикосы, виноградъ,—характеризующія слѣдующія полосы къ югу, здѣсь не растутъ. Исключеніемъ въ этой зонѣ является станица Сарканская. Здѣсь, благодаря счастливому расположенію нѣкоторой части ея надѣла, произведенные казаками опыты разведенія винограда—увѣнчались успѣхомъ*). Нѣкоторые сорта благородной яблони могутъ расти въ нѣсколькихъ пунктахъ этой зоны. **Сѣверная зона.**

Средняя климатическая зона, или абрикосовая (по туземному урюкъ) не посредственно слѣдуетъ за предъидущей къ югу и заключаетъ въ себѣ подгорную часть Вѣрненскаго уѣзда, собственно г. Вѣрный и станицу Софійскую. Въ этой полосѣ, болѣе теплой, чѣмъ предыдущая, особенно хорошо растутъ всѣ лучшіе сорта яблони, вызрѣваютъ абрикосы, разводится виноградъ. **Средняя зона.**

Южная персиковая зона заключаетъ въ себѣ долину рѣки Чу въ мѣстностяхъ селенія Б. Токмакъ и гор. Пишпека и часть Илійской долины, приблизительно отъ рѣки Чарынъ къ востоку. Здѣсь вызрѣваютъ персики и разводятся съ большимъ успѣхомъ лучшіе, чѣмъ въ предыдущей полосѣ, сорта винограда, а точно также сдѣланы, сравнительно, удачные опыты разведенія хлопка.*) Рисъ разводится здѣсь успѣшно еще со времени переселенія въ область дунганъ. **Южная зона.**

*) Обзоръ Семирѣченской области за 1903 г. стр. 17.

ИСТОЧНИКИ.

къ части I, главѣ I исторіи Семирѣченскаго к. войска.

К а р т а. Южной пограничной полосы Азіатской Россіи, 40 верстъ въ дюймѣ, изд. воен.-топограф. отдѣла главнаго Штаба 1892 г.

Горные инженеры. Романовскій и Мушкетовъ. Геологическая карта Туркестанскаго края, изд. 1884 г.

К о с т е н к о. Томъ I, Туркестанскій край. СПБ. 1880 года.

Е г о-ж е. Очерки Семирѣченскаго края; военный сборникъ 1872 г. №—ра 11 и 12.

В е н ю к о в ъ. Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи. СПБ. 1873 г.

М у ш к е т о в ъ. Туркестанъ, т. I. СПБ. 1886 г.

Е г о-ж е. Краткій отчетъ о геологическомъ путешествіи по Туркестану 1875 г. Брошюра 1876 г.

Труды геологическаго комитета, т. X, № 1.

Н е й м а й р ъ. Исторія земли, т. I, СПБ. 1902 г.

Обзоры Семирѣченской области. Приложенія къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ военнаго губернатора Семирѣченской области.

Отчетъ Семирѣченскаго Областного Управленія государственными имуществами за 1903 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 2-я.

Историческое прошлое страны.

Глава 2-я.

Историческое прошлое страны.

Историческое прошлое Семирѣчья извѣстно сравнительно не многимъ, да и свѣдѣнія о немъ не такъ обширны. Замѣтки по части прошлаго страны, за небольшими исключеніями, разбросаны только въ научныхъ трудахъ, мало доступныхъ широкой публикѣ, особенно въ такой далекой окраинѣ, какъ Семирѣчье.

Семирѣчье обратилось уже въ родину для нѣсколькихъ поколѣній пришлыхъ русскихъ людей, а для каждаго, истинно-любящаго свою родину, знаніе ея сѣдой старины представляетъ глубокій и вполнѣ разумный интересъ.

Бросить взглядъ на это прошлое и дать краткій популярный очеркъ здѣсь, въ исторіи піонеровъ страны, кажется наиболѣе умѣстнымъ и соотвѣтствующимъ смыслу и цѣлямъ исторіи.

Хунъ-ну (Гунны).

Начиная со II-го вѣка до Р. Хр Семирѣчье, въ его современныхъ предѣлахъ, является какъ-бы этапомъ народовъ, потокъ которыхъ восточная и центральная Азія начала извергать на западъ.

Первый толчекъ къ великой міровой трагедіи, получившей потомъ, со времени появленія гунновъ въ Восточой Европѣ, названіе „великаго переселенія народовъ", былъ данъ на далекомъ востокѣ кочевымъ народомъ хунъ-ну *), сѣвернымъ сосѣдомъ китайцевъ.

Въ концѣ III-го вѣка до Р. Хр. въ народѣ хунъ-ну воцарился энергичный и властолюбивый Мао-дунь. Онъ объ-

*) Хунъ-ну—названіе китайское; потомки этого народа назывались въ Европѣ гуннами.

единилъ подъ своею властью другіе кочевые народы и образовалъ такимъ образомъ первую „кочевую имперію", силы которой прежде всего обратились на своего южнаго культурнаго сосѣда—китайцевъ. Но получивъ здѣсь отпоръ, хунъ-ну опрокинулись (177 г. до Р. Хр.) на западныхъ сосѣдей Китая—юэджи и усуней.

Юэджи и Усуни.

Усуни отчасти вошли въ составъ „кочевой имперіи" и, вмѣстѣ съ хунъ-ну, вытѣснили юэджи на западъ—въ Семирѣчье и нынѣшнюю Джунгарію.

С э.

Эти страны въ тѣ времена принадлежали народу сэ или сай, какъ называли китайцы.

Сэ или сай, саки-грековъ, есть именно тотъ народъ, потомки котораго, подъ напоромъ съ востока народной волны, перешли затѣмъ въ южно-русскія степи, гдѣ и были извѣстны подъ именемъ скифовъ *).

Юэджи, однако, недолго пришлось занимать Семирѣчье, —усуни тѣснимые хунъ-ну, двинулись на западъ, изгнали юэджи и прочно основались въ Семирѣчьѣ, гдѣ кочевья усуней занимали преимущественно равнинную часть, а ихъ главная ставка Чигу, повидимому, находилась на юго-восточномъ берегу Иссыкъ-Куля.

Происхожденіе усуней загадочно—одни изъ оріенталистовъ считаютъ ихъ арійцами, а другіе, позднѣйшіе, тюрками.

Во вновь завоеванной странѣ усуни, особенно при царяхъ: Лецзяоми и Унгуйми, достигли такой степени могущества, что совершенно перестали подчиняться хунъ-намъ и являлись желанными союзниками какъ хунъ-намъ, такъ и китайцамъ въ ихъ непрекращавшейся взаимной борьбѣ.

Какъ слѣдствіе этого желанія дворъ усунскихъ царей явился ареной состязанія двухъ сильныхъ политическихъ партій—китайской и хунъ-ской, борьба которыхъ, съ теченіемъ времени, сильно пошатнула могущество царства усуней.

Около 8-го года по Р. Хр. и до V-го вѣка извѣстія о народѣ усуней прерываются. Не имѣется извѣстій и о движеніи хунъ-новъ чрезъ Семирѣчье, во время выселенія ихъ изъ Монголіи на западъ, принявшемъ особенно широкіе размѣры въ концѣ II-го вѣка послѣ Р. Хр.

Мѣсто хунъ-новъ въ Монголіи занялъ народъ сянь-би, который въ концѣ IV-го вѣка, въ свою очередь, уступаетъ власть народу жу-жань,—тунгузскаго происхожденія, распространившееся владычество котораго заставило усуней очи-

*) В. Бартольдъ: Оріенталистъ В. Григорьевъ признаетъ ихъ арійцами, родственными славянамъ.

стить равнинную часть Семирѣчья и окончательно переселиться въ горы Тянь-Шань.

Затѣмъ, около половины V-го вѣка, имя усуней, какъ самостоятельнаго народа, исчезаетъ въ исторіи и сохранилось только въ названіи сары-уйсунъ—одного изъ родовыхъ дѣленій киргизъ-казаковъ Большой орды.

Тюрки.

Въ VI вѣкѣ, въ Средней Азіи, появились новые завоеватели—тюрки, вышедшіе изъ Алтая, болѣе могущественные, чѣмъ всѣ предшествовавшіе имъ народы. Они въ короткое время создали громадную имперію, простиравшуюся отъ Великаго Океана до Чернаго моря

Въ 581 году имперія тюрковъ уже распалась на два государства—восточное и западное и центромъ посдѣдняго сдѣлалось Семирѣчье. Это послѣднее обстоятельство, какъ и вообще господство здѣсь тюрковъ, имѣло весьма важное значеніе въ исторіи описываемой страны.

Приблизительно до распаденія тюркской имперіи на два государства, главный торговый путь изъ западной Азіи въ Китай пролегалъ чрезъ Фергану и Кашгаръ, но смуты, наступившія въ VII-мъ вѣкѣ въ Ферганѣ, нѣкоторое умиротвореніе, внесенное тюрками въ Семирѣчье и большая притягательная сила, которую представлялъ центръ западно-тюркскаго государства для купцовъ изъ разныхъ странъ,—все это въ совокупности—содѣйствовало передвиженію главнаго торговаго пути на сѣверъ. Путешественники направлялись теперь уже изъ Самарканда на Ташкентъ и Талазъ*), къ берегамъ Чу, откуда по южному берегу Иссыкъ-Куля чрезъ перевалъ Бедель—въ Аксу.

Торговля, въ свою очередь, содѣйствовала распространенію изъ Мавераннагра**) осѣдлой жизни въ Чуйской долинѣ. Здѣсь уже въ VII вѣкѣ мы встрѣчаемъ земледѣльческую культуру и нѣсколько городовъ, изъ которыхъ особое вниманіе обращетъ на себя—Суябъ, располагашійся къ югу отъ перевала Кастекъ, повидимому, на мѣстѣ или вблизи нынѣшняго селенія Карабулакъ, въ окрестностяхъ котораго находилась обыкновенно орда—Кагана***) западныхъ тюрковъ.

Со времени Кагана Шаболо-Хилиши (634—638 г.) начинается упадокъ западно-тюркскаго государства, развиваются междоусобія, воспользовавшись которыми, китайцы, въ 657 г.,

*) На мѣстѣ нынѣшняго г. Ауліэ-Ата, или нѣсколько южнѣе. В. Бартольдъ. Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію.

**) Культурная область между рѣками: Аму-Дарьей и Сыръ-Дарьей.

***) Каганъ—тюркскій титулъ, изъ котораго посредствомъ сокращенія образовалось слово «Ханъ» В. Бартольдъ.

подчинили себѣ западныхъ тюрковъ и съ этого времени ихъ князья считались уже китайскими намѣстниками, хотя кровавая борьба за политическое существованіе, какъ съ китайцами, такъ и съ арабами, надвигавшимися съ запада, продолжалась еще долгое время, пока, наконецъ, китайскій намѣстникъ—Восточнаго Туркестана въ 748 г. не взялъ и не разрушилъ до основанія Суябъ.

Карлуки. Однако, завоевательныя стремленія китайцевъ встрѣтили могучій противовѣсъ въ лицѣ карлуковъ*), главная масса которыхъ во второй половинѣ VIII-го вѣка выселилась изъ Алтая, заняла Семирѣчье, проникла въ Фергану и въ 766 г. столицу ихъ мы уже видимъ въ Суябѣ.

Такимъ образомъ, Семирѣчье и послѣ паденія тюркской имперіи осталось въ рукахъ тюркскихъ народовъ и не было завоевано ни арабами, ни китайцами.

Съ конца VIII-го вѣка западными сосѣдями карлуковъ являются арабы,—завоевавшіе къ тому времени Фергану.

Если побѣда арабовъ надъ карлуками завершились только вытѣсненіемъ послѣднихъ изъ Ферганы, за то вліяніе близкаго сосѣдства ислама и принесенной арабами мусульманской культуры, при посредствѣ торговли и мирныхъ сношеній, пріобрѣло въ странѣ тюрковъ неизмѣримо большее значеніе и проникло даже на востокъ.

За купцами, какъ всегда, слѣдовали миссіонеры различныхъ религій, распространенныхъ въ Мавераннагрѣ, среди которыхъ были и христіане несторіанскаго толка.

Изъ всѣхъ тюркскихъ народовъ наибольшему вліянію мусульманской культуры, конечно, должны были подвергнуться карлуки—какъ сосѣди арабовъ. Есть извѣстія, что уже въ X-мъ вѣкѣ въ странѣ карлуковъ были мусульманскія мечети. Въ описываемую эпоху возникаютъ и развиваются города, какъ центры торговли и мѣстопребываніе князей отдѣльныхъ народностей, заселявшихъ страну. Изъ городовъ того времени извѣстны: Беклигъ—къ сѣверу отъ перевала Кастекъ; Джуль—невдалекѣ отъ Пишпека; Нева-Кетъ—на рѣкѣ Чу, къ сѣверу отъ Буамскаго ущелья; Пенджикетъ—по дорогѣ изъ Нева-Кета въ Суябъ и затѣмъ нѣсколько городовъ въ окрестностяхъ озера Иссыкъ-Куль.

Карлуки часто подвергались нападенію другихъ тюркскихъ народовъ, особенно токузъ-огузовъ, считавшихся въ X-мъ вѣкѣ самыми могущественными изъ всѣхъ тюрковъ. Вѣроятно, что передовая вѣтвь токузъ-огузовъ,—народъ ягма, изъ котораго, по преданіямъ, вышла потомъ династія Караханидовъ

*) Народъ тюркскаго происхожденія.

занималъ часть Семирѣчья, къ югу отъ рѣки Нарынъ и Кашгаръ. Долго тянулась съ перемѣннымъ успѣхомъ эта борьба, упорно отстаивали карлуки свою самобытность, призывали, повидимому, даже далекихъ киргизовъ (кара-киргизы), обитавшихъ тогда въ верховьяхъ Енисея, но, не смотря на всѣ ихъ усилія, токузъ-огузы, подъ властью династіи Караханидовъ, сломили упорство карлуковъ и въ 940 г. завоевали центръ карлукскихъ владѣній—Чуйскую долину. Здѣсь Караханиды вскорѣ приняли исламъ, а въ періодъ времени съ 960 по 1044 годъ перешло въ мусульманство и большинство тюрковъ. Караханиды, завоевавъ Семирѣчье, вскорѣ завладѣли Ферганой, а въ 999 г. имъ уже принадлежалъ и весь Мавераннагръ, но дальнѣйшіе успѣхи тюрковъ были пріостановлены знаменитымъ Газневидскимъ султаномъ Махмудомъ, который 4 января 1008 г., около Балха, нанесъ войскамъ Караханидовъ жестокое пораженіе.

Имперія Караханидовъ уже въ началѣ XI вѣка была раздѣлена на удѣлы, степень зависимости которыхъ отъ главы имперіи опредѣлялась исключительно личными качествами послѣдняго.

Какъ прямое слѣдствіе удѣльной системы развились междуусобія, которыми едва не воспользовались китайцы вмѣстѣ съ другими кочевниками, нахлынувшими въ 1017—18 годахъ въ Семирѣчье съ отдаленнаго востока. Полчища кочевниковъ были уже на разстояніи 8 дней пути отъ Баласагуна*), главнаго города Семирѣчья того времени, какъ получили извѣстіе, что самъ Туганъ-Ханъ, глава Караханидовъ, идетъ на нихъ съ большимъ войскомъ. Кочевники повернули назадъ, но были настигнуты Туганъ-Ханомъ и потерпѣли полное пораженіе.

Дальнѣйшій ходъ внутренней исторіи имперіи Караханидовъ представляетъ непрерывную борьбу за господство отдѣльныхъ вѣтвей и даже отдѣльныхъ лицъ династіи между собою. Въ этой борьбѣ Ханъ Баласагунскій призвалъ на помощь къ себѣ противъ кангловъ и карлуковъ кара-китаевъ.

Кара-Китаи.

Китаи или кара-китаи (кара-кидани), которыхъ считаютъ народомъ тунгузскаго происхожденія, впервые, въ числѣ около 16000 кибитокъ, поселились въ Семирѣчьѣ еще, вѣроятно, при Арсланъ Ханѣ Сулейманѣ (1032—1056 г.) въ области нынѣшняго Чугучака. Здѣсь число ихъ дошло до 40 тыс. кибитокъ.

*) Баласагунъ—многолюдный и большой городъ, игравшій большую роль въ XI и XII вѣкахъ. Мѣстоположеніе его до сихъ поръ точно не установлено, но В. Бартольдъ и Н. Аристовъ полагаютъ, что онъ находился въ Чуйской долинѣ.

Призванные въ Баласагунъ китаи, поддержанные своими родичами, тѣснимыми въ Монголіи джурчженями, заняли не только Баласагунъ, но завоевали все Семирѣчье и основали собственное государство, простиравшееся отъ Енисея до Таласа. Затѣмъ кара-китаи подчинили себѣ Восточный Туркестанъ и завладѣли въ 1137 году Мавераннагромъ Для мѣстной культуры нашествіе кара-китаевъ было безусловно, благопріятно, хотя въ составъ войскъ кара-китаевъ, несомнѣнно, и входили полудикіе народы, но сами кара-китаи уже пользовались всѣми плодами китайской цивилизаціи, а ихъ гурханъ (государь), пользовавшійся большимъ авторитетомъ среди своихъ подданныхъ, былъ достаточно силенъ, чтобы сдерживать страсти своихъ варваровъ. Кара-китаи не разрушали городовъ, а, напротивъ,—строили новые и даже, повидимому, старались пріучить безпокойныхъ кочевниковъ къ земледѣлію.

Глава имперіи кара-китаевъ носилъ титулъ гурхана, главная ставка котораго находилась на рѣкѣ Чу, вѣроятно, недалеко отъ Баласагуна. Подъ непосредственнымъ управленіемъ гурхановъ находились, насколько извѣстно, только южная часть Семирѣчья, Кульджинскій край и сѣверо-восточная часть Сыръ Дарьинской области; остальныя же земли имперіи были какъ-бы въ ленномъ владѣніи: часть Семирѣчья къ сѣверу отъ рѣки Или у карлукскихъ хановъ; Мавераннагръ и Восточный Туркестанъ у Караханидовъ. Столицей карлукскихъ хановъ въ эту эпоху былъ городъ Каялыкъ—въ равнинѣ, нѣсколько западнѣе нынѣшняго г. Копала.

Эпоха владычества кара-китаевъ, отличавшихся сравнительной вѣротерпимостью, ознаменовалась развитіемъ несторіанскаго христіанства*) въ странѣ и первымъ крупнымъ мусульманскимъ движеніемъ въ средней Азіи.

Несторіанскій патріархъ Илья III (1176—90 г.г.) основалъ митрополію въ Кашгарѣ и Кашгарскій митрополитъ носилъ титулъ „митрополита Кашгара и Нева-Кета“; это показываетъ, что въ составъ Кашгарской митрополіи входила и южная часть Семирѣчья. Именно къ эпохѣ господства кара-китаевъ относятся открытыя въ 1886 году, въ окрестностяхъ

*) Несторіане-христіанская секта, названная по своему происхожденію отъ Пресвитера въ Антіохіи Несторія, избраннаго въ 428 году Константинопольскимъ патріархомъ. Несторій обличенъ на третьемъ вселенскомъ соборѣ въ Ефесѣ, а затѣмъ низложенъ и сосланъ въ Египетъ. Онъ училъ, что божественная и человѣческая природы въ Іисусѣ Христѣ, даже послѣ ихъ соединенія въ одномъ лицѣ, сохранили каждая свою собственную сущность и что поэтому Пресв. Дѣва Марія родила не Богочеловѣка, а только человѣка.

города Пишпека и селенія Б. Токмакъ, кладбища несторіанскихъ христіанъ; число найденныхъ здѣсь могильныхъ камней превышаетъ 3000. Большинство изъ нихъ, кромѣ изображенія креста, имѣютъ и надписи, свидѣтельствующія, что погребенные здѣсь христіане были главнымъ образомъ тюркскаго происхожденія.

Картина, которую даютъ намъ эти надписи, рисуетъ древнія общины тюрковъ—несторіанъ, какъ центры просвѣщенія съ проявленіемъ уже глубокаго пониманія христіанскихъ идей.

Успѣхи христіанства могли быть, повидимому, одной изъ причинъ, переполнившихъ чашу терпѣнія мусульманъ.

Частыя регентства женщинъ, могущество отдѣльныхъ кара-китайскихъ вельможъ, притѣсненія народа сборщиками податей, высокомѣріе пословъ гурхана при вассальныхъ владѣтеляхъ и, наконецъ, самое владычество невѣрныхъ, оскорблявшее религіозное чувство мусульманъ, составлявшихъ едва-ли не большинство населенія имперіи,—вызвали одно изъ самыхъ обширныхъ мусульманскихъ движеній, извѣстныхъ въ исторіи Средней Азіи.

Въ борьбѣ со своими мятежными мусульманскими вассалами гурханы имѣли въ началѣ полный успѣхъ, но, тѣмъ не менѣе, обширная могущественная и грозная держава гурхановъ переживала въ это время тяжелые, послѣдніе дни: къ восточнымъ окраинамъ государства придвигались остатки найманов, жившихъ между верхнимъ Иртышомъ и Орхономъ *), вытѣсненныхъ оттуда Чингизъ-Ханомъ. Предводимые Кучлукомъ, найманы перешли границу державы гурхановъ около 1209 г. Кара-китаи вынуждены были заняться новымъ врагомъ.

Развлеченіемъ силъ кара-китаевъ воспользовался самый могущественный изъ вассаловъ-Хорезмъ-шахъ Мухамедъ, ставшій во главѣ мусульманскаго движенія. Мухамедъ въ 1210 году напалъ около Таласса на кара-китайское войско, взялъ въ плѣнъ военачальника и заставилъ этимъ кара-китаевъ отступить, а затѣмъ завладѣлъ и Мавераннагромъ.

Въ Семирѣчьѣ кочевники найманы приняли сторону возставшихъ мусульманъ, а ихъ предводитель Кучлукъ успѣлъ, даже, захватить власть и престолъ гурхановъ, начавъ въ свою очередь борьбу съ непризнавшими его мусульманами, съ религіозной точки зрѣнія которыхъ господство Кучлука, первоначально христіанина, а затѣмъ буддиста, такъ-же мало было желательно, какъ и господство гурхановъ. Недовольство усилилось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что Кучлукъ пот-

*) Притокъ Селенги.

ребовалъ отъ мусульманъ отказаться отъ ихъ религіи, предоставивъ имъ на выборъ: христіанство или идолопоклонство. Конецъ этой борьбѣ былъ уже положенъ монголами въ 1218 году.

Въ эпоху борьбы съ мусульманствомъ впервые упоминается о городѣ Алмалыкѣ, въ Кульджинскомъ краѣ.

Китайскій министръ Ѣ-люй-чу-цай, сопровождавшій Чингизъ-Хана въ 1219 году въ его походѣ на западъ, упоминаетъ объ Алмалыкѣ, какъ о людномъ городѣ, которому были подчинены 8 или 9 другихъ городовъ.

Монголы. Еще въ 1211 году, въ сѣверной части Семирѣчья появился монгольскій отрядъ подъ начальствомъ одного изъ полководцевъ Чингизъ-Хана, встрѣченный здѣсь, какъ желанный избавитель мусульманъ отъ власти кара-китаевъ. Карлукскій ханъ въ Каялыкѣ, призналъ себя вассаломъ Чингизъ-Хана-ему послѣдовали Алмалыкскій Тогрулъ-ханъ-Бузоръ (Озоръ). Но первоначальные успѣхи монголовъ въ Семирѣчьѣ были замедлены ихъ войною съ Китаемъ и только въ 1218 году Чингизъ Ханъ имѣлъ возможность послать для покоренія Семирѣчья значительный отрядъ.

Весьма вѣроятно, что рѣшительное движеніе монголовъ въ Семирѣчье совершилось-бы значительно позже, если бы побудительной причиной къ этому движенію не явилось-бы желаніе со стороны Чингизъ-Хана отомстить Хоремъ-шаху Мухамеду, ограбившему и избившему посольскій караванъ монголовъ въ Отрарѣ, посланный Чингизъ-Ханомъ къ Хорезмъ-шаху.

Монголовъ отъ Хорезма отдѣляли владѣнія Кучлука-Семирѣчье и Восточный Туркестанъ, поэтому Чингизъ-Ханъ и долженъ былъ покончить прежде съ Кучлукомъ.

Монгольскій полководецъ Джэбэ-нойонъ, вступивъ въ предѣлы владѣнія Кучлука, объявилъ полную свободу вѣроисповѣданій, за которую такъ упорно боролись мусульмане.

Безусловная вѣротерпимость и рѣдкая дисциплина, господствовавшая въ войскахъ монголовъ, способствовали почти добровольному подчиненію завоевателямъ Семирѣчья и Восточнаго Туркестана, совершенно не пострадавшихъ поэтому отъ монгольскаго нашествія.

Образовалась новая величайшая „кочевая имперія“, безчисленнымъ силамъ которой должны были покориться и князья русской земли.

По понятіямъ монголовъ, имперія являлась собственностью членовъ всего ханскаго рода, а потому Чингизъ-Ханъ, еще при жизни своей, раздѣлилъ удѣлы (юрты) своимъ тремъ

старшимъ сыновьямъ. Семирѣчье тоже было подѣлено и вошло въ составъ всѣхъ трехъ удѣловъ.

„Юрты", отведенныя членамъ ханскаго рода, должны были служить для нихъ только источникомъ дохода и оставались подчиненными власти великаго хана-главы имперіи, носившаго потомъ титулъ Каана.

При покореніи культурныхъ областей, доходы съ нихъ распредѣлялись между всѣми удѣльными ханами—царевичами; источникомъ-же дохода считались и ремесленники въ покоренныхъ городахъ: ихъ отдавали въ распоряженіе царевичей, которые по своему усмотрѣнію поселяли ихъ въ томъ или другомъ городѣ и поручали имъ извѣстныя работы. Вмѣшиваться въ дѣло сбора податей царевичамъ было запрещено; для этого, какъ и вообще для управленія осѣдлымъ населеніемъ, назначались особые намѣстники отъ главы имперіи.

Такой порядокъ, однако, не могъ продолжаться долгое время, такъ какъ авторитетъ намѣстниковъ великаго хана, особенно въ странахъ, отдаленныхъ отъ центра имперіи, не могъ выдержать борьбы съ авторитетомъ мѣстныхъ царевичей, въ распоряженіи которыхъ находилась военная сила. Постепенно въ руки удѣльныхъ хановъ перешла вся власть и имперія, съ теченіемъ времени, распалась на нѣсколько самостоятельныхъ государствъ, рѣдко не бывшихъ между собою въ открытой враждѣ.

Почти одновременно съ проявленіемъ сепаратизма въ удѣлахъ, возникаетъ и внутренняя неурядица, развивавшаяся на почвѣ соперничества представителей разныхъ религій.

Владычество монголовъ представляетъ въ исторіи Семирѣчья эпоху, ознаменовавшуюся упадкомъ, а затѣмъ и полнымъ исчезновеніемъ осѣдлой культурной жизни въ странѣ.

Въ до-монгольскій періодъ, еще со времени владычества тюрковъ, а, быть можетъ, и ранѣе, осѣдлая культура, развиваясь постепенно, становится замѣтнымъ факторомъ въ жизни страны.

Предъ появленіемъ монголовъ и въ первое время господства ихъ,—долины рѣкъ Чу и Или, а точно такъ-же и подгорная равнина Джунгарскаго Алатау, *были покрыты цвѣтущими селеніями.*

Китайскіе путешественники, видѣвшіе Илійскую долину въ 1219 и 1221 г.*) разсказываютъ, что *вездѣ было множество плодовъ, жители подобно китайцамъ воздѣлывали „пять*

*) Въ 1219 году Ё-люй-чу-цай—китайскій министръ, сопровождавшій Чингизъ-Хана, а въ 1221 году Даоскій монахъ Чанъ-Чунь, вызванный въ Западную Азію Чингизъ-Ханомъ.

родовъ хлѣбныхъ растеній" и поля орошали водопроводами.

Населеніе страны въ это время исповѣдывало преимущественно христіанство, мусульманство и буддизмъ, а монголы шаманство.

Изъ представителей культурныхъ народовъ, за немногими исключеніями, только мусульмане и уйгуры *) играли роль въ управленіи и имѣли вліяніе на хановъ. Уйгуры, исповѣдывавшіе частью христіанство, частью буддизмъ, были самыми ожесточенными врагами мусульманъ.

Религіозная вражда и политическое соперничество между представителями различныхъ религій и культуръ приняли особенно ожесточенный характеръ въ Средней Азіи (въ частности и въ Семирѣчьѣ), гдѣ силы обѣихъ партій были приблизительно равны.

Христіанство, въ первой половинѣ господства монголовъ, пользуясь нѣкоторымъ предпочтеніемъ и, даже покровительствомъ хановъ, продолжало усиленно развиваться.

Несторіане проникли въ подгорную равнину Джунгарскаго Ала-тау, гдѣ въ 1253 году, въ 13-ти приблизительно верстахъ къ сѣверу отъ Каялыка, т. е. вблизи нынѣшняго Копала, мы видимъ несторіанское селеніе, жители котораго имѣли свою церковь

Съ 1246 года въ имперіи монголовъ появляются католическіе миссіонеры**) а въ царствованіе Дженкши (1334—38 г.) католическая пропаганда переносится въ Алмалыкъ, гдѣ въ пользу миссіи жертвуется большое имѣніе, въ которомъ миссіонерами—католиками была выстроена прекрасная церковь. Вскорѣ послѣ этого, появляется въ Алмалыкѣ епископъ Ричардъ изъ Бургундіи. Значеніе миссіи въ Алмалыкѣ особенно возросло, когда миссіонерамъ удалось вылечить хана Дженкши отъ тяжкой болѣзни, за что они получили позволеніе крестить его семилѣтняго сына.

Наконецъ, на берегу Иссыкъ-Куля, въ селеніи Иссыкъ-Куль, еще въ XIV вѣкѣ былъ армянскій монастырь, гдѣ по преданію хранились мощи Св. апостола Матѳея.

Но уже послѣ смерти Дженкши—происходитъ реакція. Первые монгольскіе ханы, вслѣдствіе несовмѣстимости нѣкоторыхъ требованій шаріата съ предписаніями монгольскаго обычнаго права,—не терпѣли мусульманъ, но, съ теченіемъ времени осваиваются съ мусульманской культурой, постепенно принимаютъ сами исламъ и способствуютъ побѣдѣ мусульманской партіи.

*) Уйгуры или Каочи—тюркское племя, жившее въ восточ. Туркестанѣ.
**) Плано-Карпинъ, а затѣмъ Рубруквисъ.

При Али-Султанѣ произошло кровавое гоненіе на христіанъ, въ которомъ приняла участіе и мусульманская чернь; католическіе миссіонеры, въ 1339 или 1340 годахъ, погибли мученической смертью и, вѣроятно, въ то-же время пострадали и Семирѣченскіе несторіане.

Параллельно съ религіозной враждой шла и борьба политическихъ партій, сопровождавшаяся всегда грабежомъ и разрушеніемъ осѣдлыхъ поселеній, входившихъ въ составъ владѣній побѣжденнаго.

Рубруквисъ,—католическій миссіонеръ, посѣтившій подгорную равнину Джунгарскаго Алатау *въ 1253 г.*, свидѣтельствуетъ, что *прежде здѣсь было много городовъ*, но ко времени его посѣщенія города уже большею частью были разрушены „татарами„ которыхъ привлекли сюда превосходныя пастбища. *О странѣ между рѣками Или и Чу* китаецъ Чанъ-дэ, проѣзжавшій здѣсь въ 1259 году, говоритъ, что она имѣла *многочисленное населеніе, но въ то же время, здѣсь было много древнихъ валовъ и другихъ развалинъ.*

Такимъ образомъ, здѣсь. еще въ XIII вѣкѣ, вѣроятно уже начался тотъ процессъ, который привелъ къ постепенному исчезновенію въ Семирѣчьѣ осѣдлой культуры, возобновленной, какъ извѣстно, только въ XIX столѣтіи сартовскими и русскими переселенцами.

Китайцы, описывая страну въ эпоху перваго появленія въ ней калмыковъ, т. е. въ первой половинѣ XV вѣка, уже не говорятъ. подобно путешественникамъ XIII столѣтія, о городахъ и цвѣтущихъ селеніяхъ; Семирѣчье въ это время было населено уже исключительно кочевниками, жившими въ войлочныхъ шатрахъ и питавшимися мясомъ и кумысомъ.

И такъ, подъ владычествомъ монголовъ когда-то цвѣтущая страна *) запустѣла, наполнилась номадами, которыхъ привлекли сюда превосходныя пастбища Семирѣчья.

Безконечная кровавая борьба политическихъ партій раздробила обширную державу Чингизъ-Хана на массу мелкихъ владѣній, во главѣ которыхъ уже стояли эмиры. Только въ половинѣ XIV вѣка талантливому Туклукъ-Тимуру удалось еще разъ объединить подъ своею властью Восточный Туркестанъ, Семирѣчье и Мавераннагръ. Но уже вслѣдъ за смертью его, преемники Туклукъ-Тимура потеряли Мавераннагръ, а

*) Въ составъ этой страны входило почти все Семирѣчье и Ауліе-атинскій уѣздъ Сыръ-Дарьинской области. Жителей этой страны называли на западѣ, въ государствѣ Тимура, ругательнымъ словомъ Джете (разбойники); терминъ «страна Джете» часто употребляется въ томъ-же значеніи, какъ и терминъ «Могулистанъ».

затѣмъ и должны были вступить въ неравную борьбу съ Тамерланомъ

Тамерланъ. Въ концѣ XIV вѣка на развалинахъ имперіи, основанной Чингизъ-Ханомъ, другой великій азіатскій полководецъ, Тимуръ или Тамерланъ, создаетъ вновь обширную державу.

Пользуясь смутнымъ временемъ, наставшимъ въ государствѣ Туклукъ-Тимура, послѣ его смерти, Тамерланъ съ 1370 года предпринялъ изъ Мавераннагра рядъ походовъ въ Магулистанъ.

Побѣды Тимура *), войска котораго дважды въ 1389 и 1390 годахъ доходили до Иртыша, однако, не могли дать мира странѣ; при жизни Тимура и еще долго послѣ смерти его продолжались кровавыя распри.

Первое появленіе въ Семирѣчьѣ калмыковъ. Постоянныя междоусобія привлекли въ страну ойратовъ или, какъ ихъ называли мусульмане, калмыковъ.

Царствовавшій въ то время здѣсь и въ Восточномъ Туркестанѣ Вейсъ-ханъ (1418—21 г. г.) много разъ сражался на берегахъ Или съ военачальникомъ калмыковъ Эсень-тойчжи, далъ ему 61 битву, но верхъ одержалъ только въ одной.

Калмыки въ своихъ набѣгахъ доходили до Иссыкъ Куля и проникали даже въ Сыръ-Дарьинскую область и только паденіе могущества ойратовъ на востокѣ (послѣ 1455 года) остановило ихъ приливъ въ Могулистанъ.

Появленіе киргизъ—казаковъ. Въ царствованіе Эсень-буки (1434—62 г.), второго сына Вейсъ-хана, въ Семирѣчьѣ, именно на берегахъ Чу, поселились нынѣшніе обитатели страны киргизъ-казаки.

Въ западной части нынѣшнихъ киргизскихъ степей въ XV вѣкѣ кочевала тюркская орда, которую мусульманскіе писатели, со времени властвовавшаго надъ ней въ половинѣ XV-го вѣка Абулъ-Хаиръ-хана, стали называть узбеками. Часть узбековъ, въ числѣ около 200 тысячъ человѣкъ, съ султанами изъ рода Джучи (старшаго сына Чингизъ-Хана), Гиреемъ и Джянибекомъ, поссорившись съ Абулъ-Хаиръ-ханомъ, ушла въ Могулистанъ и называлась узбеками и казаками или просто казаками.

Казаки были приняты Эсень-букой и поселены въ Причуйскомъ краѣ.

Въ 1472 г. калмыки вновь появились въ Семирѣчьѣ. Ихъ военачальникъ Амасанчжи-тайчжи, оставившій свою родину, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, вторгнулся въ Семирѣчье и на берегахъ Или разбилъ хана Юнуса, преемника своего старшаго брата Эсень-буки.

---

*) Тамерлана.

Юнусъ былъ вынужденъ бѣжать на Сыръ-Дарью, откуда вернулся почти только черезъ три года, уже послѣ очищенія страны калмыками, но возстановить въ прежнихъ предѣлахъ, объединенное имъ передъ нашествіемъ Калмыковъ государство, не могъ, хотя и возвратилъ себѣ большую часть Мавераннагра.

Могулистанъ. Борьба за самостоятельность.

Вслѣдствіе сложившихся политическихъ обстоятельствъ Юнусъ былъ вынужденъ большую часть своей молодости провести въ Персіи, гдѣ онъ получилъ основательное мусульманское образованіе. Затѣмъ, когда обстоятельства измѣнились и Юнусъ сдѣлался государемъ, то весьма естественно, что онъ не могъ примириться съ кочевой жизнью; всегда онъ стремился поселиться въ какомъ нибудь городѣ и побудить къ осѣдлой жизни хотя часть своихъ подданныхъ. Кромѣ того, руководясь религіозною цѣлью, онъ понималъ, что безъ измѣненія образа жизни его подданные никогда не сдѣлаются настоящими мусульманами.

Однако, всѣ его усилія оказались тщетны—городская жизнь казалась кочевникамъ монголамъ хуже тюрьмы. Это различіе въ воззрѣніяхъ породило не мало волненій и ханъ, чтобы не быть покинутымъ своими подданными, не разъ былъ вынужденъ мѣнять городъ на степь.

Послѣ вторичнаго возвращенія Юнуса къ власти, по удаленіи калмыковъ, любовь къ городской и культурной жизни окончательно одержала въ немъ верхъ; онъ остался жить въ городахъ Мавераннагра, не смотря на то, что, вслѣдствіе такого рѣшенія хана, большая часть его подданныхъ монголовъ отложилась отъ него и признала въ 1482 году своимъ государемъ второго сына Юнуса—Ахмеда, получившаго степное воспитаніе и строго придерживавшагося монгольскихъ обычаевъ. Такимъ образомъ, Могулистанъ обратился какъ-бы въ независимое самостоятельное государство.

Послѣ смерти Юнуса въ 1487 году, въ качествѣ государя западной части страны (Мавераннагръ, Ташкентъ) и номинальнаго главы всего государства, съ Могулистаномъ включительно, наслѣдовалъ старшій его сынъ Махмудъ, бывшій подобно своему отцу, культурнымъ человѣкомъ. Махмуду, вслѣдствіе извѣстной его приверженности къ мусульманской культурѣ, не удалось поколебать престижа Ахмеда въ Могулистанѣ, гдѣ послѣдній утвердился окончательно. Ахмедъ успѣшно отразилъ новое нападеніе калмыковъ, разбивъ въ двухъ битвахъ калмыцкаго предводителя Тай-чжи-Эсэня, и навелъ такой страхъ на нихъ, что они дали ему прозвище „Алача“, т. е. убійца.

Съ 1500 года начались быстрые успѣхи узбекскаго хана Мухамеда—Шейбани, который въ союзѣ съ Мухамедомъ овладѣлъ Бухарой и Самаркандомъ, а затѣмъ обратилъ свое оружіе противъ самого Махмуда.

Послѣдній призвалъ на помощь своего брата Ахмеда. Ахмедъ, оставивъ въ Могулистанѣ своего сына Мансура, двинулся въ Мавераннагръ, но въ 1503 году былъ разбитъ Мухамедомъ-Шейбани и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Махмудомъ. Эта послѣдняя побѣда отдала Мавераннагръ во власть узбековъ. Однако, Шейбани отпустилъ братьевъ изъ плѣна.

Ахмедъ вскорѣ умеръ, а между его сыновьями Мансуромъ и Халиль-Султаномъ возникло соперничество. Халиль Султанъ сталъ во главѣ киргизъ, т. е. нынѣшнихъ кара-киргизъ, занимавшихъ еще и тогда южную часть Семирѣчья. Здѣсь къ нему присоединился его братъ Сеидъ.

Киргизы. (Кара-киргизы).

Еще въ X вѣкѣ, во время борьбы карлуковъ съ токузъ-огузами, киргизы, обитавшіе тогда въ верховьяхъ Енисея и призванные, повидимому, карлуками, появились въ Семирѣчьѣ, а затѣмъ и овладѣли нынѣшнимъ Аксу.

Возможно, что еще въ тѣ времена они заняли часть Семирѣчья, но когда именно переселилась сюда главная масса киргизъ точно до сихъ поръ неизвѣстно, какъ, въ сущности, гадательно и время первоначальнаго появленія ихъ въ занимаемой ими странѣ.

Въ 1508 году Мансуръ сразился при Алматы (Вѣрный) съ Халиль-Султаномъ; разбитый Халиль бѣжалъ въ Фергану, гдѣ и былъ убитъ узбеками. Побѣда Мансура, однако, не повела къ занятію имъ южной части Семирѣчья, такъ какъ Эмиръ-Вели, начальникъ войскъ Абу-Бекра Кашгарскаго, основавшаго въ Восточномъ Туркестанѣ независимое владѣніе, заставилъ Мансура отступить въ Карашаръ. Отступая, Мансуръ увелъ съ собою въ Карашаръ и киргизъ. За время переселенія погибло много киргизъ и только нѣкоторой части ихъ удалось вернуться въ Могулистанъ, гдѣ Абу-Бекръ позволилъ имъ кочевать на южной сторонѣ Иссыкъ-Куля.

Такимъ образомъ, въ описываемое время, южная часть Семирѣчья оказалась во власти Абу-Бекра Кашгарскаго, а въ сѣверной господствовалъ уже казацкій ханъ Касимъ, зимняя ставка котораго находилась на рѣкѣ Караталѣ.

Казаки, пользуясь борьбой Махмуда и Ахмеда съ узбеками, а затѣмъ междоусобіями сыновей Ахмеда, распространились постепенно изъ Чуйской долины въ равнинной части Семирѣчья, вытѣснили отсюда монголовъ и достигли здѣсь такой степени могущества, что ихъ ханъ Касимъ разбилъ

около 1510 года узбекскаго хана Мухамеда—Шейбани, въ 1512 г. взялъ Таласъ и Сайрамъ*) и разграбилъ окрестности Ташкента. Въ то время казацкій народъ заключалъ въ себѣ около милліона человѣкъ и въ распоряженіи Касима было до 300 тысячъ воиновъ.

Въ 1514 году братъ Калиль-Султана Сеидъ, находившійся послѣ пораженія, нанесеннаго Мансуромъ Халилъ-Султану, на службѣ у Магомета Бабура, основателя имперіи Великаго Могола, началъ войну съ Абу-Бекромъ и съ помощью частью киргизъ, имѣвшихъ во главѣ Мухамеда, завоевалъ Кашгаръ и Яркендъ.

Сеидъ, владѣя Кашгаромъ, подчинилъ своему вліянію и южную часть Семирѣчья.

Киргизъ Мухамедъ за услуги, оказанныя имъ въ войнѣ съ Абу-Бекромъ, былъ поставленъ Сеидомъ во главѣ своего народа, а затѣмъ киргизы подъ его начальствомъ производили постоянные набѣги на Туркестанъ, Ташкентъ и Сайрамъ. Набѣги эти привели, наконецъ, къ войнѣ съ Сеидомъ. Мухамедъ въ 1517 году былъ выданъ Сеиду собственными людьми, взятъ въ плѣнъ и отведенъ въ Восточный Туркестанъ.

Ко времени описанныхъ событій Семирѣчье начинаетъ окончательно выходить изъ подъ власти монголовъ, средоточіемъ которыхъ въ Средней Азіи является уже Восточный Туркестанъ.

Такъ какъ пастбища Восточнаго Туркестана не могли прокормить табуны и стада монголовъ, то Сеидъ, для удержанія въ своей власти Южной части Семирѣчья, богатой пастбищами, основалъ въ 1522 году постоянный лагерь въ долинѣ Кочкара.

Здѣсь, во главѣ монголовъ, былъ поставленъ Сеидомъ его сынъ Рашидъ, а начальство надъ киргизами было снова вручено Мухамеду.

Киргизъ-казакскій союзъ.

Въ 1524 году, въ лагерь на Кочкаръ, прибылъ правитель сѣверной части Семирѣчья казацкій ханъ Тахиръ, племянникъ и второй преемникъ знаменитаго Касима Тахиръ искалъ сближенія съ монголами противъ своихъ подданныхъ, ненавидившихъ его за жестокость, а точно такъ-же и помощи противъ узбековъ и мангытовъ (ногаи). Близко ознакомившись здѣсь съ враждебнымъ отношеніемъ киргизъ къ монголамъ, Тахиръ рѣшилъ привлечь киргизъ на свою сторону и слѣдующей зимою уже расположился лагеремъ неда-

*) Вблизи и на востокъ отъ г. Чимкента. В. Бартольдъ. «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія» стр. 176.

Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина

леко отъ Кочкара; половина киргизъ тотчасъ-же присоединилась къ нему; началась война. Монголы во главѣ съ Рашидомъ были принуждены отступить къ Атбашу, куда были уведены ими и остатки киргизъ съ Кочкара и Джумгола, неуспѣвшіе присоединиться къ Тахиру.

Въ началѣ 1526 года къ Рашиду присоединился самъ Ханъ Сеидъ, но и соединенныя силы монголовъ не могли противостоять киргизъ-казацкому союзу; Сеидъ Ханъ былъ отброшенъ на Аксай, казаки прошли до рѣкъ: Каша и Кунгеса, а киргизы истребили войска Бабачака, владѣтеля Кучи

Паденіе владычества монголовъ.

Послѣднія событія принудили монголовъ въ томъ-же 1526 году очистить Семирѣчье.

Послѣ отступленія монголовъ, Семирѣчье осталось во власти казаковъ и киргизовъ, но согласія между сбоими народами продолжалось недолго. Еще въ концѣ 1526 г. Тахиръ былъ покинутъ всѣми казаками за то, что убилъ любимаго народомъ своего брата Абд-ал-Касима и ему остались вѣрны только одни киргизы. Началась борьба и хотя въ 1529 году Тахиръ уже снова стоялъ во главѣ 20 или 30 тысячъ казаковъ, но возстановить союзъ, какъ ему, такъ и его ближайшимъ преемникамъ—не удалось. Распаденіемъ киргизъ-казакскаго союза воспользовался преемникъ Сеида-Рашидъ. Онъ заключилъ союзъ съ узбеками, враждовавшими съ казаками изъ за набѣговъ послѣднихъ на Ташкентъ. Въ 1537 или 38 году Рашидъ нанесъ такое страшное пораженіе казакамъ, что въ болѣе отдаленныхъ странахъ разнесся слухъ о совершенномъ уничтоженіи казакскаго народа.

Власть монголовъ въ Семирѣчьѣ, такимъ образомъ, снова была востановлена, но только на короткое время. Для борьбы съ общимъ врагомъ, распавшійся киргизъ-казакскій союзъ востановленъ былъ снова, хотя, быть можетъ, и не въ прежнихъ размѣрахъ Абд-ал-Лятифъ, сынъ и намѣстникъ Рашида въ Семирѣчьѣ, палъ въ битвѣ съ Хаккъ-Назаромъ-ханомъ казакскимъ и киргизскимъ, а около 1558 года казаки снова угрожали Ташкенту, киргизы Кашгару. Оба народа, вытѣснивъ монголовъ изъ Семирѣчья, совершенно прекратили сухопутныя сношенія между Китаемъ и западной Азіей.

Свѣдѣнія о положеніи Семирѣчья во второй половинѣ XVI вѣка, послѣ окончательнаго паденія монгольскаго владычества, крайне скудны.

Покореніе Семирѣчья калмыками

Казакскій ханъ Тевеккуль, племянникъ Тахира, произвелъ набѣгъ на страну калмыковъ, вслѣдствіе чего Семирѣчье подверглось опустошительному нашествію этого народа. Тевеккуль бѣжалъ въ Ташкентъ, гдѣ искалъ союза и помощи

противъ враговъ, но получилъ отказъ. Предоставленный собственнымъ силамъ Тевеккуль продолжалъ борьбу съ калмыками, постепенно вытѣснявшими казаковъ изъ Семирѣчья. Въ 1594 году онъ отправилъ посла въ Москву, къ царю Ѳеодору, предлагая свое подданство. Цѣлью посольства, окончившагося неуспѣшно, вмѣстѣ съ тѣмъ было и освобожденіе изъ московскаго плѣна Уразъ-Мегмета, племянника Тевеккуля, а, быть можетъ, и желаніе получить помощь русскихъ противъ калмыковъ.

Вытѣсненные изъ Семирѣчья, казаки вынуждены были, въ свою очередь, начать борьбу съ узбеками Въ 1598 г. Тевеккуль овладѣлъ Туркестаномъ, Ташкентомъ, Самаркандомъ и дошелъ до Бухары, но здѣсь потерпѣлъ неудачу, вернулся въ Ташкентъ и умеръ въ томъ же году.

Туркестанъ и Ташкентъ въ XVII вѣкѣ были центромъ могущества казаковъ и оставались въ ихъ власти до 1723 г.

Казаки, и въ расцвѣтѣ своего могущества, сдерживаемые съ востока и запада калмыками, могли распространяться только на сѣверъ, гдѣ и пришли въ соприкосновеніе съ русскими владѣніями въ Сибири, а въ 1717 году ихъ ханы Тявка, Каипъ и Абулъ-Хайръ вошли въ сношеніе съ сибирскимъ губернаторомъ княземъ Гагаринымъ, прося его помощи противъ калмыковъ.

Калмыки.

Въ половинѣ XVI столѣтія Алтанъ-Ханъ, могущественный государь племени тумэтовъ, образовалъ обширную имперію въ восточной части Средней Азіи и въ 1552 году покорилъ ойратовъ. Вслѣдъ за этимъ калмыки, распространяясь на западъ, вытѣснили, около 1556 года, изъ Семирѣчья киргизъ и казаковъ. Киргизы нашли себѣ убѣжище въ Ферганѣ и на Алаѣ, а казаки ушли въ нынѣшнія киргизскія степи, откуда и вели безконечныя войны съ калмыками.

Въ началѣ XVII вѣка калмыки произвели нашествіе на Хорезмъ *) и дошли до берега Волги.

Со времени хана Галдана, разрушившаго въ 1684 г. Сайрамъ, власть калмыковъ въ самомъ Семирѣчьѣ уже никѣмъ не оспаривалась Въ началѣ XVII вѣка Галданъ первый изъ калмыцкихъ хунъ-тайчжи (удѣльный государь) кочевалъ въ Илійской долинѣ. Наслѣдникъ Галдана Цэванъ-Рабтанъ сдѣлался единодержавнымъ правителемъ Джунгарскаго государства и скоро сталъ опаснымъ врагомъ для китайцевъ.

Китайскій императоръ Канси потребовалъ отъ него возстановленія удѣловъ, на что Цэванъ-Рабтанъ, конечно, согла-

*) Хорезмъ—страна по нижнему теченію Аму-Дарьи.

ситься не могъ и началъ войну съ Китаемъ разграбленіемъ Хами.

Постоянная вражда казаковъ и киргизъ къ калмыкамъ, ставившая послѣднихъ въ опасное положеніе въ войнѣ съ китаемъ, создала затруднительное положеніе Джунгарскаго государства.

Русское правительство думало воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ и отправило къ Цэванъ-Рабтану нѣсколько посольствъ уговорить калмыковъ принять русское подданство, но измѣнившіяся политическія обстоятельства помѣшали выполненію задуманнаго.

Смерть императора Канси въ 1722 г. уменьшила опасность со стороны Китая, а крупная побѣда въ слѣдующемъ году надъ казаками, отдавшая въ руки Калмыковъ Ташкентъ и Туркестанъ, обезопасила ихъ со стороны казаковъ.

Приблизительно съ этого-же времени у *калмыковъ начинаетъ возникать земледѣльческая культура,* занесенная сюда плѣнными сартами и развивается торговля съ русскими, китайцами, Индіей и Мавераннагромъ.

Преемникъ Цэванъ-Рабтана – Галданъ-Цэрэнъ (1727—1745) велъ неудачную войну съ китайцами и по миру, заключенному съ ними въ 1739 году, потерялъ почти половину своихъ владѣній; за то на западѣ ему удалось окончательно сломить казаковъ и фактически подчинить ихъ себѣ, хотя послѣдніе и считались номинально русскими подданными.

Русское правительство, по этому поводу, посылало къ Цэрэну нѣсколькихъ пословъ, но миссіи ихъ остались безплодными.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Галданъ-Цэрэна въ государствѣ калмыковъ вспыхнули смуты, во время которыхъ возвысился племянникъ Цэрэна-Амурсана. Въ 1754 году онъ поддался китайцамъ, прося у нихъ помощи противъ своихъ враговъ. Въ 1775 году многочисленныя войска китайцевъ почти безъ пролитія крови, въ теченіе трехъ только мѣсяцевъ, овладѣли всѣмъ государствомъ калмыковъ. Въ томъ-же году Амурсана поднялъ возстаніе, усмиренное китайцами въ слѣдующемъ году. Амурсана бѣжалъ къ казакамъ. Въ 1758 году онъ вновь появился въ долинѣ Или, но, вслѣдствіе намѣренія казакскаго хана Аблая выдать его китайцамъ, Амурсана спасся въ русскихъ владѣніяхъ, гдѣ и умеръ въ томъ-же году.

Раздраженные непрекращающимися возстаніями калмыковъ—китайцы въ 1758 г. снова отправили въ ихъ страну войско, которое произвело страшное избіеніе калмыковъ,

уничтоживъ навсегда всякіе признаки ихъ самостоятельности.

Народы, занимавшіе страну предъ появленіемъ въ ней русскихъ.

Послѣ паденія Джунгарскаго государства киргизъ—казаки и киргизы снова наполнили Семирѣчье, гдѣ и считались номинально китайскими подданными, хотя фактически были совершенно независимы. Линія китайскихъ укрѣпленій приблизительно совпадала съ нынѣшней границей между русскими и китайскими владѣніями.

Киргизы (кара-киргизы) заселили лѣвобережную часть Чуйской долины и всю страну къ югу отъ Заилійскаго Ала-тау и Александровскаго хребта, а киргизъ-казаки заняли отъ этихъ предѣловъ всю сѣверную часть Семирѣчья.

Кара-киргизы. Кара-киргизы, поселившіеся въ Семирѣчьѣ, составляли отдѣленіе Тагай праваго крыла народа и дѣлились на слѣдующія колѣна: *) Богу—кочевали въ бассейнѣ Иссыкъ-куля и верховьяхъ Нарына,

Сарыбагышъ по рѣкѣ Чу, Большому и Малому Кебинамъ.

Султу—въ западной части нынѣшняго Пишпекскаго уѣзда, —по Александровскому хребту Ауліэатинскаго уѣзда.

Чирикъ—въ бассейнахъ рѣкъ Атбашъ и Аксая. Бессызъ —частью по рѣкѣ Нарыну, частью въ Ферганѣ.

Саякъ—по нижней половинѣ рѣки Нарына, откуда даже былъ временно изгнанъ другими родами за озеро Чатыръ-Куль.

Каждое колѣно дѣлилось еще на множество мелкихъ родовъ. Въ основѣ быта кара-киргизъ лежало родовое начало, почему во главѣ родовъ стояли манапы, т. е. родоначальники, власть которыхъ переходила наслѣдственно отъ отца къ сыну. Всѣ манапы считались между собою равными, но въ исключительныхъ случаяхъ подчинялись старшему въ колѣнѣ манапу. У каждаго манапа было извѣстное число подданныхъ ему семей, по числу которыхъ, собственно, и опредѣлялось значеніе манапа. У самыхъ сильныхъ изъ нихъ не было, однако, болѣе 500—700 семей. Подданный манапамъ простой народъ называется и до сихъ поръ—„бухара", т. е. чернь

Каждый манапъ—это тиранъ, которому принадлежало не только имущество его подданныхъ, но и право жизни и смерти надъ ними.

*) Н. Аристовъ. Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ—казаковъ Большой Орды и кара-киргизъ. СПБ. 1895 г. стр, 48 и слѣд.

Благодаря равенству манаповъ, которыхъ было не мало, между ними происходили постоянныя ссоры.

Болѣе сильный обижалъ и обиралъ слабаго. Старшіе въ колѣнахъ манапы находились между собою почти въ постоянной враждѣ, а потому грабежъ былъ постоянное и привычное явленіе среди кара-киргизъ. Наиболѣе удалый грабитель даже пользовался среди нихъ особымъ почетомъ и титуловался „батырь". Кара-киргизы и киргизъ-казаки жили между собою тоже въ постоянной враждѣ. И здѣсь набѣги, грабежи и разбои составляли, послѣ скотоводства, кажется единственное занятіе обоихъ народовъ.

Внутренней неурядицей кара-киргизъ воспользовалось сосѣднее съ ними Кокандское ханство, образовавшееся въ концѣ XVIII столѣтія въ бассейнѣ Сыръ-Дарьи подъ властью узбекской династіи Минъ.

Кокандскіе ханы, вмѣшавшись въ междоусобія среди кара-киргизъ, постепенно подчинили ихъ своей власти, хотя власть эта, въ сущности, была номинальной и вліяніе ея было замѣтно только въ родахъ кара-киргизъ, кочевавшихъ вблизи кокандскихъ укрѣпленныхъ пунктовъ; отдаленные-же отъ крѣпостей роды, управлялись почти самостоятельно, а колѣно Сарыбагышъ имѣло даже своего хана, власть котораго признавалась колѣнами Саякъ и Богу. Вся сила кокандцевъ, удерживавшая въ ихъ власти страну, заключалась въ постоянномъ поддержаніи родовыхъ распрей кара-киргизъ: оказывая помощь то тому, то другому роду или колѣну въ ихъ взаимной враждѣ и не допуская возвыситься ни одному изъ нихъ—кокандцы являлись желанными союзниками многихъ родовъ.

Слабыя кокандскія войска обыкновенно сидѣли въ своихъ крѣпостяхъ, не рискуя безъ союза съ какимъ либо родомъ пускаться далеко отъ своихъ поселеній для усмиренія кочевниковъ.

Наиболѣе сильна была власть кокандцевъ въ Чуйской долинѣ; здѣсь были расположены ихъ первоклассная крѣпость Пишпекъ и укрѣпленные пункты: Токмакъ, Аксу—на мѣстѣ нынѣшняго села Бѣловодскаго и, далѣе на западъ,—Шишъ-Тюбе; въ горной-же странѣ, на юго-западъ отъ Иссыкъ-Куля, центрами ихъ управленія были: укрѣпленіе Куртка—на правомъ берегу рѣки Нарына и незначительные укрѣпленные пункты въ долинахъ рѣкъ Нарына, Джумгала, Атъ-Башъ и на урочищѣ Тогузъ-Торау.

Сартовскія поселенія располагались только подъ защитою перечисленныхъ укрѣпленій и состояли преимуществен-

но изъ разнаго торговаго люда, который если и могъ разъѣзжать по странѣ,—то исключительно только съ сильнымъ наемнымъ конвоемъ кара-киргизскихъ манаповъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ кокандскіе сарты не могли оказать никакого культурнаго вліянія на подвижныхъ и воинственныхъ кара-киргизъ.

Киргизъ-казаки.

Киргизъ-казаки, еще, кажется, со временъ Хаккъ-Назаръ-Хана, изгнавшаго монголовъ, дѣлились на три орды: Большую, Среднюю и Малую.

Малая орда расположилась въ такъ называемой, Оренбургской киргизской степи, а Средняя и Большая заняли, кромѣ сосѣднихъ областей, и часть Семирѣченской. Поэтому въ предлагаемомъ очеркѣ будутъ имѣться въ виду только тѣ части Большой и Средней орды, которыя расположились въ нынѣшней Семирѣченской области.

Большая орда, какъ прежде, такъ и въ настоящее время, занимаетъ среднюю часть области отъ рѣки Чу, въ нынѣшнихъ Пишпекскомъ, Вѣрненскомъ, Копальскомъ и Джаркентскомъ уѣздахъ, а Средняя орда—сѣверную часть Семирѣченской области, уѣзды: частью Копальскій, весь Лепсинскій и Семипалатинскую область

Большая орда состоитъ изъ одиннадцати главныхъ подраздѣленій или родовъ, изъ которыхъ въ Семирѣченской области располагаются полностью или частями: *) *Дулатъ*, въ Пишпекскомъ уѣздѣ, по правому берегу рѣки Чу.

Адбанъ—лѣвый берегъ Или, отъ рѣки Тургень и перевала Санъ-Тасъ до китайской границы. Суванъ—правый берегъ Или—въ Джаркентскомъ уѣздѣ.

Чапрашты, Исты и Сары-Уйсунъ—въ Вѣрненскомъ уѣздѣ.

Джалаиръ—между рѣками Или и Караталъ въ Копальскомъ уѣздѣ.

Киргизъ—казаковъ, обитающихъ въ Семирѣченской области нельзя разсматривать, какъ народъ только одного опредѣленнаго происхожденія, Несомнѣнно, что въ основѣ ихъ лежитъ тюркское происхожденіе, но и остатки народовъ, для которыхъ, какъ мы видѣли раньше, Семирѣчье являлось болѣе или менѣе продолжительнымъ, по времени, этапомъ не могли исчезнуть безслѣдно и, нужно думать, что вошли въ составъ киргизъ—казакскихъ ордъ. Поэтому, тюркская въ основѣ кровь киргизъ-казаковъ, до нѣкоторой, а можетъ быть и въ силь-

*) Н. Аристовъ. Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ Большой Орды и кара-киргизъ. СПБ, 1895 г. стр. 8.

ной степени, смѣшана съ кровью народовъ, когда-то владѣвшихъ этой страной.

Въ бытѣ киргизъ-казаковъ, какъ большой такъ и Средней орды, въ основѣ лежало родовое начало, которое прежде, среди этого народа, имѣло огромное значеніе, хотя сравнительно и не въ той силѣ, какъ у кара-киргизъ.

Во главѣ родовъ здѣсь стояли султаны, подчинявшіеся сначала ханамъ, а затѣмъ со времени появленія въ странѣ русскихъ—старшимъ султанамъ *)

Здѣсь мы видимъ тѣ-же усобицы, ту же борьбу и вѣчные набѣги, грабежъ и разбои, какъ и въ странѣ кара-киргизъ, видимъ то-же самое притѣсненіе слабаго сильнымъ и бѣднаго богатымъ **). Весьма понятно, что при такихъ условіяхъ жизни, среди киргизъ-казаковъ не только не могла развиться какая либо культура, но даже самыя воззрѣнія ихъ на личность и имущественное право стояли на самой низшей ступени развитія.

Хотя Китай, со времени уничтоженія имъ Джунгарскаго царства, и могъ претендовать на протекторатъ на всемъ пространствѣ его бывшихъ предѣловъ, но, въ дѣйствительности, рѣка Или являлась рубежомъ, къ западу отъ котораго вліяніе Срединной Имперіи совершенно прекращалось, уступивъ здѣсь мѣсто власти кокандцевъ. Завладѣвъ долиной рѣки Чу, кокандцы постепенно распространили свое владѣніе въ лѣвобережной части Илійской долины, подчинивъ своей власти кочующихъ здѣсь киргизъ-казаковъ Большой орды. Центромъ ихъ управленія и опорнымъ пунктомъ ихъ силъ была крѣпостца Таучубекъ, построенная на притокѣ Или—Каскеленѣ.

Властвуя въ Илійской долинѣ,—они примѣняли принципы той-же политики по отношеніи къ киргизъ-казакамъ, какихъ придерживались и въ странѣ кара-киргизъ. Хотя власть кокандцевъ здѣсь была сравнительно слаба, но, во всякомъ случаѣ, она являлась болѣе реальной и болѣе сильной, чѣмъ вліяніе китайцевъ сосѣдней къ востоку странѣ. Киргизъ-казаки Средней и Большой орды, кочевавшіе между рѣкой Или и горнымъ хребтомъ Тарбоготай, признавали до нѣкоторой степени власть Китая. Но такъ какъ китайцы не имѣли здѣсь укрѣпленій и не держали войскъ, то власть ихъ,

*) Архивъ Лепсинскаго уѣзднаго управленія, въ г. Лепсинскѣ, по архивной описи дѣла: № 1350—1844 г. листъ 1 и № 1576—1846 г. листъ 13.

**) Предписаніе Общаго Управленія Сибирскими киргизами 2 апрѣля 1844 г. № 716 и 4 марта 1846 г. № 529 Аягузскому Окружному Приказу. (Тотъ-же Лепсинскійархивъ.)

являлась положительно фиктивной, выражалась главнымъ образомъ въ принятіи киргизскими султанами китайскихъ чиновъ и въ выраженіи ими, отъ времени до времени, знаковъ внѣшняго почтенія пограничнымъ китайскимъ властямъ. Въ виду-же того, что что китайцы почти никогда не пытались реально осуществить свою власть въ этой странѣ, то кочевникамъ открывался полный просторъ, какъ взаимнымъ, такъ и внѣшнимъ, грабежамъ и набѣгамъ. При такихъ условіяхъ даже и власть ихъ собственныхъ султановъ не могла быть достаточно сильной и самое существованіе ея нерѣдко зависѣло отъ случая. Поэтому нѣкоторымъ киргизскимъ султанамъ, для спасенія власти, нерѣдко приходилось обращаться за поддержкой къ своему сюзерену, но, не встрѣчая въ должной мѣрѣ помощи Китая, они, хотя и противъ воли и желанія народныхъ массъ, были вынуждены искать защиты и укрѣпленія своей власти на сѣверѣ у своего могущественнаго сосѣда. Такое положеніе дѣлъ въ странѣ явилось одною изъ главныхъ причинъ стремленія многихъ султановъ принять русское подданство, которое въ большей мѣрѣ обезпечивало имъ главенство и власть. Боязнь-же раздражить сюзерена и навлечь на себя громы Китая, заставляла киргизскихъ султановъ, принявъ русское подданство, въ то-же время не порывать сношеній съ пограничными властями срединной имперіи. Такое положеніе создавало для киргизской орды видъ двойного подданства, и, въ свою очередь, какъ увидимъ ниже, могло повести къ конфликту Россіи съ Китаемъ.

Причины, вызвавшія завоеваніе страны русскими.

Еще задолго до паденія Джунгарскаго государства, киргизъ-казаки вошли на сѣверѣ въ соприкосновеніе съ русской государственной границей, на всемъ ея протяженіи, отъ рѣки Урала и до Иртыша.

Страна киргизъ-казаковъ, не представлявшая никакого подобія государственнаго устройства, не имѣвшая никакой власти, которая могла-бы и желала-бы сдерживать хищническіе инстинкты номадовъ, являлась крайне безпокойнымъ сосѣдомъ для русскихъ владѣній. Безконечные набѣги кочевниковъ, разорявшихъ русскія поселенія и уводившихъ въ плѣнъ русскихъ людей, заставили наше правительство приступить къ устройству Оренбургско-Сибирской оборонительной пограничной линіи, отдѣлившей русскія поселенія отъ кочевниковъ.

Начало сибирскому флангу линіи по Иртышу было положено еще при Петрѣ Великомъ, въ 1716 году, вслѣдъ за неудачной экспедиціей Бухгольца въ Восточный Туркестанъ, а затѣмъ устройствомъ укрѣпленныхъ пунктовъ въ 1752—55 годахъ между рѣками Тоболомъ и Иртышемъ, Сибирская линія была сомкнута съ Оренбургской и. такимъ образомъ, получалась непрерывная цѣпь укрѣпленій, на протяженіи почти 3½ тысячъ верстъ, отъ устья рѣки Урала до Бухтармінска на рѣкѣ Иртышѣ, состоявшая въ 1792 г. изъ 141 укрѣпленнаго поселенія, удаленныхъ одно отъ другого всего на разстояніе одного обыкновеннаго перехода, т е. не болѣе 25—30 верстъ.

Въ составъ гарнизоновъ укрѣпленій входило прежде всего казачье населеніе,—въ которомъ было болѣе 20 тысячъ служилыхъ казаковъ; въ болѣе значительныхъ укрѣпленіяхъ располагалась пѣхота, къ которой придавались драгунскіе полки, а на важныхъ пунктахъ и артиллерія, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ.

Эта единственная, въ своемъ родѣ оборонительная линія, поглотившая болѣе чѣмъ за сто лѣтъ своего существованія неисчислимыя суммы народныхъ средствъ, не достигла, однако, своего назначенія даже въ смыслѣ пассивной обороны границъ. Киргизы и въ началѣ XIX столѣтія безнаказанно производили набѣги на русскій рубежъ, прорывались сквозь линію и, также какъ въ XVIII вѣкѣ, - угоняли скотъ, захватывали въ плѣнъ русскихъ людей и уводили ихъ въ рабство.

Если наша укрѣпленная линія не могла защищать русской приграничной полосы отъ набѣговъ номадовъ, то внести умиротвореніе въ страну киргизъ-казаковъ она уже, конечно и совсѣмъ не могла. Безъ внутренняго-же умирствореніе и безъ установленія сильной власти въ самихъ киргизскихъ степяхъ не представлялось возможности парализовать хищничество кочевниковъ, бывшее постоянной угрозой нашей колонизаціи и торговлѣ въ Сибири.

Такимъ образомъ, болѣе чѣмъ столѣтній опытъ пассивной обороны границъ показалъ полную несостоятельность такой защиты и силою самихъ сложившихся обстоятельствъ заставилъ русское правительство перейти, наконецъ, къ защитѣ активной, т е двинуть войска въ страну враговъ, завоевать киргизскія степи, Семирѣчье, Туркестанъ и силою оружія внести миръ въ глубину Средней Азіи.

Результаты такого благого рѣшенія и для русскихъ, и для туземцевъ уже и теперь на лицо. Конецъ XIX вѣка въ степяхъ лучше всего свидѣтельствуетъ о культурныхъ пре-

имуществахъ активной политики въ Средней Азіи. Тамъ гдѣ на просторѣ безграничныхъ степей, всего полстолѣтія тому назадъ, непрестанно боролся человѣкъ съ человѣкомъ, мы видимъ миръ. Кочевники, населяющіе степи и горы этой богатой, чудной страны, прекратили междоусобныя войны и обратились къ труду. На нашихъ глазахъ, подъ вліяніемъ измѣнившихся условій жизни, совершается ликвидація унаслѣдованныхъ кочевниками привычекъ. Не стало набѣговъ на поселенія русскихъ, не стало прежнихъ ожесточенныхъ кровавыхъ распрей между родами и ордами, исчезли и батыри, руководившіе шайками буйной вольницы. Имъ не стало мѣста тамъ, гдѣ грубая физическая сила отжила свой вѣкъ и уступила свое мѣсто въ жизни силѣ культурной.

ИСТОЧНИКИ.

Къ главѣ II части I Исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска.

В. Бартольдъ. Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія. СПБ. 1900 г.

Его-же. Очеркъ исторіи Семирѣчья, брошюра, 1898 г.

Его-же. О христіанствѣ въ Туркестанѣ въ домонгольскій періодъ. СПБ. 1893 г.

Его-же. Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азіи записки Императорской академіи наукъ, т. 1, № 4.

А. Макшеевъ. Историческій обзоръ Туркестана и наступательнаго движенія въ него русскихъ. СПБ. 1890.

Н. Аристовъ. Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ Большой Орды и кара-киргизовъ.

Гельмольтъ. Исторія человѣчества, т. IV. СПБ. 1903 г.

А. Алекторовъ. Краткая исторія киргизскаго народа т. XIV, вып. 3. Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Казань, 1900 г.

А. Талызинъ. Пишпекскій уѣздъ. Историческ. очеркъ (1855—1868 г.). Памятная книжка Семирѣченскаго статистическаго комитета на 1898 г. т. II-й.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 3-я.

Краткій очеркъ наступательнаго движенія русскихъ изъ Сибири въ Среднюю Азію.

(въ Семирѣчье и Заилійскій край).

Глава 3-я.

Краткій очеркъ наступательнаго движенія русскихъ изъ Сибири въ Среднюю Азію.

(въ Семирѣчье и Заилійскій край).

Первые шаги въ Семирѣчье.

Изъ предъидущаго очерка мы видѣли, что русское правительство, силою сложившихся обстоятельствъ, было приведено къ необходимости занятія киргизскихъ степей.

Задача, сравнительно легкая, усложнялась хотя и номинальною, но всетаки зависимостью киргизъ-казаковъ отъ Китая, о которомъ свѣдѣнія того времени гласили, какъ о странѣ огромной, могущественной, съ густымъ, неисчислимымъ населеніемъ Съ одной стороны, конечно, возбужденіе конфликта съ Китаемъ изъ за страны киргизъ не могло входить въ расчеты русской власти въ то время, когда всѣ силы Россіи и все вниманіе правительства были обращены на западъ *), а съ другой,—вѣковой опытъ пассивной обороны и необходимость дѣйствительной защиты границъ,—безусловно требовали занятія страны киргизъ.

Подъ давленіемъ такъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ—правительство вынуждено было дѣйствовать чрезвычайно осторожно и медленно, безъ опредѣленнаго плана, пользуясь только безконечными раздорами среди киргизъ и властолюбіемъ ихъ правителей, нерѣдко добивавшихся принятія ихъ въ русское подданство ради сохраненія своей власти при помощи русскихъ и спасенія подвластныхъ имъ киргизъ отъ грабежей соплеменниковъ.

Въ 1822 году, по иниціативѣ Сперанскаго, послѣдовало измѣненіе въ управленіи Сибири, которая съ этого времени была раздѣлена на Западную и Восточную. Въ составъ За-

*) Съ 1800—1815 годъ—эпоха Наполеоновскихъ войнъ; съ 1815—1848 г. эпоха борьбы государей «священнаго союза» съ пробуждавшимся народнымъ самосознаніемъ въ западной Европѣ (политическая эпопея Меттерниха).

падно-сибирскаго генералъ-губернаторства вошли губерніи Тобольская и Томская и область Омская, къ которой была причислена и вся сибирская киргизская степь (1).

Въ этомъ-же году былъ изданъ уставъ о сибирскихъ киргизахъ, по которому степь дѣлилась на внутренніе и внѣшніе округа съ опредѣленнымъ разграниченіемъ земли. Внутренніе округа предназначались для киргизъ, уже перешедшихъ границу, поселившихся въ русскихъ предѣлахъ и фактически подчиненныхъ русской власти. Округа-же внѣшніе предполагались для приграничныхъ киргизъ, принимавшихъ наше подданство, но жившихъ на своей территоріи, номинально подвластной Китаю (1). Такимъ образомъ, внѣшніе округа явились, такъ сказать, ступенями въ развитіи мирнаго поступательнаго движенія русскихъ въ глубь киргизскихъ степей.

Въ каждомъ округѣ было положено имѣть окружное управленіе, называвшееся „приказомъ", съ полицейскою и судною властью, подъ предсѣдательствомъ старшаго султана, изъ двухъ русскихъ засѣдателей, опредѣляемыхъ областнымъ начальствомъ, и двухъ засѣдателей изъ почетныхъ киргизъ по выбору (1). Для приданія внушительности окружному приказу въ глазахъ кочевниковъ и силы его рѣшеніямъ, при приказахъ полагались по уставу команды сибирскихъ казаковъ, командируемыхъ въ мѣстопребыванія приказовъ и водворяемыхъ тамъ на жительство при первой возможности (1)

На основаніи этого устава, въ Средней ордѣ, постепенно, начиная съ 1824 г, были образованы округа: Кокчетавскій, Каркаралинскій, Аягузскій, (1831 года) Акмолинскій (1832 г.), Баянъ-Аульскій (1833 г.) и др. Основаніе Аягузскаго округа и представляетъ собою собственно начало покоренія нынѣшней Семирѣченской области,—а потому мы и перейдемъ теперь къ исторіи возникновенія и укрѣпленія за Россіей этого округа

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, султанъ части Средней орды, Сатръ-Ючинъ, издавна кочевавшій со своими аулами по рѣкѣ Б. Аягузъ, изнемогая, вѣроятно, въ борьбѣ за первенство съ другимъ вліятельнымъ султаномъ Средней орды Сиванкуломъ Ханхожинымъ, обратился къ генералъ-губернатору Западной Сибири, Вельяминову, съ просьбой: изъ земли его образовать внѣшній округъ, а на рѣкѣ Большой Аягузъ открыть окружный приказъ. ( )

Пунктъ, предложенный султаномъ Сартомъ для открытія окружнаго приказа, лежалъ на торговомъ пути изъ Сибири въ китайскій городъ Чугучакъ, а потому занятіе этого пункта и установленіе твердой и сильной власти въ земляхъ сул-

тана Сарта, для безопасности и развитія торговыхъ сношеній, представлялось весьма важнымъ и желательнымъ. (2)

Исходя изъ этой точки зрѣнія, генералъ губернаторъ Вельяминовъ сдѣлалъ нѣсколько представленій о разрѣшеніи образовать Аягузскій внѣшній округъ. (2)

Правительство, опасаясь возникновенія затрудненій съ Китаемъ, граница съ которымъ въ этой полосѣ на была точно опредѣлена, и зная, что очень часто киргизы, присягающіе на подданство Россіи, состоятъ въ то-же время хотя и номинально, но съ давнихъ лѣтъ, подданными Китаю,—долго не соглашалось на представленія Вельяминова и только въ 1830 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ образованіи Аягузскаго внѣшняго округа и объ открытіи въ немъ окружнаго приказа, что и было исполнено въ 1831 году. (3)

Аягузскій приказъ былъ учрежденъ на мѣстѣ нынѣшней станицы Семирѣченскаго войска—Сергіопольской Учрежденіе приказа представляетъ первый, твердый и безповоротный шагъ впередъ—въ Семирѣчье. До этого, еще въ 1825 году, была тоже сдѣлана попытка утвердиться въ прибалхашскихъ степяхъ, окончившаяся не особенно почетно для Россіи.

Султанъ части Большой орды, Сюкъ, сынъ извѣстнаго хана Аблая и братъ хана Ва и, (2) утвержденнаго въ 1782 году русскимъ правительствомъ ханомъ сѣверной части Средней орды, (4) въ концѣ управленія хана Букея (816—1819 г г), повидимому, добивался назначенія его преемникомъ Букея, почему и принялъ съ подвластными ему киргизами русское подданство и настойчиво хлопоталъ объ образованіи изъ его земель въ прибалхашскихъ степяхъ по рѣкѣ Караталу, внѣшняго округа. (4) Нужно думать что Императоръ Александръ Павловичъ смотрѣлъ на домогательства Сюка благосклонно, такъ какъ въ началѣ 1819 года, т. е. въ годъ смерти Букея, (4) далъ Сюку чинъ 8-го класса и повелѣлъ выстроить для него домъ и мечеть „на восточной сторонѣ озера Балхашъ, *при урочищѣ семь рѣкъ*.“ (5)

Это повелѣніе, вслѣдствіе измѣненія предположеній правительства и слабости вліянія Сюка на подвластныхъ ему 50 тысячъ киргизъ, было замедлено исполненіемъ (5) и хотя ханское достоинство и власть въ Средней ордѣ, вслѣдъ за смертью Букея были уничтожены, (4) но правительство рѣшило попытаться утвердить русское вліяніе въ прибалхашскихъ степяхъ, почему въ кочевья Сюка, какъ русскаго подданнаго, былъ двинутъ отрядъ, которымъ въ 1825 году и были сдѣланы на рѣкѣ Караталѣ какія-то „временныя постройки“ (5) Весьма естественно, что китайскому правительству,

считавшему земли по Караталу своими, появленіе русскаго отряда здѣсь и устройство имъ какихъ-то жилищъ среди подвластнаго ему народа—очень „не понравилось". (5) Со стороны Китая по этому поводу были сдѣланы энергичныя представленія нашему правительству, которое, отвѣтивъ, что земли по рѣкѣ Караталу оно не считаетъ принадлежащими Китаю, однако, въ виду политическихъ осложненій въ Западной Европѣ, не желая возбудить конфликта съ Китаемъ, предписало въ 1826 г. Сибирскому начальству воздержаться отъ всякихъ новыхъ предпріятій въ отдаленныхъ частяхъ киргизскихъ степей, предложеніе султана Сюка отклонить, строенія снять и отрядъ съ рѣки Каратала отозвать. (5)

Такъ неудачно закончился первый наступательный шагъ въ Семирѣчье.

Помня эту первую, неудавшуюся, попытку, русское правительство опасалось осложненій и въ дѣлѣ съ султаномъ Сартомъ Ючинымъ. Эти опасенія до нѣкоторой степени оправдались Слухи о подданствѣ Россіи султана Сарта и о появленіи русскихъ на рѣкѣ Аягузъ дошли до китайскихъ пограничныхъ властей въ Тарбагатаѣ, которыя и отправили въ 1831 году на рѣку Аягузъ отрядъ—убѣдиться въ дѣйствительности слуховъ.(6) Китайскія свѣдѣнія оказались вѣрными и начальникъ отряда, встрѣтивъ русскихъ на рѣкѣ Аягузъ, увидѣлъ, что русскихъ здѣсь болѣе 200 человѣкъ, что выстроено уже два деревянныхъ дома, а на вопросъ свой о причинахъ прибытія суда русскихъ—получилъ отвѣтъ, что они пришли сюда „по приглашенію" султана Сарта для успокоенія неповинующихся ему киргизъ. Султанъ Сартъ подтвердилъ тоже самое посланному къ нему отъ начальника китайскаго отряда.(6) Китайскій протестъ противъ появленія русскихъ на Аягузѣ выразился въ весьма платонической формѣ: пограничные китайскіе чиновники послали въ 1831 г. султану Сарту письмо, въ которымъ „укоряли" его за безпричинный, по ихъ мнѣнію, призывъ русскихъ, предлагали самому ему управиться съ непокорными киргизами и выставляли на видъ то обстоятельство, что какъ же онъ, султанъ Сартъ, носящій высокое наслѣдственное званіе китайскаго гуна (чинъ, соотвѣтствующій маіору) и подданный китайскому императору, посрамилъ себя и своихъ предковъ, передавшись русскимъ. Въ заключеніе совѣтовали султану оставить русскихъ и „обратить ихъ на Русь"(1).

Султанъ Сартъ не нашелъ выгоднымъ для себя послѣдовать совѣту китайскихъ властей и представилъ полученное имъ письмо сибирскому начальству; а это въ свою очередь

донесло о немъ высшему правительству. Здѣсь вопросъ о протестѣ китайскихъ пограничныхъ властей былъ внесенъ на разсмотрѣніе общаго присутствія Сибирскаго и Азіатскаго комитетовъ, которое въ журналѣ своемъ 28 декабря 1831 г., утвержденномъ государемъ 9 января слѣдующаго года, постановило: генералъ-губернатору Западной Сибири предписать: „1) отряды нашей стражи содержать на урочищахъ Каспекты и въ Аягузскомъ округѣ на нынѣшнихъ мѣстахъ, не передвигая ихъ далѣе къ цѣпи карауловъ китайскихъ безъ особеннаго на то разрѣшенія и 2) Если-бы, сверхъ свякаго чаянія, китайская пограничная стража безъ объясненія китайскаго правительства вздумала силою принудить отряды наши оставить занимаемыя нынѣ мѣста, то, принимая сей поступокъ не дѣйствіемъ правительства, но единственно самоуправствомъ мѣстнаго подчиненнаго начальства, съ твердостью изъяснить ему, что, бывъ въ мирѣ и дружбѣ съ китайскимъ государствомъ, наша мѣстная стража имѣетъ строгое повелѣніе: съ одной стороны—ничѣмъ не нарушать сего мира, а съ другой и не отступать отъ занятыхъ мѣстъ безъ взаимныхъ формальныхъ между обоими правительствами сношеній. Если—же, паче всякаго чаянія, и сіи изъясненія остались бы безъ дѣйствія, то неиначе отступить, какъ развѣ въ случаѣ превосходства силъ“

Этимъ и закончилось недоразумѣніе съ китайцами по поводу обращенія земель султана Сарта во внѣшній Аягузскій округъ.

Одновременно съ рѣшеніемъ вопроса о новомъ округѣ, начальникъ Омской области входитъ съ представленіемъ о разрѣшеніи поселенія казаковъ въ Каркаралинскомъ, Кокчетавскомъ и Аягузскомъ внѣшнихъ округахъ. Генералъ-губернаторъ Западной Сибири, 1 января 1832 года, разрѣшилъ поселить въ этихъ трехъ внѣшнихъ округахъ по 100 казачьихъ семей въ каждомъ, но не иначе, какъ вызовомъ охотниковъ и съ льготою на два года отъ службы, мотивируя свое разрѣшеніе тѣмъ, что поселеніе Сибирскихъ казаковъ во внѣшнихъ округахъ „можетъ послужить не малымъ облегченіемъ казачьему войску, принужденному нынѣ временными командировками въ округи значительнаго числа людей разстраивать ихъ хозяйство на линіи(7)“.

Измѣнились ли намѣренія правительства или со стороны Китая были сдѣланы новыя энергичныя представленія, но только въ августѣ 1836 г. Западно-Сибирскій генералъ-губернаторъ, „по причинамъ ему извѣстнымъ“, запретилъ поселеніе казаковъ во внѣшнихъ округахъ(8). Въ сущности-же та-

кого запрещенія для Аягузскаго округа совсѣмъ и не требовалось, такъ какъ въ 1839 году начальникъ военнаго отряда этого округа доносилъ окружному приказу, что въ Аягузскомъ селеніи „по исчисленію состоитъ 20 домовъ, поселенцевъ же, кромѣ толмачей окружнаго приказа, изъ казаковъ никого нѣтъ(9)".

Такимъ образомъ, какъ ни тяжело и какъ ни разорительно, по собственному признанію высшей сибирской власти ни было для казаковъ отбываніе службы въ отрядахъ, командируемыхъ во внѣшніе округа, но имъ казалось болѣе выгоднымъ отказаться отъ предлагаемой на 2 года льготы отъ службы и остаться на мѣстахъ своего жительства, чѣмъ переселяться, а потому охотниковъ—переселенцевъ въ новый округъ въ теченіи 4½ лѣтъ (съ 1832 по августъ 1836 г.) никого не оказалось.

Занятіе Семирѣченскаго края.

Убѣдившись до нѣкоторой степени въ безразличномъ отношеніи китайскихъ властей къ открытію на Аягузѣ, въ странѣ киргизъ Средней орды, новаго округа, русская администрація въ послѣдующіе годы направила всѣ свои усилія къ фактическому устройству этого округа, что на основаніи устава о киргизахъ 1822 года должно было состоять прежде всего въ сформированіи волостей съ исчисленіемъ въ каждой кибитокъ и скота. Дѣло это, вообще не легкое, на Аягузѣ осложнялось продолжавшейся еще борьбой изъ-за первенства богатыхъ и вліятельныхъ султановъ Сарта Ючина и Сиванкула Ханхожина.

Въ концѣ концовъ, Сартъ поддерживаемый призванными имъ русскими, побѣдилъ Сиванкула, который въ 1833 году и откочевалъ въ Китай. Отсюда онъ сталъ грабить шедшіе въ Сибирь и изъ нея караваны и тревожить подвластныхъ Россіи киргизъ.

На предложеніе вернуться—Сиванкулъ отвѣтилъ гордымъ отказомъ. Находясь въ Китаѣ, вблизи Аягузскаго округа, онъ могъ даже мечтать, разсчитывая на поддержку китайскихъ властей, вернуть свое былое значеніе и богатство. Китайское правительство, дѣйствительно, не разъ заявляло свои права на Кокпектинскихъ и Аягузскихъ киргизъ и въ тайнѣ поощряло ихъ сопротивленіе устройству русскихъ округовъ. Благодаря этому „отлагавшіеся" Аягузскіе и Кокпектинскіе киргизы откочевали въ Китай, гдѣ часть ихъ и приставала къ Сиванкулу. Отдаленность Аягуза отъ тогдашнихъ сибирскихъ центровъ, при постоянныхъ опасеніяхъ нарушить мирныя отношенія съ Китаемъ, заставляли высшую администрацію Сибири дѣйствовать на границѣ съ особою осторож-

ностью и Аягузскіе киргизы были даже освобождены отъ обложенія податью до окончательнаго устройства всѣхъ волостей новаго округа, которое подвигалось довольно медленно.

Въ періодъ*) разсылки по внѣшнимъ округамъ экзекуціонныхъ отрядовъ для наложенія контрибуціи на „отложившихся" киргизъ, во избѣжаніе возбужденія недовольства было рѣшено не трогать Аягузскихъ киргизъ и сформированному на Аягузѣ экзекуціонному отряду было предписано идти не въ волости Аягузскаго округа, а къ Балхашу, исключительно для оказанія содѣйствія каркаралинскому отряду. Но Аягузскій приказъ, „неправильно понявъ" данныя ему инструкціи, отправилъ сформированный отрядъ для наказанія уже мѣстныхъ „измѣнниковъ".

Отрядъ подъ командой сотника Жукова въ составѣ 219 казаковъ, при одномъ конно-артиллерійскомъ орудіи, и съ запасомъ провіанта на 1½ мѣсяца выступилъ изъ Аягуза 25 мая 1839 г. Съ отрядомъ, по распоряженію приказа, отправился и засѣдатель Крайкинъ, какъ представитель административной власти.

Жукову и Крайкину были даны подробныя инструкціи для ихъ дѣйствій въ степи.

Получивъ донесенія о распоряженіяхъ Аягузскаго приказа, пограничный начальникъ, полковникъ Ладыженскій, распорядился немедленно вернуть отрядъ обратно и командировалъ въ Аягузскій округъ чиновника особыхъ порученій Маслова, которому, во избѣжаніе безпорядковъ въ округѣ, тотчасъ по прибытіи на мѣсто, приказалъ отмѣнить распоряженіе приказа о сборѣ контрибуціи и все взысканное съ киргизъ возвратить обратно. Пока распоряженіе шло, а Масловъ ѣхалъ въ Аягузъ, отрядъ успѣлъ дойти до южно-аягузскихъ волостей и получить новое предписаніе приказа: „всемѣрно постараться захватить султана Сиванкула" вызванное жалобами одного изъ волостныхъ управителей на грабежи султана, кочевавшаго въ это время около Тарбоготайскаго хребта, въ предѣлахъ округа. Узнавъ отъ киргизъ точное мѣсто кочевки Сиванкула, отрядъ выступилъ туда и, въ предгорьяхъ Тарбоготая, встрѣтилъ, наконецъ, самого султана, во главѣ массы вооруженныхъ киргизъ. Послѣ попытки Крайкина къ мирнымъ переговорамъ о сдачѣ Сиванкула, султанъ установивъ своихъ киргизъ въ боевой порядокъ, началъ бой, открывъ огонь по русскимъ.

---

*) Съ мая 1839 года. Н. Коншинъ. Матеріалъ для исторіи степного округа, стр. 4 и 8 см. въ «источникахъ» здѣсь примѣчаніе 10-е.

Отрядъ отвѣтилъ двумя выстрѣлами изъ орудія, послѣ чего киргизы Сиванкула показали тылъ. Сотня казаковъ, посланная въ погоню, добралась до самаго стойбища Сиванкула, въ горахъ, Тарбоготая, но султану удалось перейти китайскую границу, куда казаки за нимъ послѣдовать не могли.

Масловъ пріѣхалъ въ Аягузъ только 10 іюня и подъ прикрытіемъ 44 казаковъ отправился догонять отрядъ Жукова, куда и прибылъ уже послѣ разгрома скопищъ Сиванкула.

Погромъ Сиванкула, по мнѣнію Маслова, долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на киргизъ, почему Масловъ и вернулся съ отрядомъ въ Аягузскія волости для ихъ устройства

Однако, Сиванкулъ вскорѣ собралъ своихъ приверженцевъ и, засѣвъ съ ними въ Тарбоготаѣ, принялся усиленно грабить караваны по дорогѣ изъ Сибири въ Кульджу и Чугучакъ. Въ виду этого, подъ командой сотника Портнягина былъ высланъ отрядъ уже спеціально для поимки Сиванкула. Отрядъ Портнягина выступилъ изъ Кокпектовъ 21 іюля 1839 г., а чрезъ 8 дней около рѣчки Катнсу, въ 280 верстахъ отъ Кокпектовъ, настигъ Сиванкула и принудилъ его къ сдачѣ. Взятіе въ плѣнъ этого султана, много лѣтъ стоявшаго во главѣ всѣхъ недовольныхъ русскими порядками южныхъ киргизъ, имѣло огромное значеніе для успокоенія края и повело къ признанію подданства русскимъ многихъ упорствовавшихъ до этого времени родовъ([10]).

Хотя первая попытка заселить Аягузъ казаками и не удалась, но за-то военныя силы новаго округа постепенно развиваются командированіемъ изъ Сибири все большаго и большаго числа казаковъ. 25 октября 1839 г., для вооруженія Аягузскаго укрѣпленія, была уже получена и первая мѣдная 6-ти фунтовая пушка, съ 6-ю крѣпостными ружьями. При орудіи прислугой состояли три артиллериста—казака изъ 7-го Сибирскаго полка([11]).

Вмѣстѣ съ развитіемъ силъ округа увеличивается и районъ его фактическаго вліянія, распространяемаго и поддерживаемаго казачьими отрядами, командируемыми изъ Аягуза въ степь весною и на все лѣто На обязанности этихъ отрядовъ лежало поддерживать установленную русскими власть старшаго султана, прекращать набѣги и грабежи въ средѣ подчиненной ему орды, защищать признавшихъ русскую власть киргизъ отъ набѣговъ еще не подчиненныхъ Россіи ихъ соплеменниковъ и удерживать русско-подданныхъ киргизъ отъ ухода за границы округа. Сила этихъ отрядовъ безконечно колебалась, доходя иногда до 100 и болѣе казаковъ съ прида-

чей къ нимъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, коннаго орудія(12). Такіе отряды, въ зависимости отъ цѣли и назначенія, конечно, не могли имѣть постояннаго мѣсторасположенія и должны были болѣе или менѣе быстро передвигаться съ мѣста на мѣсто—туда, гдѣ въ ихъ содѣйствіи наиболѣе нуждались киргизскія власти или сами киргизы(13). Поэтому служба въ такихъ отрядахъ, вслѣдствіе обширности района охраненія и малочисленности ихъ состава, не могла быть легка, особенно при условіи непреоборимой наклонности киргизъ къ грабежу и набѣгамъ.

Изъ дѣйствій такихъ отрядовъ особенно выдающимся является движеніе отряда сотника Медвѣдева за рѣку Лепсу, составлявшую границу Аягузскаго округа

Послѣ отъѣзда вышеупомянутаго Маслова и по его распоряженію засѣдатель Крайкинъ, подъ прикрытіемъ отряда Медвѣдева, приступилъ къ сформированію садыровскихъ и матаевскихъ волостей. Съ первыми онъ покончилъ скоро и мирно, но матаевцы при вѣсти о приближеніи русскихъ, подстрекаемые „ташкентцами*)", бросили обычныя мѣста кочевокъ и двинулись на западъ, съ цѣлью уйти на рѣку Чу. Отрядъ двинулся за ними, перешелъ рѣку Лепсу и 19 іюля 1839 года настигъ ихъ между рѣками Караталомъ и Коксу, гдѣ сгруппировалось около 4-хъ тысячъ киргизъ. Мирные переговоры ни къ чему не привели и отрядъ началъ наступать.

Киргизы, во главѣ съ бывшими среди нихъ „ташкентцами". окружили отрядъ, открывъ по нему стрѣльбу, но, послѣ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ по нимъ, изъ бывшаго при отрядѣ коннаго орудія—киргизы не выдержали и разбѣжались. А затѣмъ въ отрядъ явились и сами матаевскіе султаны, изъявляя желаніе подчиниться и вернуться на свои прежнія мѣста, прося, однако, устроить на рѣкѣ Акъ-су постоянный военный постъ для защиты ихъ отъ „ташкентцевъ", которые съ 1838 года начали собирать съ нихъ подать. Матаевскіе султаны опасались, что, по уходѣ русскаго отряда отъ нихъ, „ташкентцы" возобновятъ свои притязанія и у нихъ возникнутъ снова волненія(14).

Такимъ сбразомъ, еще въ 1839 г русскому наступательному движенію въ этой странѣ пришлось столкнуться съ первыми признаками распространившагося на востокъ вліянія средне-азіатскихъ ханствъ. Это столкновеніе могло бы, кажется, какъ нельзя лучше убѣдить высшую сибирскую администрацію въ почти совершенномъ отсутствіи вліянія здѣсь Китая, а потому и въ безусловномъ отсутствіи почвы для его

*) Вѣроятно кипчаки.

притязаній, но сибирскія власти, привыкнувъ придавать преувеличенное значеніе своимъ опасеніямъ нарушить мирныя отношенія съ Небесной имперіей, не поняли и теперь истиннаго значенія совершившихся фактовъ и, вмѣсто того, чтобы почувствовать себя свободными отъ этихъ мало-основательныхъ опасеній, категорически воспрещаютъ сторожевымъ и охранительнымъ казачьимъ отрядамъ переходить рѣку Лепсу. Въ инструкціяхъ начальникамъ этихъ отрядовъ послѣ 1839 г. и почти до половины 1846—го неукоснительно добавляется: „ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ не дозволять отряду, ни разъѣздамъ его переходить рѣку Лепсу и не далѣе касаться, если-бы встрѣтилась надобность, какъ южнаго только склона Тарбоготайскаго хребта, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ преданія виновныхъ военному суду".

Несомнѣнно—такая предусмотрительная осторожность открывала широкое поле дѣйствій для за—Лепсинскихъ кочевниковъ, шайки которыхъ безпрестанно переходили рѣку Лепсу, грабили нашихъ киргизъ, сѣяли среди нихъ смуты и волненія([12]), а въ случаѣ появленія казачьяго отряда безнаказанно скрывались за рубежъ, переходъ котораго грозилъ казакамъ военнымъ судомъ.

Въ этомъ положеніи и обстановкѣ дѣла тянулись до 1846 года, и относительное спокойствіе въ Аягузскомъ округѣ поддерживалось только казачьими отрядами, командируемыми въ степь на рѣки Лепсу и Урджаръ на цѣлое лѣто, а въ 1844 году даже и на зиму([10]).

Нѣтъ основаній отрицать, что та-же неосвѣдомленность сибирской администраціи объ истинномъ политическомъ положеніи въ Семирѣчьѣ не была въ числѣ причинъ, способствовавшихъ появленію здѣсь въ 1846 г. ([12]) извѣстнаго въ исторіи западной Сибири и Оренбургскаго края султана Кенесары Касимова([13]).

Въ лицѣ Кенесары*) мы встрѣчаемъ въ истинномъ смыслѣ народнаго киргизскаго героя, выдающагося во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, мечтавшаго о политическомъ единствѣ всѣхъ киргизъ безъ различія племенъ и ордъ([10]).

Съ появленіемъ на рѣкѣ Или знаменитаго въ степяхъ султана, для Аягузскаго округа наступило еще болѣе тревожное время. Въ началѣ 1846 г. Кенесары расположился въ степяхъ, къ югу отъ Балхаша, и завязалъ переговоры съ кир-

*) Отецъ Кенесары—Касимъ—сынъ бывшаго хана Средней Орды Вали и внукъ Аблая([13]).

гизами Большой Орды, жившими на западной границѣ Аягузскаго округа, склоняя ихъ перейти на его сторону(10).

Въ виду этого, на рѣку Лепсу, 19 апрѣля 1846 года, и былъ двинутъ изъ Аягуза подъ командой есаула Казачинина отрядъ изъ 100 казаковъ съ коннымъ орудіемъ, которому, не смотря на вышесказанное осложненіе, всетаки была дана инструкція съ приведеннымъ устрашающимъ предупрежденіемъ движенія за рѣку Лепсу(12).

Конечно, появленіе при подобныхъ условіяхъ отряда Казачинина на Лепсѣ не могло произвести никакого умиротворяющаго впечатлѣнія не только на зарубежныхъ, но даже и на нашихъ киргизъ. Переговоры Кенесары съ ними продолжались и его вліяніе росло.

По полученіи свѣдѣній объ установившихся отношеніяхъ киргизъ Б.-Орды къ Кенесары, пограничный начальникъ генералъ-маіоръ Вишневскій и самъ съ новымъ отрядомъ въ 100 казаковъ вынужденъ былъ выйти на рѣку Лепсу, гдѣ ему и удалось собрать главныхъ султановъ юсуновскихъ волостей Б.-Орды. 20 іюня 1846 г. Вишневскій объявилъ собравшимся султанамъ Высочайшее соизволеніе на принятіе ихъ съ народомъ подъ покровительство Россіи. 22 іюня султаны изъявили свое согласіе, а на слѣдующій день, въ присутствіи старшихъ султановъ Аягузскаго, Кокпектинскаго, Каркаралинскаго округовъ и предъ лицемъ султановъ, біевъ и старшинъ 5-ти родовъ Большой Орды: Дулатъ, Адбанъ, Суанъ, Чапрашты и Джялаиръ*), а точно также множества народа Большой и Средней Орды состоялся торжественный актъ принятія въ русское подданство киргизъ Большой Орды, заключавшійся въ провозглашеніи событія и отобраніи отъ народныхъ вождей Большой Орды подписокъ на вѣрноподданство съ обязательствомъ считать Кенесары своимъ врагомъ(10).

Однако, послѣ ухода съ Лепсы Вишневскаго, Кенесары передвинулся поближе къ границѣ Аягузскаго округа — на рѣку Коксу и возобновилъ прерванные было переговоры съ порубежными киргизами, вслѣдствіе чего киргизы матаевскихъ волостей открыли такую „баранту" въ предѣлахъ округа, что старшій Аягузскій султанъ просилъ начальника отряда есаула Казачинина о переходѣ съ отрядомъ за рѣку Лепсу, что было разрѣшено ему Вишневскимъ только въ крайности.

Вѣсти о движеніи Кенесары къ предѣламъ Аягузскаго

*) Н. Коншинъ. Приложеніе IX къ «Матеріаламъ для исторіи Степного края» стр. 90. См. примѣч. 9 въ «источникахъ» здѣсь въ концѣ главы.

округа возбудили въ Омскѣ тревогу. Генералъ-губернаторъ князь Горчаковъ (1836—1851 г.), послѣ совѣщанія съ начальникомъ Аягузскаго отряда есауломъ Нюхаловымъ, долго служившимъ въ южныхъ округахъ и нарочно вызваннымъ для доклада о положеніи дѣлъ въ Омскъ, приказалъ стоявшій на рѣкѣ Лепсѣ отрядъ Казачинина усилить 150-ю казаками, 80-ю человѣкъ пѣхоты 8 сибирскаго линейнаго баталіона и однимъ орудіемъ, а командованіе всѣмъ отрядомъ принять Нюхалову. Цѣлью дѣйствій отряду было назначено: выдвинуться за Лепсу на рѣку Кызылъ-Агачъ*), устроить здѣсь стоянку, неусыпно наблюдать за Кенесары, постараться настигнуть и разбить его и, во всякомъ случаѣ, заставить его удалиться за рѣку Или. Въ этотъ-же отрядъ были назначены два топографа, которымъ было приказано собрать подробныя свѣдѣнія о проходимой отрядомъ странѣ, избрать мѣсто для стоянки отряда и намѣтить пункты для учрежденія по нимъ линіи пикетовъ между Аягузомъ и стоянкою отряда.

27 августа 1846 года Нюхаловъ переправился чрезъ рѣку Лепсу, а 1 сентября прибылъ къ верховьямъ рѣки Кызылъ-Агачъ, но мѣстность показалась ему здѣсь недостаточно удобной для заложенія постоянной стоянки отрядовъ и онъ передвинулся нѣсколько назадъ, на рѣку Копалъ, гдѣ Джунгарскій Алатау покрытъ лѣсомъ. Здѣсь къ Нюхалову присоединился султанъ Каракъ съ отрядомъ изъ 200 вооруженныхъ киргизъ. 8 сентября отрядъ Нюхалова прибылъ на рѣку Караталъ, гдѣ къ нему присоединился еще второй киргизскій отрядъ въ 400 человѣкъ, подъ начальствомъ старшаго султана Буленя.

Султаны Б.-Орды, Али Адилевъ и Сюкъ Аблайхановъ, тоже явились здѣсь въ отрядъ съ обѣщаніемъ помощи со своей стороны и сообщили Нюхалову, что Кенесары, располагая десяти тысячнымъ скопищемъ вооруженныхъ киргизъ, занялъ полуостровъ Камалъ**) на озерѣ Балхашъ. Получивъ эти свѣдѣнія, Нюхаловъ двинулся дальше и, перейдя рѣки Коксу и Караталъ, направился правымъ берегомъ Или къ Балхашу, высылая киргизскіе отряды на развѣдку. Въ одну изъ такихъ развѣдокъ были захвачены люди изъ скопища Кенесары, которые и подтвердили извѣстія, доставленныя султанами. Двигаясь далѣе и собирая свѣдѣнія о топографіи

*) Самостоятельная рѣчка между рѣками Караталомъ и Біенъ, берущая начало въ предгорьяхъ Джунгарскаго Алатау, недалеко отъ нынѣшней почтовой станціи Акъ-ичке, что въ 30 верстахъ отъ гор. Капала и впадающая въ степное озеро Басъ-Куль.

**) Камалъ или Камау—дельта р. Или.

стойбища Кенесары, Нюхаловъ узналъ, что: — полуостровъ Камалъ составляется изъ стараго русла и рукавовъ рѣки Или, ограждается съ одной стороны Балхашемъ, съ другой — рѣкой Или, съ третьей — множествомъ болотистыхъ рѣчекъ и преимущественно широкимъ заливомъ по старому руслу, съ четвертой — глубокими песками; длина полуострова до 70 верстъ при ширинѣ отъ 5 до 12-ти; что на полуостровъ имѣется очень тѣсный и единственный входъ — чрезъ болотистый заливъ, а потомъ черезъ рѣчки. Глубина залива — въ ростъ лошади и что киргизы переправляются чрезъ него на верблюдахъ. Кромѣ того, весь полуостровъ поросъ саксауломъ, карагайникомъ и камышемъ([10]).

Нюхаловъ не рискнулъ двинуться въ это разбойничье гнѣздо, а, расположивъ отрядъ близь входа на полуостровъ, расчитывалъ, что за недостаткомъ корма для скота на полуостровѣ, Кенесары и самъ послѣшитъ его оставить. Предположенія Нюхалова вполнѣ оправдались. Кенесары, освѣдомившись чрезъ лазутчиковъ, объ устроенной ему западнѣ, рѣшилъ переправиться съ полуострова на лѣвый берегъ Или и двинулся къ рѣкѣ Чу. Отступленіе, почти бѣгство, скопища Кенесары сопровождалось гибелью множества скота и окончательной потерей его славы и вліянія среди киргизъ Большой Орды ([10]).

Вѣсть о пораженіи Кенесары быстро достигла до его злѣйшихъ враговъ — кара-киргизъ, которые выслали гонцовъ къ султану Али Адилеву развѣдать о положеніи дѣлъ. Узнавъ о желаніи мести со стороны кара-киргизъ, за всѣ нападенія, произведенныя Кенесарою на нихъ, Нюхаловъ немедленно отправилъ письмо къ манапамъ особенно вооруженныхъ противъ Кенесары родовъ, приглашая ихъ добить Кенесары, какъ ихъ и русскаго — общаго врага. Самъ-же Нюхаловъ, вслѣдствіе истощенія лошадей и недостатка кормовъ за рѣкою Или, не былъ въ состояніи преслѣдовать Кенесары и вернулся обратно на Копалъ, гдѣ отрядъ и получилъ приказаніе остаться на зиму ([10]).

Кенесары, узнавъ объ уходѣ русскаго отряда на Копалъ, передвинулся снова на Или, но перейти эту рѣку не рѣшился, завязавъ отсюда переговоры съ правобережными киргизами Б.-Орды. Въ свою очередь, Нюхаловъ, чтобы лучше наблюдать за Кенесары, выслалъ на рѣку Караталъ сотника Абакумова съ 20-ю казаками.

Положеніе Кенесары въ это время было настолько затруднительно, что даже появленіе на Караталѣ ничтожнаго отряда Абакумова, съ киргизами для разъѣздовъ, — заставило

султана снова отойти (*) на Чу ([10]).

Убѣдившись въ необходимости расширенія сферы русскаго вліянія на Семирѣчье въ интересахъ умиротворенія Большой Орды, правительство рѣшило заложить здѣсь укрѣпленіе и основать осѣдлый русскій пунктъ, передвинувъ государственную границу на Или Для болѣе-же твердой постановки, дѣла, прежде всего, требовалось заселить Аягузъ, т. е. нѣсколько обезпечить тылъ и до нѣкоторой степени приблизить свою базу къ театру предположенныхъ дѣйствій.

Испытавъ первую неудачу съ заселеніемъ Аягуза охотниками, правительство распорядилось принудительно переселить туда казаковъ, что и было исполнено въ 1847 году ([14]). Съ заселеніемъ Аягуза вниманіе сибирской администраціи сосредоточивается уже на укрѣпленіи нашего вліянія въ Семирѣчьѣ.

Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что названіе Семирѣчье, Семирѣченскій край, существуетъ очень давно.

Если припомнить приведенное въ началѣ этого очерка повелѣніе Императора Александра Павловича въ 1819 году: выстроить для султана Сюка домъ и мечеть на восточной сторонѣ озера Балхашъ при „урочищѣ семь рѣкъ", то очевидно, что названіемъ—Семирѣчье—опредѣлялось тогда совсѣмъ не цѣлая страна, въ ея современныхъ предѣлахъ, а пространство между рѣками Караталомъ и Лепсою, гдѣ дѣйствительно и имѣется, хотя и незначительныхъ, но все-таки семь рѣкъ: Караталъ, Коксу, Кызылъ-Агачъ, Біень, Аксу, Сарканъ и Лепса. Названіе „урочище семь рѣкъ", сокращенное потомъ въ Семирѣчье, Семирѣченскій край,—позднѣе было присвоено странѣ между рѣками Или и Лепсою и уже только съ 1867 года, когда была образована Семирѣченская область, исчезаютъ бывшія до того подраздѣленія ея: Аягузскій округъ, Семирѣченскій край и Заилійскій край, и остается одно названіе—Семирѣчье,—присвоенное уже всему району, вошедшему въ составъ области

Казачій отрядъ, которымъ съ 1847 года командовалъ уже Есаулъ Абакумовъ, для первой зимовки построилъ на уро-

(*) Въ 1847 г. Кенесары въ бою съ кара-киргизами былъ взятъ въ плѣнъ манапомъ рода Сарыбагышъ Джантаемъ Карабекомъ и не смотря на предложенный имъ богатый выкупъ, былъ умерщвленъ Джантаемъ, который письмомъ 15 октября 1847 г. и увѣдомилъ объ этомъ Пограничнаго начальника. См. приложеніе XI, стр. 105 «Матеріалы для исторіи Степного Края» Н. Коншина.

чище Капалъ, въ ущельѣ горъ, полуземляныя казармы, перестроенныя и улучшенныя Абакумовымъ въ 1847 году, а затѣмъ въ томъ-же году, верстахъ въ 4-хъ или нѣсколько болѣе отъ стоянки отряда, было заложено укрѣпленіе, названное Капальскимъ, строившееся и въ слѣдующемъ 1848 г.([5]).

Въ 1848 году назначается на только что учрежденную тогда должность пристава при киргизахъ Большой орды маіоръ, баронъ Врангель, въ рукахъ котораго сосредоточивается все административное управленіе краемъ и ему же подчиняются всѣ здѣсь расположенныя войска; мѣстопребываніемъ пристава назначено укрѣпленіе Капальское ([16]). Для удобства сношеній съ отрядомъ на Капалѣ по Высочайшему повелѣнію 22 мая 1848 г ([17]) было учреждено почтовое сообщеніе Аягуза съ Капаломъ, для чего было приказано устроить между станицей Аягузской и Капаломъ 12 пикетовъ.

Закрѣпленіе осѣдлымъ русскимъ населеніемъ вновь занятой страны уже не откладывалось здѣсь такъ долго, какъ въ Аягузѣ. Одновременно съ постройкой Копальскаго укрѣпленія сюда были направлены переселенцы—казаки изъ 9-го сибирскаго полкового округа. Партіи переселенцевъ прибывали сюда въ теченіе 1848, 1849 и 1850 годовъ ([18]), поселялись вблизи Капальскаго укрѣпленія и образовали здѣсь станицу Капальскую ([18]).

Такая умѣлая и твердая постановка дѣла, въ связи съ ежегодными рейдами казачьихъ отрядовъ въ горахъ и степяхъ Семирѣчья, привела къ быстрому фактическому подчиненію неподвластныхъ намъ дотолѣ остатковъ средней орды, здѣсь обитавшихъ, и части Большой орды до самыхъ береговъ Или.

Занятіе заилійскаго края.

Въ Семирѣчьѣ располагалась только меньшая часть киргизъ Большой орды, большая же занимала Заилійскій край, на господство въ которомъ претендовали кокандцы ([19]), державшіеся здѣсь исключительно раздорами въ средѣ киргизъ.

Такимъ образомъ на рубежѣ Семирѣчья на берегахъ Или, столкнулись два совершенно противоположныхъ вліянія: русское—умиротворяющее и кокандское, поощряющее кочевниковъ не только къ взаимнымъ разпрямъ, но и набѣгамъ на правый берегъ Или для грабежа ([20]) и востановленія противъ русскихъ правобережныхъ киргизъ ([21]).

Понятно, что при этихъ условіяхъ господство кокандцевъ въ Заилійскомъ краѣ не могло быть долго терпимо и для успѣха русскаго дѣла въ Семирѣчьѣ вопросъ объ удаленіи такого врага самъ собою выдвигался на первый планъ.

Главнымъ опорнымъ пунктомъ кокандцевъ въ Заилійскомъ краѣ была крѣпостца Таучубекъ, на рѣкѣ Каскеленъ (лѣвый

притокъ Или), представлявшая редутъ 40-ка саженъ длины въ каждомъ боку и имѣвшая человѣкъ 150 гарнизона. ([22])

Со взятіемъ этой крѣпостцы русскими—кокандцы лишались -бы своей опоры въ краѣ, теряли-бы и, безъ того, свой невеликій престижъ въ глазахъ киргизъ и несомнѣнно вынуждены были-бы оставить Заилійскій край. Такое предположеніе вызывалось, повидимому, надеждой на возстаніе подвластныхъ кокандцамъ киргизъ и обѣщаніемъ содѣйствія съ ихъ стороны предположенному экспедиціонному отряду. ([20])

Вслѣдствіе такихъ соображеній—цѣлью нанесенія удара господству кокандцевъ и становилась крѣпостца Таучубекъ, отстоящая около 350 верстъ отъ Капала.

Весною 1850 года по Высочайшему повелѣнію въ укрѣпленіи Капальскомъ, подъ начальствомъ капитана генеральнаго—штаба Гутковскаго, былъ сформированъ отрядъ ([20]) въ составѣ только 50-ти человѣкъ пѣхоты, 175 казаковъ и 2-хъ орудій ([23]), который и выступилъ изъ Капала 4 апрѣля 1850 года, а 19 апрѣля былъ уже у стѣнъ Таучубека. ([21])

Но здѣсь произошло то, что, повидимому, совсѣмъ не входило въ разсчеты при отправленіи экспедиціи,—киргизы возстали, но только не противъ кокандцевъ, а противъ русскихъ ([20]). Слабый отрядъ Гутковскаго, дѣйствовавшій въ разстояніи около 350 верстъ отъ своей базы, вынужденъ былъ отступать, не выполнивъ своего назначенія ([20]), преслѣдуемый не менѣе какъ 3-хъ тысячнымъ скопищемъ киргизъ ([2]). На рѣкѣ Алматы отступавшій отрядъ выдержалъ бой противъ скопищъ ихъ силою отъ 6 до 7 тысячъ человѣкъ ([22]) и 25 апрѣля, наконецъ, достигъ рѣки Или ([20]).

Эта неудавшаяся экспедиція однако, не могла подорвать въ степяхъ обаянія русскихъ: хотя слабый отрядъ Гутковскаго и не въ силахъ былъ выполнить своего назначенія, но онъ показалъ кочевникамъ и кокандцамъ геройскую стойкость русскихъ войскъ, наглядно убѣдилъ ихъ, что и слабый русскій отрядъ разбить—уничтожить имъ совсѣмъ не по силамъ.

Едва ли будетъ ошибкой предположить, что экспедиція слѣдующаго года главной долей своего безкровнаго успѣха обязана была именно такому впечатлѣнію. На сибирскую же администрацію неудачный исходъ экспедиціи Гутковскаго произвелъ подавляющее впечатлѣніе—въ ея глазахъ всталъ грозный призракъ усиливающагося вліянія кокандцевъ въ Заилійскомъ краѣ. Рѣшено было въ слѣдующемъ году снарядить туда новый отрядъ и, на этотъ разъ, уже принять всѣ мѣры къ обезпеченію успѣха, полагаясь исключительно на свои собственныя силы

Начальникомъ экспедиціоннаго отряда назначенъ извѣстный по своей прошлой боевой службѣ въ сибирскихъ степяхъ ([24]) командиръ 6 Сибирскаго казачьяго полка подполковникъ Карбышевъ ([25]); въ составъ отряда вошли: одинъ баталіонъ пѣхоты, 4 сотни казаковъ, 2 легкихъ и 4 батарейныхъ орудія, 4 полупудовыхъ мортиры, 2 ракетныхъ станка и, даже 6-ть крѣпостныхъ ружей ([20]) Цѣлью экспедиціи было поставлено теперь не только уже взятіе и разрушеніе крѣпостцы Таучубекъ, но и наказаніе главныхъ виновниковъ возстанія противъ отряда Гутковскаго, а точно такъ-же утвержденіе нашего вліянія въ Заилійскомъ краѣ ([26]).

Отрядъ выступилъ изъ Капала 18 мая 1851 года и, послѣ двухъ затруднительныхъ переправъ чрезъ рѣки Кокъ су и Или, 7 іюня былъ уже въ виду Таучубека ([20]).

Кокандскій гарнизонъ, завидѣвъ такую грозную, по тѣмъ временамъ для степей, силу русскихъ, оставилъ всякую мысль о защитѣ, бросилъ свое укрѣпленіе и позорно бѣжалъ ([20]). Крѣпостца была разрушена до основанія ([20]), мѣсто ея заровнено ([22]), послѣ чего отрядъ 30 іюля возвратился въ Капалъ ([20]), попутно, жестоко наказавъ и Заилійскихъ киргизъ, за ихъ измѣну и нападеніе въ прошломъ году на отрядъ Гутковскаго.

Приблизительно около этого-же времени виды нашего правительства, преслѣдовавшіе первоначально почти исключительно цѣли оборонительныя, подъ вліяніемъ представленій сибирской администраціи ([27]), расширяются и кромѣ цѣлей чисто сборонительныхъ начинаютъ преслѣдовать и интересы торговые ([27]), въ предположеніи развитія, какъ Сибири, такъ и вновь занятой страны. Такимъ образомъ къ интересамъ политическимъ присоединяются торговые, являющіеся въ свою очередь, какъ мы увидимъ далѣе, важнымъ факторомъ движенія впередъ.

Главныхъ торговыхъ путей изъ Семирѣчья — четыре: въ Чугучакъ, Кульджу, Кашгаръ и Ташкентъ. Пути въ китайскіе города Чугучакъ и Кульджу, какъ пролегавшіе — первый по принадлежавшей уже намъ территоріи, а второй по Илійской долинѣ, отчасти вошедшей къ тому времени въ сферу русскаго вліянія, первыми здѣсь обратили на себя вниманіе правительства.

Въ цѣляхъ покровительства торговлѣ и защиты русскихъ интересовъ въ пограничныхъ китайскихъ предѣлахъ 25 іюля 1851 года русскимъ уполномоченнымъ, генераломъ Ковалевскимъ, былъ заключенъ въ Кульджѣ торговый трактатъ съ Китаемъ ([27]), въ силу котораго въ 1852 году были назначены и прибыли къ мѣсту своего назначенія первые русскіе тамъ

консулы: въ Кульджѣ коллежскій ассесоръ Захаровъ, а въ Чугучакъ коллежскій ассесоръ Татариновъ ([28]).

При каждомъ консульствѣ были учреждены русскія факторіи и было приказано содержать тамъ по 2 урядника и по два казака отъ Сибирскаго казачьяго войска ([28]). Затѣмъ, въ томъ-же 1852 году Императоръ Николай Павловичъ, по разсмотрѣніи имъ доклада генералъ-губернатора Западной Сибири о дальнѣйшемъ устройствѣ киргизской степи и вновь занятой страны, изволилъ приказать,— *обратить первое вниманіе на обезпеченіе караванныхъ путей въ Кульджу и Чугучакъ* ([27]).

Торговый путь въ Чугучакъ былъ обезпеченъ до нѣкоторой степени уже тѣмъ, что пролегалъ по странѣ намъ подвластной, а потому оставалось позаботиться лишь о пути въ Кульджу.

Въ этихъ видахъ и было рѣшено занять удобный пунктъ въ Илійской долинѣ, укрѣпить его, перенести въ него изъ Капала резиденцію пристава при киргизахъ Б.-Орды, поставить тамъ достаточно сильный отрядъ и, попутно, въ развитіе основной идеи, привести въ фактическую зависимость отъ Россіи заилійскихъ киргизъ, обложивъ ихъ податью ([27]). Выполненіе такого предположенія давало вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность пріобрѣсти значительно большее вліяніе на положеніе дѣлъ въ Кокандѣ и Ташкентѣ ([27]).

Первымъ поводомъ для перенесенія наступательныхъ дѣйствій изъ Семирѣчья въ Заилійскій край послужило изъявленіе желанія однимъ изъ вліятельныхъ манаповъ кара-киргизъ или, какъ называли ихъ тогда, Дикокаменныхъ киргизъ, Урманомъ-Ніязбекомъ—принять русское подданство ([27]).

Здѣсь нужно замѣтить, что сношенія съ кара-киргизами главы нашей администраціи въ Семирѣчьѣ—начались значительно раньше, такъ какъ приставъ маіоръ баронъ Врангель еще въ іюлѣ 1848 г. доносилъ генералъ-губернатору Западной Сибири, что манапъ Бурамбай просилъ нашей помощи противъ кокандцевъ, въ ожиданіи которой, онъ, съ подвластными ему кара-киргизами, ушелъ въ самыя неприступныя горы, гдѣ и намѣренъ защищаться отъ кокандцевъ до послѣдней крайности ([9]).

Лѣтомъ 1853 года въ Капалѣ подъ начальствомъ пристава при киргизахъ Б.-Орды, маіора Перемышльскаго, формируется отрядъ, оффиціальная цѣль котораго была—торжественное принятіе Урмана-Ніязбека въ русское подданство ([27]), а дѣйствительная, скрытая,—занятіе Заилійскаго края.

Въ составъ отряда вошли:

одна рота 8-го линейнаго Сибирскаго баталіона:	
оберъ-офицеровъ	4
нижнихъ чиновъ	187
двѣ сотни казаковъ 7 и 8 Сибирскихъ полковъ:	
оберъ-офицеровъ	4
казаковъ	218
лошадей: строевыхъ	222
„ вьючныхъ	110
Взводъ № 21 конно-артиллерійской Сибирской казачьей батареи: орудій	2
оберъ-офицеровъ	1
нижнихъ чиновъ	44
ракетныхъ станковъ	2
при нихъ прислуги:	
ракетной роты	1
казаковъ 10-го полка	10
Итого: оберъ-офицеровъ	9
— нижнихъ чиновъ	460

Всего-же, съ начальникомъ отряда маіоромъ Перемышльскимъ, 470 человѣкъ ([30]).

Кромѣ 110 вьючныхъ лошадей, принадлежавшихъ исключительно двумъ сотнямъ, при отрядѣ было еще и 300 верблюдовъ([31]). Такая на первый взглядъ, непомѣрная величина обоза, при сравнительно ничтожномъ отрядѣ, объясняется тѣмъ, что киргизы не знали и не занимались культурою нужныхъ для продовольствія русскихъ войскъ ржи или пшеницы, овса или ячменя, а потому не только въ предлежащемъ краѣ, но даже и въ Капалѣ ничего подобнаго достать было нельзя. Генералъ губернаторъ Западной Сибири въ томъ-же 1853 г и по поводу этой-же экспедиціи сообщалъ министру иностранныхъ дѣлъ, что „продовольствіе войскъ, занимающихъ Капалъ *по нынѣ* производится закупкою и перевозкою провіанта *съ Сибирской линіи* и потому таковое за рѣку Или должно быть распоряжаемо тѣмъ-же образомъ" ([27]).

Вслѣдствіе такого исключительнаго положенія въ вопросѣ о продовольствіи—отряды и вынуждены были весь провіантъ и фуражъ на извѣстный, иногда довольно продолжительный, періодъ времени возить съ собою въ обозѣ. Такое затрудненіе усложнялось еще и тѣмъ, что послѣдующія доставки продовольствія къ экспедиціоннымъ отрядамъ требовали экскортированія ихъ достаточно сильнымъ прикрытіемъ, для охраны отъ нападенія кочевниковъ.

Экспедиціонный отрядъ выступилъ изъ Капала 2 іюля 1853 г. ([32]) и, направившись по пути, пройденному отрядомъ подполковника Карбышева въ 1851 году, переправился чрезъ рѣку Кокъ-су, а потомъ, въ виду недостатка въ это время года воды по избранному направленію, перейдя горы Аркалыкъ, повернулъ на урочищеТалды-Булакъ и, обогнувъ горы Май-Тюбе, слѣдовалъ вдоль подошвы горъ Чулакъ. Затѣмъ отрядъ перерѣзалъ эти горы и 15 іюля подошелъ къ рѣкѣ Или на урочищѣ Угузъ-Уткуль ([33]), вблизи устья рѣки Тургень.

16 іюля отрядъ началъ переправу черезъ рѣку Или, а 18-го закончилъ ее, потерявъ всего только 8 верблюдовъ ([33]). Переправа была произведена на двухъ паромахъ, привезенныхъ въ разобранномъ видѣ при отрядѣ ([34]).

Урочище Угузъ-Уткуль, для устройства предположенныхъ постоянной переправы и пикета при ней, оказалось совершенно непригоднымъ, а потому Перемышльскій, оставивъ на правомъ берегу Или 25 казаковъ и 15 человѣкъ пѣхоты, подъ командой хорунжаго Лаптева ([34]), приказалъ ему идти съ паромомъ внизъ по Или, къ устью рѣки Талгаръ, гдѣ переправлялся въ 1851 году отрядъ Карбышева, и, если не окажется болѣе удобнаго мѣста,—то тамъ установить постоянную переправу и заняться устройствомъ при ней пикета—казармы на 50 человѣкъ ([34]). Съ отрядомъ Лаптева былъ назначенъ прапорщикъ корпуса топографъ Сонинъ, на обязанности котораго собственно и лежалъ выборъ мѣста для переправы ([34]).

Отъ Или отрядъ двинулся 19 іюля вверхъ по рѣкѣ Тургень и, выйдя на караванную дорогу изъ Ташкента въ Кульджу, повернулъ по ней на западъ, съ цѣлью отыскать лучшее мѣсто для проэктированнаго укрѣпленія([35]).

21-го іюля отрядъ былъ уже у рѣки Исыкъ([35]), а затѣмъ перешелъ къ рѣкѣ Талгару([36]). Осмотрѣвъ долины обѣихъ рѣкъ, Перемышльскій призналъ, что лучшей для зимовки отряда мѣстностью будетъ долина рѣки Исыкъ, у выхода ея изъ горъ([36]).

Здѣсь мѣстность, сначала, показалась начальнику отряда настолько во всѣхъ отношеніяхъ удобной и выгодной для расположенія на ней предположеннаго укрѣпленія, что онъ уже думалъ приступить къ заготовкѣ лѣсныхъ матеріаловъ для будущихъ казенныхъ строеній([36]) и окончательно рѣшилъ оставить здѣсь отрядъ на зимовкѣ([37]).

Съ приходомъ на рѣку Исыкъ, маіоръ Перемышльскій послалъ киргизскимъ властямъ и вліятельнымъ людямъ „приглашеніе“ доставить верблюдовъ для перевозки съ Капала на мѣсто зимовки отряда мѣсячной пропорціи продо-

вольствія([36]). Здѣсь же было получено донесеніе хорунжаго Лаптева, что мѣсто для постоянной переправы чрезъ рѣку Или избрано при устьѣ рѣки Талгаръ, гдѣ уже начата постройка полуземлянной казармы для пикета и что приступлено къ заготовкѣ сѣна на зиму([38]).

Сообщеніе экспедиціоннаго отряда съ пикетомъ на рѣкѣ Или и съ Капальскимъ укрѣпленіемъ было организовано при помощи преданныхъ намъ киргизъ и почта ими доставлялась довольно исправно([33]).

Въ концѣ іюля и началѣ августа Перемышльскій, съ инженеръ-поручикомъ Александровскимъ, осмотрѣлъ долину рѣкъ Большой и Малой Алматы. Рекогносцировка убѣдила начальника отряда, что эта долина, по удобству добыванія лѣса, большому количеству прекрасной, перерѣзанной арыками (оросительные каналы), земли и обилію сѣнокосныхъ мѣстъ, несравненно лучше долины рѣки Исыкъ, почему Перемышльскій окончательно уже и рѣшилъ избрать именно эту долину для заложенія предположеннаго укрѣпленія ([39]), т. е. въ будущемъ города Вѣрнаго.

Съ основаніемъ здѣсь русскаго поселенія за этой долиной оказалось-бы еще и то преимущество, что всѣ лучшія кочевья и земледѣльческія мѣстности Дулатовъ—одного изъ наиболѣе сильныхъ и вліятельныхъ тогда родовъ киргизъ,—были бы у насъ подъ руками ([39]).

Во время экспедиціи 1853 г. въ заилійскомъ краѣ, отрядъ Перемышльскаго не имѣлъ открытыхъ непріязненныхъ столкновеній съ тамошними киргизами, хотя внутренніе безпорядки, взаимные набѣги и грабежи въ ордѣ не прекращались ([36]). Въ степи постоянно бродили разбойничьи шайки, дерзость которыхъ иногда простиралась до того, что онѣ ночами рѣшались подходить къ отряду. По этому поводу Перемышльскій доносилъ, что „шайки барантовщиковъ (разбойниковъ) шатаются по ночамъ около отряда и производятъ тревогу въ лагерѣ“ ([36]).

Здѣсь, какъ и въ Семирѣчьѣ, и по тѣмъ-же самымъ причинамъ, на сторонѣ русскихъ оказывались только нѣкоторые именитые киргизы, общее-же настроеніе народа было намъ сильно враждебно. Страхъ, наведенный экспедиціей Карбышева въ 1851 г., сознаніе своего безсилія предъ русскимъ отрядомъ, а, главнымъ образомъ, невозможность получить по мощь извнѣ, такъ какъ степная молва и сюда донесла свои слухи объ удачной экспедиціи русскихъ въ этомъ (1853) году изъ Оренбурга къ Акъ-Мечети ([40])—дѣлали покорной народную массу киргизъ ([41]).

Одною изъ многихъ причинъ непріязни народа могло служить еще и то характерное обстоятельство, что наши отряды, дѣйствуя въ киргизскихъ степяхъ, т. е. внѣ предѣловъ русскаго государства и среди народа совершенно чуждаго намъ по укладу жизни, снабжались деньгами не въ звонкой монетѣ, а ассигнаціями.

Такой порядокъ снабженія поставилъ, наконецъ, отрядъ Перемышльскаго въ затруднительное положеніе и онъ вынужденъ былъ просить генералъ-губернатора Западной Сибири: „всѣ денежные отпуски для отряда приказать дѣлать серебряною монетою, имѣющею здѣсь значеніе, ибо цѣнности ассигнацій киргизы здѣсь рѣшительно не понимаютъ и на нихъ здѣсь ничего нельзя пріобрѣсти" (39).

Весьма вѣроятно, что покупка у туземцевъ лошадей, а точно такъ-же порціоннаго скота и другихъ необходимыхъ продуктовъ подъ расчетъ денежными знаками, не имѣвшими для нихъ ровно никакой цѣнности, обращалась въ глазахъ кочевниковъ въ насильственный захватъ ихъ имущества, что въ представленіи киргизъ легко могло сводить русскій отрядъ на степень сильной шайки барантачей и могло служить для народа однимъ изъ осязательныхъ поводовъ непріязни къ русскимъ.

Очевидно враждебное настроеніе съ теченіемъ времени усилилось на столько, что 8 августа Перемышльскій съ частью своего отряда долженъ былъ сдѣлать дивверсію съ рѣки Исыка далѣе на западъ, черезъ рѣки Каскеленъ и Чимолганъ, на рѣку Узунъ-Каргалы, чтобы, какъ онъ выразился въ своемъ донесеніи по этому поводу, „стать сколько можно въ тылу всѣхъ волостей и тѣмъ придать болѣе вѣсу своимъ требованіямъ" (39).

Этимъ движеніемъ Перемышльскій воспользовался для захвата у киргизъ большой партіи верблюдовъ, нужныхъ ему для транспортированія къ отряду изъ Капала продовольствія. Какъ уже было сказано, Перемышльскій предлагалъ вліятельнымъ киргизамъ доставить верблюдовъ, но просьба его не была исполнена. Послѣ-же движенія на рѣку Узунъ-Каргалы, —киргизы доставили верблюдовъ въ нужномъ количествѣ.

Въ концѣ августа отрядъ сосредоточился на рѣкѣ Исыкъ и началъ готовиться здѣсь къ зимовкѣ (37).

Зима съ 1853 на 1854-й и весь 1854 годъ прошли въ Заилійскомъ краѣ сравнительно спокойно, никакихъ болѣе или менѣе значительныхъ экспедицій не предпринималось.

Заилійскій отрядъ, состоявшій и въ 1854 году подъ начальствомъ пристава при киргизахъ Б.-Орды маіора Пере-

мышльскаго, усиленный одною ротою пѣхоты, занятъ ([41]) былъ устройствомъ въ долинѣ рѣки Алматы Заилійскаго укрѣпленія ([42]), названнаго потомъ Вѣрнымъ.

Въ слѣдующемъ году начальникомъ Заилійскаго отряда назначенъ Сибирскаго линейнаго казачьяго войска войсковой старшина Шайтановъ; на него было возложено устройство и водвореніе на житье въ Заилійскомъ краѣ Сибирскихъ казаковъ ([43]), первая партія которыхъ, вмѣстѣ съ крестьянами, зачисленными въ казаки, прибыла сюда 1-го іюля 1855 года ([44]) и была поселена возлѣ укрѣленія Вѣрнаго, образовавъ здѣсь первое осѣдлое русское поселеніе въ Заилійскомъ краѣ. Затѣмъ были основаны поселенія на рѣкахъ Талгарѣ, Исыкѣ и Каскеленѣ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ ниже.

Такъ какъ собственно въ этомъ районѣ заканчивается территорія нынѣшняго Семирѣченскаго казачьяго войска, а послѣдующее наступленіе русскихъ въ глубину Средней Азіи интересно здѣсь только со стороны участія въ немъ Сибирскихъ, впослѣдствіи Семирѣченскихъ, казаковъ, то поэтому дальнѣйшій ходъ исторіи завоеванія Семирѣченской области въ ея современныхъ предѣлахъ, а точно такъ-же и наступленіе за предѣлы ея, будетъ изложено въ особомъ военно-историческомъ очеркѣ.

ИСТОЧНИКИ

Къ части I, главѣ III исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска.

№ примѣчаній.

1 Полн. Собр. зак. Рос. Имп. 1822 г. т. XXXVIII ст. 29124 и 29125.

2 Архивъ Лепсинскаго уѣзднаго управленія въ г. Лепсинскѣ Дѣла бывшаго Аягузскаго приказа, по архивной описи дѣло № 50—1831 г., листъ 9; выписка изъ журала общаго присутствія Комитетовъ Сибирскаго и Азіатскаго 28 декабря 1831 года № 9.

3 Тотъ-же архивъ, тѣ-же дѣла и тотъ-же журналъ комитетовъ Сибирскаго и Азіатскаго.

4 А. Алекторовъ. Краткая исторія киргизскаго народа т XVI. вып. 3-й примѣчаніе на стр. 16, извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Казань, 1900 г.

5 Тотъ-же архивъ, тѣ-же дѣла и тотъ-же журналъ комитетовъ Сибирскаго и Азіатскаго Высочайшее повелѣніе 1819 г. П. С. З Р. И. 1819 г. т. XXXVI ст. 27642.

6 Тотъ же архивъ, тѣ-же дѣла, дѣло № 50 – 1831 года, листъ 3, письмо китайскаго чиновника старшему султану Сарту Ючину; вышеприведенный журналъ комитетовъ Сибирскаго и Азіатскаго.

7 Тотъ-же архивъ, тѣ-же дѣла, дѣло № 111—1832 года, листъ 2-й: копія съ предписанія генералъ-губернатора Западной Сибири, отъ 21-го января 1832 года № 55 Омскому областному начальнику.

8 Тотъ-же архивъ, то-же дѣло, листъ 35: предписаніе Омскаго общаго областного управленія, отъ 16 августа 1836 года № 2861, Аягузскому окружному приказу.

9 Тотъ-же архивъ, тѣ-же дѣла, дѣло № 639, листъ 3-й: донесеніе начальника Аягузскаго внѣшняго округа 26 апрѣля 1839 года № 363.

10 Записки Семипалатинскаго подъотдѣла Зап. Сибирскаго отдѣла Императ. рус. географ. общества. Выпускъ 1-й, Семипалатинскъ, 1903 г., ст Н. Коншина. „Матеріалы для исторіи Степного края“ очеркъ V-й. Эти матеріалы по заявленію Н. Коншина (стр. 3) представляютъ „сводку данныхъ изъ архивныхъ дѣлъ, хранящихся при Семипалат. област. Правленіи и Каркаралинскомъ уѣздномъ управленіи“.

11 Тотъ-же архивъ, тѣ-же дѣла, дѣло № 675—1839 г. листъ 1: сообщеніе общаго управленія Сибирскихъ киргизъ 4 августа 1839 г. № 1235, Аягузскому окружному приказу и листъ 9-й: донесеніе начальника Аягуз. воен. округа Аягузскому окруж. приказу.

12 Тотъ-же архивъ, тѣ-же дѣла, дѣло № 1350—1844 г.: листъ 1-й: предложеніе общаго управленія Сибирскихъ киргизъ, 2 апрѣля 1844 года. № 716, Аягузскому окруж. приказу и дѣло № 1576—1846 г., листъ 13: предложеніе того-же управленія, тому-же приказу 4 марта 1846 г. № 529 и мн. др въ этомъ дѣлѣ.

13 А. Макшеевъ. Историч. обзоръ Туркестана и наступат. движенія въ него русскихъ. СПБ. 1890 г. стр. 117—125.

14 Архивъ Войскового Правленія Семирѣч. каз войска, г. Вѣрный, по описи дѣлъ, поступившихъ изъ казачьяго отдѣленія Штаба войскъ Семирѣч. обл. по части хозяйственной, дѣло № 65, листы 8, 12, 13, 26 31 и слѣд.

15 Библіотека есаула Н. В. Леденева (автора); современно завѣренная копія съ рапорта начальника Семирѣченскаго отряда есаула артиллеріи Абакумова 26 іюня 1848 г. № 262 „Приставу Большой киргизской орды, господину маіору и кавалеру барону Врангелю."

16 Инструкція, Высочайше утвержденная 10 января 1848 года. Архивъ управленія начальника Капальскаго уѣзда въ гор. Капалѣ, по описи 1891 г. въ дѣлѣ 1848 г. № 89, рапортъ командира 2 сибирской сотни 10 марта 1848 г. № 17, адресованный „Командующему войсками Семирѣченскаго края, г. маіору и кавалеру барону Врангелю.

17 Полн. С. З. Р. И. 1848 г. т. XXIII ст. 22292.

18 Архивъ Войскового Правленія Семирѣч. каз. войска; по описи дѣлъ, поступившихъ изъ разныхъ учрежденій, дѣло 1849 г. № 3/5.

19 А. Макшеевъ. Историческій обзоръ Туркестана и наступат. движенія въ него русскихъ, стр. 136 СПБ. 1890.

20 Тотъ-же архивъ (примѣч. 18-е), по той же описи, дѣло 1859 г. № 29, листы: 2, 3 и 4. Здѣсь кокандцы называются уже кипчаками.

21 Архивъ управленія начальника Вѣрненскаго уѣзда, въ г. Вѣрномъ. Дѣло канцеляріи пристава Б.-Орды, по общей описи дѣло 1848 г. № 1/5, листъ 3, донесенія пристава Врангеля генералъ-губернатору Запад. Сибири 27 іюня и 10 іюля 1848 г. №№ 4 и 6.

22 А. Макшеевъ. Историч. обзоръ Туркестана, стр 137.

23 Тоже, стр. 136.

24 Генералъ Г. Катанаевъ. Краткій историческій очеркъ службы Сибирскаго казачьяго войска, оффиціальный, стр. 16, 17 и 22. Омскъ 1901 г.

25 Архивъ управленія начальника Вѣрненскаго уѣзда въ гор. Вѣрномъ. Дѣла канцеляріи пристава Большой-Орды, по общей описи дѣло 1851 № 11/7, листъ 86,—предпис. Штаба Сибирск. корпуса 3 апрѣля 1851 г. № 114 приставу при киргиз. Б.-Орды.

26 Архивъ управленія начальника Вѣрненскаго уѣзда въ гор. Вѣрномъ. Дѣло канцеляріи пристава при киргизахъ Б.-Орды; по общей описи дѣло 1851 г. № 11/7 листъ 25, —предписаніе Штаба Сибирскаго отд. корпуса 12 марта 1851 г. № 72, приставу капитану Перемышльскому.

27 Тотъ-же архивъ, тѣ-же дѣла, по той-же описи, дѣло 1853 г. № 31/8, листы 18, 19 и 20, копія отношенія и. д. генералъ-губерн. Зап. Сибири управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ 4 апрѣля 1853 г. № 127.

Пол. С. З. Р. И. т. XXXVI, ст. 36802. указъ Сената 3 апр. 1861 г. Здѣсь обнародованъ подлинный текстъ договора 25 іюля 1851 и тамъ-же дополненіе къ т. XXVII ст. 25966а, которой установлены правила для торговли съ западнымъ Китаемъ.

28 Архивъ управленія начальника Лепсинскаго уѣзда, г. Лепсинскъ Семирѣч. обл., по архивной описи дѣло 1852 года № 2410. предложеніе общаго управленія Сибирскихъ киргизъ 5 апрѣля 1852 г. № 711, Аягузскому окружному приказу и др. въ этомъ дѣлѣ бумаги.

29 Архивъ управленія начальника Вѣрненскаго уѣзда въ гор. Вѣрномъ дѣла канцеляріи пристава Б.-Орды; по общей описи дѣло 1848 г. № 1/5, листъ 3: донесеніе пристава маіора Врангеля, 10 іюля 1848 г. № 6.

30 Архивъ управленія нач. Вѣрн. уѣзда. Дѣла канцеляріи пристава Б.-Орды; по общей описи дѣло 1853 г. № 31/8, листъ 25: вѣдомость о составѣ отряда пристава Перемышльскаго, сформированнаго для движенія за р. Или къ манапу Урману,

31 Тотъ-же архивъ и то-же дѣло, № 31/8, листъ 60; донесеніе пристава Перемышльскаго генералъ-губернат. Запад. Сибири генералу-отъ-инфант. Гасфорту о переправѣ отряда чрезъ р. Или.

32 Архивъ управленія нач. Вѣрн. уѣзда,—тѣ-же дѣла, по той-же описи, дѣло №31/8 1853 г, листъ 57, донесеніе пристава маіора Перемышльскаго 2 іюля 1853 г., № 172, генер.-губерн. Зап. Сибири.

33 Архивъ управленія нач. Вѣрн. уѣзда, тѣ-же дѣла, по той-же описи, дѣло 1853 г. № 31/8, листъ 60: донесеніе пристава

Перемышльскаго генералъ-губерн. Зап. Сибири Гасфорту.

34 Тотъ-же архивъ и то-же дѣло, листъ 77: предписаніе пристава Перемышльскаго 18 іюля 1853 г. № 191 хорунжему Лаптеву.

35 Архивъ управленія нач. Вѣрненскаго уѣзда. тѣ-же дѣла, дѣло 1853 г. № 31/8, листъ 80, письмо пристава Перемышльскаго 21 іюля 1853 г. № 193 бію Джайнаку Абакову.

36 Тотъ-же архивъ, тѣ-же дѣла, то-же дѣло, листъ 85: донесеніе генер.-губерн-ру. Зап. Сибири пристава Перемышльскаго 24 іюля 1853 г. № 147.

37 Тотъ-же архивъ и дѣло, листы 109 и 112; донесеніе Перемышльскаго, 8 августа 1853 г. № 213, командиру бригады полковнику Хоментовскому и 20 августа 1853 г. генер. губернатору Запад. Сибири.

38 Тотъ-же архивъ и то-же дѣло, листъ 84: донесеніе хорунжаго Лаптева № 11, маіору Перемышльскому.

39 Тотъ-же архивъ и то же дѣло; листъ 99—донесеніе Перемышльскаго корпусному командиру 8 августа 1853 г № 212 и листъ 109—его-же донесеніе отъ 8 же августа № 213, командиру казачьей бригады Хоментовскому.

40 Акъ-Мечеть—кокандская крѣпость на р. Сыръ-Дарьѣ была взята экспедиціоннымъ отрядомъ подъ личной командой Оренбургскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Перовскаго, 28 іюля 1853 г Первая часть этого отряда выступила изъ Оренбурга 25 апрѣля. А Макшеевъ, истор. обзоръ Туркестана СПБ. 1890 г. стр. 183—203.

41 Архивъ управленія нач. Вѣрн. уѣзда, дѣло 1853 г. № 31/8, листъ 86: донесеніе пристава Перемышльскаго 24 іюля 1853 года № 147, корпусному командиру и листъ 100—донесеніе его-же 8 августа 1853 г. № 212, корпусному командиру, бывшему въ то-же время и генералъ-губернаторомъ Зап. Сибири.

42 Архивъ Б.-Алматинскаго станичнаго правленія. Отдѣльная копія съ доклада военнаго министра 4 февраля 1854 г. № 70 Императору Николаю I-му, завѣренная и высланная генераломъ—отъ—инфантеріи Колпаковскимъ при письмѣ его на имя Б.-Алмат. ст. атамана отъ 12 апрѣля 1893 г. № 10

43 Архивъ управленія нач. Вѣрн уѣзда, дѣло 1855 № 36/2, листы 148 и 149, предписаніе командира Сибирской казачьей бригады полковника Хаментовскаго 7 апрѣля 1855 г. № 5, маіору Перемышльскому.

44 Архивъ Войскового Правленія Семирѣч. каз. войска, по описи дѣлъ, поступившихъ изъ разныхъ учрежденій, дѣло 10-го полка. 1856 г, № 10/20; рапортъ, войскового старшины Шайтанова 14 декабря 1856 года № 2822.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 4-я

Поселеніе Сибирскихъ казаковъ въ Семирѣчьѣ и Заилійскомъ краѣ.

Глава 4-я

Поселеніе Сибирскихъ казаковъ въ Семирѣчьѣ и Заилійскомъ краѣ.

Семирѣченское казачье войско починомъ самого русскаго правительства было выдѣлено изъ Сибирскаго, а потому исторія Сибирскихъ казаковъ въ Семирѣчьѣ является началомъ исторіи Семирѣченцевъ. Темныя стороны уклада жизни предковъ—сибиряковъ оставили глубокіе слѣды на народномъ характерѣ Семирѣченскихъ казаковъ, поэтому, прежде чѣмъ перейти къ очерку заселенія нынѣшней территоріи Семирѣченскаго войска, необходимо предварительно, хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ, ознакомиться какъ съ началомъ исторіи Сибирскаго войска, такъ и съ тѣми элементами, которые вошли въ составъ его населенія, а затѣмъ—въ краткихъ ссылкахъ на свидѣтельства современниковъ—выяснить ту невыразимую тяжесть болѣе чѣмъ двухвѣковой ихъ службы у себя на родинѣ—въ Сибири, явившуюся причиной темныхъ сторонъ ихъ быта.

Только при условіи ознакомленія со всѣмъ этимъ тяжелымъ прошлымъ, а точно такъ-же со способомъ заселенія Сибиряковъ въ Семирѣчьѣ и съ составомъ переселенцевъ—будетъ возможно спокойно и разумно отнестись къ тѣмъ недостаткамъ въ народномъ характерѣ Семирѣченцевъ, которые поражаютъ глазъ незнакомаго съ прошлымъ наблюдателя.

Краткій историческій очеркъ Сибирск. казачьяго войска.(1)

Сибирское казачье войско не было, подобно Донскому, Яцкому, Запорожскому и части другихъ казачьихъ войскъ, теперь уже не существующихъ, продуктомъ вольной колонизаціи окрайнъ Московскаго государства всякими недовольными тогдашними порядками людьми. Оно образовалось всецѣ-

ло починомъ самого русскаго правительства, заселявшаго новую обширную страну воинскими людьми принудительно.

Сибирскіе казаки никогда не были „вольными", а всегда исключительно служилыми, хотя ядромъ для нихъ и послужила Волжско-Камская вольница, уцѣлѣвшая отъ знаменитаго сибирскаго похода атамана Ермака Тимофеевича.

Какъ извѣстно, послѣ разгрома казацкой дружины сибирскими туземцами, единственный изъ оставшихся въ живыхъ атамановъ,—сподвижниковъ Ермака - Мещерякъ, узнавши о гибели своего предводителя, вмѣстѣ съ царскимъ воеводою Глуховымъ, сидѣвшимъ въ Искерѣ, спасаясь отъ воспрянувшихъ духомъ татаръ, кинулись на стругахъ внизъ по рѣкѣ Иртышу, всего съ сотнею или полуторыми уцѣлѣвшихъ казаковъ и другихъ служилыхъ людей. Приплывшій къ этому-же времени съ Руси, съ сотнею человѣкъ, воевода Мансуровъ такъ-же пустился за Мещерякомъ и Глуховымъ по Иртышу и, нагнавши ихъ при устьѣ этой рѣки, здѣсь зазимовалъ.

Съ наступленіемъ весны 1586 г. соединенный отрядъ двинулся обратно на Русь, плывя вверхъ по рѣкамъ Кондѣ, Лозвѣ и Сосвѣ, но здѣсь онъ встрѣтился съ новымъ, подошедшимъ на подмогу, царскимъ отрядомъ подъ начальствомъ воеводъ: Мясного, Сукина и письменнаго головы Чулкова. Отступавшіе повернули назадъ и съ подошедшей подмогой, соединенными силами, направились рѣками Лозвою и Тавдою опять на Искеръ, чтобы отбить эту ханскую ставку отъ завладѣвшихъ уже ею сородичей сибирскаго царя Кучума. Но не достигнувъ въ этотъ годъ Искера, вынуждены были зазимовать съ 1586 на 1587 годъ на рѣкѣ Пурѣ, при впаденіи въ нее рѣки Тюмень, заложивъ здѣсь первый русскій, укрѣпленный въ Сибири пунктъ—Тюменьскій острогъ. Заложеніе этого острога слѣдуетъ считать и началомъ образованія такъ называемыхъ Тюменьскихъ казаковъ [1], т. е. началомъ фактическаго образованія казачества въ Сибири.

Въ 1587 году голова Чулковъ, получивъ съ Руси подкрѣпленіе въ 500 чел., взялъ Искеръ и недалеко отъ него заложилъ извѣстный впослѣдствіи Тобольскъ.

Съ занятіемъ Тобольска Московское правительство, во главѣ съ тогдашнимъ правителемъ государства Борисомъ Годуновымъ, принялось за систематическое занятіе и колонизацію Сибири, начавъ съ вытѣсненія Кучума, его родни и приверженцевъ. Городокъ за городкомъ, острожекъ за остожкомъ возникаютъ въ новой странѣ и насаждаются сначала воинскими, а затѣмъ уже и всякими другими „тяглыми" и

„пахатными“ людьми(2). Недостатокъ спеціальныхъ родовъ оружія восполнялся, насколько возможно, „приборомъ“ въ Сибирь, въ служилые люди и казаки, всякаго рода „видальцевъ“ и „бывальцевъ“, къ воинскому дѣлу „обычныхъ“, не только русскихъ „переведенцевъ“ и „гулящихъ людей“, но выѣзжихъ и плѣнныхъ иноземцевъ: поляковъ, нѣмцевъ французовъ(3). Кого только сюда не попало, кого только сюда не ссылали, кого не переселяли!?

Попали въ Сибирскіе казаки сосланные сюда запорожскій атаманъ Михайло Скиба и малороссійскій гетманъ Демьянъ Многогрѣшный; въ 1770 г. въ Сибирскіе линейные казаки обращены 137 запорожцевъ-гайдамаковъ партіи извѣстныхъ Желѣзняка и Ганты, захваченныхъ въ Польской украйнѣ послѣ уманьской рѣзни(4); въ 1775 и 1776 годахъ на усиленіе войска были опредѣлены выпущенные изъ острговъ „ссылочные невольники ; съ 1797-го по 1800 годъ поступило болѣе двухъ тысячъ малолѣтковъ—сыновей отставныхъ солдатъ, жившихъ въ Тобольской губерніи(5); въ 1847-году были зачислены въ Сибирское войско 5380 душъ крестьянъ казенныхъ селеній Тобольской и Томской губерній(6); въ 1849 и слѣдующемъ году сюда-же были вызваны и поселены въ числѣ 3855 душъ, малороссійскіе казаки и крестьяне смежныхъ съ Сибирью малоземельныхъ губерній(7); въ войско же зачислены были нѣсколько десятковъ польскихъ конфедератовъ, часть плѣнныхъ великой арміи Наполеона, бунтари Дона и Урала(8) и т. д., и т. д.

Здѣсь кстати замѣтить, что вслѣдствіе ссылки и переселенія въ Сибирь преимущественно мужчинъ естественно возникалъ вопросъ о недостаткѣ женщинъ, который къ 1855 году, повидимому, обострился на столько, что правительство было вынуждено, наконецъ, прійти въ этомъ отношеніи на помощь населенію. Указомъ Правительствующаго Сената 11 февраля 1865 года было разрѣшено въ Западной Сибири покупать и вымѣнивать у кочевниковъ дѣвочекъ, которыхъ, присоединивъ къ православію, размѣщать до выхода замужъ въ русскихъ семействахъ, получавшихъ на содержаніе воспитанницъ до 15 лѣтняго ихъ возраста хлѣбъ и денежное пособіе. Въ вопросѣ о замужествѣ такимъ дѣвушкамъ представлялась полная свобода(9).

Изъ этого бѣглаго и еще далеко не полнаго перечня видимъ, что правительство употребляло всѣ мѣры и средства къ заселенію Западной Сибири, не придавая никакого значенія тѣмъ элементамъ, какіе служили для этой цѣли, видимъ что населеніе территоріи Сибирскаго войска представляло пест-

рую смѣсь племенъ и нарѣчій, смѣсь людей по ихъ соціальному положенію, смѣсь борцовъ за свободу съ простыми преступниками.

Всѣ вольные и невольные насельники обыкновенно навсегда въ казакахъ и оставались со всѣмъ своимъ потомствомъ; иноземцы принимали православіе и мѣняли фамиліи или передѣлывали ихъ на русскій ладъ Служба и жизнь вдали отъ родины, на нейтральной почвѣ, примиряли и нивелировали всѣхъ. Да и какая служба и какая жизнь!

Заливши собственной кровью Сибирскія степи и „подведя подъ высокую царскую руку" необъятный край, однако, какъ сами насельники такъ и ихъ потомки, до 1861 г. несли страшную тяжесть, имѣвшаго видъ крѣпостного государственнаго военнаго тягла([10]).

19 августа 1808 года, по энергичному представленію главнаго начальника Сибирскихъ граничныхъ линій генералъ-лейтенанта Глазенапа, утверждается первое положеніе и штаты линейнаго Сибирскаго казачьяго войска Это положеніе, установившее полу-регулярную организацію войска съ постоянною „доколѣ въ силахъ", службою казаковъ([11]), дало въ руки Западно-Сибирской администраціи могущественную силу для проведенія въ мѣстную жизнь,—съ одной стороны, получившихъ въ то время главенство, началъ „военныхъ поселеній", а съ другой,—укрѣпить наше вліяніе и владычество въ киргизской степи и Средней Азіи([12]).

Колонизація съ господствовавшей точки зрѣнія.

Укрѣпиться въ киргизской степи и въ Средней Азіи было возможно только при условіи колонизаціи русскими вновь занятыхъ странъ. Для этой цѣли одно мирное крестьянское населеніе было бы совсѣмъ не пригодно, такъ какъ здѣсь, среди кочевниковъ, неудержимо преданныхъ грабежамъ и разбоямъ, требовалось и русское населеніе, привычное къ военному дѣлу, требовался воинъ-пахарь, всегда готовый къ отпору. Сибирскіе казаки, въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ вѣковъ искусившіеся въ борьбѣ именно съ такимъ народомъ, какъ-разъ удовлетворяли тѣмъ условіямъ, какія предъявлялись къ первымъ колонизаторамъ далекаго, дикаго края

Несомнѣнно, что при практиковавшихся способахъ заселенія трудно было ожидать нужное количество охотниковъ-піонеровъ для поселенія въ Семирѣченскій край, поэтому правительство, испытавъ, какъ мы видѣли раньше, неудачу съ заселеніемъ охотниками Аягуза, обратилось уже прямо къ

испытанному, и для Сибири обычному, способу принудительнаго переселенія—по жребію и назначенію(36).

Нигдѣ такъ ярко не выразился господствовавшій до 1861 года взглядъ на казаковъ и цѣль ихъ существованія, какъ въ рескриптѣ Императора Александра II 24 іюня 1861 г. на имя командовавшаго войсками Кавказской линіи генералъ-адъютанта графа Евдокимова, въ которомъ между прочимъ сказано такъ: „казачье сословіе предназначено въ государственномъ быту для того, чтобы оберегать границы имперіи, прилегающія къ враждебнымъ и неблагоустроеннымъ племенамъ и заселять отнимаемыя у нихъ земли. Переселеніе впередъ нашихъ линій, конечно, не можетъ не быть тягостнымъ, но это переселеніе есть жертва, приносимая вѣрноподданными для блага отечества“(37).

Исходя изъ этой точки зрѣнія на казаковъ, регламентированной § мъ 42-мъ положенія о Сибирскомъ войскѣ 1846 г., правительство, намѣтивъ заселеніе нынѣшней Семирѣченской области, не задалось цѣлью привлечь въ нее охотниковъ, т. е. людей энергіи и труда, для заселенія которыми хотя и богатой дарами природы, но совершенно дикой страны, нужна была приманка въ видѣ серьезныхъ привиллегій и льготъ.

При исключительномъ руководствѣ только приведеннымъ взглядомъ, будущее страны конечно отходило на задній планъ, упускалось изъ виду, что и при наличности дѣйствительно компенсирующихъ привиллегій даже и охотнику нужно много энергіи, рѣшимости и надеждъ въ будущемъ, чтобы бросить насиженныя мѣста, ликвидировать весь тяжелый многолѣтній трудъ прошлаго. Что-же сказать о подневольномъ рядовомъ переселенцѣ?! Полная неизвѣстность жизни и труда на новыхъ мѣстахъ, имѣвшая мѣсто при заселеніи описываемой страны, жизнь среди туземцевъ, враждебно настроенныхъ къ русскимъ, съ ихъ, извѣстной сибиряку, неудержимой склонностью къ грабежамъ и набѣгамъ, возводимымъ на степень подвиговъ, наконецъ, необходимость навсегда порвать со всѣмъ окружающимъ съ дѣтства, столь дорогимъ для каждаго,—могли поколебать рѣшимость и нравственно сильнаго человѣка Какъ-же долженъ былъ чувствовать себя въ этомъ положеніи переселенецъ по жребію или назначенію? Этотъ вопросъ встаетъ предъ нами во всей своей поражающей ясности, если мы въ такомъ положеніи представимъ себѣ забитаго, загнаннаго, не привыкшаго къ свободному производительному труду человѣка, какимъ въ дѣйствительности и былъ, въ чемъ точно убѣдимся мы ниже, сибирскій казакъ!

Очевидно, что съ такимъ положеніемъ безъ нравствен-

наго ущерба для себя и ущерба для дѣла могъ справ ться только сильный нравственно, и физически закаленный трудомъ, доброволецъ, увлекаемый неотступной мечтой о лучшемъ будущемъ на новыхъ мѣстахъ. Общество только такихъ поселенцевъ вездѣ можетъ быть силою и только такое общество можетъ поставить занятую страну на пути прогресса и развитія.

Къ сожалѣнію, вышеприведенный правительственный взглядъ доминировалъ и эти истины не нашли примѣненія здѣсь—при заселеніи территоріи Семирѣченскаго войска.

Колонизація Семирѣченскаго и Заилійскаго края до 1868 г.

Колонизаціонный матеріалъ, какъ увидимъ ниже, слагался изъ двухъ элементовъ—сибирскихъ казаковъ и сибирскихъ крестьянъ.

Что-же представляли собою эти элементы и что они могли дать колонизуемой странѣ?

На эти, всегда и при всякой колонизаціи жгучіе вопросы лучше всего отвѣтятъ условія быта колонистовъ у себя на родинѣ и компетентныя свидѣтельства объ этомъ бытѣ современниковъ, особенно цѣнныя, какъ отзывы лицъ правительственныхъ и начальствовавшихъ.

Бытъ Сибирскихъ казаковъ въ концѣ XVIII вѣка представляется наиболѣе яснымъ изъ донесенія генералъ-поручика Шпрингеръ, назначеннаго въ 1763 году начальникомъ всѣхъ пограничныхъ войскъ Сибири (14). Онъ въ 1765 году, доносилъ Правительствующему Сенату, что въ то время, какъ расположенныя на линіяхъ регулярныя пѣшія и конныя части сбязаны были „воинскому артикулу обучаться" и „казенныхъ лошадей Ея Императорскаго Величества беречь" отъ изнуренія и дальнихъ посылокъ,—линейные казаки: „1) по недостатку на линіяхъ регулярныхъ артиллерійскихъ служителей большею частью опредѣлены въ кононирскіе ученики при магазейнахъ, при крѣпостныхъ цейхгаузахъ и къ матеріаламъ въ вахтера, у присмотру соляной продажи, у вѣтрянныхъ и водяныхъ мельницъ уставщиками, которыхъ безъ крайней нужды отлучить оттуда невозможно"

2) „Изъ наличнаго состоянія во всѣхъ по линіямъ, крѣпостямъ, форпостамъ и станціямъ для содержанія почтъ, развозки писемъ, опредѣлено въ каждомъ мѣстѣ по 3 и по 4 человѣка конныхъ, которые обыкновенно тѣ письма, дабы главнокомандующему здѣсь обо всемъ нужно скорѣе извѣстіе получить и лучше и неумедлительное, безъ потерянія времени, наставленіе дать было возможно, возятся въ обѣ стороны въ недѣлю по два раза въ учрежденные почтовые дни, а всѣхъ оныхъ при той почтѣ и по тѣмъ линіямъ состоитъ 370 человѣкъ.

3). „Гдѣ случатся, въ которое время, наличные казаки, тѣ всегда употребляются въ каждодневные разъѣзды и за проѣзжающими въ конвоеваніе общее съ регулярными; зимнимъ же временемъ, а особливо на Иртышской линіи, почти безпрестанно бываютъ при сгонѣ киргизъ—кайсацкихъ табуновъ, которые воровски, ночнымъ временемъ и въ неблагополучные дни, во внутреннюю сторону перепущаютъ". 4) „Какъ уже обыкновенно случается, что ни одного лѣта, отправляемые изъ Тобольска съ казеннымъ провіантомъ, дощенники до зимняго времени въ опредѣленныя мѣста не дохсдятъ, а остаются въ заморозкѣ, гдѣ зима застигнетъ.—въ такомъ случаѣ—тому провіанту, куда надобность требуетъ, чинятъ перевозку на своихъ служебныхъ лошадяхъ, обще съ казенными, гужемъ; тѣмъ не менѣе и по вскрытіи рѣки, а особливо въ вѣдомствѣ Устькаменогорскомъ, погружая тотъ провіантъ на прибывшіе дощенники и мелководныя суда,—вверхъ перевозятъ водою, въ чемъ и упражняются почти чрезъ все лѣто безпрерывно, при каковомъ взводѣ тѣхъ судовъ объявленные казаки принуждены всегда идти въ лямкахъ и для того нарочно изъ своего малаго жалованья покупать дорогою цѣною сермяжные и холщевые кафтаны, вмѣсто сапоговъ крестьянскую обувь—упоки и обутки. Въ весеннее-же время обыкновенно бываетъ, разлитіе водъ, при чѣмъ бѣдные казаки, обще съ солдатствомъ, пребывая въ такихъ взводомъ дощенниковъ и мелководныхъ судовъ отягощеніяхъ, въ лямкахъ, вверхъ по рѣкѣ берегами идучи, по большей части великими отъ воды заливами по поясъ и по груди водой, всю собственную свою одежду тѣсными проходами безъ остатка издерутъ и износятъ и отъ того приходятъ платьемъ въ наготу, а сами отъ холодности водъ и не легкихъ многотрудныхъ и отяготительныхъ взводомъ дощенниковъ впадаютъ въ безсиліе и тяжкія болѣзни. А съ которыхъ дощенниковъ уже совершенно провіантъ въ надлежащихъ мѣстахъ сгрузится, то тѣ порожніе дощенники, тѣми-же казаками, сплавливаются въ внизъ мѣсто отъ мѣста до Тобольска. Не менѣе же того, когда весеннее время наступать станетъ, то имѣвшіе въ заморозѣ въ разныхъ мѣстахъ казенные дощенники, которыхъ каждогодно не менѣе бываетъ, какъ ста по два и болѣе,—оные одалбливаютъ и охраняютъ отъ идущаго вешняго льда". 5) Каждогодно командируется изъ наличныхъ для заготовленія на крѣпостныя исправленія сосноваго лѣса въ Долонъ—Карагайской боръ, который принуждены они, вырбя, перевозить на служебныхъ лошадяхъ къ берегу, не ближе какъ верстъ чрезъ 50 великими песками, а по перевозкѣ, сплотя

въ плоты, спустить въ нижнія крѣпости, куда требуется, что исправляютъ потому-жъ съ великимъ трудомъ, а служебнымъ лошадямъ съ крайнимъ отягощеніемъ и упадкомъ". 6) „Всѣ находящіеся казаки какія-бы вышеизъясненныя тягости не несли, но только-бъ въ наличіи при крѣпостяхъ состояли — безъ изъятія и хлѣбопахатныхъ, когда сѣвъ и прочее минуется, употребляются для укрѣпленія и починки крѣпостей, фортовъ и редутовъ, безъ чего по непрочности здѣшнихъ лѣсовъ каждогодно обойтиться невозможно и къ тому принадлежащій лѣсъ, за неимѣніемъ въ близости, готовятъ и перевозятъ на своихъ служебныхъ лошадяхъ не ближе 25-ти верстъ, въ чемъ имъ, а особливо служебнымъ лошадямъ, отъ безпрестанныхъ повозокъ происходитъ великое отягощеніе и изнуреніе . 7) „Какъ только лѣтнее время наступитъ, то уже оставя всѣ вышепрописанныя изнеможенія,—тѣ казаки неизъемлемо заготовляютъ на своихъ служебныхъ лошадяхъ сѣно, присовокупляя къ тому и на отлучныхъ, а зимою по неближнему тѣхъ сѣну заготовленію почти ежевременно чинится перевозка". 8) „Каждогодно для зимняго времени заготовляютъ на сани и дровни, а къ лѣту на телѣги и колеса—принадлежащій лѣсъ, изъ онаго подѣлка во всѣхъ мѣстахъ происходитъ для всегдашней перевозки лѣса, провіанта, овса и сѣна и другихъ безпрестанныхъ развозокъ, что-бы не потребовалось по крѣпостнымъ необходимымъ надобностямъ; но только оныя сани и телѣги по непрочному лѣсу никогда долговременно не держатся, но чрезъ краткое время въ негодность приходятъ и затѣмъ почти безпрестанное оныхъ вновь исправленіе происходитъ; конскую же упряжку готовятъ своимъ коштомъ —изъ малаго жалованья, а какъ весна наступитъ, то тѣ-же казаки принуждены для крѣпостныхъ надобностей заготовлять смолу, деготь тожъ и уголья жечь". 9) „Умалчивая далѣе о всѣхъ трудностяхъ тѣхъ нерегулярныхъ войскъ, чего уже и описать невозможно, еще сіи изнеможенія и недостатки несутъ, находясь въ степныхъ и отъ жилья отдаленныхъ мѣстахъ, не только чтобъ доброе довольствіе въ пропитаніе себѣ харчевыми припасами имѣли, коихъ здѣсь по причинѣ дороговизны они покупать не въ состояніи, но и указанной провіантъ, который имъ изъ казенныхъ магазейновъ выдается, за малоимѣніемъ муки, а особливо на Иртышской, Кузнецкой и Колыванской линіяхъ, получаютъ рожью, которую принуждены, по неимѣнію водянныхъ и хорошихъ вѣтрянныхъ мельницъ, для себя всякій казакъ, не хотя быть голодомъ, смѣнясь съ часовъ, или прибывъ съ работы, или-же отпустяся съ сѣнокосу, для взятія хлѣба на себя и на то-

варищей своихъ и то ручными жерновами молоть принуждены, да и то по ночамъ, а днемъ ни кому для того нарочнаго времени не бываетъ, ибо безпрестанно во всегдашнихъ и ежеминутныхъ работахъ и всякихъ интересныхъ исправленіяхъ, которыя выше сего явствуютъ, — находятся, а когда кому ночью время не допуститъ даннаго ему рожью провіанта въ муку молоть, то принужденъ для смолотья онаго, дабы съ голоду не померетъ, изъ своего жалованья, хотя за послѣднія деньги, нанимать праздныхъ отъ работъ партикулярнаго чина людей, то есть драгунскихъ и казачьихъ женъ и ихъ дѣтей и другихъ охотниковъ, отчего по такимъ приключеніямъ пришли въ вящее несостояніе и неоплатные долги и убытки, такъ что нѣкоторымъ къ необходимой въ жизни человѣческой надобности на свою пищу и соли купить не на что"..... и т. д. (15)

Такъ какъ до 19 августа 1808 года законодательныхъ постановленій объ организаціи и порядкѣ управленія казаками Сибирской линіи издано не было и казаки распредѣлялись въ 124 хъ крѣпостяхъ и селеніяхъ, составлявшихъ Сибирскую линію(16), то нужно думать, что описанный Шпрингеромъ гнетъ непосильной службы, разорявшей казаковъ, несло почти все мужское населеніе войска. Въ этомъ особенно убѣждаетъ донесеніе генерала Глазенапа, назначеннаго въ 1808 году главнымъ начальникомъ войскъ Сибирскихъ пограничныхъ линій, который въ докладѣ своемъ Правительствующему Сенату о результатахъ своего обзора казачьихъ поселеній между прочимъ выразился такъ: «ихъ (казаковъ) всякій, кто хотѣлъ безъ разбора и отчета кому либо, гонялъ во всѣ стороны»(17). Положеніе 1808 года, вѣрнѣе Высочайше утвержденный докладъ извѣстнаго графа Аракчеева, бывшаго тогда военнымъ министромъ, едвали улучшило положеніе Сибирскихъ казаковъ

Изъ 6117 человѣкъ всѣхъ вообще чиновъ войска 5 тысячъ казаковъ назначалось на постоянную «доколѣ въ силахъ» службу(18), а всѣ остальные, вмѣстѣ съ вновь достигающими 18-ти лѣтъ дѣтьми казаковъ, зачислялись въ резервъ для укомплектованія убыли десяти полковъ(18) и, какъ увидимъ ниже, несли еще болѣе тяжелую службу, чѣмъ строевая

Гнетъ непосильной службы до изданія этого положенія, почти поголовная служба, установленная имъ и усиленное привлеченіе резервныхъ казаковъ къ работамъ на войсковыхъ заведеніяхъ и предпріятіяхъ, заведенныхъ въ войскѣ командиромъ войска Броневскимъ, — разорили частное хозяйство казаковъ на столько, что назначенный въ 1824 году на должность командира войска полковникъ Парфацкій отказался принять его въ свое вѣдѣніе, — приводя однимъ изъ главныхъ

мотивовъ своего отказа разореніе частнаго хозяйства казаковъ([19])

Далѣе, въ 30 и 40-выхъ годахъ положеніе сибирскихъ казаковъ было не лучше. Бывшій въ то время генералъ-губернаторомъ Западной Сибири князь Горчаковъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ говоритъ «Служба сибирскихъ казаковъ въ составѣ 10 непремѣнныхъ конныхъ полковъ и 2-хъ батарей, каждая въ составѣ 12 орудій, есть безсрочная и, такъ сказать, поголовная, ибо 8500 семействъ постоянно даютъ на внѣшнюю и внутренюю, т. е. линейную службу до 10 тысячъ человѣкъ подъ названіемъ строевыхъ и резервныхъ казаковъ." И далѣе: „Но такъ какъ смѣна степныхъ отрядовъ не можетъ производиться до произрастанія подножнаго корма, а большая часть занимаемыхъ казаками пунктовъ, отстоитъ отъ ихъ домовъ не ближе 500 верстъ, то и оказывается, что до прибытія возвращаемыхъ въ свои мѣста—утрачивается удобное время къ производству полевыхъ работъ, а иногда даже и сѣно-кошенія"([20]).

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ службы строевой казакъ почти не могъ имѣть какое либо значеніе для своего хозяйства, но вотъ какъ описываетъ и положеніе резервныхъ казаковъ командированный въ Сибирь по Высочайшему повелѣнію въ этотъ-же періодъ времени генералъ-адъютантъ Анненковъ въ своемъ на Высочайшее Имя донесеніи:

„Время, которое Сибирскій казакъ, послѣ выслуги 20-ти лѣтъ въ строю, проводитъ въ составѣ резервныхъ командъ — есть самое для него трудное."

„На этихъ людей (т. е. резервныхъ казаковъ), кромѣ исполненія разныхъ должностей по внутренней службѣ, возложены многоразличныя занятія на войсковыхъ хозяйственныхъ заведеніяхъ и вообще по всѣмъ статьямъ, доставляющимъ войску доходъ. Они отправляютъ по линіи и въ степи почтовую гоньбу взамѣнъ ямщиковъ и подводную (земскую) на собственныхъ лошадяхъ, имѣютъ присмотръ и производятъ работы на войсковой суконной фабрикѣ, кожевенныхъ заводахъ, пильной мельницѣ, кирпичномъ заводѣ, заготовляютъ строевой лѣсъ, сплавляютъ его по Иртышу въ Омскъ на разстояніи тысячи верстъ, приготовляютъ известь, исправляютъ войсковыя и станичныя строенія, число которыхъ простирается до 600, возводятъ новыя, строютъ барки, лодки, заготовляютъ снасти и всѣ предметы, потребные для войскового рыболовства, ловятъ рыбу въ предѣлахъ Китая на пространствѣ 400 верстъ и доставляютъ ее къ складочнымъ мѣстамъ до самаго Омска", и т. д., и т. д. Но въ заключеніе онъ го-

воритъ: „Всѣ эти обязанности трудны тѣмъ, что по огромности пространства, занимаемаго войскомъ, казакамъ часто приходится по нарядамъ на службу проходить весьма значительное разстояніе и чрезъ то удаляться на продолжительное время отъ своихъ домовъ. Слѣдствіемъ всего этого есть отягощеніе ихъ свыше всякой мѣры и совершенный упадокъ ихъ домашняго устройства(21)".

Такое ни съ чѣмъ не сравнимое, тягостное положеніе сибирскихъ казаковъ продолжалось до 1861 года, когда было объявлено, наконецъ, первое положеніе, до нѣкоторой степени признавшее за сибирскимъ казакомъ долю свободы, право гражданства и право на личный трудъ.

„1861 годъ", говоритъ генералъ Катанаевъ въ своемъ оффиціальномъ краткомъ историческомъ очеркѣ службы Сибирскаго казачьяго войска (стр. 23), „въ исторіи Сибирскаго казачьяго войска, какъ и для 23 милліоновъ крѣпостныхъ русскихъ крестьянъ, былъ годомъ освобожденія его, носившаго видъ крѣпостного,—государственнаго тягла", а затѣмъ далѣе прибавляетъ: „По введеніи въ этомъ году новаго положенія о войскѣ, оказалось, что по числительности своего населенія и средствамъ, оно только при обязательномъ и почти даровомъ трудѣ казаковъ могло содержать столь дорогія учрежденія, какъ суконная фабрика, нѣсколько кожевенныхъ, кирпичныхъ, пильныхъ заводовъ" и т. д. „только не справляясь съ домашними нуждами казаковъ, можно было обязать 25 тысячное мужское населеніе войска имѣть почти на постоянной службѣ 10 конныхъ полковъ и 3 батареи. Пришлось немедленно закрыть всѣ помянутыя заведенія, а нарядъ на службу сбавить съ 10 тысячъ на 1—2 тысячи человѣкъ.

Эти краткія выдержки изъ оффиціальныхъ донесеній и отзывовъ, безусловно компетентныхъ лицъ, въ связи съ господствовавшимъ воззрѣніемъ на казаковъ и узаконеніями о нихъ, которыя будутъ разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ ниже(*), приводятъ къ заключенію, что населеніе Сибирскаго казачьяго войска представляло, въ сущности, какое-то крѣпостное военное сословіе, разбросанное въ военныхъ поселеніяхъ, по режиму своему опередившихъ самыя смѣлыя мечты графа Аракчеева, иниціатора военныхъ поселеній въ Европейской Россіи, и что русское крылатое слово—„вольный казакъ"—было злой ироніей по адресу сибиряковъ XVIII-го и первой половины XIX вѣка.

Печальные результаты подобнаго положенія могутъ служить лишній разъ новымъ доказательствомъ той несомнѣн-

*) См. «Бытъ Сибирскихъ казаковъ въ Семирѣчьѣ до 1868 г.».

ной, но, къ сожалѣнію, не всегда сознаваемой истины, что только свободный личный трудъ возвышаетъ человѣка въ собственныхъ глазахъ, даетъ твердость характера и вырабатываетъ самосознаніе и самосовершенствованіе. Постоянный же подневольный трудъ, которымъ, какъ мы видѣли, былъ обязанъ сибирскій казакъ,—убиваетъ энергію, сознаніе полезности самого труда, обращаетъ человѣка въ раба со всѣми присущими ему недостатками. Продолженіе-же такого труда „доколѣ въ силахъ" и цѣлыми поколѣніями, какъ это было у сибиряковъ, создаетъ и въ потомствѣ людей вполнѣ индеферентныхъ къ труду, т. е. утратившихъ всякую вѣру въ реальную для себя полезность труда и потерявшихъ всякую любовь къ нему.

Поглощенный службой „доколѣ въ силахъ" и, получая хоть и скудное, но достаточное, чтобъ быть живымъ и одѣтымъ, содержаніе отъ казны съ двухлѣтняго возраста*)([22]), сибирякъ невольно утратилъ заботу о завтрашнемъ днѣ, невольно и, незамѣтно для себя, потерялъ естественное у свободнаго труженника стремленіе къ наибольшему трудовому заработку для себя и своей семьи, онъ облѣнился и зналъ только трудъ по принужденію и жизнь на казенный счетъ.

Таковъ былъ сибирякъ—казакъ у себя на родинѣ,—такимъ онъ явился и въ Семирѣчье, и Заилійскій край.

Но Сибирское казачье войско, со своимъ сравнительно рѣдкимъ населеніемъ,—одно не могло колонизировать такую обширную страну, а потому пришлось прибѣгнуть, въ этомъ отношеніи, къ помощи сибирскихъ крестьянъ—людей, уже „видавшихъ виды".

Каковъ-же былъ нравственный и экономическій уровень этихъ крестьянъ? На этотъ вопросъ намъ лучше всего отвѣтятъ законодательные акты 25 марта 1857 г. и 12 апрѣля 1859 г., а особенно—отзывъ бывшаго начальника Алатавскаго округа генерала Колпаковскаго.

Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Сибирскаго комитета 25 марта 1857 г. генералъ-губернатору Западной Сибири, по его ходатайству, было предоставлено право разрѣшать переселяться по собственному желанію въ Семирѣченскій и Заилійскій край, для приселенія у пикетовъ, ссыльно-поселенцамъ, получившимъ уже право на свободное водвореніе въ Сибири и хорошо аттестованнымъ, съ привиллегіями и льготами, предоставленными переселенцамъ сибирскимъ крестьянамъ([23]).

*) Съ этого возраста только провіантъ.

Въ Высочайше утвержденномъ 12 апрѣля 1859 г. положеніи Сибирскаго комитета содержатся правила обязательнаго переселенія въ киргизскую степь крестьянъ за неплатежъ податныхъ недоимокъ. Первымъ параграфомъ этихъ правилъ предписывается: „Переселенію подвергать тѣхъ крестьянъ, надъ которыми будутъ предварительно выполнены мѣры побужденія къ платежу недоимокъ и которые послѣ сихъ побужденій, *по лѣности и нерадѣнію* не уплатятъ состоящей на нихъ недоимки къ 1 октября. Подвергать переселенію только тѣхъ неплательщиковъ податей, на коихъ числятся недоимки болѣе годового оклада". Примѣчаніе къ этому параграфу: „Изъ опредѣленныхъ мѣръ побужденія — не примѣнять отдачу неплательщиковъ въ заработки, *такъ какъ по опыту дознано, что въ Западной Сибири прискать желающихъ для взятія подобныхъ людей въ заработки довольно трудно*, почему приведеніе въ исполненіе этой мѣры служило-бы только затрудненіемъ и проволочкой" (24).

Генералъ Колпаковскій, до назначенія въ 1867 году на должность перваго, по времени, наказнаго атамана Семирѣченскаго казачьяго войска, былъ 4 іюля 1858 года начальникомъ Алатавскаго округа (25), въ составъ котораго входилъ весь Заилійскій край и часть Семирѣченскаго (25). Онъ засталъ еще переселенческое движеніе въ свой округъ, устраивалъ переселенцевъ на мѣстахъ ихъ водворенія (26), а потому и имѣлъ, что особенно цѣнно, полную возможность лично и всесторонне ознакомиться съ ними. Будучи назначенъ наказнымъ атаманомъ, генералъ Колпаковскій въ 1868 г. доносилъ Туркестанскому генералъ-губернатору слѣдующее: „Первоначальное заселеніе Семирѣченской области производилось вызовомъ и переселеніемъ по жребію. Шли люди бездомные, сомнительнаго поведенія, расчитывая не на собственный трудъ, а на пособіе отъ правительства, на готовые пашни и арыки киргизовъ" (27).

Такъ какъ главную массу переселенцевъ въ Заилійскій край и отчасти въ Семирѣченскій, какъ увидимъ далѣе, составляли крестьяне сибирскихъ губерній и такъ какъ генералъ Колпаковскій въ своемъ отзывѣ не выдѣляетъ ихъ въ особую группу, то очевидно, что этотъ нелестный отзывъ всей своей тяжестью ложится и по адресу крестьянъ.

Этихъ трехъ приведенныхъ фактовъ, нужно полагать, болѣе чѣмъ достаточно для опредѣленія общаго нравственнаго и экономическаго уровня колонистовъ—крестьянъ.

Первый опытъ колонизаціи.

Опустивъ здѣсь исторію заселенія приграничныхъ округовъ Каркаралинскаго, Кокчетавскаго и др., какъ не вошед-

шихъ въ составъ Семирѣченскаго войска, перейдемъ прямо къ интересующему насъ вопросу,—къ первоначальному заселенію Семирѣченскаго, а потомъ и Заилійскаго края.

Первымъ актомъ въ исторіи колонизаціи Семирѣчья, какъ мы уже видѣли, является разрѣшеніе, данное генералъ-губернаторомъ Западной Сибири Вельяминовымъ ([28]) 21-го января 1832 года Омскому областному начальнику, поселить во внѣшнемъ Аягузскомъ округѣ до 100 казачьихъ семействъ *съ ихъ согласія* и съ предоставленіемъ имъ двухлѣтней льготы отъ службы ([29]). Если эта первая попытка поселенія казаковъ въ Семирѣчьѣ, повидимому, и не представляла еще выраженія государственной идеи колонизаціи страны, такъ какъ дѣлалось съ цѣлью: „послужить не малымъ облегченіемъ казачьему войску, принужденному нынѣ временными командировками въ округи (внѣшніе) значительнаго числа людей разстраивать ихъ хозяйства на линіи“ ([29]), т. е. съ чисто экономической, то, во всякомъ случаѣ, оставляя въ сторонѣ ея побудительную причину,—эта попытка представляетъ первый приступъ къ колонизаціи страны.

Первый приступъ закончился полной неудачей, какъ потому, что, въ силу сложившихся политическихъ обстоятельствъ—онъ былъ сдѣланъ еще, повидимому, несвоевременно, чѣмъ и вызвалъ въ 1836 году необходимость пріостановить переселеніе казаковъ во внѣшніе округа ([30]), такъ и потому, что одна только двухлѣтняя льгота отъ службы не была достаточной для вознагражденія риска переселенія и не привлекала въ теченіи цѣлыхъ 4½ лѣтъ ни одной казачьей семьи въ Аягузъ ([31]).

Систематическая колонизація. Аягузъ.

Первыми изъявившими желаніе поселиться на Аягузѣ были пять семействъ нижнихъ чиновъ 8-го мѣстнаго линейнаго баталіона, которымъ 16 апрѣля 1841 года и было разрѣшено поселиться тамъ съ зачисленіемъ въ казаки и съ отпускомъ имъ провіантскаго довольствія ([32]).

Положеніе 1846 г., регламентировавшее право правительства принудительно переселять сибирскихъ казаковъ по мѣрѣ движенія границы имперіи впередъ([33]), дало въ его руки могущественное средство для колонизаціи Семирѣчья, вопросъ о которой, какъ государственная идея, къ тому времени уже окончательно созрѣлъ.

Этимъ положеніемъ территорія Сибирскаго линейнаго казачьяго войска была впервые раздѣлена на девять полковыхъ округовъ([34]), а затѣмъ населеніе девятаго округа было избрано

первымъ открыть систематическое мирное наступательное движеніе русскихъ въ глубину Средней Азіи(35).

При окончательномъ выясненіи вопроса о настоятельной необходимости заселенія Кокпектовъ и Аягуза было рѣшено, дать переселенцамъ казакамъ — нѣсколько иныя льготы и пособія, чѣмъ это было предположено въ 1832 г. Къ двухлѣтней льготѣ отъ службы добавлено: провіантъ казакамъ, ихъ женамъ и дѣтямъ въ теченіи двухъ льготныхъ лѣтъ и въ тотъ-же періодъ времени деньги на фуражъ, положенный строевымъ лошадямъ. Собственно строевыя войсковыя лошади были у переселившихся казаковъ отобраны и вмѣсто нихъ они, получая фуражныя деньги, обязаны были въ теченіе двухъ льготныхъ лѣтъ имѣть для „экстренныхъ случаевъ" — собственныхъ. При такой помощи со стороны правительства въ 1847 г. переселено въ Аягузъ по желанію, но главнымъ образомъ по жребію и назначенію нѣсколько болѣе полусотни семей 9 полка(36), которыя и образовали на территоріи будущаго Семирѣченскаго войска первую, самую сѣверную, станицу Аягузскую, названную потомъ Сергіопольской (37).

Станица Капальская

Въ предъидущемъ очеркѣ уже было сказано, что въ 1847 году на рѣкѣ Капалъ, въ сѣверныхъ предгорьяхъ Джунгарскаго Алатау, было заложено Капальское укрѣпленіе. Вослѣ этого укрѣпленія и было рѣшено устроить казачье поселеніе.

Съ этой цѣлью изъ состава 9-го полка, отчасти по желанію, но главнымъ образомъ по жребію, было выдѣлено двѣ сотни казаковъ съ семьями, первая партія которыхъ и двинулась со своего сборнаго пункта 15 мая 1848 г., а за нею послѣдовали и другія(38).

Въ 1849 году возникла мысль объ устройствѣ третьяго поселенія,—на рѣкѣ Караталѣ,—и уже были сдѣланы подготовительныя распоряженія, но отъ этого почему-то отказались и казаки 9 полка, направленные было на Караталъ въ 1849 и 1850 годахъ,—попали тоже на Капалъ, образовавъ здѣсь, съ поселенными въ 1848 году, довольно многолюдную станицу, названую по имени рѣчки, въ долинѣ которой она расположена,—Капальской(39).

Поселенные на Капалѣ казаки получили только тѣ-же самыя льготы и пособія, какъ и выселенные въ 1847 году на Аягузъ(38).

Рѣшеніе вопроса о колонизаціи 1855 и 1856 г.г.

На Капалѣ завершился первый актъ колонизаціи Семирѣчья и государственная граница была перенесена съ рѣки Лепсы на рѣку Или, гдѣ и возникъ первый барьеръ, удержавшій на время переселенческое движеніе русскихъ. Первою

попыткою преодолѣть препятствіе – является экспедиція Гутковскаго въ 1850 году.

Избалованная въ Семирѣчьѣ неизмѣннымъ успѣхомъ, высшая администрація Сибири слишкомъ не высоко оцѣнила упругость сопротивленія туземцевъ,—и въ результатѣ полный провалъ экспедиціи. Но препятствіе нужно было взять и, какъ мы видѣли выше, Карбышевъ взялъ его, очистивъ подступы и путь за барьеромъ.

Первая мысль,—перебросить русскую переселенческую волну въ Заилійскій край,—зарождается въ военномъ министерствѣ. Военный министръ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе генералъ-губернатору Западной Сибири—представить на разсмотрѣніе Государя, въ числѣ другихъ предположеній по устройству киргизской степи, и его соображенія о переносѣ нашей передовой линіи „на условную государственную границу по рѣкѣ Чу“ (39).

Бывшій тогда генералъ-губернаторомъ Западной Сибири и командиромъ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса генералъ Гасфордтъ (41), въ февралѣ 1852 года, донесъ о настоятельной необходимости занятія Заилійскаго края (40). Государь Николай Павловичъ отклонилъ, однако, представленіе Гасфордта, отложивъ „до времени занятія рѣки Или“ (43).

Въ декабрѣ 1852 года министръ иностранныхъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго находились тогда киргизы, предложилъ на обсужденіе Гасфордта предположенныя имъ мѣры „къ упроченію нашего вліянія на Б.-Орду“, заключавшіяся: въ занятіи извѣстнаго пункта въ лѣвобережной части Илійской долины, перенесеніи туда резиденціи пристава киргизъ Б.-Орды подъ прикрытіемъ военнаго отряда и въ обложеніи тамошнихъ киргизъ податью Генералъ Гасфордтъ, исходя изъ политическихъ и торговыхъ видовъ на Заилійскій край, изложенныхъ въ предыдущемъ очеркѣ наступательнаго движенія, не только совершенно согласился со всѣми предположеніями министерства иностранныхъ дѣлъ, но въ отвѣтѣ своемъ 4 апрѣля 1853 года (40), добавилъ еще, что „въ послѣдствіе времени, когда водворится въ томъ краѣ спокойствіе, можно устроить тамъ казачье поселеніе, которое, подобно Капальскому, при мѣстныхъ удобствахъ къ заведенію хлѣбопашества, значительно сократитъ издержки по продовольствію войскъ на семъ отдаленномъ пунктѣ“.

Наконецъ, въ исходѣ 1853 года командиру отдѣльнаго Сибирскаго корпуса удалось получить разрѣшеніе на устройство въ Заилійскомъ краѣ укрѣпленія (42).

Воспользовавшись этимъ разрѣшеніемъ, генералъ Гас-

фордтъ снова представилъ свои предположенія о колонизаціи Семирѣчья и Заилійскаго края, которыя и были представлены Государю военнымъ министромъ въ докладѣ его 4 февраля 1854 года (¹⁵) и заключались въ слѣдующемъ. Поселеній предполагалось три: въ Заилійскомъ краѣ на рѣкѣ Алматы при Заилійскомъ укрѣпленіи и въ Семирѣчьѣ на рѣкѣ Лепсѣ и Карабулакѣ (Урджаръ). Заселеніе этихъ пунктовъ было предположено на слѣдующихъ основаніяхъ.

1) При переселеніи казаковъ предполагалось: единовременно дать пособіе—офицерамъ по 100 руб., а нижнимъ чинамъ по 55 руб. на семью въ теченіе же первыхъ трехъ лѣтъ: офицерамъ усиленные оклады жалованья, а казакамъ и семействамъ ихъ дачу провіанта и всѣмъ вообще чинамъ—льготу отъ службы и фуражное довольствіе для лошадей.

2) Обмундированіемъ и единовременнымъ пособіемъ снабдить казаковъ на мѣстѣ, равно какъ и разными предметами хозяйственнаго инвентаря, которые за невозможностью заготовить на мѣстѣ, пріобрѣсть на Ирбитской ярмаркѣ и доставить казакамъ по тѣмъ цѣнамъ, въ какія они обойдутся войску. Зерновой хлѣбъ для посѣва доставить на мѣсто поселенія на счетъ войска и выдать поселенцамъ съ условіемъ возврата въ трехлѣтній срокъ.

3) Самое переселеніе произвести слѣдующимъ порядкомъ: для переселенія вызвать желающихъ, а въ случаѣ недостатка охотниковъ, дополнить по жребію изъ 6, 7, 8 и 9-го полковъ. Вызовъ желающихъ и назначеніе по жребію произвести не позже весны 1854 г. Переселенцамъ отправиться въ путь съ первымъ подножнымъ кормомъ.

При переселеніи крестьянъ предполагалось: 1) назначенныхъ къ переселенію въ Заилійскій край перевести въ 1855 году изъ мѣстъ ихъ жительства въ станицы Сибирскаго войска, съ зачисленіемъ ихъ въ казаки и уже весною 1856 года, съ первымъ подножнымъ кормомъ, отправить къ мѣсту поселенія партіями отъ 50 до 100 семей. 2) Дать слѣдующія льготы и пособія: единовременно по 55 р. на семью, а затѣмъ: а) денежное путевое довольствіе отъ станицы Алабужской до тѣхъ станицъ, въ которыхъ расположатся на зимовку въ размѣрѣ, опредѣленномъ для путевого довольствія переселенцевъ отъ министерства государственныхъ имуществъ; б) за время передвиженія по степи—выдавать провіантъ натурой изъ степныхъ магазиновъ; в) какъ и для казаковъ—заготовить и выдать сѣменной хлѣбъ, но срокъ возврата хлѣбной ссуды назначить четырехлѣтній и г) дать двухлѣтнюю льготу отъ службы, считая срокъ льготы со времени прибытія на мѣсто поселенія.

Относительно-же состава численности и времени заселенія каждаго изъ вышеуказанныхъ трехъ пунктовъ въ отдѣльности—предположенія доклада сводились къ слѣдующему:

На рѣкѣ Алматы. Въ теченіе 1855 и 1856 г. высылать по одной сотнѣ казаковъ ежегодно и, начиная съ 1856 года, переселить 200 крестьянскихъ семей *изъ внутреннихъ губерній Россіи.* Въ это поселеніе назначить священника.

На рѣкѣ Лепсѣ. Въ то-же время, какъ и въ Заилійскій край,—переселить одну сотню казаковъ и 200 крестьянскихъ семей тоже изъ внутреннихъ губерній Россіи.

На рѣкѣ Карабулакѣ, близъ урочища Урджаръ. На предположенномъ пикетномъ сообщеніи этого пункта съ Аягузомъ поселить полусотню казаковъ и 100 крестьянскихъ семей изъ внутреннихъ-же губерній Россіи. Для того-же, чтобъ не привлечь къ этому пункту особеннаго вниманія китайскаго правительства, заселеніе здѣсь предполагалось произвести такъ: ежегодно высылаемый лѣтомъ на Урджаръ отрядъ изъ 50 казаковъ—въ 1854 году устроитъ себѣ здѣсь зимнія помѣщенія и останется зимовать, а въ 1855 г., *если только китайцы не будутъ этимъ встревожены,*—отрядъ усилить и положить основаніе поселенію. Вообще, сказано въ докладѣ, *„отъ степени вниманія китайцевъ къ занятію этого пункта и будетъ зависѣть скорость и размѣры заселенія".*

Такимъ образомъ предполагалось переселить въ Семирѣчье и Заилійскій край или, какъ тогда называлось, „на лѣвый флангъ" - $3^1/_2$ сотни казаковъ съ ихъ семьями изъ 6, 7, 8 и 9 полковъ Сибирскаго войска и 500 крестьянскихъ семей, изъ которыхъ могли быть сформированы $2^1/_2$ сотни, т. е. „лѣвый флангъ" усиливался цѣлымъ полкомъ. Во избѣжаніе же излишнихъ издержекъ на содержаніе новаго полка въ докладѣ предположено;—число казаковъ въ Сибирскомъ войскѣ оставить то-же, т. е. 10 (43), но поселеніями на Аягузѣ, Капалѣ и вновь проектируемыми усилить составъ 10-го полка. Такое усиленіе состава этого полка необходимо не столько въ цѣляхъ увеличенія численности строевыхъ казаковъ, сколько всей массы русскаго населенія для развитія земледѣлія, горной и др промышленности.

Расходы на устройство предположенныхъ трехъ поселеній, за исключеніемъ изъ нихъ издержекъ, не поддающихся предварительному исчисленію: изъ средствъ Сибирскаго к. войска и министерства государственныхъ имуществъ, а точно такъ-же издержекъ на довольствіе переселенцевъ въ пути, на провіантъ и фуражъ въ теченіе трехъ льготныхъ лѣтъ, расходы эти, выражавшіеся въ 86,020 р., генералъ Гасфордтъ,

какъ сказано въ докладѣ, предполагалъ покрыть: изъ разныхъ суммъ, частію ему отпущенныхъ или предназначенныхъ къ отпуску—2780 р.;*) изъ таможеннаго сбора въ киргизской степи и пошлины съ золота, тамъ-же добываемаго—9110 р. и, наконецъ, испрашивалъ къ спеціальному отпуску 27500 р. на единовременное пособіе 500-мъ крестьянскимъ семьямъ.

Къ цитируемому докладу военнаго министра были приложены—мнѣніе по этоту поводу министра государственныхъ имуществъ графа Киселева, въ вѣдѣніи котораго находились государственные крестьяне, и возраженіе генерала Гасфордта на это мнѣніе.

Графъ Киселевъ полагалъ, что „вызовъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній для водворенія на указанныхъ генераломъ Гасфордтомъ мѣстностяхъ, *кромѣ опасенія чрезъ то самой цѣли сего переселенія,* не приведетъ, вѣроятно, и къ желаемому результату, такъ какъ крестьяне внутреннихъ губерній едва-ли согласятся переселиться въ столь отдаленный и мало извѣстный край, съ зачисленіемъ въ казачье войско, объ обязанностяхъ и бытѣ котораго они не имѣютъ понятія. Было-бы полезнѣе предоставить генералъ-губернатору Западной Сибири—вызвать для поселенія на предназначенныхъ имъ мѣстностяхъ желающихъ изъ старожиловъ и переселенцевъ, въ Западной Сибири находящихся, которые, какъ пріобыкшіе къ климату и знакомые со всѣми мѣстными отношеніями, не только будутъ болѣе способны для предполагаемой цѣли, но и съ удовольствіемъ вступятъ въ казачье войско".

Генералъ Гасфордтъ, возражая на это мнѣніе, заявилъ, что онъ, хотя и „не встрѣчаетъ препятствій" къ вызову охотниковъ къ переселенію изъ сибирскихъ крестьянъ, но, однако, „сомнѣвается, чтобы мѣра эта была вполнѣ удовлетворительна и чтобы нашлось достаточное число охотниковъ, такъ какъ крестьяне Западной Сибири, пользуясь раздольно землями и угодьями, довольно счастливы своимъ бытомъ При чемъ пришлось-бы старожиламъ дать тѣ пособія и преимущества, которыя даются крестьянамъ—переселенцамъ изъ внутреннихъ малоземельныхъ губерній, а переселенцамъ, какъ сѣвшимъ уже на мѣстахъ въ Сибири, такъ и тѣмъ, которые не водворились еще окончательно,—дать новыя льготы и пособія".

Къ этому генералъ Гасфордтъ добавилъ что онъ „по-

*) Въ этой суммѣ заключались отпущенные генералу Гасфордту на устройство Заилійскаго укрѣпленія и пикетнаго между нимъ и Капаломъ сообщенія изъ суммъ министерства Иностр. дѣлъ 25000 р. Цитируемый докладъ.

лагалъ-бы возможнымъ допустить къ переселенію въ степь и тѣхъ желающихъ *ссыльно-поселенцевъ*, которые сосланы въ Сибирь безъ наказанія рукою палача...".

Императоръ Николай Павловичъ, разсмотрѣвъ этотъ докладъ и принявъ во вниманіе заключеніе военнаго министра, что: „при занятіи новаго края, непосредственное соприкосновеніе преступниковъ и туземцевъ можетъ дать симъ послѣднимъ весьма невыгодное мнѣніе о нравственности русскаго народа" и что „предстоящее съ преступниками сообщество можетъ уменьшить или даже вовсе уничтожить охоту другихъ лицъ къ переселенію".—утвердилъ всѣ финансовыя и колонизаціонныя предположенія доклада, за исключеніемъ вызова для поселенія крестьянъ изъ внутреннихъ губерній Россіи, оставивъ въ силѣ этотъ вызовъ только на случай недостатка переселенцевъ изъ Сибири и рѣшительно отвергнувъ предложеніе Гасфордта о переселеніи ссыльныхъ (42).

Утвержденныя Государемъ положенія доклада 4-го февраля, съ добавленіемъ къ нимъ льготъ и пособій, установленныхъ инструкціей для переселенія государственныхъ крестьянъ, были сообщены военнымъ министромъ генералъ-губернатору Зап.-Сибири и командиру отдѣльнаго Сибирскаго корпуса генералу Гасфордту 8-го февраля 1854 года (44) и извѣстны подъ названіемъ Высочайшаго повелѣнія 8 февраля 1854 г.*).

Льготы и пособія переселенцамъ 1855—1856 г.г.

Такимъ образомъ, льготы и пособія переселенцамъ по Высочайшему повелѣнію 8 февраля 1854 года (45) сводятся къ слѣдующему:

1) Со стороны министерства государственныхъ имуществъ *для крестьянъ:*

а) Денежное путевое пособіе для найма проводниковъ, необходимаго числа подводъ и на продовольствіе въ пути по $3^1/_2$ коп. въ сутки на каждую наличную душу до первой станицы Сибирскаго линейнаго к. войска.

б) Причитающееся по расчету количество хлѣба изъ наличныхъ запасовъ сельскихъ магазиновъ.

в) Сложеніе всѣхъ недоимокъ по податямъ, земскимъ повинностямъ и хлѣбному сбору.

2) Со стороны казны:

Продолженіе денежнаго довольствія отъ первой станицы Сибирскаго линейнаго к. войска до дня выступленія въ степь въ томъ-же размѣрѣ, какъ и отъ министерства государственныхъ имуществъ.

---

*) Это повелѣніе, какъ составлявшее въ свое время государственную тайну,—во 2 е Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. не вошло.

Для всѣхъ крестьянъ и для казаковъ, переселяющихся въ Заилійскій край, единовременное денежное пособіе: на домообзаводство по 30 рублей и на покупку скота и лошадей по 25 рублей, т. е. по 55 руб. на каждую семью, для казаковъже, переселяющихся на Урджаръ и Лепсу, всего только по 30 руб. Крестьянамъ—указную дачу провіанта, какъ самимъ переселенцамъ, такъ и семьямъ ихъ, до 7-ми лѣтняго возраста—половинную, а съ 7-ми лѣтъ и старше—полную (46) въ теченіи двухъ льготныхъ лѣтъ; казакамъ-же, ихъ женамъ и дѣтямъ обоего пола указную дачу провіанта въ теченіе трехъ льготныхъ лѣтъ и въ тотъ-же періодъ времени—деньги за фуражъ, положенный войсковымъ строевымъ лошадямъ, которыя у переселенцевъ должны быть оставлены въ своихъ полкахъ, а взамѣнъ ихъ казаки для экстренныхъ случаевъ обязывались въ этотъ періодъ времени имѣть своихъ собственныхъ.

3) Со стороны Сибирскаго линейнаго к. войска:

Зерновой хлѣбъ единовременно съ возвратомъ: казаками въ теченіи 3-хъ лѣтъ, крестьянами—не позже 4 хъ лѣтъ.

Льгота отъ службы со времени прибытія поселенцевъ на мѣста поселенія: казакамъ на 3 года, крестьянамъ на 2 года.

Земельный надѣлъ всѣмъ переселенцамъ по 30 дес. на душу.

Что-же касается состава переселенцевъ, то относительно казаковъ были оставлены въ силѣ предположенія доклада 4 февраля, а относительно крестьянъ было повелѣно вызвать 500 семей желающихъ изъ крестьянъ Тобольской и Томской губерній и только за недостаткомъ ихъ—изъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи; зачислить ихъ въ казаки и переселить въ 1856 году.

Какъ въ приведенномъ докладѣ, такъ и въ Высочайшемъ повелѣніи 8 февраля 1854 г. осталось совершенно не выясненной дача кормовыхъ денегъ или, вѣрнѣе, возрастъ, съ котораго крестьяне переселенцы имѣли право на полученіе этой дачи со дня выступленія изъ мѣстъ своего прежняго жительства по день отправленія въ степь изъ гор. Семипалатинска.

Это обстоятельство явилось затрудненіемъ и для мѣстной Сибирской администраціи, которая, не имѣя по данному поводу указанія высшей власти, выдавала на основаніи особаго распоряженія командира отдѣльнаго Сибирскаго корпуса по 3½ коп. въ сутки, только начиная съ 5-ти лѣтняго возраста и уже позже, именно 18 августа 1856 года, Военнымъ Совѣтомъ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ смыслѣ выдачи кормовыхъ денегъ всѣмъ крестьянамъ - переселенцамъ безъ различія возраста(47).

Такимъ образомъ, изъ сравненія предъидущихъ переселеній казаковъ на Аягузъ и Капалъ съ настоящимъ, становится яснымъ, что только благодаря совершенной невозможности обойтись при колонизаціи обширной страны безъ содѣйствія государственныхъ крестьянъ, которыхъ правительство не рѣшилось переселять туда насильственно, казаки для уравненія съ крѣпостными крестьянами, тоже получаютъ единовременное денежное пособіе, хотя и не всегда въ одинаковомъ съ крестьянами размѣрѣ—выселенные на Урджаръ и Лепсу казаки получили только по 30 рублей на семью, а крестьяне, пришедшіе по собственному желанію на тѣ-же самые пункты,—по 55 рублей(45).

Колонизація 1855 и 1856 г.г.

Переселенческое движеніе изъ Сибири началось съ весны 1855 года, но полнаго и высшаго напряженія оно достигло только въ слѣдующемъ году. Одновременно заселялись три предположенныхъ пункта: въ Аягузскомъ округѣ—Урджаръ, въ Семирѣчьѣ—Лепса и въ Заилійскомъ краѣ—Алматы.

Станица Урджарская

14-го іюня 1855 года прибыла со своими семьями, скотомъ и хозяйственнымъ инвентаремъ первая партія казаковъ на усиленіе зазимовавшаго съ 1854 на 1855 годъ отряда на рѣкѣ Карабулакъ(48)—верховья рѣки Урджара и, начавъ устраиваться здѣсь, въ южной подгорной полосѣ Тарбоготая, положила основаніе станицы Карабулакской, названной впослѣдствіи Урджарской(49). А такъ какъ, повидимому, китайскія власти не придали никакого значенія заложенію здѣсь русскими поселенія, то въ ноябрѣ этого-же года главное управленіе Зап. Сибири сдѣлало распоряженіе о вызовѣ изъ Томскаго, Каинскаго и Бійскаго округовъ Томской губерніи 100 крестьянскихъ семей, желающихъ переселиться на урочищѣ, Урджаръ; эту сотню семей предполагалось въ будущемъ 1856 году отправить на мѣсто поселенія тремя партіями (50).

23-го іюня 1856 года прибываютъ въ станицу Карабулакскую казаки 6, 7 и 8-го Сибирскихъ полковъ (48), а 4 іюля и первая смѣшанная партія изъ 13 семей казаковъ 9-го полка и 12 крестьянскихъ Бійскаго округа(51), подъ начальствомъ хорунжаго Берникова. 28-го же іюля, подъ командой сотника Измайлова, прибываетъ еще партія однихъ уже крестьянъ въ 32 семьи, изъ которыхъ 22 были Каинскаго, а 10 Тарскаго округа(52). Далѣе, чрезъ мѣсяцъ, крестьяне прибываютъ двумя мелкими партіями—3 семьи Омскаго (53) и 7 Ишимскаго округовъ Тобольской губерніи(54) и затѣмъ, въ концѣ переселенческаго періода 1856 года прибыли еще двѣ крестьянскихъ семьи(55).

Такимъ образомъ, съ переселившимися въ предьидущемъ году населеніе станицы Карабулакской или, какъ она съ 1856 г. начинаетъ иногда называться, - Урджарской—([54]) къ концу этого года составилось: изъ 2 офицеровъ съ ихъ семьями—есаула Баранова 7-го полка и хорунжаго Берникова 9-го полка, 91 казачьей семьи, изъ которыхъ было: 6-го полка—19, 7-го—28, 8-го и 9-го по 22 и крестьянъ только 56 семей ([56]), вмѣсто 100, туда предполагавшихся.

Недостатокъ 44 семей произошелъ вслѣдствіе отсутствія крестьянъ-охотниковъ переселиться въ Урджаръ и хотя Совѣтъ Главнаго Управленія Зап. Сибири и сдѣлалъ распоряженіе повторить вызовъ крестьянъ, желающихъ переселиться туда съ зачисленіемъ въ казаки ([57]), но недостатокъ этотъ, въ сущности, такъ и остался не пополненнымъ, потому что впослѣдствіи нашлось еще только 5 крестьянскихъ семей, переселившихся въ станицу Урджарскую въ 1857 и 1862 г. ([58]).

Станица Лепсинская

18 іюня 1855 г. прибыла на рѣку Лепсу первая и единственная въ этомъ году партія казаковъ 6, 7, 8 и 9-го полковъ. Мѣстомъ для поселенія была избрана, верстахъ въ 40 съ небольшимъ отъ истоковъ рѣки Лепсы, сильно расширившаяся здѣсь долина этой рѣки, расположенная въ послѣднихъ предгорьяхъ Джунгарскаго Ала-Тау въ вершинѣ входящаго угла, образуемаго крутымъ поворотомъ этой горной системы на сѣверъ. Казаки, расположившись здѣсь, основали поселеніе, названное сначала поселеніемъ Лепсинскимъ ([47]), затѣмъ, спустя нѣкоторое время, станицей Верхъ-Лепсинской и потомъ уже, значительно позже,—просто Лепсинской.

Въ 1856 году переселенцы, казаки 6, 7, 8 и 9 полковъ([60]) и крестьяне Томской и Тобольской губерній ([61]), начавъ выступать изъ города Семипалатинска съ 11-го мая ([47]), прибыли сюда 4-мя крупными смѣшанными партіями 22, 24, 28 іюня и 1 іюля ([62]), затѣмъ, позже, крестьяне прибывали уже совсѣмъ мелкими партіями въ 1 или 2 семьи ([63]). Къ концу этого года было переселено казаковъ 67 семей и крестьянъ 200 семей ([64]) и, такимъ образомъ, предположеніе по заселенію станицы Лепсинской было выполнено, такъ какъ съ пришедшими сюда въ предъидущемъ году—казаковъ было переселено одна сотня съ ихъ офицерами*) и крестьянъ 200 семей ([65]).

Поселеніе на рѣкѣ Коксу.

Есть основаніе полагать, что въ 1855—же г., какъ убѣдимся

*) О числѣ которыхъ для станицъ Лепсинской и Алматинской и нѣкоторыхъ другихъ свѣдѣній не найдено, но есть основаніе предполагать, что было переселено число, близкое къ штатному по положенію 1846 г.

далѣе, послѣ постройки пикета на рѣкѣ Коксу, о чемъ сказано нѣсколько ниже, казачій гарнизонъ пикета, вѣроятно, благодаря расположенію его въ устьѣ горнаго прохода чрезъ Джунгарскій Ала-тау въ ту часть Илійскій долины, которая была еще долго спустя послѣ этого въ фактическомъ владѣніи Китая, былъ усиленъ приселеніемъ къ нему нѣкотораго числа казачьихъ семей, положившихъ здѣсь начало будущей станицы Коксуйской.

Начало колонизаціи Заилійскаго края.

Какъ уже было сказано раньше—Заилійскій отрядъ, перезимовавъ на рѣкѣ Исыкъ, въ 1854 году приступилъ въ долинѣ рѣки Малой Алматы къ постройкѣ укрѣпленія, названнаго Заилійскимъ ([66]). Для связи отряда съ базою въ Капалѣ 19 мая 1854 года было повелѣно „учредить“ 12 пикетовъ ([66]); но къ капитальной постройкѣ пикетныхъ зданій и необходимыхъ при нихъ строеній для помѣщенія людей, лошадей, и дававшихъ возможность самозащиты пикетовъ, было приступлено только чрезъ годъ. 3 апрѣля 1855 года изъ укрѣпленія Заилійскаго, называвшагося уже въ этомъ году Вѣрнымъ ([67]), выступила сотня казаковъ 10-го полка въ составѣ 1 офицера, 7 урядниковъ и 99 казаковъ, назначенная для постройки семи пикетовъ*): Заилійскаго, Илійскаго, Чингильдинскаго, Карачекинскаго, Куянкузскаго, Алтынъ-Эмельскаго и Терсъ-Аканскаго ([68]). Сотня, распредѣлившись по пикетамъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, какъ свидѣтельствуетъ командиръ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса: „при прочихъ занятіяхъ“**) выстроила ихъ „въ огромномъ размѣрѣ изъ сырцоваго кирпича—тоже большого размѣра—по сообщенной формѣ“ ([69]). Къ этому же времени казаками Капальскаго отряда выстроены слѣдующіе 5 пикетовъ***)—Коксуйскій на рѣкѣ Коксу, Джангызъ-Агачскій, Каратальскій или султана Сюка****), Сарыбулакскій и Акъ-Ичке ([67]) Всего пикетовъ между укрѣпленіями Вѣрнымъ и Капальскимъ—было устроено 12 ([70]). Всѣ они были заняты казаками и понимъ съ 31 октября этого-же года официально, а въ дѣйствительности значительно ранѣе, началось почтовое сообщеніе([70]) подъ прикрытіемъ пикетныхъ казаковъ.

Станица Алматинская.

Первая партія переселенцевъ казаковъ 6, 7, 8 и 9-го полковъ, для поселенія на рѣкѣ Алматы у укрѣпленія Вѣрнаго прибыла 1 іюля 1855 года ([71]) и положила здѣсь осно-

*) Названія пикетовъ приведены въ порядкѣ ихъ дѣйствительнаго расположенія, считая отъ укрѣпленія Вѣрнаго.

**) Конвоированіе почтъ и проѣзжающихъ.

***) Въ порядкѣ расположенія ихъ отъ пикета Терсъ-Аканскаго.

****) Впослѣдствіи выселокъ Карабулакскій.

ваніе станицѣ Алматинской, перваго осѣдлаго русскаго поселенія въ Заилійскомъ краѣ. Главнымъ руководителемъ по устройству здѣсь поселенія является приставъ при киргизахъ Б.-Орды подполковникъ Перемышльскій, исполнителемъ же и помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ назначенъ начальникъ Заилійскаго отряда, только что прибывшій туда, войсковой старшина Шайтановъ (72).

Въ 1856 году казаки 6, 7 и 8-го полковъ и крестьяне Тобольской и Томской губерній начали прибывать сюда смѣшанными партіями съ 1 іюля (71), а послѣдняя, четвертая, партія, изъ 50 семей казаковъ 9-го полка и крестьянъ, подъ начальствомъ хорунжаго Веревкина, пройдя Капалъ 5 іюля, пришла въ станицу Алматинскую въ концѣ этого мѣсяца (73). Всего-же сюда въ этомъ году переселено 139 семей казаковъ и 200 крестьянскихъ (74). Такимъ образомъ, до полной нормы 500 крестьянскихъ семей, предназначенныхъ къ переселенію на территорію будущаго Семирѣченскаго к. войска въ 1856 году, не достало только 44 семей въ Урджарѣ, казаки-же по предположенію на 1855 и 1856 г. г. переселены были всѣ.

Разрѣшеніе вопроса о дальнѣйшей колонизаціи.

Такъ какъ только пять сравнительно крупныхъ русскихъ поселеній и два ничтожныхъ на Арасанѣ и Коксу, раскинутыхъ при этомъ на огромномъ разстояніи, почти не достигали намѣченной цѣли,—болѣе или менѣе прочной колонизаціи обширной и богатой страны,—то генералъ губернаторъ Зап. Сибири, Гасфордтъ, въ концѣ 1856 года, снова представляетъ свои предположенія о дальнѣйшей колонизаціи Семирѣчья и Заилійскаго края. Въ его предположенія входило переселеніе: возможнаго для Сибирскаго к. войска числа казаковъ-охотниковъ, а за недостаткомъ ихъ и по жребію, и притомъ не только изъ Сибири, но даже и съ Капала, какъ наиболѣе крупнаго русскаго поселенія въ Семирѣчьѣ, а затѣмъ, по крайней мѣрѣ, 400 семей желающихъ сибирскихъ крестьянъ и ссыльно поселенцевъ по вызову (75).

Сибирскій комитетъ, въ мартѣ 1857 г., разсмотрѣвъ записку военнаго министра отъ 8 февраля этого-же года, въ которой были изложены всѣ предположенія Гасфортда „объ увеличеніи русскаго населенія въ Семирѣченскомъ и Заилійскомъ краяхъ“,—высказалъ, что „со своей стороны находитъ полезнымъ и необходимымъ для упроченія нашей осѣдлости по границѣ съ Китаемъ въ Семирѣченскомъ и Заилійскомъ краяхъ усилить тамъ русское населеніе согласно предложенія генералъ-губернатора Зап. Сибири. Одобряя его представленія по *всѣмъ предметамъ*, комитетъ остановился на одной только статьѣ, а именно—на дозволеніи приселяться

въ Семипалатинской области ([76]), около пикетовъ охотникамъ изъ ссыльно-поселенцевъ. Опасаясь, что дозволеніе это, данное безъ разбора, можетъ имѣть вредное послѣдствіе потому, что между ссыльно-поселенцами есть много людей дурной нравственности, вредныхъ и опасныхъ для поселенія въ такомъ отдаленномъ краѣ, какъ Семипалатинская область, комитетъ признаетъ необходимымъ дозволить это приселеніе только тѣмъ ссыльно поселенцамъ, кои по удостовѣреніи мѣстнаго начальства будутъ вполнѣ для этого благонадежны. Вслѣдствіе сего комитетъ положилъ: 1) Дозволить въ Семирѣченскомъ и Заилійскомъ округахъ поселиться охотникамъ изъ крестьянъ Зап. Сибири, сверхъ водворенныхъ уже тамъ, еще до 300 семействъ съ зачисленіемъ ихъ въ казаки Сибирскаго к. войска. 2) Выборъ и утвержденіе мѣстъ для поселенія означенныхъ семей, равно какъ и время самаго поселенія, по мѣрѣ явки къ тому желающихъ, предоставить усмотрѣнію генералъ-губернатора Зап.-Сибири и командира отдѣльнаго Сибирскаго корпуса. 3) Означеннымъ поселенцамъ даровать такія-же льготы и пособія, какія Высочайшимъ повелѣніемъ 8 февраля 1854 г. были предоставлены переселенцамъ на Урджаръ, Лепсу и за рѣку Или, отнеся потребные расходы на тотъ-же источникъ, на который обращены были расходы при означенномъ переселеніи 1854 года. 4) Сверхъ дозволеннаго въ киргизской степи устройства постоялыхъ дворовъ, разрѣшить въ Семипалатинской области приселяться около тѣхъ пикетовъ, гдѣ мѣстность то дозволитъ, охотникамъ по вызову правительства изъ Сибирскихъ крестьянъ *и даже ссыльнопоселенцамъ*, получившимъ уже право на свободное водвореніе въ Сибири, съ запискою какъ тѣхъ, такъ и другихъ въ казаки Сибирскаго линейнаго к. войска. Приселеніе это допускать на пикетахъ въ такихъ размѣрахъ, чтобы при отводѣ приселяемымъ земельныхъ угодій, *не стѣснять киргизъ* и чтобы общее число этихъ поселенцевъ на пикетахъ Семипалатинской области не превышало на первый разъ 100 семей. Дозволеніе селиться на пикетахъ, выборъ для того мѣста и ограниченіе самого числа поселяемыхъ—предоставить генералъ губернатору Зап. Сибири, соображаясь съ мѣстными обстоятельствами и пространствомъ свободныхъ и удобныхъ земель возлѣ пикетовъ. При этомъ возложить на особое его попеченіе строго наблюдать, чтобы приселеніе къ пикетамъ тѣхъ ссыльныхъ, кои получили право на свободное водвореніе въ Сибири, допускать съ самою строгою разборчивостью и не иначе, какъ по ближайшему удостовѣренію въ совершенной благонадежности сихъ лицъ. 5) Всѣмъ означеннымъ въ предъ-

идущемъ пунктѣ поселенцамъ на пикетахъ Семипалатинской области предоставить тѣ же пособія и льготы и на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ назначено въ пунктѣ 3-мъ сего положенія о переселенцахъ въ Семирѣченскій и Заилійскій края (77)".

Это положеніе Сибирскаго комитета, утвержденное Государемъ 25 марта 1857 г.(77), болѣе широкое по своимъ полномочіямъ, чѣмъ повелѣніе 1854 года, дало въ руки энергичнаго Гасфордта возможность увеличить, какъ число поселеній,—такъ и численность ихъ населенія въ зависимости отъ мѣстныхъ нуждъ, содѣйствуя этимъ закрѣпленію и умиротворенію вновь занятой страны

Получивъ такія уполномочія, генералъ Гасфордтъ, въ распоряженіяхъ своихъ, отданныхъ 15 и 16 мая 1857 года военному губернатору Семипалатинской области и командиру 1-го Сибирскаго к. полка, подполковнику Абакумову, указавъ избранныя имъ мѣста для новыхъ поселеній, излагаетъ свои предположенія по дальнѣйшей колонизаціи страны, заключающіяся въ слѣдующемъ (78).

Въ Заилійскомъ краѣ: на рѣкѣ Исыкъ поселить 100 крестьянскихъ семей и 25 казачьихъ, въ составъ которыхъ должны войти: 1 офицерское, 3 урядничьихъ и 21 казачье Казаковъ вызвать по желанію, но если охотниковъ не будетъ или окажется недостаточно, то переселить по жребію: изъ 8 полка 1 офицера, 1 урядника, 13 казаковъ и изъ 7-го полка 2 хъ урядниковъ и 8 казаковъ.

На рѣкѣ Каскеленъ поселить 107 крестьянскихъ и 25 казачьихъ семей. Казаки – въ томъ-же составѣ и на тѣхъ-же основаніяхъ какъ и на рѣкѣ Исыкъ, но переселить ихъ изъ Капальской станицы.

Въ Семирѣчьѣ: „къ прежнему населенію" (*) на рѣку Коксу добавить 15 крестьянскихъ семей и изъ станицы Капальской 5 казачьихъ, но „такъ какъ", добавляетъ генералъ Гасфордтъ въ предписаніи своемъ командиру 10 полка, „Коксу находится въ Алатавскомъ округѣ", то „по сему предмету снестись предварительно съ начальникомъ сего округа" (78).

На пикеты Арасанскій и Аркатскій „къ имѣющемуся тамъ населенію добавить" (**) по 5-ти крестьянскихъ семей.

(*) Подлинное выраженіе командира корпуса въ предписаніяхъ его Семипалатинскому губернатору и командиру 10 полка, которое и доказываетъ, что первоначальное поселеніе на рѣкѣ Коксу было основано ранѣе 1857 года.

(**) Подлинное выраженіе въ обоихъ цитируемыхъ предписаніяхъ Гасфордта, доказывающее, что основаніе выселку Арасанскому было положено ранѣе 1857 г.

Въ Аягузскомъ округѣ, на пикетъ Каракольскій, что на пути изъ Аягуза въ Урджаръ, добавить десять крестьянскихъ семей (78).

Въ обоихъ распоряженіяхъ генералъ Гасфордтъ сообщаетъ, что всѣмъ, предназначеннымъ къ переселенію казачьимъ семьямъ опредѣлено выдать единовременное пособіе: офицерамъ по 100 рублей, а казакамъ, переселяемымъ на Коксу, по 25 рублей, на Каскеленъ по 35 и на Исыкъ по 55 рублей на семью (*). Относительно крестьянъ генералъ-губернаторъ Зап. Сибири предупреждаетъ, что 242 крестьянскихъ семьи, предположенныя къ переселенію въ намѣченные пункты, будутъ отправлены съ мѣста своего настоящаго жительства ранней весной будущаго 1858 года съ такимъ расчетомъ, чтобы они не зимовали на пути, а пройдя по линіи чрезъ городъ Семипалатинскъ, прибыли-бы на мѣста поселенія по возможности ко времени уборки сѣна и хлѣба.

Что же касается казаковъ, то генералъ Гасфордтъ предписываетъ командиру 10 полка: „распоряженіе о вызовѣ или назначеніе по жребію сдѣлать немедленно и еслибы переселяющіеся пожелали, то было-бы полезно отправить ихъ въ назначенныя мѣста въ нынѣшнемъ же году, чтобы они могли въ теченіе зимы заготовить себѣ необходимый на обстройку лѣсъ и съ открытіемъ весною первой возможности—приступить къ работамъ Но въ такомъ разѣ о числѣ согласившихся на то семействъ, съ поясненіемъ въ какіе именно пункты,—увѣдомьте предварительно подполковника Перемышльскаго, дабы онъ могъ сдѣлать распоряженіе къ помѣщенію ихъ на зимнее время и своевременному начатію весною надлежащихъ работъ. Распоряженіе это я прошу Васъ на первыхъ порахъ не обнаруживать ордынцамъ и произвесть безъ огласки. Они сдѣлаются гласными тогда уже, когда вся приготовительная работа созрѣетъ".

Затѣмъ далѣе, предваривъ, что главное наблюденіе за устройствомъ хозяйства переселенцевъ, истребованіе на нихъ всѣхъ пособій, провіанта, фуража и сѣменного хлѣба возлагаются имъ на командировъ 4-й бригады и 10-го полка, генералъ Гасфордтъ проситъ Семипалатинскаго военнаго губернатора сообщить ему, не пожелаютъ-ли казаки на Исыкъ и Каскеленъ переселиться въ этомъ-же году; это ему необходимо знать заблаговременно, чтобы сдѣлать распоряженіе выставить на этихъ пунктахъ пикеты изъ пѣхоты и конницы для защиты слабыхъ казачьихъ партій въ первое время ихъ поселенія тамъ(78).

*) Льготу отъ службы и провіантъ имъ см. нѣсколько ниже.

Въ аналогичномъ съ цитированнымъ распоряженіемъ—предписаніи 19 іюня 1857-же года наказный атаманъ Сибирскаго к. войска, развивая мысль генерала Гасфордта и заботясь объ образованіи на мѣстахъ поселенія казачьихъ кадровъ въ цѣляхъ служебныхъ и экономическихъ, приказываетъ изъ 7, 8 и 10 полковъ переселить только семьи, имѣющія въ своемъ составѣ не менѣе одного служащаго строевого или резервнаго казака(79).

Затѣмъ уже въ сентябрѣ былъ выясненъ вопросъ, что переселяемымъ казакамъ, кромѣ опредѣленнаго единовременнаго денежнаго пособія, предоставляется еще въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ поселенія льгота отъ службы и провіантъ имъ и ихъ семьямъ, но фуражное довольствіе и усиленные оклады жалованія офицерамъ—не выдавать(80).

Подъ вліяніемъ представленій начальника Алатавскаго округа Перемышльскаго и командира 10 полка Абакумова, доказывавшихъ рискъ и несвоевременность основанія на пути непріятельскаго наступленія изъ-за рѣки Чу беззащитнаго поселенія на рѣкѣ Каскеленъ и предлагавшихъ со своей стороны устроить станицу на рѣкѣ Талгаръ, генералъ Гасфордтъ, въ сентябрѣ того-же года, отказался отъ своего перваго предположенія и разрѣшилъ казачьи и крестьянскія семейства, назначенныя къ водворенію на Каскеленѣ, поселить на Талгарѣ, а на Каскеленѣ выставить только сторожевую заставу, которая своими разъѣздами охраняла-бы укрѣпленіе Вѣрное и станицу Алматинскую отъ внезапныхъ нападеній изъ-за рѣки Чу и со стороны дикокаменныхъ киргизъ(80). Но изъ числа предназначавшихся на Каскеленъ 10 крестьянскихъ и 2 или 3 казачьихъ семействъ командиръ корпуса приказалъ поселить у пикета Карабулакскаго, какъ началъ иногда называться Каратальскій (султана Сюка) пикетъ(80).

Одновременно съ этимъ, отказавшись отъ своего предположенія объ образованіи поселеній у пикетовъ Аркатскаго и Каракольскаго, генералъ Гасфордтъ разрѣшилъ устроить поселеніе на рѣкѣ Сарканъ(8), о чемъ командиръ 10 полка еще въ маѣ 1857 г. дѣлалъ представленіе, доказывая выгоды и необходимость основанія здѣсь пикета, съ приселеніемъ къ нему до 50 семей казаковъ, для связи Капала съ Лепсинской станицей(81).

Нужныхъ для водворенія на Сарканъ 25 казачьихъ семей командиръ корпуса приказалъ взять изъ станицъ Лепсинской и Капальской по вызову, но если охотниковъ будетъ недостаточно, то переселить и по жребію Переселенцамъ этимъ была дана 2-хъ лѣтняя льгота отъ службы и по 20 руб. единовременнаго пособія на семью(81).

1857 годъ, употребленный на приготовительныя распоряженія, собственно для колонизаціи былъ потерянъ, такъ какъ только въ концѣ этого года было переселено всего 10 казачьихъ семей съ Капала, изъ которыхъ половина даже и не попала на мѣсто поселенія, зазимовавъ въ станицѣ Алматинской(82).

Для будущей станицы Софійской была избрана не лишенная своеобразной красоты мѣстность у самаго подножія Заилійскаго Алатау, въ его сѣверной подгорной полосѣ, тамъ, гдѣ рѣка Талгаръ только что спустилась съ горъ и ея ущелье, закончившись, перешло въ широкую долину съ востока выступомъ горнаго массива.

По вызову командира 10-го полка еще осенью 1857 года изъявили желаніе переселиться сюда съ Капала 5 казачьихъ семей изъ тѣхъ, что вызывались для поселенія на рѣкѣ Каскеленъ(83).

Нѣтъ данныхъ утверждать, что эти 5 семей въ томъ-же 1857 году достигли своего новаго мѣстопоселенія,—вѣроятнѣе, что на зиму всѣ онѣ были задержаны начальникомъ Алатавскаго округа въ станицѣ Алматинской, чтобы исключительно для защиты такой ничтожной партіи поселенцевъ не выставлять на зиму къ рѣкѣ Талгаръ отдѣльнаго пикета войскъ(84).

Ранней весной 1858 года съ Капала прибыла въ станицу Алматинскую первая партія казаковъ подъ командой хорунжаго Жеребятьева(85) и, соединившись здѣсь съ зимовавшими 5-ю семьями, всего въ составѣ 24 семей и 1 офицера, Жеребятьева(86), перешла на рѣку Талгаръ(87), гдѣ и положила основаніе будущей станицѣ Софійской

Отъ Заилійскаго отряда къ мѣсту поселенія этой партіи. для прикрытія ея на первыхъ порахъ отъ хищническихъ поползновеній киргизъ, былъ выставленъ пикетъ изъ 20 человѣкъ пѣхоты и 20 казаковъ подъ командой офицера(88).

Въ апрѣлѣ сюда прибыла и часть крестьянъ(87), а затѣмъ позже подошли еще и слѣдующія крестьянскія партіи, такъ что въ общей сложности въ 1858 году переселилось сюда только 49 семей крестьянъ Томской и Тобольской губерній(88). Остальные-же, шедшіе сюда въ этомъ году, крестьяне переселенцы поздно поднялись со своихъ мѣстъ и, вслѣдствіе развившихся у нихъ болѣзней и изнуренія лошадей, дойти осенью до Талгара не могли и зазимовали въ Капалѣ(89).

1859 годъ для станицы Софійской былъ наиболѣе удачнымъ. Въ этотъ періодъ времени переселилось сюда 100 семей крестьянъ (90) и станица стала сравнительно многолюдной.

Партіи казаковъ, изъ 7-го полка—9 или 10 семей и изъ 8-го—14[91]), собрались въ Семипалатинскѣ къ 20 мая 1858 года ([92]) и, соединившись здѣсь, выступили 21 мая([93]). Эта партія на пикетѣ Карасуйскомъ была принята хорунжимъ 10 полка Трошковымъ([94]), назначеннымъ вмѣстѣ съ нею тоже къ переселенію([91]). 21 іюня прошла Капалъ([91]) и на рѣку Исыкъ прибыла 14 іюля([93]). Станица Надеждинская.

Мѣстомъ для основанія будущей станицы Надежной, какъ въ началѣ называли ее, была избрана высокая долина рѣки Исыкъ, въ сѣверной-же подгорной полосѣ Заилійскаго Алатау, близъ выхода этой рѣки изъ горъ, такъ понравившаяся еще въ 1854 году занявшему край—Перемышльскому.

Вскорѣ за казаками подошли сюда партіями и крестьяне въ числѣ 32-хъ семей([88]); остальные-же направлявшіеся сюда, принуждены были зимовать въ Капалѣ вмѣстѣ съ шедшими на рѣку Талгаръ и по тѣмъ-же самымъ причинамъ, какъ и переселенцы въ станицу Софійскую([89]).

1859 годъ и здѣсь оказался болѣе удачнымъ,—въ теченіе его удалось переселить 90 семей крестьянъ([94]).

У Илійскаго пикета, основаннаго, какъ видѣли раньше, на рѣкѣ Или близъ устья рѣки Талгаръ хорунжимъ Лаптевымъ еще въ 1854 г., было поселено въ 1859 г. 10 крестьянскихъ семей([95]). Выселокъ Илійскій.

Такимъ образомъ, въ Заилійскій край въ 1858 и 1859 годахъ было переселено 50 семей казачьихъ съ ихъ офицерами и 281 крестьянскихъ.

Какъ сказано выше—основаніе этой станицѣ было положено еще въ 1855 году. Для ея расположенія была избрана обширная долина въ юго-западной части Джунгарскаго (Семирѣченскаго) Алатау, въ началѣ средняго теченія рѣки Коксу*), въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, покидая мрачное ущелье, прорѣзанное ею въ каменномъ массивѣ системы Алатау, выходитъ на нагорную долину, расположенную на высотѣ 4000 футъ надъ уровнемъ моря. Станица Коксуйская.

Для увеличенія численности уже существовавшаго здѣсь при пикетѣ поселенія, осенью 1857 г. прибыли 5 семей казаковъ изъ Капала([96]) Въ 1858 году, вѣроятно въ іюнѣ, по особому распоряженію было переселено изъ Капала еще 5 семей казаковъ([82]), а затѣмъ уже только 6 октября 1859 г. прибыло сюда для поселенія 17 семей крестьянъ([97]).

Какъ мы уже знаемъ,—станица эта обязана своимъ основаніемъ исключительно иниціативѣ командира 10 полка пол- Станица Сарканская

*) Лѣвый притокъ Каратала, по мѣстному—довольно многоводный.

ковника Абакумова, который мѣстомъ для заселенія избралъ широкую долину въ концѣ средняго теченія рѣки Саркань, праваго притока рѣки Акъ-су, въ сѣверной подгорной полосѣ Джунгарскаго Алатау. Въ мартѣ или апрѣлѣ 1858 года переселились сюда по жребію и отчасти по желанію(98) изъ станицъ—Капальской 9, изъ Лепсинской 16 семей казаковъ(99), а въ слѣдующемъ году 2 крестьянскихъ(97)

Выселокъ Арасанскій.

Въ сѣверныхъ предгорьяхъ Джунгарскаго Алатау, въ вершинѣ горной долины верхняго теченія рѣки Біенъ*) еще въ 1848 году, былъ заложенъ пикетъ, одинъ изъ тѣхъ 12 ти, что были устроены въ этомъ году для связи Аягуза съ отрядомъ на Капалѣ(100). Вѣроятно, что въ 1855 г., но можетъ быть и раньше(151), къ пикету были приселены казаки; это доказывается тѣмъ, что земля въ надѣлъ выселку Арасанскому была отмежевана одновременно и вмѣстѣ со станицей Капальской въ 1855 году (151), а въ 1857 году, въ своемъ вышеприведенномъ распоряженіи 15 мая, командиръ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса говоритъ объ Арасанѣ, какъ поселеніи уже существующемъ(78).

Въ 1858 году, сюда къ бывшему здѣсь населенію было добавлено 10 семей крестьянъ(95).

Выселокъ Карабулакскій.

Въ юго-восточномъ углу, слившихся вмѣстѣ долинъ рѣкъ Караталъ, Коксу и Кусакъ, въ западной части Джунгарскаго Алатау, на рѣкѣ Караталъ, еще въ 1855 году, какъ уже сказано выше, былъ построенъ пикетъ, называвшійся первоначально Каратальскимъ или султана Сюка, а потомъ Карабулакскимъ. Въ 1858 году здѣсь поселено 10, а въ слѣдующемъ 7 крестьянскихъ семей(95).

Колонизація съ 1860 по 1868 г.

Съ начала этого періода переселенческое движеніе изъ Сибири начинаетъ замѣтно ослабѣвать, а съ 1861 года, т. е. со времени освобожденія крестьянъ и введенія новаго „положенія“ въ Сибирскомъ войскѣ—почти совершенно теряетъ значеніе, поддерживаясь движеніемъ рѣдкихъ партій отъ 2—5 и только иногда до 8 семей (101)

Еще въ 1859 году положительно выяснилось, что на Сибирскихъ крестьянъ, какъ на элементъ, главнымъ образомъ поддерживавшій въ послѣднее время колонизацію Семирѣчья и Заилійскаго края, потеряна надежда—охотниковъ болѣе не стало, какъ будто уже всѣ крестьяне, недовольные своей крѣпостной зависимостью или жизнью въ Зап. Сибири, успѣли переселиться оттуда. Въ то же время колонизація обширной страны далеко еще была не закончена, требовалось еще

*) По русскому мѣстному произношенію—Біонъ.

много русскихъ людей чтобы удержать въ нашихъ рукахъ и оживить дремавшій богатый край.

Исключительныя законодательныя мѣры: обратить переселеніе въ кару для крестьянъ недоимщиковъ (102) и для самовольныхъ переселенцевъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь (103), дали ничтожные результаты, а между тѣмъ главою сибирской администраціи сознается крайняя необходимость устройства хотя-бы еще трехъ поселеній въ Заилійскомъ краѣ — на Каскеленѣ, Узунъ-Агачѣ и Кастекѣ (104). Для выхода изъ создавшагося положенія генералъ Гасфордтъ дѣлаетъ представленіе о переселеніи въ Заилійскій край 6-й и послѣдней сотни 9 полка (105) съ цѣлью, будто-бы, образованія кадра для проэктированнаго здѣсь Заилійскаго пѣшаго казачьяго баталіона (106). Высочайшее повелѣніе о переселеніи этой сотни состоялось въ 1859 году (105).

Сначала генералъ Гасфордтъ предполагалъ 20 семей этой сотни поселить у основаннаго въ 1859 году укрѣпленнаго пикета на урочищѣ Кастекъ (107), замыкавшаго, со стороны Илійской долины, выходъ на нее изъ Чуйской долины по Буамскому горному проходу, раздѣляющему Заилійскій Алатау отъ Александровскаго хребта. Но начальникъ Алатавскаго округа, маіоръ Колпаковскій, доказывая полное неудобство въ экономическомъ отношеніи устройства здѣсь поселенія, просилъ разрѣшенія поселить эти семьи на урочищѣ Узунъ-Агачъ (108), занятіе котораго въ началѣ тоже входило въ проектъ Гасфордта (107) и гдѣ въ мартѣ 1860 года уже возводились сооруженія для постояннаго сторожевого пикета (108). Но генералъ Гасфордтъ, принявъ въ соображеніе, что съ заселеніемъ Узунъ-Агача киргизы лишились бы одной изъ лучшихъ своихъ кочевокъ, находившейся до тѣхъ поръ въ ихъ полномъ распоряженіи, что, конечно, могло-бы возбудить крупное неудовольствіе съ ихъ стороны,—предположеніе маіора Колпаковскаго отклонилъ и приказалъ всю 6-ю сотню поселить на рѣкѣ Каскеленъ (109).

Станица Каскеленская.

Къ концу апрѣля 1860 года (110) сотня собралась на своемъ сборномъ пунктѣ—въ станицѣ Антоньевской (111) и выступила изъ нея 29 апрѣля одной партіей съ расчетомъ прибыть въ укрѣпленіе Вѣрное 30 іюня (110).

Сотня шла въ составѣ 143 семей, изъ которыхъ по желанію было только 29, а 86 по жребію и 28 по назначенію (112); служилыхъ казаковъ въ ней было 147, отставныхъ 7, малолѣтковъ 65, казачьихъ женъ 131, вдовъ 5 и дѣвушекъ 88, т. е. всего душъ 443 (113). Казаки везли съ собою почти весь хозяйственный инвентарь и домашній скарбъ, шли въ 325

повозкахъ на 582 лошадяхъ, имѣя при себѣ 268 штукъ рогатаго скота ([114]).

При такомъ громоздкомъ составѣ партіи ей былъ данъ маршрутъ, какъ обыкновенной воинской конной части, свободной какъ отъ своихъ семействъ, такъ и отъ своего живого и мертвеннаго хозяйственнаго инвентаря. Сотня въ 63 дня ([110]) должна была пройти 1387 верстъ, причемъ переходовъ въ 25 и менѣе верстъ было назначено только 22, а 22 были отъ 25 до 30 и 10 болѣе 30 верстъ ([111]). Изъ 63 дней марша дневокъ было дано только 9, считая въ томъ числѣ и время на переправу чрезъ рѣку Иртышъ.

Весьма естественно, что при подобныхъ условіяхъ и особенно весною, въ грязь, переселяющаяся сотня не могла даже и приблизительно выполнить маршрута Уже 18 мая, т. е. чрезъ 20 дней марша сотникъ Круглыхинъ, начальникъ партіи, доноситъ военному губернатору Семипалатинской области, что переходы назначены велики, что вслѣдствіе перегрузки возовъ и недостатка корма сотня ежедневно не можетъ проходить болѣе 12—15 верстъ ([115]) и что къ переправѣ чрезъ рѣку Иртышъ, у выселка Шульбинскаго, онъ, при всемъ его желаніи, едвали подойдетъ ранѣе 25 мая, тогда какъ по маршруту онъ долженъ быть тамъ 12-го ([115]). Повидимому, Круглыхинъ, опасаясь отвѣтственности, не жалѣлъ силъ партіи и вмѣсто 25 мая, какъ расчитывалъ раньше, подошелъ къ Иртышу 23-го ([114]), но здѣсь ожидало его новое препятствіе, тоже не предусмотрѣнное маршрутомъ,—въ выселкѣ Шульбинскомъ былъ только одинъ паромъ, который и перевозилъ партію чрезъ рѣку Иртышъ 9 дней ([114]). Переправа была закончена только 1 іюня ([114]) и сотня двинулась дальше, направляясь чрезъ Аягузъ и Капалъ къ Вѣрному; на мѣсто-же поселенія пришла 25 іюля ([116]).

Мѣстомъ для поселенія была указана Гасфордтомъ ([107]) долина рѣки Каскеленъ, близъ выхода ея изъ Заилійскаго Алатау, въ сѣверной подгорной полосѣ этого хребта. 6-я сотня, поселившись здѣсь, образовала выселокъ Любовный, названный потомъ станицей Каскеленской.

Это было послѣднее крупное переселеніе русскихъ въ Семирѣченскую область не только за разсматриваемый періодъ времени, но и за всю вторую половину XIX-го столѣтія.

Въ томъ-же 1861 году сюда переселились 10 или 12 крестьянскихъ семей ([117]).

Выс. Карабулакскій. 6 августа 1860 года сюда переселилось еще 18 семей крестьянъ ([97]).

Въ этомъ-же году Алматинская станица, въ виду ея многолюдства, а вслѣдствіе этого разбросанности расположенія, охватывавшаго съ двухъ сторонъ укрѣпленіе Вѣрное, и нѣкоторыхъ другихъ причинъ, была раздѣлена на два поселенія, изъ которыхъ южное названо Больше-Алматинской станицей, а сѣверное Мало-Алматинской ([118]). **Станица Мало-Алматинская.**

Въ періодъ съ 1861 г. по 1868 г. колонизаціонное движеніе становится по своимъ размѣрамъ прямо ничтожнымъ и въ своихъ проявленіяхъ пріобрѣтаетъ уже совершенно случайный характеръ. За недостаткомъ переселенцевъ было разрѣшено оставаться и селиться въ Семирѣчьѣ, съ зачисленіемъ въ казаки, желающимъ нижнимъ чинамъ мѣстныхъ 8 и 9 пѣхотныхъ баталіоновъ, по окончаніи ими сроковъ службы въ своихъ частяхъ ([119]) въ предоставленіемъ имъ тѣхъ-же льготъ и пособій, какъ переселенцамъ ([120])

Изъ всего только что сказаннаго видно, что колонизація страны производилась Сибирскими казаками и государственными крестьянами Тобольской и Томской губерній. Даже при наличности существовавшихъ тогда порядковъ крѣпостного права у крестьянъ между этими двумя группами лежала такая глубокая разница въ воззрѣніяхъ правительства на ихъ правовое положеніе, что и способы колонизаціи ими были приняты совершенно различные. **Общій обзоръ организаціи переселенія съ 1848 по 1868 г.**

Для казаковъ переселеніе было, какъ обязанность, какъ слѣдствіе царившей у нихъ суровой дисциплины или, какъ формулировалъ Императоръ Александръ II въ своемъ вышеприведенномъ рескриптѣ, „жертвой, приносимой вѣрноподданными для блага Отечества". Для крестьянъ-же руководящимъ мотивомъ служила ихъ добрая воля, поиски счастья въ новой богатой странѣ и даже, что весьма вѣроятно, ихъ, крѣпостныхъ, манила та тѣнь свободы, которую они расчитывали получить, надѣвъ казачій мундиръ.

Казаки на всѣ мѣста поселенія высылались первыми и выносили на себѣ всѣ тяжести и невзгоды быта первыхъ поселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Крестьяне приселялись къ нимъ потомъ, уже чрезъ извѣстный промежутокъ времени, пользуясь готовымъ опытомъ піонеровъ.

Главныя основныя положенія организаціи переселенія обѣихъ группъ по необходимости приведены уже выше, а здѣсь остается только дополнить нѣсколькими деталями картину колонизаціи и указать на тѣ проекты, которые предлагались до 1868 г. для болѣе успѣшнаго заселенія русскими нынѣшней Семирѣченской области.

Только въ первой половинѣ 1861 г, когда казаки Хо-

перскаго полка и Ейскаго округа, Кубанскаго войска, для которыхъ предположенное поголовное переселеніе ихъ на закубанскія земли было сопряжено съ полнымъ разореніемъ, отказались подчиниться распоряженію переселяться ([121]), правительство пришло, наконецъ, къ сознанію несправедливости и вреда принудительнаго переселенія ([122]) и отказалось отъ своего взгляда на казаковъ, какъ классъ людей, обязанный по первому распоряженію итти и заселять вновь занятыя страны. До этого-же измѣненія во взглядахъ, переселеніе сибирскихъ казаковъ производилось главнымъ образомъ по жребію и назначенію, а по желанію, вслѣдствіе уже изложенныхъ причинъ, шло сравнительно совсѣмъ немного. Наборъ переселенцевъ въ Сибирскомъ войскѣ производился, какъ мы видѣли раньше, или назначеніемъ цѣлыхъ его частей, или разверсткою нужнаго контингента на полки. Съ 1848 года начинается поголовное переселеніе 9-го полка, не исключая даже и вдовъ, имѣвшихъ дѣтей мужского пола ([85]).

Населеніе уходившаго на Капалъ, Урджаръ и др мѣста полка, чтобъ не оставить 9-й полковой округъ пустующимъ, пополнялось переводомъ нижнихъ чиновъ изъ разныхъ регулярныхъ частей войскъ, не только Сибири, но и Европейской Россіи, государственными крестьянами Сибири и переселеніемъ казаковъ изъ другихъ полковъ ([123]). Когда-же на дѣлѣ пришлось убѣдиться, что населенія одного только 9-го округа далеко недостаточно для колонизаціи обширной страны, гдѣ открывались все новые и новые пункты для заселенія, то обратились къ разверсткѣ переселенцевъ на 6, 7 и 8 полки, убывающее населеніе которыхъ пополнялось переселеніемъ станицъ изъ другихъ полковъ ([123]). Самый процессъ набора производился такъ: обыкновенно вызывались сначала охотники, а за постояннымъ недостаткомъ ихъ — казаки избирались по назначенію своей полковой администраціи и затѣмъ уже для окончательнаго пополненія, назначеннаго отъ каждаго даннаго поселенія контингента--обращались къ жребію. Казаки такого поселенія собирались въ „сборной“ подъ наблюденіемъ назначеннаго для этой цѣли офицера и всѣ безъ исключенія представители семей, имѣвшихъ въ своемъ составѣ не менѣе одного строевого служилаго или резервнаго казака, вынимали жребій ([79]), къ вынутію котораго за отсутствующихъ мужей — привлекались иногда ихъ жены([124]). Тутъ-же происходилъ легальный и нелегальный обмѣнъ жеребьевъ какъ между собою, такъ и съ тѣми, которымъ судьба улыбнулась.

Обыкновенно наборъ опредѣленнаго контингента переселенцевъ происходилъ съ осени, рѣдко весною. Назначенные

къ переселенію казаки продавали свои дома и все то, изъ домашняго скарба и хозяйственнаго инвентаря, что не въ силахъ были увезти съ собою на новыя мѣста ([125]); каждому при этомъ предоставлялось поступать по своему усмотрѣнію, но въ случаяхъ нераспродажи,—практиковалось назначеніе „надежныхъ опекъ" надъ оставшимся имуществомъ ([125]).

Отъ должниковъ въ войсковые хлѣбозапасные магазины требовался окончательный расчетъ ([125]), что, конечно, не могло благопріятно отражаться на приготовленіяхъ къ далекому пути переселенцевъ.

Въ большинствѣ случаевъ принято было за правило выступать съ первымъ подножнымъ кормомъ. Казаки шли въ повозкахъ на своихъ собственныхъ лошадяхъ, перевозя съ собою все то, что въ силахъ были поднять и перегоняя тутъ-же свой рогатый скотъ. Партіи двигались подъ командой или своихъ офицеровъ однополчанъ, или офицеровъ другихъ полковъ, назначенныхъ тоже на переселеніе, а иногда только для отвода партіи

Почти до конца 1848 года, т. е. до открытія пикетнаго сообщенія между Семипалатинскомъ, Аягузомъ и Капаломъ, проводниками партій служили нерѣдко мѣстные киргизы([124]). Казенное довольствіе въ пути было тоже самое, что и на мѣстахъ въ полку, т. е. провіантъ малолѣткамъ съ 2 до 20 лѣтъ по одному четверику муки въ мѣсяцъ на каждаго ([126]), строевымъ и резервнымъ казакамъ и ихъ женамъ—полная дача муки и крупы ([127]); „мясныя порціи"—строевымъ 3 раза въ недѣлю, а нестроевымъ 2 раза ([128]), тѣмъ и другимъ соль натурою или деньгами по расчету за 20 фунтовъ въ годъ на человѣка ([129]).

Переселенческія партіи вооружались частію собственнымъ, частію войсковымъ оружіемъ ([130]) и почти всегда сопровождались фельдшерами съ нѣкоторымъ запасомъ медикаментовъ ([131]).

Эмиграція крестьянъ въ Семирѣчьѣ началась съ 1856 года ([42]). Крестьяне, съ непремѣннымъ условіемъ зачисленія ихъ въ казаки, переселялись *только по ихъ добровольному желанію*, при чемъ, какъ видно уже изъ сказаннаго, съ нихъ слагались всѣ недоимки по податямъ и земскимъ повинностямъ. Изъявившіе желаніе на переселеніе въ киргизскую степь, крестьяне изъ своихъ селъ партіями переходили въ въ станицы Сибирскаго войска, гдѣ, если это было осенью, — зимовали, а если весною—то продолжали двигаться къ Семипалатинску, который являлся, такимъ образомъ, конечнымъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ переселенческихъ крестьянскихъ партій, направлявшихся въ Семирѣчьѣ и Заилійскій край.

Въ пути до Семипалатинска во главѣ партій стояли отвѣтственные за порядокъ въ нихъ старосты, избранные самими крестьянами, составлявшими каждую данную партію([132]). Эти старосты и получали на членовъ своей партіи кормовыя деньги([132]) по 3½ коп. въ сутки на каждаго безъ различія пола и возраста([133]). Имъ-же обыкновенно выдавался на партію своей крестьянской администраціей еще на мѣстѣ отправленія „путевой видъ", которымъ, на основаніи инструкціи о переселеніи государственныхъ крестьянъ, предписывалось всѣмъ властямъ по пути до Семипалатинска: оказывать переселенцамъ всякое содѣйствіе, отводить имъ для дневокъ и ночлеговъ „удобныя и просторныя обывательскія квартиры", лошадей и скотъ ихъ безпрепятственно и безплатно допускать на пастбища, освобождать переселенцевъ отъ платы за переправы и отъ всѣхъ подобныхъ сборовъ; за плату „установленныхъ поверстныхъ денегъ", въ случаяхъ надобности, давать нужное количество обывательскихъ подводъ для малолѣтнихъ, старыхъ и слабыхъ, но заболѣвшихъ, которые не въ состояніи продолжать свой путь далѣе, доставлять немедленно и безплатно на обывательскихъ лошадяхъ въ ближайшіе по пути города вмѣстѣ съ ухаживающими за ними родными([134]). Этимъ же старостамъ, одновременно съ „путевымъ видомъ" и той же администраціей, выдавались на партію опредѣленныя суммы денегъ спеціально для найма подводъ для безлошадныхъ семей или для тѣхъ, у которыхъ лошади въ пути падутъ. Выдаваемыя для этой цѣли деньги не составляли, однако, собственности партій и расходовались только въ случаяхъ дѣйствительной надобности, а если издержаны не были или отъ нихъ получался остатокъ, то, въ томъ и другомъ случаѣ, сдавались подъ квитанціи въ управленіе военнаго губернатора въ Семипалатинскѣ([135]).

По мѣрѣ прибытія въ Семипалатинскъ, крестьянскія партіи, распоряженіемъ уже мѣстнаго губернатора, направлялись къ мѣстамъ поселенія. Если они не входили въ составъ выступавшихъ казачьихъ партій, то шли подъ защитой, назначавшагося для этой цѣли, казачьяго конвоя, начальникъ котораго былъ, въ тоже время, и начальникомъ партіи крестьянъ, партіонные-же старосты устранялись съ момента принятія партіи казачьимъ начальникомъ въ Семипалатинскѣ([136]). Сила конвоя зависѣла отъ величины состава крестьянской партіи. Для сопровожденія крупныхъ партій начальниками ихъ назначались офицеры и конвой въ 10—15 казаковъ([136]), мелкія-же партіи шли подъ командой урядниковъ и прикрытіемъ меньшаго числа казаковъ или даже сопровождались

отъ пикета до пикета перемѣнными, служившими на пикетахъ, казаками([137]). Семьи, переселявшіяся въ одиночку, что тоже бывало нерѣдко, отправлялись при транспортахъ или случайно въ это время передвигавшихся казачьихъ частяхъ, а неимѣвшіе лошадей—безплатно перевозились отъ пикета къ пикету на казачьихъ „резервныхъ подводахъ“([138]). Въ цѣляхъ самообороны крестьянъ отъ нападеній на нихъ въ степи киргизъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они переселялись не въ составѣ казачьихъ партій, имъ выдавалось, почти всегда, нѣкоторое количесво ружей изъ бракованныхъ, съ однимъ—двумя патронами на каждое и иногда сабли([39]).

На этомъ пути крестьяне уже разсматривались, какъ казаки, а потому ихъ партіи должны были двигаться по маршрутамъ, выдаваемымъ каждой изъ нихъ Семипалатинскимъ губернаторомъ, съ требованіемъ не отступать отъ нихъ([140]). Крестьяне перевозили съ собою свой домашній скарбъ, хозяйственный инвентарь и перегоняли свой скотъ, но, нужно замѣтить, того и другого имѣлось при партіяхъ весьма немного([141]).

Въ пути отъ Семипалатинска до мѣстъ поселенія или, какъ тогда называлось,—„водворенія“,—крестьяне уже не получали кормовыхъ денегъ, а имъ выдавались изъ попутныхъ провіантскихъ магазиновъ, всѣмъ безъ различія пола, только одни сухари, по 84 зол. въ сутки на каждаго отъ 2 до 7 лѣтъ и по 1¾ фунта всѣмъ старше этого возраста([142]).

Какъ уже видно изъ сказаннаго раньше, казачьи и крестьянскія семьи, въ пособіе на обзаведеніе жилищами и хозяйственнымъ инвентаремъ на новыхъ мѣстахъ поселенія, получали отъ правительства единовременное денежное пособіе, крестьяне всегда по 55 рублей, а казаки отъ 30 до 55 руб. на каждую эмигрировавшую семью. Полученіе этого пособія для казаковъ не представляло особенныхъ затрудненій, такъ какъ царившая среди нихъ суровая дисциплина, силившаяся проникнуть во всѣ закоулки ихъ быта, не позволяла возникнуть даже и мысли, какъ среди самихъ невольныхъ переселенцевъ, такъ и въ ихъ администраціи, о возможности уклоненія отъ переселенія, поэтому опредѣленное пособіе или, какъ они тогда называли, „награду“ казаки получали, почти всегда, предъ выступленіемъ на переселеніе, преимущественно въ своемъ полку и рѣдко въ Семипалатинскѣ([125]). Исключеніемъ является выдача пособія при новомъ переселеніи, въ 1858 году, казаковъ, уже въ 10-мъ полку, т. е. въ самой колонизуемой странѣ, изъ однихъ станицъ въ другія. Въ этомъ случаѣ администрація, предпринявъ переселеніе, не озаботи-

лась своевременнымъ отпускомъ денегъ командиру 10 полка, почему казаки, переселенные въ этомъ году на Коксу, Талгаръ и Сарканъ, получили свое пособіе спустя нѣсколько времени послѣ прихода на новыя мѣста поселенія(143).

Относительно-же крестьянъ соблюдался совершенно иной порядокъ, вѣроятно, вызывавшійся разными недоразумѣніями, обусловливаемыми переходомъ ихъ изъ одного сословія въ другое и отъ одной администраціи къ другой, а быть можетъ даже и извѣстной степенью недовѣрія къ нимъ. Во всякомъ случаѣ, крестьяне предъ выступленіемъ изъ Семипалатинска получали изъ управленія военнаго губернатора только часть пособія (144), а остальное выдавалось уже на мѣстахъ новаго поселенія управленіемъ 10-го полка, которое, по числу дѣйствительно переселившихся, должно было еще предварительно требовать отпуска нужныхъ для этой цѣли суммъ отъ Семипалатинскаго военнаго губернатора (144). Конечно, такой порядокъ выдачи нерѣдко порождалъ длиннѣйшую канцелярскую волокиту и переселенцы получали опредѣленное имъ пособіе иногда только черезъ годъ послѣ прибытія на мѣста поселенія (145).

Крестьянамъ, какъ и казакамъ, предоставлялась возможность получить въ счетъ опредѣленнаго имъ пособія нужное количество предметовъ домашняго обихода и хозяйственнаго инвентаря. Запасы такихъ предметовъ, пріобрѣтавшихся войсковой администраціей въ Ирбитѣ, сосредоточивались обыкновенно въ Семипалатинскѣ, гдѣ они и раздавались желающимъ по заготовительной стоимости. Предметы домашняго обихода и хозяйственнаго инвентаря, въ составъ которыхъ входили: топоры, пилы, струги, напарьи, точильные бруски, подпилки, желѣзныя лопаты, сошники, косы, серпы, желѣзо разное, гвозди, печныя заслонки, вьюшки, стекла и шарнѣры оконные, петли дверныя,—было выдано однимъ только переселившимся въ 1856 г. на Лепсу крестьянамъ на 747 рублей.

Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе еще и то обстоятельство, что къ этому же году администрація озаботилась купить на Ирбитской ярмаркѣ разныя церковныя вещи для церкви на Лепсѣ, за которыя и взыскало со 198 семей крестьянъ изъ ихъ пособія 116 р. 60 к. (146).

На общій, далеко не колоритный, тонъ картины колонизаціи ложатся еще болѣе темными пятнами повторныя принудительныя переселенія, опять на новыя мѣста людей, часто не успѣвшихъ еще осмотрѣться и на старыхъ. Эти повторныя переселенія мелкими партіями, въ самой колонизуемой

странѣ, предпринимались много разъ, но изъ нихъ упомянемъ объ одномъ, какъ наиболѣе выдающемся. Явилась нужда въ казачьихъ кадрахъ поселенцевъ на Талгаръ, Коксу и Сарканъ,—Сибирская администрація въ 1857 и 58 годахъ переселяетъ на эти пункты съ Капала и Лепсы 60 семей казаковъ.

Не говоря уже о крайней разорительности этого рецидива, неокупаемаго тѣми ничтожными пособіями и льготами, которыя признала достаточными, въ этомъ случаѣ, Сибирская администрація, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что подобныя повторенія переселеній и особенно принудительныхъ должны были крайне вредно отражаться на народномъ характерѣ и трудоспособности населенія, поселяя вездѣ неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ и цѣлесообразности заботъ о будущемъ(122), прививая населенію привычки полукочевой жизни (147), привычки, съ которыми, какъ увидимъ далѣе, уже самой администраціи пришлось бороться позже.

Въ заключеніе настоящаго очерка остается сказать еще нѣсколько словъ объ одномъ изъ тѣхъ мертворожденныхъ проэктовъ колонизаціи описываемой страны, которые возникали въ Сибири послѣ 1861 года, т. е. съ того времени, когда главный, неутомимый, иниціаторъ занятія и колонизаціи этой страны—Гасфордтъ—сошелъ со сцены Сибирской исторіи, а на аренѣ ея появились новые важные факторы жизни —освобожденіе крестьянъ и освобождавшее Сибирскихъ казаковъ положеніе 1861 года.

Возникшая въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія борьба русскихъ съ Коканомъ за преобладаніе въ Чуйской долинѣ и въ странѣ кара-киргизъ и, въ то-же время, подозрительныя движенія въ Китайскомъ Туркестанѣ,—естественно порождали въ подчиненной Сибирской администраціи мысль объ увеличеніи русскаго населенія въ Семирѣченскомъ и Заилійскомъ краѣ. Преемникъ Гасфордта на посту генералъ-губернатора Зап. Сибири—Дюгамель (1861—1866) (148) представилъ въ 1864 году свой проэктъ „о необходимости водворенія русскихъ поселеній во вновь занятомъ за-Чуйскомъ краѣ и на пограничномъ съ Китаемъ пространствѣ“, гдѣ онъ предполагалъ поселить охотниковъ изъ крестьянъ (149).

Военный министръ, разматривая проэктъ, не согласился съ нимъ и со своей стороны предложилъ селить здѣсь исключительно казаковъ Сибирскаго войска, въ крайнемъ-же случаѣ Оренбургскаго, но только не по жребію или назначенію, а охотниковъ, для привлеченія которыхъ военный министръ спрашивалъ генералъ-губернатора Зап. Сибири—не

сочтетъ-ли онъ „полезнымъ предоставить имъ нѣкоторыя особыя льготы и права, какъ напримѣръ *отводъ земли въ частную собственность, съ правомъ по выслугѣ лѣтъ исключаться изъ казачьяго сословія* и проч., примѣняясь къ Высочайше утвержденному 10 мая 1862 года положенію о заселеніи предгорій западнаго Кавказа, съ тѣми измѣненіями, которыя будутъ нужны по мѣстнымъ условіямъ"[149].

Но генералъ лейтенантъ Дюгамель, очевидно, не призналъ для сибирскихъ казаковъ полезной эту мѣру, примѣненную съ такимъ успѣхомъ въ Кубанскомъ войскѣ [150], ибо эта благая мѣра такъ и осталась здѣсь не проведенной въ жизнь, а вопросъ о дальнѣйшей колонизаціи Семирѣченской области, не подвинувшись ни на шагъ, представлялся открытымъ, какъ видимъ далѣе, даже въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

ИСТОЧНИКИ

къ части I, главѣ IV исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска.

№ примѣчанія.

1 Оффиціальная записка предсѣдателя войскового правленія Сибирскаго казачьяго войска генералъ-маіора Катанаева „Краткій историческій очеркъ службы Сибирскаго казачьяго войска" г. Омскъ, 1901 г. стр. 1-я.

2 Тамъ-же стр. 2-я.

3 Тамъ-же стр. 3-я.

4 Тамъ же стр. 3-я.

5 А. Никольскій. Столѣтіе воен. министерства, Главное управленіе казачьихъ войскъ, т. XI, ч. 2, стр. 331, СПБ. 1902 г.

6 Полное собраніе законовъ Россіиской Имперіи 1847 г. т. XXII, ст. 21131. Имен. Высоч. указъ 20 апрѣля.

7 А. Макшеевъ. Историческій обзоръ Туркестана, стр. 94, СПБ 1890 г.
Г. Катанаевъ, истор. оч. сл. Сиб. к. войска, стр. 22.

8 Г. Катанаевъ. Ист. оч. сл. Сиб. к. в. стр. 3-я.

9 Полн. собр. зак. Рос. Имп. т. XL, ст. 30224—1825 г.

10 Г. Катанаевъ. Ист. оч. сл. Сиб. к. в. стр. 23.

11 Полн. собр. зак. Рос. Имп. т. XXX ст. 23239.—1808 г.
Г. Катанаевъ. Ист. оч. сл. Сиб. к. в. стр. 15-я.

12 Г. Катанаевъ. Тамъ-же, стр. 15-я.

13 А. Никольскій. Столѣт. воен. мин. гл. упр. каз. войскъ, т. XI, ч. I, стр. 372. СПБ. 1902 г.

14 А. Никольскій. Тамъ-же, часть 2-я, стр. 243.

15 Г. Катанаевъ. Ист. оч. сл. Сиб. к. в. стр. 10, 11 и 12-я.

16 А. Никольскій. Тамъ-же, часть 1-я стр. 132.

17 Г. Катанаевъ. Ист. оч. сл. Сиб. к. в. стр. 15.

18 Полн. собр. зак. Рос. Имп т. XXX, ст. 23239.—1808 г.

19 А. Никольскій. Тамъ-же стр. 297.

20 Г. Катанаевъ. Ист. оч. сл. Сиб. к. в. стр. 20 и 21.

21 Тамъ-же стр. 21.

22 Полн. С. З. Р И. т. XXX, ст. 23239—Положеніе 1808 г. §§ 6 и 9,
Полн. С. З. Р. И. т. XXI, ст. 20671. Положеніе 1846 г. §§ 85, 91 и 235.
Тамъ-же 1854 г. т. XXIX ст. 28618 измѣненіе § 235. Полож. 1846 года.

23 П. С. З. Р. И. т. XXXII, ст. 31649.—1857.

24 Полн. соб. зак. Р. И. т. XXXIV, ут. 34359.—1859 г.

25 Послужной списокъ генерала Колпаковскаго. Арх. войск. правленія Семир. каз. войска.

26 Полн. С, З. Р. И. т. XXXVII ст. 39088. Положеніе объ управленіи Алатавскимъ округомъ 25 дек. 1862 г.

27 Архивъ войск. правленія Семир. каз. войска. Дѣло 1868 г. № 65, листъ 3, по описи дѣлъ, поступившихъ изъ казачьяго отд. штаба войскъ Семир. обл. по части хозяйств.

28 Генер.-губ. Зап. Сибири съ 1827 по 1834 годъ былъ генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ. А. Никольскій. Столѣт. воен. мин. глав. упр. каз. войскъ. Ист. оч. т. XI. ч. 2, стр. 247 и 248.

29 Архивъ Лепсинскаго уѣзднаго управленія въ г. Лепсинскѣ. По архивной описи дѣло 1832 г. № 111 листъ 2; предписаніе генер. губернат. Зап. Сибири 21 янв. 1832 г. № 55 Омскому област. начальнику.

30 Тотъ-же архивъ и то-же дѣло, листъ 35, предписаніе Омскаго общаго област. управленія 16 августа 1836 г. № 2861 Аягузскому окружному приказу.

31 Тотъ-же архивъ, по той-же описи, дѣло 1839 г. № 639, листъ 3; донесеніе начальника Аягузскаго военнаго округа 26 апр. 1839 г. № 363 Аягузскому внѣшнему окр. приказу: поселенцевъ казаковъ въ округѣ нѣтъ.

32 Тотъ-же архивъ, та-же опись, дѣло 1841 г № 921, листъ 1; предложеніе канцеляріи пограничнаго начальника 19 апр. 1841 г. № 1282. Аягузскому окружному приказу.

33 Полн. С. З. Р. И. 1846 г. т. XXI ст. 20671. Положеніе 5 декабря 1846 г. § 42-й, п. 8-й.

34 Тамъ-же, § 3 Положеніе 5 дек. 1846 г.

35 Полн. С. З. Р. И. 1848 г. т. XXIII, ст. 22470. Измѣненіе числа бригадныхъ управленій „по случаю переселенія 9 полка".

Архивъ войск. правленія Семир. каз. войска. По описи дѣлъ, поступившихъ изъ разныхъ учрежденій, дѣло 1849 г. № 3/5, листъ 1-й. Указъ войск. правл. Сибир. к. войска 27 окт. 1849 г. № 13196 к-ру 9 каз. полка.

36 Высоч. повелѣніе 1848 г. к-ру отд. Сиб. корпуса, въ предпис. его 26 февр. 1848 г. № 949 и. д. наказнаго атамана Сиб. к. в. въ копіи доставленное войск. правленіемъ Сиб. к. в. и арх. войск. прав. Семир. к. в., оп. д. пост. изъ каз. отд. штаба войскъ Семир. обл. по хоз. ч д. № 65 листы 8, 12, 13, 26 и т. д.

37 Полн. С. З. Р. И. 1860 г т. XXXV. ст. 35404.

38 Высоч. повелѣніе 1848 г. см. въ примѣчаніи 36 здѣсь.

39 См. вторую часть примѣчанія 35 го здѣсь.

40 Архивъ управленія начальника Вѣрненскаго уѣзда въ г. Вѣрномъ. По общ. арх. описи дѣло № 31/8, листы 18, 19 и 20 копія отношенія генер.-губернатора Зап.-Сибири 4 апр. 1853 г. № 127 управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

41 Послѣ князя Горчакова (1836—1851 г.) генер.-губернаторомъ Зап.-Сибири и к-ромъ отд. Сиб. к-рса былъ назначенъ въ 1851 г. генералъ

отъ инфантеріи Густавъ Христіановичъ Гасфордтъ, который и пробылъ въ этой должности до 1861 г. Послѣ него въ 1861 г. вступилъ генералъ отъ инфантеріи Дюгамель (1861—1866). Никольскій. Столѣтіе воен. мин. Гл. упр. каз. войскъ. Истор оч. т. XI, ч. II я стр. 253 и 254.

42 Архивъ Б.-Алматинскаго станичнаго правленія Сем. к. войска. Отдѣльно хранящаяся копія съ доклада воен. министра 4 февраля 1854 г. № 70 Императору Николаю I, завѣренная и высланная членомъ Военнаго Совѣта генераломъ Колпаковскимъ при письмѣ его на имя Б.-Алматинскаго станич. атамана 12 апрѣля 1893 г. № 10 по просьбѣ довѣренныхъ общества этой станицы.

43 Полн. С. З. Р. И. т. XXV, ст. 24469. Именной указъ 6 сентября 1850 г. Государь Императоръ, по докладѣ Ему предположеній к-ра отд. Сиб. к-рса повелѣлъ: 1) Изъ водворяемыхъ въ киргиз. степи переселенцевъ, казачьихъ семействъ и офицеровъ сформировать особый казачій полкъ, съ причисленіемъ его къ Сибир. лин. к. войску и затѣмъ въ этомъ войскѣ вмѣсто 9-ти имѣть 10 полковъ и т. д.

44 Полн. С. З. Р. И. 1859 г. XXXIV, ст. 34359, § 3, п. б.

45 Копія съ копіи предписанія штаба отд. Сиб. к-рса 13 марта 1854 г. № 1496 наказ. атаману Сиб. к. в., въ которой и приведено все предписаніе воен. министра 8 февраля 1854 г. № 209 к-ру сиб. к-рса. Копія выслана войск. пр-ніемъ Сиб. к. в. при отнош. его 4 мая 1906 года № 4336.

46 Полн. С. З. Р. И. т. XXIX, ст. 28618—1854 г.— величина дачи: половинная 1 четверикъ муки въ мѣсяцъ, полная 2 четверика.

47 Архивъ войск. правленія Семирѣч. к. войска. Опись дѣлъ, поступившихъ изъ разныхъ учрежденій. Дѣло 1856 г. № 10/20, листъ 243. Предписаніе и. д. воен. губернатора Семипалатинской обл. 15 іюня 1857 года № 963 завѣдывающему „Лепсинскимъ поселеніемъ“.

48 Тотъ же архивъ и то-же дѣло, листъ 181. Рапортъ командующаго Урджарскимъ отрядомъ есаула Баранова 8 января 1857 г. № 28 к-ру 10 Сибир. полка подполковнику Абакумову.

49 Архивъ Семирѣч. областного правленія. По архивной описи дѣло № 2961 „По пересылкѣ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію Семирѣч. обл. правленія“ дѣло воен. губернатора Семипалат. обл. „о переселеніи въ Карабулакъ крест. семействъ Томской и Тобольской губ.“ листъ 256. Донесеніе товарища военнаго губерн. Семипалат. обл. 10 ноября 1856 г. № 2248. Здѣсь на полѣ бумаги противъ словъ „въ Урджаръ“ помѣтка: Карабулакъ тожъ“ рукою подписавшаго бумагу.

50 Тотъ-же архивъ и то-же дѣло. Листъ 1-й. Предписаніе глав. управл. Зап. Сибири воен. губернатору Семипалат. обл. 30 ноября 1855 года № 1478.

51 Тотъ-же архивъ и тоже дѣло, листъ 105, рапортъ хор. Беранкова 10 іюля 1856 года.

Архивъ войск. правленія Семирѣч. к. войска. Опись дѣлъ, поступившихъ изъ разныхъ учрежденій. Дѣло 1856 г. № 10/20, листы 88 по 98, списки офицерамъ и казакамъ, переселившимся въ станицу Карабулакскую, приложенные къ рапорту командующаго Карабулакскимъ отрядомъ есаула Баранова 17 іюля 1856 г. № 425 к-ру 10 го полка.

52 Архивъ Семирѣч. областн. правленія. По архивной описи дѣло № 2961 воен. губернатора Семипалат. обл. „о переселеніи въ Карабулакъ крестьян. семей Томск. и Тобольск. губ.“.

53 Тамъ-же. Листъ 133, предпис. управленія Семипалат. воен. губернатора 21 іюля 1856 г. № 1513 к-щему Алгузскимъ отрядомъ.

Тамъ-же, листъ 136. Открытое предписаніе войскового дежурства Сиб. л. к. войска мѣстнымъ казачьимъ командующимъ отъ Омска до Семипалат.

54 Тамъ-же, листъ 179. Предпис. товарища воен. губернатора Семипалат. обл. 7 августа 1856 г. № 1576 сотнику Батурину и на листѣ 185-мъ списокъ семей, приложенный къ этому предписанію.

55 Тамъ-же листы 209 и 210, аттестаты на эти семьи, приложенные къ предпис. управленія Семипалат. воен. губернатора 28 августа 1856 года к-ру 8 Сибир. к. войска, на листѣ 206 дѣла.

56 Архивъ войск. правленія Семир. к. войска. Опись дѣлъ, поступившихъ изъ разныхъ учрежденій. Дѣло 1856 г. № 10/20, листъ 176. Рапортъ к-щаго Урджар. отрядомъ 18 сент. 1856 г. № 783 к-ру 10 полка.

57 Архивъ Семирѣч. област. правленія. По архивной описи дѣло № 2961 воен. губернатора Семипалат. обл. листъ 259. Сообщеніе штаба отд. Сиб. корпуса 14 ноября 1856 г. Семипалат. воен. губернатору.

58 Тамъ-же: 1) листъ 349. Донесеніе Семипалат. воен. губернатора 17 мая 1858 г. № 1086 генер.-губернатору Зап. Сибири и 2) листъ 351. Справка о численности крестьянъ, переселенныхъ въ станицу Урджарскую съ 1856 по 1862 г. включительно.

59 Архивъ войск. правленія Семирѣч. к. войска. Опись дѣлъ, поступ. изъ разн. учр. Дѣло 1856 г. № 10/20, отзывъ к-ра 10 сиб. к. полка 1 іюля 1856 г, № 2064.

Въ томъ-же дѣлѣ—рапортъ войск. стар. Тычинскаго 12 дек. 1856 г. № 514.

60 Тамъ-же: 1) вѣдомость, прилож. къ рап. начальника партіи хор. Лаптева 12 іюня 1856 г. № 40 к-ру 10 полка. 2) листъ 77, отношеніе к-ра 10 полка 1 іюля 1856 г. № 2064 со ссылкою на приказъ наказнаго атамана Сиб. л. к. войска 1856 года № 96 о перечисленіи въ 10 полкъ и переселеніи офицеровъ и казаковъ 6, 7, 8 и 9 полковъ.

61 Арх. Семир. обл. пр. по арх. описи дѣло № 2961 Семипалат. воен. губернатора. Листъ 102. Въ глав. упр. Зап. Сибири надпись на прошеніи крест. Журавлева и. д. Семипалат. воен. губернатора 14 іюля 1856 г. № 1471.

62 Архивъ войск. прав. Семир. к. войска. Опись дѣлъ, пост. изъ разн.

учр. дѣло 1856 г. № 10/20. Рапортъ войск. старшины Тычинскаго 12 дек. 1856 г. № 514.

Тамъ-же—рапорты к-ру 10 полка начальниковъ партій переселен. хор. Александрова 13 іюня 1856 г. № 85 и хор. Лаптева 12 іюня 1856 г. № 40.

63 Архивъ Семир. обл. прав. по архив. описи дѣло № 2961 Семипалат. воен. губернат, л 287. предпис. товарища воен. губер. 11 авг. 1856 г. к-щему Аягуз. отрядомъ и ст. 55 примѣчаній здѣсь.

64 Арх. войск. пр. Семир. к. в. оп. дѣлъ, пост. изъ. раз. учр., д. № 10/20 листъ 57. Предп. Семипалатин. воен. губернат. 14 мая 1856 № 893 ст. 61 и 63 примѣчаній здѣсь.

65 Арх. Семир. обл. прав. по арх. оп. д. № 2961 Семипалат. воен. губернат. л. 352, отзывъ его 30 мая 1858 г. Омской провіант. комиссіи.

66 Полн. С. З. Р. И. т. XXIX, ст. 28260—1854 г.

67 Полн. С. З. Р. И. 1855 г. т. XXX, ст. 29772.

68 Арх. управленія начальника Вѣрненскаго уѣзда. По общ. арх. описи д. 1855 № 36/2. На листѣ 206 вѣдомость о времени выступленія, составѣ, цѣли назначенія этой сотни и о названіи пикетовъ, которые она должна была строить.

69 Арх. штаба войскъ Семирѣч. обл. дѣло о назнач. сотни 9 сиб. полка на переселеніе въ Заилійскій край 1860 г. л. 14 копія предписанія к-ра отд. Сиб. к-рса 9 февр. 1860 г. № 1063.

70 Хотя въ указѣ Сената 31 окт. 1855 г.—П. Соб. зак. Р. И. т. XXX, ст. 29772 и приведены названія только 10 пикетовъ, т. е. пропущены Заилійскій и Каратальскій, но это очевидная ошибка, такъ какъ дѣйствит. сумма приведенныхъ въ указѣ разстояній между пикетами и укрѣпленіями Вѣрнымъ и Капаломъ 304 3/4 в., а не 368 3/4, какъ значится въ итогѣ этихъ разстояній по указу, т. е. общее разстояніе между укрѣп. Вѣрнымъ и Капаломъ по итогу вѣрно, но сумма частныхъ разстояній не соотвѣтствуетъ итогу на 64 версты, которыя и приходятся на пропущенные два пикета—Заилійскій, постройку и утрежденіе котораго удостовѣряетъ вѣдомость, приведенная въ примѣчаніи 68-мъ здѣсь, и Каратальскій, существованіе котораго удостовѣряетъ маршрутъ на листѣ 147 д. 1857 г. № 12/23 арх. войск. прав. Семир. к. в. по оп. дѣлъ пост. изъ разн. учрежденій.

71 Арх. войск. пр. Семир. к. в. оп. дѣлъ, пост. изъ разн. учр. д. № 10/20. Ран. войск. стар. Шайтанова 14 дек. 1856 г. № 2822.

72 Арх. упр. нач. Вѣрненскаго уѣзда. По общ. арх. оп. д. 1855 г. л. 148. Предп. к-ра 4 каз. бригады полк. Хоментовскаго 7 апр. 1855 г. № 5 приставу Перемышльскому, основ. на расп. к-ра отд. Сиб. кр-са.

73 Арх. войск. пр. Семир. к. в. оп. дѣлъ, пост. изъ. раз. учр. д. 1856 г. № 10/20, л. 78. Ран. к-ра 10 полка 10 іюля 1856 г. № 2165 и тамъ-же л. 157, квитанція к-щаго Заилійск. отр. войск. стар. Шайтанова 2 авг. 1856 г. № 1671 хор. Веревкину.

74 См. 1-ю часть ст. 64 и ст. 65 примѣчаній здѣсь.

75 Арх. войск. пр. Семир. к. в. оп. дѣлъ пост. изъ разн. учр. д. 1857 г. № 12/23 л. 1. Предп. к-ра Сиб. кр-са 16 мая 1857 г. № 29 к-ру 10 полка Абакумову.

76 Аягузскій округъ, все Семирѣчье и Заилійскій край съ 1854 года входили въ составъ Семипалатинской обл. Полн. С. З. Р. И. 1854 г. т. XXIX, ст. 28255.

77 Пол. С. З. Р. И. 1857 г. т. XXXII, ст. 3164 [1].

78 Арх. войск. пр. Семир. к. в. оп. дѣлъ, пост. изъ разн. учр. д. 1857 г. № 12/13 л. 1—см. примѣчаніе 75-е здѣсь и тамъ-же листъ 9 копія предпис. товарища военнаго губернатора Семипалат. обл. 15 іюня 1857 г. № 937 к-ру 4-й каз. бригады, основанное на предпис. к-ра отд. Сиб. кр-са 15 мая 1857 г. № 28.

79 Тамъ-же листъ 23—копія предписанія наказ. атамана Сиб. к. в. 19 іюня 1857 г. № 2699 к-ру 4 бригады полк. Хоментовскому.

80 Тамъ-же листъ 48—предпис. Семипалат. воен. губернатора 20 сент. 1857 г. № 1479 к-ру 10 полка.

81 Тамъ-же листъ 24. Предпис. штаба отд. Сибир. кр-са 13 іюня 1857 года № 627 к-ру 10 полка и см. 80-е примѣчаніе здѣсь.

82 Тамъ-же листъ 97. Предпис. к-ра 10 полка 11 марта 1858 года № 997 хорунжему Калачеву и въ томъ же дѣлѣ листъ 146: предпис. Семипалат. губернатора 12 мая 1858 г. № 975 к-ру 10 полка.

83 Тамъ-же листъ 48, предпис. Семипалат. губернатора к-ру 10 полка 20 сент. 1857 г. № 1479; въ томъ же дѣлѣ листъ 97: черновое предписаніе к-ра 10 полка начальнику Заилійскаго отряда не имѣть дать и первая часть 78-го примѣчанія.

84 Тамъ-же листы съ 9 по 15-й, копія предпис. товарища Семипалат. воен. губернатора 15 іюня 1857 г. № 937 к-ру 4 каз. бригады.

85 Тамъ-же листъ 114, рапортъ к-ра 10 полка 20 мая 1858 г. № 1940 Семипалат. воен. губернатору.

86 См. часть 2-ю примѣчанія 82-го и примѣч. 85-е.

87 Тамъ-же листъ 111. Донесеніе нач. Конал. отряда 1 мая 1858 г. № 1646 штабу отд. Сибир. кр-са и далѣе донесеніе к-ра 10 полка 29 іюля 1858 г. Семипалат. губернатору.

88 Тамъ-же на листѣ 208 вѣдомость крестьянамъ, переселеннымъ въ киргизскую степь въ 1858 г.

89 Тамъ-же листъ 230. Донесеніе к-ра 10 полка 17 фев. 1859 г. № 640 Семипалат. губернатору.

90 Тамъ-же листы 288—299. Списокъ при рапортѣ к-ра 10 полка 21 окт. 1859 г. № 427 Семип. губернатору.

91 Тамъ-же листъ 115. Предпис. к—ра 10 полка 20 мая 1858 г. № 1941 хорунжему Трошкову и на листѣ 159 и 161 посемейн. списки 7 и 8 полковъ ниж. чин., переселен. на Исыкъ и Талгаръ.

92 Тамъ-же листъ 146. Предпис. Семипалат. губернатора к-ру 10 полка 12 мая 1858 г, № 975.

93 Тамъ-же листъ 154. Рап. хор. Трошкова 14 іюля 1858 г № 35 к-ру 10 полка и донесеніе к-ра 10 полка 29 іюля 1858 г. № 2899 Семипалат. губернатору листъ 156.

94 См. примѣч. 90-е, для сопоставленія съ нимъ, тамъ-же на листѣ 333 отношеніе к-ра 10 полка 28 декабря 1859 г. № 5421 к-щему Заилійскимъ отрядомъ: Талгаръ 100+90 на Исыкъ,+10 на Иліискъ=200.

95 См. примѣч. 90-е и тотъ же листъ 150—предпис. Семипалат. губернатора 4 іюля 1858 г. № 1153 к-ру 10 полка.

96 Тамъ-же листъ 30. Списокъ къ рапорту к-ра 10 полка 23 іюля 1857 г. № 2582 к-ру 4-й бригады и на листѣ 97 предпис. к-ра 10 полка 11 марта 1858 г. № 997 хорунж. Калачеву.

97 Архивъ Семир. обл. правленія. По арх. оп. дѣло № 2961 штаба Семипалат. обл. о переселеніи крестьянъ въ Заилійскій край, листъ 67. Донесеніе начальника 10-го полк. округа 5 іюня 1864 г. № 1925 к-щему войсками Семипалат. обл.

98 Арх. войск. правленія Семир. к войска оп. дѣлъ, пост. изъ разн. учр. дѣло № 12/23. Листъ 111. Донесеніе начальника Капальскаго отр. 1 мая 1858 г. № 1646 штабу отд. Сиб. кр са.

99 Тамъ-же листъ 300. Отмѣтка на полѣ вѣдомости, прилож. къ рапорту командира 10 полка 10 ноября 1859 г. № 4652 въ управленіе Семипалатинскаго губернатора и примѣчаніе 80-е.

100 Полн. С. З. Р. И. 1848 г. т. XXIII ст. 22292.

101 Подтверждается разной перепиской, находящейся въ дѣлѣ, указанномъ въ 97 примѣчаніи.

102 Полн. С. З. Р. И. 1859 г. т. XXXIV ст. 34359.

103 Сводъ законовъ т. IX ст. 623, примѣч. 6-е, по 4-му продолженію № 1.

Арх. Семир. обл. правл.. по арх. оп. дѣло № 2961 (см. прим. 102-е), листы 20 и 71 отнош. войск. правл. Сибир. к. войска 19 сент. 1863 г. и 17 іюня 1864 г. Семипалат. губернатору.

104 Арх. упр-нія начальника Вѣрненскаго уѣзда, по общ. описи д. 1860 г. № 243/24, листъ 3. Предписаніе к-ра отд. Сиб. кр-са 14 февр. 1860 г. № 253 приставу Колпаковскому и на листѣ 10—отвѣтъ Колпаковскаго 11 марта 1860 г. № 495 к-ру кр-са.

105 Арх. штаба войскъ Семир. обл., по оп стр. отд. дѣло о назначеніи сотни 9 полка на переселеніе въ Заилійскій край. Листъ 1. Предпис. к-ра отд. Сиб. кр-са Семипалат. губернатору 8 іюля 1859 г. № 678.

106 Тамъ-же листъ 17, отнош. наказ. ат-на Сиб. к. в. 17 февраля 1860 г. № 830 Семипалат. губернатору.

107 Арх. упр. н-ка Вѣрненск, уѣзда. по общ. оп. д. 1860 г. № 243/24, листъ 3, предпис. к-ра отд. Сиб. кр-са 14 февраля 1860 г. № 253,

приставу Колпаковскому и на листѣ 28 такое-же предпис. 31 марта 1860 г. № 553.

108 Тамъ-же листъ 10, рапортъ пристава Колпаковскаго 11 марта 1860 г. № 495 корпусному к-ру.

109 См. вторую часть 107 примѣчанія.

110 Тамъ-же листъ 44, отнош. Семипалатинскаго губернатора 14 мая 1860 г. № 881 приставу Колпаковскому.

111 Арх. штаба войскъ Семир. области, оп. дѣль стр. отд., дѣло о назначеніи сотни 9 полка на пересел. въ Заилійскій край, листъ 26, маршрутъ этой сотнѣ.

112 Арх. упр. и-ка Вѣрненск. уѣзда, по общ. оп д. 1860 г. № $^{243}/_{24}$, листы съ 17 по 27, списокъ сотни 9 полка, пересел. въ Заилійскій край.

113 Тамъ-же листъ 27 „общ. числит. душъ въ сотнѣ, пересел. изъ 9 полка въ Заилійскій край„.

114 Арх. штаба войскъ Семир. обл. дѣло, указ. въ 111 примѣч., рапортъ сотника Круглыхина 1 іюня 1860 г. № 66 Семипалат. губернатору.

115 Тамъ-же листъ 46 и примѣчаніе 114.

116 Здѣсь оффиціальныя свѣдѣнія обрываются. Время прибытія показано по заявленію самихъ переселенцевъ, прямого-же оффиц. указанія не найдено, вслѣдствіе потери и уничтоженія относящихся сюда дѣлъ, но показаніе это косвенно подтверждается отношеніемъ Гл. упр. иррег. войскъ 18 мая 1877 г. № 663 к-щему войсками Турк. воен. округа (сбор. правит. распоряж. по каз. войск. т. XIII, ст. 142).

117 Архивъ войск. пр. Семир. к. в. оп. дѣлъ, пост. изъ разн. учр. дѣла полк. упр. 10 полка, д. 1859 г. № ^{15} 31 листъ 95. Вѣд. къ рапорту к-ра 10 полка 23 янв. 1862 г. № 345 наказ. ат-ну.

118 Арх. войск. правл. Семирѣч. к. войска; по оп. дѣлъ, пост. изъ разн. учр. дѣло № $^{16}/_{35}$ листъ 145, рапортъ М.-Алмат. ст. начальника 10 іюня 1860 г. № 48 к-ру 10 полка.

119 Архивъ Семирѣч. обл. пр-нія, по оп. д. № 2961$^{2-е}$, листъ 5, донесеніе к-щаго 10 полк. округомъ 30 сентября 1863 г. № 2828 Семипалат. губернатору и тамъ-же на листѣ 7 отн. ш. семипалат. губернатора 13 октября 1863 г. № 679 въ войск. пр-ніе Сиб. к. в.

120 Тамъ-же листы 6 и 8-й, предпис. Семипалат. воен. губернатора 28 октября 1863 г. № 734 старш. адъютан. у Семипалат. штаба.

121 А. И. Никольскій Столѣтіе воен. министерства, Гл. упр. каз. войскъ, историч. очеркъ т. XI, ч. 1 стр. 370 СПБ. 902 г.

122 Архивъ войск. пр. Семир. к. в.; оп. д. пост. изъ казач. отд. штаба войскъ Семир. обл. по хоз. ч. д. 1872 г., № 69 т. II, листъ 154. Записка по вопросу о переселеніи казаковъ Сиб. к. в. въ Туркестан. край, составленныя въ главн. упр. иррегулярн. войскъ въ 1877 г.

123 Тотъ-же архивъ и опись, дѣла 1849 и 1857 г. г. № $^{3}/_{5}$ и $^{11}/_{21}$

здѣсь цѣлая переписка по этому поводу. Высоч. повелѣніе 8 февраля 1854 г.

124 Разсказъ очевидца. Изъ матеріаловъ, собранныхъ, записанныхъ и доставленныхъ изъ станицы Капальской есауломъ Е. Е. Кизинымъ. Библіотека есаула Леденева (автора).

125 Арх. шт. войскъ Семир. обл., оп. д. стр. отдѣл. дѣло о назнач. сотни 9 полка на поселеніе въ Заилійскій край 1860 г. листъ 10. Рапортъ наказ. атам. Сиб. к. в. 1 февраля 1860 г. № 531 к-ру отд. Сиб. к-са.

126 Полн. С. З. Р. И. 1846 г. т. XXI, ст. 20671, § 235 и 1848 г. т. XXIII ст. 22696.

127 П. С. З. И. 1846 г. т. XXI, ст. 20671, § 85 и арх. войск. прав. Семир. к. в., оп. д., пост. изъ разн. учр. д. № 10/20—цѣлая переписка въ этомъ дѣлѣ.

128 Высоч. повелѣніе 14 января 1838 г. и 2-е П. С. З. Р. И. т. XXXIV ст. 35145.

129 Пол. С. З. Р. И. 1849 г. т. XXIV ст. 23720 и тамъ-же 1848 г. т. XXIII, ст. 22649.

130 Арх. войск. пр. Семир. к. в.; оп. д., пост. изъ разн. учр. № 10/20—цѣлая переписка въ этомъ дѣлѣ.

131 Тамъ-же, дѣла полк. упр. 10 полка д. 1857—60 г.г. № 12/23, предпис. Семипалат. губ. 12 мая 1858 г. № 975 и др. и 125-е примѣчаніе.

132 Арх. Семир. об. прав. по арх. оп. д. № 2961 1, листы 51, 64 и 162, приговора объ избраніи партіями старостъ на основ. § 45 инстр. о переселеніи государственныхъ крестьянъ.

133 Тамъ-же, то-же дѣло, листы 36, 97, 140 аттестаты объ удовл. корм. деньгами и 47-е прим. здѣсь.

134 Тамъ-же, въ томъ же дѣлѣ листы 47, 61 87, 156 и 197—эти „путевые виды“ въ подлинникахъ.

135 Тамъ-же, въ томъ-же дѣлѣ, на листѣ 201 квит. упр. Семипалат. воен. губернатора 28 августа 1856 г. № 1730 крестьянину Бабушкину.

136 Тамъ-же, въ томъ-же дѣлѣ, на листахъ: 70, 80, 95 и 170 предписанія товарища Семипалат. воен. губернатора 22 іюня 1856 г. к-ру 8-го полка, 5-го и 8 го іюля сотнику Измайлову и 7 авг. сотнику Батурину.

137 Тамъ-же, на листѣ 133 предпис. упр-нія Семипалат. воен. губер. 21 іюля 1856 № 1513 команд. Аягуз. воен. отрядомъ и вторая часть примѣчанія 95-го здѣсь.

138 Тамъ-же, въ дѣлѣ № 2961 1, листъ 187, предпис. товарища Семипалат. воен. губер. 11 августа 1856 г. команд. Аягуз. воен. отр. и на листахъ 267, 279 и многихъ др. открытыя предписанія управл. Семипалат. воен. губ. по этому поводу.

139 Тамъ-же, листъ 80, 175 и на многихъ др. предписанія к-рамъ 8 каз. полка и 7 Сиб. лин. баталіона и др. о выдачѣ и пріемѣ оружія и патроновъ для крестьян. партій.

140 Тамъ-же, листъ 1-й. Предпис. гл. упр. Зап. Сибири 30 ноября 1855 г. № 1478 Семипалат. воен. губернатору.

141 Тамъ-же, листъ 106, квитація н-ка Урд. воен. отряда 5 іюля 1856 года № 406 н-ку партіи хор. Берникову, на листѣ 207 именной списокъ крестьян. семей съ показаніемъ перевезеннаго имущества и мн. др.

142 См. первую часть примѣчанія 133 здѣсь и того-же архива и описи д. № 2961[2] на листахъ 75, 102, 107 и др. требованія на сухари для партій, а на листѣ 82 рапортъ Смотрителя Семипалат. продовольственныхъ магазиновъ 4 іюля 1864 г. № 312 к-щему войсками Семипалат. обл.

143 Арх. войск. правл. Семир. к. в.; оп. д. пост. изъ разн. учр. дѣла полк. упр. 10 полка, д. № [12]/[23]: листъ 87-рапортъ к-ра 10 полка 25 февр. 1858 г. № 714, листъ 89-указъ войск. пр-нія Сиб. к. в. 24 февр. 1858 г. № 1996, листъ 97-предпис. к-ра 10 полка хор. Калачеву 11 марта 1858 г. № 997 и на-ку Заилійскаго отряда безъ дать.

144 Тамъ-же на лист. 9—15 копія предпис. товарищ. воен. Семипалатин. губернат. 15 іюня 1857 г. № 937 к-ру 4 каз. бригады, на листѣ 333 предпис. к-ра 10 полка 28 декаб. 1859 г. № 5421 к-щему Заил. отр. и арх. Семир. обл. правл. д. № 2961[1], листъ 333 предписаніе Семипалат. губернатора 19 августа 1857 г. № 1342 к-щему Урджарск. воен. отр.

145 Арх. Семир. обл. прав. д. № 2961[2], листъ 135, отнош. войск. прав. Сиб. каз. в. 21 сент. 1864 г. № 9062; арх. войск. правл. Семир. к. в. оп. д., пост. изъ разн. учр. дѣла упр. 10 полка, д. № [12]/[23], листъ 333, предпис. к-ра 10 полка, к-щему Заил. отд., и прим. 146 здѣсь.

146 Арх. войск. правл. Семир. к. в. по той-же оп. д. № [10]/[20], листъ 155, квитанція к-щаго Верх. Лепсинск. отр. 17 августа 1856 г. казначею 10 полка.

147 Тотъ-же арх., по оп. д., пост. изъ каз. отд. штаба войск. Семир. обл. хоз. часть, д. 1868 г. № 65, листъ 3, рапортъ наказ. ат-на Сем. к. в. Турк. генер.-губернатару мартъ 1868 г.

148 А. И. Никольскій. Столѣтіе воен. министерства. Гл. упр. каз. войскъ. Историч. оч. т. XI, ч. 2-я стр. 254—255 СПБ. 1902 г.

149 Арх. Семир. обл. правл. оп. д. хоз. отд. д. 1864 г. № 267, листъ 27, копія предпис. воен. министра 19 сент. 1864 г. № 6213 к-щему войсками Зап. Сибири.

150 А. И. Никольскій. Столѣтіе воен. министерства. Гл. упр. каз. войскъ, истор. оч. т. XI, ч. 1, стр. съ 371 по 376.

151 Выс. Арасанскому въ 1855 г. была уже, совмѣстно съ станціей Капальской, отмежевана земля, что упоминается въ положеніи совѣта Гл. упр. Запад. Сибири 17 февраля 1867 г., находящемся въ копіи въ арх. Семирѣч. обл. пр-нія по оп. д. хоз. отд., II стола, въ дѣлѣ 1867 г. № 102, листъ 7.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 5-я

Административное устройство, служба и бытъ Сибирскихъ казаковъ въ Семирѣчьѣ до 1868 года.

Глава 5-я.

Административное и судебное устройство до 1868 года.

Способъ управленія имѣетъ безспорно почти главенствующее значеніе въ проявленіяхъ экономической и бытовой сторонъ народной жизни, а поэтому, прежде чѣмъ перейти къ очерку быта казачьяго поселенія описываемой страны, разсмотримъ предварительно тѣ условія управленія, при которыхъ начали и продолжали развиваться экономическая и бытовая стороны жизни Сибирскихъ поселеній до образованія изъ нихъ отдѣльнаго Семирѣченскаго войска, т. е. до конца 1867 года.

Изъ предъидущаго очерка видно, что, управленіе казаками Сибирскаго войска до 1861 года было таково, что оно во всемъ его объемѣ не могло быть даже примѣнено ко всѣмъ прочимъ современнымъ казачьимъ войскамъ и Сибирское войско, „состоявшее на особомъ отъ другихъ казачьихъ войскъ положеніи“, какъ дословно подтверждаетъ это именной Высочайшій Указъ 13 марта 1861 года(1), принуждено было жить по „положенію 1846 года“, регламентировавшему жизнь сибирскаго казака такъ, что ему для личнаго труда и самосовершенствованія времени почти не оставалось.

Для полнаго уясненія какъ настоящаго, такъ особенно двухъ послѣдующихъ очерковъ, необходимо остановиться на организаціи управленія Сибирскимъ линейнымъ казачьимъ войскомъ по „положенію“ 1846 года.

На основаніи этого „положенія“, введеннаго въ дѣйствіе 6 декабря 1847 года(2), управленіе войскомъ дѣлилось на главное и мѣстное. Главное принадлежало единолично командиру отдѣльнаго Сибирскаго корпуса; органами-же мѣстнаго управленія являлось войсковой наказный атаманъ, войсковое дежурство, войсковое правленіе, бригадныя управленія, полковыя управленія и, наконецъ, станичныя управленія.

Въ высшемъ административномъ порядкѣ войско по всѣмъ

частямъ своего управленія и хозяйства вѣдалось военнымъ министерствомъ по департаменту военныхъ поселеній, гдѣ имѣть своего представителя и защитника своихъ интересовъ войско получило право только въ концѣ 1856 года (3).

Командиръ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса управлялъ войскомъ съ помощью особаго отдѣленія при штабѣ его корпуса и при посредствѣ войскового наказнаго атамана. Войсковой наказный атаманъ, назначавшійся не изъ лицъ войскового сословія, былъ ближайшій начальникъ войска и всѣхъ его управленій, ему непосредственно подчинялось все населеніе войска, которымъ онъ и управлялъ при помощи войскового дежурства и войскового управленія.

Войсковое дежурство вѣдало: военную, инспекторскую, военно-судную и военно-медицинскую части управленія, войсковое правленіе—хозяйственную, включая сюда земледѣліе, скотоводство и всѣ прочіе промыслы населенія.

Территорія всего войска была раздѣлена на девять полковыхъ округовъ, въ которыхъ и располагалось девять полковъ. Во главѣ каждаго полкового округа и своего полка стоялъ полковой командиръ, облеченный военной, административной, судебной и полицейской властью, представлявшій единолично, со своими двумя писарями, —все полковое управленіе. Какъ военачальникъ—онъ подчинялся непосредственно наказному атаману, а какъ администраторъ и по части полицейской—войсковому правленію и въ этой сферѣ своей компетенціи дѣйствовалъ подъ наблюденіемъ командира своей бригады.

Споры и иски между казаками, не превышавшіе 15 руб. серебромъ, предъявлялись прямо командиру полка и рѣшались имъ окончательно; уголовныя-же дѣла казаковъ производились въ военно-судныхъ комиссіяхъ, учрежденныхъ при Сибирскихъ линейныхъ баталіоннахъ, рѣшенія которыхъ утверждались въ войскѣ наказнымъ атаманомъ.

Командиры полковъ назначались только изъ штабъ-офицеровъ регулярныхъ войскъ; офицеры-же войскового сословія утверждались въ должности полковыхъ командировъ неиначе, какъ только съ Высочайшаго на то, каждый разъ, соизволенія и по особому о томъ ходатайству командира корпуса.

Полковые округа, въ свою очередь, дѣлились каждый на шесть сотенныхъ районовъ, которыми вѣдали сотенные начальники-офицеры, съ нѣкоторою административно-полицейскою властью.

Въ концѣ этой цѣпи учрежденій стояло станичное управленіе, представляемое единолично станичнымъ начальникомъ

съ его однимъ писаремъ. Станичные начальники, соотвѣтствовавшіе нынѣшнимъ станичнымъ атаманамъ, назначались и смѣщались по представленію командировъ полковъ наказнымъ атаманамъ. Они назначались изъ урядниковъ резервныхъ командъ и получали жалованіе по штату полка, т. е. если станичный начальникъ былъ старшимъ урядникомъ—10 р. 65 к. въ годъ, а если-же младшимъ—то 4 р. 80 коп. Станичные начальники во все время исполненія должности пользовались весьма проблематичными правами тогдашняго заурядъ-хорунжаго. Они представляли мѣстную исполнительную власть, дѣйствовавшую подъ постояннымъ наблюденіемъ сотенныхъ начальниковъ. Они, кромѣ того, непосредственно подчинялись полковымъ командирамъ по всѣмъ отраслямъ своей дѣятельности, въ кругъ которой входило: охрана станичнаго имущества и земель отъ поврежденія и захвата, улучшеніе и умноженіе всякихъ общественныхъ выгодъ, всѣ полицейскія обязанности; они-же обязаны были вести именные очередные списки, метрическія, штрафныя и всѣ другія по отчетности книги, производить нарядъ людей для выполненія дорожной повинности, для сопровожденія арестантовъ, отводъ квартиръ и нарядъ подводъ для проходящихъ командъ (4).

Разсматривая это „положеніе“ въ цѣломъ, находимъ въ немъ, подъ видомъ обособленія войска въ одно органическое цѣлое,—смѣшеніе власти военной и административной, исполнительной и судебной, доминирующее вліяніе власти военной, къ своимъ отправленіямъ совершенно не подготовленной, и въ большинствѣ случаевъ, начиная съ должности командира полка, во всѣхъ отношеніяхъ населенію чуждой; не замѣчаемъ въ немъ и признаковъ выборного начала даже и на низшихъ ступеняхъ управленія; видимъ вездѣ стремленіе къ устраненію всякаго почина и недовѣріе не только къ населенію, но ко всей подчиненной администраціи. „Положеніе“ 1846 г. не отняло право у мѣстныхъ властей отягощать казачье населеніе трудомъ на войсковыхъ хозяйственныхъ заведеніяхъ, т. е. дало въ руки правительства всевозможныя средства использовать всѣ силы сибирскаго казака, какъ человѣка и какъ воина. Это-же „положеніе“ продолжало вносить ту рознь, которая разъединяла Сибирское казачество на два неравныхъ лагеря—офицерскій корпусъ, т. е. дворянство и—простыхъ казаковъ. Этого мало, „положеніе“ вносило еще и антагонизмъ даже въ самый корпусъ офицеровъ, раздѣливъ его на пришлыхъ, надѣленныхъ всѣми существовавшими тогда въ регулярныхъ войскахъ правами, до пенсій и содержанія включительно, и мѣстныхъ—войскового сословія, лишенныхъ чуть

только не элементарныхъ правъ своего званія, пенсій и равнаго съ пришлыми содержанія, оставивъ мѣстнымъ въ надежду получить тѣ же права—одинъ слѣпой только случай (4).

Управляемые по „положенію" 1846 года сибирскіе казаки и колонизовали вновь занятую страну. Но въ виду исключительныхъ условій жизни въ этой странѣ и отдаленности административныхъ центровъ, здѣсь не удалось примѣнить „положенія" 1846 года во всемъ его подавляющемъ объемѣ.

Такъ какъ въ основѣ наступательнаго движенія русскихъ въ среднюю Азію лежала идея водворенія здѣсь подрядка и обезпеченія этимъ русскихъ пограничныхъ селеній отъ хищничества туземцевъ, то и очевидно, что въ установляемомъ административномъ строѣ присоединяемыхъ къ Россіи земель, выступало на первый планъ именно управленіе туземцами, почему здѣсь, въ Семирѣчьѣ, первой сильной властью является не губернаторъ, объединяющій въ своемъ управленіи все населеніе страны, а особое учрежденіе съ доминирующей обязанностью по управленію кочевымъ населеніемъ.

Въ колонизуемой странѣ, гдѣ преобладало населеніе туземное, казаки являлись элементомъ пришлымъ, главнымъ образомъ военной силой, а потому управленіе казачьимъ населеніемъ здѣсь являлось для мѣстной администраціи побочнымъ и проводилось по стольку—по сколько обусловливалось это крайней необходимостью. Такое направленіе, продержавшееся почти 20 лѣтъ, невольно породило въ администраціи взглядъ, что ея призваніе—управлять только кочевымъ населеніемъ и о немъ заботиться, а на русское и особенно на казачье, смотрѣть, какъ на что-то придаточное, только осложняющее и отягощающее административный механизмъ. Подобное направленіе во взглядахъ мѣстной администраціи не могло не оставить печальныхъ слѣдовъ и не установить исключительныхъ отношеній администраціи къ русскому населенію, что будетъ разсмотрѣно здѣсь въ особомъ очеркѣ.

Въ 1838 г. было открыто въ г. Омскѣ особое учрежденіе, названное пограничнымъ управленіемъ сибирскими киргизами (5). Самое названіе достаточно объясняетъ цѣль его назначенія. Но такъ какъ управленіе кочевниками было возможно только при постоянномъ содѣйствіи вооруженной силы, то весьма естественно, что для большой самостоятельности и рѣшительности дѣйствій начальника пограничнаго управленія ему и было необходимо имѣть въ своемъ непосредственномъ и постоянномъ распоряженіи военную силу, которую въ томъ краѣ представляли главнымъ образомъ казаки. Поэтому части Сибирскаго войска, водворенныя въ киргиз-

скія степи или высылавшіяся туда на службу, подчинялись пограничному начальнику сибирскихъ киргизъ. Это подчиненіе было такъ широкс, что даже и самый нарядъ на годичную службу казаковъ, поселенныхъ въ степи, дѣлался пограничнымъ начальникомъ съ извѣщеніемъ только войскового начальства (4).

Такимъ образомъ, казаки, служившіе въ степи, а особенно тамъ поселенные, начинаютъ постепенно ускользать отъ постояннаго воздѣйствія и бдительнаго надзора созданной „положеніемъ“ 1846 г. своей войсковой администраціи.

Поселяясь въ Аягузскомъ округѣ и въ Семирѣчьѣ, казаки столкнулись съ особаго типа установленіями—приказами, соединявшими въ себѣ по уставу 1822 г. судную и полицейскую власть, и приставомъ при киргизахъ Большой Орды въ Семирѣчьѣ.

Иски и всякіе споры казаковъ между собою на сумму болѣе 15 рублей серебромъ разсматривались уже не войсковой администраціей, а этими приказами, въ присутствіи казачьихъ депутатовъ, какъ и уголовныя преступленія женщинъ-казачекъ (4). Гражданскія дѣла, восходившія по жалобамъ изъ окружныхъ приказовъ, если сумма иска превышала 2000 р., рѣшались въ судномъ отдѣленіи пограничнаго управленія; начальникомъ же этого управленія утверждались и рѣшенія военно-судныхъ комиссій по уголовнымъ дѣламъ казаковъ, поселенныхъ въ степи (4).

Приставъ при киргизахъ Б.-Орды непосредственно подчинялся генералъ-губернатору Западной Сибири; въ кругъ его власти и дѣйствій, опредѣленныхъ особою инструкціей, Высочайше утвержденной 10 января 1848 года, входило, помимо управленія киргизами, еще и общее наблюденіе за Семирѣченскимъ краемъ, командованіе расположенными тамъ войсками и поселенными казаками.

Съ началомъ заселенія Капала—наблюдающее военно-административное звено—бригадное управленіе—изъ Бійска(4) было передвинуто поближе—въ Семипалатинскъ (6).

Въ 1850 году изъ водворенныхъ въ Киргизской степи переселенцевъ и казаковъ образованъ новый полковой округъ, а въ немъ сформированъ 10-й полкъ, въ составъ котораго вошли станица Аягузская и Капальская, полковое-же управленіе было расположено въ станицѣ Кокчетавской.(7)

Въ слѣдующемъ году въ Сибирскомъ войскѣ произведено измѣненіе нумераціи всѣхъ полковъ, исключая второго, такъ что 10-й сталъ 1-мъ, 6-й—7-мъ, 7-й—8-мъ, 8-й—9-мъ и 9-й—10-мъ; станицы Аягузская и Капальская присоедини-

лись къ своему старому 9-му полку, оставшись по новой нумераціи въ 10-же [8]. Затѣмъ полки 8, 9 и 10-й составили 4-ю бригаду, штабъ которой былъ оставленъ въ Семипалатинскѣ [8]. Вмѣстѣ съ этимъ измѣненіемъ всѣ казачьи поселенія, отряды и посты „лѣваго фланга киргизской степи", т. е. въ томъ числѣ Аягузскаго округа и Семирѣченскаго края, были во всѣхъ отношеніяхъ подчинены командиру 4-й бригады, который въ свою очередь, подчиненъ Пограничному начальнику, подчиняясь въ то-же время и наказному атаману. Пограничный-же начальникъ, въ виду ранѣе еще предоставленной ему власти начальника дивизіи, сохранилъ свою широкую власть надъ расположенными въ киргизской степи войсками въ военномъ отношеніи, по употребленію ихъ на службу, на работы и по расквартированію; въ военно-административномъ же отношеніи въ кругъ его власти и обязанностей входило все то, что относилось до мѣстнаго устройства войскъ, „водворенія" и домашняго быта казаковъ. Далѣе—пограничный начальникъ былъ облеченъ инспекторской и военно-судной властью—надъ ввѣренными ему войсками, почему всѣ слѣдственныя и военно-судныя дѣла должны были исходить отъ него и восходить къ нему-же на разсмотрѣніе и рѣшеніе въ предѣлахъ предоставленной ему власти начальника дивизіи [8].

Такимъ образомъ, на долю сибирской казачьей войсковой администраціи осталось только провіантское и денежное или, какъ тогда называли, коммисаріатское довольствіе казаковъ, а власть наказнаго атамана являлась почти фиктивной и онъ былъ даже устраненъ отъ инспекціи своихъ полковъ, расположенныхъ въ киргизской степи [8].

И такъ, если сибирскіе казаки и подверглись всѣмъ тягостямъ принудительнаго переселенія въ нынѣшнюю Семирѣченскую область, за то они, благодаря случайно сложившимся обстоятельствамъ, избавились отъ непосредственнаго и всесторонняго подчиненія своимъ войсковымъ властямъ, что знаменовало тогда освобожденіе резервныхъ казаковъ отъ непосильнаго обязательнаго труда на войсковыхъ хозяйственныхъ заведеніяхъ, варницахъ, рыбалкахъ и т. п., а особенно на войсковой суконной фабрикѣ, гдѣ свободные казаки, не учинившіе никакого преступленія, работали рядомъ съ каторжниками, ссылавшимися на эту фабрику изъ Европейской Россіи за преступленія „болѣе значительныя по наказаніи плетьми" [9].

19 мая 1854 года было утверждено въ законодательномъ порядкѣ „положеніе" объ образованіи Семипалатинской области и управленія въ ней. По этому „положенію" въ со-

ставъ новой-же области вошли: Аягузскій внѣшній округъ, Семирѣчье и весь Заилійскій край, а въ областномъ городѣ Семипалатинскѣ было открыто мѣстное областное правленіе съ административными и судебными функціями Тѣмъ-же „положеніемъ", съ непосредственнымъ подчиненіемъ военному губернатору Семипалатинской области, изъ района земель Капальской станицы былъ образованъ Капальскій военный округъ, а станицы Капальская и Аягузская возведены на степень окружныхъ городовъ([9]).

Управленіе Капальскимъ военнымъ округомъ и всѣми войсками, въ немъ расположенными, ввѣрялось старшему изъ служившихъ тамъ казачьихъ или пѣхотныхъ офицеровъ, по избранію командира отдѣльнаго Сибирскаго корпуса и генералъ-губернатора западной Сибири.

Съ образованіемъ Семипалатинской области военная, гражданская и судебная власть пограничнаго начальника перешла, въ предѣлахъ области, къ областной военной и гражданской администраціи, на которую, въ лицѣ военнаго губернатора, было возложено непосредственное управленіе и командованіе войсками во внѣшнихъ округахъ области и всѣ заботы по предстоявшей колонизаціи страны, а при посредствѣ областного правленія — административное управленіе населеніемъ области и гражданское судопроизводство. Судопроизводство же военное - осталось въ вѣдѣніи военно-судныхъ комиссій([10]).

Въ томъ-же 1854 году воспослѣдовало и уравненіе казаковъ съ регулярными войсками въ наказаніи шпицрутенами(*). Въ 1830 году всѣ нижніе воинскіе чины, кромѣ казаковъ, были избавлены отъ наказанія кнутомъ и наложенія клеймъ съ замѣною наказаніемъ шпицрутенами. Для казаковъ-же, кромѣ Донскихъ, кнутъ и наложеніе клеймъ, при осужденіи въ каторжныя работы, были замѣнены шпицрутенами только 10 іюня 1854 года ([11]).

10-го октября того-же года объявлено новое распредѣленіе станицъ по полкамъ Сибирскаго войска По этому распоряженію въ составъ 10-го полка вошли уже только три станицы: Кокпектинская, Аягузская и Капальская, причемъ, въ станицѣ Капальской было указано считать 1, 2 и 3-ю

*) Шпицрутены—телѣсное наказаніе, называвшееся еще и «гонять сквозь строй», заимствованное Петромъ Великимъ изъ Германіи и состоявшее въ томъ, что между двухъ линій солдатъ, вооруженнымъ прутьями, вели осужденнаго, котораго солдаты и били этими прутьями по обнаженной спинѣ. Указомъ 17 апрѣля 1863 г. шпицрутены отмѣнены. «Большая энциклопедія», т. XX, стр. 368 СПБ. 1906 г.

сотни 10-го полка, а въ Аягузской 4-ю. „Положеніемъ„ 10 октября 1854 года установлено названіе „станицы“ не для совокупности населенныхъ казаками пунктовъ, составлявшихъ сотенный районъ, какъ это было опредѣлено уставомъ 1822 года (12), а для тѣхъ только отдѣльныхъ казачьихъ поселеній, въ которыхъ должны находиться станичныя управленія, всѣ-же остальныя поселенія названы «выселками“. Съ образованіемъ Капальскаго военнаго округа и основаніемъ укрѣпленія Вѣрнаго, управленіе пристава при киргизахъ Большой орды было перенесено изъ Капала въ это укрѣпленіе, а въ апрѣлѣ 1855 года начальникомъ Заилійскаго отряда, находившагося до этого времени въ непосредственномъ подчиненіи приставу, назначенъ офицеръ - войсковой старшина Шайтановъ, на котораго и были возложены обязанности помощника пристава „въ частностяхъ, могущихъ стѣснять его въ общемъ управленіи страною и по водворенію тамъ казаковъ“ (14).

3 ноября 1856 года изъ владѣній нашихъ въ Заилійскомъ краѣ и прилегающей къ нему половины Семирѣченскаго былъ образованъ особый Алатавскій округъ, начальникомъ котораго назначенъ приставъ при киргизахъ Б.-Орды подполковникъ Перемышльскій, переименованный въ начальника Алатавскаго округа(15).

Алатавскій округъ занималъ довольно обширную территорію, границы которой, кромѣ части сѣверо-западной, по Балхашу, и восточной—были неопредѣленны, т. е. могли раздвигаться по мѣрѣ развитія наступательнаго движенія русскихъ въ Илійской долинѣ, въ области озера Иссыкуль и при-Чуйскомъ краѣ. На востокѣ съ Капальскимъ округомъ граница шла по р Караталу и Коксу (15).

Такимъ образомъ, къ началу 1857 г. вся описываемая страна, входя въ составъ Семипалатинской области, въ то-же самое время, подраздѣлялась въ военно-административномъ отношеніи на три округа: Аягузскій внѣшній—со старою границею по р. Лепсѣ на западѣ, Капальскій военный—между р.р. Лепсою на востокѣ, Караталомъ и Коксу на западѣ и, наконецъ, Алатавскій—къ западу отъ рѣкъ Каратала и Коксу.

Власть и обязанности начальника Алатавскаго округа, имѣвшія основаніемъ секретную, ранѣе уже приведенную, инструкцію 10 января 1848 г., обнародованныя только 25 декабря 1862 г. (16), т. е. когда истинное намѣреніе русскаго правительства окончательно занять Заилійскій край не могло уже ни для кого составлять государственной тайны, несомнѣнно въ общемъ соотвѣтствовали и въ моментъ образо-

ванія округа объявленнымъ въ законодательномъ порядкѣ въ 1862 году.

По „положенію объ управленіи Алатавскимъ округомъ" 1862 г.—вновь образованный округъ входилъ въ составъ Семипалатинской области. Начальнику округа была предоставлена обширная военная, гражданско-административная и судебная власть, въ отправленіяхъ которой онъ хотя и былъ непосредственно подчиненъ военному губернатору Семипалатинской области, но, помимо этого, ему было предоставлено право: во первыхъ—въ случаяхъ важныхъ и экстренныхъ сноситься прямо и непосредственно съ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири и командиромъ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, а во вторыхъ—въ чрезвычайныхъ случаяхъ, не ожидая разрѣшенія, принимать исключительныя рѣшительныя мѣры не только административнаго характера, но и въ случаяхъ политическихъ осложненій на границахъ округа, при чемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, Семипалатинскому военному губернатору ставилось въ обязанность поддерживать начальника Алатавскаго округа всѣми средствами, находившимися въ распоряженіи губернатора внѣ предѣловъ Алатавскаго округа. Начальнику округа, въ порядкѣ главнаго надзора и въ полицейскомъ отношеніи, были подчинены всѣ поселенные тамъ казаки. Онъ, не входя во внутреннее управленіе и хозяйство станицъ, обязанъ былъ, однако, осматривать ихъ ежегодно въ отношеніи внѣшняго порядка и благоустройства; въ видахъ-же предупрежденія непомѣрнаго возвышенія цѣнъ на продукты первой необходимости—обязанъ былъ устанавливать таксы, которымъ должны были подчиняться казаки. Его неограниченное право высылать изъ округа всѣхъ „безнравственныхъ и подозрительныхъ лицъ"—не распространялось на казаковъ. На обязанность начальника округа особенно возлагалось развитіе торговли и всякое ей содѣйствіе, до назначенія охранныхъ казачьихъ конвоевъ къ караванамъ включительно. Ему представлялось разрѣшать русскимъ купцамъ селиться въ Алматинскихъ станицахъ и отводить тамъ для нихъ земли подъ дома и огороды. Онъ обязанъ былъ „всѣми зависящими отъ него способами" содѣйствовать какъ самой колонизаціи округа, такъ и поселенцамъ при ихъ заселеніи, но надѣлъ ихъ землями не входилъ въ кругъ его обязанностей. Наблюденіе за сохраненіемъ лѣсовъ и водопользованіемъ для цѣлей орошенія—составляло его прямую обязанность. Судебная власть начальника округа, сравнительно широкая для прочаго населенія, на казаковъ не распространялась. Казаки, въ порядкѣ гражданскаго су-

допроизводства, вѣдались, какъ и ранѣе, командиромъ 10-го полка и Капальскимъ приказомъ, а по уголовнымъ преступленіямъ—военно-судными комиссіями ([16]).

Только въ 1859 году было признано, наконецъ, возможнымъ дать станичнымъ обществамъ Сибирскаго казачьяго войска нѣкоторую долю самоуправленія. Станичныхъ начальниковъ, занимавшихъ до сихъ поръ эту должность исключительно по назначенію и усмотрѣнію войсковой власти—21 ноября 1859 года станичнымъ обществамъ было разрѣшено избирать самимъ изъ своей среды.

Право на кандидатуру представлялось только отставнымъ офицерамъ и старшимъ урядникамъ, причемъ за станичными начальниками, не имѣвшими офицерскихъ чиновъ, сохранено право считаться въ чинѣ хорунжаго во все время пребыванія въ должности. Срокъ службы станичнаго начальника опредѣленъ трехлѣтній, по истеченіи котораго, каждый разъ, общество должно было повторять избраніе.

Кромѣ того, для разбора ссоръ и мелкихъ тяжбъ между казаками, станичнымъ обществамъ тогда же было предоставлено право избирать изъ своей среды, изъ числа отставныхъ урядниковъ и казаковъ, въ каждой станицѣ, двухъ судей, на тотъ-же трехлѣтній срокъ Эти судьи, кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, являлись еще и до нѣкоторой степени помощниками станичныхъ начальниковъ въ исполненіи ими своихъ многочисленныхъ обязанностей, подъ предсѣдательствомъ которыхъ и составляли съ 1860 г. весь персоналъ станичнаго управленія([17]).

1 февраля 1860 года именнымъ Высочайшимъ указомъ Аягузскій внѣшній округъ переименованъ въ Сергіопольскій, а окружный городъ Аягузъ въ Сергіополь ([18])

Въ томъ-же году, вслѣдствіе увеличенія численности поселеній въ колонизуемой странѣ, произведенъ частный передѣлъ территорій 8 и 10 го полковъ, по которому станицы Сергіопольская и Урджарская перечислены изъ 10-го полкового округа въ составъ 8-го, а въ 10-мъ остались: Саркандская, Капальская, Лепсинская, Алматинская, Софійская, Надеждинская съ ихъ выселками и заселенная въ августѣ—Каскеленская([19]).

Между тѣмъ работы мѣстныхъ комитетовъ, учрежденныхъ по Высочайшему повелѣнію 18 октября 1859 г. во всѣхъ казачьихъ войскахъ для пересмотра дѣйствовавшихъ о нихъ законоположеній, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ ниже, подвигались впередъ и составленный Сибирскимъ мѣстнымъ комитетомъ проэктъ новаго о войскѣ „положенія“ былъ

представленъ, наконецъ, на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ. Но Сибирскій войсковой комитетъ, состоявшій, вѣроятно, изъ приверженцевъ эпохи, давшей „положеніе“ 1846 г., составилъ проэктъ новаго, совершенно не отвѣчавшій по своему содержанію и направленію духу новѣйшаго законодательства расцвѣта эпохи Императора Александра II(20), почему этотъ проэктъ „положенія“, какъ увидимъ ниже, не получилъ утвержденія въ цѣломъ, былъ возвращенъ Сибирскому комитету для соотвѣтствующихъ измѣненій и дополненій, а 5/13 марта 1861 г. былъ обнародованъ именной Высочайшій указъ, имѣвшій особое исключительное значеніе для населенія Сибирскаго войска.

5 марта 1861 г. является особенно знаменательнымъ днемъ въ исторіи Сибирскаго войска и его поселеній въ описываемой странѣ въ частности. Этотъ день для Сибирскихъ казаковъ, какъ и 19-е февраля для русскихъ крестьянъ, является днемъ освобожденія отъ величайшаго вѣкового гнета. 5 марта Императоръ Александръ II подписалъ именной указъ, коимъ повелѣно: „*Сибирское линейное казачье войско, состоявшее на особомъ отъ другихъ казачьихъ войскъ положеніи, преобразовать нынѣ въ соотвѣтственность съ сими войсками*“.

Центральными пунктами этого указа являются: § 15, освобождающій „резервныхъ казаковъ отъ обязательнаго труда на войсковыхъ хозяйственныхъ заведеніяхъ“ и затѣмъ §§ съ 8 по 14 о службѣ, которые будутъ приведены и разсмотрѣны въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ. Для настоящаго-же очерка являются интересными положенія другихъ частей указа.

Бригадныя управленія повелѣно упразднить, а вмѣсто нихъ въ полковыхъ округахъ открыть окружныя полковыя правленія. Казаковъ по дѣламъ гражданскимъ подчинить „разбирательству войсковыхъ присутственныхъ мѣстъ“ и только по дѣламъ военно-суднымъ старымъ комиссіямъ при сибирскихъ линейныхъ баталіонахъ.

Въ высшемъ административномъ порядкѣ войско подчинено генералъ-губернатору, который долженъ былъ управлять имъ по части военной на правахъ командира отдѣльнаго корпуса, а по части гражданской—на правахъ, предоставленныхъ генералъ-губернатору вообще по Зап. Сибири. Для единства-же управленія по гражданской части учреждено при главномъ управленіи Зап. Сибири особое казачье отдѣленіе.

Затѣмъ двѣ послѣднія заключительныя статьи приведеннаго указа гласятъ: 22) „Составленные на сихъ главныхъ началахъ и представленные главнымъ мѣстнымъ начальствомъ проэкты положенія и штатовъ для Сибирскаго казачьяго вой-

ска, не подвергая въ настоящее время окончательному пересмотру и утвержденію, одобрить въ главныхъ ихъ основаніяхъ, предоставить генералъ-губернатору Зап. Сибири по ближайшему его усмотрѣнію приводить оные въ исполненіе постепенно, въ теченіи двухъ лѣтъ, въ видѣ опыта. 23) Между тѣмъ, поручить мѣстному войсковому комитету войти въ подробное разсмотрѣніе новаго положенія о Сибирскомъ казачьемъ войскѣ съ тѣмъ, чтобы, не касаясь главныхъ основаній его, комитетъ, если признаетъ нужнымъ, сдѣлалъ-бы въ начертанныхъ правилахъ дополненія или измѣненія и представилъ бы потомъ въ военное министерство, чрезъ генералъ-губернатора, не позже 1 января 1863 года полный проэктъ положенія о Сибирскомъ казачьемъ войскѣ на окончательное утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ" (1).

Подробности положенія 1861 года (30), имѣющія значеніе для настоящаго очерка, заключаются въ слѣдующемъ.

Сибирское войско въ порядкѣ высшаго управленія подчинено непосредственно военному министерству, а затѣмъ главное управленіе войскомъ въ административномъ, гражданскомъ и судебномъ порядкѣ предоставлено генералъ губернатору Зап. Сибири, какъ предсѣдателю Совѣта главнаго управленія Зап Сибири. Далѣе, та-же самая власть въ нисходящей степени принадлежитъ войсковому наказному атаману, который правилъ войскомъ по части военной на правахъ начальника дивизіи, а по части гражданской въ качествѣ гражданскаго губернатора. Ему непосредственно были подчинены всѣ учрежденія и всѣ чины войска. Онъ управлялъ войскомъ при посредствѣ войскового дежурства, на обязанность котораго была возложена собственно военная и военно-судная часть войскового правленія.

Главные чины правленія—старшій членъ и три ассесора избирались на свои должности войсковыми офицерами и чиновниками, т. е. дворянствомъ, изъ своей среды, на три года, при чемъ старшій членъ долженъ былъ избираться изъ числа войсковыхъ штабъ-офицеровъ. Кругъ дѣятельности войскового правленія, сравнительно съ положеніемъ 1846 года, значительно расширенъ: на него возложено, какъ все войсковое хозяйство, такъ и наблюденіе за частнымъ хозяйствомъ казаковъ и вообще за ихъ экономическимъ положеніемъ; затѣмъ, къ его-же вѣдѣнію отнесена санитарная и вся судебная часть въ войскѣ, не исключая уголовнаго судопроизводства.

Далѣе, введена совершенно новая инстанція—окружныя полковыя правленія, дѣйствовавшія каждое въ районѣ своего полкового округа.

Окружное правленіе состояло изъ командира полка, называвшагося по этой отрасли своей дѣятельности—окружнымъ начальникомъ и входившаго въ составъ правленія въ качествѣ его предсѣдателя и затѣмъ трехъ засѣдателей отъ дворянства или, какъ названо въ положеніи, отъ чиновниковъ и одного отъ казаковъ. Окружные начальники назначались изъ штабъ офицеровъ одного войскового сословія и, только въ исключительныхъ случаяхъ, допускалось представлять къ утвержденію въ этой должности штабъ офицеровъ, переведенныхъ изъ регулярныхъ войскъ. Окружные начальники избирались наказнымъ атаманомъ и, по представленію генералъ-губернатора Зап. Сибири, утверждались Высочайшею властью. Засѣдатели избирались сословіями своего округа, каждый на три года, при этомъ засѣдатели отъ дворянства могли избираться только *изъ отставныхъ или служащихъ оберъ-офицеровъ*. Всѣ избранные сословіями засѣдатели утверждались въ своихъ должностяхъ, по представленію наказнаго атамана, генералъ-губернаторомъ.

Главную обязанность окружныхъ правленій составляло: *„законное ограждение правъ личности и по имуществу каждаго отъ произвола и насилія* скорое доставленіе правосудія живущимъ въ округахъ казакамъ", почему они и вѣдали военно административною и гражданскою частью управленія, подчиняясь въ предѣлахъ первой—военному войсковому начальству, т е. наказному атаману, начальнику войскового штаба и войсковому дежурству, а по обязанностямъ второй—войсковому Правленію. Обязанности исключительно военнаго управленія всецѣло лежали единолично на окружномъ начальникѣ, какъ командирѣ полка, который не былъ обязанъ дѣла этой категоріи вносить на обсужденіе засѣдателей. Дѣла же военно-административныя, гражданскія и судныя рѣшались въ окружномъ правленіи коллегіально, при чемъ засѣдатель отъ казаковъ былъ устраненъ отъ разсмотрѣнія дѣлъ объ офицерахъ и чиновникахъ

На окружныя правленія возлагались хозяйственныя судныя и полицейскія обязанности, т. е власть распорядительная, судебная и исполнительная.

По части хозяйственной—лежало рѣшительно все, что только могло входить въ кругъ этого управленія. По дѣламъ суднымъ, гражданскимъ и уголовнымъ—окружныя правленія представляли первую инстанцію, апелляціи на рѣшенія которой приносились въ войсковое правленіе, какъ въ судъ второй инстанціи, рѣшеніе котораго въ извѣстныхъ случаяхъ могло быть отмѣнено Правительствующимъ Сенатомъ, за

исключеніемъ дѣлъ уголовныхъ, переносившихся въ нѣкоторыхъ, точно опредѣленныхъ, случаяхъ изъ войскового правленія, до поступленія въ сенатъ, еще и на рѣшеніе Главнаго управленія Зап. Сибири.

Вѣроятно, въ видахъ ускоренія привосудія и устраненія излишняго отягощенія окружныхъ правленій, положеніе вводило еще и „Словесный Судъ". Исковыя и тяжебныя дѣла, преждe начатія ихъ въ порядкѣ общаго судопроизводства, поступали предварительно на примирительное разбирательство двухъ или четырехъ постороннихъ лицъ, свободно избранныхъ тяжущимися, и дѣло поступало въ окружное правленіе только послѣ несостоявшагося примиренія. Но если тяжущіеся, кромѣ двухъ или четырехъ судей, избрали еще и общаго особаго посредника—тогда „Словесный Судъ" признавался третейскимъ и рѣшеніе его считалось уже окончательнымъ, безспорнымъ Въ кругъ обязанностей окружныхъ правленій входила еще и часть нотаріальная, въ смыслѣ совершенія данныхъ на имущества, цѣною не болѣе полуторыхъ тысячъ рублей.

Послѣднюю ступень—занимало станичное управленіе. Здѣсь, дабы избѣжать повторенія въ будущемъ, необходимо остановиться для наиболѣе подробнаго разсмотрѣнія, такъ какъ организація станичнаго управленія по „положенію" 1861 года перешла и въ Семирѣченское войско и, какъ увидимъ ниже, оставалась въ немъ не тронутой до половины 1870 года.

Составъ станичнаго управленія и способъ избранія состава остались тѣ-же самые, что были опредѣлены въ 1859 году, а обязанности по положенію 1846 года, но характеръ самаго управленія совершенно измѣненъ.

До конца 1859 года станичный начальникъ былъ почти самовластнымъ распорядителемъ судебъ своей станицы. Съ 1860 г., съ избраніемъ судей, на сценѣ управленія появляется новый факторъ—„станичный сходъ", а власть по управленію станичному начальнику пришлось раздѣлить съ двумя судьями. Положеніе 1861 г,, вводя начала самоуправленія, ограничило власть станичнаго начальника. Во первыхъ, оно точно указало обязанности станичныхъ судей, опредѣливъ одному управленіе по части полицейской, другому—по хозяйственной, а во вторыхъ—вызвало къ жизни, какъ органъ самоуправленія—общій станичный, частный и выселковый сходы, подчинивъ, въ то-же время, во всѣхъ отношеніяхъ станичное управленіе—окружному.

Для завѣдыванія хозяйственными дѣлами, исполненія распоряженій станичнаго управленія и для разбора между

казаками мелкихъ ссоръ и жалобъ въ каждый выселокъ назначались „Приказный“ съ двумя десятскими, избираемыми на одинъ годъ выселковыми сходами изъ внутренно-служащихъ или отставныхъ урядниковъ и казаковъ. Эти лица заслужбу свою никакого содержанія не получали, отъ избранія отказываться не могли, но въ видахъ возвышенія ихъ авторитета были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія и всѣхъ натуральныхъ земскихъ повинностей, пока занимали свои должности.

Станичные и выселковые сходы.

Станичные и выселковые сходы дѣлились на полные и частные. Къ присутствію на полныхъ станичныхъ сходахъ допускались всѣ совершеннолѣтніе (21 г.) жители—домохозяева данной станицы съ ея выселками, т. е. всѣ служащіе и отставные офицеры и чиновники, всѣ урядники и казаки. Урядники и казаки порочные“, подвергавшіеся тѣлесному наказанію, а точно такъ-же и *„замѣченные въ сварливомъ характерѣ“*, не имѣли права участія на станичныхъ сходахъ.

Частные станичные и выселковые сходы составлялись только изъ однихъ выборныхъ, избранныхъ своими обществами по одному отъ каждыхъ 25 дворовъ.

Полные станичные сходы собирались обыкновенно *не болѣе трехъ разъ въ годъ*—въ началѣ января, предъ покосомъ и осенью, въ сентябрѣ или октябрѣ, каждый разъ на срокъ не болѣе пяти дней. Въ случаяхъ-же какой либо важной, неотложной и непредвидѣнной общественной надобности станичный сходъ могъ собираться и болѣе трехъ разъ въ году, но въ этомъ случаѣ станичное управленіе, созвавши сходъ, о причинахъ созыва и о его постановленіяхъ обязано было доносить окружному правленію, которое въ свою очередь доносило наказному атаману.

На обязанности полныхъ станичныхъ сходовъ лежало обсужденіе дѣлъ цѣлой станицы совокупно съ ея выселками, а именно: 1) по выборамъ, посредствомъ баллотированія, станичныхъ начальниковъ, засѣдателей отъ казаковъ въ окружное правленіе, судей и писарей. 2) Назначеніе смотрителей къ хлѣбо-запаснымъ магазинамъ, лѣсничихъ прочихъ чиновъ. 3) Установленіе и повѣрка ежегодной смѣты расходовъ и доходовъ. 4) Опредѣленіе необходимости новыхъ общественныхъ построекъ и ремонта или улучшенія старыхъ опредѣленіе величины расхода для этой цѣли, а точно также на исправленіе мостовъ, дорогъ и проч. Изысканіе средствъ къ исправному исправленію земской почты и вообще все то, что требуетъ общихъ работъ или издержекъ. 5) Пополненіе ста-

ничныхъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ и средства къ сбереженію запасовъ въ нихъ. 6) Если земли, лѣса и рыболовныя воды находились въ нераздѣльномъ пользованіи самой станицы и ея выселковъ—то распредѣленіе всѣхъ этихъ угодій между самой станицей и ея выселками, а точно такъ-же и отдача въ аренду излишнихъ угодій. 7) Лишеніе права участія урядниковъ и казаковъ въ общихъ станичныхъ сходахъ и составленіе списковъ имѣющимъ это право. Составленіе списковъ внутренно-служащимъ и малолѣтнимъ, обязаннымъ отправлять подводную повинность. 8) Опредѣленіе имѣющихъ право на льготу отъ службы. 9) Призрѣніе неимущихъ и мѣры помощи потерпѣвшимъ разореніе. 10) Общія мѣры къ уничтоженію пристанодержательства, бродяжества и укрывательства ссыльно-поселенцевъ. 11) Опредѣленія наказанія за воровство, пьянство, нерадѣніе къ хозяйству и т. п. въ предѣлахъ лишенія права участія на сходахъ, избранія на должности и наказанія розгами до 25 ударовъ. 12) Наблюденіе за благоустройствомъ и опрятностью поселеній и охраненія ихъ отъ пожаровъ. 13) Удаленіе изъ общества порочныхъ женщинъ.

Частные станичные сходы, назначавшіеся въ первый воскресный день каждаго мѣсяца, вѣдали: 1) Назначеніе опекуновъ какъ къ имуществу сиротъ, такъ и взрослыхъ расточительныхъ и повѣркою опекунскихъ отчетовъ. 2) Составленіе списковъ казакамъ, не бывшимъ въ состояніи нарядиться на собственный счетъ на службу по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ или по своей винѣ. 3) Опредѣленіе исправительныхъ наказаній: розгами до 15 ударовъ, арестомъ на хлѣбѣ и водѣ, штрафомъ и т. д. за ссоры, драки, буйство и т. д. 4) Наложеніе штрафа: за самовольную порубку и продажу станичнаго лѣса, за потраву лѣса и сѣнокосовъ, за неявку на станичные сходы и къ выполненію станичныхъ повинностей. 5) Опредѣленіе расхода не болѣе 30 р. на неотложныя станичныя надобности, и 6) ежемѣсячной ревизіей станичныхъ приходо-расходныхъ книгъ

Затѣмъ, исключительно для обсужденія дѣлъ выселковъ и станицы, какъ самостоятельнаго поселенія, были установлены особые выселковые сходы, къ обязанности которыхъ относилось обсужденіе хозяйственнаго и домашняго быта казаковъ вообще, а въ частности: 1) выборъ приказныхъ и десятскихъ; 2) назначеніе выборныхъ для присутствія на частныхъ станичныхъ сходкахъ; 3) составленіе списковъ имѣющимъ право участія на общихъ станичныхъ сходкахъ; 4) изъявленіе согласія на выселеніе членовъ общества на новыя мѣста или въ другія поселенія, а точно такъ-же и пріемъ въ свою среду но-

выхъ членовъ; 5) если земли, лѣса и рыболовныя воды выдѣлены выселку совсѣмъ или временно—то раздѣлъ этихъ угодій между членами общества; 6) отдача въ аренду излишнихъ угодій; 7) обращеніе съ просьбами о разрѣшеніи: пользоваться валежникомъ изъ заказныхъ станичныхъ и войсковыхъ лѣсовъ, косить сѣно на прогалинахъ въ заказныхъ лѣсахъ и, наконецъ, раздѣлъ между членами общества ежегодной очередной безпошлинной лѣсосѣки на ихъ нужды.

Сходы общіе и частные станичные собирались по извѣщенію станичныхъ управленій, а выселковые по зову своихъ приказныхъ. Управленіе сходами, т. е. предложеніе дѣлъ къ обсужденію и наблюденіе за порядкомъ возлагалось: въ станицѣ—на станичнаго начальника съ судьями, а въ выселкахъ—на приказнаго. Рѣшеніе схода или, какъ оно называлось, „приговоръ", постановленный „общимъ голосомъ", записывался въ книгу приговоровъ, прочитывался постановившему его сходу и уже затѣмъ только, въ присутствіи всѣхъ бывшихъ на сходѣ, утверждался подписомъ: въ станицѣ—станичнаго начальника съ судьями, а въ выселкѣ—приказнаго съ десятскими. Послѣ этого приговоръ вручался для исполненія—станичному начальнику или выселковому приказному—смотря по мѣсту постановленія приговора.

Сходы считались дѣйствительными, а приговоры ихъ обязательными только тогда, когда на сходѣ присутствовало не менѣе ²/₃ всѣхъ лицъ, имѣвшихъ право быть на немъ.

Окружныя правленія могли входить въ разсмотрѣніе приговоровъ только по представленіямъ станичныхъ начальниковъ, судей или по жалобамъ казаковъ; рѣшенія станичныхъ сходовъ, соединенное съ превышеніемъ власти или постановленное неправильно—отмѣнялось окружнымъ правленіемъ. Рѣшенія-же выселковыхъ сходовъ утверждались и въ соотвѣтствующихъ случаяхъ отмѣнялись станичнымъ управленіемъ.

Общій обзоръ «положенія 1861 г.».

Такимъ образомъ, „положеніе 1861 г." принесло населенію Сибирскаго казачьяго войска въ общемъ, а для поселеній его въ нынѣшней Семирѣченской области въ частности, совершенное освобожденіе отъ тяготѣвшаго надъ ними обязательнаго, почти дарового, труда на войсковую казну, дало имъ достаточно широкое самоуправленіе, избавило отъ подсудности архаическимъ всенно судным комиссіямъ за всѣ уголовныя преступленія, совершенныя казаками внѣ службы, оставивъ подсудность этимъ комиссіямъ только за преступленія: воинскія, за уклоненія отъ явки на службу со льготы, за нарушеніе карантинныхъ постановленій и вообще только за тѣ преступленія, по которымъ всѣ, „не лишенные правъ со-

стоянія лица Сибири — судились военнымъ судомъ. Кромѣ того, „положеніе 1861 года“ избавило, наконецъ, сибирскихъ казаковъ отъ наплыва въ ряды его войскового и полкового начальства лицъ постороннихъ, незнавшихъ ни сибирскаго казака, ни его исторіи, ни его быта, ни его службы, чуждыхъ ему совершенно по духу, очень часто даже иностраннаго происхожденія, смотрѣвшихъ на казака не какъ на человѣка съ извѣстными запросами къ жизни, а только какъ на военно-крѣпостной матеріалъ, подлежавшій использованію „доколѣ онъ въ силахъ“.

Но всѣ эти великія достоинства „положенія“ были покрыты густою тѣнью смѣшенія власти судебной, исполнительной и военной. Положеніе 1861 года, вводя свои либеральныя начала, оставило судъ въ рукахъ войсковой и полковой администраціи, хотя въ большинствѣ и выборной, но составленнной изъ среды той самой администраціи, переполненной пришлымъ элементомъ, которая, какъ мы видѣли изъ всего сказаннаго по этому поводу раньше, въ теченіе цѣлаго столѣтія, если не больше, привыкла и считала своимъ неотъемлемымъ правомъ распоряжаться сибирскимъ казакомъ по своему произволу и, конечно, имѣя судъ и суровую дисциплину въ своихъ рукахъ, не могла легко и скоро разстаться съ порядками прошлаго, проникнуться неестественнымъ для нея стремленіемъ къ охранѣ права личности и справедливости, рекомендуемой §-мъ 318-мъ „положенія“.

Поэтому, справедливо-ли будетъ возлагать на отвѣтственность сибирскихъ казаковъ и ихъ ближайшихъ потомковъ, что они, даже и подъ сѣнью „положенія 1861 года“, имѣвшаго такой крупный дефектъ, не могли воспрянуть духомъ и наверстать, сравнительно за короткій періодъ времени, отнятаго у нихъ и потеряннаго?

Какъ въ дополненіе и поясненіе къ общему обзору „положенія 1861 года“, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ о имѣвшемъ впослѣдствіе весьма ощутительное вліяніе на направленіе административнаго управленія и, главнымъ образомъ, на экономическую сторону жизни, здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ о временномъ измѣненіи во взглядахъ верховной власти на казаковъ.

Двѣ, тѣсно соприкасавшіяся по времени, эпохи Императоровъ Николая I и Александра II взаимно представляютъ нерѣдко наблюдаемые въ исторіи контрасты. Царствованіе Императора Николая I—кульминаціонная точка эпохи развитія военнаго режима; царствованіе-же Императора Александра II—гражданственности. Прогрессивное развитіе общаго строя

гражданской жизни въ имперіи и коренныя реформы, предпринятыя по всѣмъ отраслямъ управленія въ царствованіе Императора Александра II, такъ или иначе, должны были коснуться и казачьихъ войскъ вообще, а Сибирскаго, находившагося „на особомъ отъ нихъ положеніи“—преимущественно. Реальнымъ выраженіемъ реформъ и здѣсь явилось „положеніе 1861 года“, а для всѣхъ казачьихъ войскъ въ совокупности—учрежденіе при главномъ управленіи иррегулярныхъ войскъ особаго временнаго Комитета для пересмотра законоположеній о казачьихъ войскахъ, составленнаго, кромѣ наличныхъ членовъ названнаго управленія, изъ депутатовъ по выбору наказныхъ атамановъ отъ каждаго изъ казачьихъ войскъ. Депутаты собрались и 5 ноября 1866 года представились Императору Александру II, который намѣтилъ имъ ихъ будущую дѣятельность слѣдующей знаменательной и памятной для казаковъ рѣчью: „Вы собраны сюда для того, чтобы съ вашей помощью разъяснить истинныя ваши нужды и пользы. Нынѣшнія положенія о казачьихъ войскахъ устарѣли и во многомъ требуютъ пересмотра. Я желаю, чтобы казачьи войска, оказавшія столько незабвенныхъ заслугъ отечеству, сохранили и на будущее время свое воинское назначеніе... Но Я, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаю, чтобы въ устройствѣ казачьихъ войскъ военное ихъ значеніе было, сколько возможно, согласовано съ выгодами гражданскаго быта и хозяйственнаго благосостоянія. *Казачье населеніе,* отбывая по прежнему военную свою обязанность, *можетъ и должно, въ тоже время, пользоваться общими для всѣхъ частей имперіи благами гражданскаго благоустройства. Къ этой главной цѣли должны клониться ваши труды* и Мнѣ пріятно будетъ видѣть, если вы достигнете ея“ (21).

Такимъ образомъ, торжественно, съ высоты Престола, былъ отвергнутъ старый изжившій принципъ, благодаря которому все административное устройство Сибирскаго войска, до 5-го марта 1861 года, сводилось къ обращенію казаковъ только въ „боевой и рабочій матеріалъ“ и, наконецъ, провозглашенъ былъ новый, признавшій за казаками право на блага гражданской жизни, равное со всѣмъ прочимъ населеніемъ имперіи, направлявшій административное теченіе въ новое русло.

Образованіе областей и военныхъ округовъ.

Съ 1865 года нынѣшній русскій Туркестанъ и Зап. Сибирь вступили въ циклъ крупныхъ административныхъ преобразованій.

Для объединенія управленія—образованная въ 1864 году изъ вновь занятыхъ городовъ Туркестана, Ауліэ-Ата

и укрѣпленій Меркэ и Токмака—Ново-Кокандская линія, состоявшая въ вѣдѣніи генералъ-губернатора Зап Сибири([22]), соединена съ учрежденной еще ранѣе Сыръ-Дарьинской линіей и такимъ образомъ, изъ всего пограничнаго съ Средне-Азіатскими ханствами пространства, отъ Аральскаго моря до озера Иссыкъ-Куль, въ февралѣ 1865 года была образована одна область - Туркестанская, съ подчиненіемъ ея Оренбургскому генералъ-губернатору ([23]) Въ августѣ этого же года. и въ тѣхъ-же цѣляхъ объединенія управленія военными силами и административными учрежденіями, въ Сибири были образованы военные округа—Западно и Восточно-Сибирскіе ([24]).

Семипалатинская область съ ея округами Сергіопольскимъ, Капальскимъ и Алатавскимъ вошла въ составъ Зап. Сибирскаго военнаго округа.

Почти одновременно съ образованіемъ Туркестанской области, враждебныя дѣйствія кокандцевъ и бухарцевъ вынудили наши войска подвинуться еще далѣе въ глубь Средней Азіи и занять города Ташкентъ, Ходжентъ и крѣпости Ура-Тюбе, Джизакъ, съ прилегающими къ нимъ районами, которые были присоединены къ Туркестанской области. Сильно увеличившаяся этимъ путемъ территорія Туркестанской области, далеко неудовлетворительныя формы ея управленія, установленныя вслѣдствіе недостатка въ то время данныхъ и по незнакомству съ туземнымъ сартовскимъ населеніемъ, поставившія въ невозможность дальнѣйшее развитіе гражданскаго устройства области, а главнымъ образомъ, угрожающее политическое положеніе на нашихъ среднеазіатской и западно-китайской окраинахъ, въ связи съ отдаленностью ея отъ Оренбурга, гдѣ сосредоточивалось, въ лицѣ генералъ-губернатора, главное управленіе областью, выдвинули на очередь вопросъ о выдѣленіи ея, съ принадлежащею къ ней южною частью Семипалатинской области, въ особое, достаточно самостоятельное цѣлое ([25]) Вопросъ о выдѣленіи обсуждался въ особомъ комитетѣ, заключенія котораго, объ образованіи изъ передовой пограничной полосы нашихъ Средне-азіатскихъ владѣній двухъ областей и составленія изъ нихъ особаго генералъ-губернаторства, были утверждены Государемъ 11 апрѣля 1867 года ([25]).

Соотвѣтственно заключеніямъ этого комитета, новыя области было предположено сначала назвать Ташкентскою и Алматинскою, съ областными центрами въ гор. Ташкентѣ и укрѣпленіи Вѣрномъ, съ переименованіемъ послѣдняго въ городъ Алматинскъ. Для резиденціи-же генералъ-губернаторскаго управленія предполагалось основать въ окрестностяхъ

Ауліэ-Ата новый городъ—„Александроградъ". Но при дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса признано болѣе удобнымъ западную область назвать Сыръ-Дарьинскою, а восточную Сѣмирѣченскою—по названію, усвоенному мѣстнымъ русскимъ населеніемъ краю, лежащему къ востоку отъ р. Или; отъ возведенія-же новаго города отказаться, предоставивъ генералъ-губернатору самому избрать мѣсто для своей резиденціи(25). Затѣмъ, по одобренному Государемъ 11 іюля 1867 г. проэкту „положенія", было образовано Туркестанское генералъ губернаторство въ составѣ двухъ областей—Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской, съ подчиненіемъ края въ порядкѣ высшаго административнаго управленія военному министерству(31).

Семирѣченская область, въ составѣ Сергіопольскаго, Капальскаго и Алатавскаго округовъ и часть бывшей Туркестанской области—Токмакскаго уѣзда—была фактически открыта распоряженіемъ Туркестанскаго генералъ-губернатора фонъ-Кауфмана 27 октября 1867 года(26).

Военнымъ губернаторомъ и командующимъ войсками во вновь образованной Семирѣченской области былъ назначенъ бывшій начальникъ Алатавскаго округа генералъ-маіоръ Колпаковскій, къ этому времени уже бывшій военнымъ губернаторомъ Семипалатинской области (27).

Съ выдѣленіемъ Семирѣчья изъ Западно-Сибирскаго военнаго округа въ составъ Туркестанскаго, для сибирскихъ каз. посел. въ немъ создавалось, въ смыслѣ управленія ими, какое-то неопредѣленное двойственное положеніе; они должны были-бы подчиняться одновременно двумъ различнымъ административнымъ центрамъ—Омску и Ташкенту. Какъ слѣдствіе создавшагося положенія, самъ собою возникалъ вопросъ о безусловной необходимости выдѣленія Семирѣченскихъ казачьихъ поселеній въ особое отъ Сибирскаго войска органическо цѣлое, къ чему можно было приступить, въ виду нѣкоторыхъ особенностей существовавшаго военно-административнаго устройства въ нихъ, только послѣ нѣкоторой подготовки. Такъ какъ на территоріи, отходившей отъ Сибири къ Туркестану, располагались 10-й и часть 8-го полковыхъ округовъ, то прежде всего было необходимо устранить это дробленіе. Съ этой цѣлью еще 15 февраля 1867 г. былъ изданъ приказъ военнаго министерства, которымъ предписывалось произвести передѣлъ полковыхъ округовъ въ Сибирскомъ казачьемъ войскѣ.

По этому передѣлу на территоріи Семирѣчья помѣщены цѣликомъ два полковыхъ округа—9-й и 10-й. Въ составъ 9-го вошли: станицы Сергіопольская и Урджарская изъ 8-го пол-

ка, Лепсинская и Капальская съ выселками: Сарканскимъ, Арасанскимъ, Карабулакскимъ и Коксуйскимъ — изъ 10-го, а въ составѣ 10-го остались: станицы Больше-Алматинская и Софійская съ выселками: Мало-Алматинскимъ, Каскеленскимъ, Илійскимъ и Надеждинскимъ, причемъ бывшія станицы: Мало-Алматинская, Надеждинская и Каскеленская,—при предписанномъ сокращеніи общаго числа станицъ Сибирскаго казачьяго войска, обращены въ выселки для уменьшенія расходовъ на содержаніе станичныхъ управленій. Окружныя полковыя правленія были перенесены: 9 го полка въ станицу Капальскую, а 10-го въ станицу Алматинскую ([28]).

Наконецъ, Высочайшимъ повелѣніемъ 13 іюля 1867 года изъ 9-го и 10-го полковыхъ округовъ образовано самостоятельное Семирѣченское казачье войско ([29]), административное устройство котораго, какъ и области, гдѣ оно расположено, составятъ задачу одного изъ послѣдующихъ очерковъ.

СЛУЖБА

Сибирскихъ казаковъ въ Семирѣчьѣ, ихъ содержаніе, вооруженіе, снаряженіе и спеціально—военная организація до 1868 г.

Какъ мы уже видѣли изъ очерка наступательнаго движенія, что предки Семирѣченцевъ—Сибирскіе казаки, появились на постоянную службу въ сѣверо-восточныхъ предѣлахъ нынѣшней Семирѣченской области со времени основанія Аягузскаго внѣшняго округа, т. е. съ 1831 года, то именно съ этого времени и слѣдуетъ ознакомиться съ ихъ военной организаціей и прочими деталями службы, имѣвшими какъ убѣдимся ниже, весьма важное вліяніе на ихъ бытъ, характеръ и экономическое положеніе.

Положеніе 1808 г.

Служба и вытекающая изъ ея требованій обстановка довольно таки не точно и туманно опредѣлялись „положеніемъ 19 августа 1808 года“ ([1]), дѣйствовавшимъ почти до конца 1847 ([2]).

По этому положенію Сибирское казачье линейное войско не имѣло въ мирное время полковой или сотенной организаціи, а подраздѣлялось на разной величины территоріальныя „дистанціи“, которыя всѣ вмѣстѣ и поставляли въ мѣрѣ дѣйствительной надобности нужные контингенты казаковъ. Кромѣ двухъ конно-артиллерійскихъ ротъ, комплектъ для военнаго времени опредѣлялся въ десять пятисотенныхъ полковъ которымъ 14 апрѣля 1809 года и были пожалованы знамена([3])

Каждый полкъ состоялъ изъ 3-хъ офицеровъ, 47 урядниковъ, 1 писаря, 1 фельдшера и 500 казаковъ. Срока службы опредѣлено не было и отставка давалась только по старости, дряхлости болѣзненности и вообще только тогда, когда человѣкъ приходилъ въ совершенную неспособность къ труду.

Лошадей, всю одежду, карабины, пистолеты, сабли, пики, сѣдла и все прочее снаряженіе казаки въ полкахъ и артиллеріи до конца 1847 года имѣли собственное, за исключеніемъ упряжныхъ артиллерійскихъ лошадей, сѣделъ и всей сбруи на нихъ, для заведенія которыхъ по утвержденіи положенія 1808 года были выданы деньги изъ государственной казны, а затѣмъ ихъ дальнѣйшій ремонтъ производился на войсковой счетъ,

Офицерскія мѣста въ войскѣ занимались исключительно лицами войскового сословія. Казаки зачислялись на службу 17 лѣтъ, но имъ послѣ зачисленія давался еще одинъ годъ льготы и они только 18-ти лѣтъ поступали на дѣйствительную службу.

Такъ какъ съ этого возраста они были въ разрядѣ служилыхъ и обязывались уже служить „доколѣ въ силахъ“, а какова эта была служба—мы видѣли изъ очерка поселенія въ Семирѣчьѣ(4), почему въ промежутки между періодами службы казаки съ трудомъ могли поддерживать свое хозяйство, свою семью, добывать себѣ и своимъ дѣтямъ средства на заведеніе снаряженія, вооруженія и коня, то, въ помощь имъ, на сыновей выдавался отъ казны провіантъ: съ 2-хъ до 17 лѣтняго возраста по одному четверику муки въ мѣсяцъ, а на 18-мъ году уже „полный казачій окладъ“.

Служилые казаки на „линіи“ получали въ годъ: 6 р. 16½ к. жалованія, 3 четверти муки, 7 четвертей овса и на сѣно по 2 коп. за пудъ изъ расчета на 7 зимнихъ мѣсяцевъ, по 20 фунт. въ день, т. е. 30 или 31 коп. въ мѣсяцъ. За эти деньги они уже сами должны были заготовлять сѣно и довольствовать своихъ строевыхъ лошадей.

При походной службѣ и при условіи удаленія отъ своихъ сборныхъ пунктовъ внутрь государства далѣе 500 верстъ, а за границу далѣе 100 верстъ, все содержаніе увеличивалось: жалованіе выдавалось по 11 руб. 88 к. въ годъ на казака, къ мукѣ добавлялась крупа 1½ гарнца въ мѣсяцъ на каждаго, овесъ и сѣно отпускались натурой отъ провіантскаго департамента каждому на двѣ лошади. Офицеры и казаки войсковой артилл. получ все содержаніе совершенно равное съ полковыми чинами. Вся военная организація войс., съ учрежденіемъ въ 1816 г.

отдѣльнаго сибирскаго корпуса войскъ, подчинялась командиру этого корпуса(5). Строевыя части не находились на постоянной службѣ, а формировались въ количествѣ и составѣ, зависѣвшихъ отъ дѣйствительной надобности, причемъ, для уменьшенія тягостей службы, нарядъ распредѣлялся на все войско. Въ 1812 году всѣ „дистанціи", на которыя дѣлилось войско, повелѣно было называть полками, присвоивъ имъ №-ра отъ 1 до 10 включительно, затѣмъ въ 1821 г. полки были раздѣлены на двѣ, а въ 1823-мъ на четыре бригады(6) и при этомъ нарядъ на службу нѣсколько видоизмѣнился, обращаясь иногда на опредѣленные отдѣльные полки.

Въ Семирѣчьѣ, до развитія наступательнаго движенія изъ Капала въ Заилійскій край, сибирскіе казаки не служили въ составѣ цѣлыхъ полковъ, а высылались туда отдѣльными отрядами, величина которыхъ безконечно колебалась, въ зависимости отъ цѣли ихъ назначенія, времени года и дѣйствительной надобности, причемъ до 1851 года(*) въ организаціи ихъ почти совершенно не упоминается подраздѣленіе даже и на сотни, а командиры казаковъ называются начальниками отрядовъ.

Такъ какъ населеніе нынѣшней Семирѣченской области тогда было все сплошь кочевое, сидѣвшее зимою почти всегда смирно и начинавшее проявлять свою дѣятельность только съ появленіемъ подножнаго корма, то въ зависимости отъ этого число казачьихъ отрядовъ на зиму значительно сокращалось, а составъ оставшихся доводился до возможнаго minimum'a; освобождавшіеся казаки съ поздней осенью отводились на родину, гдѣ и роспускались по домамъ. Въ январѣ или февралѣ слѣдующаго года производился нарядъ новой очереди и казачьи отряды съ подножнымъ кормомъ опять появлялись на прежнихъ мѣстахъ.

Въ зависимости отъ такого характера военной дѣятельности, самый нарядъ на службу подраздѣлялся на два вида или очереди: срочную, т. е. на одно лѣто, и на годичную, т. е. на одинъ круглый годъ. Для уравненія казаки мѣнялись очередями.

Самая служба въ отрядахъ изложена возможно полно и подробно въ очеркѣ наступательнаго движенія настоящаго изданія, иллюстраціей же ко всему сказанному по этому поводу можетъ служить до нѣкоторой степени слѣдующее обстоятельство. Въ 1834 году правительство получило свѣдѣнія о различныхъ злоупотребленіяхъ по управленію Сибирскимъ

*) Походъ Карбышева въ Заилійскій край для разрушенія укрѣпл. Таучубекъ.

казачьимъ войскамъ, для подробнаго разслѣдованія которыхъ въ Омскѣ былъ учрежденъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ генерала Гурко 2-го.

Представляя въ 1836 г. военному министру отчетъ о результатахъ дѣятельности комитета, Гурко объяснилъ, что, помимо нѣкоторыхъ другихъ причинъ, часть обнаруженныхъ въ войскъ безпорядковъ и злоупотребленій обусловливалась отсутствіемъ *положительныхъ правилъ по различнымъ отраслямъ управленія* и представилъ составленный комитетомъ проэктъ новаго „положенія“ о Сибирскомъ войскѣ, который и былъ утвержденъ съ незначительными измѣненіями только 5 декабря 1846 года(7). **Положеніе 1846 г.**

Это, второе по счету, „положеніе“, введенное почему то въ дѣйствіе какъ-разъ цѣлымъ годомъ позже его утвержденія въ законодательномъ порядкѣ(8), кромѣ значительнаго численнаго увеличенія войска, принесло во многихъ случаяхъ новую, болѣе полную и точную военную организацію.

Число полковъ было назначено 9, раздѣленныхъ на 4 бригады и имѣвшихъ 6-ти сотенный составъ; каждый полкъ составлялся изъ населенія своего округа. Штатное число чиновъ въ полкахъ увеличено: офицеровъ назначено 20, казаковъ съ урядниками, приказными и трубачами—862, „лекарь“—1 и фельдшеръ 1. Лицамъ войскового сословія предоставлены только младшія офицерскія мѣста, на всѣ-же прочія должности, начиная съ командировъ полковъ, за самымъ ничтожнымъ исключеніемъ, опредѣлено назначать только офицеровъ регулярныхъ войскъ. Что-же касается войсковой артиллеріи, то съ половины 1850 года въ ней не осталось ни одного офицера казачьяго происхожденія—всѣ они по повѣленію 28 іюля этого года, переведаны въ полки и артиллерія сибирскаго казачьяго войска комплектовалась съ указаннаго времени лишь офицерами регулярной артиллеріи(9).

Срокъ службы былъ уже опредѣленъ и она подраздѣлена: на полевую, т. е. строевую, и внутреннюю.

На двадцатомъ году казакъ вступалъ на полевую службу, проводилъ на ней 20 лѣтъ и перечислялся затѣмъ на службу внутреннюю, въ полковыя резервныя команды, состоявшія при каждомъ полку и въ свою очередь подраздѣлявшіяся на шесть отдѣленій—по числу сотенъ полка. Здѣсь казакъ отбываетъ десять самыхъ тяжкихъ лѣтъ своей службы, заключившейся въ исполненіи слѣдующихъ обязанностей: 1) составлять пограничную и таможенную стражу въ помощь строевымъ казакамъ, 2) служить ямщиками на войсковыхъ почтовыхъ станціяхъ въ киргизской степи и по всей кордонной линіи; 3) по-

могать строевымъ казакамъ въ заготовленіи сѣна для строевыхъ лошадей, и 4) имѣть присмотръ или производить работы на войсковыхъ хозяйственныхъ заведеніяхъ, т. е. другими словами—изъ этихъ-то именно резервныхъ казаковъ и формировались тѣ военно-рабочія команды, благодаря даровому, въ сущности, труду*) которыхъ содержались всѣ войсковыя солеварни, рыбалки, суконная фабрика и т. д.

Служба полевая дѣлилась на линейную или мѣстную, отбывавшуюся въ расположеніи войска и на внѣшнюю—въ киргизской степи. Видъ службы въ предѣлахъ нынѣшней Семирѣченской области относился къ разряду внѣшней службы и заключалъ въ себѣ, первоначально, преимущественно наряды срочные и уже только впослѣдствіе, со времени развитія наступательнаго движенія изъ Капала, внѣшняя служба здѣсь пріобрѣтаетъ характеръ постоянной.

На службѣ постояннаго наряда казакъ проводилъ до трехъ лѣтъ подъ-рядъ и затѣмъ увольнялся домой, вступая снова, когда до него дойдетъ новая очередь; при срочныхъ же нарядахъ, подраздѣлявшихся, такъ сказать, на случайные и годичные—онъ былъ на службѣ столько времени, сколько требовали обстоятельства какой нибудь военной или ученой экспедиціи, сопровожденіе каравановъ и т. п., а на службѣ-же годичной онъ былъ круглый годъ, по истеченіи котораго уходилъ домой, гдѣ и ожидалъ новой очереди выкомандированія на службу.

Нарядъ на службу постоянную и годичную производился въ январѣ, а на срочную случайную въ мѣрѣ надобности. Вслѣдствіе малочисленности войска, сравнительно съ величиною нарядовъ, казаки дѣлились только на двѣ очереди, изъ которыхъ одна служила, а другая находилась по домамъ для „занятій своимъ хозяйствомъ". Этотъ способъ отбыванія службы продолжался до 18 марта 1857 года, когда именнымъ указомъ было повелѣно: „въ видахъ улучшенія быта и устройства домашняго хозяйства казаковъ, при увеличеніи народонаселенія войска имѣть въ виду постоянное облегченіе казаковъ въ очередной службѣ, распредѣляя ихъ соразмѣрно съ увеличеніемъ населенія и потребностями внѣшней службы не на двѣ, а на три и болѣе очередей" (9), т. е. иначе говоря, —давать льготу отъ службы не на два или три года, а на четыре и болѣе, но въ зависимости только отъ приведенныхъ въ повелѣніи условій. А такъ какъ условія эти, т. е. увеличеніе населенія и сокращеніе нарядовъ—въ Сибирскомъ вой-

*) Резервные казаки получали только равное съ строевыми содержаніе.

скѣ развивались туго, то повелѣніе 1857 г. не скоро принесло дѣйствительное облегченіе.

Подобный, неотличающійся регулярной правильностью, порядокъ службы, въ связи съ короткими промежутками льготы, безспорно имѣлъ пагубное вліяніе на бытъ, экономическое положеніе и вообще на народный характеръ населенія. Нельзя сказать, чтобы правительство это совершенно игнорировало, но едва-ли оно сознавало всю глубину той нравственной и экономической бездны, въ которую толкало сибирскихъ казаковъ положеніями 1808 и 1846 годовъ.

Желая прійти на помощь населенію, правительство, положеніемъ 1846 г., опредѣлило все обмундированіе, снаряженіе, оружіе и коня давать отъ войска, т. е. приняло на счетъ войсковой казны; оставило довольствіе малолѣтковъ провіантомъ, отъ 2-хъ до 20 лѣтняго возраста, по прежнему на своемъ попеченіи ([10]). Фуражъ отпускался натурою или деньгами каждому на одну, а въ походѣ на 1½ лошади, такъ какъ принято было за правило, чтобы каждые два казака имѣли одну общую собственную вьючную лошадь, для перевозки ихъ имущества, на которую въ походѣ и выдавался фуражъ, какъ на строевую. Въ концѣ 1854 года этотъ порядокъ для казаковъ Заилійскаго отряда нѣсколько измѣненъ: на вьючныхъ лошадей отряда было разрѣшено казакамъ отпускать ремонтныя деньги по 17 рублей въ годъ каждому ([11]), почему отпускъ фуража на вьючныхъ лошадей отряда былъ прекращенъ ([12]), но это продолжалось не долго.

13 декабря 1855 года къ сибирскимъ полкамъ въ этомъ отношеніи было примѣнено донское положеніе ([13]), по которому каждые десять строевыхъ казаковъ должны были имѣть одну общую собственную вьючную лошадь, довольствовавшуюся на казенный счетъ ([14]). Этимъ-же указомъ ([14]) опредѣлено сѣно и овесъ на казачьихъ лошадей, въ мирное время, отпускать только въ теченіе 10 мѣсяцевъ въ году, два-же мѣсяца довольствовать подножнымъ кормомъ, а въ военное время, т. е. въ походѣ, фуражъ отпускать круглый годъ ([13]).

Въ виду освобожденія казаковъ отъ обязанности имѣть собственныя—одежду, снаряженіе, вооруженіе и лошадей—жалованіе именьшено и назначено въ годъ: старшимъ урядникамъ 10 р. 65 к., младшимъ 4 р. 80 к., приказнымъ и казакамъ 3 р. 45 к., фельдшерамъ 33 р. 60 к. *), одинаково—на войсковой территоріи и внѣ ея. Точно также уравненъ и провіантъ,—прежняя, по положенію 1808 года, походная дача—обращена въ постоянную.

*) Объ офицерахъ—все подробно въ особомъ очеркѣ.

Правильнаго артельнаго довольствія приваркомъ у казаковъ не существовало и этимъ положеніемъ установлено не было. Съ 14 января 1838 г. казаки получали деньгами или натурою - строевые три мясныхъ порціи въ недѣлю, а нестроевые — двѣ. Съ конца ноября 1859 г. этотъ порядокъ былъ измѣненъ и сибирскіе казаки впервые стали получать приварочныя деньги по 9 рублей въ годъ на человѣка ([15]). До этого, еще съ 1 января 1850 г., казакамъ, находившимся на службѣ внѣ предѣловъ войска, былъ разрѣшенъ безденежный отпускъ соли, составлявшей тогда правительственную регалію, по 20 фунтовъ въ годъ на человѣка или взамѣнъ ея деньгами ([16]).

Съ введеніемъ положенія 1846 г. предметы вооруженія остались тѣ-же—что и ранѣе, за исключеніемъ карабиновъ, замѣненныхъ драгунскими ружьями, къ которымъ въ 1851 г. добавленъ штыкъ ([17]).

Въ 1857 г. пистолеты были исключены изъ вооруженія всѣхъ вообще сибирскихъ казаковъ ([18]), а черезъ годъ съ небольшимъ снова введены, но на вооруженіе только резервныхъ и отставныхъ ([19]).

Вообще-же служба сибиряковъ по положенію 1846 года формулировалась такъ: „Полки и батареи обязаны: 1) охранять сибирскую пограничную линію на всемъ протяженіи, занимаемомъ войскомъ; 2) содержать таможенную стражу на рубежѣ киргизской степи; 3) защищать внѣшніе киргизскіе приказы и исполнять при нихъ полицейскія обязанности; 4) содержать въ степи военные посты и комуникаціонные пикеты; 5) составлять лѣтніе резервы; 6) высылать отряды на томскіе золотые пріиски для полицейскаго порядка; 7) комплектовать нижними чинами жандармскія команды 8 округа корпуса жандармовъ; 8) заселять вновь учрежденныя правительствомъ линіи, укрѣпленія и посты и защищать ихъ; 9) по повелѣнію выходить на службу куда будетъ назначено". Резервныя-же команды должны: „1) составлять пограничную и таможенную стражу въ пособіе строевымъ казакамъ; 2) отбывать ямщиками почтовую и земскую гоньбу въ киргизской степи и по всей кордонной линіи; 3) помогать строевымъ казакамъ въ заготовленіи сѣна для строевыхъ лошадей и 4) имѣть присмотръ или производить работы на войсковыхъ хозяйственныхъ заведеніяхъ".

Изъ этого перечня обязанностей часть уже была разсмотрѣна раньше, часть—органически связана съ бытомъ или имѣетъ прямое отношеніе къ организаціи путей сообщенія, почему и будетъ разсмотрѣна въ соотвѣтствующихъ очер-

кахъ, а фактическое отправленіе службы составитъ предметъ военно-историческихъ очерковъ настоящаго изданія. Здѣсь-же, въ заключеніе разсмотрѣнія „положенія 1846 г.“ остается сказать объ отпускахъ и льготахъ отъ службы, а точно такъ-же о строевыхъ правилахъ или вѣрнѣе о боевыхъ тактическихъ пріемахъ.

Отпуски и льготы отъ службы.

Отпускъ во время службы казакамъ давался только въ особо исключительныхъ случаяхъ, ограничивался обыкновенно однимъ мѣсяцемъ, а льгота предоставлялась только отъ очереди на службу во внѣшніе округа и отъ дальнихъ командировокъ, по причинамъ весьма не многочисленнымъ и самымъ важнымъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе разоренія хозяйства отъ пожара и т. п. Безусловною-же льготою отъ полевой и внутренней службы пользовались только тѣ урядники и казаки, которые имѣли трехъ служащихъ сыновей, жившихъ съ ними нераздѣльно. Переселенцамъ была опредѣлена, какъ норма—двухъ-лѣтняя льгота.

Строевыя правила.

Строевыхъ правилъ или уставовъ Сибирское войско, какъ вообще и всѣ другія казачьи войска, до 1838 г.—не имѣло. До этого времени въ немъ примѣнялась ([20]) полевая инструкція донскихъ полковъ, утвержденная въ 1835 г. ([21]), заключавшая въ себѣ разнообразныя правила: о чинопочитаніи, о порядкахъ на маршѣ и въ лагеряхъ, о караульной службѣ, о способахъ военныхъ дѣйствій казаковъ, о довольствіи, о раздѣлѣ военной добычи, о сторожевой службѣ и т. п.

Въ этой инструкціи для настоящаго очерка представляютъ особый интересъ правила о способахъ военныхъ дѣйствій и о военной добычѣ.

Первый параграфъ (136) части инструкціи, содержащей постановленіе для военныхъ дѣйствій, говоритъ: „Въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля построеніе полка не подчиняется новымъ правиламъ, но удерживается образъ служенія, издревле введенный, по легкости и простотѣ оборотовъ толико свойственный казакамъ и въ пользѣ своей опытами утвержденный“. Этотъ „образъ служенія“ представляетъ веденіе боя „лавами“, т. е. длиннымъ одношереножнымъ строемъ, въ которомъ всадники располагаются въ линіи, на нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи, достаточномъ для свободнаго дѣйствія пикой. Цѣлому полку инструкція рекомендуетъ строить двѣ лавы или, вѣрнѣе, лавы въ двѣ линіи. Передняя лава представляетъ одну непрерывную линію всадниковъ, вторая-же линія, резервная, состоитъ изъ двухъ лавъ, строющихся уступами за обоими флангами передней, приблизительно въ 60 саженяхъ позади нея. Резервныя лавы наступаютъ вслѣдъ за пе-

редней, не закрывая, однако, своими флангами ея тыла. Въ случаѣ успѣха удара первой лавы—резервныя охватываютъ противника съ фланговъ и тыла; если-же передняя лава смята врагомъ—казаки ея уходятъ за вторую линію въ промежутокъ между резервными лавами, а вторая линія бьетъ наступающаго противника во фланги и тылъ, стараясь задержать его и дать время смятой лавѣ вновь выстроиться и повторить ударъ. Если-же по обстановкѣ окажется болѣе выгоднымъ вести нелобовую атаку, то резервныя сотни строютъ одну общую лаву, вытягиваясь, опять таки, уступомъ за наружнымъ флангомъ передней лавы и угрожая противнику атаковать въ тылъ

Подобный боевой порядокъ и такой способъ веденія коннаго боя, конечно не безъ отступленій и измѣненій въ зависимости отъ обстановки и находчивости командира, рекомендуется безразлично всѣмъ отрядамъ—большимъ или меньшимъ полка.

Въ правилахъ о военной добычѣ правительство санкціонировало старое обычное право казаковъ на добычу и ея дѣлежъ, по которому всякая военная добыча составляла частное достояніе добытчиковъ, поэтому правила, установивъ, что подъ „военною добычею разумѣется всякая *собственность вооруженнаго непріятеля*, отнятая съ бою", опредѣляютъ: добытое цѣлымъ полкомъ принадлежитъ всему полку, добытое отдѣльной партіей—только этой партіи, отбитое-же отдѣльнымъ лицомъ—составляетъ собственность этого лица. Особенно отличившіеся въ бою офицеры и нижніе чины, при дѣлежѣ добычи, получаютъ двойную часть противъ своихъ товарищей, а не бывшіе въ бою не пользуются и долей въ добычѣ, за исключеніемъ командированныхъ по службѣ. Уличенные трусы не только не имѣли своей доли въ общей добычѣ, но у нихъ отбиралось даже и то, что они иногда успѣвали присвоить, а затѣмъ они подвергались еще и тѣлесному наказанію передъ лицомъ своихъ товарищей.

Отбитыя-же у непріятеля лошади, по иструкціи, не составляли, въ общепринятомъ смыслѣ, добычи. Такъ какъ по нѣкоторымъ другимъ причинамъ и главнымъ образомъ „по свойству казачьей службы пріобрѣтеніе лошадей отъ непріятеля въ добычу для донскихъ полковъ всегда удобно и не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію", говоритъ пунктъ „в" §-фа 300-го инструкціи, то поэтому производившійся отъ казны денежный отпускъ за убитыхъ въ бою лошадей—прекращенъ и такая убыль должна была пополняться изъ военной добычи. Этотъ взглядъ и это правило, помимо общаго

примѣненія донской инструкціи къ Сибирскому войску, были примѣнены ко всѣмъ войскамъ, и къ Сибирскому въ частности, еще особымъ законодательнымъ актомъ 7 октября 1851 г. (22).

По инструкціи всѣ лошади, кѣмъ-бы то ни было отбитыя у непріятеля, составляли собственность полка (у сибиряковъ -отряда) и обращались прежде всего на пополненіе всякой убыли строевыхъ, вьючныхъ и обозныхъ лошадей, послѣ чего выдѣлялся запасъ по три на сотню и уже затѣмъ только излишекъ могъ быть проданъ, а вырученныя деньги дѣлились, какъ добыча. Но при этомъ добытчикамъ лошадей не запрещалось по ихъ собственному почину обмѣнивать своихъ худшихъ лошадей на отбитыхъ лучшихъ.

Такимъ образомъ, въ инструкціи донскимъ полкамъ, по части собственно строевой, заключались техническіе казачьи боевые пріемы, но совокупныхъ построеній и движеній цѣлыхъ полковъ или сотенъ въ составѣ полка, приноровленныхъ больше для парадовъ и представленій—она не содержала, почему на одномъ изъ смотровъ и не удовлетворила Императора Николая I-го, предпочитавшаго, хотя и не имѣвшія для казаковъ, какъ легкой конницы, практическаго значенія, красивыя и импонирующія движенія сомкнутаго строя регулярныхъ полковъ (23). Вслѣдствіе этого инструкція была дополнена „правилами для состава и построенія казачьихъ полковъ", утвержденными въ 1838 году и обязательными для всѣхъ казачьихъ войскъ (23). Эти правила представляютъ первый строевой казачій уставъ, которымъ были введены. двухшереножный строй, раздѣленіе сотенъ на четыре взвода, а взводовъ на четырехъ и трехрядныя отдѣленія, повороты отдѣленіями и заѣзды взводами, колонны и пять видовъ церемоніальнаго марша, но какихъ либо новыхъ практическихъ правилъ для боя уставъ не заключаетъ. Относительно пѣшаго строя—правила въ своемъ заключительномъ 48-мъ §-фѣ рекомендуютъ только: „держаться во всемъ правилъ о пѣшей службѣ легкихъ кавалерійскихъ полковъ; причемъ казакамъ быть всегда безъ пикъ, съ шашками въ рукахъ, а ружья имѣть на спинѣ". Въ пояснительномъ вступленіи къ правиламъ между прочимъ упомянуто: „что со введеніемъ сихъ основныхъ правилъ расчета и общихъ движеній, нисколько не отмѣняются издревле существующія дѣйствія въ полѣ казачьихъ войскъ, кои, по роду ихъ службы, имъ свойственны и толикими опытами въ пользѣ своей уже дознаны" (23). Но не смотря на такое признаніе, стремленіе высшихъ военно-бюрократическихъ сферъ подавить непонятную имъ самобытную

тактику казачьихъ войскъ и привить казакамъ, во что бы то ни стало, регулярный строй—одержало верхъ Въ этомъ направленіи проявилъ горячее участіе даже и шефъ жандармовъ Бенкендорфъ, который въ 1841 году составилъ новый уставъ „краткія правила строевой службы для иррегулярнаго войска“ (24), утвержденныя Императоромъ Николаемъ I, вводившія сигналы на трубѣ. Однако въ уставѣ Бенкендорфа, при практическомъ его примѣненіи, оказались такіе недостатки, что уже въ 1842 году былъ составленъ для его пересмотра особый комитетъ, въ составъ котораго попали только два лица, имѣвшихъ представленіе о казакахъ и ихъ службѣ. Комитетъ хотя и скоро выполнилъ возложенное на него порученіе, но разныя побочныя обстоятельства и оказавшіеся недостатки въ проэктѣ задержали его изданіе (24).

Наконецъ, составленіе проэкта строевыхъ уставовъ для казачьихъ войскъ было поручено начальнику штаба войска Донского—генералу Хомутову, который и исполнилъ порученіе въ 1846 году. Составленный имъ проэктъ, по дополненіи его правилами для пѣшаго строя, въ 1849 году былъ утвержденъ подъ названіемъ „правила для состава построеній и движеній въ войскахъ казачьихъ“ (24)

Съ строевымъ уставомъ въ этомъ видѣ, потомъ въ 1854 году нѣсколько дополненномъ (25), Сибирское войско, какъ и всѣ другія казачьи войска, вступило въ эпоху царствованія Императора Александра II (24). 6 декабря 1849 года былъ изданъ именной указъ „о пожалованіи чинамъ Сибирскаго линейнаго казачьяго войска правъ, чинамъ арміи предоставленныхъ“ (26)—имѣющій, на первый взглядъ, весьма существенное значеніе. Но, такъ какъ, съ одной стороны, въ указѣ нѣтъ ни одного слова, поясняющаго въ какихъ именно правахъ сибирскіе казаки уравниваются съ арміей, а съ другой приниженное положеніе офицеровъ войскового сословія, служба и соединенный съ ней обязательный трудъ казаковъ на войск. хозяйственныхъ заведеніяхъ, а точно такъ же и многіе другіе важные дефекты въ положеніи войска остались безъ измѣненія и по изданіи указа, то все это вмѣстѣ взятое приводитъ къ заключенію, что собственно уравненія никакого и не воспослѣдовало. Такой выводъ особенно подтверждается и мнѣніемъ самого военнаго министерства, учрежденія наиболѣе компетентнаго въ данномъ вопросѣ, которое въ одномъ изъ своихъ представленій въ Государственный Совѣтъ, по вопросу о сословныхъ правахъ казаковъ, высказалось, что „сравненіе казачьихъ чиновъ съ армейскими имѣло цѣлью уяснить ихъ значеніе, но не уровнять ихъ во всѣхъ правахъ и преимуществахъ“ (27).

Положеніе 1861 г.

Съ 1859 года Сибирское войско вступаетъ въ подготовительную стадію къ условіямъ службы по будущему новому положенію.

21 ноября этого года были проведены въ законодательномъ порядкѣ нѣкоторыя измѣненія въ положеніи 1846 года, изъ которыхъ обращаютъ на себя особенное вниманіе: 1) отмѣна обмундированія, снаряженія и вооруженія резервныхъ казаковъ на войсковой счетъ, которымъ, взамѣнъ этого, рѣшено выдавать изъ войсковой казны ремонтныя деньги по 21 р. 45 к. въ годъ на каждаго, но только за время дѣйствительнаго исполненія службы; 2) затѣмъ установленіе принципа, что все довольствіе отъ казны и войска отпускается не за весь 30 лѣтній періодъ службы, какъ это было раньше, а только за время дѣйствительнаго нахожденія на ней ([28]). Вслѣдствіе установленія такого принципа, резервные казаки съ 1 января 1860 г. и были лишены права получать казенный провіантъ ([28]), войско-же приняло на себя обязанность выдавать провіантъ и все прочее довольствіе только на контингентъ годичнаго наряда резервныхъ казаковъ на внутреннюю службу ([29]).

Вѣроятно, приблизительно съ этого-же времени (1859 г.) начинаются усиленныя представленія объ измѣненіи службы и вообще всего положенія Сибирскаго войска, вслѣдствіе чего Императоръ Александръ II 23 марта 1860 г. изъявилъ свое согласіе на коренное преобразованіе войска ([30]).

Пока вырабатывались основныя начала новаго положенія, въ службѣ сибирскихъ казаковъ были произведены нѣкоторыя измѣненія, изъ которыхъ для настоящаго очерка является наиболѣе существеннымъ замѣна войсковыхъ строевыхъ лошадей собственными казачьими, произведенная къ 1 сентября 1860 г. Въ этомъ случаѣ войсковая администрація пришла на помощь находившимся на службѣ казакамъ, уступивъ имъ безплатно въ собственность всѣхъ войсковыхъ строевыхъ лошадей ([31]).

Въ это-же приблизительно время возникъ вопросъ объ образованіи Заилійскаго пѣшаго казачьяго баталіона, не получившій, однако, впослѣдствіи практическаго разрѣшенія.

Наконецъ, 5 марта 1861 г. утверждены, а 13 марта обнародованы основныя начала новаго положенія ([32]), которыми опредѣлены слѣдующія измѣненія въ службѣ сибирскихъ казаковъ: „1) нарядъ на службу производить только въ мѣрѣ дѣйствительной надобности, т. е. надобности военной, государственной, а не войсковой—хозяйственной; 2) Не вошедшимъ въ наряды предоставить пользоваться до будущей оче-

реди безусловною льготою для устройства домашняго хозяйства, исключая времени, назначеннаго для смотровъ и практическихъ занятій; 3) срокъ очередной внѣшней службы назначить двухлѣтній, дабы дать свободнымъ отъ очередныхъ нарядовъ казакамъ возможность воспользоваться болѣе продолжительною льготою и не менѣе 4-хъ лѣтъ, т. е. служба обращена въ регулярно-перемежающуюся и изъ каждыхъ 6 лѣтъ казакъ несъ дѣйствительную строевую службу два года, а 4 года былъ на льготѣ, живя дома; 4) отпускъ казакамъ срочной мундирной одежды и аммуниціи, а точно такъ-же снабженіе ихъ лошадьми—отмѣнить, замѣнивъ все это довольствіе, на общемъ для казачьихъ войскъ основаніи, ремонтною дачей однимъ только поступающимъ на дѣйствительную службу по 21 р. 45 к. въ годъ каждому съ тѣмъ, чтобы при пособіи этой суммы каждый казакъ снаряжался впредь на службу на собственный свой счетъ отъ избытковъ домашняго своего хозяйства; 5) для неимущихъ и неимѣющихъ собств. хозяйства казаковъ допускать временныя при командированіи ихъ на внѣшнюю службу пособія, съ возвратомъ или безъ возврата, изъ ремонтной дачи, смотря по степени и причинѣ неимущества; 6) для лучшаго исправленія такихъ казаковъ къ службѣ—дозволить обмѣнъ очередями и наемъ на службу на указанныхъ другимъ казачьимъ войскамъ основаніяхъ и, наконецъ, 7)—освободить резервныхъ казаковъ отъ обязательнаго труда на войсковыхъ хозяйственныхъ заведеніяхъ для занятій собственнымъ своимъ хозяйствомъ".

Сравнительное достоинство приведенныхъ нововведеній, вытекающее изъ предъидущихъ обзоровъ предшествовавшихъ положеній,—говоритъ само за себя и не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій.

Самымъ-же положеніемъ 1861 года(33) служба казаковъ была раздѣлена на полевую и внутреннюю. Общій срокъ выслуги оставленъ прежній 30-ти лѣтній.

Казакъ зачислялся на службу 19 лѣтъ, приводился къ присягѣ, получалъ одинъ годъ безусловной льготы и затѣмъ 20-ти лѣтъ поступалъ на дѣйствительную строевую службу, которая дѣлилась у него на четыре очереди по шести лѣтъ въ каждой. Какъ выше уже было сказано, каждая такая очередь состояла изъ 2 лѣтъ службы и 4-хъ льготы. Остальныя пять лѣтъ выслуги онъ отбывалъ на внутренней службѣ, совершенно утратившей свое тяжелое значеніе по новому положенію, и затѣмъ на пятидесятомъ году жизни получалъ отставку.

Изъ послѣдующихъ измѣненій въ службѣ сибирскихъ ка-

заковъ обращаютъ на себя вниманіе—введеніе награды за сверхсрочную службу и сокращеніе срока службы,—то и другое послѣдовало въ 1866 году.

Право, предоставленное нижнимъ чинамъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ на награду серебряными медалями на Анненской лентѣ, съ надписью „за усердіе", за добровольный отказъ отъ отставки и поступленіе на вторичную службу. 7 мая было распространено на всѣ казачьи войска(34), а 28 октября объявленъ именной указъ, коимъ Императоръ Александръ II повелѣлъ всѣмъ чинамъ казачьихъ войскъ, а въ томъ числѣ и Сибирскаго, „въ видахъ облегченія службы казаковъ и предоставленія имъ средствъ къ улучшенію домашняго своего быта", назначить обязательный срокъ службы: для полевой 15, а для внутренней—7 лѣтъ, т. е. общій срокъ выслуги былъ сокращенъ на 8 лѣтъ(35).

Б Ы Т Ъ

Сибирскихъ казаковъ въ Семирѣченскихъ поселеніяхъ; ихъ экономическое положеніе, характеръ, взаимоотношенія съ туземцами и проч. условія, вліявшія на складъ ихъ быта и жизни.

Первоначальный укладъ быта переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, помимо достоинствъ ихъ личнаго состава, прежде всего зависитъ отъ природныхъ условій колонизуемой страны, отъ степени предварительнаго знакомства съ этими условіями, а точно такъ-же и отъ той помощи, которая естественно ожидается отъ колонизующаго страну правительства.

Въ Семирѣченской области, какъ это видно изъ предпосланнаго настоящему труду географическаго очерка при наличности существовавшихъ условій, поселеніями возможно было занимать только подгорныя полосы и нагорныя долины. Здѣсь, при жаркомъ и сухомъ климатѣ, сколько нибудь выгодное земледѣліе возможно только при условіяхъ искусственнаго орошенія(1).

Весь контингентъ переселенцевъ слагался, какъ мы видѣли, изъ двухъ элементовъ—сибирскихъ казаковъ и сибирскихъ крестьянъ, выходцевъ изъ Европейской Россіи, все преимущественно жителей равнинъ, черноземной полосы и умѣреннаго климата, не имѣвшихъ никакого представленія объ искусственномъ орошеніи и работы плугомъ на глинистыхъ и лессовыхъ поляхъ новой родины. Поэтому русскіе поселенцы

здѣсь оказались, въ смыслѣ знанія условій мѣстной культуры, ниже туземцевъ и попали къ нимъ до нѣкоторой степени въ науку.

Туземцы киргизы, тогда еще, какъ чистокровные номады, занимавшіеся земледѣліемъ только по нуждѣ и въ предѣлахъ нужды, конечно, и сами точно не знали всѣхъ условій земледѣлія здѣсь, а потому, даже если-бъ и желали, то не могли бы передать нужныхъ знаній пришельцамъ. Правительство-же въ этомъ отношеніи не пришло на помощь поселенцамъ, не вызвало сюда людей, знакомыхъ съ культурою горныхъ теплыхъ странъ и искусственнымъ орошеніемъ, поэтому поселенцамъ, съ жалкимъ запасомъ свѣдѣній, полученныхъ отъ работающихъ рядомъ туземцевъ, самимъ пришлось добывать горькимъ опытомъ нужныя знанія мѣстной культуры.

Конечно, при подобныхъ условіяхъ, земледѣліе, единственный тогда промыселъ казаковъ, не могъ получить здѣсь быстраго развитія, не могъ оказать замѣтную помощь населенію, не оказалъ онъ эту помощь и правительству, вынужденному поэтому доставлять изъ Сибири муку, отчасти и овесъ не только въ Аягузъ или Капалъ, но даже и въ Заилійскій край (2).

Генералъ-губернаторъ Зап.-Сибири не нашелся помочь въ этомъ случаѣ и, какъ самъ сознается въ одномъ изъ своихъ представленій, онъ только отдавалъ „особенныя распоряженія“ и настойчиво требовалъ отъ подчиненной администраціи принуждать казаковъ Капальской и Аягузской станицъ усиленнѣе заниматься „хлѣбопашествомъ“ (2). Такая помощь конечно не имѣла значенія и не подвинула дѣла впередъ. Несравненно большее значеніе могло имѣть обращеніе въ 1855 году генералъ-губернатора Зап. Сибири къ русскому консулу въ Кульджѣ, Захарову, выслать въ укрѣпленіе Вѣрное огородныя сѣмена, пригодныя для культуры въ казачьемъ хозяйствѣ Заилійскаго края и саженцы фруктовыхъ деревьевъ. На основаніи обѣщанія консула исполнить просьбу, генералъ Гасфордтъ предложилъ приставу при киргизахъ Б.-Орды Перемышльскому—по полученіи сѣмянъ и саженцевъ изъ Кульджи, устроить возлѣ укрѣпленія Вѣрнаго небольшое опытное поле, поручивъ уходъ за растеніями на немъ способному къ дѣлу человѣку подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ. Что и какъ было сдѣлано въ этомъ направленіи—свѣдѣній не сохранилось, но, какъ увидимъ ниже, впослѣдствіе это опытное поле послужило основаніемъ къ развитію въ краѣ садоводства *).

*) См. ч. II, гл. 2-ю ст. «Садоводство».

При изложенныхъ условіяхъ первоначальнаго приложенія труда въ странѣ—временная льгота отъ службы и помощь въ продовольствіи пріобрѣтали для поселенцевъ особое значеніе.

Двухлѣтняя льгота отъ службы давала возможность устроить жилища, спокойно и внимательно присмотрѣться къ новымъ условіямъ жизни. Казенный паекъ на семью обезпечивалъ первыя потребности жизни на первыхъ порахъ, но, въ то-же время, будучи, такъ сказать, даровымъ и обязательнымъ, исключалъ настойчивость и энергію въ трудѣ, поддерживая этимъ отрицательныя стороны характера.

Какъ велико было развращающее вліяніе этого дарового пайка—доказываетъ слѣдующій фактъ.

Семьи переселенцевъ, какъ уже было сказано раньше, получали казенный провіантъ только въ теченіе двухъ льготныхъ лѣтъ. Крестьяне, приписанные въ казаки, поселились въ станицахъ Софійской и Надеждинской въ 1858 и 59 годахъ, а поэтому съ 1 января 1861 г. всѣмъ имъ и былъ прекращенъ отпускъ казеннаго провіанта. Кажется, двухъ, совершенно свободныхъ отъ податей и службы лѣтъ было-бы достаточно чтобъ въ богатой и плодородной странѣ запастись хлѣбомъ хотя въ мѣрѣ первой потребности, но не то вышло на дѣлѣ. Получая казенный паекъ въ настоящемъ крестьяне мало думали о будущемъ ([3]), а весною 1861 года, послѣ послѣдней получки казеннаго провіанта, оказались совсѣмъ безъ хлѣба и въ обѣихъ станицахъ среди этихъ крестьянъ начался форменный голодъ Мѣстная администрація вынуждена была помогать голодающимъ: имъ оказана была заимообразная денежная помощь и возобновлена до 1 октября 1861 года выдача казеннаго провіанта, но уже заимообразно, въ размѣрѣ двухъ четвер. муки въ мѣсяцъ на каждую голодающую семью ([4]).

Переселенцы только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ прибывали весною, обыкновенное же время появленія ихъ на мѣстахъ поселенія совпадало чаще съ началомъ іюня и тянулось до глубокой осени. Казаки, какъ болѣе организованные, приходили обыкновенно въ концѣ мая и іюня, крестьяне же значительно запаздывали, но во всякомъ случаѣ, какъ тѣ, такъ и другіе упускали время посѣва въ первый годъ переселенія. Поэтому первый годъ употреблялся на обзаведеніе жилищами и рабочимъ инвентаремъ, а продовольствовались до будущаго урожая исключительно казеннымъ пайкомъ. Паекъ же этотъ заключался только въ мукѣ, перепекаемой самими поселенцами въ хлѣбъ, то слѣдовательно всю пищу главной ихъ массы составляли хлѣбъ и вода и иногда, можетъ быть, чай([5]).

Такъ какъ администрація снабжала поселенцевъ только сѣменнымъ хлѣбомъ(6), а объ огородныхъ сѣменахъ не воз буждался и вопросъ, достать-же ихъ въ странѣ съ кочевымъ населеніемъ было нельзя, а на покупку убойнаго скота посе ленцы не имѣли средствъ, то слѣдовательно, и по снятіи первыхъ урожаевъ, пищей для большинства остался исклю чительно тотъ же хлѣбъ, вслѣдствіе чего, на почвѣ недоѣда нія и истощенія, а точно такъ-же недоброкачественности раз ной дополнительной пищи, мѣстами развивался голодный тифъ(5), вынуждавшій у мѣстной администраціи помощь на улучшеніе питанія населенія(5).

Таковы были условія первыхъ лѣтъ жизни поселенцевъ въ новой странѣ.

Здѣсь нужно замѣтить, что въ средѣ поселенцевъ наи большую нужду терпѣли крестьяне, какъ вслѣдствіе своего худшаго въ массѣ состава, такъ и по причинѣ меньшаго зна комства съ жизнью въ совершенно для нихъ новой странѣ; казаки-же, какъ привыкшіе за свою долгую службу къ усло віямъ жизни въ степи, среди кочевниковъ, болѣе освѣдомлен ные, болѣе смѣтливые и знавшіе въ совершенствѣ туземный языкъ, легче примѣнялись здѣсь къ быту, стойко встрѣчали и легче переносили невзгоды.

Общее наблюденіе за устройствомъ поселенцевъ на но выхъ мѣстахъ лежало на войсковомъ наказномъ атаманѣ и командирѣ 4-й сибирской казачьей бригады, ближайшее— на командирѣ 10 полка и приставѣ при киргизахъ Большой Орды*), а непосредственное—на начальникахъ отрядовъ(7).

Въ данномъ случаѣ наблюденіе не есть только обязан ность указать мѣста для поселенія и водворить тамъ извѣст ный порядокъ, оно помимо этого должно заключаться еще въ знаніи наблюдающими мѣстныхъ условій страны и въ умѣніи примѣнить эти знанія въ пользу подчиненнаго населенія.

Изъ очерка-же административнаго устройства мы знаемъ, что всѣ перечисленныя лица были только офицеры, люди здѣсь новые, не знакомые, за исключеніемъ начальниковъ от рядовъ, ни съ бытомъ, ни съ характеромъ населенія и всѣ вообще—не знавшіе условій культуры и жизни въ колонизуе мой странѣ.

Эти наблюдающія лица могли только, какъ и генералъ-губернаторъ Зап.-Сибири, дѣлать распоряженія и принужде нія, а преподать что либо существенное, вдохнуть энергію и научить поселенцевъ пріемамъ борьбы съ природой—сов сѣмъ не могли. Такой составъ администраціи, въ связи съ

*) Онъ-же потомъ и начальникъ Алатавскаго округа.

преобладающими отрицательными качествами въ характерѣ поселенцевъ, далъ въ результатѣ крайне тугое развитіе поселеній въ странѣ и въ частности хозяйства казаковъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, желая наладить дѣло, мѣстная администрація являлась иногда и прямо съ непригодными мѣрами.

Лепсинская станица, расположенная въ мѣстности, еще и понынѣ (1906 г.) изобилующей лѣсами, отличалась особенной беззаботностью въ домоустройствѣ. Администрація, желая помочь этому горю, устроила образцовый станокъ для выдѣлки кирпича, отправила его въ Лепсинскую станицу, обязала казаковъ строить себѣ дома непремѣнно изъ сырцоваго кирпича, изготовляемаго неукоснительно по образцу этого станка и командировала даже туда особаго офицера для наблюденія и ускоренія постройки. Командиръ-же 4-й бригады требовалъ отъ командира 10 го полка представленія особыхъ двухнедѣльныхъ вѣдомостей о движеніи постройки казаками домовъ, какъ во всемъ 10-мъ полку, такъ и въ Лепсинской станицѣ въ частности ([8]). Въ результатѣ-же—и въ настоящее время въ Лепсинской станицѣ каменные дома рѣдкость, причиной чему является то простое обстоятельство, что казаки и крестьяне, прійдя изъ богатѣйшей въ мірѣ лѣсами страны, совсѣмъ почти не имѣли понятія о постройкахъ изъ кирпича, требовавшихъ особыхъ уже техническихъ знаній, которыя мѣстныя власти имъ и преподать не могли.

Помимо всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій еще и взаимоотношенія поселенцевъ и туземцевъ ставили массу препятствій мирному развитію колоній.

Изъ очерка наступательнаго движенія мы видѣли, что въ юго-заподную часть страны Средней Орды, названную потомъ Аягузскимъ внѣшнимъ округомъ, русскіе были призваны самими киргизами и являлись здѣсь въ глазахъ кочевниковъ до нѣкоторой степени защитниками ихъ противъ соплеменниковъ Б.-Орды. Семирѣчье русскіе заняли хотя и не совсѣмъ по добровольному, но во всякомъ случаѣ по соглашенію съ туземцами и опять таки въ качествѣ союзниковъ противъ кокандскихъ притязаній. Такимъ образомъ на всей этой территоріи русскіе являлись желанными союзниками если и не для всей массы киргизъ, то для ихъ аристократіи—неоспоримо.

Въ Заилійскомъ-же краѣ, наиболѣе богатомъ и гуще заселенномъ, находившемся уже въ извѣстной степени въ зависимости отъ кокандцевъ, русскіе являлись для всей, безъ исключенія, массы киргизъ только завоевателями. Изъ этого естественно вытекаетъ, что отношенія туземцевъ къ русскимъ

должны были быть, и дѣйствительно были, далеко не одинаковы во всей странѣ. Если отношенія эти нельзя назвать вполнѣ мирными даже въ Аягузскомъ округѣ и Семирѣчьѣ, гдѣ они протекали безъ рѣзко проявленныхъ вспышекъ и только, до нѣкоторой степени, тормозили мирное развитіе колоній, то этого нельзя сказать о Заилійскомъ краѣ, гдѣ кочевое населеніе, возбуждаемое кокандцами, питавшими въ немъ надежду при ихъ помощи сбросить ненавистное иго, проявляло особенную вражду къ завоевателямъ. Киргизы внезапно нападали на работавшихъ въ полѣ или горахъ казаковъ, убивали ихъ, а если представлялась возможность—уводили въ плѣнъ (9).

Еще въ 1855 году командиръ отдѣльнаго сибирскаго корпуса особенно предупреждалъ пристава Перемышльскаго: „чтобы люди, командируемые изъ укрѣпленія Вѣрнаго для подвоза къ нему строительныхъ матеріаловъ, а такъ-же за сѣномъ, дровами или по другимъ хозяйственнымъ надобностямъ, были бы сами по себѣ хорошо вооружены, имѣли-бы при себѣ надежный конвой, вполнѣ вооруженный исправнымъ оружіемъ, имѣя ружья и пистолеты заряженными и достаточное количество патроновъ" (10).

Но не смотря на эти предосторожности и всѣ мѣры къ умиротворенію Заилійскаго края, непріязненное отношеніе туземнаго населенія, усиленно возбуждаемаго кокандцами противъ русскихъ, къ 1860 году дошло до такого напряженія, что казаки могли работать въ полѣ только вооруженными партіями, а никакъ ни семьями или, тѣмъ болѣе, въ одиночку, а затѣмъ еще и охранять свои посѣвы отъ враждующихъ кочевниковъ(11).

Такія обстоятельства конечно крайне стѣсняли казаковъ, отнимали массу времени и лишали тѣхъ результатовъ труда, которые были-бы возможны при иномъ положеніи вещей.

Въ этомъ-же году, подъ вліяніемъ кокандцевъ и не безъ помощи зарубежныхъ киргизъ, въ районахъ Каскеленской и Алматинской станицъ туземцы произвели одновременное нападеніе на работавшихъ въ полѣ казаковъ, захватили ихъ мѣстами врасплохъ, многихъ увели въ плѣнъ и многихъ убили (9), а казенный хуторъ на р. Или—сожгли (12).

Этотъ послѣдній случай заставилъ, наконецъ перемѣнить тактику и по отношенію киргизъ. Въ краѣ было введено военное положеніе, командиръ отдѣльнаго сибирскаго корпуса предписалъ начальнику Алатавскаго округа распорядиться высылать не только изъ отрядовъ, но изъ всѣхъ станицъ казачьи разъѣзды, которые обязать истреблять всѣ встрѣчающіяся вооруженныя партіи киргизъ, устраивать имъ засады,

преслѣдовать ихъ до границы, а отсюда угрожать внезапнымъ нападеніемъ на зачуйскихъ киргизъ и кокандцевъ (9).

Вслѣдствіе этого, помимо усиленныхъ нарядовъ на полевую службу, льготные, строевые, резервные и даже отставные казаки всего Алатавскаго округа, вмѣсто работы на своихъ поляхъ, отвлекались на содержаніе разъѣздовъ для охраны станицъ (13).

Но при всѣхъ этихъ мѣрахъ предосторожности общее положеніе было таково, что мѣстныя власти не считали населеніе безопаснымъ въ неукрѣпленныхъ станицахъ, а потому съ 1860 года и приступили къ укрѣпленію всѣхъ станицъ, начиная съ Алматинской(14). Планы укрѣпленія станицъ получили Высочайшее утвержденіе, а самое укрѣпленіе заключалось въ обнесеніи станицъ брустверомъ со рвомъ и, кромѣ того, для Алматинской, какъ административнаго центра, расположеннаго притомъ по пути наступленія, на который предпочтительно могъ обрушиться ударъ соединенныхъ мѣстныхъ и зарубежныхъ враждебныхъ силъ, проэктировалась постройка трехъ блокгаузовъ, дававшихъ возможность фланговой обороны огнемъ фасовъ станичнаго укрѣпленія(14).

Укрѣпленіе станицъ Заилійскаго края было начато съ конца сентября 1860 года полковникомъ Циммерманомъ, временно посланнымъ изъ Омска для командованія экспедеціоннымъ отрядомъ въ при—Чуйскій край и производилось подъ наблюденіемъ поручика гренадерскаго сапернаго баталіона Гаккеля(15), и работы выполнялись по наряду самимъ казачьимъ населеніемъ(14 и 15). Затѣмъ, въ каждую станицу было назначено по особому офицеру, на обязанность которыхъ, кромѣ наблюденія за благоустройствомъ и обученія военному дѣлу казаковъ изъ крестьянъ, было возложено и руководство оборономъ станицъ(16).

Существовавшій взглядъ на имущество побѣжденнаго, какъ на собственность побѣдителя—тоже, вѣроятно, имѣлъ большее вліяніе въ установленіи извѣстныхъ взаимоотношеній.

Совершенно огрубѣвшіе отъ постоянной жизни въ степи нравы казаковъ поддерживались въ своемъ низменномъ направленіи еще и поощреніями самой высшей власти Сибири. Генералъ Гасфордтъ въ своемъ письмѣ начальнику Алатавскаго округа, Колпаковскому, прямо говоритъ: „Не стѣснять слишкомъ нашихъ удальцовъ, если послѣ побѣды и при наказаніи измѣнниковъ они чѣмъ нибудь поживутся. Справедливая пожива поощритъ казаковъ старыхъ и юныхъ"(17) Подобныя поощренія, въ своихъ послѣдствіяхъ, не нуждаются въ комментаріяхъ, особеннаго при условіи многолѣтняго и постоян-

наго усмиренія кочевого населенія страны, гдѣ для усмиряющихъ не было выгоды и надобности, а для ихъ начальствующихъ возможности, отличить измѣнниковъ отъ вѣрноподданныхъ.

Если ко всѣмъ этимъ неблагопріятно сложившимся обстоятельствамъ, окружавшимъ сибирскаго поселенца съ первыхъ шаговъ его жизни въ новой странѣ, добавить повторительныя принудительныя переселенія изъ однихъ станицъ въ другія уже въ самой колонизуемой странѣ, безусловно вредное вліяніе которыхъ указано въ очеркѣ переселенія, то всего этого было-бы, кажется, достаточно, чтобы понять то чрезвычайно невыгодное положеніе, въ которое были поставлены поселенцы. Но это еще далеко не все.

Помимо приведенныхъ, чисто мѣстныхъ, обстоятельствъ, существовали еще и другія, усугублявшія тяжесть положенія, вытекавшія не изъ окружавшей обстановки, а изъ сущности тѣхъ правъ и обязанностей сибирскихъ казаковъ, которыя опредѣлялись спеціальными законами о нихъ.

Здѣсь ни на минуту не слѣдуетъ упускать изъ вида, что поселенцы, какъ казаки, только отдаленно напоминали собою гражданъ. Это были въ сущности воины, но не въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, а въ особомъ, специфическомъ, созданномъ исключительными условіями русской государственной жизни.

Обыкновенно, какъ вездѣ и всюду принято, воинъ подчиняется суровымъ военнымъ порядкамъ и правиламъ только съ момента призыва его подъ знамена, а до призыва и съ окончаніемъ выполненія повинности—онъ болѣе или менѣе полноправный свободный гражданинъ. Казакъ-же съ 18 лѣтняго возраста и до самой смерти подчинялся, ограничивающимъ индивидуальныя проявленія, военнымъ законамъ, не смотря на то,—жилъ ли онъ въ качествѣ гражданина въ своемъ дому или несъ службу въ полкахъ, отрядахъ или рабочихъ командахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ разсматривался, какъ исключительно военный матеріалъ и какъ таковой—никогда не выходилъ изъ подъ воздѣйствія военнаго начальства, уже по одному своему призванію, представлявшему во всѣ времена противоположный полюсъ гражданственности. Если-же къ этому еще добавить, что право выхода изъ своего сословія, и то весьма ограниченное, казаки впервые получили только въ 1869 г.[28]), то очевидно, что весь укладъ, какъ первоначальнаго, такъ и дальнѣйшаго быта сибирскихъ казаковъ въ Семирѣченскихъ поселеніяхъ становился еще въ прямую и непосредственную зависимость отъ усло-

вій и требованій службы, предъявлявшихся „положеніями“ о нихъ. Эти „положенія“ и дополнительныя къ нимъ узаконенія, систематически построенныя съ цѣлью возможно полнѣе использовать казака, какъ рабочую силу и какъ воина, накладывали на его характеръ извѣстный отпечатокъ, стремясь развить его только въ одномъ опредѣленномъ направленіи и привить слѣпое подчиненіе управляющей имъ волѣ, а потому и принижали его, какъ человѣка и какъ гражданина.

Такая обстановка, дѣйствуя вѣками на казачью массу, создала изъ нея особый типъ, извѣстный только въ русской исторіи, главныя отличительныя черты котораго набросаны уже въ предъидущихъ статьяхъ. Поэтому сибирскаго поселенца въ нынѣшней Семирѣченской области не слѣдуетъ разсматривать, какъ нѣчто свѣжее и новое,—на него нужно смотрѣть, какъ на продуктъ тѣхъ „положеній“, которыя создали этотъ своеобразный типъ на его родинѣ

Припомнивъ здѣсь, какъ невыгодный для колонизаціи страны способъ и составъ поселенцевъ, а точно такъ-же то тяжелое и жалкое положеніе предковъ Семирѣченцевъ въ Сибири въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій, засвидѣтельствованное приведенными въ одной изъ предъидущихъ статей*) отзывами лицъ, едвали склонныхъ сгущать краски, перейдемъ къ разсмотрѣнію законодательныхъ актовъ, имѣвшихъ то или другое значеніе въ бытовомъ отношеніи въ колонизуемой странѣ.

Изъ такихъ актовъ первенствующее значеніе безспорно имѣли вышеприведенныя „положенія“, т. е. законы, опредѣлявшіе обязанности, права и преимущества казаковъ, какъ отдѣльнаго сословія.

Положеніе 1808 г.

Въ періодъ дѣйствія „положенія 1808 г.“, какъ мы уже видѣли раньше, въ предѣлахъ нынѣшней Семирѣченской области было положено основаніе только одному Аягузскому поселенію, до 1847 г. даже почти и не называвшемуся станицей, то поэтому, не выходя изъ предѣловъ настоящей статьи, данное „положеніе“ и можетъ разсматриваться здѣсь—только какъ одна изъ основныхъ причинъ, давшая, въ связи съ другими предъидущими извѣстныя послѣдствія, точнѣе—какъ факторъ, оказавшій опредѣленное вліяніе на складъ народнаго характера, міровоззрѣнія и быта, т. е принявшій замѣтное участіе въ созданіи того типа, о которомъ уже сказано нѣсколько словъ

Положеніе 1846 г.

Послѣдующія два „положенія“ 1846 и 61 года, застав-

*) Въ ст. «Поселеніе Сибирскихъ казаковъ въ Семирѣчьѣ и Заилійскомъ краѣ».

шія сибирскихъ казаковъ уже въ качествѣ колонистовъ на территоріи нынѣшняго Семирѣченскаго войска, трактуютъ главнымъ образомъ о порядкахъ службы и управленія .Распредѣляя эти порядки съ возможной точностью, оба „положенія" тѣмъ самымъ какъ-бы косвенно, но въ дѣйствительности весьма опредѣленно, регламентируютъ бытъ.

Опустивъ здѣсь все военно-административное устройство, совершенно обособлявшее казаковъ отъ другихъ сословій и о которомъ возможно полно все сказано въ особой статьѣ, начнемъ съ того, что „положеніе" 1846 года, подраздѣляя службу на полевую и внутреннюю, на постоянную и срочную и всего на двѣ очереди, ставитъ трудъ казака прямо въ зависимость отъ сроковъ службы. А такъ какъ сроки эти были крайне неопредѣленны, то поэтому казакъ, пробывши годъ на льготѣ, не могъ болѣе или менѣе точно знать—пробудетъ ли онъ дома и весь слѣдующій годъ, почему и не могъ планомѣрно располагать свой трудъ. Если-же припомнить, что трудъ продуктивенъ только при планомѣрности, постоянствѣ и настойчивости, то очевидно, что именно служба и отнимала всѣ эти основы труда, такъ какъ нерѣдко отрывала казака въ минуты наибольшаго напряженія дѣятельности, лишая его этимъ результатовъ труда, подрывая любовь къ нему и разрушая его вѣру въ реальную пользу труда.

Затѣмъ далѣе—съ 19 до 50 лѣтняго возраста казакъ всегда долженъ былъ быть готовъ къ выходу на службу по первому требованію, долженъ былъ являться, помимо службы, еще на разные смотры и къ выполненію земскихъ повинностей—что въ свою очередь совершенно лишало его права свободнаго передвиженія или, иначе говоря—до крайности суживало кругъ его мирной индивидуальной дѣятельности, лишая возможности серьезно заняться такими отраслями промышленности, которыя, какъ напримѣръ торговля, возможны только при условіи свободнаго передвиженія.

На сколько были стѣснены сибирскіе казаки въ этомъ отношеніи, видно изъ того, что „положеніе" 1846 года разрѣшало увольнять служилыхъ казаковъ въ отпускъ только въ особыхъ случаяхъ и то на срокъ не болѣе мѣсяца; даже женщины право отлучекъ изъ мѣста жительства получили только въ 1850 г., причемъ это право было ограничено однимъ годомъ и согласіемъ старшихъ членовъ самей ([18]), а право отлучекъ за предѣлы войсковой территоріи отставнымъ казакамъ, и то только въ „случаяхъ уважительныхъ" было предоставлено уже въ 1852 году и на срокъ до одного года ([19]).

Въ семирѣченскихъ поселеніяхъ сибирскихъ казаковъ, по

примѣру ихъ родины, были только однѣ полковыя или станичныя школы, съ ихъ ничтожной программой и еще меньшими рессурсами, сельскохозяйственныхъ школъ или техническихъ учебныхъ заведеній „положеніе“ совсѣмъ не вредусматривало, поэтому казакъ даже и при желаніи не могъ ничему научиться.

Въ силу сложившихся обстоятельствъ казаку оставался одинъ промыселъ—земледѣліе

Положеніе 1846 года, надѣливъ каждаго сибирскаго казака 30 десятинами земли, однако, времени для обработки этой земли ему не дало, на томъ, вѣроятно, основаніи, что служилый казакъ съ 19-ти лѣтъ получалъ всю одежду, коня и вооруженіе войсковое, т. е. отъ войсковой казны. Но дѣйствительно-ли все это было точно войсковое, а не добытое самимъ казакомъ?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ—припомнимъ при какихъ условіяхъ создалось „положеніе“ 1846 года.

Въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ разореніе частнаго хозяйства казаковъ, какъ слѣдствіе порядка ихъ службы, дошло до апогея ([20]). Комитетъ Гурко 2-го состоялъ преимущественно изъ лицъ, недостаточно знакомыхъ съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ. Разореніе было объяснено не всѣмъ предшествовавшимъ строемъ жизни, не недостатками „положенія 1808 года“, а малой трудоспособностью казачьяго населенія, почему эта „трудоспособность“ и была взята „положеніемъ“, составленнымъ комитетомъ, подъ усиленный контроль мѣстной администраціи, выливщійся въ формѣ обязательнаго труда на войсковыхъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ, долженствовавшихъ, по мнѣнію комитета, дать изрядный доходъ, достаточный для солидной помощи обѣднѣвшему населенію.

По перечню войсковыхъ доходовъ „положенія 1846 г.“, источниками многихъ статей дохода войсковой казны были войсковыя хозяйственныя предпріятія: почта, рыбалки, мукомольныя мельницы, лѣсопильные заводы и т. д., рабочими на которыхъ являлись сами казаки—ихъ почти даровымъ трудомъ существовали эти предпріятія, а доходность съ нихъ обращалась на содержаніе казаковъ, т. е. казаки, главнымъ образомъ, содержали сами себя, но только чрезъ посредство своей администраціи, которая лишь учитывала ихъ трудъ, распредѣляя результ. его „по принадлежности“. Поэтому нельзя сказать, что въ періодъ дѣйствія „положенія 1846 г.“ сибирскій служилый казакъ содержался сполна на казенный или войсковой счетъ. Средства, добываемыя тяжелымъ народнымъ трудомъ, проходя чрезъ фильтръ войсковой казны, расходова-

лись полностью не на нужды самого казака, а по усмотрѣнію войскового управленія, употреблялись и на непроизводительные для него лично расходы, какъ напр., содержаніе администраціи предпріятій и т д.

Очевидно, что обращеніе свободныхъ людей въ рабочую силу безъ реальнаго вознагражденія за трудъ, при условіи устраненія прямого участія въ прибыляхъ отъ предпріятій, въ учетѣ ихъ, не могло не отражаться вредно на народномъ характерѣ казаковъ, для которыхъ активное участіе въ войсковыхъ предпріятіяхъ изъ кооперативнаго обращалось въ крѣпостной трудъ со всѣми его невыгодными послѣдствіями. Если-же къ этому добавить предпріятія, не приносившія доходъ ([21]), то это обстоятельство еще усилитъ только высказанное положеніе.

Хотя сибирскіе казаки Семирѣченскихъ поселеній, за отдаленностью разстоянія отъ главныхъ войсковыхъ центровъ, гдѣ преимущественно были расположены войсковыя хозяйственныя предпріятія, и не могли принимать личнаго участія въ большинствѣ изъ нихъ, но они служили ямщиками, а урядники станціонными смотрителями на войсковыхъ почтовыхъ трактахъ отъ Вѣрнаго до Семипалатинска и отъ Аягуза до Урджара *), т. е. такъ или иначе, но всетаки вносили свою лепту на свое личное содержаніе.

Земскія повинности по положенію 1846 г. заключались въ исполненіи слѣдующихъ обязанностей: 1) содержаніе въ исправности дорогъ, мостовъ, гатей и перевозовъ на войсковой территоріи; 2) всѣ мѣстныя обязанности при проходѣ воинскихъ командъ, ремонтовъ и казенныхъ транспортовъ чрезъ казачьи земли, ихъ временное квартированіе, дача имъ подводъ и вообще доставленіе средствъ къ удобному ихъ слѣдованію и, наконецъ, 3)—препровожденіе арестантовъ.

При оцѣнкѣ стоимости казачьему населенію всѣхъ этихъ повинностей нельзя забывать, что въ колонизуемой странѣ путей сообщенія, въ сущности, совсѣмъ не было—ихъ нужно было пролагать, а затѣмъ, такъ какъ во всѣ почти первыя двадцать лѣтъ занятія нынѣшней Семирѣченской области шло безпрерывное наступательное движеніе впередъ и производились безконечныя экспедиціи для усмиренія волновавшагося туземнаго населенія, для чего, въ свою очередь, требовалось для войскъ много военныхъ припасовъ и продовольствія, доставлявшихся транспортами изъ Сибири, то очевидно—выполненія земскихъ повинностей ложилось тяжелымъ бременемъ на казачье населеніе, отнимая у него массу времени и

*) Объ этой службѣ подробно въ ст. «Пути сообщенія».

труда, которые могли-бы быть приложены къ частному хозяйству казаковъ

Въ важномъ вопросѣ народнаго продовольствія въ случаяхъ неурожая, нападенія саранчи и т. п. „положеніе“ совершенно не даетъ никакихъ указаній и единственнымъ §-мъ по этому вопросу предписываетъ слѣдующее: „командиру отдѣльнаго сибирскаго корпуса предоставляется, по соображеніи мѣстныхъ способовъ, представить на утвержденіе предположенія объ обезпеченіи продовольствія войска на случай неурожаевъ“. А что командиръ отдѣльнаго сибирскаго корпуса изъ „соображенія мѣстныхъ способовъ“ не могъ извлечь ничего полезнаго для населенія и предполагалъ открыть новое „хозяйственное предпріятіе“—будетъ изложено въ особомъ очеркѣ историческаго развитія обезпеченія народнаго продовольствія. Между тѣмъ этотъ пробѣлъ въ „положеніи“ и индиферентное отношеніе къ такому важному вопросу сибирской войсковой администраціи дали себя серьезно почувствовать въ 1863 и 64 годахъ, когда хлѣбо-запасные магазины, учрежденные по „положенію 1861 года“, были еще только въ зародышѣ, а саранча въ Заилійскихъ станицахъ истребила огромную площадь посѣвовъ (22). Изъ войсковой казны пришлось тогда на покупку сѣменного и пищевого хлѣба выдать пострадавшимъ въ ссуду 38 тысячъ рублей (23) съ обязательствомъ возврата деньгами или хлѣбомъ-же чрезъ мѣстные провіантскіе магазины (22).

Затѣмъ далѣе, въ главѣ о правахъ и преимуществахъ войска „положеніе 1846 г.“ говоритъ, что: 1) казаки освобождаются отъ податей, поставки рекрутъ и постояннаго военнаго постоя, но не временнаго, указаннаго въ перечнѣ земскихъ повинностей; 2) казаки „могутъ въ свободное отъ службы время производить торговлю и промышленность внутри и внѣ войсковыхъ предѣловъ“; 3) войско пользуется всѣми произведеніями на поверхности опредѣленной ему земли: лѣсами, водами и т. п., но, въ случаяхъ открытія благородныхъ металловъ въ нѣдрахъ войсковой земли,—они обращаются въ государственную казну за соразмѣрнсе за нихъ вознагражденіе, и 4) какъ исключительное право—предоставляется пользоваться рыболовствомъ въ предѣлахъ своего водворенія. Это послѣднее право снабжено въ „положеніи“ еще и поясненіемъ, что „однимъ только сибирскимъ казакамъ дается право на рыболовлю во всѣхъ, находящихся въ киргизской степи озерахъ и рѣкахъ, не препятствуя, однако, пользоваться этими водами и мѣстнымъ киргизамъ“.

Въ заключеніе очерка этого памятнаго періода остается

предложить краткую лѣтопись законодательныхъ актовъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе важное бытовое значеніе.

До конца 1850 года было въ обычаѣ казаковъ имена отцовъ или прозвища, данныя товарищами, обращать въ свои фамиліи, что конечно затрудняло регистрацію казаковъ; это обстоятельство и вызвало именной указъ 8 октября 1850 г. „о неизмѣненіи родовыхъ прозваній чинами иррегулярныхъ войскъ", которымъ и установлена обязательная наслѣдственность фамилій у казаковъ(24).

13 іюля 1851 года были утверждены правила „новаго устройства земскихъ повинностей", которыми опредѣлено, что земли казачьихъ войскъ „не подвергаются никакому на общія по Имперіи или на государственныя земскія повинности сбору" и что земскія повинности въ казачьихъ войскахъ отбываются не по этимъ общеимперскимъ правиламъ, а по особымъ „положеніямъ"(25).

25 декабря 1852 г. отставные казаки Сибирскаго войска, наравнѣ со всѣми прочими лицами другихъ сословій, получили право на устройство и содержаніе постоялыхъ дворовъ во всей киргизской степи—и, какъ въ части ея, въ нынѣшней Семирѣченской области, съ отводомъ содержателямъ ихъ земли для домовъ и огородовъ безплатно; для пашень-же и сѣнокосовъ—собственники постоялыхъ дворовъ могли получать землю только въ аренду у сосѣднихъ владѣльцевъ(26).

Наконецъ, 18 марта 1857 года казакамъ Сибирскаго войска было дано первое облегченіе въ службѣ, о которомъ, какъ и о послѣдующихъ измѣненіяхъ, предшествовавшихъ введенію положенія 1861 года, сказано въ своемъ мѣстѣ предъидущей статьи.

Положеніе 1861 г.

Эпоха развитія гражданственности и освобожденія 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія не прошла безслѣдно и для тяжелаго быта сибирскихъ казаковъ,

Сибирскій казакъ „положеніемъ 1861 года" былъ признанъ правоспособнымъ гражданиномъ, а потому принудительныя его переселенія съ мѣста на мѣсто и обязательный трудъ на войсковыхъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ были исключены изъ кодекса его многочисленныхъ обязанностей. Если срокъ службы и остался тотъ-же 30-ти лѣтній, за то самый порядокъ ея былъ значительно измѣненъ, періоды льготы увеличены, а самая служба пріобрѣла болѣе или менѣе правильное теченіе и отбывалась уже въ мѣрѣ нуждъ государственныхъ, а не хозяйственныхъ-войсковыхъ.

Такимъ образомъ, если „положеніе 1861 года" и оставило еще тяжелую перемежающуюся службу, за то оно дало

значительно больше времени для личнаго труда, а самое главное—ощутительно сократило право мѣстной администраціи призывать по ея усмотрѣнію на дѣйствительную службу казаковъ. А такъ какъ предшествовавшій порядокъ, службы являлся факторомъ, главнымъ образомъ вредно вліявшимъ на индивидуальную и корпоративную жизнь казачьяго населенія, то съ введеніемъ „положенія 1861 г." открылась, до нѣкоторой степени, возможность начать залечивать тяжелыя раны въ народномъ бытѣ и характерѣ Сибирскихъ, а потомъ и Семирѣченскихъ казаковъ, но раны эти были такъ глубоки и многочисленны, что первое гуманное „положеніе" не въ силахъ было скоро оказать радикальную помощь и какъ убѣдились потомъ, осталось паліативомъ въ излеченіи ихъ.

Молодое Семирѣченское казачье войско на первыхъ порахъ своей самостоятельной жизни было встрѣчено этимъ положеніемъ", а потому подробная оцѣнка его въ бытовомъ отношеніи отойдетъ во вторую часть настоящаго труда. Здѣсь же, въ заключеніе первой части, остается сказать нѣсколько послѣднихъ словъ о характерѣ казачьяго населенія давшаго кадръ для образованія Семирѣченскаго казачьяго войска.

Характеръ и составъ переселенцевъ въ Семирѣчьѣ возможно полно обрисованъ въ статьѣ о переселеніи, въ которой и приведены истинныя причины низкаго нравственнаго уровня казаковъ, въ дальнѣйшихъ очеркахъ послѣдовательнымъ разборомъ многочисленныхъ фактовъ доказано, что старыя причины дѣйствовали по прежнему интенсивно не только на казаковъ, но и на новый элементъ ихъ состава—крестьянъ, а другихъ, послужившихъ бы къ обновленію и измѣненію въ лучшую сторону, до 1861 года не было, почему и отзывъ перваго по времени наказнаго атамана Семирѣченскаго войска генерала Колпаковскаго о характерѣ населенія, вошедшаго въ составъ новаго войска, заслуживаетъ безусловнаго довѣрія. Этотъ, далеко не лестный отзывъ, приводимый здѣсь исключительно только ради торжества исторической истины, содержится въ первомъ годовомъ отчетѣ о состояніи Семирѣченскаго войска и заключается дословно въ слѣдующемъ

Населеніе мододого войска, по словамъ отчета, „сложилось изъ сибирскихъ казаковъ, привыкшихъ къ постоянной службѣ, привыкшихъ жить отъ казны, плохо подготовленныхъ къ сельскимъ работамъ и изъ поселянъ, вовсе незнакомыхъ со службою.... Казаки Семирѣченскаго войска по ихъ нравственнымъ качествамъ дѣлятся на двѣ группы, имѣющія свои достоинства и недостки. Первую и большую группу за-

нимаютъ коренные казаки Сибирскаго войска, народъ смѣтливый и понятливый; главныя дурныя ихъ качества: развратъ, пьянство, грубость, лѣнь, а какъ слѣдствіе—нерадѣніе къ хозяйству и, наконецъ, невѣрный взглядъ на чужую собственность, усвоенный, вѣроятно, отъ туземцевъ. Вторую меньшую группу составляютъ крестьяне, зачисленные въ казачье сословіе; они, не имѣя той удали, которая необходимо должна быть въ казакѣ, не имѣютъ и недостатковъ первой группы. Одинъ изъ главныхъ недостатковъ крестьянъ—суевѣріе и предразсудки, выражающіеся иногда въ самыхъ безобразныхъ формахъ“ (27).

Таковы начала, легшія въ основу жизни населенія вновь образованнаго въ 1867 году Семирѣченскаго казачьяго войска.

ИСТОЧНИКИ

къ части I, главѣ V исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска.

№ примѣчанія.

Къ ст. „Административное устройство до 1868 года".

1 Полн. собр. зак. Рос. имп. 1861 г. т. XXXVI, ст. 36730 и собраніе узакон. и расп. правит. 1899 г. № 33, приложеніе ст. 411.

2 П. С. Зак. Р. И. 1847 г. т. XXII, ст. 21055.

3 П. С. З. Р. И. 1856 г. т. XXXI, ст. 31021.

4 П. С. З. Р. И. 1846 г. т. XXI, ст. 20671.

5 П. С. З. Р. И. т. XIII, ст. 11122—1838 г.

6 П. С. З. Р. И. 1848 г. т. XXIII, ст. 22470.

7 П. С. З. Р. И. т. XXV, ст. 24469—1850 г.

8 П. С. З. Р. И. 1851 г. т. XXVI, ст. 25788.

9 П. С. З. Р. И. 1861 г. т. XXXVI, ст. 36809.

10 П.С.З.Р.И. 1854 г. т. XXIX, ст. 28255.

11 Тамъ-же ст. 28335.

12 П. С. З. Р. И. 1822 т. XXXVIII, ст. 29124, § 283.

13 П. С. З. Р. И. 1854 г. XXIX, ст. 28615.

14 Архивъ начальника упр. Вѣрненск уѣзда, по общей описи дѣло 1855 г. № $^{36}/_{2}$, листы 148 и 149. Предпис. к-ра 4 каз. бригады Хоментовскаго 7 апр. 1855 г. № 5 приставу Перемышльскому, вслѣдствіе распоряж. к-ра отд. Сиб. кр-са.

15 П. С. З. Р. И. 1856 г. т. XXXI, ст. 31095. Арх. войск. пр. Семир. к. в., оп. д., пост. изъ разн. учр., дѣла полк. упр., 10 п.д. 1857 г. № $^{12}/_{23}$, листъ 1, предпис. к-ра отд. Сиб. кр-са 16 мая 1857 г. № 29 н-ку Капальскаго воен. округа и П. С. З. Р. И. 1862 г. т. XXXVII, ст. 39088, § 2.

16 П. С. З. Р. И. т. XXXVII, ст. 39088—1862 г.

17 П. С. З. Р. И. т. XXXIV, ст. 34145—1859 г.

18 П. С. З. Р. И. т. XXXV, ст. 35404—1860 г.

19 Архивъ войскового правленія Семир. каз. войска, оп. д., поступ. изъ разн. учр., дѣла полк. управленія 10 полка, дѣло № $^{15}/_{30}$ цѣлая переписка.

20 А. И. Никольскій. Столѣтіе военнаго министерства. Главное управленіе каз. войскъ т. XI ч. 1 стр. 412 СПБ. 1902 г.

21 Тамъ-же, стр. 416.

22 А. Макшеевъ. Историческій обзоръ Туркестана, стр. 125. СПБ. 1890 г.

23 П. С. З. Р. И. т. XL, ст. 41792—1865 г.

24 П. С. З. Р. И. т. XL, ст. 41368—1865 г.

25 Проектъ положенія объ образованіи въ Семирѣч. и Сыръ-дарьин. обл. 1867 г. Ташкентъ, типографія военно-народ. управленія. 1880 г. Здѣсь приложено: 1) представленіе военнаго министра 30 іюня 1867 г. № 1606

въ комитетъ министровъ стр. 95; 2) Всепод. докладъ особаго комитета по устр. нашихъ средне-азіат. областей, стр. 107 и 3) объяснит. записка степной комиссіи къ положенію о штатномъ воен.-народ. упр. Семир. и Сыръ-Дарьинской областей, на основ. которыхъ, а точно такъ-же и по И. Крафт, „Судеб. часть въ Туркест. краѣ и степ. областяхъ", Оренб. 1898 г. составленъ очеркъ причинъ и хода образованія Туркест. генер.-губернаторства и Туркест. военнаго округа.

26 1) Арх. Семир. обл. пр-нія, он. д. хоз. отд., дѣло 1868 г. № 158, листъ 1. Заявленіе предсѣд. Семир. обл. пр-нія и помощ. воен. губернатора 14 іюля 1868 г. въ общее присутствіе Семир. обл. пр-нія. 2) Тотъ-же арх. оп. д. хоз. отд. II стола, дѣло 1867 г., № 102. листъ 7 положеніе совѣта глав. упр-нія Зап. Сибири 17 февр. 1867 г., въ которомъ есть упоминаніе о существованіи въ то время Канальскаго округа.

27 Высочайшій указъ 14 іюля и указъ Правит. Сената 18 іюля 1867 г.

28 Приказъ военнаго министра 15 февраля 1867 года № 53.

29 Высочайшее повелѣніе 14 іюля 1867 г., объявленное въ Высочайшемъ приказѣ 14 іюля. Приказъ воен. министра 14 іюля 1867 года № 251.

30 Собраніе узаконеній и распоряженій правительства 1899 г., № 33 ст. 411.

31 Полн. С. З Р. И. 1867 г. т. XLII, ст 44831 и 44844.

Къ ст. „Служба сибирскихъ казаковъ въ Семирѣчьѣ."

1 Полн. с. З Р. И. т. XXX. ст. 22239—1808.

2 П. С. З. Р. И. 1847 г. т. XXII, ст. 21055.

3 П. С. З. Р. И. 1846 г. т. XXI, ст. 20671, § 16.

4 Свидѣтельства: генераловъ Глазенапа, Анненкова и князя Горчакова.

5 А. Никольскій. Столѣтіе воен. министерства. Глав. управленіе каз. войскъ, истор. оч. т. XI, ч. I, стр. 180.

6 Тамъ-же, стр. 204.

7 Тамъ-же, стр. 251 и П. С. З. Р. И. т. XXI. ст. 20671—1846 г.

8 П. С. З Р. И. 1853 г. т. XXVIII, ст. 27399, § 3 п. б.

9 П. С. З. Р. И. т. XXXII, ст. 31619—1857 г.

10 П. С. З. Р. И. 1848 г. т. XXIII, ст. 22696 и 1854 г. т. XXIX, ст. 28618.

11 П. С. З. Р. И. 1854 г. т. XXIX, ст. 28617.

12 Арх. упр-нія начальника Вѣрненскаго уѣзда, по общ. оп, дѣло 1855 г. № $^{36}/_{2}$, листъ 11, предпис. штаба отд. сиб. кр-са 25 ноября 1854 г, № 7441 приставу при киргизахъ Б. Орды.

13 П. С. З. Р. И. 1855 г т. XXX, ст. 29668.

14 П С. З. Р. И. т. XXX, ст. 29941—1855 г.

15 П. С. З. Р. И. 1859 г. т. XXXIV. ст. 35145, § 85.

16 П. С. З. Р. И. 1849 г. т. XXIV, ст. 23720 и 1848 г, т. XXIII ст. 22649.

17 П. С. З Р. И. т. XXVI, ст. 25751—1851 г.

18 П. С. З. Р. И. т. XXXII, ст. 32471—1857 г.
19 П. С. З. Р. И. т. XXXIV, ст. 34008—1859 г.
20 А. Никольскій. Столѣтіе воен. министерства. Главн. упр. каз. войскъ. Истор. оч. т. XI. ч. I стр. 312 и § 17 положенія 1846 г.
21 П. С. З. Р. И. 1835 г. т. X, ст. 8163.
22 П. С. З. Р. И. дополненіе къ XXVI тому, ст. 25621а.
23 П. С. З. Р. И. 1838 г. т .XIII ст. 11196.
24 А. Никольскій. Столѣтіе воен. мин. Гл. упр. к. в., т, XI, ч. I, стр. 303 и 304.
25 П. С. З. Р. И. 1854 г. т. XXIX, ст. 28683.
26 П. С. З. Р. И. т. XXIV, ст. 23703—1849 г.
27 А. Никольскій. Столѣт. воен. мин. Гл. упр. каз. в. т. XI, ч. I, стр. 329 и 330.
28 П. С. З. Р. И. 1859 г. т. XXXIV, ст. 35145, § 91 и арх. войск. пр-нія Семир. к. в. оп. д., пост. изъ. разн. учр., дѣла полк. упр. 10 полка. дѣло 1860 г. № 16/35, листъ 3. Отношеніе к-ра 10 полка 18 января 1860 г. № 243.
29 Тамъ-же и то-же дѣло, листъ 6, отношеніе к-ра 10 полка 25 января 1860 г. № 382 копальскому воен. окр. начальнику, въ которомъ приводится распоряженіе войск. пр-нія Сиб. к. в. по этому поводу.
30 А. Никольскій. Столѣт. воен. мин. Гл. упр. к. в., т. XI, ч. 1, стр 379.
31 Въ дѣлѣ, приведенномъ здѣсь въ ст. 28 указателя, листъ 162—циркуляр. предпис. наказ. ат-на сиб. каз. в. полковымъ к-рамъ 27 іюня 1860 г. № 3046 и листъ 171—цирк. предпис. войск. пр-нія сиб. к. в. полковымъ к-рамъ 2 іюля 1860 г. 5735.
32 П. С. З. Р. И. 1861 г. т. XXXVI, ст. 36730.
33 Собр. узаконеній и распоряж. правит. 1899 г. № 33, ст. 411.
34 П. С. З. Р. И. 1866 г. т. XLI, ст. 43280.
35 Тамъ-же, ст. 43789.

Къ ст. Бытъ Сибирскихъ казаковъ въ Семирѣченскихъ поселеніяхъ.

1 Приложеніе ко всеподданнѣйшему отчету воен. губернатора, обзоръ Семирѣченской области за 1882 г. стр. 1, § 1 и стр. 3, § 2.
2 Архивъ управленія н-ка Вѣрненск уѣзда. По общ. описи дѣло 1853 г. № 31/8. листъ 24, отнош. к-ра отд. Сиб. кр-са 4 апр. 1853 г. № 127 управляющему мин. иностр. дѣлъ.
3 Тамъ-же, дѣло 1861 г. № 464/18, листъ 4, предпис. н-ка Алатав. округа 21 января 1861 г. № 160 отрядному начальнику.
4 Тамъ-же, въ томъ-же дѣлѣ на листахъ съ 4 по 12 и на др. цѣлая переписка о голодѣ въ станицахъ Софійской и Надеждинской.
5 Тамъ-же, дѣло 1859 г. № 163/98, листъ 7, письмо пристава маіора

Колпаковскаго 11 декабря 1859 г. № 7 генер. губернат. Зап.-Сибири Гасфордту.

6 Высоч. повелѣніе 8 февраля 1854 г. и Полн. собр. зак. Рос. Имп. 1857 года т. XXXII, ст. 31649.

7 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. дѣлъ, пост. изъ разн. учр., дѣла полк. упр. 10 полка, дѣло 1857 г. № 12/23, листы съ 9 по 15, копія предписанія товарища воен. губ. Семипалат. обл. 15 іюня 1857 г. № 937 к-ру 4-й бригады и П. С. З. Р. И. 1862 г. т. XXXVII ст. 39088.

8 Тамъ-же и по той-же описи дѣло № 39., листы съ 4 по 11—цѣлая переписка по этому дѣлу.

9 Арх. управленія н-ка Вѣрненскаго уѣзда, по общ. описи дѣло 1860 г. № 318/101, листъ 63, секрет. предпис. к-ра отд. Сиб. к.са 24 ноября 1860 г. № 176 н-ку Алатав. округа.

10 Тамъ-же, дѣло 1855 г. 38/5 (35), листъ 22, предпис. к-ра отд. сиб. кр-са 17 апрѣля 1855 г. № 359.

11 Тамъ-же, дѣло 1860 г. № 442/226, листъ, 15, рапортъ н-ка Алатав. округа 3 февраля 1861 г. № 8 к-щему отд. сиб. кр-сомъ Домети.

12 Тамъ-же, дѣло 1860 г. № 312/95, листъ 81, предпис. н-ка Алатав. округа 6 окт. 1860 г. № 2091 старш. султану полковн. Али Адилеву.

13 Тамъ-же, дѣло 1860 г. № 318/101, листъ 26 предпис. к-ра отд. сиб. кр-са 27 іюля 1860 г. № 1106 к-щему войсками въ Заилійск. краѣ полк. Циммерману.

14 Тамъ-же, дѣло 1860 г. № 312/95: 1) листъ 92, письмо полк. Циммермана 22 сент. 1860 г. № 1516 к-ру отд. сиб. кр-са и 2) листъ 97 отвѣтное письмо Циммерману к-ра кр-са 30 окт. 1860 г. № 1517. Арх. войск. прав. Семир. к. в, оп. д., пост. изъ разн. учр., д. полк. упр. 10 полка, дѣло № 29/65—цѣлая переписка въ немъ.

15 То-же № 312/95 дѣло, листы 98 и 100, предписаніе н-ка Алатавск. округа 17 окт. 1860 г. № 2255 Софійск. станич. начальнику и № 2256 н-ку Заилійск. каз. отряда.

16 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в. оп. д., пост. изъ разн. учр. дѣла полк. упр. 10 полка, дѣло 1857 г. № 12/23, листъ 426, предпис. к-ра отд. сиб. кр-са 30 ноября 1860 г. № 1827 к-ру 10 полка, а въ немъ упоминается, что такое-же дано и н-ку Алатавск. округа.

17 Арх. упр. н-ка Вѣрненск. уѣзда, по общ. оп. дѣло 1860 г. № 318/101, листъ 70, письмо командира отд. сиб. кр-са Гасфордта 24 нояб. 1860 г. № 20 н-ку Алатав. округа.

18 Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. 1850 г. т. XXV, ст 24195.

19 П. С. З. Р. И. 1852 г. т. XXVII, ст. 26007.

20 См. по этому поводу въ ст. „Поселеніе сибир. казаковъ въ Семирѣчьѣ и Заил. краѣ“ свидѣтельства князя Горчакова и генерала Анненкова.

21 П. С. З. Р. И. 1861 г. т. XXXVI, ст. 36730, § 15.

22 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в. оп. д., пост. изъ разн. учр., дѣла

полк. упр. 10 полка, дѣло № 28/64, цѣлая переписка по этому поводу.

23 Тамъ-же, оп. д., пост. изъ казач. отдѣленія штаба войскъ Семир. обл. по час. хоз., дѣло 1861 г. № 7/101, листъ 168 войсковой Семир. каз. в. отчетъ 1861 годъ.

24 П. С. З. Р. И. 1850 г, т. XXV, ст. 24516.

25 П. С. З. Р. И. 1851 г. т. XXVI, ст. 25398.

26 П. С. З. Р. И. 1852 г. т. XXVII. ст. 26891.

27 См. ст. 23 указателя здѣсь, листы 169 и 186 дѣло № 7/101.

28 Мнѣніе государ. ст. Совѣта, утвержд. 21 апр. 1869 г., объявл. въ приказѣ по воен. вѣд. 29 апр. 1869 г. № 144.

ИСТОРІЯ

Семирѣченскаго казачьяго войска

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1-я и 2-я

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1-я

Глава 1-я.

Первые годы существованія войска (1867—1879 г.)

Время отдѣленія Семирѣченскаго казачьяго войска отъ Сибирскаго; цѣль и задачи назначенія его.

Какъ мы уже видѣли—Семирѣченское казачье войско обязано своимъ возникновеніемъ стеченію чисто случайныхъ обстоятельствъ, т. е. чтобы при образованіи самостоятельнаго Туркестанскаго генералъ-губернаторства изъ Сыръ-Дарьинской и части Семип. областей не создать для сибирскихъ казачьихъ поселеній въ новомъ генералъ-губернаторствѣ неудобное двойственное, въ смыслѣ подчиненности, и управленія ими, положеніе. Для устраненія такого затрудненія, возникшаго при рѣшеніи вопроса о настоятельной необходимости обособленія всей нашей средне-азіат. пограничной полосы въ самостоятельное администрат. цѣлое—оставалось одно средство—выдѣлить сибирскія поселенія, отходящей къ Туркест. части Семипалатинской области, въ особое отъ Сибирскаго самостоятельное казачье войско, что и было намѣчено Высочайшимъ повелѣніемъ 13 іюля 1867([1]).

При другихъ историческихъ условіяхъ отдѣленіе Семирѣченскаго казачьяго войска отъ Сибирскаго, конечно, могло-бы занять значительно большій промежутокъ времени, но наличность спѣшности вышеприведеннаго доминировавшаго обстоятельства не допускало возможности всесторонне заняться этимъ, въ сущности побочнымъ при немъ, вопросомъ, а потому и самый фактъ отдѣленія совершился сравнительно быстро, закончившись 10 августа 1867 года([2]).

Съ этого дня Семирѣченское казачье войско существовало уже фактически, хотя нѣкоторыя условія его особленнаго существованія, какъ увидимъ ниже, находились еще въ подготовительной стадіи. Хотя Семирѣченское войско и обязано своимъ существованіемъ стеченію чисто случайныхъ обстоятельствъ, но тѣмъ не менѣе оно, какъ бывшая часть Сибирскаго, наслѣдовало отъ него опредѣленную политическую миссію на русской границѣ въ Средней Азіи. Эта миссія,

для удобства ея пониманія, можетъ быть подраздѣлена на нѣсколько отдѣльныхъ задачъ, которыя, въ силу развитія извѣстныхъ политическихъ условій на занимаемой Семирѣченскимъ войскомъ окраинѣ, или уже выполнены, или же и по настоящее время (1903) исполняются.

Изъ задачъ, наслѣдованныхъ Семирѣченскимъ войскомъ на первомъ планѣ выступаютъ: 1) закрѣпленіе за Россіей занятой территоріи, 2) прикрытіе государственной границы отъ нападеній изъ—внѣ и осѣдлыхъ поселеній отъ кочевниковъ, 3) русская колонизація страны и 4) составленіе части вооруженныхъ силъ края и имперіи(3).

Второстепенными же, отчасти вытекающими изъ главныхъ, отчасти самостоятельными, представляются: образованіе базы оборонительнаго фронта, обращеннаго къ владѣніямъ Китая въ Средней и Центральной Азіи и образованіе кадровъ для будущихъ воинскихъ частей изъ туземцевъ(4), несомнѣнно, какъ естественная конница—болѣе пригодныхъ для службы въ кавалеріи.

Здѣсь исключительно выдвинуты задачи характера политическаго или военнаго; экономическія-же, мирныя, хотя иногда и предполагались тоже входящими въ миссію войска, но этого рода задачи, какъ точно убѣдимся ниже, по многимъ исключительнымъ условіямъ обстановки казачьей жизни и дѣятельности, отчасти уже здѣсь разсмотрѣннымъ, въ большинствѣ—же изслѣдованныхъ ниже, едва ли могли быть исполнены войскомъ въ той мѣрѣ, въ какой это можно было-бы предъявить къ другимъ сословіямъ русскаго населенія области.

Насколько всѣ указанныя задачи могли быть выполнены войскомъ - составитъ предметъ изслѣдованія нѣсколькихъ послѣдующихъ главъ, здѣсь-же перейдемъ къ дальнѣйшему обзору условій и событій первыхъ лѣтъ существованія Семирѣченскаго войска.

Территорія, занятая первоначально войскомъ, и его первоначальный численный составъ.

Какъ мы уже знаемъ изъ предъидущаго, Семирѣченская область была образована изъ военно-административныхъ округовъ Семипалатинской: Сергіопольскаго, Капальскаго и Алатавскаго *). Въ этихъ округахъ, въ свою очередь, были расположены 9-й и 10-й полковые округа Сибирскаго казачьяго войска, которые оба вмѣстѣ, однако, занимали только незначительную часть территоріи первыхъ трехъ, почему и не должны быть отождествляемы съ ними. Но, какъ это можно судить по изложенію и точному смыслу перваго параграфа

*) См. ч. I., гл. III администр. устройство сибирскихъ поселеній въ Семирѣчьѣ.

„основныхъ началъ положенія о Семирѣченскомъ к. войскѣ“ (⁵), правительство первоначально предполагало отдать войску всю территорію, занятую Сергіопольскимъ и Алатавскимъ округами, границы которыхъ указаны въ своемъ мѣстѣ выше. Впослѣдствіе-же это подтверждено не было, намѣренія измѣнились, и хотя особаго законодательнаго акта о включеніи въ составъ территоріи Семирѣченскаго к. войска только мѣстностей, первоначально занятыхъ 9 и 10-мъ сибирскими полковыми округами не состоялось, но тѣмъ не менѣе Семирѣченское к. войско при своемъ образованіи заняло и воспользовалось исключительно только территоріей двухъ сибирскихъ полковыхъ округовъ.

Въ составъ этихъ округовъ при отдѣленіи Семирѣченскаго войска входили слѣдующія казачьи поселенія:

№№ по порядку.	ОКРУГА.	Душъ мужского пола.
	9-й округъ.	
1	Станица Сергіопольская	387
2	— Урджарская	488
3	— Лепсинская	1291
4	Выселки Сарканскій	159
5	— Арасанскій	112
6	Станица Капальская	848
7	Выселки Карабулакскій	114
8	— Коксуйскій	143
	Итого въ округѣ . .	3542
	10-й округъ.	
9	Станица Больше-Алматинская . .	947

10	Выселки Илійскій	70
11	— Мало-Алматинскій . . .	809
12	— Каскеленскій	309
13	Станица Софійская	1018
14	Выселокъ Надеждинскій	789
	Итого въ округѣ . .	3942
	Всего въ обоихъ округахъ душъ мужскаго пола (1) . . .	7484

Къ 1-му января 1868 года все войсковое казачье населеніе состояло изъ 14648 душъ, изъ которыхъ мужского пола было 7832 и женскаго 6816(6).

Каждое изъ вышеозначенныхъ 14-ти поселеній располагало болѣе или менѣе опредѣленнымъ надѣломъ земли для удовлетворенія своихъ экономическихъ потребностей, а всѣ эти надѣлы, въ совокупности, и составляли территорію 9 и 10 полковыхъ округовъ, разброшенную отдѣльными частями на всемъ протяженіи Семирѣченской области, между горными хребтами Тарбоготаемъ на сѣверо-востокѣ и Заилійскимъ Алатау на юго-западѣ. А такъ какъ въ 14 поселеніяхъ, отошедшихъ въ составъ Семирѣченскаго войска, мужского населенія имѣлось всего только 7484 души, по числу которыхъ и могъ быть только расчитанъ земельный надѣлъ+около 50 тысячъ десятинъ въ запасъ на приростъ населенія(7), то очевидно, что общая совокупность этихъ надѣловъ, представлявшая всю территорію только что образованнаго войска, сравнительно со всѣмъ пространствомъ Семирѣченской области, была очень и очень не велика.

Какъ вслѣдствіе этого, такъ и по необходимости продолжать начатое дѣло закрѣпленія и колонизаціи страны, въ первые же годы существованія Семирѣченскаго казачьяго войска явились предположенія о расширеніи его территоріи образованіемъ новыхъ поселеній; эти предположенія есть ничто иное, какъ продолженіе и развитіе прежней идеи колонизаціи страны.

Еще до образованія Семирѣченскаго казачьяго войска, а именно съ 1864 года существовали проэкты занятія разныхъ пунктовъ страны русскими поселеніями и съ этой цѣлью

даже производились изысканія удобныхъ для нихъ мѣстъ(8).

Но такъ какъ въ то время при этомъ исключительно преслѣдовалась цѣль политическая—закрѣпленія страны во власти русскихъ, то всѣ эти проэкты сводились къ занятію казачьими поселеніями преимущественно пограничной съ китайскими владѣніями полосы(8). Конечно, эта цѣль и эта необходимость остались въ полной своей силѣ и послѣ образованія Семирѣченской области, но рядомъ съ ними, послѣ образованія ея, выразилась болѣе рельефно еще иная цѣль — развитіе сельско-хозяйственной промышленности въ странѣ, уступавшая прежее свое значеніе доминировавшей политической(8).

Выполненіе-же и проведеніе въ жизнь новаго требованія могло быть скорѣе и гораздо успѣшнѣе исполнено не казачьимъ, а крестьянскимъ заселеніемъ страны, то поэтому необходимость въ изысканіи мѣстъ, годныхъ для посоленій, еще болѣе увеличилась и привлекла къ себѣ вниманіе уже не одного казачьяго начальства, но и всей мѣстной администраціи(8).

Благодаря такимъ образомъ повышенному въ средѣ мѣстной администраціи интересу къ колонизаціонному вопросу, свѣдѣнія объ удобныхъ мѣстностяхъ собирались ею болѣе энергично и къ этому дѣлу были привлечены комиссіи, производившія организацію киргизскихъ волостей въ области, уѣздные начальники и даже иногда нужныя свѣдѣнія добывались спеціально—командирован. для этой цѣли лицами. (8). На основаніи такимъ путемъ собранныхъ данныхъ было намѣчено въ области, кромѣ мѣстностей возлѣ 40-ка почтовыхъ станцій, еще 43 особыхъ пункта на опредѣленное для каждаго число семей поселенцевъ(8). Но не смотря на все желаніе мѣстной администраціи привлечь въ тѣ годы въ область для поселенія крестьянъ,—ей это по причинамъ, выходящимъ изъ программы настоящаго труда, не удалось въ той мѣрѣ, въ какой было намѣчено. Поэтому гражданская администрація, преслѣдуя уже одну идею колонизаціи страны, уступала и ранѣе, но въ 1878 году окончательно предложила остальныя избранныя ею, но незаселенныя еще крестьянами, мѣстности—заселить казаками по вызову изъ Сибирскаго и Оренбургскаго войскъ(9).

Прослѣдивъ здѣсь вкратцѣ историческій ходъ развитія идеи колонизаціи въ приложеніи ея къ подъему сельско-хозяйственной промышленности въ странѣ, перейдемъ къ обзору расширенія территоріи и увеличенія численности казачьихъ населенія и поселеній войска.

Въ системѣ распредѣленія казачьихъ поселеній, за исключеніемъ занятія пунктовъ по путямъ сообщенія, ясно видна мысль - образовать изъ нихъ цѣпь, прикрывающую государственную границу. Уже въ 1868 году явилось предположеніе образовать станицу Александровскую на р. Нарынъ*), къ югу отъ озера Иссыкъ-Куль, во вновь занятомъ Нарынскомъ краѣ. Наказный атаманъ, генералъ Колпаковскій, предполагалъ добыть населеніе для проэктированной станицы изъ 7 и 8-го полковыхъ округовъ Сибирскаго к. войска, *вызвавъ оттуда* 50 семей казаковъ *по жребію*[10], но всѣ его попытки въ этомъ направленіи остались безъуспѣшны и войско до сихъ поръ (1903 г.) не имѣетъ ни одной станицы въ Нарынскомъ краѣ

Выселокъ Кугалинскій

Съ другимъ поселеніемъ въ томъ же 1868 году дѣло пошло успѣшнѣе. На пути изъ Вѣрнаго въ Капалъ, среди отроговъ Джунгарскаго Ала-тау, на рѣчкѣ Кугалы, притокѣ р. Б.-Биже, было начато заселеніе выселка Кугалинскаго[11].

Калмыки эмигранты

Еще въ 1866 г., вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся политическихъ условій въ Китайскомъ Туркестанѣ, въ наши предѣлы эмигрировало оттуда около 4000 калмыковъ, которые, какъ оппозиціонный элементъ китайцамъ, были довольно радушно приняты и распоряженіемъ мѣстной администраціи первоначально разселены въ районахъ Лепсинской, Сарканской, Копальской, Коксуйской и Алматинской станицъ.

Вслѣдствіе спѣшнаго ухода изъ Алтая и неблагопріятныхъ политическихъ и экономическихъ условій жизни на родинѣ—эмигранты были такъ бѣдны, что большинство изъ нихъ безъ посторонней помощи даже и не могло-бы существовать. Поэтому и съ цѣлью дать возможность оправиться эмигрантамъ, въ сущности народу весьма трудолюбивому, въ Вѣрномъ и Капалѣ были организованы правительственные комитеты, снабжавшіе, за счетъ казны, калмыковъ пищей, а тѣхъ изъ нихъ, которые изъявили желаніе остаться навсегда въ Россіи,—земледѣльческими орудіями и скотомъ[12]. Пунктомъ, гдѣ наиболѣе концентрировались эмигранты былъ выселокъ Сарканскій, поэтому здѣсь для нихъ въ 1868 и 1869 годахъ были выстроены миссіонерская церковь и при ней школа, которыя находились въ вѣдѣніи особаго священника —миссіонера, проповѣдывавшаго среди эмигрантовъ православіе[12]. Съ теченіемъ времени большая часть эмигрантовъ, неосвоившаяся съ своимъ новымъ положеніемъ среди русскихъ, возвратилась на родину[13], а оставшіеся, принявшіе русское подданство и православіе, въ числѣ около тысячи

*) Р. р. Нарынъ и Кара-Дарья составляютъ р. Сыръ-Дарью.

душъ обоего пола, Высочайшимъ повелѣніемъ 29 мая 1869 г., съ ихъ согласія, были зачислены въ Семирѣченское казачье войско.

Одновременно съ зачисленіемъ эмигрантовъ, имъ была дарована 15-ти лѣтняя льгота отъ службы, а имѣвшимъ офицерскіе чины на прежней ихъ службѣ въ китайскихъ войскахъ—нѣсколько увеличенный, сравнительно съ прочими казаками, земельный надѣлъ(14).

Несмотря на всѣ заботы правительства и мѣстной администраціи,—калмыкамъ настолько было трудно приспособиться къ условіямъ жизни въ новой странѣ, что они продолжали бѣдствовать и для помощи имъ въ 1869 году въ распоряженіе военнаго губернатора Семирѣченской области было снова назначено 16250 р. Изъ этой суммы прежде всего возвращены позаимствованные на постройку миссіонерской церкви 5000 р. и школы 500 р., а остальные были розданы чрезъ комитеты въ пособіе на домообзаводство(12). Кромѣ того, съ той-же цѣлью устройства осѣдлой жизни калмыковъ, изъ Семирѣченскаго войскового капитала, зачисленнымъ въ казаки 134 семьямъ эмигрантовъ, въ 1871 и 72 годахъ, было роздано заимообразно 4033 р. съ уплатою въ теченіи 10 лѣтъ по 3 р. въ годъ съ семьи(15). Однако, никакая помощь со стороны Россіи не могла удержать въ Семирѣчьѣ всѣхъ калмыковъ: часть изъ нихъ, уже будучи зачислена въ казаки, въ разное время бѣжала въ Китай(16) и уже въ 1870 году въ войскѣ оставалось ихъ только 530 душъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ(17), а позже—число ихъ еще сократилось(16).

Выселки: Абакумовскій, Басканскій, Аксуйскій и Царицинскій.

Въ 1871 г. начато заселеніе выселковъ Абакумовскаго, Басканскаго, Аксуйскаго и Царицинскаго. Всѣ четыре выселка намѣчены возлѣ почтовыхъ станцій; первые три на пути изъ Капала въ Сергіополь, а Царицинскій*) изъ Вѣрнаго въ Капалъ. Всѣ эти выселки начали заселяться охотниками изъ Семирѣченскихъ станицъ, при чемъ первоначально, для основанія ихъ, было разрѣшено поселиться только по 10 семей на каждомъ(18).

Станица Голубевская

Въ томъ-же 1871 г. получила основаніе и станица Голубевская, названная такъ по имени извѣстнаго А. Ф Голубева**), бывшаго въ районѣ этой мѣстности еще въ началѣ 60-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія для опредѣленія астрономическихъ пунктовъ и назначеннаго вторымъ комиссаромъ по разграниченію здѣсь Россіи съ Китаемъ въ 1863 г.(19).

*) Казаки выс. Царицинскаго потомъ вернулись въ свои станицы и этотъ выселокъ заселенъ значительно позже.

**) Полковникъ генеральнаго штаба.

Начало заселенія этой станицы положили зачисленные потомъ въ Семирѣченское к. войско 19 семей крестьянъ Тобольское губ., поселившіяся по ихъ собственному желанію въ правобережной части Илійской долины на рѣчкѣ Борохудзиръ, близъ нашего укрѣпленія того-же имени, почему и поселеніе, ими образован., было названо сначала Борохудзирскимъ(20). Въ послѣдующіе три года въ сел. Борохудзиръ, названное уже выселкомъ Голубевскимъ, было вызвано изъ станицъ Семирѣченскаго войска 50 семей казаковъ и нѣсколько семей изъ Сибирскаго войска съ Бійской линіи, изъ 3, 4, 5 и 6 полковыхъ округовъ. Всѣ эти поселенцы получили денежное пособіе по 50 руб. на семью(21).

Отчасти одновременно съ казаками, а частію позже, въ выселокъ прибывали еще новыя партіи крестьянъ, которыхъ, кромѣ первыхъ 19 семей, всего поселилось здѣсь съ зачисленіемъ въ казаки 42 семьи(20). Выселокъ, такимъ образомъ, разросся и впослѣдствіе былъ обращенъ въ станицу.

Выселокъ Охотничій.

Въ 1872 году основаны и отчасти заселены выселки Охотничій и Подгорный. Ядро ихъ населенія составили казаки Алматинской и Софійской станицъ. Выселокъ Охотничій расположенъ въ долинѣ р. Текеса, на притокѣ его Нарынъ-Колѣ, у подножья исполинской горной цѣпи Тянь-Шань (22). въ мѣстности, славившейся тогда охотой на разнаго звѣря, почему и выселокъ получилъ названіе Охотничьяго

Выселокъ Подгорный.

Съ поселеніемъ этого выселка произошло нѣсколько не то, что именно предполагала и на что расчитывала мѣстная администрація

О мѣстности, избранной для поселенія, свѣдѣній заблаговременно собрано не было. Пунктъ этотъ былъ намѣченъ, вѣроятно, только по картѣ (23) и мотивомъ для его опредѣленія послужило желаніе прикрыть казачьимъ поселеніемъ, какъ караванный путь по лѣвому берегу Илійской долины изъ Кашгара, Учъ-Турфана и Кульджи, такъ и путь наступленія по тому-же берегу изъ Кульджи (22). Вслѣдствіе такой неосторожности въ выборѣ, мѣстность, намѣченная для поселенія въ лѣвобережной части Илійской долины, на рѣчкѣ Чуньжѣ, теряющейся безслѣдно въ пустынѣ, оказалось въ дѣйствительности крайне маловодной, совершенно безлѣсной и почти пустынной(23).

Казаки, не найдя на указанной имъ мѣстности никакихъ удобствъ для поселенія, оставили ее и по собственной иниціативѣ поселились значительно южнѣе, ближе къ горамъ, на уроч. Киргизъ-Сай, что на караванномъ пути изъ Кульджи въ Караколъ и Кашгаръ, гдѣ и нашли болѣе чѣмъ достаточно удобной земли, воду и лѣсъ(22).

Когда-же мѣстная администрація узнала о дѣйствительномъ мѣстѣ поселенія казаковъ, то сначала было возникъ тяжелый для поселенцевъ вопросъ о возвращеніи ихъ на р. Чуньжу, но по изслѣдованіи занятой и оставленной мѣстности, администрація только въ 1875 году признала, наконецъ, свою ошибку и совершившійся фактъ—поселеніе было оставлено на уроч. Киргизъ-Сай и названо Подгорнымъ. На прежде-же предположенномъ для него мѣстѣ остались по своему желанію двѣ семьи, къ которымъ потомъ постепенно приселялись другія([9]) и впослѣдствіе здѣсь тоже образовался маленькій выселокъ Чуньджинскій([22]), испытывающій и въ настоящее время нужду въ водѣ, лѣсѣ и травѣ, но составившись изъ добровольцевъ, людей чрезвычайно энергичныхъ и трудолюбивыхъ, производитъ при близкомъ знакомствѣ съ его населеніемъ очень выгодное для него впечатлѣніе([24]).

Выселокъ Чуньжинскій.

Въ томъ-же 1872 году, на пути изъ Вѣрнаго въ Капалъ, между выселками Царицинскимъ и Карабулакскимъ, былъ основанъ еще выселокъ, названный Джангызъ-Агачскимъ([11]).

Выселокъ Джангызъ-Агачскій.

Съ 1873 года началось заселеніе казаками изъ Лепсы, Капала и др. станицъ, а точно также и сибиряками, выселка—Тополевскаго, основаннаго на уроч. Теректы на р. Малой Лепсѣ, въ мѣстности, до сихъ поръ изобилующей лѣсомъ ([25]).

Выселокъ Тополевскій

Въ 1874 году на уроч. Аралъ-Тюбе и р. Кокталъ, основанъ выселокъ Попутный, заселенный охотниками изъ Семирѣченскихъ станицъ, а отчасти и Сибирскими казаками([26]). Этотъ выселокъ расположился въ устьѣ соединяющихся горныхъ проходовъ Сатылы и Кышмурунъ (правильнѣе „Кочмурунъ"), ведущихъ чрезъ Джунгарскій Алатау на высокое горное Коксуйское плато. Изъ этихъ горныхъ проходовъ самымъ удобнымъ является Кышмурунъ, по которому, даже въ его первобытномъ состояніи, возможно колесное сообщеніе выселка съ нынѣшнимъ г. Джаркентомъ.

Выселокъ Попутный.

Вслѣдствіе увеличенія численности населенія въ выселкахъ Сарканскомъ и Коксуйскомъ, приселеніемъ туда калмыковъ-эмигрантовъ, сибирскихъ казаковъ и переселенцевъ изъ Семирѣченскихъ станицъ, эти выселки, Сарканскій—въ 1875 году ([27]), а Коксуйскій—въ 1878 году ([28]), обращены въ станицы, съ причисленіемъ къ нимъ выселковъ: къ Сарканской-Абакумовскаго, Аксуйскаго и Басканскаго, а къ Коксуйской-Карабулакскаго, Джангызъ-Агачскаго, Попутнаго и Кугалинскаго

Обращеніе выселковъ въ станицы

Вопросъ объ увеличеніи численности войскъ.

Въ 1870-тыхъ годахъ больной вопросъ о колонизаціи Семирѣченской области, разсматривавшійся въ это время уже подъ видомъ увеличенія численнаго состава Семирѣченскаго казачьяго войска, поднятъ былъ снова (29).

Здѣсь нужно замѣтить, что вопросъ этотъ помимо колонизаціи страны въ описываемый періодъ времени начинаетъ пріобрѣтать еще и другое значеніе, а именно—съ увеличеніемъ состава войска увеличилось-бы и число выставляемыхъ имъ строевыхъ частей, которыми явилось-бы возможность, хотя до нѣкоторой степени, замѣнить дорого стоющую государству командировку на службу въ Туркестанъ частей отъ Сибирскаго, Оренбургскаго и Уральскаго казачьихъ войскъ, необходимыхъ тамъ, въ виду политическихъ условій страны.

Въ рѣшеніи вопроса, получившаго такимъ образомъ уже разносторонее значеніе, приняли участіе, кромѣ своего войскового начальства, еще военный министръ, главное управленіе иррегулярныхъ войскъ и вопросъ восходилъ даже до Государя(29).

Войсковое начальство, въ лицѣ наказнаго атамана генерала Колпаковскаго, настаивало на обязательномъ перечисленіи въ казаки почти всѣхъ крестьянскихъ поселеній Семирѣченской области, желая получить трудоспособный и трудолюбивый элементъ, весьма удовлетворительный и въ нравственномъ отношеніи Правительство-же, по многимъ основательнымъ причинамъ, не признало возможнымъ согласиться съ такимъ представленіемъ наказнаго атамана и, со своей стороны, предлагало заполнить казачьи поселенія охотниками изъ крестьянъ, какъ живущихъ уже въ области, такъ и по вызову изъ разныхъ мѣстностей Россіи, но главнымъ образомъ настаивало на заселеніи казаками—добровольцами не только Сибирскаго, но даже и другихъ казачьихъ войскъ, преимущественно Донского, Оренбургскаго и Уральскаго(29).

По этому спорному вопросу въ Главномъ управленіи иррегулярныхъ войскъ была даже составлена въ 1877 году особая записка, въ которой обращаетъ на себя вниманіе § 2, гдѣ сказано слѣдующее:

„Переселеніе Сибирскихъ казаковъ казалось бы удобнѣе произвести или вызовомъ охотниковъ со всего войска, начиная со станицъ, находящихся въ наименѣе выгодныхъ условіяхъ, или-же переселеніемъ цѣлыхъ поселковъ, начиная съ праваго фланга, *но отнюдь не назначеніемъ по жребію. Такъ какъ жеребьевый порядокъ, вообще несправедливый, поддерживаетъ во всемъ населеніи неувѣренность въ своей участи,* при

томъ хозяева болѣе зажиточные постараются отдѣлаться отъ жребія, даже обмѣнявшись за извѣстную плату съ *бездомными голышами, которые и составятъ главный контингентъ жеребьевыхъ переселенцевъ*, какъ показалъ опытъ Зайсанской станицы.(20)

Вопросъ объ увеличеніи численнаго состава войска даже въ средѣ мѣстной администраціи—войсковой и областной,—вызвалъ разногласіе.

Семирѣченское Областное Правленіе, въ вѣдѣніи котораго находилось тогда хозяйственное управленіе войскомъ и которое не могъ особенно занимать вопросъ о качествѣ будущихъ поселенцевъ казаковъ, узнавъ о предложеніи правительства переселить въ Семирѣчье Уральцевъ, поспѣшило указать для ихъ поселенія мѣста въ Нарынскомъ краѣ, на рѣкахъ, богатыхъ рыбою. На такое несвоевременное предложеніе, противорѣчившее взглядамъ наказнаго атамана, послѣдній, какъ военный губернаторъ, отвѣтилъ Областному Правленію: „какъ на мѣста, на которыхъ можно поселить уральцевъ, областная администрація указываетъ на мѣстности Оттукъ, Куртку и Джумголъ, расположенныя въ юго-западной части Токмакскаго уѣзда. Между тѣмъ та же администрація до сихъ поръ еще не знаетъ сколько въ этихъ мѣстностяхъ вообще земли и сколько изъ этого общаго числа земли приходится вполнѣ удобной на каждую изъ этихъ мѣстностей порознь“ и т. д.(31).

Затѣмъ наказный атаманъ, опасаясь получить въ лицѣ выходцевъ изъ Сибири и Европейской Россіи, предлагаемый правительствомъ, неблагонадежный въ экономическомъ и нравственномъ отношеніи элементъ, и такъ уже, благодаря заселенію по жребію, преобладавшій въ войскѣ, категорически отказался отъ предложенной ему мѣры и предпочелъ отложить на нѣкоторое время увеличеніе численности войскового населенія, чѣмъ получить для этой цѣли отбросы другихъ казачьихъ войскъ(29).

Первоначальное административное и судебное устройство Семирѣченскаго казачьяго войска.

При образованіи, а потомъ и въ первые годы своего существованія Семирѣченское к. войско не получило, какъ самостоятельнаго административнаго устройства, подобно Сибирскому, такъ и полнаго о войскѣ положенія—оно было подчинено общему въ Семирѣченской области военно-народному управленію.

Чтобы составить ясное представленіе объ основныхъ причинахъ, побудившихъ правительство подчинить Семирѣ-

ченское войско введенному въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ военно-народному управленію и помѣшавшихъ дать войску цѣлое, выработанное о немъ, положеніе, необходимо вернуться нѣсколько назадъ, съ цѣлью ознакомиться съ политическими условіями, существовавшими къ 1867 году на нашихъ средне-азіатской и китайской окраинахъ.

Начинавшаяся въ 1866 году война съ Бухарою не могла считаться оконченной: жестокое пораженіе бухарцевъ подъ Ирджаромъ и штурмъ Джизака, гдѣ были почти истреблены остатки лучшихъ войскъ эмира, временно только пріостановили непріязненныя противъ русскихъ дѣйствія Бухары(32), эмиръ которой пользовался особымъ престижемъ въ глазахъ всего мусульманскаго населенія среднеазіатскихъ ханствъ.

Положеніе дѣлъ на западно-китайской границѣ грозило еще болѣе тяжелыми осложненіями и могло, наконецъ, заставить наше правительство измѣнить почти вѣковое дружественное отношеніе къ имперіи богдыхана, гдѣ возстаніе дунганъ подъ знаменемъ мусульманства къ 1867 году охватило уже всю внутреннюю часть Небесной имперіи Вліяніе успѣховъ дунганъ, овладѣвшихъ къ этому времени почти всѣмъ западнымъ Китаемъ, отъ истоковъ Желтой рѣки до границъ Семипалатинской области, уже сказывалось на ихъ единовѣрцахъ киргизахъ Семипалатинской области.

Такимъ образомъ вся наша юго-восточная степная окраина къ 1867 году была охвачена мусульманскими народностями, имѣвшими между собою много общаго, вслѣдствіе чего, при извѣстныхъ условіяхъ, пламя мусульманскаго пожара, охватившаго Западный Китай и тлѣвшаго въ Бухарѣ, могло перебросится и въ наши средне-азіатскія владѣнія, гдѣ концентрировалось не мало готоваго горючаго матеріала, не говоря уже о сартахъ, но даже и въ лицѣ киргизъ, подвергавшихся усиленной мусульманской пропагандѣ съ востока и запада(33).

Какъ слѣдствіе такого угрожающаго положенія дѣлъ, явилось образованіе Туркестанскаго военнаго округа и все вниманіе правительства было поглощено приготовленіемъ въ немъ средствъ для встрѣчи грядущихъ событій(33).

Эти событія, по мнѣнію правительства, могли быть достойно встрѣчены въ новомъ округѣ только сильной властью, которой признавалась военная, а потому раздѣленіе власти считалось вреднымъ, вслѣдствіе чего все централизовалось и нивелировалось въ рамкахъ военно-народнаго управленія(33).

Изложенное обстоятельство являлось главной причиной собственно для учрежденія этого типа управленія въ округѣ,

но что-же касается подчиненія и Семирѣченскаго к. войска тому-же управленію, то здѣсь, кромѣ указаннаго, имѣло большое вліяніе, какъ увидимъ ниже*), еще и начавшееся тогда-же въ правящихъ сферахъ теченіе въ пользу централизаціи мѣстнаго казачьяго управленія въ рукахъ общей администраціи.

Централизація власти въ округѣ принесла войску лишеніе самостоятельнаго управленія, поставивъ его снова **) „на особое отъ всѣхъ ***) казачьихъ войскъ положеніе", нивелированіе-же вызвало подчиненіе казачьяго населенія общимъ органамъ военно-народнаго управленія, а спѣшность, съ которой все въ новомъ округѣ устраивалось, не оставила правительству времени для выработки полнаго о войскѣ положенія(34).

Помимо этихъ основныхъ причинъ—и первоначальная незначительность состава новаго войска, неоправдывавшая необходимости значительныхъ издержекъ на организацію въ немъ самостоятельнаго управленія,—приводила къ той-же мысли: подчинить войско, подобно Оренбургскому, общимъ въ области установленіямъ, ограничивъ этимъ необходимость предстоявшихъ затратъ.(34).

Слѣдствіемъ такого стеченія обстоятельствъ, а отчасти и въ виду невозможности предусмотрѣть всѣ условія, въ которыхъ пришлось-бы дѣйствовать новому войску, къ Высочайшему повелѣнію 13 іюля 1867 года были приложены только „основныя начала положенія"(34) о Семирѣченскомъ войскѣ, а не цѣлое детальное о немъ положеніе.

Благодаря всему этому, новое войско оказалось на практикѣ только полусамостоятельнымъ, съ весьма неполными и неясными указаніями по его управленію. Послѣднее обстоятельство, какъ убѣдимся ниже, породило массу затрудненій, которыя болѣе или менѣе удачно пришлось потомъ устранять или иниціативою мѣстныхъ органовъ, или особыми законодательными актами и правительственными распоряженіями, многочисленность которыхъ, съ свою очередь, крайне затрудняла примѣненіе ихъ въ практикѣ управленія.

Правительство очевидно и само сознавало положительную недостаточность однихъ только „основныхъ началъ положенія", почему этими-же „началами" на командующаго войска-

*) Ст. «Учрежденіе войскового управленія въ 1879 г.» гл. I, части II.

**) Какъ бывшая часть Сибирскаго, находившагося въ этомъ положеніи до 1861 года.

***) Кромѣ Оренбургскаго, подчинявшагося въ администр., полицейск. и судеб. отношеніяхъ тоже общимъ въ губерніи установленіямъ.

ми Туркестанскаго военнаго округа была возложена обязанность, руководствуясь ими, составить проектъ полнаго положенія о войскѣ и представить его на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ.

Но устройство новаго округа и теченіе политическихъ событій на нашей среднеазіатской окраинѣ слѣдовавшихъ съ поразительной быстротой одно за другимъ,—поглотили, вѣроятно, все время и вниманіе высшей административной власти округа, почему командующій войсками въ округѣ, поручивъ серьезное дѣло проэктированія полнаго о войскѣ „положенія", наказному атаману, генералу Колпаковскому, не могъ, вѣроятно, наблюсти за раціональнымъ исполненіемъ порученія, генералъ-же Колпаковскій провелъ это дѣло такъ, что изъ него ровно ничего не вышло *) и Семирѣченское к. войско было обречено еще долго довольствоваться тѣмъ неопредѣленнымъ положеніемъ, въ которое поставили его „основныя начала".

Такъ какъ Семирѣченское войско этими „основными началами положенія" въ гражданскомъ, административномъ, судебномъ и полицейскомъ отношеніяхъ было подчинено общимъ въ Семирѣченской области установленіямъ военно-народнаго управленія, то и организація всего соотвѣтствующаго устройства войска, должна была идти параллельно съ образованіемъ этого устройства въ области, учрежденной, какъ намъ извѣстно, тоже въ 1867 году.

Весь-же строй управленія въ Семирѣченской области былъ предположенъ на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ это было на ея территоріи до момента выдѣленія изъ состава Семипалатинской, то на организацію и введеніе въ дѣйствіе совершенно новыхъ здѣсь типовъ административныхъ, судебныхъ и военныхъ установленій потребовался извѣстный промежутокъ времени, въ теченіе котораго Семирѣченское войско и пользовалось, наслѣдованными отъ Сибирскаго, военно-административными и судебными установленіями до іюня 1868 года ([35]).

Административное устройство до іюня 1868 г.

Вслѣдствіе сложившихся такимъ образомъ въ жизни молодого войска обстоятельствъ,—его управленіе въ первые годы существованія дѣлится на два сильно разнящихся между собою періода, раздѣленныхъ одинъ отъ другого маемъ 1868 года, имѣющихъ между собою общимъ только то, что въ каждомъ изъ нихъ Семирѣченское войско подчинялось военному министерству по главному управленію иррегулярныхъ войскъ,

*) Какъ и кѣмъ составлялось это «положеніе»—см. въ части II, гл. III ст. «Полевая и внутр. служба».

съ состояніемъ подъ главнымъ начальствомъ Туркестанскаго генералъ-губернатора, какъ командующаго войсками Туркестан. воен. округа, и подъ непосредственнымъ—наказнаго атамана, въ лицѣ военнаго губернатора и командующаго войсками Семирѣченской области (36).

Такъ какъ въ первый періодъ времени Семирѣченское войско управлялось наказнымъ атам. при посред., перешедшихъ изъ Сибирскаго въ полномъ своемъ составѣ, 9 и 10 полковыхъ окружныхъ управленій (35), то первымъ актомъ новаго административнаго устройства войска слѣдуетъ считать назначеніе наказнаго атамана.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ 14 іюля 1867 года и указомъ Правительствующаго Сената 18 того-же іюля военнымъ губернаторомъ и командующимъ войсками Семирѣченской области назначенъ генералъ-маіоръ Колпаковскій, оставившій въ 1864 году свой постъ начальника Алатавскаго округа для занятія должности военнаго губернатора и командующаго войсками Семипалатинской области (37).

„Основными-же началами положенія“ о войскѣ опредѣлено, что военный губернаторъ Семирѣченской области и командующій въ ней войсками соединяетъ въ своемъ лицѣ званіе и обязанности наказнаго атамана войска, то повелѣніе 14 іюля 1867 года слѣдуетъ считать вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ назначеніе генерала Колпаковскаго наказнымъ атаманомъ Семирѣченскаго к. войска.

Вторымъ по времени актомъ въ управленіи войскомъ является сформированіе, хотя и несовершенное казачьяго отдѣленія въ штабѣ войскъ Семирѣченской области.

Здѣсь нужно замѣтить, что „основныя начала положенія“ о Семирѣченскомъ к. войскѣ, помимо ихъ неполноты и неточности, были еще опубликованы въ трехъ различныхъ актахъ: въ полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи(5), въ приказѣ военнаго министра 14 іюля (5) и въ приказѣ Сибирскому к. войску (5). Первые два акта совершенно тождественны, содержатъ въ себѣ каждый по 8 параграфовъ, третій-же представляетъ крупную разницу съ первыми двумя.

Въ приказѣ Сибирскому к войску 5 сентября 1867 года между прочимъ сказано слѣдующее: „За отсутствіемъ военнаго министра, начальникъ Главнаго штаба генералъ-адъютантъ графъ Гейденъ, отъ 2 прошлаго августа за № 535, увѣдомилъ генералъ-Губернатора Зап. Сибири, что Государь Императоръ въ 13 день іюля с. г. утвердить соизволилъ одобренныя Военнымъ Совѣтомъ основныя начала положенія о Семирѣченскомъ казачьемъ войскѣ..... Сообщая мнѣ объ этомъ

съ приложеніемъ копіи съ основныхъ началъ положенія, *какъ болѣе подробныхъ, нежели таковыя были изъяснены въ приказѣ военнаго министра 14 іюля за № 251, предлагаетъ принять оныя ко исполненію и руководству*".

Дѣйствительно, въ основныхъ началахъ, приложенныхъ къ сибирскому приказу, заключается уже не 8, а 35 параграфовъ, содержащихъ такія указанія и правительственныя распоряженія, о которыхъ совершенно умалчивается и въ полномъ собраніи законовъ и въ приказѣ военнаго министра, или одни и тѣ-же указанія въ этихъ двухъ разныхъ источникахъ имѣютъ различный смыслъ.

Изъ этого прямо вытекаетъ, что по какимъ-то, затруднительнымъ къ объясненію, причинамъ, утвержденныя Государемъ 13 іюля 1867 года „основныя начала положенія", въ томъ объемѣ, смыслѣ и содержаніи, въ какомъ они приложены къ отношенію начальника Главнаго штаба на имя генералъ-губернатора Зап. Сибири и объявлены въ приказѣ Сибирскому войску—въ полномъ собраніи законовъ и въ приказѣ военнаго министра на столько сокращены, что мѣстами совершенно не соотвѣтствуютъ другъ другу. По версіи, объявленной въ сибирскомъ приказѣ, на казачье отдѣленіе штаба войскъ Семирѣченской области возложена обязанность „завѣдыванія *строевою*, военно-административною и *хозяйственно-строительною* частями" управленія войскомъ. По полному-же собранію законовъ эта обязанность формулируется завѣдываніемъ только „военно-административною и и *хозяйственною* частями", Что разумѣлъ законодатель подъ выраженіемъ „хозяйственно-строительная часть" и равнозначуще-ли это понятіе обычному въ управленіи понятію выраженія„ хозяйственная часть"— остается не объяснимымъ*).

Слѣдствіемъ крайней неполноты, неточности выраженій и указаній, а точно такъ-же и необъяснимой разницы въ редакціяхъ текста трехъ различныхъ, но одинаково для военной администраціи обязательныхъ актовъ, произошло то, что казачье отдѣленіе, не имѣя опредѣленныхъ указаній о кругѣ своихъ дѣйствій и способахъ ихъ проявленія, фунціониравало, какъ довольно темно опредѣляетъ войсковой отчетъ за 1867 годъ—„на основаніи положенія о Сибирскомъ к. войскѣ 1861 года". А такъ какъ въ Запад. Сибири не было никакихъ «казачьихъ отдѣленій» при штабахъ войскъ, за исключеніемъ такого отдѣленія при Главномъ управленіи Зап. Сибири(38),

*) Дальнѣйшія разногласія и не соотвѣтствія двухъ версій одна другой будутъ приводимы въ соотвѣт. мѣстахъ, по мѣрѣ развитія настоящаго труда.

то самая неопредѣленность выраженія войскового отчета, въ его общей ссылкѣ на положеніе 1861 года, достаточно ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что Семирѣченское к. отдѣленіе испытывало въ проявленіи своей дѣятельности весьма серьезныя затрудненія и дѣйствовало, вѣроятно, въ качествѣ и совокупности сибирскихъ войсковыхъ: штаба, дежурства и правленія, но безъ относительной самостоятельности этихъ установленій 1861 года.

Составъ и обязанности окружныхъ управленій, дѣйствовавшихъ по положенію о Сибирскомъ к. войскѣ 1861 года указаны здѣсь*) въ возможной полнотѣ ранѣе. Отправленіе ихъ обязанностей до и послѣ отдѣленія Семирѣченскаго войска разнилось только въ отношеніи подчиненія ихъ

Въ Сибирскомъ войскѣ они подчинялись наказному атаману и войсковому правленію, а послѣ отдѣленія, начальствующимъ лицомъ надъ ними остался военный губернаторъ Семирѣченской области по званію наказнаго атамана, подъ непосредственными наблюденіемъ и указаніями котораго протекала вся вышеуказанная дѣятельность этихъ двухъ окружныхъ управленій до іюня 1868 года, когда и представилась возможность ихъ упразднить, такъ какъ къ этому только времени въ области успѣли сформироваться органы ея военно-народнаго управленія(39).

Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ необъяснимымъ противорѣчіемъ двухъ уже указанныхъ версій „основныхъ началъ положенія". По варіанту, объявленному въ призывѣ Сибирскому войску слѣдовало закрыть оба окружныхъ управленія (§ 20), а по обнародованному въ полномъ собраніи законовъ (§ 1)—только одно- 9-е, но при этомъ здѣсь не указано—для какой именно цѣли оставалась-бы—10-е. Мѣстныя власти невольно игнорировали въ этомъ случаѣ дѣйствительный законъ и, упразднивъ оба полковыхъ управленія, придержались приказа по Сибирскому войску(3).

Административное устройство съ іюня 1868 г.

Съ закрытіемъ къ іюню 1868 года обоихъ полковыхъ окружныхъ управленій войско окончательно разсталось съ порядками прежняго своего военно-административнаго устройства и уже дѣйствительно вступило въ новый памятный періодъ своей жизни и управленія, съ наступленіемъ котораго осталось неизмѣннымъ только положеніе наказнаго атамана, въ лицѣ военнаго губернатора, все-же остальное управленіе перешло къ военно-народной организаціи, на которую была возлежена обязанность править одновременно и областью, и

*) Часть I, гл. 3, администр. и судеб. устр. Сибир. поселеній въ Семирѣчьѣ.

войскомъ(40); спеціально-казачьяго мѣстнаго управленія, въ инстанціяхъ выше станичнаго, не осталось и слѣда, а въ правящихъ в. органахъ истинныхъ представителей его, не по имени только – не стало.

19 февраля 1868 года было открыто Семирѣченское областное правленіе(41); къ маю того-же года закончено предварительное подраздѣленіе области на уѣзды, въ нихъ назначены уѣздные начальники и введенъ институтъ уѣздныхъ судей(39).

Въ войсковомъ отчетѣ за 1867 годъ совершенно умалчивается о составѣ казачьяго отдѣленія штаба войскъ Семирѣченской области, а потому едвали будетъ ошибкою предположить, что отдѣленіе это окончательно сформировалось тоже только въ 1868 году, какъ и прочія учрежденія области, такъ какъ въ войсковомъ отчетѣ за этотъ годъ уже точно и положительно сообщается, что: „отдѣленіе штаба войскъ Семирѣченской области, по управленію Семирѣченскимъ к. войскомъ, находившееся въ вѣдѣніи начальника штаба, состояло изъ одного старшаго адъютанта, его помощника, въ то-же время казначея и трехъ писарей".

Въ маѣ 1868 года началась и закончилась передача всѣхъ дѣлъ управленія войскомъ изъ рукъ старой казачьей администраціи въ руки новой, военно-народной(39).

Часть административная и полицейская перешла въ вѣдѣніе уѣздныхъ начальниковъ, зависѣвшихъ непосредственно отъ военнаго губернатора и Семирѣченскаго областного правленія, которое, въ данномъ случаѣ, являлось органомъ управленія наказнаго атамана, какъ военнаго губернатора, и дѣйствовало по вопросамъ административнымъ, какъ канцелярія губернатора, а по рѣшенію вопросовъ финансовыхъ, хозяйственныхъ, судныхъ и по „сомнѣнію въ законахъ, какъ коллегіальное учрежденіе съ властью и обязанностями губернскаго правленія, казенной и судебной палатъ (39 и 40).

Часть военная во всемъ ея объемѣ и хозяйственная только въ отношеніи управленія войсковымъ капиталомъ и войсковымъ имуществомъ, остались въ вѣдѣніи единолично военнаго губернатора по званію наказнаго атамана войска и командующаго войсками Семирѣченской области, дѣйствовавшаго въ этой сферѣ управленія при помощи казачьяго отдѣленія штаба войскъ области(39).

Часть судная, мѣстная вѣдалась пятью различными установленіями: станичными судами, уѣздными начальниками, уѣздными судьями, областнымъ правленіемъ и, наконецъ, военно-судными комиссіями(39 и 40).

Первоначально войско было расположено въ четырехъ уѣздахъ области: Сергіопольскомъ, Капальскомъ, Вѣрненскомъ и Иссыкъ-Кульскомъ и, такимъ образомъ, казачье населеніе, предстявляя особое, всѣмъ прежнимъ своимъ бытомъ обособленное сословіе съ исключительными правами и обязанностями, и съ интересами, нерѣдко діаметрально противоположными всему прочему городскому и кочевому населенію области, должно было подчиняться, какъ въ исполненіи своихъ довольно сложныхъ обязанностей, такъ и въ отправленіяхъ своей экономической жизни, указаніямъ и распоряженіямъ сначала 4-хъ, а потомъ 5-ти (*), разныхъ, при томъ совершенно незнакомыхъ съ казачьимъ бытомъ лицъ, хотя и объединенныхъ въ лицѣ военнаго губернатора и областного правленія, но, во всякомъ случаѣ, далеко нелишенныхъ возможности индивидуальныхъ проявленій въ практикѣ управленія, въ зависимости отъ ихъ нравственныхъ качествъ, воззрѣній и истиннаго пониманія дѣлъ.

Здѣсь въ поясненіе высказаннаго положенія, необходимо обратить вниманіе на слѣдующее характерное обстоятельство, совершенно ясно выраженное въ докладѣ особаго комитета по устройству нашихъ среднеазіатскихъ областей и формулированное въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Населеніе Туркестанской и Семипалатинской областей состоитъ изъ русскихъ, сартовъ и киргизъ. Сарты по преимуществу народъ мусульманскій. Ихъ жизнь, нравы, понятія о правѣ, отношенія политическія и частныя все сложилось на условныхъ правилахъ, почерпнутыхъ въ каранѣ, почему они и не могутъ быть преданы Россіи. Киргизы же, хотя и считающіеся мусульманами, въ сущности народъ грубо—матеріальный, не думающій о чемъ-бы то ни было, выходящемъ изъ простыхъ условій ихъ кочеваго быта. Ненависть, существующая между этими, двумя расами, объясняется различнымъ складомъ ихъ жизни и уничтожится только тогда, когда сравняются ихъ нравы и обычаи. Понятно, что въ европейской раціональной цивилизаціи киргизы находятъ болѣе отвѣтовъ на свои практическіе вопросы, чѣмъ въ мусульманскомъ образѣ жизни сартовъ; поэтому, когда наша власть представляется въ степяхъ достойными людьми, киргизы совершенно подчиняются русскому вліянію. Слѣдовательно, наши естественные союзники въ Туркестанской области суть киргизы и соединять ихъ въ одно управленіе съ сартами не только не вредно, но даже, въ большей части случаевъ, полезно“(33).

*) Съ увеличеніемъ числа уѣздовъ въ области. Уѣздные начальники.

Припомнивъ все уже сказанное въ началѣ настоящаго очерка относительно политическихъ причинъ введенія военно-народнаго управленія въ округѣ и сопоставивъ эти причины въ связи съ цитированной частью доклада особаго комитета —придемъ къ заключенію, что при условіяхъ устраненія отъ чиргизъ какъ мусульманской воинствующей пропаганды, такъ и раздраженія ихъ противъ русскихъ—правительство видѣло въ нихъ союзниковъ противъ развивавшагося на границахъ нашей юговосточной азіатской акраины панъ—исламизма.

Вслѣдствіе чего, и въ видахъ достиженія постановленной цѣли, для ближайшей къ населенію мѣстной администраціи, представителями которой являлись уѣздные начальники, необходимымъ условіямъ управленія представлялось прежде всего, во что-бы то ни стало, устранить раздраженіе киргизъ противъ русскихъ и не дать имъ сильно чувствовать свое положеніе побѣжденныхъ.

Если-бы населеніе области состояло исключительно изъ однихъ киргизъ, то достиженіе поставленной цѣли не составило-бы особаго труда, лишь-бы „русская власть представлялась въ области достойными людьми", но здѣсь жили еще казаки, экономическіе интересы которыхъ далеко расходились съ киргизскими. Посмотримъ-же,—имѣлась-ли возможность достигнуть намѣченной цѣли, дѣйствуя совершенно корректно по отношенію киргизъ и казаковъ, при условіяхъ неотвратимыхъ столкновеній экономическихъ интересовъ тѣхъ и другихъ.

Тогдашняя неопредѣленность земельныхъ недѣловъ казаковъ съ одной стороны, а земельный коммунизъ киргизъ съ другой—являлись постоянной причиной безконечныхъ споровъ, жалобъ и тяжбъ тѣхъ и другихъ, при разрѣшеніи которыхъ на мѣстѣ, уѣздные начальники, помятуя поставленную въ управленіи цѣль—обращать киргизъ въ союзниковъ русскаго владычества и, пользуясь суровой дисциплиной принижавшей казаковъ, становились въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ на сторону киригзъ. Такое положеніе дѣлъ естественно вызвало у казаковъ взлядъ на уѣздныхъ начальниковъ, какъ на спеціально киргизскихъ правителей, а уѣздные начальники, въ свою очередь, смотрѣли на казаковъ, какъ на источникъ смуты и раздраженія киргизъ.

Подобныя взаимоотношенія вызвали крайнее недовѣріе и озлобленіе, а въ результатѣ—Семирѣченское казачье населеніе, не имѣя въ свою защиту собственнаго представительства въ военно-народномъ управленіи, оказалось въ загонѣ, какомъ то презрѣніи, и ему, гдѣ только возможно, ставились разные препоны въ экономическомъ развитіи.

Это только что указанное въ общихъ чертахъ для характеристики ближайшаго управленія положеніе будетъ возможно полно изслѣдовано и освѣщено фактами въ особыхъ здѣсь спеціальныхъ статьяхъ.

Организація станичнаго управленія до половины 1870 г.

Въ организаціи станичнаго управленія наблюдаются хотя и не такъ рѣзко разнящихся, но во всякомъ случаѣ два отличающихся другъ отъ друга періода, несовпадающихъ къ тому же и по времени съ періодами въ общемъ управленіи войскомъ.

Со времени отдѣленія отъ Сибирскаго войска и до половины 1870 года Семирѣченскія станичныя казачьи общества, въ своемъ самоуправленіи, руководились положеніемъ о Сибирскомъ войскѣ 1861 года, подробный обзоръ котораго приведенъ уже выше, но съ тою лишь разницей, что по военной и хозяйственной частямъ станичныя правленія руководились относительно предѣловъ власти и образа своихъ дѣйствій, правилами, установленными для станичныхъ правленій Оренбургскаго к. войска, т. е, что прежняя подчиненность станичнаго управленія окружнымъ начальникамъ, съ переходомъ казачьяго управленія къ общимъ административнымъ установленіямъ области, смѣнилась подчиненностью, почти въ тѣхъ-же предѣлахъ, военному губернатору по званію наказнаго атамана и уѣзднымъ начальникамъ, а станичные судьи были переименованы въ станичныхъ засѣдателей (42).

Организація станичнаго управленія съ половины 1870 г.

13—25 мая 1870 года утверждено въ законодательномъ порядкѣ для всѣхъ казачьихъ войскъ, кромѣ Уральскаго, новое положеніе объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ (43).

Это новое „положеніе“ ввело почти полное самоуправленіе въ станичныхъ обществахъ войска, выяснивъ и поставивъ на должную высоту органъ самоуправленія — „сходъ“ и давъ въ немъ право присутствія лицамъ не войскового сословія, имѣвшимъ недвижимость въ районѣ станицъ, съ правомъ голоса въ рѣшеніи дѣлъ, только ихъ однихъ касающихся.

Прежде всего „положеніе“ 1870 года опредѣляетъ: 1) что станичное общество составляется изъ всѣхъ безъ различія сословій жителей станицы съ ея выселками, 2) что станичное управленіе состоитъ изъ станичнаго схода, станичнаго атамана съ станичнымъ правленіемъ и станичнаго суда, а затѣмъ 3) добавляетъ, что станичное управленіе, вѣдая всѣми дѣлами станичнаго общества, по военной и гражданской частямъ, подчиняется въ то-же время соотвѣтствующимъ общимъ установленіямъ въ области.

Въ выселкахъ принадлежащихъ къ данной станицѣ, имѣющихъ 30 и болѣе дворовъ и *отдѣльный поземельный надѣлъ*,

выселковое общественнное управленіе составлялось изъ выселковаго схода и выселковаго атамана. Права и обязанности выселковаго общественнаго управленія въ выпопненіи ихъ въ районѣ вѣдѣнія выселковаго самоуправленія—тождественны съ станичнымъ управленіемъ

Права и обязанности станичнаго управленія—тѣ же, что были по „положенію" 1861 г., но съ тою разницею, что послѣднее „положеніе" выдвигаетъ на первый планъ станичный сходъ и подчиняетъ ему во многихъ отношеніяхъ дѣйствія станичнаго атамана, а затѣмъ, кромѣ представленныхъ „положеніемъ" 1861 г. правъ, ввѣряетъ сходу: опредѣленіе ссудъ изъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, *полное распоряженіе станичными суммами:* составленіе смѣтъ, опредѣленіе порядка взиманія суммъ въ доходъ, расходованіе ихъ, счетоводство и храненіе; *повѣрку и учетъ дѣйствій всѣхъ должностныхъ лицъ*, избранныхъ обществомъ; назначеніе жалованья и вообще вознагражденія станичнымъ должностнымъ лицамъ, служащимъ какъ по выбору, такъ и по найму, повѣрку очередей служилыхъ чиновъ общества; ходатайство о предоставленіи служилымъ казакамъ льготъ отъ службы по разнымъ случаямъ; принятіе мѣръ къ тому, чтобы служилые казаки имѣли опредѣленное обмундированіе и снаряженіе; назначеніе времени для сходовъ и, наконецъ, составленіе приговоровъ объ увольненіи изъ общества членовъ его и о пріемѣ новыхъ, а точно также объ удаленіи изъ среды общества вредныхъ и порочныхъ лицъ обоего пола(44).

Но зато, изъ правъ схода исключены всѣ судебныя и карательныя функціи, а въ томъ числѣ и пережитокъ стараго —тѣлесное наказаніе. Судьи или, какъ они до сего времени въ Семирѣченскомъ войскѣ назывались—станичные засѣдатели —обращены къ исполненію своихъ прямыхъ судебныхъ обязанностей, а вмѣсто нихъ, для наблюденія за теченіемъ общественныхъ дѣлъ въ станичномъ правленіи и для исполненія спеціальныхъ порученій общества избирались станичнымъ сходомъ изъ своей среды, срокомъ на одинъ годъ, особые довѣренные въ числѣ не менѣе трехъ человѣкъ. Съ той-же цѣлью и такое-же право на избраніе одного особаго довѣреннаго въ станичное правленіе предоставлялось, въ случаѣ желанія, и отдѣльнымъ выселкамъ.

Станичный сходъ составлялся изъ всѣхъ домохозяевъ, принадлежащихъ къ составу даннаго станичнаго общества, а выселковый—изъ принадлежащихъ къ составу выселка.

Лица, состоявшія подъ слѣдствіемъ или судомъ по преступленіямъ или проступкамъ, влекущимъ за собою потерю

всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ лично и по состоянію виновному присвоенныхъ, или-же отданныя подъ надзоръ общества по рѣшеніямъ суда, а точно такъ-же устраненныя отъ участія въ сходахъ самимъ сходомъ, не допускались къ участію въ сходахъ.

Сходы собирались преимущественно въ праздничные и вообще ими самими назначенные дни и только въ исключительныхъ случаяхъ,—по распоряженію начальства или по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства,—въ другіе не праздничные дни. О времени назначенія станичнаго схода—станичный атаманъ долженъ былъ заблаговременно извѣщать уѣзднаго начальника. Сходы составлялись подъ предсѣдательствомъ станичнаго атамана, а въ выселкахъ выселковаго. Всѣ дѣла рѣшались по большинству наличныхъ голосовъ, но для рѣшенія вопросовъ о раздѣлѣ и передѣлѣ общественныхъ земель, о самообложеніи и употребленіи общественныхъ денегъ, объ удаленіи порочныхъ членовъ изъ общества или объ устраненіи ихъ отъ участія въ сходахъ, а такъ-же о пріемѣ въ общество новыхъ членовъ, по назначенію ссудъ изъ запасныхъ магазиновъ и вообще всякихъ вспомоществованій—требовалось согласіе двухъ третей всѣхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ.

Постановленные сходомъ приговора вносились въ особую книгу приговоровъ, подписывались большинствомъ присутствовавшихъ на сходѣ членовъ и приводились въ исполненіе станичнымъ правленіемъ. Въ составъ станичнаго правленія по разсматриваемому положенію входили: станичный атаманъ, его помощники, если общество признавало нужнымъ ихъ избирать, и станичный казначей. Здѣсь-же присутствовали и довѣренные отъ станичнаго и выселковыхъ обществъ.

Вѣдѣнію станичнаго правленія подлежали: ежемѣсячная повѣрка станичныхъ суммъ, хлѣбозапасныхъ магазиновъ, рѣшеніе тѣхъ маловажныхъ дѣлъ, которыя возлагались на станичное правленіе сходомъ, веденіе различныхъ книгъ, а въ томъ числѣ и метрической, разныхъ списковъ, посемейныхъ и другихъ, соотвѣтствующихъ рубрикамъ службы и т. д. На станичное-же правленіе возлагалась нѣкоторая доля обязанностей нотаріальныхъ: въ правленіи могли быть заключаемы всякаго рода сдѣлки и обязательства казаковъ между собою и посторонними на сумму до 500 р. включительно и совершаться духовныя завѣщанія, цѣною не болѣе ста рублей, всѣми жителями станицы.

По всѣмъ-же прочимъ дѣламъ гражданскаго и военнаго управленія станицей, не входившимъ въ кругъ вѣдѣнія ста-

ничныхъ схода или правленія, станичный атаманъ распоряжался по своему усмотрѣнію и подъ своей личной отвѣтственностью, руководствуясь указаніями, данными разсматриваемымъ положеніемъ.

Здѣсь останавливаетъ на себѣ вниманіе еще и то обстоятельство, что правительство, опредѣливъ новымъ положеніемъ собранія членовъ станичнаго правленія „по возможности и удобству", въ воскресные дни, и только въ особо исключительныхъ случаяхъ въ другіе, видимо предполагало создать изъ станичнаго правленія періодически дѣйствующее народное учрежденіе, но многочисленность обязанностей и недостаточность интелектуальнаго развитія для быстрой работы членовъ правленія—обратили это установленіе въ постоянно-дѣйствующее учрежденіе.

Выселковые атаманы пользовались тѣми-же правами и исполняли тѣ-же обязанности какъ и станичные, но въ дѣлахъ административныхъ, военныхъ и полицейскихъ подчинялись непосредственно станичнымъ атаманамъ, а эти, въ свою очередь, по части административной и полицейской были прямо подчинены уѣзднымъ начальникамъ, по административно-хозяйственной-же—чрезъ посредство тѣхъ-же уѣздныхъ начальниковъ и областного правленія,—военному губернатору и только по части военной—непосредственно наказному атаману.

Изъ всего изложеннаго въ настоящемъ очеркѣ ясно видно до какой степени было сложно и затруднительно управленіе войскомъ, какъ самостоятельнымъ государственнымъ учрежденіемъ, и какъ мало могъ имѣть вліяніе на экономическую и бытовую стороны жизни казаковъ лично—ихъ единственный по закону представитель въ управленіи—наказный атаманъ, помимо соединенія въ своемъ лицѣ власти военнаго губернатора

Семирѣченское казачье населеніе, имѣя свои особыя обязанности, изъ которыхъ естественно вытекали его особыя права, а съ ними и интересы, было отдѣлено отъ своего единственнаго представителя и защитника этихъ интересовъ и правъ—уѣздными начальниками и областнымъ правленіемъ, т. е. установленіями, уже по однимъ только цѣлямъ, ими преслѣдуемымъ, склонныхъ въ лучшемъ случаѣ только нивелировать права и интересы всего подвѣдомственнаго имъ населенія. Если-же къ этому добавить, что суровая воинская дисциплина ставила казаковъ всегда и предъ всякимъ началь-

ствомъ въ тяжелое положеніе подчиненныхъ, далекое отъ понятія о свободномъ гражданинѣ, особенно невыгодное въ моментъ отстаиванія своихъ интересовъ и что казачье населеніе только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ располагало возможностью непосредственнаго личнаго обращенія со своими нуждами къ наказному атаману—станетъ яснымъ то исключительное положеніе, въ которое были поставлены семирѣченскіе казаки съ введеніемъ въ области военно-народнаго управленія.

Какъ-разъ чрезъ 10 лѣтъ послѣ подчиненія Семирѣченскаго войска военно-народному управлвнію, 23 мая 1878 г., былъ изданъ новый законъ, которымъ этому управленію были предоставлены болѣе широкія права по наблюденію за общественнымъ самоуправленіемъ станицъ(45).

По этому закону Семирѣченское областное правленіе получило исключительное право издавать инструкціи станичнымъ обществамъ и общественнымъ должностнымъ лицамъ относительно порядка исполненія возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей.

Хотя инструкціи областного правленія по новому закону и не должны были противорѣчить положенію объ общественномъ управленіи 1870 года и не могли установлять обязательныхъ правилъ по предметамъ, предоставленнымъ полному вѣдѣнію и усмотрѣнію станичныхъ обществъ, но, во всякомъ случаѣ, не могли не стѣснять въ извѣстной степени самоуправленія, введеннаго положеніемъ 1870 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ новый законъ расширилъ и власть уѣздныхъ начальниковъ, предоставивъ имъ ближайшій надзоръ на мѣстахъ за ходомъ станичнаго управленія и за примѣненіемъ данныхъ областнымъ правленіемъ инструкцій.

Кромѣ того, областному правленію тѣмъ-же закономъ было предоставлено право производить ревизіи станичныхъ правленій чрезъ посредство тѣхъ-же уѣздныхъ начальниковъ или чрезъ особо командированныхъ лицъ и только о результатахъ ревизіи сообщать наказному атаману.

Организація судебнаго устройства.

Въ области судебнаго устройства наблюдаются тѣ-же два періода, о которыхъ уже сказано въ этомъ очеркѣ выше.

До 1 іюня 1868 года войско пользовалось судебными установленіями въ лицѣ 9 и 10 полковыхъ окружныхъ управленій, а съ 1 іюня 1868 года вся судебная часть, за исключеніемъ ея низшей инстанціи, перешла къ общимъ судебнымъ установленіямъ въ области(39).

Такъ какъ отправленію судебныхъ обязанностей окружными управленіями и институту „Словеснаго Суда“ данъ достаточно полный очеркъ въ главѣ 3-й части 1-й настоящаго труда, то въ этой статьѣ перейдемъ прямо къ организаціи устройства судебной части во второй періодъ, т. е. съ іюня 1868 года.

Станичный судъ.

„Основными началами положенія“ въ Семирѣченскомъ к. войскѣ введена низшая инстанція судебныхъ установленій —станичный судъ, по типу, примѣненному въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ(46).

Станичные суды были сформированы и открыли свои дѣйствія съ 1 іюня 1868 года (35). Каждый такой судъ составлялся изъ судей, избранныхъ на одинъ годъ изъ своей среды самимъ станичнымъ сходомъ. Судей избиралось отъ 4 до 12 человѣкъ, по усмотрѣнію схода, въ зависимости отъ того— предполагалось-ли сходомъ возложить на судей обязанность исполненія ими своей должности безсмѣнно въ теченіи цѣлаго года или-же только въ теченіе извѣстныхъ періодовъ времени.

Въ первомъ случаѣ избиралось четверо, изъ которыхъ одинъ былъ запаснымъ на случай убыли; во второмъ—избиралось 6, 9 или 12 человѣкъ, смотря по тому сколько мѣсяцевъ, т. е. 6, 4, или 3—должна была отбывать по-смѣнно свои обязанности каждая партія судей при условіи, что присутствіе станичнаго суда должно было состоять непремѣнно изъ 3-хъ членовъ.

Станичный судъ вѣдалъ споры и тяжбы между казаками и дѣла по ихъ маловажнымъ проступкамъ; онъ рѣшалъ окончательно: всѣ споры и тяжбы, собственно между казами, цѣною до 100 руб. включительно, какъ о недвижимомъ и движимомъ имуществахъ въ предѣлахъ станичнаго надѣла, такъ и всякаго рода сдѣлкамъ и обязательствамъ, а точно такъ-же и дѣла по вознагражденію за ущербъ и убытки, причиненные имуществу казаковъ. Всѣ-же прочія гражданскія дѣла, а точно такъ-же и тѣ, въ которыхъ участвовали въ качествѣ истцовъ или отвѣтчиковъ лица другихъ сословій, могли быть предоставляемы окончательному рѣшенію станичнаго суда только въ случаѣ согласія обѣихъ тяжущихся сторонъ. Если-же такого обоюднаго согласія не было, то подобныя дѣла вносились уже на разсмотрѣніе общихъ судебныхъ установленій области.

Вѣдѣнію и рѣшенію станичнаго суда точно такъ-же подлежали и маловажные проступки казаковъ, совершенные въ районѣ земельнаго надѣла станицы безъ участія лицъ дру-

гихъ сословій и только въ томъ случаѣ, если проступки эти не были въ связи съ уголовными преступленіями, подлежащими разсмотрѣнію общихъ судебныхъ установленій области.

За маловажные проступки станичный судъ могъ опредѣлять въ наказніе: общественныя работы не въ очередь до 6 дней, или денежный штрафъ до 3 руб., или арестъ до 7 дней, а лицъ, не изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, до 20 ударовъ розгами.

Всѣ дѣла въ станичномъ судѣ производились словесно и публично, рѣшались на основаніи предъявленныхъ данныхъ, по совѣсти и внутреннему убѣжденію, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ съ обязательною попыткою предварительно—склонить тяжущихся къ мировой. Въ книгу станичнаго суда вносилось только имя виновнаго, его вина и опредѣленное за нее взысканіе.

Приговоры станичнаго суда приводились въ исполненіе станичными начальниками

Институтъ третейскаго суда, установленный положеніемъ о Сибирскомъ к. войскѣ 1861 года, остался нетронутымъ и здѣсь, но компетенція его разъяснена дополненіемъ, что на рѣшеніе его, имѣвшаго силу окончательнаго и безспорнаго, могутъ быть вносимы всѣ спорныя и тяжебныя дѣла, безъ ограниченія ихъ цѣною иска, но только въ томъ случаѣ, если съ ними не соединено преступленія или проступка и не сопряжены интересы малолѣтнихъ и умалишенныхъ.

Положеніемъ объ управленіи въ казачьихъ войскахъ 13—25 мая 1870 года устройство станичнаго суда оставлено на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, но добавлено, что обязательному вѣдѣнію станичнаго суда подлежатъ не одни казаки, а и всѣ вообще временно или постоянно приживающія на земляхъ станичныхъ обществъ лица податного состоянія.

Этимъ положеніемъ устраненъ и недостатокъ предъидущаго, страдавшаго отсутствіемъ точныхъ указаній о порядкѣ обжалованія рѣшеній ст. суда. Отмѣна рѣшеній ст. суда положеніемъ 1870 года предоставлена съѣзду мировыхъ судей, а въ тѣхъ казачьихъ войскахъ, гдѣ не введенъ еще институтъ мировыхъ судей, какъ въ Семирѣченскомъ, отмѣна рѣшеній предоставлена уѣзднымъ судамъ.

Третейскій судъ составленъ положеніемъ 1870 года въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ былъ установленъ предъидущимъ, дѣйствовавшимъ въ Семирѣченскомъ к. войскѣ Оренбургскимъ положеніемъ (43).

Общія судебныя

Инстанціями общихъ судебныхъ установленій области являлись (47):

Установленія области

Уѣздные начальники, которымъ, на основаніи правилъ о сокращенномъ судопроизводствѣ 11 октября 1865 года, были подвѣдомственны всѣ безспорныя взысканія по денежнымъ обязательствамъ, залогамъ или закладамъ.

Уѣздные судьи, пользовавшіеся правами и исполнявшіе обязанности мировыхъ судей и судебныхъ слѣдователей.

Въ качествѣ мировыхъ судей они разбирали и рѣшали всѣ дѣла по преступленіямъ и проступкамъ, не соединеннымъ съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, и гражданскія дѣла, за исключеніемъ подсудныхъ областному правленію и уѣзднымъ начальникамъ, по искамъ на сумму не болѣе 2000 рублей, руководствуясь при разборѣ тѣхъ и другихъ судебными уставами 20 ноября 1864 года.

Приговоры уѣздныхъ судей считались окончательными, когда ими опредѣлялось: внушеніе, замѣчаніе, арестъ не болѣе одного мѣсяца, денежное взысканіе не болѣе 100 рублей и по гражданскимъ дѣламъ въ искахъ на сумму не болѣе 100-же рублей.

Какъ судебные слѣдователи—уѣздные судьи производили слѣдствія по всѣмъ дѣламъ, подсуднымъ военно-суднымъ комиссіямъ.

Областное правленіе, которому были подсудны дѣла: 1) на правахъ палаты уголовнаго и гражданскаго суда: о преступленіяхъ по должности, гражданскія по искамъ на сумму болѣе 2000 руб., а такъ же по всѣмъ вообще искамъ, сопряженнымъ съ интересомъ казенныхъ управленій; 2) на правахъ мирового съѣзда: по жалобамъ на приговоры и рѣшенія уѣздныхъ судей, по жалобамъ на медленность и неправильныя дѣйствія этихъ судей, по надзору за ними и наложенію на нихъ дисциплинарныхъ взысканій.

Военно-судныя комиссіи разсматривали и рѣшали дѣла по преступленіямъ и проступкамъ, подвергающимъ лицъ, ихъ совершившихъ, лишенію или ограниченію правъ состоянія, дѣла, подлежавшія, на основаніи положенія объ управленіи въ Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областяхъ 1867 года, военному суду или суду на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ имперіи (47).

Такая организація судебной части въ области, объясняемая особенностью положенія Туркестанскаго края, еще такъ недавно завоеваннаго и далеко не умиротвореннаго, имѣла тотъ существенный недостатокъ, что при всемъ желаніи составителей проэкта положенія—дать населенію скорый и дѣйствительный судъ, вносила сложныя понятія о подсудности и установляла различный порядокъ судопроизводства. Рядомъ

съ уѣздными судьями, руководившимися судебными уставами Императора Александра II, дѣйствовали въ качествѣ судебныхъ органовъ уѣздные начальники, областное правленіе, со смѣшанною и довольно неясною компетенціей, и, наконецъ, военно-судныя комиссіи съ ихъ прежними аудиторами.

При подобной организаціи суда не признавалось нужнымъ, въ видахъ сокращенія расходовъ казны и наибольшей централизаціи власти, учреждать въ краѣ прокурорскій надзоръ.

Вѣроятно, только мѣстными особенностями положенія края объясняется и то обстоятельство, что всѣ судебные органы въ обоихъ областяхъ находились въ прямой зависимости отъ администраціи(47), хотя составители проэкта были сторонники устройства отдѣльнаго суда, независимаго отъ администраціи.

Въ объяснительной запискѣ Степной комиссіи, проэктировавшей положеніе 1867 г., по этому поводу, между прочимъ, сказано слѣдующее: „комиссія считаетъ необходимымъ, пользуясь случемъ настоящаго преобразованія въ этихъ отдаленныхъ частяхъ, осуществить, по возможности и хотя отчасти, идею отдѣленія суда отъ администраціи, польза раздѣленія которыхъ доказана уже столѣтними опытами всѣхъ народовъ и, обратно, смѣшеніе которыхъ въ киргизскихъ степяхъ какъ Оренбургскаго, такъ и сибирскаго вѣдомствъ, ведетъ къ неудобствамъ, а нерѣдко и къ злоупотребленіямъ(48).

Но осуществленіе идеи отдѣленіе суда не удалось: военно-судныя комиссіи, при военномъ управленіи краемъ, были подчинены администраціи; ей-же подчинялись во всѣхъ отношеніяхъ и уѣздные судьи. Нужно-ли добавлять, что и остальные судебные органы—областное правленіе и уѣздные начальники тоже не могли осуществлять эту идею (47).

Денежные рессурсы войска (1867-79г.)

Нигдѣ такъ ярко не выразилась спѣшность и неподготовленность къ выдѣленію сибирскихъ поселеній въ обособленное казачье войско, какъ въ рѣшеніи вопросовъ финансовой стороны этого дѣла.

„Основныя начала положенія“ о Семирѣченскомъ войскѣ, памятникъ этой спѣшности, имѣли въ виду при образованіи новаго войска только военный и вспомогательный капиталы Сибирскаго, забывъ совершенно о существованіи главнаго, основного, капитала, на соотвѣтствующую часть котораго Семирѣченское войско, какъ бывшая составная часть Сибирскаго, имѣло, безспорно, не меньшее право, чѣмъ на части изъ военнаго или вспомогательнаго.

Образованіе войскового капитала.

Правительствомъ было признано, что сибирскія поселенія въ Семирѣчьѣ составляли пятую часть всего населенія Сибирскаго войска, а потому „основными началами положенія“ и признавалось право Семирѣченскаго войска на 1/5-ю капиталовъ военнаго и вспомогательнаго Сибирскаго.

Вслѣдствіе такого опредѣленія и по такому расчету Семирѣченскому войску было отдѣлено изъ военнаго капитала Сибирскаго 15370 р. 88 коп., изъ вспомогательныхъ: возвратнаго 2000 руб и безвозвратнаго 1000 р. т. е. всего 18370 р. 88 к. (49)

Здѣсь нужно замѣтить, что излишняя краткость и неопредѣленность „основныхъ началъ положенія“ побудила генералъ-губернаторовъ—Туркестанскаго фонъ-Кауфмана и Зап.-Сибирскаго Хрущева, на совѣщаніи ихъ, бывшемъ въ сентябрѣ 1867 г., по особымъ спеціальнымъ вопросамъ ихъ округовъ, разсмотрѣть и спорные вопросы по раздѣлу войскъ Сибирскаго и Семирѣченскаго.

На этомъ совѣщаніи было рѣшено, что во избѣжаніе безконечныхъ потомъ расчетовъ двухъ войскъ между собою, по взысканію разныхъ долговъ и суммъ съ лицъ и учрежденій Семирѣченскаго войска въ пользу Сибирскаго, всѣ эти долги и суммы, слѣдовавшіе съ 9 и 10 полковыхъ округовъ Сибирскому войску. зачесть въ счетъ суммъ, назначенныхъ къ выдѣленію и отсылкѣ изъ Сибирскаго войска Семирѣченскому(50), а затѣмъ былъ намѣченъ и предварительно разрѣшенъ вопросъ о способѣ исправленія недостатка „основныхъ началъ положенія“, упустившихъ изъ виду право Семирѣченскаго войска на соотвѣтствующую часть главнаго войскового капитала Сибирскаго(51).

Вслѣдствіе упомянутаго соглашенія генералъ-губернаторовъ, изъ назначенныхъ Семирѣченскому войску 15370 руб. 88 коп. военнаго капитала и 2000 вспомогательнаго возвратнаго, было вычтено и удержано Сибирскимъ войскомъ 2332 р. 7 1/2 коп., состоявшіе долгомъ на чинахъ 9 и 10 полков. округовъ, за взятые ими для обмундированія и сняряженія изъ сибирскихъ войсковыхъ складовъ разные матеріалы и 3066 р. 70 1/4 коп., уже взысканные за такіе-же матеріалы въ 9 полковомъ округѣ, но только еще не представленные изъ этого округа въ Сибирское войсковое правленіе.

По этому штабомъ Сибирскаго к. войска было выслано Семирѣченскому въ октябрѣ 1867 г. наличными деньгами 11972 р. 10 к., а 5398 р. 77 3/4 коп. предоставлено собрать и получить съ 9 и 10 полковыхъ округовъ(52).

Здѣсь, для болѣе или менѣе яснаго представленія о затрудненіяхъ при расчетахъ, не безъинтересно отмѣтить слѣ-

дующее обстоятельство по поводу упомянутыхъ 3066 руб. 70¼ к., уже взысканныхъ, но только еще не представленныхъ", характеризующее „готовность" отчетности въ Сибирскомъ войскѣ въ моменты раздѣла.

На предписаніе штаба войскъ Семирѣченской области представить эти 3066 руб. 70¼ коп., командиръ 1-го Семирѣченскаго полка, подполковникъ Ивановъ, въ вѣдѣніе котораго перешелъ бывшій 9-й округъ, въ іюлѣ 1868 года отвѣтилъ, что этой суммы въ бывшемъ окружномъ управленіи 9 полка не состояло и не состоитъ и что предположеніе о наличности ея „произошло отъ запутанности въ отчетности"(53).

Въ октябрѣ 1867 года, по распоряженію командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа, изъ полученныхъ отъ Сибирскаго войска и числящихся въ долгу суммъ образованы военный и вспомогательный возвратный капиталы войска; въ первый изъ нихъ зачислено 15370 руб, 88 коп., а во второй 2000 руб(51).

Одновременно съ этимъ распоряженіемъ генералъ фонъ-Кауфманъ, несомнѣнно, руководствуясь рѣшеніемъ, принятымъ на совѣщаніи съ генералъ губернаторомъ Зап.-Сибири, предупредилъ наказнаго атамана генерала Колпаковскаго, что всѣ долги, помимо ранѣе указанныхъ, считавшіеся по свѣдѣніямъ къ 24 сентября 1867 года за населеніемъ 9 и 10 полковыхъ округовъ въ суммѣ приблизительно 38717 руб., по мѣрѣ сбора и поступленія ихъ, не отправлять Сибирскому войску, а зачислять въ соотвѣтствующіе капиталы Семирѣченскаго(51).

Вѣроятно, для осуществленія въ законодательномъ порядкѣ предварительнаго соглашенія генералъ-гунернаторовъ, наказный атаманъ генералъ Колпаковскій въ концѣ декабря 1867 года просилъ командующаго войсками Туркестанскаго округа ходатайствовать о передачѣ всего военнаго капитала Сибирскаго войска Семирѣченскому, мотивируя это тѣмъ, что, какъ видно изъ положенія о Сибирскомъ войскѣ 1861 года (§ 104), военный капиталъ Сибирскаго войска образованъ не изъ сбереженій всѣхъ 10-ти полковъ, а именно изъ 33000 руб.-остатковъ отъ фуражнаго довольствія лошадей казаковъ, поселенныхъ въ Семирѣчьѣ и Заилійскомъ краѣ и процентовъ на эту сумму—6179 руб. 71 коп. Если, продолжаетъ развитіе своихъ мотивовъ генералъ Колпаковскій, изъ главнаго войскового капитала Сибирскаго войска, простирающагося до 400 тысячъ рублей, Семирѣченскому войску не выдѣлено ничего подъ тѣмъ предлогомъ, что объ этомъ нѣтъ ни слова въ „основныхъ началахъ положенія" и что 10-й Сибирскій

полкъ, за позднимъ его сформированіемъ будто-бы не принималъ никакого участія въ составленіи этого капитала, то и первые 8 полковъ Сибирскаго войска, въ свою очередь, не сдѣлали уже ровно ничего для образованія своего военнаго капитала, изъ котораго на долю ихъ оставлено $^4/_5$-тыхъ.

Вслѣдствіе такихъ соображеній генералъ Колпаковскій находилъ болѣе справедливымъ отдать Семирѣченскому войску весь военный капиталъ Сибирскаго, а не одну только пятую часть его, такъ какъ это почему-то предрѣшено „основными началами положенія".

Мотивируя такимъ образомъ свое представленіе, наказный атаманъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, указывалъ и цѣль своего желанія получить весь военный капиталъ, объясняя ее намѣреніемъ и даже крайней необходимостью, поправить на эти средства плачевное состояніе огнестрѣльнаго оружія въ Семирѣченскомъ войскѣ, наслѣдованное имъ отъ Сибирскаго-же (54).

Въ февралѣ слѣдующаго года генералъ Кауфманъ сообщилъ наказному атаману, что имъ уже сдѣлано по этому поводу соотвѣтствующее представленіе военному министру (55).

Въ томъ-же февралѣ штабъ Сибирскаго казачьяго войска выслалъ еще одну тысячу рублей изъ безвозвратнаго вспомогательнаго капитала этого войска для образованія такого-же капитала и въ Семирѣченскомъ(56), такъ что къ 1 марта 1868 года Семирѣченскій войсковой капиталъ состоялъ изъ военнаго и вспомогательныхъ—возвратнаго и безвозвратнаго.

Наконецъ, къ началу 1869 года, окончательно вырѣшился вопросъ, какъ по представленіямъ Колпаковскаго и Кауфмана, такъ и вообще финансовой стороны существованія Семирѣченскаго войска.

Высочайше утвержденнымъ 18 января 1869 г. положеніемъ военнаго совѣта опредѣлено: „1) отдѣлить изъ войскового капитала Сибирскаго к. войска и передать Семирѣченскому 40 тысячъ рублей, обративъ эту сумму, во избѣжаніе расчетовъ между обоими войсками, на долги, числящіеся на Семирѣченскихъ казакахъ въ капиталъ Сибирскаго войска; 2) изъ числа ежегодно отпускаемыхъ изъ государственнаго казначейства Сибирскому войску 92443 р. 57 к., имѣвшихъ прежде назначеніе на содержаніе резервныхъ урядниковъ и казаковъ и обращенныхъ нынѣ въ пособіе войску, и 55000 р. —взамѣнъ питейныхъ сборовъ, всего 147443 р. 57 к. перенести на будущее время $^1/_5$ часть, круглымъ числомъ 29500 руб., въ смѣту Семирѣченскаго войска, а остальные 117943 руб. 57 к. отпускать Сибирскому"(57). Благодаря такой поста-

новкѣ вопроса, 10 марта того-же 1869 г. въ войсковомъ правленіи Сибирскаго к войска уже состоялся журналъ, которымъ было опредѣлено: отдѣлить изъ войскового капитала и передать Семирѣченскому войску, кромѣ всѣхъ до этого выдѣленныхъ, еще 40 тысячъ рублей, съ удержаніемъ изъ нихъ всѣхъ долговъ и суммъ, считавшихся за чинами и учрежденіями 9 и 10 полковыхъ округовъ, которые предоставлено администраціи Семирѣченскаго войска собрать и обратить въ свой войсковой капиталъ(58).

Этотъ счетъ по журналу 10 марта 1869 г. сводится къ слѣдующему перечню, составленному къ 10-му-же марта.

1.	За казаками 9 и 10 полковыхъ округовъ за хлѣбъ, заготовленный и выданный населенію въ 1864 и 65 г.г, т. е. въ годы народныхъ бѣдствій отъ саранчи; осталось неуплаченнымъ населеніемъ къ 10 марта	26612 р. 1 к.
2.	За казаками обоихъ округовъ по сбору для найма земскихъ почтовыхъ лошадей; недополучено съ нихъ за время съ 1 апрѣля по 10 августа 1867 г.	999 р. 33 к.
3.	Въ долгу по разнымъ случаямъ за офицерами обоихъ округовъ , . . .	947 р. 34 к.
4.	Стоимость наличн. войсковъ матеріаловъ для обмундированія и снаряженія казаковъ, состоявшихъ въ складѣ Сергіопольской и Урджарской станицъ	166 р. 89½к.
5.	Стоимость такихъ-же наличныхъ матеріаловъ въ складахъ 9 полкового округа .	3191 р 88½к.
6.	Излишне выданныхъ 10 полковому окружному управленію на освѣщеніе . . .	2 р. 15 к.
	Всего . .	31919 р. 61 к.

Остальные 8080 р. 39 к. были въ мартѣ-же 1869 г. получены Семирѣченскимъ войскомъ наличными деньгами(59).

Нѣсколько позже, а именно въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ счетѣ этомъ обнаружилась ошибка, заключавшаяся въ томъ, что по § 2-му, только что приведеннаго перечня, за казаками къ 10 августа 1867 г. оставалось не 999 р 33 к., а только 314 р. 27 к. Поэтому въ іюнѣ же 1869 г. войсковое правленіе Сибирскаго к. войска дослало наличными деньгами 561 руб. 33½ к., а остальные просило считать въ долгу и взыскать съ указанныхъ имъ офицеровъ 118 р. 47½ к. и съ казаковъ Сергіопольской станицы за взятый ими займообразно хлѣбъ 5 р. 25 к.(60).

Такимъ образомъ, вмѣсто 40 тысячъ, наличными деньгами было получено только 8641 р $72^1/_2$ к., а остальные 31358 р. $27^1/_2$ к. или выплачены матеріалами, имѣвшимися въ складахъ 9 и 10 полковыхъ округовъ, или-же переведены разными долгами за населеніемъ, которые, не говоря уже о естественной безнадежности нѣкоторыхъ изъ нихъ, вслѣдствіе смерти или разоренія должниковъ, требовали не мало времени и труда для полученія ихъ.

Въ общемъ-же расчетѣ по раздѣлу сибирскаго войсков. капитала для Семирѣченскаго войска представляется въ слѣдующемъ видѣ

Семирѣченскому войску слѣдовало получить:

Изъ главнаго капитала Сибирскаго войска .	40000 р. — к.
„ военнаго капитала	15370 р. 88 к.
„ вспомогательныхъ: возвратнаго . .	2000 р. — к.
„ „ безвозвратнаго . .	1000 р. — к.
$6^0/_0$ на суммы изъ военнаго и вспомогательныхъ капиталовъ по 17 августа 1867 г. .	191 р. 62 к.([61])
Всего . .	58562 р. 50 к.

Изъ которыхъ наличными деньгами получено 24872 р. 15 к., а остальные 33690 р. 35 к, разложились слѣдующимъ образомъ:

Долгомъ за казаками обоихъ округовъ . .	29263 р. $60^1/_2$ к.
„ за офицерами	1065 р. $81^1/_2$ к.
Матеріалами въ складахъ	3358 р. 78 к.
За 10 полковымъ окружнымъ управ.	2 р. 15 к.

Назначая Семирѣченскому к. войску по „основнымъ началамъ положенія“ пятую часть военнаго и вспомогательнаго капиталовъ Сибирскаго([62]), правительство законодательнымъ путемъ установило тотъ фактъ, что изъ Сибирскаго войска въ Семирѣченское перешло не менѣе пятой части населенія, а потому было-бы естественно признать въ той-же долѣ и право Семирѣченскаго на главный войсковой капиталъ Сибирскаго, помимо военнаго, который, какъ мы видѣли въ сущности принадлежалъ исключительно 9 и 10 полкамъ.

Но Семирѣченское к. войско, не имѣя своего представителя при рѣшеніи финансоваго вопроса, лишено было и справедливыхъ выгодъ при раздѣлѣ, едва получивъ половину того, что могло-бы получить при иныхъ условіяхъ организаціи раздѣла.

Нѣчто подобное повторилось и при опредѣленіи, какъ правительственной субсидіи войску, такъ и отпуска взамѣнъ

питейныхъ сборовъ. Обѣ эти суммы были первоначально назначены, и въ 1868 году даже получены войскомъ, въ размѣрѣ значительно меньшемъ пятой доли отпуска Сибирскому. Изъ 92449 руб. 57 к., отпускавшихся ежегодно Сибирскому войску на содержаніе резервныхъ нижнихъ чиновъ, Семирѣченскому было назначено только 11911 р. 68 коп., а изъ 55 тысячъ взамѣнъ питейныхъ сборовъ—7086 руб. 98 коп.(63).

Такой раздѣлъ казеннаго отпуска былъ признанъ уже только по представленію наказнаго атамана несправедливымъ и въ 1869 году доведенъ до полной пятой доли, какъ это уже было указано выше(57).

Вслѣдствіе такого неудачнаго для Семирѣченскаго войска финансоваго раздѣла съ Сибирскомъ, улучшеніе плачевнаго состоянія оружія и нѣкоторые другіе настоятельные расходы для подъема экономическаго положенія населенія пришлось отложить на неопредѣленное время, а для войска финалъ раздѣла послужилъ одной изъ тѣхъ причинъ, послѣдствіемъ которыхъ явилось потомъ затруднительное финансовое положеніе.

Съ 1869 года, когда были закончены съ Сибирскимъ войскомъ расчеты по раздѣлу и была въ законодательномъ порядкѣ установлена справедливая норма казеннаго отпуска, дѣла Семирѣченскаго войскового капитала приняли болѣе нормальное теченіе.

На усиленіе средствъ войска и на текущіе расходы ежегодно поступало изъ государственнаго казначейства: 18500 р., имѣвшихъ прежде въ Сибирскомъ войскѣ назначеніе для содержанія резервныхъ нижнихъ чиновъ, а теперь обращенныхъ въ прямое пособіе войску(57), и 11000 рублей взамѣнъ питейныхъ сборовъ съ территоріи войска(57). Помимо этихъ источниковъ собственныхъ доходныхъ статей, войско, напр., въ 1871 году имѣло только 3217 р., поступавшихъ, главнымъ образомъ, отъ сбора съ казаковъ торговаго общества и съ земли, отдаваемой въ аренду(64); въ 1875 году—5009 р., составившихся преимущественно изъ %% на войсковой капиталъ и арендной платы за землю(64) и въ 1878 г. около 5½ тысячъ рублей изъ тѣхъ-же самыхъ источниковъ(64).

Не разсматривая здѣсь подробно ни приходныхъ, ни расходныхъ статей войскового бюджета, что составитъ задачу особаго очерка, можно сказать здѣсь только одно, что собственныя доходныя статьи въ описываемый періодъ времени были такъ незначительны, что безъ правительственной поддержки войско прямо не могло существовать.

Съ 1873 года въ Семирѣченскомъ войскѣ введенъ въ дѣйствіе законъ 7 декабря 1870 года, по которому торговое общество казаковъ уничтожалось, правительство брало въ свои руки всѣ сборы съ торговли на территоріи войска и, взамѣнъ доходовъ, получавшихся войскомъ отъ торговыхъ сборовъ, опредѣлено отпускать ему изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1873 г., по 2600 руб.(65) Такимъ образомъ, сумма, выдаваемая ежегодно правительствомъ войску, съ 1873 г. возросла до 32100 р., изъ которыхъ прямого пособія было по прежнему 18500 руб

Состояніе при этихъ условіяхъ войскового капитала въ разсматриваемый періодъ времени выражалось въ слѣдующихъ цифрахъ(66).

Къ 1 января 1868 г.=18379 р.	Къ 1 янв. 1874 г.=147468 р.
— 1869 г.=26435 р.	— 1875 г.=151221 р.
— 1870 г.=59959 р.	— 1876 г.=162950 р.
— 1871 г.=77099 р.	— 1877 г.=169464 р.
— 1872 г.=93956 р.	— 1878 г.=166041 р.
— 1873 г.=111508 р.	— 1879 г.=163547 р.

Такой быстрый ростъ капитала объясняется употребленіемъ его почти исключительно на одни только военныя надобности войска; въ помощь бѣднымъ лицамъ войскового сословія, въ качествѣ прямой благотворительности, расходовалось до 1000 рублей ежегодно, на народное образованіе до 1878 г. тратились совершенно ничтожныя суммы, расходовъ прямыхъ или косвенныхъ на улучшеніе экономическаго положенія населенія уже совершенно не дѣлалось никакихъ, поэтому доходы всегда должны были превышать расходы и ростъ капитала не могъ идти въ иной прогрессіи.

Въ заключеніе настоящаго краткаго обзора состоянія денежныхъ рессурсовъ войска за первый періодъ его существованія остается прослѣдить лѣтопись законодательныхъ актовъ, имѣвшихъ, здѣсь то или другое значеніе.

Еще до образованія Семирѣченскаго войска, закономъ 20 марта 1867 года было вновь подтверждено: войсковые капиталы всѣхъ казачьихъ войскъ признавать собственностью каждаго цѣлаго отдѣльнаго войска, какъ особаго государственнаго учрежденія и добавлено, что при обращеніи капиталовъ этихъ въ государственномъ банкѣ—⁰/₀⁰/₀ на нихъ выплачивать наравнѣ съ частными вкладами, а дѣйствіе манифестовъ о сложеніи взысканій—на нихъ не распространять(67).

Въ 1872 году опредѣлено—повѣрку оборотовъ войскового

капитала Семирѣченскаго к. войска, т. е. повѣрку смѣтъ и контроль расходовъ производить въ Туркестанской контрольной палатѣ ([68]), за что войско должно было уплачивать на усиленіе средствъ этой палаты по 1200 руб. ежегодно ([69]).

Въ 1874 году подраздѣленіе войскового капитала на военный и два вспомогательныхъ—отмѣнено, всѣ эти капиталы слиты въ одинъ, названный общимъ войсковымъ капиталомъ, изъ котораго и удовлетворялись всѣ расходы, производившіеся ранѣе изъ упраздненныхъ капиталовъ ([70]).

Станичные капиталы.

Станичные капиталы въ общей своей сложности только до нѣкоторой степени напоминаютъ картину роста войскового; ихъ наличность въ началѣ и концѣ разсматриваемаго періода по войсковымъ отчетамъ за эти годы представляется въ слѣдующемъ, далеко не блестящемъ, для большинства станицъ, положеніи:

	Къ 1 января 1868 года.		Къ 1 января 1879 года.		
	Руб.	К.	Руб.	К.	
Станицы: Капальская . .	4800	52	2262	94	
Сергіопольская	53	41	409	32	
Урджарская . .	56	48	9	70	
Лепсинская . .	787	86	192	68	
Алматинская .	3079	91	10482	62	
Софійская . .	107	63	253	75	
Сарканская . .	—	—	371	73	Съ 1875 г.
Коксуйская . .	—	—	—	—	» 1878 г.
Всего . . .	8885	80	13982	73	Станицами.

При первомъ взглядѣ на приведенную таблицу невольно бросается въ глаза слѣдующее обстоятельство

Въ станицѣ Капальской, вскорѣ послѣ ея основанія, помѣстилось, сначала, полковое окружное управленіе 10 полка, а потомъ тамъ-же располагалось окружное управленіе 9-го; въ станицѣ Лепсинской съ ея основанія и даже нѣкоторое время уже послѣ образованія Семирѣченскаго казачьяго войска жилъ постоянно, такъ называвшійся, начальникъ Верхъ—Лепсинскаго отряда; станица-же Алматинская была всегда на глазахъ начальниковъ Алатавскаго округа, Заилійскаго отряда и въ концѣ—начальника 10 полкового округа.

На обязанности всѣхъ этихъ лицъ и учрежденій всегда лежало наблюденіе за финансовой стороной станичнаго хозяйства. И вотъ, именно во всѣхъ этихъ станицахъ, гдѣ было наблюденіе -- капиталы, ко времени отдѣленія отъ Сибирскаго войска, оказались наибольшіе.

Съ образованіемъ-же Семирѣченскаго казачьяго войска подъ постояннымъ дѣйствительнымъ наблюденіемъ осталась только одна станица—Алматинская, гдѣ квартировали всѣ войсковыя административныя лица и учрежденія,—и въ ней именно капиталъ возросъ въ 3 раза, а въ остальныхъ, за исключеніемъ Сергіопольской и Софійской, значительно уменьшился.

Источниками доходовъ станицъ являлись: арендная плата за общественныя земли и мельницы, проценты съ ссудъ изъ станичныхъ капиталовъ, сборы: за увольненіе въ отпускъ казаковъ, съ договоровъ и разныхъ сдѣлокъ, совершавшихся въ станичныхъ правленіяхъ, съ заводовъ, трактировъ и т. п.(66).

Станичныя приходо-расходныя смѣты на 1869 и 1870 годы послѣ разсмотрѣнія ихъ станичнымъ сходомъ, поступали на заключеніе уѣздныхъ начальниковъ, которые со своими замѣчаніями представляли ихъ въ областное правленіе, гдѣ онѣ, наконецъ, и утверждались окончательно (71). Смѣты-же, начиная съ 1871 года утверждались самими станичными сходами (72).

ИСТОЧНИКИ:

Къ части II главъ 1-й исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска.

№ № по порядку.

1 Полное собраніе Зак. Рос. Имп. 1867 г. т. XLII, ст. 44845 „основн. начала положенія о Семирѣч. к. войскѣ".

2 Архивъ войск. пр-нія Семир. к. в., опись дѣлъ, пост. изъ каз. отд. штаба войскъ Семир. обл., часть хоз., дѣло 1867 г. № 8/27, листъ 65: отнош. штаба Семир обл., 14 нояб 1867 г. № 11046 военному Губернатору Семипалат. Обл. и листъ 75; отнош. наказ. атамана Сибир. к. в. 18 дек. 1867 г. № 2908.

3 Тотъ-же архивъ: оп. д. воен. отдѣленія, д. 1884 г. №24/50, листъ 201. отдѣлъ III записки о значеніи Семир. к. войска; въ томъ-же дѣлѣ листъ 1—инструкція Главн. упр-нія иррег. войскъ генер.-адъют. Свистунову. Архивъ Семир. област. пр-нія, оп. дѣлъ хоз. отд, дѣло 1877 г. листъ 1, журналъ общ. присут, Семир. обл. пр-нія 12 іюля 1878 г

4 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в. оп. д. воен. отдѣленія, дѣло 1887 г., листъ 3, записка наказн. атамана Семир. к. в. ген. Фриде по поводу предполагавшагося сліянія Семир. и Сибир. войска.

5 Такъ какъ приказъ Сибирскому к. войску 5 сент. 1867 г. № 277. современно отпечатанный и содержащій дословно „основныя начала положенія о Семир, к. в." составляетъ библіографическую рѣдкость, Полнымъ-же Собр. Законовъ Рос. Им. 1867 г. т XLII, ст. 44845, въ которое эти „начала" вошли уже въ иной редакціи, располагаютъ въ Семир. области только два высшихъ учрежденія, по этому для сравненія текстовъ одного и того-же законодат. акта, но въ двухъ совершенно разныхъ редакціяхъ, два текста по двумъ разнымъ документамъ приводятся здѣсь полностью, въ виду ихъ важнаго историческаго для войска значенія.

1.

Второе Полное Собр Зак. Рос. Им 1867 г. т. XLII, ст. 44845 іюля 13. Высочайше утвержденное положеніе Военнаго Совѣта, объявленное въ приказѣ военнаго министра 14 того-же іюля—Объ учрежденіи Семирѣченскаго к. войска.

На основаніи Высоч. повелѣнія, объявленнаго въ Высо-

чайшемъ приказѣ сего 14 числа іюля, изъ населеній Сибирскаго к. войска, входящихъ въ составъ Семирѣченской области, учреждается особое Семирѣченское к. войско. Государь Императоръ, въ 13 день сего іюля, Высочайше утвердить соизволилъ: одобренныя Военнымъ Совѣтомъ основныя начала положенія о Семирѣченскомъ войскѣ, а равно прилагаемое росписаніе станицъ и штатъ коннаго шестисотеннаго полка сего войска. Основными началами опредѣлено:

§ 1. Семирѣченское к. войско образовать изъ 9 и 10 полк. округовъ Сибирскаго к. войска, при чемъ упразднить существующее Полковое Правленіе 9 округа.

§ 2. Подчинить войско, подобно другимъ каз войскамъ, Военному Министерству по Главному управленію иррег. войскъ, съ состояніемъ подъ главнымъ начальствомъ Туркестан. генер.-губернатора, какъ командующаго войсками Туркест. военокруга, и непосредственнымъ—Наказнаго Атамана, въ лицѣ Военнаго Губернатора и Командующаго войсками Семир. области.

§ 3. Обязать войска выставлять два конныхъ полка, которые, относительно своего состава, организаціи, правъ, преимуществъ и льготъ, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, руководствуются Положеніемъ о Сибирскомъ к. войскѣ (1861 г.) При чемъ порядокъ отбыванія службы полковъ въ мирное и военное время и назначеніе въ нихъ комплекта офицеровъ представить соображенію главнаго мѣстнаго начальства.

§ 4. Для завѣдыванія военно административною и хозяйственною частями войска, при штабѣ Воен. Губернатора Семирѣченской области образовать особое отдѣленіе.

§ 5. Въ гражданскомъ, административномъ, полицейскомъ и судебномъ отношеніяхъ войско подчинить общимъ въ области административнымъ, полицейскимъ и судебнымъ властямъ.

§ 6. Собственно станичный судъ въ Семирѣченскомъ к. войскѣ учредить на основаніи особаго положенія о станичномъ судѣ въ оренбургскомъ войскѣ (П. С. З Р. И. 1865 г. т. XL, ст. 42059).

§ 7. На содержаніе всѣхъ войсковыхъ учрежденій войску отпускать ежегодно отъ казны деньги, требующіяся по вновь составленнымъ штатамъ. Деньги эти перечислять по смѣтамъ государст. казначейства на Семирѣченское войско, изъ числа отпускаемыхъ Сибирскому к. войску, 92449 р. 51 к.— на содержаніе казаковъ внутренней службы, и 55000 руб.

взамѣнъ питейныхъ сборовъ. Кромѣ того, Семирѣченскому войску выдѣлить единовременно одну пятую часть изъ военнаго и вспомогательнаго капиталовъ Сибирскаго к. войска. Изъ этихъ послѣднихъ капиталовъ и изъ остатковъ отъ расходовъ на образованіе и содержаніе учрежденій Семирѣченскаго к. войска сформировать одинъ общій войсковой капиталъ этого войска.

§ 8. Расходованіе войсковыхъ суммъ Семирѣч. к. в. производить по особымъ смѣтамъ, въ установленномъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ симъ Высочайше повелѣно: дальнѣйшее развитіе основныхъ началъ положенія о Семир к. в. и представленіе его возложить на обязанность командующаго войсками Туркест. воен. округа.

Росписаніе станицъ, вошедшихъ въ составъ Семир к. в., упоминаемое здѣсь, приведено дословно въ текстѣ исторіи въ части II, главѣ I. въ статьѣ „Территорія, занятая первоначально войскомъ, и первонач. числ. составъ его". Штатъ полка будетъ такъ-же дословно приведенъ въ своемъ мѣстѣ ниже.

2.

Приказъ Сибирскому к. войску. По военному вѣдомству. Въ г. Омскѣ сентября 5 дня 1867 г.

№ 277.

За отсутствіемъ Военнаго Министра Начальникъ Главнаго Штаба генер.-адъютантъ графъ Гейденъ, отъ 2 прошлаго августа за № 535, увѣдомилъ Генер. Губернатора Зап. Сибири, что Государь Императоръ въ 13 день іюля сего года Высочайше утвердить соизволилъ одобренныя Военнымъ Совѣтомъ основныя начала положенія о Семир к. в., росписаніе станицъ и штатъ 6-ти сотеннаго коннаго полка сего войска. Вмѣстѣ съ симъ Высочайше повелѣно: а) проэктированную временнымъ комитетомъ для пересмотра казачьихъ законоположеній новую, для нѣкоторыхъ казачьихъ войскъ, систему отбыванія воинской повинности и учрежденіе вслѣдствіе того класса войсковыхъ гражданъ на Семирѣченское к. в. не распространять впредь до того времени, когда по положенію дѣлъ въ Туркестанскомъ краѣ это окажется воз-

можнымъ б) Организацію Семирѣч. в., какъ въ военномъ, такъ и гражд. отношеніи произвести одновременно, потому что въ случаѣ устройства на первое время одной только военной части — пришлось бы въ гражданскомъ отношеніи управлять войскомъ изъ Омска, что по отдаленности расположенія войска отъ центральнаго управленія повело-бы въ административномъ, полицейскомъ и судебномъ отношеніяхъ къ важнымъ затрудненіямъ и поставило-бы въ подчиненіе двумъ равнымъ и не зависимымъ одна отъ другой властямъ.

При этомъ графъ Гейденъ присовокупилъ, что Военный Совѣтъ, принимая во вниманіе, что сбереженія, которыя могутъ послѣдовать отъ преобразованія управленій Сибирскаго к. войска, могутъ получить впослѣдствіе, по видамъ правительства, другое назначеніе, призналъ болѣе удобнымъ не предрѣшать въ настоящее время сего вопроса, а отчислить изъ суммъ, отпускаемыхъ отъ казны Сибирскому войску только ту сумму, которая необходима нынѣ по утвержденнымъ штатамъ для Семирѣченскаго войска, предоставляя за симъ вопросъ сей обсудить отдѣльно.

Его Высокопревосходительство*), сообщая мнѣ**) объ этомъ съ приложеніемъ копіи съ основныхъ началъ положенія о Семир. в., *какъ болѣе подробныхъ нежели таковыя были изъяснены въ приказѣ военнаго министра отъ 14 іюля за № 251,* предлагаетъ принять оныя къ исполненію и руководству, въ особенности относительно §§ 31, 32 и 34-го. Что-же касается до выдѣленія Семирѣч. войску суммы изъ военнаго и вспомогательнаго капиталовъ, то въ этомъ отношеніи по прежнему руководствоваться приказомъ его по Сибир. каз. войску отъ 10 августа за № 23, кромѣ сего при составленіи смѣты на будущій 1868 г. проситъ вышеизложенное распоряженіе имѣть въ виду. О чемъ вслѣдствіе предложенія Его Высокопревосходительства генер.-губер. Зап. Сибири отъ 31 авг. за № 638 объявляю по Высоч. ввѣрен. мнѣ войску для надлежащаго свѣдѣнія и руководства. Наказный атаманъ генералъ-маіоръ Гулькевичъ.

На подлинномъ написано: Высочайше утверждено 13 іюля 1867 г. въ Красномъ селѣ. Военный Министръ генералъ-адъютантъ Милютинъ.

Основныя начала положенія о Семирѣченскомъ казачьемъ войскѣ.

---

*) Нужно полагать—Генералъ-Губернаторъ Запад. Сибири.
«*) — — Наказному Атаману Сибирск. каз. войска.

§ 1. Семирѣченское казачье войско образуется изъ 9 и 10 округовъ Сибирскаго к. войска и занимаетъ мѣстность, входящую въ составъ этихъ округовъ, т. е. Алатавскій и Сергіопольскій округа Семипалатинской области*).

§ 2. Станицы, входящія въ составъ Семир. к. в., показаны въ прилагаемомъ росписаніи.

§ 3. Народонаселеніе Семирѣченскаго войска составляется изъ казачьяго населенія 9 и 10 полковъ Сибирскаго к. войска

§ 4. Пріемъ въ войско охотниковъ изъ остальныхъ округовъ Сибир. в., а равно лицъ другихъ званій, долженъ подчиняться общимъ правиламъ, которыя будутъ установлены для всѣхъ казачьихъ войскъ

§ 5. Тѣми-же правилами долженъ обусловливаться и выходъ изъ войска, но казакамъ, водвореннымъ въ станицахъ съ пособіемъ отъ казны, можетъ быть представлено право на исключеніе изъ войскового сословія, не иначе, какъ по прослуженіи ими полнаго срока службы или-же по возвратѣ выданной имъ въ пособіе суммы.

§ 6. Семирѣченское войско обязано выставлять два конныхъ полка 6 ти сотеннаго состава, по прилагаемому штату, которые относительно своей организаціи и фронтового образованія, руководствуются правилами, установленными для полковъ Сибирскаго к. в.

§ 7. Семир. войско несетъ двоякую службу: полевую и внутреннюю.

§ 8. Подробности порядка отбыванія службы полковъ въ военное и мирное время, и назначеніе для нихъ комплекта офицеровъ, а такъ-же службы внутренней и правила для смотровъ будутъ опредѣлены командующимъ войсками Туркест. воен округа, сообразно съ мѣстными условіями и потребностями.

§ 9. Формы обмундированія и конской сбруи для Семир. к. войска имѣютъ быть представлены на утвержденіе Военнаго министерства командующимъ войсками Туркестанскаго в. округа.

§ 10. Семирѣченскому к. войску, присваивается вооруженіе Си-

*) Здѣсь,—или недоразумѣніе, вслѣдствіе котораго 9 и 10 полк. округа приравнены къ Алатавскому и Сергіопольскому, что далеко не одно и тоже, и при этомъ пропущенъ цѣлый округъ Капальскій, находившійся между Алатавскимъ и Сергіоп., или-же дѣйствительно предполагалось съ начала отдать всю территорію названныхъ округовъ Семирѣченскому войску.

бирскаго к, войска.

§ 11. Относительно льготъ, содержанія отъ казны и войска, а также служебныхъ правъ и преимуществъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, Семирѣченское войско руководствуется положеніемъ о Сибирскомъ к. войскѣ.

§ 12 Правила о предоставленіи временныхъ пособій и льготъ переселенцамъ, если таковые будутъ допускаемы въ Семирѣченское войско, должны быть установлены впослѣдствіе, по представленію начальства Туркестанскаго военнаго округа.

§ 13 Семирѣченское казачье войско подчиняется военному министерству, по главному управленію иррегулярныхъ войскъ, на общемъ основаніи, установленномъ всѣхъ для казачьихъ войскъ.

§ 14. Главное мѣстное управленіе войскомъ, въ военномъ и гражданскомъ отношеніяхъ, принадлежитъ Туркестанскому генер.-губернатору, какъ командующему войсками Туркестанскаго воен округа.

§ 15. Семирѣченскимъ войскомъ управляетъ военный губернаторъ и командующій войсками Семирѣченской области въ званіи наказнаго атамана, которому присваивается по военному управленію права начальника дивизіи.

§ 16. Въ гражданскомъ—административномъ отношеніи Семирѣченское войско подчиняется военно-народному управленію Семирѣченской области и уѣзднымъ воинскимъ начальникамъ по особому положенію

§ 17. Для завѣдыванія строевою, военно-административною и хозяйственно строительною частями имѣется въ штабѣ Семирѣченской области собственно для казачьихъ дѣлъ: 1 старшій адъютантъ, 1 помощникъ ему—онъ-же казначей, 1 старшій и 2 младшихъ писаря и 1 сторожъ, съ производствомъ имъ содержанія, одинаковаго съ прочими чинами по штату сего штаба.

§ 18. Въ Семирѣченскомъ войскѣ состоитъ межевая партія, размѣръ которой имѣетъ быть опредѣленъ впослѣдствіи, сообразно мѣстнымъ потребностямъ.

§ 19. По военной и хозяйственно-строительной частямъ наказный атаманъ дѣйствуетъ непосредственно, чрезъ станичныя управленія.

§ 20. Съ учрежденіемъ Семирѣченскаго к. войска упраздняются полковыя правленія 9 и 10 округовъ Сибирскаго войска.

§ 21. Станичныя правленія, существующія въ станицахъ, от-

ходящихъ въ составъ Семирѣченскаго войска, остаются въ прежнемъ своемъ составѣ, съ переименованіемъ лишь станичныхъ судей—станичныхъ засѣдателей.

§ 22. По военной и хозяйственно-строительной частямъ станичныя правленія руководствуются относительно предѣловъ власти и образа своихъ дѣйствій правилами, установленными для станичныхъ правленій Оренбургскаго к. войска.

§ 23 Всѣ чины Семирѣченскаго каз. войска, а равно ихъ семейства, по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ, исковымъ, тяжебнымъ, а также и дѣламъ уголовнымъ, если преступленія и проступки совершены ими внѣ состоянія на полевой службѣ, подвѣдомственны, подобно лицамъ другихъ сословій, общимъ въ области судебнымъ властямъ, въ полицейскомъ-же отношеніи военно-народному управленію и уѣзднымъ начальникамъ по особому положенію.

§ 24. За преступленія-же и проступки, совершенныя чинами Семирѣченскаго войска на полевой службѣ, или хотя и внѣ службы, но касающіеся нарушенія воинской дисциплины или воинскихъ обязанностей,—они судятся военно уголовнымъ судомъ.

§ 25. Для разбора, маловажныхъ тяжбъ и исковъ и для дѣлъ и маловажныхъ проступковъ, въ станицахъ учреждаются станичные суды, которые руководствуются положеніемъ 5—17 мая 1865 г. о станичномъ судѣ въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ.

§ 26, Семирѣченскому к. войску на содержаніе внутренняго военнаго управленія и на другія надобности ассигнуется ежегодно изъ государственнаго казначейства особая сумма.

Примѣчаніе. Сумма эта перечисляется по смѣтамъ государственнаго казначейства на Семирѣченское войско изъ числа отпускаемыхъ Сибирскому к. войску отъ казны: а) на содержаніе военно-служащихъ урядниковъ и казаковъ 92443 р. 57 к. и б) взамѣнъ питейнаго сбора 55000 р. въ размѣрѣ, который будетъ указанъ впослѣдствіи особымъ распоряженіемъ.

§ 27. Упоминаемая въ предшествующемъ § сумма предназначается для образованія войскового капитала Семирѣченскаго войска и на покрытіе такихъ расходовъ, которые въ Сибирскомъ к. войскѣ упадаютъ на войсковыя суммы.

§ 28. Мѣстныя статьи доходовъ бывшихъ 9 и 10 округовъ Сибирскаго к. войска, какъ то отъ отдачи запасныхъ земель въ оброчное содержаніе, отъ мельницъ, заводовъ и проч, которые поступали прежде въ войсковыя суммы Сибирскаго к. войска, должны быть причисляемы къ войсковому капиталу Семирѣченскаго к. войска.

§ 29. Всѣ доходы и расходы по означенному капиталу вносятся въ особую по Семирѣченскому войску смѣту, которая составляется по распоряженію главнаго начальника Туркест. воен. округа и вносится установленнымъ порядкомъ на утвержденіе военнаго министерства.

§ 30. Къ общему войсковому капиталу Семирѣченскаго к. войска присоединяется наличными деньгами и часть военнаго капитала Сибирскаго к. войска, соотвѣтствующая количеству народонаселенія, отходящихъ двухъ полковыхъ округовъ Сибирскаго к. войска

§ 31. На выдачу пособій казакамъ при снаряженіи на внѣшнюю службу ассигнуется ежегодно изъ общаго войскового капитала особая сумма въ опредѣленномъ размѣрѣ.

Пособія эти выдаются на основаніи положенія о Сибирскомъ к. войскѣ.

Примѣчанія 1. Въ случаѣ недостатка опредѣленной по смѣтѣ войсковой суммы на выдачу пособій, они могутъ быть выдаваемы заимообразно и изъ станичныхъ суммъ, но за указанные изъ войсковыхъ суммъ проценты, въ пользу суммъ станичныхъ; возвратъ-же позаимствованнаго капитала дѣлается посредствомъ вычета съ получавшихъ пособія во время состоянія ихъ на полевой службѣ.

2) Суммы, израсходованныя въ прежнее время изъ военнаго капитала Сибирскаго войска на покупку винтовокъ для нижнихъ чиновъ 9 и 10 полковъ, должны, по мѣрѣ взысканія, поступать на усиленіе войсковаго капитала Семирѣченскаго войска.

3) Точно такъ-же на усиленіе войскового капитала Семирѣченскаго к. войска обращаются и тѣ ссуды, по мѣрѣ ихъ поступленія, которыя были выданы изъ военнаго капитала Сибирскаго войска нижнимъ чинамъ 9 и 10 полковъ, но до сихъ поръ еще не уплачены.

§ 32. Для образованія вспомогательнаго возвратнаго капитала Семирѣченскаго к. войска, отдѣляется изъ тако-

вого-же капитала Сибирскаго к. войска единовременно такая часть, которая будетъ причитаться соотвѣтственно народонаселенію отходящихъ двухъ округовъ Сибирскаго войска сравнительно съ остающимся въ этомъ войскѣ населеніемъ.

Примѣчаніе. Срочныя ссуды, выданныя чинамъ 9 и 10 полковъ изъ возвратнаго вспомогательнаго капитала Сибирскаго к. войска, но до сихъ поръ не уплаченныя, обращаются по мѣрѣ ихъ взысканія на усиленіе возвратнаго капитала Семирѣченскаго к. войска.

§ 33. При выдачѣ ссудъ изъ возвратнаго вспомогательнаго капитала Семирѣч к. войска, отпускается этому войску одновременно изъ такового-же капитала Сибирскаго к войска соразмѣрная часть, затѣмъ въ капиталъ этотъ отчисляется ежегодно изъ собственныхъ суммъ Семирѣченскаго войска извѣстный % по усмотрѣнію войскового начальства

§ 34. Для образованія безвозвратнаго вспомогательнаго капитала Семирѣч. к. в., отпускается этому войску единовременно, изъ такового-же капитала Сибирскаго к в. соразмѣрная часть, затѣмъ въ капиталъ этотъ отчисляется ежегодно изъ собств. суммъ Семир войска извѣстный % по успотрѣнію войскового начальства.

§ 35. Относительно станичныхъ доходовъ и расходовъ Семир. к. в. руководствуется положеніемъ о Сибирскомъ к. войскѣ.

Относительно упоминаемыхъ здѣсь росписанія станицъ и штата полка—смотр. такое-же примѣчаніе въ концѣ выписки „основн. началъ" изъ Полн. Собр. Законовъ Рос. Имперіи

6 Арх. Войск. Пр-нія Семир. к. в., оп. д., пост. изъ каз. отд. штаба войскъ Семир. обл. по ч. хоз., дѣло 1868 г. № 7/101, листъ 162, войсковой отчетъ за 1867 г.

7 Собр узакон и распор. правительства за 1899 г. приложеніе къ № 33, ст. 411, Положеніе о Сибирскомъ к. в 1861 г. § 494 и 496. Душевой надѣлъ—30 дес., въ запасъ на полк. округъ до 24000 дес.

8 Арх. Семир. Обл. Пр-нія, оп. д. хоз. отд., дѣло 1877 года № 1118, листъ1, журналъ Общаго Присут. Семир. Обл. Пр-нія 12 іюня 1878 года.

9 Къ журналу, указ. въ предыдущ. 8-мъ примѣчаніи, прило-

женъ слѣд. списокъ мѣстностей, намѣченныхъ значительно ранѣе администраціей подъ осѣдлыя русскія поселенія въ области и предложенныхъ для заселенія сибирскими и оренбургскими казаками, въ видахъ усиленія состава Семир. к. войска:

1) На р. Иренъ-су около устья р. Урджара на 50 семей.
2) На р. Хатынъ-су по пути изъ ст. Уржарской въ укр. Бахтинское . . . . . 50 семей.
3) На р. Теректы между ст. Сарканской и Лепсинской . . . . . 36 семей.
4) Въ долинѣ р. Конуръ-Оленъ по дорогѣ отъ станціи Алтынъ-Эмельской къ укр. Бороху-дзиръ . . . . . 20 „
5) На уроч. Аралъ-Тюбе, выс. Попутный, гдѣ уже поселено . . . . . 17 семей, еще 33.
6) На уроч. Киргизъ-Сай, выс. Подгорный, гдѣ уже поселено . . . . . 14 „ „ 36,
7) На р. Чуньжѣ, выс. Чуньжинскій, гдѣ уже поселено . . . . . 8 „ „ 12.

Въ Токмакскомъ уѣздѣ:

8) На р. Качкарѣ при сліяніи съ Джуанъ-арыкомъ . . . . . „ „ . 100.
9) На р. Оттукъ при сліяніи съ Онъ-Арчей „ „ . 50.
10) Въ долинѣ р. Джумгалъ . . . .
11) На р. Куртку у развалинъ бывш. Кокандскаго укрѣп. Куртку . . . . . } „ 120.
12. Въ Иссыкъ-Кульск. уѣздѣ на р. Нарынколъ выс. Охотничій . . . . 34 „ еще 66.

кромѣ того, при 16 почт. станціяхъ разныхъ уѣздовъ преимущественно по 10 семей.

10 Арх. Войск Пр-нія Семир. к. в., оп. д., пост. изъ каз. отд. штаба Семир. обл.; дѣло 1869 г. листъ 234, войсковой отчетъ за 1868 г. листы 238 и 239.

11 Войсков Пр-ніе Семир. к. в. по отд. войск. землемѣра. „Вѣдомость станицамъ и выс. Семир. к. в., составл. въ 1903 г., съ показаніемъ времени возникновенія таковыхъ".

12 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп д., пост. изъ разн. учрежд., дѣл 1866 г. № 79/346 цѣлая переписка по этому вопросу. 2) Арх. Семир. Обл. Пр-нія, оп. дѣлъ канцеляріи воен. губернатора Семир. обл. по Кульджинск. дѣламъ, дѣло 1869 г., № 35, листъ 1, предлож. воен. губернатора Семир. обл 3 декабря 1869 г. № 4323 Вѣрненск. комитету по призрѣнію китайскихъ эмигрантовъ.

13 Архивъ. войск. пр-нія Семир. к в., оп. д., пост. изъ каз. отд. шт. войскъ Семир. об. по ч. воен., дѣло 1870 г. № $^{11}/_{244}$, листъ 291, войсковой отчетъ за 1869 г.

14 Сборникъ правит. распоряженій по каз. войскамъ 1868 г. т. V, ст. 69.

15 Арх. войск. пр-нія Семир, к. в, оп д., пост. изъ каз. отд. шт. в. Семир. об. ч. хоз., дѣло 1870 г. № $^{42}/_{510}$, въ немъ переписка о китайскихъ эмигрантахъ.

16 Тамъ-же и по той-же описи дѣло 1877 г. № $^{94}/_{78}$, листъ 2, р-тъ Алмат. ст. атамана 16 дек. 1877 г. № 4478 к-ру Семир. льгот. полка и листъ 13 р-тъ к-ра этого полка 16 мая 1878 г. № 859 наказному атаману Семирѣченскаго к. войска

17 Тамъ-же, по той-же оп. ч. воен. дѣло 1871 г. № $^{13}/_{352}$ войсковой отчетъ за 1870 г.

18 Тамъ-же, по той-же оп. дѣло 1872 г № $^{17}/_{28}$, листъ 221, войсковой отчетъ за 1871 г.

19 1) Тотъ-же архивъ, по оп. д. хоз. войск. пр-нія дѣло 1897 года № 88, письмо Степного генералъ-губернатора 29 ноября 1897 г. № 7138 наказн. ат-ну Семир. к. в. 2) Арх. уп.-нія начальника Вѣрн. уѣзда, по общ. описи дѣло 1863 г. № 231, листъ 280, предпис. н-ка Алатавскаго округа 10 іюня 1863 года № 11 н-ку летучаго отряда подполковнику Лерхэ.

20 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д., пост. изъ каз. отд. шт. войскъ Семир. обл. ч. воен. дѣло 1871 г. № $^{25}/_{96}$, листъ 3, р-тъ н-ка Борохудзир. гарнизона 27 сентяб. 1871 г. № 168 к-щему войск. Семир. области. 2) Списокъ крестьянамъ. поселеннымъ въ выс. Голубевскомъ листы 1 и 2 того-же дѣла.

21 Тамъ-же дѣло 1871 г. № $^{26}/_{111}$-переписка по поводу заселенія и листъ 14.

22 Тамъ-же дѣло 1872 г. № $^{30}/_{39}$, переписка о заселеніи выселковъ Охотничьяго, Подгорнаго и Чуньжинскаго.

23 Того же дѣла листъ 139.

24 Изъ путевыхъ замѣтокъ автора.

25 Арх войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д., пост. изъ каз. отд. шт. войскъ Семирѣч обл. ч. воен., дѣло 1867 г № $^{1}/_{19}$, переписка по поводу заселенія выс. Тополевскаго.

26 Тамъ-же, та-же оп, дѣло 1873 г № $^{43}/_{54}$, переписка по поводу основанія и заселенія выс. Попутнаго и арх. Семир. обл. пр нія оп д. хоз. отд., дѣло 1875 г. № 889, листъ 2, докладная записка Аралъ-Тюбинскаго выселковаго общества 1 марта 1875 года.

27 Сборникъ правит. распор. по каз. войскамъ 1875 г. т. XI, ст. 105, журн. Воен. Совѣта 14 мая 1875 года.

28 Тотъ-же сборникъ, 1878 г., т. XIV, ст. 132, журналъ Воен. Совѣта 26 апрѣля 1878 г. Приказъ по Семир. к. в. 26 іюля 1878 г. № 194.

29 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д., пост. изъ разн. учрежд., дѣло 1872 г. № 69, къ нему „дополнительная конфиденціальная переписка къ дѣлу № 69" по этому вопросу.

30 Тоже дѣло № 69, листъ 154.

31 Арх. Семир обл. пр-нія, оп д. хоз. отд., дѣло 1877 года № 1017, листъ 1, отзывъ воен. губернатора Семир. обл. 2 іюля 1877 г. № 82 Семир обл. пр-нію.

32 А. Макшеевъ. Историческій обзоръ Туркестана СПБ. 1890 г стр. 241, 250 и слѣд.

33 Всепод. докладъ особаго комитета по устройству нашихъ среднеазіатскихъ областей, Высоч. утвержд. 11 апр. 1867 г., приложенный къ проэкту положенія объ управленіи въ Семир. и Сыръ-Дарьин. област, Ташкентъ. 1880 г. стр. 107—127.

34 А. Никольскій. Столѣтіе воен. министерства, т XI. Главн. упр-ніе каз. войскъ, ч. 1, СПБ. 1902 г. стр 383.

35 Отчетъ о состояніи Семир. к. в за 1868 годъ.

36 Пол. С З. Р. И. 1867 г. т. XLII, ст. 44844 и 44845.

37 Послужной списокъ генерала Колпаковскаго.

38 П. С. З Р. И. 1861 г. т. XXXVI, ст. 36730, § 7 и Собр. узак и распор. правит. 1899 г. прилож. къ № 33, ст. 411, § 141 и 142.

39 Отчетъ о сост. Семир. к в за 1868 г. и приказъ Семир. к. войску 25 апр, 1868 г наказнаго атам на.

40 1) П. С З Р. И. 1867 г. т. XLII, ст, 44844, полож. о воен. упр-ніи въ обл. Туркест, воен. округа, 2) Проэктъ положенія 1867 г. объ управлен. въ Семир. и Сыръ-Дарьинской обл. 3) Основн нач. полож. о Семир. к. в, § 16, по приказу Сибирск. войску.

41 Арх Семир. обл. пр нія оп, д. 1 от. 1 стол., дѣло 1868 г. № 46, циркулярное сообщеніе Семир. област. пр-нія $^{20}/_{22}$ февр. 1868 г № 40 объ открытіи его 19 февраля 1868 г.

42 Основн. начала положенія по тексту, объявл. въ приказѣ Сибирскому к. войску 5 сент, 1867 г, № 277.

43 Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. 1870 г. т. XLV, ст. 48354.

44 Циркуляръ главн упр-нія иррег, войскъ 5 іюня 1876 г. № 5 (Сборникъ правительст. распоряж. по каз. войскамъ т. XII, ст. 138).

45 Цирк. Главн. упр-нія ирр. войскъ 9 іюня 1878 г. № 7 (сборникъ правит. распор. по каз. войскамъ т. XIV, ст. 65).

46 Пол. С. З. Р. И. 1865 г. т. XL, ст. 42059.

47 Проэктъ положенія объ управленіи въ Семирѣч и Сыръ-Дар. областяхъ 1867 г. Ташкентъ 1880 г. стр. 36 37, §§ 129—181 И. Крафтъ. Судебная часть въ Туркестан краѣ и степныхъ областяхъ. Оренбургъ 1898 г. стр. 56—60.

48 Объяснит. Записка Степ. комиссіи, проэктировавшей положеніе военно-народ.—упр въ Семирѣч. и Сыръ-Дар. обл., приложена къ проэкту попож. указ. въ примѣч 47 здѣсь; стр. книги 132.

49 Отчетъ о состояніи Семир. к. в. за 1867 годъ.

50 Арх. Войск. пр-нія Семир. к. в. оп. д. пост. изъ каз. отд. шт. Семир. обл. ч. хоз., дѣло 1867 года № 8/27, листъ 1, отнош. войск пр-нія Сибирскаго к. в. 12 окт. 1868 г. № 9328 наказ. атаману Семир. к. в

51 Тотъ-же арх. и тоже дѣло, листъ 6, предпис. к-щаго войск. Туркест. воен. округа 25 окт. 1768 г. № 193 наказному ат. Семирѣченскаго каз. войска.

52 Тоже дѣло, листъ 3, отнош. шт. Сибир. к. в. 9 окт. 1867 г. № 6172 наказ. атаману Семир. к. в.

53 Тоже дѣло, листъ 32, р-тъ к-ра 1 Семирѣч. к. полка 24 іюля 1868 г. № 816, шт.—квартира г. Капалъ, въ шт. войскъ Семир. области.

54 Тоже дѣло, листъ 10, р-тъ наказ. ат-на Семир. к. в. 28 дек. 1867 г. № 953 ген.-губ. и к-щему войск. Турк воен. окр.

55 Тоже дѣло, листъ 25.

56 То-же дѣло, листъ 40, отнош. Шт. Сибир. к. в 30 янв. 1868 г. № 479 наказн. ат-ну Семир. к. в.

57 Приказъ по воен. вѣд. 28 янв. 1869 г. № 27.

58 Указ. въ примѣч. 50 дѣло, листы 46—52, копія журнала войск. пр-нія Сибир. к. в. 10 марта 1869 г.

59 Тоже дѣло, листъ 45, отнош. войск, пр-нія Сибир. каз. в. 12 марта 1869 г. № 1804 наказ. ат-ну Семир. к. в.

60 Тоже дѣло, листъ 60 и 61, предпис. шт. войскъ Семирѣч. обл. 29 іюня 1869 г. № 6463 казначею сотн. Сапожникову.

61 Тоже дѣло, листъ 65 и др. отнош. шт. войскъ Семир. обл. 14 нояб. 1869 г. № 11046 воен. губернатору Семипалат. обл. Объ этой суммѣ 191 р. 62 к. долго тянулся споръ: Семир. войско настаивало на ней, доказывая, что % должны быть насчитаны по 17 августа 1867 г., т. е. по день отданія приказа по Сибирск. к. в. объ отдѣленіи Семирѣченскаго, а Сибирск. предполагало начислить % только по 10 августа—день фактическаго отдѣленія. Чѣмъ закончился споръ—въ дѣлахъ не найдено, поэтому здѣсь сумма 191 р. 62 к. признана слѣдующей и полученной.

62 П. С. З. Р. И. 1867 г. т. XLII, ст. 44845, § 7.

63 Арх. и опись, указ. въ прим. 50 здѣсь, дѣло 1868 года № $^{11}/_{67}$, листъ 15, копія отнош. гл. уп-нія ирр. войскъ 23 мая 1868 г. № 5[illegible]9 к-щему войск. Туркест. в. окр. и листъ 14, отнош. штаба этого окр. 15 іюля 1868 г. № 4998 наказн. ат-ну Семирѣченскаго к. в.

64 Отчеты о состояніи Семирѣч. к. в. за 1871, 1875 и 1878 года.

65 Приказъ по воен. вѣд. 16 дек. 1870 г. № 376 и сообщен. министр. финанс. 15 ноябр. 1872 г. № 6255 гл. уп-нія ирр. войскъ (сборн. правит. распор. по каз. войск. 1872 г. т. XIII ст. 242).

66 Отчеты о состояніи Семирѣч. каз. в. за соотвѣтств годы и особенно за 1875 г.

67 Высочайше утвержд. 20 марта 1867 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта. Прик. воен. министра 3 апрѣля 1867 г. № 107 (сборникъ ст. 33).

68 Сообщеніе Гл. уп-нія ирр. войскъ 28 іюня 1872 г. № 390 к-щему войск. Туркест. воен. округа (сборникъ прав. рас. по каз в. 1872 г. ст. 60).

69 То-же сообщеніе (сборникъ 1872 г. ст. 133).

70 Положеніе военнаго Совѣта 20 іюля 1874 г. сообщ. главн. упр-ніемъ ирр. войскъ 29 іюля 1874 г. № 837 к-щему войск. Туркестан. воен. окр. (Сборникъ пр р. 1874 г ст. 129).

71 Арх. Семир. обл. пр нія, оп. д. хоз. отд 2-го стола, дѣло 1869 г. № 233, листъ 16, докладъ общ. присутствія Семирѣченскаго областн. пр-нія 12 марта 1869 г.

72 Тотъ-же архивъ и опись. Дѣло 1884 г. № 1573, листъ 6, журналъ общ. присут. Семир. обл. пр-нія 9 іюня 1884 г. и П. С. З. Р. И. 1870 г. т. XLV, ст. 48354, § 7, п. і.

Глава 2-я.

Экономическое положеніе.

Общій обзоръ.

Извѣстная степень экономическаго положенія Семирѣченскихъ казаковъ, въ первые годы жизни молодого войска, является, собственно, слѣдствіемъ совокупности всѣхъ тѣхъ причинъ, которыя, какъ мы уже видѣли выше, такъ неблагопріятно сложились съ самаго начала колонизаціи страны по день призыва къ жизни новаго войска.

Если даже оставить въ сторонѣ прошлую жизнь казаковъ, до момента ихъ появленія въ Семирѣчьѣ, то, какъ мы видѣли, даже и въ новой странѣ красною нитью въ ихъ бытѣ проходятъ требованіе военной службы. Требованія эти такъ всеобъемлющи, вліяніе ихъ такъ велико, что воинская повинность или, вѣрнѣе,—способъ ея отбыванія, сама собою становится во главѣ всѣхъ неблагопріятныхъ условій, окружавшихъ казака съ 17-ти лѣтняго возраста и почти до конца его дней.

Воинская повинность, какъ повинность, и всѣ проистекающія съ ея выполненіемъ послѣдствія, будутъ разсмотрѣны въ особой спеціальной главѣ, здѣсь же перейдемъ къ обзору исключительно экономическаго положенія, касаясь воинской повинности только въ частностяхъ, необходимыхъ для лучшаго освѣщенія различныхъ положеній, затрогиваемыхъ въ настоящей главѣ.

Разсматривая „основныя начала положенія“ о войскѣ въ наиболѣе подробной ихъ редакціи, приведенной въ приказѣ Сибирскому войску 5 сентября 1867 года, видѣли, что для этого, болѣе чѣмъ краткаго, „положенія“ экономическая жизнь, основа всякой другой и даже служебной, осталась совсѣмъ въ сторонѣ. А такъ какъ вновь образованное Семирѣченское войско, будучи отдѣлено отъ Сибирскаго, пред-

ставляло уже особую организацію, особую военную общину, поставленную силою самихъ окружающихъ условій жизни въ новой странѣ въ отличныя отъ Сибирскаго войска обстоятельства существованія, то, казалось-бы, что для регламентированія новыхъ условій жизни—требовались бы и новыя указанія. Но такихъ указаній „основными началами" не дано; въ нихъ содержится только ссылка, что относительно отпусковъ, льготъ, содержанія отъ казны и войска, а такъ же *служебныхъ правъ и преимуществъ* семирѣченскіе казаки руководствуются „положеніемъ" о Сибирскомъ к. войскѣ (§ 11), но относительно правъ гражданскихъ, за исключеніемъ подсудности, нѣтъ ни слова. Такой пробѣлъ въ первомъ „положеніи" вызвалъ потомъ массу затрудненій, предоставивъ опредѣленіе частностей гражданскихъ правъ семирѣченскихъ казаковъ усмотрѣнію мѣстной администраціи, далекой, какъ точно убѣдимся здѣсь ниже, отъ соблюденія даже и самыхъ справедливыхъ интересовъ казачьяго населенія.

Вслѣдствіе указаннаго недостатка „основныхъ началъ положенія" военно-народное управленіе войскомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось облечь его дѣйствія въ законномѣрную форму,—въ большинствѣ случаевъ обращалось къ „положенію" о Сибирскомъ войскѣ 1861 года; какъ много оно могло найти тамъ отвѣтовъ на свои запросы—покажетъ послѣдовательное изложеніе событій въ экономической жизни населенія.

Освобожденіе сибирскихъ казаковъ отъ податей, поставки рекрутъ и постояннаго военнаго постоя, дарованное имъ предшествовавшими законодательными актами, твердо установленное «положеніемъ 1846 г.», а затѣмъ подтвержденное еще и „положеніемъ 1861 г", было примѣнено во всемъ къ Семирѣченскому войску, хотя по этому поводу и не было особыхъ указаній въ законодательствѣ. Это былъ только справедливый плюсъ, наслѣдованный, если можно такъ выразиться, —по обычному праву отъ Сибирскаго войска, но этотъ единственный реальный плюсъ не могъ улучшить экономическое положеніе, расшатанное условіями всей предъидущей жизни.

Каково-же было это положеніе характеризуетъ отзывъ генерала Колпаковскаго, перваго наказнаго атамана, въ его первомъ-же, самимъ имъ редактированномъ, отчетѣ о состояніи Семирѣченскаго войска за 1867 годъ (1). Здѣсь онъ говоритъ, что: „казачье хозяйство, за немногими исключеніями было въ весьма *неудовлетворительномъ положеніи*", а затѣмъ далѣе объясняетъ, что: „неудовлетворительность его есть прямое слѣдствіе состава первона-

чальнаго населенія края. Домовитый казакъ неохотно оставлялъ свое хозяйство для переселенія и, такимъ образомъ, по вызову шли селиться люди, неумѣвшіе устроиться на прежнихъ мѣстахъ.... Такіе-же люди нанимались и за зажиточныхъ казаковъ, которымъ приходилось по жребію оставлять свои прежнія усадьбы.... Привычка мѣнять мѣстожительство —такъ-же много вредила казачьему хозяйству.... Съ другой стороны.—развитіе хозяйства въ Семирѣченской области задерживалось недостаткомъ сбыта и неимѣніемъ капиталовъ вообще" Далѣе, въ отчетѣ за 1868 годъ(?) мы находимъ, между прочимъ, еще и слѣдующее: „казачье хозяйство стояло въ тѣсной связи съ экономическими условіями всей вообще области и, по своему существу, не принадлежало къ разряду такихъ, гдѣ результатъ являлся-бы прямымъ и непосредственнымъ слѣдствіемъ извѣстныхъ мѣропріятій,—другими славами, улучшить хозяйство казаковъ не состовляло дѣло одного года, но должно быть плодомъ многолѣтнихъ и терпѣливыхъ стараній, какъ со стороны мѣстной администраціи, такъ и частныхъ предпринимателей", т е самихъ казаковъ.

Такимъ образомъ, наказный атаманъ, установивъ фактъ низкаго экономическаго уровня войскового населенія, указываетъ и тѣ причины, благодаря которымъ хозяйство казаковъ *не могло быть* въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ состояніи.

Но въ печальномъ положеніи хозяйства играютъ роль не однѣ только приведенныя генераломъ Колпаковскимъ причины. Помимо ихъ- тягость воинской повинности жалкое положеніе народнаго образованія (*), совершенное отсутствіе сельскохозяйственныхъ школъ (**), задолженность населенія въ войсковой капиталъ и исключительность условій культуры въ совершенно незнакомой странѣ—имѣли такое-же, если только не большее вліяніе, чѣмъ причины, указанныя въ отчетѣ о состояніи войска за 186? годъ.

Изъ очерка происхожденія денежныхъ рессурсовъ войска мы уже знаемъ, что задолженность казачьяго населенія только въ одинъ войсковой капиталъ къ 10 марту 1869 года простиралось до 29264 рублей серебромъ. Несомнѣнно, что эту сумму должно было не все населеніе войска, а его бѣднѣйшая часть, т. е именно та, для которой не только рубль, но, буквально, каждая копѣйка составляетъ безусловный расчетъ Несомнѣннымъ представляется и то обстоятельство, что вой-

---

**) За исключеніемъ двухъ училищъ садоводства.

*) См. народное образованіе въ особомъ очеркѣ здѣсь.

сковая администрація, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ при раздѣлѣ между войсками капиталовъ—въ первое время болѣе усердно взыскивала съ казаковъ ихъ долги, что, въ свою очередь, не могло послужить къ улучшенію собственныхъ дѣлъ должниковъ.

Въ отчетѣ о состояніи войска за 1867 годъ удостовѣрено, что хозяйство казаковъ, т. е. ихъ благосостояніе, „весьма неудовлетворительно", что въ переводѣ на обыкновенный языкъ значитъ—совсѣмъ плохо; отчетъ-же за 1868 годъ, какъ мы видѣли, уже прямо заявляетъ о возможности улучшенія хозяйства, т. е. благосостоянія, только *„многолѣтними стараніями"* и вдругъ, послѣ такого категорическаго заявленія, въ томъ-же самомъ отчетѣ за 68 годъ мы находимъ слѣдующее мѣсто: „результатъ различныхъ мѣропріятій къ поддержанію и развитію въ казакахъ военнаго духа на первое время есть тотъ, что льготные казаки, за немногими исключеніями, на смотры являются уже не халатниками, на дрянныхъ лошадяхъ съ киргизскими сѣдлами, какъ это было прежде, но исправными казаками съ форменнымъ обмундированіемъ и снаряженіемъ, являлись настолько исправно, что уже немного уступали регулярнымъ войскамъ.

Принявъ же въ расчетъ, что достоинство обмундированія и снаряженія казаковъ въ общей массѣ, какъ извѣстно, прямо зависитъ отъ степени ихъ благосостоянія—изъ приведенныхъ выдержекъ получается тотъ выводъ, что результатомъ различныхъ мѣропріятій къ поддержанію и развитію въ казакахъ военнаго духа, явился какъ бы внезапный подъемъ ихъ благосостоянія. Очевидно, этого быть не могло и здѣсь могутъ быть только два положенія: или заявленіе о состояніи обмундированія и снаряженія слишкомъ преувеличено, или-же „различныя мѣропріятія" были настолько интенсивны, что заставили казаковъ въ обмѣнъ на свой скудный инвентарь или жизненные запасы пріобрѣсти новые предметы форменной одежды, снаряженія и лошадей. Послѣднее вѣроятнѣе, ибо чрезмѣрно преувеличенное заявленіе легко могло быть обнаружено командующимъ войсками Туркестанскаго военнаго округа, что было-бы гораздо опаснѣе правды, а потому можно думать, что интенсивность „различныхъ мѣропріятій къ поднятію военнаго духа", въ связи съ бывшею задолженностью населенія, отодвинули улучшеніе хозяйства казаковъ еще на большій срокъ, чѣмъ это ожидалось ранѣе.

Въ одномъ изъ своихъ представленій генералу Кауфману, командующему войсками Туркестанскаго военнаго округа, въ 1868 году, наказный атаманъ говоритъ: „земель отведенныхъ

войску съ *избыткомъ* достаточно для настоящаго войскового населенія" и далѣе, что одною изъ главныхъ причинъ неудовлетворительности положенія казачьяго хозяйства должно признать безпрерывныя переселенія съ мѣста на мѣсто, обусловливавшіяся до настоящаго времени постояннымъ движеніемъ впередъ нашей государственной границы и потребностью заселять вновь занятыя мѣста. Благодаря вышеприведенной причинѣ, переселенія вошли въ привычку въ казачьемъ населеніи, которое не даетъ себѣ труда оплодотворить арыками (*) землю, а ищетъ земель, уже приготовленныхъ и орошенныхъ"(3).

Такимъ образомъ, генералъ Колпаковскій здѣсь совершенно правильно, хотя и не во всей полнотѣ, опредѣляетъ истинную причину наклонности казаковъ къ полу-кочевой жизни и проистекающія изъ этой привычки послѣдствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ тутъ-же указываетъ и новый факторъ—многоземелье, будто-бы устраняющее всякую надобность въ произвольномъ движеніи казаковъ съ мѣста на мѣсто. Но, чрезъ четыре года, вѣроятно забывъ о своемъ, въ этомъ смыслѣ, докладѣ—въ отчетѣ о состояніи войска за 1871 годъ(4), по тому-же вопросу онъ говоритъ уже слѣдующее: „Главную причину развитія между казаками Семирѣченскаго войска охоты къ переселенію нужно было искать *въ стѣснительности земельнаго надѣла* тогдашнихъ станицъ въ особенности Заилійскаго края, гдѣ изъ-за земельныхъ угодій постоянно являлись споры съ туземнымъ населеніемъ" Здѣсь, говоря какъ—разъ о томъ времени, о которомъ онъ уже доносилъ генералу Кауфману, наказный атаманъ отрицаетъ многоземелье и говоритъ уже о „стѣснительности земельныхъ надѣловъ".

Подобныхъ противорѣчій въ представленіяхъ или отчетахъ встрѣчается много, но суть не въ нихъ самихъ, а въ томъ, что противорѣчія эти прямо указываютъ на то, что единственный представитель казаковъ въ администраціи,—наказный атаманъ, не только не постигалъ всей глубины экономическаго недуга управляемаго имъ войска, но даже затруднялся твердо и положительно опредѣлить нѣкоторыя истинныя причины его, полагая, что одними „стараніями" мѣстной администраціи и самихъ казаковъ все, хотя и не скоро, но можно исправить.

Въ дѣйствительности-же, общая обстановка положенія

---

*) Мѣстное названіе оросительныхъ (ирригаціонныхъ) каналовъ, канавъ.

Семирѣченскихъ казаковъ была значительно хуже, чѣмъ это представлялось въ отчетахъ; хуже отчасти еще и потому, что на практикѣ ни о какихъ „стараніяхъ“ администраціи, исключая наказнаго атамана, не было и рѣчи.

На первомъ планѣ стояла воинская повинность, система отбыванія которой была устроена на столько въ экономическомъ отношеніи нецѣлесообразно, что исключала всякую возможность развить привычку къ постоянному упорному труду —главному источнику благосостоянія.

Нарядъ казаковъ на службу былъ разсчитанъ такъ: въ 1-мъ полевомъ полку казакъ служилъ два года, затѣмъ увольнялся на льготу во 2-й льготный полкъ, гдѣ, *если военныя обстоятельства позволяли,* проводилъ 4 года, по истеченіи которыхъ—вновь призывался на полевую службу въ 1 полкъ на два года и т. д. до прослуженія въ этомъ полевомъ разрядѣ полныхъ 15-ти лѣтъ (5).

Въ теченіи этого времени если казакъ періодически и являлся домой, по предположенію каждый разъ на 4 года, то и здѣсь онъ не могъ считать себя свободнымъ отъ службы: смотры, строевыя занятія и выполненія нѣкоторыхъ земскихъ повинностей часто отвлекали его отъ хозяйства, не давая втянуться въ трудъ

Первые годы въ жизни молодого войска, въ смыслѣ отбыванія воинской повинности, были особенно тяжелы, отвлекая массу казачьяго населенія для комплектованія выставляемыхъ на полевую службу строевыхъ частей. Тяжесть воинской повинности, въ теченіи описываемаго періода. достаточно ясно характеризуется слѣдующей таблицей, въ которой, для большей наглядности, число казаковъ, отбывавшихъ повинность и ихъ соотвѣтствующее процентное отношеніе приведены за лѣтніе и зимніе мѣсяцы отдѣльно (6).

Изъ этой таблицы видно какъ великъ былъ процентъ казаковъ, отбывавшихъ воинскую повинность, который въ сравненіи съ процентомъ призываемыхъ по уставу 1874 года по военному-же времени въ Европейской Россіи, не достигавшимъ и 5-ти (7), говоритъ ясно о тяжести военной службы, ложившейся на Семирѣченскихъ казаковъ, особенно въ лѣтнѣе время, когда именно и требовалось наибольшее приложеніе труда въ единственной ихъ развитой отрасли промышленности – земледѣліи.

Число казаковъ которое войско обязано было выставлять по военному времени съ 1868 г. по 1-е января 1880 года.	Лѣтніе мѣсяцы: апрѣль, май, іюнь, іюль, августъ и сентябрь			Зимніе мѣсяцы: октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль и мартъ.		
1768 человѣкъ.	Число казаковъ, состоявшихъ на дѣйствительной полевой службѣ въ среднемъ выводѣ за шесть мѣсяцевъ.	Процентное отношеніе числа казаковъ, состоявшихъ на дѣйствительной полевой службѣ, къ:		Число казаковъ, состоявшихъ на дѣйствительной полевой службѣ въ среднемъ выводѣ за шесть мѣсяцевъ.	Процентное отношеніе числа казаковъ, состоявшихъ на дѣйствительной полевой службѣ, къ:	
ГОДЫ.		числу казаковъ строевого разряда.	числу всего мужского пола войскового населенія.		числу казаковъ строевого розряда	числу всего мужского пола войскового населенія.
1868	391	19,4	4,8	292	14 4	3,6
1869	594	28,9	7,1	(вѣдѣн.	не сохра	нилось.
1870	779	39 0	8,9	686	34,3	7.8
1871	933	44,0	10,5	737	34.8	8,2
1872	783	35,9	8,5	807	37,0	8,7
1873	811	36,4	8,6	771	34,6	8,2
1874	603	25.6	6,2	604	25,6	6.2
1875	620	25,7	6.2	645	26,7	6.9
1876	876	36,2	8,5	738	30,5	7,2
1877	878	35,6	8,4	1264	51,3	12,1
1878	1510	60.9	14,5	1181	47.6	11,3
1879	919	35,8	8,7	860	33.5	8.3
1880	1756	69,6	16,3	722	28,6	6,7

Здѣсь нельзя не обратить серьезнаго вниманія еще и на то обстоятельство, что усиленное отбываніе воинской повинности по военному времени для коренного населенія Европейской Россіи можетъ продолжаться и дѣйствительно продолжалось подъ-рядъ до 2-хъ или 3 хъ лѣтъ, въ остальное-же, мирное, время это населеніе выставляло уже не около 5% мужского населенія, а всего только 1.7%(7), здѣсь-же за

весь взятый періодъ, т. е. въ теченіе 12 лѣтъ подъ-рядъ, мирнаго времени какъ будто-бы и совсѣмъ не было и Семирѣченское войско ежегодно выставляло въ поле отъ 4,8 до $14^1/_2\%$ своего мужского населенія.

Далѣе, въ ряду условій, вредно отражавшихся на экономическомъ положеніи казаковъ, стоятъ земскія повинности, организація и вліяніе которыхъ возможно подробно будутъ разсмотрѣны въ особомъ очеркѣ настоящей главы.

Затѣмъ, непосредственное подчиненіе населенія войска военно-народному управленію не могло служить, и фактически не послужило, къ улучшенію его экономическаго положенія.

Въ общемъ, военно-народное управленіе въ области, по своему существу, не представляло здѣсь новизны,—новыми были только органы управленія, но идея и духъ управленія остались здѣсь прежніе, такъ-какъ главную массу населенія и теперь составляли здѣсь кочевники, которыхъ, напримѣръ, къ началу 1876 г. было около 550 тысячъ душъ обоего пола, а казаки по своей численности, относительно кочевниковъ, представляли только $^1/_{28}$ часть([8]). Понятно, что при такомъ подавляющемъ господствѣ инороднаго элемента и политическихъ осложненій того времени, старыя тенденціи въ управленіи не могли измѣниться въ пользу русскихъ, т. е. большее вниманіе администраціи естественно отвлекалось къ кочевникамъ, а отсюда, какъ мы видѣли выше*), само собой вытекало и наибольшее покровительство господствующему элементу въ ущербъ казакамъ

Отсутствіе сколько нибудь правильно установленныхъ нормъ землевладѣнія породило такую массу столкновеній между киргизами и казаками, что въ урегулированіе этого вопроса въ области, еще въ 1870 г., вынужденъ былъ вмѣшаться генералъ-губернаторъ которому, однако, мѣстная администрація справедливое требованіе казаковъ отъ киргизъ,—не травить ихъ поля и посѣвы,—успѣла представить—какъ чрезмѣрное и для киргизъ стѣснительное([9]).

Разсматривая аграрныя столкновенія казаковъ и киргизъ съ этой точки зрѣнія, Туркестанскій генералъ-губернаторъ въ 1875 г. разрѣшилъ Семирѣченскому военному губернатору издать „временныя правила“, суть которыхъ заключалась въ слѣдующемъ: *киргизамъ при ихъ перекочевкахъ, разрѣшено травить своимъ скотомъ всѣ незапаханныя, назасѣянныя и незасаженныя мѣста кому бы они не принадлежали, за ис-*

*) См. ч. 2, гл. 1, ст. администр. устройство.

ключеніемъ однихъ только луговъ, и останавливаться на зимовку на всѣхъ уже сжатыхъ поляхъ не спрашивая на то согласія владѣльцевъ; древесныя-же насажденія, озимыя посѣвы и луга должны были обозначаться собственниками ихъ „видимыми знаками“ (10).

Другими словами, въ Семирѣченской области былъ введенъ сервитутъ, по своей сущности, для казаковъ, болѣе тяжкій, чѣмъ оставленный въ Польшѣ послѣ 1861 года, ибо здѣсь сервитутное право было дано дикарямъ, при томъ еще и враждебнымъ русскому населенію*).

Кому-же, имѣющему хотя какое нибудь непосредственное отношеніе къ сельскому хозяйству, въ Сибири и Семирѣченской области не извѣстно, что киргизъ свои стада почти совсѣмъ не пасетъ—*онъ отъ времени до времени ихъ только повѣряетъ*, а потому обозначеніе извѣстныхъ границъ недоступности вѣхами могло-ли удержать животныхъ отъ вытравливанія озимыхъ полей, посѣвовъ люцерны, порчи древесныхъ насажденій и ирригаціонныхъ сооруженій! Мѣстной администраціи, а во главѣ ея военному губернатору и наказному атаману генералу Колпаковскому особенно не могло быть это не извѣстно, но тѣмъ не менѣе сервитутное право киргизамъ было дано и они имъ пользовались 16 лѣтъ, пока, наконецъ, въ 1891 году высшая власть, помимо желанія мѣстной, не избавила русское населеніе области отъ разоренія кочевниками(11).

Такимъ образомъ, благодаря исключительному предпочтенію кочевниковъ, самой мѣстной администраціей тормозилось развитіе земледѣлія, лѣсоводства и садоводства Семирѣченскихъ казаковъ.

Общій обзоръ вліянія различныхъ условій на экономическій бытъ казаковъ, изложенный какъ въ настоящемъ очеркѣ, такъ и въ большинствѣ предъидущихъ, приводитъ къ тому-же заключенію, къ какому пришелъ и второй наказный атаманъ войска генералъ Фриде, свидѣтельствуя въ своей запискѣ, представленной имъ въ 1887 г. въ главное управленіе казачьихъ войскъ, что, въ интересующій насъ періодъ времени, плохое состояніе хозяйства казаковъ было „по причинамъ, не зависящимъ отъ нихъ“ (12).

Закончивъ здѣсь общій обзоръ условій, въ которыхъ пришлось жить и дѣйствовать казаку-хозяину, перейдемъ сначала къ подробному изслѣдованію отдѣльныхъ условій обстановки

---

*) Вопросъ о введеніи сервитута см. въ этой главѣ, въ ст. о поземельномъ устройствѣ.

быта Семирѣченскихъ казаковъ, а затѣмъ и всѣхъ отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства, промысловъ и торговли въ первые годы жизни молодого войска.

Поземельное устройство.

Не вырѣшенный въ Семирѣченскомъ войскѣ и по настоящее время (1907 г.) вопросъ о поземельномъ устройствѣ, составляетъ одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ экономической жизни казачьяго населенія.

Положеніе его со времени появленія казаковъ въ Семирѣчьѣ не только не приблизилось къ разрѣшенію, но, напротивъ, вопросъ даже пріобрѣлъ такую сложность и запутанность, которыми онъ совсѣмъ не обладалъ первоначально.

Сложность поземельнаго вопроса въ области отъ сплетенія въ немъ противоположныхъ интересовъ и столкновенія разныхъ вѣяній въ развитіи его такъ возрасло, что детальное знакомство съ нимъ во всемъ его объемѣ представляется крайне затруднительнымъ и даже недоступнымъ для большинства желающихъ или обязанныхъ заняться имъ, такъ какъ цѣльныхъ историческихъ изысканій по вопросу нѣтъ, а свѣдѣнія о немъ разбросаны въ массѣ „дѣлъ“, хранящихся въ различныхъ архивахъ области. Кромѣ того, изученіе вопроса затрудняется еще и отсутствіемъ на практикѣ какой либо строго опредѣленной политико-экономической программы въ направленіи и развитіи его.

Отсутствіе программы открыло широкій просторъ для проведенія субъективныхъ взглядовъ, что отдаляло его рѣшеніе, измѣняя направленіе теченія вопроса сообразно съ воззрѣніями и симпатіями заинтересованныхъ въ томъ или иномъ его рѣшеніи отдѣльныхъ лицъ администраціи

Доступный первоначально простому и быстрому рѣшенію, поземельный вопросъ, съ теченіемъ времени, благодаря указаннымъ обстоятельствамъ, усложнился и обострился на столько, что для болѣе или менѣе правильнаго и справедливаго разрѣшенія, требуетъ уже теперь, кромѣ массы времени и средствъ, еще и величайшаго вниманія, всесторонняго изученія и *дѣйствительнаго* знанія мѣстныхъ экономическихъ нуждъ заинтересованныхъ въ немъ сторонъ населенія области.

Настоящая статья представитъ возможно полный историческій очеркъ какъ общаго положенія земельнаго вопроса въ

области въ предѣлахъ соприкасающихся съ экономическими интересами казачьяго населенія, такъ и положеніе его въ войскѣ, въ періодъ времени до 1880 г., а дальнѣйшее изслѣдованіе, по программѣ настоящаго труда, составитъ задачу особой статьи.

Землевладѣніе у киргизъ[13].

До появленія въ нынѣшней Семирѣченской области русскихъ,—земли въ ней по историческому праву владѣнія принадлежали, какъ мы уже знаемъ, киргизъ-казакамъ и каракиргизамъ.

Дѣйствительное подчиненіе киргизъ сѣверо-восточной части области русской власти, какъ это мы видѣли раньше, относится къ 30-мъ годамъ прошлаго столѣтія: въ 1831 году учрежденъ Аягузскій приказъ, въ 1847 году основано укрѣпленіе Капальское, въ 1854-мъ—Вѣрное, а чрезъ 10 лѣтъ, по взятіи Кокандскихъ крѣпостей Пишпека и Меркэ, мы окончательно утвердились въ долинѣ р. Чу, а затѣмъ въ области озера Иссыкъ-Куль и по системѣ рѣки Нарынъ.

По мѣрѣ подчиненія киргизъ нашей власти, оставляя существующее народное управленіе и судъ по народнымъ обычаямъ, русское правительство признавало и права киргизскихъ родовъ на владѣніе и пользованіе фактически принадлежавшими имъ землями по ихъ обычаямъ. Со введеніемъ проэкта положенія 1867 г. преобразовано устройство народнаго управленія киргизъ, въ которомъ выборная система замѣнила родовое начало, но основанія поземельнаго владѣнія не измѣнились, ибо проэктъ положенія совсѣмъ не коснулся поземельнаго устройства.

До настоящаго времени правительство вмѣшалось въ существующее по давности и обычаямъ землевладѣніе киргизъ преимущественно въ двухъ случаяхъ: для разрѣшенія возникавшихъ между ними земельныхъ споровъ и для изъятія изъ владѣнія киргизъ земель, необходимыхъ для русскихъ поселеній или для размѣщенія въ странѣ: киргизъ, дунганъ и таранчей, выселявшихся сюда разновременно изъ Китая.

Какъ слѣдствіе качевого образа жизни, родового быта киргизъ и незначительнаго развитія у нихъ земледѣлія, ихъ народнымъ обычаямъ неизвѣстна та прочная связь человѣка съ землею, которая порождаетъ понятіе о земельной собственности, а потому киргизскіе роды нерѣдко мѣняли свои мѣсторасположенія подъ вліяніемъ отношеній между собою и къ сосѣдямъ. Близость границы Китая и средне азіатскихъ ханствъ была причиною того, что даже и по упроченіи русской власти въ странѣ приграничные киргизскіе роды находились почти въ постоянномъ передвиженіи, въ зависимости

отъ хода политическихъ событій. Такъ во время мусульманскаго возстанія въ Западномъ Китаѣ нѣкоторые наши киргизскіе роды откочевали за границу, а по занятіи нами Кульджи—роды эти возвратились въ наше подданство. Въ 1882 году, по передачѣ Кульджи китайцамъ, большая часть киргизъ Кульджинскаго ройона не захотѣла остаться на Китайской территоріи и направилась въ наши предѣлы. Для размѣщенія ихъ, въ числѣ около 5000 кибитокъ, киргизы Иссыкъ-Кульскаго уѣзда, осенью 1882 года, отдали имъ свои земли отъ Текеса до Сантаса(*) и получили, взамѣнъ, земли Токмакскихъ киргизъ до рѣки Арпы(**). Въ томъ-же году и въ слѣдующемъ на территорію области выселилось изъ Кульджинскаго-же района 6 тысячъ душъ дунганъ и 45000 таранчей(14).

Вслѣдствіе такого наплыва переселенцевъ былъ общій передѣлъ киргизскихъ земель въ Иссыкъ-Кульскомъ уѣздѣ, частяхъ Вѣрненскаго и Токмакскаго, при которомъ многія волости киргизъ получили новыя земли въ 300-хъ и болѣе верстахъ отъ прежнихъ.

Такимъ образомъ, киргизскіе роды области продолжали перемѣнять свои мѣсторасположенія еще и въ 80-тыхъ годахъ прошлаго столѣтія, а потому и земельные киргизскіе обычаи сохраняли въ общемъ свой прежній характеръ. По этимъ обычаямъ мѣста кочевокъ и пашни принадлежатъ по праву фактическаго владѣнія и давности тому роду, который ими пользовался. Съ учрежденіемъ волостей, мѣсто рода заступила волость и земельные споры между волостями часто требовали вмѣшательства русской администраціи, которая этимъ обстоятельствомъ была поставлена въ крайнее затрудненіе, такъ какъ не имѣла свѣдѣній о существовавшемъ распредѣленіи земель между спорящими сторонами.

Необходимыя свѣдѣнія администрація получила уже только при организаціи волостей, вслѣдствіе введенія проекта положенія 1867 года.

Производившія образованіе волостей и первую перепись кибитокъ въ области, комиссіи обязаны были составить описаніе земель, принадлежащихъ каждой волости и ихъ границы. Записи эти, при всемъ ихъ несовершенствѣ и неточности служили еще и въ 80-тыхъ годахъ прошлаго столѣтія *единственнымъ основаніемъ*, какъ для рѣшенія возникавшихъ между волостями поземельныхъ споровъ, такъ и для

*) Горный перевалъ къ востоку отъ озера Иссыкъ-Куль, на пути изъ Илійской долины въ г. Пржевальскъ.

**) Арпа, въ низовьяхъ Алабуга—лѣвый притокъ р. Нарына.

заявленій администраціи о недостаткѣ земель у киргизъ.

Краткій историческій очеркъ поземельнаго права казаковъ.

Наиболѣе древнимъ законодательнымъ актомъ, точно опредѣлявшимъ душевой надѣлъ сибирскихъ казаковъ, является указъ Сената 10 апрѣля 1773 года([15]), которымъ этотъ надѣлъ назначенъ въ шесть десятинъ.

„Положеніе“ 1808 года, опредѣляя продолжительность и постоянство службы сибирскихъ казаковъ терминомъ „доколѣ въ силахъ“, подтвердило размѣръ этого надѣла, открыто признавая, что: „по состоянію во многихъ мѣстахъ на линіяхъ не хлѣбородныхъ земель, да и въ разсужденіи того, что казаки и при хлѣбородныхъ земляхъ къ *распространенію* дальнѣйшаго *хлѣбопашества имѣть свободнаго времени не могутъ*“ ([15]).

„Положеніе“ 1846 года назначило душевой надѣлъ уже въ 30 десятинъ *„способной хлѣбопашеству и скотоводству“* земли.

Частное „положеніе“ 8 февраля 1854 года о заселеніи Семирѣченскаго и Заилійскаго края, какъ уже было сказано раньше, прямо подтвердило 30-ти десятинный надѣлъ.

Законъ 18 декабря 1857 года впервые вводитъ въ Сибирскомъ казачьемъ войскѣ понятіе о пропорціональномъ земельномъ запасѣ. Имъ опредѣлено: „назначить въ войсковой запасъ по каждому полковому округу, вмѣсто опредѣленныхъ положеніемъ о войскѣ 24 тысячъ десятинъ, такое количество земли, какое будетъ представляться возможнымъ по избытку свободныхъ земель, бывшихъ до размежеванія по большей части въ войсковомъ владѣніи, но не болѣе однако-же третьей части противъ той пропорціи, какая поступитъ въ надѣлъ полка“ ([16]). Другими словами, въ запасъ на приростъ населенія — назначить не болѣе десяти десятинъ на мужскую душу населенія.

Наконецъ, „положеніе“ 1861 года окончательно установило норму душевого надѣла въ 30 десятинъ „способной къ хлѣбопашеству и скотоводству земли“, добавивъ, что, части Сибирскаго войска, „водворенныя въ степныхъ областяхъ Семипалатинской и Сибирскихъ киргизовъ, надѣляются землями по особому распоряженію генералъ-губернатора Западной Сибири въ количествѣ и размѣрѣ представляемыми мѣстными удобствами“ (§ 493).

Установляя 30-ти дѣсятинный надѣлъ основною душевою нормой, „положеніе“ 1861 года однако поясняетъ, что опредѣленная пропорція отводится тамъ, гдѣ представляется къ тому возможность, въ случаѣ-же недостатка земель, пропорція эта можетъ быть уменьшена до половины“.

Здѣсь-же, какъ-бы въ отмѣну закона 18 декабря 1857 года, указывается, что сверхъ надѣла всего войскового населенія „каждому полковому округу прирѣзывается до 24 тысячъ десятинъ или менѣе, смотря по возможности, въ запасъ на увеличивающееся населеніе и для войсковыхъ хозяйственныхъ заведеній".

Послѣднимъ, въ ряду земельнаго законодательства о Сибирскомъ войскѣ, является общій для всѣхъ казачьихъ войскъ законъ 21 апрѣля 1869 года, первыя три статьи котораго содержатъ дословно слѣдующее: „Взамѣнъ дѣйствующихъ постановленій о поземельномъ устройствѣ въ казачьихъ войскахъ, постановить: 1) земли, на основаніи дѣйствующихъ положеній занимаемыя казачьими войсками, назначаются: а) на отводъ станицамъ, б) на надѣлъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и чиновниковъ войскового сословія и в) на разныя войсковыя надобности.

2) При надѣлѣ казачьихъ станицъ, отводится имъ удобной земли: а) по 30 десятинъ на каждую изъ состоящихъ и записанныхъ въ нихъ мужского пола душъ казачьяго сословія, въ томъ числѣ на генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и чиновниковъ; б) по 300 десятинъ къ тѣмъ станицамъ, гдѣ находятся приходскія церкви".

3) Опредѣленный въ ст. 2-й размѣръ поземельнаго надѣла *признается нормальнымъ;* при чемъ въ казачьихъ войскахъ, земли которыхъ еще не отмежеваны, онъ можетъ быть отведенъ въ большемъ или меньшемъ противъ нормальнаго размѣрѣ, смотря по качеству и положенію земли, на основаніи *особыхъ правилъ, утвержденныхъ Военнымъ Совѣтомъ*" (17).

Такимъ образомъ, послѣднимъ закономъ были отмѣнены всѣ предъидущіе, опредѣлявшіе поземельное право казаковъ, и 30-ти десятинный надѣлъ признанъ нормальнымъ, т. е. такимъ, при которомъ только и можетъ казакъ безъ разоренія отбывать воинскую повинность, снаряжаясь на собственный счетъ; измѣненіе величины душевого надѣла допущено, но поставлено въ зависимость уже не отъ усмотрѣнія мѣстной власти, а отъ разрѣшенія одного изъ высшихъ государственныхъ учрежденій—Военнаго Совѣта.

Это послѣднее постановленіе въ законѣ 1869 года должно было, по мысли законодателя, гарантировать казаку неприкосновенность его надѣла отъ всякихъ поползновеній мѣстныхъ властей къ произвольному уменьшенію его.

Изъ приведеннаго очерка поземельнаго законодательства устанавливается тотъ важный принципъ, что государство, ради своихъ интересовъ, отнимая въ свою пользу у казака весь

его лучшій періодъ жизни, когда человѣкъ можетъ создать изъ себя все то, что захочетъ, лишая казака ради тѣхъ же интересовъ, какъ мы видѣли, самыхъ основныхъ гражданскихъ правъ, *) обязывая казака въ тѣхъ-же видахъ являться къ отбыванію воинской повинности съ обмундированіемъ, снаряженіемъ и отчасти вооруженіемъ на его собственный счетъ, — рѣшило, взамѣнъ всѣхъ этихъ право-лишеній и обязанностей, дать казаку земельный надѣлъ въ 30 десятинъ, т. е такой величины, при которой онъ могъ-бы, помимо расхода на обмундированіе, снаряженіе, вооруженіе и лошадь, имѣть еще и нѣкоторый излишекъ, обезпечивающій его безбѣдное существованіе. Иначе говоря, правительство, съ одной стороны, налагая на плечи казака такую тяжесть военной повинности, съ какой совсѣмъ не знакомо ни одно изъ сословій государства, съ другой,—увеличеннымъ, сравнительно съ крестьянами, земельнымъ надѣломъ, полагало отплатить ему сообразно съ честью и достоинствомъ имперіи, несовмѣстимыхъ съ разореніемъ части населенія для государственныхъ нуждъ.

Въ заключеніе очерка поземельнаго законодательства, остается упомянуть еще о законѣ 13 іюля 1851 года, подтверждающемъ принципъ отплаты, которымъ какъ общее и основное правило установлено, что земли казачьихъ войскъ „не подвергаются никакому на общія по имперіи или на государственныя земскія повинности сбору“ (18).

Ознакомившись съ основнымъ законодательствомъ по разсматриваемому вопросу и установленной имъ на этотъ вопросъ точкой зрѣнія, перейдемъ къ образу дѣйствительнаго проведенія его въ жизнь со времени появленія русскихъ въ предѣлахъ Семирѣченской области, гдѣ въ это время, въ смыслѣ владѣнія землею, какъ уже было сказано, господствовалъ совершенный коммунизмъ, а у сибирскихъ казаковъ дѣйствовало „положеніе“ 1846 года

Надѣлы станицъ землею до 1868 г.

Первымъ русскимъ поселеніемъ въ нынѣшней Семирѣченской области, какъ уже намъ извѣстно, былъ Аягузъ, гдѣ въ 1847 г, съ поселеніемъ 50 семей казаковъ(19), была образована станица.

Вслѣдъ за ея образованіемъ пограничное управленіе сибирскими киргизами распорядилось отвести станицѣ нуж-

*) Лишеніе свободы избранія мѣсто-жительства до 34-хъ лѣтняго возраста, а потому и лишеніе свободы выбора занятій, мастерства или торговли; подчиненіе въ теченіе всей жизни военной дисциплинѣ, влекущее нерѣдко лишеніе свободы (арестъ) въ дисциплинар. порядкѣ, т. е. безъ суда; лишеніе льготъ по выполненію воинской повинности и т. д.

ное количество земли, но Аягузскій приказъ почему-то медлилъ съ приведеніемъ въ исполненіе этого распоряженія. Казаки же не могли, конечно, оставаться безъ земли и завладѣли ближайшими къ станицѣ лучшими землями.

Владѣніе казаковъ, будучи нелегальнымъ, вызвало противодѣйствіе со стороны киргизъ, а отъ казаковъ отпоръ и жалобы, вслѣдствіе которыхъ пограничный начальникъ, полковникъ Клейстъ, 17 мая 1851 г. снова далъ болѣе строгое предписаніе Аягузскому окружному приказу: „рекомендовать непремѣнному члену, чтобы онъ вмѣстѣ съ отряднымъ, начальникомъ, довѣренными отъ жителей казаками и станичнымъ начальникомъ отправился въ окрестности Аягузской станицы и отвелъ жителямъ тѣ мѣста для хлѣбопашества, *которыя они изберутъ сами*..... Независимо сего такъ-же отвести для сѣнокошенія тѣ мѣста, *которыя будутъ указаны довѣренными отъ жителей и отряднымъ начальникомъ*".

1-го іюня 1851 года, какъ свидѣтельствуетъ о томъ составленный тогда актъ, отводъ земель станицѣ Аягузской состоялся въ примѣрномъ количествѣ; измѣреніе не производилось, а въ актѣ просто указаны урочища и ихъ приблизительное разстояніе (отъ 5 до 40 верстъ) отъ станицы[21]. При отводѣ представители киргизъ не присутствовали, если не считать члена окружного приказа Лишина[21], а объ удовлетвореніи той волости, у которой была взята земля въ пользованіе казаковъ, за счетъ другихъ сосѣднихъ волостей, съ цѣлью уравненія, повидимому, не поднимался даже и вопросъ.

При подобныхъ условіяхъ киргизы обездоленной волости могли, конечно, считать изъятіе изъ ихъ владѣнія земель не актомъ справедливой необходимости, а насиліемъ и питать ненависть къ казакамъ.

Приблизительно то-же самое произошло, вѣроятно, и въ Капалѣ, но здѣсь, благодаря предусмотрительности генералъ-губернатора Западной Сибири, первоначальная ошибка была исправлена одновременно съ отводомъ земли поселенію на рѣкѣ Лепсѣ.

Командиръ отдѣльнаго сибирскаго корпуса, генералъ Гасфордтъ, исходя изъ убѣжденія, что съ появленіемъ новаго поселенія на урочищѣ Чубаръ-Агачъ, въ верховьяхъ рѣки Лепсы, киргизы Аягузскаго округа, кочующіе по западному предгорью Джунгарскаго Алатау, могутъ оказаться въ затруднительномъ положеніи, если не будутъ вознаграждены соотвѣтствующимъ количествомъ земель, взамѣнъ отходящихъ казакамъ, за счетъ сосѣднихъ волостей, 9 апрѣля 1855 г. предписалъ дивизіонному квартирмейстеру 25 пѣхотной дивизіи,

подполковнику Шульцъ, составить подъ его предсѣдательствомъ спеціальную комиссію изъ асессора Семипалатинскаго областного правленія, старшаго султана Аягузскаго округа, волостныхъ управителей заинтересованныхъ киргизъ, казачьихъ офицеровъ и топографа(22). Комиссія была обязана по возможности согласовать интересы казаковъ и киргизъ и съ этой цѣлью ей было предписано: 1) изслѣдовать земли, занятыя до этого времени казаками въ Капалѣ и на Арасанѣ, съ цѣлью опредѣлить отношеніе существовавшей площади казачьяго владѣнія къ надѣлу по „положенію“ 1846 года; 2) казакамъ, поселеннымъ на рѣкѣ Лепсѣ, отвести земли въ примѣрномъ количествѣ, разсчитывая отъ 21 до 30 десятинъ на душу, безъ запаса; 3) отводимыя земли должны ограничиваться живыми урочищами, а такъ какъ, за выдѣленіемъ земли казакамъ на Лепсѣ, до 800 семей кочевниковъ лишатся своихъ лѣтнихъ пастбищъ, то казакамъ предписывалось отвести „только то, что дѣйствительно имъ нужно, безъ всякаго излишества, и не отнимать у киргизъ самыхъ необходимыхъ для нихъ угодьевъ(22).

Комиссія была составлена въ томъ-же году(23), а въ 1856-мъ установила со съемкою на планъ и въ натурѣ временные надѣлы станицъ Капальской и Лепсинской(24), озаботившись въ то-же время вознаградить киргизъ за уступленную ими казакамъ землю за счетъ другихъ, сосѣднихъ волостей(25).

Надѣлъ станицы Урджарской, повидимому, былъ произведенъ тоже около этого времени по распоряженію командира отдѣльнаго сибирскаго корпуса, но приблизительно въ томъ-же порядкѣ, какъ и на Аягузѣ(26).

Въ станицахъ Заилійскаго края, Алматинской Софійской и Надеждинской отводъ земель былъ произведенъ вслѣдъ за ихъ заселеніемъ оберъ квартирмейстеромъ генераломъ Сильвергельмомъ и опять безъ уравнительнаго распредѣленія количества отошедшихъ казакамъ земель между соотвѣтствующими волостями киргизъ(27).

Такимъ образомъ раціональное размежеваніе земель между казаками и киргизами было сдѣлано только въ станицахъ Лепсинской и Капальской, въ остальныхъ-же, правила, принятыя при надѣлѣ двухъ названныхъ станицъ, совершенно игнорировались, хотя изъятіе земель изъ владѣнія киргизъ, какъ мы видѣли, происходило не помощью захвата*) ихъ казаками.

*) Какъ голословно утверждается даже въ произведеніяхъ солидныхъ авторовъ; подобное, ни на чемъ не основанное утвержденіе попало даже и въ Б.-энциклопедію Мейера т. XVII, стр. 260, «Семирѣченская область» землевладѣніе.

а легальнымъ отводомъ, руководимымъ административными лицами гражданской стороны управленія. Конечно, киргизы обездоленныхъ волостей, помимо коммунальнаго взгляда на землевладѣніе, не будучи вознаграждены въ извѣстной долѣ за счетъ ближайшихъ родичей, не могли спокойно примириться со своимъ, сравнительно, стѣсненнымъ положеніемъ и не признавали право казаковъ на исключительное владѣніе ихъ бывшими землями(27).

Подобное положеніе дѣлъ, созданное самой администраціей, вызывало постоянныя, безконечныя столкновенія туземцевъ съ пришельцами, которыя побудили, наконецъ, генералъ-губернатора Западной Сибири, въ январѣ 1862 г., предложить войсковому правленію Сибирскаго казачьяго войска командировать въ Семирѣченскій и Заилійскій край часть войсковой межевой партіи для исполненія правильныхъ межевыхъ работъ(28).

Около этого-же времени сибирское войсковое начальство, со своей стороны, вопросъ объ урегулированіи обострившихся отношеній казаковъ и киргизъ внесло на разсмотрѣніе особаго комитета, составленнаго при войсковомъ штабѣ собственно для обсужденія способовъ устройства управленія станицъ въ киргизской степи. Комитетъ, обративъ вниманіе на то, что у нѣкоторыхъ станицъ количество отведенныхъ имъ земель больше опредѣленной нормы, въ устраненіе излишнихъ столкновеній постановилъ: впредь до окончанія работъ межевой партіи, разрѣшить киргизамъ, сосѣднихъ съ казачьими надѣлами волостей, имѣть безплатную зимовку въ надѣлахъ тѣхъ станицъ, гдѣ считается излишекъ земель. Рѣшеніе комитета, утвержденное Совѣтомъ главнаго управленія Западной Сибири(27), не исправляя дѣла въ корнѣ, оказалось безполезнымъ и принесло даже извѣстный вредъ, обнаруживъ качевникамъ не планомѣрный образъ дѣйствій русской власти.

Межеваніе началось, но начало его въ Заилійскомъ краѣ прошло довольно неудачно.

Сибирское войсковое правленіе, командировавъ сюда одного изъ землемѣровъ, не сообщило ни чего о немъ начальнику Алатавскаго округа генералу Колпаковскому(29), игнорируя котораго, оно лишилось его поддержки и содѣйствія, да и самый выборъ межевщика оказался очень неудачнымъ. Пріѣхавъ въ укрѣпленіе Вѣрное и не явившись начальнику округа, командированный землемѣръ приступилъ къ межеванію съ одними казаками, не дождавшись депутатовъ отъ киргизъ и не сообщивъ даже о началѣ своихъ работъ гене-

ралу Колпаковскому ([30]), чѣмъ окончательно возстановилъ его противъ себя и его дѣла.

Генералъ Колпаковскій, назначивъ къ нему депутатовъ отъ киргизъ и военнаго топографа Меньщикова депутатомъ-же отъ Алатавскаго окружнаго управленія, въ предписаніи послѣднему между прочимъ высказался такъ: „предлагаю Вамъ взять для руководства хозяйственную съемку станицъ и на основаніи ея и имѣющихся подушныхъ свѣдѣній о казакахъ, приступить къ межеванію земель совмѣстно съ межевымъ чиновникомъ, *стараясь сохранить при этомъ всевозможныя выгоды для киргизъ*" ([31]).

При такихъ условіяхъ началось межеваніе, но въ началѣ іюля того-же года генералъ Колпаковскій сообщилъ начальнику сибирской межевой партіи, что присланный землемѣръ почти не занимается своимъ дѣломъ, пьетъ, требуетъ и беретъ взятки, а потому, „не ожидая отъ него ничего путняго", онъ проситъ выслать другого „благонамѣреннаго и исправнаго землемѣра" ([32]). По этому представленію командированный межевщикъ былъ отозванъ въ городъ Омскъ, а вмѣсто него съ 20 іюля по 30 октября 1862 года межеваніе земель производилъ уже военный топографъ Меньщиковъ, состоявшій при Алатавскомъ окружномъ управленіи, т. е. подчиненный генерала Колпаковскаго([33]).

Несомнѣнно, что обнаруживавшійся здѣсь антагонизмъ въ администраціи, помѣшалъ важному дѣлу межеванія стать на почву справедливости и уравненія интересовъ враждующихъ изъ-за земли сторонъ.

Въ слѣдующемъ году Сибирское войсковое правленіе, уже одновременно съ командированіемъ на работы межевщиковъ, сообщило начальнику Алатавскаго округа о назначеніи ихъ обмежевать надѣлы станицъ Урджарской, Лепсинской, Копальской и Заилійскаго края([34]), а прибывшій съ этой цѣлью въ Вѣрный межевщикъ Смирновъ, исполнивъ всѣ служебныя формальности, даже просилъ содѣйствія генерала Колпаковскаго([35]) Но, на этотъ разъ, корректныя дѣйствія войсковой администраціи ужъ запоздали и генералъ Колпаковскій остался на стражѣ интересовъ однихъ только киргизъ.

Дѣйствуя въ этомъ направленіи и видя, что развивающіяся работы войсковой межевой партіи оставляютъ мало надеждъ сохранить „всевозможныя выгоды для киргизъ" начальникъ Алатавскаго округа въ 1864 г. сдѣлалъ представленіе генералъ-губернатору Запад. Сиб. *о чрезмѣрности 30-ти десятинной надѣла для казаковъ и необходимости уменьшенія его до 20 десятинъ*([14]), но въ Омскѣ этому представленію

не придали значенія, и ходатайство генерала Колпаковскаго не получило дальнѣйшаго движенія.

Между тѣмъ, начиная съ 1863 г., сибирское войсковое начальство обратило болѣе серьезное вниманіе на положеніе земельнаго вопроса въ нынѣшней Семирѣченской области; съ этого времени и по 1868 г. сюда ежегодно командируются чины войсковой межевой партіи для надѣла и обмежеванія земель, расположенныхъ здѣсь станицъ(36).

Въ періодъ съ 1863-го по 1868 годъ партіи землемѣровъ успѣли отмежевать проектные надѣлы всѣхъ станицъ, но вслѣдствіе-ли недостатка надлежащаго надзора за дѣйствіями отдѣльныхъ межевщиковъ, или незнанія ими своего дѣла,— но только *всѣ надѣлы станицъ оказались, въ концѣ концовъ, произведенными неправильно.*

Войсковое правленіе Сибирскаго казачьяго войска, разсматривая въ 1866 и 1867 годахъ представленные межевою партіей планы произведенной съемки, нашло, что землемѣры этой партіи, дѣлая земельные надѣлы станицамъ и производя этимъ надѣламъ съемку,—не вели требуемыхъ при съемкѣ закономъ межевыхъ журналовъ; часто не вызывали отъ киргизъ депутатовъ; отводили произвольныя количества земли, не руководясь установленной закономъ нормой; обьявляли присутствовавшимъ при отводѣ и съемкѣ депутатамъ казаковъ, что совершаемый ими отводъ окончательный, тогда какъ онъ былъ только проектный; по окончаніи періода полевыхъ работъ, при вычерчиваніи плановъ, произвольно сокращали и измѣняли отведенные надѣлы, вслѣдствіе чего казаки потомъ протестовали, объясняя, что въ моменты производства работъ планы содержали большее количество земель и т. д.(37).

Вслѣдствіе обнаружившихся неправильностей въ дѣйствіяхъ межевой партіи, войсковое правленіе Сибирскаго казачьяго войска не могло конечно предъявить къ утвержденію представленные партіей планы проектовъ надѣловъ станицъ и, со своей стороны, еще въ 1866 г., просило генералъ-губернатора Западной Сибири, для повѣрки дѣйствій партіи и окончательнаго размежеванія земель въ войскѣ, назначить особую межевую комиссію, а чиновъ войсковой партіи, виновныхъ въ неправильныхъ дѣйствіяхъ,—удалить(37). Но межевой комиссіи назначено не было, окончательнаго размежеванія не произведено, и въ результатѣ, такимъ образомъ къ 1868 году для рѣшенія поземельнаго вопроса въ предѣлахъ нынѣшней Семирѣченской области не сдѣлано—ровно ничего(38), а Семирѣченское войско наслѣдовало на своей терри-

торіи отъ Сибирскаго полный земельный хаосъ(26)

Не только не были опредѣлены даже и приблизительно границы станичныхъ надѣловъ, но, въ сущности, не было извѣстно и количество земли, которымъ владѣетъ войско(39).

Положеніе земельнаго вопроса послѣ 1867 года.

Межеваніе, имѣвшее въ результатѣ только одну потерю времени, внесло еще большій безпорядокъ въ землевладѣніе.

Сибирская войсковая межевая партія, производя надѣлы станицамъ, обыкновенно увеличивала площадь владѣнія казачьихъ обществъ за счетъ сосѣднихъ волостей киргизъ и, какъ мы видѣли, называла казакамъ отводимый ею надѣлъ окончательнымъ.

Весьма понятно, что имѣя такія свѣдѣнія, казаки старались завладѣть всей площадью, отведенной при межеваніи земли. Киргизы-же, не имѣя подобныхъ свѣдѣній или просто не довѣряя имъ, всѣми средствами препятствовали казакамъ распространять землевладѣніе за границу ихъ прежнихъ надѣловъ. Отсюда естественно произошли еще большія осложненія, обострившія до-нельзя взаимоотношеніе тѣхъ и другихъ.

Межеваніе, произведенное сибирской межевой партіей имѣло еще и тотъ существенный недостатокъ, что было произведено помимо непосредственнаго согласія съ администраціей киргизскаго управленія, т. е. идея надѣленія казаковъ землей не была предварительно и зрѣло разработана въ связи съ тѣми послѣдствіями, какія она, при своемъ осуществленіи, неминуемо влекла за собой для кочевниковъ.

Поэтому сосѣднія казачьимъ станицамъ волости киргизъ не были въ извѣстной долѣ удовлетворены землями за счетъ другихъ ближайшихъ волостей, т. е. выдѣлъ киргизскихъ земель не разложился равномѣрно на все киргизское населеніе страны, а обрушился всей своей тяжестью на однѣ только ближайшія къ станицамъ волости, что уже являлось прямой несправедливостью, а въ глазахъ киргизъ сугубымъ насиліемъ.

Подобное представленіе въ умахъ кочевниковъ могло поддерживаться еще и тѣмъ обстоятельствамъ, что сибирская межевая партія, преслѣдуя идею надѣла казаковъ *удобной землей* и избѣгая установленія чрезполоснаго владѣнія, включила въ надѣлы семирѣченскихъ станицъ большія или меньшія пространства неудобной для земледѣлія, но весьма пригодной для кочевниковъ земли(14), которою казаки завладѣли, но въ цѣляхъ культуры не пользовались

Естественно, что и это послѣднее обстоятельство подли-

вало масло въ огонь народной вражды. Земельныя осложненія росли, требуя ихъ разрѣшенія такъ или иначе, грозя принять тяжелый оборотъ.

Уѣздные начальники, желая имѣть въ своихъ рукахъ хоть что нибудь реальное для разрѣшенія вопроса на мѣстѣ, обратились къ начальствующей въ области администраціи, прося,—или произвести новое межеваніе, или выслать планы казачьихъ надѣловъ(40).

Названная администрація, видя полную земельную неурядицу въ области, сознавала настоятельную необходимость въ принятіи какихъ либо дѣйствительныхъ мѣръ къ улаженію поземельныхъ затрудненій, но вмѣсто энергичныхъ требованій о сформированіи войсковой или общей областной межевой партіи, съ помощью которой было-бы возможно устранить зло въ корнѣ,—экспериментировала паліативы, сводившіеся къ сокращенію чрезмѣрныхъ, по мнѣнію администраціи, казачьихъ надѣловъ. Чрезмѣрными она ихъ считала собственно потому, что въ казачьи надѣлы, какъ уже было сказано выше, входили огромныя площади земли, неудобной для культуры, но пригодной для кочевниковъ, а для казаковъ, въ сущности, не нужной, которук они отстаивали отъ нелегальнаго захвата кочевниками только принципіально и ничего не имѣли-бы противъ, въ случаѣ формальнаго выдѣла.

Такихъ земель было напримѣръ въ станицѣ Сергіопольской 102940 десятинъ, въ Копальской 41906, въ выселкѣ Любовномъ 25974(14) и т. д., общая совокупность которыхъ по войску доводила казачій надѣлъ къ 1 января 1883 г. до 52 десятинъ на душу(41), вмѣсто 40-ка*).

Вмѣсто отмежеванія, въ крайнемъ случаѣ, этихъ излишнихъ земель, что вызвало-бы только одну чрезполосность и не требовало сравнительно большихъ межевыхъ средствъ, администраціей былъ проведенъ другой проэктъ, мало того, что уже совершенно несоотвѣтствующій требованіямъ закона, но еще и вызывавшій новое общее межеваніе казачьихъ надѣловъ, для чего въ области не имѣлось въ наличности ни средствъ, ни силъ(14).

Послѣдній законъ о поземельномъ устройствѣ станицъ казачьихъ войскъ, какъ уже было сказано, получилъ Высочайшее утвержденіе 21 апрѣля 1869 года, а въ Семирѣчьѣ могъ стать извѣстнымъ, при существовавшихъ тогда путяхъ сообщенія,—не ранѣе какъ мѣсяца черезъ два послѣ его изданія;—этимъ только обстоятельствомъ еще и можетъ

*) 30 дес. душевого надѣла и 10 дес., т. е. 1/3 запаса на приростъ населенія.

быть объяснено, почему состоявшійся 8 мая 1869 г. журналъ общаго присутствія Семирѣченскаго областного правленія, успѣлъ получить утвержденіе исп. об. военнаго губернатора и пріобрѣсти силу обязательнаго постановленія.

Этимъ журналомъ, въ видахъ уменьшенія стѣсненія киргизъ, сокращенія казачьихъ надѣловъ, а точно такъ же и въ отвѣтъ на вышеприведенныя просьбы уѣздныхъ начальниковъ, постановлено; „во всѣхъ станицахъ Семирѣченской области казаки должны пользоваться земельнымъ надѣломъ не далѣе десяти верстнаго разстоянія отъ своихъ поселеній(42)", т. е., что казачій надѣлъ каждой станицы или выселка долженъ былъ быть втиснутъ въ кругъ десяти верстнаго радіуса отъ поселенія, не принимая въ соображеніе—есть-ли въ этомъ кругѣ удобная для культуры посѣвовъ земля и достаточно ли ее тамъ для каждаго даннаго поселенія въ отдѣльности.

Подобное постановленіе очевидно создалось чисто бюрократически, при помощи весьма несложнаго вычисленія площади круга съ 10-ти верстнымъ радіусомъ и распредѣленіемъ этой площади на составъ средняго по численности поселенія войска. Насколько подобное ухищреніе мѣстнаго областного правленія было лишено всякой практической почвы подъ собой и какого либо реальнаго для дѣла значенія доказываетъ донесеніе Сергіопольскаго уѣзднаго начальника, который уже 22 іюня того-же года, запрашиваетъ Семирѣченское областное правленіе, какъ ему примирить журналъ 8 мая съ дѣйствительностью: ибо въ Сергіопольской станицѣ, въ кругѣ 10-ти верстнаго радіуса отъ нея, почти нѣтъ удобныхъ для земледѣльческой культуры мѣстъ и что такой надѣлъ онъ, уѣздный начальникъ, считаетъ для этой станицы положительно непримѣнимымъ(42)

Тикая административная мѣра, принятая безъ всякой справки съ дѣйствительностью, помимо ея явной, предвзятой цѣли—уменьшить во что бы то ни стало въ пользу киргизъ надѣлы казаковъ, требовала новаго размежеванія земель, такъ какъ въ кругъ десяти верстнаго радіуса могли входить земли киргизкія, а внѣ его лежать и казачьи, или, какъ это случилось въ станицѣ Сергіопольской, въ намѣченномъ кругѣ не было удобныхъ земель.

Межевыхъ-же силъ въ распоряженіи администраціи, за исключеніемъ немногихъ, случайно состоявшихъ при Семирѣческомъ областномъ правленіи землемѣровъ, не было(14), а потому такая мѣра могла вызвать не успокоеніе , а еще большія неурядицы, которыя дѣйствительно могли-бы довести населеніе до открытыхъ вооруженныхъ столкновеній, такъ

какъ при наличности уже существовавшаго раздраженія массъ, киргизы несомнѣнно потребовали-бы обязательнаго ухода казаковъ въ назначенный кругъ, а послѣдніе, въ случаѣ невозможности, отвѣтили-бы вооруженнымъ сопротивленіемъ.

Но къ счастью до этого дѣло не дошло и областное правленіе было избавлено отъ необходимости указать Сергіопольскому уѣздному начальнику выходъ изъ создавшагося положенія: законъ 21 апрѣля 1869 года достигъ, наконецъ, города Вѣрнаго и указалъ мѣстной администраціи разницу въ воззрѣніяхъ—ея и правительства—на величину земельнаго надѣла казаковъ, приведя къ сознанію необходимости отмѣны постановленія 8 мая и сдержавъ на время поползновенія къ уменьшенію казачьихъ надѣловъ.

Хотя постановленіе 8 мая и оказалось на практикѣ благодаря стеченію всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ, мертворожденнымъ, но, тѣмъ не менѣе оно не могло не оставить въ умахъ казаковъ убѣжденія, что мѣстная администрація далека отъ желанія справедливаго разрѣшенія поземельнаго вопроса и что она стоитъ не на почвѣ лойяльнаго отношенія къ нимъ, а исключительно на сторонѣ кочевниковъ, что, въ свою очередь, не могло способствовать улучшенію взаимоотношеній казаковъ и киргизъ.

Однако обнародованіе въ Семирѣчьѣ закона 21 апрѣля 1869 года и отмѣна постановленія 8 мая не могли ослабить крайне натянутаго положенія поземельнаго вопроса. Тогда временно исполнявшій обязанности наказнаго атамана полковникъ Колокольцевъ рѣшился на другую мѣру: въ концѣ іюня 1869-же года онъ распорядился разослать уѣзднымъ начальникамъ и въ станичныя правленія неутвержденные и признанные неправильными планы съемки сибирской межевой партіи, не предупредивъ,, что высланные проэкты обязательнаго значенія не имѣютъ и руководствомъ служить не могутъ(26).

Станичныя общества, получивъ эти проэктные планы и узнавъ въ нихъ тѣ самые, о которыхъ чины сибирской межевой партіи объявляли имъ, какъ объ окончательныхъ, признали ихъ конечно законными, а уѣздные начальники, по незнанію исторіи происхожденія плановъ, и, находясь въ затруднительномъ положеніи, хотя, быть можетъ, и не содѣйствовали, но во всякомъ случаѣ уже не могли воспрепятствовать казакамъ осуществить по нимъ право владѣнія.

Возвратившійся къ исполненію своихъ обязанностей генералъ-Колпаковскій, видя какимъ средствомъ достигнуто въ его отсутствіе временное разрѣшеніе больного вопроса и соз-

навая послѣдствія такого разрѣшенія, въ томъ-же 1869 году испросилъ согласіе командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа сформировать въ войскѣ собственную межевую партію, предположенную еще „основными началами положенія“ (43).

Въ видахъ облегченія работъ этой партіи въ 1869 и слѣдующемъ годахъ усиленно собирались свѣдѣнія о числѣ лицъ войскового сословія, имѣвшихъ право на надѣлы, но....., къ сожалѣнію, все этимъ и ограничилось: вопросъ о сформированіи межевой партіи въ войскѣ какимъ-то образомъ ускользнулъ изъ рукъ наказнаго атамана въ вѣдѣнія военно-народнаго управленія, гдѣ совершенно и заглохъ(43).

Такъ счастливо на этотъ разъ обернулось для казаковъ колесо судьбы: вмѣсто заключенія въ тѣсный кругъ - казаки фактически завладѣли почти всѣми землями по проэктной съемкѣ сибирской межевой партіи (26), считая ихъ безусловно своей заслуженной и законной собственностью. Когда-же потомъ, учрежденное въ концѣ 1880 года при Семирѣченскомъ областномъ правленіи, межевое отдѣленіе (14) разобралось съ этимъ вопросомъ, то прошло уже достаточно времени, несоразмѣрные прежде надѣлы —съ приростомъ населенія и не считая площадей неудобной земли, въ большинствѣ случаевъ оказались нормальными и казаки свое право на нихъ считали освященнымъ давностью.

Такимъ образомъ, разсылкою плановъ на казачьи надѣлы была удовлетворена только одна сторона, права-же другой—остались не возстановленными; поэтому, а отчасти и благодаря коммунизму, господствовавшему во взглядахъ киргизъ на землевладѣніе, кочевники не хотѣли признать исключительнаго права казаковъ на ихъ прежнія земли, а потому захватъ казачьихъ земель, выражавшійся преимущественно въ пастьбѣ на нихъ киргизами скота и остановкахъ аулами, слѣдствіемъ чего были потравы посѣвовъ, сѣнокосовъ и т д., продолжался по прежнему.

Ущербъ, наносимый кочевниками и исключительныя мѣры, принимавшіяся иногда казаками для защиты своихъ полей, вызвали массу исковъ и жалобъ съ обѣихъ сторонъ.

Неудовлетворенные въ своемъ правѣ киргизы, считавшіе всему виною казаковъ, а не администрацію, ничего не сдѣлавшую для уравненія среди нихъ землевладѣнія, обратились, наконецъ, съ жалобами непосредственно къ Туркестанскому генералъ-губернатору фонъ-Кауфману, посѣтившему Семирѣчье въ 1870 году (44).

Генералъ Колпаковскій, желая воспользоваться этимъ

удобнымъ случаемъ въ видахъ проведенія своей давнишней идеи вознагражденіе кочевниковъ за счетъ русскаго населенія страны, предположилъ, въ объясненіе заявленныхъ киргизами жалобъ, подать генералъ-губернатору цѣлую мотивированную записку о мѣрахъ, необходимыхъ будто бы для урегулированія земельной неурядицы въ Семирѣчьѣ.

Для составленія записки не была конечно созвана смѣшанная комиссія изъ представителей заинтересованныхъ сторонъ и администраціи, которая могла-бы представить главному начальнику края положеніе поземельнаго вопроса въ его истинномъ свѣтѣ, обнаружить ошибки и неудачные эксперименты мѣстныхъ властей и указать тѣ существенныя мѣры, которыя оказали бы дѣйствительное вліяніе на устраненіе неурядицы, но такая, въ сущности, нормальная постановка вопроса, совсѣмъ не отвѣчала цѣлямъ и намѣреніямъ областной администраціи, а потому составленіе записки было поручено единолично начальнику распорядительнаго отдѣленія Семирѣченскаго областного правленія чиновнику Аристову, т. е. лицу именно изъ того состава правленія, который такъ неудачно экспериментировалъ кругъ 10-ти верстнымъ радіусомъ въ примѣненіи къ казачьимъ надѣламъ.

Н. Аристовъ, впослѣдствіе предсѣдатель Семирѣченскаго областного правленія и помощникъ военнаго губернатора, былъ въ то время совершенно новый человѣкъ въ области *), —съ киргизами былъ только знакомъ съ этнической стороны, казаковъ-же не зналъ совсѣмъ, а въ экономическомъ и аграрномъ отношеніяхъ обѣ стороны были ему извѣстны бюрократически, т. е. изъ „дѣлъ“ и донесеній уѣздныхъ начальниковъ.

Вслѣдствіе такихъ недостатковъ составителя и желанія выполнить идею своего патрона, поземельный вопросъ въ запискѣ, имъ составленной, получилъ черезъ чуръ одностороннее освѣщеніе, почему выводы записки, будучи слишкомъ предвзяты и субъективны, часто грѣшатъ противъ истины и

*) Н. А. Аристовъ зачисленъ на службу въ Семирѣчье въ 1868 году дѣлопроизводителемъ Семирѣч. обл. правленія, съ назначеніемъ младшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при военномъ губернаторѣ. До этого, окончивъ Казанскій Императорскій университетъ по разряду «комеральныхъ наукъ юридическаго факультета», началъ службу въ 1864 году въ Тобольскомъ губерн. правленіи; затѣмъ въ 1865 г. поступилъ участковымъ засѣдателемъ въ Тарскомъ округѣ Зап. Сибири, откуда и былъ взятъ генераломъ Колпаковскимъ на службу въ Семирѣчье. Съ 1-го іюня 1881 года былъ уже предсѣдателемъ Семирѣченскаго Областного правленія и помощникомъ военнаго губернатора. (Изъ формулярнаго списка Аристова).

обязанности администраціи содѣйствовать самобытному экономическому развитію управляемаго ею народа, безъ насильственнаго привитія ему чуждыхъ сторонъ быта другихъ національностей, создавшихся при совершенно иныхъ историческихъ и экономическихъ условіяхъ жизни.

Въ составленной имъ запискѣ (45) авторъ, основавшись *на заявленіи* однихъ только „Вѣрненскихъ киргизъ" *) о недостаткѣ земельныхъ угодій,—дѣлаетъ выводъ уже для населенія кочевниковъ всей области о томъ, что „поземельное пользованіе вышло изъ своего равновѣсія". Одну изъ важныхъ причинъ нарушеннаго равновѣсія онъ видитъ въ отсутствіи кочевыхъ дорогъ,—что нужно признать справедливымъ.

По этому поводу онъ говоритъ: „русскія поселенія и отведенныя имъ земли тянутся у подножья горъ, отдѣляя естественную лѣтовку отъ естественной зимовки, между тѣмъ кочевыхъ дорогъ не узаконено и не существуетъ и киргизу остается весьма часто либо потравить хлѣбъ своего сородича, либо потравить казачій сѣнокосъ. Слѣдуя слову пророка, что вода, огонь и дикорастущая трава—суть достояніе всеобщее, киргизъ травитъ луга и даетъ начало иску о потравѣ. Спускаясь потомъ осенью съ горныхъ лѣтовокъ, киргизъ встрѣчаетъ на пути своемъ уже снятую пашню, онъ проходитъ по землѣ, *не нарушая ничьего труда, ибо труда—что посѣялъ, то и сжалъ;* тѣмъ не менѣе возникаетъ дѣло о потравѣ пашни въ ноябрѣ. Наконецъ, не зная или не имѣя понятія о существованіи озимыхъ хлѣбовъ, онъ уже не опасается зимою потравы и невольно совершаетъ ее".

Здѣсь прежде всего невольно является вопросъ: да что-же мѣшало администраціи назначить полосы земли подъ кочевыя дороги, за что было-бы глубоко признательно и русское и киргизское населеніе?—онѣ были не узаконены—объясняетъ записка. А включеніе казачьихъ надѣловъ въ кругъ 10 ти верстнаго радіуса развѣ было узаконено?!

Если мѣстная администрація не задумалась игнорировать прямое указаніе закона о 30-ти десятинномъ надѣлѣ казаковъ „способной къ хлѣбопашеству и скотоводству" землей и пробовала втиснуть надѣлы въ кругъ, гдѣ могло не быть ни той, ни другой, то очевидно, что за проложеніе необходимыхъ кочевыхъ дорогъ, не требовавшихъ никакихъ сооруженій, ей ужъ нечего было совсѣмъ опасаться.

Затѣмъ авторъ, оправдывая киргизъ въ осеннихъ потравахъ, ставитъ вопросъ такъ, какъ будто-бы киргизы тра-

*) Т. е. киргизъ Вѣрненскаго уѣзда, въ которомъ расположенъ и областной городъ Вѣрный.

вили одну только стерну*), а скирды соломы, стога сѣна и люцерны и древесныя насажденія какъ будто-бы совсѣмъ отсутствовали на поляхъ казаковъ. Иски были совсѣмъ не о стернѣ, а именно о потравѣ скирдъ соломы, сѣна, люцерны и древесныхъ посадокъ(46).

Далѣе, съ цѣлью выяснить способъ возстановленія утраченнаго равновѣсія въ землепользованіи, авторъ записки не предлагаетъ кочевыхъ дорогъ, не указываетъ на крайнюю настоятельность правильнаго межеванія, не рекомендуетъ уравнительнаго распредѣленія земель, изъятыхъ изъ владѣнія кочевниковъ, на все киргизское населеніе страны, а вмѣсто всего этого, вѣроятно, вслѣдствіе незнакомства съ сельскимъ хозяйствомъ вообще и съ обстановкой экономическаго положенія казаковъ въ частности, а точно такъ-же и съ воззрѣніями русскаго человѣка на земельную собственность, сравниваетъ двѣ колонизаціи—русскую въ Семирѣчьѣ и надвигающуюся къ ней на встрѣчу, съ юга и запада—сартовскую.

Сартъ, объясняетъ записка, истинный торгашъ въ душѣ, завладѣвая землей кочевника, предоставляетъ ее послѣ жатвы и до новаго посѣва прежнему владѣльцу, съ цѣлью имѣть поближе сбытъ своимъ товарамъ и отчасти въ видахъ удобренія полей. Киргизъ, кочуя рядомъ съ сартомъ, имѣетъ и кредитъ, и сбытъ своему сырью, а о поземельномъ спорѣ между ними нѣтъ и рѣчи. Не то казакъ! „Селясь даже среди дикаго киргизскаго населенія", говоритъ записка, „онъ не выноситъ въ экономическомъ смыслѣ ничего кромѣ *ложно понятаго, тунеядствомъ созданнаго и жадностью развитого права собственности*. Отъ основанія станицы или выселка киргизъ не получаетъ никакого рынка сбыта и, кромѣ водки, купить ничего не можетъ. Относительно *системы земледѣлія казакъ—поселенецъ только извращаетъ найденную имъ;* землю-же, на которую садится, онъ не только не исправляетъ, не удобряетъ, а разоривъ, дѣлаетъ опыты переложенной системы, *стремясь оспорить Либиха, къ ученію котораго питаетъ живѣйшее отвращеніе*".

Приведенная выдержка до очевидности убѣждаетъ въ полномъ незнаніи предмета, о которомъ авторъ записки такъ развязно толкуетъ; убѣждаетъ въ незнаніи имъ ни исторіи сибирскаго казачества вообще, ни историческаго прошлаго страны въ частности. Нигдѣ—какъ здѣсь—такъ ярко и открыто не высказано истинное отношеніе администраціи къ ненавистнымъ ей казакамъ. Здѣсь—отъ рожденія глухого и слѣ-

*) По мѣстному «жнивье».

пого забрасываютъ грязью за то, что онъ глухъ и слѣпъ!

Въ предъидущихъ очеркахъ мы познакомились съ исторіей сибирскихъ казаковъ, какъ на ихъ родинѣ, такъ въ Симирѣчьѣ, и знаемъ уже кому и чему онѣ обязаны своимъ печальнымъ нравственнымъ и экономическимъ положеніемъ, поэтому здѣсь остается напомнить только то, что въ Семирѣчьѣ у кочевниковъ не было иной системы земледѣлія, кромѣ хищнической.

Киргизъ, по образу жизни—кочевникъ, по призванію скотоводъ, если и сѣялъ просо и ячмень, то только въ предѣлахъ крайней необходимости и въ расчетѣ снять высшій урожай, который получается здѣсь отъ этихъ двухъ злаковъ только по новямъ. Поэтому болѣе 2—3 лѣтъ киргизъ однимъ полемъ не пользовался и переходилъ на другое. Спрашивается, какъ-же можно было еще эту систему извратить?

Затѣмъ, гдѣ-же могъ ознакомиться казакъ не только съ ученіемъ Либиха, но даже съ самыми элементарными свѣдѣніями по агрикультурѣ, когда ни о какихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ въ Сибири тогда не было и помину: да и выводы ученія Либиха раціональны только при многолѣтнемъ хозяйствѣ на одномъ мѣстѣ, а казакъ зачастную не былъ увѣренъ—будетъ ли онъ пахать эту полоску на будущій годъ. При подобныхъ условіяхъ кто же будетъ думать о возвратѣ землѣ, затраченныхъ ею на снятый урожай, питательныхъ веществъ?

Что-же касается нареканій по торговлѣ и на понятія о собственности—все это будетъ разсмотрѣно въ своемъ мѣстѣ ниже.

Далѣе, авторъ, не видя и не зная историческихъ и экономическихъ причинъ, породившихъ такую брасающуюся ему въ глаза разницу въ результатахъ колонизаціи двухъ народностей и отдавая предпочтеніе сартовской, въ смыслѣ приволья при ней кочевнику, приходитъ къ заключенію о необходимости насильственнаго привитія, не только казакамъ, но и всему русскому населенію области, принциповъ сартовскаго землевладѣнія.

Для осуществленія такой блестящей идеи, записка дословно предлагаетъ слѣдующее: *ввести нѣкоторыя измѣненія во взглядахъ пришлаго населенія на поземельныя его права и въ отношеніе его къ окрестной кочевой ордѣ.* Измѣненія эти могли-бы заключаться въ слѣдующемъ: 1) въ дозволеніи киргизамъ при перекочевкахъ ихъ травить всякія незапаханныя, незасѣянныя и незасаженныя земли, кому-бы онѣ не принадлежали, исключивъ изъ сего лишь луговыя мѣста, точно опредѣливъ границы вѣхами. 2) *Воспретить на время засѣва*

озимаго хлѣба, тѣмъ болѣе, что обычай этотъ, занесенный изъ болѣе холодныхъ мѣстъ, оказывается здѣсь для казаковъ даже безвыгоднымъ (*). 3) Дозволить киргизамъ останавливаться зимовками на всѣхъ уже сжатыхъ поляхъ, кому-бы таковыя не принадлежали. 4) Измѣненія эти ввести временно, впредь до утвержденія проэкта поземельнаго устройства въ законодательномъ порядкѣ; послѣ чего могутъ быть опредѣлены права киргизскаго населенія на занимаемыя и распахиваемыя имъ земли; проведены кочевыя дороги и опредѣлены размѣры платежей по потравамъ луговыхъ или, лучше сказать, сѣнокосныхъ угодій"(46). Составленная въ такомъ направленіи записка была представлена Туркестанскому генералъ-губернатору военнымъ губернаторомъ и наказнымъ атаманомъ Семирѣченскаго казачьяго войска генераломъ Колпаковскимъ, разсмотрѣна Кауфманомъ въ Капалѣ(45) и принята какъ крутое радикальное средство, съ помощью котораго будто-бы представлялась возможность устранить безконечные споры двухъ враждующихъ сторонъ изъ-за земли. Но только генералъ Кауфманъ не пожелалъ въ угоду коммунистскимъ стремленіямъ кочевниковъ и ихъ защитниковъ, Аристова и Колпаковскаго, воспретить культуру озимыхъ, выразившись по этому поводу въ своей резолюціи на запискѣ такъ: „вмѣсто воспрещенія засѣва озимаго хлѣба, можно *обязать хозяевъ ограждать поле свое или обозначать* копнами изъ дерна въ родѣ тѣхъ какія ставятся вдоль дорогъ"(45).

Вслѣдъ за разсмотрѣніемъ записки Аристова, Туркестанскій генералъ-губернаторъ, всетаки, вѣроятно, не довѣряя возможности однимъ приказомъ перевернуть всѣ воззрѣнія на собственность русскихъ въ Семирѣчьѣ, въ іюнѣ того-же 1870 года запросилъ мѣстнаго губернатора, что, такъ какъ онъ „усмотрѣлъ, что казачьи поселенія въ поземельномъ отношеніи выражаютъ относительно кочевыхъ иногородцевъ *чрезмѣрныя требованія(**), соблюденіе коихъ безполезно для казаковъ и стѣснительно для киргизъ*, то генералъ Кауфанъ спрашиваетъ заключеніе генерала Колпаковскаго о введеніи въ дѣйствіе въ Семирѣченской области конечныхъ тезисовъ записки Аристова 44). Подлинный отвѣтъ генерала Колпаковскаго на этотъ запросъ не найденъ, но очевидно, что онъ

*) Заявленіе прямо ложное—изъ ст. «земледѣліе» убѣдимся, что въ это время рожь была дороже пшеницы, вслѣдствіе требованія на продовольствіе войскъ.

**) Требованія заключались въ томъ, чтобы киргизы не травили посѣвы хлѣбовъ, люцерны, собранные на поляхъ продукты полеводства и. т. д.

былъ совершенно солидаренъ съ авторомъ приведенной выше въ выдержкахъ записки, такъ какъ, испслняя временно обязанности Туркестанскаго генералъ-губернатора въ 1875 году, самъ далъ предписаніе исп. дол. военнаго губернатора Семирѣченской области ввести въ дѣйствіе конечныя положенія записки, ибо генералъ Кауфманъ, повидимому, не рѣшился лично на подобный шагъ.

Такимъ образомъ, проэктированное мѣстной администраціей право киргизъ, т. е. сервитутъ*), не будучи санкціонировано закономъ, съ 1875 г. было осуществлено въ области, благодаря только тому, что представитель семирѣченской администраціи, генералъ Колпаковскій, сталъ временно во главѣ управленія Туркестанскимъ округомъ(48).

Если въ прибалтійскихъ и привислянскихъ губерніяхъ узаконеніе такого права и считалось политической необходимостью, то какая необходимость была въ немъ въ Семирѣчьѣ? Если въ Польшѣ узаконеніе сервитутовъ повлекло за собой вражду дворянства и крестьянъ, то какая была неудобность подкладывать новый горючій матеріалъ и безъ того въ неугосающій костеръ поземельной вражды казаковъ и киргизъ?

Мѣсная администрація, ставъ въ ненормальныя отношенія къ казакамъ, разсматривала отстаиваніе ими своего права владѣнія землями, какъ *„ложно понятое, тунеядствомъ созданное и жадностью развитое“*; она, со своей стороны, тоже какъ будто, питала „живѣйшее отвращеніе“ къ ученію о правѣ собственности, доказывающему намъ, что только народамъ, находящимся на первыхъ ступеняхъ своего развитія,

*) Что тако сервитутъ? Этотъ институтъ права, извѣстный нашимъ общимъ и мѣстнымъ законамъ, встрѣчается въ Россіи почти повсемѣстно подъ названіемъ «право участія частнаго» (ст. 433—466 зак. гражд.), но наибольшее количество вполнѣ развитыхъ, реальныхъ сельскихъ сервитутовъ, имѣющихъ при томъ еще и наибольшее экономическое значеніе, приходится на долю губерній юго-западнаго, привислянскаго и прибалтійскаго края, бывшихъ во владѣніи Польши или нѣмцевъ, гдѣ сервитуты возникли изъ патріархальныхъ отношеній помѣщиковъ къ своимъ крѣпостнымъ, а затѣмъ оставлены въ силѣ Высочайшимъ указомъ 19 февраля 1864 г. Здѣсь реальный сельскій сервитутъ есть—регламентированное граж. законами губ. прибалтійскихъ и царства Польскаго право крестьянъ пользоваться въ предѣлахъ собственныхъ имѣній помѣщиковъ участками земли, лѣсами, водами и проч. Лѣсъ, напримѣръ, принадлежитъ помѣщику, но крестьяне могутъ собирать въ немъ хворостъ, ягоды и пасти свой скотъ; полемъ владѣетъ помѣщикъ, но, снявъ урожай, онъ не въ правѣ запретить сосѣднимъ поселеніямъ пасти на немъ ихъ скотъ и т. д.

(Гороновичъ. Изслѣдованіе о сервитутахъ СПБ. 1883 года. Гаккебумъ. Русско-польскій недугъ. 1906 года).

не извѣстна та прочная связь человѣка съ землею, которая порождаетъ понятіе о поземельной собственности.

Въ глубокихъ тайникахъ души каждаго, кто бы онъ ни былъ, подъ корою профессіональныхъ привычекъ, всевозможныхъ наклонностей и навѣянныхъ изъ-внѣ воззрѣній, всегда таится незримая власть земли; эта власть, только временами сказывающаяся въ душѣ другихъ,—у земледѣльца покоряетъ все его существо, всѣ его помыслы. Кто имѣетъ вѣрное представленіе о любви пахаря простолюдина къ своей полоскѣ, объясняемой въ своемъ первоисточникѣ не жадностью, не расчетами матеріальныхъ выгодъ, а невольнымъ, вражденнымъ чувствомъ къ основѣ основъ всякой жизни, кто знаетъ какъ ревнива деревня или станица ко всякому посягательству на ея земельную собственность, чѣмъ-бы она не подкрѣплялась, —тому станетъ понятно все гибельное значеніе сервитутовъ.

Киргизъ, постоянно нарушая неприкосновенность казачьей земельной собственности, систематически воспитывался въ презрѣніи къ установленному русскою-же властью праву владѣнія; казакъ, стѣсненный въ своемъ неотъемлемомъ законномъ правѣ распоряжаться по своему усмотрѣнію землей и ея произведеніями,—становился въ самыя враждебныя отношенія къ кочевнику

22 августа 1875 года сервитутное право киргизъ было опубликовано по области и кочевники не замедлили его осуществить; что произошло послѣ этого и что происходило потомъ—трудно поддается описанію.

Уѣздные начальники, въ зависимости отъ степени лойяльности своихъ отношеній къ казакамъ, различно поняли и циркуляръ военнаго губернатора, напримѣръ Капальскій—не далъ даже и времени казакамъ для уборки урожая съ полей, огражденія своихъ озимыхъ посѣвовъ и т. д., разрѣшивъ киргизамъ, вслѣдъ за полученіемъ циркуляра, кочевать на казачьихъ надѣлахъ, какъ это свидѣтельствуетъ жалоба и приговоръ Капальскихъ казаковъ[49]. На запросъ по этому поводу военнаго губернатора, Капальскій уѣздный начальникъ свалилъ всю отвѣтственность на самаго губернатора, издавшаго такой циркуляръ, по отношенію-же къ нему—жалобу назвалъ неосновательной, а относительно приговора пояснилъ, что весь приговоръ, по его мнѣнію, „представляетъ попытку казаковъ къ лишенію киргизъ предоставленнаго имъ права пользоваться безплатно полями по уборкѣ съ нихъ хлѣба, а слѣдовательно для казаковъ уже совершенно ненужныхъ“ [50].

Подобныхъ жалобъ и на киргизъ и на уѣздныхъ начальниковъ со стороны казаковъ посыпалось такъ много, злоупо-

требленія кочевниковъ своимъ правомъ были такъ вопіющи, что оставленіе сервитута въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ онъ объявленъ 22 августа 1875 г., становилось опаснымъ, а потому исполнявшій обязанности военнаго губернатора принужденъ былъ 14 октября 1876 года издать новый циркуляръ, въ которомъ послѣ повторенія основныхъ тезисовъ предъидущаго, сказано: „по дошедшимъ до губернатора свѣдѣніямъ, киргизы, кочуя и проходя при перекочевкахъ *по полямъ* русскихъ поселеній, *съ которыхъ хлѣба и кормовыя травы еще не совсѣмъ убраны или которыя засѣяны озимью* (?!), производятъ, часто неуловимо, потравы и, не говоря уже о вредѣ, наносимомъ хозяевамъ полей, вовлекаютъ ихъ и себя въ тяжбы, обременительныя для обѣихъ сторонъ и для нашихъ небогатыхъ силами полиціи и судей, то, по приказанію губернатора, прошу уѣздныхъ начальниковъ разъяснить киргизамъ точный смыслъ циркуляра № 4924, т. е. проходить и кочевать имъ позволяется по чужимъ полямъ, лишь совершенно не занятымъ хлѣбами, травами, крестьянскимъ скотомъ, съ предупрежденіемъ, что, въ противномъ случаѣ, съ нихъ будетъ взыскиваться по всей строгости закона. *Уѣздные начальники должны такъ-же наблюдать, чтобы и русскіе хозяева полей не злоупотребляли своимъ правомъ въ ущербъ кочевыхъ обычаевъ киргизъ и не держали на поляхъ безъ особенной крайности (?!) уже собранные хлѣбъ и сѣно, въ крайности-же неотвратимой дѣлали-бы ихъ, посредствомъ оградъ и окоповъ, не доступными для скота. Срокомъ для уборки хлѣбовъ съ полей можно положить 15 ноября (?!)* (51).

Итакъ по точному смыслу приведеннаго циркуляра, генералъ Колпаковскій, вопреки всякимъ законамъ имперіи, собственной своей властью, разрѣшилъ кочевникамъ ежегодно послѣ 15 ноября уничтожать все, что только они найдутъ на поляхъ русскихъ, не достаточно прочно отъ нихъ огороженныхъ. Убрать своевременно и оградить прочно могли только, конечно, люди зажиточные—люди-же бѣдные не всегда это сдѣлать могли, а чтобъ изъ-за нихъ не стѣснять „кочевыхъ обычаевъ" киргизъ—эти бѣдняки бывшимъ приставомъ при киргизахъ Б.-Орды отдавались на окончательное раззореніе кочевникамъ.

Таковъ жестокій смыслъ циркуляра, подтвердившаго право киргизъ кочевать на поляхъ казаковъ и крестьянъ, т. е. всего русскаго населенія въ періодъ съ 15 ноября до начала полевыхъ работъ, т. е въ среднемъ по области – въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Къ 15 ноября все русское населеніе обязывалось убрать съ полей весь урожай хлѣбовъ, соломы, лю-

церны и травъ, сваливъ продукты луговодства на своихъ дворахъ, гдѣ они являлись прекраснымъ удобовоспламеняющимся матеріаломъ и, несомнѣнно, способствовали учащенности пожаровъ. Отсутствіе въ это время страхованія отъ огня не даетъ возможности доказательно закончить картину послѣдствій введенія сервитута съ этой стороны.

Но этого мало, приближая цѣлые аулы кочевниковъ къ русскимъ поселеніямъ, администрація давала полный просторъ развитію воровскихъ наклонностей киргизъ. 19 октября 1883 года Вѣрненскій уѣздный начальникъ донесъ военному губернатору, что, благодаря сервитутному праву, въ его уѣздѣ развилось въ такой степени воровство, въ которомъ онъ признаетъ виновными киргизъ, кочующихъ на казачьихъ земляхъ возлѣ русскихъ селеній, что онъ, не имѣя средствъ бороться съ этимъ зломъ, вынужденъ просить объ отмѣнѣ сервитута.

На этомъ рапортѣ генералъ Фриде, бывшій тогда военнымъ губернаторомъ, сдѣлалъ отмѣтку: „разсмотрѣть въ общемъ присутствіи (Семир. обл. правленія) *совмѣстно съ другими заявленіями уѣздной администраціи о развитіи кражъ*“ и т. д. Но генералъ Фриде вѣроятно забылъ, что продолжателемъ политики Колпаковскаго въ области остался еще Аристовъ, бывшій тогда уже помощникомъ военнаго губернатора и предсѣдателемъ областного правленія, который окончательно и направилъ этотъ рапортъ, отмѣтивъ его, просто „къ дѣлу».(47)

Гибельное вліяніе подобнаго, ничѣмъ не оправдываемаго, введеніе сервитута на культуру озимыхъ, на луговодство, лѣсоводство, садоводство и пчеловодство—не требуетъ комментарій, ясно и понятно каждому, кто имѣетъ хоть какое нибудь представленіе о сельскомъ хозяйствѣ

Введеніе сервитута наглядно доказываетъ не только отсутствіе „терпѣливыхъ стараній“ мѣстной администраціи на благо казаковъ, о необходимости которыхъ заявлялъ высшей власти генералъ Колпаковскій въ отчетѣ своемъ о состояніи Семирѣченскаго войска за 1868 годъ, но, наоборотъ, можетъ убѣдить каждаго въ существованіи болѣе чѣмъ ненормальныхъ отношеній, выражавшихся въ исключительномъ покровительствѣ кочевникамъ въ прямой ущербъ всему русскому населенію страны. Вмѣсто проведенія кочевыхъ дорогъ—киргизамъ косвенно разрѣшено травить при своихъ перекочевкахъ луга и поля русскихъ; вмѣсто справедливаго и уравнительнаго размежеванія земель—киргизамъ разрѣшено кочевать на поляхъ русскихъ, т. е. опять таки вытравливать и вытаптывать озими, уничтожать древесныя насажденія и раз-

рушать скотомъ цѣнныя ирригаціонныя сооруженія; вмѣсто привитія кочевникамъ понятій о правѣ и уваженіе къ нему, т. е. вмѣсто направленія ихъ на ступени культурной жизни,— они умышленно удерживались въ своемъ первобытномъ состояніи; вмѣсто заботы объ установленіи добрососѣднихъ отношеній, искусственно разжигалась племенная рознь и вражда побѣдителей къ убѣжденнымъ, вредившая и тѣмъ и другимъ.

Дѣйствіе сервитута поддерживалось въ теченіе 16-ти лѣтъ и было уничтожено только съ утвержденіемъ положенія объ управленіи въ степныхъ областяхъ 25 марта 1891 года, въ которомъ къ ст. 135 имѣется слѣдующее характерное объясненіе изъ законодательныхъ мотивовъ къ положенію: „по недостатку земель у кочевниковъ Семирѣченской области. для поддержанія скотоводства *мѣстное начальство полагало возможнымъ представить имъ право пасти въ зимнее время свои стада безплатно на всѣхъ неогороженныхъ и незасаженныхъ угодьяхъ осѣдлаго населенія, установивъ лишь опредѣленные сроки свободной пастьбы,* чтобы дать земледѣльцамъ достаточно времени для уборки хлѣбовъ и вывоза съ полей по первому зимнему пути соломы, клевера и сѣна. *Находя такое ограниченіе земельныхъ правъ весьма стѣснительнымъ и неудобнымъ, комиссія сенатора Плеве признала достаточнымъ установить на земляхъ осѣдлыхъ поселеній* и частныхъ собственниковъ *отводъ скотопрогонныхъ дорогъ* опредѣленной ширины, для безплатнаго прогона скота кочевниками при переходѣ на обычныя мѣста кочеванія..... съ тѣмъ чтобы, при недостаткѣ корма на отведенныхъ путяхъ, вознагражденія за пастьбу скота внѣ оныхъ уплачивалось или по соглашенію или по особо установленной таксѣ.“

Таково заключеніе комиссіи сенатора Плеве объ образѣ дѣйствій семирѣченской администраціи.

Однако, посмотримъ существовалъ-ли дѣйствительно въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія недостатокъ земли у киргизъ въ Семирѣчьѣ и какими данными располагала мѣстная власть для возбужденія по этому поводу вопроса, послужившаго главнымъ мотивомъ для предоставленія сервитутнаго права кочевникамъ?

Прежде всего, не только въ 70-хъ годахъ, но даже и въ слѣдующемъ десятилѣтіи въ распоряженіи мѣстныхъ властей *не было никакихъ данныхъ не только о количествѣ земель по достоинствамъ, но даже не имѣлось точныхъ свѣдѣній и объ общей величинѣ всей поверхности области, ибо, какъ это* доказываетъ журналъ общаго присутствія Семирѣченскаго

областного правленія 13 мая 1883 г.*), количество земель еще въ этомъ году опредѣлялось гадательно и только на основаніи тенденціозной записки Аристова, такъ какъ общей съемки въ области не было([14]) и къ ней межевые чины Семирѣченскаго областного правленія не приступали даже въ 1885 г.([26]) Затѣмъ, откуда мѣстная администрація могла знать о недостаткѣ земель у кочевниковъ, если не было съемки? На этотъ вопросъ даетъ точный отвѣтъ сама областная администрація въ запискѣ, „объ устройствѣ управленія Семирѣченской области въ составѣ Степного генералъ-губернаторства, составленной въ 1883 г. комиссіею подъ предсѣдательствомъ Семирѣченскаго военнаго губернатора"([52]), гдѣ на стр. 44 находимъ дословно слѣдующее: „Неоднократныя попытки собрать свѣдѣнія о земляхъ родовъ и волостей оставались безъ успѣха, пока, наконецъ, не представился для сего удобный случай при организаціи волостей вслѣдствіе введенія проекта положенія 1869 г.**). Производившія образованіе волостей и первую перепись кибитокъ въ области *комиссіи обязаны были составить описаніе земель, принадлежащихъ каждой волости, и ихъ границы. Записи эти и понынѣ, при всемъ несовершенствѣ и неточности ихъ служатъ основаніемъ* при разрѣшеніи возникающихъ между волостями поземельныхъ споровъ".

Истинную-же цѣнность „записей" организаціонныхъ комиссій, какъ нельзя лучше характеризуетъ рапортъ начальника Капальскаго уѣзда 24 сентября 1870 г., который, располагая „черновыми", т. е. дѣйствительными подлинниками этихъ пресловутыхъ записей, даже и приблизительно не могъ по нимъ рѣшить спора волостей изъ-за земли и, обращаясь за рѣшеніемъ къ Семирѣченскому областному правленію, донесъ, что записи, составленныя сѣверной комиссіей, *„написаны крайне небрежно и неполно"* ([47a]),

Затѣмъ далѣе, на слѣдующей 45 страницѣ той-же записки находимъ еще и слѣдующее: „въ одной изъ жалобъ, поданныхъ киргизами по поводу отобранія у нихъ земель и отдачи ихъ казакамъ, просители говорятъ, что *за отдачею ихъ земель казакамъ, имъ помѣститься негдѣ, развѣ на воздухѣ*, но, къ несчастію, ни сами они, ни скотъ ихъ не имѣютъ крыльевъ, да на воздухѣ нѣтъ и травы, такъ что скоту тамъ питаться нечѣмъ, *какъ и въ пескахъ прибалхашскихъ, которые имъ одни оставлены*".

Нужно замѣтить, что послѣдняя выдержка является са-

*) По межевому отдѣленію
**) Вѣроятно—1867 г.

мымъ сильнымъ аргументомъ во всей приведенной запискѣ. Итакъ, для сужденія о недостаткѣ земли у кочевниковъ мѣстная администрація могла почерпнуть свои свѣдѣнія только изъ болѣе чѣмъ сомнительнаго достоинства „записей" и жалобъ киргизъ. Никакихъ спеціальныхъ поэтому поводу изслѣдованій сдѣлано не было, ибо если-бы такія были, то, вѣроятно, они-бы и были помѣщены въ приведенной запискѣ, а не выдержка изъ какой то жалобы, даже администраціей не провѣренной.

Не располагая *буквально никакими, сколько нибудь, точными данными,* но желая подкрѣпить свои заявленія о недостаткѣ земель у кочевниковъ, хотя какими нибудь цифрами, областная администрація въ той-же запискѣ, на стр. 46, приводитъ слѣдующее: „въ настоящее время (1883 г.) во всей области на одну киргизскую душу мужского пола приходится всей, оставшейся за надѣломъ осѣдлыхъ поселеній, поверхности около 100 дес., изъ коихъ *около половины* покрыты озерами, безплодными песками, каменистыми горами и солонцами".

Повторяемъ, не только хозяйственной, но вообще никакой съемки не было; откуда-же взяты эти „около 100 дес," и откуда стало извѣстнымъ, что „около половины" земли кочевниковъ не пригодны для жизни?

Здѣсь, въ качествѣ иллюстраціи этихъ данныхъ, интересенъ журналъ общаго присутствія Семирѣченскаго областного правленія 16 апрѣля 1885 г.(26), въ которомъ пояснено, что: „мѣстности каменистыя и солонцеватыя пригодны для пастбищъ и нерѣдко составляютъ наилучшіе зимовки".

Наконецъ, поселеніе въ области 5 тысячъ семей киргизъ(13), 6 тысячъ дунганъ и 45 тысячъ таранчей, пришедшихъ сюда изъ Кульджинскаго района въ 1882 и 1883 г.(14), въ надѣлъ которымъ, кромѣ киргизъ, было назначено 237,768 десятинъ киргизскихъ земель(53), окончательно опровергаетъ всѣ доводы и заявленія администраціи о малоземельѣ у киргизъ.

Если бы фактъ малоземелья былъ въ тѣ годы на лицо, то очевидно, что поселеніемъ кульджинскихъ выходцевъ, непрекращающимся по настоящее время, переселеніемъ крестьянъ въ область и ростомъ населенія Семирѣченскаго войска кочевники были-бы давно уже обречены на вымираніе или приближались бы къ окончательному разоренію, но въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ.

Бывшій начальникъ Пишпекскаго уѣзда А. Талызинъ, въ своемъ историческомъ очеркѣ этого уѣзда, относительно кир-

гизскаго населенія всей области свидѣтельствуетъ такъ: „Считаю необходимымъ обратить вниманіе на существующее у многихъ ложное убѣжденіе, будто бы киргизы постепенно вымираютъ и бѣднѣютъ. Подобное мнѣніе даже киргизы считаютъ сильно ошибочнымъ и доказываютъ цифрами, какъ на глазахъ стариковъ киргизское населеніе быстро увеличивается". Затѣмъ онъ поясняетъ, какъ сложилось опровергаемое имъ мнѣніе(54).

Всѣ эти данныя приводятъ къ положительному заключенію, что въ интересующій насъ періодъ времени не было даже и признаковъ малоземелья и что вопросъ о немъ былъ возбужденъ и поддерживался мѣстной администраціей въ постоянномъ напряженіи, вопреки всякой дѣйствительности, въ цѣляхъ, ей одной только извѣстныхъ.

Что-же касается исключительно вопроса размежеванія, то обыкновенно за весь взятый періодъ усилія мѣстной власти въ этомъ направленіи ограничивались одними проэктами къ созданію различныхъ межевыхъ партій(55) или спеціальныхъ межевыхъ комиссій(56), проэктовъ, никогда, однако, не шедшихъ далѣе однихъ предположеній. При тщательныхъ розыскахъ въ мѣстныхъ архивахъ, по этому вопросу не найдено и слѣдовъ какихъ либо энергичныхъ, серьезно мотивированныхъ представленій высшей власти о безусловной и крайней необходимости скорѣйшаго размежеванія. Если эти представленія и дѣлались, то какъ-то вскользь, въ связи съ совершенно другими вопросами и въ такомъ освѣщеніи, что какъ будто-бы вопросъ размежеванія ни для казаковъ, ни для киргизъ совсѣмъ не былъ важенъ и могъ быть отложенъ на неопредѣленно—долгое время(56).

Такое, не отвѣчающее дѣйствительности, представленіе положенія вопроса размежеванія привело къ тому, что постоянныя межевыя силы, въ лицѣ состава межевого отдѣленія при Семирѣченскомъ областномъ правленіи, появились въ области только въ концѣ 1880 года(14). А такъ какъ Туркестанскому генералъ-губернатору, вслѣдствіе вышеописанныхъ дѣйствій и представленій областной администраціи, не было извѣстно истинное положеніе земельнаго вопроса въ Семирѣчьѣ, то еще и на 1881 годъ всѣ силы межевого отдѣленія, въ ихъ полномъ составѣ, были отвлечены по его распоряженію, для съемки въ Ферганскую область, такъ что собственными межевыми средствами Семирѣчье располагало только съ 1882 г., но и то не для размежеванія казаковъ и киргизъ.

Изъ всего вышеизложеннаго очевидно, что населеніе Се-

мирѣченской области своей поземельной неурядицей прямо обязано мѣстной власти, которая, не приложивши никакихъ усилій къ проведенію правильнаго и справедливаго размежеванія земель въ населеніи, приняла за правило сваливать недостатки и промахи своей дѣятельности въ области поземельнаго вопроса на захватъ земель казаками, у которыхъ она позже уже прямо начала ихъ отнимать для удовлетворенія исключительно покровительствуемыхъ ею киргизъ, въ чемъ убѣдимся ниже изъ послѣдующихъ спеціальныхъ по этому отдѣлу исторіи статей, разсматривающихъ положеніе затронутаго здѣсь вопроса въ періодъ съ 1880 года.

Способъ землевладѣнія.

Ознакомившись на сколько возможно подробно съ проведеніемъ въ жизнь земельнаго законодательства, какъ общаго основного принципа землевладѣнія казаковъ, перейдемъ къ обзору способовъ частнаго осуществленія ими своего права на земельные надѣлы.

Осуществленіе права землевладѣнія*) Семирѣченскими казаками происходило до половины 1869 г. исключительно на основаніи устава о казачьихъ селеніяхъ[57], который (ст. 2-й этого-же устава) относительно доходовъ, расходовъ и „поземельнаго довольствія", былъ цѣликомъ примѣненъ къ Сибирскому войску, а отъ него преемственно распространился и на Семирѣченское

Земли, отводимыя войску, дѣлятся собственно на двѣ категоріи:— *войсковыя*, составляющіяся главнымъ образомъ изъ земель запасныхъ, назначенныхъ для удовлетворенія прироста населенія, и *юртовыя* **), состоящія въ вѣдѣніи и пользованіи каждаго отдѣльнаго станичнаго или выселковаго общества.

Войсковыя земли, впредь до обращенія ихъ по мѣрѣ надобности въ юртовыя, находятся въ распоряженіи войсковой администраціи, которая эксплоатируетъ ихъ, отдавая въ аренду, а извлекаемый доходъ обращаетъ въ войсковой капиталъ.

Происхожденіе и эксплоатація войсковыхъ земель будетъ разсмотрѣна въ однсмъ изъ послѣдующихъ очерковъ, задачей-же настоящаго будутъ исключительно юртовыя земли.

На основаніи издавно существовавшаго у казаковъ обы-

*) Здѣсь собственно слѣдовало-бы сказать—«землепользованіе», такъ какъ Семир. казаки своею землею, въ сущности, не владѣютъ, а только временно пользуются, ибо земельные надѣлы войска и до сихъ поръ (1907 г.) не утверждены и вводъ во владѣніе остается еще и теперь вопросомъ неопредѣленнаго будущаго.

**) Есть киргизъ-казакское слово «джюртъ», обозначающее—народъ. Вѣроятно отъ этого киргизскаго слова произошло и названіе земель общественныхъ-юртовыми, т. е. народными, въ отличіе отъ войсковыхъ, запасныхъ. Авторъ.

чая, населеніе каждой станицы или выселка пользовалось своими землями общинно, а не подворно и такой видъ землевладѣнія былъ окончательно узаконенъ въ Сибирскихъ и др. казачьихъ войскахъ (ст. 86)

Самый способъ землевладѣнія на основаніи тѣхъ-же обычаевъ, узаконенныхъ вышеприведеннымъ уставомъ, заключался въ слѣдующемъ.

Каждое отдѣльное станичное или выселковое общество дѣлило свой юртовый надѣлъ на двѣ части: одну для пашни, другую подъ сѣнокосы, но изъ послѣдней выдѣлялось еще двѣ отдѣльныхъ другъ отъ друга части—одна для табуновъ рабочаго и молочнаго скота, вторая для отгонныхъ гулевыхъ стадъ

Часть юрта, назначенная для пашни, дѣлилась, въ свою очередь, на столько равныхъ, по величинѣ или достоинству, мелкихъ участковъ, сколько было въ данномъ обществѣ лицъ, имѣвшихъ право на земельный надѣлъ

Конечно, нельзя сказать того, что всѣ эти участки или паи были-бы строго уравновѣшены между собой—каждое казачье общество, какъ и всякое другое, состояло изъ людей, съ присущими имъ достоинствами и недостатками, потому отдѣльныя лица, въ обходъ обычая и закона, въ силу своего большаго авторитета—нравственнаго или матеріальнаго, могли, конечно, при удобномъ случаѣ, завладѣвать иногда лучшими или большими, чѣмъ у другихъ, паями.

Бѣдные члены общества и сироты имѣли право получать свои надѣлы ближе къ поселеніямъ, паи же болѣе зажиточныхъ должны были-бы располагаться далѣе. Но такой порядокъ на практикѣ обыкновенно не осуществлялся: бѣдные члены общества, за извѣстную сумму вознагражденія, уступали свои надѣлы болѣе зажиточнымъ и въ дѣйствительности, за очень рѣдкими исключеніями, получалось какъ—разъ обратное расположеніе паевъ: чѣмъ человѣкъ бѣднѣе—тѣмъ надѣлъ его былъ дальше отъ поселенія и наоборотъ

Сѣнокосы ежегодно, передъ временемъ укоса травъ дѣлились такимъ-же образомъ—уравнительно, въ зависимости не только отъ величины площади, но и отъ качества и количества травъ

Распредѣленіе и надѣлъ земельныхъ паевъ во всѣхъ случаяхъ принадлежалъ исключительно только вѣдѣнію обществъ и производился имъ не иначе, какъ по письменнымъ приговорамъ, составленнымъ на полныхъ станичныхъ сходахъ. Всякія-же дѣйствія, не оформенныя или неутвержденныя такимъ приговоромъ, отъ кого-бы они не исходили, считались незаконными.

Права отдѣльныхъ членовъ общества отъ притязаній сильныхъ—ставились подъ защиту станичныхъ начальниковъ и вообще станичной администраціи.

Каждый казакъ, съ достиженіемъ 17-ти лѣтняго возраста, пріобрѣталъ право на самостоятельный земельный пай и пользовался имъ, если былъ холостъ, только пожизненно, но если-же былъ женатъ, то по смерти его вдова пользовалась пожизненно или до выхода замужъ вновь—половиною пая своего мужа; другая половина отбиралась и поступала въ распоряженіе общества. Если-же, послѣ смерти мужа, кромѣ вдовы оставались и малолѣтнія дѣти (моложе 17-ти лѣтъ), отъ одного до трехъ, то эта семья имѣла право на весь отцовскій надѣлъ. Въ случаѣ-же, если сиротъ при матери оставалось болѣе трехъ, то вдова, къ паю своего мужа, имѣла право дополучить еще одинъ лишній и семья пользовалась двумя паями до тѣхъ поръ, пока дѣти съ возрастомъ, не получатъ право на собственные паи, и дочери не выйдутъ замужъ(*) и тогда ихъ мать пользовалась уже однимъ паемъ.

Вдовы, имѣвшія малолѣтнихъ дѣтей, по вступленіи въ новое замужество, пользовались на дѣтей однимъ паемъ, пока дѣти отъ предыдущаго брака не достигали возраста, дающаго право на наличный пай или пока дочери не вышли замужъ, т. е. въ этомъ случаѣ дѣти предъидущаго брака пользовались правомъ круглыхъ сиротъ.

Круглые-же малолѣтнія сироты каждаго отдѣльнаго семейства пользовались однимъ цѣлымъ паемъ, но если-же сироты были только женскаго пола—то половиною

Въ этомъ-же точно порядкѣ существовало и надѣленіе сѣнокосными паями.

Законъ 21 апрѣля 1869 года или, какъ его обыкновенно называютъ, „поземельное устройство станицъ казачьихъ войскъ", подтвердивъ всѣ вышеприведенныя частныя правила устава о казачьихъ селеніяхъ, дополнилъ ихъ въ томъ отношеніи, что разрѣшилъ каждому отдѣльному лицу сдавать въ аренду свой пай тому, кому оно пожелаетъ и по цѣнѣ съ обоюднаго согласія владѣльца съ арендаторомъ, чего уставъ 1857 года не предусматривалъ. Отдача своихъ земель въ аренду казаками закономъ 1869 года допускалась только на время ихъ личнаго владѣнія.

*) По мѣрѣ выхода дочерей замужъ и достиженія дѣтьми мужскаго пола 17-ти лѣт. возраста, второй пай могъ быть или отдѣленъ въ пользу перваго достигшаго 17 лѣтъ, или-же взятъ въ распоряженіе общества, если дѣвушки вышли замужъ до времени достиженія братьями 17 лѣтн. возраста, если только братьевъ оставалось менѣе трехъ.

Это дополненіе устава 1857 года легализировало аренду земель отдѣльныхъ казачьихъ надѣловъ и относительно подняло арендныя цѣны, такъ какъ дало возможность обезпечивать аренду договоромъ, гарантировавшимъ интересы обѣихъ сторонъ.

Затѣмъ, законъ 21 апрѣля 1869 года вносилъ еще и то важное указаніе, не предусмотрѣнное уставомъ 1857 года, что: „если впослѣдствіе, съ увеличеніемъ народонаселенія, отведенной станицамъ земли будетъ причитаться менѣе 20 десятинъ на душу, то войсковое начальство приводитъ ее въ нормальную пропорцію, посредствомъ присоединенія смежныхъ запасныхъ войсковыхъ земель или чрезъ образованіе на этихъ послѣднихъ земляхъ новыхъ станичныхъ юртовъ“ (ст. 4).

Кромѣ того, „поземельнымъ устройствомъ станицъ казачьихъ войскъ“ окончательно установлено правило, намѣченное закономъ 18 декабря 1857 года([16]), что въ тѣхъ казачьихъ войскахъ, какъ нар. въ Семирѣченскомъ, „юртовыя станичныя земли которыхъ еще не обмежеваны, на случай увеличенія народонаселенія, сверхъ отводимыхъ станицамъ земель по числу мужескаго ихъ населенія и на церковные причты, отводится въ войсковой запасъ, по представленіямъ мѣстныхъ начальствъ, одна треть всего станичнаго надѣла, если къ тому представляется возможность. Запасъ этотъ состоитъ въ распоряженіи войскового начальства и отводится станицамъ только при увеличеніи ихъ народонаселенія въ мѣрѣ дѣйствительной надобности“.

Наконецъ, законъ 1869 года, какъ и уставъ 1857 года, закрѣпляетъ у казаковъ общинное землевладѣніе, постановляя, что: „никакая часть земли и никакое угодіе, въ чертѣ станичнаго юрта заключающіяся, не могутъ выходить изъ владѣнія станичнаго общества въ чью либо личную собственность“.

Земскія повинности въ войскѣ (1867—1879 г.).

Основнымъ закономъ 13 іюля 1851 года([58]) постановлено, что земскія повинности въ казачьихъ войскахъ отправляются по особымъ объ этихъ войскахъ „положеніямъ“.

Земскія повинности составляютъ обязанности гражданскія, а какъ мы уже знаемъ, что „основныя начала положенія“ о Семирѣченскомъ войскѣ 13 іюля 1867 года совершенно умалчиваютъ о правахъ и обязанностяхъ гражданскихъ, то войсковой администраціи не оставалось ничего болѣе, какъ, руководясь общимъ направленіемъ и болѣе чѣмъ косвеннымъ указаніемъ § 11 „основныхъ началъ“ ([59]), примѣнить въ этомъ случаѣ „положеніе“ о Сибирскомъ войскѣ 1861 года, съ нѣ-

которыми измѣненіями, вызванными мѣстными условіями(60). Вслѣдствіе этого въ изслѣдуемый періодъ времени земскія повинности, лежавшія на Семирѣченскихъ казакахъ, состояли въ слѣдующемъ.

1) Содержаніе дорогъ, мостовъ, гатей и перевозовъ на территоріи войска.

2) Всѣ мѣстныя обязанности при переходѣ по войсковой территоріи воинскихъ командъ, ремонтовъ и казенныхъ транспортовъ, по доставленію имъ временнаго квартированія, подводъ и вообще средствъ къ удобному слѣдованію.

3) Снабженіе войскъ, постоянно квартирующихъ на войсковой территоріи, участками земли въ натурѣ для пастбищъ и огородовъ. Эти участки отводились исполу съ киргизскимъ населеніемъ.

4) Препровожденіе арестантовъ.

5) Поставка подводъ безъ прогоновъ чинамъ, командируемымъ по войсковымъ надобностямъ.

6) Возка почты и дача лошадей за прогоны командируемыхъ по общимъ служебнымъ надобностямъ тѣми станицами и выселками, которые лежали не на почтовыхъ путяхъ. Кромѣ того, станицы Алматинская, Софійская и выс. Надеждинскій обязаны были безплатно доставлять почту и командируемыхъ по общимъ служебнымъ надобностямъ въ укрѣп. Аксу(61).

7) Окарауливать станичные склады и относить вообще внутреннюю станичную службу(62).

Всѣ эти повинности, за весьма рѣдкими исключеніями, отбывались натурою.

Обыкновенно въ отчетахъ о состояніи войска за разсматриваемый періодъ времени заявлялось, что выполненіе земскихъ повинностей для войскового населенія совсѣмъ не обременительно, но если обратить вниманіе на то обстоятельство, что отчеты эти составлялись, какъ видно изъ нихъ самихъ и изъ тѣхъ дѣлъ, къ которымъ приложены ихъ черновики,—въ казачьемъ отдѣленіи штаба войскъ области, которое, представляя чисто военное учрежденіе, не имѣло никакого отношенія къ гражданской жизни войскового населенія, —то ихъ несоотвѣтствіе съ дѣйствительностью становится понятнымъ.

Все гражданское управленіе было сосредоточено въ рукахъ органовъ военно—народнаго управленія, поэтому до свѣдѣнія казачьяго отдѣленія штаба, хотя-бы съ цѣлью оцѣнки или помѣщенія въ годовыхъ отчетахъ, доходило далеко не все, но если вспомнить, что наказный атаманъ, бывшій въ то-же

время и военнымъ губернаторомъ, т. е. главою военно-народнаго управленія, которому, конечно, не могло быть неизвѣстно все происходящее и который могъ бы давать извѣстные коррективы казачьему отдѣленію, то при этихъ новыхъ условіяхъ несоотвѣтствіе отчетовъ съ дѣйствительностью является уже въ другомъ освѣщеніи и отсутствіе въ войсковыхъ отчетахъ такихъ напр. повинностей, какъ постоянная квартирная, почтовая до укрѣп. Аксу и др., представляется актомъ не одной уже только неосвѣдомленности.

Поэтому и тѣ высшія контролирующія учрежденія, куда направлялись отчеты о состояніи войска, какъ напр Главное управленіе иррегулярныхъ войскъ, не имѣли свѣдѣній объ истиномъ положеніи дѣлъ и лишены были возможности оказать какое либо вліяніе въ смыслѣ освобожденія или облегченія войсковсго населенія въ тѣхъ случаяхъ, когда земскія повинности являлись прямо незаконно или сверхъ мѣры обременительными.

Уничтоженіе въ архивахъ большинства станичныхъ отчетовъ за разсматриваемый періодъ времени, лишаетъ возможности дать полную картину выполненія земскихъ повинностей казачьимъ населеніемъ области и не позволяетъ доказательно судить о тяжести этихъ повинностей; но весьма немногія, случайно сохранившіяся по этому вопросу данныя, свидѣтельствуютъ далеко не согласно съ объясненіями войсковыхъ отчетовъ и приводятъ къ иному заключеніе о степени тяжести и вліяніи земскихъ повинностей на экономическое положеніе казачьяго населенія.

Казачье населеніе войска, какъ выше уже было сказано, обязано было квартирной повинностью только по отношенію *проходящихъ* командъ, ремонтовъ и транспортовъ. Въ станицѣ же Алматинской, въ конечномъ и исходномъ пунктѣ всякаго военнаго движенія, любителей даровыхъ квартиръ въ казачьихъ домахъ, даже изъ лицъ, постоянно жившихъ въ укрѣпленіи и городѣ Вѣрномъ, постепенно развелось такъ много, что общество этой станицы было выведено, наконецъ, изъ всякаго терпѣнія и въ 1872 году особымъ приговоромъ просило распоряженія военнаго губернатора обязать незаконно занимающихъ квартиры платить, по крайней мѣрѣ, за постой(63) деньги.

Но общество въ теченіе цѣлаго года не только не получило удовлетворенія, но даже и отвѣта на свою просьбу(63). Тогда станичный атаманъ рискнулъ донести о происходящемъ прямо военному губернатору, помимо уѣзднаго начальника.

До какой степени развилось незаконное взиманіе квартиръ въ станицѣ, лучше всего показываютъ тѣ рѣзкія выра-

женія въ рапортѣ, съ которымъ станичный атаманъ обратился къ военному губернатору Начавъ съ указанія на законъ и на то, что даровыми квартирами пользуются чины, постоянно служащіе въ гор. Вѣрномъ, онъ продолжаетъ: „объ отводѣ квартиръ ко мнѣ пишутъ: областной штабъ, губернскій воинскій начальникъ, командиры баталіоновъ, уѣздный начальникъ, командиры артиллеріи, городничій г. Вѣрнаго, а иногда и ротные командиры. Склоняясь подъ подчиненіе всѣмъ этимъ офицерамъ, иногда въ исполненіи такихъ требованій становишься въ совершенно затруднительное положеніе и думаешь: согласно означеннаго закона квартиръ давать не полагается, а между тѣмъ кто вздумаетъ тотъ и требуетъ ихъ и казаки, правильно или неправильно, должны повиноваться распоряженіямъ“ и т. д.(63).

Здѣсь, въ этомъ рапортѣ, особенно ярко выступаетъ не столько полный произволъ различныхъ органовъ власти, не желавшихъ считаться съ закономъ какъ, благодаря воинской дисциплинѣ, безправное положеніе казачьяго населенія, въ сознаніи котораго, эти органы власти предоставляли своимъ подчиненнымъ удобный случай—сдѣлать экономію въ ихъ бюджетѣ за счетъ приниженнаго дисциплиною и тяжелымъ экономическимъ положеніемъ казака.

Только послѣ такого донесенія военный губернаторъ предписалъ областному штабу сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе—за отводомъ квартиръ въ натуральную повинность обращаться къ областной администраціи и предупредить, что непосредственныя обращенія къ станичнымъ атаманамъ за квартирами по отданному имъ распоряженію не будутъ болѣе приводиться въ исполненіе „*вслѣдствіе неопредѣленности этой повинности въ краѣ*“(64).

Если въ ст. Алматинской,—въ административномъ центрѣ области, на глазахъ высшаго войскового и областного начальства совершенно игнорировался весьма опредѣленный законъ, освобождавшій казаковъ отъ постояннаго квартирнаго постоя(65, то въ другихъ, отдаленныхъ, станицахъ, едвали дѣло отбыванія этой повинности обстояло лучше.

Въ началѣ 80-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія вопросомъ объ истинномъ положеніи отбыванія земскихъ повинностей заинтересовалось и главное управленіе иррегулярныхъ войскъ, предложивъ въ инструкціи, данной генералъ-адъютанту Свистунову, командированному по Высочайшему повелѣнію въ 1884 году для всесторонней ревизіи казачьихъ войскъ Сибири и Семирѣчья, ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ этого вопроса на мѣстѣ.

По собраннымъ въ томъ-же году генераломъ Свистуновымъ свѣдѣніямъ, изложеннымъ имъ въ своемъ отчетѣ[66], оказалось слѣдующее.

На. основаніи журнала Главнаго управленія Запад. Сибири 18/19 января 1867 года, почтовую и подводную повинность, въ изслѣдуемый періодъ времени, должны были относить всѣ казаки въ возрастѣ отъ 17 до 55 лѣтъ, не исключая даже и строевыхъ, находившихся на службѣ по срочнымъ нарядамъ.

До 10 декабря 1883 года въ Семирѣченскомъ войскѣ не существовало правилъ, точно опредѣлявшихъ случаи и лицъ, имѣвшихъ право пользоваться безплатно почтовой и подводной земской повинностью Затѣмъ, повинность эта разлагалась чрезвычайно неравномѣрно: станицы, лежавшія на почтовыхъ путяхъ, относили ее въ степени значительно меньшей, чѣмъ расположенныя въ сторонѣ. Эти послѣднія особенно страдали въ тотъ случаѣ, если разстоянія между ними были велики. Въ этомъ отдѣлѣ повинностей особенно выдѣляется генераломъ Свистуновымъ, такъ называемая, возка „летучей почты", т. е. доставка бумагъ, записокъ и пакетовъ конными верховыми казаками отъ своего поселенія до сосѣдняго, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не было государственной почты Какъ примѣръ, имъ указывается выселокъ Чунжинскій, который доставлялъ эту почту въ одну сторону за 50 верстъ и болѣе чѣмъ за 100 въ другую. Этотъ примѣръ взятъ ревизовавшимъ генераломъ потому. что возка „летучки" лежала на однихъ строевыхъ льготныхъ казакахъ, а ихъ во время ревизіи было только 6 человѣкъ[66]. Если же принять въ расчетъ одни разстоянія, то не въ лучшемъ положеніи окажутся и выселки Охотничій и Подгорный, между которыми около 300 верстъ.

По свѣдѣніямъ генерала Свистунова, возка летучей почты производилась отъ одного до трехъ разъ въ недѣлю.

Здѣсь, помимо числа отправленій почты въ недѣлю, важно еще и то,—сколько времени терялъ казакъ на проѣздъ впередъ и назадъ между селеніями. 50-ти верстное разстояніе отнимало не менѣе двухъ дней, 100-верстное до 4-хъ, а проѣздъ верховой почты между выселками Охотничьимъ и Подгорнымъ отъ 6 до 7 дней и то только благодаря сокращенію разстоянія прямымъ путемъ черезъ горы[67]. Здѣсь кромѣ отвлеченія самого казака, съ нимъ на то-же время уходила и съ хозяйства и лошадь.

Сопровожденіе арестованныхъ производилось почти между всѣми казачьими поселеніями, что тоже отнимало отъ хозяйства и людей, и лошадей, но только на большій срокъ, чѣмъ возка летучихъ почтъ, такъ какъ арестованные, премущест

венно лица гражданскаго вѣдомства, въ большинствѣ случаевъ препровождались пѣшими

Свѣдѣній о дорожной повинности и по содѣйствію проходившимъ транспортамъ уже совершенно не имѣется, но расходъ людей и лошадей для выполненія той и другой повинности несомнѣнно былъ значительный, такъ какъ содержаніе путей сообщенія на войсковой территоріи лежало на казачьемъ населеніи, а всѣ предметы для удовлетворенія военныхъ потребностей область получила транспортированіемъ изъ Сибири и Европейской Россіи.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ генералу Свистунову за 1879 г. средній дневной „нарядъ“ казаковъ въ станицахъ войска для возки летучихъ почтъ, сопровожденія арестованныхъ, для подводной повинности, окарауливанія складовъ, магазиновъ, дежурными и т. д., но безъ наряда на дорожную повинность, доходилъ отъ 10 до 11 человѣкъ, почему очереди отбыванія повинностей выпадали на долю наждаго далеко не рѣдко и связывали казака въ смыслѣ подвижности и возможности заработка на сторонѣ

Помимо этого, здѣсь важно еще и то, что эти многочисленные „наряды“, отвлекая или угрожая отвлеченіемъ къ исполненію повинности, лишали казака возможности приложить къ своему хозяйству и вообще къ своему заработку постоянный непрерывный трудъ и, въ связи съ такой-же перемежающейся службой, развивали въ немъ привычку къ труду урывками, перешедшую въ апатію.

Кромѣ того, разсматривая вліяніе повинностей при вышеуказанныхъ условіяхъ, нельзя упустить изъ виду еще и другое, не менѣе важное, обстоятельство. Обыкновенно заработокъ въ самой станицѣ можетъ быть достаточнымъ только при нормальномъ ходѣ хозяйства, но если-же оно стеченіемъ обстоятельствъ—неурожаемъ, скотскимъ падежомъ, пожаромъ или снаряженіемъ на службу одного за другимъ нѣсколькихъ членовъ семьи—выбито изъ колеи обычнаго хода, что представляется явленіемъ далеко не рѣдкимъ, то казаку, въ большинствѣ случаевъ, отрѣзанъ возвратъ къ бывшему, хотя-бы даже относительному, благосостоянію

Единственный способъ выйти изъ критическаго положенія—заработокъ на сторонѣ или отхожій промыселъ, какъ наиболѣе выгодно оплачиваемые, но этотъ-то именно способъ, вслѣдствіе вышеприведенной организаціи земскихъ повинностей, оказывается почти совсѣмъ недоступнымъ для казака и, такимъ образомъ, случайно разорившійся по большей части навсегда лишается возможности вновь встать на ноги.

Такое положеніе понятно всѣмъ, а потому есть ли надобность говорить, - какое удручающее и развивающее апатію вліяніе на каждаго казака-хозяина должно имѣть только одно представленіе о возможности случайной въ хозяйствѣ невзгоды, послѣдствія которой приходится признать непоправимыми(66),

Изъ всего сказаннаго самъ собою напрашивается тотъ печальный выводъ, что повинности, въ ихъ общей совокупности (и военная) вытравили привычку къ упорному труду, развили полную апатію, приковали казака къ своей станицѣ, къ своему надѣлу, лишили его самого подвижности, и его хозяйство эластичности въ примѣненіи къ обстоятельствамъ, времени и мѣсту

Земледѣліе. Земледѣліе въ казачьемъ хозяйствѣ составляло въ разсматриваемый періодъ времени центръ экономической жизни семирѣченскихъ казаковъ,

Никакой иной промышленности тогда въ странѣ не было ,торговля и отхожіе промыслы, какъ мы уже видѣли, были почти недоступны казакамъ, а потому земледѣліе, какъ промышленность, наиболѣе отвѣчавшая складу быта и матеріальнымъ средствамъ казаковъ, являлось ед нственнымъ, доступнымъ для казака занятіемъ, дававшимъ возможность и себя содержать и на избытокъ продуктовъ снаряжаться на службу.

Вслѣдствіе такой обстановки положенія, вся дѣятельность казака, какъ хозяина, имѣла своей конечной цѣлью обработку земли или ея продуктовъ. Поэтому, для разсматриваемаго періода времени, говорить о казачьемъ хозяйствѣ— значитъ говорить о земледѣліи, такъ какъ всѣ прочія сельско-хозяйственныя отрасли были въ зачаточной формѣ и являлись тогда только небольшимъ подспорьемъ, которымъ удѣлялись одни лишь остатки времени и средствъ отъ главнаго занятія.

Изъ очерка быта сибирскихъ поселеній въ Семирѣчьѣ, мы уже успѣли ознакомиться, какъ съ положеніемъ этой отрасли промышленности, такъ и съ причинами ея неудовлетворительнаго состоянія

На сколько мало улучшилось земледѣліе казаковъ, въ смыслѣ производительности и примѣненія болѣе раціональныхъ способовъ обработки, даже ко времени образованія изъ этихъ поселеній Семирѣченскаго войска,—свидѣтельствуетъ редактированный самимъ наказнымъ атаманомъ отчетъ о состояніи войска за 1867 г.

Но прежде чѣмъ перейти къ разбору опредѣленій отчета, нужно замѣтить, что генералъ Колпаковскій, будучи начальникомъ Алатавскаго округа и устраивая казачьи поселенія въ Заилійскомъ краѣ, долженъ былъ приходить въ частое и непосредственное соприкосновеніе съ казаками, а потому и могъ узнать ихъ довольно хорошо, *но только какъ людей* со всѣми ихъ достоинствами и недостатками.

Казаками, до назначенія наказнымъ атаманомъ, въ качествѣ власти административной—онъ не начальствовалъ [68]), а потому подробностей всей обстановки быта и службы казаковъ, по существу своему весьма сложныхъ, поддающихся только внимательному изученію и неиначе какъ въ связи съ историческимъ прошлымъ—онъ могъ и не знать.

Поэтому генералъ Колпаковскій, назвавъ въ приведенномъ отчетѣ положеніе казачьяго хозяйства, т. е. въ сущности земледѣлія—неудовлетворительнымъ и, переходя къ опредѣленію причинъ неудовлетворительности, помимо личныхъ недостатковъ составныхъ элементовъ населенія, видитъ препятствія къ успѣшному развитію сельскаго хозяйства лишь только въ наклонности казаковъ къ полукочевой жизни, въ недостаткѣ сбыта и въ отсутствіи свободныхъ капиталовъ въ области, т. е. главнымъ образомъ въ общихъ экономическихъ условіяхъ Семирѣчья.

На этомъ основаніи, предположивъ окончательно воспретить произвольныя переселенія казаковъ съ мѣста на мѣсто, намѣтивъ пароходство по р. Или и Балхашу, включивъ на первый разъ въ войсковую смѣту 500 рублей на выдачи премій за лучшія сельско-хозяйственныя произведенія и за развитіе новыхъ отраслей въ немъ, а, въ заключеніе, ходатайствуя объ обращеніи большей части войскового капитала въ ссудный([1])—наказный атаманъ полагалъ, что нашелъ радикальное средство къ излеченію экономическаго недуга семирѣченскихъ казаковъ.

Въ предыдущихъ очеркахъ постепенно *почти* уже совсѣмъ развернута картина причинъ незавиднаго экономическаго положенія, а потому сравнивъ съ нею представленіе, созданное себѣ генераломъ Колпаковскимъ, убѣдимся—какъ оно далеко отъ истины и что его радикальное средство не болѣе какъ паліативъ.

Конечно, нельзя отрицать, что проэктъ наказнаго атамана, въ случаѣ его осуществленія, могъ бы имѣть въ результатѣ извѣстныя частныя улучшенія, но общаго оздоровленія внести не могъ, хотя разсматриваемый, какъ первая ступень въ лѣстницѣ мѣръ—его проведеніе въ жизнь было-бы далеко не безполезно.

Къ сожалѣнію проэктъ не осуществился во всѣхъ статьяхъ. Послѣднія двѣ—преміи и обращеніе войскового капитала на помощь населенію—не были утверждены разсматривавшими ихъ высшими установленіями; пароходство не удалось просто за отсутствіемъ людей, желавшихъ рискнуть своимъ капиталомъ въ дремавшей странѣ, а угаснуть наклонности къ переселеніямъ помѣшалъ самъ наказный атаманъ заселявшій охотниками новые выселки.

Второй годовой отчетъ, за 1868 годъ, уже не дышетъ той энергіей и увѣренностью—наказный атаманъ успѣлъ поближе узнать бытъ своихъ казаковъ, поглубже заглянуть въ ихъ экономическій строй, внимательнѣе къ нему присмотрѣться. Здѣсь уже онъ, не предлагая никакихъ радикальныхъ мѣръ, убѣжденно заявляетъ, какъ уже было разъ приведено, что: „улучшить хозяйство казаковъ не составляло дѣло одного года, но должно было быть плодомъ *многолѣтнихъ и терпѣливыхъ стараній какъ со стороны мѣстной администраціи* такъ и частныхъ предпринимателей».

Но за этими, полными, какъ мы видѣли, трагическаго смысла словами, скрывалось еще и другое значеніе: наказный атаманъ какъ будто бы началъ сознавать, что казаки безнадежны и что онъ, лично, не въ силахъ улучшить ихъ экономическій бытъ, а потому, въ послѣдующихъ отчетахъ, мѣръ къ поднятію хозяйства не предлагается, отчеты ограничиваются констатированіемъ фактовъ и общей характеристикой положенія.

Такимъ образомъ, развитіе главнаго промысла войскового населенія было предоставлено времени и самому себѣ, т. е. исключительно иниціативѣ казаковъ.

Что-же самъ по себѣ могъ сдѣлать казакъ? Ему предъявлялись заразъ два исключающихъ другъ друга требованія: быть воиномъ и въ то-же время земледѣльцемъ!

Вся постановка болѣе чѣмъ двухъ—вѣковой службы и быта сибирскихъ казаковъ и происшедшихъ отъ нихъ семирѣченскихъ сводилась къ тому, чтобы казакъ никогда не забывалъ, что онъ воинъ, и что какъ таковой—онъ гораздо нужнѣе и цѣннѣе, чѣмъ гражданинъ и мирный труженникъ. Поэтому казакъ и привыкъ смотрѣть на себя, какъ на воина, занимавшагося въ промежуткахъ службы сельскимъ хозяйствомъ, не изъ любви и продпочтенія, а по необходимости и невозможности заняться чѣмъ либо другимъ, вслѣдствіе окружавшихъ его условій военной службы.

Въ немъ не умерло исконно-русское чувство къ землѣ—кровь сибирскаго воина нерѣдко освѣжалась приливомъ кре-

стьянской, особенно при поселеніи въ Семирѣчьѣ, поэтому побужденія воина и мирнаго труженника никогда не могли примириться въ немъ – живя дома, въ станицѣ, онъ не вложитъ души въ свое поле, уйдя на службу – тоскуетъ по немъ.

Затѣмъ перемежающаяся служба и земскія повинности лишали казака увѣренности въ завтрашнемъ днѣ; естественнымъ же слѣдствіемъ такой неувѣренности являлось, въ свою очередь неувѣренность въ трудѣ и сомнѣніе въ его полезности, родившія уже апатію. Здѣсь именно и лежитъ основная причина невысокаго уровня казачьяго хозяйства.

Конечно отсутствіе сбыта и отсутствіе средствъ имѣли свое вліяніе, но совсѣмъ не въ той силѣ и степени, въ какой они отражаются въ чисто земледѣльческомъ классѣ—тамъ стоитъ только ихъ устранить—остальное само собою приложится, здѣсь-же устраненіе дѣлу поможетъ немного, ибо основная причина останется дѣйствующей во всей своей силѣ.

Вглядѣвшись поближе, это-же вѣроятно понялъ и генералъ Колпаковскій, убѣдившись, что основную причину устранить не въ его совсѣмъ власти.

Здѣсь еще нужно замѣтить, что генералъ Колпаковскій, какъ мы уже видѣли, почти до самаго своего атаманствованія войскомъ былъ начальникомъ Алатавскаго округа, т. е. тѣмъ-же приставомъ при киргизахъ Б.-Орды, но только съ болѣе широкими полномочіями. Поэтому привычка къ сохраненію интересовъ киргизъ, привычка къ исключительнымъ заботамъ о нихъ—глубоко въѣлась и не могла же изчезнуть вслѣдъ за назначеніемъ наказнымъ атаманомъ. Далѣе, онъ былъ больше военный губернаторъ, чѣмъ атаманъ; управленіе войскомъ являлось дополнительнымъ дѣломъ, побочнымъ. Будучи нальникомъ Алатавскаго округа, онъ привыкъ къ свободѣ исключительно широкой власти, присвоенной этой должности, ставъ-же атаманомъ войска и получивъ въ свое вѣдѣніе организованную въ одномъ опредѣленномъ направленіи военную общину, опутанную такой массой относившихся къ ней „положеній“ Донского, Сибирскаго, Оренбургскаго и даже Черноморскаго([70]) войскъ, что дѣятельный и энергичный генералъ, какъ атаманъ и губернаторъ, оказался связаннымъ по рукамъ и ногамъ. Къ этому—и апатичное отношеніе казаковъ къ труду и своимъ прямымъ выгодамъ—не могло остаться безслѣднымъ.

Отчасти вѣроятно всѣдствіе этого, а главнымъ образомъ по убѣжденію въ невозможности быстро и собственной властью помочь казакамъ поставить ихъ хозяйство на лучшую ногу—онъ къ нимъ остылъ, а между тѣмъ старая привычка

исключительныхъ заботъ о кочевникахъ сказалась и генералъ сталъ на сторону киргизъ, полагая что трудъ на пользу казаковъ неблагодаренъ, а заботы о нихъ излишни.

Трудно найти болѣе лучшее объясненіе мѣръ принимавшихся въ послѣдствіе прямо въ ущербъ казакамъ, даже, какъ будьто, съ затаенною злобою къ нимъ, иногда по иниціативѣ самого генерала Колпаковскаго, иногда съ его косвеннаго одобренія или бездѣйствія для устраненія ихъ въ томъ случаѣ, когда мѣры эти были приняты въ его отсутствіе, а нужно замѣтить, что все направляемое въ прямой ущербъ казачьему населенію проводилось въ жизнь въ отсутствіе изъ области генерала Колпаковскаго, въ чемъ мы уже разъ убѣдились *) и убѣдимся еще не разъ впослѣдствіе.

Такимъ образомъ, семирѣченскіе казаки лишились искренней поддержки и необходимой защиты своихъ интерересовъ со стороны наказнаго атамана, бывшаго, какъ мы уже знаемъ, въ первые годы существованія войска единственнымъ представителемъ ихъ въ администраціи.

Таково было положеніе дѣлъ со стороны управленія; теперь взглянемъ—чѣмъ заявили себя казаки при описанныхъ условіяхъ въ области земледѣлія.

Исторія колонизаціи всѣхъ новыхъ странъ постоянно указываетъ на тотъ неизмѣнный фактъ, что хозяйство піонеровъ всегда было хищническимъ въ началѣ, а затѣмъ по мѣрѣ роста населенія и стѣсненія въ земляхъ, постепенно переходило къ лучшимъ формамъ Это, какъ-бы, общее правило, неизбѣжный періодъ, который суждено пережить каждой новой странѣ, заселенной чуждымъ народомъ. Поэтому нѣтъ ничего страннаго или необычнаго въ томъ, что хозяйство казаковъ въ первые годы ихъ поселенія въ Семирѣчьѣ было хищническимъ. Оно даже инымъ и быть не могло, во первыхъ, потому, что сибирскій казакъ, живя въ богатѣйшей землями странѣ, не зналъ иныхъ формъ земледѣлія, во вторыхъ—лучшимъ пріемамъ ему негдѣ да и некогда было учиться, въ третьихъ—при безпрерывныхъ повтореніяхъ переселеній—казакъ не былъ увѣренъ останется ли онъ въ данной мѣстности или нѣтъ, поэтому силы земли не берегъ, бралъ отъ нея все, что могъ взять съ наименьшимъ трудомъ.

Но съ теченіемъ времени, когда переселенческая горячка утихла, когда казакъ увидѣлъ, что перестали гонять его съ мѣста на мѣсто, когда, наконецъ, и самое землевладѣніе въ странѣ начало принимать извѣстныя формы и казаку былъ

*) Циркуляры 1875 и 1876 года о введеніи сервитутнаго права киргизъ.

данъ болѣе или менѣе опредѣленный надѣлъ, хищническое хозяйство казаковъ начало переходить постепенно къ переложной системѣ, а затѣмъ въ сѣвооборотъ мѣстами вошло и травосѣяніе.

Къ переложной системѣ культуры казаки перешли собственно не вслѣдствіе истощенія почвы—глинистые лессы залегаютъ слишкомъ мощнымъ пластомъ и не легко истощаются(71), а потому, что ежегодное рыхленіе способствовало накопленію въ почвѣ семянъ сорныхъ травъ и создавало благопріятную среду для ихъ произрастанія. Эти травы, сѣмена которыхъ попадали сначала на поля съ вѣтромъ и орошеніемъ, съ теченіемъ времени забирали такую силу и развивались такимъ буйнымъ ростомъ, что начинали, наконецъ, заглушать и посѣвы.

Опытъ показалъ, что на заброшенныхъ поляхъ почва годъ отъ года уплотняется и вредныя для культуры сорныя травы постепенно исчезаютъ На основаніи этого, поле, гдѣ сорныя травы забрали силу, оставлялось безъ обработки отъ 3 до 5 лѣтъ, въ зависимости отъ величины надѣла и исчезновенія травъ, а затѣмъ опять обрабатывалось въ теченіе 5 - 6 лѣтъ, т. е. до тѣхъ поръ, пока сорныя травы не начнутъ давать себя чувствовать(72).

Казаки обрабатывали землю исключительно на лошадяхъ, плугомъ, типа, похожаго на малороссійскій, нѣсколько облегченной конструкціи, которымъ они работаютъ и въ настоящее время. Свой плугъ они называли и называютъ „сохой", хотя съ сохою онъ положительно не имѣетъ ничего общаго; съ ихъ словъ это неправильное названіе попало въ войсковые и во всѣ другіе отчеты.

Употребляемый казаками плугъ—передковый, имѣетъ отрѣзъ и отвалъ, а точно такъ-же и приспособленія для регулированія глубины и ширины борозды; отваломъ служитъ кусокъ обыкновенной доски, поставленной подъ извѣстнымъ угломъ къ линіи движенія плуга, а регуляторомъ глубины—желѣзный болтъ съ гайкой, проходящій сквозь грядиль и корпусъ плуга, подхватывающій корпусъ снизу своей головкой.

Лошади припрягаются къ передку плуга или при помощи системы вальковъ, или за особое болѣе или менѣе удачное приспособленіе.

Плугъ обыкновенно мастеритъ себѣ каждый хозяинъ самъ, за исключеніемъ регулярнаго болта и лемеха, которые или заказываются кузнецу, или пріобрѣтаются готовыми. Отъ искусства хозяина и кузнеца зависятъ и достоинства плуга: легкость въ работѣ, чистота отваливанія и оборачиваніе пла-

стовъ и производительность, но, какъ общее правило, — у болѣе зажиточнаго хозяина всегда лучше и плугъ.

Глубина вспашки варьируется, въ зависимости отъ множества причинъ, отъ 2 до 5 и рѣдко до 6 вершковъ, ширина борозды отъ 10 до 12 и даже иногда до 14 вершковъ, а производительность, подчиняясь достатку хозяина и достоинству плуга, колеблется отъ 1/4 до 3/4 десятины, доходя иногда, какъ исключеніе, даже и до цѣлой десятины (60×40) въ день

Вспашка практиковалась обыкновенно одна — передъ посѣвомъ

Бороны, какъ прежде, такъ и теперь, казаки употребляютъ съ прямыми, вбивными желѣзными зубьями.

Пріемовъ обработки съ посѣвомъ три: на мягкихъ паханыхъ земляхъ пашутъ, вслѣдъ за тѣмъ сѣютъ и забораниваютъ, или-же, сначала сѣютъ, потомъ посѣвъ запахиваютъ, въ такомъ случаѣ, чаще, обходятся безъ всякаго боронованія. Третій видъ обработки — по нови: вспахиваютъ, пласты разбораниваютъ, затѣмъ сѣютъ и снова забораниваютъ; хотя бѣдняки, сберегая силы лошадей, часто ограничиваются только однимъ послѣднимъ боронованіемъ (73).

Казаки преимущественно сѣяли яровые: пшеницу, рожь — по мѣстному „ярица", овесъ, ячмень и рѣже просо, затѣмъ постепенно развивались посѣвы озимой ржи. Конопля и ленъ разводились въ хозяйствѣ почти только для личнаго потребленія (74).

Кромѣ того, въ отдѣльныхъ не многихъ хозяйствахъ, пробовали разводить табакъ; начинаніе въ этомъ направленіи поддерживалось даже наказнымъ атаманомъ, который предполагалъ, что табаководство разовьется у казаковъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. А такъ какъ этой отраслью промышленности занимались не одни казаки, то, по представленію мѣстной власти, введеніе устава объ акцизѣ съ табаку было пріостановлено на неопредѣленное время (75), но табаководство не привилось въ казачьемъ хозяйствѣ, табакъ разводился низшихъ сортовъ и оцѣнивался не дороже двухъ рублей за пудъ (71), а всѣ поощренія въ этомъ направленіи послужили только къ заложенію трехъ табачныхъ плантацій возлѣ гор. Вѣрнаго лицами не войскового сословія (75).

Огородничествомъ казаки занимались болѣе въ предѣлахъ личной потребности и только остатки сверхъ этой мѣры находили сбытъ на мѣстномъ рынкѣ. Разводились преимущественно: картофель, лукъ, капуста, морковь, свекла, рѣдька, горохъ, огурцы, арбузы и дыни (74).

Въ началѣ 70-тыхъ годовъ у казаковъ Заилійскихъ станицъ замѣтно начинаютъ развиваться посѣвы китайской и туркестанской люцерны, которая почему-то здѣсь по настоящее время, даже и оффиціально, называется клеверомъ (76). Люцерна, при условіяхъ искусственнаго орошенія, давала не менѣе трехъ укосовъ въ годъ и держалась на поляхъ болѣе десяти лѣтъ, давая хорошій сборъ въ теченіе шести и болѣе лѣтъ (72).

Особенно въ годы исключительной засухи посѣвы ея оказывали незамѣнимыя услуги населенію, служа превосходнымъ кормомъ для лошадей, лучшимъ, чѣмъ какое-бы-то ни было сѣно Въ 1877 году напр. казаки Заилійскихъ станицъ спасеніемъ большей части своего скота обязаны исключительно только посѣвамъ люцерны (77).

Съ появленіемъ посѣвовъ люцерны, она, сама собою, начала постепенно входить въ сѣвооборотъ; пустующія прежде, вслѣдствіе засоренія травами, поля. казаки все чаще и чаще стали засѣвать люцерной, которая помимо очищенія полей отъ сорныхъ травъ, накопляя въ почвѣ азотъ, ощутительно способствовала и возстановленію плодородія почвы.

Развитіе травосѣянія исключительно въ Заилійскихъ станицахъ можетъ быть объяснено только тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь была легче первоначальная добыча сѣмянъ люцерны изъ Кульджи и Туркестана, а затѣмъ на посѣвахъ жившихъ здѣсь сартовъ казаки могли наглядно убѣдиться въ дѣйствительной пользѣ травосѣянія и, кромѣ того, климатъ Илійской долины теплѣе прочихъ частей Семирѣчья, почему весенніе заморозки здѣсь прекращаются раньше, а осенніе наступаютъ позже, всходы же посѣвовъ люцерны боятся заморозковъ; хотя это послѣднее обстоятельство могло и не имѣть значенія, если посѣвы люцерны дѣлать попозже и не особенно расчитывать на третій укосъ. Благодаря послѣднему соображенію, травосѣяніе, въ слѣдующій за описываемымъ періодъ времени, постепенно начало проникать изъ Заилійскихъ и въ прочія станицы войска (73).

Удобреніе полей, какъ и обработка почвы подъ паръ, не примѣняется даже и въ настоящее время (1906 г.).

Въ Заилійскихъ станицахъ оба эти пріема успѣшно замѣняются травосѣяніемъ, и иногда посѣвами подсолнуха на масло, а въ сѣверныхъ удобрѣніе и паръ не употребляются какъ по незнакомству съ ними населенія, такъ еще и потому, что почва еще достаточно сильна, т. е. другими словами—нужда не привела еще къ сознанію необходимости этихъ пріемовъ (73 и 74).

Въ описываемый періодъ времени, когда климатъ страны не успѣлъ еще измѣниться въ той степени, въ какой онъ измѣнился позже, земледѣліе въ Семирѣчьѣ безъ искусственнаго орошенія было совершенно невозможно (72), поэтому казакамъ по необходимости пришлось на опытѣ и практикѣ изучать ирригаціонное дѣло.

Казаки въ этомъ отношеніи были предоставлены самимъ себѣ, такъ какъ ни со стороны мѣстной администраціи, ни вообще правительствомъ никакой помощи въ этомъ дѣлѣ оказано не было Поэтому, упрекъ генерала Колпаковскаго, сдѣланный имъ по адресу казаковъ, въ донесеніи его Туркестанскому генералъ-губернатору въ 1868 году, что они шли селиться въ Семирѣчье, „расчитывая не на собственный трудъ, а на пособіе отъ правительства, на готовыя пашни и арыки киргизовъ“(78), звучитъ совсѣмъ какъ-то странно. Люди, переселяемые по жребію и назначенію, т. е. противъ ихъ воли, въ правѣ расчитывать на всякую помощь правительства, а не имѣя никакого представленія о сложномъ дѣлѣ искусственнаго орошенія и не получая въ немъ никакой помощи отъ того-же генерала Колпаковскаго, весьма естественно, старались получить въ свои руки готовую ирригаціонную сѣть, которую сами они, даже при всемъ ихъ желаніи скоро соорудить не могли, а безъ нея имъ грозилъ въ странѣ голодъ.

Первыми учителями казаковъ явились киргизы, а затѣмъ и сами казаки на столько постигли искусство орошенія, что если потомъ и нуждались въ помощи, то только въ матеріальной, для проведенія магистральныхъ каналовъ *) большой длины или для преодоленія затрудненій въ тѣхъ случаяхъ, когда магистрали приходилось перебрасывать чрезъ глубокія складки мѣстности или вести ихъ по скатамъ горъ.

Орошеніе полей производилось въ мѣрѣ надобности, отъ одного до трехъ, рѣдко до четырехъ, разъ въ лѣто въ зависимости отъ распредѣленія атмосферныхъ осадковъ, количества воды, приносимаго магистральнымъ арыкомъ, и числа хозяевъ, пользовавшихся изъ каждой данной системы Единицей пользованія орошеніемъ являлась не десятина, а надѣлъ, т. е. и въ водопользованіи казаки по обычаю внесли общинное начало (73, 74).

При всѣхъ условіяхъ несовершенства культуры и земледѣльческихъ орудій, урожаи въ среднемъ получались довольно

*) Оросительные каналы, независимо отъ ихъ величины называются по мѣстному «арыки».

хорошіе: пшеница—самъ 8—15, овесъ и ячмень самъ 20—30 ([72]), но развитію земледѣлія казаковъ, какъ уже было сказано, существовалъ извѣстный предѣлъ, чрезъ который оно перешагнуть не могло.

Однимъ изъ важныхъ факторовъ, тормозившихъ это дѣло, было отсутствіе сколько нибудь удобныхъ путей сообщенія—шоссе и желѣзныя дороги еще и въ настоящее время представляютъ вопросъ неопредѣленнаго будущаго. Слѣдствіемъ этого являлся недостатокъ сбыта, почему отчасти—казаки и засѣвали только въ мѣрѣ личной нужды и потребностей ближайшаго рынка. Затѣмъ, для нѣкоторыхъ поселеній войска, кромѣ общихъ причинъ, мѣшавшихъ развитію земледѣлія, были еще и особыя, свойственныя имъ однимъ, такъ напр. въ выселкѣ Охотничьемъ, который расположенъ на высоты 6430 фут. надъ уровнемъ моря, т. е. такъ высоко въ горахъ, что посѣвы, нерѣдко недозрѣвши, уходятъ подъ снѣгъ([79])

Потребителями производства являлись два винокуренныхъ завода, горожане, войска и не дѣлавшіе запашки туземцы([72] и [76]), т. е. весь сбытъ производился главнымъ образомъ внутри области.

Среднія цѣны на главные продукты земледѣлія въ двухъ главныхъ центрахъ войска или общія по войску даетъ слѣдующая таблица([74]).

Въ четвертяхъ. Четверть ржи или пшеницы 8 пудамъ, овса 8 четверик.	1867 г.			1868 г.			1869 г.			1870 г.			1871 г.			1872 г.			1873 г.			1874 г.			1875 г.			1876 г.			1877 г.			1878 г.			1879 г.		
	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.
	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р з	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к	р к
Станицы:																																							
Алматинская.	2 70	3 —	1 80	— —	— —	— —	— —	— —	— —	3 —	2 25	1 60	7 —	5 50	— —	3 50	2 50	3 —	3 25	3 —	2 90	2 75	2 50	2 25	2 85	2 50	1 40	3 12	2 74	2 16	2 60	2 30	1 75	6 —	3 65	3 10	— —	— —	— —
Копальская.	3 —	3 50	2 —	— —	— —	— —	— —	— —	— —	2 50	— —	1 25	5 25	4 —	— —	2 50	2 —	2 75	3 —	3 —	2 25	2 75	3 —	2 —	2 90	2 50	2 50	3 8	2 73	2 35	1 60	1 65	1 75	3 50	2 50	2 50	— —	— —	— —
Среднія по войску.	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4 78	3 76	3 41	7 35	6 40	5 8

Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что первое время рожь была дороже пшеницы, но это объясняется тѣмъ, что она разводилась въ количествахъ значительно меньшихъ пшеницы, а между тѣмъ предпочтительно требовалась для продовольствія войскъ, т. е. спросъ сильно превышалъ предложеніе и поднималъ цѣны на этотъ продуктъ.

Въ общемъ цѣны имѣютъ едва замѣтную склонность къ пониженію, что указываетъ на нѣкоторый излишекъ предложенія и развитіе площади посѣвовъ. Исключительный подъемъ цѣнъ въ нѣкоторые годы объясняется недородомъ *) или недосѣвомъ, или-же тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Причинами недородовъ являлись или обиліе дождей, вслѣдствіе чего пшеницу поражала ржавчина **), или засуха въ связи съ недостаткомъ снѣговъ въ горахъ, почему воды для орошенія недоставало. Недосѣвы-же являлись слѣдствіемъ крайняго напряженія въ отбываніи воинской повинности и иногда въ связи съ недородомъ предъидущаго года.

Исключительный подъемъ цѣнъ въ 1879 году объясняется усиленной мобилизаціей военныхъ силъ войска въ 1878 году и недородомъ въ 1879-мъ. Населеніе войска, выставивъ въ поле съ весны 1978 года болѣе 1½ тысячъ человѣкъ, лишилось массы рабочихъ рукъ и лошадей, а потому и не могло сдѣлать засѣвъ въ нормальномъ количествѣ, т. е. въ 1878 году получился недосѣвъ, давшій и сборъ значительно меньшій обыкновеннаго, но населенію, для потребностей существованія и службы, нужно было выбросить на рынокъ хлѣба на сумму не меньшую, чѣмъ въ предыдущіе годы, такъ какъ потребность въ деньгахъ не уменьшилась, а, напротивъ, вслѣдствіе большаго напряженія въ отбываніи воинской повинности въ 1878 году, даже возросла, почему продажа для ея удовлетворенія, за уменьшеніемъ или даже неимѣніемъ запаса хлѣба, обратилась на продовольственную и сѣменную доли урожая 1878 года, а поэтому и посѣвъ 1879-го неизбѣжно долженъ былъ оказаться менѣе нормальнаго. Къ недосѣву присоединился еще и недородъ, а въ результатѣ въ 1879 году спросъ значительно превысилъ предложеніе, слѣдствіемъ чего и явился указанный въ таблицѣ небывалый подъемъ цѣнъ.

Хотя цифры развитія площади посѣвовъ ***), величины урожаевъ и доходности земледѣлія за изслѣдуемый періодъ

*) Дѣйствительнымъ недородомъ, а не голодомъ.

**) Микроскопическій красно-бураго цвѣта грибокъ.

***) Въ количествѣ четвертей высѣяннаго хлѣба.

времени и имѣются въ каждомъ годовомъ о состояніи войска отчетѣ, а точно такъ-же и въ «дѣлахъ» Семирѣченскаго областного правленія, но цифры эти не представляютъ результата какого либо болѣе или менѣе строго опредѣленнаго статистическаго способа, а взяты цѣликомъ изъ станичныхъ отчетовъ, станичная-же администрація, не располагая никакими спеціальными средствами для выполненія такого сложнаго дѣла, давала въ своихъ отчетахъ свѣдѣнія о земледѣліи прямо наугадъ и не могла ихъ дать иначе даже если-бы желала и сознавала всю важность въ будущемъ точности данныхъ ею цифръ, ибо казаки сѣютъ безъ мѣры—«на глазъ», посѣвы измѣряютъ только въ случаѣ найма жнецовъ, а урожай опредѣляютъ числомъ „каповъ" *) разной величины и емкости у одного того-же хозяина. Поэтому всѣ цифры по величинѣ урожаевъ и доходности не могутъ считаться даже сколько нибудь приблизительно вѣрными, а основывать на нихъ какія либо заключенія или выводы представляется завѣдомо ошибочнымъ.

Въ общемъ, страна, какъ относительно климата, такъ и почвы, представляла всѣ благопріятныя природныя условія для выгоднаго занятія земледѣліемъ, но постановка военной и земскихъ повинностей, отсутствіе сбыта и многія другія уже разсмотрѣнныя условія—не позволяли развиться этой отрасли промышленности въ надлежащей мѣрѣ. Но и при наличности всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій, ихъ вредное вліяніе на дѣятельность казаковъ, во всякомъ случаѣ, могло-бы быть въ значительной степени ослаблено и смягчено, если-бы мѣстная администрація руководилась-бы сознаніемъ своего истиннаго назначенія и призванія Къ сожалѣнію въ Семирѣчьѣ, въ средѣ областной администраціи, не только въ теченіе изслѣдуемаго періода времени, но даже и далеко за предѣлы его, установился и существовалъ на казаковъ взглядъ, какъ на излишній балластъ, который требованіемъ себѣ земель—стѣснялъ скотоводство кочевниковъ.

Мѣстная администрація считала себя призванной управлять и заниматься только кочевниками, покровительствовать имъ всюду и вездѣ, прилагать особые старанія, включительно до противозаконныхъ, только о ихъ благѣ, а не относиться одинаково справедливо и заботливо къ интересамъ и нуждамъ всего населенія страны.

---

*) Капъ—толстый шерстянной мѣшокъ киргизскаго производства, емкостью отъ 3 до 7 и даже иногда 8 четвериковъ.

Проэктъ воспрещенія казакамъ озимыхъ посѣвовъ- говоритъ самъ за себя и не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ комментарій, Наконецъ, гдѣ и въ какой странѣ можетъ быть указанъ еще второй аналогичный случай—когда земледѣлецъ, разъ онъ не арендаторъ, обязывался-бы къ опредѣленному сроку убрать съ поля продукты своего производства?!

Вышеприведенные циркуляры 1875 и 1876 г. г, изданные по приказанію генерала Колпаковскаго его помощниками, не предусматриваютъ ни неблагопріятной погоды, ни отвлеченіе казаковъ службою, ни недостатка средствъ, а коротко и ясно предписываютъ не стѣснять кочевыхъ обычаевъ киргизъ излишнимъ, по мнѣнію Колпаковскаго, промедленіемъ полевыхъ, работъ. А имѣли ли казаки средство и возможность защищать и оградить свое имущество на поляхъ отъ поощряемаго хищничества киргизъ и какой они несли ущербъ отъ него —намъ лучше всего отвѣтитъ сама семирѣченская областная администрація въ своей уже не разъ приведенной запискѣ 1883 г (13), гдѣ на стр. 46-й мы найдемъ дословно слѣдующее: „увеличивая число пастбищъ для киргизъ, особенно въ зимнее время, пастьба киргизскаго скота на надѣлахъ русскихъ поселеній причиняетъ весьма частыя потравы, не столько весною и лѣтомъ, сколько осенью и особенно зимою". *„Не имѣя часто возможности вывезти свой хлѣбъ и сѣно въ поселеніе немедленно по уборкѣ ихъ, за недостаткомъ времени, рабочихъ рукъ и перевозочныхъ средствъ, русскіе поселенцы* не могутъ охранять хлѣбъ, солому и сѣно въ поляхъ ни караулами, ни огорожею, по дороговизнѣ ихъ и недостатку для изгородей пригоднаго матеріала, ибо лѣсу мало и употребленіе его на заборы не дозволяется. *Что же касается до вознагражденія за потравы, то виновныхъ въ послѣднихъ большею частью невозможно открыть или уличить насудѣ.* Постановка знаковъ для охраненія отъ потравъ озимыхъ хлѣбовъ и сѣнокосовъ не употребляется, какъ по дороговизнѣ и недостатку матеріаловъ для такихъ знаковъ, такъ и потому, что *кочевники не обращаютъ на нихъ вниманія; вслѣдствіе чего подобные признаки оказываются безполезными*".

Называя здѣсь, черезъ 30 слишкомъ лѣтъ, послѣ занятія страны, русскихъ не владѣльцами а *„поселенцами"*,—семирѣченская областная администрація тѣмъ самымъ открыто признаетъ кочевниковъ хозяевами и, какъ таковымъ, предоставляетъ разорять пришельцевъ.

Но этого мало, въ слѣдующихъ строкахъ той-же записки, поданной ею генералу Колпаковскому,- тогда уже Степному генералъ-губернатору, эта же администрація открыто выска-

зываетъ своему принципалу сожалѣніе, что сервитутное право киргизъ проведено ею не въ законодательномъ порядкѣ и выражаетъ удивленіе—какъ это казаки осмѣливаются еще и защищать ихъ разграбляемую собственность.

Вотъ при какихъ условіяхъ должны были жить и трудиться семирѣченскіе казаки въ интересующій насъ періодъ времени.

Режимъ военныхъ поселеній оставилъ грубокіе слѣды въ характерѣ казаковъ и они не рѣшались жаловаться на подобный орбазъ дѣйствій мѣстной власти. Въ войсковыхъ же отчетахъ и обзорахъ области, приложенныхъ къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ семирѣченскаго военнаго губернатора за тотъ періодъ времени, о сервитутѣ киргизъ сколько нибудь ясно нигдѣ не упоминается, а потому и высшая власть по собственной иниціативѣ не могла прійти на помощь казакамъ.

Нужно-ли еще добавлять, что въ изслѣдуемый періодъ времени мѣстная администрація совсѣмъ не позаботилась организовать для русскаго населенія какіе либо склады сельско-хозяйственныхъ орудій, машинъ или сѣмянъ,—это было-бы прямо противно ея принципу управленія, проводимому ею даже въ разрѣзъ намѣреній высшаго правительства.

Промыслы.

„Основныя начала положенія“, какъ мы уже видѣли, о гражданскихъ правахъ семирѣченскихъ казаковъ совершенно умалчиваютъ, а потому права эти въ области промысловъ присвоены войскомъ наслѣдственно отъ Сибирскаго.

Въ Сибирскомъ-же войскѣ права на промыслы регламентированы собственно „положеніемъ“ 1846 г., затѣмъ подтверждены и расширены „положеніемъ“ 1861 г., дѣйствовавшимъ почти на всей территоріи нынѣшняго Семирѣченскаго войска, а потому присвоеніе этихъ правъ войскомъ, организованнымъ изъ сибирскихъ поселеній, пользовавшихся ими двадцать лѣтъ, только естественно и справедливо.

Перечень правъ сибирскихъ казаковъ на промыслы по „положенію“ 1846 года, которыми собственно и пользуется Семирѣченское войско, приведенъ выше въ очеркѣ быта сибирскихъ поселеній въ Семирѣчьѣ, поэтому здѣсь повторять ихъ не будемъ.

Какъ слабо были развиты промыслы въ странѣ среди сибирскихъ казаковъ до образованія Семирѣченскаго войска, въ томъ-же состояніи они остались и въ интересующій насъ періодъ времени.

Тѣ изъ промысловъ, которые могутъ составлять занятіе

болѣе или менѣе значительныхъ группъ населенія, какъ напр. садоводство, лѣсоводство, скотоводство и т. д.—будутъ разсмотрѣны вслѣдъ за симъ, каждое отдѣльно въ особомъ очеркѣ, здѣсь-же перейдемъ къ обзору мелкихъ промысловъ или ремеслъ.

Въ этомъ отношеніи Семирѣченское войско было такъ бѣдно, что казаки, при изготовленіи ими обмундированія и снаряженія, оказались въ затруднительномъ положеніи послѣ того, какъ не назначенные по штатамъ войска команды мастеровыхъ 9 и 10 полковъ были распущены.

Вслѣдствіе такого обстоятельства, командующій войсками Туркестанскаго военнаго округа, по представленію наказнаго атамана, ходатайствовалъ о возстановленіи этихъ командъ. Но въ Петербургѣ такое представленіе, не отвѣчавшее собственно интересамъ войска, было отклонено([80]), а военный совѣтъ, разсматривавшій этотъ вопросъ въ 1871 г., постановилъ для образованія мастеровыхъ въ Семирѣченскомъ войскѣ опредѣлить единовременно 44 казачьихъ мальчиковъ въ ремесленныя классы при Вѣрненскомъ и Капальскомъ приходскихъ училищахъ, гдѣ и обучать ихъ разнымъ ремесламъ. Срокъ ученія отъ 3 до 4 лѣтъ—смотря по способностямъ. На содержаніе каждаго ученика отпускать по 20 руб. 15¼ коп. въ годъ и за обученіе уплачивать ежегодно по 20 руб. изъ войскового капитала: окончившихъ курсъ, наравнѣ съ прочими казаками, своевременно выкомандировывать на полевую службу([81]). Вслѣдствіе какихъ то причинъ полный комплектъ учениковъ набранъ не былъ; училось всего только 30 мальчиковъ при Вѣрненскомъ училищѣ; экономія-же отъ 14 свободныхъ вакансій была обращена не на улучшеніе условій обученія учившихся, а на образованіе изъ казаковъ-подростковъ трубачей([82]).

Эти казачьи ремесленные классы, открытые противъ желанія войсковой администраціи([80]), не пользовались повидимому съ ея стороны достаточнымъ вниманіемъ и надзоромъ, преподаваніе велось очевидно не особенно хорошо, такъ какъ за 8 лѣтъ существованія они дали войску всего 14 ремесленниковъ, портныхъ, сапожниковъ и столяровъ, окончившихъ полный курсъ ученія, а затѣмъ въ 1879 г., по недостатку средствъ, отпускаемыхъ на содержаніе, классы были закрыты([83]).

Этимъ собственно и закончились всѣ мѣропріятія по резвитію ремеслъ въ войскѣ.

Что-же касается другихъ занятій, дававшихъ извѣстный заработокъ казачьему населенію, то по свидѣтельству войско-

выхъ годовыхъ отчетовъ ихъ было такъ мало и доходность ихъ была такъ ничтожна, что отчеты не удѣляютъ имъ никакого вниманія.

Садоводство

Началомъ этого промысла Семирѣчье обязано бывшему генералъ губернатору Зап Сибири Гасфордту, который, въ своихъ поѣздкахъ по странѣ, ознакомясь съ ея теплымъ климатомъ и плодородною почвой, еще весною 1855 г. просилъ русскаго консула въ Кульджѣ Захарова, помочь въ покупкѣ и пересылкѣ изъ Кульджи въ укр. Вѣрное саженцевъ фруктовыхъ деревьевъ. Виноградную-же лозу для культивированія въ Заилійскомъ краѣ, онъ приказалъ добыть не только изъ Кульджи, но даже и изъ Чуйской долины, вѣроятно, въ видахъ опытнаго опредѣленія лучшей изъ нихъ для почвы и климата страны (84).

Въ распоряженіи, отданномъ генераломъ Гасфордтомъ въ апрѣлѣ 1855 года приставу при киргизахъ Б-Орды Перемышльскому, онъ предложилъ для посадки фруктовыхъ деревьевъ отвести возлѣ укрѣп. Вѣрнаго и ст Алматинской небольшой участокъ земли, а уходъ за посаженными на немъ деревьями поручить знакомому съ дѣломъ человѣку, подъ личнымъ наблюденіемъ Перемышльскаго (84).

Этотъ участокъ, засаженный плодовыми деревьями, и послужилъ основаніемъ для существующаго понынѣ у г. Вѣрнаго и ст. Алматинской, такъ называемаго, „казеннаго сада", занимающаго теперь площадь болѣе 50 дес. (85).

Незначительный съ начала и содержимый въ первое время на случайныя, весьма ограниченныя, мѣстныя средства, садъ этотъ только съ 1872 года началъ получать на свое содержаніе и развитіе по тысячѣ рублей ежегодно изъ областныхъ земскихъ суммъ, а съ 1879 года отпускъ этотъ былъ значительно увеличенъ. Однако, не смотря на такія сравнительно незначительныя для казеннаго предпріятія средства и на трудность полученія изъ Европейской Россіи необходимыхъ для сада растеній и сѣмянъ, Вѣрненскій садъ, благодаря особымъ о немъ заботамъ генерала Колпаковскаго, достигъ, къ концу интересующаго насъ періода времени уже извѣстной степени богатства и разнообразія въ своихъ насажденіяхъ (85).

Вмѣстѣ съ основаніемъ сада, администрація края, сознавая, что при совершенномъ отсутствіи какихъ-либо знаній по садоводству въ первыхъ поселенцахъ, это важное дѣло не можетъ само собою развиться въ массѣ населенія, основала въ

1859 году при садѣ маленькое начальное училище.

Въ слѣдующемъ году въ немъ уже было 14 учениковъ, собранныхъ изъ разныхъ станицъ войска, обучавшихся первымъ пріемамъ садоводства ([86]).

Хотя садъ въ то время былъ еще не великъ и очень бѣденъ, но первые его ученики, если и не могли тамъ научиться многому, то во всякомъ случаѣ вынесли изъ него, по крайней мѣрѣ, убѣжденіе въ возможности разведенія въ странѣ многихъ древесныхъ породъ и, познакомившись съ основными способами такого разведенія, были первыми руководителями населенія въ развитіи садоводства и лѣсоводства въ области [86]).

Въ 1867 году при „Алматинскомъ общественномъ садѣ", какъ онъ тогда назывался, былъ уже ученый садоводъ ([87]), а съ 1870 го генералъ Колпаковскій обратилъ особенное вниманіе на развитіе существовавшей при садѣ школы садоводства, составлявшей тогда, повидимому, отдѣленіе Вѣрненскаго приходскаго училища. Съ этой цѣлью военный губернаторъ въ августѣ 1870 года предложилъ начальникамъ уѣздовъ области распорядиться выслать въ гор. Вѣрный отъ каждой станицы по два, а изъ выселковъ по одному подростку для обученія ихъ одновременно и садоводству и въ мѣстномъ приходскомъ училищѣ.

По этому распоряженію будущіе ученики-садоводы должны были удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: быть не моложе 14-ти и не старше 17-ти лѣтъ, имѣть здоровое сложеніе, „ростъ и наружный видъ соотвѣтствующіе назначенію"; быть „хорошей нравственности и принадлежать къ семьямъ добропорядочнаго поведенія". Каждому изъ посылаемыхъ станицы и выселки *были обязаны дать на общественный счетъ:* халатъ и шапку, три пары бѣлья и пару сапогъ, которые были нужны ученикамъ на время до изготовленія имъ форменной одежды при школѣ ([88]).

Съ весны 1871 года при Вѣрненскомъ садѣ было открыто спеціальное училище садоводства, съ 5 ти лѣтнимъ курсомъ, расчитанное на 20 учениковъ.

Первые три года училище не получало постоянныхъ опредѣленныхъ средствъ и только съ 1874 года ему начали отпускать по 2250 рублей изъ земскихъ средствъ области.

До 1882 года составъ учениковъ въ немъ пополнялся исключительно казачьими дѣтьми и только съ этого времени въ училищѣ появились и лица другихъ сословій ([85]).

Здѣсь, для общей характеристики положенія, не безъинтересно провести маленькую параллель между этимъ учили-

щемъ садоводства и ремесленными классами, упомянутыми въ предъидущей статьѣ.

Классы были открыты не только не по иниціативѣ генерала Колпаковскаго, но даже, въ сущности, противъ его желанія и обѣщали выгоды одному только войску и, вотъ, для нихъ не нашлось ни средствъ, ни даже нужнаго контингента учениковъ и ремесленные классы погибли. Садоводство-же обѣщало выгоды не однимъ казакамъ, но и другимъ сословіямъ, идеѣ школы содѣйствовалъ самъ наказный атаманъ, а потому, не говоря о средствахъ, нашлись и ученики, которыхъ было просто „предписано“ *доставить*, да и не изъ первыхъ желающихъ, а съ „ростомъ и наружнымъ видомъ, соотвѣтствующимъ назначенію“ и изъ семей „добропорядочнаго поведенія“.

При такихъ условіяхъ, конечно, школа расцвѣла.

Въ 1871 году были основаны садъ и при немъ училище въ выселкѣ Голубевскомъ, содержавшіеся на „богатыя средства Кульджинскаго района (85).

Впослѣдствіе на мѣстныя средства былъ устроенъ садъ и въ ст. Копальской, но онъ уже не имѣлъ того значенія, какъ первые два (85).

Всѣ эти образцовые сады служили для нагляднаго ознакомленія населенія съ разведеніемъ плодовыхъ древесныхъ породъ и уходомъ за ними, а точно такъ-же и пунктами, откуда населеніе могло близко и удобно доставать въ извѣстномъ количествѣ плодовые саженцы и привои.

Въ этихъ садахъ, какъ и вообще въ области, въ зависимости отъ климата и почвы отдѣльныхъ частей страны, иногда замѣтно разнящихся въ этомъ отношеніи между собой, разводились слѣдующія породы плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ: яблони многихъ видовъ, абрикосы, вишни, сливы, персики, крыжовникъ, смородина, малина и т. п, и, наконецъ, виноградъ, который въ то время культивировался исключительно въ Илійской долинѣ.

При всѣхъ этихъ, повидимому весьма благопріятныхъ, условіяхъ—садоводство болѣе замѣтно начало прививаться въ казачьемъ хозяйствѣ значительно позже, послѣ уничтоженія сервитутнаго права киргизъ

Поселенцы, преимущественно сѣверяне, не имѣли даже и отдаленнаго представленія объ этой отрасли промышленности; о виноградѣ, яблокѣ или сливѣ, быть можетъ, они и слыхали, но о томъ, что эти плоды могутъ дать замѣтный въ хозяйствѣ доходъ, они, вѣроятно, даже и не подозрѣвали—въ этомъ ихъ еще нужно было увѣрить. Наглядная-же убѣдительность

доходности садоводства не могла такъ быстро обнаружиться — плодовымъ деревьямъ вырасти нужно—т. е. отплата за трудъ отходила въ область будущаго, а гдѣ встрѣтитъ его это будущее—здѣсь или быть можетъ на другомъ уже мѣстѣ — казакъ совсѣмъ не былъ увѣренъ: безпрестанныя принудительныя переселенія лишили его увѣренности, присущей осѣдлому человѣку. Да и самая служба, отрывая его постоянно отъ труда и отрывая преимущественно весною, когда именно нуженъ и важенъ трудъ садовода—препятствовала развитію этого промысла. Затѣмъ въ видахъ болѣе удобной и лучшей защиты отъ нападеній кочевниковъ, всѣ казачьи поселенія строились скученно и обносились, какъ мы уже знаемъ, окопами съ валомъ или иными приспособленіями, а поэтому казачьи дворы не велики и для сада въ нихъ нѣтъ почти мѣста. Вынести же садъ на надѣлъ совершенно безполезная трата труда, времени и средствъ—кочевники все равно — все уничтожатъ, объ этомъ, введя сервитутъ, мѣстная власть, какъ будто, позаботилась еще съ 1875 года.

Какъ слѣдствіе совокупности всѣхъ этихъ причинъ—садоводство прививалось такъ слабо, что въ годовыхъ о состояніи войска отчетахъ и въ другихъ оффиціальныхъ данныхъ о немъ или совсѣмъ умалчивается, и упоминается вскользь, какъ о промыслѣ будущаго. И дѣйствительно, съ облегченіемъ въ службѣ и уничтоженіемъ сервитутнаго права киргизъ, садоводство семирѣченскихъ казаковъ, особенно въ южныхъ, Заилійскихъ станицахъ, сравнительно быстро двинулось впередъ.

Лѣсоводство.

Дикорастущіе лѣса Семирѣчья расположены исключительно въ горной области, которая, высоко поднимаясь надъ равнинами обладаетъ, сравнительно съ ними болѣе прохладнымъ климатомъ, почему и привлекаетъ къ себѣ лѣтомъ стада кочевниковъ.

Сами киргизы весьма мало нуждаются въ лѣсѣ, какъ источникѣ строительнаго матеріала, но ихъ кочевья въ лѣсахъ или возлѣ опушекъ и пастьба скота отражаются крайне неблагопріятно—лѣсъ выжигается, травится, портится.

До появленія въ странѣ русскихъ, киргизы кочуя въ лѣсахъ, хозяйничали въ нихъ не стесняясь; но какъ ни худо было въ то время состояніе значительной части лѣсовъ лѣса тогда только страдали, а съ появленіемъ въ нихъ русскаго топора — они уже начали совсѣмъ исчезать.

Осѣдлыя поселенія располагались преимущественно у устья

горныхъ лѣсныхъ ущелій, застраивались исключительно изъ дерева, а поэтому вырубка цѣлыхъ площадей хвойнаго лѣса была явленіемъ обычнымъ

Совершенное исчезновеніе обширныхъ площадей не могло, наконецъ, не обратить на себя вниманіе, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно слишкомъ рѣзко бросилось въ глаза, не могло не вызвать мѣръ къ сохраненію еще оставшихся лѣсовъ.

Началомъ такимъ мѣръ является распоряженіе Туркестанскаго генералъ-губернатора въ 1867 году, запрещавшее деревянныя постройки по всей области(89).

Но и помимо построекъ нужда въ лѣсѣ для оѣдлаго населенія такъ велика, что совершенное стѣсненіе въ пользованіи имъ повело бы къ нежелательнымъ во многихъ отношеніяхъ результатамъ, по этому Туркестанскій генералъ-губернаторъ, желая отвратить эти нежелательные результаты въ будущемъ, при условіи осуществленія дѣйствительной охраны лѣсовъ, предписалъ генералу Колпаковскому обратить серьезное вниманіе на искусственное лѣсоразведеніе(89).

Вслѣдствіе такого распоряженія, наказный атаманъ началъ настойчиво привлекать казаковъ къ лѣсоводству. Съ этой цѣлью, въ концѣ того-же 1867 года, окружнымъ начальникомъ 9 и 10-го полковыхъ округовъ онъ приказалъ избрать вблизи станицъ и выселковъ удобныя мѣста, гдѣ казаки должны были заняться *обязательнымъ лѣсоводствомъ*, насаждая здѣсь каждый и ежегодно по 25-ти таловыхъ или вѣтловыхъ кольевъ(89).

Такое обязательное лѣсоразведеніе было предусмотрѣно уставомъ о казачьихъ селеніяхъ(90) и, будучи применено здѣсь, не составляло мѣры, принадлежащей исключительному почину мѣстной власти, но ею въ этомъ направленіи были сдѣлады потомъ и дальнѣйшіе шаги къ развитію здѣсь дѣйствительнаго лѣсоводства, въ примененіи къ почвѣ и климату страны. Такъ—населенію рекомендовалось производить посадку не однихъ только кольевъ, но и деревьевъ для чего оно могло пользоваться указаніями садовниковъ образцовыхъ садовъ, однимъ изъ которыхъ, даже было составлено съ этой цѣлью руководство(87).

Вскорѣ послѣ образованія области, въ томъ-же 1867 году, генералъ-губернаторъ обязалъ всѣ казачьи общества Семирѣчья обсадить деревьями улицы, дома и въѣзды въ селенія, а въ слѣдующихъ 1868 и 1869 годахъ распоряженіе это было распространено на всѣ остальныя русскія поселенія и сдѣлалось однимъ изъ основныхъ правилъ устройства городовъ и селеній области(85).

Конечно, всѣ распоряженія были встрѣчены большинствомъ населенія далеко не сочувственно.

Прійдя изъ богатѣйшей лѣсами страны, гдѣ объ искусственномъ лѣсоразведеніи оно никогда ничего не слыхало, не понимая ни цѣли, ни значенія его, а въ большинствѣ случаевъ не зная—какъ и приступить къ нему и не любя его, населеніе смотрѣло на лѣсоразведеніе, какъ на новую, тяжелую и непонятную повинность. Хотя администрація и старалась, со своей стороны, отстранить нѣкоторыя изъ причинъ, препятствовавшихъ успѣху лѣсоводства, командировками садовниковъ для указанія на мѣстѣ способовъ разведенія лѣсныхъ и садовыхъ деревьевъ и разсылкою подробныхъ наставленій по этому дѣлу; старалась облегчить населенію работы раздачей древесныхъ сѣмянъ и кольевъ для посадокъ, старалась пріохотить населеніе даже выдачею иногда денежныхъ премій, но, несмотря на все это, искусственное лѣсоразведеніе не подвигалось впередъ([85])—казаки всячески старались уклониться отъ выполненія распоряженія по лѣсоводству.

Наказный атаманъ, ежегодно объѣзжая поселенія войска съ цѣлью всесторонняго осмотра ихъ, неукоснительно и строго требовалъ осадки деревьями улицъ, въѣздовъ и т. д. и вотъ въ одну изъ такихъ поѣздокъ, позднею осенью 1868 года, въ выселкѣ Сарканскомъ ему представилась такая картина: улицы и дома, за неимѣніемъ деревьевъ, обсажены въ должномъ порядкѣ кольями и все больше съ махровыми верхушками. Атаманъ заинтересовался—почему это у всѣхъ кольевъ развиты концы? Осмотрѣвъ поближе казачью посадку—увидѣлъ, что все это совсѣмъ не посадочные колья, а просто таловыя палки, съ усиліемъ вбитыя въ землю, начинавшую уже тогда замерзать.

Разбирая этотъ случай, генералъ Колпаковскій обнаружилъ, что казаки, не сдѣлавъ здѣсь посадки своевременно и, желая избѣжать взысканія за неисполнительность, поспѣшили къ пріѣзду строгаго атамана понабивать въ землю въ должномъ порядкѣ первыхъ, случившихся подъ рукою, палокъ, полагая этимъ отдѣлаться отъ докучливыхъ требованій([91]).

Что-же можетъ лучше убѣдить, какъ не этотъ случай, въ полномъ непониманіи казаками истинныхъ цѣлей лѣсоводства и собственныхъ выгодъ въ немъ?

Какъ строго ни требовалось исполненіе распоряженій по лѣсоразведенію, но дѣло подвигалось до крайности туго, даже въ Алматинской станицѣ, бывшей на глазахъ и войскового, и областного начальства.

Алматинскій станичный атаманъ, чиновникъ Мархининъ, 1868 году доносилъ военному губернатору, что казаки не понимаютъ пользы отъ разведенія лѣса, что изъ 190 домохозяевъ станицы (*), сдѣлали болѣе или менѣе значительныя насажденія только 119, и что онъ, Мархининъ, не видитъ иного средства заставить казаковъ разводить лѣсъ—какъ только принудительно и съ этой цѣлью предлагаетъ: всѣхъ, не сдѣлавшихъ добровольно посадки на своихъ надѣлахъ, раздѣлить поровну по числу мѣстъ, предназначенныхъ подъ общественныя рощи и обязать каждаго изъ нихъ, одновременно со всѣми другими, посадить на этихъ мѣстахъ по 40 деревьевъ, для чего и просилъ выдать изъ питомниковъ казеннаго сада нужное количество саженцевъ, а уходъ за насаженными, такимъ способомъ рощами, *возложить, какъ обязательную повинность, на самихъ казаковъ*(92).

Генералъ Колпаковскій утвердилъ это представленіе не только для станицы Алматинской съ ея одноименнымъ выселкомъ, но приказалъ такой-же способъ примѣнить и въ ст. Софійской, распорядившись отпустить изъ казенной рощи нужное количество кольевъ и саженцевъ; *для окарауливанія*-же и полива будущихъ рощъ *одязалъ нанять рабочихъ въ счетъ казаковъ, не разводившихъ добровольно лѣсъ*, поясснивъ, что на „самыхъ казаковъ плохая надежда“(92).

Благодаря такой постановкѣ дѣла и было положено основаніе тѣмъ рощамъ, которыя мы видимъ теперь на пути изъ г. Вѣрнаго въ станицы Каскеленскую, Софійскую и Надеждинскую.

Въ цѣляхъ развитія лѣсоводства и предоставленія насенію возможности пріобрѣтать по доступнымъ цѣнамъ, а отчасти и безплатно, древесные саженцы, въ 1879 и 1880 г. г. на казенныя и земскія средства были заложены лѣсные питомники въ ущельяхъ Заилійскаго Алатау, возлѣ станицъ Каскеленской, Алматинской, выс. Надеждинскаго и, наконецъ, въ Джунгарскомъ Алатау возлѣ ст. Капальской(93)

Преобладающими мѣстными породами, разводимыми на территоріи войска, являются: карагачъ (берестъ—разновидность ильма), тополь нѣсколькихъ видовъ, ветла и рѣже: дубъ, береза, ясень, клёнъ, акація бѣлая и др.

Закончивъ здѣсь общій обзоръ мѣропріятій по лѣсоводству, мы видимъ, что мѣстная власть дѣлала почти все отъ нея зависѣвшее для развитія въ странѣ этой важной отрасли

---

*) Здѣсь имѣются въ виду ст. Алматинская *вмѣстѣ* съ ея выселкомъ М.-Алматинскимъ.

промышленности, но. . . . . къ сожаленію, это только показная сторона ея дѣятельности. Одною рукой предлагались населенію услуги садовниковъ, питомники, писались наставленія и приказы, а другою—областная администрація въ 1875 году подала кочевникамъ сервитутное право, т. е. право травить и уничтожать все то, что будетъ насажено русскимъ населеніемъ, и въ частности казаками, на своихъ надѣлахъ.

Выше мы познакомились уже съ признаніемъ самой администраціи недѣйствительными или недоступными всѣхъ мѣръ охраны отъ кочевниковъ посѣвовъ и урожаевъ на поляхъ. А развѣ рощи и сады, посаженные внѣ поселеній, могли быть исключеніемъ? Развѣ для нихъ существовалъ какой либо особый видъ огражденій, доступный однимъ и недостпный другимъ? Нѣтъ, рощи и сады такъ-же страдали, они такъ-же уничтожались дикимъ и враждебнымъ русскому населенію кочевникомъ, какъ поля ржи или люцерны, какъ скирды соломы или сѣна! Вотъ что мы по этому поводу читаемъ въ прошеніи общества казаковъ станицы Софійской, поданномъ ими 9 ноября 1879 года: *жители согласно распоряженія начальства* приступили къ разведенію лѣсоводства и садоводства на пашняхъ своихъ.

Лишь только успѣютъ посаженныя деревья показать пріятный видъ зелени, кочующіе киргизы въ окрестностяхъ станицы скотомъ своимъ окончательно уничтожаютъ ихъ, такъ что много встрѣчается неуловимыхъ потравъ лѣсоводства.... поэтому *казаки не въ силахъ сохранять свои сады отъ потравы киргизскаго скота.* Жители вполнѣ увѣрены, что если-бы прекратить кочевку киргизъ по казачьимъ пашнямъ, то начальство черезъ три года увидѣло бы на всѣхъ казачьихъ пашняхъ пріятную зелень разнаго рода лѣсовъ и садовъ, *а въ противномъ случаѣ труды по лѣсоразведенію останутся безполезными*(94)".

Подобнаго содержанія прошеній и жалобъ встрѣчается въ разныхъ архивахъ не мало; всѣ ихъ администрація принимала и читала, т. е., иначе говоря, отлично знала, что дѣлалось, но приволье дикаго кочевника ей было дороже всякихъ лѣсовъ и садовъ русскаго населенія!

Одного сервитутнаго права киргизъ, помимо всѣхъ прочихъ причинъ, было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы отбить всякую охоту къ лѣсоразведенію, къ которому такъ настойчиво принуждала казачье населеніе мѣстная власть, особенно въ лицѣ генерала Колпаковскаго. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что всѣ принужденія къ развитію лѣсоводства въ странѣ до 1891 года, т. е. до уничтоженія серви-

тута, оказались совершенно недѣйствительными и лѣсоразведеніе не подвигалось впередъ и эти же самыя мѣры, какъ увидимъ ниже, оказались излишними послѣ.

Въ концѣ концовъ, всѣ вышеприведенныя мѣры служили въ рукахъ областной власти только лишнимъ доводомъ для обвиненія казаковъ передъ правительствомъ въ лѣни и косности, лишнимъ доводомъ въ чрезмѣрности ихъ земельнаго надѣла. Какъ могъ казакъ проявить свою энергію и болѣе интенсивно приложить свой трудъ къ землѣ, если, помимо всѣхъ прочихъ неблагопріятныхъ условій, еще и сама мѣстная власть впередъ позаботилась сократить будущіе результаты его труда на землѣ?!

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, а точно такъ-же и вслѣдствіе причинъ, подробно разсмотрѣнныхъ въ предъидущихъ статьяхъ, лѣсоводство въ войскѣ, въ интересующій насъ періодъ времени, было только въ зачаточной стадіи развитія, не было промысломъ и не приносило семирѣченскимъ казакамъ почти ничего, кромѣ напрасной траты труда, времени и средствъ.

Скотоводство.

Въ періодъ съ 1867 по 1880 годъ скотоводство въ Семирѣченскомъ войскѣ не было промысломъ, приносившимъ сколько нибудь замѣтный доходъ: имъ казаки занимались только въ предѣлахъ домашней нужды и требованій службы.

Болѣе ясное представленіе о положеніи и развитіи скотоводства въ войскѣ можетъ дать слѣдующая таблица[95].

Годы.	Всего казачьяго населенія мужескаго и женскаго.	Число семей, полагая въ каждой пять членовъ.	Количество скота.					Скота на семью		
			Лошадей.	Рогатаго	Овецъ и козъ.	Свиней.	Всего скота.	Лошадей.	Рогатаго	Прочаго.
1867	14648	2924	7924	7959	2295	750	18433	2.5	2,7	1
1868	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1869	15369	3073	—	—	—	—	—	—	—	—
1870	16141	3228	10116	4204	3200	1440	19260	3,2	1,3	1,4
1871	16517	3303	12015	5594	5960	1485	25054	3,6	1,7	2,2
1872	17087	3417	12794	6628	6025	1620	27067	3,7	2,2	2,2

1873	17873	3575	13410	8352	5335	2259	29356	3,7	2,3	2,1
1874	18328	3666	13817	9024	5805	2426	31072	3,8	2,2	2,2
1875	18877	3775	14780	10870	6997	2222	34869	3,9	2,9	2,4
1876	19388	3878	19401	11874	9492	3734	44501	5,0	3,1	3,4
1877	20044	4009	18122	14258	7140	2648	42168	4,5	3,6	2,4
1878	20641	4128	18235	11888	6668	3147	39938	4,4	2,8	2,4
1879	19791	3958	17369	9100	5837	2052	34358	4,4	2,3	2,0

Примѣчаніе. 1) Число населенія и количество скота показаны къ концу каждаго года, т. е. въ 1867 г. къ 1 января 1868 г. и т. д. 2) Цифры настоящей таблицы, особенно 1876 г., могутъ быть признаны только въ извѣстной степени приблизительными, такъ какъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ нихъ вошелъ и скотъ „разночинцевъ", т. е. населенія не казачьяго сословія, жившаго въ казачьихъ поселеніяхъ осѣдло и кромѣ того, войсковые годовые отчеты, по даннымъ которыхъ составлена эта таблица, дѣлались, какъ это уже было выяснено раньше, исключительно только по свѣдѣніямъ годовыхъ отчетовъ станичныхъ правленій, а на сколько станичныя свѣдѣнія были вѣрны даже и по отдѣлу скотоводства — характеризуетъ выдержка изъ современнаго оффиціальнаго документа, приведенная здѣсь въ источникахъ" (95).

Изъ этой таблицы видно, что преобладающимъ видомъ домашнихъ животныхъ въ хозяйствѣ казаковъ являлись лошади, численность которыхъ въ указанный періодъ времени при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ казачьяго хозяйства замѣтно прогрессировала.

Количество рогатаго скота, разводимаго казаками въ качествѣ только молочнаго и убойнаго, начало быстро увеличиваться съ 1875 года и достигло къ 1-му января 1878 года — 14258 штукъ, но чума, занесенная изъ Сибири въ концѣ 1878 года (96) свела численность рогатаго скота къ концу послѣдняго пятилѣтія къ 9100.

Не говоря уже о свиньяхъ, овецъ степной киргизской курдючной породы казаки водили совсѣмъ мало.

Имъ въ этомъ случаѣ сильными конкурентами являлись кочевники (97), бывшіе преимущественно овцеводами, въ стадахъ которыхъ насчитывалось напр. въ 1878 году болѣе 6½ милліоновъ овецъ (98).

Весь скотъ казаковъ, кромѣ свиней, вывезенныхъ изъ Сибири, былъ почти исключительно мѣстной киргизской породы: лошади малорослыя, сильныя и выносливыя только подъ сѣдломъ; рогатый скотъ—мало-удойный, не крупный,

средней—не мясной и не молочной породы.

Весь свой скотъ кочевники содержатъ круглый годъ на пастбищѣ, на лошадяхъ начинаютъ ѣздить нерѣдко съ годового возраста, почему лошади, пріобрѣтая большую выносливость, теряютъ въ ростѣ и не имѣютъ вида, а рогатый скотъ туземцы употребляютъ въ качествѣ вьючнаго, почему онъ не могъ у нихъ пріобрѣсти экстерьеръ мясного или выработать молочный.

Въ такомъ видѣ животныя и поступали въ руки казаковъ, улучшаясь почти незамѣтно даже и въ иныхъ условіяхъ жизни у новыхъ хозяевъ.

Весьма естественно, что въ хозяйствѣ казаковъ вниманіе мѣстной власти первыми привлекли къ себѣ лошади, необходимыя для комплектованія конскаго состава войсковыхъ частей.

Въ видахъ улучшенія типа лошади и развитія коневодства въ войскѣ, еще въ 1875 году, по иниціативѣ наказнаго атамана генерала Колпаковскаго, былъ поднятъ вопросъ о примѣненіи къ Семирѣченскому войску правилъ станичнаго *обязательнаго конно-заводства* по примѣру войска Донского (99). но вопросъ этотъ такъ и остался въ проэктной формѣ. Тогда у генерала Колпаковскаго явилась мысль основать въ войскѣ случную конюшню (97).

Воспользовавшись временнымъ исполненіемъ обязанностей командующаго войсками округа за генерала Кауфмана, Колпаковскій, въ мартѣ 1876 года, предложилъ временно оставшемуся за него генералу Михайловскому открыть въ гор. Вѣрномъ войсковую случную конюшню, для образованія которой онъ отдалъ своихъ двухъ жеребцовъ (100), купилъ въ Кокандѣ трехъ и въ Вѣрномъ пять (100).

Изъ этихъ десяти производителей—два были туркменской породы, а остальные „карабаиры“, т. е. туземной сартовской съ нѣкоторой примѣсью арабской крови *и всѣ верховыхъ статей.*

На покупку 8 жеребцовъ было издержано изъ войскового капитала 2730 р (100). Когда же объ утвержденіи этого расхода, произведеннаго по личному усмотрѣнію генерала Колпаковскаго, было сдѣлано соотвѣтствующее представленіе, то военный совѣтъ, вслѣдствіе неудовлетворительнаго состоянія войсковыхъ средствъ, представленіе объ утвержденіи отклонилъ и войсковая конюшня оказалась въ крайне затруднительномъ положеніи(100).

Однако, по этому поводу въ 1877 г. было сдѣлано новое, болѣе настойчивое и лучше мотивированное представленіе(100), и 7 декабря этого года военный совѣтъ призналъ существо-

ваніе случной конюшни въ войскѣ легальнымъ, утвердилъ произведенный для ея образованія расходъ, разрѣшилъ на содержаніе конюшни назначать ежегодно изъ войскового капитала по 1275 р. и обязалъ наказнаго атамана при выборѣ производителей на конюшню—„*обращать вниманіе на нужды большинства, а не на выработку какихъ либо дорогихъ породъ*“ (101).

Такъ какъ конюшня была расположена въ станицѣ Алматинской, то, очевидно,—она могла обслуживать только ближайшія къ ней поселенія: Станицу Софійскую, выселки Каскеленскій, Надеждинскій и Илійскій, а поэтому сами обстоятельства указывали на необходимость или разослать производителей по станицамъ, или-же, по крайней мѣрѣ, открыть не менѣе двухъ отдѣленій въ другихъ пунктахъ войска. Однако въ 1877 г. было открыто всего одно отдѣленіе, въ станицѣ Лепсинской, куда переведены четыре жеребца и содержаніе ихъ отнесено на станичныя средства(100).

Лепсинское отдѣленіе, за дальностью разстоянія отъ него другихъ поселеній войска, могло обслуживать только выселки Сарканскій, Тополевскій и, быть можетъ, еще станицу Капальскую, а станица Коксуйская, съ ея выселками: Карабулакскимъ, Царицынскимъ, Джангызъ-Агачскимъ и другія поселенія остались внѣ сферы вліянія Лепсинскаго и Алматинскаго отдѣленій. Однако и при этихъ условіяхъ Лепсинское отдѣленіе просуществовало только годъ съ небольшимъ; подъ предлогомъ недостатка средствъ оно было закрыто, а затѣмъ половина всѣхъ производителей, подъ тѣмъ-же предлогомъ были проданы и взамѣнъ ихъ куплены матки киргизской породы, количество которыхъ къ 1 января 1879 года было доведено до 32-хъ(96 и 100).

Такимъ образомъ, съ 1878 г. войсковая случная конюшня оставила свое первоначальное, болѣе выгодное для войска, назначеніе—служить цѣлямъ коневодства и вступила на путь коннозаводства.

Но экспериментъ съ коннозаводствомъ, лишивъ только казачье населеніе пяти производителей и отдѣленія въ Лепсѣ, оказался менѣе, чѣмъ черезъ три года, совершенно несостоятельнымъ.

Чѣмъ руководствовался и на что въ данномъ случаѣ расчитывалъ генералъ Колпаковскій - свѣдѣній не сохранилось, но остался на лицо тотъ только фактъ, что если на ежегодный отпускъ изъ войсковыхъ средствъ въ 1275 р., при почти даровой прислугѣ, назначавшейся по наряду изъ внутреннослужащихъ казаковъ(102), нельзя было содержать 10 производителей, изъ которыхъ 4 еще довольствовались станицей Леп-

синской, то очевидно, что той-же суммы уже никакъ не могло достать на содержаніе 5 производителей и 32-хъ матокъ.

Такъ и случилось; поэтому съ 1880 года началась постепенная распродажа матокъ, закончившаяся въ 1882 году, и конюшня вернулась къ своему первоначальному прямому назначенію – служить интересамъ большинства, т. е. въ данномъ случаѣ – коневодству.

Казаки пользовались производителями безплатно. Результаты дѣятельности конюшни и исключительно для казачьяго коневодства достаточно наглядно показываетъ слѣдующая таблица ([102]).

Годы и кому принадлежали матки.	Число слученныхъ матокъ.	Изъ нихъ оплодотворившихся.	Число производителей.	Продолжительность случного періода въ дняхъ.
1876 годъ. Казачьихъ .	57	24	7	65
1877 — Казачьихъ .	28	14	8	86
1878 — Казачьихъ .	22	10	5	85
— — Войсковыхъ .	19	13	—	—
1879 — Казачьихъ .	12	10	6	72
— — Войсковыхъ .	21	12	—	—
Всего: Казачьихъ .	119	58		
Войсковыхъ .	40	25		

Такимъ образомъ, за эти четыре года существованія, войсковая конюшня дала казакамъ всего только 58 жеребятъ, т. е. не считая $^{1}/_{0}$ $^{0}/_{0}$ погашенія на живой и мертвый инвентарь, не считая убытковъ по распродажѣ жеребцовъ и матокъ ([102]), другими словами, принимая въ расчетъ только 1275 рублей ежегоднаго содержанія—каждый жеребенокъ обошелся войску въ 88 рублей!

Въ интересующій насъ періодъ времени, за отсутствіемъ сколько нибудь развитаго сбыта, скотоводство, какъ промыселъ, даже и не въ рукахъ казаковъ не могло быть прибыльнымъ.

Цѣны существовавшія на скотъ въ 1867 году въ двухъ наиболѣе бойкихъ центрахъ войска ([87]): незначительно повысившіяся только съ 1878 года, вслѣдствіе чумы, и безъ усиленнаго наводненія рынка скотомъ, доказываютъ превышеніе предложенія надъ спросомъ, а при этомъ условіи прибыльность въ промыслѣ всегда является весьма гадательной.

Въ станицахъ:	Лошадь.	Волъ.	Корова.	Баранъ
	Цѣны въ рубляхъ.			
Алматинской . .	30	15	10	1½
Капальской . .	30	17	12	1½

Пчеловодство.

Предгорья снѣжныхъ хребтовъ Джунгарскаго и Заилійскаго Алатау по условіямъ флоры и климата представляютъ всѣ благопріятныя данныя для пчеловодства, но, до появленія русскихъ въ странѣ, здѣсъ не было и намековъ на этотъ промыселъ. Страну занимали кочевники, а пчеловодство — промыселъ, присущій исключительно осѣдлой жизни.

Впервые пчелы появились въ Семирѣчьѣ въ 1856 году: казакъ Іосифъ Малѣевъ привезъ изъ Бійскаго округа въ станицу Алматинскую пять ульевъ и его маленькая пасѣка, руководимая любящимъ и знающимъ свое дѣло хозяиномъ, явилась удачнымъ началомъ промысла, успѣшно развивавшагося въ Заилійкомъ краѣ, а потомъ и въ остальныхъ частяхъ страны([103]).

Ульями на пасѣкахъ казаковъ служили простыя долбленыя колоды, а пріемы пчеловодства были крайне примитивны, почему мѣстная администрація, для распространенія между пчеловодами лучшихъ системъ ульевъ и болѣе раціональныхъ способовъ ухода, въ началѣ 70-тыхъ годовъ устроила при Вѣрненскомъ казенномъ садѣ образцовую пасѣку и занялась распространеніемъ популярныхъ брошюръ и разныхъ наставленій, въ которыхъ особенно обращала вниманіе пчеловодовъ на необходимость лучшей системы ульевъ и на пользу разведенія медоносныхъ растеній, въ цѣляхъ обезпечить взятокъ пчелъ въ сухіе или холодные годы([104]).

Но, какъ извѣстно, пчеловодство такой промыселъ, въ которомъ наглядное убѣжденіе въ истинномъ практическомъ превосходствѣ той или иной системы наиболѣе необходимо, а потому одна на всю область образцовая пасѣка — конечно, не могла имѣть какого нибудъ замѣтнаго вліянія.

При крайнемъ консерватизмѣ во всякомъ дѣлѣ и при извѣстномъ скептическомъ отношеніи простолюдина, въ массѣ, къ книгамъ и брошюрамъ, написаннымъ „господами“ и въ особенности распространяемымъ „начальствомъ“, всѣ литературныя въ этомъ направленіи старанія администраціи, въ теченіи всего интересующаго насъ періода времени, никакихъ положительныхъ результатовъ не дали(104)

Первые ульи улучшеной системы появились въ Семирѣчьѣ только въ 1881 году, когда одинъ интеллигентный любитель пчеловодства, не казакъ, ввелъ ихъ на своихъ пасѣкахъ въ Иссыкульскомъ и Вѣрненскомъ уѣздахъ(104).

Ко времени образованія войска, пчеловодство успѣло, хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ, распространиться, за исключеніемъ станицъ Сергіопольской и Урджарской и выселка Илійскаго, во всѣхъ поселеніяхъ войска, но центрами его являлись станицы Алматинская и Лепсинская, въ которыхъ къ началу 1868 года было 18327 *) ульевъ, давшихъ въ теченіе 1867-го болѣе 3000 пудовъ меду и 250 пудовъ войску, на сумму 22 тысячи слишкомъ рублей(103).

Число ульевъ въ 1876 году во всемъ войскѣ упало до 12424-хъ, а къ 1880-му осталось только 10229.

О положеніи пчеловодства къ послѣднему году даетъ понятіе слѣдующая таблица (105).

Къ концу пчеловоднаго періода 1879 г.	Количество ульевъ.	Добыто въ пудахъ.	
		Медъ.	Воскъ.
Въ станицахъ вмѣстѣ съ выселками:			
Въ Алматинской . . .	974	85	16
Софійской . . .	1125	120	41
Коксуйской . . .	1280	125	20
Копальской . . .	150	10	2
Сарканской . . .	1400	221	49
Лепсинской . . .	4750	305	10

*) Изъ нихъ въ ст. Алматинской—14718, въ Лепсинской 3609,

Сергіопольской . .	40	—	—
Урджарской . . .	510	40	6
Всего . .	10229	906*)	144*)

Въ такомъ, далеко не блестящемъ положеніи, оказался къ концу разсматриваемаго періода времени промыселъ, обѣщавшій въ концѣ 60-тыхъ и началѣ 70-тыхъ годовъ лучшую будущность при улыбавшихся ему условіяхъ климата и флоры.

Теперь бросимъ взглядъ на тѣ причины, благодаря которымъ онъ началъ падать и посмотримъ—насколько виноватъ въ этомъ упадкѣ самъ казакъ.

Быстро развивавшееся въ концѣ 60-тыхъ и началѣ 70-тыхъ годовъ пчеловодство казаковъ, съ половины послѣдняго десятилѣтія начало замѣтно сокращаться.

Войсковые годовые отчеты, составлявшіеся при указанныхъ ранѣе условіяхъ, конечно не могли дать этому явленію точнаго и подробнаго объясненія; они ограничиваются въ этомъ отношеніи констатированіемъ фактовъ и краткими ссылками на неблагопріятныя климатическія условія, главнымъ образомъ засухи.

Но если принять въ соображеніе, что климатъ Семирѣчья приблизительно только съ половины 80-тыхъ годовъ началъ систематически измѣняться, средняя температура года постепенно понижалась, атмосферныхъ осадковъ выпадало больше, о чемъ свидѣтельствуютъ различныя метеорологическія наблюденія и память множества старожиловъ страны, а 60-е и 70-е годы отличались сухостью и меньшей влажностью, то стало-быть—засухи, на которыя указываютъ войсковые отчеты, были въ то время явленіемъ обычнымъ и, умѣряясь, особенно въ горахъ, обильными росами ($\cdot^{06}$), не препятствовали развитію пчеловодства.

Первая-же исключительная засуха въ 70-тыхъ годахъ, послѣдствіемъ которой былъ неурожай травъ даже и въ горахъ, что дѣйствительно могло вредно отразиться на пчеловодствѣ, указывается войсковыми отчетами въ 1877 году, а мы уже видѣли, что пчеловодство начало падать раньше, а потому вѣроятнѣе, что въ упадкѣ промысла совсѣмъ уже не такъ повинна природа, какъ сервитутное право киргизъ, введенное въ 1875 году, и отбываніе воинской повинности, до-

*) Эти цифры только приблизительны.

стигшее, наибольшаго напряженія именно во второй половинѣ 70-тыхъ годовъ.

Если русское населеніе, по признанію самой областной власти, не въ силахъ было защитить свои оставшіеся въ полѣ и въ горахъ запасы сѣна, то очевидно, что и защита пасѣкъ не могла быть посильной задачей.

У большинства пчеловодовъ даже и въ настоящее время (1906—7 г. г.) ульи зимуютъ подъ открытымъ небомъ, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они стояли и лѣтомъ, тогда же, когда зимы были значительно мягче, особенно въ Заилійскомъ краѣ, — омшанники представляли почти излишній расходъ.

Нужно полагать, что лошади и рогатый скотъ кочевниковъ не питали особаго почтенія къ тихимъ зимою пчеламъ и, бродя по пасѣкамъ, задѣвая ульи и почесываясь о нихъ, не мало опрокидывали, а поваленный зимою улей — скорая и вѣрная смерть пчелиной семьѣ Да и устройство омшанниковъ едвали могло помочь сохраненію пчелъ: — какъ бы ни былъ просто устроенъ омшанникъ, но безъ дерева въ немъ не обойтись, — хоть двери да нужно, а дверь для кочевника, — цѣлое сокровище; открытый-же омшанникъ прекрасное убѣжище зимою для всякаго звѣря и скота, а пчеламъ опять таки вѣрная смерть, Да и кто, наконецъ, могъ помѣшать кочевникамъ лакомиться медомъ, а ульи жечь на кострахъ?!

Крайнее напряженіе отбыванія воинской повинности въ этотъ періодъ времени, указанное въ таблицѣ, приведенной выше въ общемъ обзорѣ экономическаго положенія, тоже не могло не лечь тяжелымъ бременемъ на неокрѣпшій и далеко не развившійся промыселъ.

Помимо отвлеченія массы рабочихъ силъ, чума рогатаго скота, недороды и недосѣвы въ это пятилѣтіе очевидно перемѣстили центръ тяжести добыванія средствъ на снаряженіе выставляемыхъ войскомъ въ поле казаковъ, съ земледѣлія и скотоводства въ сторону пчеловодства. Несомнѣнно, что для покрытія неотложныхъ расходовъ нужда заставляла пчеловодовъ-казаковъ продавать пчелъ въ чужія рухи или вынуждала рисковать извлеченіемъ изъ ульевъ большихъ количествъ меду и вощины, чѣмъ это-бы слѣдовало.

Вотъ эти причины, въ связи съ дѣйствительно быть можетъ неблагопріятными климатическими условіями нѣкоторыхъ лѣтъ послѣдняго пятилѣтія, не только остановили успѣхи пчеловодства казаковъ, но и привели къ сокращенію и ничтожной производительности.

Въ заключеніе настоящаго очерка остается сказать нѣсколько словъ еще и объ общихъ экономическихъ условіяхъ

сбыта, имѣвшихъ тоже значительную долю вліянія на развитіе промысла.

За отсутствіемъ сколько нибудь удобныхъ путей сообщенія, продукты пчеловодства Заилійскаго края сбывались внутри области мѣстнымъ потребителямъ (74) и только часть воска вывозилась въ Зап.-Сибирь, въ гор. Змѣиногорскъ, гдѣ развилось кустарное производство свѣчей для нуждъ Томской и Туркестанской епархій (71).

Сѣверныя станицы войска, особенно Лепсинская, были въ этомъ отношеніи нѣсколько счастливѣе Заилійскихъ: медъ отсюда шелъ въ Зап.-Сибирь (71). Но и здѣсь, благодаря гужеводу провозу до водной артеріи Зап.-Сибири—Иртыша, стоившему очень не дешево, скупщики не могли предлагать прогрессивныхъ цѣнъ, которыя поэтому удерживались почти на постоянномъ невысокомъ уровнѣ.

Вслѣдствіе такого положенія сбыта, цѣны на продукты пчеловодства въ южныхъ и сѣверныхъ станицахъ войска, за весь описываемый періодъ времени, мало разнилось, варьируясь въ южныхъ отъ 3½ рѣдко до 5 рублей за пудъ меда и отъ 15 до 20 руб. за пудъ воска, а въ сѣверныхъ отъ 4 до 6 руб медъ и отъ 20 до 22 руб. воскъ (107)

Рыболовство.

Сибирскіе казаки, колонизуя страну, своими поселеніями всегда занимали мѣста, пригодныя для земледѣлія—ихъ основнаго промысла. Пригодныя-же для земледѣльческой культуры мѣстности расположены въ Семирѣчьѣ у подножья горныхъ хребтовъ, т. е. въ той ихъ зонѣ, гдѣ рѣки, низвергаясь съ высотъ, крутясь и тѣнясь въ камняхъ, мало доступны для рыбъ, а еще меньше для снастей рыболова.

Мѣста выгодной рыболовли расположены здѣсь по нижвему теченію рѣкъ и на озерахъ, т. е. въ мѣстностяхъ пустынныхъ и слишкомъ удаленныхъ отъ поселеній, почему снаряженіе на промыселъ требовало сравнительно большихъ затратъ для доставки, на мѣсто улова, снастей, лодокъ, соли и пищевыхъ продуктовъ. Кромѣ того, большія разстоянія рыбалокъ отъ осѣдлыхъ селеній и дешевизна рыбы исключали возможность перевозки на мѣста улова посуды для посолки, почему засолъ производился тамъ преимущественно въ большихъ коробахъ, выплетенныхъ изъ подручнаго матеріала, иногда даже прямо по вбитымъ въ землю кольямъ, выложенным хорошо камышомъ

Отъ такой посолки рыба вытекала, теряла фигуру, становилась сухой и безвкусной. Рыболовы это сознавали, но

дороговизна деревянной посолочной посуды и необходимость увеличенія болѣе чѣмъ вдвое количества подводъ, для перевозки засоленной въ посудѣ рыбы, настолько-бы ее удорожала, что выручка не окупила-бы затратъ.

На сѣверо-востокѣ—Сибирь—богатѣйшій рыбою край; совершенное отсутствіе путей сообщенія на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, за озеромъ Балхашемъ; еще болѣе и лучшими видами, чѣмъ воды Семирѣчья, богатая рыбою Чуйская долина на западѣ и почти не нуждающееся въ рыбѣ населеніе Китайскаго Туркестана на югѣ—сами собой исключали всякій вывозъ за предѣлы области.

Рыбныя богатства Семирѣчья не такъ велики въ смыслѣ разновидностей, какъ количества. Въ озерахъ водятся: въ Ала-Кулѣ и смежныхъ съ нимъ: маринка—порода, свойственная, кажется, одному Семирѣчью, османъ и окунь; въ Иссык-кулѣ—маринка, османъ, сазанъ, чебакъ и усачъ; въ рѣкахъ(*). маринка и османъ, т. е. все такія породы, которыя и въ свѣжемъ видѣ не обладаютъ особенными вкусовыми качествами, а изъ нихъ у господствующей,—маринки, икра еще и ядовита, поэтому и на внутреннемъ рынкѣ продукты рыболовства не могли завоевать широкаго и обезпеченнаго сбыта.(108) Кромѣ того и самый способъ консервированія рыбы—посолъ и сушка,—отнимая у нея большую часть питательныхъ веществъ и вкуса,—сильно сокращали сбытъ, который развивался исключительно во время постовъ, уменьшаясь въ прочее время почти до назамѣтной величины.

Наказный атаманъ генералъ Колпаковскій, нерѣдко исполняя временно обязанности командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа, познакомился съ рыбными богатствами рѣки Сыръ-Дарьи и, желая поднять рыбный промыселъ казаковъ, предлагалъ желающимъ заняться этимъ дѣломъ на Сыръ-Дарьѣ у Чиназа, но почти тысячеверстное разстояніе новой рыболовли отъ войска помѣшало найтись охотникамъ заняться промысломъ въ такой дали отъ родины, при неизвѣстныхъ условіяхъ сбыта и требованій тамошняго рынка.(109)

Охота и звѣроловство.

Эти два занятія не могутъ быть даже и разсматриваемы какъ промыселъ какой либо замѣтной части войскового населенія.

Охотой и звѣроловствомъ занимались только отдѣльные

---

*) Исключая рѣку Чу.

казаки, группируясь для этого партіями въ 4—6, рѣдко до 10 человѣкъ, въ свободное время отъ работъ.

Лучшее время для охоты совпадало обыкновенно съ холоднымъ періодомъ года, когда мѣхъ звѣрей лучше, а мясо сохраняется дольше и легче.

Въ горахъ охотники находили медвѣдей, куницъ, лисъ разныхъ видовъ, мараловъ(*), горныхъ-козловъ, кабановъ, волковъ и др.; въ долинахъ встрѣчались козы разныхъ видовъ, кабаны, волки и не рѣдко тигры.(76)

Для отдѣльныхъ охотничьихъ партій промыселъ этотъ доставлялъ иногда довольно выгодный заработокъ: особенно хорошо оплачивались молодые рога мараловъ, снятые въ ту пору, когда они только что начинали вновь отростать, покрывались мягкой кожицей и еще не начинали твердѣть. Такіе рога обыкновенно скупали китайцы, платя отъ 100 до 150 руб. за пару, для отправленія во внутренній Китай(76), гдѣ изъ нихъ будьто-бы добывалось какое-то цѣнное лекарственное вещество

Охотой въ то время славились мѣстности у выселковъ Подгорнаго и особенно Охотничьяго, гдѣ къ услугамъ охотниковъ были заповѣдныя выси Тянь-Шаня. Здѣсь на помощь промыслу пришла даже и мѣстная администрація, выдавая охотникамъ нарѣзныя винтовки, порохъ и свинецъ(110).

Торговля.

Владѣя частью Семирѣчья и еще только намѣтивъ занятіе Заилійскаго края, русское правительство заботилось создать въ странѣ благопріятную почву для будущей торговли русскихъ съ Китаемъ. Съ этой цѣлью уполномоченный Россіи, генералъ Ковалевскій, 25 іюля 1851 г. заключилъ въ Кульджѣ съ китайцами торговый трактатъ, обнародованный 5 февраля 1852 г.(111)

Въ видахъ скорѣйшаго осуществленія трактата правительство предложило генералъ губернатору Зап Сибири—прежде занятія Заилійскаго края обратить особенное вниманіе на обезпеченіе караванныхъ путей изъ Сибири въ Кульджу и Чугучакъ.

По трактату, заключенному Ковалевскимъ, купцы обоихъ государствъ могли производить между собою безпошлинную мѣновую торговлю въ назначенныхъ для этого пунктахъ Кульджѣ и Чугучакѣ, для чего русскіе купцы съ товарами свободно пропускались чрезъ границу Китая въ названные

*) Южный олень.

города ежегодно съ 25 марта по 10 декабря безъ всякаго таможеннаго досмотра на границѣ.

Въ случаяхъ-же нераспродажи товара русскіе могли оставаться въ тѣхъ городахъ на произвольный срокъ.

Тѣмъ-же трактатомъ Россіи было представлено право имѣть въ Кульджѣ своихъ консуловъ и свои торговыя факторіи, устроенныя на счетъ русскаго правительства, съ товарными складами и помѣщеніями для русскихъ купцовъ.

Вѣроятно, въ видахъ устраненія излишнихъ столкновеній и различныхъ непріятностей для нашихъ купцовъ, трактатомъ было постановлено, что торгъ могъ быть производимъ только въ стѣнахъ русскихъ факторій, куда должны были являться со своими товарами китайцы, а за предѣлы факторій наши купцы могли выходить только съ разрѣшенія консула и не иначе, какъ получивъ отъ него, на право выхода билетъ([112]).

По русскимъ правиламъ, объявленнымъ одновременно съ опубликованіемъ трактата, торговля съ Китаемъ предоставлена, какъ купцамъ трехъ гильдій, такъ и мелкимъ торговцамъ, имѣющимъ свидѣтельства первыхъ трехъ разрядовъ.

По этимъ правиламъ запрещалось къ вывозу въ Китай: огнестрѣльное оружіе и порохъ, вино, водка, золото и серебро въ слиткахъ, порошкѣ и во всякой русской и иностранной монетѣ, русскія бумажныя деньги, банковые билеты и, наконецъ, опій. Къ привозу изъ Китая разрѣшалось безпошлинно все, кромѣ чая и банковыхъ билетовъ, которые (билеты) совсѣмъ не допускались въ Россію([112]).

Заботясь о развитіи внутренней и внѣшней торговли и сознавая въ тоже время, что сибирскіе казаки по обстановкѣ своей службы и быта, даже и при желаніи, не могутъ принять въ ней участіе, правительство, по представленію генералъ-губернатора Зап Сибири Гасфордта, закономъ 11 ноября 1853 г. разрѣшило Сибирскому войску образовать торговое общество на слѣдующихъ основаніяхъ.

Общество образуется сначала изъ 200 человѣкъ, число которыхъ можетъ быть увеличено, по представленію командира отдѣльнаго сибирскаго корпуса; назначеніе въ общество желающихъ производится наказнымъ атаманомъ совмѣстно съ войсковымъ правленіемъ поровну отъ всѣхъ 10 полковъ; члены торговаго общества платятъ ежегодно въ войсковой капиталъ по 57 р. 50 к. каждый и, затѣмъ никакой уже службы не несутъ; взносъ 57 р. 50 к. производятъ въ теченіе 30 лѣтъ, по истеченіи которыхъ зачисляются въ отставку, наравнѣ съ прочими служилыми казаками, и, оставаясь въ

обществѣ, отъ взноса налога освобождаются; торговое общество состоитъ въ вѣдѣніи войскового правленія, а потому это правленіе несетъ по отношенію общества обязанности, возложенныя въ Донскомъ войскѣ на коммерческій судъ(113).

Опредѣленныя этимъ закономъ права торговаго общества были въ полномъ ихъ объемѣ подтверждены „положеніемъ“ о Сибирскомъ к. войскѣ 1861 г., но съ тою разницею, что число членовъ общества доведено до 400 и самому обществу придана, до нѣкоторой степени корпоративная организація.

„Положеніе“ 1861 г. предоставило членамъ общества избирать изъ своей среды десять довѣренныхъ, составлявшихъ „попечительный“ совѣтъ по торговымъ дѣламъ общества.

Какъ мы уже имѣли случай не разъ убѣдиться, что основныя начала положенія о Семирѣченскомъ войскѣ совершенно не касаются гражданской стороны жизни войска, предоставляя опредѣлять всѣ относящіяся сюда права и обязанности казаковъ органамъ мѣстнаго управленія. А такъ какъ „положеніе“ 1861 г. примѣнялось въ жизни Семирѣченскаго войска почти вездѣ, то казалось-бы, что его слѣдовало примѣнять и здѣсь, по торговлѣ, т. е., что въ силу этого „положенія“ 32 члена торговаго общества 9 и 10-го полковыхъ округовъ(89), перейдя изъ Сибирскаго со всѣмъ прочимъ населеніемъ въ составъ новаго войска, должны были-бы образовать особое самостоятельное торговое общество, организованное по правиламъ, указаннымъ для Сибирскаго войска.

Но за отсутствіемъ какихъ либо намековъ въ „основныхъ началахъ положенія“ о правѣ семирѣченскихъ казаковъ на торговую организацію, военно-народное управленіе не признало нужнымъ организовать торговое казачье общество, члены котораго, будучи предоставлены каждый своимъ собственнымъ силамъ и не располагая достаточнымъ капиталомъ, конечно, не могли принять замѣтнаго участія не только во внѣшней, но даже и во внутренней торговлѣ.

Такимъ образомъ, торговое общество въ Семирѣченскомъ войскѣ существовало только по имени, въ войсковыхъ отчетахъ, а въ дѣйствительности никакого общества не было, имѣлись лишь разрозненныя лица войскового сословія, которымъ за опредѣленный годовой взносъ давалось освобожденіе отъ службы и возможность заняться торговлей или чѣмъ угодно, въ зависимости отъ личныхъ средствъ и умѣнія каждаго.

Генералъ Колпаковскій, привыкнувъ еще на должности начальника Алатавскаго округа оказывать „всевозможное покровительство“(114) только богатому купечеству, не обратилъ

никакого вниманія на торговыхъ казаковъ, не оказалъ имъ положительно никакой помощи и поддержки, не позаботился съорганизовать ихъ въ общество, имѣвшее-бы тогда право избрать и составить свой „попечительный совѣтъ", который-бы и вѣдалъ всѣми торговыми дѣлами общества, выступая въ случаяхъ нужды на защиту его интересовъ.

Между тѣмъ, страна производила только предметы жизненной необходимости, все-же остальное было привозное изъ Сибири и Европейской Россіи, почему спросъ на всѣ предметы привоза былъ огромный и если сибирскіе коробейники, не игнорируемые мѣстной властью такъ, какъ казаки, успѣли въ то золотое для торговли время обратиться въ купцовъ съ десятками и сотнями тысячъ годового оборота, то организованное торговое общество казаковъ, при извѣстномъ вниманіи мѣстныхъ властей, могло бы тоже имѣть свою долю въ выгодахъ тогдашней торговли

Генералъ Колпаковскій, заботясь о привлеченіи постоннихъ капиталовъ въ область и мечтая о невозможномъ тогда пароходствѣ по Или и Балхашу([115]), не воспользовался тѣмъ и не поддержалъ то, что уже было у него подъ рукою.

Какъ мало удѣлялъ вниманія генералъ Колпаковскій торговымъ казакамъ—видно изъ годовыхъ отчетовъ, гдѣ они разсматриваются не какъ люди съ ихъ достоинствами и недостатками, а только какъ доходная статья войскового бюджета и, какъ таковая, опредѣляются не по суммѣ ихъ торговыхъ оборотовъ, о которыхъ отчеты не обмолвились ни одним словомъ, а по количеству сбора, взимаемаго съ нихъ въ мертвый войсковой капиталъ.

Не выказавъ ничѣмъ желанія поставить на ноги торговлю казаковъ генералъ Колпаковскій въ отчетѣ за 1870 годъ, заявляетъ, что въ этомъ году: „было 35 казаковъ, состоящихъ въ торговомъ обществѣ, но только меньшая часть изъ нихъ занимается мелочною торговлею, остальные-же, считаясь въ торговомъ обществѣ, вносятъ пошлину для того, чтобы избавиться отъ отнесенія строевой службы, *а потому къ развитію торговли въ войскѣ общество торговыхъ казаковъ не приноситъ никакой пользы.*

Вслѣдствіе подобныхъ заявленій наказнаго атамана, правительство несомнѣнно, будучи увѣрено, что мѣстная власть исполнила свою обязанность и торговымъ казакамъ оказано съ ея стороны посильное содѣйствіе и поддержка и что, даже при этихъ условіяхъ, казаки оказались неспособными принести пользу ни себѣ, ни войску, закономъ 7 декабря 1870 года предположило въ недалекомъ будущемъ закрыть въ Се-

мирѣченскомъ войскѣ торговое общество казаковъ или, вѣрнѣе, лишить льготы отъ службы отдѣльныхъ торговыхъ казаковъ, такъ какъ никакого „общества" не было и ввести въ войскѣ общеимперское „положеніе" о пошлинахъ за право торговли и промысловъ(116).

По поводу этого закона наказный атаманъ въ отчетѣ за 1871 годъ съ какимъ-то чувствомъ удовлетворенія замѣтилъ: «общество торговыхъ казаковъ предположено упразднить и отъ этого торговля въ войскѣ потеряетъ весьма мало".

Законъ 7 декабря 1870 года введенъ въ Семирѣчьѣ въ въ дѣйствіе съ 1-го января 1873 года и съ этого времени, такъ называемое, „торговое общество" въ войскѣ было закрыто (117).

Съ лишеніемъ льготы отъ службы занимавшихся торговлей казаковъ, они, какъ и всѣ прочіе, уже не имѣли возможности принимать участіе въ дѣятельности этого рода, такъ какъ неприспособленная, въ интересующій насъ періодъ времени къ экономическому быту казачьяго населенія организація воинской и земскихъ повинностей, а точно такъ-же и крайнее стѣсненіе права передвиженія, лишали семирѣченскихъ казаковъ возможности заниматься торговлей.

Такимъ образомъ, всѣ заботы правительства, желавшаго дать и казакамъ, вмѣстѣ съ другими сословіями извѣстныя выгоды въ торговлѣ—для семирѣченскихъ казаковъ оказались напрасными и по свидѣтельству отчета о состояніи войска за 1875 годъ—вся привозная и вывозная торговля въ Семирѣчьѣ сосредоточилась въ рукахъ сибирскихъ купцовъ и татаръ.

Бытъ, характеръ, взаимотношеніе казаковъ и туземцевъ.

Кромѣ всѣхъ обыкновенныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ укладывается въ ту или другую форму народный бытъ, у казаковъ существовало и существуетъ еще особенное, нигдѣ не повторяющееся, ставшее во главѣ всѣхъ прочихъ и создавшее собственно позднѣйшій типъ казака. Это условіе— исключительная военная служба и неизбѣжная съ ней воинская дисциплина, постепенно превратившія казачество изъ отдѣльнаго сословія въ особое государственное установленіе (118[1]).

Казачество, возникшее когда-то, какъ протестъ противъ государственныхъ порядковъ Польши и Москвы, представлявшее тогда въ большей мѣрѣ явленіе исторіи политической и соціальной, чѣмъ военной, выработавшее своеобразное народное самоуправленіе на основаніи всеобщаго, прямого и равнаго выборнаго начала, съ теченіемъ времени, усиліями

русской власти, втянуто, въ составъ государства, сведено къ значенію только отдѣльнаго сословія, а затѣмъ и окончательно подчинено требованіямъ русской государственной идеи. Съ тѣхъ поръ бытъ и жизнь казачьихъ общинъ неузнаваемо измѣнились—окраска политическая и соціальная слиняла, доминирующей осталась военная; бытъ казаковъ постепенно, подъ напоромъ русской государственной идеи, отлился въ новыя формы и казаки обращены въ послушную и покорную правительству силу, обязанную посвѣщать всѣ свои средства военной службѣ государству, для лучшаго достиженія чего, подчинившаго себѣ весь строй казачьей жизни.

Въ зависимости отъ такого господствующаго положенія военной службы, бытъ казаковъ получилъ особую окраску, совершенно особый укладъ, нисколько не похожій на укладъ быта и жизни ни одного изъ другихъ сословій государства, т. е., другими словами, казаки, идя со ступени на ступеню въ утратѣ свой самобытности, превратились наконецъ въ „государственное установленіе[118]".

Изъ всего сказаннаго раньше мы уже познакомились съ экономическимъ и правовымъ строемъ жизни Семирѣченскихъ казаковъ, точно такъ-же знаемъ и все то вліяніе, которое оказывала служба, въ совокупности съ другими повинностями на ихъ бытъ, намъ извѣстно уже—каковы были и взаимоотношенія казаковъ и киргизъ, а потому здѣсь, избѣгая повторенія, остается только конспектировать сказанное, удѣливъ особое вниманіе мало-освѣщеннымъ вопросамъ.

Населеніе Семирѣченскаго войска сложилось изъ крестьянъ и коренныхъ сибирскихъ казаковъ, поэтому и нравы этихъ двухъ составныхъ группъ населенія до тѣхъ поръ, пока они подъ нивелирующимъ вліяніемъ службы и экономической обстановки не успѣли слиться въ одно цѣлое,—должны быть различны.

Оно такъ и было въ дѣйствительности. Первый годовой отчетъ о состояніи войска за 1867 г. по этому поводу говоритъ, что казаки Семирѣченскаго войска, по своимъ нравственнымъ качествомъ, раздѣлялись на двѣ группы, имѣвшія свои недостатки и достоинства; первую и большую составляли коренные казаки Сибирскаго к войска—люди смѣтливые и понятливые, но съ преобладаніемъ дурныхъ качествъ; вторую, меньшую группу, составляли крестьяне, на счетъ которыхъ отчетъ ставитъ главнымъ образомъ суевѣрія и предразсудки, выражавшіеся иногда въ „самыхъ безобразныхъ формахъ".

Такое опредѣленіе нравственныхъ недостатковъ крестьянъ свидѣтельствуетъ о низкомъ умственномъ развитіи этой группы населенія, сильно отличавшейся въ этомъ отношеніи отъ коренныхъ казаковъ.

Постоянная служба въ степи, среди враждебно настроенныхъ кочевниковъ, ставившая казаковъ не рѣдко въ совершенно исключительныя положенія, конечно, должна была развить находчивость и смѣтку, но та же, организованная въ зависимости только отъ государственныхъ потребностей, служба, отрывая казака отъ облагораживающаго вліянія постояннаго труда и перебрасывая его съ семьею съ мѣста на мѣсто,—лишала увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, что, въ связи съ жалкимъ положеніемъ народнаго образованія, создавало благодарную почву для развитія отрицательныхъ сторонъ характера.

Здѣсь не оставалось безъ вліянія еще и то обстоятельство, что выходъ изъ сословія—казакамъ былъ совершенно закрытъ и только закономъ 21 апрѣля 1869 года имъ было предоставлено право исключенія изъ войскового сословія съ извѣстными ограниченіями ([118²]).

Этотъ законъ, являясь временнымъ отраженіемъ эпохи либеральныхъ реформъ на казачьихъ войскахъ, былъ изданъ потому, что существовавшее запрещеніе выхода изъ войскового сословія, поддерживая въ казачьихъ войскахъ обособленность отъ прочихъ частей имперіи и стѣсняя казаковъ въ свободномъ выборѣ рода жизни и занятій, признано было въ то время безполезнымъ для государства и вреднымъ для самихъ казаковъ ([119]). При изданіи этого закона имѣлось собственно въ виду предположеніе, послѣдовательно нормировать численность служилаго разряда въ каждомъ изъ казачьихъ войскъ для отбыванія лежащей на нихъ воинской повинности съ тѣмъ, чтобы все остальное казачье населенія, въ каждомъ войскѣ, составляло-бы классъ войсковыхъ гражданъ, необязанныхъ службой, которому и молго-бы быть предоставлено право свободнаго перечисленія въ другія сословія на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ это было принято въ городскихъ и сельскихъ обществахъ ([119]).

Но такъ какъ ко времени изданія закона 21-го апрѣля 1869 года численность служилаго разряда была опредѣлена только въ одномъ Оренбургскомъ войскѣ, то поэтому приведенный законъ и постановилъ, что: „въ тѣхъ войскахъ, гдѣ не введенъ еще жеребьевый порядокъ отбыванія воинской повинности,—право выхода изъ казачьяго сословія предоставлено *всѣмъ вообще казакамъ*, съ тѣмъ только, чтобы общее

по войску число служилыхъ нижнихъ чиновъ было-бы достаточно для формированія опредѣленныхъ закономъ строевыхъ частей ([119])". вслѣдствіе-же того, что отвѣтственность за своевременное и надлежащее комплектованіе строевыхъ частей лежала на мѣстномъ войсковомъ начальствѣ, то поэтому и опредѣленіе права исключенія изъ войскового сословія въ каждомъ частномъ случаѣ было предоставлено съ 1870 года усмотрѣнію мѣстной власти ([120]).

Въ январѣ-же 1872 года Военный Совѣтъ, въ разъясненіе закона 21 апрѣля 1869 года, постановилъ, что въ тѣхъ казачьихъ войскахъ, гдѣ не введенъ еще жеребьевый порядокъ отбыванія воинской повинности, какъ напр. въ Семирѣченскомъ, всѣ вообще малолѣтки лишаются права исключенія изъ войскъ ([121]), т. е. этимъ правомъ фактически могли воспользоваться только одни отставные казаки.

Такимъ образомъ, какъ-бы не было тяжело казаку его пребываніе въ своемъ замкнутомъ сословіи какъ-бы сильно онъ не сознавалъ настоятельную необходимость для себя покинуть его. но до 1869 года этого онъ сдѣлать совсѣмъ не могъ, а съ 1869-го—если и могъ перейти въ другое сословіе, то только по прослуженіи полныхъ 22-хъ лѣтъ, т. е. когда лучшая пора жизни уже миновала и устраивать свою жизнь на новый ладъ и при иныхъ условіяхъ въ большинствѣ случаевъ было совсѣмъ уже поздно.

Но и такъ весьма ограниченное право исключенія изъ сословія показалось мѣстной власти опаснымъ и было отнято у Семирѣченскихъ казаковъ приказомъ по войску 19 ноября 1874 года. когда генералъ Колпаковскій, временно исполняя обязанности командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа, положительно воспретилъ имъ выходъ изъ сословія, мотивируя запрещеніе слабымъ населеніемъ станицъ и проистекающей отсюда тяжестью воинской повинности.

Не безъинтересное освѣщеніе въ смыслѣ опредѣленія характера казаковъ даютъ семейные раздѣлы, которые, какъ извѣстно, вызываются, главнымъ образомъ, происходящею отъ разныхъ причинъ неуживчивостью.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, разсматривая въ 1882 году причины экономическаго разстройства крестьянъ губерній Европейской Россіи, пришло между прочимъ къ заключенію, что въ этомъ разстройствѣ не маловажную роль играютъ и семейные раздѣлы, приносящіе дробленіе рабочихъ силъ. Желая, повидимому, лучше освѣтить интересующій его вопросъ, министерство въ концѣ того-же 1882 года, чрезъ Степного генералъ-губернатора, запросило по этому поводу и

войсковое начальство Семирѣченскаго войска. По собраннымъ свѣдѣніямъ, оказалось, что за десятилѣтіе, съ 1873 по 1883 годъ, всего семейныхъ раздѣловъ въ войскѣ было только 473, изъ которыхъ—съ согласія родителей или старшихъ въ семьѣ произошло 293, безъ ихъ согласія 163, по опредѣленію станичныхъ обществъ 4 и „по послѣдствіямъ судныхъ дѣлъ“ 13. ([122]).

Такимъ образомъ, ежегодно въ среднемъ происходило 47—48 раздѣловъ, что, при средней наличности за этотъ періодъ времени семей въ войскѣ въ 4100 ([122]), представляетъ всего 10—11 раздѣловъ въ годъ на тысячу семей.

Семирѣченскія станицы застраивались по опредѣленному плану, а потому дома всѣхъ казачьихъ поселеній расположены болѣе или менѣе правильными кварталами, группирующимися въ большинствѣ поселеній къ центру, занятому обыкновенно площадью, гдѣ располагались церковь и торговыя лавки.

Разбросанности строеній приходилось избѣгать, такъ какъ она вызвала-бы затрудненіе въ защитѣ поселеній отъ нападенія кочевниковъ.

Дома казаковъ строились обыкновенно въ двѣ комнаты, а у болѣе зажиточныхъ въ три или четыре; крылись преимущественно тесомъ, рѣдко камышемъ или соломой.

Большинство казаковъ содержали свои дома очень опрятно, особенно комнату для пріема гостей. О курныхъ избахъ они не имѣли и понятія—въ ихъ домахъ печи всегда были съ дымовыми трубами.

На дворѣ помѣщался амбаръ, у зажиточныхъ два или болѣе, величиною—въ зависимости отъ достатковъ хозяина. Тамъ-же располагалась и баня, которую считалъ необходимымъ имѣть каждый достаточный казакъ.

Дворъ обыкновенно дѣлился на передній и задній; задній предназначался для помѣщенія скота, который ходилъ тамъ свободно. На этомъ-же дворѣ ставился большей или меньшей величины навѣсъ—сарай, крыша котораго чаще набрасывалась изъ жердей и на ней помѣщались запасы сѣна и соломы, а внутренность навѣса служила убѣжищемъ скоту въ непогоду и жаръ. У зажиточныхъ казаковъ на переднемъ

дворѣ ставился еще обыкновенно другой навѣсъ, крытый тесомъ или другимъ подручнымъ матеріаломъ, для телѣгъ, разнаго рабочаго инвентаря и домашнихъ плотничныхъ работъ (123).

Отъ тѣхъ временъ, когда сибирскія станицы въ Семирѣчьѣ представляли въ истинномъ смыслѣ военныя поселенія съ Аракчеевскимъ режимомъ, сохранился еще и до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ обычай очищать дворы и улицы къ праздникамъ и къ проѣзду старшихъ начальствующихъ лицъ. Мѣстами этотъ прекрасный обычай сохраняется традиціонно самимъ населеніемъ, мѣстами-же, гдѣ особенно преобладалъ крестьянскій элементъ, по настоянію станичн. властей (123).

Въ общемъ, санитарное состояніе казачьихъ поселеній, въ смыслѣ чистоты и опрятности, было весьма удовлетворительно, благодаря чему только, вѣроятно, — казаки и не особенно страдали отъ различныхъ эпидемическихъ болѣзней, хотя медицинская помощь почти совсѣмъ отсутствовала.

Войсковой отчетъ за 1875 годъ свидѣтельствуетъ, что въ войскѣ было всего 4 фельдшера, т. е. одинъ на пять поселеній или на 4719 душъ обоего пола. При такихъ-то условіяхъ въ іюнѣ 1873 года въ станицѣ Лепсинской вспыхнула эпидемія.

Изъ Вѣрнаго туда былъ командированъ областной врачъ, который и констатировалъ холеру, занесенную, будто бы, обозами изъ Сибири.

Вѣроятно благодаря только удовлетворительному санитарному состоянію поселенія и природнымъ гигіеническимъ условіямъ этой мѣстности и вообще страны—эпидемія локализировалась въ Лепсинской станицѣ, гдѣ умерло отъ нея двое, хотя заболѣвшихъ было 19 (124).

Религія. Полное представленіе о распредѣленіи войскового населенія по вѣроисповѣданіямъ можетъ дать слѣдующая таблица (125), въ которой приведена численность всего населенія, бывшаго на войсковой территоріи, т. е. казаковъ вмѣстѣ съ разночинцами.

Годы.	Христіанъ.					Магометанъ.	Буддистовъ.
	Православныхъ.	Сектантовъ. Безпоп.	Сектантовъ. Скопцовъ	Католиковъ	Лютеранъ.		
1867	15316	2		22	19	228	117
1868	—	—	—	—	—	—	—
1869	16693	8	—	26	22	227	135
1870	17856	—	30	28	21	235	113
1871	19856	—	30	26	19	409	528
1872	21265	—	31	28	23	418	835
1873 безъ разночинцевъ	17767	—	31	29	22	30	87
1874 тоже	18251	—	31	27	21	35	63
1875 съ разночинцами	22220	—	—	26	19	45	69
1876 тоже	22598	—	—	165	63	360	72
1877 тоже	21241	—	—	2	—	499	59
1878 безъ разночинцевъ	20496	18	—	1	—	126	—
1879 тоже	19643	—	—	1	—	147	—

Здѣсь видно, что господствующимъ было православіе; магометанство-же и буддизмъ, послѣдователями которыхъ были — перваго татары, а послѣдняго — калмыки, зачисленные въ разное время въ казаки, постепенно таяли.

По мѣрѣ движенія русской государственной границы впередъ и колонизаціи Семирѣчья, здѣсь постепенно открываются православные приходы для удовлетворенія духовныхъ потребностей русскаго населенія, заброшеннаго судьбою въ киргизскую степь. Такъ какъ основной, по численности, элементъ тогдашняго русскаго населенія страны составляли казаки и войска, то поэтому — первые православные приходы въ Семирѣчьѣ были исключительно военными или же станичными и выселковыми[126].

Приходы въ казачьихъ поселеніяхъ были открыты въ слѣдующемъ порядкѣ.

8 августа 1849 года состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи въ укрѣп. Капальское церковнаго причта, состоявшаго изъ священника и двухъ причетниковъ[127], а въ слѣдующемъ году здѣсь появился и первый въ Семирѣчьѣ православный молитвенный домъ[126].

Въ станицу Аягузскую, основанную хотя значительно раньше и заселенную казаками годомъ прежде Капальской, свой церковный причтъ былъ назначенъ только 20 апрѣля 1852 года[128], а приходъ здѣсь былъ открытъ уже въ слѣдующемъ году[126].

Въ 1856 году назначенъ священникъ и устроенъ молитвенный домъ въ станицѣ Алматинской[126], который по Высочайшему повелѣнію 14 ноября 1858 года обращенъ въ церковь во имя святыхъ Софіи, Вѣры, Надежды и Любви и добавленъ причтъ изъ двухъ причетниковъ[129].

21 декабря 1856 года, по представленію командира отдѣльнаго сибирскаго корпуса, состоялось назначеніе священника съ причтомъ въ станицу Лепсинскую[130], но фактическое открытіе прихода и молитвеннаго дома произошло тамъ только въ 1858 году[126], вѣроятно, вслѣдствіе недостатка священниковъ, такъ какъ церковныя вещи были заготовлены тамъ за счетъ поселенныхъ крестьянъ еще со времени заселенія этой станицы[131].

16 октября 1863 года, по просьбѣ лепсинцевъ, имъ было разрѣшено выстроить на собственный счетъ деревянную церковь и къ бывшему причту станицы добавлены діаконъ и дьячекъ[132].

Въ стиницу Софійскую священникъ былъ назначенъ въ 1861 году, а причтъ и опредѣленное содержаніе отъ казны всему духовному персоналу станицы назначены только 25 декабря слѣдующаго года[133], приходъ-же здѣсь былъ открытъ фактически только въ 1864 году[126].

Въ этомъ-же году состоялось назначеніе священниковъ; —13 іюля въ выселокъ Коксуйскій[134], а 24 августа въ станицу Урджарскую[135], но дѣйствительное открытіе приходовъ въ обоихъ поселеніяхъ произошло уже въ 1865 году[126].

Станицы Надеждинская и Каскеленская получили своихъ священниковъ и образовали отдѣльные приходы въ 1868 г. а Сарканская въ 1869 мъ[126]

Въ послѣдней, какъ уже было сказано раньше, церковь была выстроена миссіонерская и приходъ открытъ собственно для калмыковъ-эмигрантовъ[126], казачій же приходъ и причтъ здѣсь были учреждены только въ 1879 г., но священникъ въ Сарканъ назначенъ значительно позже- въ 1896 г [136].

Такимъ образомъ, къ началу 70-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія на войсковой территоріи было уже десять православныхъ приходовъ, которые въ административномъ отношеніи вмѣстѣ съ немногими другими, расположенными въ Семирѣченской области, дѣлились на два благочинія —Заилійское и Урджарское, входившихъ въ составъ Томской епархіи, а про-

чіе-же приходы Туркестана составили третье благочиніе— Ташкентское, вошедшее въ составъ Оренбургской епархіи(126).

Области Семирѣченская и Сыръ-Дарьинская уже въ 1867 году были объединены въ самостоятельную административную единицу. а православные приходы все еще сохраняли прежнее административное подраздѣленіе, что вызывало ощутительныя неудобства во многихъ отношеніяхъ и даже въ политическомъ.

Вслѣдствіе этого. Туркестанскій генералъ губернаторъ фонъ-Кауфанъ. какъ только представилась къ тому возможность по положенію дѣлъ въ краѣ, началъ ходатайствовать объ объединеніи всѣхъ приходовъ округа въ особую самостоятельную епархію.

Въ одномъ изъ представленій по этому поводу онъ между прочимъ говоритъ: „въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ, на окрайнѣ, гдѣ съ православною вѣрою соприкасается мусульманство..... нельзя безъ ущерба для государственной религіи и ея значенія забросить, такъ сказать, туркестанскую паству. Кромѣ чисто религіознаго значенія, неустройство этой паствы вліяетъ весьма вредно и на прочность нашего положенія въ мусульманскомъ краѣ. Желая фактами доказать превосходство христіанской цивилизаціи надъ магометанствомъ, мы должны обнаружить прежде всего, полную и всецѣлую преданность требованіямъ нашей вѣры и никакъ не довольствоваться бѣдными часовнями и молитвенными домами съ недостаточнымъ количествомъ священнослужителей и убогой обстановкой при богослуженіи. Бѣдность и заброшенность нашихъ здѣшнихъ церквей и отсутствіе торжественности, требуемой правилами церкви при богослуженіи, дѣйствуетъ весьма вредно какъ на русскихъ, органическая связь которыхъ съ родиною поддерживается только вѣрою, такъ и на мусульманъ, которые имѣютъ повсемѣстно мечети и полную возможность точно исполнять требованія своей вѣры... Открытіе кафедры въ пограничномъ краѣ, населенномъ магометанами и язычниками, неоспоримо должно благотворно повліять не только на пришлое русское населеніе, но и на туземцевъ. Матеріальное положеніе архіерея на этой окраинѣ, я полагаю крайне необходимо обставить наивозможно лучшимъ образомъ—для поддержки его представительности. На первое время, мѣстопребываніемъ преосвященнаго, въ виду исключительнаго положенія Ташкента, этого центра мусульманъ Туркестанскаго края, я полагалъ-бы назначить областной городъ Вѣрный. Городъ этотъ представляетъ болѣе всего необходимыя условія для удобнаго и постояннаго мѣстопре-

бываніе архіерея. Городъ построенъ среди русскаго населенія, поэтому жизнь, въ немъ сложившаяся, мало чѣмъ отличается отъ такой же въ другихъ городахъ имперіи"(137).

4 мая 1871 года мнѣніе Государственнаго Совѣта объ учрежденіи въ Туркестанскомъ военномъ округѣ самостоятельной архіерейской кафедры—получило Высочайшее утвержденіе.

На содержаніе этой кафедры, съ состоящими при ней духовной консисторіей и кафедральнымъ соборомъ, должно было, по утвержденнымъ временнымъ штатамъ, начиная съ января 1872 г., отпускаться отъ казны по 18620 р. въ годъ, изъ которыхъ назначалось: на содержаніе архіерейскаго дома и кафедральнаго собора—9120 рублей, взамѣнъ угодій архіерейскому дому—„впредь до дѣйствительнаго ему отвода оныхъ" —3000 руб. на содержаніе духовной консисторіи 6500 рублей; кромѣ того, по синодальной смѣтѣ на 1872 годъ было внесено еще единовременнымъ расходомъ десять тысячъ рублей на первоначальное образованіе новой кафедры (137, а затѣмъ на постройку архіерейскаго дома изъ суммъ Зарявшанскаго края Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ было ассигновано еще 15 тысячъ рублей (138).

Первымъ епископомъ Туркестанскимъ и Ташкентскимъ былъ назначенъ преосвященный Софоній (Сокольскій), викарій Херсонской епархіи, прибывшій въ кафедральный городъ Вѣрный въ маѣ 1872 г (126).

Кафедральнаго собора здѣсь не было, а потому нѣсколько лѣтъ его замѣняла Б-Алматинская станичная церковь.

Лучшими храмами въ епархіи оказались станичныя церкви, которыя, по словамъ епископа Софонія, своимъ внѣшнимъ видомъ были „похожи на наши храмы, а при трехъ—четырехъ изъ нихъ были и колокольни", но внутренность церквей была очень бѣдна(126).

Приходское духовенство въ Семирѣчьѣ большею частью состояло изъ уроженцевъ Томской губерніи и почти всѣ священники принадлежали къ числу лицъ, окончившихъ курсъ духовной семинаріи(126).

Съ образованіемъ епархіи въ Семирѣчьѣ были открыты одинъ за другимъ и новые приходы: въ 1872 г. въ станицѣ Мало-Алматинской; въ 1873 г., военный, въ укрѣпленіи Борохудзиръ, который съ упраздненіемъ здѣсь укрѣпленія сталъ уже съ 1894 г. прямо станичнымъ; въ 1875-мъ въ выс. Карабулакскомъ, и въ 1878-мъ—въ Арасанскомъ(139).

Въ то же время, кромѣ этихъ приходовъ, въ округѣ было открыто еще нѣсколько другихъ, поэтому надобность въ священнослужителяхъ сильно возрасла а между тѣмъ въ

епархіи своего духовно-учебнаго заведенія не было, почему въ составъ новыхъ причтовъ и на вакантныя священническія и причетническія мѣста епархіальная власть принуждена была опредѣлять „просителей изъ разныхъ другихъ епархій, хотя между ними правоспособныхъ и желательныхъ кандидатовъ оказывалось всегда очень не много (140).

Необходимость довольствоваться разными случайными „просителями", конечно, не могла особенно выгодно отражаться на составѣ и значеніи самого духовенства, но обстоятельства были таковы, что епархіальной власти не приходилось быть особенно разборчивой, такъ какъ вообще желающихъ на службу въ Туркестанъ было немного и нѣкоторыя вакансіи даже при сказанныхъ условіяхъ, оставались иногда по долгу не замѣщенными(140). 26 ноября 1877 года архіепископъ Софоній умеръ*) и на Туркестанскую кафедру былъ назначенъ настоятель русской посольской церкви въ Римѣ—Александръ (Кульчицкій); этотъ епископъ управлялъ епархіей съ 6 іюня 1878 года по 6 августа 1883 г.(126).

Матеріальное положеніе казачьяго приходскаго духовенства было неособенно завидно. Почти до половины 1861 года священники получали отъ казны жалованія въ годъ 285 руб 90 коп. (127) и только съ этого времени ихъ окладъ былъ увеличенъ до 320 руб. (141), затѣмъ, взамѣнъ прислуги, которая раньше назначалась отъ пѣхотныхъ баталіоновъ (142), имъ было назначено по 80 руб въ годъ каждому (126).

Квартирами казачьи причты пользовались безплатно въ общественныхъ или нанятыхъ на средства обществъ домахъ (126).

Кромѣ опредѣленнаго жалованья отъ казны, казачьимъ причтамъ „положеніями" о Сибирскомъ войскѣ 1846 и 1861 г. г предоставлялось право на земельный надѣлъ въ 99 десятинъ каждому. По смыслу опредѣлявшихъ этотъ надѣлъ „положеній"—земли для причтовъ слѣдовало отводить особо, сверхъ юртовыхъ надѣловъ, почему причты не всегда получали свои надѣлы, вслѣдствіе чего возникали жалобы причтовъ на казачьи общества, будто-бы не желавшія дать имъ земли.

Войсковое правленіе Сибирскаго к. войска, имѣя совершенно правильный взглядъ на дѣло, 15 мая 1866 года предписало окружному управленію 10 полка, что такъ какъ надлежащаго размежеванія земель еще не было, то церковнымъ причтамъ пользоваться земельными надѣлами вмѣстѣ съ ка-

*) Погребенъ въ Больше-Алматинской станичной церкви.

заками и „тѣмъ количествомъ сколько придется на долю ихъ изъ состоящихъ во владѣніи казаковъ земель (143)".

Въ такомъ положеніи, за весьма немногими исключеніями, и находилось землепользованіе причтовъ почти до половины 1871 года.

Закономъ о поземельномъ устройствѣ станицъ казачьихъ войскъ 1869 года въ пользованіе церковныхъ причтовъ было опредѣлено по 300 десятинъ земли, отводимой опять таки сверхъ всего количества станичныхъ юртовъ (144). Но такъ какъ такого отвода тоже сдѣлано не было, то, конечно, общества и не соглашались выдѣлить отъ себя увеличенные надѣлы причтамъ, которые и обратились по этому поводу къ содѣйствію мѣстной власти.

Областная администрація, какъ мы имѣли уже случай не разъ убѣдиться выше, неособенно заботилась о правильномъ примѣненіи закона въ казачьемъ землевладѣніи, поэтому 21 апрѣля 1871 года Семирѣченскимъ военнымъ губернаторомъ былъ изданъ циркуляръ, которымъ категорически предписывалось уѣзднымъ начальникамъ: „нынѣ-же обязать атамановъ станицъ немедленно сдѣлать отводъ причтамъ означеннаго выше количества (300) десятинъ земли и о времени отвода донести мнѣ" (145).

Благодаря такой заботливости мѣстной власти—казачьи причты, хотя и не всегда въ полной мѣрѣ, но постепенно и почти всѣ получили свои надѣлы, которые, такимъ образомъ, вопреки закону 21 апрѣля 1869 года, были выдѣлены изъ станичныхъ юртовъ безъ вознагражденія послѣднихъ, что, въ свою очередь, конечно, не могло содѣйствовать установленію надлежащихъ отношеній казаковъ къ своему духовенству.

Въ религіозномъ отношеніи въ жизни Семирѣческихъ казаковъ обращаетъ на себя вниманіе появленіе въ 1868 году скопческой секты въ станицѣ Софійской (146). Всѣ послѣдователи этого дикаго ученія, занесеннаго въ войско крестьянами, зачисленными въ казаки (147), были постепенно открыты, арестованы (148) и преданы военному суду (149). Въ 1874 и слѣдующемъ году всѣ они въ числѣ 31 человѣка были сосланы на поселеніе въ Восточную Сибирь (150), чѣмъ и было прекращено развитіе и самое существованіе секты.

20 декабря 1873 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи общаго войскового праздника въ день св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія—23 апрѣля (151), а въ слѣдующемъ году на деньги, пожертвованныя разными лицами

войска, и на 200 руб., ассигнованныхъ изъ войскового капитала былъ заказанъ и въ 1877 году полученъ войсковой образъ Св. Георгія ([152]), который въ большомъ художественномъ рѣзномъ кіотѣ, торжественно установленъ въ церкви Б.-Алматинской станицы.

ИСТОЧНИКИ

къ части 2-й, главѣ 2-й исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска.

№ примѣчанія.

1 Архивъ Войсков. пр-нія Семирѣч. к. в. оп. д., пост. изъ каз. отд Семир. штаба, ч хоз дѣло 1868 г. № 7/101, листъ 164, годовой отчетъ за 1867 г.

2 Тамъ-же, та-же опись, дѣло 1869 г № 8/161, листъ 233.

3 Арх. Семир. обл. пр-нія, оп. д. хоз. отд., дѣло 1868 года № 132, листъ 6, копія представленія военнаго губернатора Семирѣч. обл. 18 января 1868 г. № 265.

4 Арх. войск. пр-нія Семирѣч. к. в., та-же оп., ч. стр, дѣло 1872 г. № 17/28, листъ 222.

5 Тотъ-же архивъ, отчеты о состояніи Семирѣченскаго войска за 1874 и 1876 г. г.

6 Тотъ-же архивъ, оп. воен. отд., дѣло 1884 г. № 24/50, листы 100 и 101, свѣдѣнія, представл. при рапортѣ наказнаго атамана 20 сентября 1884 г. № 3234.

7 А. Редигеръ Комплектованіе и устройство вооруженной силы. Изд. 3-е С П. 1900 г. стр. 129

8 Арх. войск. пр-нія Семир. к в, оп. д., пост. изъ каз. отд. Семир штаба, ч. стр., дѣло 1876 г. № 56, листъ 5—214 годовой отчетъ за 1875 г

9 Арх Семир обл. пр-нія по межевому отд., оп. дѣлъ меж. отд., дѣло 1887 г. № 22, листъ 5, записка о поземельномъ устр. въ Семир. области, составл. н-комъ распорядит. отдѣл. Семир. обл. пр-нія Аристовымъ въ 1870 году, по порученію Туркест. генералъ-губернатора фонъ-Кауфмана.

10 Арх Семирѣч. обл. пр-нія, циркуляры воен. губернатора за 1875 г. архивн. № 4, листъ 54. циркулярн. предложеніе воен. губернатора Семир. обл. 22 авг. 1875 г. № 4924 уѣзднымъ начальникамъ „Публикаціи“ по Семир. обл. за 1875 г. тотъ же циркуляръ

11 Ст. 135 положенія объ управленіи въ степныхъ областяхъ, Высоч. утвержд. 25 марта 1891 г.

12 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д. воен отдѣл., дѣло 1887 г. № 27/61, листъ 3.

Къ ст. поземельное устройство.

13 Эта часть очерка составлена по запискѣ объ устройствѣ

управленія Семирѣченскоі области въ составѣ Степного ген.-губернаторства, составленной въ 1883 году комиссіей подъ предсѣдат Семир. воен. губернатора Записка эта была представлена Степному генер.-губернатору 5 декабря 1883 г. за № 19586.

14 Журналъ общаго присутствія Семирѣченскаго обл. пр-нія по межевому отдѣл. 13 мая 1883 г.

15 1-е Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. т. XXX, ст 23239.

16 Полн. Соб. Зак. Рос. Имп. 1857 т. XXXII, ст 32563.

17 Сборникъ правит. распоряженій по казачьимъ войскамъ 1869 г. т. V, ст. 43.

18 2 е П. С. З Р. Имп. 1851 г. т. XXVI, ст. 25398. § 74 п. 4.

19 Стр 44, очеркъ 2-й записки, названной въ ст 13 источниковъ къ этой статьѣ.

20 Арх. уп-нія н-ка Лепсинскаго уѣзда въ гор. Лепсинскѣ, архив опись, дѣло 1851 г. № 2225, листъ 1, предпис. пограничнаго н-ка 17 мая 1851 г. № 35.

21 Въ томъ-же дѣлѣ листъ 2, копія акта 1 іюня 1851 г

22 Арх. Семир. обл. пр-нія по межевому отдѣленію, опись д. меж отд. за 1887 г., 88 и 89 г. г., дѣло 1855 г. № 1, томъ 1, листъ 1. предпис. к-ра отд. Сиб кр-са 9 апр. 1855 г. № 370 девиз. кварт. подп. Шульцъ.

23 Тотъ-же архивъ оп. д. хоз. отд. II стола, дѣло 1867 г. № 102, листъ 7, копія „положенія“ Совѣта главн упр-нія Зап.-Сибири 17 февр. 1867 г. № 92.

24 Дѣло, указанное въ 22 ст. источниковъ здѣсь.

25 Стр. 45, гл. V, оч. 2 записки, указанной въ ст 13 источниковъ здѣсь

26 Арх. Семир. обл. пр-нія по межевому отд., журналъ общаго присут. Семир. обл. пр-нія по меж. отд. 16 апр. 1885 г.

27 Тотъ-же архивъ оп. д. хоз. отд. д. 1867 г. № 9, листъ 3, копія журнальн. постановл. окружн. пр-нія 10-го полк окр. 1-я іюня 1867 г.

28 Арх. и опись, указ. въ ст. 22 источниковъ здѣсь, д. 1900 г. № 2, листъ 1, предпис. войск. пр-нія Сибир. к. в. 26 янв. 1862 г. № 926 н-ку войск. меж. партіи Бабикову.

29 Архивъ упр-нія н-ка Вѣрненскаго уѣзда, общ. оп. дѣло 1862 г. № 126, листъ 2, р-тъ н-ка Алатав окр. 11 іюля 1862 г. № 1053 генералъ губернатору Зап. Сибири.

30 Тоже дѣло, листъ 3, отношеніе начальника Алатав. окр. 11 іюня 1862 г. № 1054 чиновнику, командир. для межев. земель Заилійскаго края.

31 Тамъ-же, листъ 4, предпис. н-ка Алатавск. округа 11 іюня 1862 г. № 1055.

32 Тамъ же, листъ 18 отнош. н-ка Алатав. окр. 2 іюля 1862 г. № 1266.

33 Тоже дѣло, листъ 22 и слѣд.

34 Тоже дѣло, листъ 30, сообщеніе войсков. пр-нія Сибирск. каз. в. 2 мая 1863 г. № 4085.

35 Тоже дѣло, листъ 34, р-тъ землемѣра Смирнова 7 іюня 1863 г. № 50 н-ку Алатав. округа ген. Колпаковскому

36 Арх. Семир. обл. пр-нія, оп. д. хоз. отд 2 стола, дѣло 1867 г. № 115, листъ 6, донесеніе землемѣра Водилова 31 іюля 1867 г. № 24 окружн. упр-нію 10 полк. округа о командированіи его сюда для съемки.

То же дѣло, листъ 13, донесеніе того-же землемѣра туда же 24 іюля 1867 г № 17 о командированіи его для дополненія надѣловъ ст Софійской и Надеждинской со съемкой и признаками въ натурѣ.

Тоже дѣло, листъ 29, количество съемки до 1866 г. военными топографами для ст. Б. и М. Алматинскихъ земель удобн. и неудобн вмѣстѣ 67268 д. 1990 с. и Водиловымъ для этихъ станицъ въ 1866 и 1867 годахъ удобной и неудобной 29191 десятина 1348 саженъ.

На томъ-же листѣ и 30-мъ: съемки воен. топографовъ до 1866 г. для стан Софійской 213?3 десят. 418 с. и для Надеждинской 18547 десят. 992 с. удобн. и неудобной вмѣстѣ. Водиловымъ въ 1868 г, для Софійск. 20921 десят. 1190 с., для Надежд. 19501 д. 910 с. удобн. и неудоб вмѣстѣ И журналъ указ. въ ст. 14 источниковъ здѣсь.

37 Архивъ Семир. обл. пр нія по межевому отд, оп д. меж. отд за 1887, 88 и 89 г.г. дѣло 1900 г. № 3, листъ 15, копія журнала войск. пр-нія Сибир. к. в 7 марта 1867 года

38 Годовой о состояніи Семирѣченскаго к. в. отчетъ за 1868 г.

39 Такіе-же отчеты за 1867, 68 и 69 и др. годы.

40 Дѣло, указ въ ст. 37 источниковъ здѣсь: 1) листъ 5, р-тъ Сергіоп. уѣздн. н ка 13 іюля 1868 г № 3070 воен губернатору Семирѣч обл.; 2) листъ 55, Вѣрненск уѣзд н-ка 3 апр. 1869 г № 1656 въ штабѣ войскъ Семир. обл.; 3) листъ 56 Капальскаго уѣзднаго н-ка 1 апр 1869 г. № 1095 и д наказн. атамана Семирѣченск каз. в. и т д

41 Глава V, стр. 45 записки, указанной въ ст. 13 источн.. здѣсь.

42 Арх. Семир. обл. пр-нія, оп. д хоз. отд дѣло 1869 года

№ 3 6, листъ 1, р-тъ Сергіоп. уѣздн н-ка 22 іюля 1869 г. № 3885. Этотъ рапортъ съ приведенной выдержкой изъ журнала 8 мая и доказываетъ существованіе журнала 8 мая 1869 г., въ подлинникѣ не найденнаго

43 Отчетъ о состояніи Семирѣченскаго к. в. за 1869 годъ.

44 Тотъ-же архивъ по меж. отд,, оп. д межев, отд. 1887 г., дѣло 1870 г. № 22, листъ 2. предлож. канцеляріи Туркестанскаго генер.-губерн. 8 іюля 1870 г. № 90 Семирѣченскому военному губернатору.

45 Тоже дѣло, листъ 5

46 Какъ доказываютъ эти свѣдѣнія, доставл. уѣзд. судьями за 1868, 1869 и 1870 годы, находящіяся на 21, 30, 33, 35 и 36 листахъ дѣла, указ въ 44 ст. источниковъ здѣсь.

47а Тоже дѣло, листъ 40, р-тъ н-ка Капальскаго уѣзда 24-го сентября 1870 г. № 3608.

47 Тоже дѣло, листъ 144, р-тъ Вѣрненскаго уѣзднаго н-ка 19 октября 1883 г. № 6480

48 Арх. Семир. обл. пр-нія, дѣло № 4, циркуляры воен губернатора Семирѣч. обл. за 1875 г. Циркуляр. предложеніе 22 августа 1875 г. № 4924 уѣзд. начальникамъ Семирѣченской обл. „Вслѣдствіе просьбъ довѣренныхъ Алматинскаго и Софійскаго станичныхъ обществъ о воспрещеніи киргизамъ имѣть лѣтовки и перезимовки на казачьихъ пашняхъ *), а такъ же и перекочевки по нимъ, предоставивъ имъ имѣть таковыя на мѣстахъ пустопорожнихъ по указанію мѣстныхъ властей, исп. долж. генералъ-губернатора отъ 26 апрѣля с. г. (1875) за № 2194 *предложилъ сдѣлать по удовлетворенію оной надлежащее распоряженіе.* Изъ дѣлъ областного правленія видно, что еще въ 1870 г. Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ (отношеніе канцеляріи Его Высокопревосход. отъ 7 іюня т г. № 90) предлагались на заключеніе начальника области вопросы о томъ: 1) не возможно-ли дозволить киргизамъ, при перекочевкахъ ихъ, травить всякія незапаханныя, незасѣянныя и не насажденныя земли, кому бы онѣ не принадлежали, исключая луговыя мѣста, точно опредѣливъ границу ихъ вѣхами или другими видимыми знаками, и 2) дозволить киргизамъ останавливаться на всѣхъ уже сжатыхъ поляхъ, кому-бы они не принадлежали, разрѣшенія эти дать временно, впредь до утвержденія въ законодательномъ порядкѣ проэкта о поземельномъ устройствѣ въ краѣ; но окончатель-

*) См. здѣсь въ источникахъ ст. 27 и соотвѣт. ей стр. текста исторіи.

наго рѣшенія этихъ вопросовъ не было, такъ какъ рѣшеніе ихъ совпало съ временемъ составленія проэкта о поземельномъ устройствѣ. Съ водвореніемъ осѣдлыхъ русскихъ поселеній въ области, поземельные надѣлы имъ давались изъ числа лучшихъ земель, находившихся до того въ пользованіи киргизъ, которымъ, *въ видѣ вознагражденія за это было-бы справедливо предоставить безплатно кочевать не только на свободныхъ, ничѣмъ не занятыхъ земляхъ, данныхъ въ пользованіе казаковъ и крестьянъ, но послѣ уборки хлѣбовъ съ пашенъ и на сихъ послѣднихъ, ибо порчи пашенъ отъ пастьбы скота, которая впрочемъ у киргизъ, кочующихъ вблизи селеній не бываетъ много, не можетъ быть, а посѣвъ здѣсь озимей, которыя могли-бы повреждаться скотомъ, не употребителенъ* *); для предохраненія послѣднихъ, гдѣ онѣ есть, отъ порчи скота, засѣянныя озимями мѣста владѣльцы должны обозначать видимыми знаками, для чего можетъ служить посадка вокругъ ихъ лѣса .... Вслѣдствіе всего этого прошу г. г. н-ковъ уѣздовъ *предоставить киризамъ право свободно имѣть въ мѣстахъ осѣдлыхъ русскихъ поселеній лѣтнія и зимнія кочевки на свободныхъ, ничѣмъ не занятыхъ участкахъ, а также переходить по нимъ во время перекочевокъ, безъ поврежденія лишь при этомъ пашенъ и сѣнокосовъ и, кромѣ того, послѣ уборки съ пашенъ хлѣбовъ, во время только зимы, кочевать на сихъ послѣднихъ.* Дозволенія эти для киргизъ разспространить лишь на время до утвержденія устава о поземельномъ устройствѣ въ краѣ и окончательнаго утвержденія надѣловъ „подписалъ“ Такъ была „удовлетворена“ мѣстной администраціей справедливая и законная просьба казаковъ, предусмотрительно изложенная въ началѣ этого циркуляра.

Этотъ же циркуляръ былъ дословно повторенъ въ № 35 „публикацій“ по Семир. области за № 1875 г.

49 Арх Семир. Обл. пр-нія, оп. д. хоз. отд. дѣло 1880 г., № 1306 листъ 4, приговоръ 28 февр. 1876 г общества казаковъ ст. Капальской и то же дѣло, листъ 7. докладная записка довѣренныхъ общества казаковъ ст. Капальской 30 сентября 1875 г. к-щему войсками Семир. области.

50 То-же дѣло, листъ 3, р гъ н-ка Капальскаго уѣзда 7 мая 1876 г. № 1317 военному губернатору Семирѣч. области

---

*) Заявленіе, совершенно не соотвѣтствующее истинѣ, что удостовѣряетъ даже записка Аристова, трактующая о воспрещеніи посѣва озимыхъ. Если-бы посѣвъ ихъ не былъ «употребителенъ», то и о воспрещеніи его хлопотать было-бы нечего.

51 То-же дѣло, листъ 9, циркуляръ № 5019.

52 Эту V-ю главу записки подписали слѣд. лица: воен. губернаторъ Семир. обл. генералъ Фриде, предсѣдатель Семир. обл пр-нія Н. Аристовъ, начальники отдѣленій этого пр-нія Селицкій и Корольковъ; уѣздные начальники подполковникъ Изразцевъ и ротмистръ Троицкій, Вѣрненскій Уѣздный судья Михайловъ

53 Стр. 48 той-же записки кульджинскимъ выходцамъ (кромѣ киргизъ) отведено: въ Джаркентскомъ уѣздѣ 85499 дес., въ Вѣрненскомъ 122902, въ Токмакскомъ 23017 дес ., въ Исыккульскомъ 6350, всего = 237768 дес.

54 Памятная книжка Семирѣч. статист комитета на 1998 г. т. II г. Вѣрный 1898 г. А. Талызинъ. Пишпекскій уѣздъ. Историческій очеркъ (1855—1868 г.г.) стр. 39

55 Отчеты о состояніи Семирѣч. войска за 1868 и 1869 г.г.

56 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в, оп. д. каз отд. Семир. штаба по ч. стр., дѣло 1872 г., № 69, листы 31—58 и 146, журналъ комиссіи, созванной подъ предсѣдательствомъ наказнаго атамана въ 1875 г.

57 Св. Законъ т. XII ч. II изд. 1857 года

58 Полн. Собр. Закон. Рос. Имп. 1851 г. т. XXVI, ст. 25398, § 255.

59 См. ст. 5 п. 2 указателя источниковъ къ гл. I, ч. 2-й.

60 Арх. Семир. обл пр-нія, оп. д. хоз отд. дѣло 1868 г. № 158. листъ 12, копія записки „объ отбываніи земскихъ повинностей въ Семир. области".

61 См. предъид. 60 ст.; войсковые отчеты за 1867—1879 г.г. укрѣп. Аксу было на мѣстѣ нынѣшняго крестьянскаго селенія Тепло-Ключинскаго (Аксуйскаго), на восточ. берегу оз Иссыкъ-куль.

62 Войсковые отчеты за 1867—1879 г.г.

63 Арх. Семир. обл пр-нія, оп. д хоз отд. дѣло 1873 г. № 661. листъ 1, р-тъ Алмат. ст. атамана, 3 февр. 1873 г. № 543 воен. губернатору

64 Тамъ-же, листъ 3, предпис. воен. губернатора 23 февр. 1873 г. № 989 областному штабу.

65 § 132 „положенія" о Сибирскомъ к. войскѣ 1861 г.

66 Ар. войск. пр-нія Семир. к. в, оп. д. хоз. отд., дѣло 1885 г. № 64/128 (прилож.), лист. 21—130 и слѣд.

67 Изъ путевыхъ замѣтокъ автора

68 2 Пол. Соб. Зак. Р И. 1862 г. т. XXXVII, ст 39088—положеніе объ управленіи Алатав округомъ.

69 См. между примѣчаніями 46 и 47. 47 а.

70 „Положеніе„ Черномор. войска—по обмежеванію въ 60-тыхъ годахъ. Арх. Семир. обл. пр-нія, оп. д. межев. отд. 1900 г. дѣло № 3, листъ 15, копія журнала войск. пр-нія Сибирск. к. в. 7 марта 1867 г.

71 Отчетъ о состояніи Семир к. в. за 1875 г.

72 Обзоръ Семирѣч. области за 1882 г.—приложеніе ко всеподданнѣйшему отчету военнаго губернатора, стр. 2.

73 Эти свѣдѣнія добыты при личномъ опросѣ казаковъ о прошломъ авторомъ во всѣхъ поселеніяхъ войска.

74 Отчеты о состояніи Семир. к. в. за 1867—1879 годы.

75 Положеніе комитета министровъ 4 іюня 1871 г. и обзоръ Семир. области за 1882 г. стр. 6.

76 О состояніи Семир. к. войска за 1873 г. и др.

77 То-же за 1877 г.

78 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в. оп. д., пост изъ каз. отд. Семир. штаба, по ч. стр., дѣло 1868 г. № 65, листъ 3, р-тъ наказ. ат-на генер Колпаковскаго марта 1868 г.

79 Тотъ-же арх. оп. д., воен. отд., дѣло 1884 года № 24/50, листъ 201—204, записка о значеніи Семир. к. войска.

80 Тотъ-же арх. оп. д., пост. изъ каз. отд. Семир. штаба, дѣло 1769 года № 213/69, листъ 28, предпис. главн. упр-нія иррег войскъ 7 января 1872 г. № 2 к-щему войсками Туркестанскаго воен. округа.

81 Приказъ по воен. вѣд. 13 января 1872 г. № 10.

82 Переписка на листахъ 76, 77 и др. дѣла, указаннаго въ ст. 80 источниковъ здѣсь.

83 Тотъ-же арх. оп. д. воен. отд. 1885 г. № 19/114, отчетъ генер.-адъют. Свистунова, листъ 133.

84 Арх. н-ка Вѣрненскаго уѣзда, арх. об. оп., дѣло 1855 года № 52/20, 49, листъ 1 предпис. к-ра отд., Сибир. кр-са 21 апр. 1855 г. № 436. Приставу Перемышльскому.

85 Указанный въ ст. 72 здѣсь обзоръ, стр. 20.

86 Арх. войск. пр-нія Семирѣч. к. в. оп. д., пост. изъ разн. учрежд, дѣла полк. упр-нія 10 полка, дѣло № 15/30, переписка указ. въ ст. 72 обзоръ стр 20

87 Отчетъ о состояніи Семир. к. в. за 1867 г.

88 Арх. Семир. обл пр-нія, оп. д хоз. отд., дѣло 1870 г. № 418, листъ 4, циркулярн. предпис. воен. губернатора Семир. обл. 2 августа 1870 г. № 2953 уѣзднымъ н-камъ.

89 Указ. въ ст. 72 здѣсь обзоръ, стр. 12; отчетъ о состояніи Семир. к. в. за 1867 г. и приказъ по Семир. к. в. 27 ноябр. 1867 г. № 6.

90 Св. Зак. т. XII, ч. II, изд. 1857 г. ст. 102—106.

91 Арх. войск. пр-нія Семир к. в. оп. д, пост. изъ каз. отд. Семир. штаба. ч. хоз., дѣло 1867 г. № 3/39, листы 13/36, отчетъ наказ. ат-на объ осмотрѣ имъ войска въ 1868 г.

92 Арх. Семир. обл. пр-нія. оп. д хоз. отд., дѣло 1878 года № 1106, листъ 1, записка Алмат. ст. атамана 21 марта 1878 года

93 Указ. здѣсь въ ст. 72 обзоръ, стр. 24.

94 Архивъ войск. пр-нія Семир. к. в., оп хоз. отд., д. 1879 г. № 6/86, прошеніе довѣренныхъ общества стан. Софійской урядниковъ Захара Бѣдарева и Николая Калашникова 9 ноября 1879 г. въ войск. пр-ніе Семирѣч. к. в.

95 Составлена по соотвѣт. отчетамъ о состояніи Семир. к. в. Точность цифръ и свѣдѣній этихъ отчетовъ характеризуетъ докладъ старшаго адъютанта штаба войскъ Семир. обл. 19 августа 1877 г. начальнику этого штаба, находящійся на листахъ 331 334 дѣла, заключающаго черновой отчетъ о состояніи Семир. войска за 1876 г. (Арх. войск. пр-нія Семир. к. в. д № 70/56). Въ этомъ докладѣ старш. адъют. между прочимъ доноситъ: „По полученіи свѣдѣній отъ станичныхъ атамановъ Семир. к. в. о состояніи ввѣренныхъ имъ станицъ за 1876 г. мною было приступлено къ составленію Всеподдан. отчета о сост. Семир. к в. за минувшій (1876) годъ, но, разсмотрѣвъ подробно . . . . . свѣдѣнія станич. атамановъ, я убѣдился, что точнаго, подробнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрнаго, т е. отвѣчающаго дѣйствительности отчета о состояніи войска за минувшій годъ составить рѣшительно не представляется никакой возможности, такъ какъ *отчеты стан. атамановъ о состояніи станицъ до высшей степени не вѣрны,* ибо цифровыя данныя почти каждаго отдѣла этихъ отчетовъ совершенно не согласны съ вѣдомостями, приложенными къ отдѣламъ означ. отчетовъ и притомъ разница весьма огромная . . . . чрезъ это рѣшительно невозможно было составить точнаго и вѣрнаго, одного изъ главнѣйшихъ отдѣловъ отчета, отдѣла о военномъ составѣ войска Въ остальныхъ отдѣлахъ отчетовъ станичн. атамановъ: о религіи, военномъ составѣ, станичныхъ капиталахъ, скотоводствѣ и т. п. *свѣдѣнія* такъ-же до крайности *не вѣрны и совершенно несообразны съ дѣйствительностью* по точно такимъ-же разнорѣчіямъ или, какъ напр., по вѣдомости о состояніи скотоводства въ ст. Сергіопольской, въ графѣ о числѣ лошадей въ общест. табунахъ этой станицы, показано: жеребцовъ 23, кобылъ 79, а приплоду 569, т. е. какъ будто каждая кобыла жеребилась 7 разъ въ годъ и т. д. Вслѣдствіе такихъ невѣрностей и не-

сообразностей, я крайне затруднялся въ составленіи отчета о состояніи Семир. к. в., ибо приходилось придерживаться тѣхъ или другихъ свѣдѣній отчетовъ ст. атамановъ, или выводить среднія, слѣдовательно какъ тѣ, такъ и другія данныя уже не отвѣчаютъ дѣйствительности. Съ разрѣшенія вашего высокоблагородія (н ка обл. штаба) *отчетъ о состояніи войска составленъ лишь приблизительно.* Докладывая . . . . . о вышеизложенномъ . . . . , присовокупляю, что я полагалъбы крайне необходимымъ дать всѣмъ ст. атаманамъ новыя формы для составленія ими отчетовъ на будущее время, а за фальшивые отчеты за 1876 г. подвергнуть каждаго изъ нихъ строгой дисцип. отвѣтственности и, какъ мнѣ кажется, только чрезъ взысканія такія можно достигнуть желаемыхъ результатовъ, ибо опытъ прошедшихъ лѣтъ положительно убѣждаетъ въ томъ, что предписанія, даваемыя ст. атаманамъ, хотя и въ строгой формѣ, объ исправленіи замѣченныхъ какихъ либо неисправностей положительно не достигаютъ желаемыхъ результатовъ: тѣ-же ошибки, тѣ же небрежности въ исполненіи предписаній повторяются ежегодно, иногда даже въ болѣе грубыхъ формахъ".

96 Отчетъ о состояніи Семирѣч. к. в. за 1878 г.

97 Тоже за 1875 г.

98 Указ. здѣсь въ ст. 72 обзора, стр. 4.

99 Арх войск. пр-нія Семир. к. в. оп. д., пост. изъ каз. отд Семир. штаба, ч стр., дѣло 1872 г. № 69, листы 31—58, заключенія комиссіи по выработ проекта преобраз воинск. повинности въ войскѣ.

100 Тамъ же, дѣло 1876 г. № 42, письмо генер. Колпаковскаго генер. Михайловскому 9 марта 1876 г. и др. по этому поводу здѣсь наход. переписка.

101 Журналъ воен. совѣта 7 дек. 1877 г. Сборникъ правит. распор. по каз. войскамъ т. XIII, стр. 259, за 1877 г

102 Приказы по Семир. к. в 1876 г. №№ 79 и 115. Все довольствіе этимъ нижн. чинамъ прик. № 98—1876 г. отнесено на счетъ войска.

103 Отчетъ о сост. Семир. к. в. за 1870 г и указ. въ ст. 72 здѣсь обзоръ, стр. 7.

104 Стр. 7 указ. выше (103) обзора

105 Взята цѣликомъ изъ отчета о сост. Семир. к. в. за 1879 г., а цифра о 1876 году изъ отчета за этотъ годъ.

106 Личный опросъ по этому поводу авторомъ старожиловъ всѣхъ поселеній войска.

107 Отчеты о состояніи Семир. войска за 1867—1879 г.г. и нѣкотор. сохранившіеся станичные отчеты.

108 Отчеты о состояніи Семир. к. в. за 1867—1879 г.г. и обзоры Семир. области, прилож. къ всеподдан. отчетамъ Семир. воен. губернатора за 1882, 1883 и 1900 г.г.

109 Арх. Семир. обл. пр-нія. оп. д. хоз. от. дѣло 1873 г. № 733, листъ 1, письмо и. д. Турк, ген.-губ. генер. Колпаковскаго 18 дек. 1873 г. № 158 и. д. Семир. воен. губернатора Россицкому.

110 Отчетъ о состояніи Семир к. в. за 1874 г.

111 2. Пол. Собр. Зак, Рос. Имп. 1861 г. т. XXXVI, ст. 36802.

112 Тоже, дополненіе къ XXXVII т. ст. 25966а.

113 Тоже, 1853 г. т. XXVIII, ст. 27683.

114 Тоже, 1862 г. т. XXXVII, ст. 39088, § 25: „начальникъ (Алатавскаго) округа долженъ стараться объ обезпеченіи путей сообщенія и привлеченіи къ торговымъ оборотамъ богатаго купечества, оказывая ему всевозможное покровительство; въ случаяхъ особ. необходимости ему предоставляется давать караванамъ прикрытіе въ размѣрѣ, достаточномъ для отстраненія отъ нихъ опасности“ и т. д. Положеніе объ управленіи Алатавск. округомъ.

115 Отчетъ о состоян. Семир к. в. за 1867 г. и арх. Семир. штаба, оп. д. стр. отд., дѣло 1871 г. по перепискѣ съ коман-щимъ войсками Турк. воен. округа о занятіи Кульдж. ханства, листъ, 12, секретн. предлож. Турк. окр. штаба 23 сент. 1870 г. № 61 к.-щему войск. Семир. обл.

116 Приказъ по воен. вѣд. 16 дек. 1870 г. № 376.

117 Сборникъ правит. распор. по каз. войскамъ 1872 г. т. VIII. ст. 242 и отчетъ о сост Семир. к. в. за 1873 г.

118[1] Въ п. 3, мнѣнія Государст. Совѣта 20 марта 1867 г. каз. войска упомянуты уже въ качествѣ „установленій“ приказъ воен. министра 3 апр, 1867 г. № 107.

118[2] Прик. по воен вѣд. 29 апр. 1869 г. № 144.

119 Сборникъ правительст. распор. по каз. войскамъ 1869 г. т. V. ст. 185.

120 Тотъ-же сборникъ, 1870 г., т VI, ст. 181.

121 Циркуляръ Гл. упр-нія иррег. войскъ 12 февр 1872 г. № 62. Сбор. правит. распор. по каз. в. 1872 г. т. VIII, ст. 134.

122 Арх. Войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д. воен. отд., дѣло 1883 г. № $^{9}/_{20}$, листы 29, 30 и слѣд.

123 Личныя изслѣдованія автора на мѣстахъ при объѣздѣ имъ всѣхъ поселеній войска.

124 Отчетъ о состояніи Семир. к. войска за 1873 г.

125 Составлена на основ. цифръ, приведенныхъ въ соотвѣт. годовыхъ отчетовъ о состояніи Семир. к. в.

126 Календарь для духовенства Туркестанской епархіи на 1903 г. (годъ первый) изд. Туркест. Казанско-Богородичнаго Братства. Вѣрный 1903 г. Составл. по официальн. даннымъ архива Туркест. Консисторіи и др. Священниками В. Богрянскимъ и В. Яковлевымъ, подъ редакціей епархіальнаго наблюдателя священника Яковлева. Часть III—краткій очеркъ Туркест. епархіи въ первые 25 лѣтъ ея существованія—стр. 2 и слѣд.

127 П. С. З. Р. И. 1849 г. т. XXIV. ст. 23442.

128 П. С. З. Р. И. 1852 г. т. XXVII. ст. 26187.

129 П. С. З. Р. И. 1858 г. т. XXXIII. ст. 33759.

130 П. С. З. Р. И. 1856 г. т. XXXI. ст 34293.

131 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д., пост. изъ разн. учр. дѣло 1856 г. № $^{10}/_{20}$, листъ 155, квитанція к щаго Верхъ-Лепсинскимъ отрядомъ есаула Иванова 17 авг. 1856 г. казначею 10 полка.

132 П. С. З. Р. И. 1863 г. т. XXXVIII, ст. 40129.

133 П. С. З. Р. И. 1872 г. т. XXXVII, ст 39097.

134 П. С. З. Р. И. 1864 г. т. XXXIX, ст. 41059.

135 Тамъ-же, ст 41234.

136 См. ст. 126 источниковъ здѣсь, стр. 13, примѣч. 2-е.

137 Тамъ же, стр. 4 и 5.

138 Тамъ-же, стр. 6.

139 Тамъ-же, стр. 11 и 13.

140 Тамъ-же стр. 18.

141 Собр, узак и распор. правит. за 1899 г. приложеніе къ № 33, ст. 411, положеніе о Сибирск. к войскѣ 1861 г., штаты.

142 П. С. З. Р. И. 1851 г., т. XXVI, ст. 24909 и 1854 года т. XXIX, ст. 28628.

143 Арх. Семир обл. пр-нія, оп. д. хоз. отд., дѣло 1871 г. № 464, листъ 5, предложеніе окр. пр нія 10 полк округа 13 іюня 1866 г. № 3005 станичн. управлен. округа.

144 Журналъ Воен. Совѣта 17 дек. 1875 г. сборникъ правит. распор, по каз. войскамъ. за 1875 г. т. XI, ст 247.

145 Въ дѣлѣ. указ. въ ст. 143 источниковъ здѣсь, листъ 8, циркулярн предлож 28 апр. 1871 г. № 2038.

146 Тотъ-же архивъ, оп. д. 1 отд. 2 стола, дѣло 1868 г № 199, листъ 2, сообщеніе благочиннаго Заилійскихъ церквей 17 сентября 1868 г. № 337 военному губернатору.

147 Отчетъ о состояніи Семир. каз. войска за 1872 г.

148 Арх. Семир. област. пр-нія, оп. д. хоз. отд., дѣло 1870 г.

№ 438, листъ 7, р-тъ н-ка Вѣрненскаго уѣзда 18 ноября 1870 г. Семирѣченскому военному губернатору.

149 Тотъ-же архивъ, оп. д. 1 отд. 2 стола, дѣло 1868 года № 199 листъ 314, предлож. Туркест. генер.-губернатора 15 іюня 1871 г. № 2488 Семирѣч. воен. губернатору.

150 Отчеты о состояніи Семирѣченск. к. в. за 1874 и 1875 г.г.

151 Высоч. повелѣнія. 28 декабря 1973 г.—Сборникъ правит. распор. по каз. войскамъ 1873 г. т. IX, ст. 179 и 14 август. (11 декаб. 1890 г.—прик. по каз. и иррег. войскамъ 24 декаб.) 1890 г. № 32.

152 Арх. войск. пр-нія Семирѣч. к. в., оп. д, пост. изъ каз. отд. шт. войскъ Семирѣч. обл., ч. хоз. дѣло 1873 г. № 7, листы 10 и слѣд.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 3-я

Глава 3-я.

Военная организація въ періодъ 1867—1879 г. г.

При первоначальномъ образованіи въ 1867 году Семирѣченское войско, какъ свидѣтельствуютъ дословно приведенные выше два текста „основныхъ началъ положенія“ *), не получило точныхъ указаній о своей военной организаціи. Этими „началами положенія“ въ войскѣ назначены: казачье отдѣленіе при штабѣ войскъ Семирѣченской области, долженствовавшее вѣдать военно административною и хозяйственною частью войска и два командира полковъ, обязанности и кругъ дѣйствій которыхъ совершенно уже не указаны. Организація военныхъ силъ войска.

Хотя по § 6-му редакціи „началъ положенія“, объявленныхъ въ приказѣ Сибирскому казачьему войску *), Семирѣченское войско и обязано выставлять два конныхъ полка 6-ти сотеннаго состава, которые относительно своей организаціи должны были-бы руководствоваться правилами, установленными для полковъ Сибирскаго войска „положеніемъ“ 1861 года, но такъ какъ Семирѣченское войско, при своемъ образованіи, не было раздѣлено на полковые округа, подобно Сибирскому, гдѣ во главѣ округовъ стояли командиры полковъ, представлявшіе скорѣе власть военно-административную, чѣмъ чисто военную, и имѣвшіе въ помощь себѣ цѣлыя окружныя управленія съ ихъ штатомъ, то очевидно, что организація Сибирскихъ полковъ была прямо непримѣнима въ Семирѣченскомъ войскѣ, въ которомъ, помимо отсутствія дѣленія на округа, не только не было назначено никакихъ полковыхъ управленій, но даже командирамъ полковъ не было опредѣлено штатомъ 13 іюля 1867 года никакихъ штабовъ.

При обязательномъ примѣненіи организаціи Сибирскихъ полковъ и при изложенныхъ условіяхъ—два Семирѣченскихъ командира полковъ естественно остались не у дѣлъ

Затѣмъ, обязанность войска, имѣвшаго въ своемъ первоначальномъ составѣ всего 7484 душъ мужского населенія, выставлять два конныхъ полка въ составѣ 884 чиновъ каж-

*) См. примѣч. 5-е источниковъ къ ч. II, гл. I-й.

дый или всего 1768 человѣкъ, обращалось, при извѣстныхъ условіяхъ, по крайней мѣрѣ, въ первое время,—прямо въ непосильную задачу. Только стеченіемъ однихъ счастливыхъ обстоятельствъ можно объяснить то, что до 1877 года войску не пришлось испытать всей тяжести выполненія этой своей обязанности; при обратныхъ условіяхъ,—Семирѣченское войско, выставивъ въ полѣ два полка, должно было-бы имѣть въ запасѣ еще два такихъ-же полка людей для своевременной смѣны служащихъ въ первыхъ двухъ и, такимъ образомъ, строевой разрядъ достигалъ-бы численности болѣе 3500 человѣкъ, т. е. почти половины первоначальнаго состава мужского населенія войска.

Въ виду обязанности такой организаціи силъ войска, дѣятельность мѣстной власти, небывшей, конечно, въ правѣ гадательно расчитывать на стеченіе счастливыхъ обстоятельствъ, неминуемо должна была клониться къ накопленію строевого разряда, бывшаго-бы въ состояніи, по своему численному составу, укомплектовать два полевыхъ полка.

Вслѣдствіе этихъ, а точно также, и нѣкоторыхъ другихъ, уже указанныхъ раньше, недостатковъ перваго „положенія“ о войскѣ, вызванныхъ, какъ мы уже знаемъ, спѣшностью его изданія, политическимъ положеніемъ дѣлъ въ краѣ, а вѣроятнѣе, какъ увидимъ ниже, переходнымъ состояніемъ въ то время вопроса организаціи службы въ казачьихъ войскахъ,—военная организація въ Семирѣченскомъ войскѣ не могла съ самаго начала принять правильное теченіе и быстро развиться въ болѣе или менѣе стройное и законченное цѣлое, которое она пріобрѣла только съ изданіемъ „положенія“ о военной службѣ войска въ 1879 году.

Разсматриваемый періодъ времени, въ отношеніи организаціи военныхъ силъ войска,—іюнемъ 1874 года дѣлится на двѣ, сильно разнящихся другъ отъ друга части: изъ нихъ первая по времени продуктъ организаціонной дѣятельности мѣстной власти, вторая—правительственныхъ мѣропріятій или, до нѣкоторой степени, результатъ вліянія новыхъ началъ, проводимыхъ въ то время въ военную администрацію казачьихъ войскъ.

Первый періодъ. До начала 1868 года Семирѣченское войско не имѣло, въ сущности, никакой самостоятельной военной организаціи, такъ какъ Семирѣченцы въ составѣ 7 офицеровъ, 18 урядниковъ и 161 казака находились на полевой службѣ въ Заилійскомъ отрядѣ, смѣшанно съ Сибирскими казаками, при чемъ

и самый Заилійскій отрядъ не имѣлъ подраздѣленія на самостоятельныя части—сотни или полусотни (1).

Отсутствіе правильно организованныхъ частей въ отрядѣ и, особенно, смѣшанный составъ его изъ сибирскихъ и семирѣченскихъ казаковъ, привели мѣстную военную власть къ сознанію необходимости—дать другую, болѣе соотвѣтствующую условіямъ военной службы, организацію казачьимъ силамъ въ области. Съ этой цѣлью Заилійскій казачій отрядъ въ 1868 г. расформированъ, и находившіеся въ его составѣ сибирскіе и семирѣченскіе казаки сведены въ отдѣльныя сотни и полусотни. Къ указанному выше составу Семирѣченцевъ, наряда 1867 г., были присоединены еще 6 офицеровъ, 11 урядниковъ и 175 казаковъ наряда 1868 г. и изъ всѣхъ этихъ 365 нижнихъ чиновъ съ 13 офицерами сформированы одна сотня и три полусотни, имѣвшія слѣдующій составъ и нумерацію:(1)

№ 1	сотня	въ укрѣп. Нарынъ	офиц. 4,	ниж. ч. 135
№ 1	полусотня	въ укр. Токмакъ	„ 2 „	„ 70
№ 2	„	въ гор. Вѣрномъ	4 „	„ 101
№ 3	„	въ укр. Акъ-Су	„ 2 „	„ 59

Всего офицеровъ 12*), ниж ч. 365

Командирами первыхъ полевыхъ семирѣченскихъ частей были назначены: № 1 сотней—сотникъ Бородихинъ № 1 полусотней есаулъ Марковъ, № 2 полусотней есаулъ Леденевъ и № 3 полусотней есаулъ Соколовъ(2).

Такъ какъ до іюня 1868 г. окружныя управленія бывшихъ сибирскихъ 9 и 10 полковыхъ округовъ продолжали еще функціонировать, то первыя сформированныя семирѣченскія части находились еще въ строевомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ въ зависимости отъ нихъ; но съ закрытіемъ этихъ управленій, т. е. со второй половины 1868 г., сотня и 3 полусотни оказались уже совершенно самостоятельными единицами(3), подчиняясь непосредственно командующему войсками Семирѣченской области, который, на основаніи „положенія о военномъ управленіи въ областяхъ Туркестанскаго военнаго округа", относительно казачьихъ частей пользовался правами начальника дивизіи(4).

Приблизительно къ этому-же времени былъ окончательно сформированъ областной штабъ, въ которомъ и сосредоточилось дѣлопроизводство по управленію полевыми семирѣ-

*) Кромѣ того, одинъ шт.-офицеръ—13-й былъ начальникомъ Урджарскаго отряда.

ченскими казачьими частями(4); казачье же отдѣленіе штаба вѣдало только военно-административной и, до открытія Семирѣченскаго областного правленія въ концѣ февраля 1868 года,—хозяйственною сторонами управленія войскомъ. По штату, приложенному къ „основнымъ началамъ положенія", въ войскѣ полагались два командира полковъ, которыми, послѣ закрытія 9 и 10-го окружныхъ управленій, и были назначены войсковые старшины: 1-мъ полкомъ—Главацкій, а 2-мъ—Варагушинъ, не исполнявшіе почти никакихъ обязанностей до половины августа 1869 г.(5), такъ какъ полевыя семирѣченскія части въ полкъ сведены не были, а льготные казаки, съ закрытіемъ двухъ полковыхъ окружныхъ управленій не получили еще никакой организаціи, но главнымъ образомъ потому, что обязанности командировъ полковъ при томъ переходномъ состояніи, въ какомъ находилось войско, совершенно ничѣмъ не опредѣлялись.

Полная военная неорганизованность войска и исключительное положеніе командировъ полковъ, бывшихъ скорѣе чинами особыхъ порученій при генералѣ Колпаковскомъ, чѣмъ исполнителями своего назначенія, привлекли, наконецъ, къ себѣ вниманіе мѣстной власти(6).

Съ цѣлью создать хотъ какую нибудь военную организацію и достигнуть наибольшей военной готовности льготныхъ полковъ—приказомъ по войску, въ началѣ 1869 года, всѣ казачьи семирѣченскія поселенія были раздѣлены на два полка. Станицы, расположенныя къ сѣверу отъ р. Или, составили 1-й льготный полкъ, а станицы Заилійскаго края—2-й, причемъ станица Сергіопольская составляла 1-ю сотню, Урджарская 2 ю, Лепсинская 3 и 4-ю, Капальская со своими выселками 5 и 6-ю сотни—1-го полка, а станица Алматинская 1 и 2-ю сотни, выселки Мало-Алматинскій и Илійскій—3-ю, Любовный—4-ю и станица Софійская съ выселкомъ Надеждинскимъ 5 и 6-ю сотни 2-го полка(6).

Приказомъ по войску въ августѣ того-же года, войсковые старшины Главацкій и Варагушинъ были поставлены во главѣ своихъ льготныхъ полковъ и на обязанность ихъ было возложено:

1) Собирать *льготныхъ казаковъ* въ ихъ поселеніяхъ *для строевыхъ занятій по праздничнымъ днямъ* и особо, съ той же цѣлью, но каждый разъ съ разрѣшенія наказнаго атамана,—въ кампаментные сборы.

2) Наблюденіе за исправнымъ состояніемъ обмундированія, снаряженія, вооруженія и строевыхъ лошадей.

3) Наблюденіе за правильнымъ веденіемъ въ станичныхъ

правленіяхъ всей военной регистратуры и нарядовъ на службу.

4) Непосредственное завѣдываніе складами оружія и боевыхъ припасовъ;

5) Наблюденіе за прочими войсковыми складами и хранящимися въ нихъ имуществами.

6) Требованіе всего положеннаго довольствія на льготныхъ офицеровъ, на чиновъ полковыхъ штабовъ*) и на казачьи церковные причты.

7) Входить съ представленіями къ наказному атаману о вспомоществованіи изъ безвозвратнаго отдѣла войскового капитала неимущимъ лицамъ, о зачисленіи казаковъ на службу, о перечисленіи ихъ изъ одного разряда службы въ другой и т. д(5).

Въ заключеніе приказа командирамъ полковъ разрѣшалось избрать въ составъ своихъ штабовъ по одному писарю и, „если представится надобность“ *предоставлялось просить* о назначеніи въ помощь себѣ по одному офицеру для исполненія обязанностей адъютанта.

Здѣсь нужно замѣтить, что поселенія Заилійскаго края имѣли болѣе концентрированное расположеніе и между крайними изъ нихъ было тогда около 80 верстъ, почему командиръ 2-го полка могъ еще до нѣкоторой степени, болѣе или менѣе точно выполнить свои, теперь уже многочисленныя обязанности, но командиръ 1-го полка, поселенія района котораго были разбросаны на сотни верстъ между собой и при составѣ своего штаба всего изъ одного офицера—несомнѣнно былъ поставленъ въ прямую невозможность фактически выполнить большую часть своихъ сложныхъ обязанностей, что въ первое время, до увеличенія состава штабовъ льготныхъ полковъ, сводило въ дѣйствительности наличность военной организаціи въ войскѣ къ существованію только на бумагѣ.

Въ томъ же 1868 году № 2 полусотня, квартировавшая въ г Вѣрномъ, „ради мѣстныхъ потребностей“, переформирована въ № 2 сотню и, кромѣ того, вновь сформированы: № 3 сотня—для наблюденія за китайскимъ постомъ у тѣснины Каптагай**) № 1 взводъ или, какъ тогда называлось,—„четверть-сотня“,—расположенный въ выселкѣ Коксуйскомъ для содержанія сообщенія Капала съ Борохудзирскимъ отрядомъ(6). № 3-я-же полусотня, вслѣдствіе переформированія 2-й полу-

*)Назначенныхъ, какъ увидимъ, позже.

*) Горный проходъ изъ долины озера Эби-Норъ и его притока Баратолы въ Китаѣ—въ долину озера Ала-Куль въ нашихъ предѣлахъ, между восточной оконечностью Джунгарскаго Алатау и западной горъ Барлыкъ и Орхачукъ.

сотни въ сотню названа № 2 полусотней(6). Такимъ образомъ, военныя силы войска къ 1 января 1870 г. состояли изъ отдѣльныхъ трехъ сотенъ, двухъ полусотенъ и одного взвода, въ которыхъ находилось: штабъ-офицеровъ 1, оберъ-офицеровъ 25, урядниковъ 36, казаковъ 545 и фельдшеровъ 2, т. е. всего офицеровъ 26 и нижнихъ чиновъ 583. Къ этому же времени состояло на льготѣ штабъ-офицеровъ 1, оберъ-офицеровъ 15, урядниковъ 72 и казаковъ 1279 (6).

Уже въ 1870 г., не смотря на увеличеніе состава штабовъ льготныхъ полковъ, начало обнаруживаться крайне затруднительное положеніе командира 1-го льготнаго полка, на котораго командующій войсками области признавалъ возможнымъ возлагать еще и посторонніе порученія, въ родѣ напр привода къ присягѣ калмыковъ въ выс. Сарканскомъ или производства дознанія въ укрѣпленіи Бахтахъ, бывшаго даже внѣ района его полка(7). Вслѣдствіе этого командиръ полка доносилъ генералу Колпаковскому, что и помимо этихъ порученій его положеніе до крайности затруднено и что затрудненія происходятъ по неимѣнію достаточно знакомаго съ дѣломъ помощника, который могъ-бы, безъ ущерба дѣлу, замѣнять его въ штабѣ полка на время отсутствія и за неимѣніемъ „офицеровъ, вполнѣ знающихъ строевую часть*), почему командиру полка приходится самому лично обучать въ станицахъ казаковъ(7).

1870 годъ потребовалъ новаго увеличенія полевыхъ частей. Для замѣны сибирскихъ казаковъ, № 2-я сотня, квартировавшая въ гор. Вѣрномъ, усиленная взводомъ, стоявшимъ въ выселкѣ Коксуйскомъ, передвинута, въ составѣ 3-хъ оберъ-офицеровъ и 107 нижнихъ чиновъ, на этапы по тракту отъ укрѣпленія Токмакъ и до гор. Сергіополя, т. е. на разстояніи тысячи верстъ, для сопровожденія проходящихъ между этими пунктами арестантскихъ партій, конвоированія почтъ и т. д. Въ городѣ-же Вѣрномъ, вмѣсто ушедшей № 2 сотни, была собрана новая № 3 полусотня, а для замѣны въ Сыръ-Дарьинской области одной изъ сибирскихъ сотенъ, передвинутой въ укрѣпленіе Токмакъ, сформирована новая № 4 сотня(8), отправленная въ Ташкентъ(9). Квартировавшая въ Токмакѣ № 1-я полусотня, съ приходомъ туда сибирской сотни, вызвана въ г. Вѣрный, гдѣ изъ нея и 3-й полусотни составлена № 5 сотня, расположенная-же въ укрѣпленіи Каракольскомъ*) передвинутая туда изъ Аксуйскаго, № 2 полу-

*) Все, что касается офицерскаго состава,—изложено въ статьѣ «офицерскій составъ войска и его прошлое» настоящей главы.

*) Потомъ гор. Пржевальскъ.

сотня—переименована въ 1-ю, а въ концѣ года № 5 сотня снова обращена, въ № 2 полусотню. такимъ образомъ, къ 1 января 1871 года на полевой службѣ состояло отдѣльныхъ четыре сотни и двѣ полусотни, расположенныхъ:

№ 1 сотня въ укрѣпленіи Нарынскомъ.
№ 2 — по этапамъ отъ Токмака до Сергіополя.
№ 3 — на позиціи у тѣснины Каптагай.
№ 4 — въ городѣ Ташкентѣ.
№ 1 полусотня въ укрѣпленіи Каракольскомъ и
№ 2 — въ гор. Вѣрномъ.

въ общемъ составѣ имѣвшихъ: шт.-офицеровъ 1, оберъ-офицеровъ 23, урядниковъ 53, казаковъ 621 и фельдшеровъ 2. Къ тому-же самому времени на льготѣ оставалось: шт.-офицеровъ 5, об.-офицеровъ 15, урядниковъ 45, казаковъ 1277 и разныхъ нестроевыхъ нижнихъ чиновъ 17([8]).

Не смотря на увеличеніе въ 1870 году полевого состава войска на цѣлую сотню, число офицеревъ въ немъ, сравнительно съ предъидущимъ годомъ, уменьшилось на два; это уменьшеніе представляетъ не исключительный случай, а хроническій недостатокъ въ организаціи военныхъ силъ войска почти во весь разсматриваемый періодъ времени, причины чему будутъ выяснены ниже.

1871 годъ, въ виду тревожнаго положенія дѣлъ на китайской границѣ, потребовалъ еще большаго напряженія военныхъ силъ войска. № 2 полусотня снова была дополнена нарядомъ казаковъ и обращена въ 5-ю сотню, оставленную для мѣстной службы въ г. Вѣрномъ, а къ 15 мая, изъ охотниковъ станицъ Алматинской и Софійской, и 39 человѣкъ по наряду была сформирована еще новая сотня № 6-я([10]).

Вслѣдствіе выступленія въ составъ дѣйствовавшаго въ Кульджинскомъ районѣ отряда всѣхъ войскъ изъ г. Вѣрнаго, призыва на театръ военныхъ дѣйствій № 3 сотни, съ позиціи у Каптагая и, даже 4-й сотни изъ Ташкента—въ г Вѣрномъ оставалось всего только одна 5-я сотня, почему, въ видахъ прикрытія города и для охраны складовъ казеннаго имущества—пришлось сформировать еще одну—7-ю сотню, а для наблюденія за Каптагайскимъ проходомъ собрать особый взводъ. Въ Капалѣ-же, откуда сибирская полусотня ушла въ Борохудзирскій отрядъ—для несенія мѣстной службы и конвоированія проходящихъ арестантскихъ партій были призваны льготные казаки([9]).

Начиная съ сентября—6 и 7-я сотни, 2-я полусотня и Каптагайскій взводъ были расформированы([11]), такъ что къ 1 января 1872 года осталось на полевой службѣ въ области и

Кульджинскомъ районѣ: пять сотенъ, одна полусотня и по полувзводу при каждомъ изъ штабовъ льготныхъ полковъ, всего въ составѣ: 3-хъ шт.-офицеровъ, 23 об.-офицеровъ, 56 урядниковъ, 733 казаковъ и 1 фельдшера, т. е. почти полкъ 6-ти сотеннаго состава. При такой численности полевыхъ частей—ихъ выгоднѣе было-бы свести въ полкъ, что облегчило бы управленіе ими въ командномъ и другихъ отношеніяхъ, сняло-бы съ командировъ отдѣльныхъ сотенъ и полусотенъ часть хозяйственныхъ обязанностей по требованію продовольствія и по отчетности, упростило-бы переписку, давъ командирамъ болѣе времени для занятій со своими частями и, въ тоже время, поставило-бы части въ лучшее санитарное положеніе, такъ какъ въ полку былъ-бы врачъ, но мѣстная власть, имѣла вѣроятно на эту сторону организаціи особый взглядъ, возбудила даже вопросъ о томъ, что слѣдуетъ-ли содержать на службѣ полковыхъ командировъ, врачей и фельдшеровъ, назначенныхъ по штату 13 іюля 1867 года.

Главное управленіе иррегулярныхъ войскъ, по приказанію военнаго министра, въ апрѣлѣ 1872 года разъяснило командующему войсками Туркестанскаго военнаго округа, что впредь до преобразованія военной организаціи Семирѣченскаго войска, правительство признаетъ необходимымъ содержать постоянно на службѣ обоихъ командировъ полковъ и предлагаетъ ихъ служебную дѣятельность распредѣлить такъ: на одного возложить обязанности атамана отдѣла по наблюденію за правильнымъ отбываніемъ воинской повинности казаками и за строевымъ образованіемъ милолѣтковъ, а на другого—инспектированіе и наблюденіе за полевыми частями войска. Что-же касается врачей и фельдшеровъ—то опредѣленіе числа ихъ на основаніи „началъ положенія“ о войскѣ, оставлено на усмотрѣніе командующаго войсками округа([12]).

Такимъ образомъ, съ 1872 года, уже по иниціативѣ самого правительства, положено, наконецъ, основаніе началу болѣе правильной военной организаціи въ войскѣ.

Съ назначеніемъ командира 1-го полка войскового старшины Гильде, замѣнившаго Главацкаго еще въ 1870 г. инспектирующимъ полевыя части, а командира 2-го полка Варагушина къ исполненію обязанностей атамана отдѣла([13]), подраздѣленіе Семирѣченскихъ поселеній на два полковыхъ округа и на сотенные районы, сдѣланное въ 1869 году, какъ не имѣвшее въ себѣ ничего органическаго, само собой начало терять всякое значеніе, которое, и до этого времени поддерживалось только существованіемъ въ войскѣ двухъ командировъ полковъ. Съ измѣненіемъ-же ихъ обязанностей—наблю-

деніе въ военномъ отношеніи за всѣми поселеніями войска состедоточилось въ рукахъ одного лица и подраздѣленіе войска на полковые округа уже больше не повторялось.

Однако положеніе исполнявшаго обязанности атамана отдѣла оставалось не менѣе затруднительнымъ чѣмъ и командира 2-го полка, такъ какъ средства для выполненія обязанностей въ обоихъ случаяхъ были одинаковы.

1872 годъ не потребовалъ формированія новыхъ частей и даже полувзводъ, состоявшій при штабѣ перваго льготнаго полка, былъ распущенъ, такъ какъ и самый штабъ потерялъ смыслъ своего назначенія(14).

Въ 1873 году успокоеніе, наступившее на границѣ области съ Китаемъ, дало возможность расформировать 1-ю сотню, квартировавшую въ укрѣпленіи Нарынъ, и полувзводъ, бывшій при штабѣ 2 го льготнаго полка. Наличный-же составъ сотни и полувзвода, за исключеніемъ нижнихъ чиновъ, выслужившихъ свой 2-хъ лѣтній срокъ и уволенныхъ на льготу, былъ обращенъ на укомплектованіе остальныхъ полевыхъ частей.

Это-же успокоеніе на китайской границѣ позволило удѣлить 5-ю сотню на усиленіе войскъ Сыръ-Дарьинской области, выступившихъ въ Хивинскій походъ, но вслѣдствіе ухода 5-й сотни явилась необходимость передвинуть 1-ю полусотню изъ укрѣпленія Каракольскаго для цѣлей мѣстной службы въ г. Вѣрный(15).

Въ концѣ года изъ 5-й сотни, возратившейся изъ Хивы, часть нижнихъ чиновъ, выслужившихъ 2-хъ лѣтній срокъ, была уволена на льготу, а составъ ея пополненъ казаками 4-й сотни, которая затѣмъ была переформирована въ отдѣльную полусотню, и выставлена въ качествѣ наблюдательнаго поста у горнаго прохода Музартъ, что на пути сообщенія Кашгара съ Кульджинскимъ райономъ(15).

Приблизительно съ того-же года начинается постепенное командированіе въ распоряженіе исп. об. атамана отдѣла офицеровъ для завѣдыванія льготными казаками и обученія молодыхъ(15), но съ этою цѣлью нельзя еще было удѣлять достаточное число офицеровъ, такъ какъ ихъ комплектъ все еще не былъ пополненъ

Заканчивая здѣсь очеркъ первоначальнаго періода организаціи военныхъ силъ войска, необходимо точно выяснить положеніе въ этой организаціи „урядничьяго вопроса“ или, какъ онъ называется вообще въ русской арміи—„унтеръ-офицерскаго“, вопроса тѣмъ болѣе важнаго, что качественный и численный составъ урядниковъ пріобрѣталъ въ Семирѣчен-

скомъ к. войскѣ совершенно исключительное значеніе при условіяхъ нижеуказанныхъ органическихъ дефектовъ въ составѣ офицеровъ войскового сословія, ихъ устраненія вслѣдствіе этого отъ службы и наплыва въ войско постороннихъ —изъ регулярной кавалеріи, пѣхоты, корпуса военныхъ топографовъ и даже изъ чиновниковъ([142]), причемъ, понятно, кавалеристамъ не были извѣстны особенности службы казачьихъ частей, а пѣхотинцамъ, не говоря уже объ офицерахъ изъ корпуса военныхъ топографовъ и изъ чиновниковъ —самимъ еще приходилось изучать эту службу съ азбуки, прежде чѣмъ начать ей обучать ввѣренныхъ имъ нижнихъ чиновъ До 14 сентября 1871 года Семирѣченское войско принуждено было довольствоваться постепенно уменьшавшимся составомъ урядниковъ бывшихъ 9 и 10 полковъ и производствомъ не подготовленныхъ къ этому дѣлу казаковъ.

Какъ не требователенъ въ цензѣ урядниковъ былъ въ началѣ „организаторъ войска", генералъ Колпаковскій, или какъ мало онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ постановкѣ этого важнаго вопроса доказываетъ его приказъ по войску([16]), въ которомъ дословно сказано слѣдующее: „производится М.-Алматинскаго выселка казакъ Василій Гиричевъ въ урядники за то, что и самъ онъ молодецъ, прямой казакъ, и конь у него казачій" и, наконецъ, производства льготныхъ казаковъ въ урядники по представленіямъ не только уѣздныхъ начальниковъ, но даже и станичныхъ атамановъ, за удостовѣренное тѣми или другими „знаніе службы и отличное поведеніе"([17]).

Комплектуемый такимъ простымъ способомъ контингентъ урядниковъ, особенно при вышеуказанномъ составѣ офицеровъ, далъ вѣроятно уже весьма осязательные результаты, заставившіе, наконецъ, генерала Колпаковскаго, въ дѣлѣ комплектованія урядничьяго состава, принять болѣе цѣлесообразныя мѣры, о ближайшихъ причинахъ которыхъ въ одномъ изъ приказовъ по войску([18]) онъ высказался такъ: „По недостатку во ввѣренномъ мнѣ войскѣ казаковъ, хорошо подготовленныхъ, грамотныхъ и знающихъ твердо строевую службу, джигитовку, фехтованіе и стрѣльбу, выборъ производства ихъ въ урядники бываетъ весьма затруднителенъ, отъ этого происходило, что въ урядники производились казаки, не обладающіе ни однимъ изъ вышеисчисленныхъ знаній, но такіе, которые кое—какъ выучились порядочно держаться на конѣ и только; были случаи, что урядничьи вакансіи замѣщались казаками, не умѣющими ни читать, ни писать. Результатъ такого неудовлетворительнаго выбора урядниковъ весьма рѣзко отражается въ войскѣ *на недостаткѣ способ-*

ныхъ боевыхъ мастеровъ, умѣющихъ передать малолѣткамъ казачью удаль".

Для устраненія такого положенія, этимъ же приказомъ, при штабѣ войскъ Семирѣченской области была учреждена войсковая учебная команда изъ 4-хъ урядниковъ, 1 трубача и 21 казака, взятыхъ изъ полевыхъ частей. Людей было приказано назначить грамотныхъ, преимущественно изъ младшихъ сроковъ службы и поровну изъ обоихъ полковъ.

Генералъ Колпаковскій, самъ имѣя низшій, даже по тому времени, военно образовательный цензъ, прослуживъ въ строю всего только до чина штабсъ-капитана, а затѣмъ, оставивъ строевую службу, продолжалъ ее въ теченіе 13 лѣтъ въ штабныхъ и административныхъ должностяхъ*), не могъ, конечно, придавать особо важнаго значенія тщательной подготовкѣ казаковъ къ урядничьему званію, почему, вѣроятно, и составленіе программы курса войсковой учебной команды, не смотря на присутствіе въ войскѣ старшихъ и, несомнѣнно, болѣе опытныхъ офицеровъ, тоже переведенныхъ изъ регулярныхъ войскъ, было поручено корнету лейбъ-гвардіи уланскаго полка Ишервуду([18]), только что переведенному въ Семирѣченское войско съ чиномъ сотника и назначенному начальникомъ учебной команды([18]).

Въ перечнѣ предметовъ курса, назначеннаго двухлѣтнимъ, указаны: „грамотность", фехтованіе, рубка, джигитовка и стрѣльба.

Затѣмъ производство въ урядники казаковъ, не бывшихъ въ учебной командѣ, предположено организовать исключительными случаями ([18]).

Войсковая учебная команда была сформирована къ 1 сентября 1870 года ([19]), а 16 октября состоялся по войску приказъ, по которому—молодые офицеры, окончившіе курсъ военно-учебныхъ заведеній и прибывшіе къ войску, должны были первоначально прикомандировываться къ учебной командѣ, а не къ штабу войскъ Семирѣченской области, какъ это практиковалось въ Семирѣченскомъ войскѣ до этого времени.

Однако предположеніе о двухъ-годичномъ курсѣ и производствѣ въ урядники только лицъ, получившихъ подготовку въ учебной командѣ—выдержано не было. Почти весь составъ команды по одному только донесенію ея командира, сотника Ишервуда, о достаточномъ знаніи курса и за оказанныя учебной командой во время Кульджинской экспедиціи отличія, „лично извѣстныя" генералу Колпаковскому, былъ произведенъ въ урядники 14 сентября 1871 года ([20]), а

*) Послужной списокъ ген. Колпаковскаго,

при слѣдующихъ производствахъ—въ приказахъ по войску никогда не упоминается объ учебномъ цензѣ производимыхъ въ урядники, что даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что въ урядники производились не одни только успѣшно окончившіе курсъ учебной команды

Наконецъ, сформированіе войсковой учебной команды при штабѣ войскъ области и состояніе ея подъ непосредственнымъ наблюденіемъ начальника этого штаба едвали достаточно заинтересованнаго въ дѣйствительныхъ успѣхахъ команды, является еще понятнымъ до 1874 года, когда войско располагало только отдѣльными мелкими полевыми частями, но послѣ 1874 года, т. е со времени сформированія постояннаго полевого полка, цѣль состоянія учебной команды подъ непосредственнымъ надзоромъ того-же начальника штаба войскъ области ([21]), а не командира полевого полка,—является уже прямо необъяснимой и едва-ли полезной для дѣла.

Комплектованіе урядничьяго состава въ Семирѣченскомъ войскѣ начало принимать болѣе правильную организацію только съ 1877 года, когда уже распоряженіемъ военнаго министерства были установлены опредѣленныя правила для учебныхъ командъ, а для оканчивающихъ въ нихъ курсъ испытанія при посредствѣ экзаменаціонныхъ комиссій ([22]) и особенно съ 1879 года, въ которомъ учебная команда была, наконецъ, изъята изъ вѣдѣнія начальника областного штаба и вошла въ составъ полевого перво-очереднаго полка ([23]).

Періодъ полковой организаціи

22 февраля 1873 года „положеніемъ“ военнаго совѣта было опредѣлено—свести въ полки всѣ отдѣльныя сотни Оренбургскаго, Уральскаго и Семирѣченскаго казачьихъ войскъ, служащія въ Туркестанскомъ военномъ округѣ ([24]), но, вѣроятно, бывшая въ томъ-же году экспедиція въ Хиву помѣшала исполнить это распоряженіе, которое относительно Семирѣченскихъ сотенъ было приведено въ исполненіе только въ іюлѣ 1874 года ([25]), когда бывшія на полевой службѣ три отдѣльныя сотни и войсковая учебная команда, квартировавшія въ Кульджинскомъ районѣ, и двѣ полусотни, расположенныя въ гор. Вѣрномъ и на Музартѣ, составили № 1 конный полкъ Семирѣченскаго казачьяго войска ([26]). Штабъ полка, окончательно сформированный и открывшій свои дѣйствія 20 іюля 1874 года, былъ расположенъ въ гор. Кульджѣ ([25]); командиромъ полка назначенъ подполковникъ Гринвальдъ, бывшій командиръ 5-й сотни, а младшимъ штабъ-

офицеромъ—войсковой старшина Леденевъ—командиръ 1-ой полусотни (26).

Весьма вѣроятно, что формированіе полка могло-бы быть закончено значительно раньше, но здѣсь были встрѣчены такія затрудненія, которыя могли быть до нѣкоторой степени разрѣшены только властью командующаго войсками округа.

По штату полка 13 іюля 1867 года—адъютанта, казначея, состава писарей и другихъ не строевыхъ чиновъ—не полагалось, а между тѣмъ мѣстная власть имѣла въ виду организовать хозяйственное и строевое управленіе въ формируемомъ полку по новымъ образцамъ штатовъ полковъ Сибирскаго и Астраханскаго казачьихъ войскъ, какъ болѣе соотвѣтствующимъ современнымъ требованіямъ службы и военнаго дѣла. Съ согласія командующаго войсками округа, не ожидая разрѣшенія этого вопроса въ законодательномъ порядкѣ, въ составъ полкового штаба были назначены адъютантъ, казначей и весь нужный составъ нестроевыхъ нижнихъ чиновъ, причемъ, однако, было рѣшено адъютанту и казначею столовыя деньги выдавать изъ экономическихъ остатковъ артельныхъ суммъ сотенъ. Впослѣдствіе Главное управленіе иррегулярныхъ войскъ разъяснило, что при формированіи полка слѣдовало-бы непремѣнно руководствоваться штатомъ 13 іюля 1867 года, но высшая мѣстная власть не могла признать такое разъясненіе удобопримѣнимымъ и со своей стороны сдѣлала новое, достаточно мотивированное представленіе объ утвержденіи ея распоряженій въ законодательномъ порядкѣ (25). Вслѣдствіе чего 21 октября 1875 года „положеніемъ“ Военнаго Совѣта и было постановлено: къ штату Семирѣченскаго полка 1867 года добавить одного сотника, а затѣмъ изъ общаго числа сотниковъ и хорунжихъ полка имѣть адъютанта и казначея съ производствомъ имъ, за счетъ государственнаго казначейства, столовыхъ денегъ по 240 р. въ годъ каждому (27).

Такъ какъ 1-я сотня была расформирована еще въ 1873 году, то, во время организаціи полка, 5-я сотня переименована въ первую (28), что, помимо порядка въ нумераціи сотенъ, дало возможность потомъ сохранить въ полку и пожалованные 5-й сотнѣ знаки на папахи за отличіе въ Хивинскомъ походѣ, въ дѣлѣ съ туркменами 15 іюля 1873 года.

Двѣ-же, бывшія отдѣльными до сформированія полка, полусотни не были сведены въ сотню и еще въ слѣдующемъ году представляли, другъ отъ друга, самостоятельныя части, что до нѣкоторой степени объясняется тѣмъ, что обѣ полусотни были расквартированы отдѣльно одна отъ другой: въ

1874 г. въ гор. Вѣрномъ и на Музартѣ ([25]), а въ 1875-мъ—1-я въ г. Вѣрномъ и 2-я въ Ферганской области ([29]).

Такимъ образомъ къ концу 1874 года на дѣйствительной полевой службѣ состоялъ одинъ полкъ 4-хъ сотеннаго состава съ учебною командой, въ которыхъ имѣлось ([25]):

30	шт.-офицеровъ	2.
	об.-офицеровъ	28.
571	урядниковъ	37.
	трубачей	8.
	казаковъ	525.
	фельдшеровъ	1.

Знамена бывшихъ 9 и 10 сибирскихъ полковъ, изъ числа десяти пожалованныхъ Сибирскому войску 14 апрѣля 1809 года([30]), были переданы въ Семирѣченское еще въ октябрѣ 1867 года([31]) и вновь сформированный 1-й Семирѣченскій полкъ получилъ знамя 9-го полка.

При сформированіи полка впервые было обращено вниманіе на недостатки существовавшаго въ войскѣ порядка комплектованія полевыхъ частей.

До введенія „положенія" 1879 года о военной службѣ казаковъ Семирѣченскаго войска,—комплектованіе полевыхъ семирѣченскихъ частей, вслѣдствіе особенностей общей системы военной организаціи казачьихъ войскъ,—производилось смѣшанное, т. е. ежегодные контингенты нарядовъ комлектованія состояли не изъ однихъ только молодыхъ казаковъ, какъ это установлено въ Семирѣченскомъ войскѣ съ 1880 г., а изъ смѣси молодыхъ со старослужащими, прослужившими уже одну или болѣе очередей на полевой службѣ и отбывшихъ при своихъ домахъ извѣстный срокъ своей льготы.

При существовавшемъ до начала 1880 года порядкѣ нарядовъ на службу—семирѣченскіе казаки выкомандировывались въ полевыя части періодически, на срокъ до двухъ лѣтъ или, вѣрнѣе, на срокъ въ мѣрѣ надобности, такъ какъ если необходимость въ какой либо сотнѣ или полусотнѣ прекращалось или уменьшалось, то эта полевая часть, какъ мы уже видѣли, расформировывалась или обращалась въ меньшую, а ея составъ, хотя-бы даже онъ и прослужилъ менѣе года,—увольнялся снова на льготу и ненужныя въ данный моментъ полевыя части исчезали или сокращались сами собой.

Въ обратныхъ случаяхъ, т. е. при надобности увеличенія военныхъ силъ—призывались новые контингенты укомплектованія, изъ которыхъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ, или увеличивался составъ наличныхъ полевыхъ частей, или фор-

мировались новыя, или же, одновременно дѣлалось то и другое. Такимъ образомъ, въ Семирѣченскомъ войскѣ - число полевыхъ частей, ихъ составъ и величина зависѣли не отъ какой либо опредѣленной нормы, а отъ обстоятельствъ даннаго времени. Поэтому число полевыхъ частей, какъ мы уже видѣли, даже въ теченіи одного и того-же года содержалось разное и въ разномъ составѣ, почему и величина ежегодныхъ контингентовъ комплектованія была не одинаковой и не могла быть распредѣляема поровну между всѣми наличными полевыми частями, а потому отдѣльные ежегодные наряды комплектованія и не могли представлять въ каждой сотнѣ разъ опредѣленную ея часть. Это послѣднее обстоятельство, въ свою очередь, и ставило нерѣдко отдѣльныя сотни и полусотни, въ случаяхъ увольненія большей части казаковъ своего состава, въ крайне затруднительное положеніе.

Въ правильно-же организованной воинской части подобнаго положенія допущено быть не могло, почему въ 1874 г. во вновь сформированномъ полевомъ полку и пришлось, по необходимости, уравнять нижнихъ чиновъ по нарядамъ съ соблюденіемъ того условія, чтобы въ каждой сотнѣ или полусотнѣ одна половина людей была—бы наряда одного года, а другая другого и чтобы ежегодно изъ сотенъ полка увольнялось-бы на льготу не болѣе половины всѣхъ нижнихъ чиновъ. При такомъ порядкѣ смѣны выслужившихъ свой срокъ казаковъ—въ сотняхъ всегда имѣлась половина состава, ознакомленная уже въ теченіе года съ службой и ея требованіями(25).

Вмѣстѣ съ формированіемъ полка и уравненіемъ въ немъ состава годовыхъ нарядовъ,—само собой, до нѣкоторой степени, постепенно, сложилось и подраздѣленіе служилаго состава войска по мирному и военному времени, санкціонированное въ законодательномъ порядкѣ только съ введеніемъ „положенія“ 1879 г.

Въ то-же время сформированіе полка совершенно уже нарушило введенный въ 1869 году порядокъ подраздѣленія территоріи войска на два полковыхъ района, почему это подраздѣленіе было окончательно оставлено и льготные казаки всего войска составили уже 2-й полкъ - льготный, которымъ вѣдалъ въ строевомъ отношеніи и въ отношеніи готовности льготныхъ казаковъ къ полевой службѣ командиръ этого полка, пользовавшійся правами атамана отдѣла и подчинявшійся непосредственно наказному атаману(32). Въ августѣ 1874 года командиромъ 2-го льготнаго полка назначенъ, одновременно съ переводомъ въ войско, полковникъ Принцъ,

состоявшій до этого по армейской кавалеріи и въ распоряженіи командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа([33]).

При всѣхъ уже приведенныхъ улучшеніяхъ—военная организація въ Семирѣченскомъ войскѣ была еще однако такъ далека отъ достигнутаго въ этомъ отношеніи въ нѣкоторыхъ другихъ казачьихъ войскахъ, что въ 1875 году въ средѣ мѣстныхъ военныхъ властей возникала мысль возбудить ходатайство о примѣненіи къ Семирѣченскому войску закона 2 октября 1871 года, опредѣлявшаго въ лучшихъ формахъ порядокъ отбыванія воинской повинности въ Сибирскомъ войскѣ([34]) или же новаго тогда „положенія“ о военной службѣ казаковъ Донского войска([29]).

Для обсужденія вопроса о степени примѣнимости Сибирскаго или Донского „положеній“ къ Семирѣченскому войску, въ томъ-же 1875 году, по распоряженію командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа, была составлена подъ предсѣдательствомъ исп. об. наказнаго атамана генерала Михайловскаго комиссія изъ командировъ Семирѣченскихъ полковъ, войскового старшины Щербакова и депутата мѣстной администраціи ([29 и 34]).

Комиссія пришла къ заключенію, что введеніе въ Семирѣченскомъ войскѣ иного порядка отбыванія казаками военной службы весьма желательно и примѣнимо почти на тѣхъ-же началахъ, какъ и въ Донскомъ войскѣ, съ самыми незначительными измѣненіями, вызываемыми мѣстными условіями жизни войска, а затѣмъ предлагала: казачье отдѣленіе при штабѣ войскъ области и должность командира 2-го льготнаго полка упразднить, а вмѣсто этого учредить войсковую канцелярію и раздѣлить войско на два военныхъ отдѣла ([29]). Журналъ комиссіи со всѣми проэктами въ томъ-же году былъ представленъ на заключеніе командующаго войсками округа ([34]), но осуществиться въ извѣстной степени этимъ проэктамъ было суждено только въ 1879 году, когда было издано „положеніе“ о военной службѣ казаковъ Семирѣченскаго войска.

Съ 1875 же года прежній порядокъ выкомандированія новыхъ смѣнъ казаковъ на полевую службу весною и лѣтомъ—начинаетъ переходить на осень; такъ въ этомъ году смѣна выслужившихъ свой 2-хъ лѣтній срокъ казаковъ была произведена въ октябрѣ, за исключеніемъ 1-й сотни и 2-й полусотни, расположенныхъ въ Ферганской области, изъ которыхъ казаки были уволены только весною 1876 года ([29]).

Съ 1876 года снова начинается увеличеніе нарядовъ на полевую службу, а въ 1877 и 1878 годахъ это увеличеніе до-

стигло наибольшаго напряженія, особенно въ послѣднемъ году.

Въ 1877 году, вслѣдствіе осложнившихся отношеній съ Китаемъ по поводу передачи ему части Кульджинскаго района и необходимости усиленнаго занятія этого района войсками, а точно такъ-же и за невозможностью оставить въ Семирѣчьѣ № 1-й полкъ, который выступилъ изъ Вѣрнаго въ Ташкентъ въ началѣ августа ([35]),—былъ призванъ на полевую службу къ 1 августа 2-й полкъ ([35]), въ составѣ 5-ти сотенъ и, кромѣ того, сформирована еще одна полусотня 1-го полка, такъ что на полевой службѣ къ 1 января 1878 года было уже два полка, каждый въ составѣ 5-ти сотенъ и численностью ([36]):

	Шт.-офицеровъ.	Об.-офицеровъ.	Урядниковъ.	Казаковъ.
№ 1-й полкъ .	2	17	51	599
№ 2-й „ . .	4	12	46	515
Всего . .	6	29	97	1114

Въ 1878 году отношенія съ Китаемъ, еще болѣе обострившіяся, заставили передвинуть 1-й полкъ изъ Ферганы обратно въ Семирѣчье и, кромѣ 2-го полка, выставить еще три льготныхъ сотни ([37]).

Осенью почти всѣ полевыя части возвратились въ Вѣрный, гдѣ въ концѣ сентября и началѣ ноября 2-й полкъ и льготныя сотни были распущены, а 1-й полкъ переформированъ въ 6-ти сотенный составъ, будучи усиленъ частью людей 2-го полка([37]).

Такимъ образомъ, благодаря недостаткамъ положенія 1867 года, не различавшаго службы по мирному и военному времени и оставившему подробности отбыванія службы полковъ опредѣленію высшей мѣстной власти „сообразно съ мѣстными условіями и потребностями“, казаки призывались на службу въ зависимости не отъ твердо установленныхъ закономъ правилъ, а отъ субъективнаго воззрѣнія на существовавшія обстоятельства отдѣльныхъ лицъ мѣстной власти,

вслѣдствіе чего срокъ *дѣйствительной* полевой службы былъ увеличенъ вдвое*) комплектованіе потеряло правильность, установленную закономъ*), почему казаки никогда, даже и приблизительно не могли знать времени призыва къ выполненію повинности и не могли поэтому свободно располагать своимъ временемъ и трудомъ, что, въ свою очередь, крайне вредно отражалось на ихъ трудоспособности и экономическомъ положеніи, т. е. расшатывало нравственно и разоряло матеріально.

Наконецъ, утвержденіемъ въ законодательномъ порядкѣ 30 іюня 1879 года положенія о военной службѣ казаковъ Семирѣченскаго войска, большая часть угнетавшихъ казачье населеніе недостатковъ перваго положенія была сглажена и отбываніе повинности подчинено точнымъ указаніямъ закона, которыя будутъ разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ ниже. Здѣсь-же, въ заключеніе настоящей статьи, остается сказать нѣсколько словъ о разрядѣ внутренно—служащихъ.

Относительно организаціи службы внутренней въ „основныхъ началахъ положенія", вошедшихъ во 2-е Полное Собраніе Законовъ Рос Имп., нѣтъ ни одного слова. Въ этихъ-же „началахъ", объявленныхъ въ приказѣ Сибирскому войску, сказано только, что Семирѣченское войско несетъ и службу внутреннюю и что подробности порядка отбыванія этой службы *будутъ опредѣлены* командующимъ войсками Туркестанскаго военнаго округа, сообразно съ мѣстными условіями и потребностями. Но надежды законодателя на мѣстную власть остались тщетными—не только подробностей, но и вообще порядка отбыванія или организаціи—установлено не было. Если принять здѣсь за исходную точку сибирское „положеніе" 1861 года, то по нему служба внутренняя опредѣляется въ слѣдующихъ, совершенно точныхъ, выраженіяхъ: „Внутренняя служба заключается въ исправленіи разныхъ обязанностей по внутреннему быту войска и его управленію. *Сюда относится:* содержаніе стражи на таможенной линіи въ кругу расположенія войска и караулы при штабахъ полковыхъ круговъ и войсковомъ имуществѣ"(§ 60), т. е. что внутренно служащіе казаки могли быть назначаемы въ пограничную таможенную стражу тамъ, гдѣ таможенная линія проходитъ по территоріи войска и *въ караулы* при полковыхъ штабахъ и войсковыхъ складахъ.

Такое опредѣленіе направленія организаціи внутренней службы становится особенно понятнымъ въ связи съ зако-

*) См. слѣдующую статью «Полевая и внутр. служба».

номъ 13 марта 1861 года*), какъ актомъ освобожденія сибирскихъ казаковъ отъ обязательнаго труда на войсковыхъ хозяйственныхъ заведеніяхъ и преобразованія внутренней службы изъ гражданско-рабочей, если можно такъ выразиться—въ военную.

Такъ опредѣляетъ характеръ внутренней службы обязательный для Семирѣченскаго войска законъ. Теперь взглянемъ—какъ опредѣлила этотъ характеръ своими распоряженіями и назначеніями мѣстная власть.

Семирѣченскіе казаки, на основаніи закона 28 октября 1866 г.([38]), по прослуженіи въ полевомъ разрядѣ 15 лѣтъ перечислялись въ разрядъ внутренно-служащихъ на 7 лѣтъ.

Изъ внутренно-служащихъ до 1872 г., т. е. до закрытія штабовъ льготныхъ полковъ, наряды дѣлались отъ 51 до 71 человѣка, служившихъ при штабахъ этихъ полковъ и складахъ войскового имущества([39]). За 1873 и 1874 годы свѣдѣній о нарядѣ совсѣмъ не имѣется**), но, во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія полагать, что такихъ нарядовъ совсѣмъ не было. Вѣроятнѣе-же, что вопросъ о величинѣ нарядовъ и характерѣ службы внутренно служащихъ находился въ переходной стадіи своего развитія и въ эти годы признавалось болѣе удобнымъ воздерживаться отъ объявленія нарядовъ въ приказахъ по войску и не упоминать о нихъ во всеподданнѣйшихъ отчетахъ.

Въ 1875 г., когда генералъ Колпаковскій самъ времен. но исполнялъ обязанности командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа, имъ былъ утвержденъ проектъ наряда на внутреннюю службу въ числѣ 17 человѣкъ, но не по внутреннему быту войска, а сторожами при областныхъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ и должностныхъ лицахъ, служба при которыхъ не имѣла ничего общаго съ внутреннимъ бытомъ Семирѣченскаго к. войска, какъ отдѣльной самостоятельной организаціи([40]).

Въ 1876 г. съ открытіемъ войсковой конюшни, нарядъ внутренно-служащихъ былъ увеличенъ еще на 8 человѣкъ, которые и назначены прислугою на эту конюшню([41]). Съ 1877 года, т. е. когда напряженіе въ отбываніи воинской повин-

*) См. часть I, главу III, ст. «служба сибир. казаковъ въ Семирѣчьѣ», очеркъ «Положеніе 1861 г.», гдѣ законъ 13 марта 1861 года приведенъ почти полностью (§ 7).

**) Дѣла этой категоріи за истеченіемъ имъ узаконеннаго срока храненія въ архивахъ—уничтожены, какъ вслѣдствіе этого-же уничтожены или утрачены во время бывшаго въ г. Вѣрномъ землетрясенія 1887 г. многія дѣла, представляющія большой историческій интересъ.

ности строевымъ разрядомъ начало достигать наибольшаго развитія, мѣстная власть признала необходимымъ и усиленное выкомандировываніе казаковъ на внутреннюю службу, но не для цѣлей, указанныхъ въ законѣ, *а для службы сторожами при учрежденіяхъ области*—20, въ городскія полицейскія команды, не имѣвшія ровно никакого отношенія ни къ войску, ни къ военной службѣ—5 урядниковъ и 80 казаковъ и прислугою при войсковой конюшнѣ—1 урядникъ и 7 казаковъ, т. е. всего 113 человѣкъ(42). Затѣмъ, нарядъ внутренно-служащихъ увеличенъ еще однимъ, и достигъ 114 человѣкъ къ 1 ноября 1879 г., когда „положеніе" 1879 года, детально регламентировавшее службу Семирѣченскихъ казаковъ, избавило ихъ, наконецъ, отъ произвольныхъ назначеній на несоотвѣтствующую ни закону, ни ихъ воинскому званію, службу сторожами областныхъ и уѣздныхъ административныхъ учрежденій и полицейской охраны городовъ съ неказачьимъ населеніемъ.

Послѣ увольненія 1 ноября 1879 г. отъ такой службы 99-ти нижнихъ чиновъ, была оставлена на службѣ команда въ составѣ 15 человѣкъ, изъ которыхъ—3 при войсковомъ правленіи, 8 на войсковой конюшнѣ и 4, вопреки закону, сторожами при домѣ наказнаго атамана генерала Колпаковскаго(43). Да и назначенія внутренно служащихъ въ войсковое правленіе и прислугою при войсковой конюшнѣ было признано впослѣдствіе не отвѣчающимъ интересамъ войска и точному смыслу закона, почему 11 человѣкъ были потомъ замѣнены вольнонаемными.

Полевая и внутренняя служба.

Къ 1867 году, т. е. ко времени образованія Семирѣченскаго казачьяго войска вопросъ объ организаціи воинской повинности въ казачьихъ войскахъ находился въ слѣдующемъ положеніи, отразившемся на установленіи этой повинности въ Семирѣченскомъ.

Во второй половинѣ 50-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія, по иниціативѣ наказнаго атамана Донского войска, былъ поднятъ вопросъ о пересмотрѣ и объединеніи разрозненныхъ законоположеній, дѣйствовавшихъ тогда въ казачьихъ войскахъ, съ цѣлью улучшенія удобопримѣнимости ихъ къ измѣнившимся условіямъ жизни и службы.

Въ этихъ видахъ 18 октября 1859 года состоялось распоряженіе объ учрежденіи въ казачьихъ войскахъ мѣстныхъ временныхъ комитетовъ, но такъ какъ работы этихъ комитетовъ по пересмотру старыхъ положеній и составленію проекта

новыхъ уже слишкомъ затянулись, да и представленные нѣкоторыми изъ нихъ проэкты новыхъ положеній несоотвѣтствовали предположеніямъ центральной власти и духу законодательства начала царствованія Императора Александра II-го, то для ускоренія и объединенія ихъ работъ, съ октября 1865 года, при главномъ управленіи иррегулярныхъ войскъ приступлено къ сформированію изъ представителей казачьихъ войскъ и чиновъ главнаго управленія иррегулярныхъ войскъ особаго временнаго комитета; мѣстные же комитеты предположено закрыть. Избранные въ составъ центральнаго комитета депутаты отъ казачьихъ войскъ 5-го ноября 1866 года представились Императору Александру II, который предстоявшую имъ дѣятельность опредѣлилъ въ обращенной къ депутатамъ рѣчи*). Вслѣдъ затѣмъ центральный комитетъ открылъ свои дѣйствія, а мѣстные комитеты были закрыты(44).

Разсмотрѣвъ представленные мѣстными комитетами проэкты, центральный временной комитетъ большинствомъ своихъ членовъ призналъ, что для успѣшнаго развитія въ казачьихъ войскахъ гражданственности и для улучшенія ихъ строевого состава необходимы коренныя измѣненія, существовавшей въ нихъ системы организаціи воинской повинности, которыя могли-бы заключаться главнымъ образомъ въ слѣдующемъ

Въ виду измѣнившихся условій потребности въ военныхъ силахъ казачьихъ войскъ—ограничить число строевыхъ частей въ каждомъ войскѣ мѣрою дѣйствительной необходимости по мирному времени; но такъ какъ, съ увеличеніемъ народонаселенія—въ казачьихъ войскахъ долженъ возрастать и служилый классъ, постоянно увеличивая тотъ избытокъ противъ дѣйствительной въ немъ надобности для отбыванія воинской повинности, избытокъ, который уже оказывался въ большинствѣ казачьихъ войскъ, то, по мнѣнію большинства членовъ комитета, слѣдовало-бы въ каждомъ казачьемъ войскѣ опредѣлить такую норму служилыхъ людей, какая необходима для исполненія полевой и внутренней службы въ три смѣны или очереди, а весь, сверхъ этой нормы, излишекъ населенія составилъ-бы особый классъ войсковыхъ гражданъ, свободный лично отъ исполненія воинской повинности

Для укомплектованія опредѣленной нормы служилаго состава комитетъ предполагалъ призывать ежегодно на службу по жребію только такое число молодыхъ казаковъ 19-ти лѣтняго возраста, какое дѣйствительно было необходимо. Всѣ-же

*) Часть I, гл. III, ст. «администр. и судеб. устройство до 1868 г.», очеркъ «общій обзоръ положенія 1861 г».

прочіе молодые казаки этого возраста, вынувшіе жребій „не служить",—совершенно освобождались бы лично и пожизненно отъ воинской повинности, составили-бы въ каждомъ войскѣ классы войсковыхъ гражданъ, свободныхъ отъ службы и потому уже, съ молодыхъ лѣтъ, бывшихъ въ состояніи всецѣло посвятить себя мирному труду и тѣмъ способствовать развитію общаго благосостоянія. Войсковые граждане, по проэкту комитета, за опредѣленную ежегодную плату въ войсковой доходъ, имѣли право на пользованіе земельнымъ надѣломъ наравнѣ со служилыми казаками, а дѣти ихъ, по достиженіи 19-ти лѣтняго возраста, въ свою очередь, обязаны были являться къ вынутію жребія наравнѣ и одновременно съ дѣтьми служилыхъ казаковъ для опредѣленія своего положенія, т. е. идти-ли на укомплектованіе служилаго разряда, или-же остаться войсковыми гражданами (45).

Однако, при выработкѣ въ 1867 году комитетомъ главныхъ основаній проэкта воинской повинности казачьихъ войскъ, предложенный способъ комплектованія встрѣтилъ серьезныя возраженія со стороны меньшинства членовъ комитета - депутатовъ отъ войскъ Донского и Уральскаго, поддержанныя начальникомъ главнаго управленія иррегулярныхъ войскъ генераломъ Карлгофъ и его помощникомъ генераломъ Чеботаревымъ, заключавшіяся главнымъ образомъ въ томъ, что предложенная система комплектованія оставляетъ всѣ существующія выгоды казачьяго быта—войсковымъ гражданамъ, а постоянную военную службу,—главный тормазъ развитія экономической жизни казаковъ,—на долю ихъ собратій—служилаго класса. Такое подраздѣленіе казаковъ на служилыхъ и неслужилыхъ—съ самаго введенія реформы, по мнѣнію меньшинства, повело-бы къ раздѣленію казачьяго населенія на два враждебныхъ лагеря и не принесло-бы ожидаемаго экономическаго улучшенія, такъ какъ выгодною стороною реформы воспользовалось-бы не все казачье населеніе, а только одинъ классъ войсковыхъ гражданъ (46).

Хотя соображенія большинства комитета и составленный согласно съ ними проэктъ главныхъ основаній преобразованія воинской повинности казачьихъ войскъ были приняты и одобрены Военнымъ Совѣтомъ въ 1867 году (45), но противное этому проэкту теченіе въ высшихъ сферахъ управленія казачьими войсками, въ свою очередь, имѣло, вѣроятно, тоже не маловажное значеніе, такъ какъ руководящіе принципы проэкта комитета совсѣмъ не нашли себѣ приложенія при изданіи „основныхъ началъ положенія" о Семирѣченскомъ казачьемъ войскѣ.

Поэтому, и въ связи съ указаннымъ раньше угрожающимъ политическимъ положеніемъ на средне-азіатской окраинѣ, подробности порядка отбыванія полевой и внутренней службы въ войскѣ были предоставлены опредѣленію командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и потребностей, т. е въ „началахъ положенія“ не отдано прямого предпочтенія Сибирскому „положенію“ 1861 года, основная идея организаціи повинности котораго была уже безповоротно осуждена, и не приняты руководящіе принципы проэкта комитета, а взято среднее направленіе, которое, при желаніи идти навстрѣчу намѣреніямъ правительства и при закономѣрномъ отношеніи къ казачьему населенію руководящихъ органовъ власти въ Туркестанѣ, конечно, могло-бы принести не малую долю пользы войсковому населенію, но, къ сожалѣнію, вѣроятныя надежды составителей „основныхъ началъ положенія“ не оправдались, такъ какъ въ основу организаціи воинской повинности въ Семирѣченскомъ войскѣ мѣстною властью положены не новѣйшіе по тому времени принципы и даже не принципы Сибирскаго положенія 1861 года, а духъ предшествовавшей ему эпохи, разсматривавшей казака не какъ гражданина съ его запросами къ жизни, а какъ только военную и рабочую силу.

Прежде чѣмъ перейти къ очерку исполненія воинской повинности въ войскѣ, нужно предварительно замѣтить, что мѣстная власть, пользуясь даннымъ ей „основными началами положенія“ правомъ составить полный проэктъ „положенія“ о войскѣ, не интересуясь выясненіемъ на практикѣ даже и самыхъ насущныхъ экономическихъ нуждъ войскового населенія и зависящихъ отъ нихъ способности и средствъ къ выполненію повинности и не приступая къ изученію этихъ основныхъ факторовъ, смѣло приняла на себя трудъ проэктировать полное „положеніе“. Съ этой цѣлью въ гор. Вѣрномъ подъ предсѣдательствомъ начальника штаба войскъ области полковника Озерова была составлена комиссія изъ старшаго адъютанта казачьяго отдѣленія этого штаба капитана генеральнаго штаба фонъ-Гойеръ, переведеннаго въ 1867 году въ Семирѣченское войско изъ Забайкальскаго, войскового старшины Лисовского и есаула Леденева, единственнаго въ комиссіи представителя войскового сословія Семирѣченскаго войска (47).

Эта комиссія, три старшихъ члена которой едвали имѣли даже и приблизительное представленіе о Семирѣченскомъ ка-

зачьемъ населеніи, его экономическомъ положеніи, способности и средствахъ къ выполненію воинской повинности, быстро привела свое дѣло къ концу и еще въ первой половинѣ 1868 года удостоилась благодарности отъ командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа за такъ скоро составленный ею проэктъ полнаго „положенія“ о Семирѣченскомъ к. войскѣ (47).

Но изготовленный при подобныхъ условіяхъ и такъ спѣшно проэктъ, едвали могъ быть примѣнимымъ на практикѣ безъ крайняго вреда для населенія, доказательствомъ чему служитъ то, что Семирѣченское к. войско оставалось еще въ теченіи 11 лѣтъ только при однихъ „основныхъ началахъ положенія“ 1867 года, т. е правительство предпочло весьма краткія и тоже спѣшно составленныя „основныя начала“ полному проэкту мѣстной власти

Служба Семирѣченскихъ казаковъ по „основнымъ началамъ положенія“ 1867 года дѣлилась на полевую службу и внутреннюю, въ зависимости отъ чего служилые казаки подраздѣлялись на разряды— строевой и внутренно-служащихъ, а въ каждомъ разрядѣ— на дѣйствительно служащихъ и льготныхъ.

Закономъ 28 октября 1866 года общій срокъ выслуги былъ назначенъ въ 22 года, изъ которыхъ 15 на полевой и 7 на внутренней службѣ (38).

19-ти лѣтъ молодые казаки зачислялись въ строевой разрядъ, послѣ чего получали одинъ годъ льготы и 20-ти лѣтъ могли уже быть призваны на укомплектованіе строевыхъ полевыхъ частей, а на 35 году своей жизни перечислялись изъ разряда строевыхъ во внутренно-служащіе, изъ котораго, по отбытіи въ немъ 7-ми лѣтъ, т. е. на 42-мъ году жизни, увольнялись въ отставку, будучи однако обязанными, въ случаяхъ крайней необходимости и по требованію Верховной Власти, явиться снова на службу. Продолжительность этой послѣдней обязанности уже не ограничивалась какимъ либо срокомъ, а зависѣла отъ состоянія физическихъ силъ, дѣлавшихъ казака способнымъ или неспособныхъ владѣть оружіемъ (48).

Служба въ строевомъ разрядѣ.

До конца 1879 года полевая служба Семирѣченскихъ казаковъ была періодической.

Закономъ 13 марта 1861 (49) категорически установлено, что казаки должны были выкомандировываться на *дѣйствительную* службу въ полевыя части на срокъ не болѣе двухъ

лѣтъ, по прослуженіи которыхъ подлежали увольненію на льготу на время не менѣе 4 лѣтъ, только по истеченіи которыхъ и могли быть снова призваны на укомплектованіе полевыхъ частей на новый двухлѣтній срокъ и т. д., т. е. по мысли законодателя—казакъ, за 15 лѣтъ состоянія въ строевомъ разрядѣ, послѣ окончанія перваго года льготы, могъ быть призванъ на *дѣйствительную* полевую службу, за исключеніемъ случаевъ крайней необходимости, *только три раза*, съ двумя промежутками льготы между ними. Но въ „основныхъ началахъ положенія“ о Семирѣченскомъ войскѣ, вѣроятно въ расчетахъ на быстрый ростъ населенія войска, какъ слѣдствіе предположенія дальнѣйшей колонизаціи страны *), эта основная идея закона 13 марта 1861 года не была выдержана: полевой составъ при первоначальной наличности мужского населенія въ 7484 души былъ назначенъ въ два 6 сотенныхъ полка и хотя войску до 1877 года и не пришлось исполнить этой своей тяжелой обязанности, но, даже, и при этомъ условіи казаки не могли пользоваться въ промежуткахъ полевой службы 4-хъ лѣтней льготой, располагая ею въ теченіи $1^1/_2$-хъ—много двухъ лѣтъ ([14]).

Такимъ образомъ, тройной комплектъ смѣнъ, установленный закономъ 13 марта 1861 года и вскользь упоминаемый „основными началами положенія([50]), обратился въ двойной, т. е. вмѣсто двухъ смѣнъ на льготѣ и одной на дѣйствительной службѣ—оказалось на службѣ и на льготѣ по одной, почему и срокъ пребыванія на льготѣ сократился вдвое и во столько-же увеличилось пребываніе на дѣйствительной полевой службѣ.

Хотя срокъ отбыванія дѣйствительной полевой службы, какъ мы уже видѣли, и не всегда продолжался два года, вслѣдствіе роспуска полевыхъ частей на зиму или формированія ихъ на время дѣйствительной надобности, но, во всякомъ, случаѣ, болѣе чѣмъ вдвое сокращеніе срока льготы—неминуемо влекло за собой не менѣе какъ двойное, въ общей сложности, увеличеніе времени пребыванія на полевой дѣйствительной службѣ, что и не могло не отразиться особенно вредно на трудоспособности и экономическомъ положеніи казаковъ, чего именно и старался избѣжать законодатель, устанавливая правила 13 марта 1861 года.

Въ разсматриваемый періодъ премени полевыя части комплектовались не одними молодыми казаками, какъ это принято съ введеніемъ „положенія“ 1879 года, а

*) А можетъ быть и потому еще, что Семирѣч. войско было образовано *изъ двухъ полковъ* Сибирскаго.

смѣсью молодыхъ со старо-служащими. Казаки, увольняясь съ полевой службы на льготу и приходя домой, въ каждой станицѣ составляли отдѣльную очередь—смѣну и призывались къ вынутію жеребья—кому за кѣмъ быть назначеннымъ на службу Молодые, достигшіе 19 лѣт. возраста, казаки входили въ соотвѣтствующую имъ очередь старослужащихъ.

Жребій обыкновенно состоялъ изъ билетика съ №-ромъ; билетиковъ полагалось по числу лицъ каждой данной смѣны; вынимающіе жребій казаки вносились въ „жеребьевые списки" по порядку №-ровъ вынутыхъ ими билетовъ. Вынувшіе меньшіе номера назначались на полевую службу изъ своей очереди первыми, а вынувшіе большіе номера - послѣдними, т. е. новое назначеніе на полевую службу въ каждой очереди происходило въ порядкѣ №-ровъ вынутыхъ билетовъ послѣ того, какъ казаки предъидущей очереди были уже всѣ выкомандированы на полевую службу(51).

При такомъ порядкѣ, т. е. когда молодые, еще не бывшіе на полевой службѣ, казаки входили въ соотвѣтствующую очередь со старослужащими на равныхъ съ ними правахъ, иногда и, вѣроятно, не рѣдко случалось, въ зависимости отъ жребья и величины требовавшихся контингентовъ укомплектованія отъ станицъ, что эти молодые казаки не призывались всѣ на дѣйствительную службу въ годъ достиженія ими 20-ти лѣтняго возраста, а часть ихъ оставалась къ призыву на слѣдующій годъ. Это обстоятельство, поддерживая съ одной стороны, идею равенства всѣхъ составлявшихъ данную очередь предъ повинностью, а съ другой—давало увеличенную льготу молодымъ въ ущербъ старослужащимъ.

Вѣроятно, въ видахъ уравненія всѣхъ служилыхъ казаковъ предъ повинностью, временно командовавшій въ 1875 году войсками Туркестанскаго военнаго округа генералъ Колпаковскій распорядился: „при нарядѣ казаковъ на дѣйствительную службу—непремѣнно включать въ нарядъ на первую очередь всѣхъ малолѣтковъ, по окончаніи даннаго имъ льготнаго года"(52), т. е, измѣнивъ основной принципъ составленія семирѣченскими казаками очередей, поставилъ всѣхъ молодыхъ въ первую и особую отъ старослужащихъ очередь, что и составило переходную ступень къ порядку комплектованія, введенному „положеніемъ" 1879 года.

Урядники до 1877 года составляли особыя по станицамъ отъ казаковъ очереди и призывались на службу въ мѣрѣ надобности и по дошедшей очереди, что вызывало иногда серьезныя неудобства, почему приказомъ по войску въ 1877 году и было опредѣлено „нарядъ на полевую службу урядъ-

никовъ производить непосредственно областному штабу, причемъ очереди урядниковъ должны быть общія по войску, а не по станицамъ отдѣльно"(53).

Всѣ вышеизложенныя, установленныя закономъ, правила, объ очередныхъ нарядахъ на полевую службу казаковъ, начали примѣняться въ Семирѣченскомъ войскѣ болѣе или менѣе точно только съ 1869 года когда въ приказѣ по войску въ первый разъ былъ объявленъ численный нарядъ отъ станицъ, а затѣмъ и именной по полевымъ частямъ(54), а въ 1868 году генералъ Колпаковскій считалъ еще возможнымъ и совсѣмъ не придерживаться этихъ правилъ—такъ въ приказѣ его о нарядѣ на службу въ этомъ году дословно сказано слѣдующее: „Предписываю окружнымъ полковымъ командирамъ собрать на полевую службу изъ ввѣренныхъ мнѣ округовъ съ № 9-го—75, а съ 10—112 человѣкъ, которымъ прибыть на сборный пунктъ въ г. Вѣрный къ 1 апрѣля. *Назначенные на службу казаки должны быть преимущественно изъ знающихъ строевую службу хорошо обмундированы и вооружены*"(55), т. е. генералъ Колпаковскій требовалъ назначить не очередныхъ казаковъ, а именно, знающихъ строевую службу и лучше снаряженныхъ. Такое открытое нарушеніе закона о нарядахъ на службу по очередямъ было вызвано ничѣмъ инымъ, какъ только ожиданіемъ въ этомъ году смотра командующаго войсками округа, на которомъ наказному атаману хотѣлось представить своихъ казаковъ лучше, чѣмъ это удалось на предъидущемъ смотру, какъ это объясняетъ его же приказъ по войску 3 марта 1868 г.

До конца 1870 года фактическое производство нарядовъ отъ отдѣльныхъ станицъ почти всецѣло лежало только на одной станичной администраціи, воздѣйствіе-же и контроль самихъ казачьихъ обществъ почти совершенно здѣсь устранялись(56), но съ введеніемъ въ дѣйствіе положенія объ общественномъ управленіи станицъ казачьихъ войскъ 1870 года станичныя общества получили право повѣрки очередей своихъ служилыхъ членовъ, причемъ прежнее ихъ право ходатайства о льготахъ отъ службы служилымъ казакамъ, по разнымъ случаямъ—этимъ положеніемъ оттѣнено сильнѣе(57).

Величина контингентовъ комплектованія, въ зависимости отъ опредѣлившихся видовъ на будущее политическое положеніе страны, назначалась по годовымъ и въ исключительныхъ случаяхъ по дополнительнымъ проэктамъ нарядовъ наказнаго атамана, утверждаемымъ командующимъ войсками округа. Разверстка годового наряда на полевую службу по станицамъ производилась въ казачьемъ отдѣленіи област-

ного штаба заблаговременно, по полученіи утвержденнаго проэкта, и разсылалась по станичнымъ правленіямъ, въ первой половинѣ описываемаго періода времени, въ началѣ года, а потомъ даже и въ концѣ предъидущаго; разверстка-же по дополнительнымъ нарядамъ—въ зависимости отъ обстоятельствъ(58). Хотя законъ, устанавливая вышеприведенный жеребьевый порядокъ призыва укомплектованія, и имѣлъ въ виду именно заблаговременное знаніе каждымъ казакомъ времени своего выкомандированія на полевую службу, ради его личныхъ экономическахъ интересовъ, но въ Семирѣченскомъ войскѣ, вслѣдствіе отсутствія раздѣленія количества и состава выставляемыхъ въ полѣ по мирному и военному времени частей, малочисленности войскового населенія, и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе періодической службы нѣкоторыхъ полевыхъ частей, т. е зависимости числа частей и ихъ состава отъ политическаго положенія въ краѣ и субъективнаго воззрѣнія на нихъ мѣстной власти—казакъ никогда, даже и приблизительно, не зналъ времени своего призыва со льготы на службу, что опять таки не могло не оказывать вліянія на его трудоспособность и экономическое положеніе. Только 1874 и 75 годы, ограничиваясь 1/3-ю строевого разряда на полевой службѣ, подавали надежду, что ежегодные наряды войдутъ въ норму, но обстоятельства и дѣйствительность уже съ 1876 г. убѣдили въ несбыточности этой надежды, доведя въ 1877 г. и слѣдующихъ величину нарядовъ до небывалой степени напряженія(59).

Такимъ образомъ, мѣстныя условія службы въ интересующій насъ періодъ времени шли вразрѣзъ съ основными законами о казачьей службѣ, расшатывая какъ въ нравственномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ положеніе семирѣченскихъ казаковъ.

Нельзя сказать чтобъ мѣстная власть закрывала глаза на вліяніе такого порядка службы. По этому поводу въ годовомъ отчетѣ о состояніи войска за 1872 годъ прямо заявляется, что „отнесеніе службы семирѣченскими казаками тяжело и вредно отзывается на ихъ домашнемъ хозяйствѣ, ибо они пользуются льготою 1½, много два года,—вотъ почему войсковое начальство въ своемъ заключеніи по поводу принятія въ Семирѣченскомъ войскѣ новаго положенія объ отбываніи воинской повинности Сибирскаго войска*), ходатайствуетъ нарядъ отъ войска уменьшить и содержать на службѣ только

*) Въ Сибирскомъ войскѣ въ 1871 г. былъ введенъ порядокъ отбыванія воинской повинности на основаніяхъ, приведенныхъ въ началѣ этой статьи. 2-е Пол. Собр. Зак. Р. И. т. XLVI, ст. 49995.

одинъ полкъ 4-хъ сотеннаго состава".

Но изложенное въ началѣ этой статьи переходное и спорное положеніе вопроса объ организаціи воинской повинности въ казачьихъ войскахъ отодвинуло рѣшеніе возбужденнаго мѣстной властью вопроса до его принципіальнаго рѣшенія въ общемъ, а въ частности, для Семирѣченскаго войска, до изданія второго „положенія" о немъ въ 1879 году.

Такой тихій ходъ работъ государственной административной машины, оставляя не тронутымъ печальное наслѣдіе прошлаго еще въ теченіи 12 лѣтъ, надолго отодвинулъ возможность нравственно трудовому облику семирѣченскаго казака принять иной колоритъ.

Самый нарядъ на полевую службу и смѣна отслужившихъ свой двухлѣтній срокъ, почти до 1875 года, производились, преимущественно, въ концѣ весны и началѣ лѣта, а приблизительно съ этого времени то и другое начинаетъ переходить на осень.

Нарядъ и смѣна производились далеко не регулярно: иногда казаки задерживались на полевой службѣ болѣе двухъ лѣтъ(60), иногда увольнялись ранѣе, да и вообще опредѣленнаго порядка или срока для увольненія на льготу изъ полевыхъ частей и быть не могло, такъ какъ эти части формировались, переформировывались и, наконецъ, совсѣмъ распускались, въ зависимости отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ, такимъ образомъ, зависѣло и время призыва новыхъ нарядовъ.

До 1870 г. физическое состояніе здоровья призываемыхъ на полевую службу казаковъ имѣло весьма относительное значеніе, но въ февралѣ 1870 г. „положеніемъ" Военнаго Совѣта постановлено: законъ 2 марта 1868 года о медицинскомъ освидѣтельствованіи нижнихъ чиновъ, призываемыхъ на службу въ регулярныя войска и росписаніе болѣзней, дѣлающихъ ихъ неспособными къ военной службѣ—примѣнить ко всѣмъ казачьимъ войскамъ, но съ тѣмъ, чтобы неспособные къ службѣ 1-й статьи назначались на внутреннюю службу, а неспособныхъ 2-й статьи—увольнять на продолжительную льготу по правиламъ такихъ отпусковъ для регулярныхъ войскъ(61).

Состоя на полевой службѣ, семирѣченскіе казаки, кромѣ чисто военной службы по своей спеціальности конницы, которая, насколько возможно, выяснится въ военно-историческомъ очеркѣ слѣдующей главы, - несли еще и службу мѣст-

ныхъ войскъ, заключавшуюся въ конвоированіи арестантовъ, для чего иногда цѣлыя сотни казаковъ разбрасывались мелкими пикетами по станціямъ путей сообщенія отъ укрѣп. Токмака до гор. Сергіополя ([8 и 9]). Назначались стаціонными смотрителями и сторожами на почтовыхъ станціяхъ этихъ путей ([62]); для наблюденія за порядкомъ на частныхъ заводѣ и рудникѣ ([63]); для конвоированія нашихъ торговыхъ караванов въ предѣлахъ Китая, партіями въ 10—25 человѣкъ, причемъ уже и самое довольствіе конвоя „въ размѣрахъ отпускаемомъ казною съ добавленіемъ суточныхъ“ относились на счетъ хозяевъ каравана ([64]).

Короткіе сроки періодической службы, недостатки организаціи подготовленія не только урядничьяго, но даже и офицерскаго состава и, въ тоже время, все болѣе и болѣе усложнявшіяся требованія службы заставили правительство примѣнить въ казачьихъ войскахъ, а въ томъ числѣ и въ Семирѣченскомъ, награды или, вѣрнѣе, отличія за сверхсрочную службу, состоявшія только изъ нашивокъ желтой тесьмы или галуна, серебряныхъ или золотыхъ медалей([65]). Но вслѣдствіе отсутствія въ такихъ наградахъ—отличіяхъ всякихъ реальныхъ элементовъ, хотя до нѣкоторой бы степени окупавшихъ затрату времени на службу,—онѣ не достигали своей цѣли и въ полевыхъ частяхъ войска только иногда, какъ исключеніе, имѣлись сверхсрочно-служащіе.

23 ноября 1870 г. къ казачьимъ войскамъ былъ примѣненъ и дисциплинарный уставъ, утвержденный для регулярныхъ войскъ 7 іюля 1869 г.([66]). По этому уставу, дѣйствующему въ своихъ главныхъ основаніяхъ и понынѣ, казачьи начальники всѣхъ ранговъ были лишены, наконецъ, своего почти безконтрольнаго и мало ограниченнаго права тѣлеснаго наказанія нижнихъ чиновъ, которое дисциплинарнымъ уставомъ оставлено только для „разряда штрафованныхъ“, въ который переводились казаки по суду за проступки и преступленія.

Обученіе военному дѣлу, особенно до 1875 г., находилось въ самомъ печальномъ положеніи

Надлежащей постановкѣ этого дѣла прежде всего мѣшали уже извѣстные намъ крупные недостатки, какъ въ организаціи вообще, такъ и въ комплектованіи полевыхъ частей до 1875 г. и затѣмъ имѣли огромное вліяніе: самый характеръ службы, требовавшей постоянныхъ передвиженій частей съ мѣста на мѣсто, а то и раскомандированіе ихъ мелкими партіями, что доводило иногда наличный составъ полевыхъ частей до 10—15 человѣкъ([1]); періодическое состояніе на

службѣ нѣкоторыхъ сотенъ и полусотенъ и формированіе ихъ только въ моменты назрѣвшей надобности и, наконецъ, неудовлетворительный составъ въ войскѣ не только урядниковъ. но даже и офицеровъ, сначала —войскового сословія(67), а потомъ и переведенныхъ изъ регулярныхъ войскъ ото-всюду и безъ всякаго разбора, относительно нравственнаго облика и служебнаго характера, которыхъ даже всеподданнѣйшій отчетъ о состояніи Семирѣченскаго войска за 1875 годъ въ своихъ сдержанно-офиціальныхъ выраженіяхъ нашелъ необходимымъ пояснить, что: „большинство изъ нихъ, прослужа обязательный трехлѣтній срокъ или получивъ все, что можно было получить отъ службы въ Туркестанскомъ краѣ, богатомъ военными дѣлами, перемѣняли родъ службы и выходили изъ войска, уступая мѣсто другимъ, что конечно не могло не отражаться вредно на общемъ духѣ военнаго воспитанія казаковъ".

Всѣ эти крайне не выгодныя обстоятельства исключали всякую возможность систематическаго обученія военному дѣлу, которое и само-то находилось въ положеніи уже подробно изложенномъ въ очеркѣ службы сибирскихъ казаковъ въ Семирѣчьѣ *). Съ 1874 года, т. е послѣ сформированія изъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ сотенъ полка, явилась возможность исполнить на практикѣ приказъ по военному вѣдомству № $^{205}/_{1874}$ г., которымъ уставы о строевой кавалерійской службѣ и спѣшенныхъ частей драгунскихъ полковъ были цѣликомъ примѣнены въ казачьихъ войскахъ. Но такъ какъ, вслѣдъ же за распространеніемъ этихъ уставовъ на казачьи войска, явилось совершенно основательное опасеніе, что при особенностяхъ порядковъ отбыванія службы казаками, ихъ снаряженія, свойства, а точно также и выѣздки ихъ лошадей, примѣненіе цѣликомъ вышеназванныхъ уставовъ поведетъ къ утратѣ казаками тѣхъ цѣнныхъ боевыхъ качествъ, которыми они, такъ выгодно, отличались отъ регулярныхъ войскъ и тѣхъ обычаевъ и пріемовъ, которые выработаны ихъ боевой практикой(68).

Вслѣдствіе этого, уже въ 1875 году было рѣшено «строевое обученіе казаковъ поставить въ нѣсколько иныя условія, чѣмъ тѣ, какія существовали для регулярныхъ кавалерійскихъ полковъ'(68).

Осуществленіе этихъ „нѣсколько иныхъ условій началось съ изданіемъ Высочайшаго повелѣнія 27 іюля 1875 года, въ которомъ, послѣ категорическаго заявленія о томъ, что включеніемъ казачьихъ полковъ въ составъ кавалерійскихъ ди-

*) Часть 1-я, глава III-я.

визій и введеніемъ вышеупомянутыхъ уставовъ правительство совсѣмъ не предполагало посягать на самобытность казачьихъ войскъ, изложены всѣ общія руководящія соображенія и указанія, на основаніи которыхъ и повелѣно вести строевое обученіе казачьихъ частей(68).

Изъ этихъ указаній останавливаютъ на себѣ особенное вниманіе:

1). Категорическое *запрещеніе разбивать въ полкахъ континенты комплектования отдѣльныхъ станицъ по разнымъ сотнямъ, а въ сотняхъ по разнымъ взводамъ: ни для ранжира, ни для подбора лошадей по мастямъ и вообще ни по какимъ другимъ причинамъ*, обусловливающимъ внѣшній видъ казачьей части

2) Признаніе что требованіе однообразія въ обмундированіи и снаряженіи казаковъ въ той мѣрѣ, какъ это предъявляется регулярнымъ войскамъ — „совершенно невозможно".

3) Категорическое указаніе на то, что обученіе манежной ѣздѣ по программѣ регулярныхъ кавалерійскихъ частей *не можетъ имѣть вовсе мѣста въ казачьихъ полкахъ*", въ которыхъ вести обученіе одиночной ѣзды, но „съ обращеніемъ вниманія не на красоту посадки, а на крѣпость ея, смѣлость ѣзды и управленіе лошадью".

4) Требованіе обученія всѣхъ строевыхъ казаковъ грамотѣ и пониманію топографическихъ картъ и, наконецъ

5) Категорическое требованіе отъ начальниковъ дивизій и лицъ равныхъ имъ или высшихъ по власти принятія относительно казачьихъ частей всѣхъ мѣръ и приложенія всего вниманія и заботъ, которыя обязательны для нихъ по отношенію къ регулярнымъ войскамъ въ смыслѣ „*сбереженія и благоустройства казачьихъ полковъ*", предоставленія имъ возможныхъ удобствъ при расквартированіи и передвиженіи, въ заботахъ о сохраненіи здоровья и удовлетвореніи всѣмъ назначеннымъ по закону довольствіемъ.

Составленную на этихъ основаніяхъ первую часть устава о строевой казачьей службѣ Императоръ Александръ II тогда-же утвердилъ и повелѣлъ принять ее къ руководству, взамѣнъ первой части устава о строевой кавалерійской службѣ, примѣненной въ казачьихъ войскахъ въ 1874 году(68).

Вообще-же, помимо установленія техники военнаго дѣла, смыслъ Именного Высочайшаго указа 27 іюля 1875 года таковъ, что казаки, заключая въ себѣ „всѣ условія правильно организованной боевой силы", *при подлежащемъ приспособленіи ихъ обученія*, удовлетворятъ вполнѣ всѣмъ современнымъ требованіямъ боевой кавалерійской службы", а потому казакъ,

хотя и отличающійся многими самобытными особенностями отъ регулярнаго солдата, но отличающійся отъ него съ выгодной для военнаго дѣла стороны—есть точно такой-же равноправный слуга Государя и отечества, какъ и регулярный солдатъ, почему и старшимъ, начальствующимъ казачьими полевыми частями, лицамъ нѣтъ никакого основанія продолжать имѣть особый, отжившій, взглядъ на казаковъ, какъ на что-то низшее, требующее меньшихъ заботъ и вниманія.

Но въ какой мѣрѣ и степени были осуществлены на практикѣ въ Семирѣченскомъ войскѣ всѣ эти благія указанія повелѣнія 27 іюля 1875 года—составляетъ уже другой вопросъ, особенно при условіяхъ усиленнаго комплектованія офицерскаго состава войска не только изъ регулярной кавалеріи, но даже и изъ пѣхоты, при чемъ, какъ увидимъ ниже, войсковому начальству не приходилось быть особенно разборчивымъ.

Льготы отъ службы 1867—1880 г. г.

Льготою, т. е. освобожденіемъ отъ очередныхъ нарядовъ на службу семирѣченскіе казаки пользовались только въ исключительныхъ случаяхъ, при чемъ льготы эти подраздѣлялись на групповыя и индивидуальныя.

Цѣлыя группы населенія пользовались льготою на одинъ годъ въ случаяхъ пожарнаго разоренія и на два при переселеніи съ одного мѣста на другое. Отдѣльныя-же лица пользовались льготой въ слѣдующихъ случаяхъ: на одинъ годъ: 1) если пожаромъ истреблено все или большая часть имущества, но въ многочисленной семьѣ этою льготой могло воспользоваться только одно лицо; 2) отецъ или опекунъ такой семьи, въ которой, вслѣдствіе смерти старшихъ, остались одни малолѣтнія дѣти

Неопредѣленная срокомъ льгота давалась для одного изъ сыновей нераздѣльно живущихъ при „*престарѣлыхъ*“ родителяхъ, но при условіи, если только всѣмъ этимъ сыновьямъ одновременно приходила очередь идти на службу, и для одного изъ нераздѣльно живущихъ братьевъ, если родители ихъ умерли ([48]).

Обмѣнъ очередьми, при нарядѣ на полевую службу, и право найма за себя, существовавшіе въ Семирѣченскомъ войскѣ въ изслѣдованный періодъ времени,—могутъ быть отнесены уже къ категоріи косвенныхъ льготъ. Тѣмъ и другимъ правомъ Семирѣченскіе казаки пользовались на основаніи Сибирскаго „положенія“ 1861 года и закона 6 апрѣля 1858 года регламентировавшаго обмѣнъ и наемъ для Донского и

Оренбургскаго казачьихъ войскъ ([69]). Этотъ видъ льготы былъ первоначально разрѣшенъ въ обоихъ названныхъ войскахъ собственно для уменьшенія расходовъ ихъ войсковой казны по снаряженію на службу неимущихъ казаковъ и косвенной помощи ихъ семьямъ, а затѣмъ постепенно распространенъ и на другія казачьи войска.

Обмѣнъ очередьми и наемъ на службу практиковались въ Семирѣченскомъ войскѣ на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: урядникъ за урядника, приказный за приказнаго и казакъ за казака; нанимающій заключалъ съ нанимаемымъ, объ условіяхъ найма, письменный договоръ, который для урядниковъ утверждался наказнымъ атаманомъ, а для всѣхъ прочихъ — полковыми окружными управленіями, съ закрытіемъ-же этихъ управленій всѣ договоры утверждались уже наказнымъ атаманомъ.

Договоры о наймѣ и заявленія объ обмѣнѣ очередьми только въ особо исключительныхъ случаяхъ разрѣшалось представлять къ утвержденію позже 10 декабря, предшествующаго наряду года, и о разрѣшеніи найма или обмѣна въ каждомъ частномъ случаѣ объявлялось въ приказахъ по войску ([70]). Въ 1871 году наказный атаманъ—право разрѣшенія найма и обмѣна предоставилъ и командирамъ льготныхъ полковъ ([71]), но съ объявленіемъ разрѣшенія въ приказѣ по войску.

Практика обмѣна и найма, вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ экономическихъ и служебныхъ условій, развиваясь постепенно еще въ Сибирскомъ войскѣ, приняла въ Семирѣченскомъ на столько широкіе размѣры, что многими казаками — „наемщиками", какъ назывались въ войскѣ люди, нанимавшіеся на службу за другихъ, была обращена въ профессію и повела къ сильному пониженію нравственнаго и экономическаго ценза состава этихъ наемщиковъ. Уже въ 1869 году положеніе въ этомъ направленіи обострилось на столько, что полковникъ Колокольцевъ *), временно исполнявшій въ этомъ году обязанности наказнаго атамана за генерала Колпаковскаго, вынужденъ былъ заявить въ приказѣ по войску, что съ объявленіемъ наряда на полевую службу начали поступать прошенія объ обмѣнѣ очередьми и наймѣ, что до 16 іюля уже разрѣшено до 60 случаевъ найма, а прошенія все еще поступаютъ и что „наймы хотя бы и должны, въ сущности, приносить пользу, поддерживая хозяйство на-

*) Командиръ 10 Туркестан. лин. баталіона, за наказнаго атамана былъ съ 14 января по 20 іюля 1869 года. Приказы по войску 1869 года № 17 и 218.

нимателя и давая возможность наемщикамъ, людямъ, по большей части не имѣющимъ хозяйства и домообзаводства, за полученную плату сбзавестись, но по опыту предъидущихъ лѣтъ замѣчено, что въ дѣйствительности, по большей части, изъ наймовъ выходитъ то, что *наемщикъ пропиваетъ полученную плату, а нанимателъ продаетъ остатки своего хозяйства, чтобы уплатить наемщику и тѣмъ избавить себя отъ полевой службы.* Изъ опыта такъ-же замѣчено, что въ наемщики рѣдко поступаютъ казаки добропорядочнаго поведенія, а большею частью пьяницы. . . . . Осматривая обмундированіе казаковъ наряда 1869 года, я усмотрѣлъ, что самые неисправные казаки, не имѣющіе порядочнаго обмундированія и лошадей – были наемщики. Вслѣдствіе вышеизложеннаго и другихъ соображеній, я счелъ нужнымъ настоящимъ приказомъ прекратить наймы и обмѣны очередьми впредь до особаго моего распоряженія (72).

Послѣ отданія этого приказа наймы и обмѣны въ теченіе нѣкотораго времени значительно сократились, но, не встрѣчая противодѣйствія или мѣръ къ ихъ упорядоченію со стороны самаго наказнаго атамана, генерала Колпаковскаго, съ 1870 года, опять постепенно развиваясь, въ 1873 году вынудили временно исполнявшаго обязанности наказнаго атамана генерала Михайловскаго *) принять крутыя мѣры къ сокращенію числа наемщиковъ и улучшенія ихъ состава.

Съ этой цѣлью было принято за правило, что-бы на условіяхъ найма, прежде ихъ представленія на утвержденіе, станичные атаманы накладывали-бы свидѣтельство о добропорядочности наемщика и о наличности у него всего положеннаго обмундированія, снаряженія, вооруженія и лошади, причемъ, въ случаяхъ оказавшейся недостачи у наемщика при пріемѣ его въ полевую часть чего либо изъ такихъ вещей,— недостающее немедленно заводилось въ счетъ станичнаго атамана, удостовѣрившаго наличность вещей въ свидѣтельствѣ на договорѣ (73).

Но и такая сравнительно крутая мѣра вѣроятно тоже не достигла своей цѣли, такъ какъ хотя категорическаго запрещенія наймовъ не было объявлено въ приказахъ по войску,

---

*) Командиръ 2-й Туркест. артиллерійской бригады. Былъ за наказнаго атамана нѣсколько разъ: въ 1872 г.: съ 10 по 26 мая (прик. № 163 и 183), съ 6 іюня по 4 августа (№№ 187 и 263), съ 18 августа 1872 г. по 30 іюня 1876 г., т. е. почти 4 года подъ рядъ (№ 270—1872 г. и 30 іюня 1876 г.) Въ это время ген. Колпаковскій былъ по дѣламъ службы въ Петербургѣ, потомъ вр. командующимъ войсками Туркестанскаго военнаго округа и затѣмъ въ отпуску.

но съ 1877 года въ этихъ приказахъ встрѣчаются только разрѣшенія обмѣновъ очередьми и то въ особо уважительныхъ случаяхъ, а разрѣшенія наймовъ почти уже совершенно отсутствуютъ.

Но, въ сущности, и эти обмѣны очередьми въ большинствѣ случаевъ едва-ли не представляютъ скрытую форму найма, такъ какъ дѣйствительно безвозмездный обмѣнъ очередьми возможно еще предположить между членами одной семьи, а такой-же обмѣнъ между посторонними допустимъ еще только въ какихъ нибудь, особо исключительныхъ, случаяхъ.

Положеніе строевого разряда на льготѣ.

По прослуженіи извѣстнаго времени на полевой службѣ, казаки увольнялись изъ строевыхъ частей на льготу, продолжительность которой въ Семирѣченскомъ войскѣ, какъ мы уже знаемъ зависѣла не отъ опредѣленныхъ правилъ, а отъ стеченія болѣе или менѣе благопріятныхъ политическихъ условій въ краѣ, почему и продолжалась вмѣсто установленныхъ закономъ 4 хъ лѣтъ—1 ½, много 2 года.

Цѣль льготы, по смыслу дѣйствовавшихъ тогда законоположеній, заключалась собственно въ поддержаніи и развитіи хозяйства казаковъ, но на сколько мало эта цѣль достигалась, мы уже видѣли изъ очерковъ настоящей главы и земскихъ повинностей, а нижеизложенное дастъ уже окончательное представленіе—что такое въ своей сущности и въ дѣйствительности была эта льгота въ Семирѣченскомъ войскѣ.

Послѣднимъ законодательнымъ актомъ, опредѣляющимъ ясно и точно положеніе казака на льготѣ и обязательнымъ для Семирѣченскаго войска, какъ основное начало къ Сибирскому „положенію“ 1861 года, является законъ 13 марта того же года, который по этому поводу говоритъ такъ: „Невошедшимъ въ наряды (казакамъ) предоставить пользоваться до будущей очереди *безусловною льготою* для устройства домашняго хозяйства, *исключая время, назначенное для смотровъ и практическихъ занятій*“(49). а теперь взглянемъ на сколько мѣстная власть руководилась этимъ достаточно категорическимъ указаніемъ

Прежде всего нужно замѣтить, что льготные казаки, за привлеченіе ихъ на службу въ неуказанныхъ закономъ случаяхъ, не получали никакого довольствія и въ такихъ случаяхъ, мало того, что совершенно не производительно отвлекались отъ своего хозяйства, должны были еще и содержать самихъ себя и своихъ лошадей на собственный счетъ.

Такое положеніе являлось очень удобнымъ для мѣстной

власти, такъ какъ избавляло ее отъ возможности докучливаго контроля въ ея дѣйствіяхъ сверху, вслѣдствіе чего даже младшіе начальники позволяли себѣ иногда собирать по своему усмотрѣнію льготныхъ казаковъ и учреждать изъ нихъ пограничные разъѣзды, не стѣсняясь ни временемъ, ни разстояніемъ(74). Уѣздные начальники, въ свою очередь, брали льготныхъ казаковъ по своему усмотрѣнію и, тоже не стѣсняясь временемъ, держали ихъ для административныхъ цѣлей при себѣ на службѣ, посылая на ихъ собственныхъ лошадяхъ по уѣзду безъ всякаго за то вознагражденія, что наказный атаманъ узналъ только въ 1876 году и, наконецъ, запретилъ(75). Въ 1871 году, въ станицѣ Капальской, „откуда сибирская полусотня выступила на Борохудзиръ—для отнесенія мѣстной службы и конвоированія проходящихъ арестантскихъ партій были призваны", какъ заявляетъ отчетъ о состояніи войска за этотъ годъ, „на время военныхъ дѣйствій (Кульджа) льготные казаки". А такъ какъ въ приказахъ по войску за этотъ годъ нѣтъ распоряженія сформировать изъ нихъ воинскую часть или требовать на нихъ довольствіе, какъ нѣтъ этого распоряженія и впослѣдствіе, поэтому есть полное основаніе предположить, что и эти казаки въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ несли мѣстную службу на собственномъ содержаніи въ качествѣ земской повинности. Въ 1872 году генералъ Колпаковскій узналъ что живущіе въ станицахъ казаки не охотно посѣщаютъ церкви, а потому распорядился всѣхъ льготныхъ казаковъ, свободныхъ отъ полевыхъ работъ", во всѣ воскресные дни и царскіе праздники выводить въ своихъ поселеніяхъ въ церковные парады. Наблюденіе за исполненіемъ этого распоряженія онъ возложилъ на командировъ льготныхъ полковъ и .... *на приходскихъ священниковъ*, предлагая послѣднимъ доносить ему, если они замѣтятъ какія либо отступленія отъ даннаго распоряженія(76).

Такимъ образомъ, работавшій цѣлую недѣлю человѣкъ лишался отдыха и въ праздникъ, ибо, такъ или иначе, но нужно-же было къ параду приготовиться, а затѣмъ непроизводительно терять время на сборномъ пунктѣ передъ отводомъ парада въ церковь. Послѣ-же богослуженія, тоже по воскреснымъ днямъ, льготнымъ казакамъ назначались строевыя занятія, которыя, до половины 1870 года, не прекращались даже и въ самое горячее рабочее время(77), а потому въ церковные парады по воскреснымъ днямъ являлось основаніе собирать ни однихъ только „свободныхъ отъ полевыхъ работъ", но и почти всѣхъ льготныхъ казаковъ.

Всемѣрно заботясь о развитіи военнаго духа въ казакахъ

и мало обращая вниманіе на улучшеніе ихъ экономическаго положенія, генералъ Колпаковскій неукоснительно требовалъ чтобы всѣ льготные казаки „во время проѣзда чрезъ станицы начальствующихъ лицъ. ..'. ходили-бы не иначе какъ въ мундирахъ и шинеляхъ"(78), т. е. безъ всякой пользы для преслѣдуемой имъ цѣли принуждалъ ускоренно изнашивать дорогую тогда форменную одежду и стѣснялъ казаковъ въ передвиженіи по дѣлу.

Наконецъ, полное отсутствіе опредѣленнаго продуманнаго плана лѣтнихъ кампаментныхъ учебныхъ сборовъ доказываетъ болѣе чѣмъ безучастное отношеніе мѣстной власти къ личнымъ и вообще экономическимъ интересамъ казачьяго населенія.

Кампаментные сборы до 1876 года назначались разновременно и не на одинаковые сроки. При назначеніи этихъ сборовъ мѣстная власть руководилась не выборомъ болѣе свободнаго отъ полевыхъ работъ времени, а служебными удобствами начальствующихъ льготными казаками лицъ. Такъ въ 1869 году кампаментъ былъ назначенъ съ 25 октября на двѣ недѣли(79), въ 1870 мъ --даже два кампамента: одинъ съ 20 апрѣля на двѣ недѣли—повторительный для неявившихся по разнымъ причинамъ на сборъ въ прошедшемъ году, а второй —для всѣхъ уже вмѣстѣ – позже(79); въ 1871 году на мѣсяцъ —съ 15 мая(79); въ 1872 году съ 15 мая по 15 іюня для заилійскихъ станицъ одновременно и, какъ всегда, при станицѣ Больше-Алматинской, а для сѣверныхъ съ 15 же мая, но разновременно: командиръ льготнаго полка, окончивъ кампаментъ въ одномъ пунктѣ сбора, переѣзжалъ въ другой и тамъ начиналъ новый и т. д. по числу пунктовъ сбора, которыхъ было 4—Капальскій, Лепсинскій, Сергіопольскій и Урджарскій(79) Въ 1873 году кампаментный сборъ былъ назначенъ во всѣхъ пунктахъ одновременно съ 25 мая по 25 іюня т. е. какъ – разъ во время сѣнокоса(79), почему и былъ отложенъ на осень съ 15 октября(79). Въ 1873 году—тоже осенью и, наконецъ, только въ 1875 году временно исполнявшій обязанности наказнаго атамана генералъ Михайловскій отнесся болѣе внимательно къ выбору времени для кампаментныхъ сборовъ и къ тому, что на этихъ сборахъ дѣлалось и чему тамъ обучались казаки.

До этого времени все вниманіе войсковой власти въ дѣлѣ обученія на сборахъ главнымъ образомъ сосредоточивалось только на стрѣльбѣ, джигитовкѣ и рубкѣ чучелъ. Съ цѣлью поощренія казаковъ въ этомъ направленіи еще въ 1868 году въ войсковую расходную смѣту были внесены 500 руб-

лей для выдачи призовъ отличившимся казакамъ ([80]), а въ 1875 году ежегодное назначеніе изъ войскового капитала 600 рублей на покупку холоднаго и огнестрѣльнаго оружія въ призы за стрѣльбу и наѣздничество молодымъ и льготнымъ казакамъ прошло уже въ законодательномъ порядкѣ и стало обязательнымъ ([81]).

Генералъ-же Михайловскій, не довольствуясь только этими одними упражненіями, предложилъ командиру льготнаго полка составить болѣе разностороннюю программу занятій съ казаками на сборахъ и представить ему на утвержденіе, а затѣмъ, объявляя въ приказѣ по войску, что „опытъ предъидущихъ лѣтъ убѣдилъ . . . . ., что кампаментъ осенью неудобенъ въ гигіеническомъ и экономическомъ отношеніи", а потому онъ назначаетъ его для Заилійскихъ станицъ съ 5-го мая, а относительно назначенія въ сѣверныхъ предложилъ командиру 2 льготнаго полка донести—когда это будетъ наиболѣе удобно([79]).

Такимъ образомъ, кампаментные сборы продолжались отъ 14 до 30 дней и назначались на столько разновременно, что казакъ положительно не могъ расчитать заблаговременно весною, при началѣ работъ, можетъ-ли онъ эти работы потомъ закончить покойно и при своемъ личномъ участіи

Теперь, когда намъ извѣстны историческое прошлое, всѣ недостатки организаціи въ Семирѣченскомъ войскѣ земскихъ и воинской повинности, истинное отношеніе администраціи и военныхъ властей къ казачьему населенію и, наконецъ, самое положеніе казаковъ на льготѣ—нужно-ли еще говорить о томъ, какъ разрушительно въ нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ дѣйствовали на казаковъ всѣ эти неблагопріятныя условія въ ихъ полной и общей совокупности?!

Служба разряда внутренно служащихъ.

Что-же касается службы внутренней, то всѣ свѣдѣнія о ней изложены въ концѣ предъидущаго очерка „организація военныхъ силъ войска", здѣсь-же остается добавить, что срокъ дѣйсвительной службы для этого разряда съ 1867 года по 1875-й назначался годовой ([82]), а съ 1875 года, въ видахъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія отбыванія службы между всѣми казаками этого разряда, срокъ выкомандированія на дѣйствительную службу былъ уменьшенъ до полугода ([83]). но въ 1887 году, безъ объясненія причинъ, назначенъ снова годовой ([83])

Кромѣ того, въ дополненіе изложеннаго въ предъидущемъ очеркѣ и для полнаго представленія о томъ, когда именно и на сколько несоотвѣтственно закону употреблялись на дѣйствительной службѣ внутренно-служащіе, необходимо привести возможно полный перечень ихъ назначеній, о которыхъ имѣются точныя свѣдѣнія. Въ 1875 году состоялось назначеніе, которое потомъ повторялось ежегодно ([40]).

Въ Вѣрненскую городскую полицію . . . 2	Въ Вѣрненск. област. почтовую контору . . 1
Въ Вѣрненское уѣздн управленіе . . . 1	Въ Семирѣченскую инженерную дистанцію . . 1
Къ Вѣрненскому уѣздному начальнику . . . 1	Къ уѣздному врачу . . 1
Къ уѣздн. судьямъ Вѣрненскаго уѣзда 1 и 2 участковъ . . . 2	Въ Семир. обл. правленіе . 3
	Къ дому наказн. атамана . 4
	Въ канцелярію по Кульджинскимъ дѣламъ . . 1

Въ 1876 году къ этому наряду было добавлено и повторялось ежегодно ([41]): прислугою на войсковую конюшню—8, 1877 году—въ Капальское городское училище ([84]) сторожемъ —1. Въ томъ-же году всѣ предъидущіе наряды были увеличены назначеніемъ въ составъ полицейскихъ командъ городовъ: Вѣрнаго—63-хъ человѣкъ, Капала—12, Лепсинска—8 и Сергіополя—2-хъ

Изъ этого перечня вытекаетъ, что на дѣйствительной внутренней службѣ должно было-бы состоять въ 1877 году и слѣдующихъ 111 человѣкъ, но всеподданнѣйшій отчетъ о состояніи войска за 1877 годъ удостовѣряетъ, что ихъ состояло 11?, а приказъ по войску № $^{234}/_{1879}$ года свидѣтельствуетъ. что въ этомъ году. при введеніи новаго „положенія“, внутренно-служащихъ съ дѣйствительной службы было уволено совѣтомъ 99 и оставлено 15, т. е. состояло 114 или на три больше, чѣмъ это указано въ поименныхъ назначеніяхъ приказами по войску. Это обстоятельство, въ связи съ противозаконнымъ вообще, по приведенному перечню, назначеніемъ на службу внутренно-служащихъ, наводитъ на мысль, что были 3 такихъ назначенія, которыя даже и самой мѣстной власти казалось неудобнымъ объявить оффиціально—въ приказахъ по войску.

Переходя къ заключенію о степени тяжести воинской повинности, ложившейся на Семирѣченское казачье войско въ изслѣдуемый періодъ времени, нужно замѣтить, что тяжесть повинности распредѣлялась во всѣ эти годы далеко не равномѣрно. Лучшее представленіе по этому вопросу дастъ слѣдующая таблица ([85]), окончательные выводы которой выступаютъ особенно рельефно въ сопоставленіи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что населеніе Европейской Россіи *даже въ военное время* не выставляетъ на службу полныхъ 5-ти процентовъ своего мужского населенія ([86]).

Годы по порядку.	Численность мужского населенія войска къ 1 января слѣдующаго года. (см. примѣчаніе)	Предѣльная численность состава на полевой службѣ по штату 13 іюля 1867 г.	Чиновъ всего служилаго состава въ среднемъ выводѣ за каждый годъ въ войскѣ состояло:			Дѣйствительное			
						Лѣтніе мѣсяцы: апр., май, іюнь, іюль, авг. и сентябрь=6.			
			Строевого разряда.	Разряда внутренно служащихъ.	Всего служилаго состава.	Число чиновъ, состоявшихъ на дѣйствит. полевой службѣ въ среднемъ выводѣ за 6 лѣтнихъ мѣсяцевъ.	Процентное отношеніе состоявшихъ на дѣйствительной полевой службѣ къ:		
							Числу чиновъ строевого разряда.	предѣльному штатному составу	всему мужскому населенію войска:
1868	7832	1768 человѣкъ.	2020	701	2721	291	19,4	22,7	4,8
1869	8256		2049	784	2833	594	28,9	33,4	7,2
1870	8723		1996	934	2930	779	39,0	44,0	8,9
1871	8887		2117	887	3004	933	44,0	52,7	10,5
1872	9201		2176	971	3147	783	35,9	44,2	8,5
1873	9383		2226	987	3213	811	36,4	45,9	8,6
1874	9672		2352	928	3280	603	25,6	34,1	6,2
1875	9992		2413	917	3330	620	25,7	35,0	6,2
1876	10239		2412	955	3367	876	36,2	49,5	8,6
1877	10384		2464	1063	3527	878	35,6	49,6	8,4
1878	10715		2477	1069	3546	1510	60,9	85,4	14,0
1879	10548		2565	1056	3621	919	35,8	51,9	8,7

Примѣчаніе: Въ графѣ 2-й—численность мужского населенія 1868 году къ 1 января 1869 года, въ 1869 году

отбываніе воинской повинности.

Зимніе мѣсяцы: окт, нояб, дек., янв., февр и мартъ—6.				Число чиновъ, состоявшихъ на дѣйствительной службѣ въ среднемъ выводѣ за цѣлый годъ.			Процентное отношеніе состоявшихъ на дѣйствительной службѣ въ среднемъ выводѣ за цѣлый годъ.	
Число чиновъ, состоявшихъ на дѣйствит. полевой службѣ въ среднемъ выводѣ за 6 зимнихъ мѣсяцевъ.	Процентное отношеніе состоявшихъ на дѣйствительной полевой службѣ Къ:							
	Числу чиновъ строевого разряда.	Предѣльному штатному составу	Всему мужскому населенію войска.	Строевого разряда.	Разряда внутренно-служащихъ.	Всего служилаго состава.	Ко всему служилому составу	Ко всему мужскому населенію войска.
292	14,4	16,5	3,6	337	51	388	14.2	4,9
Свѣдѣній не		сохранилось.		590	Свѣд. нѣтъ	590	20,8	7,1
686	34,3	38.8	7,8	742	61	803	27.4	9,2
737	34,8	41,7	8,2	835	71	906	30,1	10,2
807	37,0	45,6	8,7	787	Свѣд. нѣтъ	787	25,0	8,5
771	34,6	43,5	8,2	791	Свѣд. нѣтъ	791	24,6	8,4
604	25,6	34,1	6,2	604	Свѣд. нѣтъ	604	18,4	6,2
645	26,7	36.5	6,5	632	17	649	19,5	6,5
738	30,6	40,1	7,2	813	25	838	24,8	8 2
1264	51,3	70,4	12,1	1006	112	1118	31,7	10,8
1181	47,6	66,8	11,0	1346	112	1458	41,1	13,6
860	33.0	42.4	8,2	890	115	1005	27,7	9,5

войска показана къ 1 января каждаго слѣдующаго года, т. е. въ къ 1 января 1870 г. и т. д.

Вооруженіе. Вооруженіе Семирѣченскихъ казаковъ состояло: у офицеровъ изъ шашки и пистолета или, по желанію, — револьвера; у старшихъ урядниковъ и тубачей изъ шашки и пистолета, а всѣхъ остальныхъ нижнихъ чиновъ изъ шашки, пики и ружья со штыкомъ, при чемъ штыкъ для конскаго строя отмыкался и вкладывался въ особыя ножны, пристегнутыя къ шашкѣ.

Сибирскія власти, вводя „положеніе" 1861 г., обязывавшее казаковъ, въ противоположность предшествовавшему, имѣть оружіе собственное, — вѣроятно вслѣдствіе подержанности имѣвшагося въ запасѣ войскового оружія и устарѣлости его типа не признали удобнымъ обязать казаковъ пріобрѣсти его отъ войска въ собственность и, до времени замѣны его лучшимъ, оставили пользованіе войсковымъ оружіемъ на прежнихъ основаніяхъ(67).

Но предполагавшееся перевооруженіе замедлилось и Семирѣченское войско, при отдѣленіи отъ сибирскаго, получило то, чѣмъ были вооружены къ 1867 году 9-й и 10-й полки т. е. нарѣзныхъ 7-ми линейныхъ ружей только 300, а всѣ остальныя — гладкоствольныя преимущественно кремневыя(87).

Что это было за оружіе и къ какимъ мѣрамъ вынуждена была прибѣгнуть мѣстная власть для его замѣны, достаточно опредѣленно характеризуетъ слѣдующая дословная выдержка изъ всеподданѣйшаго отчета о состояніи Семирѣченскаго войска за 1868 годъ: „на снабженіе казаковъ нарѣзными ружьями было обращено вниманіе въ 1867 году и казакамъ постоянно внушалось о необходимости имѣть исправное и цѣлесообразное оружіе; результатомъ этого внушенія было то, что многіе изъ станицъ обратились съ просьбою и, даже, представили деньги на выписку новыхъ ружей, но удовлетворить этой потребности возможности не представилось, такъ какъ вопросъ о системѣ ружей, которая должна быть принята для вооруженія казаковъ, еще не былъ рѣшенъ. Такъ какъ гладкоствольныя кремневыя ружья, коими были вооружены семирѣченцы еще до отдѣла ихъ отъ сибирскихъ казаковъ, *положительно никуда не годны и роняли въ глазахъ туземцевъ значеніе нашего огнестрѣльнаго оружія*, то признано было необходимымъ отказаться отъ употребленія этихъ ружей и, съ разрѣшенія командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа, вооружить казачьи семирѣченскія части 7-ми линейными нарѣзными пѣхотными ружьями, взятыми частью изъ складовъ крѣпостной артиллеріи укрѣп. Вѣрнаго, частію же изъ 10 и 12 Туркестанскихъ линейныхъ баталіоновъ. Ружья эти — тѣ самыя, коими были вооружены стрѣлковыя роты ли-

нейныхъ баталіоновъ до введенія 6-ти линейныхъ винтовокъ; они были тяжелы, но при всемъ томъ они составляли для казаковъ дѣйствительное вооруженіе, *но не излишнее бремя какъ кремневыя ружья.*

Такъ перевооружились полевыя части войска, а старыя сибирскія ружья въ количествѣ болѣе 1500 штукъ постепенно сосредоточились въ войсковыхъ складахъ, гдѣ они хранились „только для отчетности“ еще много лѣтъ и были такъ хороши, что въ 1884 году наказный атаманъ генералъ Фриде находилъ болѣе выгоднымъ подарить ихъ китайскимъ эмигрантамъ при возвращеніи ихъ на родину, чѣмъ безцѣльно хранить ихъ въ складахъ(88).

Пистолеты и шашки, полученные изъ Сибирскаго войска, были не лучше.

Хотя добытыя для полевыхъ частей пѣхотныя ружья и были несравненно лучше прежнихъ сибирскихъ, но они были тяжелы и, вообще, по своей конструкціи, не приспособлены для возки за спиною,— рвали одежду и набивали спину всадника ушками своихъ колецъ, а потому мѣстныя власти усиленно ходатайствовали о замѣнѣ ихъ кавалерійскимъ типомъ(9).

Наконецъ, 10 декабря 1870 г. состоялось Высочайшее повелѣніе: изъ хранящихся въ московскомъ арсеналѣ 7-ми линейныхъ нарѣзныхъ драгунскихъ ружей выдать Семирѣченскому войску безплатно 2000 штукъ и доставить ихъ въ войско на казенный счетъ(89).

Первая партія этихъ ружей была получена войскомъ во второй половинѣ 1871(9).

Перевооружившись хотя и устарѣвшими, по тому времени, но все-таки нарѣзными винтовками, войску стали необходимы и мастера для починки этого оружія, подвергавшагося большей порчѣ, чѣмъ прежнее гладкоствольное, но мастеровъ своихъ не было и войско пользовалось услугами квартировавшихъ въ области пѣхотныхъ частей, а въ 1872 г. капитанъ 70-го мѣстнаго губернскаго баталіона Брилевскій былъ даже приглашенъ исполнять обязанности оружейнаго инструктора въ войскѣ(90).

Быстрое развитіе идеи о превосходствѣ оружія малаго калибра, еще въ концѣ 60-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія выдвинуло на очередь вопросъ о перевооруженіи казачьихъ войскъ. 26 сентября 1870 г былъ утвержденъ образецъ 4,2 лин, скорострѣльной винтовки системы Бердана № 2 для вооруженія казаковъ(91), а 18 ноября слѣдующаго года состоялось Высочайшее повелѣніе, какъ объ измѣненіи существовавшаго порядка вооруженія казаковъ, такъ и объ утвержденіи соображеній по предстоявшему перевооруженію.

По прежнему порядку оружіе должно было пріобрѣтаться на средства войскового военнаго капитала, а, затѣмъ, уже самимъ войскомъ продавалось казакамъ въ собственность за $^2/_3$ стоимости, считая съ доставкою, остальная-же $^1/_3$ стоимости принималась на счетъ войскового капитала(93), но повелѣніемъ 18 ноября 1871 г. половина стоимости новаго скорострѣльнаго оружія была принята на счетъ казны, а другая половина со стоимостью доставки на мѣсто отнесена на средства войскового капитала, почему, а главнымъ образомъ, въ цѣляхъ лучшаго сохраненія оружія,—винтовки, а потомъ и револьверы, замѣнившіе впослѣдствіе пистолеты, казакамъ—уже не продавались и были признаны „войсковой—казенной собственностью"(94)

14 марта 1874 г, состоялось, наконецъ. Высочайшее повелѣніе о заказѣ на заводы бердановскихъ винтовокъ и для Семирѣченскаго войска(95).

Вырѣшивъ вопросъ о перевооруженіи казачьихъ войскъ, правительство, въ связи съ этимъ, признало необходимымъ измѣнить и самый порядокъ храненія и содержанія оружія казаковъ. Съ этой цѣлью, еще въ 1873 г., „положеніемъ" военнаго совѣта было опредѣлено,—въ каждый изъ Семирѣченскихъ полковъ назначить по одному оружейному мастеру(24), а въ 1874 г. храненіе и содержаніе оружія въ войскѣ и его полевыхъ частяхъ было подчинено инспекціи штабъ-офицера, осматривающаго оружіе въ войскахъ округа, за что изъ средствъ войскового капитала было назначено въ ежегодное вознагражденіе этому штабъ-офицеру 300 р. и двумъ состоящимъ при немъ мастерамъ 100 р.(96).

Получивъ свѣдѣнія о введеніи инспекціи—мѣстная власть снова возбудила вопросъ объ образованіи въ войскѣ оружейныхъ мастерскихъ, но уже не одной, какъ она ходатайствовала въ 1870 г.(97), а двухъ(98). Но такъ какъ къ тому времени былъ уже окончательно вырѣшенъ вопросъ о перевооруженіи семирѣченскихъ казаковъ новымъ скорострѣльнымъ оружіемъ, то, очевидно, что открытіе и оборудованіе двухъ мастерскихъ для устарѣвшаго типа оружія, предположеннаго въ ближайшемъ будущемъ къ изъятію изъ употребленія, не имѣло за собой положительно никакихъ основаній, а мастеровъ, знакомыхъ съ новымъ оружіемъ еще не было, почему удовлетвореніе ходатайства мѣстной власти и затянулось, а между тѣмъ, съ цѣлью дать войску инструкторовъ, знакомыхъ съ устройствомъ, исправленіемъ, употребленіемъ и сбереженіемъ бердановскихъ винтовокъ, въ августѣ того-же 1874 г. было объявлено распоряженіе о командированіи на годъ въ учеб-

ный пѣхотный баталіонъ отъ войска одного офицера и двухъ казаковъ[99], а 6 ноября получило утвержденіе „положеніе“ военнаго совѣта, которымъ для приготовленія знающихъ дѣло оружейныхъ мастеровъ было предложено Семирѣченскому войску послать въ школу при Ижевскомъ оружейномъ заводѣ 4-хъ малолѣтковъ съ тѣмъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые если почему либо не будутъ приняты въ школу, все таки могли-бы остаться на заводѣ для изученія оружейнаго дѣла. Весь расходъ, въ суммѣ 523 рублей ежегодно, на содержаніе, обученіе малолѣтковъ и инструментъ для нихъ, отнесенъ на войсковой капиталъ, а срокъ обученія былъ назначенъ 4-хъ лѣтній[100].

Въ 1876 правительствомъ было обращено уже серьезное вниманіе на состояніе стрѣлковаго дѣла въ войскахъ, для объединенія направленія котораго въ сентябрѣ этого года издано положеніе объ инспекторѣ стрѣлковой части въ войскахъ, съ подчиненіемъ инспектору, въ предѣлахъ его компетенціи полевыхъ казачьихъ полковъ[101]. Затѣмъ въ ноябрѣ того-же года, съ цѣлью образованія въ казачьихъ войскахъ контингента офицеровъ-спеціалистовъ по оружейному дѣлу и начальниковъ оружейныхъ мастерскихъ, а точно такъ-же оружейныхъ мастеровъ и оружейниковъ, было рѣшено учредить при учебномъ пѣхотномъ баталіонѣ постоянное казачье отдѣленіе, въ которомъ посылаемые туда отъ войскъ офицеры и казаки изучали-бы только предметы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ оружію и стрѣлковому дѣлу; курсъ обученія былъ назначенъ годичный[102].

Офицерамъ при командированіи туда назначено выдавать по 100 рублей въ пособіе, а по окончаніи курса, въ качествѣ награды — половину годового оклада жалованья. Казакамъ-же выдавалось въ пособіе 4 рубля и дѣлалось полное обмундированіе. Всѣ эти пособія и обмундированіе относились на счетъ войска, а награда на счетъ государственной казны[102].

Семирѣченское войско въ командированіи своихъ чиновъ въ казачье отдѣленіе должно было чередоваться съ Астраханскимъ и въ первый разъ послало одного офицера и двухъ казаковъ въ 1877 году[102].

Въ 1877-же году „положеніе“ о казачьемъ отдѣленіи при учебномъ пѣхотномъ баталіонѣ получило дальнѣйшее развитіе, а именно — для казаковъ, командируемыхъ туда, былъ установленъ извѣстный цензъ, курсъ обученія для нихъ назначенъ двухлѣтній, по окончаніи котораго по первому разряду — казаки производились въ урядники и выпускались съ правомъ занимать мѣсто и должность оружейнаго мастера въ частяхъ

войскъ; отъ Семирѣченскаго войска по очереди съ Астраханскимъ вмѣсто двухъ казаковъ назначено посылать уже по одному(103).

Дальнѣйшее командированіе молодыхъ казаковъ на Ижевской заводъ прекращено, но уже посланнымъ туда сохранено право окончить тамъ курсъ(103).

Въ томъ-же году издано „положеніе о мѣрахъ для сбереженія оружія казаковъ Семирѣческаго казачьяго войска„, которымъ, на средства войскового капитала, разрѣшено открыть въ войскѣ двѣ оружейныхъ мастерскихъ, гдѣ, помимо исправленія оружія, должны были обучаться не менѣе 6 ти учениковъ, для приготовленія изъ нихъ подмастерьевъ и оружейниковъ.

Этимъ-же положеніемъ опредѣлено, что казаки, виновные въ небрежномъ обращеніи съ оружіемъ, подвергаются наказанію въ дисциплинарномъ порядкѣ, а въ случаяхъ порчи еще и матеріальной отвѣтственности(104).

18 января 1878 года состоялось назначеніе сотника Алгазина, окончившаго курсъ въ казачьемъ отдѣленіи при учебномъ пѣхотномъ баталіонѣ, на должность начальника первой въ войскѣ оружейной мастерской, но Алгазинъ до конца 1880 года былъ, въ сущности, только инструкторомъ въ дѣлѣ обращенія, съ полученными уже тогда въ войскѣ, бердановскими винтовками, такъ какъ инструментъ для мастерской былъ доставленъ только 19 декабря 1880 года, послѣ чего, собственно, и могло состояться полное оборудованіе мастерской и открытіе ея дѣйствій(98).

31 марта 1877 года войско получило, наконецъ, первыя 340 штукъ бердановскихъ винтовокъ на вооруженіе перваго полка: въ слѣдующемъ году дополучены полкомъ остальныя; въ 1879 году выслано на вооруженіе льготныхъ частей 943 винтовки и въ 1880 году перевооруженіе всего войска закончено(105).

Въ январѣ 1878 г. была получена и первая партія револьверовъ системы Смитта и Вессона, о замѣнѣ которыми пистолетовъ Высочайшее повелѣніе состоялось еще въ августѣ 1874 г. (106)

Половина стоимости револьверовъ, доставленныхъ на вооруженіе нижнихъ чиновъ тоже, какъ и винтовокъ, была принята на себя казной, а остальное отнесено на счетъ войска(106).

Обмундированіе и снаряженіе.

Послѣ отдѣленія отъ Сибирскаго войска семирѣченскіе казаки носили той же формы и того же покроя одежду, какъ

и сибиряки, но съ той только разницей, что красное прикладное сукно на погонахъ, кантахъ, лампасахъ, папахѣ и фуражкѣ было замѣнено у нихъ малиновымъ

Форменная одежда состояла изъ мундира темно-зеленаго сукна съ бортомъ на крючкахъ по срединѣ; шароваръ изъ такого-же сукна съ лампасами, одѣтыхъ поверхъ сапогъ („на выпускъ"); шинели толстаго сѣраго сукна; папахи изъ чернаго собачьяго, или какого удобнѣе мѣха, съ суконнымъ малиновымъ верхомъ; фуражка съ козырькомъ; перчатокъ—замшевыхъ у урядниковъ и темно-зеленаго сукна у казаковъ; обыкновенныхъ, съ короткими голенищами, сапогъ безъ шпоръ. Лѣтомъ, вмѣсто мундира, полагался холщевый китель одного покроя съ мундиромъ. Снаряженіе состояло изъ: ременной портупеи для шашки, носимой чрезъ плечо, при чемъ къ ножнамъ шашки, съ наружной стороны, пристегивался и штыкъ въ особомъ чехлѣ изъ телячьей кожи шерстью наружу; пистолетной кабуры или, какъ тогда называли, „чушки" только у старшихъ урядниковъ и трубачей, одѣтой на поясномъ ремнѣ на *лѣвый* бокъ; къ пистолету—малиновой шерсти съ кистью шнуръ; двухъ патронташей—каждый изъ выгнутой по таліи коробки, съ 20-ю гнѣздами изъ жести, отянутой черной кожей; оба патронташа носились на черномъ поясномъ ремнѣ, оба рядомъ, спереди, и поддерживались особымъ ремнемъ черезъ шею; нагайки на ремнѣ черезъ плечо[107]. Конское снаряженіе состояло изъ сѣдла съ нагрудникомъ и пахвою; къ сѣдлу полагались: вальтрапъ (чапракъ) темно-зеленаго сукна съ малиновою въ $^5/_8$ вер. шириною каймой позади, изъ такого-же сукна подушка, чемоданъ сѣраго сукна, узда и недоуздокъ[107].

Офицерское обмундированіе и снаряженіе было такое-же какъ и у нижнихъ чиновъ, но только съ тою разницей, что верхъ папахи вокругъ и крестообразно обшивался узкимъ серебрянымъ галуномъ; на воротникѣ и рукавахъ мундира имѣлись серебрянныя галунныя петлицы; портупея изъ серебряной тесьмы на сафьянѣ; нагрудникъ и пахвы сѣдла имѣли мѣдный наборъ, а вальтрапъ обшивался малиновой каймой кругомъ Кромѣ того офицерамъ полагались еще: чекмень—покроя какъ мундиръ, но съ болѣе длинной юбкой и безъ петлицъ, имѣвшій назначеніе замѣнять сюртукъ; общее—офицерскій серебряный шарфъ—поясъ; изъ малиновой шелковой матеріи кушакъ, серебрянаго галуна погоны, бѣлые ч[illegible]шуйчатые эполеты, къ шашкѣ темлякъ кавалерійскаго образца, серебряный пистолетный съ кистью шнуръ и патронташъ на 20 пистолетныхъ или револьверныхъ патроновъ, на

перевязи изъ серебряной тесьмы на сафьянѣ, чрезъ лѣвое плечо([108]).

Но уже въ октябрѣ 1867-же года были произведены нѣкоторыя замѣтныя измѣненія въ формахъ снаряженія, заключавшіяся въ томъ, что плечевая портупея замѣнена поясной, пистолетную кабуру приказано носить на правой сторонѣ и у офицеровъ она назначена изъ черной лакированной кожи; серебряный пистолетный шнуръ замѣненъ шелковымъ, а у шнура нижнихъ чиновъ отмѣнена кисть; у сѣдла суконные вальтрапъ и подушка замѣнены коженными, а вмѣсто суконнаго чемодана введены коженныя переметныя сумы; а нагрудникъ у нижнихъ чиновъ отмѣненъ([109]).

Въ 1869 году холщевый китель, установленный одного покроя съ мундиромъ, замѣненъ кителемъ кавалерійскаго образца([110]). Въ іюнѣ 1871 года введены сапоги съ длинными голенищами и башлыки, а шаровары назначено носить въ сапоги ([111]);въ концѣ-же этого года замшевыя и суконныя перчатки у нижнихъ чиновъ замѣнены бѣлыми шерстяными вязанными([112]).

Въ августѣ 1872 года матеріалъ для папахъ былъ окончательно установленъ: для офицеровъ медвѣжьяго мѣха, а для нижнихъ чиновъ--чернаго собачьяго([113]).

Въ 1874 году вмѣсто коженныхъ переметныхъ сумъ снова введены суконные насѣдельные чемоданы([114]).

На основаніе „положенія“ 1861 года о Сибирскомъ войскѣ, примѣненнаго къ Семирѣченскому и въ этомъ отношеніи, обмундированіе, снаряженіе, вооруженіе, строевыя и вьючныя лошади должны были быть собственныя, но такъ какъ заведеніе всего этого требовало весьма большихъ для казачьяго хозяйства расходовъ, то для помощи малосостоятельнымъ казакамъ „основными началами положенія“ 1867 года разрѣшалось ежегодно ассигновывать изъ войскового капитала опредѣленную сумму, которую и распредѣлять въ возвратное или безвозвратное пособіе при снаряженіи на службу казакамъ, имѣвшимъ на это право по своему имущественному положенію.

Имѣвшими право на возвратное пособіе признавались: не оправившіеся отъ пожара послѣ двухъ лѣтъ льготы, бѣдные сироты и зачисленные въ казаки изъ другихъ сословій не имѣвшіе прочнаго хозяйства и осѣдлости, а точно такъ-же и казаки, разорившіеся по независящимъ отъ нихъ причинамъ. Всѣ-же остальные обѣднѣвшіе по собственной винѣ, не особенно сильно пострадавшіе отъ пожара или другихъ несчастныхъ случаевъ—получали пособіе заимообразно и обязаны

были уплатить его за время своего нахожденія на полевой службѣ, почему взысканіе и обращалось на получаемую должниками дачу ремонтныхъ денегъ

Выдача и распредѣленіе пособій производились на основаніи заблаговременно составленныхъ и, по возможности, провѣренныхъ властями приговоровъ тѣхъ станичныхъ обществъ, къ которымъ принадлежали нуждавшіеся въ пособіи казаки

По дѣйствовавшимъ тогда законамъ каждый казакъ къ 20-ти лѣтнему возрасту долженъ былъ имѣть уже въ полной исправности и готовности все обмундированіе, снаряженіе, коня и оружіе, для чего собственно и давалась ему льгота въ теченіе перваго года по зачисленіи въ строевой разрядъ. Но въ дѣйствительности казаки обмундировывались и снаряжались при самомъ выкомандированіи на службу въ полевыя части и войско принуждено было усиленно имъ въ этомъ дѣлѣ помогать, выдавая почти всѣмъ ремонтную дачу впередъ за годъ (21 руб, 45 коп.)

Въ Сибирскомъ войскѣ ко времени отдѣленія отъ него Семирѣченскаго такой порядокъ снаряженія сталъ, повидимому, обычнымъ и этотъ обычай пришлось по необходимости унаслѣдовать въ Семирѣченскомъ войскѣ.

Войсковой за 1867 годъ отчетъ, констатируя вышеизложенные факты, не объясняетъ однако ихъ причинъ. Но если мы вспомнимъ очерки быта и службы сибиряковъ, какъ у себя на родинѣ, такъ и въ Семирѣчьѣ, способъ ихъ переселенія сюда,—то причины эти будутъ понятны—бѣдность и разореніе казачьяго хозяйства,—что и въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу, какъ мы уже знаемъ, подтверждается тѣмъже и послѣдующими отчетами.

Съ первыхъ же лѣтъ самостоятельнаго существованія войска наказный атаманъ генералъ Колпаковскій примѣнилъ родъ мѣръ помощи и побужденіе казаковъ лучше снаряжаться на службу. Главное вниманіе было обращено на лошадей.

Казаки, кромѣ строевыхъ на каждаго, должны были имѣть еще и собственныхъ вьючныхъ—по одной на десять человѣкъ, На этихъ лошадяхъ они возили при передвиженіяхъ частей всѣ свои запасы и все то, что не могло быть помѣщено во вьюкѣ на верховыхъ лошадяхъ(48).

Многіе выходили на полевую службу не только безъ вьючныхъ лошадей, но даже и пѣшими; чтобы принудить казаковъ заводить лошадей, генералъ Колпаковскій приказалъ всѣхъ пѣшихъ назначить въ караулъ и на работу вмѣстѣ съ пѣхотой(67). Эта обидная для казачьяго самолюбія мѣра повидимому дала ожидаемый результатъ, такъ какъ, по заявле-

нію отчета за 1868 годъ,—пѣшіе или худоконные являлись уже „небольшимъ исключеніемъ".

Содержаніе на полевой службѣ строевыхъ лошадей являлось для казаковъ сравнительно легкимъ, ибо лошади довольствовались на казенный счетъ и такъ или иначе, но для хозяйства были потеряны на все время полевой службы; съ возвращеніемъ же на льготу этотъ вопросъ получалъ уже совершенно другое положеніе.

Состоящіе на льготѣ тоже были обязаны имѣть строевыхъ верховыхъ лошадей, т. е. другими словами, содержать ихъ на свой счетъ и не пользоваться ими, какъ рабочей силой въ хозяйствѣ, такъ какъ при невыполненіи послѣдняго условія строевая лошадь теряла достоинства верхового боевого коня. Выполненіе же этого условія было не подъ силу казакамъ, почему льготные нерѣдко при нуждѣ продавали своихъ строевыхъ лошадей, а наличныхъ всегда употребляли въ работу[115].

Почти до конца 1870 г. убыль на полевой службѣ казачьихъ лошадей, павшихъ или пришедшихъ въ негодность не по винѣ самихъ хозяевъ, пополнялась на войсковой счетъ уплатою 17 руб. 14 коп. за каждую, если только не представлялась возможность замѣны изъ военной добычи[48]; съ августа-же 1870 года, при тѣхъ-же условіяхъ, часть пополненія убыли принята на себя государственною казной; за лошадей, павшихъ, пришедшихъ въ негодность или отогнанныхъ непріятелемъ въ отрядахъ, командируемыхъ за войсковые предѣлы, уплата по 17 р. 14 коп. за лошадь производилась или изъ экстроординарныхъ суммъ командующаго войсками округа или изъ государственнаго казначейства, пополненіе-же убыли на войсковой территоріи оставлено на счету войскового капитала[116].

Въ 1871 году это вознагражденіе семирѣченскихъ казаковъ увеличено до размѣра годовой ремонтной дачи, т. е. до 21 руб 45 коп [117].

Все обмундированіе и часть снаряженія требовали матеріаловъ, не только непроизводившихся въ странѣ, но вслѣдствіе ничтожнаго развитія торговли даже, почти совершенно не бывшихъ здѣсь и въ продажѣ, а если и встрѣчавшихся, то по необыкновенно высокимъ цѣнамъ. Всѣ эти обстоятельства, въ связи съ извѣстнымъ намъ уже отсутствіемъ мастеровъ, ставили казаковъ въ большое затрудненіе, удорожали снаряженіе, которое вслѣдствіе этого обходилось болѣе чѣмъ вдвое дороже, сравнительно со стоимостью его въ казачьихъ войскахъ Европейской Россіи[8].

Система войсковыхъ запасныхъ магазиновъ уже по извѣстной намъ причинѣ не могла быть организована въ войскѣ, торговымъ-же обществомъ казаковъ генералъ Колпаковскій, какъ мы видѣли изъ очерка торговли, воспользоваться не пожелалъ, почему въ этомъ положеніи оставался одинъ только выходъ - выписка нужныхъ матеріаловъ изъ Европейской Россіи на войсковой счетъ, къ которой наказный атаманъ, въ концѣ концовъ, и долженъ былъ прибѣгнуть. Но расходъ для этой цѣли изъ войскового капитала, хотя и заимообразный, могъ быть произведенъ только съ разрѣшенія Военнаго Совѣта, а потому рѣшеніе вопроса слишкомъ затянулось и прошло въ законодательномъ порядкѣ только въ сентябрѣ 1876 года, когда и было разрѣшено заимствовать изъ войскового капитала ежегодно нужную сумму для выписки суконъ съ возвратомъ отъ лицъ, ими воспользовавшихся(118).

Послѣ выдачи послѣднихъ матеріаловъ, полученныхъ войскомъ въ складахъ 9 и 10 полковыхъ округовъ, и до 1877 г., когда могла состояться первая выписка суконъ, т. е. въ продолженіи 6 или 7 лѣтъ семирѣченскіе казаки должны были выносить на своихъ плечахъ произвольныя цѣны, пользовавшихся случаемъ немногихъ мѣстныхъ купцовъ. Такое невыгодное положеніе усугублялось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что безвозвратная помощь изъ войскового капитала не могла быть значительной, - а станичныхъ вспомогательныхъ капиталовъ, которые могли бы прійти въ этомъ случаѣ на помощь населенію, хотя-бы разсрочкой платежа, - тогда не существовало. Первымъ пробнымъ шагомъ въ дѣлѣ образованія такого капитала явилось постановленіе Военнаго Совѣта 23 марта 1877 года, которымъ было опредѣлено 4616 рублей 55 коп., ассигнованныхъ изъ государственнаго казначейства въ вознагражденіе казаковъ выселка Любовчаго (нынѣ ст. Каскеленская) за невыданный имъ послѣ переселенія въ 1862 году провіантъ, обратить полностью на образованіе въ этомъ выселкѣ особаго вспомогательнаго фонда именно для выдачи пособій при снаряженіи казаковъ на службу(119)

Но не смотря и на такое категорическое указаніе назначенія этой суммы, составлявшей къ тому же безусловную собственность Любовинскихъ казаковъ, генералъ Колпаковскій распорядился хранить ее безполезнымъ для казаковъ вкладомъ въ войсковомъ капиталѣ и никакихъ пособій изъ нея въ 1877, 1878 и 1879 годахъ никому не выдавалось(120); о дальнѣйшей судьбѣ этой суммы будетъ сказано-въ своемъ мѣстѣ ниже.

Прочное-же начало образованія станичныхъ вспомога-

тельныхъ капиталовъ въ войскѣ положено только 22 декабря 1880 года(121).

Денежное и все прочее довольствіе нижнихъ чиновъ.

Семирѣченскіе казаки получали жалованіе и все вообще довольствіе только за время дѣйствительнаго исполненія службы.

Размѣръ жалованія опредѣлялся штатомъ, приложеннымъ къ „основнымъ началамъ положенія“ о войскѣ 1867 г., которымъ опредѣлялось въ годъ: старшимъ урядникамъ и штабъ-трубачу 10 р. 65 к., младшимъ урядникамъ и трубачамъ 4 р. 80 к., приказнымъ и казакамъ 3 р. 45 к., медицинскимъ фельдшерамъ 33 р. 60 к. Кромѣ того, каждому изъ независимо отъ званія, полагались еще ремонтныя деньги по 21 р 45 к въ годъ, имѣвшія назначеніе собственно поддерживать только въ исправности, во время дѣйствительной службы, обмундированіе и снаряженіе нижнихъ чиновъ. Размѣръ ремонтныхъ денегъ былъ установленъ еще для Сибирскаго казачьяго войска 21 ноября 1859 г. при частичномъ измѣненіи „положенія“ 1846 г. и съ тѣхъ поръ оставался неизмѣненнымъ(122).

Основныя начала положенія“*) точно устанавливали, что относительно содержанія отъ казны Семирѣченское войско руководствуется „положеніемъ“ о Сибирскомъ казачьемъ войскѣ 1861 г., которымъ опредѣлялось (§ 81) довольствіе казаковъ на полевой службѣ въ слѣдующемъ видѣ: дача крупы и муки наравнѣ съ регулярными войсками, приварочныя деньги по 9 р. въ годъ каждому; фуражъ на строевыхъ лошадей натурою или деньгами, по утвержденнымъ цѣнамъ, на 10 мѣсяцевъ въ году, при чемъ на сѣно назначалось неизмѣнно по 7 к. за пудъ; вьючныя лошади получали довольствіе одинаковое съ подъемными лошадьми регулярныхъ частей; на ковку и леченіе строевыхъ лошадей отпускалось по 60 к. серебромъ въ годъ на каждую.

15 іюня 1868 г. были утверждены временныя правила о порядкѣ довольствія казачьихъ лошадей въ Туркестанскомъ краѣ, которыми полевыя части Семирѣченскаго войска руководились во весь разсматриваемый періодъ времени(123).

Основная идея этихъ правилъ на столько шла въ разрѣзъ съ обычнымъ, годъ отъ году усиливавшимся, стремленіемъ правительства внести въ казачьи части духъ и складъ регулярныхъ войскъ, что самыя правила заслуживаютъ ис-

---

*) § 11 по тексту, объявленному въ приказѣ Сибир. к. войску.

ключительнаго вниманія, особенно при условіи исполненія ихъ офицерами регулярныхъ войскъ, начавшими заполнять къ тому времени командный составъ Семирѣченскаго войска.

Самый фактъ изданія ниже излагаемыхъ правилъ свидѣтельствуетъ объ искреннемъ желаніи правительства прійти на помощь казакамъ—поступившись даже въ извѣстной мѣрѣ дисциплиной,—поставить фуражныя суммы подъ непосредственный контроль самихъ казаковъ и тѣмъ защитить отъ употребленія не по назначенію фуражную экономію, считавшуюся тогда въ казачьихъ частяхъ не принадлежностью части, какъ хозяйственной единицы, а личною собственностью казаковъ.

По этимъ правиламъ каждая сотня или полусотня составляла отдѣльную, самостоятельную, артель, выбиравшую изъ своей среды одного старшаго и четырехъ младшихъ артельщиковъ-фуражировъ*). Фуражиры, избиравшіеся черезъ каждые 4 мѣсяца, покупали и выдавали сотнѣ фуражъ, а точно такъ же въ деньгахъ и фуражѣ вели отчетность, которая какъ и наличный фуражъ и деньги, ежемѣсячно непремѣнно въ присутствіи одного изъ старшихъ урядниковъ, дежурнаго по сотнѣ и наличныхъ фуражировъ, повѣрялась командиромъ сотни; результатъ повѣрки вписывался въ фуражную книгу „за подписомъ всѣхъ повѣрявшихъ"; затѣмъ отчетность возвращалась старшему фуражиру, а деньги „командиру сотни на храненіе"; т. е. по смыслу правилъ и самъ командиръ сотни обязывался предъявлять къ повѣркѣ всю имѣвшуюся въ сотнѣ денежную фуражную сумму которая представителями артели, по провѣркѣ, возвращалась ему на храненіе.

Разница утвержденныхъ приказомъ по округу цѣнъ съ дѣйствительными, рыночными, давала очень часто значительную экономію, составлявшую безусловную собственность всей артели, которая расходовала ее по своему усмотрѣнію, оформленному въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приговоромъ за подписомъ всѣхъ членовъ артели и утвержденнымъ командиромъ сотни. Экономія прежде всего расходовалась: на покупку лошадей тѣмъ казакамъ, которые за своихъ погибшихъ или пришедшихъ въ негодность лошадей не имѣли права получить вознагражденіе отъ казны, войска или изъ экстраординарныхъ суммъ командующаго войсками округа; на заимообразныя выдачи имѣвшимъ право на такое вознагражденіе, но не получившимъ его совершенно; на пособіе, какъ отдѣль

*) Избраніе урядниковъ до измѣненія правилъ впослѣдствіе—запрещалось.

нымъ членамъ, такъ и всей артели, а затѣмъ и на всѣ другія надобности сотни, настоятельная необходимость которыхъ должна была быть точно указана въ приговорѣ.

Увольняемые на льготу или переводимые въ другія сотни казаки получали свою долю на руки а расформировываемая сотня дѣлила наличную экономію между своими членами; въ случаяхъ смерти членовъ артели ихъ доля выдавалась наслѣдникамъ. Растрата фуражировъ пополнялась изъ ихъ доли, а въ случаяхъ недостатка ея—изъ доли всей артели. Такимъ образомъ, въ сущности, командиръ являлся только сдерживающимъ контролеромъ и казначеемъ артели, ежемѣсячно повѣряемымъ ею въ отношеніи цѣлости денегъ. Онъ безъ согласія артели не могъ произвести никакого расхода, какъ бы онъ, по его мнѣнію, не былъ нуженъ.

Отпуска денегъ на хозяйственныя надобности тогда не производилось, а потому всѣ побочные расходы по внутреннему благоустройству сотни, какъ отдѣльной части, цѣликомъ ложились на фуражную экономію. Внутреннее благостройство требовалось старшимъ начальствомъ неукоснительно, за него отвѣчалъ командиръ сотни, а на это благоустройство дружная артель нелюбимому командиру всегда могла не дать приговора, дѣйствуя въ такихъ случаяхъ совершенно легально и пассивно. Расходъ-же экономіи, не оправданный приговоромъ —считался растратой, т. е. грозилъ командиру отвѣтственностью по суду.

Такимъ образомъ, дружная и сознательная артель всегда могла имѣть сильное сдерживающее вліяніе на командира, удерживая его командную волю въ рамкахъ права и закона и приводя его къ признанію человѣческаго достоинства въ подчиненныхъ ему нижнихъ чинахъ.

Въ 1871 году были утверждены, а съ начала 1872 года введены въ дѣйствіе положеніе и табели о провіантскомъ, и фуражномъ довольствіяхъ установившія нынѣ существующія дачи(124)

Усиленное довольствіе крупою, въ размѣрѣ 48 золотниковъ въ сутки на человѣка, и винными порціями, по 1 ½ чарки въ недѣлю или вмѣсто вина чаемъ, опредѣленное приведеннымъ „положеніемъ" для всего Туркестана, за исключеніемъ Семирѣченской области, было распространено на эту область только въ 1877 году(125).

5 февраля 1876 года состоялось Высочайшее повелѣніе: нижнимъ чинамъ казачьихъ войскъ, увольняемымъ съ полевой службы вслѣдствіе потери зрѣнія, — выдавать изъ государственной казны въ единовременное пособіе каждому потеряв-

шему зрѣніе на оба глаза по 40 рублей, а на одинъ по 20 рублей(126).

Офицерскій составъ войска, его происхожденіе, служба, содержаніе, земельные надѣлы и проч.

Происхожденіе офицерскаго состава въ войскѣ.

Семирѣченское казачье войско свой офицерскій составъ, какъ и все первоначальное населеніе, получило изъ Сибирскаго, которое дало ему то, что у него было въ 9 и 10 полковыхъ округахъ ко времени ихъ отдѣленія(67).

Офицеры, такъ-же какъ и казаки, выселялись сюда изъ разныхъ полковъ по собственному желанію и по назначенію. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что переселившіеся по собственному желанію составили ничтожный процентъ, огромное-же большинство перешло въ Симирѣчье по приказанію. Едва-ли будетъ ошибкой предположить, какъ убѣдимся ниже, что начальство разныхъ сибирскихъ полковъ, давшихъ Семирѣчью офицерскій контингентъ, не воспользовалось случаемъ сбыть въ 9 и 10 округа весь свой ненадежный элементъ.

Опредѣляя качественный цензъ перваго состава офицеровъ Семирѣченскаго войска, мы прежде всего наталкиваемся на безпощадный отзывъ о немъ генерала Колпаковскаго во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1867 годъ.

Примѣняя здѣсь твердо установленный выводъ исторіи, что причины всѣхъ недостатковъ даннаго настоящаго лежатъ въ прошломъ и не приводя здѣсь, въ началѣ статьи, упомянутаго отзыва, предварительно бросимъ бѣглый взглядъ на историческое прошлое офицерской корпораціи въ Сибирскомъ войскѣ.

Краткій очеркъ этого прошлаго, помимо объясненія нижеприводимаго отзыва Колпаковскаго, необходимъ еще и для болѣе полнаго уясненія истинныхъ причинъ послѣдовавшихъ событій въ жизни семирѣченскаго офицерскаго состава.

Не разъ уже упомянутый выше докладъ графа Аракчеева, извѣстный подъ названіемъ „положенія 1808 года“, утвержденный Императоромъ Александромъ I, не удѣляетъ особаго вниманія классу „чиновниковъ“ Сибирскаго войска Это „положеніе“ опредѣляетъ прежде всего, что „всѣ чины Сибирскаго линейнаго войска, сообразно Оренбургскому, должны продолжать службу доколѣ въ силахъ и для того не полагается опредѣленнаго на отставку срока, а представлять (къ

отставкѣ) не иначе какъ единственно по старости и дряхлости, или-же по болѣзнямъ и увѣчьямъ совершенно къ продолженію службы не способныхъ."

Затѣмъ, опредѣляя положеніе отставныхъ, этихъ старыхъ и дряхлыхъ, больныхъ или увѣчныхъ говоритъ: „вышедшихъ въ отставку чиновъ Сибирскаго линейнаго войска считать въ томъ-же войскѣ, *безъ всякаго однако казеннаго ихъ содержанія*..... отставнымъ *позволить пользоваться землями, дабы они могли имѣть пропитаніе*". Послѣ этого, обращаясь къ опредѣленію правъ и преимуществъ „чиновниковъ" на службѣ, постановляетъ: „чиновникамъ" Сибирскаго линейнаго войска, кромѣ тѣхъ, кои настоящими армейскими чинами по особымъ указамъ пожалованы или впредь жалуемы будутъ, во всякихъ случаяхъ въ офицерскія должности по службѣ употребляемыхъ, хотя дѣйствительныхъ офицерскихъ противъ армейскихъ чиновъ и не имѣть, однако-жъ, въ должное уваженіе службы, признавать и принимать ихъ прилично чину офицерскому, соотвѣтственно чему и въ налагаемыхъ на нихъ за вины штрафахъ поступать такъ, какъ объ оберъ-офицерскихъ (регулярныхъ) установлено, доколѣ въ сихъ званіяхъ пребываютъ". Раздѣливъ, такимъ образомъ, чины офицеровъ на дѣйствительные и недѣйствительные и освободивъ, наконецъ, сибирскихъ казачьихъ офицеровъ отъ тѣлесныхъ наказаній, „положеніе" 1803 года опредѣляетъ постановить правиломъ, по примѣру другихъ казачьихъ войскъ, чтобы и въ Сибирскомъ „имѣли право заступать мѣста офицерскія одни выслужившіе изъ среды его чиновники, а не сторонніе".

Созданное этимъ докладомъ графа Аракчеева положеніе для сибирскихъ казачьихъ офицеровъ прекрасно иллюстрируется однимъ изъ донесеній генерала Вельяминова*). который, пояснивъ въ немъ для сравненія, что офицеры другихъ казачьихъ войскъ, отбывъ свою очередь на службѣ, возвращаются къ себѣ домой уже исключительно для занятій сельскимъ хозяйствомъ и не наряжаются вновь на службу иногда по 10 и болѣе лѣтъ, о сибирскихъ офицерахъ говоритъ, что они, „служа безпрерывно и не зная никакой очереди, ежечасно готовы по первому приказу на службу или въ походъ, куда бы то не было; а штатомъ 1803 года и срока службы имъ не полагается..... они, служа тамъ, гдѣ укажетъ необходимость, не знаютъ домовъ своихъ. Жалованіе получаютъ по штату 1808 года и прослужа, такъ сказать, всю молодость

*) Съ 1824 по 1834 годъ командиръ отд. сибир. корпуса и генер.-губ. Зап. Сибири.

большею частью въ отлученіи отъ домовъ своихъ, при старости и дряхлости своей увольняются уже, какъ неспособные и слѣдовательно ненужные службѣ, въ отставку безъ всякаго права на пенсію, единственную подпору и надежду служащихъ и *тогда нищета* и лишеніе правъ офицерскаго званія *остаются или въ наслѣдіе*(127).

Очевидно, что при подобныхъ условіяхъ службы, а особенно при сознаніи, что когда онъ на закатѣ дней своихъ лишится даже мизернаго содержанія, получаемаго на службѣ, его стараго и дряхлаго, неспособнаго къ труду,—ждетъ нищета, офицеръ, состоя на службѣ, особенно заботился обезпечить грядущую старость. Въ его положеніи не было средствъ и возможности заработать или сберечь что нибудь, а угроза нищеты въ будущемъ была настолько реальна, что невольно заставляла имѣть „невѣрный взглядъ" на военную добычу и обращавшіяся въ рукахъ казенныя деньги

Такимъ образомъ, постепенно офицеръ нравственно падалъ, а паденіе нравственное неизбѣжно влекло за собой и недостатки служебные, которые съ теченіемъ времени такъ развились, что, вѣроятно, явились одною изъ побудительныхъ причинъ не только не включить въ „положеніе" 1846 года правило доклада графа Аракчеева- имѣть офицерами исключительно лицъ казачьяго сословія,—но даже точно опредѣлить—на какія именно служебныя должности назначить въ Сибирскомъ войскѣ офицеровъ изъ регулярныхъ войскъ, т. е стороннихъ.

„Положеніе" 1846 года посвѣщаетъ корпораціи офицеровъ уже цѣлый рядъ статей

Начавшееся еще до 1808 года выдѣленіе офицерскаго состава изъ общей массы сибирскаго казачества въ особую корпорацію, до нѣкоторой степени привиллегированную уже приведеннымъ докладомъ графа Аракчеева, къ 1846 году рѣшено закончить, обособивъ офицеровъ и раздѣливъ ихъ на двѣ категоріи

Прежде всего „положеніемъ" 1846 года опредѣляется, что офицеры войскового сословія могутъ занимать должности младше командира полка и командирами полковъ могутъ быть назначаемы уже только въ исключеніе изъ общаго правила, съ Высочайшаго соизволенія, по особому представленію командира отдѣльнаго Сибирскаго корпуса.

Разсматриваемымъ „положеніемъ" офицерамъ регулярныхъ войскъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ казачествомъ, не знавшимъ ни его духа, ни традицій, былъ открытъ свободный и широкій доступъ. Эти офицеры, попадая въ Сибирское войско, занимали въ немъ доминирующее положеніе, какъ

по обладанію „дѣйствительными "чинами, такъ и по представленному имъ „положеніемъ" 1846 года, исключительному праву занимать всѣ высшія въ войскѣ служебныя должности. Офицеры-же казаки оказались постепенно въ непосредственномъ подчиненіи офицерамъ изъ регулярныхъ войскъ, которые, занимая особое привиллегированное въ войскѣ положеніе и происходя преимущественно изъ дворянства Европейской Россіи съ его крѣпостническими взглядами и традиціями, конечно не могли смотрѣть, какъ на равныхъ себѣ, на офицеровъ войскового сословія и особенно на заурядъ-офицеровъ

Такимъ образомъ офицеры-казаки оказались въ офицерской средѣ Сибирскаго войска въ положеніи парій, чему содѣйствовала еще и разница въ содержаніи и пенсіяхъ: регулярные получали содержаніе большее, казаки—значительно меньшее, первые имѣли право на пенсію, вторые—нѣтъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ „положеніе" 1846 года внесло и извѣстное облегченіе въ службѣ, срокъ которой былъ назначенъ въ 25 лѣтъ, послѣ чего офицеръ получалъ право выйти въ отставку.

Отставные при извѣстныхъ условіяхъ награждались чиномъ и мундиромъ, но пенсіи, совсѣмъ незначительныя однако, получали изъ нихъ только раненые въ сраженіяхъ или дѣлахъ съ киргизами. Всѣ-же остальные должны были жить на свои сбереженія, сдѣланныя за время службы и доходомъ съ земли.

Могли-ли быть велики эти сбереженія, если офицеры войскового сословія получали содержаніе изъ слѣдующихъ окладовъ въ годъ:([128])

На службѣ въ расположеніи войска и внутри Имперіи.			Въ киргиз. степи при удаленіи болѣе 100 верстъ отъ своихъ жилищъ.				
	Руб.	К.				Руб.	К.
Полковникъ . . .	321	—	—	—	—	620	—
Подполковникъ . .	215	—	—	—	—	416	—
Войсковой старш. .	165	—	—	—	—	318	—
Есаулъ	123		—	—	—	237	—
Сотникъ	88	80	—	—	—	171	—
Хорунжій	71	55	—	—	—	138	—

Мѣра земельному надѣлу по положенію 1846 года опредѣлялась: штабъ-офицерамъ въ 400 десятинъ, а оберъ-офицерамъ въ 200 — надѣлъ по количеству достаточный, но если вспомнимъ, что даже предъ самымъ открытіемъ сибирскаго желѣзно-дорожнаго пути арендная плата во многихъ мѣстностяхъ Западной Сибири часто не достигала и рубля въ годъ съ десятины, то каковъ-же былъ этотъ доходъ тогда въ 40-хъ и 50-тыхъ годахъ?! Здѣсь еще нужно имѣть въ виду, что до 70 тыхъ годовъ, поселяемые въ Семирѣчьѣ офицеры и совсѣмъ не получали, какъ увидимъ ниже, этихъ увеличенныхъ надѣловъ земли.

Такимъ образомъ, къ моменту начала колонизаціи Семирѣчья и даже ко времени введенія „положенія“ 1861 года, условія, при которыхъ создавался типъ сибирскаго казачьяго офицера, почти совсѣмъ незамѣтно разнились отъ условій первой четверти XIX вѣка, такъ какъ увеличеніе на ⅓ содержанія офицерамъ войскового сословія въ 1856 году, за счетъ войскового капитала,([129]) при наличности ничтожной доходности земли, отсутствіи пенсій и раздѣленія офицерской среды на два лагеря — едвали могло повліять благотворно на экономическую обстановку, а съ нею на нравственный обликъ и служебныя качества сибирскаго казачьяго офицера.

Помимо этихъ основныхъ условій быта, существовали еще и другія, имѣвшія тоже не маловажное значеніе въ интелектуальномъ и экономическомъ отношеніяхъ: комплектованіе, постоянная служба въ киргизской степи, вдали отъ возможной культурной жизни, постоянное житье по станицамъ и, наконецъ, обязательныя переселенія съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ движенія границы впередъ.

Тяжелое вліяніе трехъ послѣднихъ условій понятно само собой и не требуетъ комментарій, но комплектованіе представляетъ условіе особаго порядка, на которомъ необходимо остановиться.

Комплектованіе офицерскаго состава производилось главнымъ образомъ производствомъ изъ урядниковъ за выслугу лѣтъ. Срокъ производства въ офицеры опредѣлялся происхожденіемъ: дѣти простыхъ казаковъ производились въ хорунжіе на вакансіи по выслугѣ 12 лѣтъ, дѣти же дворянъ черезъ 4 года([130]), а съ введеніемъ въ дѣйствіе „положенія“ 1846 г. — черезъ два года.

Здѣсь нужно замѣтить, что вопросъ о правѣ на дворянство чиновъ Сибирскаго войска былъ окончательно выясненъ только закономъ 23 февраля 1848 года([131]), которымъ было признано, что въ казачьихъ войскахъ, не имѣющихъ "сравне-

нія въ чинахъ съ войсками регулярными: Сибирскомъ, Азовскомъ и Дунайскомъ, къ потомственному дворянству причисляются всѣ: пожалованные этимъ дворянствомъ по особому усмотрѣнію Самодержавной власти, получившіе дѣйствительные армейскіе чины до манифеста 11 іюня 1845 года — съ Высочайшаго утвержденія; дослужившіеся по порядку службы до чина полковника или получившіе „дѣйствительный" чинъ войскового старшины за военныя подвиги и, наконецъ, „пожалованные россійскимъ орденомъ съ ограниченіемъ, постановленнымъ въ ст. 47 законовъ о состояніяхъ". Личное-же дворянство въ казачьихъ войскахъ, не имѣющихъ сравненія съ регулярными, пріобрѣтаются по достиженіи чина заурядъ-есаула, — въ прочихъ — при производствѣ въ хорунжіе. Но именнымъ указомъ 14 декабря 1852 г. Императоръ Николай I призналъ, что „получившіе на дѣйствительной военной службѣ штабъ офицерскіе чины каковы суть: а) маіоръ, а въ войскахъ иррегулярныхъ войсковой старшина, б) *подполковника* и в) *полковника* — *пользуются* на основаніи ст. 19 Свода Зак о сост. т. IX по VI-му продолженію *правомъ потомственнаго дворянства*[132]".

Такимъ образомъ, корпорація сибирскихъ казачьихъ офицеровъ, помимо прилива въ ея составъ изъ регулярныхъ войскъ, слагалась изъ дѣтей дворянъ и дѣтей простыхъ казаковъ, между которыми разница была не въ происхожденіи только, но въ воспитаніи и образованіи.

Дѣти дворянъ воспитывались въ войсковомъ училищѣ, представлявшемъ родъ средне-учебнаго заведенія[127], переименованномъ и переорганизованномъ въ концѣ 1845 года въ сибирскій кадетскій корпусъ[133], куда получали доступъ, даже изъ офицерскихъ дѣтей, только тѣ, отцы которыхъ имѣли дѣйствительные, а не заурядъ чины[133]. Сыновьямъ же заурядъ — офицеровъ и простыхъ казаковъ, по положенію 1846 г., предоставлялись сотенныя школы съ ихъ программою кантонистскихъ эскадроновъ и съ учительскимъ персоналомъ „изъ урядниковъ хорошей нравственности и знающихъ свое дѣло" (§§ 324—329). Поэтому сыновьямъ заурядъ-офицеровъ, не говоря уже о простыхъ казакахъ, былъ отрѣзанъ доступъ къ полученію лучшаго, по тому времени, воспитанія и военнаго образованія, почему даже и въ средѣ самихъ офицеровъ войскового сословія создавалось подраздѣленіе по воспитанію, образованію и направленію еще на два отдѣльныхъ лагеря, что, въ свою очередь, не могло не отразиться на положеніе заурядъ-офицеровъ въ нравственномъ и служебномъ отношеніяхъ

Хотя производство въ заурядъ-офицеры и было прекращено въ 1850 году(134), но осталось производство въ офицеры урядниковъ по выслугѣ опредѣленнаго числа лѣтъ и по выдержаніи незначительнаго экзамена(135), что, въ сущности, нисколько не измѣняло положенія дѣла.

При такихъ-то условіяхъ сибирскіе офицеры, во главѣ своихъ казаковъ, явились выполнить задачу занятія и колонизаціи Семирѣчья

Съ 1847 года начинается переселеніе офицеровъ и казаковъ на территорію нынѣшняго Семирѣченскаго войска—въ Аягузъ, но переселеніе сюда, по своимъ размѣрамъ, какъ мы уже знаемъ, было незначительно. Затѣмъ состоялось Высочайшее повелѣніе—приступить къ переселенію весною 1848 года на р Копалъ двухъ сотенъ 9 полка, вслѣдствіе чего штабъ отдѣльнаго сибирскаго корпуса 26 февраля 1848 г. предписалъ и. д. наказнаго атамана: „опредѣленное по штату число офицеровъ назначить изъ того же 9 полка по вашему усмотрѣнію, а въ случаѣ недостатка—изъ 8-го, преимущественно *такихъ, которые могли-бы построить тамъ дома, завестись хозяйствомъ* и имѣли-бы способности къ командованію частями". Относительно-же помощи переселяемымъ было указано, что назначенные къ переселенію въ 1848 году офицеры, какъ и въ 1847 году, должны получать жалованіе по усиленнымъ окладамъ въ теченіе трехъ лѣтъ(136).

Далѣе, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 8 февраля 1854 года тотъ-же штабъ 13 марта 1854 года предписалъ наказному атаману, что для образованія новыхъ поселеній въ Семирѣченскомъ и Заилійскомъ краѣ, вмѣстѣ съ назначенными для этой цѣли казаками, избрать и отправить офицеровъ изъ полковъ по его усмотрѣнію, но *такихъ, которые могли-бы построить тамъ дома, обзавестись хозяйствомъ* и имѣли-бы нужныя способности къ командованію отдѣльными частями. Въ пособіе при этомъ переселеніи было уже назначено: единовремено по 100 руб. каждому, жалованіе по усиленнымъ окладамъ и фуражное довольствіе въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ(137).

Тотъ-же самый характеръ носитъ и дополнительное переселеніе 1857-го и слѣд. годовъ, но только съ тою разницей, что офицеры этого періода были лишены усиленныхъ окладовъ содержанія и на льготѣ фуражныхъ денегъ(138).

Такимъ образомъ весь контингентъ переселенныхъ въ Семирѣчье офицеровъ состоялъ преимущественно изъ казаковъ, какъ болѣе способныхъ обзавестись хозяйствомъ при мѣстныхъ условіяхъ въ колонизуемой странѣ.

Каково-же ихъ было здѣсь положеніе? Мы уже знаемъ въ какомъ именно положеніи находились казаки—положеніе офицеровъ ничѣмъ не отличалось, такъ какъ всѣ условія жизни были одни и тѣ-же и для офицеровъ могли измѣниться до нѣкоторой степени къ лучшему только въ томъ отношеніи, что они имѣли опредѣленное денежное содержаніе но въ той странѣ, гдѣ нѣтъ ни торговли, ни промышленности, ни путей сообщенія—деньги не могли быть такъ всесильны, какъ во всякой другой, болѣе культурной странѣ.

За періодъ колонизаціи Семирѣчья совершились нѣкоторыя измѣненія въ обстановкѣ службы сибирскихъ офицеровъ. Въ этомъ отношеніи особенно богатъ былъ измѣненіями къ лучшему 1861 г. Съ 1-го января этого года содержаніе офицеровъ войскового сословія увеличено до окладовъ армейской кавалеріи по табели 28 февраля 1841 года, при чемъ добавка была отнесена на счетъ войскового капитала[139]; повелѣно для образованія сыновей офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ каждомъ полковомъ округѣ учредить окружныя училища, а въ станицахъ—станичныя школы[139], установлено право офицеровъ на краткосрочные отпуски во время службы и внесено еще то важное дополненіе, которое впослѣдствіе однако не было распространено на семирѣченскихъ офицеровъ, что: „штабъ и оберъ-офицерамъ, остающимся въ расположеніи войска свободными отъ очередныхъ нарядовъ на службу, сохраняется присвоенное имъ на дѣйствительной службѣ жалованье, впредь до окончательнаго надѣла ихъ поземельнымъ довольствіемъ[139].

Обративъ вниманіе на положеніе льготныхъ офицеровъ, правительство по попрежнему обязывало ихъ жить непремѣнно въ районѣ своего войска, разрѣшивъ имъ свободное избраніе мѣста жительства только 13 іюля 1868 года[140]; право-же исключенія изъ войскового сословія и освобожденіе отъ обязательной службы въ теченіи всѣхъ 25 лѣтъ было представлено еще годомъ позже[141].

Изъ этого краткаго историческаго очерка мы видимъ: во 1-хъ—что офицерскій составъ сибирскаго казачьяго войска пополнялся приливомъ офицеровъ регулярныхъ войскъ выпускали изъ войскового училища, потомъ сибирскаго казачьяго корпуса и, главнымъ образомъ, производствомъ за выслугу опредѣленнаго числа лѣтъ, по выдержаніи незначительнаго экзамена, заурядъ-офицерскихъ и казачьихъ сыновей—почему общій уровень развитія всей корпораціи не могъ

быть высокъ. Во 2-хъ—матеріальное положеніе офицеровъ на службѣ, особенно до 1861 года, являлось малообезпеченнымъ, а въ отставкѣ за весь разсмотрѣнный періодъ времени и совсѣмъ не обезпеченнымъ, неизбѣжныя послѣдствія чего уже изложены выше. Въ 3-хъ—„положеніе“ 1846 года внесло въ офицерскую среду раздѣленіе на три лагеря или партіи, что естественно развивало между ними глубокую вражду, исключавшую извѣстную солидарность, а съ нею и необходимую нравственную поддержку товарищества въ смыслѣ благотворнаго вліянія на отдѣльныхъ членовъ корпораціи Въ 4-хъ—обязательныя переселенія, разоряя офицерское хозяйство, долженствовавшее, по мысли правительства, восполнять недостатокъ казеннаго содержанія, ставили офицеровъ въ то же положеніе и съ тѣми-же самыми послѣдствіями, которыя имѣли мѣсто въ отношеніи казаковъ, что уже подробно изложено въ своемъ мѣстѣ выше. Въ 5-хъ - дополненіе недостаточности казеннаго содержанія земельнымъ надѣломъ ставило офицера въ необходимость вести сельское хозяйство, что, при мѣстныхъ условіяхъ и наличности въ Сибирскомъ войскѣ краткосрочной льготы или даже полнаго ея отсутствія, представляясь совсѣмъ не выгоднымъ или невозможнымъ, создавало, однако во всякомъ случаѣ, непримиримую двойственность положенія: офицеръ долженъ былъ быть одновременно и офицеромъ и сельскимъ хозяиномъ, тогда какъ тотъ и другой родъ дѣятельности, въ свой сущности, таковы, что каждый изъ нихъ для достиженія въ ихъ сферѣ удовлетворительныхъ результатовъ требуетъ посвященія себѣ всего времени и вниманія человѣка. Наконецъ въ 6-хъ—обязательная служба, отсутствіе права выхода изъ войскового сословія и лишеніе льготныхъ офицеровъ права свободнаго избранія мѣста жительства, а вмѣстѣ съ этимъ и избраніе рода занятій, порождали апатію къ дѣлу и къ самосовершенствованію.

Только совокупностью и продолжительнымъ взаимодѣйствіемъ всѣхъ приведенныхъ условій и можно объяснить тотъ печальный фактъ, констатируемый съ безпощадной прямотой генераломъ Колпаковскимъ въ его первомъ всеподданнѣйшимъ отчетѣ о состояніи Семирѣченскаго войска за № 1867 г., что: „изъ 36 офицеровъ, приказомъ по Сибирскому к. войску отъ 25-го августа 1867 года, перечисленныхъ въ Семирѣченское, только 14 человѣкъ хорошо аттестованны своимъ бывшимъ начальствомъ; изъ остальныхъ (22-хъ): 8 засвидѣтельствованы какъ сильно пьющіе, 4 находятся подъ судомъ.....„ 1 въ домѣ умалишенныхъ, остальные (9) отмѣчены, какъ требующіе побужденій и постояннаго надзора“, т. е. офицеровъ, удовлетво-

рявшихъ въ извѣстной степени своему назначенію изъ всего наличнаго состава было только немного болѣе 1/3.

Комплектованіе офицерскаго состава въ Семирѣченскомъ войскѣ.

Организація войска на иныхъ началахъ чѣмъ въ Сибирскомъ, предстоявшее умиротвореніе страны и годъ отъ году сгущавшіяся тучи на политическомъ горизонтѣ внѣшнихъ границъ области требовали людей дѣльныхъ и энергичныхъ, особенно при условіи почти постояннаго исполненія казачьими частями отдѣльныхъ порученій по умиротворенію, наказанію и преслѣдованію волновавшихся на границахъ кочевниковъ и по удержанію старавшихся не потерять свое вліяніе въ Иссыкъ-кульскомъ, Нарынскомъ и при Чуйскомъ краѣ коканцевъ.

Что-же было дѣлать мѣстной власти съ охарактеризованнымъ выше офицерскимъ составомъ войска? Очевидно, выходъ былъ одинъ—замѣнить его большую часть;—и генералъ Колпаковскій, оставивъ нежелательный контингентъ офицеровъ на льготѣ, широко воспользовался правомъ пріема на службу въ войско офицеровъ изъ регулярныхъ войскъ, не только изъ конницы, но и изъ пѣхоты, мѣстныхъ и инженерныхъ войскъ, корпуса военныхъ топографовъ, милиціи и даже изъ гражданскихъ чиновниковъ([142]).

Вслѣдствіе примѣненія такихъ мѣръ, вначалѣ Семирѣченское войско испытывало большой недостатокъ въ офицерахъ, но съ развитіемъ военныхъ дѣйствій въ Туркестанскомъ округѣ служба въ войскѣ явилась желательной для многихъ офицеровъ регулярныхъ войскъ Европейской Россіи

Въ 1875 г. въ Семирѣченскомъ войскѣ наблюдается уже слѣдующее явленіе: офицеровъ войскового сословія осталось только 14, а 25 было уже изъ регулярныхъ войскъ([29]), т. е. за 8 лѣтъ самостоятельнаго существованія войска—весь неудовлетворительный элементъ бывшихъ сибирскихъ офицеровъ исчезъ и офицерскій составъ молодого войска явился почти на 2/3 обновленнымъ. Чему-же слѣдовало приписать такую сравнительно быструю замѣну и было-ли войско отъ нея въ выигрышѣ?

Отчетъ о состояніи Семирѣченскаго войска за 1875 г. по этимъ вопросамъ даетъ достаточно опредѣленный отвѣтъ: „регулярный элементъ офицеровъ имѣлъ и свою невыгодную сторону; большинство изъ нихъ, прослужа обязательный 3-хъ лѣтній срокъ или получивъ все, что можно было получить отъ службы въ Туркестанскомъ краѣ, богатомъ военными дѣлами, перемѣняли родъ службы и выходили изъ войска,

уступая мѣсто другимъ, что, конечно, не могло не отражаться вредно на общемъ духѣ военнаго воспитанія казаковъ".

Если-же при оцѣнкѣ этого отзыва принять во вниманіе, что съ 1867-го по 1880 годъ постороннихъ офицеровъ поступило въ войско 72(142) и въ тотъ-же періодъ времени изъ нихъ постепенно ушло 47(143), а отчетъ за 1875 г. составленъ лицомъ по непосредственному избранію генерала Колпаковскаго (144), иниціатора замѣны офицерскаго состава въ войскѣ, и имъ въ извѣстной степени корректированъ(144), то станетъ понятнымъ, что вредное вліяніе безпрестанно перемѣнявшагося состава офицеровъ распространялось далеко не на одно военное воспитаніе казаковъ, особенно при условіи наплыва въ войско офицеровъ, положительно ничего общаго съ казачествомъ не имѣвшихъ, незнакомыхъ не только съ бытомъ или жизнью казаковъ, но даже и съ ихъ службою, искавшихъ здѣсь только военныхъ отличій и усиленныхъ окладовъ содержанія.

Этому наплыву ничѣмъ не заинтересованныхъ въ войскѣ лицъ косвенно способствовало еще и то обстоятельство, что окончившіе курсъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ семирѣченскіе казаки, пользуясь правомъ исключенія изъ войскового сословія(141), иногда выходили прямо въ регулярныя войска, гдѣ на службѣ и въ отставкѣ они пользовались лучшимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ(145).

Въ изслѣдуемый-же періодъ времени созрѣла и идея юнкерскихъ училищъ, которыя открывались первоначально только для регулярныхъ войскъ, а съ 1867 г. ихъ система была примѣнена и для казаковъ.

Первымъ было открыто въ 1867—8 году Оренбургское смѣшанное юнкерское училище для войскъ Оренбургскаго, Туркестанскаго и Зап.-Сибирскаго военныхъ округовъ, состоявшее до 1878 г.(146) изъ роты пѣхотныхъ юнкеровъ и конной сотни въ 120 урядниковъ Оренбургскаго, Уральскаго, Сибирскаго и Семирѣченскаго казачьихъ войскъ, а послѣ изъ однихъ казаковъ.

Въ это училище, первоначально, допускались только сыновья офицеровъ, независимо отъ ихъ сословнаго положенія. Училище содержалось на счетъ государственнаго казначейства и заинтересованныхъ казачьихъ войскъ, при чемъ на войсковые капиталы, пропорціонально числу урядничьихъ въ училищѣ вакансій, было отнесено $^3/_5$ всѣхъ расходовъ по его открытію и содержанію(147).

Семирѣченскому войску въ Оренбургскомъ юнкерскомъ училищѣ первоначально было предоставлено 5 вакансій(148),

число которыхъ въ 1877 году было увеличено до 7-ми(149), а въ слѣдующемъ году до 12-ти(146).

Урядники, учившіеся въ училищѣ и переименованные въ 1870 году въ юнкера(150), имѣли обмундированіе, часть оружія и пѣшее снаряженіе собственное, почему имъ было сохранено право на полученіе ремонтныхъ денегъ(151).

Окончившіе курсъ выпускались въ свои войска со званіемъ портупей-урядниковъ, а потомъ портупей-юнкеровъ и получали въ Семирѣчьѣ 150 руб. въ годъ жалованія(152), къ которому добавлялись еще ремонтныя деньги 21 руб. 45 к. въ годъ и все безъ исключенія довольствіе нижнихъ чиновъ(153). При производствѣ въ офицеры на полевой службѣ имъ выдавалось изъ войскового капитала по 100 рублей каждому въ единовременное пособіе(154), которое въ 1875 году было увеличено до 150 руб.(155).

Недостатокъ офицеровъ въ казачьихъ войскахъ, которыя обслуживало Оренбургское юнкерское училище, заставилъ правительство въ 1871 году отмѣнить первоначальное правило пріема въ юнкерское училище только однихъ сыновей офицеровъ и открыть туда доступъ простымъ урядникамъ(156), а въ 1878 году предоставить право поступленія туда, съ нѣкоторымъ ограниченіемъ даже и казакамъ рядового званія(157). Такъ какъ портупей-юнкера были лишены права офицеровъ выходить въ войска и части по своему усмотрѣнію и обязаны были, впредь до производства въ офицеры, служить тамъ, откуда были отправлены въ училище(158), поэтому ежегодные выпуски портупей-юнкеровъ, производимыхъ въ офицеры, постепенно начали давать численный перевѣсъ офицерамъ войскового сословія надъ пришлыми и уже въ 1878 г. первыхъ было 24, а послѣднихъ 21(37).

Въ заключеніе очерка комплектованія офицерскаго состава войска необходимо замѣтить, что въ цѣляхъ лучшей, въ смыслѣ образовательнаго ценза, организаціи комплектованія--въ 1876 г. былъ отмѣненъ въ казачьихъ войскахъ пріемъ на службу „вольноопредѣляющихся“ на прежнихъ правахъ по происхожденію и, „впредь до распространенія на всѣ казачьи войска устава о воинской повинности Донского войска“ въ отношеніи пріема на службу и особыхъ правъ поступающихъ на нее по свободному желанію молодыхъ людей съ опредѣленнымъ образовательнымъ цензомъ —были примѣнены, съ нѣкоторыми измѣненіями, правила, уже дѣйствовавшія въ регулярныхъ войскахъ, о подраздѣленіи по образованію такихъ поступающихъ на 4 разряда, съ предоставленіемъ каждому разряду по

службѣ и производству въ офицеры особыхъ правъ и преимуществъ[159]

Самое названіе „вольноопредѣляющійся", введенное въ казачьихъ войскахъ въ 1870 году[160] и обозначавшее собственно право по происхожденію, 1 октября 1876 г. было отмѣнено и поступающіе на службу по своему личному желанію съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ названы „пользующимися правами по образованію такого-то разряда"[161].

Матеріальное положеніе офицеровъ.

Со времени отдѣленія отъ Сибирскаго войска семирѣченскіе офицеры войскового сословія получали на полевой службѣ тѣ-же самые, выше приведенные оклады жалованія отъ казны съ добавленіемъ изъ войскового капитала до армейскихъ кавалерійскихъ окладовъ; переведенные-же изъ регулярныхъ войскъ—по табели 17 апрѣля 1859 г.[162]. Въ виду-же увеличенія въ 1859 году размѣровъ жалованія офицерамъ арміи, правительство признало, наконецъ, необходимымъ уравнять оклады содержанія казачьихъ офицеровъ съ регулярными армейскими и 30 августа 1870 г. состоялось Высочайшее повелѣніе, которымъ семирѣченскимъ офицерамъ войскового сословія, состоявшимъ на дѣйствительной полевой службѣ, было предоставлено право на полученіе жалованія изъ усиленныхъ окладовъ по табели 1859 г. Такимъ образомъ, съ 1 января 1871 г. семирѣченскіе офицеры войскового сословія получали содержаніе равное съ офицерами регулярныхъ войскъ, т. е., за вычетомъ $2^1/_2\%$ на госпиталь и медикаменты, въ годъ: полковникъ 1032 рубля, подполковникъ 795, войсковой старшина 660 есаулъ 549, сотникъ 468 и хорунжій 414 руб.[163] Кромѣ того, тѣмъ-же Высочайшимъ повелѣніемъ были назначены и новые оклады столовыхъ денегъ командирамъ полковъ (1500 р.), младшимъ штабъ-офицерамъ (300 р.) и командирамъ сотенъ и отдѣльныхъ полусотенъ (180 р.)[164].

Въ 1872 году для оберъ-офицеровъ, не занимавшихъ должностей, установлена особая надбавка къ содержанію по 96 рублей въ годъ каждому, названная порціонами[165].

Въ слѣдующемъ-же году офицерамъ, командируемымъ изъ строевыхъ частей въ распоряженіе войскового начальства, для завѣдыванія льготными казаками и для обученія молодыхъ, предоставлено право на полученіе всего безъ исключенія присвоеннаго имъ въ строевыхъ частяхъ содержанія[166], а въ 1874 году размѣръ столовыхъ денегъ былъ увеличенъ младшимъ шт.-офицерамъ до 600 руб., командирамъ сотенъ до 300, адъютантамъ и казначеямъ до 240 руб. въ годъ[167].

Въ 1876 г. семирѣченскимъ офицерамъ, какъ служащимъ въ Туркестанскомъ военномъ округѣ, было предоставлено право на полученіе особаго вида денежнаго фуражнаго довольствія, называвшагося „раціонами". размѣръ которыхъ зависѣлъ отъ величины утвержденныхъ на извѣстный періодъ года цѣнъ на овесъ и сѣно, а точно также-же и отъ числа назначенныхъ по табели раціонъ верховыхъ и вьючныхъ лошадей по чинамъ и должностямъ ([168]). Кромѣ квартирныхъ денегъ, отпускаемыхъ на дѣйствительной полевой службѣ, окладъ которыхъ въ 1869 году въ Туркестанѣ былъ назначенъ въ повышенномъ размѣрѣ ([169]), офицеры, служа въ пограничныхъ пунктахъ области, напр. въ укрѣпленіяхъ Нарынъ, Бахты и др., получали еще и особыя, этимъ пунктамъ присвоенныя, „суточныя деньги", по 60 коп. шт.-офицеры и по 30 к. об.-офицеры ([170]).

Такимъ образомъ, благодаря службѣ и расположенію войска въ привиллегированной мѣстности, совокупный окладъ всѣхъ видовъ содержанія офицеровъ, еще въ теченіи первыхъ же десяти лѣтъ отдѣльнаго существованія войска, возросъ, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, въ нѣсколько разъ и явился уже дѣйствительнымъ, а не мнимымъ, какъ прежде, обезпеченіемъ служащихъ.

Изъ офицеровъ войскового сословія Семирѣченскаго войска правомъ на пенсію, какъ выше уже сказано, пользовались только раненые въ сраженіяхъ и дѣлахъ съ киргизами; всѣ-же остальные ровно никакой пенсіи въ отставкѣ не получали, взамѣнъ пенсіи имъ оставлялись въ пользованіе тѣ увеличенные надѣлы земли, которые были опредѣлены служащимъ офицерамъ еще со времени введенія „положенія" 1846 года. Это же правило получило примѣненіе и въ Семирѣченскомъ войскѣ. Но такъ какъ по этому поводу въ изслѣдуемый періодъ времени не было издано какихъ либо руководящихъ указаній, то надѣленіе землями производилось на основаніи „положенія" о Сибирскомъ войскѣ 1861 года и каждый разъ съ особаго разрѣшенія Туркестанскаго генералъ губернатора([171]).

Пользованіе же такими участками земли, по смыслу дѣйствовавшихъ тогда законоположеній, являлось не пожизненнымъ, а срочнымъ ([172]), какъ и вообще пользованіе надѣлами казаковъ, что исключало возможность прочнаго хозяйства на нихъ съ серьезными затратами на оборудованіе.

Это послѣднее обстоятельство, ощущавшееся не въ одномъ Семирѣченскомъ войскѣ, а точно такъ же и желаніе

дать дѣйствительное обезпеченіе и опредѣленное устройство чиновному классу въ казачьихъ войскахъ и при томъ устройство въ такомъ направленіи, которое бы органически связало его съ существующимъ экономическимъ строемъ имперіи, заставило правительство обратить серьезное вниманіе на матеріальное обезпеченіе казачьяго чиновнаго класса.—При разсмотрѣніи общаго вопроса о поземельномъ устройствѣ казачьихъ войскъ, въ 1868 и 1869 годахъ, комитетомъ для пересмотра казачьихъ законоположеній были выработаны правила о надѣлѣ землями „чиновниковъ" войска Донского и особо о надѣлѣ „чиновниковъ" всѣхъ прочихъ войскъ за исключеніемъ Терскаго, Кубанскаго и Уральскаго.

По проэкту „положенія" для Донского войска комитетомъ предполагалось: 1) выдѣлить изъ общей массы войсковыхъ земель до милліона десятинъ удобной земли, включая сюда и отведенныя уже въ срочное пользованіе, и затѣмъ обратить эти земли со всѣми ихъ богатствами въ нѣдрахъ, на опредѣленныхъ условіяхъ выслуги, въ частную потомственную собственность, какъ имѣвшихся въ войскѣ офицеровъ и ихъ семействъ, такъ и вновь производимыхъ при самомъ производствѣ въ первый чинъ; 2) для обезпеченія-же лицъ, производимыхъ въ офицерскіе чины уже послѣ раздачи всѣхъ выдѣленныхъ земель, составить особый вспомогательный и пенсіонный капиталъ, который могъ-бы быть образованъ изъ незначительной ежегодной пошлины, какъ съ земель, отведенныхъ по проэкту въ потомственную собственность, такъ и со всѣхъ прочихъ, принадлежавшихъ помѣстнымъ владѣльцамъ войска.

Однако, какъ этотъ проэктъ, такъ и другой, относительно обезпеченія офицеровъ прочихъ казачьихъ войскъ, въ Военномъ Совѣтѣ утверждены не были и Военный Совѣтъ даже предложилъ донскому войсковому начальству войти въ военное министерство съ представленіемъ постепеннаго возвращенія въ войсковые запасы уже розданныхъ офицерамъ въ срочное владѣніе участковъ и о назначеніи имъ взамѣнъ ихъ: льготнымъ жалованія, а отставнымъ пенсій, съ обращеніемъ этихъ новыхъ расходовъ на войсковыя средства. Но войсковой наказный атаманъ войска Донского въ мартѣ 1869 года донесъ, что отобраніе розданныхъ земельныхъ участковъ неминуемо приведетъ къ серьезнымъ осложненіямъ, образовавъ изъ тысячъ семействъ войсковыхъ чиновъ опасный пролетаріатъ, и потому признавалъ безусловно необходимымъ, для преуспѣянія всей Донской области и ея населенія, отчужденіе въ собственность офицеровъ нѣкоторой части войсковыхъ земель.

Къ тому-же, 1 сентября 1869 года, Императоръ Александръ II выразилъ свое положительное желаніе, чтобы вопросъ о надѣленіи въ потомственную собственность землями офицеровъ и чиновниковъ войска Донского былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ непремѣнно къ 3 мая 1870 года, т. е. ко дню празднованія 300-тъ лѣтняго юбилея войска. Одновременно съ этимъ и Главнокомандующій кавказской арміей Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, вмѣстѣ съ общими и частными предположеніями о преобразованіи Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ, препроводилъ въ военное министерство проэктъ о надѣлѣ землями въ потомственную собственность офицеровъ и чиновниковъ этихъ войскъ, мотивируя свое предположеніе тѣмъ, что временное пользованіе землей дѣлаетъ невыгоднымъ прочное на ней хозяйство, исключаетъ капитальныя въ немъ улучшенія, обращаетъ хозяйство въ хищническое, истощающее почву, истребляющее лѣса, вслѣдствіе чего высыхаютъ ручьи и рѣчки и уничтожаются, слѣдовательно, естественныя богатства, отъ которыхъ зависитъ все благосостояніе цѣлаго края, а вмѣстѣ съ тѣмъ, развитая привычка къ подобному способу хозяйства имѣетъ отрицательное нравственное вліяніе не только на отдѣльныхъ лицъ, поставленныхъ въ такія невыгодныя условія, но даже и на цѣлыя ихъ корпораціи.

Послѣ всего вышеизложеннаго комитету по пересмотру казачьихъ законоположеній было предложено составить окончательные проэкты обезпеченія офицеровъ и чиновниковъ войскъ Донского, Кубанскаго и Терскаго,

При разсмотрѣніи этихъ окончательныхъ проэктовъ Военный Совѣтъ призналъ уже, что осуществленіе ихъ будетъ имѣть прямымъ послѣдствіемъ, какъ улучшеніе сельскаго хозяйства на земляхъ, отводимыхъ въ собственность чинамъ Донского и Кавказскихъ казачьихъ войскъ, такъ и развитіе общаго экономическаго благосостоянія въ казачьемъ населеніи въ связи съ обще-государственными выгодами(173). Оба проэкта съ незначительными въ нихъ измѣненіями 23 апрѣля 1870 года получили, наконецъ, Высочайшее утвержденіе(174).

Съ рѣшеніемъ вопроса объ обезпеченіи чиновъ упомянутыхъ казачьихъ войскъ и въ Семирѣченскомъ войскѣ возникла мысль—не представится-ли возможность примѣнить донское „положеніе“ и здѣсь; съ измѣненіями въ зависимости отъ экономическихъ условій страны. Съ этой цѣлью въ войскѣ была составлена комиссія изъ казачьихъ офицеровъ, но подъ предсѣдательствомъ капитана генеральнаго штаба Кирилова(175).

Эта комиссія, закончивъ свои работы 5 марта 1871 года, (176), пришла къ заключенію, что донское „положеніе“ не можетъ быть цѣликомъ примѣнено въ Семирѣченскомъ войскѣ. вслѣдствіе мало—населенности области, разбросанности территоріи войска, крайне слабаго развитія торговли и промышленности, какъ слѣдствія удаленности страны отъ центровъ сбыта и отсутствія въ ней путей сообщенія, почему и постановила: надѣлять землями въ потомственную собственность только офицеровъ и чиновниковъ, уходящихъ въ отставку, а для образованія-же вспомогательнаго капитала, на проценты съ котораго было бы возможно содержать льготныхъ офицеровъ, выдавая имъ половинное жалованіе, предполагала обложить земли отставныхъ налогомъ отъ одной до пяти копѣекъ съ десятины, въ зависимости отъ доходности, и отчислять ежегодно 5% съ доходовъ войскового капитала(177).

Наказный атаманъ генералъ Колпаковскій съ мнѣніемъ комиссіи по надѣлу отставныхъ чиновъ согласился, но образованіе вспомогательнаго капитала призналъ излишнимъ и, со своей стороны, проэктировалъ: офицеровъ на льготѣ не содержать совсѣмъ, замѣнивъ ихъ увеличеннымъ штатомъ по мирному времени на полевой службѣ(177).

Такимъ образомъ комбинированный проэктъ генерала Колпаковскаго нашелъ себѣ полное примѣненіе только впослѣдствіи въ „положеніи“ объ обезпеченіи отставныхъ семирѣченскихъ офицеровъ и чиновниковъ. Высочайше утвержденномъ уже въ 1882 году и въ „положеніи“ о военной службѣ казаковъ Семирѣченскаго войска 30 іюня 1879 года, а рѣшеніе вопроса объ обезпеченіи семирѣченскихъ офицеровъ на полевой службѣ и въ отставкѣ, въ смыслѣ уравненія ихъ доходомъ съ земли въ содержаніи и пенсіяхъ съ регулярными—затянулось.

Между тѣмъ, съ 1871 г., какъ мы уже знаемъ, имъ были назначены усиленные оклады жалованья по табели 1859 г., на льготѣ-же офицеровъ въ Семирѣченскомъ войскѣ въ сущности не было, почему назначеніе земельныхъ надѣловъ въ собственность еще на службѣ, какъ это было принято въ Донскомъ и др. казачьихъ войскахъ, гдѣ безъ контингента льготныхъ офицеровъ, состоявшихъ въ комплектѣ строевыхъ частей, обойтись было нельзя, дало-бы семирѣченскимъ офицерамъ лучшее матеріальное положеніе, чѣмъ въ другихъ казачьихъ и регулярныхъ войскахъ, что правительство, преслѣдуя цѣль уравненія въ этомъ отношеніи всѣхъ офицеровъ русской арміи, допустить не могло. Поэтому земельное обезпеченіе въ потомственную собственность по вышеприведен-

ному „положенію“ 30 іюля 1882 г. получили только отставные офицеры, вышедшіе въ отставку до объявленія этого „положенія“ на мѣстѣ, и семейства такихъ офицеровъ; всѣ же прочіе, вышедшіе въ отставку позже—получали уже пенсіи.

Оба вышеприведенныхъ „положенія“ 1879 и 1882 года, какъ получившія примѣненіе уже внѣ періода, изслѣдуемаго въ настоящей статьѣ, будутъ разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ ниже, здѣсь же необходимо только выяснить примѣненіе увольненія на льготу офицеровъ Семирѣченскаго войска.

До іюня 1868 г., т. е. до упраздненія окруж. управ. 9 и 10 полков. округовъ или, вѣрнѣе въ теченіе 1868 г. увольненіе на льготу и зачисленіе на полевую службу происходило по порядку, принятому въ Сибирскомъ к. войскѣ, но съ начала 1869 г., когда военныя учрежденія области были уже въ курсѣ новаго дѣла,—порядокъ увольненія на льготу совершенно измѣнился.

Съ одной стороны—„основныя начала положенія“ о Семирѣченскомъ войскѣ 1867 года постановляютъ, что два конныхъ полка, выставляемыхъ войскомъ „относительно своего состава, организаціи, правъ, преимуществъ и льготъ, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, руководствуются положеніемъ о Сибирскомъ войскѣ“. По правиламъ-же военной организаціи, установленной тамъ „положеніемъ“ 1861 года, часть офицеровъ должна была состоять на льготѣ, т. е. какъ будто бы извѣстный контингентъ офицеровъ долженъ былъ состоять на льготѣ и въ Семирѣченскомъ войскѣ. Но, съ другой стороны, тѣ-же „основныя начала“ добавляютъ, что порядокъ отбыванія службы полковъ въ мирное и военное время и назначеніе въ нихъ комплекта офицеровъ предоставить соображенію главнаго мѣстнаго начальства“, опредѣляя штатный строевой составъ войска въ 40 офицеровъ съ опредѣленнымъ имъ отъ казны и добавочнымъ отъ войска содержаніемъ.

Такимъ образомъ,—имѣть-ли весь опредѣленный штатомъ офицерскій составъ на полевой службѣ или увольнять излишнюю часть его на льготу—было предоставлено усмотрѣнію командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа или, даже вѣрнѣе, командующаго войсками Семирѣченской области, генерала Колпаковскаго, какъ болѣе близкаго къ положенію дѣла въ области и войскѣ и болѣе знакомому съ ними, чѣмъ генералъ Кауфманъ, тогда еще совсѣмъ новое лицо въ округѣ.

Генералъ-же Колпаковскій былъ рѣшительный против-

никъ льготы, что особенно ярко выразилось въ его приведенномъ уже проэктѣ обезпеченія офицеровъ.

Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, содержаніе на льготѣ части офицеровъ практиковалось только первые два—три года существованія войска (5), но и то только въ отношеніи офицеровъ войскового сословія и не въ той правильной формѣ и постепенности, какъ это было установлено въ прочихъ казачьихъ войскахъ.

Офицеры-же, переведенные изъ регулярныхъ войскъ, если иногда и не были назначаемы прямо въ составъ полевыхъ частей, то оставались нѣкоторое время при штабахъ 1 и 2-го полковъ (5) Относительно-же офицеровъ войскового сословія —увольненіе на льготу практиковалось скорѣе, какъ мѣра удаленія нежелательныхъ элементовъ строевыхъ частей, соотвѣтствовавшая „зачислению по войску", введенному „положеніемъ" 1879 года. Уволенные такимъ способомъ на льготу офицеры, не получая никакого содержанія и не имѣя препятствій со стороны войскового начальства, скоро уходили въ отставку.

Часть-же офицеровъ войскового сословія, не предположенная къ удаленію со службы, содержалась для надобностей той-же службы до 1872 года при штабахъ обоихъ льготныхъ полковъ, а съ 1872 года, т. е. со времени расформированія штаба 1-го льготнаго полка,—при штабѣ 2-го.

Такіе то офицеры по войсковымъ отчетамъ и показывались на льготѣ, какъ состоящіе при льготныхъ полкахъ, но въ дѣйствительности на льготѣ не считались, несли свою службу при льготныхъ полкахъ или въ войскѣ и получали полностью все имъ присвоенное на дѣйствительной полевой службѣ содержаніе. Такимъ образомъ, въ Семирѣченскомъ войскѣ того очереднаго увольненія на льготу, какое было принято въ другихъ казачьихъ войскахъ, совсѣмъ не существовало, а служба офицеровъ была постоянной.

Общія условія положенія офицеровъ

Что касается общихъ условій положенія офицеровъ войска, то въ этомъ отношеніи весьма важное значеніе имѣли: лишеніе права исключенія изъ войскового сословія и обязанность льготныхъ офицеровъ жить непремѣнно въ предѣлахъ территоріи войска.

13 іюля 1868 года офицеры, состоявшіе на льготѣ, получили право, съ разрѣшенія наказнаго атамана, избирать мѣстожительство по своему усмотрѣнію и внѣ предѣловъ войска, а въ 1869 году условія обстановки этого права были еще болѣе облегчены (178). 21 апрѣля 1869 года получило силу за-

кона мнѣніе Государственнаго Совѣта, которымъ постановлено: генераловъ, офицеровъ и чиновниковъ казачьихъ войскъ *освободить отъ обязательной службы,* подчинивъ ихъ относительно увольненія въ отставку и поступленія вновь на службу общимъ правиламъ, установленнымъ для регулярныхъ войскъ, и всѣмъ этимъ лицамъ предоставлено исключаться совсѣмъ изъ войскового сословія или, оставаясь въ немъ, переходить въ другія казачьи войска и поступать на службу внѣ казачьихъ войскъ со всѣми правами и преимуществами, присвоенными тому роду службы, въ который они поступятъ, но при условіи непринятія въ расчетъ при исчисленіи срока выслуги на пенсію и эмеритуру времени, проведеннаго ими на казачьей службѣ (141).

Въ концѣ того-же года семирѣченскіе офицеры уравнены съ регулярными въ отношеніи увольненія въ отпускъ съ сохран. содержан., вслѣдствіе чего они получили право на такіе отпуски внутри Туркестана на срокъ до двухъ мѣсяцевъ, а за предѣлы его до четырехъ (179).

Съ начала 1871 года въ Семирѣченскомъ войскѣ примѣненъ дѣйствовавшій въ регулярныхъ войскахъ дисциплинарный уставъ, а съ нимъ вмѣстѣ введенъ и судъ общества офицеровъ (66), осуществленіе котораго на практикѣ до соединенія отдѣльныхъ разбросанныхъ сотенъ въ полкъ представляло почти прямую невозможность.

Закономъ 2 декабря 1872 года между прочимъ постановлено: лицамъ казачьяго сословія, получившимъ оберъ-офицерскіе чины на военной службѣ, разрѣшить просить о возведеніи въ личное дворянство одного изъ сыновей, безъ различія —рожденъ-ли этотъ сынъ послѣ или прежде полученія отцомъ его оберъ офицерскаго чина и поступалъ онъ на службу или нѣтъ (180).

Въ 1868 году Высочайшимъ повелѣніемъ была назначена опредѣленная сумма для выдачи пособій офицерамъ регулярныхъ частей арміи, но въ 1872 году, въ виду назначенія увеличенныхъ окладовъ столовыхъ и особаго добавочнаго къ содержанію оклада порціонъ, отпускъ суммъ въ пособіе былъ прекращенъ и эти суммы обращены уже не для помощи отдѣльнымъ лицамъ, а на общее улучшеніе быта офицеровъ цѣлыхъ отдѣльныхъ частей арміи, т. е. на образованіе библіотекъ, общихъ столовыхъ и вспомогательныхъ кассъ въ отдѣльныхъ частяхъ регулярныхъ войскъ.

Въ началѣ 1873 года эта основная идея улучшенія общественнаго быта офицеровъ получила дальнѣйшее развитіе; „положеніемъ" Военнаго Совѣта 23 декабря 1872 года было

опредѣлено, что изъ суммъ, назначаемыхъ на улучшеніе быта офицеровъ каждой отдѣльной части войска, одна половина должна назначаться на устройство и содержаніе офицерскихъ собраній съ ихъ библіотеками или общихъ столовыхъ, а другая — поровну дѣлиться между библіотеками отдѣльныхъ частей войскъ и офицерскими вспомогательными капиталами, съ цѣлью ихъ образованія или усиленія ([181])

Идея улучшенія общественнаго быта офицеровъ на изложенныхъ основаніяхъ постепенно получила примѣненіе и въ полевыхъ частяхъ казачьихъ войскъ, а въ 1879 г. состоялось въ первый разъ назначеніе съ этой цѣлью ежегоднаго отпуска отъ казны въ 500 рублей 1-му Семирѣченскому казачьему полку ([182]).

ИСТОЧНИКИ

къ части 2-й, главѣ 3-й, исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска.

№№ по порядку

1 Всеподан. отчетъ о состояніи Семирѣченскаго каз войска за 1868 г.
2 Приказъ Семир. к. в. 1868 г. № 44.
3 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в, оп. д., пост. изъ каз. отд. Семир. обл, штаба дѣло 1867 года № 4 54, листы 47, 48 и слѣд.
4 Приказъ военнаго министра 14 іюля 1867 г. № 249.
5 Прик. по Семир. к. в. 1869 г. № 246.
6 Всепод. отчетъ о сост. Семир. к в. за 1869 г.
7 Арх. Семир. обл. штаба, оп. д. стр. отд, дѣло 1870 г. „о слухахъ на границѣ Семир области", листъ 25, р-тъ к-ра 1 полка 1 апр. 1870 г. № 105.
8 Всепод. отчетъ о сост. Семир. к. в. за 1870 г.
9 Всепод. отчетъ о сост. Семир. к. в. за 1871 г.
10 Тотъ же отчетъ и прик. по Семир к. в. 1871 г. № 139
11 Арх войск. пр-нія Семир к. в., оп. д, пост. изъ каз. отд. Семир. обл. штаба, дѣло 1871 г. № 49/11, листы 1, 27 и др. и примѣч. 9 здѣсь.
12 Сообщеніе гл. упр-нія ирр. войскъ 4 апр. 1872 г № 177, сборникъ правит. распор. по каз. войскамъ за 1872 г. ст. 98,
13 Приказы по Семир. к. в. 1870 г. № 286 и 1872 г. № 213.
14 Всепод отчетъ о сост. Семир. к в. за 1872 г.
15 Всепод. отчетъ о сост. Семир. к. в. за 1873 г.
16 1868 г. № 21.
17 Прик. по Семир к. в. 1869 г. № 2 и много какъ до этого, такъ и послѣ.
18 1870 г. № 252.
19 Тоже 1870 г. № 290.
20 Тоже 1871 г. № 231.
21 Тоже 1878 г. № 268.
22 Тоже 1877 г. № 91 и приказъ по воен. вѣд 1875 г. № 52.
23 Прик. по Семир к в, 1879 г. № 222.
24 Сообщ. главн. упр-нія ирр. войскъ 2 апр. 1873 г. № 409 командующ. войсками Турк. в. округа - Сборникъ правительст. распор. по каз. войскамъ за 1873 г. ст. 28.
25 Отчетъ о сост. Семир. к в. за 1874 г.

26 Прик по Семирѣч. к. в. 24 мая 1874 г. № 133.
27 Прик по воен. вѣд. 1875 г, № 298.
28 Прик. по Семир. к. в, 1873 г. 22 дек. № 283.
29 Отчетъ о сост. Семир. к. в. за 1875 г.
30 Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. 1846 года т. XXI, ст. 20671, § 16.
31 Арх. войск. пр-нія Семир к. в. оп. д., пост. изъ каз. отд. Семир. обл. штаба, дѣло 1867 г. № 20.
32 Тотъ же архивъ и та же оп., дѣло 1876 г № 56, листъ 1/210.
33 Прик. по Семир. к. в. 1874 г. № 184.
34 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д., пост. изъ каз. отд. Семир. обл штаба, дѣло 1872 года № 69, листы 31, 58, 146, 164 и др.
35 Приказъ по войску 1877 г. № 173.
36 Отчетъ о сост. Семир. к. в. за 1877 г.
37 Тоже за 1878 г.
38 П. С. З. Р И. 1866 г. т. XLI, ст. 43789.
39 Всепод. отчеты съ 1867 г. по 1872 г. о сост. Семир. к. в.
40 Прик. по войску 1875 г. №№ 4 и 156; 1877 г. № 61.
41 Тоже 1876 г. №№ 79, 98, 115.
42 Всепод. отчетъ о сост. Семир. к. в. за 1877 г. и прик по войску 1877 г № 17 и 127, 1878 г № 121, 1879 г. № 192.
43 Прик. по войску 31 окт. 1879 г. № 234.
44 А. Никольскій. Столѣтіе воен. министерства, Главное управленіе каз. войскъ. Историч. очеркъ. Т. XI, ч. I, ст. 406—416. С. ПБ 1902 г.
45 Тамъ-же стр. 463—469.
46 Тамъ-же стр. 471 и слѣд
47 Прик. по Семир. к. в. 1868 г № 109.
48 Положеніе о Сибир к. в. 1861 г.
49 П. С. З. Р. Имп. 1861 г. т. XXXVI, ст. 36730, § 11.
50 Примѣчаніе 7-е. Къ штату коннаго полка Семир. каз. в., приложенному къ „основ. началамъ положенія“ 1867 г. „Опредѣленіе комитета офицеровъ для каждаго полка одного постояннаго или перемѣняющагося, *тройного по числу смѣнъ нижнихъ чиновъ,* предоставляется к-щему войсками Туркест. в. округа, сообразно съ мѣстными условіями и потребностями“. П. С. З. Р. И 1867 г. т. XLII, ст. 44815.
51 § 56 „Положеніе“ о Сибир. к. в. 1861 г. и прик. по Семир. к в. 1869 г. № 8.
52 Прик. по Семир к, в. 1875 г. № 17.
53 № 46 п 4.

54 Тоже 1869 г. №№ 83 и 94.
55 Тоже 1868 г. № 35.
56 § 367 и др. „положенія“ о Сибир. к. в. 1861 г.
57 П. С. З Р. И. 1870 г. т. XLX, ст. 48354, § р. с. т. и приказ по Семир. к. в 1871 г. № 89.
58 Всепод годовые отчеты о сост. Семир. к. в. Прик. по войску 1869 г. № 83, 1870 № 35, 1871 г. № 89 и т. д.
59 Всепод. отчеты о сост. Семир. к. в. за эти годы.
60 Такой-же отчетъ за 1875 г.: казаки 1 сотни и 2 полусотни, располож. въ Ферганѣ, смѣнены весною 1876 г., тогда какъ ихъ товарищи изъ проч. частей уволены на льготу въ концѣ октября 1875 г.
61 Прик. по воен. вѣд. 1870 г. № 39.
62 Прик. по Семир. к. в. 1870 г. №№ 203, 270 и др.
63 Тоже 1870 г. № 292.
64 Арх. Семир. област. пр-нія, оп. д. канцеляріи Семир. воен. губернатора по кульджинскимъ дѣламъ, дѣло 1877 г. № 49, листы: 1-й—отнош. Семир. обл. штаба въ Семир. обл. пр-ніе 6 іюля 1877 г, № 3026 и листъ 8—циркул. предпис. Семир. воен. губернатора 8 янв. 1879 г № 17 уѣзд. н.-камъ и участковымъ кульдж. района.
65 Прик. воен. министра 1867 г № 274; прик. по воен. вѣд. 1869 г. № 259, 1870 г. № 27, 1874 г. № 173 и др.
66 Тоже 1870 г. № 361 и 1869 г. № 248.
67 Отчетъ о сост. Семир. к. в. за 1867 г.
68 Прик. по воен. вѣд. 1875 г. № 203 и 2-е П. С. З. Р. И. 1875 г. т. L, ст. 54946.
69 П. С. З Р. И. 1858 г. т. XXXIII, ст. 32957.
70 Прик. по войску 1868 г. № 19 и 1869 г. № 72.
71 Тоже 1871 г. № 132.
72 Тоже 1869 г. 16 іюля № 217.
73 Тоже 1873 г. № 181.
74 Арх. Семир обл. штаба, оп. д. стр. отд., дѣло „о слухахъ на границѣ Семир. обл.“ 1870 г., листъ 31, р-тъ завѣдующ. военною частью ст. Лепсинской“ подполк. артиллеріи Калетина 8 апр. 1870 г. № 36 к-щему войск, Семир. обл.
75 Прик. по Семир. каз. в. 1876 г. № 80.
76 Тоже, 6 апрѣля 1872 г. № 122.
77 Тоже 1869 г. № 246 и 1870 г. № 217.
78 Тоже 1870 г. № 215 и многіе другіе.
79 Тоже: 1869 г. № 309, 1870 г. № 103, 1871 г. № 80, 1872 г. № 159, 1873 г. № 110, 123; 1875 г. № 50.
80 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в. оп. д, пост. изъ каз. отд.

Семир. обл. штаба, ч. хоз, дѣло 1868 г. № 67|68 листы 3—5, войсковая расходная смѣта на 1868 г.

81 Положеніе Военнаго Совѣта 10 мая 1875 г.—приказъ по воен. вѣдомству 1875 г. № 136.

82 Ст. 3310, ч. I, кн. II, Св. воен. пост. изд. 1859 г. и приказъ по Семир. к. в. 1877 г. № 61.

83 Приказъ по Семир. к. в. 1875 г. № 86.

84 Тоже 1877 г. № 17.

85 Таблица составлена на основаніи свѣдѣній, даваемыхъ Всепод. отчетами о сост. Семир к. в. за соотвѣтствующіе годы, приказами по Семир. к в. за то же время и отчасти по спеціальнымъ въ этомъ отношеніи даннымъ, заключающимся въ дѣлѣ 1884 г. № 24|50 по архивной описи воен. отд. войск. пр нія Семир к. в., листы 99 и 100 и слѣд.

86 А Редигеръ. Комплектованіе и устройство вооруженной силы СПБ. 1900 г. стр. 129.

87 Арх. войск. пр.-нія Семир. к. в., оп. д.. пост. изъ каз. отд. Семир. штаба, ч. хоз дѣло 1867 г. № 8|27, листъ 10, р-тъ наказ. ат-на Семир к. в. 28 дек. 1867 г. № 953 к-щему войск. Турк. в. окр. и примѣч. 1-е здѣсь.

88 Тотъ-же арх.; оп. воен. отд, дѣло 1884 г. № 24|50, листъ 117, записка о сост. Семир. к. в. при выдѣленіи его изъ Сибирск. и т. д.

89 Сообщеніе Главн. упр-нія ирр войскъ 17 дек. 1870 года № 1029 к-щему войск. Турк. воен. окр.—Сборникъ правит. распор. по каз. войскамъ 1870 г. т. VI, ст. 12..

90 Арх. войск. пр нія Семир к. в. оп. д.. пост. изъ каз. отд, штаба войскъ Семир. обл., дѣло 1869 г. № 213|69 листы 30, 52 и др.

91 Сообщ. гл. упр нія ирр. войск. н-камъ каз. войскъ 2 окт. 1870 г.—Сборникъ правит. распор. по каз. войскамъ 1870 г. т. VI, ст. 95.

92 Такое-же сообщеніе Главному артил, упр нію—тотъ же сборникъ 1871 г. т. VII, ст. 121.

93 Положеніе Военнаго Совѣта 11 сент. 1857 г. п 5, вошедшее потомъ въ ст. 3574 т. II ч. I, кн. II св. воен пост. изд. 1859 г. и въ положеніе 1861 г. о Сибир. к. в. распространенное въ этой своей части и на Семир, войско, что видно изъ отзыва Главн. упр-нія каз войскъ 15 ноября 1897 года № 1121 (листъ 300, оп. хоз отд арх. войск. пр нія Семир к. в. въ дѣлѣ 1897 г. № 73) на имя наказ. ат-на Семир к. в.

94 Циркуляръ Гл. упр-нія ирр. войскъ 11 сент. 1876 года № 10 Сборникъ правит. распор. по каз. войскамъ 1876 г.

т XII, ст. 270 и примѣч. 92-е здѣсь.

95 Сообщеніе Гл. упр-нія ирр войскъ 1 мая 1874 г. № 495 гл-му артил. уп-нію—тотъ-же сборникъ 1874 г. т. X, ст. 24.

96 Такое-же сообщеніе 12 іюля 1874 г. № 775 к-щему войск. Турк в. окр.—тотъ-же сборникъ, ст 112.

97 Арх. войск. пр нія Семир. к. в. оп. д., пост. изъ каз. отд. Семир. штаба, дѣло 1869 г. № 213|69, р-тъ наказ. ат-на Семир. к. в. 25 сент. 1870 г. № 3356.

98 Тотъ-же архивъ, та-же опись, дѣло 1874 г. № 67|74.

99 Высоч. повелѣніе 17 авг. 1874 г.—цир. Гл. упр-нія ирр. войскъ 16 ноября 1874 г. № 11.

100 Прик. по воен вѣд. 27 ноября 1874 г. № 310.

101 Тоже 4 окт. 1876 г. № 274.

102 Тоже 19 нояб. 1876 г. № 364; сборникъ правит. распор. по каз. войскамъ 1876 г. т. XII, ст. 339 и прик. по воен. вѣд. 29 янв. 1879 г. № 20.

103 Тоже 11 августа 1877 г. № 317.

104 Тоже 17 мая 1877 г. № 209.

105 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в оп. д., пост. изъ каз. отд. Семир. штаба, ч. хоз., дѣло 1874 г., № 59|63; приказы по войску: 1877 г. № 75 и 1879 г. № 300.

106 Тотъ-же арх. и оп, д, 1875 г. № 76; Высоч. повелѣніе 17 авг. 1874 г., сообщенное Главн. артил. упр-ніемъ 21 августа 1874 г. № 936 Гл. упр-нію иррег. войскъ—Сборн правит. распор. 1874 г. т. X, ст. 137.

107 Прик. воен. министра 2 янв. 1867 г. № 3. Прик. по воен. вѣд. 24 сент. 1875 г. № 268. П. С. З Р. И. 1865 г. т. XL, ст. 42357; 1864 г. т. XXXIX, ст. 40517 и 41633; 1867 года т. XLII ст. 44846.

108 Пол. С. З. Р. И. 1867 г. XLII ст. 44849 и приложеніе 8 е къ положенію 1861 г. о Сибир. к. в.

109 Прик. воен. министра 21 окт. 867 г. № 343.

110 Прик. по воен. вѣд. 17 сент. 1869 г. № 320.

111 Тоже 12 іюня 1871 г. № 182

112 Тоже 21 дек. 1871 г № 385.

113 Арх. войск. пр-нія Семир. к в, оп д., пост. изъ каз. отд. Семир. штаба, ч. стр, дѣло 1871 г. № 10/71, листъ 16.

114 Прик. по воен. вѣд 5 авг. 1874 г. № 228.

115 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в. оп. воен. отд., дѣло 1885 г. № 19/114, листъ 142, отчетъ генер. адъют. Свистунова.

116 Прик. по воен. вѣд. 1870 г. № 275.

117 Тоже 1871 г № 252

118 Журналъ воен. совѣта 1 сент 1876 г. Сборникъ правит.

распор. по каз. войскамъ 1876 г. т. XII, ст. 267.

119 Сборн. правит. распор. по каз. войскамъ 1877 г. т. XIII, стр. 142.

120 Мѣсячныя вѣдомости о состояніи войск, капитала за 1877, 1878 и 1879 г.г., объявленныя въ приказахъ по войску за эти годы.

121 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. воен. отд., дѣло 1879 г. № 18/63, листъ 4, циркуляр. предпис. войск. пр-нія 22 дек. 1880 г. станич. атаманамъ.

122 П. С. З. Р. И. 1859 г. т. XXXIV, ст. 35145. § 91 и тамъ же 1861 г т. XXXVI, ст. 36730. § 12.

123 Высоч. повелѣніе 15 іюня 1868 г. сборникъ правит. распор. по каз. войскамъ 1868 г. т. IV, ст. 86.

124 Прик. по воен. вѣд. 1871 г. № 256.

125 Тоже 1877 г. № 327.

126 Высоч. повелѣніе. Сборн правит. распор, по каз войск. 1876 г. т. XII., ст. 16.

127 Г. Катанаевъ. Краткій истор. очеркъ службы Сибирскаго к. в Омскъ, 1901 г. стр. 22.

128 П. С. З. Р. И. 1846 г. т. XXI, ст. 20671, § 14.

Тоже 1841 г. т. XVI, ст. 15004.

129 Тоже 1856 г. т. XXXI ст. 30357.

130 А. Никольскій. Столѣтіе воен. министерства, главное управленіе каз. войскъ. Историч. очеркъ. Т. XI, ч. I, стр. 311. СПБ. 1902 г.

131 П С. З. Р. И. 1848 г. т. XXIII. ст. 22016

132 Тоже 1852 г. т. XXVII. ст. 26857, п. 3.

133 Тоже 1845 г. т. XX, ст. 19416.

134 Тоже 1850 г. т. XXV, ст. 24341.

135 Источникъ, указ. въ примѣчаніи 130 здѣсь, ст. 503.

136 Копія предписанія штаба отд. сиб. корпуса, дежурства, 26 февраля 1848 г, № 949 и. д. наказ. ат-на Сибир. лин к. войска полковнику Эллизсну, доставленная войск. пр-нію Семир. к. в. войсковымъ хоз. пр-ніемъ Сибир. к. в. при № 4336 отъ 4 мая 1906 г.

137 Тогда-же, тѣмъ-же правленіемъ и тому-же выслана копія съ предписанія того же штаба отъ 13 марта 1854 г, въ которой и содержится Высоч. повелѣніе, сообщенное военнымъ министромъ въ отношеніи его 8 февраля 1854 г. № 209 к-ру отд. сиб. кр-са.

138 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в. оп. д., поступив. изъ разн. учрежденій, дѣла полк. уп-нія 10 полка. дѣло 1857 г. № 12/23, листы 9—15, копія предпис. товарища Семипалат. воен. гу-

бернатора 15 іюня 1857 г. № 937 к-ру 4 каз. бригады и въ томъ-же дѣлѣ, листъ 48, предписаніе Семипалат. воен. губернатора. 20 сент. 1857 г. № 1479 к-ру 10 полка.

139 П. С. З. Р. И. 1861 г. т. XXXVI, ст. 36730 и „положеніе“ 1861 г.

140 Положеніе военнаго совѣта 13 іюля 1868 г объявл. въ приказѣ воен. министра 26 іюля 1868 г. № 247; приказ. по воен. вѣд. 1869 г. № 212.

141 Высоч утверж. 21 апр. 1869 г. мнѣніе Государ. Совѣта, объявл. въ приказ. по воен. вѣд. 1869 г. № 144.

142

СПИСОКЪ

лицъ, зачисленныхъ въ Семирѣченское к. в. офицерами въ періодѣ времени съ конца 1867 года по 1 января 1880 года, составленный на основаніи подлинныхъ приказовъ по войску за это время.

№№ по порядку.	Годы зачисленія; фамиліи, родъ и мѣсто службы зачисленныхъ до поступленія въ войско.	№№ приказовъ по войску о зачисленіи.	Какимъ чиномъ зачислены на службу въ войско.
	Въ 1867 году:		
1	Главацкій, отставной ротмистръ лейбъ-гвардіи уланскаго полка.	11	Войск. старш.
2	Марковъ, ротмистръ 14 гусар. Митавскаго полка.	11	Есауломъ.
3	Лисовскій, войсковой старшина Забайк. каз. войска.	11	Войск. старш.
	Въ 1868 году:		
4	Пчельниковъ, корнетъ 14 Ямбургскаго уланскаго полка.	8	Хорунжимъ.
5	Колокольцовъ, подпоручикъ 10 Туркестанскаго лин. баталіона	154	—
6	Принцъ, капитанъ 77 Тенгинск. пѣх. п	79	Есауломъ.
7	Козловъ, поручикъ лейбъ-гвардіи конногв полка.	79	—
8	Потуловъ, пѣхотный поручикъ, часть не извѣстна.	115	Сотникомъ.

	Въ 1869 году:		
9	Гамбурцевъ, отст. поручикъ 8 драгун. Астраханскаго полка.	41	Сотникомъ.
10	Маріуца, прапор 13 драгун. военнаго ордена пол.	41	Хорунжимъ.
11	Новоселовъ, есаулъ Сибир. к. в.	62	Есауломъ.
12	Зенковъ, сотникъ Сибир. к. в.	62	Сотникомъ.
13	Рауэръ, поручикъ Фридриха Вильгельма прусскаго полка	175	—
14	Бергъ, отст. поручикъ гусар. Ингерманланд. полка.	221	—
15	Андреевскій, прапорщ. 11 Туркест. лин. баталіона.	222	Хоружнимъ.
16	Назанскій, поручикъ изъ пѣхоты часть неизвѣст.	245	Сотникомъ.
17	Герасимовъ, есаулъ Сибир. к. в.	254	Есауломъ.
18	Оржицкій, поручикъ, состоявшій по армейской кавалеріи.	260	Сотникомъ.
19	Ускембаевъ, корнетъ, сост. по армейск. кавал., прикомандир.	292	Корнетомъ.
	Въ 1870 году:		
20	Ишервудъ, корнетъ лейбъ-гвард. уланскаго полка.	73	Сотникомъ.
21	Гильде отст. маіоръ 8 драгун. Астраханскаго полка	151	Войск. старш.
22	Баронъ Будбергъ, поруч. лейбъ-гвард. уланск. полка.	259	Есауломъ.
23	Черепашковъ, изъ военнаго Алесандровскаго училища.	263	Хорунжимъ.
24	Фонъ-Гринвальдъ, поруч. лейбъ-гвард. Кирасирскаго Его Величества полка.	369	Есауломъ.
	Въ 1871 году:		
25	Десятовъ, юнкеръ Николаевскаго инженернаго училища.	273	Сотникомъ.
26	Кушелевскій, поручикъ С.-Петербургскаго пѣхотн. полка.	329	—
27	Бутовичъ, прапор. 3 Туркест. лин. бат.	329	Хорунжимъ.
	Въ 1872 году:		
28	Винклеръ, отст. ротмистръ 5 гусарск. Александрійск. полка.	22	Есауломъ.

29	Хлюстинъ, отст. поручикъ 13 Уланск. Владимірскаго полка.	41	Хорунжимъ.
30	Салтановскій, прапорщ. 1 Туркестанскаго стрѣлк. баталіона.	133	—
31	Брилевскій, шт.-капитанъ 70 губернскаго баталіона.	266	Сотникомъ.
32	Чановъ, поручикъ лейбъ гвардіи Кирасирскаго Ея Величества полка.	103	—
33	Лебедевъ, отст. шт-ротм. 4 гусарскаго Маріупольскаго полка.	174	—
34	Пшичевичъ, подпор. лейбъ-гвард. Преображенскаго полка.	257	—
	Въ 1873 году:		
35	Стороженко, отст. поруч. 13 гусарск. Нарвскаго полка.	18	—
36	Баронъ-Криденеръ, шт.-ротм. лейбъ-гвардіи уланскаго полка.	28	Войск. старш.
37	Баронъ Штакельбергъ, корнетъ лейбъ-гвардіи коннаго полка.	94	Сотникомъ.
38	Антоновъ, отст шт-капит. 103 Петрозаводскаго пѣхотнаго полка.	201	—
39	Баронъ Унгернъ-Штернбергъ, шт-рот. 13 Уланскаго Владимірскаго полка.	201	—
	Въ 1874 году:		
40	Шафаловичъ, поручикъ Ташкентскаго губернск. баталіона.	110	—
41	Чебышевъ, отст. шт.-кап. лейбъ-гвард. конно-гренадер. полка.	119	Есауломъ.
42	Дубровинъ, шт-ротм. 10 уланск. Одесскаго полка.	157	Сотникомъ.
43	Фурманъ, коллежскій секретарь причисленный къ департаменту таможен. сборовъ	157	Сотникомъ.
44	Принцъ, полковникъ, состоявш. по армейск. кавалеріи вторично послѣ ухода изъ войск. въ 1871 г.	184	Полковникомъ.
45	Мельниковъ, поручикъ корпуса топографовъ.	239	Сотникомъ.
	Въ 1875 году:		
46	Грабовскій, отст. маіоръ, состоявшій по арм. кав.	53	Есауломъ.

	Въ 1876 году:		
47	Златогорскій, поручикъ 159 пѣхотнаго Гурійскаго полка.	32	Сотникомъ.
48	Баронъ Менгденъ произведенъ изъ портуп. юнкер. въ войск.	99	Хорунжимъ.
49	Савицкій, отст. шт.-ротм. запас. эскадрона лейбъ-гвардіи Гродн. гусар. полка.	99	Есауломъ.
50	Сарандинаки, маіоръ 1 Сумскаго гусарскаго полка.	99	Войск. старш.
51	Брянчаниновъ, поручикъ 8 Лубенскаго гусар полка.	99	Сотникомъ.
52	Ладыженскій, корнетъ 1 уланскаго С.-Петербур. полка.	102	Хорунжимъ.
53	Князь Трубецкой, корнетъ Башкирскаго дивизіона.	102	—
54	Булацель, шт.-ротмистръ 9 гусарскаго Кіевск полка.	120	Сотникомъ.
55	Захаровъ, хорунжій Амурскаго казачьяго полка прикомандированъ къ войску 1873 г./№ 262 и зачисленъ.	122	Хорунжимъ.
56	Петровъ, отстав. поруч. запас. эскадр. лейбъ-гвардіи уланскаго полка.	122	Сотникомъ.
57	Арсибекъ-Меликъ-Тангіевъ, отст. пор. 6 гусарскаго Клястицск полка.	122	—
58	Николаевъ, отст. корнетъ 13 гусарск. Нарвскаго полка.	122	Хорунжимъ.
59	Фитингофъ, корнетъ 7 уланск. Ольвіопольскаго полка.	122	Хорунжимъ.
60	Рачинскій, шт.-ротм. 2 лейбъ-гусарск. Павлоградскаго полка.	122	Сотникомъ.
61	Баронъ Дризенъ, поручикъ 4 Туркест. стрѣлковаго баталіона.	122	—
	Въ 1877 году:		
62	Ливенцовъ, полковникъ, состоявшій по армейской пѣхотѣ и въ распоряженіи командующаго войсками Туркест. в округа зачисленъ въ войско 19 мая 1877 г	145	Полковникомъ.
	Въ 1878 г. зачисленныхъ не было.		
	Въ 1879 году:		
63	Жуковъ, поруч. 10 Туркест. лин. батал.	127	Сотникомъ.
64	Сакулинъ, — 12 „ „	127	—

65	Крупенниковъ, прапор. Бахт. мѣстн. команды.	127	Хорунжимъ.
66	Ивановъ, поручикъ 2 лейбъ-драгунск. Псковск. полка прикоманд.	113	Поручикомъ.
67	Алла-кули-бекъ Джурабекъ, прапорщ. милиціи тоже прикомандированъ.	127	Прапорщикомъ.
68	Машинъ, есаулъ Сибирскаго к. в.	148	Есауломъ.
69	Карель. шт.-капит. состояв. по гвард. кавал.	188	—
70	Колесниковъ, подполковникъ, состоявш. по армейской кавалеріи, адъютантъ к-щаго войсками Туркест. воен. окр. съ зачисленіемъ по Семир. к. в.	191	Подполковник.
71	Подгорѣцкій, подпоручикъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.	191	Сотникомъ.
72	Фридландеръ корнетъ 11 Чугуевскаго уланскаго полка.	301	Хорунжимъ.

Изъ этого числа зачисленныхъ или прикомандированныхъ на службу въ Семирѣченское войско лицъ — по роду оружія и службы было:	Отдѣльно	Всего.
Изъ пѣхоты: гвардейской	2	
армейской	16	
инженерныхъ войскъ	1	
корпуса военныхъ топографовъ	1	
губернскихъ баталіонсвъ и мѣст. командъ	3	23
Изъ конницы: гвардейской кавалеріи	14	
армейской	27	
каз. войскъ: Сибирскаго	4	
Забайкальск.	2	
кавказской милиціи	1	48
Изъ гражданскихъ чиновниковъ	1	1
Всего по 1 января 1880	—	72
Въ этомъ числѣ: опредѣленныхъ на службу въ войско изъ отставки	15	
Прикомандированныхъ, но къ 1 января 1880 г. еще на зачисленныхъ въ войско	3	

143

СПИСОКЪ

офицеровъ, ушедшихъ изъ войска, откомандированныхъ или умершихъ изъ числа 72-хъ поименованныхъ въ предыдущемъ спискѣ, въ примѣчании 142 источниковъ здѣсь. Составленъ по подлиннымъ приказамъ.

№№ по порядку.	Чины и фамиліи.	№ приказа по войску.
	Въ 1870 году:	
1	Есаулъ Герасимовъ.	60
2	Сотникъ Потуловъ	88
3	Войск. старш. Лисовскій.	109
4	Корнетъ Ускембаевъ умеръ,	183
5	Сотникъ Пчельниковъ. и 1871 г./№ 250.	345
6	Сотникъ Оржицкій.	378
7	Есаулъ Марковъ умеръ	381
	Въ 1871 году.	
8	Есаулъ Новоселовъ.	100
9	— Назанскій.	226
10	Подполковникъ Главацкій.	228
11	Войск. старш Принцъ.	256
12	— — Козловъ.	277
	Въ 1873 году.	
13	Есаулъ Ишервудъ.	69
14	Сотникъ Брилевскій.	93
	Въ 1874 году.	
15	Войск. старш. Бергъ.	20
16	Сотникъ Пшичевичъ.	151
17	Есаулъ Рауэръ.	194
18	Войсков. старш. Вильде.	236
	Въ 1875 году.	
19	Есаулъ Гробовскій умеръ.	97

20	Сотникъ Шафаловичъ.	129
21	— Кушелевскій.	153

Въ 1876 году.

22	Есаулъ бар. Унгернъ-Штернбергъ умеръ.	11
23	Хорунжій Хлюстинъ умеръ.	11
24	Есаулъ Чебышевъ	69
25	Сотникъ Фурманъ	122
26	— Андреевскій.	234

Въ 1877 году.

27	Сотникъ Гамбурцевъ съ 1872 г./№ 298 состоялъ на службѣ внѣ войска и окончательно отчисленъ 1877 года.	10
28	Есаулъ Колокольцовъ.	45
29	— бар. Будбергъ умеръ.	106
30	Подполковникъ Криденеръ прикомандированъ къ дѣйствующей арміи въ Турціи 1877 г. № 111, не возращ., отчисленъ окончательно въ 1879 году.	46
31	Войск. старш. баронъ Штакельбергъ.	132
32	Сотникъ Брянчаниновъ.	178
33	Хорунжій князь Трубецкой, не прибывая къ войску, уволенъ въ отставку	179
34	Хорунжій Ладыженскій	181
35	Есаулъ баронъ Дризенъ.	224
36	Войск. старш. Сарандинаки.	247
37	Сотникъ Булацель	275

Въ 1878 году.

38	Сотникъ Арс.-Мел. Шангіевъ умеръ.	7
39	— Стороженко.	62
40	Есаулъ Мельниковъ.	62
41	Сотникъ Черепашковъ 1879 № 170.	67
42	Есаулъ Чановъ.	119

Въ 1879 году.

43	Сотникъ Златогорскій	36
44	Есаулъ Десятовъ умеръ.	98
45	Хорунжій Николаевъ.	141
46	Полковникъ Гринвальдъ.	148
47	Есаулъ Бутовичъ.	293

144 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в, оп. д., пост. изъ каз отд. Семир. штаба, по час. хоз. дѣло 1876 г. № 56, листы 206 и 207—распоряженія вр. к-щаго войсками Турк. в. окр. ген. Колпаковскаго о составленіи всепод. отчета за 1875 годъ

145 Источникъ указ. въ примѣч. 141 здѣсь и циркуляръ Гл. штаба 1 авг. 1874 г. № 189.

146 Прик. по воен. вѣд. 1878 г. № 234.

147 Прик. воен. министра 16 нояб. 1867 г. № 372.

148 Прик. по воен. вѣд. 1869 г. №292.

149 Тоже 1877 г. № 50.

150 Циркуляръ гл. штаба 1870 г. № 312.

151 Прик. по воен. вѣд. 1869 г. № 132.

152 Тоже 1870 г. № 52.

153 Разъясненіе гл. уп-нія ирр. в. 2 апр. 1871 г. Сборн. правит. распор. по каз. войск. 1871 г. ст. 171.

154 Приказъ по воен. вѣдом. 1870 г. № 79.

155 Прик. по воен вѣд. 1875 г. № 348.

156 Тоже 1872 г. № 12.

157 Циркуляръ гл. упр-нія ирр. в. 1878 г. № 18.

158 Прик. по воен. вѣд. 1873 г. № 92.

159 Тоже, 1876 г. №№ 239 и 265.

160 Источникъ указ. въ примѣч. 150 здѣсь и сборникъ правит. распор. по каз. в. 1870 г. ст. 110.

161 Прик. по воен. вѣд. 1876 г. № 239.

162 П. С. З Р. И. 1867 г. т. XLII, ст. 44845, штатъ полка и примѣчанія 2 и 4 къ штату.

163 Прик. по воен. вѣд. 1870 г. № 250; 1871 г. №386; Сборникъ правит. распор. по каз. войскамъ 1871 г. т. VII, приложеніе 1-е.

164 Прик. по воен. вѣд. 1870 г. № 250 и всепод. отчетъ о сост. Семир к. в. за 1871 г. относительно столовыхъ к-рамъ отд. полусотенъ.

165 Прик. по воен. вѣд. 1872 г. № 1.

166 Прик. по воен. вѣд. 1873 г. № 297.

167 Тоже 1874 г. № 110.

168 Тоже 1876г № 130.

169 Тоже 1869 г. № 343.

170 Тоже 1870 г. № 380.

171 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д., пост. изъ каз. отд. Семир. штаба, по част. хоз, дѣло 1870—1876 г.г. № 446.

172 П. С. З. Р. И. 1858 г. т. XXXIII, ст. 32 975.

173 Источникъ, указан. въ примѣч. 130 здѣсь, стр. 505—511.

174 П. С. З Р. И. 1870 г. т. XLV. ст. 48274 и 48275.

175 Прик. по Семир. к. в. 13 ноября 1870 г. № 353.
176 Тоже 1871 г. № 52.
177 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в. оп. д., пост. изъ каз. отд. Семир. штаба, по час. хоз., дѣло 1870 г. № 527, т. I-й.
178 Прик. воен министра 1868 г № 247 и прик. по воен. вѣд. 1868 г. № 212.
179 Прик по воен, вѣд. 1869 г. № 356 и 11.
180 Тоже 1872 г. № 370.
181 Тоже 1868 г. № 147, 1872 г. № 1 и 1873 г. № 8.
182 Тоже 1879 г. № 256.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 4-я

Военно-историческій обзоръ съ 1855 года

Глава 4-я.

Военно-историческій обзоръ съ 1855 года.

Изъ предъидующаго мы уже знаемъ, что отношеніе туземнаго населенія въ Семирѣченскомъ и Заилійскомъ краяхъ къ русскимъ, въ смыслѣ признанія ихъ власти, были далеко не одинаковы. Эта разница въ отношеніяхъ вызывалась не одними только, уже ранѣе приведенными причинами, но еще и тѣмъ, не менѣе важнымъ обстоятельствомъ, что *Семирѣченскій край* своей внѣшней границей соприкасался только съ владѣніями Китая въ Восточномъ Туркестанѣ, гдѣ власть и силы Небесной имперіи не были на столько велики и дѣйствительны, чтобы, съ одной стороны, китайцы могли-бы имѣть извѣстное вліяніе въ нашемъ туземномъ населеніи, а съ другой—чтобы это населеніе, помня опытъ прошлаго, могло-бы питать какія либо серьезныя надежды сбросить власть русскихъ при помощи китайцевъ.

Въ *Заилійскомъ-же краѣ*, въ этомъ отношеніи, существовали совершенно иныя условія Здѣсь—близость Коканской границы и полунезависимое положеніе кара-киргизъ вливали слишкомъ много надеждъ, особенно при наличности настойчиваго стремленія единовѣрнаго Кокана, возстановить свои утраченныя власть и вліяніе въ Заилійскомъ краѣ, болѣе близкія сердцу кочевника, чѣмъ непонятная для него культурная власть русскихъ, не признающая ни грабежей, ни набѣговъ. Вслѣдствіе этого, происки коканцевъ, съ цѣлью поднять мѣстное населеніе противъ русскихъ, прекратились только съ занятіемъ Коканскаго ханства въ 1876 г. и только въ этомъ году растаяли послѣднія надежды туземцевъ.

Такимъ образомъ, политическая жизнь туземнаго населенія протекла почти спокойно въ Семирѣченскомъ краѣ и среди сильныхъ тревогъ и волненій въ Заилійскомъ.

1855 годъ Еще въ январѣ этого года приставъ при киргизахъ Б.-Орды, подполковникъ Перемышльскій, получилъ свѣдѣнія, что коканцы лѣтомъ предполагаютъ вторгнуться изъ-за р. Чу въ нашъ Заилійскій край и что съ этой цѣлью ими въ Ауліэата и Пишпекѣ, наиболѣе сильныхъ центрахъ долинъ Талоса и Чу, свозятся запасы и стягиваются войска(1).

Въ февралѣ эти слухи подтвердились и, кромѣ того, въ руки Перемышльскаго попали письма коканскихъ властей изъ Ташкента, къ выдающимся біямъ Б.-Орды, которыми коканцы, сообщая о своихъ предположеніяхъ, двинуться на русскихъ въ Заилійскій край, приглашали подвластныхъ намъ киргизъ къ возстанію или, по крайней мѣрѣ, къ уходу изъ сферы русскаго вліянія и сближенію съ ними(2).

Въ мартѣ-же и, особенно, въ маѣ намѣренія коканцевъ и съ ними за чуйскихъ кара-киргизъ на столько выяснились(3), что Перемышльскій, хотя подвластные намъ киргизы Б.-Орды и оставались спокойными, счелъ необходимымъ воспользоваться даннымъ ему, еще въ февралѣ этого года, разрѣшеніемъ командира отдѣльнаго сибирскаго корпуса, генерала Гасфордта,—требовать подкрѣпленія изъ Капала(4)—и предложилъ полковнику Хоментовскому выступить изъ Капала съ двумя сотнями сибирскихъ казаковъ и двумя орудіями въ укрѣп. Вѣрное(3), куда послѣдній и прибылъ 26 мая(5).

Но еще до прихода сюда отряда Хоментовскаго, намѣренія коканцевъ—перейти р. Чу, тогдашнюю нашу съ ними границу, и вторгнуться въ Заилійскій край,—такъ были близки къ осуществленію, что правобережные киргизы Б.-Орды, удержанные Перемышльскимъ въ повиновеніи и мало надѣявшіеся на успѣхъ коканцевъ, а потому и опасавшіеся со стороны ихъ союзниковъ грабежа, бросили свои посѣвы и кочевья и стянулись къ Вѣрному, гдѣ, не имѣя достаточно корма для своего скота,—начали бѣдствовать. Вслѣдствіе такого положенія, грозившаго волненіями и измѣной кочевниковъ, Перемышльскій принужденъ съ бывшимъ въ его распоряженіи казачьимъ отрядомъ выдвинуться къ западу, чѣмъ, прикрывъ своихъ киргизъ со стороны р. Чу, далъ имъ возможность вернуться на оставленныя ими мѣста(6) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, своимъ смѣлымъ движеніемъ окончательно удержалъ готовившееся вторженіе въ наши предѣлы(7).

Въ началѣ іюня положеніе дѣлъ и намѣренія коканцевъ такъ уже измѣнились, что подкрѣпленіе было возвращено въ Капалъ, а нѣкоторые изъ манаповъ кара-киргизъ, начали снова заискивать и даже заявили Перемышльскому о своемъ нежеланіи добровольно подчиниться требованіямъ коканцевъ

—прибыть съ подкрѣпленіями въ Пишпекъ(7).

Вскорѣ послѣ этого представлялся и другой случай развить наше значеніе въ краѣ, но, не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточно силъ и средствъ,—перебросить русское вліяніе за хребетъ Алатау, въ бассейнъ озера Иссыкъ-Куль, занятый кара-киргизами,—въ западной части родомъ сарыбагишъ, а въ восточной родомъ богу, изъ которыхъ первый считался подданнымъ Кокана, а второй Китая. Перемышльскій не могъ въ этомъ-же году воспользоваться и вспыхнувшей старой враждой между этими сильными родами.

Въ данномъ случаѣ онъ вынужденъ былъ подъ разными благовидными предлогами даже отказаться отъ предложенія богинъ—выставить въ ихъ кочевьяхъ сильный казачій отрядъ и устроить тамъ укрѣпленіе, отложивъ, по распоряженію Гасфордта, выполненіе этого предложенія на весну 1856 г.(8).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая упустить представившійся случай войти въ болѣе близкія отношенія съ богинами, Перемышльскій, еще до полученія запрошенныхъ имъ по этому поводу инструкцій изъ Омска(8), отправилъ хорунжаго Лаптева съ 40 казаками въ главныя кочевья богу, по р. Тюпу, восточному притоку Иссыкъ Куля.

Лаптевъ, выступивъ 9 сентября изъ Вѣрнаго и, перейдя рр. Чарынъ, Кегень и перевалъ Санъ-Ташъ, спустился къ стойбищамъ богинъ, гдѣ, пробывъ 8 дней, двинулся обратно чрезъ горы Туръ-айгыръ на рѣку Чиликъ и 6 октября возвратился въ Вѣрное(9).

Конецъ 1855 г. ознаменовался движеніемъ казачьяго отряда войскового старшины Шайтанова въ кочевья при-чуйскихъ кара-киргизъ для наказанія ихъ за угонъ табуна казенныхъ и частныхъ лошадей изъ подъ укр. Вѣрнаго. 2 февраля на ур. Курдай, что въ западныхъ отрогахъ Ала-тау, киргизы встрѣтили отрядъ и вступили въ бой, но дѣйствіемъ ракетъ и рѣшительнымъ натискомъ казаковъ были опрокинуты и разсѣяны, при чемъ отбито около тысячи лошадей, 200 верблюдовъ 600 головъ разнаго другого крупнаго и мелкаго скота. Начавшаяся такъ удачно экспедиція закончилась значительно хуже.

Въ нападеніи отряда на аулы кара-киргизъ приняли участіе, въ союзѣ съ нами, 250 киргизъ Б. Орды, подъ предводительствомъ бія Джайнака, служившаго проводникомъ отряду. Дикіе союзники, увидя отбитый скотъ, охраняемый во время столкновенія лишь незначительной частью казаковъ, бросились на него и успѣли угнать большую часть добычи. Благодаря этому отрядомъ Шайтанова доставлено въ укрѣп.

Вѣрное только 300 лошадей, 56 верблюдовъ и 250 головъ другого скота(10).

1856 годъ. Вражда богинъ и сары-багишей продолжалась и въ маѣ 1856 г. привела къ такому разгрому первыхъ вторыми, что богины бѣжали къ р. Текесу и, не видя защиты со стороны своего сюзерена, обратились къ Перемышльскому съ просьбой принять ихъ въ русское подданство и поддержать въ борьбѣ съ ихъ врагомъ.

На этотъ разъ ихъ просьба была удовлетворена и въ іюнѣ въ кочевья богу направился значительный отрядъ подъ начальствомъ полковника Хоментовскаго, остававшагося временно за Перемышльскаго.

Сары-багиши отошли на западъ въ верховья Чу и, пока нашъ отрядъ водворялъ богинъ на ихъ старыя мѣста, воспользовались отсутствіемъ свободныхъ для дѣйствія войскъ въ укр. Вѣрномъ, бросились къ р. Или, разбили шедшій изъ Капала транспортъ, захватили въ плѣнъ даже нѣсколькихъ солдатъ его прикрытія и попутно разграбили аулы нашихъ киргизъ Б.-Орды племени Дулатъ.

Хоментовскій, получивъ извѣстіе объ этомъ набѣгѣ, безнаказанность котораго могла бы сильно уронить престижъ русскихъ въ странѣ, поспѣшилъ вернуться въ Вѣрное и, сформировавъ здѣсь новый отрядъ изъ двухъ сотенъ казаковъ есаула Бутакова, роты пѣхоты съ ракетнымъ станкомъ, усиленный массами киргизъ Б.-Орды, выступилъ 13 августа черезъ Кастекскій перевалъ въ кочевья сары-багишей.

Спустившись неожиданно для нихъ въ долину р. Чу, отрядъ успѣлъ захватить почти весь пасшійся здѣсь скотъ и направился обратно къ перевалу. Но сары-багиши, руководимые коканцами, быстро оправились отъ овладѣвшей ими паники, настигли нашъ отрядъ у подъема къ Кастекскому перевалу и, окруживъ его со всѣхъ сторонъ, вступили въ упорный бой.

Численный перевѣсъ нападавшихъ былъ такъ великъ, что отрядъ не только не могъ перейти въ наступленіе, но даже съ трудомъ пробивался впередъ, по необходимости бросая отбитый скотъ, сборъ котораго, къ тому-же, и развлекалъ насѣдавшаго врага. Только поздно вечеромъ отрядъ пробился къ вершинѣ перевала, гдѣ, наконецъ, сары-багиши оставили его и онъ могъ безпрепятственно двигаться къ Вѣрному, куда и вернулся 20 августа, потерявъ убитыми 8 и ранеными болѣе 30 человѣкъ(11).

Съ этого-же года начинаются пограничныя съ Китаемъ

недоразумѣнія, чему причиною явилась собственно неопредѣленность границы, а толчекъ къ проявленію ихъ далъ вопросъ объ удовлетвореніи за устроенную при русскомъ консульствѣ въ Чугучакѣ нашу факторію, которую китайцы разорили и сожгли въ 1856 году.

Китайскія власти, опасаясь за успѣхъ переговоровъ по удовлетворенію за погибшую факторію, рѣшили было, на случай вооруженнаго столкновенія съ русскими въ Заилійскомъ краѣ, построить укрѣпленный пунктъ на границѣ([12])), которою тогда здѣсь условно признавалась р. Чарынъ([13]).

Въ 1856 году это предположеніе ими было почему то не выполнено, а въ 1857-мъ—выставленный на урочищѣ Айдарлы-Кумъ, выше устья Чарына, казачій отрядъ прямо уже помѣшалъ имъ это исполнить([12]).

1857 и 1858 годы прошли въ Алатавскомъ округѣ и Семирѣченскомъ краѣ почти совершенно спокойно и заняты были колонизаціей страны казаками. Въ 1858 г. на должность начальника Алатавскаго округа, вмѣсто полковника Перемышльскаго, былъ назначенъ маіоръ Колпаковскій, который и прибылъ во ввѣренный ему округъ 4 іюля 1858 года([12]).

Постоянная агитація коканцевъ среди подвластныхъ 1859 годъ.
намъ киргизъ Б.-Орды и достаточно обоснованныя подозрѣнія въ побужденіи ими сары-багишей къ набѣгамъ на подданныхъ намъ кочевникомъ вызывали необходимость нанести чувствительный ударъ непосредственно самимъ коканцамъ. Но для этой цѣли театръ военныхъ дѣйствій приходилось перенести въ Чуйскую долину, наши свѣдѣнія о которой были тогда еще очень бѣдны. Поэтому, для рекогносцировки ея верхней части и расположенныхъ тамъ ближайшихъ коканскихъ крѣпостей Токмака и Пишпека, въ укрѣп. Вѣрномъ былъ сформированъ отрядъ([15]) изъ двухъ ротъ пѣхоты, одной сотни казаковъ, двухъ горныхъ орудій и двухъ ракетныхъ станковъ подъ начальствомъ войскового старшины Шайтанова.

Этотъ отрядъ, выступивъ изъ Вѣрнаго 12 мая, 17-го подошелъ къ подошвѣ Кастекскаго перевала, гдѣ и заложилъ наше передовое укрѣпленіе Кастекъ. 27 мая отрядъ двинулся чрезъ перевалъ и спустился въ долину Чу. Изъ Токмака на встрѣчу ему выступили и коканцы, и, не вступая въ бой, только издали слѣдили за его движеніями.

Штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба Венюковъ, командированный въ Алатавскій округъ для руководства топографическими съемками въ Заилійскомъ Алатау и бассейнѣ Иссыкъ-Куля, руководившій и настоящей рекогносцировкой, осмотрѣвъ Токмакъ, двинулся по правому берегу р. Чу къ Пишпеку.

3 и 4 іюня отрядъ нашъ, около высотъ Чумичъ, выдержалъ двѣ атаки кара-киргизскихъ скопищъ, отбитыхъ съ большимъ для нихъ уономъ, а 10-го подошелъ къ Пишпеку. По окончаніи рекогносцировки здѣсь, Шайтановъ чрезъ перевалъ Курдай, что въ горахъ Кендыкъ-тау, западныхъ отрогахъ Заилійскаго Алатау, направился назадъ - къ укрѣп. Кастекъ, гдѣ оставивъ часть отряда—достраивать укрѣпленіе, съ остальными силами возвратился въ Вѣрное, исправивъ попутно и дорогу(16).

Эта рекогносцировка, помимо важныхъ свѣдѣній, доставленныхъ ею о будущемъ театрѣ военныхъ дѣйствій, уже положительно выяснила, что коканцы усиленно агитируютъ противъ насъ среди сары-багишей, подстрекая ихъ къ нападеніямъ на нашихъ подданныхъ киргизъ и кара-киргизъ (богу).

Письма-же, разосланныя около этого времени изъ Пишпека, приглашавшія киргизъ Б.-Орды къ совмѣстному съ коканцами нападенію на русскихъ и изгнанію ихъ за р. Или, окончательно убѣдили мѣстную власть въ необходимости энергичныхъ дѣйствій противъ коканцевъ, и въ опасности дальнѣйшаго съ ними промедленія.

Поэтому на военномъ совѣтѣ, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ генерала Гасфордта прибывшаго въ концѣ іюля въ Вѣрное для инспекціи, былъ намѣченъ планъ похода къ Токмаку и Пишпеку(16).

Въ сентябрѣ были закончены работы по возведенію Кастекскаго укрѣпленія, а на р. Узунъ Агачъ устроенъ наблюдательный и для связи Вѣрнаго съ Кастекскомъ пикетъ(16), гдѣ постоянная оборонительная казарма выстроена уже потомъ въ первой половинѣ 1860(17).

Укрѣп. Кастекъ занято гарнизономъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія и еще въ октябрѣ подверглось нападенію кара-киргизъ. Въ ночь съ 8 на 9 октября гарнизонъ былъ поднятъ криками и выстрѣлами нападавшихъ, которые, приблизившись незамѣтно, успѣли угнать изъ загона при укрѣпленіи часть казачьихъ и артилерійскихъ лошадей. Погоня, посланная за нападавшими, настигла ихъ еще въ 2-хъ верстахъ отъ укрѣпленія и отбила всѣхъ угнанныхъ лошадей

На слѣдующую ночь кара-киргизы снова повторили нападеніе, но, попавъ подъ артилерійскій огонь, бѣжали, произведя въ окрестностяхъ Кастека наполаный пожаръ, которымъ и выжгли всѣ пастбища для скота укрѣпленія(18).

Эти два случая заставили обратить самое серьезное вниманіе на соблюденіе въ Кастекѣ всѣхъ мѣръ военной осто-

рожности, почему служба небольшого гарнизона укрѣпленія сдѣлалась на столько тяжела, что составъ его пришлось часто смѣнять свѣжими войсками(19)

Въ концѣ-же октября генераломъ Гасфордтомъ были отданы всѣ предварительныя распоряженія по приготовленію средствъ для предположенной въ слѣдующемъ году экспедиціи за р. Чу, въ которой, считая ее весьма серьезной, онъ предполагалъ принять участіе и самъ лично(20),

---

Въ половинѣ октября 1859 года начальникъ Алатавскаго округа получилъ свѣдѣнія, что китайскій отрядъ, не признавая повидимому отложеніе кара-киргизъ рода богу, появился въ ихъ кочевьяхъ, для рѣшенія съ ними какихъ-то дѣлъ. Не принимая прямыхъ мѣръ къ удаленію китайцевъ, маіоръ Колпаковскій запросилъ по этому поводу нашего Кульджинскаго консула Захарова, который и предложилъ ему не прибѣгать къ силѣ, а примѣнить и теперь уже удачно испытанный съ китайцами способъ, заключавшійся въ томъ, чтобы какой либо нашъ сфицеръ, за спиною котораго китайскій чиновникъ видѣлъ-бы вооруженную силу, настойчиво и категорически предложилъ-бы ему оставить съ отрядомъ русскую территорію(21).

1860 г. экспедиція въ при-Иссык-Кульскій край. Взятіе Токмака и Пишпека. Бой при Узунъ-Агачѣ.

Только къ началу этого года начальникъ Алатавскаго округа получилъ, наконецъ, разрѣшеніе и возможность вторично отправить къ восточнымъ берегамъ Иссыкъ-Куля, въ кочевья богу, отрядъ для защиты ихъ отъ набѣговъ сары багишей и притязаній, появившихся среди богинъ, коканцевъ.

Въ первыхъ числахъ февраля этотъ отрядъ въ составѣ всего 70 казаковъ при двухъ ракетныхъ станкахъ былъ уже сформированъ въ Вѣрномъ и начальство надъ нимъ поручено сотнику 10 полка Жеребятьеву, въ инструкціи которому между прочимъ предписывалось: остановиться въ кочевьяхъ главныхъ манаповъ, защищать богинъ отъ набѣговъ сары-багишей и притязаній коканцевъ; сноситься на мѣстѣ только съ манапами, избѣгая черни, которая не понимаетъ еще русскихъ; постараться привлечь на нашу сторону сильнѣйшаго въ богу манапа Муратъ-Али и если это удастся—то послать казаковъ или ѣхать самому съ сильнымъ конвоемъ къ тамошнему коканскому отряду и категорически предложить его старшему датхѣ (начальнику) вывести отрядъ изъ кочевья богинъ; въ случаѣ-же отказа грозить силою и захватомъ въ

плѣнъ коканскихъ датхъ Если-же Муратъ-Али будетъ колебаться, то съ тѣмъ-же предложеніемъ послать къ коканцамъ кого либо изъ богинъ, по выборv манаповъ А такъ какъ султаны атбановъ. по желанію начальника округа, изъявили желаніе помочь богинамъ въ защитѣ отъ сары-багишей -- то на Жеребятьева возлагалась еще и обязанность—быть посредникомъ въ случаяхъ недоразумѣній между богу, и атбанами(22).

5 февраля отрядъ Жеребятьева, на киргизскихъ лошадяхъ, снабженный провіантомъ на два мѣсяца, выступилъ Илійскою долиною на р Чиликъ. а потомъ, чрезъ горы Сійрекъ-ташъ, Туръ-эйгыръ и перевалъ Санъ-ташъ, въ кочевья богу (23), куда и прибылъ 16 февраля(24) Здѣсь отрядъ расположился на р. Тюпъ и Жеребятьевъ приступилъ къ выполненію своей сложной и отвѣтственной миссіи.

Здѣсь Жеребятьевъ узналъ, что богины совсѣмъ не были расположены къ намъ въ той степени, въ какой это предполагалось и что большинство изъ нихъ еще колебалось между русскими и коканцами. Это обстоятельство, въ связи съ малочисленностью отряда, совершенной непригодностью ракетъ, выданныхъ ему въ Вѣрномъ, и изнуренностью киргизскихъ лошадей, которыми въ этомъ случаѣ были замѣнены строевыя казачьи за неимѣніемъ ихъ *),—не позволили Жеребятьеву принять рѣшительныхъ мѣръ къ удаленію коканцевъ съ территоріи богу, почему онъ и просилъ объ усиленіи отряда и высылкѣ свѣжихъ ракетъ. Но однако, еще до полученія подкрѣпленія, онъ успѣлъ привлечь на свою сторону нѣкоторыхъ вліятельныхъ манаповъ, для поддержанія значенія которыхъ рѣшился перейти съ Тюпа, далѣе на югъ.—къ р Джаргаланъ и предполагалъ даже передвинуться на рѣку Караколъ (25).

Просимое подкрѣпленіе изъ 30 казаковъ и горнаго орудія съ коноводами къ нему тоже изъ казаковъ и прислугою изъ пѣхотныхъ солдатъ, обученныхъ дѣйствію при немъ, выступило изъ Вѣрнаго 7 го апрѣля, ведя съ собою и строевыхъ казачьихъ лошадей Съ этимъ-же подкрѣпленіемъ отправленъ въ Иссыкъ-Кульскій отрядъ одинъ топографъ и продовольствіе еще на два мѣсяца впередъ (26). Съ прибытіемъ подкрѣпленія Жеребятьевъ получилъ возможность дѣйствовать энергичнѣе, какъ среди богинъ, такъ и въ отношеніи коканцевъ, для побужденія которыхъ отойти --онъ двинулся, въ на-

*) Строевыя лошади не были въ это время собственными; снабженіе казаковъ лошадьми лежало тогда на обязанности Сибир. войск. начальства за счетъ войскового капитала.

чалѣ мая, съ р. Кара колъ на р. Джеты-огузъ.

Коканцы-же, принявъ это движеніе русскаго отряда за начало наступленія на нихъ, снялись со своей стоянки на р. Джууке и, въ ночь на 7 мая, скрылись чрезъ соименный этой рѣкѣ перевалъ ([27]).

Между тѣмъ въ укрѣпленіяхъ Вѣрномъ и Кастекѣ приготовлялся новый отрядъ, подъ командой войскового старшины Шайтанова, изъ полуроты стрѣлковъ, 120 казаковъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ, цѣлью движенія котораго намѣчено воздѣйствіе на сары-багишей въ центрѣ ихъ кочевій и рекогносцировка западной стороны Иссыкъ-Куля и верховій Чу.

Руководство этой рекогносцировкой и наблюденіе за топографическими работами, намѣченными во время ея, снова поручено капитану генеральнаго штаба Венюкову, инструкціей которому, данной Гасфордтомъ, положительно запрещалось переходить на лѣвый берегъ Чу или предпринимать какія либо наступательныя дѣйствія противъ коканцевъ Этой-же инструкціей восточно-иссык-кульскій отрядъ Жеребятьева подчиненъ Венюкову и долженъ былъ содѣйствовать достиженію цѣли, поставленной отряду Шайтанова, при чемъ срокъ для выполненія всей рекогносцировки былъ назначенъ мѣсячный ([28]).

Западный отрядъ Шайтанова, сосредоточившись въ Кастекѣ, выступилъ оттуда около 10 мая ([28]), 21 былъ уже на ур. Кутемалды, т. е. на крайней сѣверо-западной оконечности озера Иссыкъ-Куль ([29]).

Въ то-же время восточный отрядъ Жеребятьева, по распоряженію Венюкова, послѣ 14 мая началъ движеніе *по южному* берегу Иссыкъ-Куля, направляясь къ тому-же ур. Кутемалды ([27]), гдѣ въ послѣднихъ числахъ мая и присоединился къ отряду Шайтанова. Соединенные отряды выступили для рекогносцировки вверхъ по р. Качкаръ и 3 іюня вышли въ долину Джуанъ-арыка (Кара-Колъ), гдѣ, достигнувъ узла путей чрезъ горные проходы Тюлюкемъ, Кызартъ и Сусамыръ (?), ведущихъ на Нарынъ и Таласъ (?)*), повернули назадъ и 6 іюня снова были на Кутемалдахъ ([30]), а потомъ возвратились на Кастекъ.

Вслѣдъ за уходомъ восточно-иссыкъ-кульскаго отряда изъ кочевій богу, тамъ, для установленія лучшаго порядка управленія и устраненія всякихъ случайностей, одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ и преданныхъ намъ манаповъ—Качи

*) Если только въ верховья Таласа (р. Кара-Колъ), то не имѣлъли въ виду въ своемъ донесеніи кап. Венюковъ одинъ изъ горныхъ проходовъ—Кара-Колъ или Ала-мединъ? Примѣч. автора.

бекъ-Ширалинъ, пожалованный чиномъ маіора, былъ избранъ и утвержденъ въ должности старшаго манапа, для поддержанія и укрѣпленія власти котораго снова потребовался русскій отрядъ. Съ этой цѣлью сотникъ Жеребятьевъ съ 75 ю казаками и однимъ горнымъ орудіемъ 27 іюня опять выступилъ изъ Вѣрнаго, но на этотъ разъ уже въ лѣтнія кочевья богу, большинство которыхъ было на р. Текесѣ, т. е. *на китайской территоріи*.

8 іюля Жеребятьевъ пришелъ на р. Каръ-Кара и, на основаніи данной ему маіоромъ Колпаковскимъ инструкціи, сталъ лагеремъ у прохода Санъ-Ташъ, т. е. на пути сообщенія зимнихъ и лѣтнихъ кочевій богу ([31]). Отрядъ здѣсь простоялъ до половины августа, когда по необходимости въ войскахъ былъ отозванъ обратно въ Вѣрное ([32]).

Не смотря на представленіе Гасфордта и положительную неотложность движенія въ за-Чуйскій край для обезпеченія нашихъ владѣній въ Заилійскомъ,—этотъ вопросъ былъ поставленъ въ связи съ наступленіемъ въ коканскія владѣнія со стороны Сыръ Дарьинской линіи, которое, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, не могло состояться въ этомъ году ([33]). Вслѣдствіе такой постановки этого вопроса, правительствомъ и не было назначено спеціальныхъ средствъ для экспедиціи въ 1860 году со стороны Алатавскаго округа и наступленіе къ Пишпеку приказано отложить до слѣдующаго года.

Общій-же характеръ нашихъ дѣйствій въ Заилійскомъ краѣ относительно Кокана пока указанъ правительствомъ только какъ выжидательный и долженъ былъ состоять лишь въ охранѣ нашей границы, а рѣшительныя военныя дѣйствія допускались исключительно въ крайнемъ случаѣ ([33]).

Однако генералъ Гасфордтъ, зная истинное положеніе дѣлъ на Алатавской границѣ и противника, который, со времени послѣдняго разгрома его силъ 19 декабря 1853 г. подъ Акъ-мечетью, имѣлъ достаточно времени оправиться и понять опасность своего положенія со стороны русскихъ въ Заилійскомъ краѣ, не отмѣнилъ своихъ распоряженій по приготовленіямъ къ экспедиціи за Чу въ 1860 году.

На неизбѣжность экспедиціи въ этомъ году указывало и развивавшееся все болѣе и болѣе волненіе среди нашихъ киргизъ, являвшееся слѣдствіемъ усиленной агитаціи коканцевъ. Это волненіе начало достигать такой степени напряженія, что явилась уже необходимость въ увеличеніи силъ на внутреннихъ стратегическихъ пунктахъ Алатавскаго округа и въ ох-

ранѣ станицъ особыми казачьими разъѣздами, патрулировавшими въ окрестной степи ([34]).

21 іюня 1860 года командиръ отдѣльнаго сибирскаго корпуса приказалъ полковнику Циммерману, командированному изъ Петербурга, выѣхать въ укрѣп. Вѣрное, гдѣ и принять въ свое распоряженіе, какъ всѣ расположенныя въ Заилійскомъ краѣ войска, такъ и средства, собранныя тамъ для предложенной экспедиціи, предписавъ ему „озаботиться приведеніемъ ихъ въ готовность къ походу такъ, чтобы въ случаѣ надобности, ихъ можно было-бы двинуть безъ затрудненія во всякое время ([35])".

Въ инструкціи генерала Гасфордта Циммерману между прочимъ было указано на необходимость личнаго ознакомленія съ путемъ наступленія къ р. Чу, а въ случаѣ обнаруженнаго движенія коканцевъ на правый берегъ этой рѣки,— положительно разрѣшалось идти противъ нихъ и не откладывать взятіе ихъ укрѣпленій—Токмака и Пишпека; если-же по мѣстнымъ условіямъ наличныя силы Заилійскаго края для этой цѣли окажутся недостаточными, то вызвать подкрѣпленіе и изъ Капала. Но все это разрѣшено при условіи: „употреблять только мѣстныя средства, не требуя ссобыхъ расходовъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи я", говоритъ въ своей инструкціи генералъ Гасфордтъ, „ограниченъ распоряженіями и повторительными подтвержденіями военнаго министра ([35]) "

Между тѣмъ и коканцы, несомнѣнно имѣвшіе чрезъ преданныхъ намъ киргизъ свѣдѣнія о приготовленіяхъ къ походу и встревоженные экспедиціей Венюкова, начали спѣшно стягивать свои силы въ Чуйской долинѣ, выславъ развѣдочные отряды на правый берегъ Чу. Одинъ изъ такихъ отрядовъ въ ночь съ 3 на 4 іюля былъ замѣченъ въ окрестностяхъ укрѣп. Кастекъ, опрокинутъ и разсѣянъ, при чемъ захваченъ въ плѣнъ одинъ сартъ, отъ котораго и узнано, что въ Пишпекѣ собрано около трехъ тысячъ войскъ и что ихъ отрядъ былъ высланъ оттуда для возмущенія русско-подданныхъ киргизъ ([36]).

Вслѣдствіе этого, принявшій уже къ тому времени командованіе войсками въ Заилійскомъ краѣ полковникъ Циммерманъ предложилъ маіору Колпаковскому немедленно двинуться для рекогносцировки и усилить гарнизонъ Кастека. Колпаковскій съ отрядомъ изъ 200 человѣкъ пѣхоты и двухъ сотенъ казаковъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ, выступилъ изъ Вѣрнаго 4 іюля ([37]), а полковникъ Циммерманъ съ остальными полевыми войсками передвинулся, вслѣдъ за нимъ, къ пикету Узунъ-агачъ.

Возвратившись чрезъ три дня, Колпаковскій доносилъ, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ имъ отъ купеческаго каравана, къ Пишпеку дѣйствительно стягиваются коканскія войска, которыя ведутъ „Кипчакъ Норъ-Магометъ и самъ парваначи Рустемъ-Бекъ", расчитывающіе со всѣми силами быть въ Пишпекѣ къ 1 іюля; кромѣ-же этого „въ Пишпекѣ ожидаются еще отряды въ 500 человѣкъ изъ Намангана, до одной тысячи изъ Кетьмень-Тюбе и собраны поголовныя ополченія изъ дикокаменныхъ киргизъ" (кара-киргизъ), а „въ настоящее время въ Пишпекѣ находится, кромѣ дикокаменныхъ, до двухъ тысячъ войска, набраннаго изъ разной сволочи, которая ежедневно разбѣгается отъ недостатка продовольствія, На р. Кара-Кунузѣ сарты выставили наблюдательный постъ" и что „сарты хотѣли захватить бывшій на р. Кебинъ нашъ наблюдательный постъ[38]".

Получивъ эти свѣдѣнія, полковникъ Циммерманъ приказалъ Колпаковскому спѣшно стягивать къ Вѣрному всѣ остальныя, имѣвшіяся въ Заилійскомъ краѣ, войска[38].

Составъ же свободныхъ для дѣйствія войскъ здѣсь былъ таковъ*): 5½ линейныхъ и 1½ стрѣлковыхъ ротъ 8 и 9 батальоновъ, дивизіонъ конной № 21 батареи, 3 взвода пѣшей батарейной батареи, 3 сотни казаковъ временнаго отряда и 2 сотни Алматинскихъ станицъ. Но изъ послѣднихъ были готовы къ походу только 110 казаковъ, всего при 66 строевыхъ лошадяхъ, изъ которыхъ однако 22 къ службѣ не были годны и въ довершеніе всего по числу этихъ казаковъ недоставало 38 ружей и столькихъ-же шашекъ**). Поэтому Колпаковскій приказалъ: казакамъ, не имѣющимъ строевыхъ лошадей, приготовить собственныхъ, а ружьями снабдить изъ лучшихъ бракованныхъ и позволить казакамъ, у кого есть, взять вмѣсто ружей изъ брака—собственныя винтовки[38]".

Свѣдѣнія, собранныя Колпаковскимъ оказались нѣсколько запоздавшими, но вѣрными, а дѣйствія коканцевъ болѣе скорыми и рѣшительными, чѣмъ это можно было-бы предполагать.

Рустемъ-Бекъ, не останавливаясь въ Пишпекѣ и желая, вѣроятно, предупредить русскихъ, быстро двинулся на правый берегъ Чу и 8 іюля утромъ атаковалъ Кастекъ передовыми отрядами кара-киргизъ Но гарнизонъ былъ наготовѣ, успѣлъ загнать своихъ лошадей въ укрѣпленіе, поплатившись при

*) Кромѣ находившихся въ Кастекѣ и отрядѣ Жеребятьева.

**) Оружіе, какъ лошади, было тоже не собственное казачье; а войсковое.

этомъ однимъ взятымъ въ плѣнъ артиллеристомъ, иотбилъ нападеніе.

Прискакавшіе съ Кастека на Узунъ-Агачъ казаки дали знать о нападеніи Циммерману, который тогда же приказавъ Колпаковскому спѣшно двинуть за нимъ изъ Вѣрнаго роту 8 го баталіона, 60 казаковъ и два батарейныхъ орудія, самъ со всѣми бывшими съ нимъ войсками немедленно двинулся къ Кастеку, куда и подошелъ еще въ тотъ-же день—8 іюля(39).

Рустемъ-Бекъ расположился на р Джерень-айгыръ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ укр Кастекъ, гдѣ и принялъ бой, въ которомъ, къ вечеру 8 іюля, скопища его, простиравшіяся до 5 тысячъ человѣкъ, были разбиты и разсѣяны отрядомъ Циммермана(40).

Въ то-же самое время, въ тылу нашего расположенія въ Заилійскомъ краѣ, случилось слѣдующее обстоятельство, показывающее, съ одной стороны,—какъ широко былъ развитъ планъ вторженія Рустемъ-Бека и какой опасности, въ случаѣ удачи его исполненія, подвергалось наше тамъ водвореніе, а съ другой—какъ были слабы наши здѣсь силы и что въ критическихъ случаяхъ сохраненіемъ занятаго края въ своихъ рукахъ мы обязаны исключительно одной только доблести нашихъ тамъ войскъ.

Исполняя вышеприведенное распоряженіе полковника Циммермана о высылкѣ вслѣдъ за нимъ изъ Вѣрнаго къ Кастеку роты, сотни и двухъ орудій, маіоръ Колпаковскій, одновременно съ отправленіемъ ихъ, въ тотъ-же день 8 іюля вызвалъ въ Вѣрное изъ укр Илійскаго 4-ю роту 9-го баталіона, оставивъ для защиты переправы чрезъ р. Или всего одинъ полувзводъ этой роты и распорядившись, въ то-же время, собрать въ Илійское укрѣпленіе казаковъ Илійской дистанціи, разбросанныхъ по пикетамъ.

Киргизы дулаты, дѣйствовавшіе очевидно по плану и указаніямъ Рустемъ-Бека, готовившіеся къ захвату Илійской переправы,—нашего единственнаго пути сообщенія съ Капальскими резервами, воспользовались отозваніемъ роты и не прибытіемъ казаковъ, 8 же іюля напали на укрѣп. Илійское Но, встрѣтивъ здѣсь отчаянное сопротивленіе полувзвода пѣхоты и нѣсколькихъ пикетныхъ казаковъ изъ постояннаго состава гарнизона, ограничились сожженіемъ нашего хутора на р. Или и заготовленнаго тамъ сѣна(41).

Послѣ пораженія кокандцевъ на р. Джерень-айгыръ и полученія извѣстій объ уходѣ ихъ на лѣвый берегъ Чу,—полковникъ Циммерманъ вернулся съ войсками въ укрѣпленіе Вѣрное. Полученныя же потомъ свѣдѣнія изъ-за Чу о гото-

вящемся тамъ новомъ вторженіи заставили Циммермана рѣшительно готовиться къ экспедиціи въ коканскія владѣнія, чна что онъ, помимо вышеприведеннаго распоряженія, полубилъ отъ командира отдѣльнаго сибирскаго корпуса еще осо-
ое секретное, которымъ онъ былъ уполномоченъ двинуться
а р. Чу, взять тамъ и уничтожить укрѣпленіе Токмакъ, а если обстоятельства позволятъ то разрушить и Пишпекъ(42).

Къ 22-му августа въ укрѣп. Кастекъ сосредоточены всѣ необходимыя для экспедиціи средства и войска. Отсюда отрядъ, въ составѣ: 6 ротъ пѣхоты, 6 сотенъ казаковъ съ ракетною командой, 4 конно-легкихъ и двухъ горныхъ орудій, двухъ полупудовыхъ и 4-хъ 6 фунтовыхъ кегорновыхъ мортиръ, выступилъ 23 августа къ р. Чу двумя колоннами: пѣхота съ артиллеріей чрезъ Биссе Мойнакъ а казаки съ ракетной командой чрезъ Кастекскій перевалъ(43). Колонны соединились въ Чуйской долинѣ, а 26 августа отрядъ Циммермана подступилъ къ крѣпостцѣ Токмакъ, которая была окружена рвомъ и имѣла двѣ ограды

Здѣсь коканцы не оказали почти никакого сопротивленія, сдавъ крѣпосцу послѣ нѣсколькихъ артиллерійскихъ выстрѣловъ. Въ ней найдено: знамя, два чугунныхъ орудія, 11 крѣпостныхъ и 47 обыкновенныхъ ружей, 32½ пуда пороху и проч.; гарнизонъ, въ числѣ 70 человѣкъ—отпущенъ.

Во время дневокъ 27 и 28 августа крѣпостца разрушена, а къ отряду присоединился подполковникъ Колпаковскій съ сотнею казаковъ и султанъ Тезекъ со 150-ю киргизъ.

29 августа отрядъ двинулся дальше и 30 подошелъ къ другой коканкой крѣпости—Пишпеку, которая имѣла видъ четырехугольника и тоже двѣ ограды, но была большихъ размѣровъ, чѣмъ Токмакъ. На предложеніе о сдачѣ полученъ отказъ, а потому пришлось начать правильную осаду. Къ утру 4 сентября, когда уже было успѣшно окончено вѣнчаніе гласиса противъ исходящаго угла западнаго фаса, крѣпость сдалась.

Всего вышло изъ крѣпости, кромѣ женщинъ и дѣтей 627 человѣкъ; въ ней найдено: 3 знамени, 5 мѣдныхъ и 11 чугунныхъ пушекъ, 49 крѣпостныхъ, 367 кремневыхъ и фительныхъ ружей 114 пудовъ пороху и проч.

Во время осады у насъ ранено 1 офицеръ, 5 нижнихъ чиновъ и убитъ одинъ фейерверкеръ.

Пишпекъ былъ разрушенъ и войска вернулись въ Вѣрное, а плѣнные пишпекскіе комендантъ и датха отправлены въ Семипалатинскъ(44)

Разрушеніемъ двухъ передовыхъ коканскихъ крѣпостей,

которыя, вслѣдствіе ихъ изолированнаго положенія отъ нашихъ владѣній и недостатка военныхъ силъ въ Зап. Сибири, мы не могли тогда удержать въ своихъ рукахъ, былъ нанесенъ только частный ударъ вліянію коканцевъ, но не ихъ силамъ и положенію въ краѣ, а поэтому ради возстановленія своего престижа въ странѣ и зная тамъ малочисленность русскихъ, они не могли такъ скоро отказаться отъ начатой борьбы.

Это обстоятельство, вѣроятно, ясно сознавалось и Циммерманомъ и Колпаковскимъ, почему они, вслѣдъ за возвращеніемъ изъ экспедиціи, въ сентябрѣ-же приступили къ укрѣпленію всѣхъ поселеній въ Заилійскомъ краѣ, гдѣ само, такъ называемое, „укрѣпленіе" Вѣрное представляло собственно только ничтожный фортъ. Въ этомъ отношеніи особенно характернымъ представляется отзывъ Циммермана, который въ письмѣ своемъ Гасфордту между прочимъ выразился такъ: „даже плѣнные сарты, пріѣхавъ сюда, замѣтили, что у насъ въ Вѣрномъ вовсе нѣтъ укрѣпленія"(45).

Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія—полковникъ Циммерманъ уѣхалъ изъ Вѣрнаго.

Между тѣмъ коканцы, подъ начальствомъ Канаатъ-Ша, собрались около разрушеннаго Пишпека въ числѣ около 20 тысячъ съ 10 ю орудіями, двинулись въ Заилійскій край и 18 октября ихъ передовыя части появились близь нашего пикета Узунъ-Агачъ(46), въ 54 верстахъ къ западу отъ Вѣрнаго. На слѣдующій день пятитысячный непріятельскій отрядъ обложилъ этотъ пикетъ и повелъ на него безпрерывныя атаки, возобновленныя 20 октября, стойко выдержанныя маленькимъ гарнизономъ, состоявшимъ всего изъ роты и сотни при 2-хъ полевыхъ орудіяхъ. Вслѣдствіе-же малыхъ размѣровъ оборонительной казармы на Узунъ-Агачѣ, рота и орудія не могли даже помѣститься въ ней и содѣйствовали защитѣ пикета, располагаясь возлѣ него на открытой мѣстности(47).

20 октября подполковникъ Колпаковскій выступилъ съ отрядомъ изъ Вѣрнаго къ 9 час. вечера подошелъ къ Узунъ-Агачу. Непріятель, безуспѣшно нападалъ на пикетъ, отошелъ и расположился на ночлегъ въ 5 верстахъ къ западу отъ него за возвышенностями.

Подполковникъ Колпаковскій, присоединивъ большую часть защитниковъ Узунъ Агача и одно орудіе къ своему отряду, въ ту-же ночь до разсвѣта, двинулся къ непріятельскому расположенію и въ 4 часа утра 21 октября вступилъ въ бой съ коканцами.

Нашъ отрядъ состоялъ изъ трехъ ротъ пѣхоты *), 4-хъ сотенъ казаковъ съ 2-мя ракетными станками, двухъ пѣшихъ батарейныхъ и 4-хъ конныхъ орудій, т. е. всего изъ 799 человѣкъ Дѣло-же происходило по обѣимъ сторонамъ рѣчушки Кара-Кастекъ, къ сѣверу отъ пути, соединяющаго пикетъ Узунъ-Агачъ съ Кастекомъ, на мѣстности, представляющей въ общемъ подгорную, чуть всхолмленную, равнину, прорѣзанную во многихъ мѣстахъ въ направленіи съ юга на сѣверъ глубокими, преимущественно параллельными, логами, раздѣляющими ее на цѣлый рядъ плоскихъ и длинныхъ возвышенностей.

Открывъ непріятеля и выдвинувъ впередъ артиллерію подъ прикрытіемъ стрѣлковъ и казаковъ, подполковникъ Колпаковскій приказалъ начать огонь по многочисленнымъ скопищамъ противника.

Удачное дѣйствіе нашего артиллерійскаго огня, на который коканцы отвѣчали стрѣльбою изъ фальконетовъ и турокъ, заставило ихъ постепенно отходить къ западу, съ одной возвышенности на другую, за р. Кара-Кастекъ и далѣе

Нашъ отрядъ преслѣдовалъ непріятеля и Колпаковскій расчитывалъ уже дать отдыхъ утомленнымъ войскамъ, какъ новыя, огромныя скопища коканцевъ, среди которыхъ находился и баталіонъ пѣхоты въ 800 человѣкъ только что образованный Маля-ханомъ, начали обходить отрядъ съ фланговъ и тылу. Но и здѣсь удачное дѣйствіе нашей артиллеріи, смѣлыя атаки пѣхоты и казаковъ—разсѣяли эти насѣдавшія толпы враговъ

Какъ особенно характерная черта этого боя, вызванная несоразмѣрнымъ численнымъ превосходствомъ противника и героизмомъ нашихъ войскъ, обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что во время,—когда передніе части отряда шли въ атаку, съ тылу на нихъ бросалась коканская конница, съ которою боролась огнемъ и штыками, свернувшись въ кучки, аръергардная цѣпь, двигавшаяся за наступавшими въ разстояніи обезпечивающемъ ихъ тылъ, а ее самое отъ отдѣльнаго, отъ передовыхъ частей, пораженія, т. е. бой кипѣлъ съ одинаковымъ напряженіемъ на фронтѣ, въ тылу и на флангахъ отряда и, въ то-же время, ни одинъ изъ противниковъ не былъ въ положеніи исключительно обороняющагося.

Коканцы, потерявъ отъ артиллерійскаго огня и рукопашнаго боя до 1½ тысячъ человѣкъ, поспѣшно отступили и ушли за Чу.

*) Стрѣлковая и 2-я роты 8 Сибир. лин. баталіона и 3-я рота 9-го баталіона.

Наши потери въ этомъ памятномъ бою: 1 убитый, 26 раненыхъ и 6 контуженныхъ, въ числѣ послѣднихъ и самъ подполковникъ Колпаковскій (48).

Такимъ образомъ, отрядъ, въ составѣ всего 799 человѣкъ, остановилъ вторженіе по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ превосходившаго его числомъ непріятеля, угрожавшее при малѣйшей для коканцевъ удачѣ всеобщимъ, уже подготовленнымъ, возстаніемъ киргизъ, потерею Заилійскаго края и гибелью въ немъ всѣхъ русскихъ (47).

Полное пораженіе громадныхъ скопищъ коканцевъ и киргизъ горстью русскихъ на Кара-Кастекѣ—окончательно убѣдило мѣстное туземное населеніе въ совершенной невозможности состязаться съ нами не только ему, но даже и коканцамъ, стоявшимъ по своему военному авторитету въ собственныхъ глазахъ туземцевъ значительно выше ихъ самихъ.

Въ память такого подвига, за оказанное при совершеніи его мужество и геройскую доблесть, всѣ пѣхотныя и артилерійскія части, бывшія въ бою, представлены подполковникомъ Колпаковскимъ къ наградамъ и получили на свои „головные уборы“ знаки съ надписью:—„за отличіе въ 1860 г.“. (49). Однѣ только сибирскія казачьи сотни, составлявшія половину отряда, бившіяся не только на конѣ, но и въ пѣшемъ строю (50), наравнѣ съ пѣхотой, безъ мужества и стойкости которыхъ въ критическіе моменты боя, когда противникъ билъ отовсюду, побѣда была бы сомнительна, Колпаковскимъ не были однако удостоены представленіемъ къ наградѣ (47), хотя ихъ начальникъ, подполковникъ Шайтановъ, и представленъ за этотъ бой къ назначенію полковымъ командиромъ (51),—къ высшей тогда наградѣ для Сибирскаго казачьяго офицера войскового сословія.

1861 годъ.

Пораженіями коканцевъ въ прошедшемъ году хотя и было достигнуто успокоеніе Б.-Орды, но съ тѣмъ большею силой проявилась ихъ агитація въ при-Чуйскомъ краѣ, гдѣ часть населенія, принявъ наше подданство во время экспедиціи Венюкова и Циммермана, отложилась и произвела рядъ набѣговъ въ Заилійскій край. Для прекращенія этихъ набѣговъ и наказаніе за нихъ, въ началѣ января, были направлены туда три казачьихъ отряда подъ командой есаула Бутакова, сотника Жеребятьева и хорунжаго Ростовцева. Всѣ отряды выполнили свое назначеніе очень удачно, а послѣдніе 2 даже безъ всякихъ потерь, но отрядъ есаула Бутакова, наткнувшись неожиданно на пять ауловъ сары-багишей, потерялъ въ стычкѣ съ ними одного офицера, умершаго отъ ранъ, и трехъ казаковъ ранеными (52).

Въ этихъ экспедиціяхъ,—между прочимъ, отрядами захвачено въ плѣнъ *47 женщинъ и дѣтей*, которыхъ полковникъ Колпаковскій распорядился отдать, *въ качествѣ добычи*, бывшимъ съ отрядами нашимъ киргизамъ, съ чѣмъ однако вр. командовавшій отдѣльнымъ Сибирскимъ корпусомъ, генералъ Дометти, согласиться не могъ и приказалъ возвратить плѣнныхъ ихъ родичамъ (52).

Въ февралѣ начальникъ Алатавскаго округа, руководясь распоряженіемъ генерала Гасфордта, отданнымъ ему еще 18 декабря, прошедшаго года, представилъ вр командующему корпусомъ свои подробныя соображенія о силахъ и средствахъ, необходимыхъ для новой экспедиціи за Чу, предположенной въ цѣляхъ помѣшать коканцамъ возстановленію разрушенныхъ нами тамъ крѣпостей(53). Но различныя мѣстныя обстоятельства и, главнымъ образомъ, необходимость заняться прежде всего внутреннимъ устройствомъ Заилійскаго края и усиленіемъ оборонительныхъ средствъ укрѣп. Вѣрнаго, съ цѣлью создать здѣсь извѣстный оплотъ, на который базировались-бы потомъ наши силы въ Чуйской долинѣ, привели составленный въ Петербургѣ особый комитетъ, разсматривавшій наши отношенія къ Коканскому ханству, къ заключенію, —отложить эту экспедицію до болѣе удобнаго времени(54).

1862 годъ. Новый походъ въ Чуйскую долину.

Не смотря на такое рѣшеніе вопроса въ Петербургѣ, мѣстныя обстоятельства на нашей Сыръ-Дарьинской линіи потребовали начать военныя дѣйствія противъ коканцевъ уже весною 1862 года. Въ виду этого, для развлеченія ихъ силъ, пришлось двинуть войска въ Чуйскую долину въ томъ-же году и со стороны Заилійскаго края(55).

Цѣлью движенія отсюда поставлена рекогносцировка долины до коканскаго укрѣпленія Мерке. Сформированный для этого въ Вѣрномъ отрядъ въ составѣ: 5 ротъ пѣхоты, 4 сотенъ казаковъ, 4 конно-легкихъ и двухъ горныхъ орудій, 8 ракетныхъ станковъ и 74 челсвѣкъ киргизской милиціи, всего въ числѣ 1630 человѣкъ, былъ готовъ къ половинѣ апрѣля, а 17-го выступилъ уже передовой отрядъ изъ двухъ сотенъ казаковъ съ четырьмя ракетными станками подъ командой есаула Бутакова(56), назначеннаго еще въ концѣ 1860 года начальникомъ Заилійскаго казачьяго отряда, вмѣсто подполковника Шайтанова(57).

19 апрѣля подъ начальствомъ полковника Колпаковскаго двинулись изъ укрѣп. Кастекъ и главныя силы, направившіяся чрезъ Курдайскій перевалъ къ переправѣ черезъ Чу, у высотъ Чумичъ(58).

Отрядъ, сдѣлавъ въ 5 переходовъ 126 верстъ, 23 апрѣля

подошелъ къ Чу, а 25-го, переправившись чрезъ рѣку, двинулся къ коканской крѣпостцѣ Акъ-су. На правомъ-же берегу, вблизи переправы, для связи и охраны запасовъ продовольствія остался особый отрядъ маіора Курзина изъ двухъ ротъ пѣхоты, двухъ горныхъ орудій и 25 казаковъ, подошедшій сюда съ Кастека вскорѣ послѣ ухода главныхъ силъ.

Движеніе къ Акъ-су начато въ предположеніи — появленіемъ русскаго отряда въ тылу, на пути сообщенія Пишпека, навести панику на его гарнизонъ и, въ то-же время, этимъ движеніемъ предотвратить возможность усиленія кара-киргизами коканскихъ войскъ въ Пишпекѣ и Токмакѣ. Эти-же пункты, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, не могли расчитывать на помощь изъ ханства, гдѣ давнишнія внутреннія смуты разыгрались съ новою силой и Худояръ-ханъ со своими приверженцами былъ осажденъ въ Ташкентѣ кипчаками и коканцами[58].

26 апрѣля, предъ разсвѣтомъ, съ перваго ночлега за р. Чу, полковникъ Колпаковскій выслалъ впередъ, подъ командой шт.-капитана генеральнаго штаба Проценко, летучій отрядъ изъ одной сотни казаковъ съ двумя горными орудіями, имѣвшими конную прислугу, взятую на этотъ случай изъ конно-артилерійскаго дивизіона. Задачей движенія этого отряда поставлено внезапнымъ появленіемъ захватить въ плѣнъ весь гарнизонъ Акъ-су.

Проценко дѣйствительно засталъ крѣпостцу врасплохъ, но здѣсь были взяты только два сарта и 10 киргизъ, оставленные для охраны этого „кургана", а гарнизонъ еще за нѣсколько дней до появленія русскихъ былъ переведенъ въ Пешпекъ. Изъ оружія тутъ найдено только два крѣпостныхъ ружья и мѣшокъ пороху[59].

За отрядомъ Проценко подошли къ Акъ-су и остальныя войска, а на слѣдующій день, 27 апрѣля, двинулись отсюда далѣе, къ Мерке, оставивъ неразрушенными, вслѣдствіе незначительности, „курганы" Акъ-су и встрѣтившійся въ этотъ день на пути, брошенный гарнизономъ — Шишъ-тюбе[59].

Съ начлега на р. Средней Каенды, въ 10 часовъ вечера 27 апрѣля снова высланъ впередъ, подъ начальствомъ Проценко отрядъ изъ двухъ сотенъ казаковъ при двухъ горныхъ орудіяхъ съ конной прислугой, которому приказано: до разсвѣта подойти къ Мерке, занять тамъ позицію и съ утра произвести рекогносцировку.

Ночь была лунная, разстояніе между р Каенды и Мерке предполагалось по распроснымъ свѣдѣніямъ не болѣе 25 верстъ Отрядъ Проценко до часу ночи двигался благополучно, по большому торговому пути, но потомъ сильно стем-

нѣло, пошелъ дождь и отрядъ, не расчитывая уже подойти къ Мерке внезапно, такъ какъ встрѣченный коканскій разъѣздъ успѣлъ бѣжать, остановился, свернувшись въ каре. Съ разсвѣтомъ двинулся далѣе, и Проценко, въ виду Мерке, желая узнать настроеніе его гарнизона, выслалъ впередъ на рысяхъ взводъ казаковъ, которыми и были замѣчены какіе то всадники, убѣгавшіе изъ Мерке. Тогда Проценко въ подкрѣпленіе развѣдчикамъ выслалъ еще одинъ взводъ съ командиромъ сотни сотникомъ Крахалевымъ.

Увидавъ приближавшихся казаковъ, изъ крѣпости дали знать о желаніи вступить въ переговоры, а за тѣмъ, выѣхалъ и самъ комендантъ, заявившій Проценко, что противъ русскихъ онъ защищаться не можетъ.

Мерке представляло средней величины укрѣпленіе, съ фасами отъ 30 до 35 саженъ длины, башнями въ исходящихъ углахъ и съ цитаделью.

Здѣсь оказалось 113 собственно военныхъ и бѣжало до сдачи около 50 человѣкъ. Въ Мерке найдено: одно знамя, одна мѣдная и двѣ чугунныхъ пушки, два фальконета, 82 ружья, около 80 пудовъ пороху, 35 пудовъ свинца и проч. Кромѣ того, отрядомъ-же Проценко захвачена меркинская казна, заключавшаяся въ 1800-хъ баранахъ, находившихся въ сосѣднихъ съ укрѣпленіемъ аулахъ(59).

Такъ какъ разстояніе между р. Средней-Каенды и Мерке оказалось на 20 верстъ больше, чѣмъ предполагалось, то весь отрядъ сосредоточился здѣсь только къ вечеру, пройдя по пути мимо строившейся большой крѣпости Чалъ-даваръ, заложенной въ 1861 году и оставленной коканцами [59]).

У Мерке отрядъ дневалъ, а во время дневки въ нашъ лагерь явились всѣ манапы окрестныхъ кара-киргизъ. Въ увѣренности, что русскіе пришли занять Чуйскую долину совсѣмъ, они выразили свою полную подчиненность и, подъ впечатлѣніемъ безукоризненнаго отношенія къ населенію нашихъ войскъ, предложили даже въ даръ отряду нѣсколько дѣсятковъ быковъ.

Вообще неожиданное появленіе никогда невиданныхъ здѣсь русскихъ войскъ произвело огромное впечатлѣніе, особенно при условіи сдачи Мерке безъ всякой попытки къ его защитѣ(59).

Вслѣдствіе недостатка времени по расчету продовольствія и за ненадобностью, отрядъ къ разрушенію укрѣпленій Мерке не приступалъ, но ради уничтоженія запасовъ коканскаго пороха, который поднять при отрядѣ было не на чемъ, а точно такъ же и для усиленія впечатлѣнія среди кара-киргизъ,

взорваны двѣ крѣпостныя башни и пороховой складъ(59).

Изъ подъ Мерке отрядъ выступилъ обратно 30 апрѣля, а 3 мая подошелъ къ Пишпеку, куда одновременно съ нимъ прибылъ и отрядъ Курзина съ запасами продовольствія, которому еще съ пути къ Пишпеку полковникомъ Колпаковскимъ было послано о томъ соотвѣтствующее приказаніе.

Обстоятельства удачнаго похода, впечатлѣніе, произведенное имъ на туземное населеніе и, наконецъ, изъявленіе преданности этимъ населеніемъ, которому грозила жестокая кара со стороны коканцевъ, въ случаѣ ухода отсюда русскихъ — все это говорило въ пользу взятія Пишпека и удержанія Чуйской долины въ нашихъ рукахъ. Но отсутствіе средствъ для осады и недостатокъ силъ привели къ необходимости выполнить тогда только одну начальную цѣль рекогносцировки По исполненіи этого, отрядъ, съ мѣста своей стоянки подъ Пишпекомъ на р. Ала-арча, обогнувъ крѣпость съ юга, внѣ сферы ея огня, выступилъ 6 мая къ броду черезъ Чу, у уроч. Кассыкъ

Здѣсь отрядъ снова раздѣлился на двѣ колонны: одна, перейдя Чу, двинулась чрезъ Курдайскій перевалъ, а другая, не переправляясь, пошла лѣвымъ берегомъ Чу къ броду, у Токмака, а потомъ долиною и ущельемъ р. Кара-Кунузъ на Кастекскій перевалъ. Обѣ колонны соединились въ укрѣп. Кастекъ, гдѣ отрядъ былъ расформированъ(59).

Съ уходомъ нашего отряда и возвращеніемъ къ власти коканцевъ, начавшихъ особенно преслѣдовать манаповъ, изъявлявшихъ намъ преданность—въ Чуйскомъ краѣ вспыхнуло возстаніе. Кара-киргизы блокировали Пишпекъ и, вначалѣ, надѣясь одними собственными силами одолѣть эту коканскую крѣпость, не обращались за помощью къ намъ, поддерживая лишь дружественныя сношенія съ заилійскими властями. Но убѣдившись потомъ, что Пишпекъ имъ далеко не по силамъ и вполнѣ сознавая, что не разрушивъ его — имъ не избѣгнуть мести коканцевъ, предводители возставшихъ, манапы Байтыкъ, Джантай и др. обратились, наконецъ, къ начальнику Алатавскаго округа съ открытой просьбой — помочь имъ — взять и разрушить Пишпекъ(60).

Соглашаясь съ представленіемъ начальника Алатавскаго округа, что представляющимся случаемъ необходимо воспользоваться въ цѣляхъ: окончательно пошатнуть вліяніе коканцевъ среди кара-киргизъ, возвысить престижъ русскихъ среди нихъ и прекратить возстаніе, продолженіе котораго могло наконецъ отразиться неблагопріятно и въ нашихъ владѣніяхъ, — командиръ отдѣльнаго сибирскаго корпуса, генералъ-лейте-

нантъ Дюгамель, разрѣшилъ полковнику Колпаковскому идти на помощь кара-киргизамъ въ за-Чуйскій край, гдѣ взять и разрушить Пишпекъ(61).

Это разрѣшеніе получено въ Вѣрномъ только 29 сентября, а почти одновременно съ нимъ пришло и извѣстіе, что кара-киргизы, утомленные безуспѣшной блокадой и долгимъ ожиданіемъ помощи русскихъ—оставили Пишпекъ Но полковникъ Колпаковскій, не придавая этому обстоятельству особаго значенія, немедленно приступилъ къ формированію отряда, въ составъ котораго, въ предположеніи осады, имъ было назначено: 8 ротъ пѣхоты по 150 человѣкъ въ каждой, двѣ сотни казаковъ, 4 конно-легкихъ, два батарейныхъ и два горныхъ орудія, 7 полупудовыхъ и 3 кегорновыхъ 6-ти фунтовыхъ мортиръ, ракетные станки съ навѣсными и фугасными ракетами; общая численность отряда была—1856 человѣкъ

Такой крупный по мѣстному отрядъ былъ назначенъ съ разсчетомъ возможно ускорить весь ходъ экспедиціи и, въ виду поздняго времени года, чтобы не такъ утомлять войска предстоящей осадой(62).

5 октября весь отрядъ сосредоточился въ укрѣп Кастекъ, а 7 го выступилъ двумя колоннами: полковникъ Колпаковскій съ главными силами направился по дорогѣ чрезъ Курдайскій перевалъ къ броду на Чу при уроч. Кассыкъ, а шт.-капитанъ Проценко съ боковою колонной изъ двухъ сотенъ казаковъ *) и двухъ горныхъ орудій—чрезъ Кастекскій перевалъ и рѣкою Кара-Кунузъ къ броду у высотъ Чумычъ(63).

13 октября обѣ колонны соединились на лѣвомъ берегу р. Чу, не доходя Пишпека, и весь отрядъ въ тотъ-же день, расположился на р. Ала-арча, въ двухъ верстахъ отъ западнаго фаса крѣпости.

Прибытіе русскаго отряда подняло угнетенный долгимъ ожиданіемъ помощи духъ возставшихъ—предводители спѣшили въ нашъ лагерь и обѣщали всякое возможное содѣйствіе(64).

Въ день прихода, ночью, начаты осадныя работы противъ западнаго фаса, а утромъ 14 октября открыта канонада съ нашихъ батарей

Въ ночь на 15 е съ правой мортирной батареи проведена траншея на 72 сажени впередъ и въ концѣ ея, въ разстояніи 100 саженъ отъ крѣпостной стѣны, заложена демортиръ-батарея на 4 орудія, *позади которой* устроенъ артилерійскій погребокъ. Въ этомъ погребкѣ сложенъ запасъ снарядовъ съ

*) Дивизіономъ начальствовалъ есаулъ Деньговъ: сотнями командовали: 1-й сотникъ Копѣйкинъ, 2-ю хорунжій Вяткинъ(63).

расчетомъ для самой энергичной стрѣльбы батареи по непріятельской артиллеріи въ теченіе цѣлаго дня. Только что вновь заложенная демортиръ—батарея была готова утромъ 15 го открыть огонь, какъ бомба изъ крѣпости, вѣсомъ болѣе пуда, попала въ батарейный погребокъ. Раздался сильнѣйшій взрывъ, которымъ убито 7 нижнихъ чиновъ, ранено одинъ офицеръ, 3 нижнихъ чина и обожжено 8, контужено: 3 офицера, 10 нижнихъ чиновъ, 1 переводчикъ.

Кромѣ этого, уничтожена масса снарядовъ, назначенныхъ для сбитія непріятельскихъ орудій и навѣснаго огня, почему кононада съ должной энергіей, за недостаткомъ снарядовъ, продолжаться уже не могла, да и взрывъ сильно поднялъ духъ защитниковъ крѣпости, полагавшихъ, какъ потомъ оказалось, что ихъ удачный выстрѣлъ уничтожилъ большую часть запасовъ русскаго пороха, нужнаго для мины въ стѣнѣ, которой они опасались больше всего.

Однако, чрезъ нѣсколько минутъ послѣ взрыва, демортиръ—батарея, нисколько не пострадавшая, открыла огонь, но, во всякомъ случаѣ, благодаря взрыву, осада затянулась на нѣсколько лишнихъ дней.

Въ ночь на 16 октября съ другой батареи вырыта траншея на 80 саженъ впередъ и въ концѣ ея, всего въ 42 саженяхъ отъ крѣпостной стѣны, заложена мортирная батарея. Утромъ-же 16-го, коканцы, замѣтивъ приближеніе нашихъ осадныхъ работъ къ исходящему углу крѣпости, задумали ихъ анфилировать и даже заложить контръ-апрошу Съ этой цѣлью около 100 человѣкъ защитниковъ выбѣжали изъ сосѣднихъ крѣпостныхъ воротъ, залегли въ складкѣ мѣстности и начали рыть траншею. Наши охотники, въ числѣ 34-хъ человѣкъ, подъ командой прапорщика Никольскаго, не обращая вниманія на огонь по нимъ съ крѣпостныхъ стѣнъ, бросились въ штыки, выбили, коканцевъ съ ихъ позиціи и заставили вернуться назадъ.

Полная блокада крѣпости со стороны восточнаго и южнаго фасовъ поддерживалась двумя казачьими сотнями, а сѣвернаго самими киргизами.

Наконецъ, 23 октября прибылъ изъ Вѣрнаго къ отряду транспортъ снарядовъ для прицѣльныхъ орудій и по крѣпости открыта усиленная стрѣльба, быстро заставившая артиллерію противника замолчать.

24-го, не смотря на всѣ усилія защитниковъ помѣшать, былъ законченъ крытый переходъ чрезъ крѣпостный ровъ, къ 10 часамъ утра устроенъ минный подступъ и оставалось зарядить горнъ.

Взрывъ и штурмъ были назначены въ этотъ-же день, но гарнизонъ не выдержалъ ожиданій взрыва и въ 11 часовъ утра, 24 октября, крѣпость сдалась.

Наличный составъ гарнизона оказался въ 22 офицера и 554 солдатъ; кромѣ того въ крѣпости были торговцы, женщины, дѣти и 6 человѣкъ бѣглыхъ русскихъ солдатъ, занимавшихъ въ гарнизонѣ положеніе, приблизительно, унтеръ офицеровъ и дававшихъ совѣты по оборонѣ въ мѣрѣ своихъ знаній. Плѣнные коканцы, воизбѣжаніе расхода на ихъ содержаніе, отпущены, за исключеніемъ старшихъ начальствующихъ лицъ.

Въ крѣпости найдено: 5 большихъ мѣдныхъ орудій, изъ которыхъ: одна гаубица—калибра равнаго нашему батарейному орудію, двѣ гаубицы и 1 пушка—меньше, одна мортира хорошей отдѣлки, калибромъ 8½ дюймовъ; 4 небольшихъ чугунныхъ пушки, 10 фальконетовъ, 600 ружей, до 200 пудовъ пороху, до семи тысячъ разныхъ артиллерійскихъ снарядовъ, большое количество свинцу, пуль и даже небольшая зрительная труба, запасы продовольствія и проч.

Наши потери за все время осады, и въ томъ числѣ отъ взрыва погреба, заключались: убитыми 13 нижнихъ чиновъ, ранеными 3 офицера, 14 нижнихъ чиновъ, контуженными 4 офицера и 30 нижнихъ чиновъ.

Возстановленный, послѣ разрушенія отрядомъ Циммермана въ 1860 году, Пишпекъ является первоклассной коканской крѣпостью и, по словамъ плѣнныхъ, подобной другой не было тогда въ коканскомъ ханствѣ[65].

Съ 26 октября пѣхота и казаки приступили къ разрушенію крѣпости, работая смѣнами по 300 человѣкъ въ каждой.

Въ этомъ усердно помогали и киргизы, выставляя отъ 300 до 500 человѣкъ ежедневно но помощь ихъ не могла быть особенно серьезной, за недостаткомъ въ нашемъ отрядѣ шанцеваго инструмента для нихъ,—собственный же у киргизъ былъ очень плохъ. Работы хотя и ускорялись взрывами, но для этого имѣлось только 50 пудовъ нашего пороху и до 200 коканскаго, бывшаго значительно слабѣе русскаго, а между тѣмъ трудъ по разрушенію предстоялъ огромный. Наружныя стѣны отъ дна рва были высотою въ 4½ сажени, при заложеніи отъ 4-хъ до 5 саженъ, стѣны-же цитадели надъ площадью крѣпости возвышались отъ 7 до 9 саженъ, а надъ внутренностью самой цитадели отъ 4 до 5 саженъ, при заложеніи около 7 саженъ.

Очевидно, что такое гигантское сооруженіе, результатъ труда многихъ тысячъ рукъ, въ теченіе послѣднихъ двухъ

слишкомъ лѣтъ, отрядъ при наличныхъ средствахъ не могъ скоро и совершенно разрушить, а между тѣмъ надвигалась осень съ ея непогодой и чувствовался недостатокъ въ продовольствіи. Поэтому пришлось оставить мысль объ окончательномъ разрушеніи и отрядъ, приведя крѣпостныя сооруженія въ такое состояніе, при которомъ они не могли быть скоро возстановлены, 2 ноября выступилъ съ развалинъ Пишпека къ Вѣрному(66).

Положеніе дѣлъ на китайской границѣ.

Пока наши отряды успѣшно боролись съ каканскимъ вліяніемъ въ Чуйской долинѣ—на китайской границѣ началась прелюдія драмы, едва не приведшей къ вооруженному столкновенію съ Китаемъ.

Неопредѣленность нашей границы въ зап. Сибири съ Китаемъ и безконечные споры о ней привели оба правительства къ соглашенію—начать по этому поводу переговоры въ Чугучакѣ и организовать комиссію для болѣе—точнаго опредѣленія пограничной линіи. Съ нашей стороны старшимъ комиссарамъ былъ назначенъ оберъ—квартирмейстеръ отдѣльнаго сибирскаго корпуса полковникъ Бабковъ, младшимъ—капитанъ генеральнаго штаба Голубевъ. Переговоры и работы этой комиссіи со стороны Семирѣчья начались въ 1862 году.

Въ іюнѣ этого года, въ видахъ болѣе успѣшнаго движенія переговоровъ по разграниченію и съ цѣлью фрактически доказать Китайцамъ, что оспариваемую нами пограничную линію мы занимаемъ дѣйствительно, командиръ отдѣльнаго сибирскаго корпуса, по просьбѣ полковника Бабкова, распорядился выставить сильные наблюдательные отряды: первый—на р. Кегень, съ цѣлью не допускать китайцевъ въ страну верховьевъ Кегена и Текеса, гдѣ находились лѣтнія кочевья, принявшихъ наше подданство богинъ, и второй въ проходѣ Уйгенташъ, на избранной Бабковымъ позиціи въ 30 верстахъ отъ Коксуйскаго поселенія, въ видахъ совершеннаго прекращенія часто повторявшихся попытокъ китайскихъ отрядовъ проникать по этому пути на нашу территорію.

Отряды эти въ іюлѣ были выставлены, при чемъ въ проходѣ Уйгенташъ, на уроч. Кышмурунъ, какъ въ пунктѣ совсѣмъ близкомъ къ населенной китайцами части Илійской долины, назначенъ особенно сильный, въ составѣ роты пѣхоты, двухъ конно легкихъ орудій и 20 казаковъ(67).

Появленіе русскаго отряда на Кышмурунѣ, численность котораго была увеличена слухами въ Кульджѣ до тысячи чело-

вѣкъ, произвело такое сильное впечатлѣніе на китайскія илійскія власти, что тѣ поспѣшили усилить до предѣловъ возможнаго гарнизоны своихъ пограничныхъ пикетовъ, особенно Борохудзирскаго и, опасаясь за исходъ переговоровъ о разграниченіи въ Чугучакѣ, предполагали даже возможность русскаго вторженія въ китайскую часть Илійской долины.

Вслѣдствіе всего этого Кышмурунскій отрядъ сосредоточилъ на себѣ все вниманіе мѣстныхъ китайскихъ властей(68), которыя, съ цѣлью добыть о немъ вѣрныя свѣдѣнія, въ августѣ командировали двухъ своихъ чиновниковъ къ Кышмуруну съ порученіемъ видѣть начальника нашего отряда и спросить у него о цѣли прихода сюда русскихъ. Чиновники не рѣшились пріѣхать въ самый лагерь и, не получивъ никакихъ свѣдѣній отъ выѣхавшаго по ихъ просьбѣ къ нимъ, впередъ, начальника отряда подпоручика Антонова, уѣхали назадъ(69).

Между тѣмъ тревога въ Кульджѣ росла и илійскія власти, не дождавшись извѣстій отъ своихъ пословъ, начали стягивать военныя силы къ Уйсекскому и Борохудзирскому пикетамъ, предполагая вытѣснить Кышмурунскій отрядъ.

На сколько-же положеніе обострилось вообще показываетъ то обстоятельство, что управляющій нашимъ кульджинскимъ консульствомъ—Куртуковъ—10 августа просилъ даже подпоручика Антонова, въ случаѣ неминуемости вооруженнаго столкновенія, заблаговременно дать ему знать, чтобы успѣть спасти людей консульства отъ возможнаго при такихъ условіяхъ взрыва народной злобы въ Кульджѣ(70).

Съ полученіемъ всѣхъ этихъ свѣдѣній Кышмурунскій отрядъ немедленно усиленъ изъ Капала двумя орудіями и взводомъ стрѣлковъ(71).

Усиленіе Кышмурунскаго отряда, его неподвижность и объясненіе нашего консульства—успокоили, наконецъ, илійскія власти на столько, что китайскій отрядъ съ пикетовъ Уйсекъ и Борохудзиръ былъ отозванъ, а нашъ отрядъ, вслѣдствіе этого, получилъ приказаніе отойти назадъ и 2 сентября расположился на р Кескенъ-Терекъ, 6-го же октября выступилъ на зимнія квартиры въ Капалъ(72).

Такимъ образомъ, въ 1862 году конфликтъ съ Китаемъ у Кышмуруна удалось еще предотвратить, но въ слѣдующемъ—изъ-за того же отряда, илійскія власти довели дѣло до частнаго вооруженнаго столкновенія.

1863 годъ. Новая рекогносцировка долины Чу и Нарына. Конфликтъ на китайской границѣ.

Къ 1863 г наши завоеванія въ Средней Азіи, со стороны Оренбурга, придвинулись уже къ среднему теченію Сыръ-Дарьи и оканчивались въ Яны-Курганѣ, а съ востока мы владѣли правымъ берегомъ средняго-же теченія Чу, вслѣдствіе чего коканскія владѣнія врѣзывались въ русскія клиномъ, что слишкомъ удлиняло пограничную линію и затрудняло защиту русской территоріи отъ набѣговъ коканскихъ киргизъ. Такое положеніе вызывало необходимость занять этотъ клинъ, т. е. всю долину Чу и перенести нашу границу на хребты Кара-тау и Александровскій.

Для достиженія этой цѣли и предположено сомкнуть Оренбургскую и Западно-Сибирскую линіи передовыхъ укрѣпленій(73)

Нѣкоторыя постороннія обстоятельства помѣшали однако привести это въ исполненіе въ 1863-же году(74), а потому въ теченіе разсматриваемаго года рѣшено ограничиться усиленной рекогносцировкой долины Чу съ обѣихъ сторонъ.

Съ запада полковникъ Черняевъ съ Сыръ-Дарьинскимъ отрядомъ доходилъ до коканскихъ укрѣпленій Сузакъ и Чулакъ-Курганъ(73) до которыхъ, въ тоже время, назначена рекогносцировка и съ востока, изъ Алатавскаго округа, попутно связанная съ окончательнымъ разрушеніемъ Пишпека(74).

Одновременно съ этимъ, изъ Заилійскаго края рѣшено снарядить и другую экспедицію въ коканскія владѣнія, въ области озера Сонъ Куль и бассейна Нарына, гдѣ взять и разрушить тамошнія крѣпости, а затѣмъ уже и осмотрѣть пути къ Кашгару до озера Чатыръ-Куль(75)

Съ этой цѣлью въ укрѣп. Вѣрномъ сформированы два отдѣльныхъ отряда: *за-Чуйскій*—подъ командой начальника Алатавскаго округа генералъ-маіора Колпаковскаго въ составѣ: 5 ротъ пѣхоты, сотни казаковъ, 4-хъ конно-легкихъ и двухъ горныхъ орудій и части инженернаго парка(76) и *Нарынскій*—подъ начальствомъ шт.-капитана Проценко: изъ двухъ ротъ пѣхоты, сотни казаковъ, двухъ горныхъ орудій и двухъ ракетныхъ станковъ(76).

22 апрѣля изъ укр Кастекъ, гдѣ были уже къ этому времени сосредоточены нужныя полевыя казачьи части, выступила, въ качествѣ передового развѣдочнаго отряда, сотня войскового старшины Бутакова, которому приказано: пройдя Кастекскимъ переваломъ, расположиться на правомъ берегу р. Чу, противъ Гокмака, и, подъ видомъ помощи окончить между собою старые счеты разнымъ родамъ при чуйскихъ кара-киргизъ,—удержать ихъ мирнымъ путемъ на мѣстахъ весеннихъ кочевокъ, добыть отъ нихъ свѣдѣнія, какъ о кратчай-

шихъ путяхъ къ Ауліе-ата, Чулакъ кургану и Сузаку, а точно такъ-же и о внутреннихъ дѣлахъ въ Коканскомъ ханствѣ, а между прочимъ собрать и доставить на Кастекъ 50 верблюдовъ для обоза экспедиціи (78).

2 мая оба экспедиціонныхъ отряда сосредоточились въ укрѣп. Кастекъ, а 4-го выступили: *за-Чуйскій* по Курдайской дорогѣ къ р Чу, а *Нарынскій* —чрезъ Кастекскій перевалъ къ озеру Иссыкъ.Куль (79).

Нарынскій отрядъ. *) Совершивъ тяжелый переходъ по Буамскому ущелью, прорванному р. Чу въ гранитномъ массивѣ хребта, гдѣ, для проложеія даже вьючнаго пути, отряду пришлось много поработать и иногда открывать себѣ путь взрывами скалъ, отрядъ Проценко, встрѣчаемый привѣтливо вліятельными манапами кара киргизъ, 14 мая пришелъ къ озеру Иссыкъ-Куль, на уроч. Кутемалды (80). Оставивъ здѣсь часть продовольствія (75) подъ прикрытіемъ 30 человѣкъ пѣхоты и нѣсколькихъ казаковъ (81), отрядъ двинулся далѣе, къ перевалу Кызартъ, имѣя въ виду взять коканское укрѣпленіе Джумголъ, расположеное на сосименной рѣкѣ, къ западу отъ озера Сонъ-куль. Еще на пути къ Кызарту Проценко получилъ точныя свѣдѣнія отъ кара киргизъ, что гарнизонъ этого укрѣпленія состоитъ всего изъ 80 человѣкъ, а поэтому, желая захватить Джумголъ врасплохъ, Проценко, переваливъ съ отрядомъ Кызартъ и, оставивъ пѣхоту на привалѣ, съ авангардомъ изъ 80 казаковъ, при одномъ ракетномъ станкѣ, 24 мая, быстро двинулся къ Джумголу. Гарнизонъ послѣ нѣкотораго колебанія сдался.

Это укрѣпленіе оказалось по величинѣ почти равнымъ Мерке и представляло по фигурѣ обыкновенный типъ коканской крѣпости четыреугольникомъ, съ башнями по угламъ, фасадами до 110 шаговъ длины и со стѣнами 2-хъ саженной высоты.

Плѣнные, которыхъ, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, оказалось всего 92 человѣка, были отпущены, а укрѣпленіе разрушено.

Здѣсь найдено: 2 фальконета, нѣсколько большихъ и 29 обыкновенныхъ ружей и винтовокъ, небольшой запасъ пороху и свинцу.

Разрушеніемъ этого укрѣпленія, расположеннаго на прямомъ торговомъ пути изъ Пишпека въ Кашгаръ, вся обширная долина р. Джумголъ освобождена отъ коканскаго вліянія (82).

---

*) Оффиціально этотъ отрядъ назывался сначала «Кашгарскимъ».

Отсюда, черезъ перевалъ Шиль-белли, отрядъ направился къ озеру Сонъ-куль и къ коканской крѣпости Куртка.

Съ перевала шт.-капитанъ Проценко послалъ прапорщика корпуса топографовъ Колмагорова и топографа Азарьева, съ 15 казаками, осмотрѣть и сдѣлать съемку озера Сонъ-куль и окрестныхъ горъ съ сѣверо-восточной и южной сторонъ въ то время, когда отрядъ осмотритъ эту мѣстность съ запада.

30 мая отрядъ, спустившись съ перевала Мулда-ашу, двигался ущельемъ и долиной р. Куртка, притока Нарына. Путь между Джумголомъ и долиной рѣчи Куртка, чрезъ цѣпи хребтовъ, оказался труднѣйшимъ горнымъ походомъ на всемъ протяженіи отъ Вѣрнаго до р. Нарынъ ([83]).

30 же мая отрядъ вышелъ изъ ущелья р. Куртка въ долину р. Нарынъ и послѣ полудня былъ уже въ крѣпости Куртка. Гарнизонъ этого важнаго коканскаго пункта, въ числѣ 300 человѣкъ, узнавъ о паденіи Джумгола и движеніи сюда русскихъ, еще за нѣсколько часовъ до приближенія нашего отряда, бѣжалъ вмѣстѣ съ комендантомъ за Нарынъ, бросивъ здѣсь имущество и оружіе.

Крѣпость Куртка оказалась очень значительнымъ укрѣпленіемъ, какъ по своимъ размѣрамъ, немного уступавшимъ Пишпеку, такъ и по величинѣ населенія. Это была одна изъ старыхъ крѣпостей, основанныхъ коканцами одновременно съ занятіемъ ими страны въ концѣ 20-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія, которая повелѣвала всей страной и всѣми коканскими укрѣпленіями къ югу отъ Александровскаго хребта и озера Иссыкъ-Куль до границъ Кашгара.

Здѣсь между прочимъ была найдена одна мѣдная пушка, впослѣдствіи употребленная на усиленіе артиллеріи отряда, и захвачена часть крѣпостной казны, заключавшаяся въ 700 хъ баранахъ, которыхъ бѣжавшій комендантъ не успѣлъ переправить на лѣвый берегъ Нарына. 31 мая отрядъ приступилъ къ разрушенію укрѣпленій Куртка([84]).

Съ появленіемъ русскихъ въ Нарынскомъ краѣ, здѣсь, въ племени кара-киргизъ саякъ, началось движеніе противъ коканцевъ, перешедшее въ первыхъ числахъ іюня въ открытое возстаніе.

Саяки напали на коканское укрѣпленіе Тогузъ-Торау, что на лѣвомъ берегу Нарына, приблизительно въ 3 4 переходахъ къ западу отъ Куртка, гарнизонъ котораго вынужденъ былъ спастись бѣгствомъ, а саяки разрушили стѣны укрѣпленія.

Шт.-капитанъ Проценко, не зная истиннаго положенія дѣлъ въ странѣ и особенно тщательно замаскированныхъ на-

мѣреній самаго сильнаго здѣсь племени сары-багишей, во главѣ которыхъ стоялъ непримиримый врагъ русскихъ Умбетъ-Али, принялъ возстаніе саяковъ за благопріятный для насъ признакъ и рѣшилъ произвести рекогносцировку путей къ Кашгару только съ частью своихъ силъ.

Съ этой цѣлью, на стоянкѣ у Куртка, онъ составилъ особый летучій развѣдочный отрядъ изъ 90 человѣкъ пѣхоты, посаженной на киргизскихъ лошадей, 97 казаковъ, 3 артиллеристовъ, около 20 киргизъ, ракетнаго станка и взятаго въ Куртка коканскаго горнаго орудія, къ которому были заготовлены снаряды.

Остальныя-же силы отряда, въ числѣ 236 человѣкъ предположено оставить у Куртка, на правомъ берегу Нарына, окончить разрушеніе укрѣпленій.

Летучій отрядъ былъ готовъ для движенія, но.... ему прежде всего слѣдовало переправиться на лѣвый берегъ Нарына.

Въ этомъ-же году случилось такое полноводіе, какого уже давно тамъ не бывало. Рѣка закрыла всѣ броды и разлилась такъ, что во многихъ мѣстахъ стала шире версты, а быстрота теченія была такъ велика, что приходилось оставить всякую мысль о переправѣ не только вплавь, но и на плотахъ.

Для перехода чрезъ вздувшуюся рѣку, Проценко рѣшился идти вверхъ по Нарыну, гдѣ, въ переходахъ 3-хъ*) отъ Куртка, т. е. возлѣ нынѣшняго нашего укрѣпленія Нарынъ, скалы обоихъ береговъ на столько стѣсняютъ теченіе рѣки, что тамъ представлялась полная возможность перекинуть мостъ, для котораго имѣлся и строевой лѣсъ, на лѣвомъ берегу рѣки([85]).

Прежде чѣмъ тронуться къ мѣсту переправы, шт.-капитанъ Проценко, изъ лагеря подъ Куртка, отправилъ поручика Зубарева со взводомъ стрѣлковъ и нѣсколькими казаками на уроч. Кутемалды за продовольствіемъ для отряда, приказавъ оставшейся части, по окончаніи разрушенія укрѣпленій, передвинуться къ мѣсту предположенной имъ постройки моста, съ цѣлью его охраны([81 и 85]).

9 іюня летучій отрядъ выступилъ изъ подъ Куртка, 11-го подошелъ къ мѣсту переправы, а 12-го утромъ уже были вызваны охотники переплыть рѣку со шнуркомъ, которымъ можно было бы потомъ перетянуть на лѣвый берегъ веревку

Вызвались: рядовой стрѣлковой роты Васильевъ, а потомъ урядникъ Іосифъ Гордѣевъ, казаки Семенъ Невѣжинъ,

*) По собраннымъ Проценко свѣдѣніямъ.

Матвѣй Долгановъ и бомбардиръ Митрофановъ. Васильеву, не смотря на первую его неудачную попытку, всетаки удалось переплыть со шнуркомъ въ зубахъ чрезъ стремительно летѣвшія здѣсь холодныя воды рѣки,—за нимъ переплыли и остальные четверо. Съ помощью этихъ людей и перенесеннаго вплавь одного конца шнура,—перетянута на лѣвый берегъ веревка, а ею уже и цѣлый канатъ. Пользуясь натянутыми между берегами канатомъ и веревками и ходившимъ по нимъ блокомъ изъ стременъ,—переданы пловцамъ одежда, оружіе, пища, а потомъ съ помощью этого-же приспособленія переправлено на лѣвый берегъ до 40 человѣкъ, верховыя лошади и 20 верблюдовъ.

Послѣ полудня переправившійся маленькій отрядъ пустился въ горы за лѣсомъ для моста, но мостъ выстроить не удалось(86).

Еще вскорѣ послѣ прихода отряда къ Куртка, Проценко совершенно случайно узналъ о существующихъ будто бы враждебныхъ замыслахъ сары-багишей противъ его отряда. Онъ, видя ихъ преданность, постоянную готовность служить, не придалъ тогда этому извѣстію должнаго значенія, отнеся его къ разряду обычныхъ между киргизами происковъ, и тѣмъ болѣе, что при стрядѣ содержались,—по внѣшности какъ почетные гости, а въ дѣйствительности какъ заложники два вліятельныхъ манапа сары-багишей и саяковъ съ ихъ джигитами.

Впослѣдствіе оказалось, что именно пребываніе этихъ лицъ во власти русскихъ и отдаляло осуществленіе замысловъ.

Шт.-капитанъ Проценко, выступивъ съ летучимъ отрядомъ для постройки моста, взялъ съ собою и своихъ заложниковъ, которые, воспользовавшись случаемъ, въ ночь съ 12 на 13 іюня бѣжали, прорвавшись чрезъ лагерную сторожевую цѣпь. Изъ нихъ въ рукахъ Проценко остались только задержанные при побѣгѣ и бывшіе на лѣвомъ берегу рѣки съ командой, отправленной для заготовки лѣса.

„Форсированные допросы*)“ этихъ оставшихся обнаружили, что Умбетъ-али задумалъ уничтожить русскій отрядъ по частямъ, что къ этому заговору, отчасти добровольно, отчасти по принужденію, примкнули многіе другіе манапы сары-багишей и даже саяковъ и что теперь нужно ожидать нападенія.

Получивъ эти свѣдѣнія, Проценко оставилъ постройку моста и, послалъ приказаніе отряду у Куртка идти на сое-

*) Подлинное выраженіе въ рапортѣ шт.-кап. Проценко 13 іюня № 65(86).

диненіе съ нимъ, самъ 13-же іюня двинулся внизъ по Нарыну съ цѣлью быстрѣе сосредоточить свой отрядъ, отбросить кара-киргизъ со своихъ путей сообщенія и уже только тогда продолжать рекогносцировку([85 и 86]).

Части отряда соединились у устья р. Кой-джерты, истока озера Сонъ Куль, впадающей въ Нарынъ между Куртка и мѣстомъ постройки моста, а отсюда, ущельемъ Кой-джерты, отрядъ двинулся къ южному берегу Сонъ-куль и 19 іюня уже поднимался на сонкульское нагорное плато, расчитывая, на основаніи даннаго маршрута, встрѣтить поручика Зубарева, съ транспортомъ продовольствія, на пути *и еще за переваломъ Мулда-ашу*.

Проценко не послалъ ему извѣщенія объ уходѣ отряда отъ Куртка, да и посланное извѣщеніе, въ виду разыгравшихся событій, едвали-бы достигло цѣли.

Между тѣмъ поручикъ Зубаревъ, возвращаясь съ транспортомъ продовольствія съ уроч. Кутемалды, замѣтилъ въ горахъ какое-то совсѣмъ необычное движеніе кара-киргизъ и, вспомнивъ извѣстное всѣмъ офицерамъ отряда предупрежденіе о замыслахъ Умбетъ Али, понялъ, что предупрежденіе это было не выдумкой и что ему грозитъ нападеніе.

Поэтому, желая скорѣе соединиться съ отрядомъ, *онъ измѣнилъ свой маршрутъ* и, минуя перевалъ Шиль-бюли, прошелъ кратчайшимъ путемъ по западному берегу Сонъ-куля *прямо къ Мулда-ашу*, переваливъ который, 18 іюня остановился на ночлегъ въ ущельѣ р. Куртка, а въ это время отрядъ Проценко ночевалъ верстахъ въ 70 къ востоку отъ него, въ ущельѣ Койджерты.

Здѣсь только впервые отъ встрѣченныхъ саяковъ Зубаревъ узналъ, что русскаго отряда подъ Куртка уже нѣтъ, что онъ ушелъ вверхъ по Нарыну, но куда именно-саяки не знали.

Предъ разсвѣтомъ 19 іюня маленькій отрядъ Зубарева былъ поднятъ внезапнымъ нападеніемъ на него кара-киргизъ. Нападавшіе отбиты, но два казака сторожевого пикета въ свалкѣ изранены, а поручикъ Зубаревъ ушибленъ камнемъ, кара-киргизы же, разсыпавшись по откосамъ ущелья, начали съ высотъ обстрѣливать русскихъ

Видя, что на мѣстѣ ночлега, въ узкомъ ущельѣ, продержаться долго нельзя,—Зубаревъ, подъ выстрѣлами, передвинулъ транспортъ ниже, къ урочищу Ике-чатъ, гдѣ ущелье достаточно расширялось и остановившись на берегу рѣчки, приказалъ изъ мѣшковъ съ сухарями выкладывать брустверъ въ видѣ сомкнутаго укрѣпленія, а лошадей и верблюдовъ укрыть вблизи, въ складкѣ мѣстности, подъ защитой огня своего

импровизированнаго укрѣпленія.

Въ это-же время казаки и два киргиза лаучи *) вызвались прокрасться въ аулы саяковъ, не принимавшихъ пока еще участія въ заговорѣ противъ русскихъ, узнать тамъ объ отрядѣ, добыть лошадей и извѣстить Проценко о нападеніи. Зубаревъ, взвѣсивъ шансы къ исполненію порученія тѣхъ и другихъ,—отправилъ съ запиской двухъ лаучей, какъ менѣе замѣтныхъ по своему типу и одеждѣ въ горахъ.

Пока горсть русскихъ готовилась къ отчаянной оборонѣ на днѣ ущелья,—окрестныя горы все гуще и гуще пестрѣли прибывавшими толпами кара-киргизъ, огонь по отряду усиливался и не успѣла еще команда Зубарева сложить свое сухарное укрѣпленіе, какъ огромное скопище, съ оглушительнымъ гикомъ, бросилось на нее въ атаку. Но выдержанные залпы срѣлковъ и казаковъ скоро охладили пылъ многочисленнаго противника и онъ повернулъ назадъ; немного спустя —атака повторилась и опять съ тѣмъ-же успѣхомъ.

Зубаревъ отбивалъ сначала нападавшихъ залпами, но они, съ каждымъ часомъ увеличиваясь въ числѣ, становились смѣлѣе и даже начали въ своихъ атакахъ доходить до бруствера, —тогда ему пришлось раздѣлить своихъ 30 человѣкъ стрѣлковъ и казаковъ пополамъ: одна половина била изъ-за бруствера залпами, а другая, выскочивъ изъ-за него, бросилась на атакующихъ въ штыки.

Такимъ образомъ было уже отбито всего 18 атакъ, время близилось къ вечеру и горсть русскихъ ждала своей гибели ночью

Только въ 8 мъ часу вечера, въ главныхъ массахъ кара-киргизъ съ сѣвера со стороны Мулда-ашу, т. е. откуда пришелъ Зубаревъ, вдругъ началось какое-то волненіе и тамъ загремѣли выстрѣлы. Оборонявшіеся, приходившіе уже въ отчаяніе, думали, что это опять прибыли новыя толпы враговъ и начали даже переносить свой огонь туда, но правильные залпы тамъ скоро убѣдили ихъ, что это были свои, что оттуда пришла помощь и дѣйствительно въ тылу кара-киргизъ появились казаки.

Посланные Зубаревымъ лаучи, при помощи саяковскихъ манаповъ тайныхъ недоброжелателей Умбетъ-Али нашли отрядъ Проценко только въ третьемъ часу дня, когда главныя силы отряда преодолѣвали послѣдній подъемъ изъ ущелья Койджерты на сонкульское плато, а авангардъ изъ казаковъ съ ракетнымъ станкомъ, пройдя южнымъ берегомъ Сонъ-кула, подходилъ уже къ западной оконечности озера, т. е. отъ мѣ-

*) Лаучами т. е. верблюдо-вожатыми были киргиз-казаки Б. Орды.

ста боя былъ всего въ 20 верстахъ къ сѣверу. Шт.-капитанъ Проценко немедленно послалъ приказаніе начальнику авангарда хорунжему Грязнову: повернуть чрезъ Мулда-ашу въ ущелье р. Куртка и спѣшить на помощь Зубареву, самъ-же, выждавъ подъема на плато конныхъ стрѣлковъ и горныхъ орудій съ конною прислугой, направился южнымъ берегомъ Сонъ-куля туда-же, приказавъ пѣхотѣ съ курткинскимъ орудіемъ двигаться за нимъ къ Мулда-ашу.

Авангардъ Грязнова, спускаясь въ ущелье р Куртка, успѣлъ захватить врасплохъ сторожевой пикетъ кара-киргизъ, благодаря чему совершенно неожиданно появился у нихъ въ тылу. Спѣшивъ половину своихъ казаковъ, Грязновъ открылъ огонь по скопищамъ, осаждавшимъ транспортъ Зубарева. Кара-киргизы, пораженные появленіемъ русскихъ, откуда они ихъ совсѣмъ не ожидали, бросились бѣжать, преслѣдуемые ракетами казаковъ. Шт.-капитанъ Проценко только въ 12 часовъ ночи, уже подойдя къ Мулда-ашу, получилъ донесеніе Грязнова объ освобожденіи транспорта и разсѣяніи кара-киргизъ, а потому, не поднимаясь на перевалъ, остановилъ своихъ конныхъ стрѣлковъ и орудія на ночлегъ, пославъ приказаніе о томъ-же и пѣхотѣ

На другой день, 20 іюня, весь Нарынскій отрядъ сосредоточился у западной оконечности озера Сонъ-куль, гдѣ и оказалось, что за время обороны транспорта ранены: поручикъ Зубаревъ и 7 нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ одинъ умеръ на другой же день ([81]).

Видя, что при такихъ условіяхъ, когда возставшіе кара-киргизы имѣютъ полную возможность прервать сообщеніе отряда съ его базой, дальнѣйшая рекогносцировка невозможна, Проценко двинулся на Кутемалды, куда и пришелъ 26 іюня, узнавъ еще на пути сюда, что сары-багиши, занявъ своими шайками всѣ дороги къ отряду перехватили почту, шедшую къ нему изъ Вѣрнаго ([87])

Съ ур. Кутемалды отрядъ выступилъ къ Кастеку.

За-Чуйскій отрядъ.

Инструкціей за-Чуйскому экспедиціонному отряду предписывалось: дойдя до Пишпека выдѣлить изъ своего состава особый летучій отрядъ(74), начальникомъ котораго назначенъ личный адъютантъ командира отдѣльнаго сибирскаго корпуса —подполковникъ Лерхэ([88]). Цѣль движенія этого летучаго отряда инструкціей опредѣлялась такъ: „отнюдь *не вдаваясь въ какія либо дѣйствія противъ крѣпости Аулеата,* лежащей на Таласѣ изслѣдовать только кратчайшіе и удобнѣйшіе

пути къ ней; очистить отъ коканцевъ всю Чуйскую долину, прикрыть преданные намъ киргизскіе роды, изслѣдовать мѣстность и средства края, произвести съемку..... Рекогносцировка должна быть открыта движеніемъ сначала на Мерке, вдоль сѣверной окрайны Алатавскихъ горъ; послѣ чего отрядъ долженъ перейти въ долину Таласа и слѣдовать вдоль сѣверной подошвы горъ Боролдай къ озеру Кара куль на Чолакъ-Курганъ, а если можно, то дойти до укрѣп. Сузакъ, распространивъ районъ рекогносцировки по возможности далѣе на столько, на сколько позволятъ средства отряда и мѣстныя обстоятельства". Остальныя-же войска, оставаясь у Пишпека, должны заняться окончательнымъ его разрушеніемъ(89).

Такую инструкцію дѣйствій генералъ Колпаковскій призналъ недостаточной и, доказывая необходимость по мѣстнымъ обстоятельствамъ взять Ауліе-ата, просилъ въ этихъ видахъ разрѣшенія увеличить экспедиціонный отрядъ, мотивируя свое ходатайство двухтысячной будто-бы численностью гарнизона этой крѣпостцы(90).

Но командиръ отдѣльнаго сибирскаго корпуса, основываясь на Высочайше утвержденномъ журналѣ особаго комитета, которымъ завладѣніе крѣпостью Ауліеата въ этомъ году совѣмъ не предположено и, особенно ссылаясь на двухтысячный гарнизонъ крѣпости, требующей по этому для овладѣнія ею большихъ силъ и средствъ, въ разрѣшеніи взять Ауліе-ата отказалъ(74).

Такимъ образомъ, цѣлью экспедиціи 1863 года оставалась одна рекогносцировка.

Отрядъ генерала Колпаковскаго, какъ выше было сказано, выступилъ съ Кастека 4 мая, 9-го пришелъ на Чу, гдѣ къ нему присоединилась сотня войскового старшины Бутакова, а 11-го былъ уже у развалинъ Пишпека(91). На другой же день сформированъ и рекогносцировочный отрядъ въ составѣ двухъ стрѣлковыхъ ротъ, двухъ конно-легкихъ орудій и сотни казаковъ, который 13-го мая выступилъ по назначенію(92).

Въ инструкціи подполковнику Лерхэ генералъ Колпаковскій, ссылаясь на имѣющіяся у него точныя свѣдѣнія о торжествѣ династіи Худояръ-хана, бѣгствѣ кипчаковъ въ Кашгаръ, т. е. о возстановленіи до извѣстной степени порядка въ Коканскомъ ханствѣ и примиреніи съ нимъ кара-киргизъ, признавалъ рекогносцировку до Сузака, предположенную при условіи смутъ въ ханствѣ, уже неисполнимою и предлагалъ ограничить ея районъ Чолакъ-Курганомъ(93).

16 мая отрядъ подполковн. Лерхэ вступилъ въ Мерке,

гарнизонъ котораго еще 7 мая оставилъ укрѣпленіе, направившись къ Ауліеата, но на пути туда подвергся нападенію шайки барантачей кара-киргизъ, ограбившихъ и убившихъ самого меркинскаго коменданта и нѣсколькихъ его людей(94).

18 мая отрядъ двинулся далѣе—къ Ауліе-ата, куда подошелъ 23.

Еще на пути сюда, Лерхе получилъ свѣдѣнія, что здѣшніе киргизы сильно настроены противъ русскихъ и одинъ изъ ихъ наиболѣе сильныхъ и вліятельныхъ предводителей, даже писалъ ауліеатинскому коменданту, совѣтуя ему не только не сдавать крѣпости нашему отряду, но и принять мѣры къ изгнанію русскихъ, обѣщая помочь ему въ этомъ, ударивъ отряду во флангъ. Кромѣ того и вѣсти съ запада не были благопріятны для дальнѣйшаго туда движенія

По этому Лерхэ, остановившись въ нерѣшительности лагеремъ въ 6-ти верстахъ отъ Ауліе-ата писалъ Колпаковскому: я въ очень затруднительномъ положеніи: дальше итти рискованно, оставаться здѣсь безъ дѣла не стоитъ, отступить не политично и даже опасно" и находилъ, что самымъ выгоднымъ въ положеніи его отряда было-бы взять Ауліе ата, такъ какъ „крѣпость намъ по силамъ—имѣй бы мы только еще прикрытіе для транспорта(95)

Генералъ Колпаковскій рѣшительно запретилъ всякія попытки атаки крѣпости, отказалъ въ помощи для этой цѣли и предписалъ отряду—по окончаніи рекогносцировки Ауліе-ата идти назадъ, на соединеніе съ нимъ, предупреждая, что 26 мая онъ съ частью своего отряда двинется изъ подъ Пишпека за Мерке прикрыть отступленіе Лерхэ(96). Но послѣдній настаивалъ на своемъ рѣшеніи овладѣть крѣпостью и отвѣчалъ Колпаковскому, что „отступить нѣтъ возможности по неимѣнію на послѣднихъ двухъ переходахъ подножнаго корма и по невыгодному для насъ въ подобномъ случаѣ мнѣнію сартовъ и киргизъ" и что поэтому онъ рѣшился ждать Колпаковскаго подъ Ауліе-ата(97) Но начальникъ экспедиціоннаго отряда, сообщая, что онъ 29 мая уже прибылъ въ Мерке, категорически приказалъ Лерхэ немедленно двигаться туда-же(98).

Рекогносцировочный отрядъ, съ окончаніемъ работъ по съемкѣ, 3 іюня выступилъ изъ подъ Ауліе-ата къ Мерке(99) и 5 іюня соединился съ отрядомъ Колпаковскаго, выдвинувшимся для прикрытія отступленія Лерхе на Яръ-су, т. е. еще на три перехода отъ Мерке

Скопища кара-киргизъ, угрожавшія лутучему отряду нападеніемъ, узнавъ о движеніи русскихъ изъ Мерке—разсѣя-

лись, а потому генералъ Колпаковскій нашелъ возможнымъ произвести рекогносцировку долины Таласа, что и предложилъ сдѣлать Лерхэ, самъ-же со своимъ отрядомъ возвратился къ Пишпеку. Но получивъ здѣсь донесенія изъ Вѣрнаго о серьезныхъ осложненіяхъ на Китайской границѣ—отозвалъ Лерхэ и 10 іюня съ большею частью своего отряда выступилъ къ Вѣрному([100]), оставивъ меньшую для окончанія работъ по разрушенію укрѣпленій Пишпека. Этотъ остававшійся отрядъ вернулся въ Вѣрное уже 30 іюня([101]).

Осложненія на границѣ съ Западн. Китаемъ.

Грандіозное мусульманское движеніе обнаружившееся въ началѣ 60 тыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ провинціяхъ Западнаго Китая, извѣстное у насъ подъ названіемъ—„возстаніе дунганъ", не было въ должной мѣрѣ оцѣнено китайскими властями, которыя подавивъ его вспышки, обнаружившіяся въ 1862 и 1863 годахъ даже въ самой Кульджѣ([102]), не оставили въ виду грозныхъ грядущихъ событій своихъ агрессивныхъ намѣреній противъ насъ.

Въ концѣ 1862 и началѣ 1863 г. Илійскими властями, недовольными теченіемъ переговоровъ въ Чугучакѣ, начали распускаться среди нашихъ киргизъ слухи о намѣреніи ихъ сосредоточить въ Кульджѣ 40-ка тысячную армію и вытѣснить русскихъ за р. Лепсу.

Для болѣе успѣшнаго распространенія такихъ слуховъ въ Б.-Ордѣ, изъ Кульджи даже пріѣзжалъ въ наши предѣлы какой-то китайскій чиновникъ, который предлагалъ адбанамъ отложиться и заявить себя подданными Китая, завѣряя ихъ, что китайское правительство въ состояніи защитить своихъ подданныхъ отъ всякихъ притязаній ([103]).

Для устраненія подобной агитаціи, а точно такъ-же и въ видахъ предотвращенія возможныхъ попытокъ къ отложенію нашихъ киргизъ, Иссыкульскій отрядъ еще въ мартѣ былъ усиленъ полусотней казаковъ и горнымъ орудіемъ, съ прибытіемъ которыхъ численность его достигла 150 казаковъ при двухъ горныхъ орудіяхъ ([103]), а затѣмъ вскорѣ, съ тою же цѣлью и для предупрежденія попытокъ вторженія въ наши предѣлы китайцевъ, снова выставлены пограничные отряды: на р. Кегень—подъ начальствомъ капитана Елинскаго: изъ роты, сотни, двухъ горныхъ орудій и ракетнаго станка; на уроч. Айдарлы-кумъ—подъ командой хорунжаго Вардугина: полусотня съ ракетнымъ станкомъ и на ур. Кышмурунъ: рота, 25 казаковъ и два конныхъ орудія подъ начальствомъ поручика Антонова ([102]).

Китайцы, со своей стороны, не остались въ долгу и на-

чали стягивать войска къ городку Тургеню и къ пикету Аяк-Караулу (100).

Изъ переговоровъ въ Чугучакѣ для нашихъ комиссаровъ обнаружилась необходимость лично ознакомиться на мѣстѣ съ существующей пограничной линіей, что и было предположено сдѣлать въ началѣ іюня. Съ этой цѣлью второй комиссаръ капитанъ Голубевъ прибылъ въ Кышмурунскій отрядъ; отрядъ-же Вардугина съ уроч. Айдарлы-кумъ былъ притянутъ ближе и оставленъ противъ китайскаго пикета Борохудзиръ, располагавшагося по среднему теченію рѣчушки того-же имени—въ ея ущельѣ. Съ этимъ именно отрядомъ капитанъ Голубевъ и предполагалъ двинуться къ югу отъ прохода Уйленташъ по проэктируемой русскими пограничной съ Китаемъ линіи.

Китайцы-же, не понимая цѣли прибытія сюда отряда Вардугина и, вѣроятно, даже отнесясь подозрительно къ нашимъ намѣреніямъ, 29 мая окружили этотъ отрядъ, но не предпринимая противъ него никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, ограничивались тѣсной блокадой, не допуская казаковъ ни къ водѣ, ни къ травѣ.

По донесеніи объ этомъ капитану Голубеву, послѣдній отправилъ на пикетъ Борохудзиръ двухъ офицеровъ съ пятью казаками—потребовать отъ китайцевъ оставить отрядъ Вардугина въ покоѣ, что ими и было исполнено, но съ просьбою объяснить намѣренія русскихъ. 31 мая капитанъ Голубевъ со всѣмъ Кышмурунскимъ отрядомъ подошелъ къ пикету Борохудзиръ, съ цѣлью дать объясненіе своихъ дѣйствій китайцамъ и, затѣмъ, подъ прикрытіемъ отряда Вардугина идти по пограничной линіи далѣе, а Кышмурунскій отрядъ вернуть назадъ.

Для переговоровъ съ китайцами онъ избралъ поручика Антонова и хорунжаго Елгина, которые подъ прикрытіемъ девяти конныхъ артиллеристовъ и одного казака—переводчика поѣхали къ пикету Борохудзиръ, гдѣ были радушно встрѣчены китайскими офицерами, любезно приглашавшими ихъ въѣхать въ самый пикетъ Антоновъ и Елгинъ, ничего не подозрѣвая, согласились, но лишь только они съ конвоемъ въѣхали въ огражденное пространство пикета, какъ китайцы напали на нихъ, пуская стрѣлы въ упоръ. Три артиллериста были убиты наповалъ, остальнымъ девяти русскимъ удалось пробиться и ускакать въ свой лагерь.

Изъ этихъ девяти: поручикъ Антоновъ умеръ отъ ранъ на другой-же день, хорунжій Елгинъ и пять нижнихъ чиновъ ранены тяжело и одинъ легко.

Вслѣдъ за спасавшимися бросились безпорядочными толпами и китайцы, но, встрѣтивъ Кышмурунскій отрядъ готовымъ къ отпору, разсыпались кругомъ, занявъ окрестныя горы. Къ наказанію за вѣроломное убійство посланныхъ,—капитанъ Голубевъ не принялъ никакихъ мѣръ, а китайцы, въ свою очередь, сами въ тотъ день не начинали боя.

Въ ночь съ 31 мая на 1 іюня отрядъ Вардугина, безъ всякой помѣхи со стороны китайцевъ, успѣлъ соединиться съ Кышмурунскимъ и въ то-же время узнано, что къ Борохудзиру подошло подкрѣпленіе Съ утра 1-го іюня китайцы снова появились на окрестныхъ горахъ и открыли огонь по отряду Голубева. Послѣдній, видя что при подобныхъ условіяхъ двигаться ему впередъ для выполенія своей миссіи съ однимъ только отрядомъ хорунжаго Вардугина нельзя, взявъ-же съ особою и Кышмурунскій онъ считалъ невозможнымъ, опасаясь оставить открытымъ путь на Коксуйское поселеніе, чѣмъ могли-бы воспользоваться китайцы, капитанъ Голубевъ рѣшилъ отступить на Кышмурунъ. Едва только русскій отрядъ тронулся съ мѣста, какъ китайцы начали напирать, осыпая отрядъ пулями и мелкими ядрами. Хотя китайская пальба и была совершенно безвредна, но заставила, наконецъ, Голубева разрѣшить и своему отряду открыть огонь, а арьергарду дѣйствовать, не стѣсняясь.

Китайцы были вскорѣ отброшены и отрядъ безъ всякихъ новыхъ потерь возвратился къ мѣсту своей прежней стоянки на ур. Кышмурунъ; Вардугинъ-же съ полусотней казаковъ и ракетнымъ станкомъ, спустя нѣсколько времени, перешелъ оттуда на нашъ Алтынъ-Эмельскій пикетъ ([104]).

Вслѣдствіе такого оборота дѣлъ и просьбы капитана Голубева, командующій войсками Копальскаго военнаго округа полковникъ Гурскій усилилъ Кышмурунскій отрядъ взводомъ стрѣлковъ, назначивъ въ то-же время начальникомъ отряда, вмѣсто умершаго Антонова, маіора Ерковскаго ([105]).

19 іюня китайцы снова попрсбовали сдѣлать нападеніе на Кышмурунскій отрядъ, но были встрѣчены сотней киргизской милиціи султана Тезека, вскорѣ поддержанной взводомъ казаковъ съ ракетнымъ станкомъ и, не выдержавъ боя, къ мѣсту котораго приближалась уже наша пѣхота, поспѣшно отступили, преслѣдуемые казаками и киргизами до пикета Борохудзиръ. Въ этомъ столкновеніи отбито у китайцевъ 15 мелкокалиберныхъ орудій—въ родѣ нашихъ крѣпостныхъ ружей ([106]).

Въ то-же самое время начальнику Кышмурунскаго отряда маіору Ерковскому нашъ Кульджинскій консулъ сообщалъ,

что „китайцы тѣснятъ его“ и что „онъ находится въ опасномъ положеніи“. Ерковскій, не имѣя никакой возможности помочь—отвѣтилъ консулу „чтобы онъ поступилъ—какъ укажетъ ему собственное его благоразуміе“(107).

Въ концѣ-же іюня получено извѣстіе, что къ станицѣ Лепсинской направленъ 4-хъ тысячный китайскій отрядъ, вслѣдствіе чего командующій войсками Копальскаго военнаго округа, высылая въ Лепсу на усиленіе тамошняго отряда роту пѣхоты и огнестрѣльные припасы для имѣвшихся въ станицѣ двухъ орудій, предписалъ начальнику Лепсинскаго отряда есаулу Козлову: мобилизовать Лепсинскихъ казаковъ, укрѣпить станицу и стянуть въ нее всѣ военно-рабочія команды, бывшія вблизи нея для заготовки „подѣлочнаго лѣсу (108)“.

29 іюня китайскія войска, въ числѣ около пяти тысячъ, заняли на столько угрожающее положеніе относительно нашего кегенскаго отряда, что начальникъ его маіоръ Елинскій вынужденъ былъ самъ перейти въ наступленіе. Китайцы не выдержали смѣлой атаки нашихъ роты и сотни, поддержанныхъ артиллерійскимъ огнемъ и бѣжали 2 іюля они еще пробовали перейти въ наступленіе, но и на этотъ разъ неудачно (111). Въ концѣ іюля на линію нашихъ пограничныхъ отрядовъ, въ выс. Коксуйскій, выѣхалъ и начальникъ Алатавскаго округа генералъ Колпаковскій (109) вѣроятно съ цѣлью уладить дѣло мирнымъ путемъ, посредствомъ переговоровъ съ илійскими властями.

Въ концѣ сентября наши пограничные отряды, судя по уходу кышмурунскаго въ Копалъ, были отозваны назадъ—на зимнія квартиры (110).

1864 годъ. Въ 1864 году многолѣтніе пограничные споры съ Китаемъ были закончены въ Чугучакѣ договоромъ, которымъ опредѣлены, наконецъ и государственная граница, и взаимоотношеніе обоихъ государствъ. Помимо этого, разраставшееся возстаніе въ западныхъ провинціяхъ Китая, отвлекая илійскія власти отъ всякихъ агрессивныхъ противъ насъ дѣйствій, привело даже ихъ къ мысли—просить въ Вѣрномъ и Семипалатинскѣ русской помощи. Но наше правительство рѣшило „воздержаться отъ прямого вмѣшательства въ борьбу между манчжурами и дунганами“ и предложило Семипалатинскому губернатору „объявить китайскимъ посланцамъ, что мы не считаемъ себя въ правѣ переходить съ войсками границу, не имѣя прямого положительнаго приглашенія отъ Пекинскаго Двора„ (112).

Въ этомъ-же году рѣшено привести въ исполненіе и соединеніе Сыръ-Дарьинской линіи укрѣпленій съ Алатавскимъ округомъ. Въ концѣ апрѣля въ Вѣрномъ сосредоточенъ отрядъ изъ 8 ротъ пѣхоты, 3 сотенъ казаковъ, 8 полевыхъ и 2-хъ горныхъ орудій, 7 мортиръ и 2-хъ ракетныхъ станковъ, съ которымъ полковникъ Черняевъ выступилъ изъ Вѣрнаго 1 мая; съ 10 по 16-е стоялъ у Токмака, гдѣ заложилъ укрѣпленіе на роту пѣхоты, сотню казаковъ и два орудія, а съ 24 по 28-е устроилъ второй этапъ въ Меркѣ, оставивъ тамъ роту, 30 казаковъ и 3 орудія.

2 іюня Алатавскій отрядъ, оттѣснивъ коканцевъ, занимавшихъ, въ числѣ около 1500 человѣкъ, позицію на высотахъ, подошелъ къ Ауліе-ата, расположенному на лѣвомъ берегу р. Таласа.

Послѣ рекогносцировки крѣпости, полковникъ Черняевъ 4 іюня переправилъ на лѣвый берегъ Таласа большую часть своего отряда и, подойдя къ городу съ запада, послѣ короткой артиллерійской подготовки внезапнымъ штурмомъ быстро овладѣлъ городомъ, крѣпостью и цитаделью. Между тѣмъ коканскія силы начали сосредоточиваться въ Чимкентѣ подъ предводительствомъ самого правителя ханства муллы Алимкула. Полковникъ Черняевъ, желая обезпечить свой отрядъ на зиму, рѣшился идти на Чимкентъ и тамъ нанести ударъ главнымъ силамъ коканцевъ. Съ этой цѣлью онъ 7 іюля выступилъ изъ Ауліе-ата, но убѣдившись изъ рекогносцировки 22 іюля въ недостаткѣ своихъ силъ для атаки Чимкента, вернулся назадъ въ Ауліе-ата.

Распоряженіемъ правительства изъ вновь занятыхъ городовъ Туркестана, Ауліе-ата и укрѣпленій Мерке и Токмакъ образована Ново-коканская линія подъ начальствомъ г.-м. Черняевъ и вѣдѣн. генералъ-губернатора Зап Сибири. Для установленія окончательной связи между городами Туркестаномъ и Ауліе-ата, генералъ Черняевъ двинулъ изъ этихъ городовъ отряды къ Чимкенту. Оба отряда соединились подъ Чимкентомъ 19 сентября, а 22 эта крѣпость взята штурмомъ послѣ двухдневной осады(113). **1865, 1866 и 1867 годы.**

Совершенное овладѣніе Ново-коканской линіей и взятіе штурмомъ $^{15}/_{17}$ іюня 1865 года Ташкента сломили, наконецъ, энергію коканскаго ханства, какъ политической единицы и какъ передового въ Средней Азіи центра агрессивной мусульманской идеи, что въ извѣстной степени обезопасило изъ внѣ западную и юго западную границы Алатавскаго округа, а договоръ съ Китаемъ и, особенно, все болѣе и болѣе развивавшееся мусульманское движеніе въ его западныхъ про-

винціяхъ—гарантировали неприкосновенность нашихъ границъ съ востока. Поэтому всѣ три указанные года, предшествовавшіе образованію Семирѣченской области, прошли безъ выдающихся военныхъ предпріятій

Въ это время все вниманіе мѣстной власти обратилось на внутреннее умиротвореніе страны и огражденіе нашихъ кочевниковъ отъ вліянія событій въ сосѣднемъ Восточномъ Туркестанѣ, гдѣ на почвѣ религіознаго движенія уже началъ осуществлять свои честолюбивыя мечты извѣстный Якубъ-бекъ.

Съ указанной цѣлью, а точно такъ-же для предотвращенія возможности вторженія въ наши предѣлы китайскихъ инсургентовъ и чтобы прикрыть переселеніе на русскую территорію бывшихъ китайскихъ подданныхъ: калмыковъ, сибо и солонъ, которые массами оставляли свое отечество, избѣгая опасностей, неразлучныхъ съ политическимъ переворотомъ, было рѣшено содержать сильные пограничные отряды: 1) на юго-восточной сторонѣ озера Иссыкъ-куля въ укрѣпленномъ посту на р. Акъ-су, 2) на р. Текесъ, при устьѣ пограничной р. Дараты-булакъ, 3) на р. Борохудзиръ съ передовымъ казачьимъ постомъ на уроч. Аякъ-сазъ, 4) вблизи нынѣшняго укрпѣп. Бахты и 5) въ Тарбогатайскихъ горахъ въ верховьяхъ р. Теректы. Всѣ эти отряды выставлялись обыкновенно на лѣто, начиная съ апрѣля, а къ концу сентября отзывались на свои зимнія квартиры, за исключеніемъ Аксуйскаго и Борохудзирскаго, которые зимовали на своихъ пограничныхъ пунктахъ([114]).

1867 годъ ознаменовался въ Семирѣчьѣ рекогносцировкой западной части китайской границы и окончательнымъ усмиреніемъ племени сары-багишей.

Командированный сюда военнымъ министерствомъ полковникъ генеральнаго штаба Полторацкій съ Тяньшанскимъ отрядомъ, какъ назывался съ 1866 года отрядъ на р Текесъ ([114]), дошелъ до Музарскаго перевала, что на главномъ пути изъ бассейна Тарима въ Илійскую долину, а затѣмъ, возвратившись въ Вѣрный, получилъ подъ свое начальство другой отрядъ, съ которымъ и выступилъ оттуда 2 іюля

Цѣль этой экспедиціи, помимо рекогносцировки путей къ Кашгару, неоконченной въ 1863 году капитаномъ Проценко, заключалась попутно еще и въ усмиреніи сары-багишей. Отрядъ Полторацкаго чрезъ перевалы Кастекъ и Шамси прошелъ къ озеру Сонъ-куль, откуда спустился въ долину р. Нарынъ у крѣпости Куртка, которая оказалась уже снова возстановленной коканцами. Ничтожный гарнизонъ ея опять

бѣжалъ, а укрѣпленія были вторично разрушены. Переправившись чрезъ Нарынъ у Куртка, отрядъ по долинѣ р. Терекъ и чрезъ перевалъ Джаманъ-даванъ проникъ въ долину р. Кара-каинъ и чрезъ перевалъ Ташъ-рабатъ къ озеру Чатыръ-куль. Отсюда, пройдя переваломъ Туругартъ, отрядъ прослѣдовалъ на нѣкоторое разстояніе къ Кашгару и повернулъ назадъ. На обратномъ пути онъ обошелъ озеро Четыръ-куль и опять, спустившись чрезъ Ташъ-рабатъ въ долину рѣкъ Кара-каинъ и Атъ башъ, вышелъ переваломъ Шаркратьма къ р. Нарынъ, откуда лѣвымъ берегомъ направился къ развалинамъ Куртка и уже отсюда старымъ путемъ въ Вѣрный.

Захватить въ плѣнъ Умбетъ-али, злѣйшаго врага русскихъ, полковнику Полторацкому не удалось, а потому вторая цѣль экспедиціи осталась не вполнѣ достигнутой. Но эта-же эспедиція однако привела Умбетъ-али къ сознанію невозможности и совершенной безполезности дальнѣйшей борьбы съ русскими, почему онъ и явился съ повинной осенью 1867 года въ отрядъ, съ которымъ путешествовалъ извѣстный нашъ зоологъ и зоогеографъ Н. А. Сѣверцовъ.

Неуловимый манапъ лично обратился къ Сѣверцову съ просьбой о ходатайствѣ предъ русскими властями о помилованіи Просьба Умбетъ-али была уважена при условіи: прекратить всѣ набѣги на сосѣдей, возвратить имъ ограбленный скотъ и вознаградить семейства убитыхъ и раненыхъ при нападеніи на транспортъ Зубарева въ ущельѣ р. Куртка. Всѣ эти требыванія были исполнены и безпокойное племя сарыбагишей, причинившее немало зла и заботъ русскимъ, наконецъ, приняло наше подданство окончательно([115]).

1868 годъ. Съ цѣлью закрѣпить наши владѣнія въ бассейнѣ Нарына и внести умиротвореніе въ горную страну кара-киргизъ—тамъ рѣшено заложить постоянное укрѣпленіе. Для исполненія этого, въ половинѣ мая изъ Токмака выступилъ отрядъ генералъ-маіора Краевскаго, въ составѣ двухъ ротъ пѣхоты, № 1 Семирѣченской полусотни есаула Маркова, 4 орудій и саперной команды. Отрядъ исправляя по пути дорогу, прошелъ къ мѣсту своего назначенія кратчайшимъ путемъ—черезъ ущелье Буамъ и перевалъ Долонъ, выстроилъ мостъ на р. Нарынъ и 1 августа заложилъ укрѣпленіе Нарынское, продолжая постройку его до глубокой осени([116]).

Еще до начала постройки моста, полусотня есаула Маркова была отозвана въ Токмакъ, а вмѣсто нея въ Нарынскій отрядъ выслана 1 я семирѣченская сотня([117]), полусотня которой произвела рекогносцировку Шаркратминскаго перевала,

что противъ укрѣп. Нарынъ, и долины р. Ат-башъ, оставаясь въ этой долинѣ до 15 іюня 1869 г (118).

1869 годъ. Съ половины 1869 г. положеніе дѣлъ на китайской границѣ Семирѣченской области начало быстро измѣняться къ худшему.

Мусульманское движеніе въ Восточномъ Туркестанѣ достигало своей послѣдней фазы развитія и къ 1864 г. китайцы оказались совершенно вытѣсненными изъ Кашгара, гдѣ Якубъ-бекъ бывшій главнокомандующій войсками Бузурукъ-Ходжи, вернувшаго себѣ былую власть своихъ предковъ въ этой странѣ, свергнулъ своего повелителя и, объявивъ себя эмиромъ Кашгара, былъ признанъ въ этомъ званіи Англіей и Турціей(119). Къ 1869-му же году китайцы лишились всей восточной части Илійской долины и страны въ верховьяхъ Или, населенныхъ преимущественно земледѣльческимъ племенемъ таранчей, среди которыхъ проснулось народ. самосознаніе, и здѣсь началъ выростать самостоятельный таранчинскій султанатъ, съ главнымъ центромъ въ г. Кульджѣ. Народныя волненія и страсти, не сдерживаемыя еще неразвившейся властью въ этой нарождавшейся политической единицѣ, отразились и въ нашей пограничной полосѣ.

Киргизы рода кызай, номинально признававшіе власть Кульджинскаго султаната, открыли рядъ набѣговъ въ наши предѣлы.

Въ концѣ мая 1869 г. они угнали у нашихъ киргизъ 400 лошадей и погоня за ними изъ каптагайскаго пограничнаго отряда осталась безуспѣшной.

Въ іюнѣ кызаями опять былъ угнанъ табунъ въ 800 лошадей у киргизъ Борохудзирской волости. По распоряженію мѣстной власти часть Борохудзирскаго отряда вышла за границу въ погоню за хищниками, настигла ихъ близъ развалинъ гор. Джаркента и отбила весь табунъ.

Въ первыхъ числахъ августа начальникъ каптагайскаго отряда, располагавшагося у прохода къ озеру Эби-норъ по каптагайской тѣснинѣ, узналъ изъ распространившихся между нашими киргизами слуховъ, что кызаи предполагаютъ вторгнуться въ большомъ числѣ въ наши предѣлы для грабежа. Чтобы успокоить возникшую по этому поводу между нашими киргизами панику, убѣдиться въ правильности слуховъ и, въ случаѣ дѣйствительности намѣреній кызаевъ,—предупредить ихъ вторженіе, сотникъ Гамбурцевъ 6 августа двинулся съ каптагайскимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 3-й Семирѣченской сотни; 7-го перешелъ границу и направился къ р. Баротола. Здѣсь онъ узналъ, что кызаи дѣйствительно замыш-

ляли набѣгъ въ крупныхъ размѣрахъ и что табуны ихъ лошадей пасутся вблизи озера Сайрамъ норъ. желая захватомъ лошадей предотвратить готовившійся набѣгъ, Гамбурцевъ рѣшился двинуться къ этому озеру. Но, не доходя его, сотня была встрѣчена кызаями, открывшими по ней стрѣльбу. Командиръ сотни, имѣя всего по 40 патроновъ на человѣка, принужденъ былъ ихъ беречь и ограничиваться поэтому одними атаками. Вскорѣ однако массы киргизъ, постепенно увеличиваясь, окружили отрядъ и заставили его начать отступленіе, при которомъ сотня не могла уже охранять захваченныхъ ею на пути плѣнныхъ и стадъ барановъ. Стада были брошены, а плѣнные отпущены, причемъ имъ было разсказано, что сотня составляетъ лишь только авангардъ, идущаго сюда отряда. Далѣе, сотникъ Гамбурцевъ спѣшилъ взводъ казаковъ, который огнемъ разогналъ заграждавшія путь отступленія толпы киргизъ и очистилъ отъ нихъ близъ лежащія высоты. Вскорѣ нападавшіе разсѣялись, опасаясь, вѣроятно, столкновенія съ мнимыми главными силами русскихъ, о которыхъ, нужно полагать, предупредили ихъ отпущенные Гамбурцевымъ плѣнные. Сотня вернулась назадъ, потерявъ двухъ казаковъ ранеными и 25 лошадей, изъ которыхъ 23 пали отъ ранъ и изнуренія, а двѣ бѣжали изъ подъ раненыхъ казаковъ. За этотъ неудачный поискъ, предпринятый безъ приказанія и разрѣшенія—сотникъ Гамбурцевъ былъ преданъ суду(120)

Кызаи не остались въ долгу; въ ночь съ 14 на 15 сентября они угнали уже изъ окрестностей станицы Лепсинской почти всѣхъ лошадей 2-й сибирской конной батареи, бывшихъ тамъ на подножномъ корму. Командиръ 1-го Семирѣченскаго льготнаго полка войсковой старшина Главацкій, случившійся въ этой станицѣ, погнавшись немедленно за хищниками съ 8-ю казаками и 8-ю артиллеристами, успѣлъ отбить 96 лошадей, а остальныя 32 были все-таки угнаны.

Этотъ послѣдній случай переполнилъ, наконецъ, чашу терпѣнія мѣстной власти. Въ станицѣ Лепсинской былъ сформированъ отрядъ изъ 3 й Семирѣченской сотни, одной сотни льготныхъ лепсинцевъ*), 30 артиллеристовъ и 500 киргизъ, съ которымъ войсковой старшина Главацкій выступилъ 4 октября за границу по направленію къ долинѣ р. Баротола и озера Сайрамъ-норъ.

9 октября онъ напалъ на кызаевскіе аулы на Баротола, сжегъ и уничтожилъ ихъ имущество и преслѣдовалъ на раз-

*) Сотнями командовали: 3-й полевой сотникъ Зенковъ, льготной лепсинской есаулъ Шмаковъ.

стояніи 80 верстъ. Давъ утомленному отряду отдыхъ, Главацкій 16 октября снова настигъ кызаевъ у самаго озера Сайрамъ-норъ, гдѣ совершенно разсѣялъ ихъ скопища, отбивъ болѣе 15 тысячъ барановъ и 300-тъ головъ разнаго крупнаго скота. Отрядъ вернулся въ станицу Лепсинскую 23 октября, имѣя за все время экспедиціи контуженнымъ только одного казака([121]).

Для содѣйствія отряду Главацкаго—начальнику Борохудзирскаго отряда маіору Попову тоже было приказано двинуться за границу въ кочевья кызаевъ. Поповъ, съ частью своего отряда, состоявшей изъ полуроты пѣхоты, 2-й сибирской сотни и двухъ орудій, выступилъ 15 октября съ цѣлью дѣйствовать въ тылъ кызаямъ, отступавшимъ предъ отрядомъ Главацкаго.

Перейдя р Хоргосъ, маіоръ Поповъ встрѣтилъ 16 октября въ селеніи Мазаръ 4-хъ сотенный отрядъ таранчей, который отступилъ, оставивъ въ селеніи женъ, дѣтей и стариковъ. Получивъ въ Мазарѣ извѣстіе, что кызаи кочуютъ у горъ Борохоро, въ 15 верстахъ отъ Мазара, Поповъ выслалъ для наказанія ихъ полусотню казаковъ. Полусотня успѣла захватить до 5 тысячъ барановъ и, тѣснимая кызаями, вернулась къ отряду, пригнавъ однако и барановъ, но вслѣдъ за отступавшими казаками начали собираться во множествѣ кызаи, къ которымъ присоединились и отступавшіе изъ Мазара таранчи. Поповъ приказалъ начать отступленіе, сильно затруднявшееся потомъ отбитымъ скотомъ и безпрестанными атаками кызаевъ и таранчей, соединенныя силы которыхъ простирались до двухъ тысячъ человѣкъ. Съ трудомъ перейдя р. Хоргосъ, отрядъ вынужденъ былъ остановиться, занять оборонительную позицію и только послѣ упорнаго боя, нанеся нападавшимъ значительныя потери, заставилъ ихъ отступить, а затѣмъ, уже болѣе не преслѣдумый, вернулся 18 октября на мѣсто своей пограничной стоянки, не потерявъ и отбитаго сибирскими казаками скота.

Неудачныя дѣйствія отряда Попова не только не достигли желаемой цѣли, но оставили даже въ таранчахъ слишкомъ высокое мнѣніе о своихъ силахъ, а его неумѣніе сохранить съ ними дружественныя отношенія наМазарѣ — возбудили неудовольствіе противъ русскихъ въ Кульджинскомъ султанатѣ([122]), перешедшее потомъ въ открытую вражду.

1870 и 1871 годы. Заня-

Такой постановкѣ отношеній султаномъ, помимо многихъ частныхъ причинъ, вытекавшихъ изъ проявленій народной

тіе кульджинскаго султаната.

жизни и управленія въ этой странѣ, способствовалъ въ извѣстнсй степени еще и дальнѣйшій общій ходъ развитія историческихъ событій въ восточномъ Туркестанѣ.

Дунгане, иниціаторы движенія, понявъ вѣроятно честолюбивые замыслы Якубъ-бека кашгарскаго, возстали противъ него, выставивъ до 40 тысячъ войскъ, но не будучи въ силахъ противостоять талантливому узурпатору, сдали ему въ 1870 году города Баркуль и Хами, а вслѣдъ за ними Урумчи и Монасъ тоже признали надъ собою власть правителя Кашгара[123].

Такимъ образомъ, Кульджинскій султанатъ, имѣя за собой довольно сильнаго единовѣрнаго сосѣда, враждебныя отношенія котораго къ Россіи едвали составляли тайну въ мусульманскомъ мірѣ, могъ съ извѣстной вѣроятностью въ случаѣ конфликта съ русскими, расчитывать на помощь со стороны Кашгара. Благодаря такому стеченію обстоятельствъ правительство султаната признавало независимость своей страны обезпеченной, а свои силы достаточными, какъ для защиты бѣжавшихъ на его территорію русско-подданныхъ, такъ и для отказа на всѣ обращенныя къ нему требованія русскихъ властей.

Какъ слѣдствіе такой постановки отношеній съ Кульджей, въ нашей приграничной полосѣ, населенной киргизами Б. Орды, начались волненія и грабежи, виновники которыхъ находили себѣ безопасный пріютъ на Кульджинской территоріи [124].

До какой степени развились эти грабежи—достаточно характеризуетъ слѣдующій фактъ.

Въ августѣ 1870 года, пожалованный за разныя заслуги чиномъ полковника кавалеріи, киргизскій султанъ Тезекъ Аблай-ханъ съ 63-мя своими киргизами ограбилъ на пути изъ Вѣрнаго въ Капалъ старшаго помощника Капальскаго уѣзднаго начальника маіора Здоренко [125] и бѣжалъ въ Кульджу.

На требованіе о выдачѣ его—Кульджинскій султанъ отдѣлывался одними обѣщаніями, но грабителей не выдавалъ [126]. По этому поводу и по нѣсколькимъ другимъ подобнымъ же вопросамъ, а въ томъ числѣ и о разрѣшеніи свободной торговли русско-подданнымъ въ султанатѣ, возникъ цѣлый рядъ дипломатическихъ сношеній мѣстныхъ русскихъ властей съ Кульджей [127]

Султанъ на всѣ предъявленные ему запросы и требованія отвѣтилъ отказомъ и даже потребовалъ отозвать нашъ тяньшанскій отрядъ съ его позиціи на р. Уртень-Музартъ, угрожая въ противномъ случаѣ удалить его оттуда силою[128].

Наша мѣстная власть совершенно ясно сознавала необходимость занятія султаната, какъ единственное средство къ умиротворенію на границѣ, но правительство наше, избѣгая возможности непріязненныхъ отношеній по этому поводу съ Китаемъ отвѣтило категорическимъ отказомъ на представленіе Туркестанскаго генералъ-губернатора о занятіи Кульджи ([128]), предполагая, что китайское правительство сможетъ, наконецъ, и само принять необходимыя мѣры противъ своихъ отложившихся провинцій ([124]).

Въ такомъ положеніи оставались наши взаимныя съ Кульджей отношенія до апрѣля 1871 года.

Между тѣмъ Кульджинскій султанъ еще въ концѣ декабря 1870 года отправилъ свое посольство къ Якубъ-беку съ предложеніемъ объ установленіи общаго плана дѣйствій противъ русскихъ или съ просьбой о помощи, но послы не застали Якубъ-бека подъ Урумчи и послѣдовали за нимъ въ Кашгаръ, куда онъ спѣшилъ—спасать свою власть и положеніе отъ вторгнувшихся изъ Кокана войскъ подъ предводительствомъ Ходжей,—потомковъ древнихъ князей Кашгара, особенно популярныхъ въ тамошнемъ населеніи ([123]).

Такимъ образомъ, Якубъ-беку, въ данное время, не было никакого расчета пріобрѣтать себѣ лишняго врага въ лицѣ русскихъ и кульджинскій султанъ, въ случаѣ войны съ нами, могъ полагаться только на собственныя силы, что стало извѣстнымъ въ Семирѣчьѣ еще въ февралѣ 1871 года ([123]), но могло быть долго неизвѣстнымъ султану.

5 апрѣля 1871 года въ Кульджу былъ посланъ довольно рѣшительный ультиматумъ, заключавшійся въ требованіяхъ: 1) свободной торговли для русскихъ, 2) выдачи разныхъ грабителей, скрывшихся въ султанатѣ, 3) удовлетворенія нашихъ подданныхъ за разные грабежи кульджинскими киргизами съ 1870 года и 4) возвращеніе русско-подданныхъ киргизъ, откочевавшихъ въ султанатъ съ 1870-же года.

За неудовлетвореніе всѣхъ этихъ требованій угрожалось открытіемъ военныхъ дѣйствій ([129])

Султанъ отвѣтомъ на ультиматумъ медлилъ, а между тѣмъ волненіе и безпорядки на границѣ росли, виновники-же ихъ всегда успѣвали скрыться отъ преслѣдованія на таранчинской территоріи.

Въ половинѣ апрѣля помощникъ Вѣрненскаго уѣзднаго начальника есаулъ Герасимовъ былъ командированъ арестовать прапорщика Тазабека, собиравшагося съ частью киргизскихъ волостей восточной части этого уѣзда откочевать за границу къ таранчамъ. Тазабекъ, въ ночь на 19 апрѣля со

140-ка своими вооруженными людьми, напалъ на Герасимова, остановившагося съ 32 сибирскими казаками своего прикрытія на ночлегъ на р. Ак-тогой. Казаки до утра отбивали всѣ нападенія, а утромъ Герасимовъ выступилъ къ аулу Тазабека, но послѣдній успѣлъ уже бѣжать за границу и съ нимъ ушло туда болѣе тысячи кибитокъ киргизъ.

25 апрѣля послано въ Кульджу требованіе о выдачѣ Тазабека и возвращеніи всѣхъ бѣжавшихъ съ нимъ, для чего и былъ назначенъ срокъ—3-е мая. Побѣгъ массы киргизъ и открытое нападеніе Тазабека произвели такое волненіе среди нашихъ кочевниковъ, что для успокоенія ихъ рѣшено двинуть за границу, съ цѣлью возвращенія бѣжавшихъ, $1^1/_2$ сотни казаковъ и роту пѣхоты подъ начальствомъ Вѣрненскаго уѣзднаго начальника подполковника Жданъ-Пушкина, чѣмъ предполагалось еще и побудить султана поспѣшить дать удовлетворительный отвѣтъ на ультиматумъ 5 апрѣля. Въ видахъ же содѣйствія поиску Жданъ Пушкина и для оказанія наибольшаго давленія на таранчинское правительство, нашимъ пограничнымъ отрядамъ приказано передвинуться впередъ: Борохудзирскому—до таранчинскаго селенія Мазаръ, Тяньшаньскому—къ перевалу Кетмень, а мѣсто послѣдняго отряда на р Уртень-Музартъ занять ротѣ и семирѣченской полусотнѣ изъ укрѣп. Каракольскаго. Всѣ эти движенія были, однако, отложены до 3 мая, т. е. до послѣдняго дня срока, даннаго кульджинскому султану ([130]).

Въ назначенный день, отрядъ подполковника Жданъ-Пушкина, собравшійся у Чунджинскаго поста въ составѣ 2-ой Сибирской сотни, войсковой учебной команды Семирѣченскаго войска *) и роты 12-го Туркестанскаго линейнаго баталіона ([131]), выступилъ къ границѣ, направляясь кружнымъ путемъ долиною Чолкады-су на Кетменьскій перевалъ, чтобы, спустившись съ него, неожиданно застигнуть Тазабека, кочевавшаго тогда за селеніемъ Кетмень. Но этотъ расчетъ далеко не оправдался; отрядъ 6 мая былъ встрѣченъ на перевалѣ таранчинскими киргизами, завязавшими съ нимъ перестрѣлку. Жданъ-Пушкину пришлось остановиться и выждать прибытія Тяньшанскаго отряда. Соединенные отряды подъ командой подполковника Елинскаго двинулись 8 мая къ Кетменскому перевалу но нашли его уже прочно занятымъ таранчами и киргизами, которые, устроивъ здѣсь завалы, встрѣтили наступающихъ огнемъ. Первая атака была безуспѣшна и

*) Командиръ учеб. команды сотникъ Ишервудъ, младшіе офицеры хорунжіе Бутовичъ и Черепашковъ.

выбить непріятеля съ его позиціи удалось только тогда, когда часть нашей пѣхоты заняла командовавшіе надъ завалами высоты и мѣткимъ огнемъ оттуда—заставила таранчей оставить ихъ, а два орудія Тяньшаньскаго отряда обратили ихъ въ совершенное бѣгство.

Отрядъ съ 8-го на 9-е ночевалъ на перевалѣ, на высотѣ 9 тысячъ футъ, подъ метелью и въ такой холодъ, что въ отрядѣ *замерзло нѣсколько лошадей и верблюдовъ*.

Чрезвычайно крутой и совершенно нераздѣланный спускъ съ перевала, особенно подъ огнемъ снова собиравшихся таранчей, оказался по развѣдкѣ на столько затруднительнымъ, а положеніе спустившагося въ Илійскую долину отряда, въ присутствіе огромныхъ массъ таранчей и киргизъ, предполагалось на столько изолированнымъ и даже критическимъ, что подполковникъ Елинскій спуститься въ долину не рѣшился. Оставаться-же на снѣжномъ перевалѣ подъ метелями и при отсутствіи корма для лошадей и вьючнаго скота было-бы крайне труднымъ да и безцѣльнымъ, почему отрядъ 9 мая двинулся назадъ въ долину Чалкады су.

Замѣтивъ отступленіе, таранчи на другой-же день насѣли на отрядъ, но были отбиты съ такими потерями, что оставили свои нападенія до прихода подкрѣпленій. Получивъ же ихъ, всѣми своими силами, въ числѣ до 3 хъ тысячъ человѣкъ, 14 мая снова обрушились на отрядъ и опять неудачно.

На слѣдующій день Елинскій началъ отступать еще ниже по долинѣ,—это ободрило таранчей. Они окружили отрядъ, заступили ему дорогу и, занявъ всѣ окружающія высоты, открыли сильнѣйшій огонь изъ ружей и фальконетовъ, не причинившій, впрочемъ, никакого вреда отряду. Послѣ 6-ти часового упорнаго боя потери таранчей отъ удачнаго дѣйствія нашего артиллерійскаго и ружейнаго огня были такъ чувствительны, что они уже болѣе не возобновляли своихъ нападеній и отошли за Кетменьскій перевалъ. Наши потери за все время выразились въ 3-хъ убитыхъ и 8 раненыхъ нижнихъ чинахъ ([132]).

Борохудзирскій отрядъ въ составѣ одной роты, 20 казаковъ и двухъ орудій, подъ командой маіора Балицкаго, выступилъ съ мѣста своей стоянки тоже 3 мая, а 6-го остановился въ $1^1/_2$-хъ верстахъ отъ перваго укрѣпленнаго таранчинскаго пункта—Мазаръ. Въ тотъ-же день вечеромъ большая толпа таранчей внезапно бросилась на высланный изъ отряда разъѣздъ, но была разогнана удачно пущенной гранатой.

На другой день отрядъ двинулся къ Мазару, откуда и былъ

встрѣченъ фальконетнымъ огнемъ. Высланная въ обходъ часть стрѣлковъ заставила таранчей поспѣшно очистить укрѣпленіе.

8 мая Балицкій занялъ самое селеніе Мазаръ, гдѣ ему однако удержаться не пришлось—таранчи отвели воду отъ селенія и 9 мая отрядъ вынужденъ былъ отойти назадъ къ развалинамъ городка Хоргосъ, а отсюда, тоже вслѣдствіе отвода всей воды р. Хоргоса, передвинуться еще ближе къ границѣ—къ развалинамъ Аккента, отбивая все время, по пути, хотя и безвредныя, но частыя и назойливыя атаки таранчей. У Аккента нападенія прекратились и отрядъ, простоявъ тутъ нѣсколько дней, отошелъ къ Борохудзиру, потерявъ за время движенія 3 нижнихъ чиновъ ранеными(132).

Такимъ образомъ, отряды наши возвратились, не достигнувъ ни одной изъ поставленныхъ имъ цѣлей, престижъ-же таранчей, удачно защитившихъ на этотъ разъ неприкосновенность своей территоріи, въ глазахъ нашихъ киргизъ поднялся выше всякой мѣры

Въ концѣ мая уже имѣлись свѣдѣнія, что старый врагъ русскихъ принявшій наше подданство,—Умбетъ-Али и часть киргизъ даже Токмакскаго уѣзда затѣваютъ уйти въ Кашгаръ, т. е. противное намъ теченіе въ туземномъ населеніи области достигло той степени развитія, на которой оставлять его было-бы опасно

Между тѣмъ таранчи, получивъ иниціативу дѣйствій въ свои руки, задумали отрѣзать Тяньшаньскій отрядъ, стоявшій въ долинѣ Чалкады-су; захватывали наѣздами одиночныхъ людей на нашей территоріи(133) и начали сосредоточивать свои силы на р. Хоргосъ, противъ Борохудзирскаго отряда.

Всѣ эти обстоятельства заставили немедленно сдѣлать распоряженіе о сформированіи достаточно сильныхъ операціонныхъ отрядовъ: у Борохудзира главнаго и у Кетменя побочнаго - съ цѣлью покончить съ Кульджей. Но такъ какъ всѣ части войскъ, назначенныя въ составъ главнаго отряда, могли собраться у Борохудзира только въ началѣ іюня, то, для отвлеченія силъ таранчей отъ нашего главнаго пути наступленіе по правому берегу Или на р. Кульджу, рѣшено было воспользоваться прежде всего пограничными войсками, расположенными на лѣвомъ берегу.

Въ этихъ видахъ полковнику Михайловскому съ двумя ротами 10-го и 12-го баталіоновъ, полусотней 6-й семирѣченской сотни *), войсковой учебной командой и 4-мя орудіями

*) Командиръ 6-й сотни есаулъ Будбергъ, младшіе офицеры: сотники Угрениновъ и Гамбурцевъ.

приказано двинуться Илійскою долиной къ Кетменьскому перевалу. Цѣлью движенія было поставлено: облегчить Тяньшаньскому отряду переходъ чрезъ названный перевалъ, усилить этотъ отрядъ и, обезпечивъ ему выгодную позицію, вернуться затѣмъ къ главнымъ силамъ у Борохудзира(132).

Полковникъ Михайловскій выступилъ съ поста Чунджи 25 мая чрезъ бывшіе китайскіе пикеты въ Илійской долинѣ Узунъ-тамъ и Косъ-агачъ къ таранчинскому селенію Кетмень. На другой день, при движеніи отряда съ Косъ-агача на р. Супкаръ появились было толпы таранчей и киргизъ, но, послѣ небольшой перестрѣлки и атаки казаковъ, отошли. 26-го отрядъ направился съ самому селенію Кетмень. Путь лежалъ у подошвы горъ по мѣстности, изрѣзанной глубокими логами, оврагами и рѣчками, представлявшими и сами по себѣ много затрудненій для движенія; таранчи-же засѣвъ въ логахъ и оврагахъ, защищали почти каждый изъ нихъ и отряду пришлось занимать эти складки мѣстности съ боя, послѣдовательно одну за другой, такъ что полковникъ Михайловскій только къ вечеру этого дня достигъ площади, лежащей предъ широкимъ логомъ, въ которомъ расположено селеніе Кетмень. 28-го, сбивъ непріятеля съ выгодныхъ позицій, занятыхъ имъ въ оврагахъ и на высотахъ, отрядъ нашъ взялъ селеніе, обративъ въ бѣгство таранчей, преслѣдованныхъ казаками еще на разстояніи 10 верстъ. Съ занятіемъ селенія Кетмень Тяньшаньскій отрядъ получилъ возможность спуститься съ горъ въ Илійскую долину и соединился съ Чунджинскимъ 30 мая.

На другой-же день по соединеніи, полковникъ Михайловскій предположилъ: — отойдя на избранную имъ для Тяньшаньскаго отряда позицію у селенія Кетмень, выступить къ Борохудзиру съ частями, назначенными въ составъ главныхъ силъ.

Ночь на 31 мая была чрезвычайно темна(134), выступленіе же съ мѣста ночлега соединеннымъ отрядомъ было назначено съ разсвѣтомъ, поэтому всѣ войска были готовы къ движенію когда еще не разсвѣло, а сторожевое охраненіе, вслѣдствіе-ли неосторожности или какихъ другихъ причинъ, было снято еще раньше(135).

Таранчи, воспользовавшись тьмой, безчисленными оврагами и отсутствіемъ сторожевого охраненія подошли довольно близко не замѣченными и съ первыми проблесками разсвѣта бросились на отрядъ почти со всѣхъ сторонъ(134). Только благодаря совершенной готовности къ движенію, нашъ отрядъ не былъ застигнутъ совсѣмъ врасплохъ: пѣхота была въ ружьѣ, артилерійскія и казачьи лошади по рукамъ (135).

Войска быстро освоились съ положеніемъ и приняли бой, сначала оборонительный, а потомъ, постепенно забирая инициативу дѣйствій въ свои руки, перешли и въ наступленіе.

Таранчи, въ числѣ около трехъ тысячъ, воодушевленные не только положительной надеждой на побѣду, но и присутствіемъ самого султана и старшихъ своихъ военачальниковъ, выказали въ этомъ бою небывалую ни до, ни послѣ этого отвагу, встрѣчая атаки пѣхоты и казаковъ рукопашнымъ боемъ. Послѣ 4 хъ часового сопротивленія нашъ отрядъ опрокинулъ, наконецъ таранчинскія скопища, обратилъ ихъ въ совершенное бѣгство и долго преслѣдовалъ казаками.

Пораженіе, понесенное таранчами 31 мая при всѣхъ благопріятно сложившихся для нихъ вначалѣ условіяхъ, было такъ тяжко а потери ихъ были такъ велики, что они уже потомъ не только не нападали болѣе на этотъ отрядъ, но и въ другихъ столкновеніяхъ бѣжали обыкновенно послѣ перваго натиска русскихъ.

Наши потери выразились: за 27 и 28 мая въ двухъ контуженныхъ и трехъ раненыхъ нижнихъ чинахъ, изъ которыхъ одинъ умеръ, а въ бою 31-го убито два и ранено 32 нижнихъ чиновъ и 1 офицеръ.

Слухъ о жестокомъ пораженіи таранчинскихъ войскъ, предводимыхъ самимъ султаномъ, еще болѣе преувеличенный въ устной передачѣ киргизъ, быстро разнесся по всей окружной степи и произвелъ такое быстрое отрезвляющее вліяніе на наше волновавшееся туземное населеніе, какого не ожидали даже и знакомыя съ нимъ мѣстныя власти.

Но результаты пораженія таранчей 31 мая этимъ еще далеко не исчерпывались. Отрядъ Михайловскаго, кромѣ того, отвлекъ на себя все вниманіе таранчинскихъ военачальниковъ, предположившихъ направленіе пути наступленія нашихъ войскъ именно здѣсь, почему главныя наши силы получили возможность безъ всякой помѣхи сосредоточиться у Борохудзира.

Получивъ свѣдѣнія, что непріятель ожидаетъ крупныя подкрѣпленія, полковникъ Михайловскій, не оставляя Тяньшаньскій отрядъ у селенія Кетмень, какъ это предполагалъ онъ ранѣе, отошелъ съ нимъ 1 іюня на лучшую позицію ур. Дардалаты. Оставивъ его здѣсь, подъ командой подполковника Елинскаго, въ составѣ двухъ ротъ пѣхоты, двухъ орудій и двухъ полусотенъ казаковъ, изъ которыхъ одна была семирѣченская 6 й сотни, а другая сибирская, полковникъ Михайловскій, съ остальными частями войскъ своего отряда и въ томъ числѣ съ семирѣченской казачьей учебной командой,

выступилъ къ Борохудзиру, куда и прибылъ 5 іюня.

Дальнѣйшія военныя дѣйствія на лѣвомъ берегу Или ограничились успѣшной стычкой 2 го іюня 1-й семирѣченской полусотни сотника Зенкова съ таранчами, собравшимися предъ отрядомъ капитана Ветберга, расположеннымъ на мѣстѣ Тяньшаньскаго отряда на р. Уртень-Музартъ, и занятіемъ съ боя селенія Дубынъ 6 іюня отрядомъ Елинскаго.

Вслѣдствіе-же упомянутаго появленія таранчей предъ отрядомъ Ветберга, дававшаго поводъ предполагать о намѣреніи ихъ открыть себѣ путь сообщенія съ Кашгаромъ чрезъ перевалъ Музартъ, отрядъ Елинскаго, за неимѣніемъ другихъ войскъ, былъ расформированъ:—одна часть его, подъ командой Елинскаго, двинута на усиленіе Ветберга у Музарта, съ цѣлью прикрыть операціи нашихъ главныхъ силъ со стороны Кашгара, а другая, съ семирѣченской полусотней, отозвана къ Борохудзиру ([134]).

Такимъ образомъ, лѣвобережная часть Илійской долины осталась открытой для наступленія таранчей, но они, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ пораженія 31 мая, не сумѣли этимъ воспользоваться.

Борохудзирскій пограничный отрядъ, въ составѣ котораго была 2-я семирѣченская сотня, еще 21 мая выступилъ къ развалинамъ Аккента съ цѣлью прикрыть сосредоченіе главныхъ силъ. 28-го таранчи попробовали сбить его съ позиціи отсюда, но ихъ попытка окончилась полной неудачей ([132]); тогда они, дождавшись подкрѣпленій, 4 іюля, въ числѣ до 3-хъ тысячъ человѣкъ, снова двинулись на нашъ отрядъ, усиленный къ тому времени войсками изъ главныхъ силъ. Это послѣднее нападеніе было отражено съ такими потерями для таранчей, что они отступили за Хоргосъ и уже болѣе не рѣшались переходить въ наступленіе.

Главный дѣйствующій отрядъ, сосредоточившись близъ Аккента и выждавъ прибытіе частей расформированнаго отряда Елинскаго, 16 іюня, подъ начальствомъ генерала Колпаковскаго выступилъ къ р. Хоргосу. Въ составъ операціоннаго отряда вошли $6^1/_2$ ротъ пѣхоты, 10 орудій и $4^1/_2$ сотни казаковъ, изъ которыхъ одна была сибирская, а $3^1/_2$-ной—семирѣченскихъ: 2-я, 3-я и 6-я сотни и войсковая учебная команда *)

Перейдя р. Хоргосъ въ тотъ-же день, отрядъ продолжалъ

*) Войск. стар. Гильде—въ качествѣ к-ра полка; к-ры сотенъ: 2-й есаулъ Рауэръ, 3-й есаулъ Гринвальдъ, 6-й есаулъ Будбергъ, учеб. команды—сотн. Ишервудъ, младшіе офицеры: сотники Щербаковъ, Угрениновъ, Копцевъ, Гамбургцевъ, хорунжіе Черепашковъ и Бутовичъ.

наступленіе Нашъ авангардъ, состоявшій изъ одной роты 1½ семирѣченскихъ сотенъ и двухъ орудій, вскорѣ послѣ переправы встрѣтилъ части непріятеля, начавшія отходить передъ нимъ на свои главныя силы, расположившіяся лагеремъ, на востокъ отъ р. Хоргосъ, близъ развалинъ селенія Алимту. Преслѣдуя отступавшія толпы таранчей на разстояніи 12-14-ти верстъ, авангардъ, подкрѣпленный еще двумя ротами и двумя орудіями, сбилъ непріятеля съ занятыхъ имъ, послѣдовательно одна за другой, позицій и, обративъ его въ бѣгство съ послѣдней, по пятамъ бѣгущаго ворвался въ самый лагерь, гдѣ и произвелъ совершенный разгромъ кульджинскихъ войскъ. Таранчи, въ числѣ около 4-хъ тысячъ, бѣжали, бросая по пути оружіе и своихъ раненыхъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ весь свой лагерь со всѣмъ его имуществомъ, съѣстными и военными припасами. Однихъ не раненыхъ плѣнныхъ было взято 146 человѣкъ. Наши-же потери заключались всего въ 5 ти раненыхъ казакахъ, изъ которыхъ двое даже остались въ строю.

Опросъ плѣнныхъ показалъ, что съ движеніемъ нашихъ войскъ вглубь кульджинскихъ владѣній, дунгане, сибо и калмыки, составлявшіе значительную часть войскъ султана, оставятъ таранчей и будутъ придерживаться нейтральнаго образа дѣйствій([134]).

Здѣсь нужно замѣтить, что дунгане составляли лучшую часть войскъ султаната и главнымъ образомъ комплектовали его артиллерію Въ лагерѣ же при Алимту многіе дунгане—артиллеристы были перебиты или взяты въ плѣнъ, сами-же таранчи почти совершенно не умѣли обращаться съ орудіями и, такимъ образомъ, войска султана остались безъ пушкарей.

Послѣ ночлега у Алимту, отрядъ 17 іюня двинулся далѣе на востокъ къ таранчинской крѣпости Чин-ча-ходзи въ 16 верстахъ отъ Алимту.

Засѣянныя поля, изрѣзанныя арыками, на столько затруднили движеніе, что наши войска подошли къ укрѣпленію къ вечеру. Непріятель отступилъ подъ стѣны крѣпости и въ прилежащіе къ ней сады, оказавшіеся противъ нашего праваго фланга, выставивъ въ то-же время противъ лѣваго—толпы всадниковъ. Бывшая въ садахъ таранчинская артиллерія открыла частный, но совершенно безвредный огонь.

Такъ какъ начало уже смеркаться и атаковать непріятеля среди садовъ было поздно, поэтому отрядъ, подавшись нѣсколько влѣво, къ сѣверу и отогнавъ таранчинскую конницу, остановился на ночлегъ.

На другой день силы противника занимали тѣ-же по-

зиціи, сосредоточиваясь премущественно въ садахъ, вправо отъ крѣпости, на которыя и была направлена атака нашей пѣхоты. Таранчи, уступая натиску, постепенно очистили сады, а затѣмъ и обратились въ бѣгство. Одна ихъ часть направилась къ слѣдующей крѣпости—Суйдуну, а другая бросилась въ открытыя ворота Чин-ча-ходзи. На хвостѣ этихъ послѣднихъ наша пѣхота ворвалась въ крѣпость почти одновременно черезъ трое воротъ и быстро ее заняла.

Общая численность сражавшихся здѣсь таранчей простиралась до 5 тысячъ. Трофеями били: 8 орудій, одинъ лафетный фальконетъ, 40 крѣпостныхъ ружей, склады военныхъ и жизненныхъ припасовъ. Наши потери состояли: убитыми 1 (казакъ) и ранеными 13, въ томъ числѣ одинъ офицеръ.

Слѣдующій таранчинскій укрѣпленный пунктъ—была крѣпость Суйдунъ, гарнизонъ и населеніе которой составляли преимущественно дунгане, къ которымъ 18 іюня генералъ Колпаковскій и распорядился отправить нѣсколькихъ изъ ихъ плѣнныхъ соплеменниковъ съ предложеніемъ сдать крѣпость безъ сопротивленія. Утромъ 19 го изъ Суйдуна полученъ отвѣтъ, что большая часть гарнизона и населеніе этой крѣпости принимаютъ предложеніе.

Выступивъ 19-го около полудня, отрядъ прошелъ болѣе половины пути къ Суйдуну, не встрѣчая таранчей; только за 4 версты отъ крѣпости, въ долинѣ и на холмахъ, у подошвы которыхъ пролегалъ путь нашихъ войскъ, показалась непріятельская конница, открывшая по нашимъ передовымъ частямъ огонь. Таранчинская-же пѣхота занимала сады, примыкавшіе къ Суйдуну слѣва.

Казаки быстро отогнали непріятельскую конницу, а роты, пущенныя въ атаку садовъ, скоро и здѣсь обратили противника въ бѣгство, дунганскій-же гарнизонъ немедленно сдалъ крѣпость. Здѣсь найдено одно мѣдное 6 ти фунтовое орудіе, разные военные запасы и оружіе, но въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ Чин-ча-ходзи.

Преслѣдованіе казаками бѣгущихъ довершило пораженіе и навело такую панику на таранчинскія войска, что они, достигнувъ въ полномъ безпорядкѣ селенія Баяндай—въ 30 верстахъ отъ Суйдуна къ Кульджѣ—окончательно здѣсь разсѣялись по своимъ селеніямъ. Два-же старшихъ предводителя, прискакавъ въ Кульджу, объявили султану о совершенной невозможности дальнѣйшаго сопротивленія.

20 іюня, на дневкѣ у Суйдуна, командующимъ войсками получено письмо отъ султана, просившаго остановить наши войска и предлагавшаго начать переговоры. Въ отвѣтъ на это

ему сообщено, что переговоры могутъ быть начаты только по выдачѣ Тазабека и всѣхъ прочихъ преступниковъ, укрывавшихся въ султанатѣ.

21 іюня войска двинулись къ гор. Кульджѣ, до котораго оставалось всего 45 верстъ.

Еще на пути къ Баяндаю отрядъ былъ встрѣченъ посольствомъ съ сыномъ султана во главѣ. Послы представили Тазабека и просили не двигаться далѣе Баяндая, куда предполагалъ выѣхать и самъ султанъ съ почетнѣйшими людьми страны. Генералъ Колпаковскій согласился на просьбу пословъ и когда войска расположились у разрушеннаго селенія Баяндай,—въ лагерь прибылъ Кульджинскій султанъ Абиль-Огля-ханъ со своими высшими свѣтскими и духовными сановниками. Онъ заявилъ, что отдается въ распоряженіе русскаго правительства и просилъ пощады народу. Ему обѣщана неприкосновенность его частнаго имущества и народу—совершенная личная и имущественная безопасность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и потребовано сдать немедленно все, принадлежавшее казнѣ султаната.

22 іюня наши войска вступили въ Кульджу и, занявъ ее крѣпость, расположились въ городскихъ садахъ.

Вслѣдъ за занятіемъ Кульджи, приступлено къ пріему казеннаго имущества султаната, въ числѣ котораго оказались: 13 мѣдныхъ орудій и 8 фальконетовъ—на лафетахъ, 2 мѣдныхъ мортиры, 44 мѣдныхъ и чугунныхъ пушекъ, 5 мѣдныхъ фальконетовъ—безъ лафетовъ, 359 большихъ крѣпостныхъ ружей, 1681 фитильныхъ, арсеналъ съ запасами мелкаго оружія, пороху, свинцу и проч.; магазинъ съ шестью тысячами четвертей хлѣба и склады съ разнымъ имуществомъ, какъ въ самой Кульджѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ([134]). Сверхъ конфискаціи всего этого имущества, на киргизское и таранчинское населеніе султаната, какъ наиболѣе виновное въ происшедшемъ столкновеніи, наложена и въ іюлѣ уже собрана контрибуція въ суммѣ болѣе 53-хъ тысячъ рублей([136]).

Такъ какъ главная масса таранчинскаго населенія обитала въ верхнихъ частяхъ Илійской долины и по р. Кашъ, притоку Или, то туда 27 іюня двинутъ изъ Кульджи казачій отрядъ подъ командой войскового старшины Гильде, которому поручено обезоружить тамошнее населеніе и собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія объ этой почти неизвѣстной странѣ([134]).

Занятіе Кульджи повліяло даже и на отношенія Якубъ-бека Кашгарскаго къ Россіи. Уклонявшійся до того отъ заключенія съ нами торговаго договора, въ 1872 году онъ самъ уже обратился къ Туркестанскому генералъ губернатору съ

предложеніемъ вступить въ болѣе дружественныя отношенія съ русскими. Посольству подполковника барона Каульбарса, посланному вслѣдствіе этого въ Кашгаръ, удалось 10 іюня того-же года заключить съ Якубъ-бекомъ торговый договоръ(137) и, такимъ образомъ, восточная и южная границы Семирѣченской обл. дождались, наконецъ, полнаго внѣшняго покоя.

Участіе Семирѣченск. казаковъ въ завоеваніяхъ внѣ своей области. 1873—1876 годы.

Годы до 1878 протекли въ Семирѣчьѣ совершенно мирно, почему оно и имѣло возможность удѣлить часть своихъ казачьихъ силъ на западъ—въ Хиву и Фергану.

Хивинскій походъ 1873 года.

Хивинскій оазисъ, населенный узбеками, сартами, каракалпаками, всегда былъ сосредоточіемъ всякаго сбора людей, преимущественно изъ нашей орды, неимѣющихъ возможности оставаться долѣе не только подъ русскою властью, но даже въ средѣ своего кочевого общества, такъ что и простой разбойникъ и почетный султанъ, мечтающій о какомъ-то возрожденіи киргизскаго народа, все это бѣжало въ Хиву, находило тамъ пріютъ и если не матеріальную, то всегда нравственную поддержку, а, главное, полную свободу своимъ разбойничнымъ наклонностямъ.

Да и сами хивинцы, несмотря на осѣдлость, преимущественно занимались грабежомъ, безнаказанности котораго такъ способствовала мѣстность, окружающая Хиву, благодаря которой они считали себя недосягаемыми для русскаго оружія. Шайки хивинцевъ и укрывавшихся въ предѣлахъ ханства нашихъ киргизъ безпрестанно прорывались на чрезвычайно важный для насъ во всѣхъ отношеніяхъ Орско-Казалинскій трактъ, единственное сообщеніе Ташкента съ Оренбургомъ, разоряли станціи, грабили проходящіе по пути караваны, угоняли лошадей убивали и брали въ плѣнъ проѣзжающихъ и даже одно время, совершенно прервали по этому тракту сообщеніе.

Кромѣ того, Хива была постоянно центромъ сбыта русскихъ плѣнныхъ, которые находились тамъ въ рабствѣ и даже, высоко цѣнились по своей трудоспособности, почему добываніе плѣнныхъ русскихъ обратилось у хивинцевъ въ особенно выгодный промыселъ. Въ довершеніе всего, Хива, соприкасаясь съ владѣніями нашихъ киргизъ, постоянно эксплоатировала ихъ и, подъ угрозой мести, подстрекала къ неповиновенію русской власти.

Всѣ эти обстоятельства, особенно въ видѣ явно враждеб-

ныхъ къ намъ отношеній Хивы въ послѣднее время вызвали 12 декабря 1872 года Высочайшее повелѣніе—предпринять противъ этого ханства рѣшительныя дѣйствія съ наступленіемъ весны 1873 года. Окончательный ударъ Хивѣ предположено нанести совокупными усиліями трехъ военныхъ округовъ: Кавказскаго, Оренбургскаго и Туркестанскаго (138).

Въ составъ войскъ Туркестанскаго отряда была назначена и 5-я семирѣченская сотня (139).

Приготовляя къ далекому походу эту сотню генералъ Колпаковскій, помимо подбора нижнихъ чиновъ, озаботился еще и удалить изъ нея всѣхъ офицеровъ войскового сословія, служившихъ въ ней до сего времени, предоставивъ честь участія въ славномъ походѣ только однимъ переведеннымъ изъ регулярныхъ войскъ (140), хотя большинство удаленныхъ изъ нея и имѣли равный съ регулярными образовательный и служебный цензъ *).

Туркестанскій отрядъ для движенія къ предѣламъ Хивы былъ раздѣленъ на двѣ колонны—Джизакскую и Казалинскую —семирѣченская сотня причислена къ составу Джизакской(139).

Выступивъ изъ Вѣрнаго 10 февраля, сотня, сдѣлавъ на своихъ лошадяхъ около 800 верстъ, пришла въ Ташкентъ 5 марта, т е въ день выступленія оттуда послѣдняго эшелона Туркестанскаго отряда.

Въ Ташкентѣ въ это время готовился къ отправленію за ушедшими войсками транспортъ съ продовольствіемъ на двухъ тысячахъ верблюдахъ. Тяжелый трудъ конвоированія этого каравана и выпалъ на долю семирѣченской сотни

Приготовленія были закончены къ 15 марта и сотня съ транспортомъ выступила изъ Ташкента, направляясь чрезъ укрѣпленія Чиназъ и Джизакъ. Съ Джизака сотня со своимъ караваномъ повернула на сѣверо-западъ къ колодцамъ Аристанъ-бель кудукъ, узлу путей Джизакской и Казалинской колоннъ.

До Темиръ-Кабука, т. е. на разстояніи около 150 верстъ отъ Джизака, дорога пролегала по сѣверо восточнымъ пред-

---

*) Такимъ образомъ, въ хивинской экспедиціи, въ составѣ 5 й сотни, приняли участіе: ея командиръ подполковникъ фонъ-Гринвальдъ и въ качествѣ младшихъ офицеровъ: войсковой старшина баронъ Криденеръ, прикомандировавшійся потомъ къ штабу командующаго войсками; есаулъ Винклеръ, сотникъ Маріуца, сотникъ баронъ Штакельбергъ, только что переведенный въ Семирѣченское войско и присоединившійся къ сотнѣ уже на походѣ въ Хиву, и два портулей юнкера войскового сословія: Гордодѣловъ и Алгазинъ.

горьямъ Кара-тау и была, сравнительно, еще удобна для движенія, проходя по мѣстности съ хорошей рѣчной и ключевой водой. Только съ Темиръ-Кабука начинался настоящій степной походъ и отсюда сотнѣ предстояло вступить въ дикую Кызылкумовскую степь, съ каждымъ шагомъ удаляясь отъ горъ, отъ осѣдлаго населенія, а главное—отъ живой воды; предстояло двигаться по колодцамъ, въ пескахъ и въ пустынѣ.

Со слѣдующей, за Темиръ-Кабукомъ, стоянки—у Балта-салдыръ—начинались настоящіе пески—Кызылъ-кумъ, покрытые рѣдкой и невысокой колючкой, полынью и тому подобными растеніями, годными въ пищу только верблюдамъ, но которыми, по необходимости, пришлось довольствоваться и лошадямъ, такъ какъ въ транспортѣ для нихъ былъ только ячмень.

Вода въ попутныхъ колодцахъ, на слѣдующихъ 4-хъ переходахъ, до Аякъ Кудука, была отвратительна, затхлая, соленая и могла быть употребляема по одной только необходимости, за неимѣніемъ другой. Отдыхъ въ этомъ отношеніи сотня получила уже на стоянкахъ у Аяка и Аристанъ-бель-кудука.

Здѣсь и далѣе, транспортъ, напрявляемый проводниками сартами, данными еще въ Ташкентѣ, двигался уже по слѣдамъ прошедшихъ эшелоновъ, достаточно замѣтныхъ по трупамъ павшихъ вьючныхъ животныхъ.

Съ Аристанъ-бель-кудука транспортъ, тѣми-же песками Кызылъ-кумъ, повернулъ на западъ, къ колодцамъ Халъ-ата, куда и прибылъ 3 мая, пройдя отъ Ташкента 660 верстъ. Эта часть пути, въ смыслѣ трудности движенія, была не лучше, чѣмъ отъ Балта-салдыръ до Аристана, но жаръ день ото-дня становился сильнѣе, заставляя страдать и людей и животныхъ, но зато попутные колодцы были обильнѣе водой и вода въ нихъ лучше.

На пути до Халъ-ата сотня въ транспортѣ потеряла массу верблюдовъ*), павшихъ не только отъ трудности пути, недостатка корма или опившихся водою тамъ, гдѣ она была въ колодцахъ близка къ поверхности земли, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе ихъ крайней изнуренности еще передъ походомъ. Эта изнуренность верблюдовъ была такъ велика, что они, начали падать съ момента выступленія, еще на улицахъ Ташкента. Можно представить себѣ—какое мученіе для

*) По разсказу очевидца—участника—изъ двухъ тысячъ верблюдовъ каравана—только 70 увидѣли Аму Дарью, но и тѣмъ не посчастливилось—всѣ они потонули при переправѣ чрезъ эту рѣку.

казаковъ представи и эти животныя въ пустынѣ и пескахъ Выбившіяся окончательно изъ силъ—они не шли, ложились, требовали помощи подняться, а затѣмъ и крайнихъ мѣръ побужденія къ дальнѣйшему движенію. Часто эти мѣры совсѣмъ не преводили къ желаемой цѣли, животныя снова ложились и однимъ только жалобнымъ ревомъ отвѣчали на всѣ усилія казаковъ и лаучей ихъ поднять; тогда приходилось вьюки снимать и распредѣлять на другихъ, болѣе сильныхъ, съ которыми чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени повторялось то же самое. Обезсилѣвшія окончательно—оставались въ пустынѣ доживать свои послѣдніе скорбные часы.

И вся эта ежедневная и цѣлодневная возня казаковъ съ верблюдами, безъ того тяжелая, усугублялась еще жаждой подъ горячими лучами солнца ссобенно чувствительными въ пескахъ, на посл'ѣдней части пути—къ Халъ ата. Какъ тяжело и мучительно было конвоированіе транспорта—доказывается уже тѣмъ однимъ, что участники похода до сихъ поръ в'поминаютъ этотъ „верблюжій кошмаръ".

Люди и лошади дошли въ Халъ-ата безъ всякой потери.

На уроч. Халъ-ата весь Туркестанскій отрядъ сосредоточился къ 24 апрѣля и, заложивъ здѣсь укрѣпленіе, названное Георгіевскимъ, въ которомъ былъ учрежденъ складочный пунктъ продовольствія и имущества отряда, выступилъ далѣе. Такимъ образомъ Семирѣченская сотня уже не застала здѣсь отряда, головная колонна котораго, въ составѣ 9 ротъ, 8 конныхъ сотій и полусотни казаковъ, выступила отсюда ночью на 30 апрѣля, направляясь къ колодцамъ Адамъ-Крылганъ—въ 42-хъ верстахъ отъ Халъ ата; конница-же отряда ушла туда 1 мая.

Сдавъ, наконецъ, въ походное отрядное интенданство на Халъ ата свой транспортъ, сотня получила возможность нѣсколько отдохнуть и собраться съ силами. Здѣсь достигнутъ былъ край степи; за Халъ ата, впереди разстилалась уже не степь, а безводная пустыня, съ сплошными, глубокими, сыпучими песками

Продневавъ на Халъ-ата 4-е мая, 5-го сотня выступила на Адамъ-Крылганъ, куда и пришла въ тотъ-же день, встрѣтивъ здѣсь, неожиданно, всю конницу отряда и весь обозъ, возвратившихся сюда съ колодцевъ Алты кудукъ.

Дѣло въ томъ, что по плану движенія, составленному на Халъ ата, головная колонна, выступивъ съ колодцевъ Адамъ-Крылганъ 2-го мая—разстояніе въ 60 верстъ до озера Сардаба куль, у Аму-дарьи, должна была пройти 2-го и 3-го мая. Но природа этой страшной пустыни измѣнила всѣ расчеты:

ужаснѣйшій зной и раскаленные сыпучіе пески еще въ первый-же день движенія привели взятые съ войсками запасы воды къ такой непредвидѣнной убыли, при которой нечего было и думать идти къ Сардаба-куль, почему пришлось свернуть на колодцы Алты-кудукъ, которыхъ именно желали избѣжать. Эти-же колодцы оказались такъ глубоки и бѣдны водой, что ея съ большой экономіей въ расходѣ могло еще хватить только для текущей потребности однихъ людей, и то принадлежащихъ къ самому составу войскъ*), но не для животныхъ, поэтому вся конница, выступившая съ Адамъ-Крылгана, по ранѣе отданному приказанію — 1 мая и догнавшая отрядъ 3-го на Алты-кудукѣ, за неимѣніемъ для нее здѣсь воды, была возвращена въ тотъ-же день на Адамъ-Крылганъ. Весь же составъ лошадей, верблюдовъ и проч. животныхъ головной колонны, для котораго не нашлось ни капли воды на Алты-кудукѣ, тоже былъ отправленъ назадъ, на Адамъ-Крылганъ, чтобы здѣсь, по выраженію князя Евгенія Максиміліановича герцога Лейхтенбергскаго, произвести „водопой monstre", а потомъ, возвратившись назадъ, доставить къ отряду на Алты-кудукъ возможно большій запасъ воды, на время передвиженія къ Сардаба-куль.

Такъ неожиданно кончилось одиночное движеніе 5-й Семирѣченской сотни и она вошла, наконецъ, въ составъ конницы Туркестанскаго отряда, вмѣстѣ съ которой, утромъ 6 мая, отразила нападеніе шайки туркменъ на лагерь у Адамъ-Крылгана.

Колонна генерала Бардовскаго, пришедшая сюда, какъ сказано уже, съ Алты-кудука за водою вечеромъ 4 мая, двинулась обратно 8-го; вся-же конница осталась отъ нея на Адамъ-Крылганѣ, откуда выступила 10 мая, съ разсчетомъ догнать главный отрядъ предъ выходомъ его изъ песковъ къ оз. Сардаба-куль

Пройдя съ привалами около 60 верстъ по самымъ ужаснѣйшимъ сыпучимъ пескамъ, казачьи сотни подоспѣли къ главному отряду 11 мая, за часъ до его выступленія съ послѣднаго ночлега въ пескахъ.

Непріятель былъ въ виду бивака и его отдѣльные всад-

*) Лаучей, джигитовъ, проводниковъ: вообще весь многочисленный мусульманскій элементъ при отрядѣ не было возможности удовлетворить водою; между ними появились страдающіе болѣзненными припадками отъ жажды; цѣлыя шеренги ихъ вытягивались предъ ставками командующаго войсками и начальника отряда и колѣнопреклоненно молили: «су, су» (воды, воды). Къ несчастію, не обошлось между ними безъ нѣсколькихъ смертныхъ случаевъ отъ жажды (Ф. Лобысевичъ, стр. 149) (138).

ники гарцовали передъ нашей позиціей, стрѣляя съ коня. Сюда властитель Хивы выслалъ свое почти 10-ти тысячное воинство, въ надеждѣ „растоптать“ обезсиленный, по его предположенію, въ борьбѣ съ ужасами безводной пустыни русскій отрядъ.

Войска съ самаго момента выступленія съ этого бивака приняли степной походно боевой порядокъ, т. е. верблюжій обозъ уставленъ въ нѣсколько рядовъ, стянутъ въ плотную сомкнутую массу, а войска замкнули этотъ живой квадратъ со всѣхъ сторонъ Конница заканчивала весь маршъ, слѣдуя позади аріергарда.

Окруживъ себя на нѣкоторомъ разстояніи стрѣлковыми цѣпями, отрядъ двинулся впередъ, *имѣя пока своей единственной цѣлью — выходъ изъ песковъ и достиженіе живой „вольной“ воды.*

Пока не трогалась съ мѣста колонна, — въ непріятельскомъ расположеніи, хотя и были замѣтны движеніе и суета, но его конныя массы оставались, однако, на мѣстѣ и лишь одиночные всадники продолжали гарцовать впереди. Но едва отрядъ тронулся съ мѣста, — непріятельская линія заколыхалась, раздались трубные звуки, ободрительные возгласы и вся масса коннаго полчища ринулась на отрядъ, огибая его съ фланговъ.

Колонна, не обращая, повидимому, никакого вниманія на эту летящую лавину, не прибавляя и не убавляя ходу, медленно, шагъ за шагомъ, сверкая на солнцѣ щетиной штыковъ, стройно и грозно подвигалась впередъ. Первыя подлетѣвшія передовыя части противника встрѣчены выдержаннымъ огнемъ передовой и фланговыхъ цѣпей, — ближайшіе всадники повалились, — это быстро охладило пылъ атакующихъ; всадники осадили коней, остановились и, выпустивъ съ сѣдла нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, повернули назадъ, прикрываясь песчаными холмами. Между тѣмъ колонна такъ-же неуклонно подвигалась впередъ.

Убѣдясь, что съ фронта нельзя задержать движеніе нашего отряда, — непріятель попытался атаковать его фланги, но и здѣсь повторилось то-же самое: огонь боковыхъ цѣпей живо разметалъ конныя партіи противника, которыя, повернувъ тылъ, спѣшили укрыться за ближайшими барханами Наконецъ, попытка хивинцевъ опрокинуться на хвостъ колонны была столь-же неудачна, какъ и первыя двѣ атаки. Тогда окруживъ отрядъ ни на минуту не останавливавшій своего движенія впередъ, порѣдѣвшею, сильно растянутою, массою конныхъ и не дерзая уже болѣе приближаться къ страшной ко-

лоннѣ, непріятель сопровождалъ ея маршъ, на почтительномъ разстояніи, дикими, оглушительными криками „уръ, уръ", звуками огромныхъ своихъ трубъ и совершенно безвредною ружейной трескотней.

Одолѣвая собственно трудности марша въ глубокомъ, сыпучемъ, уже раскалившемся пескѣ, — подъ палящими лучами солнца, колонна двигалась неудержимо впередъ. Какъ на счастье, и верблюды, — этотъ ужасный кошмаръ отряда въ пескахъ, — зачуявъ близость „вольной" воды, ходко шагали въ тотъ памятный день конца мученій туркестанцевъ.

Хивинцы, видимо, ослабѣвали, падали духомъ: съ каждымъ шагомъ отряда впередъ они убѣждались, что имъ не остановить этотъ маршъ, не одолѣть непонятной *нравственной силы* колонны, спокойно стремившейся къ цѣли и не удѣлявшей имъ никакого замѣтнаго вниманія. Шумъ, крики и трубные звуки въ непріятельскихъ рядахъ начали постепенно ослабѣвать, затихать; конныя массы противника замѣтно рѣдѣли. Большая часть ихъ собралась къ правой сторонѣ нашего движенія и оттуда, повернувъ назадъ, потянулась въ безпорядкѣ правѣе Учъ-учака, къ берегу Аму-Дарьи. Въ этомъ направленіи пролегалъ ближайшій путь отступленія непріятеля — къ переправѣ у Ичке-яръ и на дорогу, по правому берегу Аму, въ Шуроханъ. Очевидно было, что хивинцы, потерявъ надежду заградить намъ путь къ рѣкѣ, начинали уже думать о собственномъ спасеніи и объ обезпеченіи пути отступленія.

Къ 8 часамъ утра, 11 мая нашъ отрядъ вышелъ, наконецъ, изъ песковъ къ краю низменности, растилавшейся отъ песчаныхъ возвышенностей къ каменной грядѣ, отдѣлявшей эту низменность отъ собственно долины Аму. На этой-то низменности и лежало озеро Сардаба-куль, питаемое водою изъ разливовъ Аму-Дарьи. На берегу озера данъ небольшой привалъ.

Всѣ ликовали, - вода была „вольная", — каждый пилъ *сколько хотѣлъ, здѣсь можно было даже умыться и вымыться*, — раздача воды чарками — отошла въ область прошлаго.

Задержать нашъ выходъ къ водѣ хивинцамъ не удалось, поэтому предполагали, что они окажутъ намъ сопротивленіе въ своемъ лагерѣ, который, какъ извѣстили лазутчики, расположенъ былъ за каменной грядой, на самомъ берегу Аму-Дарьи. Вслѣдствіе такого предположенія, какъ только казачьи сотни нѣсколько отдохнули, командующій войсками генералъ Кауфманъ лично повелъ ихъ къ непріятельскому лагерю, приказавъ начальнику отряда генералу Головачеву: съ частью пѣхоты и горными орудіями идти слѣдомъ за конницей.

Едва казаки поднялись на каменную гряду — „чинкъ", какъ увидѣли - первую цѣль движенія Туркестанскаго отряда — Аму-Дарью, а потомъ и хвостъ уходившаго по берегу непріятеля, верстахъ въ 3—4 отъ гребня чинка. Генералъ Кауфманъ направилъ конницу для преслѣдованія хивинцевъ.

Это послѣднее распоряженіе имѣло своею конечною цѣлью не самое преслѣдованіе только, а, главнымъ образомъ, попытку захватить лодки противника, необходимыя намъ для переправы чрезъ Аму-Дарью.

Сотни, спустившись съ чинка, замѣтили и брошенный непріятелемъ лагерь, а въ немъ небольшую партію хивинцевъ. Казаки понеслись на лагерь, но хивинцы успѣли ускакать. Тогда сотни погнались за непріятелемъ берегомъ, внизъ по теченію рѣки(141).

Преслѣдованіе продолжалось до мѣста переправы хивинцевъ на лѣвый берегъ Аму, т. е. на растояніи около 20 верстъ. Здѣсь хвостъ уходившаго непріятеля пріостановился, и начальникъ кавалеріи поручилъ великому князю Николаю Константиновичу вести впередъ уральскую и семирѣченскую сотни, а князю Романовскому герцогу Лейхтенбергскому — другія двѣ. Непріятельская конница снова начала уходить, преслѣдуемая далѣе уже одними ракетами(142).

На уроч. Ичке-яръ преслѣдованіе остановлено, но ракетная батарея продолжала огонь по хивинцамъ какъ по уходившимъ правымъ берегомъ, такъ и по переправлявшимся въ каюкахъ на лѣвый. Этихъ послѣднихъ обстрѣливали и спѣшенные казаки.

Одинъ изъ каюковъ сѣлъ на мель, а бывшіе въ немъ хивинцы скрылись отъ огня казаковъ за его бортами. Вызвавшіеся охотники — уральцы, вплавь на лошадяхъ, овладѣли каюкомъ и привели его къ берегу. Этотъ каюкъ, съ тремя, привезенными при отрядѣ, разборными желѣзными лодками, и положилъ начало нашей гребной флотиліи, которая, усилившись потомъ за счетъ отбитыхъ у хивинцевъ судовъ, перевезла весь Туркестанскій отрядъ на лѣвый берегъ Аму. Съ переправой приходилось спѣшить, какъ въ цѣляхъ успѣшности самой экспедиціи, такъ и по другимъ не менѣе важнымъ обстоятельствамъ. Войска запасовъ продовольствія не имѣли, правый же берегъ Аму, у мѣста выхода на него утряда, не населенъ, ближайшій пунктъ — гор. Шураханъ — оказался разореннымъ своими-же хивинскими войсками, почему пріобрѣсти здѣсь что либо представлялось невозможнымъ, а между тѣмъ отрядъ, уже нѣсколько дней, питался кониной, испытывая серьезный недостатокъ въ хлѣбѣ и ячменѣ для ло-

шадей. Богатые-же склады продовольствія на Халъ-ата, за трудностью перевозки и изнуренностью верблюдовъ пока оставались мертвымъ капиталомъ. Лѣвый же берегъ Аму представлялъ густо населенную богатую страну, гдѣ имѣлось все необходимое. Поэтому мѣсто переправы избрано противъ Шейхъ-арыка, въ трехъ переходахъ отъ мѣста выхода Туркестанскаго отряда на Аму.

Переправа начата 18 мая и закончена въ теченіе четырехъ дней. Съ окончаніемъ переправы и устройствомъ продовольственной и обозной части—отрядъ началъ наступленіе къ Хивѣ, которая сдалась Туркестанскому отряду 29 мая.

При этомъ наступленіи семирѣченская сотня, какъ и вся конница отряда, не принимала никакого активнаго участія, вслѣдствіе исключительныхъ условій мѣстности, изрѣзанной оросительными каналами и почти сплошь покрытой садами.

Къ гор. Хивѣ семирѣченская сотня подошла въ составѣ главнаго отряда, къ которому потомъ уже присоединились и прочія Туркестанскія войска.

Подъ стѣнами Хивы туркестанцы встрѣтили своихъ товарищей—войска Кавказскаго и Оренбургскаго отрядовъ.

Послѣ торжественнаго вступленія въ сдавшуюся столицу ханства, всѣ отряды расположились на главныхъ, ведущихъ къ ней, путяхъ—съ востока и сѣвера. Туркестанскія войска заняли бивакомъ мѣстность въ $1^1/_2$ верстахъ къ востоку отъ Хивы у сада Гендимьянъ, по каналу Палванъ ата. Здѣсь построены были изъ камышевыхъ плетенокъ бараки и войска получили возможность, болѣе мѣсяца, удобно отдохнуть отъ понесенныхъ трудовъ и испытанныхъ лишеній.

Если на долю конницы въ наступленіи къ Хивѣ и выпала пассивная роль, то въ экспедиціи въ туркестанскія степи ей пришлось принять весьма видное и дѣятельное участіе.

Предъ вступленіемъ русскихъ войскъ въ предѣлы Хивинскаго ханства въ 1873 году—власть хана надъ туркменами была лишь номинальной, а между тѣмъ въ составъ населенія ханства входило до 175 тысячъ туркменъ, отличающихся вообще дикими хищническими и воинственными наклонностями. При занятіи Хивы туркмены позднѣе остального населенія ханства сложили оружіе; они только временно отказались отъ борьбы съ нами и изъявили мнимую покорность, ничѣмъ не выказывая, однако, желанія исполнять повелѣнія своего хана, издаваемыя имъ по иниціативѣ и настояніямъ

русской власти. Такъ—они не хотѣли, даже и за деньги, доставить опредѣленную по раскладкѣ часть продовольствія для нашихъ войскъ и, не смотря на всѣ настоянія, не освободили ни одного раба персіянина, тогда какъ все прочее населеніе ханства отпустило своихъ невольниковъ.

Въ виду такого упорства и явнаго ослушанія туркменъ въ исполненіи распоряженій своего хана, генералъ Кауфманъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ мѣрамъ наказанія. Это еще было необходимо и потому, что нужно же было привести, наконецъ, туркменъ къ порядку и послушанію, иначе—не была бы достигнута цѣль всей экспедиціи и нашимъ войскамъ было-бы нельзя выйти изъ предѣловъ ханства.

Поэтому было рѣшено обложить всѣ туркменскіе роды хивинскаго оазиса денежною пени въ 600 тыс. рублей и потребовать уплаты ея до срока, назначеннаго для ухода нашихъ войскъ въ свои округа. А такъ какъ до этого оставался лишь мѣсяцъ съ небольшимъ, то, чтобы обезпечить своевременную уплату пени, хотя сильнѣйшимъ и наиболѣе упорствующимъ, родомъ хазаватскихъ іомудовъ,—признано было необходимымъ выслать къ гор. Хазавату особый наблюдательный отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Головачева, въ составѣ 8 ротъ, 10 орудій, ракетной батареи и 8 казачьихъ сотенъ, въ томъ числѣ семирѣченской.

Іомуды рѣшили не платить пени, открыто возстали противъ насъ, уговорили къ тому-же прочихъ туркменъ, поднялись со своихъ хазаватскихъ земель и двинулись на соединеніе съ родичами.

Генералъ Головачовъ, получивъ эти свѣдѣнія, приказалъ, 9 іюля, начальнику кавалеріи, полковнику Блоку, идти впередъ съ семирѣченскою и 4-мя другими сотнями, настигуть туркменъ и, преслѣдуя ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ послать по сторонамъ движенія отряда команды казаковъ, которымъ приказать зажигать всѣ строенія и запасы.

Скоро всѣ попутныя селенія и отдѣльныя постройки пылали; казаки настигали туркменъ, уходившихъ съ имуществомъ, женщинами и дѣтьми къ пескамъ, берегомъ озера. Туркмены, замѣтивъ преслѣдующихъ и желая скорѣе достигнуть песковъ, отъ которыхъ ихъ отдѣляли два озера соединявшихся глубокимъ и быстрымъ протокомъ, бросились въ протокъ.

Весь путь движенія казачьихъ сотенъ былъ усѣянъ брошеннымъ туркменами скотомъ и арбами съ имуществомъ; оставшіеся здѣсь—оказывали отчаянное сопротивленіе, но лавина казачьихъ сотенъ, не щадя никого, сметала все на

своемъ пути. По мѣрѣ движенія впередъ,—казаки настигали все большія и большія массы туркменъ, спасавшихся съ ихъ семьями и имуществомъ въ безпорядочномъ бѣгствѣ Наконецъ, казаки въ своемъ преслѣдованіи достигли до вышеупомянутаго протока и здѣсь имъ представилась страшная картина: глубокій и быстрый протокъ былъ буквально запруженъ утопавшими туркменами: молодыми и старыми, женщинами и дѣтьми. Все это, спасаясь отъ преслѣдованія, бросилось въ озеро и протокъ, а здѣсь, топя другъ друга и напрягая послѣднія силы, тщетно старалось достигнуть противоположнаго берега. Тутъ погибло до двухъ тысячъ человѣкъ;—часть ихъ утонула въ протокѣ и озерѣ, а часть въ окружающихъ болотахъ.

Здѣсь преслѣдованіе остановлено; казаки собрали брошенный туркменами скотъ, котораго оказалось болѣе 2700 головъ.

Рѣшено было, что если 12 іюля къ вечеру депутація отъ туркменъ не явится въ отрядъ, то 13 продолжать наступленіе на городъ Ильялы. Депутація не только не явилась но 13 было получено донесеніе съ пикетовъ, что съ западной стороны лагеря появилась значительная партія туркменъ

Едва двинутая противъ нихъ часть пѣхоты съ артиллеріей начала занимать позицію,—какъ туркмены бросились въ атаку. Отбитые огнемъ, они нѣсколько разъ возобновляли нападеніе на войска и на самый лагерь. Въ дѣло введенъ былъ почти весь отрядъ и къ боевой линіи начали подходить всѣ казачьи сотни, послѣ чего туркмены повернули назадъ. Тогда начальникъ отряда двинулъ казаковъ впередъ, а вслѣдъ за ними направилъ часть пѣхоты съ картечницами, Преслѣдованіе опять продолжалось на разстояніи 3½ верстъ и причинило туркменамъ крупный уронъ.

Дальнѣйшее наступленіе предположено было въ центръ средоточія туркменскаго скопища, собравшагося на пространствѣ между Кызылъ такыромъ и г. Ильялы

Выступленіе назначено въ 12 ч. ночи съ 14 на 15 іюля, но еще до полуночи съ передовыхъ постовъ поступили донесенія, что лагерь окруженъ непріятелемъ на самомъ близкомъ разстояніи. Тогда генералъ Головачевъ измѣнилъ время выступленія, назначивъ его передъ самымъ разсвѣтомъ. Первыми тронулись съ бивака казаки. Было еще почти совсѣмъ темно—заря едва занималась. Въ головѣ выступавшей конницы шелъ оренбургскій дивизіонъ съ ракетной батареей, за нимъ—сводный—изъ оренбургской и семирѣченской сотенъ, подъ начальствомъ князя Евгенія Масимиліа-

новича. затѣмъ уральскій и, наконецъ, кавказскій дивизіонъ. За конницей должна была начать движеніе пѣхота и артиллерія.

Едва только конница стала вытягиваться съ бивака, по двумъ мѣстамъ, на дорогу къ гор. Ильялы, какъ все пространство вокругъ лагеря огласилось крикомъ и гикомъ; тысячныя массы конныхъ туркменъ бросились на лагерь и, преимущественно на его лѣвый фасъ.

Бывшіе впереди—ракетная батарея и прикрывавшій ее оренбургскій дивизіонъ—быстро развернулись, а ракетная батарея открыла огонь. Одновременно съ этимъ, развертываясь на ходу, дивизіоны сводный и уральскій бросились въ атаку. Пѣхота съ артиллеріей, спѣшно принимая возможный порядокъ, встрѣтили огнемъ и штыками атаку туркменъ. Нападающіе сидѣли преимущественно по два на лошади; подскакавъ близко, сидѣвшіе за сѣдломъ прыгали на-земь и бросались съ холоднымъ оружіемъ въ свалку.

Поразительную картину представляло въ это время поле боя, которое еще за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ было такъ тихо и спокойно. Дикіе крики и визгъ туркменовъ, ура—казаковъ, стоны раненыхъ, топотъ конницы, гулъ ружейной и орудійной пальбы, лязгъ шашекъ—все смѣшалось въ общемъ хаосѣ, надъ которымъ царила темнота ночи и густо вастилались пороховой дымъ и пыль. Только по временамъ на темномъ фонѣ этой адской картины взвивались огненныя струйки нашихъ боевыхъ ракетъ и сверкали огоньки орудійныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ.

Боевую линію спѣшила занять пѣхота и казачьимъ сотнямъ, принявшимъ на себя первый натискъ отчаянной атаки туркменъ, слѣдовало отойти назадъ, чтобы въ предразсвѣтномъ сумракѣ, сгущаемомъ тучами пыли и дыму не попасть подъ огонь своихъ-же частей.

На плечахъ отходившихъ, перемѣшавшихся между собою казаковъ, непріятель прорвался до передовыхъ ротъ пѣхоты и, встрѣченный здѣсь огнемъ и штыками, завязалъ упорный рукопашный бой. Минута была рѣшительная, однако пѣхота не подалась ни на шагъ и, наконецъ, отбросивъ противника, провожала его залпами.

Никогда еще въ Средней Азіи туземцы не выказывали такой отчаянной смѣлости и энергіи, какъ въ бою подъ Чандыромъ; они дрались здѣсь на жизнь и смерть, но мечта ихъ—„затоптать“ русскій отрядъ—не сбылась; они были отбиты по всей линіи съ огромнымъ урономъ. Бой длился очень не долго. Еще не вполнѣ разсвѣло, какъ нахлынувшія ураганомъ

массы туркменъ повернули уже назадъ и, оставивъ на полѣ битвы груды тѣлъ своихъ убитыхъ и раненыхъ, поспѣшно скрылись изъ виду нашего отряда.

Потери, понесенныя нами при отчаянныхъ атакахъ почти десятитысячнаго скопища туркменъ, сравнительно были очень малы: убитыхъ 4, раненыхъ всего 37, изъ нихъ три казака семирѣченской сотни.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ боя, отрядъ двинулся далѣе, чрезъ гор. Ильялы, по дорогѣ къ Кызылъ-такыру.

На разстояніи первыхъ восьми верстъ отъ Чандыра непріятель нигдѣ не показывался, но едва колонна прошла ильялинскіе сады и достигла обширной поляны передъ ними, какъ повсюду снова показались массы туркменъ, окружившія отрядъ со всѣхъ сторонъ. Съ этой минуты, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ войскамъ пришлось идти съ боемъ.

Общій видъ марша колонны представлялъ уже знакомый намъ степной походно-боевой порядокъ. Конница шла на высотѣ задняго фаса подвижного каре — во взводныхъ колоннахъ. Непріятель особенно насѣдалъ на тылъ отряда при переходахъ чрезъ арыки, когда приходилось дефилировать по узкимъ дорогамъ, прорѣзывающимъ крутыя и высокія насыпи, составляющія берега арыковъ. Конница въ этихъ мѣстахъ задерживалась, отставала отъ отряда, а массы туркменъ этимъ пользовались и бросались на нее въ атаку. Тогда стрѣлковыя роты занимали позицію на насыпяхъ противоположнаго берега, залпами били по атакующимъ, отгоняли ихъ, облегчая этимъ нашей конницѣ проходъ по дефиле.

Наконецъ, въ 11 часовъ дня непріятель скрылся и отрядъ расположился на позиціи у арыка Ана-Муратъ-бай, гдѣ имѣлъ дневку

На разсвѣтѣ 17-го іюля конница выступившаго отряда встрѣтила непріятельскій вагенбургъ, состоявшій изъ 200 300 арбъ съ имуществомъ, занятый вооруженными туркменами. Послѣ короткой перестрѣлки, спѣшенные казаки бросились въ рукопашную, овладѣли вагенбургомъ, изрубивъ въ немъ до 200 туркменъ. Верстахъ въ 7 отъ этой стычки встрѣченъ былъ новый обозъ въ 400 арбъ, который постигла та-же участь. Гонясь за туркменами далѣе, конница вошла въ пески, проскакавъ которыми около шести верстъ, наткнулась на третій обозъ, приблизительно въ тысячу арбъ, свернутый тоже въ вагенбургъ, возлѣ котораго было новое скопище туркменъ.

Сводный дивизіонъ былъ пущенъ на него, при чемъ семирѣченская сотня, имѣя передъ собою начальника дивизіона

князя Евгенія Максимиліановича, шла разсыпною атакой. Туркмены были отброшены отъ вагенбурга, а нѣсколько атакъ другихъ сотенъ довершили ихъ пораженіе. По овладѣніи третьимъ вагенбургомъ преслѣдованіе было остановлено.

Въ этотъ день конница отбила около 5 тысячъ разнаго скота и до трехъ тысячъ арбъ съ имуществомъ; всѣ же ея потери ограничились тремя легко-ранеными казаками семирѣченской сотни.

Послѣ пораженія 17 іюля туркмены совершенно смирились и подчинились требованію о взносѣ наложенной на нихъ пени. 3 августа войска изъ подъ Ильялы двинулись обратно въ Хиву.

Здѣсь генераломъ Кауфманомъ 12 августа былъ заключенъ съ хивинскомъ ханомъ мирный договоръ, по которому, кромѣ льготъ русской торговлѣ и уничтоженія въ своихъ предѣлахъ рабства навсегда, Хива обязывалась уплатить Россіи контрибуцію въ два милліона двѣсти тысячъ рублей, разсроченную на 20 лѣтъ, и въ обезпеченіе этой уплаты, а точно такъ-же и нашихъ границъ отъ повторенія хивинскихъ разбоевъ, уступала Россіи въ полное вѣчное владѣніе всю дельту Аму-Дарьи и всю территорію ея праваго берега.

Эта пріобрѣтенная отъ Хивы территорія составила новую русскую область—Амударьинскій отдѣлъ.

Послѣ полудня 12 августа Туркестанскій отрядъ выступилъ изъ Хивы на Аму-Дарью, 15 началась переправа на правый берегъ. Отсюда отрядъ, заложивъ укрѣпленіе Петро-Александровское, началъ свой обратный походъ эшелонами только 5 сентября.

Одна семирѣченская полусотня, еще за два дня до начала движенія всего Туркестанскаго отряда изъ Хивы, выступила въ Бухару конвоемъ при посольствѣ, отправленномъ генераломъ Кауфманомъ къ эмиру, отблагодарить его за содѣйствіе, которое онъ оказалъ Туркестанскому отряду при походѣ въ Хиву Посольство вступило въ Бухару 1 сентября и полусотня, простоявъ въ столицѣ ханства двѣ недѣли, 14 сентября, подъ командой хорунжаго Гордодѣлова, выступила, чрезъ Катта-курганъ и Самаркандъ, въ Ташкентъ, куда и прибыла въ концѣ октября.

Другая-же семирѣченская полусотня слѣдовала отъ укрѣпленія Петро-Александровскаго, по 10—15 человѣкъ, при эшелонахъ пѣхоты.

Погода благопріятствовала движенію по пескамъ на безводномъ пространствѣ: дни были сѣренькіе, прохладные, а по ночамъ даже и очень свѣжо; снабженіе водой устроилось

лучше, такъ что самая тяжелая часть пути отъ озера Сардаба-куль до Халъ-ата проходилась эшелонами въ три перехода, сравнительно, совсѣмъ легко.

Въ концѣ октября вся семирѣченская сотня собралась въ Ташкентѣ, а 24 ноября 1873 г. вступила уже въ городъ Вѣрный(143).

За хивинскій походъ и за дѣла съ туркменами 15 и 17 іюля 5-й семирѣченской сотнѣ пожалованы знаки на папахи съ надписью: „за отличіе въ хивинскомъ походѣ 1873 г.", присвоенные потомъ, на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія, 1-й сотнѣ № 1 Семирѣченскаго полка(144).

Коканскій походъ 1875—1876 г.

Еще въ 1875 году ханство Коканское представляло независимое владѣніе. Худояръ-ханъ, со времени возвращенія своего въ 1865 на коканскій престолъ, находился въ добрыхъ и покорныхъ отношеніяхъ къ Россіи, но за свою суровость и алчность былъ нелюбимъ народомъ, а особенно кипчаками.

Неудовольствіе между ханомъ и его подданными росло и въ іюнѣ 1875 года разразилось возстаніемъ съ провозглашеніемъ противъ русскихъ священной войны — „хазавата",

Худояръ-ханъ съ оставшимися ему вѣрными, въ числѣ нѣсколько болѣе 600 человѣкъ, и подъ прикрытіемъ казачьяго конвоя флигель-адъютанта полковника Скобелева, ѣхавшаго съ порученіемъ въ Кашгаръ, и дипломатическаго чиновника Вейнберга, бѣжалъ на русскую территорію, вступивъ 24 іюля въ Ходжентъ.

Коканское возстаніе встревожило всю нашу пограничную линію съ Коканскимъ ханствомъ, отъ Ура-тюбе до Ауліе-ата, и даже въ при—Нарынскомъ краѣ Токмакскаго уѣзда. Предводители возстанія высылали въ наши предѣлы, для возбужденія населенія, прокламаціи о хазаватѣ и эмиссаровъ, а потомъ двинули и вооруженныя шайки. Вслѣдствіе этого командующимъ войсками Туркестанскаго военнаго округа, генералъ-адъютантомъ фонъ Кауфманомъ, сосредоточены въ Ходжентѣ войска, а движеніемъ его 20 августа 1875 года оттуда на Махрамъ — открыты военныя дѣйствія противъ Коканскаго ханства(145).

Въ то же время изъ перехваченной въ Ходжентѣ переписки оказалось, что вооруженныя шайки коканцевъ намѣреваются проникнуть въ Токмакскій уѣздъ(146), почему и было отдано распоряженіе — принять мѣры охраны въ Семирѣченской области(147),

На случай осложненія дѣлъ въ Токмакскомъ уѣздѣ, туда, 15 августа, отправлена форсированнымъ маршемъ изъ Вѣрнаго 2-я сотня*) № 1 Семирѣченскаго полка(148), которая имѣла сначала назначеніе остаться въ Токмакѣ, но потомъ, еще на походѣ, получила приказаніе идти въ Ауліе-ата(149). Въ Токмакъ-же, гдѣ въ это время квартировали полусотни Сибирская и отдѣльная № 2-я Семирѣченская 1-го полка**), двинута, тоже форсированнымъ маршемъ изъ Вѣрнаго, 1-я сотня Семирѣченскаго полка***), которая потомъ должна была поступить въ составъ отряда полковника Каргеръ, сформированнаго въ Вѣрномъ и спѣшно отправленнаго въ Токмакъ; обѣ же упомянутыя полусотни оставлены по прежнему въ распоряженіи Токмакскаго уѣзднаго начальника полковника Лисовскаго(150). Этотъ же послѣдній со 2-й Семирѣченской полусотней еще 14 августа выступилъ изъ Токмака къ границѣ для предупрежденія вторженія коканскихъ шаекъ въ наши предѣлы(151). Здѣсь полковнику Лисовскому пришла мысль, пользуясь уходомъ на западъ коканскихъ войскъ изъ городовъ Намангана и Андижана, самому вторгнуться въ коканскія владѣнія и, произведя здѣсь въ тылу, панику, отвлечь часть силъ коканцевъ, стягивавшихся къ Махраму, противъ войскъ генерала Кауфмана.

Не испрашивая разрѣшенія на такое рискованное движеніе, онъ 20 августа, прося вр. командующаго войсками Семирѣченской области, генерала Михайловскаго, о подкрѣпленіи его 1-й Семирѣченской сотней, доносилъ только, что 21 августа онъ идетъ, чрезъ перевалъ Кугартъ, въ Фергану, съ цѣлью напасть на андижанскихъ киргизъ(152). Мѣстныя власти встревожились, приняли всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры возвратить или, покрайней мѣрѣ, остановить вошедшаго не въ свою роль уѣзднаго начальника, но всѣ ихъ распоряженія остались тщетны—Лисовскій, со 2-ю Семирѣченскою полусотней и съ собранными имъ въ ближайшихъ волостяхъ джигитами, ушелъ въ набѣгъ за границу(153).

---

*) Командиръ сотни есаулъ баронъ Будбергъ, младш. офицеры: есаулъ Лебедевъ и сотникъ Стороженко.

**) Командиръ полусотни есаулъ Маріуца, младш. офицеръ сотникъ Чановъ. Эта полусотня, какъ уже объяснено въ ст. «Военная организація» (ч II, гл. III-я), хотя и была въ составѣ 1 Семирѣченскаго полка, но составляла отдѣльную часть, не входя въ составъ какой-либо сотни этого полка.

***) Командиръ сотни есаулъ баронъ Штакельбергъ, младш. офицеры: сотники Дубровинъ. Десятовъ и Хорунжій Михайловскій. Составъ сотни: урядниковъ—6, фельдшер.—1, трубачей—2, казаковъ 122.

Генералъ Михайловскій, чтобъ не поставить въ критическое положеніе Семирѣченскую полусотню, вынужденъ былъ разрѣшить отправить къ Лисовскому изъ Токмака сотню есаула Штакельберга (1-ю) (154), телеграфируя тогда-же вр. командующему войсками военнаго округа генералу Бардовскому: „Никакія мои приказанія не могутъ остановить полковника Лисовскаго въ предѣлахъ уѣзда. Отъ 21 числа онъ доноситъ губернатору, что дѣлаетъ нападеніе съ одною Семирѣченскою полусотней на табуны командующаго войсками въ Коканѣ, а потомъ идетъ далѣе, на соединеніе съ главными силами, дѣйствующими противъ Кокана. Онъ ушелъ такъ далеко, что мои распоряженія не могутъ остановить этого, ни съ чѣмъ не сообразнаго, движенія. За дѣйствія Лисовскаго, не слушающаго ни меня, ни губернатора, не отвѣчаю“ (155).

26 августа 1-я Семирѣченская сотня выступила изъ Такмака, направляясь чрезъ перевалъ Шамси на урочище Тогузъ-торау, что на лѣвомъ берегу р. Нарынъ, близъ коканской границы. Въ этотъ-же день въ Токмакѣ получено оттуда извѣстіе, что полковникъ Лисовскій съ полусотнею благополучно вернулся на это урочище изъ набѣга въ коканскія владѣнія(156).

Еще съ пути на Тогузъ-торау Лисовскій доносилъ военному губернатору, что 21 августа онъ отбилъ у коканцевъ до шести тысячъ барановъ, а 22-го около семи и даже одно ружье, что онъ возвращается на Тогузъ-торау только съ цѣлью—дать отдохнуть казачьимъ лошадямъ, а 24-го снова выступитъ, но уже къ Андижану, для „возстановленія сообщенія съ ауліеатинскимъ отрядомъ“ (?) (157). На Тогузъ—торау полковникъ Лисовскій, вѣроятно, и получилъ послѣднее категорическое приказаніе генерала Михайловскаго—оставить командованіе полусотней, свои набѣги въ Коканъ и возвратиться къ исполненію своихъ прямыхъ обязанностей, почему предположенный имъ походъ къ Андижану не состоялся и онъ, наконецъ, отбылъ въ Токмакъ, оставивъ № 2 Семирѣченскую полусотню на границѣ на ур. Куянъ-токау, у перевала Кугартъ (158). Здѣсь, 30-го августа, къ этой полусотнѣ присоединилась и 1-я Семирѣченская сотня, составивъ вмѣстѣ съ нею казачій пограничный отрядъ подъ командой есаула Штакельберга (159), передвинувшійся потомъ на уроч. Атай. Между тѣмъ, экспедиція Туркестанскихъ войскъ въ коканскія владѣнія казалась законченной, возстаніе подавленнымъ и генералъ Кауфманъ, заключивъ 23 сентября въ Маргеланѣ мирный договоръ съ коканскимъ ханомъ Насръ-Эддиномъ, пришелъ со всѣмъ отрядомъ къ Намангану. По этому

договору территорія праваго берега Сыръ-Дарьи отошла во владѣніе русскихъ и здѣсь предполагалось образовать особую область—Наманганскій отдѣлъ (160). Руководствуясь такою обстановкой положенія въ Коканскомъ ханствѣ, генералъ Кауфманъ предписалъ 20 сентября есаулу Штакельбергу выступить съ отрядомъ съ уроч. Атай и, направляясь чрезъ Кетмень-тюбе, идти въ Наманганъ, на усиленіе войскъ этого отдѣла (161). Вслѣдствіе такого распоряженія, 1-я сотня и № 2 полусотня 1-го Семирѣченскаго полка выступили съ уроч. Атай 24 сентября (162). Къ этому-же времени въ восточной части Коканскаго ханства, чрезъ которую лежалъ путь движенія семирѣченскихъ казаковъ, снова началось броженіе среди кипчаковъ и кара-киргизъ. Глава кипчаковъ, Абду-Рахманъ-автобачи, бывшій душею борьбы съ нами съ самаго начала возстанія въ ханствѣ, послѣ нанесенныхъ ему въ августѣ и сентябрѣ пораженій, оправился и, поддерживая претендента на ханскій престолъ, дальняго родственника Худояръ хана,—кара-киргиза Пулатъ-бека, соединилъ, такимъ образомъ, во имя хазавата, два, часто враждовавшія между собой, племени, чѣмъ и придалъ созданной имъ организаціи новую силу. Этой силѣ удалось ниспровергнуть возстановленное русскими въ ханствѣ правительство Насръ-Эддина и, поднявъ вновь зеленое знамя пророка, развить возстаніе въ восточной части ханства, съ центромъ въ г. Андижанѣ (163).

При такихъ то, совершенно неожиданно осложнившихся, условіяхъ въ странѣ пришлось передвигаться $1^1/_2$-мъ семирѣченскимъ сотнямъ; эти-же условія ухудшились еще и слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Съ уроч. Атай, какъ свидѣтельствуетъ донесеніе есаула Штакельберга (162), онѣ выступили вмѣстѣ, но потомъ разъединились: 1-я сотня слѣдовала на Базаръ-курганъ и Бутакара (164), а вторая полусотня параллельно ей, но на цѣлый переходъ сѣвернѣе *).

Передвиженіе 1-й семирѣченской сотни до кишлака Базаръ-курганъ совершилось спокойно. 27 сентября, двигаясь дальше, она подошла къ селенію Бута кара, старшина котораго, съ почетными людьми, привѣтствовалъ сотню предъ селеніемъ, предложилъ „дастарханъ“ фрукты и хлѣбъ и настойчиво совѣтовалъ расположиться на ночлегъ въ кишлакѣ. Есаулъ Штакельбергъ, принявъ угощеніе, отказался однако

*) О причинахъ отдѣльнаго слѣдованія оффиціальныхъ источниковъ не найдено; сопоставленіе-же имѣющихся источниковъ—указываетъ, какъ будто, на легальное ихъ раздѣленіе.

отъ приглашенія войти въ кишлакъ и расположился бивакомъ вблизи него, на открытой мѣстности, въ виду селенія Испскентъ.

Наступила ночь. Вдругъ, съ одного изъ сторожевыхъ постовъ, прискакалъ казакъ съ извѣщеніемъ о появленіи какихъ-то подозрительныхъ и довольно многочисленныхъ конныхъ партій. Одновременно съ приближеніемъ этихъ партій было замѣчено, что и изъ кишлаковъ Бута-кара и Испскентъ тоже начали выходить вооруженныя пѣшія толпы.

Сотня едва успѣла изготовиться къ бою, какъ конныя толпы, соединившись съ пѣшими, бросились въ атаку. Часть казаковъ, высланная впередъ, встрѣтила ихъ огнемъ съ коня. Но пока еще въ сотнѣ не возстановился полный порядокъ, противникъ успѣлъ захватить въ плѣнъ трехъ изъ сторожевыхъ казаковъ.

Постепенно обороняющіеся освоились съ положеніемъ, сбатовали коней, и залпами спѣшенныхъ казаковъ отбили всѣ нападенія. Непріятель, не рискуя возобновлять атаку, принялся кружить возлѣ сотни съ крикомъ и ружейной стрѣльбой, продержавъ, такимъ образомъ, сотню въ осадѣ всю ночь.

Съ разсвѣтомъ, 28 сентября, есаулъ Штакельбергъ двинулся на сѣверо-западъ, къ кишлаку Учъ-курганъ, какъ для соединенія съ полусотней Маріуца, такъ еще и потому, что прямой путь на Наманганъ былъ закрытъ болѣе чѣмъ тысячнымъ скопищемъ коканцевъ. Едва казаки двинулись съ мѣста, какъ непріятель началъ снова насѣдать. Нападенія его становились все отважнѣе, настойчивѣе и, наконецъ, цѣпь, наѣздниковъ, прикрывавшая огнемъ съ коня движеніе, не была въ состояніи сдерживать напоръ противника. Тогда есаулъ Штакельбергъ спѣшилъ одну полусотню, которая залпами разогнала насѣдавшія толпы и очистила отъ нихъ путь движенія.

Подходя къ кишлаку Учъ-курганъ на р. Нарынъ, верстахъ въ 50-ти отъ Намангана, къ сѣверо-востоку отъ него, 1-я сотня соединилась съ полусотней Маріуца. Здѣсь, не доходя нѣсколькихъ верстъ до Учъ-кургана, выбравъ крѣпкую позицію на предгорьяхъ, отрядъ остановился на дневку, которой есаулъ Штакельбергъ имѣлъ въ виду воспользоваться, чтобы войти въ связь съ наманганскимъ отрядомъ и обезпечить свое соединеніе съ нимъ.

Съ этой цѣлью изъ джигитовъ, бывшихъ при сотняхъ, слѣдовавшихъ съ ними изъ Семирѣчья, Штакельбергъ послалъ 28 сентября въ Наманганъ сначала одну партію, а спустя нѣсколько времени—другую. Достигнуть Намангана и

вернуться назадъ—удалось только вторымъ. Эти послѣдніе вечеромъ 29 сентября привезли приказаніе—идти къ Намангану, и извѣщеніе, что оттуда, навстрѣчу и для обезпеченія переправы чрезъ рѣку Нарынъ, предполагалось выслать часть войскъ.

Между тѣмъ, 28 сентября, непріятельскія толпы вновь появились въ виду семирѣченскихъ сотенъ, блокировали ихъ и весь остатокъ дня кружились съ ружейной трескотней возлѣ ихъ позиціи, не предпринимая однако ничего рѣшительнаго. 29-го-же, усилившись значительно, пробовали нѣсколько разъ переходить въ наступленіе, но каждый разъ были отражаемы огнемъ казаковъ. Съ полученіемъ-же приказанія изъ штаба отряда, есаулъ Штакельбергъ рѣшилъ—дождавшись ночи, прорвать блокаду и идти въ Наманганъ.

Около полуночи сотни тихо поднялись съ позиціи и, оставляя кишлаки Учъ-курганъ и Капка вправо быстро двинулись къ р. Нарынъ. Это движеніе было исполнено на столько удачно и неожиданно для блокирующихъ, что послѣдніе узнали объ уходѣ сотенъ уже тогда, когда онѣ спустились съ предгорій въ долину Нарына. Здѣсь коканцы, на разсвѣтѣ 30-го сентября, настигли уходившихъ, но, встрѣченные залпами спѣшенныхъ казаковъ, вынуждены были держаться отъ отряда въ почтительномъ разстояніи.

Кипчаки еще нѣсколько разъ возобновляли нападеніе, употребляя всѣ усилія остановить сотни, и каждый разъ ружейные залпы отбрасывали ихъ съ чувствительными потерями.

Наконецъ, Семирѣченцы достигли переправы чрезъ р. Нарынъ, но балки имѣвшагося здѣсь моста оказались подрѣзанными, о чемъ предупредилъ казаковъ старшина селенія, располагавшагося у моста. Потомъ, этотъ-же старшина, замѣтивъ надвигавшіяся толпы кипчаковъ и малочисленность казачьяго отряда, отказался указать бродъ чрезъ Нарынъ и дать арбы для перевозки патроновъ и прочаго имущества сотенъ. Штакельбергъ пригрозилъ старшинѣ и всѣмъ бывшимъ съ нимъ немедленнымъ растрѣляніемъ—бродъ былъ указанъ и явилось 6 арбъ. Въ это-же время, на правомъ берегу Нарына появились конные стрѣлки и сибирскіе казаки, высланные отъ Намангана навстрѣчу отряда Штакельберга Семирѣченскія сотни перешли Нарынъ и въ тотъ-же день, 30 сентября присоединились къ войскамъ наманганскаго отряда.

За все время движенія, отъ урочища Атай до переправы чрезъ Нарынъ, раненыхъ было два казака и нѣсколько лошадей. Три-же казака: Батуринъ, Набоковъ и Плотниковъ,

захваченные въ плѣнъ 27 сентября у кишлака Бута-кара, по слухамъ - были увезены въ Андижанъ, гдѣ и убиты (165).

Между тѣмъ, послѣдствія провозглашеннаго въ Андижанѣ противъ русскихъ хазавата отразились и на населеніи праваго берега Сыръ-Дарьи. Едва только отрядъ генерала Троцкаго возвратился въ Наманганъ *) послѣ наказанія Андижана, какъ кипчакское населеніе нашихъ новыхъ владѣній поднялось и начало формировать шайки, во главѣ которыхъ сталъ Батыръ-тюря, бывшій бекъ Наманскій. Для усмиренія этого возстанія, изъ Намангана въ разныхъ направленіяхъ высылались отряды, въ составъ которыхъ нерѣдко назначались и 1½ семирѣченскія сотни. Изъ стычекъ во время этихъ экспедицій обращаетъ на себя вниманіе дѣло 9 октября у кишлака Яны-курганъ, къ сѣверу отъ Намангана, гдѣ, при дѣятельномъ участіи семирѣченскихъ казаковъ, разсѣяно пятитысячное скопище кипчаковъ.

Когда значительная часть работъ по приспособленію Намангана къ помѣщенію оставляемыхъ въ немъ войскъ, а цитадели его къ оборонѣ – были закончены, волненіе-же въ населеніи нѣсколько улеглось, командовавшій войсками, дѣйствовавшими въ Коканскомъ ханствѣ, генералъ-адъютантъ фонъ Кауфманъ 16. октября оставилъ ново-занятый край и распорядился вывести изъ него часть войскъ. Начальникомъ же наманганскаго отдѣла и расположеннаго въ немъ достаточно сильнаго самостоятельнаго отряда назначенъ генералъ маіоръ Скобелевъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда генерала Кауфмана стали получаться свѣдѣнія, что на нашей территоріи снова появились большія партіи кипчаковъ. Для разсѣянія этихъ скопищъ, къ которымъ присоединились и жители окрестныхъ кишлаковъ, генералъ Скобелевъ, съ 3 ротами пѣхоты, 4 орудіями и 1½ Семирѣченскими сотнями, двинулся 23 октября къ городку Тюря-курганъ, лежащему по дорогѣ къ городу Чусту, въ 12 верстахъ отъ Намангана. Этотъ городокъ оказался занятъ весьма значительной шайкой Батыръ-тюря, усиленной мѣстными жителями Кипчаки вышли навстрѣчу. Сблизившись съ ними, артиллерія и пѣхота открыли огонь, подъ которымъ скопище начало быстро подаваться назадъ. Пущенныя въ атаку 1½ семирѣченскихъ сотни окончательно обратили кипчаковъ въ бѣгство и долго ихъ преслѣдовали. Пѣхота между тѣмъ приступомъ взяла городокъ, жители котораго понесли

*) 8 октября 1875 года.

достаточное наказаніе за свое содѣйствіе Батырь-тюря. На другой день, 24 октября, отрядъ перешелъ къ Чусту. Здѣсь въ полночь на 26 октября генералъ Скобелевъ получилъ извѣщеніе о возстаніи въ самомъ Наманганѣ и объ осадѣ его цитадели, занятой частью нашихъ войскъ. Отрядъ немедленно выступилъ назадъ и, наступая съ боемъ отъ окрестностей Тюря-кургана, къ полудню 26-го же числа вступилъ въ Наманганскую цитадель. Кипчаки занимали часть самаго города Намангана На другой день эта часть города разрушена огнемъ артиллеріи, кипчаки-же, понеся огромныя потери, бѣжали.

Это пораженіе не лишило, однако, кипчаковъ надежды на успѣхъ въ будущемъ; они полагались на свою подавляющую численность. Чрезъ нѣсколько дней были снова получены свѣдѣнія о появленіи большого скопища на востокъ отъ Намангана, у кишлаковъ Кепе и Ташъ-бала. Генералъ Скобелевъ снова двинулся съ отрядомъ, въ составъ котораго вошли и семирѣченскія сотни. 2 ноября все скопище было опрокинуто и, долго преслѣдуемое казаками, окончательно разсѣяно. Но и эта неудача, благодаря постоянной поддержкѣ съ лѣваго берега Сыра, не заставила еще кипчаковъ признать себя побѣжденными. Чрезъ 5—6 дней послѣ дѣла у Ташъ-бала опять получились свѣдѣнія, что значительныя силы непріятеля стали собираться на лѣвомъ берегу Нарына и Сыръ-дарьи, избравъ центральную позицію у города Балыкчи, расположеннаго нѣсколько выше сліянія рѣкъ Нарына и Кара-Дарьи*), на лѣвомъ берегу послѣдней. Здѣсь сосредоточены были склады продовольствія кипчакскихъ шаекъ, которыя, численностью отъ 3-хъ до 4 тысячъ каждая, расположились въ нѣсколькихъ мѣстахъ не въ дальнемъ разстояніи отъ Балыкчей. Въ самомъ-же городѣ собралось до 20 тыс. вооруженнаго непріятеля.

Генералъ Скобелевъ, въ ночь на 12 ноября, съ достаточно сильнымъ отрядомъ, въ составъ конницы котораго вошли семирѣченскія сотни, выступилъ изъ Намангана и предъ разсвѣтомъ уже былъ у Балыкчей. Конница отряда перешла Сыръ-Дарью вплавь, ниже города и двинулась къ нему лѣвымъ берегомъ, а пѣхота захватила мостъ у Балыкчей, съ котораго противникъ успѣлъ снять только настилъ. Атака, поведенная на разсвѣтѣ одновременно съ обоихъ береговъ, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Выбитый изъ города непріятель, избиваемый въ полѣ конницей, бѣжалъ. Неотступное преслѣдованіе казаковъ привело противника въ положитель-

*) Сліяніе этихъ рѣкъ и образуютъ р. Сыръ-Дарью.

ный ужасъ. Почти вся пѣхота противника погибла подъ ударами нашихъ войскъ, конныя шайки разсѣялись

Всѣ склады, запасы и оружіе непріятеля достались въ руки отряда Наши потери ограничились всего однимъ убитымъ и 8-ю ранеными нижними чинами, въ числѣ которыхъ было два семирѣченскихъ казака.

Изъ послѣдующихъ экспедицій, въ которыхъ участвовали семирѣченскіе казаки, предпринятыхъ для разсѣянія коканскихъ и кипчакскихъ скопищъ, нельзя не упомянуть о дѣлахъ: 1 декабря у кишлака Гуръ тюбе, гдѣ и была разсѣяна $1^1/_2$ тысячная партія и 2 декабря у зимовки Ульджибей, въ окрестностяхъ которой на голову разбито 8-ми тысячное конное скопище кипчаковъ и конницей отряда изрублено 700 человѣкъ андижанской пѣхоты; истребленіе этой послѣдней явилось особенно тяжкимъ пораженіемъ для непріятеля(166).

Зимняя экспедиція въ ханство 1875—76 г. г.

Всѣ эти частныя пораженія непріятеля, не будучи направлены противъ его центровъ, не могли, конечно, привести къ поставленной цѣли – успокоенію вновь занятаго края, особенно при условіи существованія рядомъ съ нимъ Коканскаго ханства, преданнаго всѣмъ ужасамъ анархіи, гдѣ господствующую роль игралъ самый безпокойный и враждебный намъ элементъ — кипчаки.

Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, рѣшено было: во первыхъ – предпринять зимнюю экспедицію въ страну Ике-суарасы, расположенную между рѣками Нарынъ и Кара-дарьей и составляющую центръ Кипчакскаго населенія, съ тѣмъ, чтобы чувствительнѣе наказать кипчаковъ именно въ то время года, когда эти кочевники, съ семействами и имуществомъ, должны, по необходимости, оставаться въ своихъ зимовьяхъ въ равнинѣ, не имѣя возможности удалиться для избѣжанія ударовъ въ заваленныя снѣгомъ горы. Во вторыхъ по исполненіи этой операціи, идти на Андижанъ или на другой пунктъ, гдѣ наиболѣе сосредоточатся къ тому времени непріятельскія скопища, съ цѣлью уничтожить или, по крайней мѣрѣ, разсѣять ихъ и тѣмъ дать возможность успокоиться остальному населенію.

Въ этихъ видахъ экспедиціонный отрядъ предположено двинуть въ концѣ декабря, т. е. съ наступленіемъ холодовъ, когда топкія равнины наиболѣе проходимы, а горныя ущелья завалены снѣгомъ. Сообразно съ предположеніемъ и отрядъ получилъ соотвѣтствующее снаряженіе, въ составѣ котораго обращаетъ на себя вниманіе снабженіе отряда юртами, по

одной на каждыхъ 15 нижнихъ чиновъ, слѣдовавшихъ за отрядомъ на арбахъ, при чемъ юрта и вещи каждыхъ 15-ти человѣкъ перевозились на одной и той-же арбѣ.

Въ эспедиціонный отрядъ, кромѣ 1½-хъ семирѣченскихъ сотенъ, были назначены всѣ войска наманганскаго отдѣла, за исключеніемъ только необходимыхъ для занятія гарнизонами Намангана, Чуста, и другихъ стратегическихъ пунктовъ.

Въ первый день Рождества 1875 года, въ 11 часовъ дня, отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Скобелева, выступилъ изъ Намангана къ переправѣ чрезъ Нарынъ. Какъ въ первый, такъ и въ послѣдующіе дни движенія—казачьи сотни съ конною и ракетною батареями шли впереди, составляя авангардъ.

Въ первый день отрядъ сдѣлалъ только 10 верстъ На бивакѣ войска были поставлены въ сомкнутый четыреугольникъ, наружную ограду котораго составляли арбы, поставленныя одна къ другой, за арбами установлены въ козлахъ ружья, за ними уже разбиты юрты, а на внутреннемъ свободномъ пространствѣ четыреугольника помѣщены лошади. Такой порядокъ бивака, обезпечивающій отрядъ отъ всегда возможныхъ въ азіатской войнѣ внезапныхъ нападеній подвижного коннаго противника, былъ принятъ во все время похода. 26 декабря отрядъ, за кишлакомъ Кепе, перешелъ вбродъ оба рукава Нарына, при чемъ пѣхота была перевезена частью казаками, частью на арбахъ, и прослѣдовалъ до берега р. Карадарьи, гдѣ, противъ города Балыкчи, расположился бивакомъ. Балыкчи, изъ котораго только что бѣжала партія кипчаковъ—зажженъ нашими фуражирами.

27-го отрядъ дневалъ, а помощникъ начальника отряда, полковникъ баронъ Меллеръ—Закомельскій, съ конными стрѣлками, двумя конными орудіями, ракетной батареей съ 1½ семирѣченскими и 5-ю другими сотнями произвелъ рекогносцировку отъ Балыкчей къ Андижану, на разстояніи 17 верстъ, съ цѣлью открыть непріятеля и наказать попутные кишлаки, дававшіе въ послѣднее время убѣжище тревожившимъ насъ шайкамъ.

Рекогносцировочный отрядъ непріятеля не обнаружилъ, но на обратномъ пути авангардная сотня встрѣчена сильнымъ огнемъ изъ кишлака Ходжаветъ. Кишлакъ взятъ и очищенъ отъ противника Зажгли какъ этотъ, такъ и другіе попутные кишлаки и, захвативъ по дорогѣ большой гуртъ скота, отрядъ въ тотъ-же день вечеромъ вернулся къ биваку на Кара-дарьѣ.

30 декабря экспедиціонный отрядъ подошелъ къ кипчак-

скому городу Пайтокъ, имѣвшему особенно вредное вліяніе на всю окрестную страну, почему это селеніе и было выжжено. На другой день, отсюда, подъ командой того-же полковника Меллера—Закомельскаго, выдѣлена особая колонна изъ 3-хъ ротъ пѣхоты, 4-хъ орудій, двухъ ракетныхъ станковъ 1½-хъ семирѣченскихъ и 3-хъ сибирскихъ сотенъ въ задачу которой вошло:—пройти мѣстность къ сѣверу отъ Пайтока, по странѣ, составляющей главное средоточіе кипчакскаго населенія; пройти по кара-киргизскимъ зимовьямъ и по важнѣйшимъ кошлакамъ предгорья, а потомъ присоединиться къ главнымъ силамъ. Въ тотъ-же день, 31 декабря, этотъ отрядъ достигъ рѣчки Майли-су и сталъ бивакомъ между кишлаками Испскентъ и Бута-кара. Теперь эти кишлаки, жители которыхъ измѣннически напали 27 сентября на семирѣченскую сотню, жестоко поплатились: строенія выжжены, жители частью избиты, частью разсѣяны.

1 января 1876 года отрядъ двинулся предгорьями на востокъ къ кишлаку Массы. На переходѣ—отрядъ остановился на привалъ у зимовки Чумбагушъ, а 1-я семирѣченская сотня, будучи выдвинута впередъ, обнаружила вдали обозъ жителей окрестныхъ кишлаковъ, уходившій подъ прикрытіемъ вооруженной партіи. Начальникъ отряда приказалъ этой сотнѣ начать преслѣдованіе, а самъ съ отрядомъ двинулся за ней. Сотня настигла обозъ и изрубила прикрытіе. Слѣдуя далѣе, у кишлака Янгизъ-бакъ, встрѣчено, вышедшее изъ горъ, новое скопище; эти толпы, не выдержавъ и двухъ пушечныхъ по нимъ раткетъ, обратились въ бѣгство, преслѣдуемыя казаками на разстояніи шести верстъ. Послѣ окончательнаго разсѣянія этого скопища, конница только къ вечеру собралась на бивакъ у Массы, сдѣлавъ въ этотъ день около 60 верстъ при 18° мороза

Пройденная мѣстность отъ кишлака Янгизъ-бакъ была всѣяна пылавшими зимовьями, зажженными самими уходившими жителями; всѣ-же попутные кишлаки выжжены отрядомъ.

Нѣтъ словъ—все это величайшей жестокости мѣры, но только онѣ здѣсь и могли погасить хазаватъ. Печальная необходимость, но только огнемъ и мечемъ возможно было принудить дикихъ кипчаковъ оставить свои междоусобныя распри, свой вѣчный разбой и обратиться, наконецъ, къ мирному труду.

2 января отрядъ подошелъ къ кишлаку Медрессе-автобачи, выжегъ его и переночевавъ здѣсь, на другой день присоединился къ главнымъ силамъ, на бивакѣ ихъ у Миръ-

равата, возлѣ Андижана, который въ ближайшемъ будущемъ предполагалось штурмовать.

Андижанъ представлялъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ и многолюдныхъ центровъ Коканскаго ханства и имѣлъ въ окружности 55 верстъ*). По собраннымъ свѣдѣніямъ, непріятельскія силы въ Андижанѣ состояли изъ 20 тыс. вооруженныхъ жителей, 5 тыс. сарбазовъ и 12 тыс. конницы. Во главѣ всѣхъ этихъ массъ, дѣятельно готовившихся къ бою съ нами, сталъ самъ Абду-Рахманъ—автабачи; все это придавало Андижану значеніе надежнѣйшей опоры коканцевъ противъ насъ и на него были устремлены взоры всей окрестной страны. Здѣсь впервые послѣ боя подъ Махрамомъ**) коканскія полчища готовились грудью встрѣтить русскихъ.

Послѣ тщательной рекогносцировки подступовъ къ Андижану, произведенной генераломъ Скобелевымъ со всей конницей отряда 4 и 6 января, экспедиціонный отрядъ 7 января снялся со своей стоянки у Миръ-равата и перейдя на восточную сторону города на высоты Акъ-чакмакъ, избранныя исходнымъ пунктомъ атаки, расположился тамъ бивакомъ. Штурмъ Андижана назначенъ на другой день, 8 января, съ цѣлью не дать непріятелю времени приготовиться къ защитѣ съ этой стороны.

По диспозиціи—штурмовыхъ колоннъ было назначено четыре, изъ нихъ три активныхъ и одна резервная, въ составъ которой, кромѣ 4-хъ ротъ пѣхоты съ 9-ю орудіями, вошли и 1½ семирѣченскія сотни въ пѣшемъ строю, на долю которыхъ потомъ и выпала честь—первыми начать штурмъ Андижана.

8 января, въ 8 часовъ утра, передъ выстроенными войсками отслуженъ молебенъ, а въ 8½ часовъ утра вся артиллерія отряда, въ числѣ 12 орудій, выѣхала на позицію въ верстѣ отъ лагеря и въ полуверстѣ отъ кишлака Эскиль ликъ, примыкавшаго съ восточной стороны къ городской стѣнѣ и составлявшаго какъ-бы предмѣстье Андижана. 1½ семирѣченскихъ сотни, оставивъ шашки на бивакѣ и примкнувъ штыки, ушли, вмѣстѣ съ частями пѣхоты, въ прикрытіе къ артиллеріи. Съ открытіемъ-же ею огня по Эскиль-лику, сотни выдѣлены и изъ нихъ, съ 3-ею ротою 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, составлена особая штурмовая колонна, ввѣренная командиру 1-й сотни есаулу Штакельбергу, назначенная для овладѣнія Эскиль-ликомъ и прилега-

*) Точно установлено рекогносцировками 4 и 6 января 1876 года т. е. передъ штурмомъ.

**) 22 августа 1875 г.

ющимъ къ нему участкомъ городской стѣны.

Въ 9½ часовъ утра, послѣ непродолжительной артиллерійской подготовки, колонна есаула Штакельберга двинулась на штурмъ, имѣя впереди Семирѣченскихъ казаковъ, а за ними вышеназванную роту.

Непріятель, занимавшій Эскиль-ликъ и городскую стѣну, выдержалъ, не отвѣчая, нашъ артиллерійскій огонь, а такъ какъ подобной выдержкой противникъ до этого времени совсѣмъ не отличался, то можно было думать, что кишлакъ и стѣна имъ не заняты. Но какъ только штурмовая колонна подошла къ Эскиль-лику на 300 шаговъ, — по ней былъ открытъ сильный фольконетный и ружейный огонь съ обѣихъ пунктовъ и, въ особенности, съ городской стѣны. Колонна, имѣя впереди своихъ офицеровъ, бросилась бѣгомъ, ворвалась въ кишлакъ, выбила изъ него защитниковъ, нанеся имъ здѣсь большой уронъ. Не останавливая колонну въ Кишлакѣ, есаулъ Штакельбергъ направилъ ее на городскую стѣну.

Единственный выходъ изъ кишлака къ стѣнѣ находился шагахъ въ 80-ти отъ послѣдней и полутора-саженная стѣна усилена была здѣсь двумя глубокими и широкими рвами съ почти отвѣсными спусками. Зная еще изъ первой рекогносцировки Андижана, произведенной 4 января, что эти рвы не длинны и прекращаются въ шагахъ 80-ти вправо отъ выхода изъ кишлака, да и стѣна тамъ гораздо ниже, Штакельбергъ, выведя свою колонну изъ кишлака, повернулъ ее вправо, вдоль городской стѣны, обезпечивъ тылъ полусотней Маріуца, занявшей выходъ изъ кишлака.

Теперь уже, по проходу, образуемому городской стѣной и строеніями кишлака, двигалась въ головѣ колонны рота стрѣлковъ. Непріятель, пользуясь выгодами своего закрытаго расположенія, еще болѣе усилилъ свой огонь, стрѣляя по колоннѣ на самомъ близкомъ разстояніи. Фланговой огонь не остановилъ штурмующихъ: стрѣлковая рота бѣгомъ миновала рвы, стремительно эскаладировала стѣну, слѣдомъ взлѣзла 1 сотня, а вскорѣ за ней подоспѣла и полусотня есаула Маріуца. Колонна овладѣла стѣною и, въ свою очередь, поражая противника во флангъ и тылъ, заставила его бѣжать.

Трофеями этого штурма были: одно вьючное орудіе, большое число огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, до 20 пудовъ пороху и около сотни лошадей.

По взятіи стѣны, есаулъ Штакельбергъ немедленно занялъ расположенное здѣсь кладбище Шигаушинъ, разсыпавъ для этого къ сторонѣ города по полувзводу стрѣлковъ отъ роты и 1½ семирѣченскихъ сотенъ, расположивъ остальныя

силы своей колонны скрытно въ трехъ мѣстахъ, въ качествѣ частныхъ резервовъ стрѣлковой цѣпи.

Занятіе кладбища Шигаушинъ играло весьма важную роль въ общемъ ходѣ штурма Андижана: сюда немедленно переѣхала артиллерія и дѣятельно занялась подготовкой дальнѣйшаго штурма, засыпая снарядами урду *), базаръ и Гуль-тюбе—командующую высоту въ центрѣ города; отсюда-же начинались улицы, намѣченныя для движенія двухъ штурмовыхъ колоннъ, концентрически соединявшіяся у Гуль-тюбе—цѣли атаки всѣхъ колоннъ. Въ это время съ высотъ Акъ-Чакмакъ было замѣчено въ городѣ и садахъ движеніе густыхъ непріятельскихъ массъ, потянувшихся къ кладбищу Шигаушинъ съ сѣверной стороны города, откуда собственно противникъ и ожидалъ штурма, сдѣлавъ тамъ для встрѣчи его весьма серьезныя приготовленія. Командующій артиллеріей на высотахъ Акъ-Чакмакъ направилъ противъ этихъ массъ огонь шести орудій, чѣмъ привелъ ихъ въ полное замѣшательство, предупредивъ, такимъ образомъ, непредвидѣнный отчаянный бой на кладбищѣ и смѣшавъ окончательно всѣ расчеты противника.

Штурмовыя колонны постепенно заняли свои исходные пункты къ 12-и часамъ дня, когда начались артиллерійскіе залпы - сигналъ для начала общей атаки. Вслѣдъ за симъ колонна Штакельберга расформирована: 3-я рота ушла на бивакъ къ вагенбургу, а 1½ семирѣченскія сотни, оставались сначала въ числѣ прикрытія артиллеріи, потомъ, съ окончаніемъ ею кононады, присоединились, вмѣстѣ съ артиллеріей, къ резервной колоннѣ, въ составѣ которой и достигли Гуль-тюбе, гдѣ сосредоточились, послѣ упорнаго боя на пути сюда, всѣ штурмовыя колонны.

Съ занятіемъ Гуль тюбе—городъ оказался въ рукахъ отряда. Смятеніе защитниковъ было невообразимое. Ложные слухи о томъ, что русскіе идутъ не только съ востока, но еще съ запада и сѣвера, сконцентрировали бѣгущихъ къ южной сторонѣ, на ассакинскую дорогу. Выходъ-же на Ассаке былъ крѣпко заложелъ, а два моста чрезъ рвы, по обѣимъ сторонамъ стѣны—разобраны. Это послѣднее обстоятельство довело смятеніе и давку здѣсь до крайнихъ предѣловъ. Защитники, давя и избивая другъ друга, стремились вырваться, одинъ впередъ другого, изъ созданной самими западни. Нашъ артил-

*) Такъ какъ внутренняя жизнь бывшаго Коканскаго ханства протекала большей частью среди междоусобій и войнъ, то всѣ его болѣе значительные центры имѣли кромѣ наружной ограды еще и урду, т. е. кремль, цитадель.

лерійскій огонь съ Гуль тюбе по этому бушующему морю обезумѣвшаго народа еще болѣе увеличивалъ тутъ и безъ того невообразимую давку и панику.

Но такъ-какъ наши войска 8 января не выходили на ассакинскую дорогу, то бѣглецы, сильно порѣдѣвъ въ числѣ, успѣли къ ночи выбраться изъ города, а здѣсь морозная ночь застигла многихъ въ пути и поразила ихъ новымъ бѣдствіемъ.

Потери коканцевъ здѣсь были громадны и увеличились до поразительныхъ размѣровъ еще тѣмъ прискорбнымъ обстоятельствомъ, что и безъ того многолюдный городъ былъ еще буквально набитъ жителями окрестныхъ кишлаковъ, искавшихъ въ немъ спасенія со своими семьями, множество которыхъ забились въ сакли и даже въ ямы подъ ними и погибли здѣсь или заваленныя глиной, обрушенныхъ артиллерійскими снарядами стѣнъ и крышъ, или сгорѣли тутъ заживо отъ поджоговъ сакль всѣми нашими штурмовыми колоннами.

Намъ-же побѣда, вслѣдствіе растерянности защитниковъ и неподготовительности для встрѣчи атаки съ востока, стоила весьма незначительныхъ потерь, а среди семирѣченцевъ не было даже и раненыхъ, благодаря, вѣроятно, высокому прицѣлу противника и той-же неожиданности штурма отсюда

9 января Андижанъ осмотрѣнъ во всѣхъ направленіяхъ посланными для этого и для фуражировки частями войскъ, но такъ какъ жители не являлись еще съ выраженіемъ покорности, то въ этотъ-же день вечеромъ по городу былъ возобновленъ артиллерійскій огонь Эта жестокая мѣра только и достигла цѣли: покорность была изъявлена и населеніе, помимо денежной контрибуціи, обязалось продовольствовать войска отряда за свой счетъ. Со времени взятія нами Андижана, окрестная страна находилась въ слѣдующемъ положеніи: Пулатъ-ханъ съ трудомъ удерживался въ Маргеланѣ, жители котораго опасались что пребываніе его у нихъ навлечетъ на Маргеланъ участь Андижана. Абду-Рахманъ автобачи, со своими ополченіями, въ числѣ до 12 тыс., стоялъ лагеремъ у кишлака Кува—за гор Ассаке, и съ трудомъ удерживалъ своихъ людей, склонныхъ, подъ впечатлѣніемъ недавняго погрома, разойтись по домамъ Жители Ассаке, ближайшаго къ Андижану и расположеннаго къ югу отъ него, съ 9 января начали покидать свой городъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, когда власть надъ ханствомъ сама собою вырывалась изъ рукъ предводителей хазавата, слѣдовало ожидать съ ихъ стороны какой либо отчаянной попытки къ удержанію ускользающей власти; и дѣйстви-

тельно, 16 января получено извѣстіе, что автобачи, съ частью своихъ силъ, вступилъ въ Ассаке, а 18-го, рано утромъ, подтвердилось, что онъ, во главѣ 15 ти тыс., стоитъ уже, будьто-бы, на половинѣ пути отъ Ассаке къ Андижану, т. е. всего верстахъ въ 10 отъ послѣдняго. Его агенты подготовляли возстаніе въ городѣ, обѣщая жителямъ Андижана напасть на насъ извнѣ, одновременно съ ними. Подъ вліяніемъ этой агитаціи и при свойственной туземному населенію легковѣрности,—въ Андижанѣ, одинъ за другимъ, начали появляться признаки броженія умовъ.

Дальнѣйшее наше бездѣйствіе, весьма вѣроятно, привлекло бы непріятельскія скопища въ самый городъ и, во всякомъ случаѣ, привело-бы къ возобновленію уличнаго боя; поэтому генералъ Скобелевъ принялъ рѣшеніе идти навстрѣчу автобачи.

Оставивъ въ устроенномъ нашими войсками въ Андижанѣ укрѣпленіи, на Гуль-тюбе, большую часть войскъ, генералъ Скобелевъ съ остальною, въ составѣ двухъ ротъ пѣхоты, конно-стрѣлковаго дивизіона, 4-хъ орудій, ракетной батареи, 1½ семирѣченскихъ и 4 хъ другихъ сотенъ, въ 9½ часовъ утра, 18 января выступилъ изъ Андижана къ Ассаке.

Первыя непріятельскія партіи, встрѣченныя и опрокинутыя верстахъ въ 12 отъ Андижана, уходили въ Ассаке. Становилось очевиднымъ, что дальнѣйшее наступленіе приведетъ къ необходимости брать этотъ городъ, подготовленный быть можетъ непріятелемъ къ сборонѣ

Генералъ Скобелевъ, полагаясь на высокій духъ войскъ и руководясь выводами изъ опыта въ средне-азіаткой войнѣ, рѣшился на послѣднее, не смотря на малочисленность наличнаго отряда

Послѣ рекогносцировки, отрядъ обошелъ правый флангъ противника и атаковалъ его съ высотъ, окаймляющихъ Ассаке съ востока, занятыхъ густыми массами конницы. Первымъ на плато высотъ поднялся конно-стрѣлковый дивизіонъ; подъ его прикрытіемъ спѣшенные казаки втащили туда по обледенѣлому скату артиллерію. Какъ только 4 орудія отряда открыли огонь—непріятель началъ отходить и начальникъ отряда, не дожидаясь подъема пѣхоты, перешелъ со всею конницей въ рѣшительное наступленіе

Къ этому-же времени обнаружилось, что гор. Ассаке, давно брошенный жителями, очищенъ, въ виду нашего обхода, и непріятелемъ, почему, вмѣсто ожидавшагося штурма, отряду предстоялъ полевой каваллерійскій бой.

Боевой порядокъ конницы отряда былъ слѣдующій: пер-

вую его линію составляли: 5 я оренбургская сотня—на правомъ флангѣ, два конныхъ орудія и 2-я оренбургская сотня —въ центрѣ, $1\frac{1}{2}$ семирѣченскихъ сотни—на лѣвомъ флангѣ; во второй линіи, во взводныхъ колоннахъ: за правымъ флангомъ—1-я сибирская сотня, а за лѣвымъ, наиболѣе угрожаемымъ,—ракетная батарея и 5-я сибирская сотня, въ центрѣ —конно-стрѣлковый дивизіонъ. Разстояніе между линіями было около 200 шаговъ.

Наступленіе, не смотря на глубокій снѣгъ, поведено ровною непрерывною рысью, съ строгимъ соблюденіемъ равненія, интерваловъ и дистанцій.

Обѣ-же роты пѣхоты, со взводомъ артиллеріи, слѣдовали позади, составляя общій резервъ. Вскорѣ послѣ начала перехода въ наступленіе конницы противъ главной массы, уходившей на юго западъ, по дорогѣ въ Маргеланъ, непріятель возобновилъ попытку противъ нашего лѣваго фланга, на который и ринулись съ гикомъ густыя массы его конницы.

Расчитывая настигнуть непріятельскую пѣхоту, которая, бросивъ Ассаке, тоже должна была войти на маргеланскую дорогу, начальникъ отряда приказалъ перемѣнить фронтъ на лѣво лишь однимъ лѣвофланговымъ сотнямъ обѣихъ линій, задержавъ въ то же время наступленіе по маргеланской дорогѣ прочихъ силъ.

Стройное движеніе семирѣченскихъ и сибирскихъ сотенъ, заѣхавшихъ правымъ плечомъ къ сторонѣ непріятеля и, не увеличивая аллюра, двинувшихся навстрѣчу къ нему, сразу охладило его пылъ. Не смотря на свое громадное превосходство въ силахъ, конница противника не осмѣлилась довести свою атаку до шашекъ и повернула назадъ, послѣ чего весь боевой порядокъ казаковъ продолжалъ прежнее фронтальное наступленіе.

Далѣе, лишь только правый флангъ первой линіи вышелъ на высоту послѣднихъ садовъ Ассаке, какъ изъ-за нихъ внезапно обнаружилась густая колонна сарбазовъ, вооруженныхъ ружьями, большинство со штыками. Коканская пѣхота, въ числѣ до 800 человѣкъ, увидѣвъ наше наступленіе, остановилась и открыла огонь.

Генералъ Скобелевъ, не давъ ей времени приноровиться къ мѣстности и принять болѣе удобный для встрѣчи атаки порядокъ самъ лично бросился на нее съ ближайшею къ ней правофланговою 5-ю оренбургскою сотней. Эта стремительная атака была тотчасъ-же поддержана семирѣченскими и, вслѣдъ за ними, 1-ю сибирскою сотнями. Прочія части остались для прикрытія артиллеріи и на случай удержанія кон-

ницы противника, если-бы она двинулась на помощь своей пѣхотѣ.

Лихо налетѣли сотни и непріятель, послѣ отчаянной рукопашной схватки, былъ изрубленъ; только небольшая часть сарбазовъ успѣла бѣжать, пользуясь близостью садовъ и арыками.

Затѣмъ преслѣдованіе отступавшаго противника продолжалось еще нѣкоторое время, а потомъ, въ 5 часовъ по полудни, отъ кишлака Ніязъ-батырь, казаки повернули назадъ, на пути соединились съ пѣхотой и отрядъ занялъ Ассаке безъ выстрѣла, расположившись здѣсь для ночлега въ урдѣ.

19 января послѣ новой рекогносцировки, доведенной до половины пути къ кишлаку Ніязъ-батырь, отрядъ возратился въ Андижанъ.

Разгромъ Андижана и пораженіе при Ассаке убѣдили Абду-Рахмана-автобачи въ полной невозможности дальнѣйшей борьбы съ нами и онъ 24 января сдался.

Послѣ этого противъ насъ въ ханствѣ осталась лишь разбойничья партія Пулатъ-хана, но она далеко не считала въ своихъ рядахъ большинства кара-киргизъ, почему и серьезнаго военнаго значенія не представляла.

Такимъ образомъ, оставалось ввести въ ханствѣ тотъ или иной порядокъ управленія. Для рѣшенія этого послѣдняго вопроса и для полученія по нему инструкціи изъ Ташкента, генералъ Скобелевъ, съ полуротою конныхъ стрѣлковъ и 1-ю семирѣченской сотней, 26 января отбылъ изъ Андижана въ Наманганъ, сдавъ начальство надъ экспедиціоннымъ отрядомъ полковнику барону Меллеру Закомельскому.

Между тѣмъ Пулатъ-ханъ, получивъ извѣстіе о сдачѣ автобачи, поспѣшно оставилъ Маргеланъ, двинувшись съ остатками своихъ войскъ въ Учь-курганъ, по направленію къ Каратигену, не предчувствуя, что здѣсь-то именно и ждетъ его жестокое пораженіе.

Начальникъ отряда, узнавъ, что Пулатъ-ханъ оставилъ въ Маргеланѣ большую часть своей артиллеріи, и, расчитывая овладѣть ею не идя для того въ Маргеланъ, выдвинулъ 27 января утромъ въ Ассаке отрядъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта ротмистра гвардіи барона Меллера-Закомельскаго, въ составѣ двухъ ротъ пѣхоты, полуроты конныхъ стрѣлковъ, 4 орудій, 6 ракетныхъ станковъ, № 2 семирѣченской полусотни, 6 ти оренбургскихъ и сибирскихъ сотенъ.

Изъ Ассаке ротмистръ Меллеръ-Закомельскій послалъ всѣхъ бывшихъ при его отрядѣ джигитовъ, въ числѣ до 150, въ Маргеланъ съ требованіемъ выдачи и доставки въ Анди-

жанъ артиллеріи, оружія и имущества Пулатъ-хана, угрожая въ противномъ случаѣ движеніемъ на Маргеланъ. Въ подкрѣпленіе же этой угрозы, Меллеръ Закомельскій, оставивъ пѣхоту въ Ассаке, самъ съ конными стрѣлками, всей конницей и артиллеріей отряда—двинулся по дорогѣ въ Маргеланъ. Пройдя всего верстъ 10 отъ Ассаке, начальникъ отряда случайно получилъ точное свѣдѣніе, что Пулатъ-ханъ съ 5000 конницы, 700-ми сарбазовъ, 5 ю орудіями и всѣмъ своимъ имуществомъ расположится въ этотъ день на ночлегъ въ Учъ—курганѣ. Такъ какъ до Учь-кургана, лежащаго къ югу отъ Ассаке, оставалось не болѣе 50 верстъ по хорошей колесной дорогѣ, то Меллеръ-Закомельскій рѣшилъ напасть на Пулатъ-хана въ эту же ночь, съ цѣлью захватить послѣдняго изъ главарей хазавата или, по крайней мѣрѣ, уничтожить остатки его силъ.

Имѣя въ виду, что для успѣха нечаяннаго нападенія всего важнѣе было выиграть время, начальникъ отряда двинулся впередъ перемѣннымъ аллюромъ и только съ тѣми силами, которыя были съ ними въ моментъ полученія извѣстія.

Верстахъ въ 25-ти отъ Ассаке, дорога пошла хотя по отлогому, но длинному подъему и сдѣлалась трудною для артиллеріи. Преслѣдуя ту-же цѣль—быстроту движенія—ротмистръ Меллеръ-Закомельскій пошелъ впередъ съ конными стрѣлками, ракетной батареей, семирѣченской полусотней, двумя оренбургскими и одной сибирской сотней, оставивъ артиллерію подъ прикрытіемъ остальныхъ трехъ сотенъ, съ приказаніемъ на сколько возможно спѣшить за авангардомъ.

Лазутчикъ, посланный впередъ изъ Ніазъ—батыря, вернулся назадъ и сообщилъ, что Пулатъ-ханъ со своимъ скопищемъ дѣйствительно въ Учъ-курганѣ и не подозрѣваетъ о приближеніи русскихъ.

Между тѣмъ смерклось, темнота ночи покровительствовала движенію и кромѣ того мѣстность позволила подойти къ Учъ—кургану совершенно скрытно.

Хотя отрядъ въ этотъ день и ночь сдѣлалъ болѣе 80 верстъ, но Меллеръ—Закомельскій рѣшилъ атаковать непріятеля немедленно, чтобы воспользоваться всѣми выгодами ночного нечаяннаго нападенія. Для этого:—смѣшенныя полурота конныхъ стрѣлковъ и сибирская сотня составили штурмовую колонну, которая должна была овладѣть кишлакомъ и урдою; оренбургская-же сотня и семирѣченская полусотня направлены влѣво, въ обходъ непріятеля, на его путь отступленія по вьючной дорогѣ въ Каратигенъ, а другая оренбургская сотня, ракетная батарея и коноводы спѣшенныхъ частей остались на пути движенія отряда, откуда они могли

дѣйствовать на Маргеланскую дорогу и на главный путь отступленія непріятеля—колесную дорогу на Каратигенъ.

Въ 10 часовъ вечера штурмовая колонна двинулась впередъ, быстро овладѣла кишлакомъ и урдою, въ которой собственно и расположился Пулатъ-ханъ со своими пѣхотой, артиллеріей и имуществомъ

Непріятель бросился на маргеланскую дорогу, но, встрѣченный здѣсь огнемъ подошедшей къ тому времени артиллеріи, повернулъ назадъ, пытаясь пробиться на вьючную каратигенскую дорогу. Тутъ онъ былъ атакованъ и во множествѣ изрубленъ оренбургскими и семирѣченскими казаками. Остатки скопища разсѣялись мелкими партіями во всѣ стороны. Самъ Пулатъ-ханъ едва успѣлъ ускакать всего съ десяткомъ своихъ людей. Начальникъ отряда считая нецѣлесообразнымъ преслѣдовать разсѣявшагося непріятеля въ полную темноту и на утомленныхъ лошадахъ, прекратилъ бой, ввелъ всѣ части отряда въ урду, гдѣ онѣ расположились провести остатокъ ночи

Трофеями этого славнаго дѣла были: 5 мѣдныхъ орудій, 100 фальконетовъ, множество разнаго оружія, пороха, снарядовъ и все имущество Пулатъ-хана со 189 верблюдами. Уронъ непріятеля, совсѣмъ неожидавшаго здѣсь нападенія, былъ чрезвычайно великъ; почти вся его пѣхота, защищавшая урду, —легла, конница частью уничтожена, частью разсѣяна; наши же потери, благодаря исключительно удачной обстановкѣ боя, ограничились всего 4-мя раненными и 5-ю контуженными нижними чинами Изъ семирѣченскихъ-же казаковъ никто не пострадалъ На другой день, 28 января утромъ, отрядъ забравъ съ собою все взятое въ Учъ-курганѣ, выступилъ обратно и въ 11 часовъ ночи былъ въ Ассаке.

Разгромъ Пулатъ-хана навелъ такой страхъ на Маргеланъ, что жители его поспѣшили доставить въ Ассаке всю имѣвшуюся у нихъ артиллерію—15 орудій и одну мортиру, выразивъ при этомъ свою полную покорность. Дѣломъ въ Учъ-курганѣ закончены военныя дѣйствія пятимѣсячной кампаніи въ Коканскомъ ханствѣ.

5 февраля генераломъ Скобелевымъ получена въ Наманганѣ отъ генерала Кауфмана телеграмма съ выраженіемъ воли Государя относительно присоединенія къ Россіи Коканскаго ханства и образованія изъ него Ферганской области.

Вслѣдствіе этого немедленно были сдѣланы распоряженія о спѣшномъ движеніи большей части войскъ къ гор. Кокану —главному центру ханства, быстрое занятіе котораго, въ видахъ предупрежденія кровопролитія, являлось необходимостью,

подтвержденной извѣстіями о приготовленіяхъ хана Насръ-эддина и коканскаго населенія къ отпору.

Быстро выполненное сосредоточеніе нашихъ войскъ къ Кокану; растерянность Насръ-эддина, никакъ не ожидавшаго такъ скоро увидѣть русскихъ подъ стѣнами своей столицы, а потому и не осмѣливавшагося отказать на обращенное къ нему требованіе—явиться въ отрядъ генерала Скобелева; захватъ послѣднимъ урды и всей артиллеріи въ Коканѣ—нанесли послѣдній ударъ враждебной намъ организаціи и закончили 22-хъ лѣтнюю борьбу русскихъ съ Коканскимъ ханствомъ

Торжественный въѣздъ 15 февраля временно командовавшаго войсками Туркестанскаго военнаго округа генерала Колпаковскаго въ Коканъ—былъ окончательнымъ актомъ исполненія Державной воли относительно полнаго присоединенія къ Россіи бывшаго Коканскаго ханства(167).

Годы съ 1877 по 1902-й. Натянутыя отношенія съ Китаемъ.

Хотя всѣ эти годы съ военной точки зрѣнія и протекали мирно, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ нихъ въ экономическомъ отношеніи дали себя серьезно почувствовать населенію Семирѣченскаго войска. Вслѣдствіе такого значенія части этого періода, о немъ тоже необходимо сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Къ 1877 году китайское правительство, справившись, наконецъ, съ своими внутренними смутами, признало необходимымъ возвратить въ составъ имперіи и отторгнутые у нея Кашгаръ и Кульджу.

Китайскій генералъ Лю, командовавшій войсками въ Урумчійскомъ округѣ, имѣвшій уже давно порученіе овладѣть Кашгаромъ и медлившій съ исполненіемъ его при жизни Якубъ-бека, двинулся въ Кашгаръ послѣ того, какъ послѣдній былъ убитъ тамъ въ іюлѣ 1877 года.

Кашгаръ, сохранившій свою независимость только благодаря энергіи талантливаго „бадаулета“, былъ занятъ китайцами менѣе чѣмъ чрезъ полгода послѣ его смерти, а главный городъ страны взятъ ими 5 декабря 1877 г.

Вслѣдъ за симъ въ Семирѣчьѣ стало извѣстнымъ, что Лю получилъ приказаніе исправить дорогу чрезъ Музартъ и въ апрѣлѣ 1878 года двинуться по ней съ войсками въ занятый нами кульджинскій районъ, для соединенія здѣсь съ Цзинь-цзянь-цзюнемъ и совмѣстнаго съ нимъ похода на Кульджу. Войска-же послѣдняго, по тѣмъ-же свѣдѣніямъ, располагались, будто бы, на пути къ Кульджѣ, между Карашаромъ и Шихо и что, въ видахъ болѣе успѣшнаго наступленія—

ихъ предположено увеличить еще 35 ю или 40 ка тысячами человѣкъ.

Всѣ эти свѣдѣнія, въ связи съ письмомъ, полученнымъ около того-же времени нашей мѣстной властью отъ Цзо-цзунъ-тана, генералъ-губернатора провинціи Шань-си и Гань су, въ которомъ онъ угрожалъ вступить съ войсками въ наши владѣнія, въ случаѣ невыдачи ему русскими дунганъ, потребовали серьезныхъ мѣръ обезпеченія нашей пограничной съ Китаемъ линіи.

Для выполненія послѣдняго рѣшено,—весною 1878 года занять достаточно сильными отрядами нѣсколько пограничныхъ пунктовъ Семирѣченской области: у Нарына, Музартскаго прохода, Кульджи, въ Каптагайской тѣснинѣ и укрѣп. Бахты[168], а въ Семирѣченскомъ войскѣ мобилизовать 2-й и 3-й льготные полки[169].

Уроч. Онъ-арча, близъ укрѣп. Нарынскаго, занято самостоятельнымъ отрядомъ и трехъ—родовъ оружія, въ составъ котораго вошелъ и весь № 1 семирѣченскій полкъ, квартировавшій до того въ гор. Ходжентѣ Этотъ полкъ, вслѣдствіе вышеизложенныхъ обстоятельствъ, вызванъ сюда и, слѣдуя чрезъ Ташкентъ, Чимкентъ и Токмакъ, прибылъ на уроч. Онъ-арча 8 мая[170]. Съ прибытіемъ полка, весь бывшій здѣсь отрядъ поступилъ подъ начальство командира этого полка подполковника Гринвальдъ. 19 же мая весь Нарынскій отрядъ, для болѣе удобнаго наблюденія за путями въ Кашгаръ, передвинутъ къ югу отъ укрѣп. Нарынскаго,—въ долину р. Атъ-башъ[171].

Подъ гор. Кульджей расположился главный отрядъ изъ 14 ротъ пѣхоты, 10 орудій, 3-хъ сибирскихъ сотенъ и № 2-го льготнаго семирѣченскаго полка, бывшаго подъ командой полковника Принцъ. Отъ этого отряда выставлены уже меньшіе, наблюдательные, на Шараходе, Талки и Цитерты[172].

№ 3-й-же льготный полкъ войскового старшины Щербакова[173], состоявшій всего изъ трехъ сотенъ, былъ разбросанъ по сотенно: въ Каптагайской тѣснинѣ, на уроч. Чиндалъ[174], въ укрѣпл. Бахты и въ гор. Вѣрномъ[175].

Мѣры-ли, принятыя нами для защиты границы, или какія либо иныя обстоятельства разстроили китайскій планъ вторженія, но только столкновенія не послѣдовало и мобилизованныя части Семирѣченскаго войска, простоявъ на занятыхъ ими пунктахъ до глубокой осени,—между 22 сентября и 7 ноября были послѣдовательно расформированы[169].

1879 годъ прошелъ спокойно, но уже въ концѣ его снова появились признаки военныхъ приготовленій въ восточныхъ

провинціяхъ Китая. Ранней весной 1830 года вѣроятность предстоявшаго столкновенія съ китайцами, предполагавшими возвратить Кульджинскій районъ на условіяхъ иныхъ, чѣмъ желало русское правительство, стала такъ велика, что опять явилась настоятельная необходимость въ сосредоточеніи нашихъ войскъ на границѣ и семирѣченскіе льготные полки снова призваны на полевую службу.

Съ 20 марта 1880 года началась мобилизація 2-го полка, а чрезъ мѣсяцъ и 3-го ([176]). Такая разсрочка мобилизаціи льготныхъ полковъ произошла не въ зависимости отъ обстоятельствъ военныхъ, а исключительно вслѣдствіе тяжелаго экономическаго положенія семирѣченскихъ казаковъ.

Лѣто предъидущаго года дало крайне малый урожай травъ, послѣдствіемъ чего зимой 1879-80 года былъ голодъ скота и казачье населеніе лишилось массы домашнихъ животныхъ, а въ томъ числѣ и большого количества лошадей. Въ виду такого положенія—мобилизація льготныхъ полковъ была отсрочена и разсрочена насколько представилось возможнымъ и въ помощь нѣкоторымъ казакамъ, явившимся въ полки пѣшими или худоконными, пришлось выдать изъ войскового капитала въ ссуду до двухъ тысячъ рублей на заведеніе или обмѣнъ лошадей ([176]). Оба мобилизованныхъ полка(*) были направлены въ Кульджу, гдѣ изъ ихъ состава выдѣлены 98 человѣкъ для сформированія ракетной батареи. № 2 и 3-й полки съ этой батареей составили здѣсь особую бригаду, двинутую потомъ къ верховьямъ р. Кашъ.

Въ составъ бригады была назначена и № 5-я конная Оренбургская батарея, пришедшая сюда изъ Ташкента; но батарея эта, первое время, въ іюнѣ и іюлѣ, когда бригада располагалась въ верховьяхъ р. Кашъ, по непроходимости для полевой артиллеріи переваловъ и горныхъ тѣснинъ на пути къ лагерю бригады, осталась въ аріергардѣ, подъ прикрытіемъ одной сотни № 3-го полка и соединилась съ бригадой, когда послѣдняя спустилась съ горныхъ высей въ долину р. Кашъ.

№ 1-й-же семирѣченскій полкъ, которымъ съ іюля 1879 г. командовалъ полковникъ Принцъ ([177]), былъ раздѣленъ по дивизіонно: 1-я и 2-я сотни расположены въ Кульджинскомъ районѣ близъ озера Сайрамъ-норъ, у перевала Талки, а 3-я и 4-я, со штабомъ полка, въ долинѣ Атъ-башъ, въ Нарынскомъ отрядѣ, который составлялъ часть особаго, самостоятельнаго Ферганскаго отряда.

(*) Полками командовали: № 2-мъ войск. старш. Маріуца, а потомъ, съ конца сентября 1880 г. войск. старш. Дубровинъ; № 3-мъ подполк. Щербаковъ (прик. по войску 1880 г. №№ 7 4, 87 и 222).

И въ этотъ году китайцы не предприняли никакихъ рѣшительныхъ противъ насъ дѣйствій, почему въ первыхъ числахъ октября, т. е. когда горные проходы со стороны Китая стали недоступны. Семирѣченская бригада сосредоточена въ Кульджѣ, а отсюда двинута къ своимъ роспускнымъ пунктамъ въ г.г. Вѣрный и Копалъ, гдѣ 20 и 21 октября расформирована.

Однако, опасность вооруженнаго столкновенія была еще на столько велика, что при роспускѣ 2-го и 3-го полковъ отъ казаковъ потребована полная готовность къ походу по первому требованію, для чего даже ихъ строевыя лошади оставлены на нѣкоторое время на казенномъ довольствіи ([178]).

Наконецъ, въ началѣ 1883 года, съ китайскимъ правительствомъ былъ заключенъ трактатъ, по которому Кульджинскій районъ, на опредѣленныхъ въ трактатѣ условіяхъ, Россія возвращала Китаю и 10 марта этого года нашъ оккупаціонный отрядъ перешелъ р. Хоргосъ, назначенную новой границей между двумя государствами ([179]).

Послѣдняя мобилизація въ Семирѣченскомъ войскѣ была произведена въ 1900 году, вслѣдствіе ожиданія тогда военныхъ дѣйствій со стороны Китая, на границѣ Семирѣченской области, какъ отраженія извѣстныхъ событій того года въ Пекинѣ.

Высочайшее повелѣніе о мобилизаціи войска было получено въ Вѣрномъ 9 іюля и первымъ днемъ ея назначено 10 е число этого мѣсяца

Полки 2-й и 3-й для ускоренія мобилизовались смѣшаннымъ порядкомъ, т. е. въ оба полка поступали нижніе чины второй и третьей очередей; сборными пунктами служили: для 2-го полка—станица Б.-Алматинская, а для 3 Капальская ([180]).

Оба были готовы и поступили изъ вѣдѣнія войскового начальства въ распоряженіе командующаго войсками Семирѣченской области—№ 2 й—18 іюля, и № 3-й—24-го([181]). Нѣсколько далѣе затянулось формированіе запасной конной сотни, въ которой, собственно, и не было немедленной нужды; для образованія этой сотни казаки сѣверныхъ станицъ въ числѣ 118 человѣкъ прибыли на сборный пунктъ въ г. Вѣрный—17 августа, а 10[illegible] человѣкъ южныхъ станицъ—28-го и сотня поступила въ вѣдѣніе командующаго войсками области уже 1-го сентября([182]).

Командирами мобилизованныхъ частей назначены: № 2 полка войсковой старшина Вязигинъ, № 3-го—войсковой старшина Гордодѣловъ, запасной конной сотни есаулъ Александ-

ровъ(183); № 1-мъ же полкомъ продолжалъ командовать полковникъ Щербаковъ*).

Мобилизованныя части расположены: запасная сотня въ г. Вѣрномъ; № 1 полкъ въ гор. Джаркентѣ, оттуда на нѣкоторое время, въ составѣ отряда, бывшаго подъ начальствомъ командира этого полка, передвигался даже за границу; № 2-й льготный былъ разбросанъ отдѣльными сотнями въ городахъ: Вѣрномъ, Токмакѣ, Пржевальскѣ и укрѣп. Нарынскомъ № 3-й же льготный, еще во время самой мобилизаціи, 19 іюля, выслалъ 1-ю и 3-ю сотни въ укрѣп. Бахты(185); 24-го августа на усиленіе гарнизона этого укрѣпленія была двинута и 2-я сотня(186), а 7 сентября туда-же направленъ и штабъ № 3-го полка, оставивъ 4-ю сотню въ Капалѣ(187). Однако еще въ половинѣ сентября стало очевиднымъ, что, вслѣдствіе мѣстныхъ экономическихъ условій, содержать въ укрѣпленіи Бахтахъ 3 семирѣченскихъ, 1 сибирскую сотни и конно-горный артиллерійскій взводъ—крайне затруднительно, почему двѣ сотни № 3-го полка и передвинуты 27 сентября на зимнюю стоянку въ сел. Ивановское (Маканчи), въ 56 верстахъ къ сѣверу отъ Бахтовъ(188).

Во время этой мобилизаціи № 3-й льготный полкъ и получилъ свое знамя.

Такъ какъ при образованіи Семирѣченскаго войска въ 1867 году ему были переданы изъ Сибирскаго только два знамени, для 1-го и 2-го полковъ, то, поэтому 2 августа 1900 года состоялось Высочайшее повелѣніе о пожалованіи знамени и № 3-му Семирѣченскому полку (189).

Въ концѣ сентября 1900 года явилась возможность уменьшить численность мобилизованныхъ войскъ, почему изъ 2-го и 3-го льготныхъ полковъ и запасной сотни были уволены нижніе чины третьей очереди и запаснаго разряда. А такъ какъ полки эти были мобилизованы смѣшаннымъ порядкомъ, то, послѣ увольненія изъ нихъ казаковъ третьей очереди, съ октября мѣсяца, они уже остались въ двухсотенномъ составѣ(190).

Въ началѣ ноября того же года демобилизованъ № 1-й полкъ.

Весною-же 1901 года опасность вооруженнаго столкновенія на границѣ окончательно миновала, почему мобилизованные полки были одинъ за другимъ распущены: № 2-й 14-го а № 3-й 19 апрѣля(191).

---

*) Послѣ полковника Принцъ, съ марта 1888 г., № 1 Семир. полкомъ вр. командовалъ войск. старшина Машинъ, а съ 29 августа тогоже года въ командованіе полкомъ вступилъ полковникъ Щербаковъ(184).

Печальной памяти японская война, за отсутствіемъ желѣзно-дорожнаго пути изъ Семирѣчья въ Сибирь и вслѣдствіе вѣроятности осложненій и здѣсь, на китайской границѣ —не затронула Семирѣченскаго казачьяго войска; его населеніе съ напряженнымъ вниманіемъ только издали слѣдило за перепетіями этой неудачной для оружія русскихъ борьбы.

ИСТОЧНИКИ

къ части 2-й, главѣ 4-й исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска.

№№ по порядку.

1 Архивъ упр-нія Вѣрненскаго уѣзда По общей описи дѣло 1855 г. № 38/5 ([35]), листъ 1, р-тъ. подполк. Перемышльскаго 23 января 1855 г. № 48 к-ру отд сибир. кр-са.

2 Тамъ-же, листъ 2, р-тъ того-же пристава 16 февраля 1855 года № 98.

3 Тамъ-же, листъ 13, р-тъ Перемышльскаго 9 марта 1855 г. № 161 к-ру отд. сиб. кр-са; листъ 37—его-же р-тъ 10 мая 1855 г. № 317; листъ 39—его-же предложеніе 11 мая 1855 г. № 323 полк. Хоментовскому.

4 Тамъ же, листъ 15—секрет предписаніе к-ра отд. сибир. кр-са 24 февр. 1855 г. № 214 приставу Перемышльскому.

5 Тамъ-же, листъ 54—р-тъ того же пристава 28 мая 1855 г. № 364 к-ру отд. сибир кр-са.

6 Тамъ-же, листъ 48 - р-тъ того же пристава 18 мая 1855 г. № 341—к-ру кр-са.

7 Тамъ-же, листъ 59—р-тъ того-же пристава 7 іюня 1855 г. № 384 к-ру кр-са и примѣч 5-е здѣсь.

8 Тамъ-же, дѣло 1855 г. № 47/15 ([45]), листъ 1—р-тъ того-же пристава 9 сентября 1855 г. № 536 к-ру кр-са; листъ 64—тоже 4 нояб. № 682 и листъ 70 предпис. к-ра кр-са 3 дек. 1855 г. № 1166 Перемышльскому.

9 Памятная книжка Семирѣч. област. статист. комитета на 1905 годъ. В. Недзвѣцкій. Лѣтопись главнѣйшихъ событій въ исторіи Семирѣчья, стр. 18. Вѣрный изд. 1905 г.

10 Арх. войсков. пр-нія Семир. к. в; оп. дѣлъ, поступ. изъ разн. учрежденій, дѣло 1859 г., № 29, листъ 3, „1855 годъ"; источникъ, указ. въ предъид. примѣч. здѣсь, стр. 19 и 20.

11 Тотъ-же архивъ и дѣло, листъ 4 „1856 годъ; арх. упр-нія н-ка Вѣрненскаго уѣзда, по общей описи дѣло 1861 года № 518/82, листъ 4, справка о нахожденіи есаула Бутакова въ походахъ; источникъ, указ. въ примѣч. 9 здѣсь, стр. 21.

12 Арх. упр-нія н-ка Вѣрн. уѣзда, по общ. оп. д 1861 г. № 234, листъ 13, р-тъ н-ка Алатавскаго округа 7 января 1862 г. № 20 генер.-губерн. Зап.-Сибири.

13 Тамъ-же, дѣло 1859 г., № 191/126, листъ 9, сообщеніе

кульджинскаго консула 31 окт 1359 г. № 132 н-ку Алатав. Округа.

14 См. источникъ, указ. въ примѣч. 9 здѣсь. стр. 25-ю.

15 Арх. Войск. пр-нія Семир к. в; оп дѣлъ 2 льгот. полка; дѣло 1879 г. № 89/350, листъ 55, послужн. списокъ есаула Осипова.

16 См. источникъ, указ. въ примѣч. 9 здѣсь стр. 27-ю.

17 Арх. упр-нія н-ка Вѣрненск уѣзда, по общ описи дѣло 1859 г. № 180/115, листъ 13 и слѣд. р-тъ н-ка Алатавскаго округа 22 января 1860 г № 149 к-ру кр-са.

18 Тамъ-же, дѣло 1859 года № 188/123, листъ 4, р-тъ н-ка Алатавскаго окр. 20 окт. 1859 г. № 1943 к-ру кр-са

19 Тамъ-же, листъ 13, предпис. н-ка Алатав окр. 28 ноября 1859 г. к-щему Кастек. казач. отрядомъ; дѣло 1858 года, № 100/99, листъ 17, письмо генерала Гасфордта маіору Колпаковскому 6 нояб 1859 г. № 1306.

20 Тамъ-же, тоже дѣло № 100/99, листы 11, 13 и 14, письма генер. Гасфордта маіору Колпаковскому отъ 1, 15 и 20 октяб. 1859 года.

21 Тамъ-же, дѣло 1859 г. № 191/126, листы 7 и 9, письма маіора Колпаковскаго 19 окт 1859 г. № 1923 консулу Захарову и отъ Захарова Колпаковскому 31 окт. № 132.

22 Тамъ-же, дѣло 1859 г. № 224/157, листъ 6 и 38 предпис. н-ка Алатав. окр. 5 янв 1860 г. № 14 старш. султану Тезеку Нураліеву и 4 февр. № 247 сотнику Жеребятьеву.

23 Тамъ-же, листъ 40, донесеніе н-ка Алатав. окр 5 февр. 1860 г. № 256 к-ру кр-са и его-же предпис. № 247, указ. въ предъид. примѣчаніи.

24 Тамъ-же, листъ 65, донесеніе н-ка Алатав. окр. 26 февр. 1860 г № 399 к-ру кр-са.

25 Тамъ-же, листъ 193, р-тъ сот. Жеребятьева 31 марта 1860 г. № 14 н-ку Алатав. округа.

26 Тамъ же, листъ 153—предпис. н-ка Алатав. окр. 6 апр. 1860 г. № 715 н-ку заилійск. каз. отряда войск. ст. Шайтанову; листъ 168—р-тъ н-ка Алатав. окр. 7 апр. 1860 года, № 7[illegible]4 генер.-губ. Зап.-Сибири.

27 Тамъ-же, листъ 391, р-тъ н-ка Алатав. окр. 14 мая 1860 г. № 1095 генер.-губ Зап.-Сибири.

28 Тамъ-же листъ 225, предпис. к-ра отд. сиб. кр-са 10 апр. 1860 г. № 585 капитану Венюкову.

29 Тамъ-же листъ 452—р-тъ кап Венюкова 21 мая 1860 г. № 33 н-ку Алатав. округа

30 Тамъ-же, листъ 514, р-тъ кап. Венюкова 3 іюня 1860 г.

№ 42 тому-же н-ку.

31 Тамъ-же, дѣло 1860 г., № 280/62, листъ 6. предпис. н-ка Алатавск. окр. 18 іюня 1860 г. № 1360 сот. Жеребятьеву и листъ 11 р-тъ Жеребятьева 10 іюля 1860 г. № 81 н-ку Алатав окр.

32 Тамъ-же, листъ 23. предпис. н-ка Алатав. округа 8 августа 1860 г. № 1737 сотн Жеребятьеву.

33 Тамъ-же, дѣло 1860 г. № 312/95, листъ 2, предпис. к-ра отд. сибир. кр-са 21 іюня 1860 г. № 64 полк Циммерману; А. Макшеевъ. Историческій обзоръ Туркестана С. П. Б. 1890 г. стр. 210.

34 Тамъ-же, дѣло 1860 г. № 318/101, листъ 26, предписаніе к-ра отд. сиб. кр-са 27 іюля 1860 г. № 1106 к-щему войсками въ Заилійскомъ краѣ полковн. Циммерману.

35 См. первую часть примѣчанія 33.

36 Тамъ же, дѣло 1860 г. № 304/87, листъ 4. р-тъ к-щаго гарнизономъ Кастека 4 іюля 1860 г. № 239 н.ку Алатав округа.

37 Тамъ-же, листъ 6, приказъ по Алатав. округу 4-го іюля 1860 г. № 32.

38 Тамъ-же, листъ 25, донесеніе н-ка Алатав. округа 8-го іюля 1860 г. № 1472 к ру кр-са.

39 Тамъ-же, листъ 30, донесеніе того-же н-ка 8 іюля 1860 г. № 1480 к-ру кр-са и листъ 40—р-тъ завѣдующаго гарнизономъ Кастека 9 іюля 1860 г. № 248 н-ку Алатав. округа.

40 Тамъ-же, листъ 37 донесеніе н-ка Алатав. окр. 8 іюля 1860, г. № 1484 и дѣло 1860 г. № 312/95, листъ 9, предпис. к-ра отд. сиб. кр-са 3 августа 1860 г. № 1158 н-ку Алатав. окр.

41 Донесеніе н-ка Алатавскаго окр. за №№-рами 1480 1484 указ. въ примѣчаніяхъ 39 и 4 -мъ; дѣло № 312/95, указ. въ примѣч. 33, листъ 81 предпис. н-ка Алатав окр. 6 октября 1860 г. № 2091 старшему султану полковнику Али-Адиль.

42 См. вторую часть примѣч. 40; листъ 32, указ. въ этомъ примѣч. дѣла—донесеніе н-ка Алатав окр. 23 августа 1860 г. № 1899 и. д. Семипалат. воен. губернатора генер. Попову.

43 См. источникъ, указ. во второй части примѣч. 42-го.

44 А. Макшеевъ. Историческій обзоръ Туркестана стр. 208 и 209. Ар войск. пр-нія: оп. дѣл. к-ра 2-го семир. льгот. полка, дѣло 1879 г. № 89/350, листъ 66, послужной списокъ есаула Жеребятьева; оп. дѣлъ воен. отдѣленія, дѣло 1879 г. № 5/32, листъ 92, послужной списокъ есаула Угренинова. Арх. упр-нія н-ка Вѣрненскаго уѣзда, по общ оп. дѣло 18[illegible]0 г., № 318/101, листъ 42, предпис. к-ра отд. сиб. кр-са 22 сент. 1860 г. № 1458 н-ку Алатавскаго округа.

45 Дѣло № 312/95, указ. въ примѣч 33, листы 92 и 97, письма: полк. Циммермана 22 сент 1860 г. к-ру кр-са и к-ра кр-са 20 окт. 1860 г. Циммерману.

46 А. Макшеевъ. Истор. обзоръ Туркестана стр. 209 и 210.

47 Арх упр-нія н-ка Вѣрненск. уѣзда, по общ. оп. дѣло 1861 г. № 564|30, листы 4 и слѣд — представленіе подполк. Колпаковскимъ къ наградамъ за отличіе регулярныхъ частей войскъ, бывшихъ въ бояхъ 19, 20 и 21 окт. 1860 г. при Узунъ-агачѣ и Кара-Кастекѣ, съ описаніемъ ихъ дѣйствій въ бою.

48 Источникъ, указ. въ предъид. 47 примѣч. и А. Макшеевъ, истор. обзоръ Туркестана, ст. 209 и 210

49 Источникъ, указ въ примѣч. 47 и въ томъ-же дѣлѣ, листъ 14.

50 Въ томъ-же архивѣ, по общ. оп. дѣло 1860 г. № 3|8|101, листъ 63, „весьма секрет. предпис." к-ра кр са 24 ноябр 1860 г. № 1776 н-ку Алатавскаго округа.

51 Тамъ-же, листъ 51, письмо генер. Гасфордта 10 ноября 1860 г. подполковн. Колпаковскому.

52 Тамъ-же, дѣло 1861 г. № 314, листъ 3, предпис. вр. к-щаго кр-сомъ 20 янв. 1861 г. № 130 н-ку Алатавск. окр.

53 Тамъ же, дѣло 1860 г. № 442|226, листъ 15, р-тъ н-ка Алатав. окр. 3 фев 1861 г. № 8 вр к-щему кр-сомъ.

54 Тамъ-же, дѣло 1861 г. № 314, листъ 8, предпис к ра кр-са 5 авгус. 1861 г. № 1242 н-ку Алат. окр.

55 А. Макшеевъ. Истор. обзоръ Туркестана стр. 211.

56 Арх. штаба войскъ Семир. обл., оп. дѣлъ стр. отд. Дѣло по занятію Туркест. края со времени движенія къ Пишпеку: листъ 10 — р-тъ н-ка Алатав. окр 19 апр. 1862 г. № 4 Семипалат. воен. губернатору, при рапортѣ стр. записка о составѣ за-чуйскаго отряда и листъ 12 — р-тъ к-щаго Заилійскимъ каз. отрядомъ 17 апр. 1862 г. № 2 тому же губернатору.

57 Арх. упр-нія н-ка Вѣрн. уѣзда, по общ. оп дѣло 1860 г. № 397|178, листъ 1, предпис. к-ра кр-са 8 нояб. 1860 г. № 8319 н-ку Алат округа

58 Листъ 19 дѣла, указ. въ примѣч. 56, р-тъ н-ка Алатав. окр. 25 апр 1862 г. № 21 тому-же губернатору

59 Тамъ-же, листъ 24, р-тъ н-ка Алтав. окр. 6 мая 1862 г. № 28 тому-же губернатору.

60 Тамъ-же, листъ 72, р-тъ того-же лица 25 сент. 1862 г. № 38 тому-же губернатору.

61 Примѣч. 60 и въ томъ-же дѣлѣ листъ 84, предпис. к-ра кр-са 17 сентяб 1862 г. № 1271 н-ку Алатав. окр.

62 Тамъ-же листы: 75 р-тъ на-ка Алатав окр. 1 окт. 1862 г. № 1981 Семипалат. воен. губернатору и 91 строев. записка

о числит. войскъ за—чуйскаго отряда 7 окт. 1862 г.

63 Тамъ-же, листы 89 и 96: рапорты н-ка Алатав. окр. 5 и 13 октяб. 1862 г. № 65 и 68 Семипалат. воен. губернатору; въ томъ же арх. дѣло объ осадѣ коканск. крѣп. Пишпекъ въ 1862 г., листъ 45, приказъ войск. заилійскаго края 2 окт. 1862 г. № 28.

64 См. въ примѣч. 63 р-тъ № 68.

65 Дѣло, указ. въ примѣч. 56, листы 102, 114 и 117, донесенія н-ка Алтав. окр 16, 24 и 26 окт. 1862 и №№ 87, 91 и 94 Семипалат. воен. губернатору — содержать полное и подробное описаніе осады Пишпека.

66 Тоже дѣло, листъ 135, донесеніе того-же лица 2 ноябр. 1862 г. № 107 тому-же губернатору.

67 Арх. упр-нія н-ка Вѣрн. уѣзда, по общ оп. дѣло 1862 г. № 128, листы: 5—предпис. штаба отд. Сибир. кр-са 21 іюня 1862 г. № 912 н-ку Алатав. окр. и 10 й—предпис. Семипал. воен. губернатора 29 іюня 1862 г. № 781 тому-же н-ку.

68 Тамъ-же, листъ 35, сообщеніе кульджинскаго консула 7 авг. 1862 г. № 105 н-ку Алатав. окр.

69 Тамъ-же, листъ 59, р-тъ к-ра 4 й роты 6 Сибир. лин. б-на подпор. Антонова 16 авг. 1862 г. № 425 н-ку Алатав. окр.

70 Тамъ же, листъ 61, р-тъ того-же к-ра и туда-же 15 авг. 1862 г. № 424 примѣч 69.

71 Тамъ-же, листъ 82, донесеніе н-ка Алатав. окр 19 авг. 1862 г. № 1606 к-ру кр-са.

72 Тамъ-же, листы 140 и 173 донесенія н-ка Кышмурунскаго отряда подпор. Антонова 2 сент. и 6 окт. 1862 г. № № 473 и 515 н-ку Алатав. окр.

73 А. Макшеевъ истор. обзоръ Туркестана, стр. 212.

74 Арх упр-нія н-ка Вѣрн. уѣзда, по общ. оп. дѣло 1863 г. № 231, листы 11 и 228, предпис. к-ра кр-са 26 марта и 25 апр. 1863 г. №№ 505 и 928 н-ку Алатав. округа.

75 Арх. и дѣло указ. въ въ примѣч 56, листы: 159—предписаніе штаба отд. Сиб. к-са 28 мар 1863 г, № 533 Семипалат. воен губернатору и 165 донесеніе Алатав. воен. окр. упр-нія 5 апр. 1863 г. № 819 к-щему войск. Семипал. обл.

76 Тамъ-же листъ 178,—строев. записка о числѣ войскъ за чуйскаго отряда, 4 мая 1863 г.

77 Тамъ-же листы 181 182: р-тъ шт. кап Проценко 4 мая 1863 г. № 13 к-щему войсками Семипалат. обл. и при немъ вѣдомость о числительности отряда.

78 Арх. упр-нія н-ка Вѣрненск. уѣзда, по общ. оп. дѣло

1863 г. № 231, листы 32 и 49: предпис. н ка Алатав. окр. 20 апр 1863 г № 866 войск. старш Бутакову и донесеніе Бутакова 21 апр. 1863 г № 1 н ку Алатав. окр.

79 См. р-тъ Проценко № 13 указ. въ примѣч. 77 и въ томъ же дѣлѣ листъ 177—р-тъ н-ка Алатав. окр. 4 мая 1863 г. № 23 к-щему войск. Семипалат. области.

80 Въ томъ-же дѣлѣ (примѣч. 79 и 56) листы 189 и 207, донесенія Проценко 11 и 15 мая 1863 г. № 16 и 29 к-щему войск. Семипалат. области.

81 Тамъ-же, листъ 276 такое-же донесеніе 20 іюня 1863 г. № 67 тому-же лицу.

82 Тамъ-же, листъ 220, донесеніе Проценко 25 мая № 41 тому-же лицу.

83 Тамъ-же. листъ 228, такое-же донесеніе 30 мая № 47 — тому-же лицу.

84 Тамъ-же, листъ 232, такое-же донесеніе 31 мая № 49 тому-же лицу.

85 Тамъ-же, листъ 245, такое-же донесеніе 9 іюня № 59, тому-же лицу.

86 Тамъ-же, листъ 271, такое-же донесеніе 13 іюня № 65 тому-же лицу.

87 Тамъ-же, листъ 290, такое-же донесеніе 26 іюня № 71 тому-же лицу.

88 Арх. упр. нія н-ка Вѣрн. уѣзда, по общ описи дѣло 1863 года № 231, листъ 22, предпис. штаба отд Сибир. кр са 30 марта 1863 г. № 553 н-ку Атататвск. окр.

89 Въ томъ-же дѣлѣ листъ 50, такое-же предпис. тому-же лицу 12 апрѣля 1863 г. № 592 и примѣчанія 74 и 75

90 Въ дѣлѣ, указ. въ примѣч. 88, листъ 59, р-тъ Алатав. воен.-окр. упр-нія 25 апр. 1863 г. № 928 к-ру кр-са.

91 Тамъ-же листъ 140, донесеніе н-ка Алатавск. окр. 13 мая 1863 г. № 49 к-ру кр-са.

92 Тамъ-же листъ 135. предпис н ка Алатав. окр. 13 мая 1863 г. № 43 подполковн. Лерхэ; въ дѣлѣ, указ. въ примѣч. 56. листъ 197—строев. записка о числит. летучаго отряда; примѣч 91.

93 Въ дѣлѣ, указ въ примѣч. 88, листъ 122. предпис. н-ка Алатав, окр. 12 мая 1863 г. № 44 подпол. Лерхэ и такое-же предпис. № 43, указ. въ примѣч 92

94 Въ томъ-же дѣлѣ: листы 144, 168 и 172. донесенія: н-ка Алатав. окр. 13 и 18 мая, №№ 47 и 67—подполк. Лерхэ 17 мая 1863 г. № 2—всѣ три к-ру кр-са.

95 Тамъ-же листы 209 и 216—письма Лерхэ 23 и 25 мая

№№ 8 и 10 генер. Колпаковскому; листъ 254—мнѣнія военнаго совѣта составленнаго изъ начальниковъ частей летучаго отряда 24 мая 1863 г. въ лагери на р. Таласъ.

96 Тамъ-же листы 205 и 217—письма генер. Колпаковскаго 25 и 28 мая №№ 10 и 11 подполковнику Лерхэ.

97 Тамъ-же листъ 326—письмо Лерхэ 27 мая № 11 генер. Колпаковскому.

98 Тамъ-же листъ 331, предпис. н-ка Алатав. округа 29 мая № 100 подполковнику Лерхе.

99 Тамъ-же листъ 263, р-тъ подпол-ка Лерхэ 3 іюня № 9 нач-ку Алатав. округа.

100 Тамъ-же листъ 280, продпис. подпол-ку Лерхэ 10 іюня № 115 н-ка Алатав. окр.; дѣло, указ. въ примѣч. 56, листъ 236, донесеніе н-ка Алатав. окр. 10 іюня 1863 г. № 127 к-щему войсками Семипалат. обл.

101 Въ дѣлѣ, указ. въ примѣч 88, листъ 329, р-тъ н-ка Алатав. окр. 8 іюля 1863 г № 163 к-ру кр-са.

102 Въ томъ-же дѣлѣ листы 50 и 73: предпис. к-ра кр-са 12 апр. 1863 г. № 592 н-ку Алатав. окр и предпис. этого н-ка к-щему артиллеріей Заилійск. края 30 апр. 1863 г. № 1012.

103 Дѣло, указ въ примѣч. 56, листъ 155, р-тъ Алатавск. военно окруж. упр-нія 20 марта 1863 г. № 574 к-щему войск. Семипалат. обл.

104 Весь этотъ пограничный инцидентъ изложенъ на основ. источниковъ, указ. здѣсь въ примѣч 100, но главнымъ образомъ по копіи съ подлиннаго донесенія объ этомъ инцидентѣ кап. Голубева 1 іюня 1863 г № 35 „Первому комиссару по разграниченію Россіи съ Китаемъ г-ну генеральнаго штаба полковнику и кавалеру Бабкову“, засвидѣтельствованной собственноручно самимъ кап. Голубевымъ, хранящейся въ библіотекѣ автора настоящаго труда, какъ и нижеслѣдующіе документы.

105 1) Подлинное отношеніе кап. Голубева 1 іюля 1863 г. № 37 к-щему войсками Капальскаго военнаго окр. полковнику Гурскому и черновики рапортовъ Гурскаго 3 іюня: № 375—к-щему войск. Семипалат. области и № 376 въ штабъ отд. сиб. кр-са.

106 2) Копія (завѣренная маіоромъ Ерковскимъ) рапорта н-ка кышмурун. отряда маіора Ерковскаго 19 іюня 1863 г. № 14 „н-ку Алатав. окр. и киргизовъ Б.-Орды“.

107 На этой копіи имѣется собственноручная приписка Ерковскаго о полученіи такого извѣщенія и объ отвѣтѣ на него.

108 3) Черновикъ предписанія к-щаго войсками, располож. въ

г. Капалѣ 2 іюля 1863 г. № 516 к-щему верх-лепсинск. казач. отрядомъ есаулу Козлову.

109 4) Подлинное сообщеніе н ка Алатав. окр. 28 іюля 1863 г. № 200 к-щему войсками въ г. Капалѣ.

110 5) Подлинный рапортъ к-щаго кышмурун. отрядомъ 27 сент. 1863 г. № 228 к-щему войсками въ г. капалѣ.

111 Арх. н-ка Вѣрн. уѣзда, по общ. оп. дѣло 1863 г. № 154, листы 88, 89 и 94, алфавитный наградной списокъ на маіора Елинскаго и хорунжаго 6 полк. окр. Сибир к. войска Вардугина 2-го.

112 Арх. штаба войскѣ Семир. обл; по опис. дѣлъ стр. отд. дѣло 1866 г. о китайской инсуррекціи, т. III, листъ 66, отношеніе штаба войскъ Зап. Сибири 26 дек. 1864 г. № 2330 к щему войсками Семипалат. обл

113 А. Макшеевъ Истор. обзоръ Туркестана. стр. 219—227.

114 Въ дѣлѣ, указ. въ примѣч. 112, т. II. листъ 62, копія доклада по 1 му отдѣл. Зап. Сибирск. окруж. штаба 15 февр 1866 г.; архивъ н-ка Вѣрн. уѣзда, по общ., оп. дѣло 1867 г. № 57, листъ 1, предложеніе к щаго войск Семипалат. обл. 22 февр 1867 г. № 74 н-ку Алатавск. округа.

115 Источникъ указанъ въ примѣч. 9, стр. 30 и 31.

116 Прик по войск. Туркест воен окр. 1868 г. № 198. Арх. штаба войскъ Семир. обл., оп. д. стр. отд., дѣло о выставленіи отрядовъ на границѣ Семирѣч. области 1868 г., листъ 21, приказъ по войскамъ нарынскаго о ряда 1868 г. № 72 п. 2.

117 Отчетъ о состояніи Семир. к. войска за 1868 годъ.

118 Послужной списокъ есаула Угренинова—архивъ войсковаго пр-нія Семир. к. в., оп. д. воен. отд., дѣло 1879 года, № 532, листы 92 и 93.

119 Арх. штаба войскъ Семирѣч обл., оп. д. стр. отд., дѣло „журналы событій на границѣ Семир. области“ 1871 г., листъ 151, журналъ за февраль 1871 г.

120 Тамъ-же, дѣло съ выписками изъ журналовъ о событіяхъ на границѣ съ Китаемъ 1869 г., журналъ о событіяхъ въ пограничной части Сергіопольск. уѣзда за августъ 1869 года; приказъ по войскамъ Туркестан. воен окр. 1870 г. № 2.

121 Тамъ же (примѣч. 120), такіе же журналы за сентябрь и октябрь 1869 г.; тотъ-же приказъ № 2.

122 Приказы по войск. Туркестан. воен окр. 1870 г. № 2 и 1873 г. № 163.

123 Арх. штаба войскъ Семир обл., оп. д стр. отд дѣло о слухахъ на границѣ Семир. области, листъ 36, р-тъ н-ка южно

тарбогатайскаго отряда 12 апр. 1870 г. № 302 Семир. воен. губернатору; тамъ-же дѣло „журналы о событіяхъ на границѣ Семирѣч. области“ 1871 г., листъ 151, журналъ политическихъ и военныхъ событій по границѣ Семирѣч. области за февраль 1871 г.

124 Тотъ же архивъ и оп., дѣло „по перепискѣ съ к-щимъ войсками Туркест воен. окр о занятіи ханства кульджинскаго“ 1871 г., листъ 12, секрет. предложеніе штаба войскъ Туркест. воен. окр. 23 сент. 1870 г. № 61 к-щему войсками Семир. области.

125 Приказъ по войскамъ Туркест. воен окр. 1872 г. № 291.

126 Тотъ-же арх. и оп Семир. штаба, дѣло, указ. во 2 части примѣч 123, листъ 74, журналъ полит. и воен. событій по границѣ Семир. обл. за январь 1871 г.

127 Источники, указ. въ примѣч. 124, 125 и мног др.

128 Дѣло, указ въ примѣч. 124, листъ 15, предложеніе Туркестан. окр. штаба 26 февраля 1871 г. № 15 к-щему войск. Семир. области.

129 Дѣло, указ. во 2 части примѣч. 123 листъ 118, такой-же журналъ за апрѣль 1871 г.

130 Источникъ, указ. въ примѣчаніи 129 и въ томъ-же дѣлѣ, листъ 292, предложеніе Семирѣченскаго военнаго губернатора 27 апрѣля 1871 года № 2611 Вѣрненскому уѣздному начальнику.

131 Вторая часть примѣч. 130 и перечень дѣлъ съ непріятелемъ, прилож. къ приказу по войскамъ Туркестанскаго воен. окр. 1873 г. № 163

132 Дѣло, указ. во второй части примѣч. 123, листъ 125, такой-же, какъ и въ примѣч. 123, журналъ за май 1871 года; упомянутый въ примѣч 131 перечень при приказѣ № 163.

133 Дѣло, указ. въ примѣч. 124, листъ 46, р-тъ к щаго войсками Семир. обл. 22 мая 1871 г. № 3333 к-щему войсками Туркест. воен. окр.

134 Дѣло, указ во второй части примѣч 123, такой же, какъ и въ примѣч. 123, журналъ за іюнь 1871 г.

135 Библіотека автора, записанный имъ со словъ очевидца — участника этого боя разсказъ.

136 Дѣло, указ. во второй части примѣч 123, такой-же, какъ и въ примѣч. 123, журналъ за іюль 1871 г.

137 А. Макшеевъ Истор. обз. Туркестана. Стр. 287 и 288.

138 Ф Лобысевичъ Описаніе Хивинскаго похода 1873 г. Составленное по матеріаламъ особой комиссіи, учрежденной тотчасъ послѣ похода, подъ предсѣдательствомъ бывшаго на-

чальника полевого штаба. С.П Б. 1898 г. стр. 27—34 и др.

139 Приказъ по войскамъ Туркест. воен. окр. 1873 г. № 53.

140 Приказы по Семир. к. войску 1873 г. № 24 и 111.

141 Источникъ, указ. въ примѣч. 138. стр. 104—170 и друг. Вѣдомость „Б“, прилож. къ приказу по войскамъ Туркестан. воен. окр. 1876 г. № 9. Разсказы, записанные авторомъ со словъ очевидцевъ участниковъ похода.

142 Приказъ по войск. Туркест. воен. окр. „особый“ 1873 г. № 33.

143 Источникъ, указ. въ примѣч. 138, стр. 170 и слѣд. прочіе источники тѣ-же, что въ примѣч. 141.

144 Высочайшій приказъ 17 апрѣля 1875 г. и Выс. повелѣніе 1 марта 1882 г. Прик. по воен. вѣд. 1882 г. № 76.

145 Воен. сборникъ 1876 г. №№ 1 и 2; ст. „Военныя дѣйствія противъ коканцевъ въ 1875 г.“. составл. по оффиціальнымъ донесеніямъ.

146 Архивъ штаба войскъ Семир. обл., оп. д. стр. отд., дѣло 1875 г. № 93, листъ 4, телеграмма изъ Ташкента 13 августа 1875 г. „въ Вѣрный, губернатору“.

147 Тамъ-же, листъ 8, телеграмма вр. к-щаго войск. округа генерала Бардовскаго 14 августа 1875 г. вр. к-щему войск. Семир. обл. ген. Михайловскому.

148 Тамъ-же, 1) листъ 5, предпис. штаба войскъ Семир. обл. 14 авг. 1875 г. № 4022 к-ру 1 семир. полка; 2) листъ 41; р-тъ к-ра этого полка 15 авг. 1875 г. № 2214 вр. к-щему войск. Семир. обл. 3) Списокъ офицерамъ 2-й сотни, прилож. къ этому р-ту, листъ 42.

149 Тамъ-же, 1) листъ 15. телеграмма вр. к-щаго войсками Туркест. воен. окр. 17 августа 1875 г. вр. к-щему войсками Семир. обл.; 2) листъ 33. предпис. вр. к-щаго войск. Семир. обл. 18 авг. 1875 г. № 4038 Токмак. уѣзд. н-ку.

150 Тамъ-же, 1) листъ 16, телеграмма вр. к-щаго войск. Семир. обл. 18 авг. 1875 г. № 176 Ауліеат. воинск. н-ку маіору Шеметилло; 2) листъ 31, предпис. того-же к-щаго войск. 18 авг. 1875 г. № 4037 к-ру 1 Семир. полка; 3) листъ 33 отнош. того-же к-щаго войск. 1-же авг. № 4038 Токмак. уѣзд. н-ку; 4) листъ 62, р-тъ к-ра 1 Семир. полка 8-же авг. № 2222 вр. к-щему войсками Семир. обл.; 5) листъ 63, списокъ офицерамъ. прилож. къ этому р-ту; 6 прик. по Семир. к. войску 1875 г. 111.

151 Тамъ-же, 1) листъ 64, р-тъ Токмак. воин. н-ка 14 авг. 1875 г. № 636 вр. к-щему войск. Семир. обл.; 2) листъ 68, р-тъ к-ра 2 й семир. полусотни 14 авг. 1875 г. № 640 въ

штабъ войскъ Семир. обл.

152 Тамъ-же, листъ 71, телеграмма (съ уроч. Тогузъ-торау до Токмака съ джигитомъ) полк. Лисовскаго 20 авг. 1875 г. воен. губернатору Семир. области.

153 Тамъ-же, телеграммы: 1) листъ 74, генерала Михайловскаго 23 авг. 1875 г. въ Ташкентъ генералу Бардовскому; 2) листъ 83, отъ послѣдняго первому того-же числа; 3) листъ 84, изъ Пишпека помощника уѣзд. н-ка 24 авг. 1875 г. Семир. воен. губернатору.

154 Тамъ-же: 1) листъ 85, телеграмма генер. Михайловскаго 24 авг. 1875 г. помощнику Токмак. уѣзд. н-ка и пунктъ 3-й предъид. 153 примѣчанія.

155 Тамъ-же, листъ 89, 25 августа № 257.

156 Тамъ же, листъ 97, телеграмма н-ка Токмакскаго отряда полк. Каргеръ 27 авг. 1875 г. к-щему войск. Семир. обл.

157 Тамъ-же, листъ 95, р-тъ полк. Лисовскаго 22 авг. № 9 и. д. воен. губернатора Семир. обл.

158 Тамъ-же, листъ 147, р-тъ полк. Лисовскаго 26 авг. 1875 г. № 15 к щему войск. Семир. области.

159 Тамъ-же: 1) листъ 156, р-тъ н-ка Токмак. отряда 8 сент. 1875 г. № 46 вр. к-щему войск. Семир. обл.; 2) листъ 159, предпис. Семир. штаба 15 сент. № 4486 к-ру Семир. сотни; 3) листъ 164, р-тъ к-ра 1-й Семирѣченской сотни 30 авг. 1875 г. № 101 вр. к-щему войск. Семирѣченской области.

160 Военный сборникъ 1876 г. № 3, продолженіе статьи, указанной здѣсь въ примѣчаніи 145

161 Въ дѣлѣ, указ въ примѣч 146, листъ 199, копія предписанія штаба войскъ, дѣйств. въ Коканск. ханствѣ 20 сент. 1875 г. № 505 н-ку отряда на ур. Атай есаулу Штакельбергу.

162 Тамъ-же, листъ 198, р-тъ н-ка каз. отряда на ур. Атай есаула Штакельберга 24 сент. 1875 г. № 144 к-щему войск. Семир. обл.

163 Источникъ, указ. здѣсь въ примѣч. 160 и Военный Сборникъ 1876-же г. № 8, статья „Военныя дѣйствія въ бывшемъ Коканскомъ ханствѣ съ 25 дек. 1875 г. по 7 фев. 1876 г.“, составленная по офиціальн. донесеніямъ

164 Вѣдомость военныхъ дѣйствій и движеній войскъ, приложенная къ приказ. по войскамъ Туркест. воен. окр. 1879 г. № 153.

165 Приказъ по войскамъ, дѣйст. въ Коканск. ханствѣ, 14 окт. 1875 г. № 33; вѣдомость, приложенная къ приказу, указанному въ примѣчаніи 164; стр. 136 и 137 статьи Воен. сборника № 8, указанной въ примѣчаніи 163; разсказъ, записанный

авторомъ, со словъ очевидца-участника.

166 Источники, указанные въ примѣчаніяхъ 160, въ пунктахъ второмъ и послѣднемъ 165-го.

167 Источники, указанные здѣсь въ примѣч. 163 и въ пунктахъ второмъ и послѣднемъ примѣч. 165.

168 Арх. штаба войскъ Семир обл., оп. д. стр. отд., дѣло 1878 г. № 39, листъ 8, „Журналъ военныхъ и политическихъ событій и слуховъ по границѣ Семирѣч. области и Кульджинскаго раіона и въ сосѣднихъ азіатскихъ земляхъ“ за мартъ 1878 г.

169 Всепод отчетъ о состояніи Семир. к. войска за 1878 годъ.

170 1) Въ дѣлѣ, указ. въ примѣч. 168, листъ 46, такой-же какъ и въ примѣч. 168, журналъ за апрѣль и май м-цы 1878 г; 2) Тамъ-же дѣло 1878 г. № 53, листъ 24, телеграмма н-ка Туркест. окр. штаба 14 марта 1878 г № 1998 генер. Колпаковскому и листъ 91—р-тъ Нарынскаго воинскаго н-ка 8 мая 1878 г. № 548 к-щему войск Семир. обл.

171 Пунктъ 1-й примѣч. 170; въ дѣлѣ, указ. въ примѣч. 170, листы 15 и 115, р-ты к-щаго войск. Семир. обл. 15 марта и 20 мая 1878 г. № 1232 и 2462 к-щему войск. Туркест. окр.

172 Источники, указаны въ примѣчаніяхъ 168 и 171.

173 Тотъ-же архивъ и опись, дѣло 1878 г., № 54, листъ 16, р-тъ к-ра 3 Семир. полка 4 апр. 1878 г. № 560 к-щему войск. Семир. обл.

174 Тамъ-же листъ 11, отношеніе Туркест. окр штаба 13 апр. 1878 г. № 2920 к-щему войскамн Семир. обл. и примѣчаніе 169.

175 Тамъ-же листъ 33 р-тъ упр-нія. Бахтинск. войск. н-ка 8 іюня 1878 г. № 701 въ штабъ войскъ Семир. обл. и источники, указанные въ примѣч. 169 и пунктѣ первомъ 170-го.

176 Всепод. отчетъ о сост. Семир. к. войска за 1880 годъ; приказъ по Семир. к. войску 1880 г. № 74.

177 Высочайшій приказъ 5 іюля 1879 г.

178 Источникъ, указ. въ примѣч 176; прик. по Семирѣч. к. в. 1880 г. №№ 78, 87, 140, 234 и 254 и 1881 г. № 79.

179 Архивъ штаба войскъ Семир. обл, оп. д. стр. отд., дѣло 1883 г. № 46: 1) листъ 3—р-тъ к-щаго войск. Семир. обл. 28 января 1883 г. № 611 к-щему войск. Омск. воен. окр; 2) листъ 32—телеграмма к-щаго войск Семир. обл. 27 февр. 1883 г. н-ку окупаціон. Кульдж отряда полк. Терейковскому и 3) листъ 71—р-тъ н ка этого отряда 9 апр. 1883 г. № 521 к-щему войск. Семирѣч. области.

180 Приказъ по Семирѣч. к. войску 1900 г. № 112.

181 Тоже—1900 г. №№ 114 и 119.
182 Тоже—1900 г. № № 132, 145 и 147.
183 Тоже—1900 г. № № 112, 132 и 154.
184 Тоже 1888 г.—№ 43, 123 и 137; Высочайшій приказъ 31 мая 1888 г.
185 Приказъ по 3-му Семирѣч. полку 1900 г. № 4 (арх. войск. пр-нія Семир. к. в, дѣла № 3 льгот. полка за 1900 г.).
186 Тоже 1900 г. № 41.
187 Тоже 1900 г. № 53.
188 Тоже 1900 г. 74.
189 Высочайшій приказъ 2 августа 1900 г. и прик. по Семирѣч. к. в. 1900 г. 161.
190 Приказъ по Семирѣченскому к. войску 1900 г. № 165.
191 Тоже 1901 г. № № 110 и 117.

ИСТОРІЯ
Семирѣченскаго казачьяго войска.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Развитіе Семирѣченскаго казачьяго войска.

Періодъ съ 1880 по 1904 годъ.

Глава 1-я

Устройство управленія въ Семирѣченскомъ казачьемъ войскѣ съ конца 1879 года по 1-е января 1892 года.

Глава 1-я.

Устройство управленія въ Семирѣченскомъ к. войскѣ съ конца 1879 года по 1 января 1892 года

Учрежденіе войскового управленія въ 1879 г.; составъ его; кругъ дѣятельности и вліянія.

Начавшееся въ правящихъ сферахъ теченіе въ пользу централизаціи мѣстнаго казачьяго управленія въ рукахъ общей администраціи, получившее свое начало въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія ([1]) особенно ярко отразилось на устройствѣ управленія въ Семирѣченскомъ к. войскѣ, по положенію о немъ 1867 года.

Недостатки, построеннаго на такихъ началахъ способа управленія войскомъ, какъ мы уже видѣли, выразились на столько рельефно, что сама мѣстная власть въ Семирѣчьѣ, о чемъ было сказано выше, еще въ 1875 году, ходатайствовала объ учрежденіи особой канцеляріи наказнаго атамана, въ которой и проектировала сосредоточить управленіе войскомъ ([2]), т. е., иначе говоря, просила выдѣлить управленіе войскомъ въ особый институтъ.

Это ходатайство, хотя и далеко не въ полной мѣрѣ, осуществилось только черезъ 4 года. Но однако и въ этомъ послѣднемъ случаѣ сильно отразилось вышеприведенное теченіе въ пользу централизаціи.

Положеніе 1879 г. и его общій обзоръ.

30 іюня 1879 года получило Высочайшее утвержденіе новое положеніе о Семирѣченскомъ к. войскѣ, состоявшее изъ двухъ частей: положенія о военной службѣ казаковъ этого войска и «Наказа» войсковому правленію.

Первая часть являлась собственно уставомъ о воинской повинности, а вторая положеніемъ объ организаціи внутренняго управленія войскомъ.

«Наказомъ» учреждалось войсковое правленіе, которое должно было состоять изъ предсѣдателя, двухъ совѣтниковъ, дѣлопроизводителей и т. д и составлять учрежденіе *коллегіальное*, непосредственно подчиненное *во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ* наказному атаману.

Предсѣдатель войскового правленія по «Наказу» избирается изъ штабъ-офицеровъ наказнымъ атаманомъ, утверждается же въ должности и увольняется отъ нея Высочайшею властью; совѣтники, какъ и всѣ прочіе чины правленія, *на-*

значаются председателемъ и, по представленію наказнаго атамана, утверждаются въ должностяхъ командующимъ войсками Туркестанскаго военнаго округа

Войсковое правленіе подраздѣлено на два отдѣленія — военное и хозяйственное, во главѣ которыхъ поставлены совѣтники.

Обязанности войскового правленія, кругъ его власти и вліянія, въ своихъ главныхъ чертахъ по «Наказу», сводятся къ слѣдующему.

Къ вѣдѣнію войскового правленія по военной части отнесено полное и всестороннее наблюденіе за отбываніемъ воинской повинности казачьимъ населеніемъ и полное наблюденіе за военной стороной быта казаковъ не касаясь, однако, службы ихъ въ полевыхъ частяхъ; веденіе всей переписки и всей отчетности по военной части и надзоръ за дѣятельностью станичныхъ правленій въ этомъ отношеніи

Къ вѣдѣнію-же войскового правленія по хозяйственной части отнесено: 1) полное управленіе войсковымъ капиталомъ, на основаніи особаго положенія о немъ; 2) завѣдываніе всѣмъ войсковымъ имуществомъ и его ремонтомъ; 3) надзоръ за правильнымъ распредѣленіемъ войсковыхъ земель и пользованіемъ ими: сдача запасныхъ земель въ аренду и надѣлъ войсковыхъ чиновниковъ земельными участками; 4) охрана неприкосновенности границъ войсковыхъ и станичныхъ земель; 5) надзоръ за цѣлостью войсковыхъ и станичныхъ лѣсовъ; 6) покровительство мѣстной торговлѣ и промышленности; 7) мѣры по обезпеченію въ войскѣ народнаго продовольствія на случай голода, неурожая и т. д; 8) заготовленіе предметовъ обмундированія и снаряженія для продажи; 9) выдача пособій, процентныхъ и безпроцентныхъ ссудъ изъ войскового капитала; 10) учрежденіе опекъ надъ сиротами войсковыхъ чиновниковъ и наблюденіе за опеками по войску вообще; 11) раскладка общественныхъ земскихъ повинностей по войску; 12) дѣла по переводамъ казаковъ изъ одного мѣста жительства въ другое и по раздѣлу семействъ; 13) и вообще, заканчиваетъ «Наказъ»: „всѣ тѣ предметы, которые входятъ въ кругъ обязанностей казенныхъ палатъ и управленій государственныхъ имуществъ, на сколько примѣненіе ихъ къ войсковому хозяйству согласуется съ положеніемъ о войскѣ".

Права и обязанности войскового правленія „Наказъ" опредѣляетъ въ главныхъ чертахъ въ слѣдующемъ видѣ.

По военному управленію: — войсковое правленіе руководствуется существующими постановленіями о правахъ, обязан-

ностях, отвѣтственности и порядкѣ сношеній дивизіонныхъ штабовъ, при чемъ все постановленное о начальникѣ штаба —относится къ предсѣдателю правленія, а обязанности старшаго адъютанта исполняются совѣтникомъ военнаго отдѣленія. Въ сферѣ военнаго управленія „войсковое правленіе дѣйствуетъ на всемъ пространствѣ войска чрезъ станичныхъ атамановъ и командированныхъ въ распоряженіе войскового начальства офицеровъ“ (§ 10).

По хозяйственному управленію:—войсковое правленіе дѣйсвуетъ на правахъ и власти казенныхъ палатъ и управленій государственными имуществами, почему и въ порядкѣ сношеній съ мѣстными полицейскими властями войсковое правленіе руководится правилами, установленными для сношеній казенныхъ палатъ съ полицейскими учрежденіями Туркестанскаго края.

Внутренній распорядокъ дѣлопроизводства въ правленіи установленъ „Наказомъ“ въ слѣдующей формѣ.

Распредѣленіе обязанностей по управленію между военнымъ и хозяйственнымъ отдѣленіями предоставлено полному усмотрѣнію пр дсѣдателя, почему всегда имѣлась возможность уравненія между ними труда.

Самое дѣлопроизводство подраздѣлено на двѣ категоріи: къ первой отнесены дѣла, сопряженныя съ казеннымъ войсковымъ или общественнымъ интересомъ, рѣшавшіяся коллегіально въ общемъ присутствіи войскового правленія, составленномъ изъ предсѣдателя и обоихъ совѣтниковъ

Здѣсь, при обсужденіи дѣла, въ случаѣ несогласія предсѣдателя съ мнѣніемъ большинства,—дѣло представлялось на разрѣшеніе наказнаго атамана. При приведеніи же въ исполненіе рѣшенія по большинству голосовъ, члену, несогласному съ мнѣніемъ большинства, предоставлено право въ установленный срокъ, представить наказному атаману свое особое мнѣніе.

Журналъ общаго присутствія, подписанный всѣми членами и не превышавшій власти правленія, входитъ въ законную силу съ момента его подписа членами присутствія; журналы-же по дѣламъ, рѣшеніе которыхъ на основаніи «Наказа» или положеній объ общихъ губернскихъ учрежденіяхъ предоставлено наказному атаману или высшей власти, получали законную силу только со времени утвержденія ихъ этими властями.

Низшей инстанціей, для отмѣны рѣшеній по журналамъ общаго присутствія, вошедшимъ въ законную силу, указана власть командующаго войсками Туркестанскаго воен. округа.

Остальныя дѣла, т. е. дѣла второй категоріи, даже приблизительно не охарактеризованныя «Наказомъ», направлялись въ соотвѣтствующее отдѣленіе къ исполненію „по резолюціямъ предсѣдателя".

Реальное-же воздѣйствіе войскового правленія на управленіе въ станицахъ «наказомъ» опредѣлено дословно такъ: „Войсковое правленіе, по соглашенію *съ мѣстнымъ областнымъ правленіемъ*, даетъ инструкцію станичнымъ обществамъ и должностнымъ въ сихъ обществахъ лицамъ, относительно порядка исполненія обязанностей ихъ по дѣламъ, подлежащимъ непосредственному вѣдѣнію правленія. Ближайшій надзоръ за примѣненіемъ данныхъ по сей статьѣ инструкцій лежитъ на уѣздныхъ начальникахъ, которымъ областное правленіе даетъ надлежащія указанія, *по соглашенію съ войсковымъ правленіемъ*".

Разсматривая „Наказъ" съ точки зрѣнія реальной приспособленности его къ фактическому функціонированію власти войскового правленія, нельзя не замѣтить слѣдующаго.

По основной мысли „Наказа", войсковое правленіе—*учрежденіе коллегіальное*. По элементарному же понятію о коллегіи—члены ея, въ смыслѣ способа назначенія ихъ въ составъ коллегіи, ни въ какомъ случаѣ не должны быть зависимы отъ предсѣдателя. Въ войсковомъ же правленіи совѣтники назначаются предсѣдателемъ и, кромѣ того, офицеръ, при назначеніи совѣтникомъ, зачисляется „по войску", т. е. въ запасъ, почему, въ случаѣ отчисленія его изъ состава правленія, можетъ и не быть зачисленъ обратно въ полкъ, на полевую службу, т. е. остаться совсѣмъ безъ мѣста. Это послѣднее обстоятельство ставитъ совѣтниковъ уже въ совершенную зависимость отъ предсѣдателя и окончательно исключаетъ всякую мысль о коллегіи. Вслѣдствіе всего этого нельзя расчитывать на надлежащую самостоятельность совѣтниковъ, а со стороны предсѣдателя—избранія въ совѣтники лицъ съ наибольшею дозой гражданскаго мужества. При такихъ условіяхъ коллегіальное рѣшеніе дѣлъ, конечно, не можетъ приносить желательныхъ результатовъ.

Помимо этого органическаго недостатка, „Наказъ" страдаетъ въ своихъ основныхъ частяхъ неясностью и неопредѣленностью. Такъ напримѣръ: по одной статьѣ „Наказа" (34 й) войсковое правленіе вѣдаетъ хозяйствомъ на правахъ и власти, присвоенныхъ казеннымъ палатамъ и управленіямъ государственными имуществами, по другой-же (36 й) права его и обязанности опредѣляются общими учрежденіями въ областяхъ Туркестана, т. е. учрежденіями областныхъ

правленій. А такъ какъ права казенныхъ палатъ и управленій государственными имуществами съ одной стороны и областныхъ правленій съ другой—имѣютъ достаточныя отличія, то одновременно руководиться указаніями, данными для различныхъ учрежденій, должно быть крайне затруднительнымъ и тѣмъ болѣе, что предметы вѣдѣнія войскового правленія, особенно до 1892 года, имѣли немного общаго съ казенными палатами и областными правленіями.

Отношенія войскового правленія къ наказному атаману и обратно—„Наказомъ" не выяснены.

По общимъ въ Туркестанскомъ краѣ правиламъ о власти областныхъ правленій, всѣ постановленія послѣднихъ, кромѣ дѣлъ судныхъ*), представляются на утвержденіе военнаго губернатора, а потому, руководясь этими правилами (ст. 36), войсковое правленіе должно было бы всѣ журналы общаго присутствія представлять на утвержденіе наказнаго атамана. Однако-же, изъ ст. 40, 41 и 42 видно, что извѣстная часть постановленій представляться на утвержденіе наказному атаману не должна, *но какая именно—точно въ „Наказѣ" не опредѣлено*. Указаніе ст. 41 на представленіе наказному атаману журналовъ по тѣмъ дѣламъ, рѣшеніе которыхъ, на основаніи „Наказа" и общихъ губернскихъ учрежденій, предоставлено атаману или зависитъ отъ высшей власти, затрудненія не разрѣшаетъ, такъ какъ „Наказъ" опредѣляетъ лишь не многіе случаи, въ которыхъ требуется разрѣшеніе атамана. Ссылка-же на общія губернскія учрежденія—слишкомъ неопредѣленна и ничего не разъясняетъ, ибо въ наставленіяхъ общимъ губернскимъ учрежденіямъ не содержится указаній о правахъ и отношеніяхъ наказнаго атамана къ войсковому правленію**).

Затѣмъ, при оцѣнкѣ „Наказа" не слѣдуетъ забывать еще и того обстоятельства, что въ Туркестанскомъ краѣ существовало военно-народное управленіе, низшіе агенты котораго—уѣздные начальники—стояли въ непосредственномъ соприкосновеніи съ казачьимъ населеніемъ и представляли единственную ближайшую къ нему активную административную власть со всѣми ея атрибутами и съ широкой компетенціей. „Наказъ", перемѣстивъ центръ тяжести войскового и отчетности общественнаго—станичнаго хозяйства въ вой-

*) Здѣсь имѣются въ виду 80-е годы прошлаго столѣтія, когда судная власть еще не была изъята изъ вѣдѣнія Туркестанскихъ областныхъ правленій.

**) Почти все вышеизложенное замѣтилъ и генералъ-адъютантъ Свистуновъ въ своемъ отчетѣ о ревизіи войска въ 1884 г.

сковое правленіе, не далъ послѣднему ни средствъ, ни возможности къ непосредственному осуществленію предоставленной ему власти управленія на мѣстахъ ея примѣненія, оставивъ дѣйствительный контроль за дѣйствіями станичной администраціи, по прежнему, въ рукахъ военно-народнаго управленія, т. е. уѣздныхъ начальниковъ. Эти же послѣдніе, въ свою очередь, въ качествѣ начальниковъ уѣздныхъ управленій, находились, и послѣ введенія „Наказа", въ непосредственномъ подчиненіи Семирѣченскому областному правленію, почему войсковое правленіе, для осуществленія надзора за приведеніемъ въ исполненіе своихъ распоряженій на мѣстахъ, должно было дѣйствовать кружнымъ путемъ—чрезъ областное правленіе, „по соглашенію" съ нимъ.

Не смотря на подчиненіе областного и войскового правленій одному лицу, соединяющему въ себѣ званіе военнаго губернатора и наказнаго атамана, такое соглашеніе возможно только, очевидно, при условіи совершенно солидарныхъ отношеній между этими двумя органами управленія. При проявленіи-же здѣсь-же малѣйшаго антагонизма—что на практикѣ болѣе чѣмъ возможно—власть и всѣ благія начинанія одного изъ указанныхъ органовъ управленія, въ большей или меньшей степени, парализуются противодѣйствіемъ другого, что, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно и случилось на практикѣ.

Такимъ образомъ, помимо органическаго недостатка и всѣхъ другихъ побочныхъ обстоятельствъ, въ самомъ „Наказѣ" оказались заложенными еще и тѣ зерна будущихъ недоразумѣній между войсковымъ и гражданскимъ управленіями, которыя дали потомъ, какъ увидимъ ниже, такой пышный всходъ.

Образованіе войскового правленія; его первоначальный и послѣдующій составъ.

Весь переходъ Семирѣченскаго войска къ новому укладу управленія произошелъ въ отсутствіе изъ Семирѣчья наказнаго атамана генерала Колпаковскаго, бывшаго въ это время въ г. Ташкентѣ временно командующимъ войсками округа (3) Вр. наказнымъ-же атаманомъ съ 11 мая 1879 г. (4) по 1 іюля 1880 г. оставался помощникъ командующаго войсками Семирѣченской области генералъ-маіоръ Вартманъ *).

Съ полученіемъ распоряженія военнаго министерства о

*) Къ 1 іюля 1880 года генер. Колпаковскій возвратился изъ своей поѣздки въ Петербургъ; 15 іюля снова отбылъ изъ г. Вѣрнаго въ Кульджинскій походъ и возвратился въ началѣ октября. 11 января 1881 г. уѣхалъ въ Ташкентъ, возвратился 21 марта, а 28 марта снова отбылъ въ Ташкентъ для вр. исп. обяз. генералъ-губернатора и командующаго войсками округа и уже болѣе на должность наказнаго атамана не возвращался.

введеніи въ Семирѣченскомъ войскѣ новаго положенія, генералъ-лейтенантъ Колпаковскій далъ генералу Вартману соотвѣтствующее предписаніе о формированіи войскового правленія къ 1 октября 1879 года (5). Но на первыхъ-же порахъ — образованіе войскового правленія встрѣтило серьезныя затрудненія.

Предсѣдателемъ правленія былъ назначенъ войсковой старшина Щербаковъ (6), желающихъ-же пойти по добровольному согласію на должности совѣтниковъ и др. изъ числа сфицеровъ не оказалось никого, такъ какъ первоначальное содержаніе чинамъ правленія было назначено по штату меньше, чѣмъ въ полевомъ полку.

Затрудненіе съ замѣщеніемъ должностей совѣтниковъ, дѣлопроизводителей и архиваріуса оказалось поэтому, на столько велико, что вр. командующій войсками округа, не ожидая разрѣшенія указаннаго вопроса въ законодательномъ порядкѣ, собственной властью увеличилъ содержаніе на этихъ должностяхъ въ предѣлахъ возможнаго *), а есауловъ Волкова и Доронина приказомъ по округу командировалъ для замѣщенія должностей совѣтниковъ, игнорируя ихъ нежеланіе (7).

Тѣмъ-же способомъ на должность дѣлопроизводителя былъ назначенъ хорунжій Вязигинъ, а есаулъ Толмачевъ архиваріусомъ (8); вторымъ-же дѣлопроизводителемъ вступилъ отставной чиновникъ Гордодѣловъ, а къ исполненію обязанностей бухгалтера „допущенъ“ помощникъ Алматинскаго станичнаго атамана урядника Вяткинъ(9), только впослѣдствіе пріобрѣтшій по экзамену право на занятіе классной должности(10).

Такимъ сбразомъ, первоначальный составъ войскового правленія получился слѣдующій: предсѣдатель—войсковой старшина Щербаковъ; военное отдѣленіе: совѣтникъ есаулъ Волковъ, дѣлопроизводитель хорунжій Вязигинъ; хозяйственное отдѣленіе: совѣтникъ есаулъ Доронинъ, дѣлопроизводитель чиновникъ Гордодѣловъ, бухгалтеръ урядникъ Вяткинъ.

Войсковое правленіе было окончательно сформировано и открыло свои дѣйствія съ 20 октября 1879 г.(11).

*) Военный Совѣтъ призналъ это распоряженіе командующаго войсками Туркест. воен. округа и журналомъ 29 декабря 1879 г. опредѣлилъ: на усиленіе средствъ правленія Семирѣч. к. войска отпустить въ 1880 г. въ распоряженіе наказнаго атамана изъ войскового капитала 2000 руб. Въ 1881 г. этотъ добавочный отпускъ вошелъ въ смѣту, а въ 1882 г. положеніемъ военнаго совѣта 17 января содержаніе чиновъ войскового правленія было увеличено измѣненіемъ штата управленія Семир. каз. войска—собственно измѣненіе и заключалось только въ увеличеніи содержанія и отпуска на канцелярскіе и проч. расходы. (Прик. по воен. вѣд. 1882 г. № 27).

Съ этого-же времени было упразднено казачье отдѣленіе при штабѣ войскъ Семирѣченской области, а всѣ дѣла и обязанности по 2-му льготному полку перешли въ войсковое правленіе, съ образованіемъ котораго 2-й льготный полкъ, какъ особое самостоятельное учрежденіе, окончилъ свое существованіе ([12]).

Изъ приведеннаго очерка и приложеній къ настоящему *изданію* видно, что въ составъ войскового правленія вошли лица войскового сословія, т. е. выдержанъ естественный историческій принципъ, по которому ближайшее управленіе казаками должно находиться въ рукахъ казаковъ-же, какъ наиболѣе знакомыхъ съ жизнью и бытомъ этого совершенно обособленнаго сословія. Въ послѣдствіе-же этотъ естественный принципъ, подъ вліяніемъ вышеуказаннаго органическаго недостатка „Наказа", былъ постепенно забытъ и на важныхъ должностяхъ совѣтниковъ, не говоря уже о другихъ, менѣе отвѣтственныхъ, мы видимъ: въ 1884 году ротмистра Захарова ([13]), въ 1888 г. подъесаула Быкова*, въ 1889 году ротмистра Крупеникова([14]), въ 1893 подполковника Пишпекской пѣхотной мѣстной команды Бакуревичъ([15]) Иногда-же персоналъ войскового правленія, за исключеніемъ предсѣдателей, бывалъ составляемъ почти весь поголовно изъ постороннихъ, не имѣвшихъ никакого отношенія въ войску или связи съ нимъ, послѣдствія чего мы увидимъ ниже.

Во весь описываемый въ настоящей части исторіи періодъ предсѣдателями войскового правленія были только два лица: войсковой старшина, впослѣдствіе полковникъ, Щербаковъ и войсковой старшина, впослѣдствіе генералъ маіоръ, Волковъ.

Первый изъ нихъ - въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1883 г. перешелъ на службу внѣ войска и былъ назначенъ членомъ комитета при Главномъ управленіи казачьихъ войскъ([16]). Вмѣсто-же полковника Щербакова назначенъ 2 ноября 1883 года войсковой старшина Волковъ, который оставилъ должность предсѣдателя и службу въ 1908 году.

Наказныхъ атамановъ за тотъ-же періодъ времени смѣнилось четыре: до 29 мая 1882 года - генералъ лейтенантъ, впослѣдствіе генералъ-отъ-инфантеріи, Колпаковскій; съ 29 мая того-же года наказнымъ атаманомъ назначенъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Фридре([17]), оставившій службу въ Семирѣчьѣ 21 мая 1887 г. [18]). Вмѣсто него, съ 15 іюня того-же года, назначенъ завѣдывавшій азіатскою частью Глав-

*) По происхожденію—изъ «разночинцевъ Екатеринославской губерніи» (изъ послуж. списка его).

наго штаба, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ, впослѣдствіе генералъ-лейтенантъ, Ивановъ(18), вышедшій въ отставку 23 октября 1899 года(19) и, наконецъ, генералъ-маіоръ, потомъ генералъ-лейтенантъ, Іоновъ, бывшій начальникъ 1-й Туркестанской линейной бригады, вступилъ 21 октября, а утвержденъ 24 того-же октября 1899 г.(20).

Кругъ дѣятелъности и вліянія войскового правленія.

При вышеописанной обстановкѣ, созданной „Наказомъ", кругъ дѣятельности войскового правленія и значеніе его вліянія на экономическую и бытовую стороны жизни казачьяго населенія не могли быть велики, въ чемъ мы убѣдимся ниже. Но въ чисто военной сферѣ управленія войскомъ обстоятельства сложились совершенно иначе

Составъ управленія былъ военный, военные вопросы ему были близки, а всѣ детали ихъ были понятны, да и кромѣ того здѣсь въ помощь войсковому правленію, для надзора за исполненіемъ его распоряженій на мѣстахъ, являлись офицеры, назначаемые на основаніи положенія о военной службѣ Семирѣченскаго войска 1879 года въ распоряженіе войскового начальства, т. е. завѣдующими станицами въ военномъ отношеніи, почему въ этой сферѣ войсковое правленіе и могло развить интенсивную дѣятельность, давшую въ результатѣ прекрасную постановку военнаго дѣла въ войскѣ

Что-же касается хозяйственной стороны управленія войскомъ, то эта часть сильно страдала не только отъ внѣшней обстановки дѣятельности войскового правленія, какъ учрежденія, но и отъ внутренняго распорядка въ немъ, установленнаго „Наказомъ".

Вслѣдствіе крайне неяснаго опредѣленія: какія именно дѣла должны быть вносимы на разсмотрѣніе общаго присутствія и какія исполняются „ по резолюціямъ предсѣдателя" въ отдѣленіяхъ, а точно такъ же вслѣдствіе полной зависимости совѣтниковъ отъ предсѣдателя, послѣдній являлся уже не предсѣдателемъ коллегіальнаго учрежденія а начальникомъ, дѣйствовавшимъ на основахъ воинской дисциплины

Точную и яркую характеристику внутренняго распорядка дѣятельности войскового правленія далъ въ своемъ отчетѣ генералъ адъютантъ Свистуновъ, командированный по Высочайшему повелѣнію въ 1884 году для всесторонней ревизіи Сибирскаго и Семирѣченскаго казачьихъ войскъ*), который

*) Здѣсь, въ виду того, что и на послѣдующихъ страницахъ настоящаго изданія будетъ немало ссылокъ на этотъ отчетъ, необходимо замѣтить, что генералъ-адъютантъ Свистуновъ провелъ свою ревизію въ Семирѣчьѣ безусловно объективно и съ большимъ знаніемъ дѣла. Ма-

въ своемъ отчетѣ о ревизіи Семирѣченскаго войскового правленія между прочимъ выразился такъ: „Преимущественно-же обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ Сибирскомъ войскѣ, журнальныхъ постановленій по дѣламъ самой существенной важности для войсковыхъ и общественныхъ интересовъ; при чемъ, даже изъ небольшого числа состоявшихся постановленій, лишь очень немногія докладываются наказному атаману. Благодаря всему этому — *коллегія войскового правленія представляется чисто номинальною: предсѣдатель правленія является полновластнымъ распорядителемъ въ направленіи дѣлъ по войсковому хозяйству и благоустройству, а къ областному управленію,* во главѣ котораго стоитъ военный губернаторъ, соединяющій въ лицѣ своемъ и званіе наказнаго атамана, *создаются совершенно ненормальныя отношенія*(21)".

Здѣсь нужно замѣтить, что устраненіе въ такой мѣрѣ власти наказнаго атамана отъ участія въ дѣлахъ управленія происходило не всегда, а имѣло мѣсто только за время генерала Колпаковскаго, лично присутствовавшаго въ г. Вѣрномъ, въ общей сложности лишь четыре мѣсяца въ теченіе послѣдняго трехлѣтія своего атаманствованія и за время генерала Фриде, человѣка чрезвычайно добраго и мягкаго.

Однако, и этотъ чрезвычайно добрый и мягкій человѣкъ, въ 1886 г., въ рапортѣ своемъ Степному генералъ-губернатору вынужденъ былъ прямо заявить, что составъ общаго присутствія войскового правленія мало знакомъ съ экономическимъ положеніемъ казачьяго населенія. Но къ этому необходимо добавить, что такая оцѣнка не составляла еще одного единоличнаго вывода самого генерала Фриде, а представляетъ лишь согласіе его съ собственнымъ сознаніемъ общаго присутствія войскового правленія, изложеннымъ въ одномъ изъ его журнальныхъ постановленій за тотъ-же годъ(22).

Очевидно, что при совокупности всѣхъ этихъ условій, хозяйственное управленіе войскомъ не могло идти полнымъ ходомъ, не могло вліять на экономическій бытъ населенія

Войсковое правленіе, какъ мы только что видѣли, не могло

ститый генералъ объѣхалъ почти всѣ поселенія войска, во многихъ изъ нихъ сзывалъ сходы, распрашивалъ казаковъ до мельчайшихъ подробностей, интересовался положительно всѣмъ и со всевозможныхъ сторонъ: ревизовалъ войсковое и нѣсколько станичныхъ правленій, употребляя и здѣсь тѣ-же пріемы. Поэтому его отчетъ дышетъ жизненной правдой и Семирѣченское войско обязано ему точной и вѣрной, почти до мельчайшихъ подробностей, картиной своего управленія, жизни и экономическаго быта.

импонировать областному знаніемъ мѣстныхъ нуждъ, а потому, въ этомъ отношеніи, рождалось даже иногда прямое недовѣріе наказнаго атамана къ освѣдомленности его органа управленія въ мѣстныхъ экономическихъ вопросахъ, заставлявшее его болѣе прислушиваться къ мнѣнію областного правленія. А это послѣднее, какъ мы уже знаемъ изъ предъидущихъ очерковъ, и еще болѣе убѣдимся изъ послѣдующихъ, было далеко не на сторонѣ соблюденія справедливыхъ интересовъ казачьяго населенія.

Двойственность власти въ управленіи Семирѣченскимъ войскомъ.

Принципъ раздвоенія власти въ управленіи войскомъ по „Наказу“ достаточно выясненъ въ предъидущемъ очеркѣ.

Если разсматривать этотъ принципъ съ точки зрѣнія нормальныхъ отношеній между войсковымъ и военно-народнымъ управленіями, то дефекты двойственности власти могли бы выразиться лишь только въ тяжеломъ ходѣ административной машины и въ медленномъ проявленіи на мѣстахъ идеи управленія. Но, какъ уже выше пояснено,—нормальныя отношенія отсутствовали и истинныя главныя причины ихъ отсутствія кроются въ прошломъ.

Народившись еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія и народившись невсегда на легальной почвѣ справедливаго соблюденія интересовъ всѣхъ классовъ населенія области, эти причины, преемственно и послѣдовательно развиваясь, перешли въ описываемый періодъ времени уже къ сильно обостренной формѣ.

Основной причиной невозможности сохраненія нормальныхъ отношеній, помимо приведенныхъ уже дефектовъ строя внутренняго распорядка войскового правленія, явилось принципіальное сопротивленіе проводника идеи гражданскихъ основъ—мѣстнаго областного правленія—колонизаціи Семирѣчья казаками, а отсюда и пассивное противодѣйствіе мѣрамъ войскового правленія, направленнымъ къ развитію и осуществленію поставленной ему идеи и цѣли управленія.

Причины-же второстепенныя проявились уже съ учрежденіемъ войскового правленія и зародились на почвѣ личныхъ и сословныхъ взаимоотношеній составовъ обоихъ учрежденій.

Съ общей экономической точки зрѣнія цѣли русской колонизаціи страны—принципіальное сопротивленіе Семирѣченскаго областного правленія наплыву и развитію казачества, имѣетъ подъ собой неоспоримо обоснованную почву. По этому поводу въ запискѣ, составленной въ названномъ правле-

ніи и предъявленной въ 1884 г. въ числѣ многихъ другихъ матеріаловъ при ревизіи генералъ-адъютанту Свистунову, между прочимъ сказано такъ: „Весьма важно въ видахъ обрусѣнія края и прикрѣпленія его къ имперіи путемъ русской колонизаціи, чтобы колонисты наши принадлежали къ сословіямъ наиболѣе способнымъ къ успѣшной сельско-хозяйственной промышленности и торговой дѣятельности, при этомъ условіи незначительныя по пространству, но богатыя по плодородію и удобствамъ культуры мѣстности области, пригодныя для осѣдлыхъ поселеній, могутъ имѣть густое и процвѣтающее осѣдлое русское населеніе..... Очевидно, что *казаки* не даютъ и *не могутъ дать удовлетворительный матеріалъ для такой колонизаціи* уже по тому одному, что поголовно призываемое на военную службу мужское населеніе казачьяго войска отвлекается на первые 4 года рабочей своей жизни отъ земледѣлія и промысловъ.. Оторванное отъ плуга и промысловъ въ молодые годы—казачье населеніе нигдѣ не блистаетъ успѣхами земледѣлія, промысловъ“ и т д., т. е, иначе говоря, Семирѣченское областное правленіе предпочитало колонизацію страны крестьянами и сберегало земли области для нихъ.

Очевидно, что войсковое правленіе, которому руководящимъ стимуломъ служило, по положенію 1879 г, не столько экономическое, сколько военное развитіе войска, требовавшее прежде всего увеличенія его населенія въ цѣляхъ обслуживанія мѣстныхъ государственныхъ нуждъ казачьей вооруженной силой, неизбѣжно сопряженное съ увеличеніемъ территоріи войска, никогда не могло согласиться съ „гражданскими“ воззрѣніями своего коллеги по управленію,—отсюда неумолчная и непримиримая рознь, корень которой, въ сущности, лежалъ еще глубже, въ прошломъ, достаточно охарактеризованномъ раньше.*)

Эта, такъ сказать, принципіальная рознь обострялась еще и индивидуальнымъ взаимоотношеніемъ составовъ обоихъ учрежденій, о которомъ нельзя сказать, чтобы оно протекало безъ извѣстнаго тренія и шероховатностей, вызываемыхъ преимущественно борьбой у источника власти въ области и защитой сословныхъ интересовъ.

Составъ войскового правленія не могъ не знать и не видѣть того страннаго положенія, которое занимало казачье населеніе въ области, въ смыслѣ отношеній къ нему мѣстной гражданской власти. Сословное чувство солидарности и задѣтое корпоративное самолюбіе не позволили, понятно, не вы-

*) Глава II части II-й.

ступить на защиту обойденнаго вниманіемъ гражданской власти населенія Къ сожалѣнію, эта защита была поведена далеко нелегальнымъ путемъ, почему и дала совершенно обратные результаты, увеличивъ собою только число причинъ къ антагонизму.

Антагонизмъ вспыхивалъ иногда съ такою силой, что переходилъ временами всякія границы возможнаго. Такъ, напримѣръ, еще въ 1880 году маіоръ корпуса военныхъ топографовъ Ларіоновъ, вѣдавшій межевую часть Семирѣченскаго областного правленія, представилъ помощнику военнаго губернатора Семирѣченской области,*) генералъ-маіору Эллеру, на подпись мотивированный докладъ на имя Туркестанскаго генералъ-губернатора о необходимости разрѣшенія отмежевать Семирѣченскому войску запасныя земли; этотъ докладъ генералъ Эллеръ не только не пропустилъ, но наложилъ на немъ резолюцію, которая начиналась слѣдующимъ: „Маіоръ Ларіоновъ не понялъ моего приказанія и составилъ это представленіе *въ виду особенной какой-то заботливости о казачьемъ населеніи....*“ (24), т. е., иначе говоря, помощникъ военнаго губернатора считалъ заботу объ этомъ населеніи излишней и не затруднился изложить это открыто въ формѣ косвеннаго замѣчанія подчиненному лицу.

Въ томъ же году начальникъ Вѣрненскаго уѣзда просилъ военнаго губернатора о командированіи межевщиковъ для размежеванія спорныхъ земель казаковъ выселка Илійскаго съ киргизами, заявляя въ своемъ рапортѣ, что споръ „тянется нѣсколько лѣтъ и *судебныя пререканія* между ними не прекращаются“. Генералъ Эллеръ быстро и просто рѣшилъ этотъ сложный вопросъ, написавъ на рапортѣ: *„Прогнать казаковъ съ урочищъ Курузека и Кутентая,* затѣмъ, если кто изъ казаковъ осмѣлится дѣлать потравы или косить траву на этихъ урочищахъ, то кромѣ *двойного штрафа (?)* подвергнутся еще уголовной отвѣтственности (?). *Въ этомъ случаѣ уѣздный начальникъ опять имѣлъ полное право распорядиться. Не знаю почему такія дѣла представляютъ губернатору на распоряженіе*“ (25).

Этотъ послѣдній случай является настолько характернымъ, что не требуетъ себѣ особыхъ комментарій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, достаточно обрисовываетъ истинное отношеніе мѣстной власти къ казачьему населенію.

Такихъ примѣровъ, какъ увидимъ дальше, было не два.

Войсковое правленіе со своей стороны не оставалось въ

*) Онъ-же предсѣдатель Семирѣченскаго областного правленія.

долгу и мстило областному и уѣзднымъ управленіямъ—гдѣ только могло

Въ его распоряженіи были фицеры, завѣдующіе станицами въ военномъ отношеніи. Когда антагонизмъ между областнымъ и войсковымъ правленіями достигъ извѣстнаго напряженія, послѣднее издало въ 1883 и 1884 г.г. инструкціи для этихъ офицеровъ, утвержденныя наказнымъ атаманомъ. По инструкціямъ—все казачье мужское населеніе подчинено завѣдующимъ станицами офицерамъ; имъ, въ отношеніи подчиненныхъ казаковъ, присвоена дисциплинарная власть сотенныхъ командировъ, поручено многостороннее наблюденіе въ станицахъ,—наблюденіе, вторгавшееся въ своихъ нѣкоторыхъ частностяхъ въ область вѣдѣнія общей полиціи, и, наконецъ, запрещено исполненіе требованій посторонняго начальства (гражданскаго собственно) безъ приказанія на то со стороны наказнаго атамана или войскового правленія.

Такимъ образомъ, войсковое правленіе создало институтъ особыхъ агентовъ, руководя которыми, низвело значеніе уѣздныхъ начальниковъ въ станицахъ до minimum'a (26).

Въ результатѣ-же такихъ дѣйствій войскового начальства, какъ объясняетъ въ своемъ отчетѣ генералъ адъютантъ Свистуновъ: уѣздные начальники „становятся въ болѣе близкія отношенія къ кочевому и вообще инородческому или гражданскому населенію, а казаки привыкаютъ относиться къ чинамъ гражданской администраціи не только безъ должнаго уваженія или довѣрія, но даже съ извѣстною враждебностью“ (26)“

Такимъ образомъ, глухой антагонизмъ между казачьимъ населеніемъ и представителями уѣздной администраціи, проявившійся, какъ мы знаемъ, еще съ введеніемъ въ Семирѣченской области военно-народнаго управленія вслѣдствіе причинъ, подробно изложенныхъ здѣсь въ главахъ I и II части II, не только не ослабъ съ примѣненіемъ положенія 1879 года, но перешелъ даже, со стороны казаковъ во враждебное настроеніе, что нужно считать уже прямымъ отраженіемъ борьбы войсковой и гражданской власти.

Съ цѣлью рѣшить вопросъ—при какихъ условіяхъ эта борьба достигла такого, болѣе чѣмъ ненормальнаго напряженія, снова обратимся къ ревизіи ген. Свистунова, который, разбирая этотъ вопросъ, говоритъ въ своемъ отчетѣ слѣдующее: „Казалось-бы, что возстановить здѣсь правильность отношеній долженъ бы былъ главный мѣстный начальникъ, который соединяетъ въ лицѣ своемъ званія губернатора и наказнаго атамана, представляетъ власть, вполнѣ компетентную для указанія, какъ войсковой такъ и гражданской администраціи,

предѣла закономъ предоставленныхъ имъ правъ и обязанностей и для установленія своимъ авторитетомъ надлежащаго порядка въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ и дѣйствіяхъ. Между тѣмъ, какъ видно, это не исполняется не только главнымъ областнымъ начальствомъ, но и генер.-губернаторомъ. И тотъ и другой ограничиваются возможно спокойнымъ улаженіемъ недоразумѣнія по текущему дѣлу, не считая нужнымъ разъяснить источникъ и общія причины антагонизма авторитетнымъ осужденіемъ требованій незаконныхъ или такимъ же одобреніемъ дѣйствій правильныхъ, установить сообразный съ положеніями порядокъ и устранить поводы къ дальнѣйшимъ столкновеніямъ ([27]).

Разбирая же создавшееся вслѣдствіе этого положеніе гражданской администраціи, генералъ Свистуновъ говоритъ: „въ какое фальшивое положеніе ставятся чины уѣздной полиціи при *неизбѣжныхъ столкновеніяхъ или возбужденіи пререканій*. Положеніе гражданской администраціи становится еще болѣе неопредѣленнымъ и затруднительнымъ вслѣдствіе принятаго порядка сношеній съ ея органами войскового начальства, начиная съ самыхъ высшихъ инструкцій. Такъ, генералъ-губернаторъ—войсковой наказный атаманъ сносится, по казачьимъ дѣламъ, чрезъ свою канцелярію не только съ уѣздными начальниками, минуя губернаторовъ, но даже непосредственно со станичными атаманами (по прошеніямъ, ему подаваемымъ)“ ([26]).

Что-же касается въ этомъ отношеніи войскового правленія, то по этому поводу тамъ-же находимъ слѣдующее: „Такимъ-же образомъ войсковое правленіе сносится съ уѣздными начальниками по дѣламъ существенной важности, предъявляетъ къ нимъ обязательныя требованія безъ извѣщенія губернатора, а станичнымъ атаманамъ непосредственно даетъ предложенія по предметамъ, близко касающимся внутренняго быта не только казачьихъ, но и киргизскихъ обществъ, не сообщивъ объ этомъ одновременно уѣздному начальнику“.

Кто же подалъ поводъ къ взаимному игнорированію одной власти другою—едва-ли можетъ представляться неразрѣшимымъ вопросомъ, если мы вспомнимъ отношенія мѣстной гражданской администраціи къ казачьему населенію до 1880 г., доходившія до произвольнаго установленія сервитутнаго права киргизъ и до проэкта воспрещенія казакамъ сѣять рожь. Очевидно, что эти отношенія не могли-же измѣниться отъ одного факта учрежденія войскового правленія, установленнаго „Наказомъ“ въ извѣстныхъ отношеніяхъ въ защиту правъ казачьяго населенія. А что это такъ—достаточно при-

помнить вышеприведенное, въ этой статьѣ распоряженіе генерала Эллеръ: „прогнать казаковъ съ урочищъ Курузекъ и Кутентай", распоряженіе, общій тонъ котораго выражаетъ еще и неудовольствіе помощника военнаго губернатора и предсѣдателя Семирѣченскаго областного правленія—почему это уѣздный начальникъ не догадался самъ примѣнить такую простую мѣру—„прогнать"; распоряженіе, отданное послѣ донесенія уѣзднаго начальника о томъ, что по этому поводу идутъ *„судебныя пререканія"* и отданное тогда, когда войсковое правленіе только-что начало функціонировать и генералъ Эллеръ не могъ не знать, что въ кругъ обязанностей этого правленія включена закономъ и защита неприкосновенности казачьихъ земель, т. е. всѣ дѣла по земельному вопросу.

Самоуправленіе въ станицахъ войска.

Самоуправленіе въ станицахъ войска достаточно подробно уже разсмотрѣно раньше *), а такъ какъ положеніе $^{13}/_{25}$ мая 1870 г. объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ оставалось въ силѣ до 1 января 1892 года, то здѣсь остается сказать только о вліяніи на это управленія положенія 1879 г и о тѣхъ недостаткахъ, которые обнаружились въ изслѣдуемый періодъ времени въ самоуправленіи станицъ по положенію $^{13}/_{25}$ мая 1870 года

При одновременномъ и совокупномъ примѣненіи положеній 1870 и 1879 г. г. схема управленія въ поселеніяхъ войска представлялась въ слѣдующемъ видѣ: станицы управлялись станичными сходами, атаманами и привленіями; станичные атаманы и правленія подчинялись непосредственно войсковому правленію по дѣламъ военнымъ въ полномъ объемѣ, а по хозяйственнымъ только въ отношеніи охраненія неприкосновенности границъ станичныхъ земель, въ вопросахъ мѣстной торговли и промышленности, по обезпеченію народнаго продовольствія, по учрежденію опекъ и наблюденію за ними, въ вопросахъ раскладки общественныхъ земскихъ повинностей по войску, въ дѣлахъ о переводахъ казаковъ изъ одного мѣста жительства въ другое и по раздѣлу семействъ. По дѣламъ-же гражданскимъ, полицейскимъ и въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ положеніемъ $^{13}/_{25}$ мая 1870 года,—уѣзднымъ начальникамъ, полицейскимъ управленіямъ и властямъ.

*) Часть II, глава I, ст. «Организація станичнаго управленія съ половины 1870 г.».

Не смотря на представленную войсковому правленію „Наказомъ“ широкую компетенцію по дѣламъ военнымъ и отчасти въ общественномъ станичномъ хозяйствѣ, это учрежденіе, какъ мы видѣли выше, могло отдавать станичнымъ атаманамъ и правленіямъ непосредственно только одни распоряженія, но наблюсти за порядкомъ приведенія ихъ въ исполненіе оно не имѣло ни права, ни дѣйствительныхъ средствъ. Это наблюденіе лежало уже на уѣздныхъ начальникахъ и ихъ управленіяхъ.

А такъ какъ, вслѣдствіе различныхъ привходящихъ обстоятельствъ, конечныя цѣли стдающаго приказаніе и наблюдающаго за его исполненіемъ, даже и при нормальномъ ходѣ дѣлъ, не всегда могутъ совпадать, то очевидно, что при установленныхъ „Наказомъ“ условіяхъ управленія войскомъ, станичные атаманы, къ тому же люди простые и не развитые, очень часто могли попадать въ самое затруднительное положеніе предъ коллизіей приказаній.

При нормальномъ ходѣ дѣлъ такая коллизія, какъ случайная, могла быть свободно выяснена и устранена, но при существовавшихъ взаимоотношеніяхъ войсковой и гражданской властей—коллизіи приказаній и требованій неминуемо должны были участиться, а даже иногда потерять характеръ случайности. Каково-же становилось при этихъ условіяхъ положеніе станичныхъ управленій между двухъ властей, каждой изъ которыхъ они обязаны были одинаковымъ подчиненіемъ, и могло-ли работать, прогрессируя, самоуправленіе станичныхъ обществъ въ этой обстановкѣ?

Въ 1883 г. войсковое правленіе „по приказанію наказнаго атамана“ особымъ циркуляромъ(28), обращеннымъ къ завѣдующимъ станицами офицерамъ, станичнымъ и выселковымъ атаманамъ, запретило безъ разрѣшенія правленія каждый разъ, приводить въ исполненіе, требованія уѣздныхъ властей о назначеніи въ нарядъ по разнымъ случаямъ, какъ отдѣльныхъ казаковъ, такъ и цѣлыхъ командъ. Имѣя въ станицахъ офицеровъ, о значеніи которыхъ сказано выше, войсковое правленіе знало, что его распоряженія будутъ исполнены точно. На первый взглядъ этотъ циркуляръ не представляетъ повидимому ничего, кромѣ заботы о томъ, чтобъ уѣздныя власти не отрывали казаковъ напрасно отъ хозяйства для парадовъ, въ вѣстовые и т. д., но суть въ томъ, что въ циркулярѣ не указаны конкретные случаи, обусловливающіе немедленное исполненіе требованій уѣздной власти, какъ, напримѣръ, въ случаяхъ волненія среди киргизъ или для погони за хищниками и т. д.

Несомнѣнно, что въ такихъ исключительныхъ случаяхъ чинамъ уѣзднаго управленія, особенно въ отдаленныхъ отъ расположенія войскъ станицахъ, оставалось прибѣгнуть къ содѣйствію казаковъ. Въ какомъ-же положеніи оказывался при этомъ станичный атаманъ: съ одной стороны—циркуляръ войскового правленія и наблюдающій за его исполненіемъ офицеръ—съ другой—приказаніе уѣзднаго начальника?

Это, такъ сказать, крупный конкретный случай; вѣдѣніе же нѣкоторыхъ дѣлъ обще-административнаго свойства заразъ обѣими властями—войсковой и гражданской, какъ, напримѣръ, въ исполненіи казаками земской дорожной повинности, при условіи антагонизма между ними, плодило мелкіе случаи разногласія безъ конца.

Въ качествѣ иллюстраціи къ высказанному положенію, можно привести случай, изложенный въ отвѣтѣ генерала Свистунова. Между выселками Подгорнымъ и Чунджинскимъ, на одной изъ рѣчекъ, уѣздная власть распорядилась устроить мостъ и казаки приступили къ его постройкѣ. Офицеръ-же, завѣдывавшій этими выселками въ военномъ отношеніи, на обязанности котораго лежало и наблюденіе за отбываніемъ казаками дорожной повинности, приказалъ его разобрать, такъ какъ не имѣлъ на его постройку распоряженія войскового правленія(26).

Совокупность всѣхъ вышеуказанныхъ условій являлась не только тормозомъ развитію административнаго управленія войскомъ, но и отражалась на самоуправленіи станичныхъ обществъ.

Эти послѣднія—какъ это ни странно—нуждались въ направленіи ихъ дѣятельности на путь самосознанія, нуждались въ указаніяхъ способовъ лучшаго проявленія самодѣятельности.

Не нужно забывать, что семирѣченскіе казаки—потомки сибирскихъ, какова-же была бытовая сторона жизни послѣднихъ—достаточно рельефно очерчено въ части I настоящаго изданія.

И вотъ, послѣ вѣкового режима „военныхъ поселеній„, —успѣвшаго вытравить всѣ понятія о служеніи общественнымъ интересамъ—въ 1870 г. введено почти полное самоуправленіе.

Сколько нибудь сознательныя собственныя интеллигентныя силы войска были болѣе чѣмъ незначительны и всѣ цѣликомъ находились на полевой военной службѣ, которая приковывала къ себѣ всѣ ихъ интересы, а потому семирѣченское рядовое казачество оказалось предоставленнымъ самому себѣ,

почему и нуждалось въ направленіи и указаніяхъ для выработки въ себѣ атрофированныхъ принциповъ самоуправленія.

Кто-же долженъ былъ дать направленіе и указанія какъ не ближайшая къ населенію власть: губернаторъ и уѣздные начальники, но всѣ эти лица, вслѣдствіе создавшихся условій управленія, по словамъ отчета генерала Свистунова: „до такой степени мало интересуются внутреннею экономическою жизнью казачьяго населенія, считая это для себя какъ-бы дѣломъ постороннимъ, что не только не разъясняли самыхъ обыкновенныхъ вопросовъ, предлагавшихся казачьимъ обществамъ при ревизіи, но сами имѣли видъ людей, будто-бы слышавшихъ эти вопросы въ первый разъ[26].

Поэтому нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, что самоуправленіе развивалось совсѣмъ туго и во весь изслѣдуемый періодъ находилось въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи. „Неудовлетворительность эта—читаемъ мы въ томъ-же отчетѣ—„имѣетъ источникомъ безучастіе или полное равнодушіе большинства населенія къ общественнымъ интересамъ и выражается въ томъ, что общественные сходы составляются далеко не изъ полнаго, обыкновенно даже не изъ половиннаго числа лицъ, имѣющихъ право въ нихъ участвовать, и собираются рѣже чѣмъ-бы слѣдовало, что на должности атамановъ, ихъ помощниковъ, сборщиковъ, судей, довѣренныхъ и проч. выбираются лица, мало соотвѣтствующія, соединеннымъ съ этими должностями, обязанностямъ, что на обсужденіе и рѣшеніе схода представляются большею частью дѣла, неимѣющія серьезнаго значенія; по предметамъ же существенной важности для общественнаго интереса, дѣлаются распоряженія станичными правленіями безъ общественнаго приговора или, если и составляется для формы приговоръ, то подъ исключительнымъ давленіемъ немногихъ крикуновъ, движимыхъ побужденіемъ личной наживы, при участіи преобладающей по численности группы безгласныхъ, готовыхъ приложить свою руку ко всякому опредѣленію..... Въ одной изъ станицъ (Капальской) случилось слышать отзывъ, что станичные сходы у нихъ совсѣмъ не нужны, такъ какъ на этихъ сходахъ обсуждать нечего; въ другихъ (напр. Лепсинская)—на станичный сходъ вовсе не являются имѣющіе право голоса отъ выселковъ или ихъ выборные. Замѣчательно то, что, повсемѣстно, на общественныхъ сходахъ почти не видно молодыхъ лицъ: даже достигшіе 35-ти лѣтняго возраста считаютъ себя какъ-бы малолѣтними, еще недоросшими до права голоса въ дѣлахъ общественныхъ и рѣшенія или веденіе таковыхъ предоставляютъ исключительно, такъ называемымъ.

„старичкамъ“, которые, по отзыву мѣстнаго начальства, именно и принадлежатъ къ самому ненадежному, наименѣе нравственному элементу общества“.

Въ поясненіе же этого можно еще указать мнѣніе наказнаго атамана генерала Фриде, повѣренное и признанное генераломъ Свистуновымъ совершенно правильнымъ, заключающееся по его отчету въ слѣдующемъ: „А такъ какъ лучшіе элементы общества, предпочитая занятія собственными дѣлами и хозяйствомъ, неохотно отъ нихъ отрываются и уклоняются отъ потери времени на многолюдныхъ собраніяхъ, то и оказывается, что обычные участники послѣднихъ рѣдко принадлежатъ къ числу лучшихъ и состоятельныхъ обывателей, т. е. что на станичные сходы преимущественно являются нѣсколько своекорыстно дѣйствующихъ заправилъ и ихъ послушные сторонники“.

Двѣ послѣднихъ приведенныхъ выдержки показываютъ какъ мало обращалось со стороны подлежащей власти вниманія на процессъ самоуправленія, при совершеніи актовъ котораго ближайшая власть держала себя совсѣмъ въ сторонѣ и, не умѣя или не желая дать станичнымъ обществамъ жизненныя указанія путемъ болѣе близкаго общенія съ народомъ, предпочитала составлять инструкціи или предъявлять проэкты урѣзки правъ самоуправленія, осужденные той же ревизіей генерала Свистунова.

Такое положеніе самоуправленія вело къ недостаточно обдуманному избранію лицъ на должность станичнаго атамана и незаконному возвышенію власти исполнявшихъ эти обязанности во вредъ управленію. Мѣстная-же власть признавала такое явленіе нормальнымъ, упуская изъ вида причины его проявленія, и заботилась въ своихъ дѣйствіяхъ и проэктахъ не о возбужденіи народнаго самосознанія и самодѣятельности для оживленія главнаго органа самоуправленія — схода, а объ укрѣпленіи власти станичныхъ атамановъ, предлагая избирательную систему замѣнить прежней — по назначенію начальства.

Но правительство, зная плачевные результаты этой прежней системы, не придавало никакого значенія подобнымъ домохозяевамъ и только единственный разъ допустило, вѣроятно, въ видѣ опыта и убѣжденія мѣстной власти, осуществленіе измѣненія принятой системы, разрѣшивъ на опредѣленный срокъ (3 года) назначить атаманомъ вновь образованной Голубевской станицы лицо по избранію наказнаго атамана[29]. Въ 1886 г. это право было продолжено еще на три года[30], а въ 1889-мъ общество станицы Голубевской избрало

станичнаго атамана уже изъ своей среды.

Въ заключеніе остается добавить, что офицерскій составъ войска, вслѣдствіе своей малочисленности и установленной положеніемъ 1879 г. постоянной его службы въ полевыхъ частяхъ, являлся оторваннымъ отъ мѣстныхъ экономическихъ интересовъ казачьяго населенія, почему въ извѣстной степени и терялъ связь съ его жизнью. Эта оторванность ставитъ семирѣченскаго офицера въ особое изолированное положеніе отъ прочаго казачьяго населенія, которое, поэтому, и привыкло смотрѣть на него не какъ на интеллигента изъ своей среды, а только какъ на начальника, со всѣми проистекающими отъ такого взгляда послѣдствіями.

Періодическое командированіе для завѣдыванія станицами въ военномъ отношеніи, т. е. жизнь въ станицахъ бокъ-о-бокъ съ населеніемъ, давало офицеру полную возможность пріобрѣсти всѣ свѣдѣнія о народномъ бытѣ, но возстановить утраченную духовную связь съ жизнью населенія и его экономическими интересами, протекавшими въ сторонѣ отъ завѣдующаго станицей офицера, получившаго средства къ жизни не изъ однихъ источниковъ съ населеніемъ—уже не могло.

Всѣ эти обстоятельства, а точно также и размѣръ содержанія станичныхъ атамановъ, уплачиваемаго имъ изъ общественныхъ средствъ, колебавшійся до 1892 г. отъ 150 до 500 руб. въ годъ, удерживали болѣе достойныхъ офицеровъ изъ числа немногихъ, находившихся, въ отставкѣ или „по войску“, отъ согласія ихъ самихъ или станичныхъ обществъ на избраніе въ должность атамана. Поэтому въ Семирѣченскомъ войскѣ всѣ должности станичныхъ атамановъ, въ періодъ до 1904 г., замѣщались урядниками или казаками и за все это время было только два случая исполненія атаманскихъ обязанностей офицерами: одинъ—по избранію въ станицѣ Большe-Алматинской(31), другой—по назначенію въ станицѣ Голубевской(32).

ИСТОЧНИКИ

къ части 3-й, главѣ 1-й исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска.

№ Примѣчанія.

1 Арх. Семир. войскового правленія; оп. д воен. отд, дѣло 1884 г. № 24|50 листъ 4. Инструкція, данная Глав. упр-ніемъ каз. войскъ генер.-адъют. Свистунову.

2 Тотъ-же арх; оп. д., поступ изъ каз. отд, Семир. област. штаба, ч. хоз, дѣло 1872 г. № 69, листъ 146.

3 Приказы по Туркест воен. окр. 1879 г. № 413 и 415.

4 Прик. по Семир. к в. съ 11 мая 1879 г. подписаны генер. Вартманомъ, съ 26 іюня генер Левашевымъ, съ 10 іюля 1879 г. по 19 іюня 1880 г генер. Вартманомъ, съ 19-го-же іюня по 1 іюля разн. лицами, съ 1 іюля по 15 - генер. Колпаковскимъ, а съ 15 іюля—снова генер. Вартманомъ, что и доказываетъ, что генер. Колпаковскій былъ въ г. Вѣрномъ только съ 1-го по 15-е іюля 1880 г. (См. примѣч. 3 здѣсь) въ періодъ времени съ 11 мая 1879 г. по 1 іюля 1880 г.

5 Арх. войск. пр-нія Семир к. в., оп. д. казач. отд. штаба Семир обл., ч. хоз., дѣло 1880 г., № 124.

6 Высоч. приказы 19 января и 26 февраля 1880 г и примѣч. 5 здѣсь.

7 Прик по Турк. воен. окр. 1879 г. № 391 и примѣч. 5 здѣсь.

8 Прик по Турк. воен. окр. 1879 г. № 224 и примѣч. 5 здѣсь.

9 Тѣ-же приказы 1879 г. № 224. 397.

10 Прик. по Семир к в. 1880 г № 28.

11 Циркуляръ главн. штаба 18 дек. 1879 г. № 460; прик по воен. вѣд. 1879 г. № 209 и примѣч. 8 здѣсь.

12 Арх. войск. пр нія Семир. к. в, оп. д. воен. отд., дѣло 1879 г., № 2|27 и примѣч. 11 здѣсь

13 Высоч. прик. 13 сент. 1885 г. и по Семир. войску 2 окт. 1885 г. № 207.

14 Прапорщ Бахтинской мѣст. команды Крупениковъ зачисл. въ Семир. войско въ 1 й разъ въ 1879 г. прик. по войску № 127; отчисленъ изъ войска въ 1886 г. прик. по Семир. к в. № 158. Состоя об.-офицер по воен. части при Токмакск. уѣзд. н-кѣ, зачисленъ снова въ войско, прямо совѣтникомъ войск. пр-нія. Прик. по Семир. к в. 1889 года № 155.

15 Высоч. прик. 12 нояб. 1893 г.
Прик. по войску 1894 г. № 153 зачисл. въ войсковое сословіе.

16 Высоч. прик. 1 дек. 1883 г.
17 Тоже 29 мая 1882 г.
18 Тоже 21 мая 1887 г.
19 Тоже 23 окт. 1899 г.
20 Тоже 24 окт. 1899 г. и прик. по Семир. к. в. 21 окт. 1899 г. № 179.
21 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д. воен. отд., дѣло 1885 г., № 19/114, листъ 5, отчетъ генер.-адъют. Свистунова.
22 Арх. Семир. обл. пр-нія по межев. отд., дѣло 1903 г., № 7, листъ 74. Р-тъ наказ. ат-на Семир. к. в. 29 марта 1886 г. № 883 Степному генер. губернатору.
23 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в. оп. д. воен. отд., дѣло 1884 г., № 24/50, отдѣлъ III записки о значеніи Семир. к. в., листы 207 и 208.
24 Арх. Семир. обл. пр-нія по межевому отд., дѣло 1903 г., № 7, листъ 1. Представленіе Семир. воен. губернатора іюня 1880 г. №— Туркест. генер. губернатору.
25 Тотъ-же арх. того-же отд., дѣло 1899 г., № 15, листъ 1 Р-тъ н-ка Вѣрненск. уѣзда 19 мая 1880 г. № 3013 Семир. воен. губернатору.
26 Арх. войск. пр.-нія Семир. к. в., оп. д. хоз. отд., прилож. къ дѣлу 1885, № 64/128, листъ 194. Отчетъ генер.-адъют. Свистунова.
27 Тотъ-же арх., по той-же оп., дѣло 1885 г. № 19/114, листъ 15. Тотъ-же отчетъ.
28 Циркуляр. предпис. офицерамъ завѣд. стан., ст. и выселк. атаманамъ 8 апр. 1883 г. № 11.
29 Высоч. утв. 17 марта 1883 г. полож. Воен. Совѣта и прик. по воен. вѣд. 1883 г. № 83
30 Прик. по воен. вѣд. 1885 г. № 276.
31 Прик. по Семир. к. в. 1888 г. № 183.
32 Тоже 23 іюля 1887 г. № 130.

Глава 2-я.

Развитіе самостоятельности войскового управленія.

Устройство управленія въ Семирѣченскомъ к. войскѣ съ 1 января 1892 года.

Крупные недостатки устройства управленія, изложенные въ предъидущей главѣ, констатированы правительствомъ не только въ Семирѣченскомъ, но и въ другихъ казачьихъ войскахъ, въ системѣ управленія которыхъ нашла себѣ примѣненіе идея централизаціи власти въ рукахъ общей администраціи(1). Поэтому, послѣ нѣкоторыхъ опытовъ въ войскѣ Донскомъ правительствомъ(2), къ 1891 году былъ уже окончательно вырѣшенъ вопросъ о необходимости крупныхъ измѣненій въ существовавшей системѣ управленія.

Такъ какъ главными недостатками въ строѣ существовавшаго въ казачьихъ войскахъ управленія правительствомъ признавалось: отсутствіе ближайшаго надзора и контроля со стороны войскового начальства; многолюдность сходовъ, и ихъ слишкомъ доминирующая въ управленіи роль, а затѣмъ, и излишне большая зависимость станичныхъ атамановъ отъ обществъ, то поэтому и всѣ измѣненія въ управленіи были предприняты въ этомъ направленіи(3).

3 іюня 1891 г. получило Высочайшее утвержденіе новое „положеніе объ общественномъ управленіи станицъ казачьихъ войскъ“, которое, мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, тогдаже санкціонированнымъ Верховной властью, было примѣнено и къ Семирѣченскому войску

Въ Семирѣченскомъ войскѣ по вновь изданному положенію, въ рукахъ общей гражданской администраціи осталась исключительно только одна чисто полицейская власть, во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ казачье населеніе перешло въ вѣдѣніе войскового управленія. Это обособленіе оказалось-бы еще болѣе полнымъ, если бы земли войска были обмежеваны въ установленномъ порядкѣ, но такъ какъ этого не было и не случилось за весь разсматриваемый настоящей исторіей періодъ, то зависимость войска отъ мѣстной гражданской администраціи осталась еще слишкомъ велика и принесла казачьему населенію, какъ увидимъ ниже, неисчислимый ущербъ.

„Наказъ“ 1879 г. въ своихъ главныхъ чертахъ осталася незатронутымъ, хотя новое положеніе и чрезвычайно расширило компетенцію войскового правленія, но расширеніе это проведено только въ смыслѣ управленія станицами, а что-же касается номинальнаго значенія коллегіи, невыясненности отношеній къ наказному атаману, внутренняго распорядка и нѣкоторыхъ другихъ характерныхъ чертъ „Наказа“.

то эти стороны строя управленія оказались еще болѣе оттѣненными.

Ближайшею военною и административною *властью* къ населенію, по положенію 1891 года, *поставленъ атаманъ отдѣла,* который въ однихъ, опредѣленныхъ, случаяхъ своей дѣятельности подчиненъ наказному атаману; а въ другихъ—войсковому правленію. Этимъ, по мысли положенія, достигалось то, что между указанными органами власти и станичными управленіями устанавливалась посредствующая власть, относительно дѣйствій которой высшія войсковыя учрежденія являлись контролирующими и направляющими, а для станичнаго правленія и войскового населенія—апелляціонной инстанціей.

Такимъ образомъ, возможныя ошибки по управленію и въ примѣненіи дисциплинарныхъ карательныхъ мѣръ, предоставленныхъ власти атамана отдѣла по положенію 1891 года, могли быть объективно обсуждены или наказнымъ атаманомъ или войсковымъ правленіемъ—и обратно: въ случаяхъ какихъ либо неудобствъ примѣненія на практикѣ распоряженій высшихъ войсковыхъ учрежденій—атаманъ отдѣла могъ и обязанъ былъ, надлежащимъ образомъ ихъ выяснить и дефекты въ распоряженіяхъ, тѣмъ или инымъ путемъ, могли бы быть устраняемы.

Такой обстановкой дѣла—управленію несомнѣнно гарантировалось болѣе правильное, устойчивое и объективное направленіе, а въ извѣстной мѣрѣ, исключились даже возможные промахи и недочеты въ дѣятельности всѣхъ учрежденій войска.

Но такъ какъ семирѣченское войско, по сравнительной малочисленности своего населенія, не подверглось подраздѣленію на отдѣлы, то и посредствующая власть атамана отдѣла оказалась въ немъ непримѣненной, *а войсковое правленіе явилось въ роли органа не только распорядительнаго, но и во всѣхъ отношеніяхъ исполнительнаго.*

Такой недостатокъ въ организаціи управленія войскомъ не можетъ быть прямо и въ полной мѣрѣ отнесенъ на счетъ положенія 1891 года, такъ какъ въ ст. 3-й его мы находимъ дословно слѣдующее: „Права и обязанности, присвояемыя настоящимъ положеніемъ атаману отдѣла, возлагаются въ казачьихъ войскахъ.... въ Семирѣченскомъ—на войсковое правленіе или лицо, особо для сего назначенное командующимъ войсками Омскаго военнаго округа, по представленію наказнаго атамана Семирѣченскаго войска.

Такимъ образомъ, сущность недостатка положенія 1891

года сводится къ тому, что имъ не предусмотрѣно обычное стремленіе власти распорядительной присвоить себѣ и власть исполнительную, вслѣдствіе чего со стороны войскового начальства Семирѣченскаго войска и не дѣлалось достаточно энергичнаго и мотивированнаго представленія о перенесеніи функцій власти атамана отдѣла на особое отъ состава войскового правленія лицо.

Съ введеніемъ положенія 1891 г. власть атамана отдѣла разлагалась въ войсковомъ правленіи, но фактическое олицетвореніе этой власти всегда представлялъ собою предсѣдатель правленія, а такъ какъ власти атамана отдѣла, помимо всѣхъ другихъ прерогативъ, предоставлено еще вышеприведеннымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 3 іюня 1891 года и право наложенія дисциплинарныхъ взысканій на лицъ, подвѣдомственныхъ станичному управленію, не пользующихся особыми правами по состоянію, то и получалось слѣдующее положеніе

Постановленіе атамана отдѣла по наложенію дисциплинарнаго взысканія могло-бы быть каждымъ даннымъ лицомъ, на основаніи того-же мнѣнія Государственнаго Совѣта, обжаловано въ войсковое правленіе, если-бы власть атамана отдѣла въ войскѣ представляло-бы отдѣльное лицо, но такъ какъ этого нѣтъ и такъ какъ самое взысканіе наложено не властью атамана отдѣла, а только лицомъ, олицетворяющимъ ее—предсѣдателемъ войскового правленія, являющимся, что мы уже положительно знаемъ изъ предъидущаго, полновластнымъ распорядителемъ въ направленіи дѣлъ войскового правленія, то гдѣ-же и въ какой инстанціи управленія войскомъ можетъ быть объективно разсмотрѣна *частная жалоба* на дѣйствія предсѣдателя правленія, какъ атамана отдѣла? Отвѣтъ одинъ—наказнымъ атаманомъ. Но наказный атаманъ, онъ-же военный губернаторъ обширной области и командующій войсками въ ней, т. е. лицо, буквально заваленное самыми разнообразными дѣлами и, при томъ, не имѣющее особаго органа для наблюденія за дѣйствіями войскового правленія, очевидно, при всемъ желаніи, не можетъ, не имѣетъ времени и вообще возможности входить *въ личное детальное разбирательство частныхъ жалобъ,* почему въ огромномъ большинствѣ случаевъ и направитъ такую жалобу въ войсковое-же правленіе для представленія объясненій, чѣмъ это правленіе и будетъ поставлено въ положеніе судьи надъ самимъ собой.

Только что высказанное представляетъ выдающійся, наиболѣе понятный, конкретный случай, но отношенія станичнаго управленія и войскового населенія связаны съ властью

атамана отдѣла не только въ отношеніи наложенія на отдѣльныхъ индивидовъ дисциплинарныхъ взысканій, но и въ случаяхъ болѣе важныхъ и серьезныхъ—въ отправленіяхъ жизни экономической, поэтому очевидно—какой дефектъ въ управленіи войска представляетъ отсутствіе атамана отдѣла, какъ отдѣльнаго учрежденія отъ войскового правленія. Присвоеніе же въ 1901 году въ законодательномъ порядкѣ должности предсѣдателя войскового правленія правъ атамана отдѣла(4) еще болѣе оттѣнило высказанное положеніе, особенно въ связи съ указомъ Правительствующаго Сената 17 ноярбя 1894 года, которымъ войсковыя правленія признаны непререкаемой кассаціонной инстанціей по отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ почетнаго станичнаго суда, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ ниже

Положеніе 1891 г., возложивъ на войсковое управленіе всестороннее наблюденіе за примѣненіемъ на практикѣ принциповъ самоуправленія въ станицахъ, перемѣстило, такимъ образомъ, въ извѣстной степени нравственную отвѣтственность за результаты самоуправленія съ самихъ станичныхъ обществъ на войсковое управленіе. Но чтобы принять и нести такую серьезную отвѣтственность съ пользой для самаго дѣла, опять необходима посредствующая исполнительная власть для наблюденія за исполненіемъ распоряженій войскового управленія на мѣстахъ и не по одной только формѣ, но и по духу. Такой исполнительной власти, какъ мы видѣли, въ составѣ войскового управленія не имѣется, ибо и послѣ введенія положенія 1891 г. войсковое правленіе осталось въ этомъ отношеніи въ томъ-же составѣ, въ какомъ оно было до введенія этого положенія. Ежегодное командированіе предсѣдателя войскового правленія, какъ атамана отдѣла, одинъ разъ въ годъ, для ревизіи станичныхъ управленій, можетъ направить въ нихъ только дѣлопроизводство, т. е. формальную сторону управленія, но не оживитъ и не одухотворитъ самоуправленія, для чего оно нуждается, помимо тѣхъ или иныхъ формъ управленія и времени, еще и въ содѣйствіи другихъ, не менѣе серьезныхъ фактовъ.

Такъ какъ положеніе 1891 г коснулось главнымъ образомъ самоуправленія станицъ, то и детали этого положенія, а точно такъ-же и порядокъ его введенія въ войскѣ, будутъ разсмотрѣны въ слѣдующей главѣ, здѣсь-же перейдемъ къ очерку какъ проэктныхъ, такъ и дѣйствительныхъ измѣненій въ составѣ правахъ и обязанностяхъ войскового управленія,

происшедшихъ въ періодъ времени съ 1892 по 1904 годъ.

Съ введеніемъ этого положенія, войсковое правленіе явилось кассаціонной инстанціей для рѣшеній почетныхъ и станичныхъ судовъ въ войскѣ, почему и дѣлопроизводство въ немъ, помимо общаго его съ этого времени развитія, сильно увеличилось; да и судныя дѣла, какъ неимѣющія ничего общаго съ военными или хозяйственными, потребовали выдѣленія ихъ въ спеціальный столъ, для дѣлопроизводства въ которомъ правленіе, за недостаткомъ своего наличнаго состава, не могло назначить особаго чиновника. Поэтому, еще въ началѣ 1892 года къ штату войскового правленія былъ добавленъ одинъ дѣлопроизводитель(5), на котораго и возложены: регистрація дѣлъ судныхъ, всѣ предварительныя работы по приготовленію этихъ дѣлъ къ разсмотрѣнію ихъ въ общемъ присутствіи правленія и въ остальныя обязанности по судному дѣлопроизводству.

Въ 1900 г., вслѣдствіе крайней необходимости имѣть въ войскѣ собственныхъ межевыхъ чиновъ, къ штату войскового правленія добавлены должности войскового землемѣра и чертежника.

На войскового землемѣра возложены: хозяйственныя землемѣрныя работы въ дачахъ войска, обязанности войскового депутата при межеваніи войсковыхъ земель областными и др. землемѣрами, присутствованіе съ правомъ голоса въ засѣданіяхъ общаго присутствія войскового правленія при разсмотрѣніи послѣднимъ войсковыхъ поземельныхъ дѣлъ и веденіе всего дѣлопроизводства по этимъ дѣламъ (6).

Въ 1901 году предсѣдателю войскового правленія присвоены служебныя права атамана отдѣла, опредѣленныя для этой должности по положенію о сибирскомъ к. войскѣ (4).

Въ 1903 году учреждена должность помощника предсѣдателя войскового правленія.

Еще десять лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1893 году войсковымъ управленіемъ было возбуждено въ установленномъ порядкѣ ходатайство объ увеличеніи штата войскового правленія на одного совѣтника, или, вѣрнѣе, на одно отдѣленіе *въ которомъ предполагалось сосредоточить все дѣлопроизводство по общественному управленію станицъ,* а въ томъ числѣ и дѣла судныя, но до 1901 г. это ходатайство не было удовлетворено. Въ этомъ же году было признано „болѣе соотвѣтственнымъ имѣть при войсковомъ правленіи, взамѣнъ третьяго совѣтника, особо штабъ-офицера – помощника предсѣдателя“, какъ сказано въ представленіи по этому поводу врем. наказнаго атамана генерала Жигалина (7). Изъ мотивовъ,

приведенныхъ въ этомъ представленіи, особенно обращаетъ на себя вниманіе слѣдующій, приводимый дословно: „Испрашиваемое увеличеніе штата войскового правленія на одного штабъ-офицера хотя и вызываетъ расходъ изъ войскового капитала въ суммѣ 2641 руб въ годъ, но эту сумму слѣдуетъ считать ничтожною, сравнительно съ тою, которая потребовалась бы на учрежденіе цѣлаго управленія атамана отдѣла, *на что имѣется законное основаніе* съ признаніемъ за предсѣдателемъ войскового правленія правъ и обязанностей атамана отдѣла" *).

Итакъ, само войсковое управленіе признаетъ, что оно имѣетъ „законное основаніе" ходатайствовать объ учрежденіи дѣйствительной должности атамана отдѣла, чрезвычайно важное значеніе которой выяснено выше, но вмѣсто того проситъ объ увеличеніи штата войскового правленія.

Это послѣднее ходатайство и было уважено въ 1903 г. учрежденіемъ должности помощника ([8]) и назначеніемъ въ томъ-же году на эту должность совѣтника хозяйственнаго отдѣленія полковника Бакуревичъ ([9]).

Въ мартѣ 1903 г. въ войскѣ учреждены должности войсковыхъ агронома и гидротехника ([10]). Причины и цѣль учрежденія этихъ должностей будутъ изложены въ своемъ мѣстѣ ниже, здѣсь-же необходимо отмѣтить только то, что въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 17 марта 1903 г., которымъ разрѣшено войску имѣть своихъ агронома и гидротехника, между прочимъ указано, что эти должности должны быть предоставляемы только лицамъ съ высшимъ спеціальнымъ образованіемъ и, по возможности, войскового сословія. Но такъ какъ въ войскѣ среди лицъ съ высшимъ образованіемъ не оказалось спеціалистовъ, удовлетворяющихъ первому изъ поставленныхъ условій, поэтому должность гидротехника и занята съ 1 іюля 1903 года постороннимъ для войска лицомъ инженеръ—агрономомъ Скорняковымъ ([10]). Должность-же войскового агронома не была замѣщена даже и въ 1907 году, за неимѣніемъ, будто-бы, желающихъ занять ее, и нѣкоторыя обязанности войскового агронома, въ случаяхъ необходимости, исполняются гидротехникомъ, что, конечно, возможно только до тѣхъ поръ, пока эта послѣдняя должность занята инженеръ-агрономомъ и пока дѣятельность гидротехника не будетъ ограничиваться преимущественно „дѣлопроизводствомъ" по своей спеціальности въ стѣнахъ войскового правленія.

---

*) Это законное основаніе имѣлось, какъ мы видѣли, еще съ момента введенія положенія 1891 г.

Въ концѣ 1900 и началѣ 1901 годовъ въ правящихъ сферахъ былъ возбужденъ вопросъ о замѣщеніи должностей совѣтниковъ во всѣхъ*) войсковыхъ правленіяхъ казачьихъ войскъ не по назначенію, а по выбору офицеровъ.

Вслѣдствіе этого Главное управленіе казачьихъ войскъ въ мартѣ 1901 г. спросило по этому поводу мнѣніе наказнаго атамана Семирѣченскаго к. войска, предложивъ ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, доставить и свои соображенія о самомъ порядкѣ выборовъ совѣтниковъ въ Семирѣченскомъ войскѣ, если мѣра эта по своему существу будетъ признана имъ необходимой[11]).

Возникновеніе этого вопроса вызвало чрезвычайное волненіе среди чиновъ семирѣченскаго войскового правленія, которое, при условіи проведенія такой насущной для войска реформы въ жизнь, могли ожидать: предсѣдатель—осуществленія идеи дѣйствительной коллегіи, совѣтники—лишенія своихъ должностей, такъ какъ одинъ изъ нихъ былъ назначенъ прямо изъ пѣхотной мѣстной команды, а другой—зачисленный на службу въ войско сибирскій казакъ, т. е. лица, не имѣвшія никакой существенной связи ни съ войскомъ, ни съ его интересами.

Началась усиленная агитація въ пользу отклоненія предложенной мѣры и наказный атаманъ, послѣ долгаго колебанія, подписалъ 29 мая, составленный предсѣдателемъ войскового правленія полковникомъ Волковымъ отвѣтъ на предложеніе главнаго управленія казачьихъ войскъ слѣдующаго содержанія: „ . . . . . 1) Въ Семирѣченскомъ войскѣ офицерскій составъ настолько незначителенъ, что о выборѣ изъ этого состава совѣтниковъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова избранія, не можетъ быть и рѣчи. 2) Такъ какъ офицерскій составъ войска состоитъ на службѣ исключительно въ одномъ строевомъ полку, то совершенно естественно, офицеры этого полка, *для которыхъ интересы войсковаго правленія совершенно чужды,* конечно, будутъ стремиться къ тому, чтобы выборы въ совѣтники падали-бы на старшихъ офицеровъ полка, чтобы, такъ сказать, сплавивъ ихъ изъ полка, открыть себѣ вакансіи на производство въ слѣдующіе чины. Изъ сего нетрудно заключить, что выборъ можетъ пасть на такихъ офицеровъ, *которые совершенно не подготовлены* къ такой огромной, сложной и разнообразной работѣ, какая ведется въ войсковомъ правленіи. Съ такими совѣтниками, *не обладающими ни знаніемъ дѣла, ни опытностью* и даже малоспособными къ письмен-

*) Въ войсковомъ хоз. правленіи Сибирскаго к. войска должности совѣтниковъ замѣщаются по выборамъ офицеровъ.

ной вообще работѣ. *дѣлопроизводство* въ войсковомъ правленіи *пойдетъ*, конечно, *крайне медленно, будетъ огромное скопленіе бумагъ*, будетъ масса ошибокъ и промаховъ, а эти неизбѣжныя обстоятельства совершенно не желательны. 3) При такомъ сравнительно весьма ограниченномъ численномъ составѣ работниковъ войскового правленія, на которомъ кромѣ его обязанностей лежатъ еще обширныя обязанности по управленію войскомъ, какъ военнымъ отдѣломъ, при выборномъ порядкѣ замѣщенія должностей совѣтниковъ *работа положительно не пойдетъ*, будетъ застой во всемъ. Съ такими *неотвѣчающими своему назначенію* совѣтниками *не управиться и съ обыкновенною* текущею перепискою[11]".

Этотъ отвѣтъ, по своему понятному внутреннему смыслу не требовалъ-бы никакихъ комментарій, если-бы то или иное разрѣшеніе вопроса о замѣщеніи должностей совѣтниковъ по выбору не составляло-бы предмета величайшей важности. Но разрѣшеніе его въ положительномъ смыслѣ является уже вопросомъ первой и самой существенной необходимости для Семирѣченскаго войска, не только для его управленія, какъ такового, но главнымъ образомъ въ смыслѣ приложенія дѣятельности войскового управленія на пользу народную, т. е. на поднятіе и развитіе экономическаго благосостоянія населенія.

Эта послѣдняя идея цѣли управленія поставлена самимъ правительствомъ и ясно выражена въ приказѣ военнаго министра по казачьимъ и иррегулярнымъ войскамъ 10 декабря 1891 г., которымъ военный министръ призналъ необходимымъ пояснить войсковымъ управленіямъ казачьихъ войскъ цѣль введенія положенія 1891 г. Эта-же цѣль, какъ продолженіе дѣятельности правительства въ указанномъ направленіи, несомнѣнно преслѣдовалась и вышеприведеннымъ предложеніемъ главнаго управленія казачьихъ войскъ.

Управленіе же Семирѣченскаго к. войска, какъ видно изъ приведеннаго отвѣта на запросъ, совсѣмъ не имѣло въ перспективѣ поставленной ему цѣли, такъ какъ въ отвѣтѣ говорится только о самомъ войсковомъ правленіи, какъ объ учрежденіи, и только исключительно объ интересахъ этого учрежденія, но нѣтъ ни одного слова о пользахъ населенія.

Выраженіе въ отвѣтѣ: „для которыхъ интересы войскового правленія совершенно чужды"—ясно указываетъ на то, что само войсковое правленіе, если олицетворить этимъ терминомъ личный составъ учрежденія, имѣло какіе-то свои особенные интересы, чуждые представителямъ войскового населенія—офицерамъ.

И дѣйствительно, оно, какъ узнаемъ изъ того же отвѣта

признавало эти интересы въ успѣшности „дѣлопроизводства“ и только какъ такового, а не какъ вышеприведенную цѣль, поставленную правительствомъ. Далѣе читаемъ въ отвѣтѣ о томъ, что выборъ можетъ пасть на офицеровъ, совершенно не подготовленныхъ къ сложной и разнообразной работѣ.

Сложность и разнообразность работы въ войсковомъ правленіи зависитъ не отъ чего иного, какъ только отъ сложности и разнообразности проявленій дѣйствительной жизни казачьяго населенія, совершенно исключительной обстановки его быта, какъ особаго военнаго сословія, обстановки—не имѣющей ничего общаго съ условіями быта всѣхъ другихъ классовъ населенія имперіи.

Эти обстоятельства, а особенно, соединеніе въ войсковомъ правленіи власти распорядительной, исполнительной и судебной, приводятъ къ неизбѣжному выводу, что лицу, занимающему въ войсковомъ коллегіальномъ учрежденіи должность совѣтника, чтобъ быть хоть сколько нибудь на высотѣ своего призванія, необходимо, прежде всего, возможно ближе и лучше знать бытъ и экономическія условія жизни войскового населенія. Главнымъ образомъ въ этомъ и должна заключаться подготовка офицеровъ, занимающихъ высоко-отвѣтственную въ нравственномъ отношеніи должность совѣтника Семирѣченскаго войскового правленія.

Отсюда логически вытекаетъ вопросъ: неужели офицеры войскового сословія, завѣдывавшіе, всѣ безъ исключенія и по нѣсколько разъ станицами, гдѣ они приходили въ тѣсное соприкосновеніе съ казачьимъ населеніемъ, не могли знать ближе и лучше бытъ и нужды этого населенія, чѣмъ офицеры мѣстныхъ командъ, регулярной кавалеріи и др., получавшіе назначеніе совѣтниками прямо со своихъ прежнихъ мѣстъ службы или прослужившіе нѣкоторое время въ полевыхъ частяхъ войска?

Всѣ эти высказанныя положенія приводятъ къ неизбѣжному выводу, что Семирѣченскимъ войсковымъ управленіемъ, въ отклоненіи благого предложенія главнаго управленія казачьихъ войскъ, руководили побужденія, не имѣющія ничего общаго съ постановленной правительствомъ цѣлью.

Выше, уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ упоминалось о томъ, что ежегодно наказнымъ атаманомъ представлялись Всеподданнѣйшіе отчеты о состояніи Семирѣченскаго войска, но эти отчеты, не только Семирѣченскаго, но и атамановъ всѣхъ другихъ казачьихъ войскъ, не имѣли того значенія, какое

придавалось отчетамъ командующихъ войсками въ округахъ и губернаторовъ. Эти послѣдніе ежегодно докладывались Высочайшей власти, *а казачьи атаманскіе отчеты служили лишь матеріаломъ при составленіи общаго отчета по военному министерству.*

При такомъ порядкѣ вещей выходило, что мѣстные казачьи начальники были поставлены въ особое положеніе, при которомъ *ихъ заявленія* о нуждахъ ввѣренныхъ имъ войскъ *не доходили до Высочайшаго свѣдѣнія* (12).

Въ 1896 г. такой порядокъ былъ признанъ ненормальнымъ и Высочайшимъ повелѣніемъ 16 марта этого года установлено представленіе, помимо общихъ войсковыхъ, еще и особыхъ личныхъ отчетовъ наказныхъ атамановъ о состояніи ввѣренныхъ имъ войскъ, чѣмъ и была предоставлена наказному атаману Семирѣченскаго к. войска полная возможность представленія о нуждахъ войскового населенія непосредственно Его Величеству.

Такой личный отчетъ наказнаго атамана Семирѣченскаго войска до 1903 г. представлялся имъ чрезъ войскового наказнаго атамана военному министру и этимъ послѣднимъ докладывался уже Его Величеству; 11-го же марта 1903 года послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе, которымъ разрѣшено всѣмъ наказнымъ атаманамъ представлять свои личные отчеты непосредственно Его Величеству (13).

Съ 1898 года Семирѣченская область снова возвращена въ составъ Туркестанскаго военнаго округа и положеніемъ военнаго совѣта 12 іюня 1899 года Семирѣченское войско подчинено командующему войсками этого округа, которому присвоены права и обязанности войскового наказнаго атамана въ отношеніи Семирѣческаго к войска (14).

Вліяніе новаго порядка управленія войскомъ на управленіе въ станицахъ. Порядокъ введенія положенія 1891 года.

Въ 1891 году чрезъ гор. Омскъ изволилъ проѣзжать изъ своего путешествія на дальній Востокъ Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ. Для встрѣчи и привѣтствованія Высокаго Гостя въ гор. Омскѣ собрались разныя депутаціи, а въ томъ числѣ и отъ Семирѣченскаго войска, состоявшая изъ наказнаго атамана генерала Иванова, предсѣдателя войскового правленія войскового старшины Волкова и двухъ.

Степной генералъ-губернаторъ, получивъ по телеграфу свѣдѣнія объ утвержденіи 3 іюня 1891 года новаго положенія, воспользовался присутствіемъ въ гор. Омскѣ старшихъ чиновъ Семирѣченскаго войскового управленія и 5 іюня рас-

порядился составить изъ нихъ и представителей Сибирскаго войска комиссію, подъ предсѣдательствомъ генерала Иванова. Этой комиссіи онъ предложилъ обсудить порядокъ введенія новаго положенія въ Сибирскомъ и Семирѣченскомъ войскахъ и, главнымъ образомъ, способы разбивки поселеній этихъ войскъ на избирательные участки (15). Комиссія занималась, въ сущности, этимъ послѣднимъ вопросомъ, выработала проэктъ правилъ о разработкѣ, который, вслѣдствіе своей сложности и другихъ неудобопримѣнимыхъ условій (15), не нашелъ себѣ никакого практическаго примѣненія.

Разбивка-же поселеній на выборные участки была произведена по правиламъ, установленнымъ военнымъ совѣтомъ 24 октября 1891 года (16). По этимъ правиламъ основой дѣленія на участки послужила подворная система и величина участковъ назначена отъ 20 до 40 дворовъ. Поселенія, имѣющія 40 и менѣе дворовъ, составляютъ каждое одинъ избирательный участокъ, а имѣющія болѣе 40—могутъ быть уже подѣлены на участки. Каждый участокъ состоитъ, по возможности, изъ подъ-рядъ стоящихъ дворовъ. Избраніе выборныхъ отъ участковъ производится простымъ большинствомъ голосовъ и считается состоявшимся, если на нихъ присутствовало не менѣе $^2/_3$ домохозяевъ даннаго участка.

Только 20 ноября войсковое правленіе потребовало отъ станицъ свѣдѣнія о числѣ дворовъ въ поселеніяхъ, предполагая само сдѣлать предварительный подсчетъ избирательныхъ участковъ (17), а такъ какъ нѣкоторыя станицы удалены отъ гор. Вѣрнаго на 700 и болѣе верстъ, то и оказалось, что *окончательное распоряженіе* о дѣленіи на участки, составленіи списковъ избирателей и о выборѣ выборныхъ, войсковое правленіе могло сдѣлать только 28 декабря (18), что, конечно, затянуло выборы въ отдаленныхъ станицахъ почти до конца января 1892 года.

По этому распоряженію единицей подраздѣленія на выборные участки было принято 40 дворовъ и числа близкія къ этому, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и указано, что-бы участки имѣли естественныя границы: улицы, площади, протекающія чрезъ поселенія рѣчки, арыки и т. д. и чтобы число дворовъ въ участкахъ каждаго даннаго поселенія было-бы, по возможности, равное или близкое къ тому, съ цѣлью избранія одинаковаго числа выборныхъ во всѣхъ участкахъ.

Самый актъ введеніе въ дѣйствіе новаго положенія ограничился прочтеніемъ его отъ слова до слова станичными и выселковыми атаманами на первыхъ-же станичныхъ и выселковыхъ сборахъ въ присутствіи завѣдующихъ станицами

въ военномъ отношеніи офицеровъ (19), подъ наблюденіемъ которыхъ произведены и первые выборы (7) выборныхъ. Отличіе этого положенія 13/25 мая 1870 г. заключалось главнымъ образомъ въ слѣдующемъ.

Положеніе 1901 года. Общій обзоръ.

Многолюдные сходы въ каждомъ поселеніи всѣхъ домохозяевъ отмѣнены и замѣнены сборами выборныхъ. Старая система сходовъ оставлена только для поселеній, имѣющихъ 30 и менѣе казачьихъ дворовъ; всѣ-же поселенія, имѣющія болѣе 30 и не менѣе 300 казачьихъ дворовъ посылаютъ на сборъ уже выборныхъ, но не менѣе 30 человѣкъ. Въ поселеніяхъ, имѣющихъ болѣе 300 дворовъ, избираются выборные по одному съ каждыхъ 10 дворовъ. Предѣльнымъ числомъ выборныхъ поставлено 100, поэтому войсковому правленію и предоставлено право: въ станицахъ, имѣющихъ болѣе тысячи казачьихъ дворовъ, пропорціонально уменьшать число выборныхъ до 100 и обратно,—въ поселеніяхъ меньшихъ разрѣшать увеличеніе числа выборныхъ до этой-же цифры. Срокъ службы выборныхъ назначенъ—одинъ годъ, а потому составъ станичнаго или выселковаго сбора можетъ ежегодно весь обновляться.

По положенію 1870 г. казачьи общества имѣли право полнаго и безконтрольнаго распоряженія своими общественными суммами. Положеніе-же 1891 г. оставило за ними только *разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода*, ходатайства относительно установленія порядка взиманія суммъ въ доходъ, расходованія ихъ, счетоводство, храненія и раскладку между обывателями поселеній денежныхъ сборовъ, въ случаяхъ недостатка доходныхъ источниковъ для покрытія станичныхъ потребностей, т. е. обществамъ предоставлено право распоряженія ихъ суммами только въ предѣлахъ смѣты, утвержденной войсковымъ правленіемъ. Всѣ-же остальныя права по самоуправленію, предоставленныя по положенію 1870 г., остались почти не затронутыми, но ближайшее завѣдываніе станичнымъ и выселковымъ управленіями возложено на атамана отдѣла, и въ Семирѣчьѣ на войсковое правленіе.

Въ случаяхъ-же «несоотвѣтствующаго назначенію направленія дѣйствій станичнаго управленія" и „особенно безпорядочнаго ве енія дѣлъ общественнаго управленія и хозяйства"—наказному атаману предоставлено: назначать въ такую станицу или выселокъ, для водворенія порядка, атамана по своему усмотрѣнію и даже пріостанавливать тамъ временно дѣйствія сбора.

Обязанности станичныхъ и выселковыхъ атамановъ

остались прежнія, но значеніе ихъ нѣсколько поднято. Опредѣленіе размѣра вознагражденія станичнымъ атаманамъ хотя и оставлено по прежнему въ распоряженіи сбора, но установлены предѣльные оклады, ниже которыхъ это вознагражденіе не можетъ быть назначено. Этой мѣрой станичные атаманы поставлены до нѣкоторой степени въ независимое положеніе отъ своихъ обществъ.

Дисциплинарная власть ихъ увеличена; непользующихся особыми по состоянію правами лицъ, въ случаяхъ совершенія ими маловажныхъ проступковъ, станичнымъ атаманамъ предоставлено подвергать: аресту на три дня, или денежному штрафу въ доходъ общественныхъ суммъ—въ 3 руб. или назначенію на общественныя работы и станичныя повинности до 3-хъ дней. Для лицъ-же, „неоднократно“ подвергавшихся такимъ взысканіямъ,—всѣ мѣры перечисленныхъ наказаній могутъ быть увеличены до 5-ти дней или рублей.

Такое-же право наложенія взысканій предоставлено и выселковымъ атаманамъ, но нѣсколько въ меньшей мѣрѣ.

Въ Семирѣченскомъ-же войскѣ власть и значеніе станичныхъ атамановъ увеличены еще слѣдующимъ обстоятельствомъ. По ст. 151 положенія: „жалобы станичныхъ и хуторскихъ сборовъ, а такъ-же отдѣльныхъ обывателей станицъ и хуторовъ, на станичныхъ и хуторскихъ должностныхъ лицъ приносятся *атаманамъ отдѣловъ*, которые въ предѣлахъ своей власти или разрѣшаютъ эти жалобы или представляютъ ихъ на усмотрѣніе наказнаго атамана». Этой статьей, очевидно, положеніе 1891 г. гарантируетъ лойяльное отношеніе къ самоуправленію поселеній не только станичныхъ или выселковыхъ атамановъ, но и атамановъ отдѣловъ, такъ какъ въ случаѣ неправильнаго рѣшенія жалобы атаманомъ отдѣла, остается еще вторая апелляціонная инстанція—войсковое правленіе и наказный атаманъ, власти распорядительныя, на которыхъ положеніемъ возложено наблюденіе за правильнымъ примѣненіемъ закона на мѣстахъ. Въ Семирѣченскомъ-же войскѣ, гдѣ нѣтъ атамановъ отдѣловъ и, какъ мы знаемъ, власть распорядительная и исполнительная сосредоточены въ войсковомъ правленіи, то очевидно, что станичнымъ и выселковымъ сборамъ крайне затруднительно получить удовлетвореніе въ случаяхъ излишняго на нихъ давленія со стороны мѣстныхъ атамановъ, ибо этимъ излишнимъ давленіемъ атаманы, въ извѣстныхъ случаяхъ, будутъ отвѣчать цѣлямъ войскового правленія, какъ власти исполнительной. Семирѣченскій-же наказный атаманъ не можетъ лично и непосредственно входить въ разбира-

тельство всѣхъ подобныхъ инцидентовъ по вышеуказаннымъ уже причинамъ. Такимъ образомъ, войсковое правленіе, избѣгая энергичныхъ представленій объ учрежденіи особой отъ него должности атамана отдѣла, становится почти полновластнымъ хозяиномъ въ войскѣ, а съ того-же времени, какъ должности предсѣдателя войскового правленія присвоены въ законодательномъ порядкѣ права и обязанности атамана отдѣла, такимъ хозяиномъ сталъ никто иной—какъ предсѣдатель этого правленія.

Станичнымъ атаманамъ изъ нижнихъ чиновъ, прослужившимъ два трехлѣтія и выбраннымъ сборомъ на третье—предоставлено право и на производство въ чинъ хорунжаго въ отставкѣ; кромѣ того, за время исполненія ими обязанностей атамановъ—для нихъ установлены награды: знаки отличія Св. Анны, медали за усердіе, именныя насѣки, почетные чекмени, похвальные листы, денежныя и т д. Для атамановъ-же въ офицерскихъ чинахъ:—чины, ордена, именныя насѣки и денежныя награды.

За оскорбленіе станичныхъ атамановъ, при исполненіи ими служебныхъ обязанностей, установлена отвѣтственность по 288 ст. улож. о наказ. уголов. и испр.

Станичные атаманы и вообще всѣ должностныя лица станичнаго управленія непосредственно подчинены атаману отдѣла, а въ Семирѣченскомъ войскѣ—войсковому правленію, которому, въ отношеніи этихъ лицъ предоставлена дисциплинарная власть: подвергать за маловажные проступки денежному взысканію до 5 руб. или аресту до 7 дней. Удаленіе же отъ должностей станичнаго атамана и почетныхъ судей присвоено наказному атаману, а всѣхъ прочихъ лицъ станичнаго правленія—атаману отдѣла, т. е. войскому правленію, которое, однако, „по причинамъ, особенно уважительнымъ", можетъ временно, впредь до утвержденія его распоряженія наказнымъ атаманомъ, удалять отъ должности и станичныхъ атамановъ съ почетными судьями.

Правительство, вводя положеніе 1891 г. и имѣя въ виду невысокій уровень развитія казачьяго населенія, которому самоуправленіе въ формахъ 1870 г. оказалось не по плечу, по крайней мѣрѣ, это было такъ въ Семирѣченскомъ войскѣ, имѣло цѣлью, какъ мы уже знаемъ, улучшеніе народнаго благосостоянія.

Осуществленія этой цѣли предполагалось достигнуть перемѣщеніемъ центра тяжести хозяйственнаго управленія изъ

станицъ въ войсковое управленіе, которому, въ зависимости отъ господствующей основной идеи государственнаго управленія, придано цѣлесообразное устройство, гарантирующее, въ извѣстной степени, правильное теченіе управленія.

Но особыя обстоятельства, широкое развитіе которыхъ въ Семирѣченскомъ к. войскѣ не можетъ быть въ полной мѣрѣ отнесено на счетъ положенія 1891 г., сосредоточили распорядительную и исполнительную власть въ рукахъ мѣстнаго войскового правленія, дѣйствующаго на основахъ „Наказа„ 1879 г.; это соединеніе власти, какъ уже было указано, разрушило для Семирѣченскаго войска главную идею управленія по положенію 1891 г. и перемѣстило въ войсковое правленіе изъ станицъ уже не центръ тяжести управленія, а все управленіе во всемъ его объемѣ. Съ такимъ перемѣщеніемъ и большая часть той отвѣтственности за общее преуспѣяніе, которая положеніемъ 1891 г. была оставлена на самихъ станичныхъ обществахъ, очевидно, тоже перешла на войсковое правленіе и, такимъ образомъ, это учрежденіе, въ извѣстной степени, вопреки положенію 1891 г., явилось во всеоружіи власти и отвѣтственности. Что-же этимъ было достигнуто — мы подробно увидимъ ниже, здѣсь-же, въ качествѣ краткаго отвѣта на вопросъ, приведемъ двѣ выдержки изъ отчетовъ войскового управленія.

Въ своемъ личномъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1897 годъ наказный атаманъ генералъ Ивановъ заявляетъ: „Дѣлопроизводство въ станицахъ и выселкахъ, благодаря изданнымъ войсковымъ начальствомъ разнымъ инструкціямъ, настолько улучшилось, что оно не можетъ быть и сравниваемо съ тѣмъ, какъ оно велось въ прежнее время".

Въ отчетѣ-же о состояніи Семирѣченскаго войска за 1895 годъ между прочимъ находимъ слѣдующее характерное мѣсто: „Причиной къ уменьшенію числа лошадей*) послужило то обстоятельство, что вслѣдствіе дешевизны хлѣба и *неимѣнія въ хозяйствѣ казаковъ такихъ предметовъ,* отъ продажи коихъ они могли-бы удовлетворить потребности своего домашняго обихода, часть лошадей была продана на удовлетвореніе этихъ нуждъ".

Т. е., иначе говоря, „дѣлопроизводство" улучшилось, а казачье населеніе еще съ 1895 года начинало жить не на проценты со своего трудового капитала, а на самый капиталъ

Въ заключеніе настоящей статьи необходимо сказать

*) По отчету за 1894 г. лошадей въ войскѣ было 32346, а къ концу 1895 г. ихъ осталось 31232 т. е. убыло 1114+весь годовой приплодъ.

нѣсколько словъ объ одной исключительной мѣрѣ, унаслѣдованной отъ стараго порядка и развитой уже въ періодъ дѣйствія положенія 1891 года.

Высочайшимъ повелѣніемъ 15 іюля 1890 года командующему войсками Омскаго военнаго округа, въ видѣ временной мѣры, на срокъ въ 5 лѣтъ, было предоставлено право командировать не въ очередь на полевую службу, на время до 4-хъ лѣтъ, казаковъ строевого разряда Сибирскаго и Семирѣченскаго войскъ, за проступки „не позорящіе чести воинскаго званія, по жалобамъ родителей или станичныхъ обществъ, а равно и по ходатайствамъ мѣстнаго военнаго и гражданскаго начальства, подкрѣпленныхъ несомнѣнными доказательствами, требующими принятія противъ нихъ исправительныхъ мѣръ".

Остальныхъ же и запаснаго разряда казаковъ „вредныхъ въ общежитіи и злоупотребляющихъ общественнымъ достояніемъ, а точно такъ-же и казаковъ строевого разряда за проступки, позорящіе честь воинскаго званія" при наличности вышеупомянутыхъ несомнѣнныхъ доказательствъ, высылать на тотъ-же срокъ въ отдаленныя отъ мѣста ихъ жительства станицы(20).

Эта исключительная административная мѣра была направлена, очевидно, противъ лицъ, отличающихся нетерпимымъ въ обществѣ поведеніемъ; въ Семирѣченскомъ-же войскѣ она была примѣнена по другому назначенію: къ казакамъ полковъ 2 и 3 очередей, какъ наказаніе за плохое состояніе ихъ обмундированія и снаряженія. Именно за это въ 1892 и 1894 г.г. по представленію войскового управленія было выкомандировано не въ очередь на службу 10 казаковъ на срокъ отъ одного до 4-хъ лѣтъ(21).

Что мѣра эта до 1895 г. примѣнялась въ Семирѣченскомъ войскѣ неправильно, доказательствомъ служитъ другой законодательный актъ.

Высочайшимъ повелѣніемъ 8 февраля 1894 года наказнымъ атаманамъ Донского, Терскаго и Кубанскаго казачьихъ войскъ было предоставлено вышеприведенное право, но съ примѣненіемъ его въ слѣдующихъ случаяхъ: за „неисправное снаряженіе на службу, умышленную утрату коня и вещей, обязательныхъ къ содержанію въ наличности и нарушеніе правилъ воинскаго чинопочитанія и дисциплины" Тѣмъ-же Высочайшимъ повелѣніемъ это право съ 1 января 1895 года распространено на командующаго войсками Омскаго военнаго округа, *но съ прекращеніемъ съ того-же времени правъ, предоставленныхъ повелѣніемъ 15 іюля 1890 года*(22).

Такимъ образомъ, если-бы повелѣніе 1890 года имѣло

дѣйствительно въ виду наказаніе за неисправное снаряженіе, то актомъ 1894 года оно было-бы только дополнено, а не отмѣнено. Совершенная-же отмѣна перваго акта послѣднимъ доказываетъ, что первый изъ нихъ имѣлъ цѣли совершенно другія, чѣмъ второй.

Дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія 8 февраля 1894 года въ 1901 году продолжено еще на 5 лѣтъ(23).

Устройство судной части въ войскѣ.

Положеніе 1891 г ввело болѣе развитой институтъ народнаго суда, чѣмъ это было по положенію 1870 г. и, кромѣ того, совершенно обособило народный судъ отъ суда гражданскаго, короннаго.

По положенію 1870 года просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ станичнаго суда подавались въ Семирѣченскомъ войскѣ въ областное правленіе, дѣйствовавшее на правахъ съѣзда мировыхъ судей, по новому-же положенію эти просьбы подлежатъ разсмотрѣнію въ высшей инстанціи народнаго суда—въ судѣ почетныхъ судей, а инстанціей кассаціонной для отмѣны окончательныхъ рѣшеній приговоровъ суда станичныхъ и почетныхъ судей—назначено войсковое правленіе.

Судъ станичныхъ судей.

Станичный судъ составленъ изъ двухъ инстанцій: суда станичныхъ судей и суда почетныхъ судей. Судъ станичныхъ судей долженъ быть въ каждой станицѣ и долженъ состоять изъ лицъ, избираемыхъ сборомъ каждой станицы по его усмотрѣнію, но непремѣнно, изъ пользующихся въ данномъ станичномъ обществѣ полнымъ довѣріемъ, уваженіемъ и съ безукоризненнымъ прошлымъ. Судьи, избираемые въ числѣ отъ 4 до 12-ти, дѣлятся, по собственному ихъ усмотрѣнію и численности, на очереди съ такимъ расчетомъ, чтобы каждая очередь или „присутствіе" состояло-бы не менѣе, какъ изъ трехъ судей; одинъ изъ этихъ трехъ судей, ими самими избирается предсѣдателемъ, но если между ними окажется офицеръ, то онъ становится предсѣдателемъ уже въ силу своего званія.

Станичному суду подвѣдомственны не пользующіяся особыми правами состоянія лица, какъ войскового, такъ и не войскового сословія, временно или постоянно проживающія на земляхъ даннаго станичнаго общества.

Разбирательству суда станичныхъ судей подлежатъ всѣ споры и тяжбы между подвѣдомственными ему лицами цѣною до 100 руб. включительно. Если-же исковая сумма превышаетъ сто рублей или дѣло касается недвижимаго имущества, на-

ходящагося внѣ станичнаго земельнаго надѣла, или, наконецъ, если въ дѣлѣ участвуютъ лица, неподвѣдомственныя станичному суду, то такія дѣла подлежатъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ установленій области.

Кромѣ того, суду станичныхъ судей подчинены и всѣ маловажные проступки, учиненные подвѣдомственными ему лицами и „не сопровождавшіеся особо увеличивающими вину обстоятельствами: кража, мошенничество, покупка завѣдомо краденнаго на сумму не свыше 30 рублей, обиды словами и дѣйствіемъ, побои, неимѣвшіе вредныхъ для здоровья послѣдствій, пьянство и нарушеніе общественной тишины и спокойствія.

Разбирательство этихъ проступковъ подлежитъ станичному суду только въ томъ случаѣ, если проступки учинены въ предѣлахъ станичнаго земельнаго надѣла и противъ лицъ, тоже подвѣдомственныхъ этому суду Если-же въ дѣлѣ замѣшаны лица пользующіяся особыми правами состоянія, или если проступки находятся въ связи съ дѣяніями, подлежащими разсмотрѣнію общихъ судебныхъ установленій, то дѣла въ такихъ случаяхъ направляются въ эти послѣднія и вѣдѣнію станичнаго суда не подлежатъ.

Суду станичныхъ судей предоставлено налагать на лицъ, совершившихъ проступки, одно изъ слѣдующихъ наказаній: денежный штрафъ не болѣе шести рублей, арестъ—не болѣе восьми дней или назначеніе на общественныя работы не въ очередь не болѣе какъ на 8 дней. Для лицъ-же, „неоднократно подвергавшихся этимъ наказаніямъ“, судъ можетъ возвысить мѣры взысканія; перваго до 10 руб., а второго и третьяго до 12 дней, - включительно.

Засѣданія суда станичныхъ судей публичны, не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, дѣлопроизводство словесное, рѣшеніе дѣлъ по большинству голосовъ, на основаніи, представленныхъ въ судъ тяжущимися обязательствъ, договоровъ и проч. или „на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ казачьемъ быту.“

Рѣшенія и приговоры суда станичныхъ судей считаются окончательными: для рѣшеній въ суммѣ до тридцати рублей, а для приговоровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣра наказанія не превысила половины одной изъ вышеуказанныхъ; въ остальныхъ-же случаяхъ рѣшеніе или приговоръ могутъ быть обжалованы въ судъ почетныхъ судей.

Судъ почетныхъ судей.

Какъ основное правило - принято, что судъ почетныхъ судей учреждается для каждыхъ двухъ станицъ одинъ, но если станицы малолюдны— то и одинъ для трехъ и болѣе ста-

ницъ; въ тѣхъ-же случаяхъ, когда имѣются станицы особенно удаленныя отъ другихъ, то въ нихъ учреждается свой отдѣльный почетный судъ въ каждой. Всѣ эти случаи являются исключеніями, требующими разрѣшенія военнаго министра.

Въ составъ суда избираются въ каждой станицѣ своимъ сборомъ отъ трехъ до шести судей съ нравственнымъ цензомъ, указаннымъ выше для станичныхъ судей, но изъ грамотныхъ, преимущественно изъ офицеровъ, чиновниковъ и урядниковъ, не состоящихъ на дѣйствительной службѣ. Очередь отбыванія своихъ судебныхъ обязанностей между судьями распредѣляется ими самими, съ такимъ расчетомъ, чтобы присутствіе суда состояло-бы изъ четырехъ судей, если почетный судъ обслуживаетъ одну или двѣ станицы и въ равномъ числѣ отъ каждой, если въ вѣдѣніи суда состоитъ болѣе двухъ станицъ.

Предметы вѣдомства и власти этого суда тѣ-же самые, что и для суда станичныхъ судей, но съ тѣмъ отличіемъ, что рѣшенія и приговоры его почитаются окончательными въ вышеуказанныхъ полныхъ предѣлахъ мѣры власти суда станичныхъ судей, т. е. споры и тяжбы до 100 руб. и т. д.

Кромѣ того, по дѣламъ о проступкахъ, если при разсмотрѣніи въ почетномъ судѣ жалобы обвиненнаго судомъ станичныхъ судей окажется, что жалоба эта явно направлена съ цѣлью проволочки дѣла и уклоненія отъ наказанія, то почетному суду предоставлено право усилить наказаніе, наложенное судомъ станичныхъ судей, до полуторнаго размѣра противъ полной мѣры власти суда. Во всѣхъ-же остальныхъ случаяхъ, кромѣ случаевъ, добровольнаго согласія обѣихъ тяжущихся сторонъ, компетенція и мѣра власти почетнаго суда совершенно равновелики таковымъ-же суда станичныхъ судей.

Почетный судъ, если онъ обслуживаетъ болѣе одной станицы, засѣдаетъ по очереди въ каждой изъ нихъ или въ одной опредѣленной, что зависитъ отъ усмотрѣнія войскового правленія и созывается, не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, атаманомъ той станицы, гдѣ назначено его засѣданіе.

Публичность засѣданій, порядокъ дѣлопроизводства и избраніе предсѣдателя здѣсь тѣ-же, что и въ судѣ станичныхъ судей.

Въ обоихъ судахъ рѣшенія и приговоры вписываются въ особую книгу, вслѣдъ за этимъ объявляются сторонамъ и подписываются какъ ими, такъ и судьями. Въ эту же книгу рѣшеній и приговоровъ не запрещается вносить и показанія наиболѣе важныхъ свидѣтелей.

Въ сводѣ правилъ о станичномъ судѣ, вошедшемъ въ положеніе 1891 года, обращаетъ на себя вниманіе примѣчаніе

къ ст. 52, которое дословно заключается въ слѣдующемъ: „Въ исключительныхъ случаяхъ атаману отдѣла предоставляется возлагать предсѣдательство въ судѣ или на одного изъ судей, или на станичнаго атамана, а въ крайнемъ случаѣ и на другихъ лицъ, по усмотрѣнію атамана отдѣла. О таковыхъ распоряженіяхъ атаманъ отдѣла всякій разъ доноситъ войсковому наказному или наказному атаману."

Какіе-же именно случаи слѣдуетъ признавать „исключительными", а потомъ и „крайними"—положеніе умалчиваетъ и даже не даетъ ни малѣйшаго намека на ихъ отличительный характеръ.

Въ тѣхъ казачьихъ войскахъ, гдѣ имѣются атаманы отдѣла и гдѣ войсковыя правленія располагаютъ только властью распорядительной и являются органомъ наблюдательнымъ,—то уже одно такое раздѣленіе власти является болѣе или менѣе достаточной гарантіей того, что случаи „исключительные и „крайніе"—дѣйствительно будутъ такими. Но въ Семирѣченскомъ войскѣ, гдѣ власти и права атамана отдѣла принадлежатъ предсѣдателю войскового правленія и ему-же принадлежитъ доминирующая роль въ войсковой кассаціонной инстанціи, то, очевидно, что одни донесенія наказному атаману предсѣдателя о примѣненіи имъ права по цитированному примѣчанію не могутъ всегда и въ достаточной мѣрѣ гарантировать правильное опредѣленіе характера этихъ „исключительныхъ" и „крайнихъ" случаевъ, по причинамъ уже ранѣе подробно изложеннымъ.

Войсковое правленіе въ качествѣ кассаціонной инстанціи.

Отмѣна окончательныхъ рѣшеній станичнаго суда (т. е. суда станичныхъ и почетныхъ судей) предоставлена положеніемъ 1891 г. войсковому правленію, какъ и наблюденіе за правильностью дѣлопроизводства въ этомъ судѣ.

При разсмотрѣніи просьбъ объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ станичнаго суда, войсковое правленіе ограничивается обсужденіемъ вопроса въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) подвѣдомственно-ли дѣло станичному суду. 2) не постановлены-ли приговоръ или рѣшеніе безъ вызова къ разбору участвующихъ въ дѣлѣ лицъ и, наконецъ, 3) не превысилъ-ли станичный судъ предоставленной ему мѣры власти.

Только при наличности невыполненія станичнымъ судомъ указаній положенія по этимъ тремъ случаямъ или даже по одному изъ нихъ войсковому правленію представлено право отмѣнить скончательный приговоръ суда станичныхъ или почетныхъ судей.

Въ случаѣ отмѣны рѣшенія или приговора, дѣла о проступкахъ, не подвѣдомственныхъ станичному суду, передаются въ подлежащія судебныя установленія; по дѣламъ спорнымъ и тяжебнымъ, выходящимъ изъ предѣловъ вѣдѣнія станичнаго суда, истцамъ предоставляется обратиться въ подлежащій судъ, а по дѣламъ-же, станичному суду подвѣдомственнымъ, войсковое правленіе или „постановляетъ новое рѣшеніе или приговоръ“ или же передаетъ дѣло въ станичный судъ, для новаго разсмотрѣнія и рѣшенія.

Просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ разсматриваются въ общемъ присутствіи войскового правленія и, какъ уже было выше объяснено, кассаціонныя опредѣленія правленія окончательны и дальнѣйшему обжалованію не подлежатъ.

Учрежденіе въ войскѣ станичныхъ судовъ.

Съ введеніемъ въ Семирѣченскомъ войскѣ положенія 1891 г. въ немъ, въ началѣ 1892 года, были учреждены въ каждой изъ 9-ти станицъ суды станичныхъ судей и 4 почетныхъ: Алматинско-Софійскій, Копальско-Коксуйскій, Сарканско-Лепсинскій и Урджарско-Сергіопольскій, причемъ Копальско-Коксуйскому почетному суду была подвѣдомственна и станица Голубевская съ ея чрезвычайно отдаленными выселками Чунджинскимъ, Подгорнымъ и Охотничьимъ ([24]). Это послѣднее обстоятельство, а точно-такъ-же и удаленіе станицы Сергіопольской отъ Урджарской на 176 верстъ вызвали ходатайство войскового управленія объ учрежденіи въ станицахъ Голубевской, Сергіопольской и Урджарской своихъ особыхъ почетныхъ судовъ.

Разрѣшеніе военнаго министра на учрежденіе почетнаго суда въ станицѣ Голубевской послѣдовало еще въ началѣ 1892 года([25]), а удовлетвореніе ходатайства о двухъ послѣднихъ станицахъ состоялось только въ концѣ февраля 1894 года([26]), такъ какъ самое ходатайство было предъявлено только въ концѣ 1893 года.

Въ 1897 году, вслѣдствіе обращенія выселковъ Мало-Алматинскаго и Надеждинскаго въ станицы, въ нихъ учреждены суды станичныхъ судей и добавленъ одинъ почетный—Софійско-Надеждинскій; Алматинско-Софійскій судъ переименованъ въ Алматинскій для двухъ смежныхъ станицъ этого имени([27]). Съ обращеніемъ-же выселка Любовнаго въ станицу Каскеленскую, почетный судъ для нея былъ соединенъ съ судомъ Алматинскимъ.

Изъ законодательныхъ актовъ и распоряженій правительства, опредѣляющихъ порядокъ отвѣтственности, лицъ войскового сословія передъ судомъ, обращаютъ на тебя вниманіе слѣдующіе.

На основаніи ст. 434 уст. о воин. повин. 1897 года, ст. 223 уст. уголов. судопр. и ст. 246 уст. военно-суднаго 1884 г., всѣ служилые казаки, не числящіеся на дѣйствительной службѣ, подсудны гражданскому уголовному суду, за исключеніемъ слѣдующихъ трехъ случаевъ; 1) неявки къ призыву на дѣйствительную службу или къ учебнымъ и смотровымъ сборамъ, 2) преступленій и проступковъ совершенныхъ во время этихъ сборовъ, и 3) нарушеніе обязанностей воинской дисциплины и воинскаго чинопочитанія при обязательныхъ сношеніяхъ съ начальниками, касающихся военной службы.

Въ этихъ трехъ случаяхъ казаки служилаго состава, не числящіеся на дѣйствительной службѣ, подлежатъ отвѣтственности въ порядкѣ, опредѣленномъ военно уголовными законами. А такъ какъ въ служилый составъ казачьихъ войскъ входитъ и приготовительный разрядъ, то, слѣдовательно, во всѣхъ трехъ приведенныхъ случаяхъ отвѣтственности по военно-уголовнымъ законамъ подлежатъ и казаки, приготовительнаго разряда съ перваго-же года по зачисленіи ихъ въ этотъ разрядъ.

Главное управленіе казачьихъ войскъ, разсматривая это обстоятельство, нашло, что привлеченіе казаковъ приготовительнаго разряда къ вышеуказанной отвѣтственности въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ въ вышеприведенномъ *третьемъ пунктѣ*, является несправедливымъ, такъ какъ эти казаки обучаются военному дѣлу, т. е. обязанностямъ военной дисциплины и правиламъ чинопочитанія только съ осени второго года по зачисленіи ихъ въ этотъ разрядъ.

Военный министръ, согласившись съ этимъ мнѣніемъ, въ 1898 году приказалъ: вопросъ о вышеизложенной подсудности казаковъ приготовительнаго разряда передать для разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ, а впредь, для отличія казаковъ приготовительнаго разряда, разрѣшать имъ носить погоны на форменной одеждѣ только во время смотровыхъ и лагерныхъ сборовъ, т. е. тогда, когда они по своей подсудности совершенно приравниваются къ лицамъ, состоящимъ на дѣйствительной службѣ(28).

До марта 1903 г. положеніе казаковъ, въ смыслѣ имущественной отвѣтственности при исполненіи исковыхъ судебныхъ взысканій, являлось въ наихудшемъ положеніи, сравни-

тельно, напримѣръ, въ Семирѣченской области съ крестьянами и киргизами.

Извѣстное минимальное количество имущества тѣхъ и другихъ было гарантировано соотвѣтствующими законоположеніями отъ обращенія судебнаго взысканія на него, т. е. хозяйство ихъ было въ извѣстной степени ограждено отъ совершеннаго разоренія. У казаковъ-же, какъ мы знаемъ изъ прежде сказаннаго по этому поводу, не подлежали принудительной продажѣ на покрытіе взысканій только строевая лошадь, оружіе, опредѣленные предметы форменнаго обмундированія и снаряженія, а хозяйство казака предоставлялось въ полномъ объемѣ во власть кредитора, располагавшаго исполнительнымъ листомъ короннаго суда*).

Только въ 1903 г. было обращено на это обстоятельство должное вниманіе и Правительствующій Сенатъ 17 марта этого года опредѣлилъ: при исполненіи судебныхъ рѣшеній—о денежномъ взысканіи съ казаковъ, какимъ бы судомъ небыли постановлены эти рѣшенія, домъ казака—отвѣтчика съ дворовымъ мѣстомъ и нѣкоторыми надворными постройками не подвергается, ни въ какомъ случаѣ, продажѣ съ публичнаго торга. Какія же изъ надворныхъ строеній не могутъ быть обращены на удовлетвореніе взысканій—опредѣляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приговоромъ станичнаго или выселковаго сбора.

Сдѣлавъ такое важное дополненіе къ ст. 96 положенія 1891 г., Правительствующій Сенатъ дѣйствительно заполнилъ чрезвычайно важный пробѣлъ, не только въ этомъ положеніи, но и въ общемъ законѣ.

---

*) Ст. 96 положенія 1891 г. уже отняла такую власть у станичнаго суда.

ИСТОЧНИКИ

къ части III, главѣ II исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска.

№№ по порядку.

1 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., опись дѣлъ воен. отд., дѣло 1884 г. № 24/50, листъ 4. Инструкція, данная гл. упр. к. войска ген.-адъют. Свистунову.

2 Собр. узак. и распор. правит. 1884 г. № 37 ст. 301. Мнѣніемъ Государ. Сов. 21 февр. 1884 г. сходы изъ всѣхъ домохозяевъ были замѣнены въ войскѣ Донскомъ сход. выборн. по одному съ каж. 10 двор.

3 Прик. по каз. и иррег. войск. 10 дек. 1891 г. № 37.

4 Прик по воен вѣд. 1901 г. № 226.

5 Тоже 1892 г. № 10.

6 Прик. по Семирѣч. к. в. 1900 г. № 164.

7 Арх. войск. пр нія Семир. к. в, оп. д. хоз. отд., дѣло 1891 г. № 725, лист. 32 Р-тъ Семир. наказн, ат-на 23 авг. 1891 г. № 3661 въ главн. упр-ніе каз. в. и дѣло 1899 г. № 62, по оп. воен. отд, листы 26, 27, р-тъ наказ. атамана Семир. к. в. 18 сент. 1901 г. № 7763 к-щему войск Туркест. воен. округа.

8 Прик. по воен вѣд. 1903 г. № 88

9 Прик. по Семир к. в. 1993 г. № 59.

10 Прик по воен. вѣд 1903 г. № 141.

11 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д. воен. отд., дѣло 1901 г., № 61. Отнош. гл. упр. каз. в. 10 мар. 1901 г. № 3172 Семир. нак. ат-ну. Тамъ-же и отвѣтъ р-тъ наказ. ат-на 29 мая 1901 г. № 4239 главному упр-нію к. в.

12 А. Никольскій. Столѣтіе воен. министерства. СПБ. т. XI. главное управленіе каз. в., ч. I, стр. 719

13 Высочайшее повелѣніе 11 марта 1903 г. сообщ. въ отзывѣ глав. упр-нія к. в. 10 апр. 1903 г. № 5848 наказ. ат-ну Семирѣченск. к. в.

14 Приказы по воен. вѣд. 1898 г. № 66 и 1899 г. № 161.

15 Арх войск пр-нія Семир. к. в., оп. д. хоз. отд, дѣло 1891 г., № 36/72, листъ 19. Проэктъ правилъ разбивки каз. посел. на участки для выб. предст. на станичный сборъ.

16 Прик. по Семир. к. в. 1891 г. № 284.

17 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д. хоз. отд., дѣло 1891 г. № 36/72, листъ 56, циркуляр. предпис. ст. ат-амъ

отъ 20 нояб. 1891 г.

18 Тотъ-же арх., тоже дѣло и опись, листъ 85, циркуляр. предпис. ст. ат-намъ 28 декаб. 1891 г.

19 Тотъ-же арх., то-же дѣло и опись, листъ 108, циркуляр. предпис. ат-намъ 31 декаб. 1891 г.

20 Выс. повел. 15 іюля 1890 г., объял. въ прик. по Омск. воен. окр. 1890 г. № 195.

21 Прик. по каз. в. Омск. воен. окр. 1898 г. № 1, и 1894 г. № 4 и по Семир. к. в. 1891 г. № 293

22 Высоч повел. 8 февр. 1894 г. объявл. при прик. по каз войск. Омск. воен. окр. 1894 г. № 5.

23 Прик. по Семир. к. в. 1901 г. № 167.

24 Тоже 1891 г. № 285.

25 Тоже 1892 г. № 55.

26 Тоже 1894 г. № 43.

27 Тоже 1897 г. № 157.

28 Циркуляръ глав. упр-нія каз. в 1898 г. № 5, объявл при прик. по Семир. к. в. 1898 г. № 219.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска.

Глава 3-я

Финансовое положеніе Семирѣченскаго войска съ 1880 по 1904 годъ.

Войсковыя денежныя средства.
Станичные общественные капиталы.

Глава III-я

Финансовое положеніе Семирѣченскаго казачьяго войска съ 1880 по 1904 годъ.

Войсковыя денежныя средства.

30 іюня 1879 года было издано «положеніе объ управленіи общимъ войсковымъ капиталомъ Семирѣченскаго к. войска», которое назначено ввести въ дѣйствіе съ 1 января 1880 г. и, такимъ образомъ, къ этому времени окончилось неопредѣленное положеніе управленія этимъ капиталомъ, характеризующее весь предшествовавшій періодъ.

Порядокъ управленія войсковымъ капиталомъ по положенію 30 іюня 1879 года.

Правила 30 іюня 1879 г. въ своихъ главныхъ чертахъ заключаются въ слѣдующемъ.

Войсковой капиталъ изъ непосредственнаго и единоличнаго управленія наказнаго атамана переданъ въ вѣдѣніе и непосредственное управленіе войскового правленія.

Капиталъ признанъ собственностью Семирѣченскаго войска, но не какъ юридическаго лица, а какъ «особаго государственнаго учрежденія", почему во всѣхъ соотвѣтствующихъ случаяхъ къ нему предписано примѣнять правила, установленныя „для производства дѣлъ по казеннымъ суммамъ", но съ тѣмъ отличіемъ, что сложенія взысканій, даруемыя по Всемилостивѣйшимъ манифестамъ, на него не распространяются и въ случаяхъ обращенія суммъ капитала въ государственномъ банкѣ – на нихъ выплачиваются проценты, какъ на частный вкладъ.

Войсковой капиталъ оставленъ въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго министерства, на которое, въ этомъ отношеніи, и возложены всѣ обязанности, опредѣленныя общими правилами для министра и министерства финансовъ въ отношеніи управленія ими средствами государственнаго казначейства.

Всѣхъ видовъ платежи въ доходъ войскового капитала производятся непосредственно и исключительно только въ кассы министерства финансовъ (казначейства) Семирѣченской области, „не оставаясь въ чьихъ либо рукахъ или управленіяхъ ни на самое короткое время». Самый-же капиталъ предписано хранить въ Вѣрненскомъ казначействѣ, а всѣ расходы изъ капитала уплачивать прямо изъ казна-

чествъ, непосредственно въ руки прямыхъ кредиторовъ войска.

Всѣ расходы изъ войскового капитала производятся только изъ кредитовъ, ежегодно ассигнуемыхъ по смѣтамъ, порядокъ составленія и утвержденія которыхъ слѣдующій.

Войсковое правленіе ежегодно, въ предъидущемъ году на послѣдующій, составляетъ проектъ смѣты доходовъ и расходовъ капитала. Этотъ проектъ передается на повѣрку и заключеніе въ Туркестанскую контрольную палату съ такимъ расчетомъ времени, чтобы провѣренную и возвращенную палатой смѣту можно было-бы представить командующему войсками округа непремѣнно къ 15 іюля предшествующаго смѣтному года. Командующимъ войсками округа, со сдѣланными имъ замѣчаніями, войсковая смѣта передается обязательно къ 15 августа на разсмотрѣніе военнаго министерства и затѣмъ уже только вносится на утвержденіе военнаго совѣта.

По утвержденіи, смѣты доходовъ и расходовъ возвращаются войсковому правленію, которое, по полученіи, обязано ихъ опубликовать въ Семирѣченскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ.

Если послѣ утвержденія смѣты окажется необходимымъ произвести какой либо расходъ, не назначенный по смѣтѣ, или же окажется недостатокъ въ суммахъ, опредѣленныхъ для смѣтнаго расхода, то войсковое правленіе, не производя этихъ дополнительныхъ расходовъ, обязано войти съ представленіемъ о разрѣшеніи ихъ къ командующему войсками округа, который, въ случаѣ согласія съ представленіемъ, вноситъ его чрезъ военное министерство на разрѣшеніе военнаго совѣта.

Въ тѣхъ-же исключительныхъ случаяхъ, когда ожиданіе разрѣшенія въ такомъ порядкѣ сверхсмѣтнаго или дополнительнаго кредита будетъ сопряжено „съ неизбѣжнымъ вредомъ", командующему войсками округа предоставлено право предварительнаго разрѣшенія на кредитъ въ суммѣ не болѣе 3000 руб., но съ обязательнымъ представленіемъ такого его разрѣшенія на утвержденіе военнаго совѣта.

Въ случаяхъ-же, когда сверхсмѣтный расходъ требуется не болѣе 300 р. по одной какой-либо статьѣ смѣты, то такой расходъ разрѣшается, по представленію войскового правленія, единолично командующимъ войсками округа, но съ соблюденіемъ того непремѣннаго условія, чтобы отдѣльныя сверхсмѣтныя за годъ разрѣшенія его въ такомъ порядкѣ не превышали въ общей сложности 3000 руб.

Такъ какъ источники доходовъ войскового капитала опредѣлены различными предшествующими или общими законоположеніями, то разсматриваемое „положеніе“ въ устраненіе неправильныхъ въ этомъ отношеніи дѣйствій войскового правленія постановляетъ, что ни наказный атаманъ, ни войсковое правленіе не вводятъ сами никакихъ новыхъ сборовъ, но если бы они усмотрѣли возможность установленія какого либо новаго источника дохода, то, въ такомъ случаѣ, войсковое правленіе обязано донести военному министерству и на осуществленіе своего предположенія ожидать разрѣшенія.

Такимъ образомъ, главной мыслью, характеризующей приведенное положеніе, является желаніе гарантировать цѣлость войскового капитала и устранить всякое распоряженіе имъ помимо правительства. Что-же касается развитія доходовъ капитала, то по этому поводу положеніе не даетъ ни какихъ разработанныхъ правилъ, отсутствіе которыхъ и отразилось потомъ на доходныхъ земельныхъ оброчныхъ статьяхъ.

Доходы.

Въ 1880 году, т. е. въ самомъ началѣ разсматриваемаго періода, доходныя статьи Семирѣченскаго войскового капитала составляли:

1) Отпуски изъ государственнаго казначейства, назначенные съ 1869 года: прямая субсидія войску, имѣвшая прежде въ Сибирскомъ войскѣ названіе по своему назначенію „на содержаніе резервныхъ урядниковъ и казаковъ“ и сохранившая почему-то это архаическое названіе и до послѣдняго времени . . . . . 18500 руб.
Взамѣнъ питейныхъ сборовъ на территоріи войска 11000 руб.

2) Назначено съ 1873 года—взамѣнъ торговыхъ сборовъ на территоріи войска (1) . . . . . 2600 руб.
т. е. всего изъ государственной казны . . . 32100 руб.

Мѣстныя доходныя статьи:

1) Въ 1879 году доходъ съ казенной оброчной статьи—Илійской переправы—переданъ правительствомъ войску (2),

доходъ этотъ опредѣлился ежегодно въ суммѣ . 1252 руб.

Такимъ образомъ, въ началѣ изслѣдуемаго періода войско располагало 33352 рублями постояннаго опредѣленнаго дохода. Остальныя-же мѣстныя доходныя статьи представляютъ собою, въ смыслѣ своего ежегоднаго размѣра, источники неопредѣленные:

2) Проценты на войсковой капиталъ.

3) Доходы съ войсковыхъ земель, отданныхъ въ аренду, или, такъ называемыя, земельныя оброчныя статьи и

4) Различные случайные доходы.

Изъ этого перечня доходныхъ источниковъ видно, что войско, вступая въ свой новый, болѣе самостоятельный періодъ жизни, располагало чрезвычайно слабыми источниками своихъ собственныхъ мѣстныхъ доходовъ, которые въ 1880 году составляли всего только 9247 рублей *), тогда какъ на содержаніе одного только войскового правленія въ томъ же году потребовалось 13412 руб , не говоря уже о другихъ, не менѣе важныхъ статьяхъ, расхода. Изъ этого вытекала прямая и естественная необходимость субсидированія войскового капитала государственнымъ казначействомъ и тѣмъ болѣе, что, какъ увидимъ ниже, наибольшія суммы расхода поглощались нуждами государственными, а не войскового населенія.

Въ 1886 году, съ постройкою моста на р. Или, войсковой капиталъ лишился здѣсь своей замѣтной доходной статьи, но, до нѣкоторой степени, былъ вознагражденъ перечисленіемъ изъ государственнаго казначейства въ него другой —вычетовъ за повышеніе въ должностяхъ и чинахъ.

Дальнѣйшія измѣненія въ приходныхъ статьяхъ и объ общихъ суммахъ ежегоднаго прихода въ войсковой капиталъ даетъ полное представленіе прилагаемая здѣсь таблица приходовъ войскового капитала.

---

*) Въ сумму 9247 руб. вошли только дѣйствительныя доходныя статьи, всѣ-же прочія, имѣвшіяся въ этомъ году на счету бухгалтеріи, какъ напр.: обратное поступленіе собственныхъ войсковыхъ $^0/_0$-ныхъ бумагъ въ войск. капиталъ, остатки отъ содержанія войсковыхъ арестантовъ, возвратъ излишне отпущенныхъ изъ войскового капитала суммъ— совершенно не приняты во вниманіе, какъ возвращающіяся части того-же капитала, а не представляющія собою какихъ либо доходныхъ статей.

Разсматривая эту таблицу—видимъ, что главными мѣстными статьями дохода являются проценты на свободный войсковой капиталъ и земельныя оброчныя статьи, т. е. плата, вырученная войсковымъ правленіемъ отъ отдачи свободныхъ запасныхъ войсковыхъ земель въ аренду. Эта послѣдняя доходная статья представляется совсѣмъ почти ничтожной сравнительно съ тѣмъ количествомъ *свободной* запасной войсковой земли, которою располагало войско.

Этой свободной земли по отчетамъ о состояніи Семирѣченскаго войска было:

Годы.	Десятины.	Годы.	Десятины.	Годы.	Десятины.
1880	4418	1888	23859	1896	28544
1881	4518	1889	21865	1897	28544
1882	4518	1890	28544	1898	28543
1883	8922	1891	28544	1899	28543
1884	16322	1892	28544	1900	28543
1885	28472	1893	28544	1901	25936
1886	29489	1894	28544	1902	9366
1887	29489	1895	28544	1903	33685

Но здѣсь нужно замѣтить, что нѣсколько болѣе 20 тысячъ десятинъ запасныхъ прихоргосскихъ земель были только въ завѣдываніи войска и хотя отдавались въ аренду, но доходъ съ нихъ не поступалъ въ войсковой капиталъ, а сдавался въ государственное казначейство (3), почему въ дѣйствительномъ распоряженіи войскового управленія находилось всего отъ 4½ до 9½ тысячъ десятинъ, доходъ съ которыхъ поступалъ въ войсковой капиталъ и только въ 1903 году количество запасныхъ земель достигло 33685 десятинъ, но изъ нихъ 28353 дес. въ Пржевальскомъ уѣздѣ были отведены войску въ 1903 году, почему дохода за этотъ годъ и не дали.

Изъ отчетовъ о состояніи войска видно, что въ аренду сдавалось очень немного, большая-же часть земель пустовала и ею часто пользовались безплатно, въ видѣ самовольнаго захвата, сосѣди киргизы. Особаго какого либо наблюденія за этими землями учредить не представлялось возможнымъ и войсковое правленіе только случайно могло узнавать о незаконномъ пользованіи войсковыми запасными землями (4).

ТАБЛИЦА

ПРИХОДОВЪ ВОЙСКОВОГО КАПИТАЛА.

Годы.	Отпуски изъ государственнаго казначейства.					Мѣстные войсковые доходы собственные.				Всего приходу за годъ
	На содержаніе резервныхъ нижнихъ чиновъ	Вознагражденіе за отошедшіе въ казну мѣстные доходы.	Взамѣнъ пенсіон. вычетовъ съ офицеровъ и чиновниковъ, состоящихъ на полевой службѣ	На покрытіе содержанія административныхъ учрежденій войска.	ВСЕГО	% на войсковой капиталъ оброчныя статьи.	Случайные.	Возвратные, т. е. уплата разныхъ ссудъ и заимообразныхъ выдачъ.	ВСЕГО.	
	Въ Рублях.									Рубли.
1880	18500	13600	—	—	32100	9135	2874	16199	35208	67308
1881	18500	13600	—	—	32100	6910	1495	59189	67593	99693
1882	18500	13600	—	—	32100	8673	805	9915	19393	51493
1883	18500	13600	—	—	32100	12001	1934	12363	26299	58399
1884	18500	13600	—	—	32100	15984	2635	13314	31932	64032
1885	18500	13600	—	—	32100	9353	1155	9956	20464	52564
1886	18500	13600	—	—	32100	10030	1541	13609	25180	57280
1887	18500	13600	—	—	32100	10333	707	8941	19981	52081
1888	18500	13600	—	—	32100	7874	1030	7922	16826	48926
1889	18500	3600	396	—	32496	9274	1295	3267	13836	46332
1890	18500	13600	132	—	32232	11039	2682	3987	17708	49940
1891	18500	13600	144	—	32514	5473	1188	4219	10880	43394
1892	18500	13600	—	—	32100	12952	720	5224	18895	50995
1893	18500	13600	264	—	32364	9931	594	5182	15707	48071
1894	18500	13600	132	—	32232	7117	590	2453	10160	42392
1895	18500	13600	132	—	32232	11222	17023	1076	29321	61553
1896	18500	13600	132	—	32232	8723	221	2175	11119	43351
1897	18500	13600	337	—	32437	1802	1166	1988	11956	44393
1898	18500	13600	367	—	32467	9136	759	2160	12055	44522
1899	18500	13600	358	—	32458	9117	1645	109	10871	4 329
1900	18500	13600	366	—	32466	8976	1322	92	10390	4 856
1901	18500	13600	671	32 00	64771	8091	978	59	9128	73900
1902	18500	13600	736	16000	48836	8377	1706	64	10147	59983
1903	18500	13600	639	16000	4873	7885	785	54	8725	57464

Въ Семирѣчьѣ, какъ и вездѣ, нуждающіеся въ землѣ при-

искиваютъ ее обыкновенно осенью или ранней весной, торги же на отдачу войсковыхъ свободныхъ земель въ аренду назначались не всегда въ это время, да и кромѣ того земли на торгахъ предлагались не дробно, а большими участками, отъ 50 до 100 и болѣе десятинъ.

Такъ какъ крупные хозяева въ Семирѣчьѣ и въ послѣднее время рѣдкость, а нѣсколько ранѣе ихъ и совсѣмъ не было—мелкимъ-же заарендованіе такихъ участковъ было не по силамъ, то русскіе ихъ почти не брали, а киргизы, какъ болѣе солидарные между собой, придерживались въ этомъ случаѣ другой тактики. На торги являлись изъ нихъ два—три наиболѣе зажиточныхъ или вліятельныхъ лица, сопровождаемыя толпой своихъ спутниковъ, что торгамъ давало иллюзію людныхъ—торги производились и вся сдаваемая въ аренду земля покупалась за ничтожную цѣну однимъ или двумя изъ активно участвовавшихъ въ торгѣ лицъ, которыя потомъ уже отъ себя сдавали ее въ аренду своимъ сородичамъ и, даже при случаѣ русскимъ, мелкими частями, по въ нѣсколько разъ увеличенной цѣнѣ

Такъ какъ въ земляхъ этихъ, сдаваемыхъ при такихъ условіяхъ, особенно нуждаться никто не могъ, то очевидно, что уже самыя обстоятельства сдачи въ аренду, не допускали возможности включать въ арендные договоры какія либо улучшающія землю условія, напр. орошеніе, посѣвы люцерны и т. д., почему войсковыя запасныя земли въ огромномъ большинствѣ случаевъ и пространствъ представляютъ совершенно некультурные пустыри. Если-же къ этому добавить, что хозяинъ, разъ заарендовавшій участокъ войсковой земли, никогда не можетъ быть твердо увѣренъ, что участокъ этотъ достанется ему и на слѣдующій срокъ, то становится совершенно понятнымъ, что по собственному побужденію онъ никогда не приметъ какихъ либо улучшающихъ арендованную землю мѣръ, окупающихся обыкновенно только впослѣдствіе Поэтому арендная цѣна*) на войсковыя земли всегда является въ нѣсколько разъ меньшей, чѣмъ на сосѣднія, того-же качества частно-владѣльческія, а хозяйство арендаторовъ на нихъ ведется совершенно хищническое

Въ результатѣ получаются ничтожные доходы*) и истощеніе земли, которая должна потомъ перейти въ надѣлъ казакамъ.

Расходы изъ войскового капитала распадаются на два глав- Расходы.

*)По Всеподданнѣйшимъ отчетамъ за 1902 и 1903 годъ эта цѣна была въ среднемъ за десятину всего 22 и 24 коп. въ годъ.

ныхъ отдѣла: на предметы государственной надобности и на собственно войсковыя нужды.

Первый отдѣлъ подраздѣляется на двѣ группы: 1) надобности военныя и 2) содержаніе правительственныхъ учрежденій и лицъ, имѣющихъ отношеніе къ войску

Второй отдѣлъ—на 5 группъ: 1) содержаніе войскового управленія, 2) народное образованіе, 3) экономическія нужды, 4) ссуды и 5) безвозвратныя пособія всѣхъ видовъ.

Прилагаемая таблица даетъ полное представленіе о распредѣленіи дѣйствительныхъ расходовъ по всѣмъ этимъ группамъ за изслѣдуемый періодъ времени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ и состояніе наличности войскового капитала за каждый годъ.

Для поясненія таблицы необходимо добавить, что къ первому отдѣлу отнесены всѣ расходы, вызываемые выполненіемъ государственныхъ потребностей, т. е военной службы и контролемъ за ея исполненіемъ; ко второму, надобности войсковыя, мѣстныя, какъ отдѣльной части населенія. При такомъ раздѣленіи слѣдовало-бы и часть расходовъ на содержаніе войскового управленія тоже отнести изъ второго отдѣла въ первый, такъ какъ до 1892 г. войсковое правленіе преслѣдовало болѣе цѣли военныя, чѣмъ экономическія и бытовыя, а съ 1892 года въ немъ осталось военное отдѣленіе, вѣдающее чисто военную часть.

За трудностью произвести такое раздѣленіе болѣе или менѣе правильно, оно не сдѣлано и всѣ расходы по содержанію войскового правленія оставлены во второмъ отдѣлѣ, но, въ качествѣ компенсаціи *до нѣкоторой степени*, изъ второго отдѣла въ первый перенесено содержаніе депутата отъ Семирѣченскаго войска при главномъ управленіи казачьихъ войскъ, т. е. въ годъ до 3000 рублей.

Отнесеніе этого расхода въ первый отдѣлъ не можетъ представлять полной компенсаціи уже только по одному тому, что депутатами, за исключеніемъ полковника Щербакова, были люди совершенно посторонніе войску, совсѣмъ его незнавшіе: полковникъ Ливенцовъ пѣхотный офицеръ, совсѣмъ не видавшій войска, полковникъ Нарбутъ—сибирскій офицеръ, видѣвшій только часть территоріи войска проѣздомъ, а потому даже при желаніи не имѣвшіе никакой возможности представлять интересы войскового населенія.

Подраздѣленіе-же расходовъ по группамъ произведено такъ: въ первомъ отдѣлѣ къ *группѣ „на военныя надобности“* отнесены: всѣ расходы по пріобрѣтенію, ремонту, содержанію, храненію и контролю оружія, его принадлежностей и сигнальныхъ трубъ;

добавочное содержаніе офицерамъ; вычеты въ пенсіонный и инвалидный капиталы; пенсіи офицерамъ и чиновникамъ войскового сословія; всѣ расходы по содержанію и обученію льготныхъ полковъ, приготовительнаго разряда и войскового музыкальнаго хора; войсковая доля въ содержаніи Оренбургскаго юнкерскаго училища; пособія офицерамъ при производствѣ въ первый чинъ; разныя командировки по военной надобности и вообще всѣ по военнымъ надобностямъ расходы; расходъ на содержаніе завѣдывающаго сѣверными станицами; войсковая доля въ содержаніи офицерской кавалерійской школы и расходы по приготовленію и обученію медицинскихъ и ветеринарныхъ фельдшеровъ.

Причисленіе послѣдняго расхода къ первому отдѣлу требуетъ нѣкотораго поясненія. Здѣсь дѣло въ томъ, что, какъ свидѣтельствуютъ годовые о состояніи войска отчеты и другіе официальные документы, фельдшера, окончившіе курсъ въ соотвѣтствующихъ школахъ, зачислялись прямо на службу въ первоочередный полкъ, по прослуженіи въ которомъ установленнаго срока или оставались на сверхсрочную службу, или, въ большинствѣ случаевъ, поступали писарями, конторщиками и приказчиками на другія частныя мѣста, или на службу по своей спеціальности къ уѣзднымъ и другимъ врачамъ и т. д., но, во всякомъ случаѣ не на службу по своей спеціальности въ станицы*). Такимъ образомъ, указанный расходъ изъ войскового капитала имѣлъ собственно цѣлью дать фельдшеровъ полевой части—т. е. цѣль военную, а для войскового населенія не имѣлъ никакого значенія.

Ко второй группѣ отнесены: войсковая доля въ содержаніи Главнаго управленія казачьихъ войскъ, на пособія и леченіе чиновъ этого управленія; доля въ содержаніи Туркестанской контрольной палаты и казачьяго отдѣленія окружнаго штаба; содержаніе депутата при Главномъ управленіи казачьихъ войскъ и церковнаго причта Голубевской станицы; вознагражденіе кассъ министерства финансовъ; расходы на разныя депутаціи, члены которыхъ были по назначенію начальства.

Ко второму отдѣлу, къ первой группѣ: все полностью содержаніе войскового управленія и всѣ расходы по управленію войскомъ: прогоны командированнымъ по хозяйственнымъ надобностямъ, почтовые и телеграфные расходы, на письмоводство и проч.; содержаніе сторожей при домѣ наказнаго атамана (1880 г.), кормовое довольствіе войсковымъ арестантамъ; войсковой праздникъ.

*) Изъ станицъ пользовались услугами своихъ наемныхъ фельдшеровъ только двѣ станицы.

Ко второй — „народное образованіе": расходы на школы, стипендіи въ высшихъ и средне-учебныхъ заведеніяхъ и въ Сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Къ третьей — „экономическія нужды": расходы на борьбу съ эпидеміями; леченіе больныхъ войскового сословія; содержаніе войсковой случной конюшни и расходъ по приводу жеребцовъ — производителей.

Къ четвертой — „ссуды" прямыя процентныя и безпроцентныя; заготовленіе матеріаловъ обмундированія. Суммы этой группы не могутъ считаться прямымъ расходомъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ всѣ чрезъ извѣстный промежутокъ времени возвращаются въ капиталъ.

Эта группа временныхъ расходовъ приведена въ таблицѣ собственно для показанія когда именно и въ какой мѣрѣ войсковой капиталъ приходилъ на помощь населенію.

ТАБЛИЦА

РАСХОДОВЪ ИЗЪ ВОЙСКОВОГО КАПИТАЛА СЪ 1880 по 1904 Г.

Годы.	На предметы государственной надобности.			НА ВОЙСКОВЫЯ НУЖДЫ.						Наличность капитала къ 1 января слѣдующаго года.
	На военныя надобности	На содержаніе правительственныхъ учрежденій и лицъ, имѣющихъ отношенія къ войску.	ВСЕГО.	Содержаніе войскового управленія	Народное образованіе.	Экономическія нужды.	Ссуды.	Безвозвратныя пособія всѣхъ видовъ.	Всего безъ ссудъ.	
	ВЪ РУБЛЯХЪ.									
1880	20388	5430	25818	13412	3000	1301	9735	843	18556	166996
1881	14042	5369	19411	11368	3000	1325	10593	892	16585	171427
1882	15260	4789	20049	13968	1200	1275	9981	845	17288	177381
1883	12986	6401	19387	14298	1200	1570	18407	1000	18068	185490
1884	16994	2806	19800	14859	1176	700	17601	852	17587	193259
1885	15431	1991	17422	14265	1929	1225	13376	911	18330	198679
1886	21252	2006	23258	14335	4283	950	5834	1399	2·967	198170
1887	20021	1504	21525	13804	3689	1098	11334	3049	21640	198088
1888	19361	2085	21446	13634	4399	750	3545	772	19555	198090
1889	16300	2229	18529	14161	4486	1112	4419	1256	21015	201611
1890	18572	2201	20773	13349	4771	350	3824	731	19201	207590
1891	17365	6997	24362	13806	4977	485	1625	374	19642	202761
1892	22623	2535	25158	15327	4676	790	50	220	21013	202388
1893	20481	2946	23427	15122	4966	650	3925	396	21134	201515
1894	15533	5751	21284	15137	5283	736	460	1380	28764	195439
1895	17413	3251	20664	15891	5091	620	95	723	22325	210372

1896	14843	10918	25761	15390	5833	552	150	250	22025	202896
1897	15118	3069	18187	15305	6884	—	75	443	22632	201328
1898	14487	3742	18229	15309	7293	92	175	289	22983	198880
1899	15719	2224	17943	15164	8174	47	365	79	23464	196247
1900	25856	3163	29019	15705	8122	305	273	—	24132	182420
1901	14537	2611	17148	19376	8271	3	799	—	27650	206508
1902	27899	2763	30662	18910	7829	8292	969	—	35031	200299
1903	17827	2925	20752	25175	8455	8450	1836	—	42080	192181

Пятая группа— „безвозвратныя пособія всѣхъ видовъ“ — заключаетъ въ себѣ расходы на пособія бѣднѣйшимъ членамъ войскового сословія и чинамъ войскового правленія.

Разсматривая приведенную таблицу, нельзя не замѣтить, что главнымъ предметомъ расходовъ являются надобности чисто государственныя, особенно если не забывать, что содержаніе войскового управленія все полностью отнесено въ отдѣлъ войсковыхъ нуждъ. На удовлетвореніе-же нуждъ собственно войскового населенія приходятся ничтожныя суммы. Изъ группъ расходовъ, сюда относящихся, наиболѣе выдѣляются расходы на народное образованіе и экономическія нужды. Но здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что ускоренный ростъ расходовъ на народное образованіе съ 1889 г. объясняется не одними только нуждами развивающейся народной жизни, но и потребностями чисто государственными—приготовленіемъ офицеровъ. Въ 1888 году Семирѣченскому войску предоставлено право на 7 вакансій въ Сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ, съ платою за каждую 450 руб. въ годъ, но съ условіемъ—съ 1899 года допускать къ пріему по одному стипендіату въ годъ(5); такимъ образомъ войско въ 1889 году имѣло въ корпусѣ одну вакансію и уплатило за нее 450 руб.; въ 1890—двѣ—уплатило 900 руб. и т. д.(6).

Дальнѣйшее подробное объясненіе этой группы расходовъ будетъ изложено ниже, въ главѣ V-й

Что же касается второй группы расходовъ на „экономическія нужды“, то до 1897 года она заключала въ себѣ расходы исключительно на содержаніе одной войсковой случной конюшни*) и лишь съ 1902 года въ ней появляются крупныя издержки: въ 1902-мъ—6542 руб. и въ 1903-мъ—8146 руб.—на леченіе больныхъ войскового сословія;**) потомъ по приводу изъ Европейской Россіи жеребцовъ—производителей.

*) Упразднена въ 1897 году.

**) До 1902 года лечились на свой собственный счетъ.

Относительно появленія въ войсковомъ бюджетѣ сравнительно крупной расходной статьи—на леченіе больныхъ—будетъ подробно сказано ниже въ очеркѣ состоянія санитарной части, а точно такъ-же выяснятся въ своемъ мѣстѣ далѣе и прочія группы расходовъ второго отдѣла

Разсматривая таблицу далѣе, видимъ, что расходы на государственныя надобности колеблются отъ 17 до 30 тыс, т. е. для удовлетворенія ихъ не достаетъ тѣхъ 18500 рублей, которые составляютъ прямую государственную субсидію войску, имѣющую назначеніемъ покрытіе относящихся къ этой рубрикѣ расходовъ. Обращать же сюда суммы, возвращаемыя государствомъ войску, какъ сборы торговый и питейный на его территоріи, едва ли представляется правильнымъ, такъ какъ войско не пользуется помощью государства на содержаніе своего войскового управленія, центръ тяжести организаціи котораго лежитъ собственно въ нуждахъ государственныхъ

Но такъ какъ дополнительныхъ отпусковъ изъ государственнаго казначейства для этой цѣли не было, то на войсковой капиталъ и ложилась обязанность покрывать всѣ недостатки въ этомъ отношеніи, для чего уходили почти всѣ казенныя отпуски войску. Такіе расходы—сравнительно маленькій войсковой капиталъ не могъ выносить и началъ таять.

Между тѣмъ войсковое населеніе имѣло и свои настоятельныя нужды, не безразличныя и для государства, какъ, напримѣръ, народное образованіе, устройство санитарной части, мѣропріятія по улучшенію экономическаго положенія и т. д. Удовлетвореніе этихъ нуждъ изъ опасенія жить не на проценты, а на самый капиталъ, отлагалось изъ года въ годъ до тѣхъ поръ, пока правительство не стало на вышеизложенную точку зрѣнія и не разрѣшило войску въ 1901 году новаго дополнительнаго отпуска въ 16000 рублей на содержаніе войскового управленія.

Только послѣ этого и явилась возможность обратить часть средствъ войскового капитала на прямыя неотложныя нужды населенія—на устройство медицинской помощи и др., о чемъ будетъ сказано ниже.

Станичные общественные капиталы. Общій об-

И съ введеніемъ въ дѣйствіе положенія 1879 г., давшаго Семирѣченскому войску болѣе организованное войсковое управленіе, станичные общественные капиталы остались по прежнему въ полномъ и не посредственномъ вѣдѣніи и рас-

поряженіи станичныхъ обществъ, такъ какъ положеніе 13/25 мая 1870 года оставалось въ полной силѣ и было отмѣнено, какъ мы уже знаемъ, только съ 1 января 1892 года. Вслѣдствіе этого и порядокъ управленія станичными капиталами раздѣляется на два, слишкомъ рознящихся другъ отъ друга, періода, которые поэтому и будутъ разсмотрѣны отдѣльно одинъ отъ другого.

зоръ съ 1880-го по 1892 годъ.

Положеніемъ объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ 1870 г. станичнымъ обществамъ было предоставлено полное распоряженіе станичными капиталами, т. е. составленіе смѣтъ, опредѣленіе порядка взиманія суммъ въ доходъ, расходованіе ихъ, счетоводство и храненіе, поэтому и установленіе самаго порядка управленія капиталами зависѣло отъ усмотрѣнія каждаго даннаго общества въ отдѣльности.

Достоинство-же управленія общественнымъ капиталомъ при такихъ условіяхъ, какъ и весь процессъ самоуправленія, зависитъ непосредственно отъ степени интеллектуальнаго развитія членовъ даннаго общества и выработанной въ немъ привычки къ самоуправленію.

Изъ предъидущихъ-же очерковъ мы знаемъ, что это развитіе оставляло желать еще слишкомъ многаго, а привычки къ самоуправленію и совсѣмъ не было, поэтому нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, что управленіе своими общественными капиталами въ Семирѣченскомъ войскѣ за весь 20-ти лѣтній періодъ (съ 1870 по 1892 г.) не могло стать на должную высоту.

Помимо изложенныхъ обстоятельствъ, такому положенію дѣлъ не могло не содѣйствовать и отношеніе къ общественнымъ капиталамъ самой мѣстной администраціи. Такъ въ 1870 и 1871 годахъ проэктировалось станицу Алматинскую присоединить къ городу Вѣрному. Вѣрненскій уѣздный начальникъ, не признавая нужнымъ ожидать утвержденія проэкта въ законодательномъ порядкѣ, распорядился, еще въ 1871 году, большинство доходныхъ статей этой станицы передать въ пользу города, а въ 1872-мъ предполагалъ направить туда и часть остальныхъ, чѣмъ, наконецъ, и вызвалъ жалобу станичнаго атамана—наказному (7).

Въ 1885 году тотъ-же Вѣрненскій уѣздный начальникъ отказалъ Алматинскому станичному обществу утвердить приговоръ, установлявшій таксу сбора съ киргизъ за пользованіе ими станичными землями, находя, что эта плата за земли для киргизъ обременительна. Военный губернаторъ дол-

женъ былъ объяснить этому уѣздному начальнику, что „казачьи общества въ правѣ опредѣлять плату за пользованіе станичными землями со стороны постороннихъ лицъ“ и т. д. и что ему не предоставлено право отказывать въ утвержденіи такихъ приговоровъ (8).

Подобныхъ случаевъ были десятки.

Такимъ образомъ мѣстная администрація, съ одной стороны, произвольно отнимала доходы, а съ другой,—затрудняя ихъ поступленіе, сама непосредственно наталкивала казачьи общества на мысль, что ихъ общественныя капиталы далеки отъ признанія собственностью обществъ, а доходы ихъ зависятъ отъ усмотрѣнія перваго уѣзднаго начальника.

Весьма естественно, что желаніе улучшать и совершенствовать собственность является только при условіяхъ обезпеченія этой собственности, въ противномъ-же случаѣ и, особенно при наличности отсутствія достаточнаго интеллектуальнаго развитія—самъ собственникъ часто обращается въ хищника.

Таковы были условія, въ которыхъ стояли Семирѣченскія станичныя общества въ отношеніи управленія своими общественными капиталами, а поэтому и нѣтъ достаточныхъ основаній обвинять однихъ только казаковъ въ томъ, что управленіе этими капиталами не достигло надлежащей степени порядка.

Положеніе 1870 г., введя почти полное самоуправленіе и предоставивъ распоряженіе общественными капиталами усмотрѣнію станичныхъ обществъ, весьма естественно не могло и дать правилъ управленія этими капиталами, такъ какъ съ указаніемъ правилъ явился-бы контроль за ихъ примѣненіемъ, а съ учрежденіемъ контроля утрачивалась-бы и самая идея самоуправленія, положенная въ основу положенія 1870 г.

Поэтому Семирѣченскія казачьи общества, не будучи достаточно знакомы съ общественными порядками счетоводства и вслѣдствіе другихъ, вышеизложенныхъ причинъ, въ большинствѣ случаевъ не составляли особыхъ смѣтъ, опредѣляя своими приговорами источники и нормы для взиманія доходовъ,—а для расходовъ предметы и размѣры, не опредѣляя, однако точными цифрами суммъ всѣхъ доходовъ и расходовъ (9).

Такія неопредѣленныя и неограниченныя смѣты не только затрудняли контроль со стороны самихъ обществъ за дѣйствіями станичныхъ должностныхъ лицъ, являвшихся исполнителями смѣтъ, но открывали станичнымъ правленіямъ ши-

рокій просторъ для всевозможныхъ злоупотребленій.

Если же къ этому добавить то безотрадное положеніе, въ которомъ, какъ мы уже знаемъ, находилось самоуправленіе въ этотъ періодъ времени, то картина станичнаго финансоваго управленія представится неособенно въ свѣтлыхъ краскахъ.

До 1885 года книгъ и вообще какой либо сколько нибудь правильной отчетности, допускающей повѣрку, почти совсѣмъ не велось и даже на ревизію командированному по Высочайшему повелѣнію генералъ-адъютанту Свистунову ни войсковая, ни областная администрація представить сколько нибудь подробныхъ данныхъ объ общественныхъ капиталахъ не могли, за неимѣніемъ этихъ свѣдѣній въ станицахъ(10).

Генералъ-адъютантъ Свистуновъ, закончивъ ревизію въ Сибирскомъ войскѣ и, какъ видно изъ его отчета, найдя и тамъ управленіе станичными капиталами не въ лучшемъ видѣ, чѣмъ онъ нашелъ потомъ это управленіе въ Семирѣченскомъ, обратилъ, вѣроятно, на это обстоятельство вниманіе Степного генералъ-губернатора генерала Колпаковскаго, который по этому и предписалъ 10 мая 1884 года Семирѣченскому военному губернатору распорядиться: чтобы смѣты станичныхъ обществъ, прежде производства по нимъ расходовъ, представлялись-бы на повѣрку уѣзднымъ, начальникамъ, а послѣдніе, уже со своими заключеніями, передавали бы ихъ на разсмотрѣніе Семирѣченскаго областного правленія „въ видахъ согласованія таковыхъ съ пользами и нуждами войскового населенія“(11)

Генералъ Фриде передалъ полученное имъ распоряженіе Степного генералъ-губернатора на разсмотрѣніе Семирѣченскаго областного правленія, которое признало такое распоряженіе отданнымъ вопреки закону 13 25 мая 1870 года*) и не подлежащимъ исполненію(9). Но генералъ Колпаковскій повторилъ свое приказаніе въ такой формѣ, что Семирѣченскій военный губернаторъ поспѣшилъ привести его въ исполненіе и 3 августа того-же 1884 года уже доносилъ Степному генералъ-губернатору: „что смѣты и свѣдѣнія о станичныхъ и выселковыхъ доходахъ за 1883-й годъ и смѣты на 1884 годъ *разсмотрѣны***), смѣты-же на 1885 годъ и свѣдѣнія о доходахъ и расходахъ за 1884 годъ будутъ разсмотрѣны своевременно“(11)

---

*) Положеніе объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ 1870 г

**) Это едвали могло быть сдѣлано такъ скоро, ибо смѣты и свѣдѣнія были только въ одной Алматинской станицѣ, что видно изъ отчета генералъ-адъютанта Свистунова.

Такимъ образомъ съ 1885 года началось ежегодное разсмотрѣніе станичныхъ смѣтъ Семирѣченскимъ областнымъ правленіемъ.

Заявленіе въ журналѣ общаго присутствія этого правленія 9 іюня 1884 года*), что одно „разсмотрѣніе" безъ контроля за исполненіемъ смѣтъ ни къ чему не поведетъ и будетъ только однимъ излишнимъ бременемъ для уѣздныхъ начальниковъ и областного правленія — совершенно оправдалось впослѣдствіе. Въ отчетѣ о состояніи семирѣченскаго войска за 1891 годъ мы, по этому поводу находимъ слѣдующее мѣсто: „какъ показалъ многолѣтній опытъ доставленія станицами свѣдѣній о состояніи ихъ общественныхъ капиталовъ, свѣдѣнія эти были всегда не точны и не выражали собою дѣйствительнаго состоянія этихъ капиталовъ, ибо до сего времени станицы распоряжались своими общественными деньгами безконтрольно".

Хотя это въ сущности и вѣрно, но, разсматривая ниже приведенную таблицу роста общественныхъ капиталовъ, нельзя не замѣтить, что приходъ въ большинствѣ станицъ замѣтно увеличился именно съ 1884 года, т. е. что если „разсмотрѣніе" смѣтъ уѣздными начальниками и областнымъ правленіемъ и не упорядочило въ достаточной степени общественное хозяйство, то, во всякомъ случаѣ, сохранило часть денегъ отъ употребленія „не по принадлежности" и дало нѣкоторую отчетливость станичному счетоводству.

Общій обзоръ съ 1892 по 1904 годъ.

Съ введеніе въ дѣйствіе положенія 1891 года станичныя общества совершенно лишились права самоуправленія въ отношеніи своихъ общественныхъ капиталовъ. Съ 1 января 1892 года за ними осталось только право разсмотрѣнія, составленныхъ станичными правленіями, смѣтъ, право расходованія назначенныхъ по нимъ суммъ и самообложеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда расходъ превышаетъ общую сумму прихода съ запаснымъ капиталомъ вмѣстѣ.

Право же детальнаго разсмотрѣнія смѣтъ, ихъ утвержденіе, установленіе видовъ и формы отчетности, производство ревизіи и общее наблюденіе за цѣлостью и правильнымъ расходованіемъ станичныхъ капиталовъ въ предѣлахъ утвержденныхъ смѣтъ — предоставлено войсковому правленію. Оно-же разрѣшаетъ дополнительные и сверхсмѣтные расходы.

Такимъ образомъ, новое положеніе почти совсѣмъ сняло

*) Въ томъ самомъ, которымъ распоряженіе генерала Колпаковскаго о разсмотрѣніи смѣтъ было признано противозаконнымъ.

со станичныхъ обществъ отвѣтственность за употребленіе и приложеніе ихъ капиталовъ, какъ силы, содѣствующей нравственному и экономическому развитію этихъ обществъ, перенеся всю тяжесть такой отвѣтственности на войсковое правленіе.

Послѣднимъ въ первые-же годы установлена хотя и не сложная, но достаточно дѣйствительная отчетность.

Прежде всего указана однообразная для всѣхъ станицъ форма смѣтъ, а затѣмъ введены приходо-расходныя и квитанціонныя книги, разсылаемыя ежегодно во всѣ поселенія изъ войскового правленія.

Ежегодныя ревизіи всѣхъ станичныхъ и выселковыхъ правленій предсѣдателемъ войскового правленія направили счетоводство и дали ему надлежащій ходъ.

Въ настоящее время почти уже нѣтъ мѣста тѣмъ безъотвѣтственнымъ хищеніямъ, какія случались ранѣе не особенно рѣдко и всѣ силы общественнаго капитала могутъ преслѣдовать опредѣленныя цѣли. Остается такимъ образомъ, имѣть только твердую обоснованную программу этихъ цѣлей и порядка ихъ достиженія, имѣя въ виду, что развитіе общаго благосостоянія неизмѣримо важнѣе накопленія капиталовъ, ради только одного накопленія.

Ниже увидимъ — чего именно достигло войсковое правленіе въ этомъ направленіи.

Доходы.

Главными статьями дохода общественныхъ капиталовъ, какъ до 1892 года, такъ и послѣ, являлись: питейный, плата за отдаваемыя въ аренду свободныя общественныя земли и, такъ называемый, „подкопытный сборъ" за право пастьбы скота лицъ не войскового сословія на казачьихъ земляхъ; плата за предоставленіе обществомъ одному или нѣсколькимъ опредѣленнымъ лицамъ исключительно права на содержаніе въ станицѣ или выселкѣ: трактировъ, харчевень, мясныхъ лавокъ; посаженной платы съ разночинцевъ, арендной платы съ общественныхъ лавокъ и др. строеній; сбора на билеты съ казаковъ, увольняемыхъ въ отпускъ; сбора взамѣнъ личнаго отбыванія земской почтовой повинности; %% на ссуды и на свободную наличность и многихъ другихъ болѣе мелкихъ статей, опредѣляющихся въ зависимости отъ мѣсторасположенія поселеній и дѣятельности ихъ населенія.

Самой-же крупной статьей дохода является доходъ питейный.

До 1885 года всѣ отдѣльныя общества пользовались пра-

вомъ допускать или не допускать виноторговлю на своихъ земельныхъ надѣлахъ Каждый изъ оперирующихъ въ данной мѣстности виноторговцевъ желалъ пріобрѣсти возможно большее количество пунктовъ продажи, а общества, въ виду извлеченія дохода, обыкновенно не желали допускать у себя болѣе одного „питейнаго заведенія", что создавало между виноторговцами конкуренцію, выражавшуюся въ предложеніи, наибольшей, другъ передъ другомъ, платы за общественный приговоръ на право торговли. Но такъ какъ закономъ такой платежъ не былъ предусмотрѣнъ, то онъ являлся не легальнымъ и вносился виноторговцами подъ видомъ „добровольныхъ пожертвованій" на станичныя школы, церкви и т. д (12).

Въ 1885 году правительство поставило торговлю водкой и вообще спиртными напитками внѣ зависимости отъ желанія или нежеланія сельскихъ обществъ, что немедленно устранило между виноторговцами вышеприведенную конкуренцію, а общества лишились самой крупной статьи дохода, вслѣдствіе чего явилась необходимость самообложенія(13).

Подъ давленіемъ этого послѣдняго обстоятельства казаки скоро поняли, что законы торговли и фиска даютъ имъ полную возможность поставить виноторговцевъ въ прежнее зависимое положеніе хотя и нѣсколько инымъ путемъ.

Въ Семирѣченскихъ казачьихъ поселеніяхъ учредилось строжайшее наблюденіе за точнымъ и буквальнымъ выполненіемъ виноторговцами всѣхъ правилъ закона о виноторговлѣ; посыпались протоколы, штрафы и виноторговцы въ первые-же два года „свободы" были приведены къ сознанію, что имъ выгоднѣе стать въ прежее положеніе и возобновить свои прежнія „добровольныя пожертвованія", чѣмъ имѣть возлѣ своихъ „заведеній" недремлющаго аргуса. Такимъ образомъ, прежняя доходная статья была постепенно возстановлена въ своихъ прежнихъ размѣрахъ.

Наконецъ, 5 мая 1892 года эта статья была легализована въ законодательномъ порядкѣ, предоставленіемъ сельскимъ и станичнымъ обществамъ права получать съ виноторговцевъ плату за согласіе на открытіе питейной продажи на ихъ земляхъ(14).

Пользуясь своимъ правомъ наблюденія и контроля, а точно такъ-же правомъ утвержденія или отклоненія приговоровъ по финансовой части станицъ, войсковое правленіе взяло легализованную питейную доходную статью въ свои руки и подъ свой собственный контроль.

Съ 1892 года платежи виноторговцевъ уже вносятся въ станичныя смѣты полностью. Далѣе, въ видахъ увеличенія

доходовъ, войсковое правленіе начинаетъ оказывать усиленное давленіе на станичныя и выселковыя общества въ смыслѣ принужденія ихъ къ устройству своихъ собственныхъ общественныхъ питейныхъ заведеній. Въ случаяхъ, когда у какого либо общества не доставало денегъ на оборудованіе „заведенія", войсковое правленіе настойчиво рекомендовало произвести заемъ, а питейное заведеніе устроить непремѣнно свое.

Къ послѣднему времени всѣ почти поселенія войска имѣютъ собственныя питейныя заведенія, для точнаго учета которыхъ была установлена довольно несложная отчетность, періодически представляемая на ревизію въ войсковое правленіе[14].

Какую величину представляетъ питейная статья въ годовомъ бюджетѣ станицъ, видно изъ того, что напр. въ 1902 году она дала въ общей суммѣ по всѣмъ поселеніямъ войска 155 тыс. рублей, а весь же валовой доходъ общественныхъ капиталовъ былъ въ этомъ году 209537 рублей, т. е. всѣ прочія статьи дохода дали вмѣстѣ только 54537 рублей или, иначе говоря, эта питейная статья является добровольнымъ самообложеніемъ всего живущаго на территоріи войска населенія въ пользу общественныхъ капиталовъ, т. е. часть денегъ пропиваемыхъ этимъ населеніемъ, не теряется для него совсѣмъ безполезно.

Ниже приведена таблица ежегоднаго въ общихъ суммахъ прихода и расхода общественныхъ капиталовъ, разсматривая которую, легко замѣтить, что доходы большинства станицъ вдругъ дѣлаютъ скачекъ въ своемъ развитіи на 7—8 или болѣе тысячъ рублей—это знакъ, что съ этого года въ данной станицѣ начало дѣйствовать свое общественное питейное заведеніе.

Расходы.

Крупными статьями станичныхъ расходовъ являются: на народное образованіе; на содержаніе своихъ управленій; постройка и содержаніе различныхъ общественныхъ зданій: школъ, станичныхъ и выселковыхъ правленій, хлѣбозапасныхъ магазиновъ; участіе въ постройкѣ церквей; постройка и содержаніе мостовъ, бараковъ для лѣтнихъ кампаментныхъ сборовъ; расходы на снаряженіе бѣднѣйшихъ казаковъ комплектованія, въ случаяхъ недостаточности вспомогательныхъ капиталовъ*) и т. д.

Всѣ прочія статьи расходовъ въ сравненіи съ предъидущими являются уже мелкими и чрезвычайно разнообразными,

*) Разсмотрѣны въ особой статьѣ ниже.

въ зависимости отъ экономическихъ и другихъ условій, въ которыхъ протекаетъ жизнь каждаго даннаго поселенія.

Такъ, во второй рубрикѣ расходовъ встрѣчаются: содержаніе церковнаго пѣвческаго хора, плата за пользованіе кладбищемъ, участіе въ наймѣ помѣщенія для почтовой конторы (ст. Сарканская), наемъ квартиръ для проходящихъ партій и арестантовъ, расходы по размежеванію земель, содержаніе войсковой Александровской богадѣльни, содержаніе и окарауливаніе общественныхъ рощъ, жалованіе оспопрививателю, призрѣніе бѣдныхъ, содержаніе станичныхъ складовъ оружія, расходы на медицинскую помощь, наемъ юртъ для лѣтнихъ кампаментныхъ сборовъ тамъ, гдѣ нѣтъ бараковъ; наемъ или содержаніе помѣщеній для зимнихъ сборовъ казаковъ приготовительнаго разряда и т. д.

Самыми-же крупными статьями расходовъ, рѣдко гдѣ не поглошающими половины всего годового прихода, являются: 1) расходы на содержаніе своихъ станичныхъ и выселковыхъ правленій, считая здѣсь жалованіе должностнымъ лицамъ, всѣ канцелярскія и по управленію расходы, содержаніе и окарауливаніе зданій правленій и т. д и 2) на народное образованіе, т. е. жалованіе учительскому персоналу, наемъ для него квартиръ, постройка и содержаніе зданій школъ, наемъ прислуги въ школы, отопленіе школъ и учительскихъ квартиръ, участіе въ заведеніи и содержаніи учебнаго инвентаря школъ и т. д.

При разсмотрѣніи расходовъ изъ общественныхъ капиталовъ нельзя не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство

Еще въ 1884 году ревизовавшій войско генералъ-адъютантъ Свистуновъ въ своемъ отчетѣ замѣтилъ, что: „въ большинствѣ казачьихъ обществъ .... не усматривается проэктированія по ихъ собственной инціативѣ или развитія ихъ попеченіемъ какихъ либо общеполезныхъ въ селеніяхъ мѣръ, какъ, напр, по охраненію народнаго здравія, по огражденію отъ эпизоотій, по народному образованію и т. п.“, что можно еще въ извѣстной степени объяснить недостаточнымъ развитіемъ членовъ обществъ и слишкомъ узкимъ пониманіемъ ими своихъ выгодъ.

Когда-же руководство управленіемъ общественными капиталами перешло съ 1892 г. въ вѣдѣніе войскового правленія, т. е. лицъ, долженствующихъ состоятъ по своему интеллектуальному развитію и правильному пониманію общественныхъ выгодъ достаточно высоко, то, казалось-бы, что обстоятельству, замѣченному генераломъ Свистуновымъ, не оста-

валось-бы и мѣста.

Но разсматривая статьи расходовъ общественнаго бюджета за послѣднее десятилѣтіе, мы среди нихъ не находимъ тратъ на развитіе или оборудованіе какихъ либо общеполезныхъ въ селеніяхъ мѣръ". Само войсковое управленіе, изъ года въ годъ, въ своихъ отчетахъ о состояніи войска, заявляло о печальномъ положеніи казачьяго населенія въ вопросѣ о поданіи ему медицинской помощи, т. е. почти о совершенномъ отсутствіи этой помощи въ отдаленныхъ отъ городовъ станицъ. И что-же—именно въ этихъ станицахъ и не была организована медицинская помощь на общественный счетъ.

Въ этомъ отношеніи оказалъ, въ извѣстной степени, содѣйствіе въ 1899 году, какъ увидимъ ниже, уже Туркестанскій генералъ-губернаторъ, возложивъ поданіе медицинской помощи казачьему населенію на обязанность уѣздныхъ врачей, и населеніе, въ этомъ отношеніи, сравнительно лучше устроилось только съ 1902 года, когда леченіе больныхъ распоряженіемъ правительства было отнесено на войсковой счетъ.

Населеніе чрезвычайно нуждалось въ пріобрѣтеніи усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и простѣйшихъ машинъ*): плуговъ, сѣялокъ, вѣялокъ и т. д; эти предметы инвентаря, необходимые въ каждомъ, сколько нибудь благоустроенномъ хозяйствѣ, оно могло-бы пріобрѣтать по недорогой цѣнѣ и лучшаго качества если-бы при нѣкоторыхъ станицахъ, напр., Алматинской, Капальской, Лепсинской и Сергіопольской, были бы устроены склады такихъ орудій и машинъ

Хотя общественные капиталы этихъ станицъ и вполнѣ, какъ увидимъ ниже изъ приложенной къ этой главѣ таблицы, допускали оборудованіе складовъ, но само населеніе не понимало этой возможности, не знало техники устройства складовъ, не сознавало всей пользы усовершенствованныхъ орудій и машинъ, а войсковое правленіе не только не пропагандировало идеи примѣненія ихъ, но даже, наоборотъ, поддерживало неосновательный консервативный взглядъ на эти орудія, повторяя въ своихъ отчетахъ о состояніи войска, не менѣе 10—12-ти послѣднихъ лѣтъ подрядъ, что: введеніе плуга въ казачьемъ населеніи затрудняется главнымъ образомъ тѣмъ, что запашка имъ требуетъ большихъ средствъ; *работа съ плугомъ возможна или на волахъ, или не менѣе какъ на шести и даже восьми лошадяхъ*".

*) Доказательства того, что населеніе дѣйствительно «нуждалось», приведены здѣсь въ главѣ VI, ст. «Земледѣліе».

Эти отчеты разсылались по станицамъ и выселкамъ, гдѣ населеніе, прочитывая подобныя заявленія невольно утверждалось въ своихъ невѣжественныхъ взглядахъ на плугъ и не разставалось со своей, какъ называетъ то-же войсковое правленіе. въ тѣхъ-же отчетахъ, „казачьей сохой“*).

Семирѣченское областное правленіе въ своей пространной запискѣ, приложенной къ журналу общаго присутствія правленія 9 іюня 1884 года([15]), категерически утверждаетъ, что около трети расходовъ изъ станичныхъ общественныхъ капиталовъ шло на школы.

Тоже самое подтверждаетъ въ своемъ отчетѣ и генералъ-адъютантъ Свистуновъ, а изъ таблицы, приложенной здѣсь къ главѣ „народное образованіе“, мы увидимъ, что расходъ всѣхъ станицъ, въ совокупности, на школы, въ періодъ съ 1880 го по 1892 годъ, т. е за время самоуправленія, колебался ежегодно отъ 5749 руб.**) до 17067 рублей, не считая здѣсь расходы натурой: квартиры, отопленіе и др., прибавивъ которые, дѣйствительно получимъ сумму, близкую къ трети всѣхъ расходовъ, простиравшихся за тотъ-же періодъ отъ 28500 до 89000 рублей

Разсматривая-же расходный бюджетъ станицъ въ періодъ съ 1892 по 1904 г., т- е. за время непосредственнаго наблюденія за общественнымъ хозяйствомъ станицъ войскового правленія, мы видимъ, что расходъ на школы всѣхъ поселеній колебался только отъ 5745-ти до 7825 руб., тоже не считая здѣсь расходсвъ натурой, при общей суммѣ расходовъ отъ 49-ти***) до 193-хъ тысячъ рублей.

Здѣсь, даже удвоивъ указанные расходы на школы на покрытіе расходовъ натурой—мы всетаки получимъ цифры, очень далекія отъ прежней трети.

Разсматривая станичный бюджетъ далѣе въ періодъ, съ 1892 года, мы не находимъ въ немъ никакихъ другихъ расходовъ чисто общественнаго значенія, какъ, напр., постройки магистральныхъ арыковъ, устройства станичныхъ больницъ, библіотекъ и т. д.

---

*) Въ части II, главѣ II настоящаго изданія мы уже видѣли, что орудіе, употребляемое казаками, буквально не имѣетъ ничего общаго съ сохой, а представляетъ тотъ-же плугъ, но только конструкціи далекой отъ совершенства.

**) Только въ одномъ 1880 году этотъ расходъ выразился въ суммѣ 1914 рублей.

***) Только въ одномъ 1892 году этотъ расходъ выразился въ суммѣ 33815 руб., но это еще въ порядкѣ предъидущаго періода. Въ 1896 г. общая сумма расхода перешла за сто тысячъ рублей.

Прилагаемая таблица даетъ достаточно ясное представленіе о ростѣ приходовъ и расходовъ общественныхъ капиталовъ, а точно такъ-же и о состояніи ихъ наличности, т. е о накопленіи (См. прилож. № 1-й).

Приведенная таблица даетъ точныя цифры только съ 1893 года, т. е. со времени когда войсковое правленіе успѣло направить счетоводство въ станицахъ, до этого-же года цифры таблицы, вслѣдствіе неправильностей въ веденіи денежной отчетности по общественнымъ капиталамъ въ поселеніяхъ войска, могутъ быть разсматриваемы только какъ общіе показатели движенія въ денежномъ хозяйствѣ станицъ.

Вторая-же часть таблицы представляетъ уже точныя данныя, разсматривая которыя нельзя не замѣтить, что станичные общественные капиталы съ 1893 года двинулись въ ростъ и къ 1 января 1904 года достигли суммы въ 85893 руб., что ростъ этотъ послѣдовательно и неуклонно совершался изъ года въ годъ. Это послѣднее обстоятельство убѣждаетъ, что войсковое правленіе, въ рукахъ котораго находилось управленіе этими капиталами, преслѣдовало одну опредѣленную идею —накопленія общественныхъ капиталовъ.

На основаніи имѣющихся данныхъ представляется возможнымъ опредѣлить и цѣль этого накопленія.

Припомнимъ вышесказанное о томъ, что въ этомъ періодѣ изъ общественныхъ капиталовъ станицъ не производилось расходовъ, имѣющихъ общественное значеніе и служащихъ къ подъему уровня экономическаго положенія населенія, за исключеніемъ незамѣтнаго расхода на народныя школы.

Затѣмъ, разсматривая отчеты о состояніи войска за послѣдніе 3—4 года, мы находимъ въ нихъ, въ главѣ „станичные капиталы“, даже особую графу, показывающую на сколько именно въ данномъ году общая сумма станичныхъ капиталовъ (наличность) возрасла противъ наличности 1892 года, т. е. со времени поступленія станичныхъ капиталовъ въ вѣдѣніе войскового правленія. А такъ какъ наличность эта неуклонно растетъ изъ года въ годъ, то, очевидно, что прогрессирующимъ ростомъ наличности, т. е. накопленіемъ станичныхъ капиталовъ—войсковое правленіе и характеризуетъ успѣшность своей дѣятельности по управленію этими капиталами. Отсюда—естественный выводъ, что только болѣе или менѣе успѣшное накопленіе общественныхъ капиталовъ и служитъ наглядным показателемъ плодотворности управленія ими или, иначе говоря, накопленіе ведется только ради накопленія. Между тѣмъ общественные капиталы имѣютъ своей главной цѣлью удовлетвореніе насущныхъ нуждъ населенія, съ котораго, въ

сущности, они и собираются косвеннымъ обложеніемъ По этому поводу, еще въ 1884 году Семирѣченское областное правленіе въ своей запискѣ, приложенной къ журналу его 9 іюня, совершенно правильно высказало, что: „производительныя издержки предпочтительнѣе и плодотворнѣе накопленія небольшихъ капиталовъ не отъ общественныхъ избытковъ, а отъ скудости. Развитіе общественнаго и частнаго хозяйства членовъ общества есть болѣе вѣрный путь къ обезпеченію общественныхъ доходовъ, чѣмъ посылка денегъ въ кредитныя учрежденія съ ущербомъ для насущныхъ общественныхъ потребностей".

А что накопленіе станичныхъ капиталовъ въ Семирѣченскомъ войскѣ производится „не отъ общественныхъ избытковъ, а отъ скудости" и „съ ущербомъ для насущныхъ общественныхъ потребностей" доказывается тѣмъ, что еще въ 1895 году, какъ удостовѣряетъ отчетъ о состояніи войска за этотъ годъ, казаки начали продавать своихъ лошадей для удовлетворенія потребностей своего домашняго обихода, а въ 1898 году наказный атаманъ въ своемъ личномъ Всеподданнѣйшемъ отчетѣ докладываетъ Государю, что экономическое положеніе семирѣченскихъ казаковъ такъ плохо, что безъ помощи отъ казны имъ уже крайне тяжело снаряжать своихъ сыновей на службу

ИСТОЧНИКИ

къ части III, главѣ III исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска.

№№ по порядку.

1 Прик. по воен. вѣд. 1870 г. № 376. Сборникъ правит. распоряж. по каз. войск. за 1872 г. ст. 242.

2 Полож. Воен. Совѣта 24 фев. 1879 г. въ сбор. правит. распоряж. по каз. войск. 1879 г. т. XV, ст. 20.

3 Высоч. утверж. 15 марта 1899 г. мнѣніе Государств. Совѣта.

4 Арх. войск. пр-нія Семирѣч. каз войска, опись дѣлъ воен. отдѣленія, дѣло 1885 г., № 19/114, листъ 12, отчетъ генер.-адъют. Свистунова.

5 Прик. по воен. вѣд. 1888 г. № 228.

6 Всепод. отчетъ о состояніи Семир. к. в. за 1890 г.

7 Арх. Семир. област. пр нія, оп. д. хоз. отд., дѣло 1873 г, № 684, листъ 2. Рапортъ Б.-Алмат. ст. ат-на 10 апр 1872 г. № 1168 наказ. ат-ну.

8 Арх. Семир. обл. пр-нія, оп. дѣлъ межев. отд, дѣло 1887 г., № 320, листы 2 и 5, р-тъ воен. губернатору н-ка Вѣр. уѣзда 4 сент. 1885 г. № 6419 и предлож того-же губернатора 11 февр. 1886 г. № 2863 Вѣрн. уѣзд. н-ку

9 Арх. Семир. обл. пр-нія, оп. д. хоз. отд, прилож. къ дѣлу 1884 г., № 1573, листъ 6, журналъ общаго присутствія Семир. обл. пр-нія 9 іюня 1884 г.

10 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д. хоз. отд., прилож къ дѣлу 1885 г № 64/128, листъ 43/141, отчетъ генер. адъют. Свистунова.

11 Арх. Семир. обл. пр-нія, оп. д. хоз. отд, II стола, дѣло 1884 г., № 1573, листъ 1. Предлож. Степ генер.-губернатора 10 мая 1884 г. № 2788 воен. губернатору Семир. обл и отвѣтъ—р-тъ генер. Фриде Степному генер.-губ. 23 авг. 1884 г. № 15476 въ томъ-же дѣлѣ, листъ 25

12 Записка, приложенная къ журналу общ. присут. Семир. об. пр-нія 9 іюня 1884 г.

13 Всепод отчетъ о сост. Семир. к в за 1886 г.

14 Собр. узак. и распор. правит. 1892 г. № 581.

15 Примѣч 10 и 12 здѣсь.

Глава IV-я

Развитіе войска.

Увеличеніе народонаселенія.

Климатическія, почвенныя и топографическія *) условія, создающія изъ Семирѣчья благодатную страну, представляютъ всѣ данныя для успѣшной ея колонизаціи русскимъ населеніемъ. Если эта колонизація, почти до конца прошлаго столѣтія, и шла туго, то здѣсь препятствіемъ становятся никакъ не мѣстныя условія, а совершенно иныя, какъ, напримѣръ, отдаленность страны, незнакомство съ нею крестьянъ и казаковъ Европейской Россіи, общіе недостатки устройства переселенческаго дѣла и т. д., а, наконецъ, и такія условія, которыя принуждали само правительство сдерживать напоръ переселенческой волны изъ Сибири.

Сибирскіе казаки, служа въ Семирѣчьѣ, знакомятся съ сельско-хозяйственными условіями страны, находятъ ихъ выгоднѣе тѣхъ-же условій своей родины и, нерѣдко, съ окончаніемъ службы, остаются въ Семирѣчьѣ или возвращаются въ него потомъ.

Но казакъ несравненно болѣе связанъ въ своихъ передвиженіяхъ съ мѣста на мѣсто, чѣмъ крестьянинъ; казакъ обязанъ жить не тамъ, гдѣ ему кажется выгоднѣе, а тамъ, гдѣ его присутствія требуютъ виды и интересы правительства, почему всѣ, стремящіеся къ переселенію въ Семирѣчье, сибирскіе казаки не могутъ исполнять своего желанія, не получая на то согласія и разрѣшенія своего войскового начальства.

Это послѣднее обстоятельство побуждало ихъ въ большинствѣ случаевъ прибѣгать къ такому пріему: они брали возможно продолжительный отпускъ изъ своего мѣстожительства, поселялись въ Семирѣчьѣ, обзаводились хозяйствомъ и „забывали о срокѣ отпуска“.

Конечно если бы Сибирское и Семирѣченское войсковыя управленія были солидарны между собой, то указанная „забывчивость“ не имѣла бы мѣста, но такъ какъ интересы ихъ въ этомъ отношеніи діаметрально противоположны, то такая „забывчивость“, въ большинствѣ случаевъ, практиковалась съ успѣхомъ.

*) Въ смыслѣ возможности искусственнаго орошенія.

Семирѣченское войсковое управленіе заботится объ увеличеніи численности войскового населенія и смотритъ снисходительно на самовольныхъ насельниковъ; сибирское-же, имѣя въ виду недостатокъ служилаго разряда въ войскѣ,—препятствуетъ всѣми средствами уходу казаковъ. Столкновеніе противоположныхъ интересовъ двухъ войсковыхъ управленій создавало благодарную почву для болѣе энергичныхъ сибирскихъ казаковъ, которые, поселившись въ семирѣченскихъ станицахъ и обзаведясь тамъ хозяйствомъ, давали основательный поводъ мѣстному войсковому начальству ходатайствовать предъ правительствомъ о формальномъ зачисленіи самовольныхъ поселенцевъ въ Семирѣченское войско, чтобы принудительнымъ выселеніемъ не разорять ихъ хозяйства.

Такая обстановка дѣла вынуждала и само сибирское войсковое управленіе, хотя и противъ желанія, давать иногда согласіе на перечисленіе (1).

Такимъ именно путемъ и образовались поселенія на р. Хоргосъ: выселки Хоргосскій въ 1882 году и Николаевскій въ 1889 году (1).

Однако въ 1885 году войсковой наказный атаманъ Сибирскаго войска обратилъ свое вниманіе на такое переселеніе сибиряковъ въ Семирѣчье и, по званію командующаго войсками Омскаго военнаго округа, въ мартѣ этого года предписалъ наказному атаману Семирѣченскаго войска: «Разсмотрѣвъ ходатайство Вашего Превосходительства... и приложенные къ нему посемейные списки казаковъ 1-го отдѣла Сибирскаго к. войска, самовольно и по увольнительнымъ видамъ пришедшихъ на поселеніе въ Семирѣченскую область, я призналъ необходимымъ раздѣлить этихъ казаковъ на три группы,—отнеся къ первой тѣхъ изъ нихъ, которые пришли въ Семирѣчье на заработки, по случаю постигшихъ ихъ въ послѣдніе годы неурожаевъ; ко второй—пришедшихъ для поселенія на новыхъ мѣстахъ по р. Хоргосу, но не поселившихся еще тамъ, и къ третьей—семейства уже поселившіяся здѣсь и заведшія какое либо «хозяйство».

«Казаки и семейства первой группы, если они не имѣютъ никакихъ увольнительныхъ видовъ или имѣютъ таковые, но просроченные, или-же выданные неподлежащими властями,—какъ бродяги, должны быть немедленно выдворены къ мѣсту ихъ приписки. Лица второй группы: а) самовольно разселившіяся по попутнымъ поселкамъ, не имѣя увольнительныхъ отъ своихъ обществъ и пріемныхъ отъ мѣстныхъ обществъ приговоровъ, теперь-же должны быть двинуты во вновь обра-

зованные по Хоргосу поселки. б) Туда-же выдворить и всѣхъ заявившихъ желаніе образовать новый поселокъ на р. Кокъсу, предоставивъ, впрочемъ, желающимъ поселиться и на урочищѣ Атъ-башъ, въ Иссыкъ-Кульскомъ уѣздѣ в) Семейства, имѣющія увольнительные и пріемные приговора на поселеніе въ попутныхъ поселкахъ Семирѣченскаго войска, впредь до воспослѣдованія правительственнаго разрѣшенія о передвиженіи сюда сибирскихъ казаковъ —могутъ безпрепятственно проживать въ принявшихъ ихъ поселкахъ. Казаки и семейства третьей группы, прибывшіе и устроившіеся въ новыхъ хоргосскихъ поселкахъ, могутъ быть то-же оставлены здѣсь на жительство, съ правомъ пользованія земельными угодьями, принадлежащими этимъ поселкамъ, но съ непремѣннымъ обязательствомъ не отлучаться изъ нихъ».

«Льготные и приготовительнаго разряда казаки, состоящіе въ семьяхъ послѣднихъ двухъ группъ, должны быть, впредь до особаго распоряженія, привлекаемы къ учебнымъ сборамъ и осмотрамъ совмѣстно съ такими-же казаками Семирѣченскаго войска; казаки же, подлежащіе въ текущемъ году наряду на полевую службу, ко времени прихода изъ Сибири въ 1-й полкъ смѣнныхъ командъ, должны явиться въ послѣдній, совмѣстно съ этими-же командами. Вмѣстѣ съ этимъ прошу . . . . объявить сибирскимъ казакамъ, проживающимъ въ Семирѣчьѣ, что всякія затѣмъ самовольныя ихъ передвиженія будутъ строго мною преслѣдоваться и никакія отговорки объ уважительности причинъ, заставившихъ совершить то или иное незаконное передвиженіе, приниматься во вниманіе не будутъ»([2])

Такимъ образомъ, сибирскіе казаки въ числѣ тысячи душъ получили право жить въ Семирѣчьѣ, но воинскую повинность они все время должны были отбывать въ сибирскомъ полку, служащемъ въ Семирѣченской области. Окончательное-же ихъ зачисленіе въ Семирѣченское войско состоялось только въ 1902 г([3])

Дальнѣйшее переселеніе сибиряковъ было остановлено усиленными мѣрами Сибирскаго войскового управленія и Степного генералъ-губернатора([4]). А въ 1899 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 15 марта было между прочимъ постановлено, чтобы дальнѣйшее развитіе при-Хоргосскихъ поселеній, образованныхъ, какъ мы уже знаемъ, изъ сибирскихъ казаковъ, совершалось-бы „посредствомъ водворенія въ нихъ переселенцевъ, принадлежащихъ не къ Семирѣченскому или Сибирскому, а къ другимъ казачьимъ войскамъ или-же переселенцевъ изъ крестьянъ,

изъявившихъ желаніе зачислиться въ казаки".

Такимъ образомъ доступъ сибирякамъ въ Семирѣчье былъ закрытъ.

Причисленіе къ войску лицъ прочихъ сословій въ изслѣдуемый періодъ времени было вообще совсѣмъ незначительно и видно изъ прилагаемыхъ ниже таблицъ, въ которахъ вмѣстѣ съ тѣмъ приведены и всѣ данныя о ростѣ и распредѣленіи населенія Семирѣченскаго войска.

При разсмотрѣніи таблицы роста населенія войска, обращаетъ на себя вниманіе большій, сравнительно съ мужчинами, приливъ въ войско женщинъ изъ другихъ сословій и такой же ихъ отливъ изъ него. Это обстоятельство объясняется выходомъ замужъ за казаковъ дѣвушекъ другихъ сословій и обратно—казачекъ за лицъ не войскового сословія (См. прилож. № 2).

Въ заключеніе настоящей статьи остается добавить, что территорія войска, станицы и выселки, населены не одними казаками, но здѣсь-же проживаютъ и лица другихъ сословій: крестьяне, мѣщане и др., численность которыхъ достигала: въ 1901 и 1902 годахъ до 7300, а въ 1903 г. 8060 душъ обоего пола(6), т. е эти, какъ ихъ называютъ, «разночинцы» составляютъ $^1/_5$ часть всего населенія территоріи Семирѣченскаго войска.

Увеличеніе числа поселеній.

Изъ предыдущаго мы знаемъ, что главной цѣлью назначенія Семирѣченскаго к. войска являлось: прикрытіе поселеній области со стороны Китая и киргизъ, колонизація страны и составленіе мѣстной вооруженной силы.

На сколько могли быть выполнены эти основныя требованія войскомъ—вопросъ другой, но суть заключалась въ томъ, что эти требованія были поставлены правительствомъ и, такимъ образомъ, являлась необходимость идти намѣченнымъ путемъ къ возможному осуществленію опредѣленной цѣли.

Достиженіе этой цѣли, какъ суммы всѣхъ трехъ ея слагаемыхъ, сводилось къ увеличенію войскового населенія и къ увеличенію числа казачьихъ поселеній. Но то и другое увеличеніе не могло быть достигнуто въ болѣе или менѣе короткій срокъ однимъ естественнымъ приростомъ, т. е. перевѣсомъ рождаемости надъ смертностью, а потому Семирѣченское войско нуждалось въ приливѣ извнѣ.

Этотъ-же приливъ, какъ мы видѣли изъ предыдущей статьи (см. таблицу А), за 24 года выразился всего въ суммѣ 3006 душъ, изъ которыхъ нужно еще вычесть 1327 душъ, вышедшихъ въ тотъ-же періодъ изъ войсковаго сословія и, такимъ образомъ, чистый выигрышъ увеличенія населенія войска, съ 1880 по 1904 г., отъ прилива извнѣ выразился всего въ 1679 душъ, изъ которыхъ мужчинъ, т. е. элемента активнаго, всего только 662—количество достаточное для образованія лишь одного, много двухъ поселеній.

Если къ этому добавить, что города и крестьянскія поселенія Семирѣченской области, начавшія образовываться и развиваться значательно позже мѣстныхъ казачьихъ поселеній, достигли къ концу 1903 г. численности населенія: по 6 городамъ 37702 души и по 33 селеніямъ 46691 или всего 84393 души обоего пола *одного русскаго населенія*(7), т. е размѣровъ въ 2½ раза большихъ, сравнительно съ общей цифрой казачьяго населенія (32255 душъ обоего пола) въ области въ этомъ году, то станетъ очевиднымъ существованіе какихъ-то серьезныхъ причинъ, задерживавшихъ приливъ въ Семирѣченское войско лицъ постороннихъ сословій.

Къ обзору всѣхъ этихъ причинъ и ихъ совокупнаго взаимодѣйствія перейдемъ въ особой статьѣ, при разсмотрѣніи экономическаго положенія войскового населенія, здѣсь-же, для освѣщенія затронутаго настоящей статьей вопроса, укажемъ только на три изъ нихъ: тяжесть поголовной воинской повинности безъ всякихъ льготъ, крайне невыгодное, вслѣдствіе этого, экономическое положеніе семирѣченскихъ казаковъ и совершенное отсутствіе для переселенцевъ компенсирующихъ льготъ и привиллегій.

Крестьяне губерній Европейской Россіи и Сибири, поселяясь въ Семирѣчьѣ, получили льготу отъ воинской повинности до 1887 г., что уже само по себѣ служило могущественнымъ средствомъ для привлеченія ихъ въ область, но кромѣ этого, они въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ со времени причисленія къ семирѣченскимъ поселеніямъ освобождались еще отъ натуральныхъ земскихъ повинностей и платежа оброчной подати и земскаго сбора, а въ продолженіи слѣдующихъ трехъ лѣтъ эту подать и земскій сборъ уплачивали въ половинномъ размѣрѣ(8).

Десяти десятинный надѣлъ, благодатныя климатическія и почвенныя условія страны, въ совокупности съ этими льготами, скоро давали поселенцамъ зажиточность.

Семирѣченское-же войско не располагало возможностью конкурировать льготами, - оно не могло предложить ни со-

отвѣтствующаго освобожденія отъ воинской повинности, ни денежныхъ пособій, такъ какъ его войсковой капиталъ, что мы уже видѣли, едва выдерживалъ ложившуюся на него тяжесть расходовъ.

Поэтому вступившіе въ Семирѣченское войско не получали никакихъ льготъ и никакихъ пособій и съ первыхъ-же лѣтъ должны были испытывать всю тяжесть воинской повинности, лежавшей на мѣстныхъ казакахъ и всѣ проистекавшія отсюда невыгоды ихъ экономическаго положенія.

Прибывшіе въ область крестьяне взвѣшивали, конечно, выгоды того и другого положенія и, понятно, спѣшили приписаться къ крестьянскимъ поселеніямъ или къ городамъ, уклоняясь отъ всѣхъ предложеній идти въ казаки.

Не смотря на то, что русское сельское и городское населеніе съ 1887 года было привлечено къ отбыванію воинской повинности, кстати сказать, не имѣющей ничего общаго по своей тяжести съ казачьей, какъ по числу привлекаемыхъ такъ и по способу ея отбыванія *), но, тѣмъ не менѣе, крестьянское населеніе области росло на столько быстро, что въ 1902 году было признано необходимымъ временно пріостановить переселеніе крестьянъ въ область (9). Но тѣмъ не менѣе, крестьяне прибывали и, не получая разрѣшенія приселиться къ городамъ и крестьянскимъ поселеніямъ области, предпочитали вернуться назадъ или идти далѣе въ Туркестанъ (10), но въ казаки, хотя это имъ и предлагали, не приписывались—такъ велика оказывалась разница въ положеніи крестьянъ и казаковъ.

Очевидно, что при наличности такихъ условій въ Семирѣченское войско могли идти только казаки-же, которымъ, въ сущности, терять было уже нечего. Но изъ казаковъ съ Семирѣчьемъ были знакомы только сибиряки, а имъ, какъ мы видѣли, доступъ въ Семирѣченское войско былъ закрытъ мѣрами самого правительства и, такимъ образомъ, Семирѣченское войско, при выполненіи предъявленныхъ ему условій назначенія, оказалось предоставленнымъ своему собственному росту, что конечно усугубило тяжесть воинской повин-

*) Казаки снаряжаются на собственный счетъ, крестьянъ снаряжаетъ казна. Семирѣченское войско въ 1903 году, напримѣръ, имѣя 16009 человѣкъ мужского населенія выставило 192 челов. комплектованія, т. е. 1,2% мужского населенія, а сельское и городское русское населеніе, имѣя въ томъ-же году 45103 мужчинъ, не считая въ числѣ ихъ дунганъ, татаръ и прочихъ инородцевъ, приписанныхъ къ поселеніямъ и тоже обязанныхъ повинностью, выставило 221 человѣкъ, т. е. 0,5% или, иначе говоря, казаки съ каждой тысячи мужчинъ поставили 12 человѣкъ, а городское и сельское населеніе—5 человѣкъ.

ности и не могло не отозваться на экономическомъ положеніи казачьяго населенія.

Хотя потомъ мѣстной властью и предъявлялись различные проэкты увеличенія населенія Семирѣченскаго войска, но всѣ они, какъ незаключавшіе въ себѣ достаточныхъ льготъ или пособій переселенцамъ,—оказались мертворожденными.

Образованіе новыхъ поселеній и ростъ прежнихъ.

Расположенные на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга и совсѣмъ въ сторонѣ, въ восточной части области, выселки Охотничій, Подгорный, Чунджинскій и Голубевскій, будучи сами по себѣ не велики, не имѣли особаго станичнаго управленія, при посредствѣ котораго возможно было-бы ими управлять Это обстоятельство ставило въ затруднительное положеніе, какъ войсковую, такъ и областную администрацію, почему въ 1883 году выселокъ Голубевскій обращенъ въ станицу Голубевскую и къ ней причислены остальные три выселка ([11]).

Выселокъ Царицинскій.

На р. Кокъ-су, въ пунктѣ пересѣченія почтовой дорогой изъ г. Вѣрнаго въ г. Капалъ этой рѣки, въ концѣ 1882 г. образованъ выселокъ Царицинскій изъ поселившихся здѣсь 4-хъ семей казаковъ ([12]). Выселившіеся изъ станицы Коксуйской и выселка Карабулакскаго казаки быстро увеличили его, такъ что чрезъ годъ послѣ своего образованія этотъ выселокъ имѣлъ уже 47 душъ населенія.

Выселокъ Хоргосскій

Въ томъ-же году, поселявшіеся въ Джаркентскомъ районѣ сибирскіе казаки избрали, наконецъ, себѣ мѣстомъ поселенія пограничную съ Китаемъ р. Хоргосъ, въ томъ ея пунктѣ, гдѣ рѣка выходитъ изъ горъ. Выселокъ помѣстился собственно въ расширившемся ущельѣ. Въ 1883 г. онъ получилъ свое названіе по имени рѣки ([13]).

Выселокъ Мало-Алматинскій.

Хотя при отдѣленіи Семирѣченскаго войска отъ Сибирскаго, въ спискѣ поселеній выселокъ Мало-Алматинскій и указанъ въ числѣ отдѣльныхъ самостоятельныхъ селеній *), но, въ дѣйствительности, выселокъ этотъ не имѣлъ своего выселковаго управленія, которое учреждено въ немъ только, въ маѣ 1884 года ([14]).

Въ 1885 году Военный Совѣтъ, журналомъ 7 февраля, утвердилъ слѣдующій списокъ поселеній Семирѣченскаго войска.

Въ Сергіопольскомъ уѣздѣ станицы: Сергіопольская, Урд-

---

*) См. ч. II, гл. I, ст. «Территорія, занятая первоначально войскомъ и т. д.».

жарская, Сарканская и Лепсинская, ея выселки: Тополевскій и Басканскій.

Въ Капальскомъ уѣздѣ: станица Капальская съ выселками: Аксуйскимъ, Абакумовскимъ и Арасанскимъ. Станица Коксуйская съ выселками: Сарыбулакскимъ, Карабулакскимъ, Джангызъ-Агачскимъ, Царицинскимъ, Кугалинскимъ и Попутнымъ.

Въ Вѣрненскомъ уѣздѣ: станица Алматинская съ выселками: Мало-Алматинскимъ, Любовнымъ и Илійскимъ: станица Софійская съ выселкомъ Надеждинскимъ.

Въ Джаркентскомъ участкѣ: станица Голубевская съ выселками: Охотничьимъ, Подгорнымъ, Чунджинскимъ и Хоргосскимъ.

Такимъ образомъ, въ 1885 году Семирѣченское войско состояло изъ 28 поселеній съ 21817 душъ обоего пола.

Выселокъ Николаевскій.

Въ 1889 году, изъ тѣхъ-же самовольно-поселившихся сибирскихъ казаковъ образованъ второй выселокъ на р. Хоргосъ нѣсколько ниже выселка Хоргосскаго по теченію рѣки, названный Николаевскимъ (15). Такъ какъ вопросъ о зачисленіи поселившихся здѣсь сибирскихъ казаковъ въ Семирѣченское войско былъ рѣшенъ только въ 1902 году, поэтому населеніе новаго выселка, оффиціально, считалось ничтожнымъ—отъ 8 до 21 души и вдругъ выросло до 145 въ 1902 году.

Выселокъ Каргалинскій.

Въ концѣ 1880-хъ и началѣ 1890-хъ годовъ, казачьи хутора станицы Лепсинской начали группироваться въ высокой горной долинѣ р. Лепсы, въ 12 верстахъ къ югу отъ станицы, и къ 1894 году представляли уже довольно замѣтное осѣдлое поселеніе, которое въ этомъ году и было признано отдѣльнымъ выселкомъ съ названіемъ его Александровскимъ, въ память Императора Александра III. Но такъ какъ войсковое управленіе не испросило на такое названіе надлежащаго разрѣшенія, то ему въ 1898 г. и былъ предложенъ запросъ,—на какомъ основаніи дано выселку такое названіе. Войсковое управленіе поспѣшило переименовать выселокъ въ Благодатный, а въ 1901 г. и въ Каргалинскій, по имени долины, въ которой расположенъ выселокъ(16).

Упраздненіе и возстановленіе выселка Аксуйскаго.

Вслѣдствіе незначительности выселка Аксуйскаго душъ 61) и удаленности его отъ своей станицы Капальской, т. е. собственно затрудненій въ управленіи имъ, такъ какъ свое выселковое правленіе онъ содержать не могъ, то войсковое начальство и сдѣлало представленіе объ упраздненіи его Военный Совѣтъ, журналомъ 19 октября 1896 г., постановилъ: выселокъ Аксуйскій упразднить, а жителямъ его пре-

доставить переселиться въ станицу Сарканскую Но вслѣдствіе того, что представленіе объ упраздненіи выселка было сдѣлано помимо *дѣйствительнаго* желанія его населенія, которому переселеніе угрожало разореніемъ, аксуйскіе казаки остались на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Въ такомъ положеніи дѣло находилось до 1901 г., когда войсковое управленіе убѣдилось въ невозможности фактическаго упраздненія выселка и сдѣлало новое представленіе о возстановленіи, что и было исполнено въ томъ же году(17).

Обращеніе выселковъ Мало-Алматинскаго и Надеждинскаго въ станицы.

Въ 1896 г. населеніе выселковъ М. Алматинскаго и Надеждинскаго достигло въ первомъ 2400, а во второмъ 2520 душъ обоего пола, т. е. численности значительно большей чѣмъ въ нѣсколькихъ другихъ станицахъ войска, почему и было признано возможнымъ обратить ихъ въ самостоятельныя станицы. Военный Совѣтъ журналомъ 3 іюня 1897 года переименовалъ эти поселенія съ тѣми-же названіями въ станицы, причисливъ къ М.-Алматинской выселокъ Илійскій и присвоивъ, одновременно, станицѣ Алматинской названіе Больше-Алматинской(18)

Обращеніе выселка Любовнаго въ станицу Каскеленскую.

Такъ какъ населеніе выселка Любовнаго дошло къ 1901 году до 1518 душъ обоего пола, то и этотъ выселокъ въ 1901 году обращенъ былъ тоже въ станицу, съ присвоеніемъ ей названія Каскеленской, по имени горной рѣчки, на которой она расположена. Станичное-же управленіе новой станицы открыло свои дѣйствія только съ 1 января 1902 г.(19).

Образованіе выселка Каратальскаго и упраздненіе Царицинскаго.

Послѣднимъ въ изслѣдуемый періодъ былъ образованъ выселокъ Каратальскій.

Различныя неблагопріятныя экономическія условія расположенія выселка Царицинскаго заставили жителей его просить о переселеніи ихъ на другое мѣсто. Изъ этихъ невыгодныхъ условій первое мѣсто занимало расположеніе выселка на пути изъ Вѣрнаго въ Капалъ и изъ станицы Коксуйской въ выселки Карабулакскій и Джангызъ-Агачскій, почему населеніе выселка, состоявшее всего изъ 105 душъ въ 1901 г., принуждено было, сравнительно со станицей Коксуйской, давать вдвое и даже втрое болѣе земско-обывательскихъ лошадей съ ямщиками проѣзжающимъ по войсковымъ и станичнымъ надобностямъ Это обстоятельство, въ связи съ нѣкоторыми другими условіями, было признано достаточно серьезнымъ для исполненія просьбы населенія выселка Царицинскаго. Мѣсто для поселенія избрано — на р. Караталъ, въ 10 верстахъ отъ выселка Карабулакскаго, на войсковомъ земельномъ запасѣ, куда жители выселка Царицинскаго и переселились въ 1902 и 1903 г.г съ приселеніемъ къ нимъ 47 си-

бирскихъ казаковъ, получившихъ разрѣшеніе на причисленіе ихъ къ Семирѣченскому войску.

Такимъ образомъ, къ приведенному выше списку поселеній за 1885 г., прибавилось только два выселка—Николаевскій и Каратальскій или, иначе говоря, къ 1904 г. Семирѣченское войско состояло изъ 12 станицъ съ 17-ю выселками, т. е. всего изъ 29 поселеній, съ населеніемъ въ 32255 душъ обоего пола.

Со времени-же основанія въ 1867 г. или за 36 лѣтъ своего существованія (1867—1904) въ войскѣ прибавилось 15 поселеній и 17607 душъ населенія обоего пола войскового сословія

Вопросъ о казачьихъ поселеніяхъ на р. Чу.

Еще въ 1864 году, какъ мы уже знаемъ, генералъ-губернаторъ Зап. Сибири,—Дюгамель, представлялъ проэктъ о колонизаціи за-Чуйскаго края крестьянами, но военный министръ не согласился съ этимъ представленіемъ и, со своей стороны, высказалъ необходимость поселенія тамъ казаковъ*). Съ тѣхъ поръ вопросъ о казачьихъ поселеніяхъ на р. Чу заглохъ и былъ уже снова возбужденъ только въ 1893 году наказнымъ атаманомъ Семирѣченскаго войска генераломъ Іоновымъ.

Семирѣченское областное правленіе журналомъ своимъ 25 февраля 1893 г. намѣтило изъять изъ владѣнія киргизъ на р. Чу шесть участковъ земли, съ общей площадью въ 81758 десятинъ, для поселенія крестьянъ.

Это свое предположеніе областное правленіе представило на утвержденіе Степного генералъ-губернатора.

Въ тоже самое время войсковое правленіе Семирѣченскаго войска, по распоряженію наказнаго атамана, вошло съ предстовленіемъ къ Семирѣченскому военному губернатору, о предоставленіи вышеуказанныхъ шести участковъ Семирѣченскому войску, мотивируя свое представленіе тѣмъ, что, какъ извѣстно правленію, вопросъ о нормѣ душевого надѣла землею казаковъ Семирѣченскаго войска „будетъ разрѣшенъ скоро“ и въ размѣрѣ „какъ кажется до 30 дес. на душу“, вмѣстѣ съ запасомъ, а между тѣмъ, во многихъ поселеніяхъ войска, существующій земельный надѣлъ имѣется въ значительно меньшемъ размѣрѣ, что вызоветъ необходимость прирѣзки земли къ поселеніямъ. Прирѣзку-же въ нужномъ коли-

---

*) См. часть I, гл. IV, ст. «Общій обзоръ организаціи переселенія съ 1848 по 1868 годъ».

чествѣ произвести или крайне затруднительно или, даже, совсѣмъ невозможно, такъ какъ казачьи земли окружены надѣлами крестьянъ, таранчей и киргизъ, вслѣдствіе чего, такое положеніе вызоветъ необходимость выселенія части казаковъ на новыя мѣста Такъ какъ выдѣленіе киргизскихъ земель проэктированіемъ шести вышеуказанныхъ участковъ для заселенія ихъ русскими уже рѣшено, то войсковое правленіе и находило, что было-бы очень удобно и выгодно предоставить эти шесть участковъ подъ будущее заселеніе ихъ казаками Семирѣченскаго войска, которое, въ видахъ достиженія государственныхъ пользъ, нуждается въ своемъ территоріальномъ и численномъ приращеніи. Первое будетъ достигнуто передачей просимыхъ участковъ, а второе—готовыми будто-бы уже къ переселенію почти 150-ю семьями Сибирскаго, 19-ю Донского и 99-ю Оренбургскаго казачьихъ войскъ(20)

Военный губернаторъ области представилъ это ходатайство Семирѣченскаго войскового управленія на разрѣшеніе Степного генералъ-губернатора Послѣдній, въ маѣ 1893 года, сообщилъ военному губернатору, что „въ виду удостовѣреченной войсковымъ правленіемъ Семирѣченскаго казачьяго войска необходимости въ дополнительной прирѣзкѣ къ станицамъ и выселкамъ названнаго войска земли, въ случаѣ опредѣленія нормы душевого надѣла въ 30 десятинъ,—*а равно предпочтительности заселенія Семирѣчья казаками съ цѣлью увеличенія состава мѣстнаго казачьяго войска,* я не встрѣчаю препятствій къ тому, чтобы намѣченные администраціей участки, какъ въ Нарынской долинѣ, такъ и по правому берегу р. Чу, не заселялись крестьянами переселенцами. Исключеніе должно быть сдѣлано лишь для переселенцевъ, уже прибывшихъ въ Семирѣченскую область, которые обязательно должны быть надѣлены землею на тѣхъ участкахъ, изъятіе которыхъ изъ пользованія кочевниковъ наименѣе стѣснитъ послѣднихъ“

Далѣе Степной генералъ-губернаторъ добавляетъ: 1) что казакамъ Сибирскаго войска совсѣмъ не предполагается дать разрѣшеніе на переселеніе; 2) что пришлыхъ донскихъ и оренбургскихъ казаковъ слѣдуетъ приселять къ тѣмъ станицамъ, гдѣ, по расчету, войскового правленія, можетъ оказаться излишекъ земли при раздѣлѣ ея по 30 дес. на имѣющееся въ данное время наличное населеніе; 3) что „образованіе въ Семирѣченской области новыхъ казачьихъ поселковъ изъ казаковъ переселенцевъ можетъ быть допущено, во первыхъ, уже послѣ того, какъ будутъ укомплектованы станицы и выселки, о какихъ упомянуто въ предъидущемъ пунктѣ (2-мъ) и, во

вторыхъ,—по окончательномъ земельномъ надѣлѣ Семирѣченскаго войска, когда выяснится количество свободныхъ участковъ, которые могутъ быть отведены безъ особеннаго стѣсненія киргизъ, подъ новыя поселенія изъ пришлыхъ казаковъ," и, наконецъ, 4) „что впредь до того времени, пока Нарынскіе и Чуйскіе участки не потребуются для фактическаго заселенія ихъ казаками, отчуждать эти участки изъ пользованія киргизъ нѣтъ надобности.(4)"

Но не смотря на такое категорическое и ясное распоряженіе Степного генералъ-губернатора, основанное на совершенно правильной оцѣнкѣ современныхъ обстоятельствъ, наказный атаманъ генералъ Іоновъ, по званію своему Семирѣченскаго военнаго губернатора, открылъ два чуйскихъ участка для поселенія на нихъ переселенцевъ, предположенныхъ потомъ зачисленію въ казаки. Вслѣдствіе этого на указанныхъ участкахъ къ 1900 году сосредоточилось болѣе двухъ тысячъ поселенцевъ изъ всевозможныхъ мѣстностей Европейской Россіи и Сибири, обнадеженныхъ генераломъ Іоновымъ въ полученіи ими удобныхъ и широкихъ надѣловъ. Есть основаніе полагать, что люди эти пришли даже по вызову генерала Іонова.

Собрался преимущественно различный сбродъ, бѣдный и истощенный. На дѣлѣ оказалось, что земледѣліе въ чуйской долинѣ, какъ и вездѣ въ Семирѣчьѣ, безъ орошенія невозможно, а на занятыхъ переселенцами участкахъ готовой ирригаціонной сѣти не было, сами-же переселенцы соорудить эту сѣть не имѣли средствъ, да и не умѣли. Урожаи переселенцевъ гибли, а положеніе ихъ, и безъ того незавидное, становилось все хуже и хуже(21).

Генералъ Іоновъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ средствъ помочь переселенцамъ, будущимъ, по его предположенію, казакамъ, вынужденъ былъ, наконецъ, въ 1901 году обратиться къ Туркестанскому генералъ-губернатору*) съ просьбой о пособіи, послѣ чего и выяснилось для высшей власти въ округѣ истинное положеніе новоселовъ.

Генералъ-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Ивановъ, отвѣчая наказному атаману на его представленіе, между прочимъ высказалъ: „По моему мнѣнію, распоряженію о поселеніи слишкомъ 300-тъ семей на мѣстности не приспособленной къ колонизаціи, долженъ былъ предшествовать подробно разработанный планъ, возможный къ осуществленію. Если-же

*) Съ 1898 г. Семир. область возвращена въ составъ Туркестанскаго военнаго округа.

такового не было и разрѣшеніе на заселеніе губернаторомъ дано, то нужно планъ неотлагательно составить совмѣстно съ областной администраціей и немедленно мнѣ представить, ибо я не могу допустить, чтобы болѣе двухъ тысячъ душъ русскихъ людей, *вызванныхъ* на далекую окрайну и, очевидно, *обнадеженныхъ* полученіемъ удобныхъ надѣловъ, были брошены на произволъ судьбы. Главное вниманіе при разработкѣ плана колонизаціи должно быть обращено на вопросъ о способѣ проведенія на заселенные участки воды, въ достаточномъ для орошенія количествѣ что можетъ быть, казалось бы, возможнымъ достигнуть путемъ наряда рабочихъ отъ переселенцевъ съ нѣкоторой субсидіей изъ земскихъ суммъ" [21]"

Генералъ Іоновъ представилъ планъ и, пользуясь поданной ему генералъ-губернаторомъ мыслью о субсидіи изъ земскихъ суммъ, просилъ объ ассигнованіи изъ этихъ суммъ 80 тысячъ рублей на устройство орошенія. Генералъ Ивановъ призналъ представленный ему планъ неудовлетворительнымъ и возвратилъ, а въ кредитѣ изъ земскихъ суммъ области отказалъ, пояснивъ, что средства изъ этого источника ассигнованы быть не могутъ, такъ какъ казаки не принимаютъ участія въ составленіи земскихъ суммъ и что просимыя 80 тысячъ имѣютъ уже другое назначеніе [22]).

Между тѣмъ поселенцы прибывали и прибывали, особенно изъ Сибири и степныхъ областей, откуда ихъ вытѣснялъ неурожай([23]). Наконецъ среди нихъ появились признаки грядущаго голода. Генералъ Іоновъ, донося о безвыходномъ положеніи поселенцевъ, просилъ генералъ-губернатора ассигновать имъ въ пособіе что возможно. Генералъ Ивановъ разрѣшилъ израсходовать на прокормленіе новоселовъ и на обсѣмененіе ихъ полей всѣ остатки земскаго кредита области отъ 1901 года т. е. 4000 рублей, которые и были розданы имъ особой комиссіей([24]).

Въ 1902 году генералъ Іоновъ снова ходатайствовалъ о кредитѣ изъ земскихъ суммъ для орошенія двухъ казачьихъ участковъ, поясняя, что онъ проситъ не для казаковъ, „а для крестьянъ, которые Богъ вѣсть когда еще будутъ казаками"([25]). Генералъ-губернаторъ на этотъ разъ уже категорически отказалъ, положительно воспретилъ переселеніе въ область крестьянъ или, вѣрнѣе, раздачу имъ какихъ бы то ни было земельныхъ надѣловъ, добавивъ, что переселенцы на упомянутыхъ выше двухъ чуйскихъ участкахъ должны довольствоваться тѣмъ, что есть, „не расчитывая ни на дополнительные отводы, ни на орошеніе ихъ земель на счетъ земскихъ суммъ области"([26]).

Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи оставался вопросъ о чуйскихъ поселеніяхъ и въ 1903 году.

Возникновеніе при станицахъ городовъ, ихъ вліяніе на экономическое положеніе смежныхъ станицъ.

Хотя для поселенія лицъ прочихъ сословій на войсковой территоріи до 1868 года и не существовало прямого разрѣшенія, но безъ такого приселенія сибирскіе казаки въ Семирѣчьѣ обойтись не могли, такъ какъ войсковое управленіе не могло доставить имъ, на далекую окраину, всѣхъ предметовъ даже первой необходимости, а потому уже сама собою являлась надобность, прежде всего, въ торговомъ сословіи и, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ войсками появились въ Семирѣчьѣ и торговцы разныхъ оттѣнковъ, отъ мелочника до купца.

Наконецъ, вновь занимаемую страну совсѣмъ и не предполагалось обратить въ военную колонію, почему само правительство, уже съ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, начало заботиться о развитіи въ Семирѣчьѣ городовъ Такъ въ 1854 г. станицы Аягузская и Капальская „возводятся на степень окружныхъ городовъ“[27]), а въ 1858 году этимъ городамъ уже пожалованы льготы безпошлинной торговли во всей странѣ, къ западу отъ р. Иртыша, при чемъ вмѣсто платежа гильдейскихъ пошлинъ, тамошніе купцы обязывались имѣть въ Аягузѣ или Капалѣ: 1-й гильдіи—домъ съ надворными строеніями цѣною въ двѣ тысячи рублей, 2-й гильдіи—въ одну тысячу рублей и 3-й—въ 400 рублей, или-же имѣть въ этихъ городахъ домъ съ конторой или лавкой, или-же устроить тамъ фабрику или заводъ. Затѣмъ, всѣ переселившіеся въ эти города купцы, мѣщане и цеховые освобождались на 10 лѣтъ, считая съ 1 ноября 1858 года, отъ государственныхъ повинностей, поставки рекрутъ, военнаго постоя и кромѣ того, „для обезпеченія благосостоянія сихъ городовъ въ будущемъ и пріумноженія въ нихъ населенія“, тѣмъ-же положеніемъ о льготахъ, предписано отмежевать этимъ городамъ „если окажется нужнымъ и разрѣшенія главнаго мѣстнаго начальства“ земли не по двѣ версты, какъ обыкновенно, а „*по три версты во всѣ стороны*“ ([28]). Въ 1866 году всѣ эти льготы продолжены еще на 5 лѣтъ([29]).

Затѣмъ, положеніемъ объ управленіи Алатавскимъ округомъ 1862 года начальнику этого округа предписывается „стараться объ обезпеченіи путей сообщенія и привлеченіи къ торговымъ оборотамъ богатаго купечества, оказывая ему всевозможное покровительство“. Въ видахъ же развитія торговли въ укрѣпленіи Вѣрномъ и привлеченія туда большаго

числа торгующихъ, начальникъ округа „отводитъ желающимъ поселиться русскимъ купцамъ въ казачьей станицѣ, а ташкентцамъ въ особой слободкѣ, близъ укрѣпленія, земли подъ дома и огороды" (30).

Такимъ образомъ и было положено въ Семирѣчьѣ начало городамъ

Вслѣдствіе особыхъ условій жизни въ странѣ, съ ея дикимъ кочевымъ населеніемъ, считающимъ разбой и грабежи доблестью, города могли устраиваться только бокъ-о-бокъ со станицами, вооруженное и привычное къ военному дѣлу населеніе которыхъ являлось готовою защитой горожанъ. Поэтому всѣ первые города Семирѣчья: Сергіополь (Аягузъ), Капалъ, Вѣрный*) и Лепсинскъ**) мы видимъ или въ самихъ станицахъ —какъ это было въ Сергіополѣ, или-же тѣсно примкнутыми къ станицамъ, почему и жизнь въ тѣхъ и другихъ имѣла много общаго и протекала въ станицахъ подъ воздѣйствіемъ смежныхъ городовъ.

Это воздѣйствіе прежде всего заключалось въ томъ, что отношеніе мѣстныхъ властей къ городамъ и станицамъ было далеко не одинаково: онѣ болѣе заботились о развитіи и благоустройствѣ городовъ, почему иногда, какъ мы уже видѣли, не стѣснялись даже отнимать доходы станицъ въ пользу городовъ Затѣмъ, надѣленіе городовъ землями или, какъ принято называть эти земли—выгонами—всегда производилось за счетъ смежныхъ станицъ

Хотя поступить иначе и не представлялось возможнымъ, хотя станицы за отрѣзанныя отъ нихъ земли въ пользу городовъ, въ большинствѣ случаевъ, и вознаграждались въ другомъ мѣстѣ, но такъ какъ выдѣлъ земли отъ станицъ не всегда совпадалъ по времени съ вознагражденіемъ ихъ въ другомъ мѣстѣ, а иногда вознагражденія и совсѣмъ не производилось (ст. Б.-Алматинская), то, очевидно, отъ надѣла городовъ землями казаки несли ущербъ, что и представляетъ

---

*) Гор. Вѣрный заложенъ возлѣ станицы Алматинской собственно въ 1868 году и ему отведено тогда-же 5813 дес. земли изъ надѣла этой станицы, которая и до послѣдняго времени не вознаграждена за этотъ отводъ въ другомъ мѣстѣ(31).

**) Еще въ 1870 году центръ уѣзднаго управленія перенесенъ изъ гор. Сергіополя въ станицу Лепсинскую, вскорѣ послѣ чего мѣстная власть и начала ходатайствовать о разрѣшеніи учредить при ст. Лепсинской городъ. Это разрѣшеніе послѣдовало только въ 1880 г., вмѣстѣ съ чѣмъ г. Сергіополь обращенъ въ станицу Сергіопольскую, а въ 1883 году городу Лепсинску, изъ надѣла ст. Лепсинской, отведено 1831 дес. земли, послѣ чего этотъ городъ и получилъ возможность основываться. Станица Лепсинская 1831 дес. получила тогда-же въ другомъ мѣстѣ(32).

уже извѣстное неблагопріятное условіе совмѣстнаго расположенія станицъ и городовъ. Но это неблагопріятное условіе, при желаніи администраціи и при отсутствіи среди нея антагонизма, можетъ быть легко устранено тамъ, гдѣ казачьи надѣлы не окружены сплошнымъ кольцомъ осѣдлыхъ русскихъ и таранчинскихъ поселеній, т. е. примыкаютъ къ киргизскимъ землямъ. Послѣднее-же условіе существуетъ во всѣхъ пригородныхъ станицахъ Семирѣчья.

Гораздо важнѣе другія невыгодныя условія, проистекающія изъ совмѣстнаго расположенія городовъ и станицъ.

Такъ напримѣръ центръ торговли всегда располагается въ городахъ, почему всѣ выгоды отъ этой доходной статьи и получаютъ города, а на долю станицъ, остаются разныя мелочныя лавки, приносящія микроскопическій доходъ, вслѣдствіе чего приходный бюджетъ пригородныхъ станицъ понижается и онѣ не имѣютъ возможности идти даже приблизительно параллельно съ городами въ своемъ благоустройствѣ.

Это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ такія станицы темнымъ пригороднымъ пятномъ, не могущимъ не оказать извѣстнаго нравственнаго вліянія на обитателей попавшихъ въ такое полсженіе станицъ.

Конечно, пока города Семирѣчья не блещутъ благоустройствомъ, разница въ этомъ отношеніи едва замѣтна даже между лучшимъ городомъ страны Вѣрнымъ и станицей Алматинской, но въ будущемъ, когда судьба подаритъ желѣзнодорожнымъ путемъ и эту далекую окраину — города въ своемъ благоустройствѣ далеко шагнутъ впередъ, а станицы развѣ только нѣсколько „подтянутся“, то разница между тѣми и другими будетъ уже сильно рѣзать глазъ не однихъ горожанъ, но и обитателей станицъ, которые поэтому будутъ чувствовать себя приниженными. Чувство-же приниженности еще никогда не служило почвой для благихъ результатовъ

Въ заключеніе перечня тѣневыхъ сторонъ совмѣстнаго расположенія городовъ и станицъ нельзя не указать еще и на общеизвѣстное развращающее вліяніе городовъ на сельское населеніе, а казакъ-- тотъ же поселянинъ, но только, вслѣдствіе уже ранѣе подробно изложенныхъ обстоятельствъ, съ меньшей устойчивостью въ сохраненіи принциповъ сельской жизни.

Разсматривая-же взаимоотношенія городовъ и станицъ съ точки зрѣнія частныхъ отношеній и частныхъ интересовъ --города приносятъ своимъ сосѣдкамъ огромныя выгоды.

Прежде всего городъ для казачьяго населенія - это бли-

жайшій и постоянный пунктъ сбыта безъ исключенія всѣхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и, при томъ, по цѣнѣ сильно возвышенной. Далѣе, городъ всегда представляетъ возможность казакамъ найти въ немъ заработки, оплачиваемые несравнено лучше, чѣмъ гдѣ либо въ станицахъ.

Населеніе семирѣченскихъ городовъ преимущественно изъ крестьянъ, въ которыхъ еще не угасла „власть земли", поэтому видное занятіе большинства мѣщанъ—земледѣліе, для котораго они получаютъ землю преимущественно отъ казаковъ, надѣлы которыхъ ближе всѣхъ другихъ къ городамъ. Вслѣдствіе этого развивается спросъ на аренду, почему арендная плата за земли пригородныхъ станицъ всегда въ два, въ три раза и даже вчетверо выше, чѣмъ въ остальныхъ.

Наконецъ, менѣе зажиточное городское населеніе всегда ютится въ пригородныхъ станицахъ, и квартирною платой создаетъ въ нихъ довольно видную статью бюджета многихъ домохозяевъ казаковъ.

ИСТОЧНИКИ

къ части III, главѣ IV исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска.

№№ по порядку.

1 Циркуляръ по Семир. каз. войску 1884 г. № 22.

2 Арх. Семир обл. пр-нія, опись дѣлъ хоз. отд., дѣло 1880/82 года, № 1499, листъ 234, копія предпис. к-щаго войск. Омск. воен окр., наказ. ат-ну Семир. к. в. 20 марта 1885 г. № 1589.

3 Прик. по Семир. к. в. 1902 г. № 122 и 1903 № 162.

4 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., по оп. д. войск. землемѣра, дѣло 1903 г. № 15. предпис. Степ. генер.-губернатора 13 мая 1893 года № 1934, наказ. ат-ну Семир. к. в.

5 Составлена по Всепод. отчетамъ о сост. Семир. к. в. съ 1880 г. по 1904 г.

6 Всепод. отчетъ о сост. Семир к в 1903 г., 1901 и 1902 г.г.

7 Вѣд. № 3 а, приложеніе къ обзору Семир. обл, за 1903 г.

8 Обзоры Семир. обл , за 1883 г. стр. 52, за 1889 г. стр. 33.

9 Тоже за 1902 г.

10 Тоже за 1903 годъ.

11 Высоч. утв. 17 марта 1883 г. полож. Воен. Совѣта.

12 Арх. войск. пр нія Семир. к. в., оп. д. воен отд , дѣло 1882 г., № 39/93.

13 Приказы по Семир. к. в 1882 г. № 107, 1883 г. № 212 и арх. Семир .обл. пр-нія, оп. д. хоз. отд,, дѣло 1880/82 года, № 1499, листъ 234, копія предпис. к-щаго войск. Омск воен. окр., наказ. ат-ну Семир. к. в. 20 марта 1885 г. № 1589.

14 Прик. по Семир. к. в. 1884 г. № 92.

15 Всепод. отчетъ о сост. Семир. к. в. за 1889 г.

16 Приказы по Семир. к. в 1894 г. № 295, 1898 г. № 87 и арх. войск. пр-нія Семир к. в , оп. д. воен. отд., дѣло 1894 г., № 55/79.

17 Приказы по Семир. к. в. 1897 г. № 2 и 1901 г. № 130.

18 Тоже 1897 г. № 137.

19 Тоже 1901 г. № 226.

20 Арх. войск. пр-нія Семир, к. в., оп. д. войск. землемѣра, дѣло 1903 г. № 15, р-тъ войск. пр-нія Семир. к. в., 0 марта 1893 г. № 3992 воен. губерн-ру Семир. обл.

21 Тамъ-же, дѣло 1901 г. № 24.

22 Тамъ-же, то-же дѣло, отзывъ Турк. генер.-губернатора Семир. наказ. ат-ну 5 января 1902 г. № 159.

23 Тамъ же, памятная записка вице-губернатора Семир. обл. пр-нія.

24 Тамъ-же-, копія журнала общ. присутствія Семир. обл. пр нія, по 1 столу , 2 отдѣл , 29 дек. 1901 г.

25 Тамъ-же, р-тъ наказ. ат-на Семир. к. в. 7 іюля 1902 г. № 5298 Туркест. генер.-губернатору.

26 Тамъ-же, копія предписанія Туркест. генер.-губернатора 9 августа 1902 г. № 9179 воен. губернатору Семир. обл.

27 Полн. собр. зак. Р. Имп. 1854 г. т. XXIX, ст. 28255.

28 То же собр. 1859 г., т. XXXIV, ст. 34584.

29 То-же собр. 1866 г., т. XVI, ст. 43607.

30 То-же собр. 1862 г., т. XXXVII, ст. 39088.

31 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д. каз. отд. Семир. обл. штаба, по ч. хоз., дѣло 1869 г. № 8/161. листъ 238 и дѣло хоз. отд. № 26/49, листъ 7, копія рѣшенія Сената 16 іюля 1897 г. № 8728.

32 Всепод. отчетъ о сост. Семир. к. в. за 1870 г. Прик. по Семир. к. в. 1880 г. № 294. Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д. хоз. отд., дѣло 1883 г. № 1 и примѣчаніе 31 здѣсь.

Глава V-я

Народное образованіе.

Кратній историческій очеркъ.

Семирѣченское казачье войско наслѣдовало отъ сибирскаго, въ числѣ всѣхъ другихъ сторонъ своей официальной и не официальной жизни, и постановку народнаго образованія въ полномъ ея объемѣ. А такъ какъ вліяніе той или иной постановки народнаго образованія ограничивается не временемъ, протекающимъ между поворотными точками въ ея различныхъ направленіяхъ, но продолжительностью жизни отдѣльныхъ поколѣній, получившихъ свой умственный багажъ подъ вліяніемъ той или иной постановки образованія, являющейся мѣриломъ интеллектуальнаго развитія массъ, то, чтобы составить себѣ болѣе ясное представленіе о такомъ раквитіи населенія Семирѣченскаго войска въ первыя десятилѣтія по отдѣленіи его отъ Сибирскаго, необходимо вернуться назадъ и взглянуть—какова-же была постановка народнаго образованія въ Сибирскомъ войскѣ.

Постановка народнаго образованія въ Сибирскомъ к. войскѣ по положенію о немъ 1846 года представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Прежде всего нужно замѣтить, что въ то время въ Сибирскомъ войскѣ образованіе главнымъ образомъ преслѣдовало цѣли военныя и подраздѣлялось, такъ сказать, на двѣ категоріи, изъ которыхъ образованіе по первой предоставлялось сыновьямъ офицеровъ, т. е. войсковому дворянству, а по второй—всѣмъ остальнымъ казакамъ.

Образованіе по первой категоріи или, если такъ можно выразиться, для того времени и Сибирскаго войска—высшее, давало своимъ питомцамъ Омское войсковое военное училище, переименованное 24 октября/15 ноября 1845 года въ Сибирскій кадетскій корпусъ, въ который по положеніямъ о немъ 1845 года [1]) и о войскѣ 1846 года, могли поступать дѣти дворянъ, а изъ оберъ офицерскихъ дѣтей только тѣ, отцы которыхъ имѣли дѣйствительные, а не заурядъ чины.

Корпусъ раздѣлялся на роту и эскадронъ, и 110 казен-

но-коштныхъ вакансій послѣдняго были предоставлены Сибирскому войску, Въ ротѣ и эскадронѣ было по три класса: 1-й, 2-й и 3-й, курсъ ученія продолжался 6 лѣтъ, т. е. по два года въ каждомъ классѣ. Окончившіе курсъ въ эскадронѣ корпуса—выпускались офицерами въ сибирскіе казачьи полки, хорошо учившіеся—хорунжими, а отлично—сотниками.

Образованіе по второй категоріи—низшее, или собственно народное, предназначавшееся для сыновей заурядъ-офицеровъ и всѣхъ простыхъ казаковъ, давали сотенныя школы.

Этихъ школъ въ каждомъ изъ 9-ти полковъ полагалось по числу сотенъ, т. е. по 6-ти, или 54 во всемъ войскѣ.

Число учащихся въ нихъ было назначено до 20-ти въ каждой. Сотенныя школы въ хозяйственномъ и учебномъ отношеніи состояли въ непосредственномъ вѣдѣніи и подчиненіи сотеннымъ начальникамъ, подъ надзоромъ полковыхъ и бригадныхъ командировъ и подъ высшимъ наблюденіемъ старшаго войскового начальства.

Предметы обученія и программа въ сотенныхъ школахъ были введены тѣ-же самые, что и въ кантонистскихъ эскадронахъ*), т. е. строевое обученіе казачьей линейной службѣ, а изъ наукъ: Законъ Божій, русская грамматика, ариѳметика до тройного правила включительно, чистописаніе и рисованіе. Для преподаванія этихъ наукъ и обученія строю въ каждую сотенную школу назначалось по одному учителю изъ *„урядниковъ хорошей нравственности и знающихъ свое дѣло“*. Эти учителя за весь свой трудъ получали: провіантъ и фуражъ наравнѣ съ резервными нижними чинами и жалованіе по штату полка, т. е. если учитель былъ старшій урядникъ—10 руб. 65 коп., а если младшій, то 4 руб. 80 коп. *въ годъ*.

На всѣ 54 сотенныхъ школы, на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій, положеніе 1846 г. разрѣшало отпускать изъ войсковыхъ средствъ *122 руб. 50 коп. въ годъ* или по 2 руб. 27 коп. на каждую.

Такая постановка народнаго образованія, если только можно назвать это народнымъ образованіемъ, достаточно говоритъ сама за себя и не требуетъ никакихъ коментарій.

Положеніе 1961 года взглянуло нѣсколько шире на народное образованіе.

Для дворянъ остался тотъ-же Сибирскій кадетскій корпусъ, переименованный и преобразованный съ 1866 года[2]) въ Сибирскую военную гимназію, явившуюся въ этомъ своемъ

---

*) Ст. 1661 и 1662 части 1, кн. 3, Св. Воен. Пост. изд, 1842 г.

новомъ видѣ приготовительнымъ военно-учебнымъ заведеніемъ для военныхъ училищъ.

Подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній того времени, общеобразовательный курсъ здѣсь значительно расширенъ и назначено даже 50 спеціальныхъ вакансій для „приходящихъ учениковъ *всѣхъ сословій*“. Послѣднимъ обстоятельствомъ могли воспользоваться для своихъ дѣтей заурядъ-офицеры и болѣе зажиточные казаки, такъ какъ плата за приходящихъ была назначена въ 25 руб. въ годъ.

Низшее народное образованіе было тоже преобразовано и на совершенно новыхъ началахъ—установленно два типа школъ: окружныя училища и станичныя школы.

Хотя положеніемъ 1861 года и было прямо предписано открыть прежде всего окружныя училища въ Капалѣ и трехъ другихъ крупныхъ станицахъ Сибирскаго войска, но распоряженіе это для Капала осталось мертвой буквой. Поэтому, а точно такъ-же и вслѣдствіе того, что приливъ сибирскихъ казаковъ съ 1861 года въ Семирѣчье прекратился, т. е. вліяніе окружныхъ училищъ уже не могло быть ощутимо въ Семирѣчьѣ, гдѣ ихъ совсѣмъ не было, перейдемъ къ очерку станичныхъ школъ.

По положенію 1861 года „для распространенія грамотности“ во всѣхъ станицахъ должны были быть учреждены школы, а первоначальное народное образованіе признано *обязательнымъ* для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, почему и „комплектъ“ учениковъ въ нихъ не опредѣленъ.

Предметами обученія назначены; Законъ Божій, чтеніе, письмо и „первыя четыре правила ариѳметики“. Помѣщенія и содержаніе школъ отнесены уже на счетъ общественныхъ станичныхъ доходовъ, непосредственное-же завѣдываніе ими возложено на станичныхъ начальниковъ,*) подъ наблюденіемъ Почетныхъ Смотрителей окружныхъ училищъ. Но такъ какъ окружныхъ училищъ въ Семирѣчьѣ открыто не было то, стало-быть, не было и Почетныхъ Смотрителей и школы остались подъ наблюденіемъ окружныхъ управленій въ единоличномъ вѣдѣніи станичныхъ начальниковъ, избираемыхъ обществомъ, какъ мы уже знаемъ, изъ урядниковъ.

Учительскій персоналъ остался по прежнему изъ тѣхъ-же урядниковъ „хорошей нравственности и знающихъ свое дѣло“. Относительно-же вознагражденія этому учительскому персоналу и величины отпусковъ на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій для школъ, то эти расходы по станичнымъ смѣтамъ на 1868

*) Нынѣшніе станичные атаманы.

годъ([3]) представляются въ слѣдующемъ размѣрѣ въ годъ: жалованіе учителямъ 21 руб. 45 коп. каждому и на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій 2 руб. 4 коп. На послѣдній же предметъ удѣлялось еще нѣсколько рублей изъ назначенныхъ по смѣтѣ на канцелярскіе расходы станичныхъ правленій. Но такъ какъ смѣтная сумма на эти расходы калебалась въ различныхъ станицахъ Семирѣчья всего отъ 8 до 50 рублей, то, очевидно, школы не могли возлагать большихъ надеждъ на этотъ источникъ.

Хотя обученіе дѣтей въ школахъ и было обязательно*), но, очевидно, при указанныхъ средствахъ школъ это было прямо недостижимо, почему полковые командиры и признавали возможнымъ увольнять дѣтей бѣдныхъ казаковъ отъ этой обязанности, мотивируя свои разрѣшенія необходимостью помощи со стороны дѣтей въ хозяйствѣ своимъ родителямъ([4]). Въ какомъ-же именно положеніи находились преподаваніе въ сибирскихъ станичныхъ школахъ Семирѣчья, при указанныхъ условіяхъ, лучше всего объясняетъ донесеніе засѣдателя Алматинской дистанціи 10-го полкового округа Бубенкова, ревизовавшаго эти школы въ февралѣ 1866 года, по распоряженію окружнаго управленія([5]). Въ рапортѣ—отчетѣ о ревизіи онъ доноситъ: „Въ Заилійскихъ станицахъ преподаваніе наукъ мальчикамъ, со стороны учителей, вовсе небрежное и неправильное, безъ соблюденія правилъ и методы. Вообще всѣ почти мальчики на дѣлаемые вопросы отвѣчали неудовлетворительно, съ напряженіемъ голоса, не переводя даже духу, на знакахъ препинанія не останавливаются, произнесенные отвѣты не могутъ объяснить своими словами, кромѣ того, какъ написано въ преподаваемой книгѣ, молитвы отвѣчали нѣкоторыя нетвердо, при чтеніи книгъ—произношеніе словъ неправильно..... Софійской школы учитель Кандаковъ, а въ особенности М-Алматинской урядникъ Краулинъ, мало надежные въ усердіи своемъ, отчего мальчики, по неимѣнію на нихъ вліянія этихъ учителей, учатся плохо, а они преподаютъ науки совсѣмъ тупо. Въ особенности на Краулина многіе отцы: мальчиковъ жаловались мнѣ при всемъ усердіи, дабы дѣти ихъ достигли науками до желаемой степени начальствомъ, дѣлаетъ большое послабленіе, по симъ причинамъ не благоугодно-ли будетъ учителей этихъ понудить къ прилежанію имѣемой на нихъ обязанности, тогда мальчики покажутъ совсѣмъ

*) Нужно полагать—кромѣ дѣвочекъ, о которыхъ всѣ правила умалчиваютъ.

другое усердіе въ своихъ наукахъ, Школы снабжены учебными пособіями въ настоящее время *недостаточно*".....

Что-же именно разумѣлъ Бубенковъ подъ словомъ „недостаточно", объясняютъ вѣдомости учебнымъ пособіямъ школъ, приложенныя имъ къ своему отчету Изъ этихъ вѣдомостей видно, что, напримѣръ, въ Алматинскихъ станицахъ т. е. ближайшихъ къ центру управленія округомъ, всѣ эти пособія заключались въ слѣдующемъ.

Въ Больше-Алматинской станичной школѣ:

Книгъ Народная бесѣда 1862 г. . . .	5.
„ Солдатская бесѣда 1865 г. . . .	7.
„ Журналъ, чтеніе для солдатъ 1864 г. .	3.
„ Русская исторія 1865 года выпускъ 2-й	1.
„ Воинъ-христіанинъ	5.
„ Ариѳметика для полковыхъ унтеръ-офицерскихъ школъ	1.
Чернильницъ стеклянныхъ	4.

Въ Мало-Алматинской станичной школѣ:

Евангеліе	2.
Грамматикъ.	4.
Упрощенная ариѳметика	1.
Литургія	1.
Книгъ Солдатская бесѣда	9.
Русская исторія, выпускъ 1-й и 2 й . .	2.
Журналъ – чтеніе для солдатъ	3.
Народная бесѣда, книжекъ	6.
Книгъ - воинъ христіанинъ	15.

Прописей съ приложеніемъ къ нимъ руководства 18 лист.

Общее же положеніе дѣла народнаго образованія въ періодъ до 1870 года охарактеризовано въ запискѣ Семирѣченскаго областного правленія, составленной въ 1884 году и представленной Семирѣченскимъ военнымъ губернаторомъ ревизовавшему Сибирское и Семирѣченское к. войска генералъ-адъютанту Свистунову, такъ: „прежній расходъ въ 21 руб. 45 коп. на годовое жалованіе учителю и въ 2 руб. 4 коп. на учебныя пособія былъ при всей своей незначительности совсѣмъ напрасенъ, ибо за такія деньги учить невозможно и дѣйствительно школы въ сущности не существовало, потому что учитель долженъ былъ прежде ученія заботиться о средствахъ пропитанія и о своей для онаго пашнѣ и хозяйствѣ"(6).

Въ такомъ печальномъ состояніи наслѣдовало Семирѣченское войско дѣло народнаго образованія отъ Сибирскаго. Въ такомъ положеніи оно и оставалось до 1870 г., т. е. до

введенія въ станицахъ самоуправленія.

Положеніе народнаго образованія въ Семирѣченскомъ войскѣ съ 1867 года.

Къ 1867 г. въ Семирѣчьѣ было всего только 6 школъ. Мало-Алматинская, основанная въ 1859 г., въ станицѣ Софійской двѣ: одна мужская, основанная въ 1863 г., и женская, основанная въ 1865 г.(7), а затѣмъ мужскія въ станицахъ: Урджарской, основанная въ 1864 г.(8), въ Сергіопольской и Капальской, о времени основанія которыхъ свѣдѣній не найдено(9).

Въ годъ отдѣленія Семирѣченскаго войска отъ Сибирскаго т. е. въ 1867 г въ станицахъ и выселкахъ было учреждено еще 5 казачьихъ школъ: въ станицѣ Лепсинской двѣ — одна мужская станичная и одна для совмѣстнаго обученія дѣтей обоего пола; въ выселкахъ Коксуйскомъ, Надеждинскомъ и Любовинскомъ. Въ первыхъ двухъ мужскія, а въ послѣднемъ совмѣстнаго обученія дѣтей обоего пола(7).

Такъ какъ курсъ ученія прежде, такъ-же какъ и въ настоящее время, начинался тоже осенью, то весьма вѣроятно, что послѣднія пять школъ были открыты уже послѣ отдѣленія Семирѣченскаго войска отъ Сибирскаго, почему съ большой увѣренностью можно предполагать, что Семирѣченское войско наслѣдовало отъ Сибирскаго всего только шесть школъ, въ 5-ти изъ 14 поселеній, вошедшихъ въ составъ вновь образованнаго войска.

Кромѣ этихъ 11-ти школъ въ станицѣ Б.-Алматинской имѣлось еще особое приходское двухклассное училище, основанное 20 марта 1867 г.(7), содержавшееся на счетъ министерства народнаго просвѣщенія, въ которое допускались и дѣти казаковъ обоего пола(10). Часть казачьихъ мальчиковъ изъ этого училища проходила, какъ мы уже знаемъ изъ прежде сказаннаго, еще и особый курсъ въ школѣ садоводства при Вѣрненскомъ казенномъ садѣ.

Во всѣхъ этихъ школахъ учившихся дѣтей войскового сословія въ 1867 г. было 160(10), т. е. одинъ учащійся приходился на 91 1/2 душу, а одна народная казачья школа на 1331,7 душъ войскового населенія.

Но каковы были эти школы и каково въ нихъ было „обученіе“ — мы видѣли выше, а потому послѣднія приведенныя цифры выражаютъ скорѣе только одни ариѳметическія отношенія, но какъ показатели развитія просвѣщенія совсѣмъ почти ничего не говорятъ.

Какъ только управленіе Семирѣченской областью нѣсколько сформировалось, генералъ Колпаковскій обратилъ

вниманіе на положеніе народнаго образованія и приказомъ по войску 28 декабря 1867 г подтвердилъ, что обученіе въ школахъ обязательно для всѣхъ малолѣтковъ, что станичные начальники, ближайшіе и отвѣтственные блюстители школъ и что, наконецъ, въ урядники будутъ производиться только грамотные.

Сознавая, что въ области народнаго просвѣщенія одними приказами ничего достигнуть нельзя, наказный атаманъ, осмотрѣвъ всѣ школы въ 1867 г., еще въ первый же свой объѣздъ поселеній войска, предписалъ въ январѣ 1868 года начальникамъ 9 и 10 полковыхъ округовъ*), чтобы въ тѣхъ станицахъ и выселкахъ, гдѣ нѣтъ особыхъ помѣщеній для школъ или если имѣющіяся помѣщенія не удовлетворяютъ своему назначенію—непремѣнно изыскать средства завести новыя или-же основательно приспособить и отремонтировать старыя, имѣющіяся. При этомъ потребовалъ, чтобы зданія школъ устраивались-бы съ расчетомъ учить въ нихъ не однихъ мальчиковъ, но и бѣвочекъ(11).

Потомъ привлекъ и мѣстныхъ священниковъ къ преподаванію въ школахъ Закона Божія, стараясь, всѣми зависящими отъ него средствами, заинтересовать ихъ дѣломъ народнаго просвѣщенія. Оказывалъ усиленное давленіе на казачьи общества, принуждая ихъ давать лучшую обстановку школамъ и назначать большее вознагражденіе урядникамъ—учителямъ, чтобы послѣдніе могли посвящать большую часть своего времени школамъ, а не своему хозяйству и, настаивалъ на возможно полномъ осуществленіи обязательнаго обученія всѣхъ малолѣтковъ(12).

Благодаря такому живому участію наказнаго атамана въ дѣлѣ народнаго образованія, въ выселкѣ Сарканскомъ открыты въ 1868 г. двѣ школы: казачья совмѣстнаго обученія дѣтей обоего пола и миссіонерская для калмыковъ-эмигрантовъ, въ которую, однако, допускались и дѣти казаковъ. Въ томъ-же году открыты: въ выселкѣ Арасанскомъ казачья школа, а въ станицѣ Капальской еще и министерства народнаго просвѣщенія приходское училище для дѣтей всѣхъ сословій(13).

Въ слѣдующемъ году открыты школы: въ станицѣ Сергіопольской женская и въ выселкѣ Карабулакскомъ мужская(7) Въ этомъ году учащихся обоего пола было уже296 (14).

Но главный и самый сильный толчекъ дѣлу народнаго образованія дало введеніе болѣе широкаго самоуправленія по

*) Какъ мы уже знаемъ изъ ст. «Первоначальное административное и судеб. устройство Семир. к. в.», въ части II. гл, I, 9-й и 10-й полковые округа были упразднены только въ концѣ мая 1868 г.

„положенію" 13/25 мая 1870 года и помощь казачьимъ школамъ со стороны земскихъ средствъ области и министерства народнаго просвѣщенія. Къ сожалѣнію, вліяніе введенія самоуправленія въ дѣлѣ народнаго образованія проявилось не какъ слѣдствіе развитія народнаго самосознанія въ семирѣченскомъ казачьемъ населеніи, но было только простымъ отраженіемъ увеличенія доходныхъ статей въ общественномъ хозяйствѣ станицъ, извѣстная доля которыхъ значительно большая чѣмъ прежде, подъ давленіемъ административной власти, удѣлена на оборудованіе новыхъ школъ и главнымъ образомъ на улучшеніе обстановки старыхъ.

Съ 1870 г., ассигнованіе на народное образованіе изъ станичнаго бюджета, постепенно увеличиваясь, параллельно съ ростомъ доходовъ, къ 1883 г., по свидѣтельству Семирѣченскаго областного правленія, достигло почти трети всѣхъ расходовъ и составило наибольшую и главную статью этихъ расходовъ(6).

При этихъ условіяхъ число учащихся войскового сословія начало возрастать быстрѣе и въ 1870 г, ихъ было 342(15), а въ 1872 году – 387(16).

Съ 1873 г. обозначаются уже намѣренія министерства народнаго просвѣщенія взять школьное дѣло въ свои руки. Въ этомъ-же году въ г. Вѣрный прибылъ инспекторъ народныхъ школъ Семирѣченской области, назначенный министерствомъ(17).

Въ 1873-же г. въ выселкѣ Голубевскомъ, называвшемся обыкновенно Борохудзиръ, открыта школа и до послѣдняго времени называющаяся Борохудзирской(7).

Въ 1875 году командиръ 2-го полка, полковникъ Принцъ, осматривая станицы войска, между прочимъ замѣтилъ, что «казаки въ дѣлѣ обученія дѣтей грамотѣ въ станичныхъ школахъ крайне равнодушны». По доведеніи объ этомъ до свѣдѣнія, генерала Колпаковскаго, который тогда временно исполнялъ обязанности Туркестанскаго генералъ губернатора, послѣдній, зная наклонность Семирѣченскихъ казаковъ рано женить своихъ сыновей, «чтобы не баловались», распорядился: „предписать станичнымъ атаманамъ" объявить казакамъ, что дѣти ихъ, не изучившіе грамоту, не могутъ жениться ранѣе зачисленія въ строевой составъ; за исполненіемъ сего правила долженъ имѣть наблюденіе полковой командиръ (18).

Еще въ 1874 году наказный атаманъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ассигновывать ежегодно изъ войскового капитала опредѣленную сумму для помощи отдѣльнымъ лицамъ войскового сословія при воспитаніи ими своихъ дѣтей въ

высшихъ и средне-учебныхъ заведеніяхъ. Военный совѣтъ, разрѣшая такое назначеніе съ 1875 года, въ журналѣ своемъ 26 ноября 1874 года между прочимъ опредѣлилъ: „на воспитаніе въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣтей чиновъ Семирѣченскаго казачьяго войска отпускать изъ войсковыхъ суммъ этого войска по три тысячи рублей ежегодно, впредь до открытія средне-учебныхъ заведеній въ Туркестанскомъ краѣ".

Въ 1875 году казачьихъ народныхъ школъ въ станицахъ и выселкахъ было: мужскихъ и совмѣстнаго обученія 12, женскихъ 2, учащихся въ нихъ 547 мальчиковъ и 77 дѣвочекъ; кромѣ того, въ двухъ училищахъ министетства народнаго просвѣщенія, въ станицахъ Б.-Алматинской и Капальской, училось дѣтей войскового сословія мужского пола 119 и женскаго 18. Въ высшихъ и средне-учебныхъ заведеніяхъ училось мужского пола 15 и женскаго 3.

Такимъ образомъ всѣхъ учащихся войскового сословія въ этомъ году было 779 или одинъ учащійся приходился уже на 28,6 душъ войскового населенія, но въ общемъ грамотность среди населенія распространялась всетаки туго, свидѣтельствомъ чему служитъ мобилизованная въ Вѣрномъ на короткій срокъ сотня 2-го полка *), въ которой грамотныхъ оказалось всего 7% (19).

Но такой процентъ можетъ служить только наименьшимъ показателемъ распространенія грамотности въ населеніи, такъ какъ, помимо всѣхъ другихъ случайностей въ этомъ отношеніи, возможныхъ при наборѣ сотни, послѣдняя, какъ сотня 2-го полка, формировалась не изъ молодыхъ казаковъ, а изъ старослужащихъ, въ возрастѣ 25-ти и болѣе лѣтъ, т. е, изъ тѣхъ, по меньшей мѣрѣ 75% которыхъ вышли изъ школьнаго возраста еще до 1867 года, когда въ Семирѣчьѣ было всего только пять мужскихъ школъ.

Не смотря на замѣтные успѣхи въ умноженіи школъ и числа учащихся, составъ учительскаго персонала въ войскѣ оставался прежній, иного взять было не откуда, такъ какъ вознагражденіе сравнительно было не велико, да и за увеличенное не находилось охотниковъ ѣхать изъ Европейской Россіи на такую далекую и совершенно неизвѣстную окрайну.

Чтобы помочь въ этомъ отношеніи, въ этомъ же 1875 году, двое молодыхъ людей войскового сословія, окончившіе

*) По случаю начавшихся въ томъ году волненій въ Кокандскомъ ханствѣ; сотня никуда не выступала и была почти вслѣдъ за сформированіемъ—распущена.

курсъ въ Оренбургской прогимназіи, были отправлены на войсковой счетъ и войсковыми стипендіатами въ Петербургскій учительскій институтъ.

Если представлялось крайнее затрудненіе въ пріисканіи учителей для народныхъ школъ, то полученіе даже средняго образованія, не только въ Семирѣчьѣ, но и во всемъ Туркестанѣ, являлось уже прямо невозможнымъ, за неимѣніемъ тамъ соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеній. Дѣтей, которымъ предполагалось дать такое образованіе, необходимо было отправлять тогда въ Европейскую Россію, что сопряжено было съ такими издержками, которыя являлись доступными только для людей богатыхъ, а часть же всѣхъ прочихъ могла воспользоваться возможностью дать своимъ дѣтямъ лучшее образованіе только съ 1875 года, т. е. со времени разрѣшенія расхода изъ войскового капитала на воспитаніе дѣтей въ высшихъ и средне-учебныхъ заведеніяхъ или, проще, при условіи полученія войсковой стипендіи ([19]).

Пробѣлъ въ этомъ отношеніи былъ до нѣкоторой степени восполненъ только въ 1876 и 1877 годахъ, когда были открыты въ гор Вѣрномъ прогимназіи: мужская четырехклассная въ 1876-мъ, а женская трехклассная въ 1877 году. Оба эти учебныя заведенія съ 1 іюля 1879 года были преобразованы: мужское—въ шестиклассную прогимназію, а женское въ гимназію съ педагогическими курсами ([7]).

Войсковое управленіе немедленно воспользовалось открытіемъ мужской прогимназіи и съ 1876 года помѣстило въ ней 10 войсковыхъ стипендіатовъ—дѣтей простыхъ казаковъ, съ расходомъ для этой цѣли въ 500 рублей изъ вышеуказаннаго фонда на воспитаніе.

Въ слѣдующемъ $18^{77}/_{78}$ учебномъ году при гимназіи на счетъ того-же фонда былъ открытъ уже войсковой пансіонъ*), обходившійся войску въ годъ въ среднемъ нѣсколько болѣе двухъ тысячъ рублей. Въ пансіонѣ помѣщалось 10 и болѣе войсковыхъ воспитанниковъ, получавшихъ здѣсь безплатно квартиру, столъ, одежду и учебныя пособія ([20])

До 1878 года станичныя и выселковыя школы содержались исключительно на общественныя средства станицъ, а съ 1878 года на помощь имъ пришло министерство народнаго просвѣщенія, отпуская на содержаніе учителей отъ 120 до 200 руб. въ годъ каждому **).

*) Этотъ пансіонъ, въ которомъ воспитывались преимущественно дѣти простыхъ казаковъ, просуществовалъ всего 6 лѣтъ и былъ закрытъ по недостатку средствъ войскового капитала на его содержаніе.

**) Всеподданнѣйшій отчетъ о сост. Семир. к. войска за 1878 годъ.

Помощь министерства повліяла на столько, что въ 1879 году школъ въ войскѣ уже указалось 18, изъ нихъ мужскихъ 14 и женскихъ 4, а въ слѣдующемъ - число мужскихъ школъ увеличилось до 16-ти, а женскихъ до 11, изъ нихъ 7 мужскихъ и 4 женскихъ были въ станицахъ, а остальныя въ выселкахъ (21).

Кромѣ того, въ 1879 году въ школьномъ дѣлѣ совершено крупное преобразованіе: министерство народнаго просвѣщенія съ 1 іюля этого года окончательно взяло въ свои руки народное образованіе въ Семирѣчьѣ, почему всѣ станичныя и выселковыя школы мужскія и женскія, были изъяты изъ вѣдѣнія войскового управленія, перешли въ непосредственное распоряженіе министерства и были соотвѣтственно ихъ положенію и числу учащихся переименованы въ городскія и приходскія, 1-го и 2-го разрядовъ, училища(?).

Этотъ шагъ правительства принесъ неисчислимыя выгоды дѣлу народнаго образованія въ Семирѣченскомъ войскѣ и ввелъ школьное дѣло въ новую эру существованія.

Учители урядники начали быстро исчезать одинъ за другимъ, замѣняясь лицами съ опредѣленнымъ образовательнымъ цензомъ. Приливъ средствъ увеличился: министерство, получая въ свои руки часть земскаго сбора въ Семирѣчьѣ, извѣстную подъ названіемъ „на народное образованіе", употребляло эти суммы на развитіе школьнаго дѣла. Кромѣ того и казачьи общественныя средства были привлечены къ большему участію въ дѣлѣ развитія просвѣщенія въ войскѣ.

Приливъ средствъ въ такой мѣрѣ обезпокоилъ даже Семирѣченское областное правленіе, относившееся, какъ мы уже видѣли, далеко не корректно къ Семирѣченскому войску. Это правленіе, въ запискѣ своей о войскѣ, представленной при особомъ докладѣ военнымъ губернаторомъ и наказнымъ атаманомъ генераломъ Фриде командированному по Высочайшему повелѣнію для ревизіи войска генералъ-адъютанту Свистунову заявило, между прочимъ, слѣдующее: „Изъ прилагаемой вѣдомости станичнымъ и выселковымъ школамъ въ 1883 г. видно, что во всѣхъ 9 станицахъ и въ 10 изъ 20 выселковъ существовали мужскія школы и, сверхъ того, имѣлось 5 женскихъ училищъ. Въ означенныхъ 19 мужскихъ и 5 женскихъ школахъ обучалось въ 1883 г. 804 мальчика и 290*) дѣвочекъ. Содержаніе этихъ школъ обходилось 30950 руб., изъ которыхъ

*) Т. е. всего 1094, но изъ нихъ войскового сословія было только 876, какъ это видно изъ отчета о состояніи Семир. к. в. за 1883 г., стало-быть, въ числѣ 1094-хъ было 218 дѣтей мѣщанъ, крестьянъ и проч. сословій, жившихъ на территоріи войска.

10265 руб. отпускалось по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, 6941 р. изъ сбора съ киргизъ области*) на народное образованіе, 4647 р. 88 к. изъ городскихъ доходовъ**), 9016 р. 12 к. изъ станичныхъ и поселковыхъ доходовъ и 80 р. изъ капитала добровольныхъ пожертвованій. Такимъ образомъ на 21 тысячу душъ обоего пола***) содержится 24 школы, съ расходомъ на душу почти 1 р 50 к.****) Едвали во всей имперіи встрѣтится другой примѣръ такого обилія народныхъ школъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и столь значительныхъ на содержаніе ихъ расходовъ. Даже и безъ сравненія съ другими мѣстностями, гдѣ число народныхъ училищъ крайне не достаточно, а средства для ихъ содержанія совсѣмъ скудны, нельзя не замѣтить, что число школъ въ Семирѣченскихъ выселкахъ *превосходило дѣйствительную потребность* и расходы на ихъ содержаніе могли быть сокращены. Что касается содержанія школъ, то при всей *дороговизнѣ жизни въ области* содержаніе учителю начальнаго поселковаго приходскаго училища въ 580 р. подъ разными именованіями, при отпускѣ 250 руб. на отопленіе, освѣщеніе и прислугу, коими пользуется главнымъ образомъ тотъ-же учитель, составляютъ вознагражденіе, весьма значительно превышающее невеликій запасъ знаній, которыми должны обладать преподаватели низшаго училища“(6).

Такое заявленіе Семирѣченскаго областного управленія,

*) Здѣсь фактъ прямо утрированъ, такъ какъ на стр. 46 обзора Семир. области приложеннаго ко Всеподданнѣйшему отчету Семир. воен. губернатора за 1883 г. сказано, что крестьяне платили «спеціальный сборъ на народное образованіе по 20 к. съ ревизской души», а потому 6941 р. не были взяты изъ одного сбора только съ киргизъ.

**) Города Вѣрный и Капалъ платили въ казачьи городскія училища за дѣтей горожанъ, учившихся въ нихъ, а потому эти 4647 руб. 88 коп. не могутъ быть отнесены на обученіе 876 дѣтей войскового сословія.

***) Въ Семир. к. войскѣ къ концу 1883 г. было 21236 душъ обоего пола.

****) Т. е. Семир. област. правленіе всѣ 30950 руб. относитъ только на одно казачье населеніе, какъ будто-бы въ этихъ школахъ учились одни казачьи дѣти. Изъ примѣчанія перваго здѣсь—мы видѣли, что дѣтей прочихъ сословій училось въ 1883 г. въ этихъ школахъ 218, которыя и составляли $^1/_5$ всѣхъ учившихся въ казачьихъ школахъ, а поэтому на дѣтей войск. сословія и слѣдуетъ отнести $^4/_5$-хъ расхода, т. е. 24760 р., что и дастъ 1 р. 16$^1/_2$ к., на душу войскового населенія; вычтя же изъ 24760 р. казачьи общественныя деньги 9016 р., получимъ 15744 р. государственныхъ и земскихъ затратъ на казачьихъ дѣтей, т. е. по 74$^1/_2$ к. на душу войскового населенія, изъ которыхъ около половины является отплатой обществамъ за ихъ расходы на школы натурой: постройка и содержаніе школьныхъ зданій, отопленіе, прислуга, квартиры учителямъ и проч. расходы, не вошедшіе въ сумму 9016 руб.

съ которымъ, представляя его, заявилъ свою солидарность военный губернаторъ и наказный атаманъ Семирѣченскаго казачьяго войска генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Фриде, достаточно говоритъ само за себя и не требовало-бы никакихъ комментарій, если бы дѣло ограничилось только этимъ однимъ заявленіемъ. Но Семирѣченское областное правленіе составило цѣлый проэктъ сокращенія не только содержанія учителямъ народныхъ школъ Семирѣчья, но и сокращенія самаго числа школъ въ Семирѣченскомъ войскѣ(22).

Этотъ проэктъ областного правленія былъ поддержанъ Степнымъ генералъ-губернаторомъ генераломъ Колпаковскимъ, вслѣдствіе чего еще въ 1885 г. жалованіе учителямъ народныхъ школъ было уменьшено болѣе, чѣмъ на одну треть, а число школъ, какъ увидимъ изъ нижеприлагаемой таблицы, сокращено къ 1888 г до 18-ти.

Несомнѣнно, что областное правленіе имѣло полное основаніе ходатайствовать объ исключеніи со счета приходовъ Семирѣченскихъ казачьихъ школъ тѣхъ 6940 р., которые удѣлялись изъ земскаго сбора на эти школы, но проэктированіе уменьшенія числа школъ въ войскѣ едвали входило въ сферу обязанностей этого правленія. Такой проэктъ можетъ быть объясненъ только развитіемъ выше всякой мѣры того антагонизма, существованіе и крайне вредныя послѣдствія котораго указаны въ предъидущихъ очеркахъ.

Въ 1882 г. ассигнованіе изъ войскового капитала на „воспитаніе дѣтей войскового сословія“ за недостаткомъ средствъ этого капитала было сокращено съ трехъ тысячъ рублей до 1200 по поводу назначенія расходовъ, изъ которыхъ генералъ Свистуновъ въ своемъ отчетѣ замѣтилъ, что прямое значеніе расхода на народное образованіе имѣютъ только отпуски на стипендіи въ учительской семинаріи, а всѣ прочія статьи расхода „имѣютъ въ виду не столько образовательную, сколько благотворительную цѣль—пособіе войсковымъ чинамъ на воспитаніе ихъ дѣтей.

Въ 1884 году Военный Совѣтъ, по представленію Главнаго управленія казачьихъ войскъ, постановилъ: „въ ознаменованіе полезной 11-ти лѣтней дѣятельности генералъ-лейтенанта Богуславскаго, по званію начальника Главнаго управленія казачьихъ войскъ, учреждается въ каждомъ изъ казачьихъ войскъ одна премія въ 50 рублей, подъ наименованіемъ: премія генералъ-лейтенанта Александра Петровича Богуславскаго. Эта премія, съ разрѣшенія войсковыхъ и наказныхъ ата-

мановъ, выдается полностью, безъ всякихъ вычетовъ, въ награду тому изъ учителей низшихъ казачьихъ училищъ, который, сравнительно съ прочими въ войскѣ такими-же учителями, окажетъ наибольшую пользу по прямымъ своимъ обязанностямъ. Для образованія преміи—въ расходныя смѣты войсковыхъ капиталовъ казачьихъ войскъ вносится ежегодно по 50 рублей "(23)

Вслѣдствіе такого постановленія ежегодно изъ войскового капитала и выдается по 50 рублей тѣмъ учителямъ школъ войска, которыхъ изберетъ и представитъ Инспекторъ народныхъ училищъ области.(24)

Въ томъ же 1884 году Высочайше утвержденнымъ 16-го ноября положеніемъ Военнаго Совѣта постановлено: ежегодный отпускъ изъ войскового капитала „на воспитаніе дѣтей чиновъ Семирѣченскаго к. войска" съ 1200 руб. увелачить до двухъ тысячъ.(25) Расходъ изъ этого фонда раздѣлялся на пособія и стипендіи лицамъ, учившимся въ высшихъ и среднеучебныхъ заведеніяхъ. Размѣры тѣхъ и другихъ въ годъ колебались: пособій до 75 руб., а стипендій до 450 р. каждому лицу.

Изъ этого фонда войсковое управленіе ничего не удѣляло для народныхъ школъ(26) и вообще до 1886 года войсковой капиталъ стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ дѣла народныхъ школъ.

Вопросъ объ участіи войскового капитала въ дѣлѣ помощи казачьимъ народнымъ школамъ возникъ еще въ 1884 году и военный губернаторъ Семирѣченской области, тогда еще, настаивалъ на необходимости удѣлять изъ войскового капитала ежегодно до трехъ тысячъ рублей на содержаніе школъ въ войскѣ, мотивируя свои настоянія тѣмъ, что школы эти пользуются отпускомъ средствъ изъ земскихъ суммъ области, собственно изъ сбора съ киргизъ, на народное образованіе, на что, въ сущности, не имѣютъ никакого права, такъ какъ киргизы въ казачьихъ школахъ не учатся, а между тѣмъ войсковой капиталъ увеличивается: въ 1882 году на 5590 руб., въ 1883-мъ на 8109 и т. д,(27)

Эти настоянія привели наконецъ войсковое управленіе къ необходимости сдѣлать соотвѣтствующее представленіе и Военный Совѣтъ 31 мая 1886 года разрѣшилъ ежегодный кредитъ изъ войскового капитала въ 2258 рублей въ пособіе станичнымъ и выселковымъ школамъ войска.

Въ качествѣ оцѣнки истинныхъ отношеній войскового управленія къ дѣлу образованія вообще, представляетъ особый интересъ слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ 1887—92

годахъ, по поводу учрежденія войсковой публичной библіотеки.

Командующій войсками Омскаго военнаго округа, въ цѣляхъ болѣе широкаго распространенія образованія, предложилъ въ 1887 году войсковому управленію Семирѣченскаго войска сдѣлать представленіе чрезъ окружный штабъ объ учрежденіи въ гор. Вѣрномъ войсковой публичной библіотеки. Войсковое правленіе, избѣгая прямого отказа на предложеніе главнаго начальника края, поступило такъ: зная, что войсковая смѣта на 1897 годъ сведена съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами всего лишь въ 920 руб и что въ будущемъ не ожидается лучшаго баланса, поспѣшило изъявить свое согласіе, но проэктъ расходовъ на оборудованіе библіотеки и дальнѣйшее ея содержаніе составило въ суммѣ 6108 руб. единовременнаго и постояннаго отпуска. Начальникъ Главнаго управленія казачьихъ войскъ, разсмотрѣвъ эту смѣту, сообщилъ командующему войсками округа, что при существующемъ положеніи капитала Семирѣченскаго к. войска подобный расходъ прямо не допустимъ, и поэтому представленіе проэкта на разсмотрѣніе Военнаго Совѣта совершенно безполезно, но что если войсковое управленіе согласится единовременный расходъ ограничить тысячью руб. а ежегодный 180-ю, то успѣхъ ходатайства въ извѣстной мѣрѣ обезпеченъ.

Получивъ такое сообщеніе съ предложеніемъ дать свое заключеніе, общее присутствіе войскового правленія журналомъ 15 марта 1888 г постановило, что по крайней ограниченности средствъ войскового капитала, удѣлить изъ него на образованіе войсковой библіотеки единовременно тысячу рублей и ежегодно 180 руб. рѣшительно не представляется возможнымъ, да и самая надобность въ библіотекѣ сомнительна, такъ какъ въ гор. Вѣрномъ имѣются уже библіотеки при двухъ собраніяхъ—военномъ и гражданскомъ(28).

Было-ли представлено въ окружный штабъ это постановленіе—свѣдѣній не найдено, но только окружный штабъ запросилъ по этому поводу наказнаго атамана въ январѣ 1891 года Наказный атаманъ генералъ Ивановъ ко времени полученія запроса уѣхалъ въ отпускъ и запросъ окружнаго штаба остался въ войсковомъ правленіи, гдѣ и былъ „забытъ“. Только телеграмма начальника окружнаго штаба въ мартѣ 1892 года непосредственно на имя наказнаго атамана заставила войсковое правленіе дать отвѣтъ на запросъ(29). Но время уже было упущено и Семирѣченское войско лишилось вѣроятной возможности имѣть свою публичную библіотеку.

О дальнѣйшемъ движеніи въ дѣлѣ народнаго образованія даетъ достаточно полное представленіе сказанное по этому поводу въ статьѣ о станичномъ общественномъ хозяйствѣ и ниже прилагаемая таблица.

При разсмотрѣніи этой таблицы необходимо имѣть въ виду, что быстрый ростъ расходовъ изъ войскового капитала по отдѣлу „стипендіи въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“ съ 1890 года обусловливался не увеличеніемъ отпуска суммъ на эти стипендіи, а платою за занимаемыя войскомъ за счетъ своего капитала вакансіи въ Сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ по 450 руб. за каждую, которыхъ въ послѣдніе годы разсматриваемаго періода Семирѣченское войско имѣло тамъ семь. А такъ какъ приготовленіе въ Сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ будущихъ офицеровъ не имѣетъ, собственно, почти никакой связи съ дѣломъ народнаго образованія и, по своей сущности, относится скорѣе къ способу комплектованія офицерскаго состава въ войскѣ, то и все относящееся сюда будетъ разсмотрѣнно въ особой спеціальной статьѣ по послѣднему вопросу.

При разсмотрѣніи предлагаемой таблицы необходимо имѣть въ виду: 1) что цифры, указывающія суммы, затраченныя на народное образованіе изъ общественныхъ станичныхъ и земскихъ средствъ, первыя до 1892 авторыя до 1888 года—только приблизительны, вслѣдствіе сбивчивостис вѣдѣній о нихъ; 2) что въ общій итогъ суммъ не вошли средства, которыя уплачивали города за дѣтей горожанъ, учившихся въ городскихъ и приходскихъ училищахъ станицъ; 3) что въ этотъ-же итогъ не вошли суммы, затраченныя на церковно-приходскія школы изъ источниковъ, которыми располагаетъ для этой цѣли Туркестанская Епархія (См. прилож. № 3.).

За недостаткомъ времени не представилось возможнымъ пополнить всѣ даты предлагаемой таблицы, ибо ближайшій источникъ—Всеподданнѣйшіе отчеты о состояніи Семирѣченскаго к. войска - съ 1899 года началъ преслѣдовать въ своихъ свѣдѣніяхъ объединеніе всѣхъ сословій на территоріи войска, почему въ отчетахъ этихъ, съ указаннаго года, число учащихся войскового сословія не показывается по всѣмъ рубрикамъ особо отъ числа учащихся прочихъ сословій, вслѣдствіе чего и не оказалось возможнымъ дать дальнѣйшія свѣдѣнія о числѣ учащихся войскового сословія за послѣднія пять лѣтъ.

ИСТОЧНИКИ

къ части III, главѣ V исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска.

№№ по порядку.

1 Полн. собр. зак. Рос. Имп. 1845 г. т. XX, ст. 19416.

2 Т-же С. З. Р. И. 1866 г. т. XLI, ст. 43490 и ст. 43738.

3 Арх. Сем. об. пр-нія, оп. д. хоз. отд., дѣло 1867 г., № 124, листъ 1, смѣты доходовъ и расходовъ на 1868 г. станицъ: Алматинской, Софійской, Урджарской, Капальской, Сергіопольской и Лепсинской.

4 Тамъ-же, оп. д. хоз. отд. II стола, дѣло 1865 г. № 76 листы 1 и 2, прошеніе каз. Иванова 7 окт. 1865 г. к-щему 10 полк. окр. и надпись на томъ-же прош. к-щаго 10 полк. 20 дек. т. г. № 1086 Софійскому ст. ат-ну.

5 Тамъ-же, предпис. упр-щаго 10 полк. окр. 29 янв 1866 г. № 82, листъ 4 засѣд. Алмат. дистанціи, р-тъ засѣд. Алм. дист, 10 марта 1866 г. № 336, л. 19, уп-щему 10 полк. окр. и при рапортѣ программа препод наукъ, л. 21.

6 Арх. войск пр-нія Семир. к, в, оп. д. воен отд., дѣло 1884 г., № 24|50, листъ 149, записка Семир. обл пр-нія о Семир. войск 22 іюня 1884 г. № 11980.

7 Памятная книжка упр-нія учеб. завед. Туркест края на $18^{79}/_{80}$ годъ. Ташкентъ 1880 г. стр. 53—75.

8 Арх. войск. пр нія Семир. к. в., оп. д, пост. изъ каз. отд. Семир. штаба, по ч. хоз., дѣло 1868 г. № 7101, листъ 112 отчетъ Урджарской станицы за 1867 г.

9 Тамъ-же отчеты станицъ Капальской и Сергіопольской листъ 19 и 60 за 1867 г.

10 Тамъ-же, войсковой отчетъ Семир. к. в. 1867 г. листъ 166.

11 Арх. Семир. обл. пр-нія, оп. д. хоз. отд, II стола, дѣло 1866 г. № 93, листъ 15 предлож. наказ. ат-на Семир к. в 20 января 1868 г. № 326, н-ку 9 полк. окр.

12 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д каз. отд. Семир. штаба, ч. хоз. дѣло 1867 г. № 3/39, листы 13—36, отчетъ наказ. ат-на Семир. к. в.

13 Всепод. отчетъ о сост. Семир. к. в. 1868 г. и прим. 7 здѣсь.

14 Такой-же отчетъ за 1869 г.

15 Такой-же отчетъ за 1870 г.

16 Тоже за 1872 г.

17 Тоже отчетъ за 1873 г.

18 Прик. по Семир. к. в. 1875 г. № 78.
19 Всепод. отчетъ о сост. Семир. к. в. за 1875 г.
20 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д, поступ. изъ каз. отд. Семир. штаба, дѣло 1876 г. № 70/76.
21 Всепод отчетъ о сост. Семир. к. в. за 1880 г.
22 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д. воен. отд, дѣло 1885 г. № 19/114, листъ 9. Отчетъ генер.-адъют. Свистунова.
23 Прик. по Семир. к. в. 1884 г. № 80.
24 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д. хоз. отд., дѣло 1893 г. № 90/86.
25 Сбор. правит. распоряж по каз. войск. 1884 г. ст. 94.
26 Всепод. отчетъ о сост. Семир. к. в. за 1886 г.
27 Арх. войск. пр нія Семир. к. в, оп. д. хоз. отд, дѣло 1884 г. № 42/78, предпис. воен. губернат Семир. обл. 22 ноября 1884 г. № 21123 войск. пр-нію Семир. к. в.
28 Тотъ-же арх, оп. д. воен. отд., дѣло 1888 г. № 27/52, журналъ общ присут. войск. пр-нія, 15 марта 1888 г.
29 Прик. по Семир к. в. 1892 г. № 65.
30 Составлена по всепод. отчетамъ съ 1880 по 1904 г.

Глава VI-я

Экономическое положеніе населенія Семирѣченскаго к. войска въ періодъ съ 1880 по 1904 годъ.

Земскія повинности въ войскѣ въ изслѣдуемый періодъ времени остались тѣ-же самыя, что были и раньше, но съ тою только разницей, что точное опредѣленіе ихъ характера и распредѣленіе по войску, всецѣло зависѣвшее до 1880 года отъ органовъ военно-народнаго управленія области—съ начала интересующаго насъ періода времени „положеніемъ“ 1879 г. передано въ руки войскового правленія.

Земскія повинности въ войскѣ съ 1880 по 1904 г.

Но такъ какъ названное „положеніе“ оставило наблюденіе за выполненіемъ земскихъ повинностей на обязанности той-же гражданской администраціи, предоставивъ въ распоряженіе войсковой власти лишь „раскладку этихъ повинностей, то, въ сущности, отъ такого раздѣленія обязанностей между двумя органами управленія суть дѣла выполненія земскихъ повинностей населеніемъ ничего не выиграла, а, наоборотъ, скорѣе проиграла, создавъ и здѣсь почву для развитія извѣстнаго уже намъ антагонизма между названными органами управленія, въ ущербѣ отъ проявленій котораго остался никто иной, какъ населеніе.

Войсковое правленіе только въ концѣ 1883 года приступило къ фактическому выполненію возложенныхъ на него „положеніемъ“ 1879 года обязанностей, которое и было исчерпано циркуляромъ 30 ноября 1883 года. Этимъ циркуляромъ войсковое правленіе извѣстило станичныя правленія, что на основаніи существующихъ законоположеній земскія повинности, лежащія на войсковомъ населеніи, подраздѣляются на три разряда и заключаются въ слѣдующемъ:

1-й разрядъ. Содержаніе въ исправности дорогъ, мостовъ и гатей на войсковыхъ земляхъ; всѣ мѣстныя обязанности при проходѣ воинскихъ командъ, ремонтовъ и казенныхъ транспортовъ чрезъ войсковыя земли—относительно временнаго ихъ квартированія, дачи подводъ и вообще доставленія средствъ къ удобнѣйшему слѣдованію.

Повинности этого разряда выполняются казаками въ воз-

растѣ отъ 17 до 55 лѣтъ.

2-й разрядъ. Содержаніе земской подводной гоньбы, натурою или наймомъ, и препровожденіе арестантовъ.

Эти повинности выполняются въ возрастѣ отъ 17 до 38 л.

3-й разрядъ. Содержаніе перевозовъ на водахъ войсковыхъ земель и прочее, что „только составляетъ общую пользу и нужду станицъ"

Повинности этого разряда возложены на казаковъ въ возрастѣ отъ 17 до 55 лѣтъ.

Далѣе циркуляръ добавляетъ, что отъ выполненія всѣхъ этихъ повинностей освобождаются: 1) казаки, состоящіе на полевой службѣ, 2) казаки приготовительнаго разряда въ первый годъ состоянія въ немъ и 3) казаки того-же разряда средняго и старшаго возраста на время зимнихъ и лѣтнихъ учебныхъ сборовъ, но послѣдніе въ томъ только случаѣ, если повинности выполняются натурой.

Въ заключеніе циркуляръ поясняетъ, что казачьи станицы и выселки даютъ земско обывательскихъ лошадей для переѣздовъ въ блишайшія отъ нихъ поселенія и только тѣмъ лицамъ, которыя предъявляютъ открытый листъ, подписанный наказнымъ атаманомъ.

Затѣмъ въ циркулярѣ не содержится уже болѣе никакихъ разъясненій, благодаря чему, всѣ детали выполненія земскихъ повинностей оставались на усмотрѣніи уѣздной и станичной администраціи Каково-же было положеніе казачьяго населенія при наличности такихъ условій отбыванія этихъ повинностей—достаточно ясно охарактеризовано въ части второй настоящаго изданія*), къ чему остается только добавить, что въ отбываніи земскихъ повинностей семирѣченскимъ казачьимъ населеніемъ съ 1884 года не произошло почти никакихъ измѣненій къ лучшему, въ смыслѣ вліянія ихъ на экономическое положеніе этого населенія.

Послѣднее положеніе 1891 года не внесло собственно никакихъ измѣненій въ дѣло отбыванія земскихъ повинностей и расширило только въ этомъ отношеніи власть войскового управленія, благодаря чему гражданская администрація уже не можетъ оказывать прежняго давленія на населеніе.

Поземельный вопросъ, съ 1880 года.

Поземельный вопросъ или, точнѣе вопросъ о землеустройствѣ Семирѣченскаго к. войска, слѣдуетъ собственно разсмотрѣть съ двухъ сторонъ—внѣшней и внутренней, въ зависимости отъ тѣхъ условій, которыя получили преоблада-

*) Ст. «Земскія повинности въ войскѣ», гл. II часть II, гдѣ по условіямъ распредѣленія матеріала пришлось помѣстить характеристику земскихъ повинностей за пер одъ съ 1880 года.

ющее значеніе въ его теченіи.

Сторона внѣшняя, представляетъ собою собственно отводъ войску и укрѣпленіе за немъ того количества земли, какое опредѣлено существующими о немъ законоположеніями и распоряженіями правительства. Внутренняя-же, всецѣло зависящая отъ внѣшней, или землеустройство въ самомъ войскѣ заключаетъ въ себѣ распредѣленія земель фактическаго владѣнія между поселеніями и выдѣлъ извѣстнаго ихъ количества въ войсковой запасъ на приростъ населенія и для предоставленія войску, какъ особой юридической единицѣ, опредѣленной доходной статьи, необходимой для удовлетворенія ближайшихъ мѣстныхъ нуждъ.

Выше мы уже видѣли въ какомъ положеніи находился вопросъ о землеустройствѣ Семирѣченскаго войска съ этой стороны до 1880 года и какое положеніе заняла въ немъ мѣстная гражданская власть*). Землеустройство съ внѣшней стороны.

Выше**) уже были приведены объясненія самого Семирѣченскаго областного правленія тѣхъ мотивовъ, руководясь которыми оно предпочитало колонизацію Семирѣчья крестьянами. Но эти мотивы выступятъ болѣе рельефно, если просмотрѣть приведенную тамъ**) записку далѣе, гдѣ областное управленіе говоритъ слѣдующее: „какъ въ сельскомъ хозяйствѣ и промыслахъ, такъ и бытовой своей гражданской жизни казачье населеніе отличается, какъ извѣстно, косностью и неподвижностью, съ которыми соединяется упрямая привязанность къ устарѣвшимъ и отжившимъ порядкамъ, причинявшая и причиняющая столько хлопотъ правительству на Дону и на Уралѣ ..... Вслѣдствіе сего успѣшная колонизація при настоящихъ ея условіяхъ, *когда спокойствіе и порядокъ въ ней прочно и незыблемо установились,* должна производиться предпочтительно посредствомъ переселенцевъ городскихъ и сельскихъ сословій, не обращая ихъ въ казаки. Этого мнѣнія держались семирѣченское областное и главное начальство со времени учрежденія области, почему начавшееся съ 1867 года русское заселеніе области добровольными пересенцами, производится поселеніями крестьянскими, *казачьи-же селенія учреждаются вновь лишь въ немногихъ пограничныхъ мѣстностяхъ.* Кромѣ экономическаго превосходства крестьянскихъ поселеній, эти послѣднія, предъ казачьими имѣютъ то важное преимущество, что требуютъ несравненно меньшаго, чѣмъ казачьи, земельнаго надѣла, и потому дозволяютъ водвореніе вдвое и втрое

*) Ст. «Поземельное устройство». гл. II часть II.

**) Ст. «Двойственность власти въ управленіи Семир. к. войскомъ», гл. I части III.

большаго населенія на одинаковомъ пространствѣ, что весьма важно въ смыслѣ умноженія русскаго населенія и экономическаго развитія края. По мѣстнымъ условіямъ крестьянскій душевой надѣлъ вполнѣ достаточенъ въ размѣрѣ 10 десятинъ. тогда какъ казачій долженъ быть двойной, если не тройной".

Такое воззрѣніе на разсматриваемый вопросъ со стороны мѣстной гражданской власти, съ которымъ, въ его основныхъ положеніяхъ, нельзя не согласиться, если бы оно на нихъ однихъ и основывалось, но, при разсмотрѣніи вопроса о колонизаціи и установленія для него опредѣленной точки зрѣнія областная и главная мѣстная власть руководилась не одними только интересами колонизаціи страны или, вѣрнѣе, руководилась ими только съ оффиціальной стороны. Въ дѣйствительности же, какъ мы уже знаемъ изъ прошлаго и еще болѣе убѣдимся ниже, подъ этимъ вышеприведеннымъ оффиціальнымъ заявленіемъ скрывалось еще и желаніе охранить во что бы то ни стало интересы кочевниковъ и представляется чрезвычайно труднымъ рѣшить—что именно признавала до конца 1899 года *) мѣстная власть болѣе существеннымъ—интересы-ли русской колонизаціи края или-же охрану земельныхъ интересовъ кочевниковъ. По крайней мѣрѣ въ дальнѣйшихъ своихъ представленіяхъ, направленныхъ къ сокращенію установленнаго закономъ земельнаго надѣла казаковъ, мѣстная власть умалчиваетъ объ интересахъ колонизаціи страны и, не стѣсняясь, выдвигаетъ на первый планъ интересы кочевниковъ, для которыхъ, какъ мы уже знаемъ, даже имѣла въ виду узаконить и сервитутное право и русское населеніе Семирѣчья обязано своимъ избавленіемъ отъ дикаго господства кочевниковъ только комиссіи сенатора Плеве, взглянувшей на это дѣло съ русской государственной точки зрѣнія.

Такимъ образомъ, при установленіи принципіальной точки зрѣнія на колонизацію страны или, вѣрнѣе, въ вопросѣ о землеустройствѣ въ области, семирѣченскіе казаки, по мнѣнію мѣстной власти, исполнивъ свое тяжелое дѣло піонеровъ, оказывались тормозомъ въ экономическомъ развитіи Семирѣчья, а главнымъ образомъ мѣшали процвѣтанію кочевниковъ.

Такое основное воззрѣніе мѣстной гражданской власти на семирѣченскихъ казаковъ, вслѣдствіе котораго она до конца 1899 года и почитала себя обязанной всегда и всѣми средствами препятствовать осуществленію этими казаками своего права на землевладѣніе въ тѣхъ предѣлахъ, которые указаны

*) Съ вступленіемъ 21 окт. 1899 г. на должность военнаго губернатора Семирѣченской области генерала Іонова «внутренняя политика» въ области круто измѣнилась.

для нихъ Высочайшей властью имперіи.

Пользуясь своимъ доминирующимъ положеніемъ въ вопросѣ о землеустройствѣ въ области, мѣстная гражданская власть въ своихъ дѣйствіяхъ по достиженію намѣченной цѣли не считала даже и нужнымъ руководиться указаніями закона, особенно въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Выше *) уже были приведены два примѣра явнаго игнорированія закона въ отношеніи казаковъ, но подобные примѣры этими двумя не исчерпываются.

Въ 1880 году тотъ-же, исполнявшій обязанность Семирѣченскаго военнаго губернатора, генералъ Эллеръ распорядился заново обмежевать границы юртового надѣла станицы Софійской *„по дѣйствительному пользованію“*, не принимая во вниманіе ни числа ея населенія, ни необходимости оставленія запаса, ни фактическаго владѣнія (1), слѣдствіемъ чего и было отобраніе у станицы отведенной ей 14878 десятинъ земли, переданной послѣ обмежеванія киргизамъ (2).

Наказный атаманъ генералъ Іоновъ, комментируя этотъ случай, въ своемъ личномъ отчетѣ за 1902 годъ Его Величеству, между прочимъ говоритъ: *„особенно знаменательно то, что эта отрѣзка земли произведена была тогда, когда Семирѣченское войско было призвано по мобилизаціи на службу въ Кульджинскій походъ“*, т. е. мѣстная власть воспользовалась случаемъ когда „дѣйствительное пользованіе“ землей сократилось до minimum'а и представилась возможность отобрать побольше земли у призванныхъ на службу государству казаковъ. Далѣе, игнорируя совершенно законъ 21 апрѣля 1869 года, которымъ постановлялось за правило, что уменьшеніе казачьихъ надѣловъ, противъ нормы въ 30 дес. на душу, зависитъ только отъ Военнаго Совѣта, Семирѣченское областное правленіе журналомъ общаго присутствія 3 марта 1883 года постановило ограничить казачій надѣлъ до 15 десятинъ на душу съ 5-ю десятинами въ запасъ (3).

Нельзя было-бы ничего и сказать противъ этого проэкта, если бы онъ и остался въ этой нормѣ, ожидая утвержденія въ законодательномъ порядкѣ, но дѣло въ томъ, что областное правленіе, прійдя въ приведенномъ журналѣ путемъ разныхъ комбинацій къ выводу, что „обсужденіе размѣра душевого надѣла въ Семирѣченскомъ к. войскѣ, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ, лежитъ на обязанности мѣстнаго начальства“, забыло, что ему можетъ принадлежать только право обсужденія, а никакъ не приведеніе въ исполненіе результатовъ этого обсужденія и распорядилось изъ 3587 дес. на-

*) Ст. «Двойственность власти» въ гл. I, части III.

дѣла выселка Абакумовскаго, которымъ онъ владѣлъ до 1884 года, вырѣзать 2687 десятинъ и передать ихъ въ пользованіе киргизъ (2). Надѣлы-же выселковъ: Кугалинскаго, Царицинскаго и еще трехъ другихъ были обмежеваны тоже по расчету 20 дес. на душу (4).

Въ приведенномъ журналѣ, кромѣ того, заслуживаетъ особеннаго вниманія слѣдующее мѣсто, ясно показывающее, какъ мало была знакома эта мѣстная власть съ вопросомъ, который она считала себя призванной рѣшать: „у казаковъ, не смотря на болѣе давнее водвореніе въ краѣ, земледѣліе развито сравнительно далеко менѣе чѣмъ у крестьянъ, *а потому* они въ сущности, для обработки земли собственнымъ трудомъ, *нуждаются въ меньшемъ поземельномъ надѣлѣ, чѣмъ крестьяне. Хотя уже одно освобожденіе отъ податей и общихъ населенію области повинностей губернскихъ и государственныхъ могло-бы служить достаточнымъ вознагражденіемъ казаковъ за большую тяжесть военной службы,* но для большаго обезпеченія ихъ благосостоянія *возможно допустить* увеличенный надѣлъ назаковъ“, т. е. увеличенный противъ надѣла крестьянъ, которымъ онъ въ области опредѣленъ въ 10 десятинъ. И вотъ послѣ подобныхъ разсужденій, Семирѣченское областное правленіе „допустило“ опредѣлить казакамъ душевой надѣлъ въ 15 десятинъ съ 5 десятинами въ запасъ на приростъ населенія и даже выработало правила для надѣленія семирѣченскихъ казаковъ землею въ этомъ размѣрѣ.

Этотъ журналъ съ приложенными къ нему правилами и положилъ основаніе возникновенію въ войскѣ злополучнаго „вопроса о душевой нормѣ земли“, къ историческому очерку котораго теперь и перейдемъ.

Здѣсь нужно замѣтить, что въ систематическомъ противодѣйствіи разрѣшенію поземельнаго вопроса со стороны мѣстной власти, главнымъ образомъ со стороны Семирѣченскаго областного правленія, играли роль не только принципіальное убѣжденіе въ преимуществахъ колонизаціи страны посторонними казакамъ элементами и соблюденіе интересовъ кочевниковъ, но имѣлъ еще большое значеніе и антагонизмъ, существовавшій, какъ мы уже знаемъ, между гражданской и войсковой властями Этотъ антогонизмъ достигалъ своего апогея въ то время, когда помощниками военнаго губернатора и предсѣдателями мѣстнаго областного правленія были генералъ Эллеръ и Аристовъ, т. е. на всемъ протяженіи 80-хъ годовъ

Вышеприведенный журналъ 3 марта 1883 года, какъ видно изъ него самого, былъ вызванъ ходатайствомъ войсково-

го управленія, еще въ 1881 году, предъ Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ объ отводѣ войску всей положенной ему по закону 21 апрѣля 1869 г. земли.

Результатъ этого ходатайства мы уже знаемъ *).

Такое рѣшеніе вопроса войсковое правленіе опротестовало своимъ журналомъ 20 марта 1883 года, но въ журналѣ этомъ члены общаго присутствія, какъ мало знакомые не только въ бытовымъ и экономическимъ положеніемъ въ Семирѣченской области, но даже и управляемаго ими войска, о чемъ заявлено въ самомъ журналѣ, не могли сказать ничего существеннаго въ опроверженіе доводовъ Семирѣченскаго областного правленія, не могли даже убѣдить въ правильности своихъ воззрѣній наказнаго атамана генерала Фриде, который, представляя оба журнала—областного и войскового правленій—Степному генералъ-губернатору, въ рапортѣ своемъ заявилъ, что онъ раздѣляетъ мнѣніе областного правленія, что самъ онъ достаточно знакомъ съ экономическимъ положеніемъ казаковъ, такъ какъ за время своей 4-хъ лѣтней службы въ области посѣтилъ каждое поселеніе около 8 разъ, что съ этимъ положеніемъ мало знакомо подвѣдомственное ему войсковое правленіе, а потому норму въ 15 десятинъ на душу при системѣ зачетовъ, предложенную областнымъ правленіемъ, онъ признаетъ для казаковъ совершенно достаточной (5).

Степной генералъ-губернаторъ генералъ Колпаковскій, сочувствуя такому рѣшенію вопроса, ибо самъ, какъ мы знаемъ, еще въ 1864 году дѣлалъ представленіе объ уменьшеніи казачьяго надѣла до 20 десятинъ **), представилъ рѣшеніе вопроса на усмотрѣніе высшаго правительства. Послѣднее, не располагая возможностью провѣрить заявленія мѣстныхъ властей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду и законъ 21 апрѣля 1869 года, оказалось въ затруднительномъ положеніи и для рѣшенія вопроса потребовало разныя дополнительныя свѣдѣнія отъ обѣихъ сторонъ.

Эти дополнительныя свѣдѣнія, конечно, оказались діаметрально противоположными одно другому: Семирѣченское областное управленіе настаивало на уменьшеніи нормы душевого надѣла, а войсковое—на сохраненіи ея въ 30-ти десятинномъ размѣрѣ, приводя въ подкрѣпленіе всевозможныя доказательства и стараясь опровергнуть доводы областного.

Въ этомъ спорѣ заслуживаетъ особаго вниманія слѣдую-

*) По поводу именно этого ходатайства Семирѣченское областное правленіе и постановило свой вышеприведенный журналъ 3 марта 1883 года.

**) Ст. «Поземельное устройство» гл. II части II.

щее обстоятельство. Семирѣченское областное правленіе въ 1885 году сообщило войсковому, что во владѣніи Семирѣченскаго войска состоитъ *всего* 530407 десятинъ земли (4), а когда, въ томъ-же 1885 году, это-же областное правленіе давало свое заключеніе, по запросу Главнаго управленія казачьихъ войскъ относительно проэктируемой послѣднимъ для Семирѣченскаго к. войска нормы душевого надѣла въ 30 десятинъ съ 10-ю десятинами въ запасъ, то въ этомъ своемъ заключеніи, оно уже опредѣлило, что „количество земель, находящихся" въ дѣйствительномъ пользованіи казаковъ, не исключая *занятыхъ неправильно и самовольно не превышаетъ 300000 десятинъ* *) и, слѣдовательно, не говоря уже о невозможности отвода по 10 дес. въ запасъ, не дозволяетъ надѣла въ 30 дес. на душу, для котораго потребно 341640 дес. *Добавленіе казачьимъ поселеніямъ земли невозможно безъ окончательнаго подрыва благосостоянія киргизъ, крайне стѣсненныхъ недостаткомъ пастбищъ и пахатныхъ земель,* помимо того, что прибавка земли для нѣкоторыхъ казачьихъ поселеній (станица Софійская, выс. Надеждинскій) **) не выполнима, такъ какъ они окружены крестьянскими и таранчинскими поселеніями" (6).

Подобное разнорѣчивое доставленіе свѣдѣній о количествѣ земель въ войскѣ, достаточно характеризуетъ дѣйствія Семирѣченскаго сбластного правленія въ поземельномъ вопросѣ и обращаетъ его сообщенія въ игру цифрами въ зависимости отъ цѣли и надобности.

Доставляя войсковому правленію свѣдѣнія о количествѣ земель въ войскѣ съ весьма неопредѣленными справками о раздѣленіи ихъ на удобныя и неудобныя, областное правленіе не только отнимало у него возможность ссылки на недостатокъ земель, но и обезпечивало себѣ въ будущемъ отнятіе будто-бы „излишнихъ" земель у казаковъ. Доставляя-же свѣдѣнія по тому-же вопросу высшимъ правительственнымъ учрежденіямъ—оно уменьшало площадь земель войска для того, чтобы, какъ мы видѣли, заявить, что „добавленіе казачьимъ поселеніямъ земли не возможно безъ окончательнаго подрыва благосостоянія киргизъ", особенно исключительно пещись о которыхъ собственно—и считало себя призваннымъ

*) Здѣсь областное правленіе, вѣроятно, имѣетъ въ виду одну удобную землю, но обстоятельства этого въ журналѣ своемъ не отмѣчаетъ, почему и получилось то, что какъ будто-бы въ войскѣ всего земли было не болѣе 300 тысячъ десятинъ.

**) Тѣ самые станица и выселокъ, у которыхъ въ 1880 г., во время мобилизаціи, по распоряженію генерала Эллеръ, отнято 14878 дес. земли.

это областное управленіе, что мы и видѣли изъ противозаконнаго введенія въ области сервитутнаго права кочевниковъ.

Очевидно, что, благодаря такому образу дѣйствій мѣстной власти, разрѣшеніе вопроса затягивалось, а самый вопросъ оказался запутаннымъ на столько, что въ заинтересованныхъ министерствахъ не могли и составить о немъ опредѣленнаго мнѣнія. Такъ, напримѣръ, министръ внутреннихъ дѣлъ раздѣлялъ предположенія мѣстныхъ властей; и. д. министра государственныхъ имуществъ Вешняковъ въ 1893 году далъ аналогичный отзывъ, но на вторичный запросъ военнаго министра, какъ сообщилъ членъ Военнаго Совѣта генералъ Колпаковскій Степному генералъ-губернатору, отозвался, что: „до производства подробной съемки и изслѣдованія хозяйственныхъ условій Семирѣченской области, не представляется возможнымъ видоизмѣнить существующее распредѣленіе земель между казаками и киргизами".

Далѣе, генералъ Колпаковскій сообщаетъ, что Главное управленіе казачьихъ войскъ, опираясь на это заключеніе и. д. министра государственныхъ имуществъ, составило проэктъ и правила о надѣленіи семирѣченскихъ казаковъ землею по 30 дес. на душу и по 15-ти на приростъ населенія. Получивъ такія свѣдѣнія, Степной генералъ-губернаторъ баронъ Таубе, въ сентябрѣ 1893 г. просилъ Семирѣченскаго военнаго губернатора генерала Иванова: „безотлагательно озаботиться *собраніемъ неофиціальнымъ путемъ необходимаго матеріала въ подтвержденіе полной невозможности, безъ окончательнаго разоренія киргизъ*, опредѣленія надѣла казаковъ Семирѣченскаго войска въ 45 дес. на душу" для заблаговременнаго составленія генералъ-губернаторомъ возраженій на проэктъ Главнаго управленія казачьихъ войскъ(7).

Итакъ мы видимъ, что „на мѣстѣ" противъ надѣленія Семирѣченскаго войска землею, въ размѣрѣ, опредѣленномъ закономъ 21 апрѣля 1869 г., были и областное управленіе и Степной генералъ-губернаторъ, а въ Петербургѣ заботился въ томъ-же направленіи членъ Военнаго Совѣта генералъ Колпаковскій.

Но противъ всякаго ожиданія, вопросъ о землеустройствѣ войска, по настояніямъ Главнаго управленія казачьихъ войскъ поступилъ въ 1895 году не на разсмотрѣніе Военнаго Совѣта, куда уже онъ былъ внесенъ еще въ 1893 г.(7), а на рѣшеніе комитета министровъ и, такимъ образомъ, генералъ Колпаковскій былъ лишенъ возможности лично поддержать всѣ высказанныя имъ ранѣе положенія и защитить интересы киргизъ.

Комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ внесенный на его рѣшеніе вопросъ о нормѣ душевого надѣла Семирѣченскаго казачьяго войска, журналомъ своимъ 21 февраля/17 марта 1895 г. между прочимъ опредѣлилъ: „что до настоящаго времени въ распоряженіи правительства неимѣется вполнѣ точныхъ данныхъ ни о количествѣ земли, состоящей во владѣніи Семирѣченскаго к. войска, ни о производительныхъ качествахъ оной и обусловленной сими послѣдними доходности разнородныхъ земельныхъ угодій въ указанной области. Въ виду сего комитетъ..... призналъ, что принятіе нынѣ-же какого либо окончательнаго рѣшенія по вопросу объ измѣненіи дѣйствующихъ правилъ о размѣрѣ подлежащихъ отводу казакамъ душевыхъ надѣловъ представлялось-бы преждевременнымъ."

По мнѣнію комитета министровъ—для вполнѣ правильной постановки вопроса необходимо прежде всего произвести таксацію и подробную съемку земель войска и лишь только послѣ такого разслѣдованія было-бы возможно судить о степени производительности искусственно орошаемой земли сравнительно съ богарной*). Располагая только такими свѣдѣніями, представлялось бы возможнымъ опредѣлить въ какой мѣрѣ вообще обезпечены Семирѣченскіе казаки землею. По вопросу же о землепользованіи киргизъ, интересы которыхъ властями Степного генералъ-губернаторства были выдвинуты на первый планъ, комитетъ министровъ высказался, что *этотъ вопросъ* „при всей своей важности съ точки зрѣнія общегосударственной, *едвали можетъ имѣть рѣшающее вліяніе на вопросъ о размѣрахъ душевыхъ надѣловъ* семирѣченскихъ казаковъ".

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній комитетъ министровъ положилъ: предоставить военному министру произвести изслѣдованіе находящихся въ фактическомъ и безспорномъ владѣніи Семирѣченскаго к. войска земель, относительно ихъ качества, положенія и количества и, опредѣливъ за какое количество богарныхъ земель слѣдуетъ засчитывать десятину искусственно орошенной, выработать и представить на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ особыя правила надѣленія Семирѣченскаго войска, землею. Журналъ этотъ былъ Высочайше утвержденъ 3 марта 1895 года(8).

Итакъ, комитетъ министровъ, рѣшеніе котораго утверждено Высочайшею властью, отвергъ всѣ домогательства мѣстной администраціи и потребовалъ прежде всего точнаго, а не приблизительнаго опредѣленія площади земель Семирѣченскаго войска, т. е. съемки этихъ земель. Но въ войскѣ не бы-

*) Т. е. орошаемой только атмосферными осадками.

ло своей межевой партіи, а силы межевого отдѣленія Семирѣченскаго областного правленія были не такъ велики, чтобы, производя и прочія необходимыя въ области работы, скоро произвести съемку казачьихъ земель, и дѣло снова затянулось.

Въ 1896 г. Государю былъ представленъ Всепод. отчетъ Семирѣч. военнаго губернатора за 1894 годъ. Его Величество, обративъ вниманіе на сказанное въ немъ относительно неразрѣшенія вопроса о нормѣ душевого надѣла въ Семирѣченскомъ войскѣ, соизволилъ сдѣлать на этомъ отчетѣ собственноручную отмѣтку: *„Надѣюсь, что правила о надѣленіи казаковъ землею будутъ въ скоромъ времени выработаны“*(9).

Какъ бы въ отвѣтъ на такое пожеланіе Государя, Семирѣченскій наказный атаманъ въ своемъ личномъ отчетѣ за 1897 г. докладывалъ Его Величеству, что рѣшеніе вопроса о душевой нормѣ замедляется неокончаніемъ съемки и что работы по съемкѣ „едвали могутъ окончиться скоро“.

Наконецъ, съемка казачьихъ земель была окончена въ 1899 году и по ней оказалось, что въ фактическомъ и безспорномъ владѣніи войска находилось 314827 десятинъ *удобной земли,* т. е. въ среднемъ по числу 14789 душъ мужского пола, бывшихъ къ концу этого года, приходилось по 21,3 десятинъ на душу.

Съемка была окончена, но на поверхность вопроса всплыло новое затрудненіе: въ области не было техниковъ—спеціалистовъ, компетентныхъ въ опредѣленіи качества казачьихъ земель и зачета искусственно-орошенныхъ—богарными, т. е. не было агрономовъ и гидротехниковъ.

Вслѣдствіе такого положенія мѣстная власть еще раньше окончанія съемки привлекла къ рѣшенію этого новаго вопроса Семирѣченскаго лѣсного ревизора, который, приступая еще къ выполненію порученнаго ему дѣла, сообщилъ мѣстной власти, что предложенный ему для изслѣдованія вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только при условіи производства *„полной хозяйственной съемки всѣхъ земель области“*(10). Такое требованіе при наличныхъ межевыхъ силахъ области конечно не могло быть исполнено и рѣшеніе вопроса о землеустройствѣ въ войскѣ остановилось совсѣмъ.

Въ то-же время, какъ увидимъ ниже, военный министръ предложилъ войсковому управленію войти съ представленіемъ объ учрежденіи въ войскѣ должностей собственныхъ агронома и гидротехника, вслѣдствіе чего войсковое управленіе журналомъ 13 марта того-же 1899 г. начало ходатайствовать объ учрежденіи въ войскѣ названныхъ должностей.

Лѣсной-же ревизоръ, при содѣйствіи комиссій, назначен-

ныхъ въ каждой станицѣ изъ уѣздныхъ лѣсничихъ, представителей казачьихъ обществъ и депутатовъ отъ войска, приступилъ въ 1898 г. къ производству пробныхъ умолотовъ, результаты которыхъ вносились въ особые акты, подписанные всѣмъ составомъ комиссій. Труды такимъ образомъ составленныхъ комиссій дали совершенно неожиданный, невѣроятный результатъ—умолоты оказались на богарныхъ и искусственно орошенныхъ земляхъ совершенно одинаковыми или, иначе говоря, искусственное орошеніе въ Семирѣченской области явилось совершенно излишнимъ, излишней затратой земледѣльцевъ, не только современныхъ русскихъ, но и всѣхъ земледѣльцевъ этой страны въ теченіе всѣхъ предшествовавшихъ вѣковъ.

Акты комиссій и весь собранный ими матеріалъ, съ заключеніемъ, что десятину искусственно орошенной земли слѣдуетъ засчитывать за одну же десятину богарной, были представлены лѣснымъ ревизоромъ Семирѣченскому военному губернатору, а послѣднимъ переданы за разсмотрѣніе областному правленію[2].

Семирѣченское-же областное правленіе, не смотря на совершенное несоотвѣтствіе результатовъ опытовъ вышеуказанныхъ комиссій дѣйствительности, несоотвѣтствіе, происшедшее вслѣдствіе очевидной, по своимъ результамъ, неправильности въ постановкѣ и производствѣ опытовъ, журналомъ 2 ноября 1900 г. постановило: одну десятину земли поливной засчитывать за одну же десятину неполивной. Постановило это вопреки не только всѣмъ и каждому извѣстной въ странѣ дѣйствительности, но и вопреки своимъ-же заявленіямъ, помѣщеннымъ во множествѣ различныхъ документовъ и даже во Всеподданнѣйшихъ отчетахъ, заявленіямъ, главная мысль которыхъ сводится къ тому, что „безъ воды, безъ орошенія невозможно въ томъ краѣ земледѣліе*)“, почему и невозможно считать на всемъ пространствѣ Семирѣченской области десятину богарной земли равной по своей производительности десятинѣ-же искусственно-орошенной.

Какъ бы то ни было, но только такое постановленіе областного правленія было передано въ войсковое для выработки проэкта правилъ по надѣленію Семирѣченскаго войска землей[11].

Такъ какъ Семирѣченское войсковое управленіе созна-

*) Дословно со стр. 3-й Обзора Семирѣч. области, приложеннаго ко Всеподданнѣйшему отчету Семир. воен. губернатора 1882 г. Тоже самое, но только въ другихъ выраженіяхъ, повторено во всѣхъ другихъ «Обзорахъ», *а въ томъ числѣ и за 1900 годъ.*

вало совершенную неприложимость вышеприведеннаго вывода областного правленія, почему въ своемъ проэктѣ и постановило, что въ Семирѣчьѣ «одна поливная десятина по урожайности можетъ быть засчитана за десятину не поливной *тамъ, гдѣ возможно „хлѣбопашество безъ орошенія“* (2).

Основанный на такихъ неопредѣленныхъ данныхъ, проэктъ о надѣленіи войска землей былъ представленъ командующимъ войсками Туркестанскаго военнаго округа въ Главное управленіе казачьихъ войскъ, а въ 1902 году поступилъ на разсмотрѣніе Военнаго Совѣта. Послѣдній, разсматривая проэктъ, въ журналѣ своемъ 6 февраля, высказалъ, что по указаннымъ въ проэктѣ даннымъ не представляется возможности сдѣлать хоть сколько нибудь правильное заключеніе о надлежащихъ размѣрахъ душевой нормы въ войскѣ и объ относительныхъ зачетахъ поливныхъ и богарныхъ земель. Комиссіи-же во главѣ съ лѣсничими Военный Совѣтъ не призналъ компетентными въ рѣшеніи вопросовъ, поставленныхъ въ вышеприведенномъ журналѣ комитета министровъ. На основаніи-же всего этого утвержденіе нормы душевого надѣла отклонилъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рекомендовалъ имѣть при войсковомъ правленіи своихъ дѣйствительныхъ техниковъ—спеціалистовъ по рѣшенію вопросовъ, поставленныхъ въ журналѣ комитета министровъ(2).

Такимъ образомъ вопросъ не прошелъ и въ этотъ разъ, а норма душевого надѣла оставалась не вырѣшенной даже и къ 1908-му году.

Здѣсь остается указать еще только на одно предположеніе, обнаруживающее желаніе, правительства рѣшить поземельный вопросъ въ Семирѣченскомъ к. войскѣ тѣмъ или инымъ путемъ, но въ пользу казаковъ и при томъ такъ, чтобы въ извѣстной степени сохранить и интересы киргизъ.

Съ конца девятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія военное министерство обратило серьезное вниманіе на прогрессирующій упадокъ благосостоянія въ казачьихъ войскахъ, вызываемый ихъ крайне неблагопріятнымъ экономическимъ положеніемъ

Военный министръ, признавая, что достаточные размѣры земельныхъ надѣловъ въ казачьихъ войскахъ являются главнымъ основаніемъ, какъ къ сохраненію въ войсковомъ населеніи благосостоянія, такъ и къ тѣсно связанному съ нимъ исправному отбыванію обязанностей по воинской повинности, предложилъ Семирѣченскому войсковому управленію обсудить вопросъ увеличенія запасныхъ войсковыхъ земель

путемъ покупки сосѣднихъ частновладѣльческихъ средства войскового капитала.

Частнаго землевладѣнія въ Семирѣчьѣ нѣтъ, а потому войсковое управленіе остановилось на мысли—скупить нужное количество земель у киргизъ ([12]).

Наказный атаманъ, представляя это предположеніе Туркестанскому генералъ-губернатору, между прочимъ высказалъ, что капиталъ войска такъ не великъ, а его доходы такъ малы, что производить покупку земель на этотъ источникъ не представляется никакой возможности и что для выполненія намѣченной цѣли необходимъ спеціальный отпускъ изъ государственнаго казначейства въ размѣрѣ отъ 50 до 100 тысячъ рублей ежегодно до тѣхъ поръ, пока войско не будетъ располагать землей въ количествѣ 30 десятинъ на каждаго казака. Въ качествѣ-же военнаго губернатора, онъ въ этомъ своемъ представленіи, добавилъ, что *„свободныхъ земель, очень пригодныхъ для земледѣлія, въ киргизскихъ надѣлахъ много“* и что покупка у киргизъ «даннаго имъ правительствомъ права на безсрочное пользованіе землею» вполнѣ возможна и притомъ по обязательной цѣнѣ въ 2 руб. 50 коп. за казенную десятину.

Такую низкую цѣну генералъ Іоновъ опредѣлилъ, исходя изъ того, что будетъ покупаться только переуступка права на землю, а не самая земля, которая составляетъ собственность не киргизъ, а государства и изъ существующихъ низкихъ арендныхъ цѣнъ на киргизскія земли—отъ 30 до 50 к. въ годъ за хозяйственную десятину (50×50).

По докладѣ этого представленія военному министру, послѣдній согласился съ нимъ и отдалъ распоряженіи по министерству: „внести требованіе кредита на слѣдующее пятилѣтіе по 75 тысячъ въ годъ ([13]), но въ теченіе изслѣдуемаго здѣсь періода времени покупки земель еще не производилось и этотъ вопросъ остается въ сущности открытымъ.

Землеустройство въ самомъ войскѣ.

Эта часть поземельнаго вопроса, въ свою очередь, распадается на два отдѣла: станичные юртовые надѣлы и земельный войсковой запасъ. Такъ какъ земли для того и другого фонда были отводимы независимо одни отъ другихъ, пользованіе ими и назначеніе ихъ было различно, то вслѣдствіе этого тотъ и другой отдѣлъ этой части землеустройства необходимо разсмотрѣть особо.

Станичные юртовые надѣлы.

Положеніе землевладѣнія въ станицахъ къ началу 1880 года намъ уже извѣстно изъ ст. „Поземелное устройство*)“.

*) Глава II, часть II.

Отсюда-же мы знаемъ, что Семирѣченское войско не имѣло своей межевой партіи, а учрежденное въ концѣ 1880 года при мѣстномъ областномъ правленіи межевое отдѣленіе, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, не могло приступить въ первые-же годы своего существованія къ обмежеванію казачьихъ земель, хотя, какъ мы видѣли изъ предшествующаго очерка, въ немъ, даже и въ это время, находились необходимыя силы для обмежеванія станичныхъ надѣловъ въ тѣхъ случаяхъ, когда областная власть признавала нужнымъ отнять часть этихъ надѣловъ въ пользу киргизъ *)

Вслѣдствіе извѣстнаго уже намъ положенія, занятаго Семирѣченскимъ областнымъ управленіемъ въ поземельномъ устройствѣ войска, насущный вопросъ обмежеванія не могъ достаточно подвинуться впередъ, даже и при условіи появленія въ области межевыхъ силъ.

Распредѣленіе юртовыхъ надѣловъ въ станицахъ и количество этихъ земель въ войскѣ къ началу изслѣдуемаго періода, т. е. въ 1880 году представляется въ слѣдующемъ видѣ (14).

Въ станицахъ съ ихъ высѣлками вмѣстѣ.	Удобной земли по числу душъ, имѣвшихъ право на земельный надѣлъ.					
	По 30 дес. на душевой надѣлъ.	По 10 десят. на душу въ запасъ на приростъ населенія.	Всего по числу наличныхъ душъ должно было-бы быть	Имѣлось всего въ дѣйствительности.	Сравнительно съ положеннымъ по закону 21 апр. 1869 г. и дѣйствительностью. Было лишней.	Недоставало.
Станицы:						
Алматинская . . .	82560	27520	110080	108072	—	2008
Софійская . .	71790	23930	95720	43946	—	51774
Коксуйская . . .	26050	8660	34710	30448	—	4262
Капальская . . .	30450	10150	40600	35361	—	5239
Сарканская . . .	31680	10560	42240	28626	—	13614
Лепсинская . . .	43530	14510	58040	68473	10433	—
Сергіопольская . .	7140	2380	9520	15354	5834	—
Урджарская . . .	16350	5450	21800	19713	—	2087
Всего . .	309550	103160	412710	349993	16267	78984
За исключеніемъ излишка недостаетъ						62717

*) 1880 г.; отмежеваніе 14878 дес. у ст. Софійской и выс. Надеждинскаго.

Приведенныя въ этой таблицѣ цифры должно считать только приблизительными, такъ такъ правильнаго обмежеванія и измѣренія площади казачьихъ надѣловъ въ это время произведено еще не было, о чемъ уже сказано выше, но, во всякомъ случаѣ, нужно замѣтить, что эти цифры въ свое время пользовались довѣріемъ и ими руководились въ 1880 году областная и войсковая администрація да и, кромѣ того, при всей ихъ неточности, онѣ, во всякомъ случаѣ, даютъ болѣе или менѣе вѣрное представленіе о площади казачьяго землевладѣнія и о его распредѣленіи между станицами войска.

Разсматривая приведенную таблицу, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что изъ 8 станицъ въ 6-ти —былъ недостатокъ земель, но недостатокъ этотъ въ 4-хъ изъ нихъ былъ такого рода, который могъ причинять ущербъ только станичнымъ общественнымъ капиталамъ, но не самимъ казакамъ, такъ какъ послѣдніе въ этихъ поселеніяхъ имѣли полный душевой надѣлъ. Въ двухъ-же, —въ Софійской и Сарканской,—недостатокъ этотъ ложился уже, особенно въ Софійской, тяжелымъ бременемъ на самихъ казаковъ, ибо недочетъ распространялся на ихъ душевые надѣлы.

Въ поясненіе къ таблицѣ необходимо добавить, что она составлена по даннымъ конца 1880 г., т. е. уже послѣ того, какъ извѣстное намъ распоряженіе и. д. Семирѣченскаго военнаго губернатора генерала Эллеръ было приведено въ исполненіе и у станицы Софійской была отнята часть ея надѣла.

Настоящая таблица достаточно ясно доказываетъ, что вышеприведенное распоряженіе не имѣло подъ собой никакой законной почвы, такъ какъ станицѣ по числу 2393 душъ (23930:10) ея мужского населенія оставлено только 43946 десятинъ удобной земли или всего около 18½ дес на душу.

Излишекъ земли въ станицахъ Лепсинской и Сергіопольской никоимъ образомъ не могъ покрывать недостатка въ другихъ, такъ какъ эти два поселенія слишкомъ удалены отъ другихъ и не могли подѣлиться съ ними своимъ избыткомъ.

Этотъ избытокъ можетъ быть принятъ во вниманіе только при общемъ зачетѣ земли по войску, но и при такомъ зачетѣ, въ общемъ надѣлѣ станицъ не доставало 62717 дес., что, расчитывая по наименьшей арендной платѣ того времени въ 50 к. за десятину, —казачье населеніе изъ своего небогатаго бюджета ежегодно теряло болѣе 30 тысячъ рублей.

Такимъ образомъ, переводя на деньги стоимость протекціонной для киргизъ политики мѣстной власти въ Семирѣчьѣ,— эта политика обошлась казакамъ чрезвычайно дорого и являлась замѣтнымъ факторомъ въ упадкѣ ихъ благосостоянія.

Здѣсь кстати будетъ отмѣтить и тотъ взглядъ мѣстной власти на Семирѣченскихъ казаковъ, который доказываетъ совершенное незнакомство ея ни съ ихъ исключительнымъ положеніемъ, обусловливаемымъ поголовною службой съ собственнымъ снаряженіемъ и безъ всякихъ льготъ, ни съ правомъ ихъ на увеличенный надѣлъ, какъ отплату государства за ихъ службу, съ тяжестью которой, даже и приблизительно, не знакомо ни одно изъ другихъ сословій имперіи.

Тотъ-же генералъ Эллеръ, въ резолюціи своей, часть которой приведена выше*), какъ бы въ видѣ директивы въ поземельномъ вопросѣ для чиновъ, подвѣдомственнаго ему управленія, говоритъ дословно слѣдующее: «Относительно недостаточности земель у казачьяго населенія считаю необходимымъ высказать свое мнѣніе. Во всемъ Семирѣченскомъ к. войскѣ ни одна семья не въ состояніи обрабатывать своего полнаго душевого надѣла, а отдаютъ въ аренду другимъ, а потому десятки тысячъ десятинъ арендуютъ постороннія лица; есть такія участки, которые нѣсколько лѣтъ состоятъ въ арендѣ. Фактъ несомнѣнный и я удивляюсь какъ можетъ возникнуть вопросъ о недостаточности казачьяго надѣла или запасной земли".

Изъ этой резолюціи помощника военнаго губернатора и предсѣдателя областного правленія, т. е. лица, отъ котораго въ значительной степени зависѣло то или иное направленіе въ экономическихъ вопросахъ Семирѣчья, видно, что это лицо было знакомо съ точкой зрѣнія на землеустройство крестьянъ, но не имѣло надлежащаго представленія объ основаніяхъ для совершенно иного взгляда на землеустройство казаковъ. Это лицо понимало положеніе крестьянъ, но совершенно не знало положенія казаковъ и, ставя тѣхъ и другихъ въ вопросѣ землеустройства въ уровень, удивлялось,— зачѣмъ это казаку такой надѣлъ, который, по его мнѣнію, правда ничѣмъ не доказанному, не можетъ обработать ни одна семья въ войскѣ. Поэтому, весьма естественно, у этого лица и слагалось мнѣніе, что тѣ клочки земли, которые ка-

*) Ст. «Двойственность власти въ управленіи Семир. к. в.» гл. I, части III. Резолюція и. д. воен. губернатора Семир. области на докладѣ, представленномъ ему въ 1880 г. маіоромъ Ларіоновымъ, вѣдавшимъ межевую часть мѣст. област. правленія.

заки изъ своихъ надѣловъ отдаютъ другимъ лицамъ въ аренду—непроизводительная и совершенно напрасная трата государственныхъ земель.

При такомъ взглядѣ на казачій надѣлъ, обусловленномъ, какъ мы видѣли, совершеннымъ незнакомствомъ мѣстной власти съ положеніемъ казаковъ, становятся понятными и дѣйствія, какъ самаго генерала Эллера по отобранію земли у станицы Софійской, такъ и другихъ лицъ администраціи, всѣми мѣрами тормозившихъ разрѣшеніе вопроса о землеустройствѣ, становится понятнымъ и то, что мѣстная власть совсѣмъ не спѣшила съ обмежеваніемъ казачьихъ земель.

Въ 1883 г. Семирѣченское областное правленіе сообщило войсковому программу своихъ межевыхъ работъ, по которой оно предполагало въ 1884 г. закончить съемку земель для неимѣющихъ временныхъ надѣловъ, недавно основанныхъ казачьихъ поселеній; въ 1885 г.—всѣ свои межевыя силы употребить исключительно для опредѣленія надѣловъ крестьянскимъ и таранчинскимъ поселеніямъ области, для введенія въ нихъ съ 1886 г, взиманія оброчной подати, а съ 1886-го заняться исключительно обмежеваніемъ казачьихъ надѣловъ, всѣ межевыя дѣйствія на которыхъ оно расчитывало окончить въ теченіе двухъ лѣтъ, т. е. въ 1886 и 1887 г.г. [15]).

Такова была программа, но посмотримъ какаво-же было ея выполненіе.

Въ 1884 г. обмежеваны надѣлы выселковъ Джангызъ-Агачскаго, Кугалинскаго и указана окружная граница каратальской дачи войскового запаса, отведено во временное владѣніе войску около 30 тысячъ десятинъ по р. Хоргосу, предназначенныхъ для будущихъ выселковъ Хоргосскаго и Николаевскаго и въ войсковой запасъ (до 8200 дес.). Изъ этой площади на р. Хоргосъ снято инструментально только 18342 дес., а остальное нанесено на планъ по глазомѣрной рекогносцировкѣ([16]).

Въ 1885 г. обмежованы временные надѣлы выселкамъ: Кугалинскому 2385 дес, Царицинскому 1189½, Аксуйскому 1289, Басканскому 660 и Хоргосскому 6710 десятинъ по 20 десятинъ удобной земли на мужскую душу([4]), т. е съ примѣненіемъ не утвержденнаго въ законодательномъ порядкѣ уменьшеннаго надѣла по вышеприведенному журналу Семирѣченскаго областного правленія 3 марта 1883 г.

Въ томъ-же 1885 году произведены еще и слѣдующія межевыя работы: съемка границы надѣла станицы Урджарской, въ которомъ оказалось удобной земли 28222½ дес., съемка надѣла выселка Арасанскаго въ 3740 дес., пересъемка земель

дачи станицы Капальской 1140½ дес., окончаніе-же работъ по съемкѣ остальныхъ около 37400 дес. этой станицы отложено на 1886 г. Кромѣ того, межевое отдѣленіе приступило къ составленію подробныхъ проэктныхъ плановъ надѣловъ выселковъ Хоргосскаго и Николаевскаго(4).

Въ 1886 и 1887 г.г. работъ по межеванію не производилось.

Въ 1888 г. надѣлъ выселка Чунджинскаго признанъ, наконецъ и мѣстной властью совершенно не пригоднымъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи и замѣненъ другимъ въ количествѣ 1950 удобной и 296 неудобной, а всего въ размѣрѣ 2246 десятинъ. Кромѣ того, изъ надѣла станицы Лепсинской отмѣжовано городу Лепсинску 1672½ дес., взамѣнъ которыхъ станицѣ прирѣзано въ другомъ мѣстѣ такое-же количество земли(17).

Въ 1889 г. отведенъ въ точныхъ границахъ надѣлъ выселку Попутному, въ количествѣ 7358 дес., а изъ надѣла выселка Любовнаго отрѣзаны будто-бы излишнія 12148 дес., изъ которыхъ удобной земли было 11894 дес.(18). Была-ли эта земля дѣйствительно излишней—рѣшить чрезвычайно трудно, такъ какъ войсковое правленіе, по свѣдѣніямъ областного-же въ отчетѣ о состояніи войска за 1889 г., показало, что послѣ этой отрѣзки у выселка оставалось земли на душу всего по 23 дес. удобной и 2 неудобной, а въ такомъ-же отчетѣ за слѣдующій годъ, сказавъ предварительно, что въ этомъ, 1890 г., никакихъ межевыхъ работъ не производилось, показало въ выселкѣ Любовномъ, по свѣдѣніямъ того-же областного правленія, уже по 41,8 удобной и 3,1 дес. неудобной земли.

Такія, несоотвѣтствующія одно другому указанія, характеризуютъ, какъ свѣдѣнія Семирѣченскаго областного правленія, такъ и отношенія войскового правленія къ вопросу о землеустройствѣ станицъ.

Кромѣ того, въ томъ-же 1889 году изъ надѣла выселка Абакумовскаго отрѣзаны излишнія земли, а вмѣстѣ съ ними и часть тѣхъ земель, которыя совсѣмъ были не лишними, такъ что въ выселкѣ осталось всего по 22,7 дес., удобной и 2,1 неудобной земли на душу; въ станицѣ-же Урджарской, по изслѣдованію, большая часть ея надѣла оказалась неудобной, почему въ ней и произведенъ новый расчетъ земель, давшій въ итогѣ по этой станицѣ на душу земли уже по 36 удобной и 58½ десятинъ неудобной земли(18).

Этимъ собственно и закончились всѣ работы по обмежеванію казачьихъ надѣловъ и, такимъ образомъ, главная масса земель осталась не обмежеванной, а площадь ихъ не вычислен-

ной, почему и величина, какъ станичныхъ такъ и душевыхъ надѣловъ осталась по прежнему неопредѣленной.

О величинѣ душевыхъ надѣловъ и общей площади земель въ поселеніяхъ войска съ 1888 г. даетъ достаточно наглядное, а съ 1898 г. и вѣрное представленіе прилагаемая здѣсь таблица, въ которой, для цѣльности представленія указано еще и общее количество земель по войску, съ подраздѣленіемъ ихъ на юртовыя и войсковой запасъ, послѣдній же раздѣленъ на соотвѣтствующія рубрики

Разсматривая эту таблицу, нельзя не замѣтить, что душевые надѣлы, вслѣдствіе прироста населенія и отмежеванія земель областнымъ управленіемъ, постепенно таяли и еще къ 1897 г въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ достигли уже величены всего въ 12—13 дес. удобной земли или были на 2, на 3 десятины только болѣе сосѣднихъ крестьянскихъ.

Если въ Семирѣченской области нормальнымъ крестьянскимъ надѣломъ признается десяти-десятинный, то очевидно, что казаки, отбывая военную службу въ значительно большемъ, сравнительно съ крестьянами, процентномъ отношеніи и отбывая ее съ собственнымъ снаряженіемъ, не могли довольствоваться этими двумя-тремя лишними десятинами безъ окончательнаго разрушенія своего благосостоянія. И наказный атаманъ, генералъ Іоновъ, былъ совершенно правъ, докладывая Его Величеству, въ своемъ личномъ отчетѣ за 1902 г., что одной изъ главныхъ причинъ упадка благосостоянія казаковъ онъ признаетъ недостаточность земельныхъ надѣловъ.

Указанныя въ таблицѣ величины земельныхъ надѣловъ (См пр. № 4-й). есть величины среднія, т. е. во многихъ случаяхъ не соотвѣтствующія дѣйствительнымъ, такъ какъ на практикѣ величина душевыхъ надѣловъ можетъ уравниваться только болѣе или менѣе частными передѣлами, а передѣлы же, какъ увидимъ ниже, совсѣмъ почти не практикуются въ поселеніяхъ войска, почему въ нихъ имѣются, не только значительно меньшіе, сравнительно съ средними, душевые надѣлы но даже, въ послѣднія годы появились „*безземельные казаки*". О причинахъ такого ненормальнаго и на первый взглядъ невозможнаго въ казачьемъ войскѣ явленія, будетъ сказано въ этой статьѣ въ своемъ мѣстѣ ниже.

Дальнѣйшая съемка войсковыхъ земель началась уже только въ 1898 году, вслѣдствіе извѣстнаго намъ категорическаго требованія комитета министровъ, и была закончена въ 1899 году. Эта съемка, какъ видно изъ приложенной таблицы земель, показала, что въ фактическомъ и безспорномъ владѣніи семирѣченскихъ казачьихъ поселеній еще въ 1898 г

находилось всего только 314827 удобной и 207528 десятинъ среднеудобной и совсѣмъ неудобной, т. е. въ среднемъ на все войско по 23,6 первой и по 14,7 десятинъ второй на душу.

Такъ какъ неудобной въ сельско-хозяйственномъ отношеніи землей считаются: болота, пески, каменныя розсыпи и т. д., т. е. земли, которыя не могутъ идти даже и подъ пастбища, то очевидно, что значительная часть земель второй категоріи не можетъ быть использована казаками, а потому не можетъ и пойти въ какомъ угодно количествѣ въ зачетъ за удобную. Часть же земель этой категоріи—земли средне-удобныя - при извѣстной, правильно поставленной и хорошо соображенной, системѣ зачетовъ можетъ быть еще принята въ числѣ удобныхъ земель. Въ общемъ-же, при всѣхъ этихъ условіяхъ, средній душевой надѣлъ въ войскѣ едвали достигнетъ и 25 десятинъ, что, при небольшомъ чистомъ доходѣ съ десятины земли въ области, не можетъ представиться достаточнымъ вознагражденіемъ за тяжелую службу казаковъ, не можетъ явиться факторомъ, поддерживающимъ ихъ благосостояніе на извѣстномъ опредѣленномъ уровнѣ, необходимомъ для отбыванія службы съ снаряженіемъ на собственный счетъ безъ дальнѣйшаго разрушеніе этого благосостоянія.

Послѣдующія измѣненія въ юртовыхъ надѣлахъ поселеній заключались въ слѣдующемъ.

Какъ мы уже знаемъ, выселки Хоргосскій и Николаевскій были надѣлены въ 1885 г. землею въ количествѣ 20-ти десятинъ на душу изъ тѣхъ земель, что переданы въ распоряженіе войска на р. Хоргосъ. На основаніи-же Высочайше утвержденнаго 15 марта 1899 г. мнѣнія Госуд. Совѣта эти поселенія въ 1902 г. были надѣлены изъ тѣхъ-же земель уже по 30 дес. на душу(²).

Это послѣднее правительственнсе распоряженіе, помимо его прямого значенія для названныхъ двухъ поселеній, заслуживаетъ вниманія еще и въ томъ отношеніи, что, идя въ параллель съ закономъ 21 апрѣля 1869 г., указываетъ на неизмѣнность основного взгляда правительства на величину душевого надѣла Семирѣченскихъ казаковъ.

Въ 1903 году выселку Подгорному изъ киргизскихъ земель Джаркентскаго уѣзда добавлено 739 десятинъ, а станицѣ Алматинской отрѣзано изъ войскового Аксайскаго запаса 2328 десятинъ. Въ томъ-же году, вслѣдствіе ясно выраженнаго малоземелья въ войскѣ, по распоряженію Туркестанскаго генералъ-губернатора, войску отведено въ Пржевальскомъ уѣздѣ, вблизи восточнаго берега озера Иссыкъ-куль, на урочищахъ Тасьма и Бозъ-учукъ, 21769 десятинъ, но вопросъ объ окончательной передачѣ этихъ земель войску въ томъ го-

ду еще не былъ вырѣшенъ, а потому войсковое управленіе и не могло принять какихъ либо мѣръ къ ихъ использованію, въ смыслѣ выселенія казаковъ изъ малоземельныхъ станицъ(19).

Уравненіе душевыхъ надѣловъ въ поселеніяхъ.

На основаніи закона 21 апрѣля 1869 г., какъ мы уже знаемъ, земли, отведенныя станицамъ, состоятъ въ общинномъ владѣніи и должны распредѣляться на участки, или паи, равные по достоинству. Каждый казакъ, достигшій 17-ти лѣтняго возраста, имѣетъ право на одинъ такой пай

Вслѣдствіе такихъ условій землевладѣнія и землепользованія надѣлъ каждаго даннаго поселенія долженъ былъ бы быть прежде всего разбитъ на двѣ части: одну—подлежащую раздѣлу на паи по числу наличныхъ душъ, имѣющихъ право на пай, и другую—въ запасъ для удовлетворенія паями прироста населенія. Съ момента израсходованія запаса является необходимость въ образованіи новаго, но этотъ новый запасъ можетъ быть полученъ только путемъ новаго же передѣла всей общинной земли на паи меньшей, чѣмъ прежде, величины и разница между старыми и новыми паями составитъ новый запасъ. Такъ повторяется до тѣхъ поръ, пока душевой пай не достигнетъ величины меньшей 20-ти десятинъ и тогда только на помощь обществу долженъ прійти резервный земельный фондъ войсковой запасъ.

Таковы смыслъ и требованія закона 21 апрѣля 1869 года, но эти требованія постановляются имъ только при условіи опредѣленности станичнаго надѣла и 30-ти десятиннаго первоначальнаго душевого пая.

Изъ предъидущаго-же мы знаемъ, что законъ 21 апрѣля 1869 года остался для Семирѣчья мертвой буквой и что мѣстная власть до 1895 г. т., е. до изданія извѣстнаго намъ постановленія комитета министровъ, постоянно стремилась къ сокращенію душевого надѣла семирѣченскихъ казаковъ до 20 десятинъ или до величины, граничащей съ той, которую вышеприведенный законъ признавалъ минимальной, и не только стремилась, но, даже, и сокращала, какъ мы видѣли, вездѣ, гдѣ только являлась къ тому малѣйшая возможность.

Очевидно, что при такихъ условіяхъ не могъ установиться правильный порядокъ общиннаго землевладѣнія, такъ какъ никакое общество не могло быть увѣрено въ томъ, что оно будетъ владѣть своимъ надѣломъ въ будущемъ году въ тѣхъ-же самыхъ границахъ, въ какихъ оно владѣло въ настоящемъ, почему объ установленіи правильнаго общиннаго землевладѣнія даже и не возникалъ вопросъ и семирѣченскіе казаки пользовались своими *„временными“* надѣлами въ настоящемъ, не зная, что именно ихъ ждетъ въ будущемъ. Они

знали только одно, что Высочайшая власть въ цѣломъ рядѣ законовъ, начиная съ „положенія“ о Сибирскомъ войскѣ 1846 г. и кончая вышеприведеннымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 15 марта 1899 года,*) придерживалось 30-ти десятинной душевой нормы, а потому и ожидали, что право и справедливость въ концѣ концовъ восторжествуютъ и имъ будетъ возвращена отнятая у нихъ или совсѣмъ не отведенная мѣстною властью въ должномъ количествѣ земля и что ихъ „временные“ надѣлы когда нибудь да станутъ постоянными, опредѣленными, а тогда и явится возможность установить правильное общинное землевладѣніе.

Это, такъ сказать, первоначальное главное основаніе отсутствія правильности землевладѣнія въ войскѣ, но кромѣ него, потомъ, появились еще и другія условія, едвали не болѣе важныя.

Общинное землевладѣніе, для осуществленія своихъ принциповъ, требуетъ прежде всего возможнаго уравненія отдѣльныхъ паевъ по ихъ производительности, уравненія, достигаемаго періодическими передѣлами общинной земли между ея членами; передѣлъ-же зависитъ отъ согласія на него $^2/_3$-тей станичнаго представительства въ самоуправленіи.

Очевидно, что согласіе на передѣлъ обезпечено только въ случаяхъ равноцѣнности паевъ, т. е.. когда большинство отдѣльныхъ членовъ общества не вводило на своихъ паяхъ такого хозяйства, которое требовало-бы серьезныхъ затратъ, трудомъ или деньгами, имѣющихъ окупиться и рентировать въ будущемъ. Но если только такія затраты, какъ, напримѣръ, устройство хуторского хозяйства, орошенія, посѣвъ многолѣтнихъ травъ, садоводство, лѣсоводство и т. д. существуютъ у большинства, то согласія на передѣлъ добиться трудно: никому не хочется отдать даромъ результаты своего друда, такъ какъ при общемъ передѣлѣ душевой надѣлъ не всегда можетъ остаться на прежнемъ мѣстѣ.

Именно въ послѣднемъ положеніи и оказалось большинство семирѣченскихъ поселеній, что и заставляетъ ихъ общества избѣгать передѣла. Не имѣя земельнаго запаса, они вынуждены были практиковать слѣдующій пріемъ во всѣхъ случаяхъ необходимости дать кому либо надѣлъ. Лицу, имѣющему право на пай предлагаютъ обыкновенно найти у кого либо изъ членовъ общества землю излишнюю противъ установившейся въ немъ величины душевого надѣла и получить ее. А такъ какъ излишней земли бываютъ обыкновенно клочки,—

*) См. выше, въ этой ст. о надѣлѣ выс. Хоргосскаго и Николаевскаго по 30 дес. на душу.

въ десятину, двѣ или три, рѣдко болѣе, то новому пайщику и приходится получить свой надѣлъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что представляется опять уже крайне не выгоднымъ, почему такой пайщикъ иногда рѣшается обождать какого либо случая, который дастъ ему установившійся въ данномъ обществѣ надѣлъ въ одномъ или двухъ мѣстахъ.

Такими случаями могутъ быть: смерть кого либо изъ членовъ общества, не имѣющаго сыновей въ возрастѣ 17 и болѣе лѣтъ; выходъ изъ сословія кого либо изъ казаковъ или замужъ вдовъ и т. д.

Но иногда новый пайщикъ рѣшается взять и кусокъ земли въ 2-3-5 десятинъ и затѣмъ ожидать возможности пополнить свой надѣлъ въ другомъ мѣстѣ при одномъ изъ вышеуказанныхъ случаевъ.

Такимъ образомъ, послѣдніе сравнительно съ другими членами даннаго общества, оказываются *малоземельными*, а первые, ожидающіе случай полученія надѣла,—*безземельными*.

Это не нормальное явленіе въ экономической жизни Семирѣченскаго войска наблюдается главнымъ образомъ въ заилійскихъ или южныхъ станицахъ, т. е. тамъ, гдѣ наиболѣе развито хуторское хозяйство, а съ нимъ вмѣстѣ травосѣяніе, садоводство и лѣсоводство, почему и главная масса малоземельныхъ и безземельныхъ казаковъ находится именно въ нихъ. Въ сѣверныхъ-же станицахъ, гдѣ культура многолѣтнихъ травъ*), садоводство и лѣсоводство, а точно такъ-же и хуторское хозяйство развиты несравненно болѣе слабо, чѣмъ въ южныхъ и число малоземельныхъ и безземельныхъ значительно меньше. Такъ къ 1903 г. въ южныхъ станицахъ: Большой и Мало-Алматинскихъ, Софійской и Надеждинской безземельныхъ казаковъ было 495, а въ сѣверныхъ около 200, изъ которыхъ около 190 въ одной станицѣ Лепсинской, а 11 въ остальныхъ станицахъ(20).

Сравнивая эти данныя съ вышеприведенной таблицей, нельзя не замѣтить еще и то, что число безземельныхъ больше тамъ, гдѣ средній душевой надѣлъ меньше, т. е. что кромѣ вышеуказанныхъ причинъ появленія безземельныхъ казаковъ, имѣетъ еще большое значеніе и прямая недостаточность средняго душевого надѣла или, иначе говоря, малоземелье въ станицахъ.

Такъ какъ безземельные казаки – явленіе не только не-

*) За исключеніемъ самой станицы Голубевской (Борохудзиръ), и самой станицы Сарканской, гдѣ травосѣяніе развито почти такъ-же какъ и въ южныхъ станицахъ.

нормальное, но и въ казачьемъ войскѣ прямо недопустимое, ибо главнымъ источникомъ снаряженія казаковъ на собственный счетъ, для отбыванія воинской повинности, является земля, поэтому высшее центральное управленіе казачьими войсками и не могло не обратить особаго вниманія на это явленіе.

Главное управленіе казачьихъ войскъ въ 1904, году предписало Семирѣченскому войсковому между прочимъ слѣдующее: „Недостаточность земли въ надѣлахъ станицъ и поселокъ Семирѣченскаго войска можетъ отразиться только на размѣрѣ земельнаго надѣла (пая), причитающагося каждому члену общества....., но никакъ не на равномѣрность этихъ надѣловъ и, тѣмъ болѣе, такая недостаточность не можетъ служить основаніемъ къ лишенію паевъ лицъ, имѣющихъ на нихъ право; и малый земельный надѣлъ можетъ быть распредѣленъ между членами общества равномѣрно и большой, наоборотъ, неравномѣрно. Ставить лицъ, достигшихъ 17-ти лѣтняго возраста и обязанныхъ службой въ полученіи ими паевыхъ надѣловъ..... въ зависимость отъ разныхъ обстоятельствъ положительно не представляется возможнымъ". Далѣе въ этомъ предписаніи приводится ссылка на другія казачьи войска (Кубанское), гдѣ малоземелье ощущается еще въ большей степени, но вслѣдствіе введенія тамъ правильнаго общиннаго землевладѣнія—безземельные казаки тамъ не наблюдаются, а потому, заканчиваетъ предписаніе, „такой порядокъ..... возможно примѣнять и къ станицамъ Семирѣченскаго войска"(21).

Войсковое управленіе объявило это предписаніе почти цѣликомъ въ приказѣ, добавивъ отъ себя слѣдующее: теперь же, по уборкѣ съ полей хлѣба, приступить къ равномѣрному распредѣленію общественныхъ земель по ихъ достоинству, между всѣми казаками, пріобрѣтшими право на полученіе пая, оставивъ столько свободной земли, чтобъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ возможно было совершенно свободно и безпрепятственно надѣлять всѣхъ вновь поступающихъ на паи казаковъ въ такомъ непремѣнно количествѣ, по ея достоинству, въ какомъ будутъ надѣлены предшественники ихъ. Когда-же запасъ свободной земли будетъ истощаться и чтобы не оставить безъ земли тѣхъ казаковъ, кои будутъ вновь поступать на паи, заблаговременно вновь сдѣлать перенадѣлъ паями, оставивъ опять запасъ свободной земли. Имѣю основаніе полагать", добавляетъ наказный атаманъ, „что *далеко* не всѣмъ казакамъ извѣстны права ихъ на землю, поэтому предлагаю приказъ этотъ прочесть на станичныхъ и выселковыхъ сборахъ, а завѣдующихъ станицами офицер. прошу объ объявле-

ніи сего приказа казакамъ мнѣ донести"(21).

Вотъ и все, что было сдѣлано войсковымъ управленіемъ въ этомъ серьезномъ вопросѣ. Но сдѣлано было такъ мало вѣроятно потому, что, какъ видно изъ приведеннаго заключенія приказа—войсковое управленіе полагало, что причиной безземельности является главнымъ образомъ только обстоятельство незнанія казаками правъ ихъ на землю А между тѣмъ общества станицъ Софійской и Надеждинской, душевой надѣлъ въ которыхъ приближался уже къ 10-ти десятинному, въ прошеніяхъ своихъ, поданныхъ по этому поводу ихъ довѣренными въ 1905 году на Высочайшее имя, указанное обстоятельство объясняли совершенно одинаково слѣдующимъ образомъ: „земельно хозяйственный строй*) въ южныхъ поселеніяхъ области, въ частностности—въ Илійской долинѣ, гдѣ расположена наша станица совершенно отличенъ не только отъ многихъ другихъ казачьихъ войскъ, но даже и отъ сѣверныхъ поселеній той-же Семирѣченской области. При жаркомъ, сухомъ, континентальномъ климатѣ глинисто-лессовая почва нашихъ полей не даетъ ничего безъ искусственнаго орошенія, а потому ирригаціонныя сооруженія, артельныя и личныя, стоющія немалаго труда и затратъ денежныхъ средствъ—являются здѣсь неизбѣжными. Теплый климатъ и искусственное орошеніе въ свою очередь, способствуютъ успѣшному занятію садоводствомъ и лѣсоводствомъ, малое-же количество атмосферныхъ осадковъ въ Илійской долинѣ, препятствующее лучшему произрастанію травъ, и недостатокъ сѣнокосныхъ угодій принуждаютъ къ развитію травосѣянія, исключительно только при помощи искусственнаго орошенія. Поэтому въ Надеждинской станицѣ садоводствомъ, въ большей или меньшей степени, занимается 1/4 хозяевъ, лѣсоводствомъ, въ тѣхъ-же размѣрахъ, почти всѣ, посѣвовъ же многолѣтней люцерны, въ количествѣ отъ 1/2 до 4-хъ десятинъ, у рѣдкаго нѣтъ. Такимъ образомъ, здѣсь каждый хозяинъ какъ бы прикованъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ разъ основался и сдвинуть его—значитъ—лишить устроенныхъ съ немалымъ трудомъ и затратою денежныхъ средствъ ирригаціонныхъ сооруженій, древесныхъ насажденій и полей люцерны, т. е. разорить его. Общій-же передѣлъ земли едвали возможенъ безъ передвиженія на новыя мѣста по крайней мѣрѣ половины хозяевъ. Совокупность всѣхъ этихъ условій заставляетъ насъ крѣпко и крѣпко призадуматься - какъ приступить къ передѣлу земли съ выдѣленіемъ запаса, къ которому насъ обязываетъ приказъ по войску 12 августа 1904 года № 154".

*) Цитируются по прошенію довѣренныхъ ст. Надеждинской.

Наличность запаса въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, поселеніяхъ войска *) нисколько не мѣняетъ положенія дѣла, такъ какъ въ этомъ, такъ называемомъ „запасѣ“ остались главнымъ образомъ неудобныя для земледѣлія пространства, или считаются въ немъ пастбища, а удобныхъ, пахотныхъ, земель очень немного. Кромѣ того, напримѣръ, въ выселкѣ Чунджинскомъ, большая часть общинной земли къ 1903 году даже не была совсѣмъ раздѣлена на паи, такъ какъ не имѣетъ орошенія, и вслѣдствіе этого, въ качествѣ непригодной для земледѣлія, находилась въ распоряженіи общества для сдачи въ аренду подъ пастбище Тоже самое наблюдается и въ станицѣ Капальской Тамъ орошена хотя и большая площадь, но воды такъ мало, что ея достаетъ для полива только 3—4 десятинъ въ лѣто въ каждомъ паѣ, почему тамъ свободной пахотной земли хотя и достаточно, но это обстоятельство не имѣетъ значенія, такъ какъ принимается въ соображеніе совсѣмъ не земельный пай, а водянной. Почему здѣсь, какъ и въ Чунджѣ, насущнымъ вопросомъ является не запасъ земли, а запасъ воды. Послѣднее обстоятельство, хотя и не въ такой острой формѣ, наблюдается не только въ этихъ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ поселеніяхъ войска ([22]).

Въ заключеніе настоящей статьи остается сказать нѣсколько словъ относительно дробленія душевыхъ надѣловъ.

Такъ какъ всѣ почти поселенія войска расположены или у подножія горныхъ хребтовъ или въ долинахъ горъ, то и надѣлы поселеній располагаются частью въ долинахъ, а частью въ горахъ, почему и земли дѣлятся на долинныя и нагорныя.

Преждѣ, при меньшемъ числѣ населенія, для него доставало и долинныхъ земель, но въ послѣдніе годы, вслѣдствіе сильнаго уменьшенія душевыхъ надѣловъ въ долинѣ, населеніе вынуждено было раздѣлить на паи и бывшія до того подъ пастбищами и сѣнокосами нагорныя земли. Но такъ какъ богарные посѣвы въ горахъ, хотя и даютъ превосходные урожаи, но страдаютъ отъ раннихъ заморозковъ осенью и позднихъ весной, да и, кромѣ того, работа плугомъ на большихъ покатостяхъ возможна только поперекъ уклона и въ одну сторону **), а уборка урожая (вывозка сноповъ) крайне

*) Къ 1903 году земельный запасъ былъ: въ ст. М.-Алматинской 6500, Сарканской 2400, Копальской около 5000, Голубевской около 500, въ выселкахъ Хоргосскомъ и Николаевскомъ около 8500, и въ Охотничьемъ—мѣра неизвѣстна.

**) Плугъ можетъ отвалить пластъ только подъ уклонъ, но не на него, почему работа по вспашкѣ идетъ здѣсь медленнѣе, чѣмъ въ долинѣ, гдѣ пашутъ въ двѣ стороны.

затруднительна во всѣхъ направленіяхъ, поэтому утилизація подъ посѣвъ нагорныхъ земель не представляетъ тѣхъ выгодъ, какъ въ долинѣ. Вслѣдствіе этого имѣть цѣлый пай въ горахъ избѣгаютъ, предпочитая пай раздѣлить: 2—3 десятины въ горахъ—остальное въ долинѣ.

Это правило постепенно вошло въ употребленіе во всѣхъ поселеніяхъ и въ настоящее время вездѣ почти наблюдается раздѣленіе паевъ на двѣ неравныхъ половины—большая въ долинѣ, меньшая въ горахъ.

Пути сообщенія.

Изъ очерковъ занятія страны мы уже знаемъ, что первыми путями сообщенія Сибири съ Семирѣчьемъ были почтовые пути изъ Семипалатинска на Аягузъ, изъ Аягуза на Капалъ и Вѣрный.

Напомнимъ, что Аягузъ былъ связанъ почтовымъ путемъ съ Капаломъ въ 1848 и 1849 годахъ, а Вѣрный съ Капаломъ въ 1855 году.

Въ тѣ времена содержаніе этихъ путей сообщенія лежало на обязанности Сибирскаго к. войска, которому правительство отпускало для этой цѣли ежегодно опредѣленную сумму денегъ изъ „ясачнаго сбора“ съ инородцевъ ([23]).

Изъ предъидущаго мы знаемъ уже, что почтовыя станціи или, какъ ихъ называли тогда, пикеты были выстроены непосредственно самими казаками по наряду и выстроены съ такимъ расчетомъ, чтобы каждый пикетъ представлялъ собою оборонительный постъ.

Такое расположеніе пикетовъ было необходимо въ то безпокойное время потому, что при иномъ устройствѣ ихъ—они были бы неминуемо разграблены киргизами.

Пикеты занимались строевыми и резервными казаками, для чего, какъ мы видѣли, разбрасывались цѣлыя полевыя сотни, а ранѣе „отряды“.

Строевые казаки составляли гарнизоны пикетовъ и сопровождали въ качествѣ вооруженнаго конвоя проѣзжающихъ и почты между пикетами, а резервные казаки служили ямщиками.

На каждомъ пикетѣ назначался станціонный смотритель изъ урядниковъ, на обязанности котораго лежало наблюденіе за войсковыми почтовыми лошадьми, повозками и сбруей, а точно такъ-же и всѣ прочія почтовыя обязанности.

До 1852 года въ Семирѣчьѣ не было почтовыхъ конторъ и сообщеніе производилось исключительно по казеннымъ и войсковымъ надобностямъ, почему отправленіе частной кор-

респонденціи лицами не служащими было сопряжено съ извѣстнымъ затрудненіемъ.

Первая почтовая контора или, вѣрнѣе, отдѣленіе Семипалатинской почтовой конторы было учреждено въ 1852 году въ Аягузѣ, при окружномъ приказѣ, а въ 1856 г., вслѣдствіе обращенія станицы Копальской въ окружный городъ, тоже и въ ней было открыто почтовое отдѣленіе (24).

Это почтовое отдѣленіе обслуживало не только Капальскій военный округъ, но и Алатавскій, для котораго простая и денежная корреспонденція, шедшая изъ Сибири и Аягуза, доставлялась въ это отдѣленіе, откуда и принималась офицеромъ, особо каждый разъ командированнымъ для этой цѣли изъ Вѣрнаго, два раза въ мѣсяцъ. Пріемщикъ офицеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, доставлялъ и казенную корреспондецію изъ Вѣрнаго въ Капалъ (25).

Такое положеніе сообщенія укрѣпленія Вѣрнаго съ Капаломъ представляло, понятно массу всевозможныхъ неудобствъ, почему начальникъ Алатавскаго округа маіорь Колпаковскій и ходатайствовалъ еще въ 1859 г. предъ генералъ-губернаторомъ Зап.-Сибири Гасфордтомъ объ учрежденіи почтового отдѣленія и въ укрѣпл. Вѣрномъ (25).

Въ томъ-же 1859 году, для установленія сообщенія съ станицей Урджарской и для облегченія сношеній по торговымъ дѣламъ съ китайскимъ городомъ Чугучакомъ, между Аягузомъ и Урджаромъ учрежденъ почтовый трактъ, содержаніе котораго, за особое добавочное вознагражденіе, возложено на то-же Сибирское войско (26).

Наконецъ въ мартѣ 1860 г. состоялось правительственное распоряженіе объ открытіи почтоваго отдѣленія и въ укрѣпленіи Вѣрномъ (27), но дѣйствительное открытіе отдѣленія состоялось только 24 октября того-же года (28).

Отправленіе почтъ изъ Вѣрнаго и приходъ ихъ туда изъ Капала происходилъ одинъ разъ въ недѣлю, при чемъ почты сопровождались отъ пикета къ пикету не менѣе какъ четырьмя вооруженными казаками, число которыхъ увеличивалось въ зависимости отъ положенія въ краѣ; отвѣтственность-же за цѣлость почтъ въ пути возлагалась на мѣстныхъ казачьихъ отрядныхъ начальниковъ (28).

Вслѣдствіе замѣтнаго успокоенія въ краѣ, а точно также и сильнаго изнуренія казачьихъ лошадей при конвоированіи проѣзжающихъ и почтъ, командиръ отдѣльнаго Зап.-Сибирскаго корпуса, въ началѣ 1863 года, попробовалъ отмѣнить такое конвоированіе, распорядившись давать проѣзжающимъ и почтамъ, въ прикрытіе, только по одному пѣ-

шему казаку, котораго проѣзжающіе иногда и не брали. Киргизы-же не упустили случай воспользоваться этимъ и произвели нѣсколько нападеній на возвращавшихся обратно беззащитныхъ ямщиковъ. Поэтому въ августѣ 1863 г. конвоированіе конными казаками было опять возстановлено (29) и продолжалось между Вѣрнымъ и Капаломъ до 1865 года.

Въ 1864 г. почтовый уставъ былъ дополненъ правилами «о порядкѣ выдачи почтовой корреспонденціи нижнимъ чинамъ казачьихъ войскъ

По этимъ правиламъ полученіе всѣхъ видовъ денежной и страховой кореспонденціи изъ почтовыхъ конторъ и ихъ отдѣленій предоставлено самимъ казакамъ и всякое личное вмѣшательство начальства въ дѣло полученія казаками денежной корреспонденціи строго воспрещено, «для избѣжанія проволочки въ передачѣ ея и удаленія всякаго повода къ недовѣрію», какъ поясняютъ эти получившія Высочайшее утвержденіе правила (30).

Наконецъ, въ 1865 году состоялось Высочайшее повелѣніе которымъ Сибирское войско было освобождено отъ обязанности „содержать почтовую гоньбу по сибирской кордонной линіи и въ степи сибирскихъ киргизъ“. Повелѣно было въ томъ-же году назначить торги съ цѣлью передать содержаніе почтовыхъ трактовъ въ руки частныхъ лицъ, а управленіе ими перенести въ вѣдѣніе почтоваго департамента къ началу 1866 года (31). Но вслѣдствіе различныхъ недоразумѣній въ примѣненіи на практикѣ этого повелѣнія, передача почтоваго дѣла изъ одного вѣдомства въ другое прошла въ Семирчьѣ не такъ скоро и мы еще въ концѣ 1866 года видимъ казаковъ на Сергіопольско-Урджарскомъ трактѣ (32).

Такимъ образомъ, всѣ почтовыя линіи Семирѣчья перешли въ непосредственное вѣдѣніе правительства только съ начала 1867 г, и только съ этого времени казаки освободились отъ несоотвѣтствующей ихъ призванію службы ямщиками и почтовыми смотрителями.

Съ 1864 года, т. е. со времени образованія Ново-Коканской линіи укрѣпленій, изъ Вѣрнаго начинаютъ постепенно прокладывать на западъ, чрезъ Кастекъ и Токмакъ, новый почтовый трактъ, изъ котораго потомъ и былъ образованъ путь, соединившій Вѣрный съ Ташкентомъ. Первые опорные пункты этого тракта: станица Каскеленская, Узунъ-Агачъ и Кастекъ, какъ мы уже знаемъ, существовали ранѣе, а дальнѣйшіе промежуточные, между укрѣпленіями Кастекомъ и Токмакомъ—пикеты Сары-Джасъ и Карабулакъ—были заложены въ 1868 году (33).

Въ слѣдующемъ году продолжались работы по улучшенію пути чрезъ перевалы: Кастекъ, между пикетами Сары-Джасъ и Карабулакъ, Гасфортскій, что между выселками Арасанскимъ и Абакумовскимъ (33).

Между тѣмъ, вслѣдъ за образованіемъ Туркестанскаго генералъ-Губернаторства и Семирѣченской области, почтовое отдѣленіе въ гор. Вѣрномъ было обращено въ областную почтовую контору, въ Токмакѣ-же открыто новое почтовое отдѣленіе (34)

„Положеніемъ-же объ управленіи въ Семирѣченской и Сыръ Дарьинской областяхъ 1867 г " устройство въ нихъ путей сообщенія отнесено къ обязанностямъ генералъ-губернатора, а наблюдніе за состояніемъ ихъ возложено на губернаторовъ этихъ областей.

Въ 1872 и 1873 годахъ прошлаго столѣтія Семирѣченская область была связана съ Европейской Россіей телеграфомъ чрезъ Сибирь съ одной стороны и Ташкентъ съ другой (35)

Въ настоящее время, особенно съ проведеніемъ желѣзной дороги между Ташкентомъ и Оренбургомъ, Семирѣченская область съ нетерпѣніемъ ожидаетъ своего соединенія рельсовымъ путемъ съ этой дорогой и Сибирью.

Идея такого соединенія имѣетъ за собой два важныхъ преимущества – государственное и мѣстное. Государственное заключается, во первыхъ, въ обезпеченіи пограничной линіи области съ Китаемъ, быстрымъ сосредоточеніемъ здѣсь войскъ, особенно ставшимъ необходимымъ послѣ нашей неудачной войны съ Японіей и вслѣдствіе начавшагося пробужденія Китая, а во вторыхъ—Семирѣчье, при условіи осущественія желѣзно-дорожнаго пути на западъ, ставъ житницей Туркестана, на что оно имѣетъ всѣ данныя, дастъ возможность занять тамъ подъ культуру хлопка большое количество земель изъ тѣхъ, что идутъ теперь подъ посѣвы хлѣбовъ.

Значеніе-же мѣстное, т. е. для самого Семирѣчья, выразится въ немъ развитіемъ разныхъ видовъ промышленности, главнымъ образомъ горной и земледѣлія.

Горы Семирѣчья, какъ уже было сказано выше, въ географическомъ очеркѣ, таятъ въ своихъ нѣдрахъ богатства каменнаго угля и многихъ другихъ ископаемыхъ, до сихъ поръ не только не тронутыхъ, но даже и мало изслѣдованныхъ.

Желѣзная дорога привлекаетъ сюда капиталы и предпріимчивость, которые найдутъ себѣ приложеніе и въ горахъ Семирѣчья и въ другихъ отрасляхъ промышленности.

Земледѣліе въ области, въ сущности, дремлетъ. Сбыта нѣтъ—нѣтъ и производства, а между тѣмъ къ услугамъ его огромныя площади превосходной плодородной земли, занятой пока почти совершенно непроизводительно кочевьями киргизъ. Съ проведеніемъ рельсовой линіи появятся капиталы и энергія, а съ ними явится и возможность добыть воду тамъ и провести ее туда, гдѣ до сихъ поръ ея не было. Водныя богатства Семирѣчья велики, но, какъ видимъ ниже, пользованіе ими далеко даже и отъ признаковъ раціональнаго.

Рельсовый путь унивелируетъ цѣны въ Туркестанѣ и Семирѣчьѣ на продукты земледѣлія, т. е. понизитъ ихъ въ Туркестанѣ и возвыситъ въ Семирѣчьѣ, а потому земледѣліе здѣсь, пока дающее ничтожный доходъ, съ проведеніемъ желѣзной дороги явится выгодной отраслью промышленности.

Вообще-же грузы будутъ и ихъ будетъ болѣе чѣмъ достаточно, такъ какъ по мысли американцевъ не грузы родятъ желѣзную дорогу, а желѣзная дорога—грузы, въ чемъ особенно убѣдилъ и русскихъ Средне-Азіатскій рельсовый путь.

Ирригація.

Изъ очерка экономическаго быта первыхъ поселенцевъ въ Семирѣченской области мы знаемъ уже, что ни правительство, ни мѣстная власть, ничѣмъ не содѣйствовали освѣдомленности поселяемыхъ въ странѣ казаковъ въ чрезвычайно серьезномъ и необходимомъ по мѣстному дѣлѣ искусственнаго орошенія. И, такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи все было предоставлено случаю, смѣткѣ и находчивости піонеровъ.

Иныхъ условій, пожалуй, даже и трудно было ожидать, такъ какъ элементарные пріемы орошенія въ примѣненіи ихъ въ обширномъ размѣрѣ къ земледѣлію, въ качествѣ меліораціонной мѣры, пріобрѣли болѣе широкую извѣстность въ Европейской Россіи только въ концѣ второй половины прошлаго столѣтія.

Не говоря о томъ прошломъ—мы изъ статьи «поземельный вопросъ» видѣли, что уже въ 1900 г. Семирѣченское областное правленіе санкціонировало выводъ уѣздныхъ лѣсничихъ, лицъ съ извѣстнымъ спеціальнымъ образованіемъ, что въ Семирѣченской области орошенная десятина по производительности равна богарной, т. е, что орошеніе въ этой странѣ — излишняя и ненужная роскошь. Поэтому едва ли найдутся достаточныя основанія, особенно при существовавшихъ условіяхъ колонизаціи страны, обвинять правительство въ

томъ, что оно своевременно не пришло на помощь населенію въ отношеніи орошенія.

Обязанность сдѣлать по этому поводу соотвѣтствующія представленія правительству лежала на мѣстной власти, но эта власть, какъ мы видѣли, даже и въ 1900 г. еще сомнѣвалась въ пользѣ орошенія, ибо въ однихъ своихъ актахъ она заявляла, что „безъ воды, безъ орошенія невозможно въ краѣ земледѣліе", а въ послѣднемъ, вышеприведенномъ, уравняла по производительности богарныя земли съ орошенными.

Послѣднее обстоятельство отмѣчено здѣсь главнымъ образомъ потому, что еще въ „положеніи объ управленіи Алатавскимъ округомъ", изданномъ, какъ намъ извѣстно, въ 1862 г., начальнику этого округа рекомендовалось заботиться о „поддержаніи такъ называемыхъ арыковъ или водопроводы съ ихъ резервуарами"(16).

Выраженіе—«съ ихъ резервуарами»—указываетъ, что правительству совершенно не была извѣстна та система устройства орошенія, которой пользовались въ Семирѣчьѣ, но оно, со своей стороны, положило основаніе заботамъ объ орошеніи, развить которыя предоставлялось мѣстной власти въ зависимости отъ существовавшихъ условій, но въ этомъ направленіи въ Семирѣченскомъ войскѣ ничего не было сдѣлано. Мало-того, въ ежегодныхъ Всеподданнѣйшихъ отчетахъ о состояніи войска, которые должны представлять всестороннюю картину его положенія, объ искусственномъ орошеніи и его нуждахъ умалчивалось, какъ будто-бы ирригаціи даже и совсѣмъ не существовало въ войскѣ.

Уже это одно обстоятельство достаточно характеризуетъ отношенія войсковой администраціи къ чрезвычайно важному, прямо насущному, вопросу орошенія. А между тѣмъ, располагая съ 1892 г. весьма солидной властью въ направленіи приложенія станичныхъ капиталовъ, если даже ихъ одни имѣть въ виду, войсковое правленіе могло-бы сдѣлать весьма многое, обративъ магистрали орошенія изъ дѣла частнаго въ общественное.

Единственный замѣтный случай помощи въ дѣлѣ орошенія, оказанный войсковымъ правленіемъ населенію—это выдача въ 1903 г. кратко-срочной ссуды (1 годъ) въ тысячу руб. изъ войскового пожарнаго капитала выселку Чунджинскому(37).

Вопросъ объ орошеніи всплылъ на поверхность только въ 1902 г. по поводу установленія въ законодательномъ порядкѣ правилъ «объ устройствѣ канавъ и другихъ водопроводныхъ сооруженій на чужихъ земляхъ для осушительныхъ,

оросительныхъ и обводительныхъ цѣлей". Государственный совѣтъ, одновременно съ разсмотрѣніемъ этихъ правилъ, предложилъ военному министру „войти въ обсужденіе вопроса о примѣненіи издаваемыхъ правилъ къ землямъ казачьихъ войскъ", вслѣдствіе чего главное управленіе казачьихъ войскъ и спросило по этому поводу мнѣніе наказнаго атамана Семирѣченскаго войска(38)

Войсковое правленіе, не считая себя компетентнымъ въ рѣшеніи указаннаго вопроса, обратилось за рѣшеніемъ его къ завѣдывающему ирригаціей въ Семирѣченской области*), который и далъ подробно мотивированное объясненіе, общій смыслъ котораго сводился къ тому, что вышеприведенныя правила совершенно неприложимы къ Семирѣченскому войску, что войско нуждается не въ этихъ правилахъ, а въ точно обоснованномъ законѣ, регулирующемъ орошеніе, представляющее насущную необходимость въ области. Въ этомъ и данъ былъ отвѣтъ въ 1903 г. на запросъ главнаго управленія казачьихъ войскъ(39).

Мы уже видѣли въ какомъ незавидномъ положеніи находились дѣло искусственнаго орошенія въ войскѣ до 1880 г.— совершенно въ томъ же положеніи оно оставалось и въ періодѣ до 1901 года.

Казаки были предоставлены самимъ себѣ; ирригація въ войскѣ представляла дѣло частное и даже не общественное; никакой спеціальной администраціи, регулирующей водопользованіе, не было; раздѣлъ воды предоставлялся самому населенію, вслѣдствіе чего ежегодно, во время полива, имѣли мѣсто всевозможныя насилія, выражавшіяся въ захватѣ воды или верхними, по ея теченію, или болѣе сильными, что, въ свою очередь, вело къ защитѣ своихъ правъ физической силой со стороны обдѣленныхъ, такъ какъ при орошеніи имѣетъ огромное значеніе каждый день, а администрація или судъ не могли такъ быстро приходить на помощь обиженнымъ.

Такое положеніе осложнялось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что земли казаковъ смежны съ киргизскими или таранчинскими, или крестьянскими, или въ одно и то-же время съ тѣми и другими, почему магистрали водопользованія или, какъ ихъ называютъ по мѣстному, „головные арыки" часто бываютъ общіе. Общность интересовъ, не руководимыхъ и не регулируемыхъ какой либо спеціальной мѣстной администра-

*) Этимъ лицомъ былъ инженеръ-агрономъ и гидротехникъ Скорняковъ.

ціей, ведетъ къ постояннымъ недоразумѣніямъ, спорамъ и въ концѣ концовъ, нерѣдко къ насиліямъ.

Для устраненія, въ мѣрѣ возможности, подобнаго положенія мѣстныя власти прибѣгаютъ къ содѣйствію смѣшанныхъ комиссій, въ составъ которыхъ входятъ депутаты отъ заинтересованныхъ сторонъ, уѣздные начальники, а иногда даже мѣстные судьи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ постановленія такихъ комиссій утверждаются журналомъ общаго присутствія Семирѣченскаго областного правленія(40).

Но всѣ эти мѣры даютъ только юридическое доказательство права, но за отсутствіемъ спеціальной администраціи совсѣмъ не гарантируютъ удовлетворенія этого права въ моменты его осуществленія, почему всѣ акты комиссій и журналы областного правленія оказываются на практикѣ паліативами.

Войсковое правленіе, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, командируетъ иногда для раздѣла воды или для разрѣшенія споровъ на мѣстахъ офицеровъ, завѣдующихъ станицами или особыхъ, которые и рѣшаютъ дѣло или на основаніи постановленій вышеуказанныхъ комиссій, если такія имѣются, или на основаніи уравненія водопользованія, гдѣ нѣтъ постановленій.

Все это въ об..емъ приноситъ мало существенной пользы, такъ какъ нѣтъ спеціальныхъ органовъ власти, постоянно наблюдающихъ за примѣненіемъ и выполненіемъ на практикѣ всѣхъ приведенныхъ постановленій и рѣшеній, а между тѣмъ водопользованіе, въ цѣляхъ орошенія, такого рода дѣло, которое требуетъ постояннаго за собою надзора со стороны компетентной соотвѣтствующей власти. Только при этомъ условіи и при наличности закона, точно регламентирующаго вопросы орошенія, всѣ сталкивающіеся интересы могутъ быть примирены, водные источники использованы уравнительно, а орошеніе дастъ всю ту сумму выгодъ, которую естественно отъ него ожидать.

Изъ обзора положенія поземельнаго вопроса въ войскѣ мы видѣли, что значеніе ирригаціи въ дѣйствительности такъ велико, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Семирѣчья имѣетъ цѣну не земля, не ея качество, а количество воды для орошенія. Послѣднее обстоятельство отмѣчено даже и въ отчетѣ, ревизовавшаго войско генералъ-адъютанта Свистунова.

Водные запасы велики, но раціональное использованіе ихъ въ цѣляхъ орошенія можетъ быть достигнуто только при условіяхъ изданія соотвѣтствующаго закона и учрежденія спеціальной администраціи.

Въ удовлетвореніе, до нѣкоторой степени, послѣдняго условія, правительствомъ, какъ мы видѣли, было разрѣшено учредить при Семирѣченскомъ войсковомъ правленіи должность гидротехника, что и было осуществлено, какъ мы знаемъ уже, только въ 1903 году. Но появленіе въ войскѣ гидротехника должно быть разсматриваемо только какъ начальное звено въ цѣпи мѣръ, настоятельно необходимыхъ въ урегулированіи орошенія, имѣющаго чрезвычайно важное значеніе въ общемъ экономическомъ положеніи казачьяго населенія.

Земледѣліе. „Въ казачьихъ войскахъ Сибирскомъ и Семирѣченскомъ земледѣліе считается основаніемъ хозяйства и благосостоянія жителей“ заявляетъ въ своемъ отчетѣ ревизовавшій войско въ 1884 году генералъ-адъютантъ Свистуновъ.

„Семирѣченскіе казаки, какъ народъ по преимуществу земледѣльческій, живутъ на счетъ излишковъ, получаемыхъ отъ собственнаго хозяйства, *а главнымъ образомъ отъ хлѣбопашества. На эти излишки* они содержатъ себя, уплачиваютъ денежныя повинности*), на нихъ-же выкомандировываютъ на службу и своихъ сыновей“—докладываетъ Его Величеству въ своемъ личномъ отчетѣ за 1898 г. наказный атаманъ генералъ Ивановъ.

Этихъ двухъ офиціальныхъ свидѣтельствъ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что земледѣліе—дѣйствительно главный промыселъ и главный источникъ жизни семирѣченскихъ казаковъ. Поэтому естественно было-бы предположить, что такой важный источникъ и долженъ былъ-бы получить соотвѣтствующее развитіе и что на немъ и должно-бы сосредоточиться вниманіе войсковой власти въ смыслѣ всевозможнаго содѣйствія его развитію.

Содѣйствіе могло-бы выразиться въ открытіи сельско-хозяйственныхъ школъ, склада земледѣльческихъ орудій и машинъ или, наконецъ, въ отводѣ существующимъ школамъ небольшихъ участковъ земли, на которыхъ, дѣти подъ руководствомъ своихъ учителей, могли бы знакомиться съ элементарными пріемами огородничества, садоводства, лѣсоводства и культурой нѣкоторыхъ наиболѣе выгодныхъ сельско хозяйственныхъ растеній

Приблизительно въ этомъ смыслѣ, по распоряженію военнаго министра, и сдѣлалъ свое предложеніе начальникъ Главнаго управленія казачьихъ войскъ въ 1899 г. Семирѣченскому наказному атаману, сообщая вмѣстѣ съ тѣмъ, что Его Величество, по докладѣ военнымъ министромъ мѣръ, необходи-

*) Взамѣнъ натуральныхъ, напримѣръ, по найму земскихъ почтовыхъ лошадей и др.

мыхъ къ улучшенію общаго экономическаго положенія въ казачьихъ войскахъ, соизволилъ повелѣть наказнымъ атаманамъ представить къ 1 іюня 1899 г свои соображенія по этому поводу и разработать, затѣмъ, на пять лѣтъ впередъ, программу дѣйствій и мѣръ въ томъ-же направленіи. Въ заключеніе предлагалось указать, какъ размѣръ средствъ, необходимыхъ для осуществленія намѣченныхъ мѣропріятій, такъ и источники этихъ средствъ(41).

Наказный атаманъ генералъ Ивановъ въ своемъ отвѣтѣ на это предложеніе заявилъ, что войсковое начальство *„не можетъ оказать какое либо вліяніе на улучшеніе благосостоянія казаковъ* своими техническими силами и средствами, ибо таковыми вовсе не располагаетъ", что „войско на столько не богато своими денежными средствами, что расчитывать на увеличеніе въ станицахъ и выселкахъ народнаго образованія нельзя", что „едвали можно расчитывать на то, чтобы казаки перешли къ усовершенствованному способу веденія хозяйства, ибо они, по крайней ограниченности своихъ матеріальныхъ средствъ, рѣшительно лишены возможности пріобрѣтать для сего дорогостоющія по доставкѣ въ Семирѣчье сельско-хозяйственныя машины и разнаго рода орудія".

Не представивъ такимъ образомъ, требуемыхъ соображеній по проэктированію чрезвычайно важныхъ для войскового населенія мѣръ, генералъ Ивановъ, за то, въ этомъ же отвѣтѣ, настойчиво ходатайствовалъ объ увеличеніи штата войскового правленія на одного совѣтника,*) мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что усиленное на этого одного совѣтника войсковое управленіе получитъ возможность „ближе стать къ казачьему населенію, глубже и всесторонне вникнуть въ нужды его къ развитію благосостоянія, такъ какъ для этой цѣли необходима усиленная и всесторонняя дѣятельность войскового правленія Работая при сихъ условіяхъ, войсковое начальство *конечно можетъ оказать могущественное вліяніе* на улучшеніе благосостоянія казачьяго населенія"(42).

Сопоставляя начало и конецъ только что приведенныхъ частей отвѣта наказнаго атамана, нельзя не замѣтить полнаго между ними противорѣчія. Въ началѣ генералъ Ивановъ категорически утверждаетъ, что войсковое начальство не можетъ оказать никакого вліянія на улучшеніе благосостоянія казаковъ' ибо не имѣетъ для этого нужныхъ „техническихъ силъ и средствъ"; въ концѣ-же съ не меньшей положительностью заявлено, что если войсковое правленіе будетъ усилено всего только на одного совѣтника, то оно уже „можетъ

*) Рапортъ наказнаго атамана 31 марта 1893 г. № 2283 въ Главное управленіе казачьихъ войскъ.

оказать *могущественное вліяніе* на улучшеніе благосостоянія казачьяго населенія", какъ будто-бы этотъ совѣтникъ, въ сущности такой-же офицеръ, какъ и всѣ прочіе въ войсковомъ правленіи, въ состояніи принести съ собою всѣ необходимыя правленію для его полезной дѣятельности „техническія силы и средства."

Какъ это противорѣчіе, такъ и всѣ остальныя приведенныя части отвѣта указываютъ только на то, что войсковое правленіе, благодаря вышеуказанному составу, не было знакомо съ экономическими вопросами въ войскѣ вообще и съ возможными ихъ рѣшеніями въ частности, а потому и не могло рекомендовать соотвѣтствующихъ жизненныхъ пріемовъ въ данномъ случаѣ.

Такимъ образомъ, благія начинанія правительства разбивались о неосвѣдомленность мѣстнаго органа, а земледѣліе не могло ожидать себѣ поддержки и содѣйствія.

Казаки хозяйничали такъ, какъ хозяйничали ихъ дѣды, но это совсѣмъ не доказываетъ ихъ косности и „упрямой приверженности къ отжившимъ обычаямъ". Напротивъ, это доказываетъ только то, что имъ не откуда было научиться лучшему: сельскохозяйственныхъ школъ въ войскѣ не было и нѣтъ, интеллигентныхъ хозяевъ тоже. А между тѣмъ развитіе травосѣянія плодового садоводства и орошенія доказываютъ, что казаки выучились всему, что только видѣли у сосѣдей туземцевъ или переселившихся въ область малороссовъ и тому, что могли имъ дать земскія областныя школы садоводства. Лишь только былъ открытъ въ г. Вѣрномъ въ 1902 году, по иниціативѣ областной администраціи, первый въ области складъ сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ(43), казаки, наравнѣ съ крестьянами, явились первыми покупателями и пріобрѣтали главнымъ образомъ плуги, не смотря на то, что войсковые отчеты много лѣтъ подъ рядъ, какъ выше мы видѣли,*) защищали употребленіе „казечьей сохи" и браковали плугъ за его будто-бы тяжелый ходъ и неповсемѣстную пригодность къ работѣ.

Открывшіеся въ нѣсколькихъ пунктахъ области, вслѣдъ за казенными,—частные склады бойко торговали 43), снабжая покупателей не всегда добракачественными орудіями и по произвольной цѣнѣ. За этими складами и мелкіе торговцы начали тоже привозить плуги, выгодно сбывая ихъ населенію.

Часто, не имѣя наличныхъ 35 - 40 руб., казаки занимали

*) Ст. «Станич. общест. капиталы», очеркъ «расходы» глава III ч. III.

или брали плуги въ долгъ, уплачивая не рѣдко за этотъ кредитъ весьма солидные проценты, но всетаки плуги покупали, видя что ихъ „казачья соха" далеко не можетъ спорить съ плугомъ ни въ легкости хода, ни въ производительности, ни въ чистотѣ работы.

Всѣ эти данныя говорятъ за то, что въ области земледѣлія у Семирѣченскихъ казаковъ совсѣмъ не было той „упрямой приверженности къ устарѣвшимъ обычаямъ", въ которой ихъ обвиняло, какъ мы знаемъ, мѣстное областное управленіе; эти данныя служатъ показателемъ того, что практическая помощь и обоснованное содѣйствіе въ распространеніи свѣдѣній объ улучшенныхъ пріемахъ въ земледѣліи были бы использованы казачьимъ населеніемъ въ должной степени.

Въ 1900 году поступило второе распоряженіе военнаго министра*), представлявшее продолженіе перваго, приведеннаго въ началѣ этой статьи. Здѣсь военный министръ, указывая, что неудовлетворительное состояніе хозяйства въ казачьихъ войскахъ зависитъ, по его мнѣнію, прежде всего отъ недостатка сельско хозяйственныхъ знаній, отъ недостатка орошенія и еще отъ того, что казаки не пользуются природными богатствами, скрытыми въ нѣдрахъ войсковыхъ земель, предложилъ войсковымъ управленіямъ казачьихъ войскъ, а въ томъ числѣ и Семирѣченскаго, обсудить вопросъ объ учрежденіи въ войскахъ должностей агрономовъ, гидротехниковъ и горныхъ инженеровъ.

Войсковое управленіе Семирѣченскаго войска поспѣшило сдѣлать представленіе объ учрежденіи всѣхъ этихъ трехъ должностей, но просило, въ виду недостаточности войскового капитала, содержаніе, опредѣленное по этимъ должностямъ, принять на счетъ казны(44).

Должности войсковыхъ агронома и гидротехниха, какъ мы уже знаемъ, были учреждены въ 1903 году, *но еще и въ 1907-мъ должность агронома не была замѣщена.*

Собственно самымъ важнымъ тормозомъ въ развитіи земледѣлія въ войскѣ, какъ и вообще въ Семирѣченской области, является недостатокъ, сбыта, какъ слѣдствіе отсутствія желѣзно-дорожнаго пути къ главному рынку Семирѣчья – Туркестану. Только рельсовый путь туда оживитъ эту главную отрасль промышленности казаковъ и дастъ имъ солидный заработокъ.

Въ условіяхъ-же настоящаго времени, земледѣліе, при-

*) Чрезъ Главное управленіе казачьихъ войскъ.

наличности низкихъ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, даетъ ничтожный процентъ чистаго дохода и всегда грозитъ перепроизводствомъ, а съ нимъ и превышеніемъ предложенія надъ спросомъ.

Виды культивируемыхъ растеній способъ культуры остались тѣ же, какіе указаны въ соотвѣтствующемъ очеркѣ за предъидущій періодъ, но съ тѣмъ только различіемъ, что въ послѣднее время въ распоряженіи казаковъ появились усовершенствованные плуги, жатвенныя машины, косилки, вѣялки, и все еще, какъ рѣдкость, сѣялки и молотилки.

Свѣдѣнія о состояніи земледѣлія, собственно зернового хозяйства, заключаются въ ниже прилагаемой таблицѣ, въ которой приведены количество урожаевъ, существовавшія цѣны и доходность промысла (См. пр. № 5-й)

Здѣсь нужно замѣтить, что во всей таблицѣ довѣрія заслуживаютъ только однѣ цѣны, всѣ-же остальныя цифры, какъ результатъ вычисленій, основанныхъ на количествѣ урожая, могутъ считаться только до нѣкоторой степени приблизительными, причиной чему остается та-же самая, какая указана въ соотвѣтствующей статьѣ за предъидущій періодъ.

Такъ какъ погрѣшность въ исчисленіи площади посѣвовъ и количества высѣянныхъ сѣмянъ еще больше, то свѣдѣнія о нихъ въ таблицѣ и совсѣмъ не приведены.

Огородничествомъ, за недостаткомъ сбыта, семирѣченскіе казаки занимались и въ изслѣдуемый періодъ времени преимущественно только въ мѣрѣ своихъ личныхъ потребностей. Эта отрасль земледѣлія развита далеко не одинаково во всѣхъ поселеніяхъ войска, такъ напримѣръ, въ станицѣ Софійской и немногихъ другихъ она выражена чрезвычайно слабо, а въ нѣкоторыхъ даетъ замѣтный доходъ въ хозяйствѣ, особенно въ выселкѣ Чунджинскомъ, благодаря его близости (92 вер.) къ Каръ-Каринской ярмаркѣ, куда казаки возятъ на продажу свои овощи: картофель, морковь, огурцы, арбузы и дыни. Эти поѣздки на ярмарку пріучили чунджинскихъ казаковъ пріискивать сбытъ и въ другихъ, болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, такъ, напримѣръ, чунджинскіе овощи проникаютъ теперь даже и въ гор. Пржевальскъ. Съ окружными же таранчинскими поселеніями казаки этого выселка ведутъ мѣновую торговлю овощами на хлѣбъ, котораго у чунджинскихъ казаковъ засѣвается въ среднемъ не болѣе 3-хъ десятинъ на семью, вслѣдствіе недостатка въ орошеніи Въ общемъ огородничество и бахчеводство даетъ большинству чунджинскихъ казаковъ замѣтный доходъ, иногда до 100 руб. и болѣе на семью въ годъ, въ зависимости отъ величины огородовъ. Къ сожалѣнію не-

достатокъ орошенія не обѣщаетъ болѣе широкаго развитія здѣсь этого промысла(46).

Скотоводство. Общій обзоръ.

Скотоводство и въ изслѣдуемый періодъ времени не представляло спеціальнаго промысла; имъ казаки занимались преимущественно только въ предѣлахъ нуждъ своего хозяйства. Въ этомъ случаѣ только одно овцеводство является еще до нѣкоторой степени исключеніемъ, такъ какъ бараны степной породы разводятся казаками преимущественно для продажи.

Особеннымъ вниманіемъ войсковой власти, какъ и въ предъидущемъ періодѣ, пользовалось коневодство, основаніемъ чему служили тѣ-же заботы объ улучшеніи строевого казачьяго коня.

До нѣкоторой степени вниманіе было обращено и на улучшеніе породы рогатаго скота и овецъ, но, какъ увидимъ ниже, слабой помощью въ этомъ направленіи могли воспользоваться только южныя, заилійскія поселенія войска.

Общее представленіе о развитіи всѣхъ отдѣловъ скотоводства можетъ дать прилагаемая здѣсь таблица (См пр. № 6-й), въ которой приведены численность всѣхъ породъ животныхъ, за исключеніемъ свиней и верблюдовъ *), съ распредѣленіемъ ихъ въ среднемъ на 100 д/шъ и на семью по отдѣльнымъ поселеніямъ войска въ максимальныхъ и минимальныхъ количествахъ, съ указаніемъ съ 1886 года къ какой именно станицѣ относится данное среднее число опредѣленнаго вида животныхъ, что даетъ возможность заключить, гдѣ именно и въ какой степени былъ развитъ тотъ или другой отдѣлъ скотоводства.

При разсмотрѣніи предлагамой таблицы по отдѣлу рогатаго скота необходимо имѣть въ виду, что паденія численности этого скота въ нѣкоторые годы зависѣли отъ вспышекъ чумы въ это время, а прогрессивный ростъ числа лошадей замедленъ съ 1895 года упадкомъ экономическаго положенія казаковъ, вслѣдствіе чего они и были вынуждены къ продажѣ большей, чѣмъ обыкновенно, части своихъ лошадей (48), повторявшейся потомъ ежегодно.

Въ общемъ-же, необходимо замѣтить, что цифры данной

---

*) Свиньи разводились въ самомъ ограниченномъ количествѣ; многіе Семирѣченскіе казаки даже и совсѣмъ не ѣдятъ свинину, почитая свинью животнымъ нечистымъ. Верблюды-же собственно и не разводились, а покупались казаками, преимущественно ст. Б.-Алматинской, для извоза въ телѣгахъ, и число верблюдовъ было уже совершенно ничтожнымъ.

таблицы не могутъ считаться вполнѣ точными, но стоятъ несомнѣнно значительно ближе къ дѣйствительности, чѣмъ цифры таблицы зернового хозяйства, такъ какъ учетъ скота достигается съ неизмѣримо меньшимъ трудомъ, чѣмъ учетъ урожаевъ, которые, какъ мы уже знаемъ изъ сказаннаго по этому поводу раньше, семирѣченскіе казаки измѣряютъ „капами" разной величины или „пудовкой", несоотвѣтствующей по своей величинѣ ни пуду, ни четверику.

Переходя къ обзору отдѣловъ скотоводства, нужно замѣтить, что, какъ видно и изъ приложенной таблицы, въ Семирѣченскомъ войскѣ, въ разсматриваемый періодъ времени было особенно развито коневодство, за нимъ по своей численности слѣдуетъ рогатый скотъ и послѣднее мѣсто занимаетъ овцеводство.

Коневодство.

Этотъ отдѣлъ скотоводства, помимо необходимости имѣть строевыхъ лошадей, развитъ еще и потому, что казаки всѣ свои хозяйственныя работы исполняютъ на лошадяхъ, за исключеніемъ станицы Урджарской, гдѣ часть казаковъ работаетъ на волахъ, признавая тотъ общеизвѣстный фактъ, что содержаніе рабочаго вола обходится дешевле лошади, и что волъ, болѣе чѣмъ въ половинѣ случаевъ, не обезцѣнивается до стоимости шкуры, какъ обезцѣнивается лошадь во всѣхъ случаяхъ старости и травматическихъ поврежденій.

Затѣмъ, казаки, живя среди киргизъ, съ которыми они связаны постоянными торговыми и хозяйственными отношеніями, усвоили отъ кочевниковъ своеобразный взглядъ на лошадь, какъ единицу извѣстной цѣнности и какъ на принадлежность свободнаго человѣка-воина, почему Семирѣченскій казакъ, кромѣ станицы Урджарской, считаетъ для себя прямо унизительнымъ поѣхать на волахъ, особенно еще по улицамъ города или станицы: по той-же причинѣ онъ не особенно охотно садится на кобылу. Кромѣ того, лошадь въ Семирѣчьѣ всегда находитъ себѣ болѣе обезпеченный сбытъ, чѣмъ рогатый скотъ.

Войсковою властью коневодство разсматривалось всегда не какъ факторъ сельскаго хозяйства, а только какъ боевая сила, почему войсковая власть и считала своей обязанностью содѣйствовать казакамъ только въ разведеніи верховыхъ лошадей, а поэтому производителями на войсковой случной конюшнѣ являлись только отчетливо выраженные типы верховыхъ статей. Между тѣмъ казаки одинаково нуждались въ лошадяхъ какъ верховаго, такъ и упряжнаго типа, а потому

односторонне направленную дѣятельность войсковой власти нельзя признать отвѣчающей нуждамъ населенія и, тѣмъ болѣе, что Военный Совѣтъ журналомъ своимъ 7 декабря 1877 года, категорически рекомендовалъ Семирѣченскому войсковому начальству—при выборѣ производителей на войсковую случную конюшню *„обращать внимание на нужды большинства* (49).

Дѣятельности войсковой случной конюшни за разсматриваемый здѣсь періодъ времени не можетъ быть дано такое полное обозрѣніе, какъ за предъидущій *), а потому остается сказать только о количествѣ бывшихъ въ ней производителей, о причинѣ и способѣ ея упраздненія.

Число производителей на конюшнѣ было слѣдующее.

Годы.	Число производител.	Годы	Число производител.	Годы.	Число производител.	Годы.	Число производител.
1880	7	1885	5	1890	2	1895	4
1881	6	1886	6	1891	2	1896	5
1882	5	1887	4	1892	3	—	—
1883	7	1888	4	1893	4	—	—
1884	5	1889	4	1894	4	—	—

Вслѣдствіе затруднительнаго положенія войскового капитала, балансы котораго сводились съ дефицитомъ, войсковое управленіе. не находя иныхъ сокращеній въ расходной смѣтѣ войска, въ 1896 г. представило къ упраздненію конюшню, относительно которой ревизовавшій войска генералъ-адъютантъ Свистуновъ, въ своемъ отчетѣ еще въ 1884 г. замѣтилъ, что „цѣлесообразность затратъ“ на нее „представляется сомнительной“.

Военный Совѣтъ журналомъ 28 ноября 1896 г. постановилъ: „Упразднить случную конюшню въ Семирѣченскомъ к. войскѣ.. .. . Поручить наказному атаману *предложить станицамъ или казакамъ коневодамъ* Семирѣченскаго войска пріобрѣсти жеребцовъ означенной конюшни по оцѣнкѣ и при отсутствіи желающихъ воспользоваться этой льготой,—продать.. . . съ аукціона“.

*) Войсковые годовые отчеты не даютъ подробныхъ цифръ о дѣятельности конюшни, смѣшивая приплодъ отъ казачьихъ матокъ съ приплодомъ матокъ лицъ другихъ сословій, а точно такъ-же и приводъ на конюшню тѣхъ и другихъ.

Но войсковое правленіе, не смотря на такъ ясно выраженное желаніе правительства оставить производителей, хотябы даже и за ничтожную цѣну, но въ рукахъ войскового населенія, журналомъ своимъ $^{28}/_{29}$ января 1897 года постановило: что, такъ какъ „между казаками Семирѣченскаго каз. войска *въ собственномъ смыслѣ нѣтъ коневодовъ*, которымъ съ пользою для нихъ и для войска передать по оцѣночной суммѣ производителей", что такой способъ „*можетъ вызвать* очень много затрудненій въ отношеніи опредѣленія правъ изъявившихъ желаніе", что такой способъ „*можетъ повести* къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, а *быть можетъ* и къ неправильнымъ заявленіямъ и жалобамъ", что, наконецъ, такой способъ передачи производителей по оцѣнкѣ *признается прямо убыточнымъ для войскового капитала*, такъ какъ пять производителей и матка съ жеребенкомъ оцѣнены въ 145 р." почему и постановило просить разрѣшенія продать имущество конюшни съ аукціона.

На представленіе въ этомъ смыслѣ главное управленіе казачьихъ войскъ отвѣтило по телеграфу: „*Если по опросу станицъ и коневодовъ желающихъ пріобрѣсти* производителей по оцѣнкѣ *не оказалось*", то вышеприведеннымъ журналомъ Военнаго Совѣта разрѣшено продать и съ аукціона(50).

Войсковое правленіе на основаніи того, что въ Семирѣченскомъ войскѣ „*не числится коневодовъ* въ настоящемъ значеніи этого слова(51)", и *не опрашивая ни станицы, ни желающихъ* воспользоваться предоставленной правительствомъ льготой, а точно такъ-же и, не смотря на заявленія нѣкоторыхъ, *случайно узнавшихъ* о возможности льготной покупки, о желаніи пріобрѣсти производителей(52), *постановило все имущество конюшни продать съ аукціона*(53).

Пять производителей и матка съ жеребенкомъ были проданы 21 марта 1897 г. съ аукціона за 786 р; ни одинъ изъ производителей не попалъ въ руки казаковъ, а войсковой капиталъ выигралъ отъ такой продажи всего только 641 р (54).

Благодаря иному отношенію къ дѣлу коневодства наказнаго атамана генерала Іонова, конезодство въ войскѣ стало на болѣе вѣрный путь.

Генералъ Іоновъ въ 1901 г. сдѣлалъ представленіе объ отпускѣ для войска управленіемъ государственнаго коннозаводства десяти жеребцовъ—производителей. Ходатайство это было уважено и правительство разрѣшило дать войску 10 производителей безплатно.

Одинъ изъ жеребцовъ палъ въ пути, а девять были доставлены въ войско и распредѣлены въ станицы по одному (55).

Еще до привода этихъ жеребцовъ, генералъ Іоновъ возбудилъ новое ходатайство объ отпускѣ еще трехъ, расчитывая дать въ каждую изъ станицъ по одному. И это ходатайство было уважено на тѣхъ-же условіяхъ, но изъ вновь назначенныхъ войску трехъ, одинъ жеребецъ тоже палъ дорогой и, такимъ образомъ къ концу описываемаго войско періода располагало 11-ю производителями, размѣщенными въ 11 станицахъ, — для двѣнадцатой не достало(56).

Производители содержатся на счетъ общественныхъ средствъ станицъ; между ними имѣются представители и верхового и упряжного типовъ.

Въ заключеніе настоящей статьи остается сказать только о томъ, что при войсковой конюшнѣ содержались еще два „нештатныхъ отдѣленія“: два быка породы шортгорнъ и стадо овецъ каракулей, доходившее иногда до 60 головъ.

Быки содержались на средства, отпускаемыя изъ войскового капитала для войсковой конюшни, т. е. на остатки отъ содержанія жеребцовъ, а каракули на продажу приплода(57).

Эти оба отдѣленія были постепенно закрыты еще до окончательнаго упраздненія конюшни.

Пчеловодство.

Этотъ промыселъ продолжалъ постепенно развиваться, но далеко не въ той прогрессіи, въ какой рисовало войсковое правленіе въ своихъ Всеподданнѣйшихъ отчетахъ по 1883 г. включительно. Чтобъ убѣдиться въ этомъ достаточно сравнить цифры двухъ прилагаемыхъ таблицъ.

Первая изъ нихъ составлена по тѣмъ подлиннымъ свѣдѣніямъ или годовымъ отчетамъ которыя представляли станичныя правленія войсковому и на основаніи которыхъ только составлялись войсковымъ правленіемъ Всеподданнѣйшіе отчеты.

Свѣдѣнія о пчеловодствѣ по станичнымъ отчетамъ.

Годы.	Количество ульевъ въ войскѣ.	Количество ульевъ колебалось.				Всего собрано пудовъ.		Сборъ по отдѣльнымъ поселеніямъ колебался. Въ пудахъ.				Средняя цѣны за пудъ.				Всего собрано на сумму въ рубляхъ.	Доходность на семью въ 5 душъ колебалась въ среднемъ по отдѣльнымъ поселеніямъ.	
		По отдѣльнымъ поселеніямъ войска.		На семью въ 5 душъ въ среднемъ.				Медъ.		Воскъ.		Медъ.		Воскъ.			Отъ	до
		Отъ	до	Отъ	до	Меду.	Воску.	Отъ	до	Отъ	до	Высшія	Низшія.	Высшія	Низшія.			
												Р./К.	Р./К	Р. К.	Р./К.		Р./К.	Р./К.
1880	9491	16	2300	0,03	10,9	12772 1/2	562	0	0	870	255	8/„	9/60	15/„	15/„	„	„	„
1881	9002	0	4000	0,1	14,8	1743	294	0	2 1/2	1000	111	Не указано.			10/„	17138	1/46	„
1882	13589	0	4900	0,2	12,9	5970	401	29	5	2450	112	Не указано.				49587	„/90	38 85
1883	12213	0	5900	0,3	16,5	2970	206	0	1 1/2	1475	122	8/50	4/„	32/„	15/„	27393	„/79	25/24
1884	14854	0	5700	0,1	10,2	4515	352	8	1/2	2137	120	„	3/„	„	15/„	37197	„/25	34/7

Вторая же таблица составлена по Всеподданнѣйшимъ отчетамъ войскового управленія. Такъ какъ послѣдніе отчеты основаны на отчетахъ станицъ, то и казалось-бы, что цифры

тѣхъ и другихъ должны были-бы быть совершенно и безусловно тождественны, но изъ сравненія двухъ предлагаемыхъ таблицъ мы видимъ, что войсковое управленіе въ своихъ отчетахъ до 1884 г. признавало почему-то необходимымъ непомѣрно увеличивать свои данныя о пчеловодствѣ, а особенно его доходность, сравнительно со свѣдѣніями, представленными ему изъ станицъ и при этомъ каждый разъ заявляло во Всеподданнѣйшихъ отчетахъ, что данныя въ нихъ представляютъ свѣдѣнія, доставленныя станичными атаманами (См прилож № 7).

Такое, положительно ни на чемъ не основанное преувеличеніе истиннаго состоянія промысла, совершенно прекращается только съ 1885 года, т. е. со времени ревизіи войска генераломъ Свистуновымъ и дальнѣйшія свѣдѣнія Всеподданнѣйшихъ отчетовъ совершенно совпадаютъ со свѣдѣніями станицъ.

Подобное составленіе годовыхъ войсковыхъ отчетовъ, рисующее экономическое положеніе населенія далеко не въ истинномъ свѣтѣ, конечно могло вводить въ заблужденіе правительства и лишать населеніе той правительственной помощи, которую оно могло бы получить въ томъ или другомъ видѣ при условіи доставленія мѣстнымъ органомъ вѣрныхъ свѣдѣній.

Очевидно съ этой именно точки зрѣнія смотрѣло на дѣло составленія войсковыхъ отчетовъ и Главное управленіе казачьихъ войскъ, которое въ концѣ 1880 г. просило командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа принять мѣры къ улучшенію и точному составленію Семирѣченскимъ войсковымъ управленіемъ Всеподданнѣйшихъ отчетовъ, сообщая при этомъ, что въ семирѣченскихъ отчетахъ нѣкоторыя рубрики, составляются „безъ всякаго критическаго анализа проставляемыхъ цифръ“ (58).

На основаніи такихъ-то свѣдѣній войсковое управленіе докладывало правительству, что „пчеловодствомъ казаки занимались весьма охотно и эта отрасль хозяйства развита во всѣхъ станицахъ войска“ (59) Въ дѣйствительности-же, какъ видно изъ таблицы станичныхъ отчетовъ, дѣло обстояло нѣсколько иначе и урожаи меду и воску совсѣмъ не давали тѣ сотни тысячъ рублей, которыя указаны въ отчетахъ войскового правленія.

Пчеловодство, при всемъ желаніи казаковъ, не могло развиваться успѣшно разъ существовало въ области сервитутное право киргизъ, вліяніе котораго подробно указано въ экономическихъ статьяхъ за предъидущій періодъ и въ частности въ статьѣ „пчеловодство“ за то же время Это-же право кир-

гизъ прекращено только съ утвержденіемъ 25 марта 1891 года положенія объ управленіи въ степныхъ областяхъ, т. е. продержалось въ области 16 лѣтъ, въ теченіи которыхъ киргизы и разоряли безотвѣтственно казачьи пасѣки, а потому и нѣтъ ничего особеннаго, что пчеловодствомъ занимались только тѣ изъ казаковъ, которые отличались особенной настойчивостью, особенной любовью къ этому дѣлу. Изъ остальныхъ-же большинство прямо не рѣшалось вложить свой трудъ и свои невеликія средства въ обставленное такимъ рискомъ дѣло.

Благодаря 16-ти лѣтнему существованію сервитутнаго права, въ семирѣченскихъ казакахъ и до сихъ поръ держится мнѣніе, что пчеловодство промыселъ невыгодный и рискованный. Этому обстоятельству помогаетъ еще и отсутствіе сельскохозяйственныхъ школъ и образцовыхъ пасѣкъ, почему раціональное пчеловодство почти совершенно неизвѣстно. До сихъ поръ на казачьихъ пасѣкахъ преобладаютъ колоды, а рамочныхъ ульевъ очень немного. Распространенію рамочнаго улья препятствуетъ, какъ малая освѣдомленность огромнаго большинства пчеловодовъ въ уходѣ за пчелами при немъ, такъ и затруднительность въ пріобрѣтеніи или изготовленіи мѣстными мастерами центрофугъ, безъ примѣненія которыхъ рамочный улей далеко не даетъ всѣхъ выгодъ.

Центрофуга мѣстнаго производства стоитъ отъ 20 до 30 рублей, что является уже значительнымъ расходомъ для средней зажиточности казака, почему эти, необходимыя при рамочномъ пчеловодствѣ, машинки имѣютъ очень немногіе и не рѣдкость встрѣтить поселенія, гдѣ обращаются всего одна или двѣ центрофуги на всѣхъ пасѣчниковъ.

Свѣдѣнія о распредѣленіи пчеловодства по войску, о медосборѣ и доходности промысла помѣщены въ вышеприведенной таблицѣ, въ которой не помѣщено только свѣдѣній о числѣ рамочныхъ ульевъ, за неимѣніемъ ихъ.

Какъ видно изъ этой таблицы, казаки занимались пчеловодствомъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ во всѣхъ станицахъ войска, за исключеніемъ Сергіопольской, гдѣ, вслѣдствіе суровыхъ зимъ, пчеловоды не могли сберечь своихъ пчелъ и съ 1881 года совсѣмъ оставили этотъ промыселъ.

Садоводство и Лѣсоводство.

Съ прекращеніемъ сервитутнаго права киргизъ, этого истиннаго бича русскаго сельскаго хозяйства въ Семирѣчьѣ, памятника дѣятельности въ краѣ генерала Колпаковскаго, садоводство и лѣсоводство казаковъ быстро шагнули впередъ.

Съ этого времени никакая власть даже и не думала о какомъ либо принужденіи казаковъ къ лѣсоводству, а площади занятыя древесными посадками растутъ и растутъ.

Спеціально плодовыхъ садовъ собственно мало, въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ насажденіяхъ преобладаетъ смѣсь—фруктовыхъ деревьевъ съ подѣлочными: карагачемъ (берестъ—порода ильма), тополемъ, ветлой и др.; фруктовыя посадки преимущественно окружены этими подѣлочными породами, какъ опушкой, чѣмъ достигается и огражденіе плодовыхъ участковъ отъ скота и защита ихъ отъ вѣтра, дающая, въ свою очередь, замѣтное повышеніе и даже извѣстное урегулированіе температуры внутри огражденныхъ пространствъ, сравнительно съ внѣшней.

Развитіе того и другого промысла далеко не одинаково по всей территоріи войска. Большіе успѣхи лѣсоразведенія и садоводства естественно обнаруживаются въ мѣстностяхъ, пользующихся лучшими климатическими условіями, какъ, напримѣръ, въ южныхъ поселеніяхъ войска, гдѣ въ двухъ только станицахъ Софійской и Б.-Алматинской занято древесными насажденіями почти двѣ тысячи десятинъ(60). Но и въ сѣверныхъ поселеніяхъ, вездѣ, гдѣ климатическія условія достаточно благопріятны развитію древесныхъ культуръ, лѣсоразведеніе, а мѣстами и садоводство, достигли довольно широкихъ размѣровъ, какъ, напримѣръ, въ станицѣ Сарканской, выселкахъ Карабулакскомъ, Абакумовскомъ, Джангызъ-Агачскомъ и, въ качествѣ молодыхъ лѣсоразведеній—въ выселкѣ Каргалинскомъ(61).

Быстрымъ успѣхомъ древоводства казаки обязаны и особому направленію въ лѣсномъ хозяйствѣ, принятому областной администраціей.

Помимо непосредственной охраны дикорастущихъ лѣсовъ, мѣстная областная администрація приняла чрезвычайно раціональный способъ косвенной охраны, сводившійся къ искусственному лѣсоразведенію въ странѣ, почему главной цѣлью своего лѣсного хозяйства она поставила выращиваніе возможно большаго количества саженцевъ и возможно въ большемъ числѣ пунктовъ области(61).

Продавая саженцы населенію по невысокой цѣнѣ, а затѣмъ еще и отпуская *безплатно* всѣмъ желающимъ по сто корней на душу въ годъ, мѣстная областная власть достигла того, что лѣсоразведеніе быстро двинулось впередъ и населеніе получило массу подѣлочнаго матеріала, чѣмъ въ значительной степени сократилось потребленіе хвойнаго, дикорастущаго, лѣса.

Параллельно съ разведеніемъ саженцевъ карагача, тополя

и другихъ породъ, въ мѣстныхъ казенныхъ питомникахъ и садахъ выращивались въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ и саженцы фруктовыхъ деревьевъ: яблони, груши, абрикосы, вишни, сливы и др., а точно также, иногда, плодовые кустарники: крыжевникъ смородина и другіе(69), которые отпускались населенію тоже по невысокой цѣнѣ. Благодаря такой мѣрѣ казаки получили полную возможность успѣшно заняться садоводствомъ.

Ни войсковыхъ, ни общественныхъ станичныхъ питомниковъ на территоріи войска совсѣмъ не имѣется и здѣсь необходимо отмѣтить то обстоятельство, что войсковое управленіе, преслѣдуя, какъ мы видѣли, цѣль накопленія станичныхъ и войскового капиталовъ, ради накопленія только, во весь изслѣдуемый періодъ не сдѣлало ровно ничего, ни прямо, ни косвенно, для развитія промысловъ лѣсоводства и садоводства.

Лѣсоводству еще надолго обезпечено дальнѣйшее развитіе въ потребностяхъ самаго населенія области, но садоводство уже и теперь чувствуетъ тормозъ въ недостаткѣ сбыта.

Не имѣя свѣдѣній, за отсутствіемъ сельско-хозяйственныхъ школъ, объ утилизаціи фруктовъ, особенно огромныхъ урожаевъ яблокъ, на вино, фруктовые сыры, пасты и т. д., населеніе выбрасываетъ на мѣстный рынокъ массы сырыхъ плодовъ, чѣмъ чрезвычайно понижаетъ ихъ стоимость, а вмѣстѣ съ этимъ и свой заработокъ. Рельсовый путь на Сибирь далъ бы огромное будущее и этой отрасли промышленности въ области и въ Семирѣченскомъ войскѣ въ частности.

Отхожіе и прочіе промыслы.

Всѣ остальные промыслы въ Семирѣченскомъ войскѣ развиты чрезвычайно слабо, причины чему, какъ и перечень самыхъ промысловъ, подробно указаны въ экономическихъ очеркахъ предъидущаго періода и, кромѣ того, причины тугого развитія побочныхъ промысловъ лежатъ въ самой военной организаціи войска, вліяніе которой будетъ выяснено въ своемъ мѣстѣ ниже. Затѣмъ, неразвитость промысловъ зависитъ еще и отъ отношенія самой войсковой власти къ казачьему населенію.

Отхожіе промыслы тѣсно связаны съ правомъ свободнаго передвиженія съ мѣста на мѣсто. Это же право, какъ мы уже видѣли и еще болѣе убѣдимся ниже, стѣснено земскими и воинской повинностями. Такое положеніе вытекаетъ уже изъ самой обстановки казачьяго быта, но войсковая власть, иногда еще и по собственной иниціативѣ, находила возможнымъ усугублять и безъ того тяжелую въ этомъ отношеніи

обстановку быта казаковъ. Такъ,напримѣръ, въ 1889 г. наказный атаманъ генералъ Ивановъ, узнавъ, что нѣкоторые казаки, являясь изъ станицъ въ гор. Вѣрный на заработки, пропивали не только заработанныя деньги, но и одежду, въ приказѣ по войску[62] объявилъ между прочимъ слѣдующее: „Въ виду такого ненормальнаго положенія по увольненію казаковъ въ отпуски съ цѣлью заработковъ, предписываю станичнымъ и выселковымъ атаманамъ *не увольнять въ отпуска такихъ казаковъ*, которые отличаются пьянствомъ *или вообще неблагонадежностью поведенія*".

Этимъ приказомъ, изъ за нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаевъ, генералъ Ивановъ поставилъ право казаковъ всего войска на отлучку изъ своего мѣстожительства въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, въ полную зависимость отъ усмотрѣнія станичныхъ атамановъ, ибо каждому казаку, при условіи малѣйшаго неудовольствія на него за что либо, станичный или выселковый атаманъ на основаніи этого приказа*) могъ не разрѣшить отлучки подъ предлогомъ „неблагонадежности поведенія". И жалобы на такой произволъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ не могли-бы получить удовлетворенія, такъ какъ казаку болѣе чѣмъ затруднительно доказать свою „благонадежность", если только станичный атаманъ свидѣтельствуетъ противное.

При такомъ взглядѣ мѣстной власти на право казаковъ, понятно, что различныя предложенія и мѣры правительства, клонящіяся къ улучшенію ихъ благосостоянія, будутъ безуспѣшны до тѣхъ поръ, пока гражданское право, надлежаще регламентированное закономъ, не получитъ доминирующаго значенія въ ихъ бытѣ.

Торговля.

Торговля, въ точномъ смыслѣ этого слова, развита въ Семирѣченскомъ войскѣ еще слабѣе отхожихъ и другихъ побочныхъ промысловъ.

Въ характерѣ семирѣченскаго казака нѣтъ купеческой жилки, да ей, какъ мы знаемъ и развиться было нельзя: воинъ и купецъ слишкомъ далекія другъ отъ друга понятія, кромѣ того и самая обстановка быта и службы казаковъ далеко не содѣйствовала развитію торговли.

Торговлей, въ тѣсномъ значеніи этого слова, занимаются очень немногіе казаки и большинство изъ нихъ могутъ вести только мелочной торгъ уступая мѣсто даже и въ этомъ послѣднемъ родѣ промышленности представителямъ другихъ со-

*) Приказъ этотъ не отмѣненъ и по настоящее (1903 г.) время.

словій, живущихъ на войсковой территоріи.

Исключеніемъ является только станица Урджарская, гдѣ казаки всю торговлю, довольно по мѣстному обширную, твердо держатъ въ своихъ рукахъ.

Извѣстное представленіе о торговлѣ въ войскѣ даетъ слѣдующая таблица, въ которой приведено какъ число торгующихъ казаковъ и ихъ годовые обороты, такъ и годовые валовые обороты продажи казаками сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и скота.

ТАБЛИЦА

валового дохода торговли всѣхъ видовъ.

Годы.	Число лицъ войскового сословія, имѣвшихъ торговыя лавки.	Годовой оборотъ торговли этихъ лицъ	Годовой оборотъ продажи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и скота казачьимъ населеніемъ.	Всего на сумму.	Общая валовая доходность на семью въ 5 душъ.	
		въ рубляхъ.			Руб.	Коп
1880	23	28500	113126	141126	109	28
1881	26	68450	506156	574606	110	76
1882	62	80800	350000	430800	102	1
1883	41	80400	400000	480400	113	11
1884	45	95000	600000	695000	159	64
1885	28	56000	485000	541000	123	97
1886	43	63700	220000	283700	63	51
1887	21	58700	230000	288700	63	80
1888	19	70000	200000	270000	68	67
1889	18	51800	240000	291800	62	56
1890	15	31790	240000	271790	57	12
1891	27	55717	200800	256517	52	74
1892	18	48603	213500	262103	52	81
1893	23	44900	180000	224900	44	32
1894	22	28187	199977	228164	43	85
1895	28	26988	150000	176988	33	40
1896	28	43691	—	—	—	—
1897	13	49620	150000	199620	36	27
Въ среднемъ за 17 лѣтъ . .					78	11

Примѣчаніе: Таблица составлена по даннымъ войсковыхъ отчетовъ,

а такъ какъ въ нихъ съ 1898 г. валовой доходъ торговли казаковъ показанъ въ общихъ цифрахъ съ прочимъ населеніемъ территоріи войска, поэтому довести таблицу до 1904 года представлялось невозможнымъ.

Данныя этой таблицы, за исключеніемъ числа торгующихъ, далеки отъ точности, такъ какъ даже приблизительный учетъ суммы продажи всѣми казаками своихъ произведеній представляется совершенно недостаточнымъ, то поэтому самая таблица приведена только какъ наглядный, до нѣкоторой степени, показатель движенія торговли въ войскѣ и ея доходности; а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ приблизительный показатель тѣхъ заработковъ, которыми располагаетъ въ среднемъ казачья семья.

Разсматривая таблицу въ этомъ послѣднемъ отношеніи, нельзя не замѣтить, что средній годовой заработокъ семьи постепенно и неуклонно падаетъ, что подтверждаетъ только общее наблюденіе упадка благосостоянія въ войскѣ, Удваивая и даже утраивая съ цѣлью поправки возможной ошибки въ опредѣленіи годового заработка семьи, указаннаго въ таблицѣ въ послѣдніе годы, мы всетаки не получимъ той суммы, которая необходима казачьей семьѣ для того, чтобы безъ ущерба для своего благосостоянія нести расходы по снаряженію на службу, которые, какъ увидимъ ниже, опредѣляются въ суммѣ до 180 р. на каждаго молодого, выкомандированнаго въ полевой полкъ, казака.

Обезпеченіе народнаго продовольствія.

Семирѣченское войско, при отдѣленіи отъ Сибирскаго, наслѣдовало дѣло обезпеченія народнаго продовольствія въ слѣдующемъ видѣ.

Обзоръ съ 1867 г.

Запасные магазины дѣлились на два разряда: войсковые и станичные; первыхъ было два, вторыхъ 10.

Въ войсковыхъ *считалось* наличнаго хлѣба 172 четверти и въ ссудахъ 110, а въ станичныхъ—наличнаго 1398 четвертей и въ ссудахъ 1886, а всего въ тѣхъ и другихъ 3567 четвертей и кромѣ того имѣлось еще въ недоимкѣ 1259 четвертей.

Окладъ хлѣба съ „приписной" души полагался по 1½ четверти ржи или пшеницы и по одной четверти овса или ячменя. Пополненіе или взносъ этого оклада въ запасные магазины производился казаками, со времени зачисленія ихъ въ строевой разрядъ, ржи или пшеницы по 6 ти, а овса по 4 гарнца ежегодно.

Вообще-же система обезпеченія народнаго продоволь-

ствія, по «положенію» о Сибирскомъ каз. войскѣ, была построена съ нѣкоторыми измѣненіями по правиламъ, указаннымъ для Донского войска *) и стала обязательной для Семирѣченскаго, къ которому, какъ мы уже знаемъ, во всѣхъ случаяхъ, точно неопредѣленныхъ „Основными началами положенія“ 1867 г., примѣнялось сибирское положеніе (63).

Какъ выше сказано, наличное количество хлѣба въ магазинахъ только *„считалось“*, но въ дѣйствительности-же на лицо всего указаннаго количества далеко не было и нѣкоторые станичные магазины даже совсѣмъ пустовали, почему наказный атаманъ генералъ Колпаковскій приказалъ пополнить запасы непремѣнно къ 1 апрѣля 1868 года (64) и съ этого времени началъ принимать всѣ возможныя мѣры къ упорядоченію дѣла въ хлѣбозапасныхъ магазинахъ (65).

Между прочимъ имъ было обращено вниманіе и на то обстоятельство, что при чрезвычайно растянутомъ расположеніи войсковой территоріи, около 900 верстъ между крайними ея пунктами, войсковые запасные магазины оказывались совершенно безцѣльными, а между тѣмъ требовали людей для присмотра за ними. Поэтому онъ, въ томъ-же 1868 году, ходатайствовалъ о разрѣшеніи ихъ закрыть (66), что, было приведено въ исполненіе только въ 1873 г. (67).

Хотя число магазиновъ и увеличивалось, но пополненіе въ нихъ запасовъ шло до такой степени туго, что это обстоятельство, а особенно нецѣлесообразная выдача ссудъ, обратили на себя вниманіе даже и командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа фонъ-Кауфмана, который, сдѣлалъ по этому поводу косвенное замѣчаніе генералу Колпаковскому, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ цѣлью прекращенія раздачи зерна подъ предлогомъ освѣженія, предписалъ ежегодно осенью обмѣнивать всѣ запасы во всѣхъ магазинахъ на зерно новаго урожая (68).

Съ 1873 г. изъ продовольственнаго оклада были исключены овесъ и ячмень, которые замѣнены четвертью ржи или пшеницы, при чемъ составъ оклада съ души былъ опредѣленъ въ $1^1/_2$ четверти озимаго и въ одну ярового хлѣба, т. е. всего въ $2^1/_2$ четверти ржи или пшеницы(76).

Въ 1880 г. запасныхъ магазиновъ въ войскѣ было уже 17, а хлѣба въ нихъ *„считалось“* 11218 четвертей, изъ которыхъ наличнаго было только 6355, остальныя-же 4863 „считались“ въ ссудахъ и недоимкахъ.

О дальнѣйшемъ-же развитіи дѣла обезпеченія народнаго

*) Ст. 545—565 т. XIII св. уст. о народ. продовольствіи, изд. 1857 года.

продовольствія можетъ дать нѣкоторое представленіе прилагаемая таблица, составленная по даннымъ годовыхъ войсковыхъ отчетовъ.

ТАБЛИЦА

ХЛѢБОЗАПАСНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ.

Годы.	Число магазиновъ (амбаровъ).	Душъ мужскаго пола отъ 17 лѣтняго возраста.	Какое количество хлѣба должно быть на нихъ въ магазинахъ.	На лицо.	Въ ссудахъ и недоимкахъ.	ВСЕГО.
			ЧЕТВЕРТИ.			
1880	17	6641	9961 1/4	6355	4863	11218
1881	19	—	—	5983	5363	11346
1882	19	—	—	5972	7950	13922
1883	21	—	—	5940	5604	11544
1884	21	—	—	6774	8566	15340
1885	22	—	—	7987	5094	13082
1886	24	—	—	7714	3117	10832
1887	25	—	—	8184	6082	14266
1888	25	—	—	8206	4089	12295
1889	27	—	—	8202	3526	11818
1890	37	—	—	9929	2396	12325
1891	30	—	12413	10497	2223	12720
1892	30	—	10561	11214	2060	13274
1893	30	—	—	11349	2143	13492
1894	30	—	—	12412	1089	13501
1895	26	—	—	13709	276	13895
1896	26	—	—	14639	?	14639
1897	41	—	—	15749	113	14873
1898	43	—	—	14940	28	14968
1899	41	—	—	15225	?	15225
1900	40	8758	13137	15414	54	15498
1901	39	—	—	15317	71	15388
1902	40	—	—	15694	112	15806
1903	40	—	—	15819	152	15971

И здѣсь цифры таблицы не могутъ считаться точными, такъ какъ уже при ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ однихъ,

онѣ оказываются мѣстами несоотвѣтствующими другъ другу, что, очевидно, произошло потому, что въ годовыхъ отчетахъ за основанія приняты на вѣру свѣдѣнія станичныхъ правленій, которыя не всегда соотвѣтствовали истинѣ. Въ общемъ же въ 80-хъ годахъ дѣло обезпеченія народнаго продовольствія стояло никакъ не лучше, чѣмъ оно было до этого. Правилъ о запасныхъ магазинахъ, ихъ учетѣ, управленіи ими, о порядкѣ сбора окладнаго хлѣба и т. д. опубликовано по войску не было, вслѣдствіе чего продовольственное дѣло находилось въ полномъ безпорядкѣ и само войсковое правленіе не знало сколько именно хлѣба должно было быть въ магазинахъ войска, что уже видно изъ одного того, что по Всеподданнѣйшему отчету за 1880 г. по числу 6641 души это количество, какъ видно изъ приложенной таблицы, показано всего въ 9961 1/2 четверть, т. е. расчитывая по 1 1/2 четверти на душу, а должно же было разсчитывать, какъ мы видѣли выше, по 2 1/2, почему запасовъ, *не считая оклады умершихъ вкладчиковъ,* оклады которыхъ остаются въ магазинахъ, должно было быть 16602 четверти, т. е. на 6641 больше.

Такое хаотическое состояніе дѣла обратило, наконецъ, на себя вниманіе областной власти и военный губернаторъ генералъ Фриде въ 1883 году, указывая войсковому правленію, что за многолѣтнее существованіе запасныхъ магазиновъ—въ нихъ имѣется наличнаго хлѣба, по донесеніямъ уѣздныхъ начальниковъ, только 5972 четверти, тогда какъ должно было бы быть болѣе 55-ти тысячъ, считая согласно дѣйствующаго положенія по 2 1/2 четверти на душу и принимая во вниманіе, что оклады умершихъ вкладчиковъ не возвращаются, предписалъ войсковому правленію „имѣть всегда дѣятельный надзоръ за точнымъ выполненіемъ указаннаго положенія, а также безотлагательно принять мѣры къ приведенію въ должный порядокъ запасные магазины(69).

Только послѣ такого напоминанія, войсковое правленіе, въ 1884 году, въ циркулярѣ по войску(70), объявило для свѣдѣнія правила составленія запасовъ народнаго продовольствія и управленія ими, которыхъ до этого станицы совершенно не имѣли, посему и руководствоваться ими не могли(71). Составляя эти правила, войсковое правленіе отвергло дѣйствовавшее въ Сибирскомъ войскѣ положеніе особой комиссіи о народномъ продовольствіи(67), опредѣлявшее размѣръ оклада съ души въ 2 1/2 четверти и придержалось положенія Донского войска, которымъ окладъ этотъ былъ назначенъ всего въ 1 1/2 четверти, вслѣдствіе чего съ того времени размѣръ запаснаго оклада хлѣба въ войскѣ и принято считать въ 1 1/2 четверти.

Объявленіемъ этихъ правилъ, которыми была установлена

опредѣленная отчетность въ запасныхъ магазинахъ, и ограничился надзоръ войскового правленія за магазинами. Иначе и быть не могло, такъ какъ войсковое правленіе не имѣло въ своемъ распоряженіи средствъ для осуществленія фактическаго надзора на мѣстахъ и этотъ фактическій надзоръ лежалъ уже на обязанности уѣздныхъ начальниковъ, неподчиненныхъ войсковому правленію.

Такимъ образомъ—извѣстная намъ двойственность власти въ управленіи, даже и въ отношеніи дѣла обезпеченія народнаго продовольствія, имѣла свое вредное вліяніе, а антагонизмъ, существовавшій между войсковой и гражданской властями, побудилъ военнаго губернатора, по иниціативѣ въ данномъ случаѣ Семирѣченскаго областного правленія, потребовать „дѣятельнаго надзора" за магазинами отъ войскового правленія, тогда какъ это требованіе должно было бы быть обращено имъ къ уѣзднымъ начальникамъ, а со стороны войскового правленія можно было ожидать только руководящихъ указаній станичнымъ властямъ(72).

Въ 1888 году Степной генералъ-губернаторъ предложилъ войсковому управленію обсудить вопросъ—не представится-ли возможнымъ ввести въ Семирѣченскомъ войскѣ, по примѣру Сибирскаго, общественныя запашки, какъ способъ болѣе удобнаго и необременительнаго для населенія пополненія запасовъ.

Войсковое управленіе, повидимому, и само отнеслось къ возбужденному вопросу несочувственно, такъ какъ ограничилось въ этомъ дѣлѣ однимъ только запросомъ станичныхъ управленій. Послѣднія подъ разными благовидными предлогами уклонились отъ этого „новшества" и только одна станица Лепсинская вызвалась произвести опытъ, окончившійся совсѣмъ печально.

Здѣсь запашка, въ количествѣ около десятины, была произведена, хлѣбъ частью сжатъ, частью скошенъ, но совершенно съ поля не свезенъ, почему или сгнилъ, или раскраденъ.

Руководясь всѣмъ этимъ, войсковое правленіе отклонило предложеніе (73).

Въ 1889 году въ первый разъ войсковое правленіе приступило къ фактической ревизіи наличности запасныхъ магазиновъ чрезъ завѣдующихъ станицами офицеровъ(74). Эта ревизія обнаружила крупные недостатки хлѣба въ магазинахъ, (75) почему войсковымъ правленіемъ былъ принятъ рядъ мѣръ къ пополненію ихъ (76) Но мѣры эти, очевидно были не такъ дѣйствительны, что еще и въ 1894 г. во многихъ магазинахъ имѣлись болѣе или менѣе крупныя недоимки.(77)

Вѣроятно и въ прочихъ казачьихъ войскахъ въ этомъ отношеніи дѣло обстояло не лучше, ибо въ томъ-же 1894 г., 21 сентября, военнымъ министромъ былъ изданъ приказъ по ка-

зачьимъ и иррегулярнымъ войскамъ, предписывавшій принять самыя настоятельныя мѣры къ пополненію запасныхъ магазиновъ „*по возможности* къ 1 мая 1895 г.“ въ виду того, „что въ 1894 г. урожай былъ благопріятный и въ казачьихъ войскахъ, по всей вѣроятности, хлѣба собрано достаточно“.

По какой-то необъяснимой причинѣ войсковое управленіе узнало объ этомъ приказѣ или обратило на него вниманіе только въ концѣ февраля 1895 г, когда имъ было получено распоряженіе въ томъ-же смыслѣ Главнаго управленія казачьихъ войскъ(78), т. е. тогда, когда время къ сбору хлѣба уже было упущено, такъ какъ у огромнаго большинства семирѣченскихъ казаковъ къ веснѣ остается только такое количество запасовъ, какое необходимо на сѣмена и для пропитанія себя до новаго урожая.

Но на это послѣднее обстоятельство не было обращено вниманія и 22 февраля 1895 г. былъ отданъ приказъ по войску, предписывавшій станичнымъ атаманамъ въ что бы то ни стало пополнить магазины къ указанному военнымъ министромъ сроку, и угрожавшій поступить со станичными атаманами „по всей строгости закона“, если это распоряженіе не будетъ исполнено въ срокъ.

Во что обошлось виновникамъ недоимки пополненіе около тысячи четвертей, вопросъ другой, но только недоимка сократилась и остальныя 276 четвертей были пополнены въ 1896 году, какъ это видно изъ приложенной здѣсь таблицы.

Въ началѣ 1900 г. въ военномъ министерствѣ возникъ вопросъ о необходимости измѣненій въ уставѣ о народномъ продовольствіи въ казачьихъ войскахъ.

Такъ какъ дѣйствующія здѣсь постановленія по обезпеченію народнаго продовольствія*) достаточно устарѣли и отстали отъ измѣнившихся условій жизни, то вслѣдствіе этого являлась необходимость ихъ коренного пересмотра. Но при пересмотрѣ могло явиться сомнѣніе въ цѣлесообразности частичныхъ дополненій и измѣненій этихъ правилъ, тогда какъ уже существовали другія, изданныя на основаніи опыта послѣдняго десятилѣтія, примѣненныя къ крестьянскимъ обществамъ. Эти послѣднія правила, Высочайше утвержденныя 12 іюня 1900 г., опредѣленно разрѣшали всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя создавались казачьимъ продовольственнымъ уставомъ, представляя, такимъ образомъ, готовый образецъ.

Вслѣдствіе этого, главное управленіе казачьихъ войскъ, по распоряженію военнаго министра, и предложило войсковымъ управленіямъ, а въ томъ числѣ и Семирѣченскому, раз-

*) Св. зак. т. XIII изд. 1892 г. ст. 244—296.

смотрѣть вопросъ о возможности и условіяхъ примѣненія въ казачьихъ войскахъ временныхъ правилъ 12 іюня 1900 г. по обезпеченію продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей.

Войсковое правленіе, разсмотрѣвъ поставленный на его обсужденіе вопросъ, признало, что примѣненіе этихъ правилъ въ Семирѣченскомъ войскѣ возможно и желательно, но съ нѣкоторыми измѣненіями, вызываемыми мѣстными условіями жизни и управленія.

Изъ указанныхъ войсковымъ правленіемъ измѣненій самымъ существеннымъ является отклоненіе образованія продовольственныхъ капиталовъ на томъ основаніи, что въ случаѣ *общаго неурожая* въ войскѣ, важны будутъ хлѣбные запасы, а не деньги, такъ какъ при отсутствіи желѣзно-дорожныхъ путей сообщенія—хлѣбъ достать и за деньги будетъ нельзя(79).

Но такое заключеніе войскового правленія едвали возможно признать совершенно правильнымъ, такъ какъ, вслѣдствіе чрезвычайной разницы климатическихъ условій сѣверной и южной частей страны, общій неурожай въ Семирѣчьѣ допустимъ только какъ исключительный случай, котораго не наблюдалось за 50 лѣтъ владѣнія страной. Саранча можетъ появиться тоже въ отдѣльныхъ болѣе или менѣе обширныхъ районахъ, но не во всей странѣ. По этому голодъ отъ той или другой причины вѣроятенъ только въ части Семирѣчья, но не во всей странѣ, а потому, располагая деньгами, представляется возможность имѣть и хлѣбъ, пріобрѣтенный въ непострадавшей части страны.

Денежный-же капиталъ, при условіи наличности извѣстной части запасовъ хлѣба на первый случай, представляетъ столько очевидныхъ выгодъ и преимуществъ, что о нихъ совершенно излишне говорить.

Страхованіе отъ огня.

Вопросъ о введеніи въ Семирѣченскомъ войскѣ взаимнаго страхованія отъ огня впервые былъ возбужденъ еще въ 1884 году.

Степной генералъ-губернаторъ, руководясь тѣмъ, что такое страхованіе въ Сибирскомъ войскѣ дѣйствовало уже съ 1877 года, въ февралѣ 1884 года предложилъ войсковому управленію запросъ—не представляется-ли возможнымъ и нужнымъ ввести взаимное страхованіе отъ огня и въ Семирѣченскомъ.

Войсковое-же управленіе, повидимому, и само отнеслось

несочувственно къ идеѣ введенія страхованія, такъ какъ ограничилось только запросомъ по этому поводу станицъ.

Станичные сходы, не имѣя надлежаго представленія о страховомъ дѣлѣ, подъ разными предлогами отказались. На основаніи этого, а точно такъ-же и вслѣдствіе рѣдкихъ случаевъ пожаровъ, войсковое правленіе дало на запросъ генералъ губернатора отрицательный отвѣтъ(80).

Въ 1894 году Степной генералъ-губернаторъ снова предложилъ вопросъ о введеніи страхованія.

На этотъ разъ войсковое управленіе признало введеніе обязательнаго страхованія отъ огня строеній въ войскѣ необходимымъ и журналомъ общаго своего присутствія просило ходатайства Степного генералъ-губернатора о разрѣшеніи ввести въ войскѣ указанный видъ страхованія, высказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свое предположеніе о необходимости назначенія изъ войского капитала безпроцентной ссуды въ 3000 руб. для образованія пожарнаго фонда(81).

Въ концѣ 1897 года взаимное обязательное страхованіе строеній отъ огня было введено и Военный Совѣтъ, для образованія пожарнаго капитала, разрѣшилъ позаимствовать безпроцентно изъ войскового три тысячи рублей, съ уплатой ихъ въ мѣрѣ возможности(82).

Основныя положенія устава страхованія, введеннаго въ Семирѣченскомъ войскѣ, заключаются въ слѣдующемъ.

Страховать свои строенія обязаны всѣ безъ исключенія живущіе на войсковой территоріи, не исключая и лицъ постороннихъ сословій. Къ страхованію принимаются всѣ постройки, жилыя и не жилыя, за исключеніемъ только бань, кузницъ и дѣйствующихъ при посредствѣ огня фабрикъ. Годовая страховая плата назначена: за строенія деревянныя по $1\frac{1}{2}$ коп. а за каменныя и вообще изъ огнеупорнаго матеріала по $\frac{3}{4}$ коп. съ рубля страховой оцѣнки, размѣръ которой назначенъ въ предѣлахъ не менѣе 10 и не болѣе 600 рублей за каждое отдѣльное строеніе и при условіи, чтобы страховая оцѣнка составляла бы не болѣе $\frac{2}{3}$-й приблизительной дѣйствительной стоимости строенія. Размѣръ страховой оцѣнки опредѣляется самимъ владѣльцемъ, а дѣйствительная стоимость строеній комиссіей, состоящей изъ станичнаго атамана или его помощника и довѣренныхъ отъ обшества Страховой періодъ назначенъ обязательный въ три года, по истеченіи которыхъ и можетъ быть произведена переоцѣнка Страховая сумма погорѣвшимъ выдается или въ полномъ размѣрѣ страховой оцѣнки или-же въ меньшемъ, въ зависимости отъ того на сколько пострадало отъ огня строеніе. Размѣръ страхового

вознагражденія опредѣляется станичнымъ атаманомъ при участіи нѣсколькихъ понятыхъ или довѣренныхъ.

Страховые платежи производятся страхователями ежегодно въ концѣ предъидущаго года за послѣдующій.

Общее по войску дѣлопроизводство по страхованію сосредоточено въ войсковомъ правленіи, а пожарный капиталъ хранится вмѣстѣ съ войсковымъ, въ государственныхъ установленіяхъ, гдѣ и пользуется начисленіемъ процентовъ въ качествѣ частнаго вклада Станичныя-же правленія являются посредствующимъ органомъ между страхователями и войсковымъ правленіемъ.

Правила, кромѣ всего вышеуказаннаго, предусматриваютъ еще и случай измѣненія размѣра страховыхъ платежей, но каждый разъ съ разрѣшенія войскового наказнаго атамана.

Увеличеніе размѣра страховыхъ платежей можетъ быть допущено только въ томъ случаѣ, если они недостаточны для покрытія страховыхъ расходовъ, и наоборотъ, размѣръ ихъ долженъ быть пониженъ, если страховые платежи *„значительно* превышаютъ издержки, а пожарный капиталъ достигъ суммы, равняющейся трехлѣтней сложности страховыхъ платежей. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ излишекъ, капитала, противъ упомянутой сложности, обращается въ зачетъ будущихъ страховыхъ платежей, которые въ зависимости отъ величины зачета, соотвѣтственно понижаются. Расходы-же по дѣлопроизводству, по пріобрѣтенію и ремонту пожарныхъ машинъ и приспособленій производятся на счетъ разницы страховыхъ и пожарныхъ платежей, но въ случаѣ неимѣнія такой назницы, расходы по дѣлопроизводству относятся уже на пожарный капиталъ.

О развитіи страхованія въ войскѣ и его деталяхъ даетъ представленіе слѣдующая таблица, составленная на основаніи отчетовъ войскового правленія, объявляемыхъ ежегодно, на основаніи вышеприведенныхъ правилъ въ приказахъ по войску.

Разсматривая данныя этой таблицы, которыя должны быть безусловно точны, видимъ, что пожарные платежи погорѣвшимъ за семь лѣтъ операцій выразились въ суммѣ только 2289 руб., что зависѣло не столько отъ числа пожарныхъ бѣдствій, какъ отъ ничтожности страховой оцѣнки погорѣвшихъ строеній.

Здѣсь нужно замѣтить, что казаки, не понимая цѣли страхованія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ объявляютъ чрезвычайно низкую оцѣнку своихъ строеній, не соотвѣтствующую дѣйствительной ихъ стоимости въ предѣлахъ, допускаемыхъ правилами, стремясь постоянно полько къ тому, чтобы свести свой страховой платежъ къ возможному minimum'y, лишаясь при этомъ почти всѣхъ выгодъ страхованія при несчастіи.

Таблица состоянія страховаго пожарнаго дѣла (83).

Годы.	Приходъ.				Расходъ.										Состояло въ недоимкѣ.		Наличность пожарнаго капитала къ 1-му января слѣдующаго за отчетнымъ года.	
					По прямому назначенію.				Косвен. расходы.				Всего расходовъ въ теченіи каждаго года.					
	Годовые страховые платежи съ суммы оцѣнки строеній.		Прирощеніе пожарнаго капитала %-тами съ %-ныхъ бумагъ.		Вознагражденіе погорѣвшихъ страхователей.		Пріобрѣтеніе и ремонтъ пожарныхъ машинъ и приспособленій.		Печатаніе страховыхъ вѣдомостей и свидѣтельствъ		Погашеніе 3000 р., позаимствованныхъ на образованіе пожарнаго капитала.		Контроль со стороны войскового правленія.		Расходы по пріобрѣтенію процентныхъ бумагъ.		Возвращено неправильно внесенныхъ платежей страхователями.					
	1		2		3		4		5		6		7		8		9		10		11		12		13		14	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
1898	5962	88	142	50	6105	38	6105	38	68	63	91	43	—	—	—	—	300	—	140	17	—	—	600	23	6	95	5505	15
1899	10554	33	380	11	10934	44	16439	59	172	41	133	70	63	—	—	—	300	—	105	73	1	—	775	84	5	43	15663	75
1900	4466	65	598	50	5065	15	20728	90	1064	29	—	—	15	—	—	—	556	—	13	19	6	—	1684	48	849	71	19044	42
1901	4810	66	761	21	5571	87	24616	29	646	20	15	15	50	—	—	—	—	—	—	—	26	66	738	1	118	99	23878	28
1902	4039	73	703	—	4742	73	28621	1	75	37	810	36	120	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1045	73	116	5	27615	28
1903	4165	83	1007	50	5173	33	32788	61	115	35	440	7	89	90	—	—	—	—	—	—	—	—	645	32	332	52	32143	29
1904	3982	4	1174	86	5156	90	37300	19	147	2	111	61	53	—	—	—	532	21	—	—	—	—	843	84	758	3	36456	35
ВСЕГО	37982	12	4767	68	42749	80	—	—	2289	27	1602	32	420	90	—	—	1688	21	259	9	33	66	6293	45	—	—	36456	35

Это-же условіе, создавая медленный ростъ пожарнаго капитала, отнимаетъ у администраціи поводы и возможность ходатайства объ увеличеніи предѣловъ страховой оцѣнки, что въ свою очередь, отнимаетъ почти всѣ выгоды страхованія у лицъ имѣщюихъ цѣнныя строенія.

Такимъ образомъ, совершенно нераціональное отношеніе населенія къ страхованію отражается одиноково неблагопріятно, какъ на зажиточныхъ, такъ и на бѣдныхъ особенно, лишаетъ тѣхъ и другихъ выгодъ, сводя страховые платежи въ какую-то едва только не безцѣльную денежную повинность».

Въ поясненіе къ таблицѣ необходимо замѣтить, что въ графу 9-ю входятъ прогонныя и суточныя деньги лицамъ войскового правленія, командируемыхъ для повѣрки правильности оцѣнки строеній, принятыхъ къ страхованію. Такой расходъ, какъ видно изъ таблицы, войсковое правленіе предполагало производить ежегодно, но военный совѣтъ въ 1900 году постановилъ за правило, что командировки съ вышеуказанной цѣлью могутъ быть назначаемы только въ три года разъ, т. е. во время переоцѣнки страхованія и назначилъ для удовлетворенія лицъ, производящихъ контроль, прогонныя и суточныя деньги въ размѣрѣ до 556 руб. въ одинъ разъ, а время разъѣздовъ и контроля каждый разъ опредѣлилъ въ 60 дней, за которые только и могутъ быть назначаемы суточныя деньги (84). Суммы графы 13-й, т. е. недоимки, не входятъ въ счетъ графы 14-й.

Какъ выше уже было сказано — выселокъ Чунджинскій получалъ изъ пожарнаго капитала на орошеніе ссуду въ тысячу рублей,— эта сумма не вошла въ расходныя статьи таблицы и показана въ графѣ 14-й въ наличности (85).

Лѣса.

Сибирское войско владѣло лѣсами, какъ на территоріи собственно Сибири, такъ и въ Семирѣчьѣ; владѣніе это наслѣдственно и на основаніи существовавшихъ положеній перешло къ Семирѣченскому войску вмѣстѣ съ юртовыми надѣлами станицъ, на которыхъ произрастали лѣса.

Юртовые надѣлы, ко времени отдѣленія войска отъ Сибирскаго и первые годы послѣ отдѣленія, располагались не только въ подгорой полосѣ, но и занимали значительную площадь въ горахъ, на которой собственно и имѣлись лѣса.

Изъ статьи „Лѣсоводство *)“ за предъидущій періодъ мы знаемъ, какъ казаки обращались съ лѣсами. Такое безпеч-

*) Часть II, глава II.

ное истребленіе невеликихъ лѣсныхъ богатствъ области зависѣло прежде всего отъ того, что казаки, прійдя изъ богатѣйшей въ мірѣ лѣсами страны, не знали истинной цѣны лѣсамъ, мѣстныя-же власти не озаботились своевременно установить лѣсную охрану, а когда увидѣли ея необходимость, то было почти уже поздно—ближайшія площади лѣса исчезли, а болѣе отдаленныя сильно порѣдѣли.

Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ на территоріи войска остались преимущественно: осина, яблоня и разные кустарники, а хвойнаго лѣса совсѣмъ не много и въ немногихъ пунктахъ ([86]).

Какъ-же велика была въ 1867—68 годахъ площадь войсковыхъ лѣсовъ—опредѣлить невозможно, за неопредѣленностью въ то время и самой территоріи войска ([87]).

Въ 1870 году всѣ дикорастущіе лѣса Семирѣчья, *распоряженіемъ самой мѣстной власти,* были признаны государственной собственностью и войсковые лѣса переданы въ вѣдѣніе военно-народнаго управленія ([88]).

Въ 1878 г. войсковое управленіе считало еще въ юртовыхъ надѣлахъ станицъ до 3-хъ тысячъ дѣсятинъ лѣса, но уже съ 1880 года войсковые годовые отчеты свидѣтельствуютъ, что на территоріи войска лѣсовъ не оставалось, разумѣя здѣсь, очевидно, дѣйствительно лѣса, а не крупные кустарники, лѣсную поросль, которыхъ и до послѣдняго времени въ надѣлахъ станицъ, по долинамъ рѣкъ и потоковъ, имѣлось еще болѣе или менѣе значительное количество.

Но такое свидѣтельство нельзя признать правильнымъ, такъ какъ часть надѣловъ нѣкоторыхъ станицъ, напримѣръ, Софійской, Алматинской, выселка Подгорнаго и др. оставалась еще въ лѣсной зонѣ. Именно изъ этихъ частей надѣловъ Семирѣченское областное правленіе, приводя въ исполненіе постановленіе извѣстнаго намъ журнала комитета министровъ 21 февраля и 7 марта 1895 года о точномъ опредѣленіи количества земель въ войскѣ, вырѣзало въ 1896 и 1897 г.г. болѣе тысячи десятинъ лѣса и кустарника ([89]). Это былъ послѣдній актъ изъятія лѣсовъ изъ надѣловъ станицъ Семирѣченскаго войска.

Со вступленіемъ на должность наказнаго атамана генерала Іонова въ 1899 году и съ учрежденіемъ въ области вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ, теченіе административнаго управленія, даже и со стороны Семирѣченскаго областного правленія, замѣтно измѣнилось въ пользу казаковъ.

Войсковое управленіе, воспользовавшись этимъ обстоя-

тельствомъ, возбудило въ 1900 г. вопросъ о возвратѣ неправильно отнятыхъ въ прежнее время у войска лѣсовъ и о признаніи собственностью войска тѣхъ изъ нихъ, которые еще остались въ надѣлахъ станицъ. Вопросъ прежде всего поступилъ на разсмотрѣніе Семирѣченскаго областного правленія.

Теперь уже, въ докладѣ начальника межевого отдѣленія, военному губернатору было объяснено, что „по точному смыслу ст. 119 степного положенія, государственною собственностью признаются лишь тѣ лѣса, которые находятся на земляхъ, занимаемыхъ кочевьями, а вовсе не на земляхъ, находящихся въ пользованіи казаковъ *)"; затѣмъ, сославшись на извѣстный намъ законъ 21 апрѣля 1869 г., докладчикъ продолжаетъ: „на этомъ основаніи нужно признать, что лѣсное вѣдомство . . . . . совершенно незаконно, по недоразумѣнію, притязаетъ не только на лѣса, но и на кустарники, гдѣ бы таковые не находились . . . . . безразлично, лишь-бы таковые произошли естественнымъ путемъ, а не искусственно» (90).

Здѣсь необходимо замѣтить, что переписка о признаніи оставшихся въ надѣлахъ станицъ лѣсовъ собственностью войска началась со стороны войскового правленія еще въ 1897 г., вслѣдъ за вырѣзкой вышеупомянутыхъ тысячи десятинъ лѣса.

Степной генералъ-губернаторъ разъяснилъ, что, на основаніи той-же 119 статьи Степного положенія, всѣ лѣсныя пространства, изъ какихъ-бы породъ они не состояли, должны считаться собственностью Семирѣченскаго к. войска, если только послѣднее ими фактически владѣло, *но что окончательное разрѣшеніе вопроса* о принадлежности лѣсовъ *будетъ зависѣть отъ высшаго правительства, въ связи съ опредѣленіемъ нормы душевого надѣла*(91).

Наказный атаманъ, генералъ Іоновъ, воспользовавшись такимъ разъясненіемъ и приведеннымъ докладомъ по межевому отдѣленію, въ 1901 г. отдалъ приказъ по войску(91), въ которомъ, изложивъ только что приведенное разъясненіе Степного генералъ-губернатора, обязалъ станичныя власти всѣми зависящими отъ нихъ средствами сберегать лѣса, находящіеся въ чертѣ казачьихъ надѣловъ, отъ порчи, порубки и т. д.

*) Здѣсь необходимо замѣтить, что приводимое въ этомъ докладѣ «Степное положеніе»—есть ничто иное, какъ «положеніе объ управленіи степными областями» Выс. утвержденное, какъ мы знаемъ, еще 25 марта 1891 г., слѣдовательно еще съ 1891 года было точно опредѣлено, какіе лѣса признавались государственной собственностью.

Станичныя власти въ нѣкоторыхъ казачьихъ поселеніяхъ, признали, что, на основаніи этого приказа, онѣ обязаны охранять свои лѣса и отъ порубки по билетамъ лѣсничихъ, которые, въ свою очередь, вошли по этому поводу съ представленіями къ своему непосредственному начальству.

Омское окружное управленіе государственными имуществами, въ іюнѣ 1901 года, обратилось вслѣдствіе этого, съ запросомъ къ наказному атаману, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что генералъ Іоновъ, отдавъ вышеприведенный приказъ, распорядился въ неподвѣдомственной ему сферѣ управленія, такъ какъ всѣ безъ исключенія лѣса Семирѣченской области, гдѣ-бы они не росли, составляютъ государственную собственность и, какъ таковая, находятся въ непосредственномъ вѣдѣніи и распоряженіи названнаго окружнаго управленія и подчиненныхъ ему органовъ(92).

Этотъ запросъ и далъ наказному атаману поводъ, не ожидая разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ окончанія вопроса о душевой нормѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о принадлежности лѣсовъ, обратиться къ содѣйствію Туркестанскаго генералъ-губернатора, въ вѣдѣніе котораго къ тому времени отошла Семирѣченская область.

Изложивъ въ своемъ представленіи всѣ обстоятельства дѣла, наказный атаманъ, генералъ Іоновъ, между прочимъ указалъ и на слѣдующее: «Съ такимъ воззрѣніемъ лѣсного вѣдомства я не могу согласиться, какъ съ противозаконнымъ, клонящимся къ лишенію казаковъ тѣхъ земельныхъ угодій, кои предоставлены имъ Высочайшею властью. Какъ же можетъ развиваться благосостояніе казаковъ, когда они будутъ лишаемы то однихъ, то другихъ земельныхъ угодій? Напротивъ, лишеніе казаковъ земельныхъ угодій, имъ предоставленныхъ закономъ, поведетъ къ ихъ разоренію, а съ этимъ разореніемъ казаки лишены будутъ возможности исправно отбывать воинскую повинность, ихъ главнѣйшую и самую тяжелую обязанность. Какъ-же казаки, крайне нуждаясь въ землѣ, могутъ развивать свое хозяйство для улучшенія своего благосостоянія, когда они *не смѣютъ очищать подъ хлѣбопашество, нужныя имъ ихъ собственныя земли отъ совершенно безполезныхъ для хозяйства ихъ мелкихъ* кустарниковъ, какъ, напримѣръ, барбарисъ, дикій яблочникъ, урючникъ и т. под., а подъ этими кустарниками много занято мѣста, особенно въ нагорной полосѣ. За подобнаго рода очистки своихъ-же земель, казаки привлекаются лѣсничими къ отвѣтственности—штрафуются денежно и сажаются въ тюрьмы»(92).

Изъ этого представленія видно, что администрація изъ одной крайности—впала въ другую. Прежде ею самой не обращалось почти никакого вниманія на исчезновеніе цѣлыхъ площадей строевого хвойнаго лѣса, а въ указанное время не допускалась даже очистка казачьихъ надѣловъ отъ безполезныхъ кустарниковъ.

Между тѣмъ такими кустарниками, какъ, напримѣръ, таломъ*), могли въ два—три года затягиваться большія площади, не имѣвшія прежде даже и признаковъ древесной растительности, лишь-бы эти площади подверглись въ позднее весеннее или раннее лѣтнее время заливу водой, прошедшей предварительно, выше въ горахъ, среди порослей тала; такіе разливы часто осѣменяютъ луговые покосы и поросль необходимо удалить корчеваніемъ, такъ какъ выкашиваніе молодыхъ побѣговъ тала оказывается недѣйствительнымъ. Корчеваніе-же признавалось лѣснымъ управленіемъ нарушеніемъ закона о лѣсахъ и очищавшій свой покосъ или пашню казакъ привлекался къ судебной отвѣтственности.

Туркестанскій генералъ-губернаторъ представилъ вышеприведенное ходатайство наказнаго атамана въ главное управленіе казачьихъ войскъ съ просьбою, со своей стороны, закрѣпить дикорастущія лѣса и кустарники казачьей территоріи за Семирѣченскимъ войскомъ, чтобы вопросъ объ отобраніи ихъ въ казну не могъ-бы болѣе и возбуждаться (93).

Главное управленіе казачьихъ войскъ, разсмотрѣвъ въ 1903 г. представленныя данныя, нашло, что для закрѣпленія лѣсовъ и кустарниковъ нѣтъ никакой надобности въ особомъ о томъ законѣ, такъ какъ бывшія и дѣйствующія положенія о Сибирскомъ и Семирѣченскомъ войскахъ совершенно точно и опредѣленно трактуютъ вопросъ въ пользу казаковъ, а не казны и что Семирѣченскому войску остается только, опираясь на указанные законы, осуществлять и гдѣ слѣдуетъ защищать свое право, дарованное Высочайшею властью(93).

Только послѣ такого категорическаго разъясненія, управленіе государственными имуществами прекратило свои притязанія и войско было признано владѣльцемъ своей собственности.

По разрѣшеніи въ такомъ смыслѣ вопроса, наказный атаманъ, въ 1903-мъ же году, разъяснивъ въ приказѣ по войску всестороннее значеніе лѣсовъ, обязалъ станичную администрацію относиться бережно къ нимъ, установить фактическое наблюденіе за цѣлостью ихъ, производить порубки неиначе какъ съ ея разрѣшенія, и съ обращеніемъ дохода съ такихъ пору-

*) Разновидность ветлы.

бокъ въ общественные капиталы. Общее-же наблюденіе за лѣснымъ хозяйствомъ возложилъ на завѣдующихъ станицами офицеровъ, рекомендуя имъ устраивать ежегодно въ станицахъ для дѣтей, за общественный счетъ, праздники древонасажденія, съ цѣлью привить молодому поколѣнію любовь къ лѣсоводству и идею сбереженія дикорастущихъ лѣсовъ(93).

Положеніе войска въ медицинскомъ и ветеринарномъ отношеніяхъ.

Положеніе войскового населенія въ этихъ отношеніяхъ до 1902 г. было еще гораздо болѣе худшимъ, чѣмъ во многихъ другихъ. Хотя войсковой капиталъ и несъ траты почти ежегодно до 1 – 1½ тысячъ рублей на приготовленіе фельдшеровъ, но какъ мы видѣли уже изъ прежде сказаннаго по этому поводу, затраты для войскового населенія оказывались совершенно безполезными. Сами-же станичныя общества, располагая до 1892 г. самостоятельно своими капиталами, не съумѣли создать необходимую въ своей средѣ обстановку медицинской помощи*), а войсковое правленіе, получивъ съ 1892 г. инціативу управленія этими капиталами въ свои руки, идеаломъ достиженія цѣли, какъ мы знаемъ, полагало накопленіе этихъ капиталовъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ, врачебная помощь въ войскѣ почти совершенно отсутствовала, особенно въ отдаленныхъ отъ городовъ поселеніяхъ.

Медицинскихъ надзора и поданія помощи войсковому населенію со стороны государства до 1899 г. совершенно не было и казаки принимались на излеченіе въ лечебныя заведенія военнаго вѣдомства, въ лазареты, въ качествѣ и на правахъ частныхъ лицъ, за плату, хотя бы даже казакъ заболѣлъ во время зимняго или лѣтняго сбора, т. е, во время пребыванія на службѣ государству; платилъ онъ за свое леченіе и въ томъ случаѣ, если болѣзнь его имѣла своимъ происхожденіемъ исполненіе требованій этой службы, какъ напримѣръ поломка руки или ноги на конномъ ученіи, что бывало далеко нерѣдко, во время тѣхъ же зимнихъ или лѣтнихъ сборовъ(94).

Плата же, взимаемая въ лечебныхъ заведеніяхъ, отъ 45 до 50 коп. въ сутки съ человѣка, была велика даже и для средней зажиточности казаковъ, почему она или ложилась тяжелымъ бременемъ на слабый бюджетъ войскового населенія или ставила въ необходимость отказываться отъ леченія въ этихъ заведеніяхъ 4).

---

*) За исключеніемъ станицъ Софійской и Лепсинской, гдѣ были такія организаціи.

Такъ обстояло дѣло въ пригородныхъ и ближайшихъ къ городамъ поселеніяхъ, а въ отдаленныхъ—только зажиточные казаки могли еще пользоваться услугами медицинской помощи, уѣзжая для этого въ города, а средне и мало зажиточные, т. е. большинство—было уже совершенно лишено всякой помощи, такъ какъ имѣвшіеся уѣздные врачи, по одному на уѣздъ, каждый изъ которыхъ былъ значительно больше по своему пространству многихъ германскихъ княжествъ, не могли оказывать этой помощи, во первыхъ, потому, что объѣзжали свои уѣзды только періодически и были собственно врачами полицейскими, а во вторыхъ—и не были обязаны оказывать эту помощь казачьему населенію.

Такая обязанность на нихъ была возложена только въ 1899 г., когда Туркестанскій генералъ-губернаторъ, не ожидая правительственнаго разрѣшенія на свое представленіе объ этомъ, собственной властью распорядился обязать уѣздныхъ и участковыхъ врачей „немедленно принять въ свое вѣдѣніе и казачье населеніе, наравнѣ съ прочимъ“ (95).

Только благодаря содѣйствію въ этомъ отношеніи Туркестанскаго генералъ-губернатора, семирѣченскіе казаки получили право на одинаковую съ кочевниками врачебную помощь и только въ 1899 г., благодаря его-же ходатайству до свѣдѣнія правительства доведено объ истинномъ положеніи семирѣченскаго казачьяго населенія въ отношеніи поданія ему врачебной помощи.

Вслѣдствіе этого, Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Военнаго Совѣта 16 декабря 1891 г. постановлено: поданіе врачебной помощи въ Семирѣченскомъ войскѣ возложить на уѣздные врачебные персоналы; въ помощь участковымъ врачамъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣются казачьи поселенія, учредить десять должностей фельдшеровъ съ содержаніемъ по 200 р. въ годъ каждому изъ войскового капитала; ежегодно вносить въ войсковую смѣту сумму, необходимую на пріобрѣтеніе медикаментовъ для казачьяго населенія; уплату-же стоимости леченія въ врачебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вообще лицъ войскового сословія, обоего пола и всѣхъ возрастовъ, безъ различія состоятельныхъ отъ несостоятельныхъ, принять на счетъ войскового капитала (96). Благодаря такому отношенію правительства, Семирѣченское войсковое населеніе съ 1902 г. въ пользованіи медицинской помощью поставлено въ положеніе, достойное той тяжелой службы, которую оно несетъ государству.

Что-же касается помощи ветеринарной, то вопросъ по этому поводу еще и до сего времени не вырѣшенъ и ею за счетъ войскового капитала пользуются только строевыя лошади казаковъ, призываемыхъ въ лѣтніе учебные сборы

Общій обзоръ экономическаго положенія семирѣченскихъ казаковъ.

Цѣлый рядъ статей, разсматривающихъ въ настоящемъ трудѣ экономическія условія быта и жизни сначала сибиряковъ, а потомъ Семирѣченскихъ казаковъ, является достаточнымъ матеріаломъ для опредѣленія — каково именно должно быть при наличности существовавшей обстановки общее экономическое положеніе семирѣченскихъ казаковъ.

Въ рядѣ этихъ статей мы ознакомились съ отдѣльными условіями, видѣли ихъ развитіе, видѣли и вліяніе каждаго изъ нихъ, какъ на характеръ населенія, такъ и на направленіе его дѣятельности; здѣсь, такимъ образомъ, остается дать сводъ результатовъ изслѣдованій, изложенныхъ въ отдѣльныхъ статьяхъ и, такъ сказать, подвести итогъ.

Прежде чѣмъ приступить къ выполненію этой послѣдней задачи необходимо установить опредѣленный minimum требованій, которому должно удовлетворять хозяйство Семирѣченскаго казака, чтобы онъ, не нарушая его хода и благосостоянія, могъ выполнить лежащую на немъ воинскую повинность государству, въ условіяхъ, опредѣленныхъ закономъ.

Эти же условія, какъ мы уже знаемъ изъ очерковъ предъидущаго періода и увидимъ ниже, заключались въ слѣдующемъ.

Полное обмунированіе, полное снаряженіе, часть оружія (шашка) и лошадь — на собственный счетъ. Содержаніе всего этого имущества въ полной исправности, безъ помощи со стороны государства, въ теченіе 8 лѣтъ послѣ увольненія со службы въ первоочередномъ полку и части этого имущества потомъ, въ теченіе пяти лѣтъ состоянія въ запасѣ. Но въ послѣднемъ случаѣ казакъ содержитъ часть положеннаго ему по штату военно-служебнаго имущества только при условіи, если не имѣется въ виду предназначенія казаковъ запаса на укомплектованіе полковъ 3-й очереди, но если же такое предназначеніе существуетъ или если, по ходу военныхъ обстоятельствъ, оно можетъ осуществиться, то и въ послѣднія пять лѣтъ все указанное военно-служебное имущество казакъ обязанъ имѣть въ полной исправности(97).

Кромѣ того, еще до выкомандированія на полевую службу, т. е. въ возрастѣ 19—21 года, казакъ обязанъ имѣть и содержать большую, и самую цѣнную, часть указаннаго имуще-

ства для отбыванія двухъ зимнихъ и одного лѣтняго учебныхъ сборовъ. Стоимость заведенія всего указаннаго имущества, какъ увидимъ ниже, выражалась въ Семирѣченскомъ войскѣ до 1904 года въ суммѣ 180 рублей.

Такимъ образомъ, казачье хозяйство должно быть таково, чтобы оно, безъ особаго напряженія платежныхъ силъ, а по тому и безъ нарушенія своего хода и благосостоянія, моглобы дать въ опредѣленное время 180 руб. Но такъ какъ въ семьяхъ, болѣе чѣмъ на половину—сыновей бываетъ болѣе одного, во многихъ три и четыре,*) то, почти безъ ошибки, можно положить въ среднемъ на семью двухъ, подлежащихъ воинской повинности. Поэтому казачье хозяйство должно быть готово удѣлить при тѣхъ-же условіяхъ, т. е. безъ нарушенія своего благосостоянія и во второй разъ 180 руб., т. е. всего на одно только единовременное снаряженіе 360 рублей, въ теченіе неопредѣленнаго періода, продолжительность котораго колеблется, начиная съ одного—двухъ лѣтъ**) и до предѣла, который въ среднемъ можно принять въ 5 лѣтъ.

Во всякомъ случаѣ казачье хозяйство, въ среднемъ-же, должно быть таково, чтобы оно могло дать 180 руб., распредѣленные на три года, такъ какъ по дѣйствующему законодательству казакъ долженъ приготовить все свое военно-служебное имущество въ теченіе трехъ лѣтъ состоянія въ приготовительномъ разрядѣ, а затѣмъ, и снова быть готовымъ повторить тотъ-же расходъ при выкомандированіи на полевую службу второго члена семьи. При этомъ, ежегодная сумма въ 60 руб. (180:3) въ теченіе двухъ трехлѣтнихъ періодовъ должна быть добыта сверхъ обычнаго дохода, необходимаго семьѣ, какъ для существованія, такъ и для дальнѣйшихъ расходовъ, сопряженныхъ съ веденіемъ хозяйства. Кромѣ того, на содержаніе въ исправности и ремонтъ обмундированія и снаряженія, послѣ отбытія воинской повинности въ полевомъ первоначальномъ полку, тоже необходима извѣстная сумма. Эта сумма можетъ быть принята въ среднемъ, съ ничтожной погрѣшностью, въ ту или другую сторону, въ размѣрѣ половины оклада ремонтныхъ денегъ, 21 руб. 45 коп., отпускаемыхъ казаку на полевой службѣ. Такая величина опредѣлается въ зависимости отъ того, что обмундированіе и снаряженіе употребляется, т. е. въ нѣкоторой степени изнашивается казакомъ

*) Выводъ сдѣланъ на основаніи посемейныхъ списковъ станицъ войска.

**) Когда въ семьѣ сыновья по возрасту моложе одинъ другого на 1—2 года, т. е. когда они должны выйти на службу чрезъ одинъ иди два года другъ за другомъ.

на лѣтнихъ учебныхъ сборахъ*) въ теченіе 4-хъ лѣтъ и при отбываніи натуральной земской повинности дежурными и дневальными при станичныхъ и выселковыхъ правленіяхъ. Кромѣ того, служебное имущество приходитъ и само по себѣ въ ветхость отъ времени, будучи подержаннымъ еще на службѣ въ первоочередномъ полку, а отчасти и вслѣдствіе небережливости въ его храненіи и обращеніи съ нимъ самихъ казаковъ. Послѣднее обстоятельство, на первый взглядъ, не можетъ служить поводомъ къ увеличенію суммы на ремонтъ имущества, но какъ дѣйствительный фактъ, приводящій къ излишнему расходу, должно быть принято во вниманіе и учтено. Такимъ образомъ, размѣръ расхода на ремонтъ военно-служебнаго имущества въ теченіе 8 лѣтъ состоянія казака въ полкахъ 2-й и 3-й очередей опредѣлится въ 10 руб. 72 коп., а за округленіемъ въ 11 руб. Въ запасномъ-же разрядѣ этотъ размѣръ возможно сократить на половину, такъ какъ въ это время казакъ обязанъ содержать одно сѣдло и шашку, но, вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанъ явиться вполнѣ снаряженнымъ, если будетъ призванъ на полевую службу. Но такъ какъ указанный окладъ ремонтныхъ денегъ на полевой службѣ отпускается казаку только на поддержаніе въ исправности обмундированія и снаряженія, а въ случаѣ утраты лошади назначается особая за нее плата въ 60 руб.(98), то слѣдовательно и за время состоянія казака на льготѣ должна быть ежегодно отчисляема изъ хозяйства такая сумма, которая могла бы дать стоимость лошади въ случаяхъ ея утраты по болѣзни или, вообще, по не зависящимъ отъ казака обстоятельствамъ. Этимъ независящимъ обстоятельствомъ является, главнымъ образомъ устарѣлость лошади.

Казакъ поступая на полевую службу въ первоочередной полкъ, долженъ имѣть лошадь въ возрастѣ отъ 5 до 10 лѣтъ(99), т. е. въ среднемъ 7-ми лѣтъ, а потому, прослуживъ въ этомъ полку 4 года, его лошадь выйдетъ оттуда 11 лѣтъ, а еще черезъ 4 года, при перечисленіи въ полкъ 3 й очереди, она уже окажется 15-ти лѣтъ и потребуетъ замѣны другою, такъ какъ въ полкахъ 2-й и 3 й очереди строевыя лошади не должны быть старше 15-ти лѣтъ(99). Вслѣдствіе этого всѣ льготные казаки бываютъ принуждены мѣнять своихъ лошадей, при чемъ забракованныя лошади въ большинствѣ случаевъ являются почти безполезными и въ хозяйствѣ по своей старости.

Замѣна лошадей въ большинствѣ случаевъ происходитъ

---

*) Каждый сборъ продолжительностью въ 21 день— отъ одного до 6 дней на переѣзды къ пункту сбора и обратно.

при перечисленіи въ полкъ 3 очереди*), т. е. черезъ 8 лѣтъ послѣ выкомандированія на полевую службу, поэтому семья обязана въ эти 8 лѣтъ заработать еще 60 рублей или по 7 руб. 50 коп. въ годъ, съ вышеуказаннымъ расходомъ въ 11 рублей составитъ 18 руб. 50 коп. въ годъ. Такимъ образомъ, казачье хозяйство несетъ расходы: певрые три года по 60 руб. на снаряженіе перваго члена семьи, потомъ до 4-хъ лѣтъ по 7 руб. 50 к., какъ запасъ на ремонтъ лошади; въ это-же время или позже можетъ наступить очередь снаряженія второго члена, т. е. прибавляется новый расходъ въ 60 руб. на три года, а затѣмъ, увольняется со службы первый членъ семьи и расходъ возрастаетъ еще на 11 руб. въ годъ—на ремонтъ служебнаго имущества и т. д., т. е. въ теченіе 20-ти лѣтъ**), расходы колеблются отъ 7 руб. 50 коп. до до 97 руб. въ годъ, такъ какъ съ увольненіемъ со службы второго члена семьи расходъ возрастаетъ еще на 18 руб. 50 коп. въ годъ***). Всего-же за 20 лѣтъ, по этимъ даннымъ, въ зависимости отъ перечисленія обоихъ членовъ семьи въ подлежащіе разряды службы и въ предположеніи, что второй членъ поступитъ въ первоочередной полкъ чрезъ пять лѣтъ послѣ перваго, общій расходъ для выполненія воинской повинности, сверхъ необходимаго для существованія семьи, выразится въ суммѣ 680 руб. или въ среднемъ по 34 руб. въ годъ. Расходъ этотъ на первый взглядъ не великъ, но припомнимъ при какихъ именно условіяхъ долженъ быть добытъ.

Для лучшаго выясненія послѣдняго обстоятельства возмемъ въ параллель и за единицу сравненія крестьянскую семью Семирѣченской-же области. Каждая такая семья, кромѣ расходовъ, необходимыхъ для существованія и веденія хозяйства, должна заработать только 4 руб. въ годъ для уплаты оброчной подати и земскаго сбора****), т. е. казачья семья дол-

*) Хотя по ст. 59 положенія 1879 г. казаки 3 полка и не обязаны имѣть лошадей постоянно, но это не исключаетъ необходимости имѣть или лошадь, или деньги для покупки, такъ какъ по той-же статьѣ они обязаны являться конными на учебные сборы и при мобилизаціи.

**) Считая: 3 года въ приготовительномъ разрядѣ, 12 лѣтъ въ полкахъ трехъ очередей и 5 лѣтъ въ запасномъ разрядѣ==20.

***) Здѣсь для удобства учета взята не дѣлящаяся семья, такъ какъ если-бы первый членъ даже и отдѣлился-бы по приходѣ съ полевой службы, то онъ получилъ-бы выдѣлъ, т. е. эта вторая семья составляла-бы въ сущности часть первой, ибо основана была-бы на результатахъ труда первой-же и несла-бы тѣ-же самыя расходы, что и въ составѣ перв.

****) Въ Семир. области крестьяне платятъ только: оброчную подать по 30 съ десятины удобной земли и земскій сборъ въ 33% оброчной подати. Принимая крестьянскій надѣлъ въ 10 десятинъ—получимъ высшій окладъ оброчной подати—3 р. и земскаго сбора 1 руб. Обзоръ Семир. обл. за 1903 г.

жна зарабатывать ежегодно на тридцать руб. больше крестьянской, но можетъ-ли?—сравнимъ положеніе той и другой. Прежде всего - крестьянинъ свободенъ, можетъ ѣхать куда ему угодно и на какой угодно срокъ, а потому и воленъ избрать себѣ какой угодно промыселъ или занятіе. Казакъ такого широкаго права передвиженія не имѣетъ; ко времени выкомандированія на полевую службу онъ обязанъ быть въ войскѣ, послѣ отбытія полевой службы его передвиженіе крайне стѣснено отнесеніемъ земскихъ повинностей, обязанностью являться въ теченіи 4-хъ лѣтъ на лѣтніе учебные сборы и, наконецъ,какъ мы видѣли, правомъ станичныхъ атамановъ разрѣшить или не разрѣшить отлучку на заработки; большую свободу онъ получаетъ въ запасномъ разрядѣ и *почти* полную только въ отставкѣ.

Крестьяне отбываютъ воинскую повинность, особенно въ мирное время, въ ничтожномъ числѣ и съ достаточнымъ количествомъ льготъ, казаки поголовно и какъ увидимъ ниже, безъ всякихъ льготъ

Поэтому трудъ крестьянина свободенъ и онъ можетъ выработать привычку къ упорному труду. Казакъ, начиная съ 19 лѣтняго возраста, отрывается отъ этого труда—сначала на зимніе сборы, потомъ на лѣтній; ничтожная надежда получить освобожденіе отъ службы существуетъ только для самыхъ послѣднихъ бѣдняковъ; съ окончаніемъ полевой службы —4 лѣтнихъ сбора въ рабочее время: крестьянинъ убираетъ первый укосъ люцерны, а казакъ въ это время на сборѣ. И такъ съ 19-ти до 33-хъ лѣтняго возраста, т. е. въ лучшую пору своей жизни, служащую основой всей послѣдующей, казакъ отстаетъ отъ крестьянина въ суммѣ труда, а слѣдовательно и въ его результатахъ.

Но казакъ имѣетъ увеличенный, сравнительно съ крестьянскимъ, надѣлъ земли.

Отсутствіе сбыта, какъ мы видѣли, мѣшаетъ развитію земледѣлія и садоводства, это-же отсутствіе сбыта чрезвычайно понижаетъ арендную плату. Поэтому выгоды отъ излишка земли не такъ велики, какъ можно предполагать, да и трудъ казака не свободенъ, т. е. въ среднемъ онъ не можетъ обрабатывать столько, сколько крестьянинъ и въ плюсѣ у казака остается только часть арендной платы, такъ какъ часть ея слѣдуетъ отнести на покрытіе уменьшенной, сравнительно съ крестьянской, обработки надѣла. Арендная-же плата колеблется отъ 50 коп и самая высшая - въ 6—8 руб. за десятину существуетъ только въ Алматинской станицѣ, но и здѣсь далеко не на всемъ ея надѣлѣ.

Если крестьянская семья платитъ ежегодно рубль земскаго сбора, то за этотъ земскій сборъ крестьянскія поселенія получаютъ помощь и въ устройствѣ орошенія, для чего асигнуются изъ областного земскаго кредита десятки тысячъ рублей Казаки-же всегда должны были устраивать всѣ свои магистрали на собственный счетъ

Хотя и существуетъ мнѣніе, проведенное еще генераломъ Колпаковскимъ и Аристовымъ. что казаки завладѣли готовой ирригаціонной сѣтью, устроенной киргизами, но это совершенно не соотвѣтствуетъ исторической истинѣ.

Изъ очерковъ историческаго прошлаго страны и занятія Семирѣчья мы видѣли, что у киргизъ, какъ кочевниковъ, земледѣліе развито было на столько слабо, что даже для продовольствія войскъ въ за—Илійскомъ и Семирѣченскимъ краѣ провіантъ транспортировался изъ Сибири и что однимъ изъ важныхъ мотивовъ спѣшнаго образованія казачьихъ поселеній въ странѣ—являлялось именно развитіе земледѣлія для уменьшенія расходовъ казны на продовольствіе войскъ въ занятомъ краѣ. Эти послѣднія историческія данныя, подтвержденныя сохранившимися офиціальными документами, положительно доказываютъ, что къ моменту начала колонизаціи страны земледѣліе среди киргизъ было развито слабо, почему и не нужна была обширная ирригаціонная сѣть, а потому очевидно, что вышеприведенное мнѣніе проводилось съ цѣлью представить киргизъ въ глазахъ правительства совершенно обездоленными и этимъ выиграть лишній шансъ въ уменьшеніи казачьихъ надѣловъ, о чемъ приставъ киргизъ Б.-Орды генералъ Колпаковскій, какъ мы видѣли, началъ хлопотать еще съ 1864 года и не прекращалъ это потомъ почти до послѣднихъ дней своей жизни.

Орошеніе въ краѣ существовало и киргизы пользовались имъ для своихъ ничтожныхъ полей проса и ячменя, но ихъ ирригаціонная сѣть, которую они сами наслѣдовали, какъ мы знаемъ, отъ культурныхъ народовъ страны XII-го и первой половины XIII столѣтій, была мала и чрезвычайно слабо развита, почему ни въ коемъ случаѣ не могла удовлетворить потребности казаковъ которые поэтому устроили свою, отчасти только воспользовавшись *слѣдами* древней

Постройка сѣти производилась *всегда* самими казаками, *ихъ личнымъ трудомъ или туземцами на ихъ личныя средства, безъ всякой помощи со стороны правительства или войсковыхъ капиталовъ Сибирскаго и Семирѣченскаго войскъ* и ихъ ирригаціонная сѣть представляетъ въ послѣднее время сооруженія огромной стоимости.

Единственный разъ войсковое управленіе пришло въ этомъ отношеніи на помощь казакамъ, выдавъ, какъ мы уже знаемъ, выселку Чунджинскому *ссуду* въ тысячу рублей, но и то не изъ Семирѣченскаго войскового капитала, а изъ пожарнаго, т. е. изъ той-же собственности казаковъ.

И такъ, изъ приведеннаго сравненія видно, что казакъ вездѣ отставалъ отъ крестьянина, а въ предшествававшихъ экономическихъ очеркахъ положительно доказано, что онъ и не могъ не отставать, а потому при одинаковыхъ для него и крестьянина условіяхъ спроса и предложенія на рынкѣ, при одинаковыхъ способахъ обработки полей, но при совершенно разной обстановкѣ быта и жизни, казакъ не могъ заработать сполна и ежегодно тѣхъ лишнихъ 30-ти руб. противъ крестьянина, а потому большая или меньшая часть этой, на первый взглядъ ничтожной суммы, пополнялась изъ году въ годъ изъ той доли небогатаго заработка, которая у казака должна была идти на поддержаніе собственнаго существованія и оборотовъ хозяйства. Эта невыработанная, излишняя противъ крестьянина, часть, падая на казачье хозяйство капля по каплѣ, постепенно и незамѣтно его разстраивала.

Но здѣсь, въ разрушительной работѣ этихъ капель, являлись дѣятельными помощниками: первоначальный составъ поселенцевъ, способъ колонизаціи ими, а потомъ лѣность, небережливость, небрежность и пьянство—прямое и непосредственное наслѣдіе того режима военныхъ поселеній, съ деталями и гнетомъ котораго мы познакомились въ бытовыхъ очеркахъ за періодъ до 1861 года. Отношенія мѣстной гражданской власти страны къ казачьему населенію, какъ мы видѣли, съиграли здѣсь тоже не послѣднюю роль. Взглядъ войскового управленія на войсковой капиталъ, какъ на что-то исключительно предназначенное только для военныхъ потребностей, ставилъ этотъ капиталъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ теченія экономической жизни, почему семирѣченскіе казаки, не имѣя войсковыхъ земскихъ средствъ, могли расчитывать только на однѣ свои собственныя силы Ссуды изъ войскового капитала, установленныя правилами 10 декабря 1881 г, были обставлены такими стѣснительными условіями, что ссудами за проценты, т е. въ болѣе высшемъ размѣрѣ могли воспользоваться только лица состоятельныя или цѣлыя общества, но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ условія выдачи были таковы, что случаевъ пользованія ссудами обществъ было только два или три. По этимъ правиламъ казакамъ выдава-

лись и безпроцентныя ссуды, на болѣе льготныхъ условіяхъ, но въ размѣрѣ не болѣе 25 руб. одному лицу и *только* „для снаряженія на службу (100)".

Составъ войскового правленія изъ лицъ, недостаточно знакомыхъ съ экономическими вопросами даже въ теоріи, иногда, до своего вступленія въ правленіе, не видавшихъ ни одной изъ станицъ войска, кромѣ Алматинской, не могъ обѣщать никакого содѣйствія населенію войска въ его экономическихъ нуждахъ.

До какой степени простиралось иногда невѣдѣніе войскового управленія даже въ сферѣ военной, не говоря о бытовой-доказываетъ слѣдующій приказъ по войску, отданный въ 1885 году, уже послѣ извѣстной намъ ревизіи генерала Свистунова, вскрывшей почти всѣ недостатки быта и управленія, указавшей мѣстной власти ея назначеніе и обрисовавшей истинное экономическое положеніе семирѣченскихъ казаковъ.

Въ этомъ приказѣ между прочимъ находимъ слѣдующее мѣсто: „Въ теченіе болѣе чѣмъ—трехлѣтней службы моей*) въ области, молодые казаки, выкомандировываемые на службу въ № 1 полкъ, являлись постоянно въ неудовлетворительномъ обмундированіи и снаряженіи, а нѣкоторые и на плохихъ лошадяхъ, не смотря *на общую, въ среднемъ, зажиточность и благосостояніе всѣхъ казаковъ* Высочайше ввѣреннаго мнѣ войска, *развитіе коневодства и вообще благопріятныя условія, при которыхъ живутъ казаки въ Семирѣченской области. Въ виду подобной обстановки ихъ,* будучи увѣренъ, что всѣ казаки вполнѣ проникнуты мыслью, что выкомандированіе ихъ сыновей на службу Государю и отечеству въ исправномъ обмундированіи, снаряженіи и на добрыхъ лошадяхъ составляетъ священную обязанность каждаго казака, пользующагося царскими милостями *и льготами, которыми не пользуется остальное населеніе Россійской имперіи*", и т. д.

Какими-же именно льготами пользовались семирѣченскіе казаки? дать отвѣтъ на этотъ вопросъ принуждено было само войсковое управленіе всего чрезъ 20 дней послѣ отданія приведеннаго приказа, и тоже въ приказѣ по войску.

Командующій войсками Омскаго военнаго округа, въ виду поступившихъ къ нему отъ отцовъ и матерей казаковъ просьбъ объ увольненіи ихъ сыновей съ полевой службы на льготу по имущественному и семейному положенію просителей, приказалъ объявить въ приказѣ по войску, что „Согласно ст. 34 устава о воинской повинности войска Донского,

*) Приказъ составленъ въ войсковомъ правленіи и подписанъ генераломъ Фриде; 1885 г. № 223.

примѣненнаго къ Семирѣченскому 30 іюня 1879 года,*) *льготы по семейному и имущественному положенію не освобождаютъ казаковъ отъ службы въ строевыхъ частяхъ,*" что освобожденіе казаковъ отъ полевой службы возможно только тогда, когда молодыхъ казаковъ, въ возрастѣ 21 года, больше, чѣмъ нужно для укомплектованія полевого полка, т. е. когда часть этихъ казаковъ является излишней и ненужной(101).

Что-же касается другихъ какихъ либо льготъ, то очевидно, войсковое управленіе по примѣру областного, въ числѣ такихъ льготъ считало льготой-же освобожденіе казаковъ отъ податей, ибо никакими иными льготами, если не считать увеличенный земельный надѣлъ, семирѣченскіе казаки въ это время не пользовались.**)

При изложенныхъ условіяхъ, войсковое управленіе, конечно, не могло оказать никакой помощи или содѣйствія казачьему населенію.

Первый изъ вышеприведенныхъ приказовъ является еще цѣннымъ указаніемъ на то, что если и дѣйствительно въ началѣ 80-хъ годовъ семирѣченскіе казаки отличались нѣкоторой сравнительной зажиточностью, то только потому, что они плохо снаряжались на службу, т. е не расходовали ежегодно всѣхъ 30 рублей вышеуказанной разницы. Да къ этому нужно прибавить еще и то, что, какъ намъ извѣстно, они до 1890 года, увольняясь на льготу изъ первоочереднаго полка, получали остатки фуражной экономіи, которые составляли на человѣка самое меньшее 25 рублей за время службы(102).

Этотъ-же приказъ, въ связи съ приведенными таблицами зернового хозяйства и торговли, доказываютъ, что до 1886 года спросъ на сельскохозяйственные продукты былъ выше предложенія и казаки, не затрачивая всей указанной разницы, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ обстановки своей дѣятельности, могли еще выручать достаточно.

Съ появленіемъ-же въ области сильныхъ конкурентовъ въ лицѣ крестьянъ и съ переходомъ значительной части туземцевъ отъ скотоводства къ земледѣлію предложеніе на хлѣбномъ рынкѣ обогнало спросъ, вслѣдствіе чего заработки отъ главнаго промысла казаковъ упали до степени, въ которой производство почти не окупаетъ стоимости его продуктовъ.

Съ 1886 года въ приведенной таблицѣ зернового хозяйства мы видимъ такія среднія цѣны на четверть пшеницы въ

---

*) Т. е. положеніемъ о воен. службѣ казаковъ Семир. к. в. 1879 г.

**) Освобожденіе отъ призыва на полевую службу *въ военное время* единственнаго въ семьѣ работника послѣдовало только въ 1887 г. (Прик. по воен. вѣд. № 67 1887 г.)

8 пудовъ, какъ, напримѣръ, 1 руб. 74 коп., 1 руб. 45 коп и даже 1 руб. 10 к. т. 22, 18 и 14 коп. за пудъ!

Правда—это цѣны низшія годовыя, но кто-же изъ знакомыхъ хоть сколько нибудь съ экономическими вопросами не знаетъ, что именно эти то низшія осеннія цѣны и достаются на долю менѣе зажиточной части населенія, т. е. большинства. Болѣе зажиточные имѣютъ возможность выждать цѣнъ, а потому и не спѣшатъ съ продажей.

Вслѣдствіе всѣхъ вышеизложенныхъ причинъ благосостояніе казаковъ начало падать.

Цифры заработковъ на семью вышеприведенной таблицы валовыхъ оборотовъ торговли, хотя и далекія отъ истины, но прогрессивно падающія, подтверждаютъ это положеніе.

Въ 1895 году само войсковое правленіе, объясняя причину уменьшенія числа лошадей въ войскѣ, въ своемъ Всеподданнѣйшемъ отчетѣ докладываетъ, что „вслѣдствіе дешевизны хлѣба и неимѣнія въ хозяйствѣ казаковъ такихъ предметовъ, отъ продажи коихъ они могли-бы удовлетворить потребности своего домашняго обихода, часть лошадей была проданы на удовлетвореніе этихъ нуждъ".

Наказный атаманъ въ своихъ личныхъ отчетахъ докладывалъ не разъ Государю, какъ мы уже видѣли, что семирѣченскіе казаки годъ отъ году бѣднѣютъ и, наконецъ, даже безъ помощи отъ казны имъ „крайне тяжело снаряжаться на службу".

Вѣроятно и въ другихъ казачьихъ войскахъ дѣло обстояло не лучше, такъ какъ въ 1899 году военный министръ обратилъ вниманіе „на постепенный упадокъ экономическаго состоянія казаковъ". Вслѣдствіе чего начальникъ главнаго управленія казачьихъ войскъ и сдѣлалъ семирѣченскому наказному атаману генералу Иванову извѣстное намъ изъ статьи „Земледѣліе" въ этой главѣ, предложеніе. Но изъ той-же статьи мы уже знаемъ, что, по мнѣнію войскового управленія, для помощи казачьему населенію существовала только одна возможная мѣра—усилить составъ войскового правленія на одного совѣтника.

Дальнѣйшіе шаги военнаго министра въ указанномъ направленіи, а точно такъ-же и результаты ихъ для Семирѣченскаго войска, намъ извѣстны изъ той-же статьи.

Въ 1900 году главное управленіе казачьихъ войскъ, по распоряженію военнаго-же министра, предложило войсковому управленію пропагандировать въ населеніи идею учрежденія станичныхъ банковъ и сберегательныхъ кассъ и, въ то-же

время, выработать для этихъ учрежденій мелкаго кредита проэктъ нормальнаго устава.(103)

Приказаніе было исполнено, проэктъ былъ составленъ въ войсковомъ правленіи и представленъ въ главное управленіе казачьихъ войскъ, но утвержденіе еще не состоялось (104)

Въ 1901 году, военный министръ, „признавая весьма полезнымъ привлеченіе мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ къ сотрудничеству съ войсковымъ начальствомъ въ дѣлѣ выясненія сельско-хозяйственныхъ нуждъ, счелъ желательнымъ..... учрежденіе сельскохозяйственныхъ съѣздовъ, собираемыхъ въ избранныхъ мѣстахъ, въ опредѣленное время, для обсужденія означенныхъ вопросовъ". Вслѣдствіе этого и по приказанію военнаго министра, главное управленіе казачьихъ войскъ предложило наказному атаману передать этотъ вопросъ на обсужденіе Семирѣченскаго войскового правленія.

Но здѣсь, прежде чѣмъ перейти къ отвѣту на предложеніе, необходимо пояснить, что самый вопросъ объ учрежденіи сельскохозяйственныхъ съѣздовъ возникъ собственно потому, что войсковыя управленія Астраханскаго и Кубанскаго войскъ вошли съ представленіемъ объ учрежденіи при ихъ войсковыхъ правленіяхъ особыхъ сельскохозяйственныхъ совѣтовъ, въ качествѣ совѣщательныхъ органовъ, состоящихъ, какъ изъ чиновъ этихъ правленій, такъ и изъ мѣстныхъ сельскихъ хозяевъ. Военный-же министръ, не согласившись съ такимъ представленіемъ, призналъ болѣе дѣйствительнымъ средствомъ-сельскохозяйственные съѣзды.

Семирѣченское войсковое правленіе поставленный ему вопросъ разрѣшило въ своемъ журналѣ слѣдующимъ образомъ: „образованіе въ войскѣ сельскохозяйственныхъ съѣздовъ для всесторонней разработки спеціальныхъ сельскохозяйственныхъ и экономическихъ вопросовъ можетъ оказать казачьему населенію серьезную пользу, *но только не въ данное время,* когда территорія Семирѣченскаго войска находится въ исключительномъ изолированномъ положеніи отъ торгово-промышленныхъ районовъ не только Европейской, но и Азіатской Россіи, по отсутствію желѣзно-дорожныхъ путей сообщенія". Далѣе указавъ на то, что въ войскѣ не имѣется сельскохозяйственныхъ орудій, что доставка ихъ въ Семирѣчьѣ очень дорога, дороже ихъ стоимости на мѣстѣ, что въ случаѣ поломки ихъ и починить будто-бы некому, заканчиваетъ свой журналъ такъ: „Благодаря такимъ исключительнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, само собою разумѣется, что населеніе Семирѣченскаго войска ведетъ свое хозяйство лишь только для собственнаго существованія, *не помышляя о сбытѣ* продук-

товъ своего хозяйства куда либо съ промышленною цѣлью. *На основаніи вышеизложеннаго* общее присутствіе полагаетъ, что учрежденіе въ Семирѣченскомъ войскѣ сельскохозяйственныхъ съѣздовъ въ данное время останется мертвою буквой(105).

Въ этомъ журналѣ войсковое правленіе оставило совсѣмъ въ сторонѣ самую суть поставленнаго на его разрѣшеніе вопроса: будетъ-ли полезно для населенія Семирѣченскаго войска привлеченіе сельскихъ хозяевъ къ сотрудничеству съ войсковымъ начальствомъ въ дѣлѣ выясненія мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ нуждъ въ данное время. Игнорируя поставленный правительствомъ чрезвычайной важности вопросъ, оно тѣмъ самымъ заявило, что въ сотрудничествѣ свѣдущихъ людей не нуждается, а такъ какъ сбыта нѣтъ, доставка-же орудій и машинъ, улучшающихъ и удешевляющихъ производство, дорога, то поэтому и сельскохозяйственные съѣзды не нужны. Помимо того, что такое рѣшеніе вопроса чрезвычайной и самой существенной важности для населенія, особенно при условіи совершеннаго отсутствія сельскохозяйственныхъ школъ въ войскѣ, было принято исключительно одними чинами войскового правленія*), степень освѣдомленности которыхъ въ экономическихъ вопросахъ намъ уже извѣстна изъ прежде сказаннаго; но здѣсь, какъ параллель съ представленіями войсковыхъ управленій Астраханскаго и Кубанскаго к. войскъ, не безъинтересно указать еще и на такое сопоставленіе: тѣ управленія ходатайствовали объ учрежденіи при нихъ *совѣтовъ—офіановъ, съ мнѣніемъ которыхъ, такъ или иначе,* но имъ нужно было-бы постоянно считаться, т. е. ради интересовъ населенія они сами заявляли готовность поступиться въ извѣстной степени своимъ личнымъ авторитетомъ. *Семирѣченское-же войсковое правленіе не пожелало имѣть рядомъ съ собою даже и такой офіанъ, какъ съѣздъ,* заявляя тѣмъ самымъ, что его компетенція въ рѣшеніи всѣхъ мѣстныхъ экономическихъ вопросовъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Мало того, игнорируя суть вопроса и отклоняя предложеніе правительства на болѣе чѣмъ шаткихъ основаніяхъ,

*) Войсковое правленіе не справилось по этому поводу даже съ мнѣніемъ своего коллеги по управленію—Семир. обл. правленіемъ, которое, заботясь объ интересахъ крестьянъ и киргизъ, еще въ 1900 г., какъ мы уже знаемъ, возбудило вопросъ о разрѣшеніи открыть въ г. Вѣрномъ на земскія средства складъ сельскохоз. орудій и машинъ и въ 1901 г., когда войсковое правленіе докладывало правительству почти что о невозможности употребленія этихъ орудій и машинъ въ Семирѣчьѣ, получило разрѣшеніе, а въ слѣдующемъ году и открыло складъ, начавшій торговать на десятки тысячъ рублей.

войсковое правленіе упускало изъ вида и то, что въ его-же власти было сдѣлать представленіе объ учрежденіи въ войскѣ склада сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ*), чѣмъ стоимость этого, чрезвычайно важнаго и необходимаго въ хозяйствѣ инвентаря, понизилась-бы. такъ какъ торговыя фирмы даютъ земскимъ и войсковымъ складамъ, какъ самымъ крупнымъ и надежнымъ покупателямъ, скидку отъ 10 до 15% товъ, до стоимости товара на мѣстѣ.

Въ заключеніе настоящей статьи остается добавить, что, вслѣдствіе стеченія всѣхъ приведенныхъ неблагопріятныхъ условій обстановки быта и дѣятельности казаковъ, экономическое положеніе семирѣченскаго казачьяго населенія находится въ послѣднее время въ той фазѣ своего упадка, которая требуетъ серьезныхъ, тщательно соображенныхъ, мѣропріятій правительства, выработанныхъ при извѣстномъ участіи мѣстныхъ свѣдущихъ лицъ, а прежде всего облегченія воинской повинности и разрѣшенія поземельнаго вопроса, чтобы дать казакамъ возможность оріентироваться въ своемъ, до послѣдняго времени, крайне неопредѣленномъ положеніи.

Здѣсь кстати будетъ отмѣтить и то обстоятельство, что еще въ 1901 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи при главномъ управленіи казачьихъ войскъ особой временной комиссіи, задачей которой поставлено обсужденіе вопроса объ облегченіи воинской повинности въ казачьихъ войскахъ и мѣръ къ поднятію ихъ благосостоянія.

Но Семирѣченское войско не получило однако разрѣшенія послать въ эту комиссію свѣдущаго представителя своихъ чрезвычайно сложныхъ экономическихъ интересовъ и нуждъ, относительно которыхъ предположено ограничиться доставленными войсковымъ управленіемъ по опредѣленной программѣ отвѣтами[106].

---

*) Что оно принуждено было сдѣлать потомъ, внѣ періода, взятаго настоящимъ трудомъ. Войсковой складъ былъ открытъ въ 1905 году на средства, *временно позаимствованныя* изъ войскового капитала.

ИСТОЧНИКИ

къ части III, главѣ VI исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска.

№№ по порядку.	
1	Арх. Семир. обл. пр нія, оп. д. меж. отд. журналъ общаго присут. Семир. обл. пр-нія 14 апрѣля 1880 г.
2	Арх. войск пр-нія Семир. к. в., оп. д. хоз. отд., д. 1898 года, № 6.
3	Арх. Семир. обл. пр-нія оп. д. меж. отд., дѣло 1903 года, № 7, листъ 19, журналъ общаго присут. Семир. обл. пр-нія по меж. отд. 13 мая 1883 г.
4	Всепод. отчетъ о сост. Семир. к. в. за 1885 г.
5	Арх. Семир. обл. пр-нія, оп. д. меж. отд., дѣло 1903 года № 7, листъ 74. Р-тъ Семир. наказ. ат-на Степному генер.-губернатору 29 марта 1886 г. № 883.
6	Тамъ-же, то-же дѣло, листъ 51, журналъ общаго присут. Семир. обл. пр нія 12 нояб. 1885 г.
7	Тотъ-же архивъ, то-же дѣло, листъ 96, письмо Степного генералъ-губернатора 18 сентяб. 1893 г. воен. губернатору Семир. обл. генер. Иванову. Это письмо основано на письмѣ отъ 2 сентяб. 1893 г. члена военнаго совѣта генерала Колпаковскаго Степ. генералъ-губернатору.
8	Тотъ-же арх., оп. д. меж. отд., дѣло 1903 г., № 7, листъ 116 Копія журнала комитета министровъ $\frac{21\text{ февраля}}{7\text{ марта}}$ 1895 года № 500.
9	Тамъ же, то же дѣло, листъ 133. Копія отнош. помощн. упр щаго дѣл. комитета министровъ 28 мая 1896 г. № 1645 воен. министру
10	Личный Всепод. отчетъ Семир. наказ. ат на за 1899 г.
11	Прилож. ко Всепод. отчету воен. губернатора Семирѣчен. области за 1900 г.—обзоръ Семир. обл., стр. 6.
12	Журналъ общ присут. войск. пр нія Семир. к. в. 8 іюня 1901 года.
13	Личный Всепод. отчетъ Семир. наказ ат-на за 1901 г.
14	Всепод. отчетъ о сост. Семир к в за 1880 г.
15	Тоже за 1883 г.
16	Тоже за 1884 г. Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп дѣлъ хоз. отд, дѣло 1882 г. № 28/51, листъ 37. Актъ о принятіи Хоргосскихъ земель 9 марта 1884 г.
17	Всепод. отчетъ о сост. Семир. к. в. за 1888 г.
18	Тоже за 1889 г.

19 Тоже за 1903 г.
20 По свѣдѣніямъ станичныхъ правленій.
21 Приказъ по Семир. к. в. 1904 г. № 154.
22 Отчетъ генер.-адъют. Свистунова. Личныя изысканія автора при объѣздѣ имъ поселеній войска въ 1903 г.
23 Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. 1848 г. т. XXIII, ст. 22292 и 1854 г. т. XXIX, ст. 28260.
24 П. С З. Р. И. 1856 г. т. XXXI, ст. 31085.
25 Архивъ уп-нія н-ка Вѣрнен. уѣзда, по общ. оп., дѣло 1859 г., № 170/105, листъ 5. Р-тъ и. д. н-ка Алатавскаго округа маіора Колпаковскаго 23 окт. 1859 года № 1958 генералъ-губернатору Запад. Сибири.
26 П. С. З. Р. И. 1859 г. т. XXXIV, ст. 34995.
27 П. С. З. Р. И. 1860 г. т XXXV, ст. 35632.
28 Арх. упр нія н-ка Вѣрненскаго уѣзда по общ. описи, дѣло 1859 г. № 170/105 листъ 43, отнош. письмовод. Вѣрн. почт. отд. 23 окт. 1860 г. № 6 н-ку Алатав. округа.
29 Тотъ-же арх, по общ. оп., дѣло 1863 г. № 86 листы 1 и 3. Рапортъ н-ка Заилійскаго отряда 17 іюля 1863 г. № 780, н-ку Алатав. округа Предписаніе к-щаго войсками Семирѣч. обл. 6 авг. 1863 г. № 66 тому-же н-ку.
30 П С. З. Р. И. 1864 г. т. XXXIX, ст. 41017.
31 Тоже 1865 г. т. XL, ст. 42229.
32 Приказъ по воен. вѣд. 1874 г. № 173.
33 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д. воен. отд., д. 1879 г., № 5/32, листъ 121, послужной списокъ поруч. Сакулина, переведеннаго въ войско въ 1878 г.
34 Полож. объ упр-ніи въ Семир. и Сыръ-Дарьинской области 1867 г.
35 По свѣдѣн. Вѣрненской почт.-телеграфн. конторы.
36 П. С. З. Р. И. 1862 г. т. XXXVII, ст. 39088.
37 Прик. по Семир. к. в. 1903 г. № 13.
38 Арх. войск. пр-нія Семир. к в., оп. д хоз. отд., д. 1902 г, № 79, листъ 1, отзывъ Гл. упр-нія каз. в. 24 іюня 1902 г. № 9266 Семир. наказ. атаману.
39 Тотъ-же арх, оп. д хоз. отд., дѣло 1902 г. № 79 Докладъ завѣд. ирригац Семир. области 5 февраля 1903 г. № 279.
40 Журналъ общ. присут. Семир. обл. пр-нія по меж. отд. 15 марта 1896 г.
41 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в, оп. д. хоз. отд. дѣло 1899 г., № 57. Оффиціальное письмо н-ка гл. упр-нія к. в. 6 февраля 1899 г. Семир. наказ. атаману генералу Иванову.
42 Тамъ-же, дѣло 1899 г. № 57. Оффиціальное письмо наказ.

ат-на Иванова 12 мая 1899 г. № 19 н-ку гл. упр-нія каз. в.

43 Обзоръ Семир. обл. за 1903 г. стр. 9.

44 Журналъ общ. присут. войск. пр-нія Семир. к. в. 13/15 марта 1900 г.

45 Составлена по Всепод. отчетамъ о состоян. Семирѣч. к. в. за соотвѣт. годы.

46 Собст. изысканія автора при объѣздѣ имъ поселеній войска.

47 Составлена по Всепод. отчет. о сост. Семир к. в. за соотвѣтст. годы.

48 Всепод. отчетъ о сост. Семир. к. в за 1895. г.

49 П. С З. Р. И 1877 г. т. XIII, ст. 259. г.

50 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в. оп. д. хоз. отд., д. 1897 г., № 29 листъ 11. Телеграмма гл. упр-нія к. в. 31 января 1897 года.

51 Тамъ-же, листы 12, 13 и 14 журналъ общ присут. войск. пр-нія Семир. к. в. 5 февр. 1897 г.

52 Тамъ-же листы 21 и 23. Прошеніе Ивановой.

53 Журналъ Воен. Совѣта, объявл. въ приказѣ по Семирѣч. к. в. 1897 г. № 64 и примѣч. 51 здѣсь.

54 Архивъ войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д. хоз. отд., дѣло 1897 г. № 29, листъ 11.

55 Личный Всепод. отчетъ наказ. ат-на Семир. к. в. за 1899 г.

56 Такой же отчетъ за 1902 г. Архивъ войск пр-нія Семир. к. в, оп. д. хоз. отд., дѣло 1902 г. № 58, журналъ войск. пр-нія Семир. к. в. 27 мая 1902 г.

57 Тотъ-же арх. оп. д. воен. отд., дѣло 1884 г, № 24/50, листъ 77, записка о сост. нештат. отдѣл. войскъ случ. конюшни, представл. генер.-адъют. Свистунову.

58 Тотъ-же арх. Дѣло о составленіи Всепод. отчета за 1880 г, листы 17 и 18, копія съ копіи отношенія гл. упр-нія каз. войскъ 8 декаб 1880 г. № 303 к-щему войск. Туркест. воен. округа.

59 Всепод. отчетъ о состоян. Семир. каз войска за 1880 г.

60 Тоже за 1903 годъ.

61 Отчетъ Семир. обл. упр-нія Государст. имущест. за 1903 г.

62 Прик. по Семир. к. в. за 1889 г. № 129.

63 Всепод. отчетъ о сост. Семир. к. в. за 1867 г.

64 Приказъ по Семирѣченскому казачьему войску 1868 г. № 28.

65 Арх. войсков пр-нія Семир. к. в., оп. д. каз. отд. Семир. штаба, ч. хоз., дѣло № 3/39 листы 13—36 отчетъ наказ атамана Семир. к. в. за 1868 г. к-щему войск. Туркест. воен. окр.

66 Всепод. отчетъ о сост. Семир. каз. в. за 1868 годъ.
67 Такой-же отчетъ за 1873 г.
68 Арх Семир. обл. пр-нія, оп. хоз. отд., дѣло 1868 г., № 289, листъ 38 предлож. Туркест. генер. губернатора 13 іюля 1870 г. № 105 воен. губерн. Семир. области.
69 Тотъ-же архивъ, оп. хоз. отд, дѣло 1883 г. № 1519, листъ 25, предлож воен. губер. Семир. обл. и наказнаго атам. генер.-маіора Фриде 20 дек. 1883 г. № 20 686, войсковому пр-нію Семир. каз. войска.
70 Циркуляръ по Семирѣч. войску 1884 г. № 24.
71 Арх. Семир. обл. пр-нія, оп. д. хоз. отд II стола, дѣло 1886 г., № 1796, листъ 3, отнош. войск. пр-нія Семир. к. в. 29 сентяб. 1886 г. № 3049 Семир. сбл. пр-нію.
72 Арх. войсков. пр-нія Семир. к. в., оп. д воен. отд., дѣло 1885 г., № 19|114, листъ 9, отчетъ генер.-адъют. Свистунова.
73 Тотъ же арх., оп. д хоз отд., дѣло 1888 г № 50/95, предлож. Степн. ген. губер. 7 октября 1888 г. № 5375, войсковому пр-нію Семирѣч. к. в.
74 Предпис. войск. пр-нія 17 января 1889 г. № 311 завѣдующему Софійской станицей.
75 Р-ты офицера завѣд. Софійскою ст. 1 апр. и 17 іюня 1889 г. №№ 22 и 59 войсков. пр-нію и др.
76 Приказъ по Семир. к. войску 1893 г. № 179.
77 Тоже 1894 № 238.
78 Тоже 1895 г. № 49 и прик воен министра по каз и иррег. войскамъ 21 сентяб. 1895 г. № 31.
79 Журналъ общ прист. войсков. пр-нія Семирѣченскаго каз. в. 19 февраля 1901 г.
80 Арх. войсков. пр-нія Семир. к. в,, оп. д. хоз. отд, дѣло 1884 г. № 26/44, предпис. окруж. штаба 10 февр. 1884 г. № 805 войсковому пр-нію Семир. к. войска.
81 Тамъ же д. 1894 г., № 95|93, официальное письмо Степного генералъ губернатора Семирѣченскому наказному атаману 4 октября 1894 г. за № 4182.
82 Приказъ по Семирѣ. к. войску 1897 г № 1.
83 Приказъ по Семирѣч к. в. № 5/1899 г., № 16 1900 г. № 4/1901 г., № 5/1902 г., № 13/1903 г., № 11/1904 г., № 15 1905 г.
84 Сборн. правит. распоряж. по каз войскамъ 1900 ст. 366.
85 Приказъ по Семир. каз. войску 1903 г. № 13.
86 Всепод. отчетъ о состоян. Семир. к. в. за 1867 г. Арх. Семир. обл. пр-нія, оп. д хоз. отд. II стола, дѣло 1867 г., № 102, листъ 2. Полож. совѣта главн. упр-нія Запад. Сибири

17 февр. 1867 г. № 92

87 Всепод, отчетъ о состоян. Семир. к. в. за 1868 г.

88 Тоже за 1870 годъ.

89 Арх. Семир. обл. пр-нія, оп. д. меж. отд, дѣло 1903 г. № 7 отнош. Семир. обл пр-нія 24 нояб. № 8169, войсковому пр-нію Семир к. в.

90 Арх войск пр-нія Семир. к. в., оп. д. хоз. отд., дѣло 1901 г. № 9, листъ 30. Докладъ н ка меж. отд. Семир. обл. пр. 1 дек. 1900 № 32.

91 Приказъ по Семир. каз в. 1901 г. № 23.

92 Архивъ войсков. пр нія Семир к в., оп. д. хоз. отд, дѣло 1901 г. № 9, листъ 313. р-тъ Семир. наказнаго атамана 27 іюля 1901 г. № 6444 к-щему войсками Туркест. воен. округа

93 Приказъ по Семирѣч. каз войску 1903 г. № 253.

94 Тоже 1887 г. № 8.

95 Всепод. отчетъ о состоян. Семир к. войска за 1899 г.

96 Приказъ. по Семир. к. в. 1902 г. № 15.

97 Тоже 1898 г, № 113.

98 Тоже 1899 г. № 222 по воен. вѣд.

99 Тоже по войскамъ Омскаго воен. округа 1891 г. № 82.

100 Приказъ по Семирѣченскому каз. войску 1882 г. № 51.

101 Тоже 1985 г. № 239.

102 Приказы по Семир. каз. войску 1881 г. № 5 и по военному вѣдом. 1889 г. № 180.

103 Архивъ войсков. пр-нія Семир к. в, оп. д. хоз. отд., дѣло 1900 г, № 60, отзывъ главн. упр нія каз. войскъ 24 мая 1900 г. № 6395 Семирѣчен. наказному атаману.

104 Тамъ же, р-тъ наказнаго ат-на Семирѣченск. к. в. 26 іюля 1900 г. № 5753 въ главн. упр-ніе к. в

105 Журналъ общ. присут. войск. пр нія Семирѣч. к. в. 15 января 1901 г.

106 Архивъ войск. пр-нія Семир. к в. оп. д воен. отд., дѣло 1901 г., № 78, официальное письмо н-ка гл. упр-нія к. в. 18 іюня 1901 г. № 8186 к-щему войск. Туркест. воен. округа

Глава VII-я

Военныя силы войска и военная организація въ періодъ съ 1880 по 1904 годъ.

Военная организація съ 1880 г.

„Положеніе“ 30 іюня 1879 г. совершенно измѣнило существовавшую до этого времени военную организацію въ войскѣ. Введя уставъ о воинской повинности Донского войска, изданный еще 17 апрѣля 1875 г., новое положеніе внесло въ военную организацію Семирѣченскаго стройный порядокъ и опредѣленность въ отбываніи казаками ихъ самой тяжелой повинности. Періодическая служба, ставившая казака въ полную неизвѣстность о времени привлеченія къ ея исполненію, исчезла и замѣнилась, хотя и болѣе продолжительнымъ ея отбываніемъ, но зато въ теченіе точно опредѣленнаго срока и если военныя обстоятельства позволятъ, то и всего одинъ только разъ въ жизни.

Устранивъ періодическую службу, новый уставъ о повинности выгодно отразился на экономическомъ положеніи казаковъ, давъ имъ возможность болѣе покойно и увѣренно заняться своимъ хозяйствомъ, что было крайне необходимо для населенія, совершенно не имѣвшаго возможности, подъ вліяніемъ періодической службы въ полевыхъ частяхъ, развить привычки къ постоянному упорному труду.

Главное и самое существенное преобразованіе, внесенное положеніемъ 1879 г. въ военную организацію войска заключалось въ томъ, что казаки были раздѣлены на три разряда: приготовительный, строевой и запасный, а комплектованіе полка первой очереди назначено производить не смѣсью молодыхъ казаковъ со старослужащими, какъ было прежде, но только одними молодыми изъ приготовительнаго разряда.

Каждый казакъ, достигнувъ 18-ти лѣтняго возраста, зачисляется въ приготовительный разрядъ, въ которомъ обязанъ пробыть три года, перечисляясь ежегодно, съ 1 января каждаго года, изъ „возраста“ въ „возрастъ“, которыхъ („воз-

растовъ") въ приготовительномъ разрядѣ назначено—три: младшій—для казаковъ на 19-мъ году жизни, средній—на 20-мъ и старшій на 21-мъ.

Находясь въ приготовительномъ разрядѣ, казакъ, будучи освобожденъ отъ выполненія земскихъ повинностей только въ первый годъ состоянія въ этомъ разрядѣ, обязанъ приготовить все положенное по штату свое военно служебное имущество и обучается военно-строевому дѣлу, а 21-го года перечисляется уже въ строевой разрядъ.

Строевой разрядъ подраздѣленъ на три очереди: первая, вторая и третья. Казаки первой очереди состоятъ на полевой службѣ въ первоочередномъ полку, гдѣ прослуживъ 4 года, перечисляются въ полкъ второй очереди и по отбытіи въ немъ тоже 4-хъ лѣтъ—въ полкъ 3-й очереди, откуда по истеченіи 4-хъ лѣтъ—уже въ запасный разрядъ на пять лѣтъ.

Запасный разрядъ предназначенъ для пополненія убыли въ строевыхъ частяхъ только въ военное время и въ томъ случаѣ, если въ строевомъ разрядѣ окажется недостатокъ казаковъ для пополненія убыли въ полевыхъ частяхъ. Кромѣ того, въ военное-же только время, изъ казаковъ запаснаго разряда, въ случаѣ надобности и недостатка частей строевого разряда, могутъ быть сформированы особыя полевыя части—сотни или полки.

Запасный разрядъ подраздѣляется на 5 возрастовъ, 1-й 2-й и т. д. Привлеченіе изъ него казаковъ въ вышеуказанныхъ случаяхъ на полевую службу производится по мѣрѣ надобности, въ порядкѣ нумераціи возрастовъ, начиная съ перваго, т. е. съ самаго младшаго, считая старшинство по числу лѣтъ, проведенныхъ въ запасѣ, почему послѣдними должны быть привлечены на полевую службу тѣ казаки, которые пробыли въ запасѣ уже 4 года.

Такимъ образомъ, новымъ положеніемъ введено строгое разграниченіе сроковъ и порядковъ отбыванія службы, при чемъ, какъ общее правило, принято, что первыми привлекаются къ исполненію повинности младшіе по возрасту и за ними только, въ мѣрѣ надобности и постепенности, старшіе. Кромѣ вышеназванныхъ трехъ разрядовъ, положеніемъ введено еще „ополченіе", въ составѣ котораго казакъ обязанъ пробыть 10 лѣтъ. Ополченіе подраздѣлено на 10 возрастовъ и призывъ на полевую службу казаковъ ополченія можетъ быть произведенъ только въ крайнихъ случаяхъ и по особому о томъ Высочайшему повелѣнію.

Изъ ополченія казаки увольняются въ отставку, изъ которой могутъ быть призваны на полевую службу только при

послѣднемъ напряженіи силъ имперіи для защиты своей родины, какъ и всякій русскій гражданинъ.

Полкъ первой очереди несетъ полевую службу въ мирное время, казаки-же полковъ 2-й и 3-й очереди находятся въ мирное время на льготѣ, по своимъ домамъ, и призываются на полевую службу только въ военное время или въ случаѣ народныхъ волненій, но каждый разъ неиначе какъ по Высочайшему повелѣнію. Такимъ образомъ, срокъ дѣйствительной полевой службы при стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ, можетъ ограничиться 4 мя годами, но при условіяхъ обратныхъ, можетъ быть значительно продолженъ.

Въ общемъ-же, казакъ, начиная отбываніе воинской повинности съ 18-ти лѣтъ, относитъ ее въ теченіе 20 ти лѣтъ, считая въ томъ числѣ запасъ, и 38 лѣтъ отъ роду, перечисляется въ ополченіе.

Семирѣченское войско содержитъ въ мирное время одинъ полкъ, въ военное-же два или три,—смотря по надобности, а съ 1892 г., съ мобилизаціей полка второй очереди, выставляетъ еще одну конную запасную сотню, какъ кадръ комплектованія (1).

Всѣ полки 4 хъ сотеннаго состава и въ военное время по 16 рядовъ во взводѣ, составъ-же запасной сотни зависитъ отъ числа мобилизованныхъ частей, которыя ей, въ случаѣ убыли въ нихъ, предстоитъ комплектовать.

Штатъ полковъ опредѣленъ по мирному и по военному времени. По мирному, собственно для первоочереднаго полка, назначенъ: шт. офицеровъ 7, об.-офицеровъ 24 и нижнихъ чин. 675; по военному-же въ каждомъ полку: офицеровъ 15, нижнихъ чиновъ 654. Отсюда видно, что для 3-хъ полковъ офицеровъ нужно было всего 45, имѣлось-же на постоянной службѣ въ первоочередномъ полку 31, т. е., въ случаѣ не имѣнія состоящихъ „по войску“ офицеровъ, не доставало 14, почему, въ этомъ отношеніи, войско всегда испытывало при мобилизаціи 3-хъ полковъ недостатокъ офицеровъ, который пополнялся обыкновенно льготными офицерами другихъ казачьихъ войскъ, преимущественно Оренбургскаго и Уральскаго, а въ послѣднюю мобилизацію войска въ 1900 г. даже изъ Донского.

Лѣтописъ военной организаціи. 1880 годъ.

Въ дополненіе положенія 1879 г. объявлены правила относительно казаковъ, неспособныхъ къ службѣ, но способныхъ къ труду. Этими правилами опредѣлено, что такіе казаки

исполняютъ, до увольненія сверстниковъ ихъ въ отставку, внутреннія по войску обязанности (сторожами, вѣстовыми при войсковыхъ учрежденіяхъ и т. д.) по нарядамъ наказнаго атамана или же облагаются денежнымъ сборомъ. Этотъ денежный сборъ, въ размѣрѣ не болѣе 20 руб. въ годъ съ человѣка, опредѣляется станичнымъ сходомъ и поступаетъ въ доходъ станицъ съ исключительнымъ назначеніемъ*) для помощи бѣднѣйшимъ казакамъ при снаряженіи ихъ на службу(2).

Въ концѣ года разъяснено, что полкамъ Семирѣченскаго войска при новой организаціи, въ отношеніи казачьихъ вьючныхъ лошадей, слѣдуетъ руководствоваться прежними правилами, т. е что казаки должны имѣть собственныхъ вьючныхъ лошадей по одной на десятъ человѣкъ(3).

Еще по положенію 1879 г. одинъ изъ шт.-офицеровъ, по- 1883 годъ.
мощниковъ командира полка, былъ предназначенъ въ распоряженіе войскового начальства для завѣдыванія льготными казаками 2-го и 3-го полковъ, почему и былъ опредѣленъ завѣдывать сѣверными станицами войска въ военномъ отношеніи, а завѣдываніе южными осталось на прямой обязанности войскового правленія или, вѣрнѣе, предсѣдателя правленія, какъ атамана отдѣла. Въ 1883-мъ-же году—назначеніе одного шт.-офицера изъ 1-го полка на должность завѣдывающаго сѣверными станицами войска—было утверждено военнымъ министерствомъ (4).

День полкового праздника въ 1-мъ полку, какъ мы знаемъ, былъ установленъ еще раньше, а въ 1884 году назначены дни полковыхъ и сотенныхъ праздниковъ 2-го и 3-го льготныхъ полковъ (5).

2-го полка:	3-го полка:
Полковой 4 марта въ день Св Герасима **).	Полковой 29 мая, въ память занятія столицы Хивы въ 1873 году.
1-й сотни 31 мая, въ память пораженія таранчей подъ Кетменемъ въ 1871 г.	1-й сотни 11 іюня, въ памать пораженія коканцевъ подъ Карабулакомъ въ 1876 году.
2-й — 16 іюля, въ память пораженія таранчей	2-й — 8 января, въ память

*) О вспомогательныхъ капиталахъ, образованныхъ изъ этого сбора см. въ этой главѣ особую статью.

**) Въ честь перваго наказнаго атамана Герасима Алексѣевича Колпаковскаго; но позже—въ 1886 г. день празднованія перенесенъ, по особому распоряженію (прик. по войску 1886 г. № 192), на 22 октября, праздникъ иконы Казанской Божіей Матери, въ память побѣды подъ Узунъ-Агачемъ.

подъ Алимту въ 1871 г.
3-й — 19 іюня, въ память штурма крѣп. Суйдуна въ 1871 году.
4-й — 15 іюля, въ память пораженія туркменъ подъ Чандыромъ въ 1873 г.

перваго дня штурма Андижана въ 1876 г.
3-й — 27 января, въ память штурма кишлака Учъ-кургана и разбитія коканцевъ въ 1876 г.
4-й — 9 октября, въ память пораженія коканцевъ подъ Яны-курганомъ въ 1875 году.

Такимъ образомъ праздники льготныхъ частей были назначены въ воспоминаніе и память особенно выдающихся дней военной исторіи Семирѣченскаго войска, но въ 1890 г. всѣ эти праздники отнесены на 23 апрѣля, которое назначено днемъ войскового праздника (6).

1884 годъ. Вопросъ о томъ, какому наказанію, т. е. по суду или въ дисциплинарномъ порядкѣ, подвергаются казаки за промотаніе своего военно-служебнаго имущества, заведеннаго на свой собственный счетъ, разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что, впредь до новой кондификаціи XXII кн. Св. В. П. 1869 г., казаковъ за такое дѣяніе подвергать дисциплинарнымъ взысканіямъ (7).

Впервые возбужденъ вопросъ, со стороны мѣстной власти, о томъ, что Семирѣченское войско, какъ мѣстная вооруженная сила, далеко недостаточно для выполненія всѣхъ обязанностей конницы по защитѣ Семирѣчья, а потому проэктировано численность его населенія увеличивать до возможности переформированія полковъ въ 6-ти сотенный составъ (8).

Упраздненъ чинъ подполковника, а всѣ права этого чина перенесены на чинъ войскового старшины; введенъ новый, добавленный къ существовавшимъ, чинъ подъесаула. Права казачьихъ офицеровъ уравнены съ регулярными какъ въ жалованіи, такъ и въ пенсіяхъ (9).

1885 годъ. Вслѣдствіе происшедшей по предъидущему разницы въ числѣ офицерскихъ чиновъ, сравнительно со штатомъ 1879 г., штатный офицерскій составъ по чинамъ въ войскѣ, въ началѣ года измѣненъ. Командирами сотенъ назначены не войсковые старшины, какъ было до этого времени, а есаулы, почему въ штатѣ 1 го полка, по мирному времени, назначено имѣть: шт.-офицеровъ 3—командиръ полка и два его помощника, а об.-офицеровъ 28, что и привело къ увеличенію числа об.-офицеровъ, но общее число офицеровъ осталось то-же самое—31, какъ и было раньше (10). Но въ концѣ года послѣдовало новое измѣненіе, по которому къ штатному

составу полка добавленъ одинъ об.-офицеръ, почему общее число офицеровъ получилось уже 32, изъ которыхъ 1 полковникъ, 2 войсковыхъ старшины, по 7-ми есауловъ, подъесауловъ и сотниковъ и 8 хорунжихъ (11)

Въ этомъ году въ Семирѣченскомъ войскѣ введена пер- **1887 годъ.**
вая дѣйствительная льгота по отбыванію воинской повинности: освобожденъ отъ призыва на полевую службю въ мобилизуемые въ военное время льготные полки единственный въ семьѣ работникъ (12).

Въ этомъ-же году состоялось распоряженіе о командированіи офицеровъ въ кавалерійскую школу и отъ Семирѣченскаго войска (13).

Вр. командующимъ 1-мъ полкомъ, вмѣсто командира его **1888 годъ.**
полковника Принцъ, назначенъ войсковой старшина Машинъ (14); въ августѣ командиромъ этого полка назначенъ полковникъ Щербаковъ (15), который и вступилъ въ командованіе 29 августа (16). Въ этомъ-же году прибылъ въ Семирѣченскую область, въ укрѣпленіе Бахты, конно горный нештатный, артиллерійскій, казачій взводъ, извѣстная доля въ комплектованіи котораго, была возложена и на Семирѣченское войско (17).

Въ ноябрѣ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ воен- **1889 годъ.**
наго совѣта постановлено: съ 1 января 1890 г. на всѣ казачьи части Омскаго и Туркесканскаго военныхъ округовъ распространить хозяйственную организацію частей регулярныхъ войскъ и съ того-же времени въ порядкѣ веденія хозяйства сотенъ предписано руководствоваться положеніемъ о хозяйствѣ въ ротѣ(18).

Вслѣдствіе такого крупнаго измѣненія во внутреннихъ хозяйственныхъ порядкахъ полевыхъ частей, артельное довольствіе казачьихъ лошадей не могло быть продолжаемо на прежнихъ, извѣстныхъ намъ, основаніяхъ, почему казаки съ этого времени лишились фуражной экономіи, которая отошла уже въ собственность полка и составила въ немъ богатый источникъ экономическихъ средствъ. Такое измѣненіе существовавшаго порядка, отразившись крайне невыгодно на казакахъ, поставило зато Семирѣченскія казачьи полевыя части въ совершенно иныя условія жизни. Располагая отъ заготовки фуража солидными остатками, части эти, при желаніи и умѣніи командира полка, могли прекрасно обставиться во многихъ отношеніяхъ и, въ то-же время, оказывать и замѣтную поддержку казакамъ. Кромѣ того, измѣнившійся порядокъ фуражнаго довольствія устранилъ извѣстную зависимость командира сотни отъ сотенной артели, чѣмъ и поста-

вилъ его въ надлежащее служебное положеніе относительно подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ.

1891 годъ. Объявлена инструкція для пріема въ полевыя части строевыхъ казачьихъ лошадей въ Сибирскомъ и Семирѣченскомъ к. войскахъ. По этой инструкціи ростъ лошадей опредѣленъ не ниже 1 арш. 14 верш., а возрастъ въ первоочередныхъ полкахъ, при пріемѣ отъ 5 до 10 лѣтъ включительно, въ полкахъ-же 2-й и 3-й очередей отъ 5 до 15-ти. Запрещены къ пріему жеребцы, лошади упряжного типа, вообще тяжелыя. Лошади при пріемѣ въ первоочередной полкъ проходятъ чрезъ двѣ пріемныхъ комиссіи: войсковую, подъ главенствомъ предсѣдателя войскового правленія и полковую — при пріемѣ въ полкъ изъ войска; обѣ комиссіи съ обязательнымъ участіемъ ветеринарныхъ врачей(19).

Объявленная инструкція, какъ и многія другія мѣры въ этомъ направленіи, очевидно, преслѣдовали цѣль улучшенія конскаго состава въ полевыхъ частяхъ, но преслѣдовали путемъ принужденія, упуская изъ вида обстоятельство, стоявшее на пути привода лучшихъ лошадей.

Дѣло въ томъ, что по положенію 1879 г. вознагражденіе въ 43 р. уплачивалось въ военное время только за лошадей, убитыхъ и павшихъ отъ ранъ или быстрыхъ движеній, а въ мирное время только за павшихъ отъ повальныхъ болѣзней, укушенія вредными насѣкомыми и отъ недостатка корма въ степяхъ. Источникомъ этого вознагражденія по «положенію“ указаны „экстроординарныя суммы, отпускаемыя въ распоряженіе командующаго войсками въ округѣ“. До 1890 года, т. е. пока дѣйствовали правила о порядкѣ артельнаго довольствія казачьихъ лошадей въ Туркестанѣ 1868 г., павшія и пришедшія въ негодность лошади замѣнялись за счетъ артельной фуражной экономіи(20) и расхода изъ вышеприведеннаго источника на удовлетвореніе казаковъ за павшихъ лошадей не производилось.

Такъ, въ то время, когда еще фуражная экономія принадлежала сотенной артели, артель покупала казаку лошадь, не разсматривая причинъ, вслѣдствіе которыхъ онъ ее лишился; но покупала лошадь не той цѣны, которой стоила павшая, а, уберегая свою собственность, только такую, которую не забраковало-бы начальство. Поэтому казакъ иногда за прекрасную лошадь получалъ худшую, т. е. терпѣлъ убытокъ.

Съ 1890 г., когда фуражная артель прекратила свое существованіе, казакъ, потерявъ лошадь, лишался даже вознагражденія и въ той мѣрѣ, въ какой она практиковалась въ

прежнее время, ибо вознагражденіе 43 р., назначенное по положенію 1879 г. изъ вышеуказаннаго источника, выдавалось только въ точно опредѣленныхъ, рѣдко встрѣчавшихся на практикѣ, случаяхъ. Въ большинствѣ-же—казаки теряли своихъ лошадей не отъ тѣхъ болѣзней или причинъ, какія поименно приведены въ положеніи 1879 г., а потому, казаки часто лишались вознагражденія за своихъ утраченныхъ на полевой службѣ лошадей, ибо изъ полковыхъ экономическихъ суммъ выдавалось, въ такихъ случаяхъ, пособіе обыкновенно въ размѣрѣ только 20—25 р.

Изъ сказаннаго ясно, что казаку не было никакого расчета приводить на полевую службу хорошую лошадь въ 80 или 100 р., такъ какъ рискъ потерять ее или искалѣчить былъ всетаки великъ.

Какъ слѣдствіе измѣненія внутренней организаціи въ полкахъ, проведенной съ 1890 г., явилась необходимость въ назначеніи одного младшаго шт.-офицера помощникомъ командира полка по строевой части, а другого по хозяйственной, т. е. завѣдующимъ хозяйствомъ въ полку. Поэтому въ 1891 г. и состоялось распоряженіе военнаго министра объ упраздненіи въ войскѣ должности завѣдывающаго сѣверными станицами и о командированіи занимавшаго ее шт.-офицера въ первоочередной полкъ. Но, чтобы не поставить войсковое правленіе въ затруднительное положеніе по инспекціи учебныхъ сборовъ приготовительнаго разряда и льготныхъ полковъ, разрѣшено ежегодно командировать для этой цѣли одного изъ помощниковъ командира 1-го полка въ распоряженіе войскового начальства, на срокъ до $1^1/_2$ мѣсяцевъ[21]).

Послѣдовало новое дополненіе и разъясненіе положенія 1879 г. относительно неспособныхъ къ строевой службѣ казаковъ (§ 4), заключавшееся въ томъ, что эти казаки, если они только способны къ труду, обязаны дѣйствительной службою при войсковыхъ учрежденіяхъ въ теченіи 4-хъ лѣтъ или платежемъ вышеуказаннаго денежнаго сбора до времени увольненія ихъ сверстниковъ въ отставку. При смѣшанномъ-же порядкѣ отбыванія этими казаками повинности, т. е. частью службою и частью платежемъ, считать, независимо отъ оклада платежа, одинъ день службы за $4^1/_2$ дня платежа и обратно. Этому-же правилу подчинены и всѣ, прежде зачисленные въ разрядъ неспособныхъ къ службѣ, казаки, т. е. закону дано обратное дѣйствіе[22]). **1892 годъ.**

До 19 іюня 1892 года увольненіе казаковъ съ полевой службы ранѣе выслуги опредѣленнаго срока составляло прерогативу короны[23]), но въ указанный день послѣдовало Высочай-

шее соизволеніе на утвержденіе положенія Воен. Совѣта, коимъ положенія о службѣ всѣхъ казачьихъ войскъ (кромѣ Уральскаго) дополнены слѣдующимъ: «Военному министру предоставляется опредѣлять случаи и порядокъ увольненія казаковъ съ дѣйствительной службы ранѣе назначеннаго для сего срока по семейному и имущественному положенію увольняемыхъ».

На основаніи этого, военный министръ, въ свою очередь, такое увольненіе предоставилъ «полному усмотрѣнію мѣстныхъ начальниковъ казачьихъ войскъ», однако предупредилъ ихъ, чтобы они давали свое разрѣшеніе только въ безусловно уважительныхъ случаяхъ и чтобы не привели военнаго министра къ необходимости ограничить данное имъ право. Далѣе, преподано, какъ общее правило, что необходимость увольненія должна быть удостовѣрена приговоромъ общества, атаманомъ отдѣла и разслѣдованіемъ ([24]).

Вслѣдствіе такого требованія военнаго министра, въ Семирѣченскомъ войскѣ принятъ въ этомъ отношеніи слѣдующій порядокъ. Приговоръ общества представляется въ войсковое правленіе, которое поручаетъ завѣдывающему станицей офицеру провѣрить его на мѣстѣ, собрать и доставить по опредѣленной программѣ свѣдѣнія объ имущественномъ и семейномъ положеніи просящаго объ увольненіи казака. На основаніи добытыхъ такимъ путемъ данныхъ, предсѣдатель войскового правленія, какъ атаманъ отдѣла, составляетъ свое заключеніе, которое уже, со всѣми свѣдѣніями, и представляетъ на разрѣшеніе наказнаго атамана

1893 годъ. Имѣвшееся при штабѣ Омскаго военнаго округа, въ составъ котораго отошла къ этому времени Семирѣченская область, казачье отдѣленіе увеличено и часть расходовъ по содержанію его, въ суммѣ около 300 руб. въ годъ, отнесена на счетъ войскового капитала Семирѣченскаго войска. Въ этомъ отдѣленіи сосредоточивались всѣ дѣла Сибирскаго и Семирѣченскаго войска, восходившія на разрѣшеніе командующаго войсками округа ([25]).

1895 годъ. Полевые полки 1, 2 и 3 й Сибирскаго войска и 1 Семирѣченскаго сведены въ особую казачью бригаду, названную Зап.-Сибирской ([26]) командиромъ которой назначенъ атаманъ 2-го отдѣла Уральскаго к. войска ген.-маіоръ Толстовъ ([27]).

1897 годъ. Военнымъ Совѣтомъ утверждены правила на основаніи которыхъ казакамъ служилаго состава, а въ томъ числѣ и приготовительнаго разряда, разрѣшены въ мирное время отлучки изъ мѣстожительства до одного года Эти отлучки предоставлено разрѣшать: на срокъ до трехъ мѣсяцевъ станич-

нымъ атаманамъ, а до одного года атаманамъ отдѣла; отлучки же безъ обязанности являться на учебные сборы могутъ разрѣшать только наказные атаманы ([28]).

Журналомъ 16 апрѣля этого года Военный Совѣтъ внесъ **1898 годъ.** слѣдующія измѣненія въ положеніе 1879 года.

Изъ обязанности казаковъ заводить и содержать на собственный счетъ исключены винтовки и пики; въ дополненіе же положенія постановлено, что „въ случаѣ предназначенія казаковъ запаснаго разряда въ полки 3 й очереди, за недостаткомъ льготныхъ казаковъ строевого разряда, они обязаны содержать въ полной исправности для выхода на службу все вооруженіе, снаряженіе и обмундированіе, положенное для казаковъ 3-й очереди“ ([29]).

Такъ какъ впередъ невозможно предугадать осуществится-ли такое предназначеніе, что можетъ обнаружиться только по ходу обстоятельствъ въ военное время, то поэтому въ войскѣ и принято за правило, что все положенное выше приведеннымъ дополненіемъ военно-служебное имущество запасные казаки заводятъ при выкомандированіи ихъ на укомплектованіе полевыхъ полковъ.

Состоялось Высочайшее повелѣніе о томъ, что казаки, **1899 годъ.** „состоящіе на дѣйствительной военной службѣ,“ за промотаніе, умышленную порчу или „умышленное покинутіе“ предметовъ своего военно-служебнаго имущества, въ томъ числѣ и лошади, подвергаются отвѣтственности по суду, на основаніи 162—165 ст. кн. XII Св. Воен. Пост. 1869 г., изд. 2-го, хотя бы даже утраченныя вещи или лошадь были заведены ими на собственный счетъ. Въ такомъ смыслѣ и повелѣно измѣнить редакцію ст. 167 выше приведенныхъ книги и свода ([30]).

Вмѣсто генерала Толстова начальникомъ Зап.-Сибирской казачьей бригады назначенъ генералъ-маіоръ Уральскаго к. войска Жигалинъ ([31]).

Въ этомъ-же году журналомъ Военнаго Совѣта постановлено—вознагражденіе казаковъ за убыль лошадей, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, увеличить въ Семирѣченскомъ войскѣ до 60 рублей, но основанія выдачи, о которыхъ сказано выше, оставить по положенію 1870 года ([32]), а въ слѣдующемъ году изданы и правила о такомъ-же вознагражденіи казаковъ льготныхъ полковъ и приготовительнаго разряда во всѣхъ случаяхъ призыва ихъ на дѣйствительную службу, а въ томъ числѣ въ учебныхъ сборахъ, при преслѣдованіи разбойниковъ и въ другихъ случаяхъ вызова для содѣйствія гражданскимъ властямъ этими правилами точно опредѣлены случаи и условія выдачи вознагражденія за пав **1900 годъ.**

шихъ и пришедшихъ въ негодность лошадей. Источникомъ же вознагражденія указанъ войсковой капиталъ, а размѣръ установленъ двоякій. Вознагражденіе въ 60 руб выдается только въ томъ случаѣ, если лошадь, еще при самомъ сборѣ части, была осмотрѣна комиссіей по назначенію атамана отдѣла и признана удовлетворяющей всѣмъ требованіямъ военной службы, но если-же такая комиссія признала лошадь годной только для ученій, при чемъ она должна была опредѣлить и дѣйствительную стоимость лошади, то въ случаѣ утраты или порчи такой лошади вознагражденіе выдается только въ размѣрѣ этой стоимости ([33]).

Такимъ сбразомъ, на вознагражденіе въ томъ или другомъ размѣрѣ могутъ расчитывать только казаки мобилизованныхъ или призванныхъ въ лѣтній учебный сборъ частей, но вызванные изъ станицъ, напримѣръ, для преслѣдованія разбойниковъ, уже не имѣютъ никакой на это надежды, такъ какъ въ этомъ случаѣ времени съ составомъ комиссіи и ея осмотромъ протянется столько, что погоня станетъ безполезной, почему въ такихъ случаяхъ, едвали возможно освидѣтельствованіе, а потому и вознагражденіе болѣе чѣмъ сомнительно, какъ въ той-же мѣрѣ сомнительно оно и во многихъ другихъ случаяхъ. Это послѣднее обстоятельство побудило войсковое управленіе войска Донского, а за нимъ, по спеціальному предложенію главнаго управленія казачьихъ войскъ, и Семирѣченскаго — войти съ представленіемъ о дополненіи выше приведенныхъ правилъ ([34]).

Въ концѣ 1900-го-же года командиромъ 1 полка назначенъ войсковой старшина Гордодѣловъ ([35]), командовавшій въ это время 3-мъ Семирѣченскимъ мобилизованнымъ полкомъ. № 1-й полкъ онъ принялъ только въ маѣ слѣдующаго года, послѣ демобилизаціи льготныхъ семирѣченскихъ полковъ. Бывшій-же командиръ 1-го полка ген. маіоръ Щербаковъ назначенъ начальникомъ 2-й бригады 1-й Туркестанской казачьей дивизіи, въ составъ которой вошелъ и 1-й Семирѣченскій полкъ въ 1902 году, при перемѣщеніи его въ Ферганy

1902 годъ. 1 августа 1 Семирѣченскій полкъ выступилъ изъ города Вѣрнаго въ Ферганскую область, въ гор. Н. Маргеланъ, пройдя туда прямымъ путемъ чрезъ укрѣпленіе Нарынъ, перевалъ Кугартъ, сел. Узгентъ и гор. Ошъ ([36]).

Прилагаемая таблица распредѣленія воинской повинности на населеніе войска показываетъ, что до 1891 г. почти

[1] з всего мужского населенія состояла въ служиломъ составѣ, т. е. въ той или другой степени была ограничена въ правахъ на передвиженіе, что, какъ мы видѣли, имѣло замѣтное вліяніе на экономическое положеніе населенія. Разсматривая таблицу далѣе, видимъ, что % выставляемыхъ на дѣйствительную службу казаковъ въ изслѣдуемый періодъ времени ко всему мужскому населенію достигалъ наибольшей высоты въ 1880, 1900 и 1901 г.г, а въ остальныхъ колебался отъ 4,1 до 7,1, т. е. и въ этотъ періодъ, сравнительно съ прочимъ населеніемъ имперіи въ томъ-же отношеніи, какъ будто бы мирнаго времени для войска тоже не существовало.

Распредѣленіе воинской повинности на населеніе войска (37).

Годы.	По штату въ войскѣ назначено.						Въ теченіе года или части его на дѣйствит. службѣ состояло.			%-ное отношеніе, состоявшихъ на дѣйствит. службѣ къ всему мужскому населенію войска.	Въ войскѣ состояло.				%-ное отношеніе служилаго состава къ всему муж. населенію войска.
	По мирному времени.			По военному времени.											
	Полковъ.	Офицеровъ.	Ниж. чиновъ.	Полковъ.	Офицеровъ.	Ниж. чиновъ	Полковъ.	Офицеровъ.	Ниж. чиновъ.		Приготовит. разряда.	Строевого разряда.	Запаснаго разряда.	ВСЕГО служилаго состава.	
1880	1	31	675	3	45	1962	3	37	1892	18,2	—	—	—	—	—
1881	1	31	675	3	45	1962	1	35	650	6,3	—	—	—	—	—
1882	1	31	675	3	45	1963	1	32	697	6,7	—	—	—	—	—
1883	1	31	675	3	45	1962	1	39	755	7,1	—	—	—	—	—
1884	1	31	675	3	45	1962	1	41	684	6,5	—	—	—	—	—
1885	1	32	669	3	45	1962	1	39	701	6,4	—	—	—	—	—
1886	1	32	669	3	45	1962	1	38	694	6,3	484	2331	692	3507	30,0
1887	1	32	669	3	45	1962	1	36	552	5,0	650	2193	785	3628	30,7
1888	1	32	669	3	45	1962	1	36	580	5,2	655	2135	861	3651	31,2
1889	1	32	669	3	45	1965	1	35	601	5,3	619	2152	872	3673	30,3
1890	1	32	669	3	45	1965	1	35	633	5,5	738	2206	789	3733	30,2
1891	1	32	669	3	45	1965	1	34	658	5,7	723	2217	820	3760	29,8
1892	1	32	668	3	45	1965	1	36	658	5,5	730	2184	771	3686	28,5
1893	1	32	668	3	45	1965	1	36	673	5,5	741	2103	842	3686	28,0
1894	1	32	668	3	45	1965	1	33	645	5,2	694	2198	788	3680	27,3

1895	1	32	668	3	45	1965	1	32	648	5,1	671	2112	677	3460	25,2
1896	1	32	668	3	45	1965	1	33	657	5,0	616	2141	687	3444	25,4
1897	1	32	668	3	45	1965	1	33	669	5,0	576	2091	694	3361	23,7
1898	1	32	668	3	45	1965	1	33	652	4,1	586	2095	706	3387	23,3
1899	1	32	668	3	45	1965	1	33	669	4,8	589	2120	716	3425	23,1
1900	1	32	668	3	46	1965	3¼	46	1965	13,6	655	2052	735	3442	22,8
1901	1	32	668	3	45	1965	3	34	1356	9,2	715	2032	731	3478	22,7
1902	1	32	668	3	48	2112	1	32	643	4,4	827	2010	755	3592	22,4
1903	1	32	668	3	48	2189	1	30	674	4,4	908	2233	765	3906	23,7

Комплектованіе полевыхъ частей

Какъ мы уже видѣли изъ предъидущаго очерка, полевыя части, выставляемыя Семирѣченскимъ войскомъ, подраздѣляются на двѣ группы—постоянныя и временныя. Постоянныя содержатся въ мирное и военное время, а временныя только въ военное.

Въ первую группу входитъ первоочередной полкъ, а во вторую льготные полки и тѣ части, которыя въ случаѣ надобности, могутъ быть сформированы изъ казаковъ запаса и ополченія.

Вслѣдствіе такого распредѣленія воинской повинности по положенію 1879 г. и самое комплектованіе этихъ полевыхъ частей представляетъ два способа, въ зависимости отъ того, какая группа частей укомплектовывается, а потому способы комплектованія той или другой группы не имѣютъ между собою ничего общаго: части первой группы комплектуются одними молодыми казаками, а второй только старослужащими. Разсмотримъ предварительно комплектованіе постоянныхъ частей или первоочереднаго полка.

Какъ мы уже знаемъ, этотъ полкъ комплектуется казаками приготовительнаго разряда, которые на 22-мъ году своей жизни для этой цѣли перечисляются въ строевой разрядъ.

Всѣ молодые казаки 18-ти лѣтняго возраста зачисляются, какъ мы уже знаемъ, въ приготовительный разрядъ, во время состоянія въ которомъ они приготовляются къ выкомандированію на полевую службу, т. е обзаводятся всѣмъ положеннымъ военно-служебнымъ имуществомъ, о чемъ будетъ сказано въ особой статьѣ, и обучаются строевой службѣ, съ цѣлью дать первоочередному полку подготовительные къ службѣ контингенты комплектованія.

Обученіе строевой службѣ каждаго контингента комплектованія молодыхъ казаковъ происходитъ на зимнихъ и одномъ лѣтнемъ учебныхъ сборахъ. Порядокъ привлеченіе на

лѣтнія сборы и способъ обученія на нихъ будутъ разсмотрѣны особо, въ спеціальной статьѣ, въ связи съ такимъ-же обученіемъ на этихъ сборахъ казаковъ полковъ 2-й и 3-й очередей, здѣсь-же перейдемъ пока къ обзору зимнихъ сборовъ.

Зимніе учебные сборы.

Обученіе казаковъ приготовительнаго разряда на этихъ сборахъ производилось офицерами, завѣдующими станицами, и инструкторами.

Инструкторы избирались обыкновенно офицерами, завѣдующими станицами, изъ урядниковъ и трубачей, наиболѣе удовлетворяющихъ условіямъ, требуемымъ отъ учителя и наставника молодыхъ казаковъ. Избранные утверждались въ своихъ должностяхъ приказомъ по войску. Инструкторы получали особое вознагражденіе изъ войскового капитала, которое слагалось изъ жалованія по ихъ строевымъ званіямъ, по штату полка, и особаго, добавочнаго, равнаго для всѣхъ, кромѣ трубачей, вознагражденія въ 50 руб. въ годъ на каждаго. Трубачамъ—инструкторамъ это добавочное къ жалованію вознагражденіе опредѣлялось въ размѣрѣ 30 руб. въ годъ каждому.

Назначеніе инструкторовъ впервые было произведено въ ноябрѣ 1880 года(38).

До 1886 года обученіе казаковъ средняго и старшаго возрастовъ, приготовительнаго разряда производилось въ своихъ станицахъ и выселкахъ по всѣмъ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и, кромѣ того, на 3-хъ недѣльныхъ сборахъ: въ декабрѣ, январѣ и февралѣ, т. е. въ наиболѣе свободное отъ работъ время(39). Казаки обучались на основаніи особыхъ инструкцій изданныхъ войсковымъ управленіемъ.

Въ 1886 году существовавшій порядокъ обученія молодыхъ казаковъ былъ признанъ неудобнымъ, какъ для нихъ, такъ и для самаго дѣла обученія, почему была издана новая инструкція(40), которой и введенъ новый порядокъ въ организаціи зимнихъ сборовъ. Назначено уже два *мѣсячныхъ*, 30-ти дневныхъ, сбора, одинъ въ ноябрѣ или декабрѣ, смотря по тому, когда будетъ у казаковъ наиболѣе свободное время отъ работъ, и другой въ февралѣ.

На зимнихъ сборахъ казаки, въ предѣлахъ вышеуказанныхъ инструкцій, пріобрѣтали теоретическія познанія по разнымъ отдѣламъ строевой службы, обучались практически пѣшему и конному строю, гимнастикѣ, приготовительнымъ къ стрѣльбѣ пріемамъ и упражненіямъ, джигитовкѣ, скачкѣ чрезъ препятствія и т. д., однимъ словомъ, всему тому, что современныя полевыя казачьи части проходили въ соотвѣтствующій зимній періодъ занятій.

На эти сборы выдавались казакамъ винтовки того типа,

какой состоялъ на вооруженіи войска и съ 1885 года обязательно на каждаго казака; шашки-же у нихъ имѣлись собственныя.

Съ 1886 года привлеченіе на учебные сборы казаковъ приняло точно опредѣленный, правильный и наиболѣе удобный для нихъ характеръ. На первый зимній сборъ, въ ноябрѣ или декабрѣ, привлекались казаки средняго возраста, т. е. на второй годъ ихъ зачисленія въ приготовительный разрядъ, а въ слѣдующемъ году, они, перейдя уже въ старшій возрастъ, отбывали второй зимній сборъ въ февралѣ. Казаки-же младшаго возраста пользовались, такимъ образомъ, полною льготой.

Казаки старшаго возраста приготовительнаго разряда, отбывъ на 21-мъ году жизни одинъ лѣтній сборъ, перечислялись съ 1 января слѣдующаго года, т е 21-го года, въ строевой разрядъ(41), состоя въ которомъ, они уже не привлекались ни къ какимъ занятіямъ и окончательно приготовлялись къ выходу на полевую службу.

Разверстка нарядовъ по станицамъ.

Ежегодно войсковое правленіе производитъ разсчетъ величины контингентовъ, необходимыхъ для укомплектованія первоочереднаго полка. Станичныя же правленія составляютъ проэкты очередныхъ списковъ молодыхъ казаковъ, подлежащихъ выкомандированію на полевую службу. Эти проэкты вносились на утвержденіе схода а съ 1892 г. сбора выборныхъ. Утвержденный этимъ органомъ самоуправленія очередной списокъ представлялся отъ станицъ къ 1 апрѣля въ войсковое правленіе, которое, провѣривъ очередные списки и по разсчету нужнаго числа молодыхъ казаковъ, распредѣляло по этимъ спискамъ весь предстоящій отъ войска нарядъ по станицамъ, пропорціонально численности казаковъ приготовительнаго разряда старшаго возраста въ каждой станицѣ, за исключеніемъ пользующихся отсрочками для окончанія образованія, и опредѣляло сколько именно каждая станица, въ отдѣльности, должна была выставить молодыхъ казаковъ укомплектованія, назначая этимъ самымъ предѣльный номеръ представленнаго станицей очереднаго списка.

Всѣ казаки внесенные въ списокъ выше предѣльнаго номера, съ этимъ предѣльнымъ номеромъ вмѣстѣ, предназначаются на полевую службу, а всѣ остальные, записанные въ списокъ ниже предѣльнаго номера, остаются пока, до надобности, въ станицахъ. А такъ какъ въ очередной списокъ казаки вносятся по степенн ихъ имущественнаго и семейнаго положенія, т е. болѣе нуждающіеся въ освобожденіи отъ

службы записываются ниже своихъ товарищей, менѣе нуждающихся въ такой льготѣ. по этому, *если годовой нарядъ отъ станицы менѣе числа имѣющихся молодыхъ казаковъ,* то всѣ излишніе, т. е наиболѣе нуждающіеся въ льготѣ, получаютъ отсрочку.

Каждый молодой казакъ можетъ быть внесенъ только въ два послѣдовательные очередные списка; мѣсто-же. или номеръ его записки въ списокъ, зависѣлъ отъ усмотрѣнія схода, а потомъ сбора выборныхъ, въ зависимости отъ комбинаціи и подраздѣленія нуждающихся въ льготѣ отъ службы почему, если одинъ и тотъ-же казакъ два года подъ рядъ окажется записаннымъ въ очередныхъ спискахъ ниже предѣльнаго номера, то, въ такомъ случаѣ, онъ получаетъ уже дѣйствительное освобожденіе отъ службы въ первоочередномъ полку и зачисляется „для счета" въ полкъ 2-й очереди

Но это освобожденіе дѣйствительно только до тѣхъ поръ, пока не потребуется дополнительный нарядъ для укомплектованія первоочереднаго полка, надобность въ которомъ можетъ явиться въ военное время и другихъ исключительныхъ случаяхъ.

Выкомандированіе на полевую службу.

Выкомандированіе на укомплектованіе молодыхъ казаковъ производилось съ 1880 года всегда осенью въ годъ перечисленія ихъ въ строевой разрядъ

По положенію 1879 г. молодые казаки, назначенные на укомплектованіе полка первой очереди, собирались на сборные пункты къ 15 сентября и только съ 1903 года этотъ срокъ, вслѣдствіе перемѣщенія 1-го Семирѣченскаго полка на постоянную службу въ Фергану. измѣненъ: для сѣверныхъ станицъ на 1-е, а для южныхъ на 15-е августа(42).

Движеніе казаковъ къ центральному пункту сбора—г. Вѣрный—начиналось съ самыхъ дальнихъ сѣверныхъ станицъ войска—Урджарской и Сергіопольской. Обыкновенно въ Капалѣ отдѣльныя партіи казаковъ дальнихъ станицъ принимались офицеромъ, назначеннымъ начальникомъ эшелона молодыхъ казаковъ, и по пути въ гор. Вѣрный, къ этому эшелону въ ранѣе намѣченныхъ пунктахъ, присоединялись остальныя партіи сѣверныхъ поселеній войска

Въ городѣ-же Вѣрномъ, ко времени вступленія туда эшелона казаковъ сѣверныхъ станицъ, сосредоточивались и молодые казаки южныхъ станицъ.

Здѣсь производился полный осмотръ военно-служебнаго имущества казаковъ комиссіей, назначенной наказнымъ ата-

маномъ и исправлялись всѣ недостатки и ошибки. Здѣсь-же казаки подвергались окончательному медицинскому освидѣтельствованію и всѣ неудовлетворяющіе тробованіямъ военной службы, не заявившіе почему либо о своихъ недостаткахъ прежде, при освидѣтельствованіи ихъ во время зачисленія въ приготовительный разрядъ или при самомъ выкомандированіи изъ станицъ, оставлялись или подвергались испытанію въ мѣстномъ лазаретѣ.

Послѣ осмотра молодые казаки сдавались прямо въ полкъ, если онъ квартировалъ въ г. Вѣрномъ или отправлялись эшелономъ въ пунктъ его расположенія.

По приходѣ въ полкъ, казаки вторично подвергались осмотру и освидѣтельствованію, но уже полковой комиссіей. Недостатки, обнаруженные здѣсь, исправлялись распоряженіемъ войскового начальства.

Прилагаемая таблица показываетъ величину ежегодныхъ контингентовъ комплектованія за всѣ годы изслѣдуемаго періода времени(13).

Въ этой таблицѣ обращаетъ на себя вниманіе наименьшее число казаковъ, выкомадированныхъ въ 1887 году; это произошло потому, что въ тотъ годъ казаки южныхъ станицъ были освобождены отъ выкомандированія на службу на одинъ годъ, вслѣдствіе землетрясенія, разрушившаго всѣ каменныя строенія станицъ Алматинскихъ, Софійской и другихъ, отъ котораго пострадали въ нихъ даже и деревянные дома*)

Годы.	Число казаковъ.	Годы.	Число казаковъ.	Годы.	Число казаковъ.
1880	145	1888	156	1896	178
1881	163	1889	171	1897	187
1882	165	1890	185	1898	179
1883	195	1891	169	1899	148
1884	129	1892	167	1900	173
1885	162	1893	219	1901	174
1886	179	1894	209	1902	181
1887	70	1895	143	1903	192

*) Въ нихъ разрушены печи, осыпалась штукатурка; заборы дворовъ преимущественно глинобитные или колобковые, тоже были разрушены

Изъ прежде сказаннаго намъ уже извѣстно, въ какихъ именно случаяхъ и какія льготные части призываются на полевую службу. **Комплектованіе льготныхъ частей.**

Призывъ на службу производится на основаніи Высочайшаго повелѣнія, которое точно опредѣляетъ тотъ разрядъ казаковъ, который долженъ быть мобилизованъ. Мобилизація совершается по заранѣе выработанному плану и казаки сосредоточиваются въ опредѣленныхъ этимъ планомъ пунктахъ, гдѣ изъ нихъ и формируются тѣ или другія строевыя части.

Эти строевыя части находятся на службѣ столько времени, сколько потребуютъ обстоятельства и комплектованіе ихъ производится при посредствѣ запасной конной сотни, которая по мѣрѣ надобности высылаетъ къ нимъ маршевыя команды, пополняя свой составъ новыми контингентами льготныхъ казаковъ изъ войска.

До отправленія маршевыми командами къ полевымъ частямъ, ушедшимъ въ походъ, казаки въ запасной сотнѣ освѣжаютъ свои свѣдѣнія по строевому военному дѣлу, проходятъ курсъ стрѣльбы и т. д., съ цѣлью явиться въ свои части возможно лучше подготовленными для исполненія своихъ обязанностей(44).

По положенію 1879 года въ лѣтніе учебные сборы призываются ежегодно всѣ казаки старшаго возраста приготовительнаго разряда и тѣ казаки строевого разряда, которые остались въ войскѣ не выкомандированными на полевую службу, вслѣдствіе записи ихъ въ очередные списки ниже предѣльнаго номера, т. е. не бывшіе на дѣйствительной службѣ, но способные къ ней. **Лѣтніе учебные сборы(45).**

Казаки полка 2-й очереди обязаны отбыть три сбора, а 3-й очереди—одинъ, при чемъ во 2-мъ полку сборы отбываются на 2, 3 и 4 годахъ состоянія въ немъ, а въ 3-мъ полку только на 3-мъ году.

Продолжительность сбора назначена въ 21 день, а избраніе времени и пунктовъ сбора предоставлено войсковому управленію, съ единственнымъ ограниченіемъ, что сборы должны быть назначаемы въ наиболѣе свободное отъ полевыхъ работъ время.

До 1884 года лѣтніе сборы не имѣли надлежащей правильности, распоряженія о нихъ отдавались сбивчиво и чрезвычайно неполно; только въ 1884 году въ первый разъ от-

данъ по войску приказъ, соотвѣтствовавшій *почти* всѣмъ условіямъ, постановленнымъ положеніемъ 1879 года(46), но и въ этомъ приказѣ имѣлась неправильность, повторявшаяся изъ года въ годъ до 1890 года, когда, наконецъ, и она была исправлена.

Суть неправильности заключалась въ томъ, что въ эти годы въ лѣтніе сборы или, какъ ихъ называютъ въ войскѣ, „кампаменты" привлекались казаки 3-го полка младшаго возраста, т. е. въ первый-же годъ по перечисленіи ихъ въ этотъ полкъ, тогда какъ, на основаніи ст. 117 устава о воинской-повинности Донского войска, казаки 3-го полка должны быть привлекаемы въ кампаментъ только на третьемъ году ихъ состоянія въ полку 3-й очереди(47).

Болѣе серьезное вниманіе войсковой власти на лѣтніе сборы было обращено только съ 1885 года и только съ этого времени появились въ приказахъ по войску регулярные, точные и подробные отчеты о кампаментахъ, дающіе всесторонніе о нихъ свѣдѣнія.

Число кампаментныхъ пунктовъ въ войскѣ колебалось въ изслѣдуемый періодъ отъ 5 до 7 и наиболѣе обычными мѣстами сборовъ были при станицахъ: М.-Алматинской—для южныхъ поселеній, а для сѣверныхъ при станицѣ Голубевской, выселкѣ Царицинскомъ, станицахъ: Капальской, Сарканской, Лепсинской и Урджарской. Иногда пункты сборовъ изъ станицы Урджарской перемѣщался въ Сергіопольскую, изъ станицы Капальской въ Сарканскую, а изъ выселка Царицинскаго въ станицу Коксуйскую и т. д., что зависѣло отъ числа привлекаемыхъ на сборъ казаковъ и нѣкоторыхъ другихъ частныхъ причинъ.

Первоначально всѣ сборы помѣщались въ юртахъ, нанимаемыхъ на станичный общественный счетъ, но съ 1887 года войсковое управленіе начало требовать отъ станицъ постройки бараковъ(48), настойчиво поддерживая эти требованія изъ года въ годъ, и къ 1892 году уже только два компаментныхъ сбора, Алматинскій и Царицинскій, не имѣли бараковъ(49).

Довольствіе казаковъ въ сборахъ производилось на средства, ассигнуемыя ежегодно изъ войскового капитала Деньги отпускались только на приварочное и провіантское довольствіе и на дрова для варки пищи въ размѣрахъ, опредѣленныхъ для полевыхъ частей. Лошади довольствовались однимъ подножнымъ кормомъ и на нихъ никакого отпуска не производилось. Довольствіемъ вѣдали офицеры—начальники кампаментныхъ сборовъ, которымъ и ассигновывались всѣ денежныя для сборовъ средства. Довольствіе казаковъ производилось преимуще-

ственно артельнымъ порядкомъ—изъ котла, а въ нѣкоторыхъ, немногихъ, даже выпекался хлѣбъ.

Войсковое начальство всегда, особенно съ 1885 года, стремилось обставить сборы лучше и придать имъ внѣшній видъ лагерей полевыхъ частей, что ему постепенно и удалось достигнуть во всѣхъ кампаментахъ

Винтовки выдавались на каждаго казака и того типа, какой состоялъ на вооруженіи войска, но до 1886 г. въ этомъ отношеніи существовала довольно странная аномалія.

Первоочередной полкъ еще въ 1877—78 г г. былъ перевооруженъ бердановскими винтовками, а войско, на вооруженіе льготныхъ полковъ, получило, какъ мы уже знаемъ, эти винтовки еще въ 1879 г. Между тѣмъ, для занятій въ сборахъ до 1886 года выдавалось старое ударное оружіе и, такимъ образомъ, льготные казаки, обученные уже въ 1-мъ полку стрѣльбѣ изъ бердановскихъ винтовокъ, попадая въ кампаментный сборъ, упражнялись въ стрѣльбѣ изъ 7-ми линейныхъ ружей. Казаки приготовительнаго разряда—тоже учились стрѣльбѣ изъ этого, давно отжившаго свой вѣкъ, оружія или, иначе говоря, тѣ и другіе совершенно непроизводительно тратили время и средства. Только въ 1886 году эта странная аномалія была уничтожена уже приказомъ по военному вѣдомству, которымъ предписано курсъ стрѣльбы на сборахъ проходить изъ бердановскихъ винтовокъ и расходъ на устройство мишеней отнесенъ на войсковой капиталъ(50).

Собранные въ кампаментахъ казаки составляли полусотни, а въ Алматинскомъ сборѣ всегда почти составлялся дивизіонъ, двѣ сотни котораго имѣли нерѣдко до 18-20 рядовъ во взводахъ.

Обученіе производилось офицерами, завѣдующими станицами—молодыхъ казаковъ при посредствѣ ихъ инструкторовъ, а льготныхъ—урядниковъ состава этихъ полковъ.

Программа и курсъ обученія опредѣлялись тѣми-же вышеуказанными инструкціями и дѣйствовавшими въ полевыхъ частяхъ уставами.

Въ кампаментныхъ сборахъ казаки проходили установленный для этихъ сборовъ курсъ стрѣльбы, освѣжали свои теоретическія познанія, обучались пѣшему и конному строю, практически проходили сторожевую службу, учились джигитовкѣ, скачкѣ чрезъ препятствія, владѣнію оружіемъ, гимнастикѣ и т. д. Вообщее курсъ для 21-го дня болѣе чѣмъ обширный и офицеры со своими помощниками выбивались изъ силъ, чтобы сдѣлать за это время возможно больше. Войсковое же начальство было чрезвычайно требовательно и относилось къ дѣ-

лу обученія казаковъ строго. Доказательствомъ чему служитъ зачисленіе по войску въ 1889 году двухъ офицеровъ, представившихъ свои кампаменты неудовлетворительно(51).

Обученіе въ кампаментахъ было поставлено дѣйствительно на надлежащей высотѣ, свидѣтельствомъ чему, помимо приказовъ по войску, являются три ордера командированнаго въ 1894 году по Высочайшему повелѣнію для инспекцій стрѣлковой части въ войскахъ Омскаго военнаго округа начальника Туркестанской стрѣлковой бригады генерала Авинова, который по своему выбору произвелъ смотры стрѣльбы въ 3-хъ кампаментахъ и нашелъ въ среднемъ выводѣ стрѣльбу изъ винтовокъ: въ одномъ—отлично+7 и въ двухъ очень хорошо +9,6, а изъ револьверовъ: отлично+35 и отлично+19, въ третьемъ стрѣльбы изъ револьверовъ не производилъ. Въ общемъ-же далъ заключеніе, что стрѣлковая часть находится въ отличномъ состояніи(52).

Въ концѣ кампаментнаго періода каждый отдѣльный сборъ ежегодно инспектировался: въ сѣверныхъ станицахъ до 1892 года шт.-офицеромъ, завѣдующимъ этими станицами, съ 1892-го по 1903 годъ—тѣмъ или другимъ помощникомъ командира 1-го полка, а съ 1903 г. помощникомъ предсѣдателя войскового правленія(53).

Алматинскій-же сборъ, гдѣ сосредоточивались казаки всѣхъ южныхъ станицъ, всегда инспектировался предсѣдателемъ войскового правленія, какъ атаманомъ отдѣла, а иногда въ этой инспекціи принималъ участіе и наказный атаманъ.

Войсковое управленіе до 1893 года пользовалось инспекціей кампаментныхъ сборовъ еще и для осмотра обмундированія и снаряженія казаковъ. Съ 1893 года эти осмотры прекращены, такъ какъ въ 1892 году наказному атаману предоставлено право собирать для этой цѣли казаковъ въ особые дни(54), что въ цѣляхъ контроля было гораздо удобнѣе и дѣйствительнѣе

Смотръ въ каждомъ кампаментѣ заканчивался обыкновенно джигитовкой и скачкой на призы, а стрѣльба особо—тоже стрѣльбой на призы.

Изъ войскового капитала ассигновывалась особая сумма въ 600 руб., на которую пріобрѣтались серебрянные часы, винтовки и шашки, а для вольной джигитовки шали и платки, которые и назначались въ призы. Вольно-джигитующіе не получали особыхъ призовъ, а вознаграждали себя за свою удаль и искусство схватываніемъ съ земли на карьерѣ разбросанныхъ по линіи джигитовки шалей и платковъ; но тѣ изъ нихъ, которые показывали свою удаль и искусство въ болѣе трудныхъ

и рискованныхъ способахъ джигитовки вознаграждались инспектирующимъ болѣе цѣнными изъ этихъ предметовъ.

Скачка же съ препятствіями и джигитовкой на призы была обставлена довольно сложными условіями, которыя исключали всякую случайность въ полученіи приза. Здѣсь награда призами присуждалась уже лучшимъ наѣздникамъ всего войска, а не по отдѣльнымъ сборамъ, какъ и за стрѣльбу. Результаты скачки каждаго отдѣльнаго всадника, по выполненію имъ каждаго условія, вносились инспектирующими въ особыя вѣдомости и потомъ уже въ войскомъ правленіи, при сличеніи выполненныхъ и не выполненныхъ условій отдѣльными всадниками—назначались призы. Такое распредѣленіе могло производиться совершенно правильно, такъ какъ достоинства многихъ условій скачки, какъ, напримѣръ, уколы шашкой и пикой въ качающіеся цилиндры, рубка прутьевъ, были сведены къ обозначенію №-ровъ круговъ, въ которые попадали удары всадниковъ.

Призы за стрѣльбу и наѣздничество присуждались не только часами, винтовками и шашками, но и деньгами изъ той же ассигнуемой суммы въ 600 руб.

Прилагаемая таблица, составленная на основаніи отчетовъ объ осмотрѣ сборовъ, объявленныхъ въ приказахъ по войску, даетъ всѣ остальныя свѣдѣнія.

Разсматривая эту таблицу, видимъ, что дѣйствительная численность сборовъ постоянно, до 1900 г., прогрессировала; уменьшеніе этой численности въ 1901 и 1902 г.г. произошло вслѣдствіе освобожденія отъ обязанности отбывать кампаменты въ эти два года всѣхъ казаковъ льготныхъ полковъ, которые были мобилизованы въ 1900 - 1901 г.г (55).

ТАБЛИЦА

состава лѣтнихъ учебныхъ сборовъ въ войскѣ.

Годы учебныхъ сборовъ	Число сборныхъ пунктовъ.	Численность состава сборовъ.		Неявившихся въ сборы.				Явилось на сборъ пѣшими.
		По предположенію.	Дѣйствительная.	Освобожденныхъ или имѣвшихъ право на освобожденіе.	Безъ права на освобожденіе	ВСЕГО.	% неявившихся ко всему числу подлежавшихъ привлеченію.	
1885	6	969	721	206	42	248	25,6	46
1886	5	546	484	62	—	62	12,8	6
1887	6	827	701	126	—	126	14,0	4
1888	7	974	661	285	28	313	32,0	17
1889	7	814	669	137	8	145	17,8	8
1890	7	708	553	151	4	155	21,9	—
1891	7	724	591	108	22	130	17,9	—
1892	7	880	699	166	15	181	20,5	—
1893	7	835	682	152	1	153	18,3	8
1894	7	908	720	163	25	188	20,7	18
1895	7	925	639	263	23	286	30,9	—
1896	7	914	700	200	14	214	23,4	—
1897	7	1010	825	174	11	185	18,3	—
1898	7	1163	963	200	5	205	16,1	—
1899	7	1252	1016	236	—	236	10,8	—
1900	7	1505	1175	330	—	330	21,2	—
1901	5	226	216	10	—	10	4,4	—
1902	6	232	221	11	—	11	4,7	—
1903	6	1031	862	172	—	172	16,6	—

Оружіе и вооруженіе казаковъ.

Какъ мы уже знаемъ изъ прежде сказаннаго — перевооруженіе Семирѣченскаго войска новымъ по тому времени, скорострѣльнымъ оружіемъ — винтовками Бердана и револьверами системы Смитта и Вессона — было почти закончено еще въ 1879 году. Это оружіе, какъ намъ тоже извѣстно, было признано войсковой - казенной собственностью, почему казаки и были освобождены отъ обязанностей пріобрѣтать его на собственный счетъ.

Все оружіе, предназначенное на воруженіе льготныхъ

частей было сосредоточено въ двухъ войсковыхъ складахъ — въ станицѣ Алматинской и Коксуйской и, какъ мы уже знаемъ, оно, „какъ цѣнное и стоющее войску большихъ денегъ“ (56), въ складахъ этихъ хранилось и не выдавалось для обученія казаковъ на сборахъ.

Въ 1882 году въ войскѣ имѣлось оружія:

Мѣстонахожденіе оружія.	Берданов-скихъ винтовокъ.	Револьве-ровъ.	Шашекъ стараго об-разца.
На вооруженіи № 1 полка . .	564	12	583
Въ двухъ войсковыхъ складахъ .	1114	36	1175
Въ станицахъ для обученія казаковъ	15	—	68
Всего . .	1693	48	1826

Кромѣ того ожидалось къ полученію еще 150 винтовокъ (56).

Въ 1884 году въ войско выписана первая партія шашекъ въ 600 шт. образца 1881 года, на вооруженіе первоочереднаго полка (57); для льготныхъ же полковъ эта выписка была начата только съ 1888 и 1899 г. г. (58), а затѣмъ продолжалась и въ послѣдующіе годы.

По мѣрѣ полученія шашекъ съ завода, стоимость которыхъ обходилась войску отъ 6 руб. 67 коп до 7 р. 38 к за штуку, онѣ продавались казакамъ строевого разряда съ разсрочкою платежа на два года (59).

Въ 1893 году заготовленіе пикъ отнесено на войсковой счетъ и пика исключена изъ числа собственнаго оружія казаковъ (60), почему на ихъ обязанности съ этого времени оставалось имѣть однѣ только шашки (61).

Въ 1886 году храненіе оружія исключительно въ двухъ войсковыхъ складахъ признано, наконецъ, совершенно неудовлетворяющимъ своему назначенію, почему, въ началѣ этого года, бердановскія винтовки распредѣлены слѣдующимъ образомъ: въ войсковомъ складѣ въ станицѣ Алматинской оставлено 663, а остальныя отправлены въ склады станицъ: Коксуйской 220, Голубевской 50, Лепсинской 250, Урджарской 100.

Всего-же на вооруженіи войска въ этомъ году, вмѣстѣ съ

первоочереднымъ полкомъ, имѣлось: берданскихъ винтовокъ 1847, револьверовъ 52 и хранилось шашекъ стараго образца еще 1250 (62)

Въ 1895 году, къ которому всѣ льготные казаки были вооружены шашками образца 1881 года, храненіе этихъ шашекъ на рукахъ казаковъ было признано, въ цѣляхъ полной исправности этого оружія, неудобнымъ и всѣ шашки льготныхъ, запаснаго и приготовительнаго разряда казаковъ помѣщены въ станичные склады, находившіеся на отвѣтственности офицеровъ завѣдывающихъ станицами. Изъ складовъ шашки выдавались казакамъ, кромѣ времени мобилизаціи, только на учебные сборы. Окончательное же возвращеніе ихъ собственникамъ назначено только на 4 мъ году ихъ пребыванія въ запасномъ разрядѣ (63).

Съ 1895 года началось перевооруженіе Семирѣченскаго войска 3-хъ линейными магазинными винтовками. Первоочередный полкъ получилъ новое оружіе въ 1895-же году и тогда-же въ войско было доставлено 70 магазинныхъ винтовокъ для вооруженія эшелоновъ комплектованія 1-го полка (64).

Въ 1897 году, по распоряженію военнаго министерства, отъ войска командированъ въ офицерскую стрѣлковую школу въ гор. Ораніенбаумъ подъесаулъ Леденевъ, откуда, по окончаніи изученія магазинной винтовки, офицеръ этотъ, распоряженіемъ главнаго артиллерійскаго управленія, въ іюнѣ того-же года, отправленъ на Ижевскіе оружейный и сталедѣлательный заводы. Здѣсь подъесаулъ Леденевъ принялъ для вооруженія двухъ льготныхъ полковъ и западной сотни 1498 магазинныхъ винтовокъ и въ концѣ августа того-же года доставилъ ихъ въ городъ Вѣрный.

Новое оружіе было распредѣлено такъ: въ войсковомъ складѣ оставлено 800, а остальныя винтовки разосланы въ склады станицъ: Голубевской 95, Коксуйской 145, Капальской 144, Сарканской 95, Лепсинской 194 и Урджарской 95. Берданскія-же винтовки, состоявшія на вооруженіи 3-хъ семирѣченскихъ полковъ, были сданы въ 1895 и 1898 г. г. въ числѣ 1796-ти въ мѣстный артиллерійскій складъ въ распоряженіе правительства.

Вопросъ о расчетѣ войска съ казною за магазинныя винтовки, вслѣдствіе затруднительнаго положенія войскового капитала, оставался невырѣшеннымъ еще и въ 1903 году (65).

Снаряженіе молодыхъ казаковъ по дѣйствующему законодательству и въ дѣйствительности.

По положенію о военной службѣ Семирѣченскаго войска 30 іюня 1879 года, казаки, „въ теченіе перваго года нахожденія въ приготовительномъ разрядѣ, освобождаются отъ личныхъ повинностей, какъ натуральныхъ, такъ и денежныхъ, и приготовляютъ необходимое для службы снаряженіе“ (§ 11).

Здѣсь, словомъ „снаряженіе“ обозначено все военно-служебное имущество, которое казакъ обязанъ имѣть при отбываніи воинской повинности, что прямо слѣдуетъ изъ смысла ст. 415 устава о воинской повинности Донского войска, изд. 1897 г. Поэтому все обмундированіе, снаряженіе *), лошадь и шашку казакъ обязанъ завести на 19-мъ году своей жизни.

Такъ требуетъ законъ; посмотримъ-же, возможно-ли казаку безъ напраснаго ущерба исполнить это требованіе, если придерживаться только буквы, а не духа и смысла закона.

Точное исполненіе этого требованія невозможно безъ излишняго и совершенно напраснаго ущерба по слѣдующимъ двумъ обстоятельствамъ: 1) фигура человѣка въ возрастѣ 18—21 года особенно сильно мѣняется мужаетъ, т. е. увеличивается въ поперечныхъ объемахъ, почему одежда, сдѣланная въ этомъ возрастѣ, вѣроятно, въ 9-ти случаяхъ изъ 10-ти, не будетъ совершенно годна тому же лицу въ 22 года. Шить-же эту одежду съ запасомъ „на ростъ“—по меньшей мѣрѣ рискованно.

2) Если-же допустить послѣднее условіе, то, во всякомъ случаѣ, одежда, за три года храненія по разнымъ „укладкамъ“, пріобрѣтетъ такой видъ потертости и потрепанности, что ни одинъ командиръ части не рѣшится вывести одѣтаго въ нее казака въ строй и потребуетъ заведенія новой. Послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе возможно при наличности тѣхъ фактовъ и случаевъ **), когда военное начальство неудовлетворялось даже видомъ обмундированія, заведеннаго предъ самымъ выкомандированіемъ на полевую службу.

Снаряженіе, заведенное за 2—3 года до выкомандированія на службу, пріобрѣтетъ еще худшій видъ, чѣмъ обмундированіе, такъ какъ казаку хранить его, кромѣ амбара или кладовой, негдѣ, да и употребляется оно, помимо службы, значительно чаще обмундированія. Если же къ этому добавить недостаточно доброкачественную мѣстную выдѣлку матеріаловъ, то станетъ очевиднымъ, что за 2—3 года такого „хра

*) Подъ этимъ словомъ, въ частности, разумѣется: сѣдло съ прибо-ромъ, попона, торба, арканъ, приколъ, патронташъ и все прочее, что не составляетъ обмундированія, т. е. одежды.

**) Указаны въ этой статьѣ ниже.

ненія - снаряженіе приметъ худшій видъ, чѣмъ даже обмундированіе.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, въ Семирѣченскомъ войскѣ принято за правило, чтобы казакъ имѣлъ къ первому зимнему учебному сбору только то обмундированіе и снаряженіе, которое ему будетъ необходимо на этомъ и послѣдующихъ сборахъ, т. е. лошадь, сѣдло съ уздой, шинель, коричневую и бѣлыя верхнія рубахи, чембары, фуражку, башлыкъ, перчатки и шашку съ партупеей. При чемъ эти вещи допускались подержанными, лишь бы онѣ имѣли приличный видъ и были-бы совершенно годны къ употребленію. Исключеніе представляли только лошадь и шашка: первая требовалась по возможности лучшей, а вторая, за немногими исключеніями -- новой.

При выкомандированіи-же на полевую службу, къ казаку предъявлялось требованіе завести все военно-служебное имущество новое и въ немногихъ только случаяхъ пропускалось подержанное, но не на столько, чтобы оно сильно разнилось отъ новаго.

Такимъ образомъ, предписанія закона выполнялись въ войскѣ не по буквѣ, а по духу и смыслу, которые требовали только, чтобы молодой казакъ явился въ полкъ исправно снаряженнымъ.

Но и такое выполненіе требованій закона не всегда являлось достижимымъ для семирѣченскихъ казаковъ

Главными причинами затрудненій въ исполненіи обязанности по снаряженію являлись плохо развитая торговля въ странѣ и отсутствіе порядочныхъ мастеровъ. Часто нужныхъ матеріаловъ въ продажѣ не было или они были очень дороги и недоброкачественны, а мастера на столько плохи, особенно въ удаленныхъ отъ главныхъ центровъ области станицахъ, что нерѣдко портили данный имъ матеріалъ.

Слѣдующими причинами явились недостаточность и безпечность казаковъ, пріученныхъ прежними порядками заводить военно служебное имущество отчасти на выдаваемыя впередъ за годъ ремонтныя деньги.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ дѣло со снаряженіемъ казаковъ, почти до половины описываемаго періода, обстояло совсѣмъ плохо и войсковое управленіе принуждено было принять рядъ мѣръ въ этомъ направленіи.

Въ 1882 году приказомъ по войску въ порядкѣ заведенія военно служебнаго имущества установлены опредѣленные

сроки, къ которымъ каждый казакъ обязанъ былъ завести извѣстную часть этого имущества, а если и къ послѣднему сроку у него не доставало чего либо, то недостающее предписано заводить на общественныя средства и опять таки въ счетъ слѣдующей въ будущемъ казаку ремонтной дачи(66). Но уже въ теченіе одного года войсковое управленіе убѣдилось въ недостижимости цѣли при такомъ порядкѣ, почему принята новая мѣра, а именно—предписано обмундированія самимъ казакамъ не заводить, а на каждаго подлежащаго выкомандированію на полевую службу заблаговременно представлять чрезъ станичныя правленія въ войсковое по 28 руб. На эти деньги предположено было выписывать прямо съ фабрикъ или пріобрѣтать отъ интендантства сукна и другіе нужные матеріалы и изъ нихъ, при посредствѣ болѣе опытныхъ мастеровъ въ г. Вѣрномъ, изготовлять на казаковъ все обмундированіе(67).

Эта мѣра была, въ положеніи войска, безусловно самой лучшей, какъ для казаковъ, которымъ она удешевляла обмундированіе, такъ и для самаго дѣла, но казакамъ, пріученнымъ всѣмъ прежнимъ режимомъ къ недовѣрію, она не понравилась и на такое распоряженіе войскового правленія всѣ станичныя общества принесли жалобу Степному генералъ-губернатору, когда онъ въ 1885 году объѣзжалъ поселенія войска. Генералъ Колпаковскій, вытребовавъ въ окружный штабъ всѣ относящіяся сюда свѣдѣнія, поручилъ начальнику штаба разобрать это дѣло(68).

Въ 1889 году этотъ вопросъ командующимъ войсками Омскаго военнаго округа былъ уже вырѣшенъ окончательно въ томъ смыслѣ, что хотя всѣ выгоды на сторонѣ порядка, принятаго войсковымъ управленіемъ, но такъ какъ по закону казаки должны заводить обмундированіе лично сами, поэтому принятый порядокъ „нельзя сдѣлать обязательнымъ для этихъ казаковъ(69).

Вслѣдствіе такого рѣшенія, дѣло обмундированія опять, съ 1889 года, перешло въ руки самихъ казаковъ.

Между тѣмъ стоимость всего снаряженія, даже по цѣнамъ гуртовой заготовки войскового правленія и безъ шашки, какъ удостовѣрилъ въ своемъ отчетѣ генералъ-адъютантъ Свистуновъ въ 1884 году, простиралась до 75 руб, а съ лошадью до 120 руб. что уже обращалось въ сумму, „составляющую въ земледѣльческомъ, крестьянскомъ или казачьемъ хозяйствѣ цѣлый капиталъ“, какъ замѣчено въ приведенномъ отчетѣ.

Въ 1885 году въ приказѣ по военному вѣдомству*) былъ объявленъ полный перечень предметовъ, которые каждый казакъ долженъ былъ имѣть при выходѣ на полевую службу; подтверждено, что всѣ прдметы онъ долженъ завести на собственный счетъ, а если бѣденъ, то при помощи своего станичнаго общества, и только при *доказанной несостоятельности общества* — на ссуду изъ войскового капитала, а затѣмъ разъяснено, что ремонтныя деньги отпускаются на службѣ казаку для поддержанія въ исправности всего его военно-служебнаго имущества, принесеннаго въ полкъ, а не для оплаты долговъ, сдѣланныхъ на заведеніе предметовъ снаряженія, почему этимъ же приказомъ вычеты изъ ремонтной дачи казаковъ на уплату договъ воспрещены.

Это распоряженіе, поставивъ казаковъ въ лучшее положеніе на службѣ, отняло, у нихъ надежу на помощь изъ ремонтной дачи и въ то-же время побудило общество серьезнѣе относиться къ дѣлу снаряженія своихъ сочленовъ на службу.

Войсковое управленіе, со своей стороны, начало настойчиво преслѣдовать отдѣльныхъ казаковъ за неисправность въ снаряженіи, для исполненія чего оно имѣло въ распоряженіи офицеровъ, завѣдующихъ станицами, на которыхъ постепенно и распространяло отвѣтственность за дурное снаряженіе казаковъ. Послѣдніе, производя возможно чаще осмотры отдѣльнымъ казакамъ, подлежащимъ выкомандированію на полевую службу, привлекали станичныхъ атамановъ и общества къ выполненію возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей.

При такихъ условіяхъ дѣло постепенно налаживалось и улучшалось.

Особенный толчекъ въ дѣлѣ улучшенія снаряженія казаковъ принесло распоряженіе военнаго министра въ 1891 году, обязавшее командира первоочереднаго полка доставлять ежегодно, чрезъ окружный штабъ, свѣдѣнія о составѣ, строевой подготовкѣ и снаряженіи контингентовъ комплектованія, для объявленія этихъ свѣдѣній въ приказахъ военнаго министра по казачьимъ войскамъ(70).

Это распоряженіе, въ связи съ извѣстнымъ намъ измѣненіемъ порядка самоуправленія станицъ съ 1892 года, ставило ту или иную степень достоинства снаряженія и вообще подготовки казаковъ къ выкомандированію на полевую службу, въ прямую и непосредственную зависимость отъ дѣятельности войскового правленія въ данномъ направленіи или, другими словами, прежнюю довольно проблематичную отвѣтственность войскового правленія за исправное снаряженіе казаковъ, об-

*) № 199

ращало уже въ совершенно реальную.

Вслѣдствіе такой постановки вопроса объ отвѣтственности и сосредоточенія иниціативы управленія станицами въ рукахъ войскового правленія—дѣло снаряженія казаковъ быстро двинулось впередъ.

Войсковое правленіе приняло рядъ мѣръ, какъ прямого, такъ и косвеннаго воздѣйствія на казаковъ и содѣйствія имъ въ дѣлѣ снаряженія.

Служба станичныхъ атамановъ была поставлена въ зависимость отъ исправности снаряженія казаковъ, надзоръ офицеровъ, завѣдующихъ станицами, усиленъ до предѣловъ возможнаго, обращено серьезное вниманіе на станичные вспомогательные капиталы, обществамъ настойчиво рекомендовано имѣть подрядчиковъ—портныхъ, шорниковъ—для поставки обмундированія и снаряженія. Послѣдняя мѣра, удешевляя обмундированіе, въ то-же самое время, достигала наибольшаго въ немъ однообразія и улучшенія качества, гарантировала своевременность изготовленія и облегчала надзоръ за исполненіемъ.

Въ 1894 и 1895 г.г., развивая эту мѣру, войсковое правленіе даже пробовало ввести способъ найма подрядчика по поставкѣ обмундированія на молодыхъ казаковъ всего войска, для чего и испросило на 1895 годъ особый сверхсмѣтный кредитъ въ четыре тысячи рублей изъ войскового капитала, для пріобрѣтенія матеріаловъ(71), но этотъ способъ оказался неудобопримѣнимымъ на практикѣ и былъ оставленъ.

Въ послѣднее-же время, вслѣдствіе отсутствія въ области солидныхъ шорныхъ заведеній и въ цѣляхъ удешевленія и улучшенія снаряженія, изготовленіе сѣделъ и всѣхъ принадлежностей коннаго и пѣшаго снаряженія*) принято въ войсковую мастерскую.

Такимъ образомъ, съ 1892 года окончательное снаряженіе казаковъ совершается уже исключительно только въ послѣдніе мѣсяцы предъ выкомандированіемъ ихъ на полевую службу Съ того-же времени, постепенно, снаряженіе казаковъ, въ смыслѣ его удовлетворенія по качеству требованіямъ закона, введено въ войскѣ въ ту стадію дальше которой, не нарушая закона и не разоряя казаковъ, идти нельзя. Но положеніе вопроса снаряженія даже и въ этой стадіи въ связи съ упадкомъ экономическаго благосостоянія казаковъ войска, представляетъ уже для нихъ большія, едва преодолимыя затрудненія, признавая и видя которыя, наказный атаманъ генералъ Ивановъ, исчисляя стоимость снаряженія въ 185 руб. на каж-

*) Т. е. портупей, ременныхъ поясовъ и патронташей.

даго казака, доносилъ Его Величеству въ своихъ личныхъ отчетахъ, что снаряженіе казаковъ безъ помощи со стороны государства становится для нихъ крайне затруднительнымъ и ходатайствовалъ часть снаряженія, хотя въ суммѣ 45 руб. на каждаго принять на счетъ государственной казны(72).

Тяжелое положеніе казаковъ въ вопросѣ снаряженія особенно оттѣнено въ его личномъ Всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1897 годъ, гдѣ сказано, что необходимая на снаряженіе молодого казака сумма добывается родителями отовсюду, откуда только можно: продаются предметы хозяйства, скотъ, дѣлаются займы и т. д. Общества-же своими капиталами, за ограниченностью ихъ, приходятъ на помощь въ этомъ случаѣ бѣднякамъ только въ особо исключительныхъ случаяхъ" .

Такое тяжелое положеніе казаковъ усугублялось еще и особой требовательностью военнаго начальства, которое, вопреки точнымъ и яснымъ указаніямъ приказа по военному вѣдомству 1875 года № 203*), предъявляло къ казакамъ, относительно внѣшняго однообразія и качества снаряженія, такія-же требованія какъ и къ регулярнымъ войскамъ(73).

Всѣ эти обстоятельства привели наказнаго атамана генерала Іонова къ необходимости ходатайствовать въ 1900 г. о назначеніи каждому выкомандировываему на полевую службу казаку пособія изъ государственнаго казначейства въ размѣрѣ 50 рублей(74) и въ 1901 году—объ увеличеніи кредита на выдачу ссудъ изъ войскового капитала до десяти тысячъ рублей(75).

Въ тѣхъ-же цѣляхъ облегченія казакамъ способовъ къ исправному снаряженію, для улучшенія и удешевленія этого снаряженія, при войсковой оружейной мастерской въ 1903 году разрѣшено открыть на средства войскового капитала особыя шорно-сѣдельное и портняжное военно-ремесленныя отдѣленія (75)

Вспомогательные станичные капиталы и помощь казакамъ изъ другихъ источниковъ.

Правительство, признавая затруднительность для казаковъ, при тяжелыхъ условіяхъ ихъ службы, снаряженія на собственный счетъ, еще въ 1877 году проявило въ отношеніи Семирѣченскаго войска извѣстную заботливость, предписавъ деньги 4616 руб., слѣдовавшія казакамъ выселка Любовнаго, за невыданный имъ въ 1860 году провіантъ, не раздавать на руки, а обратить ихъ на образованіе особаго фонда для выдачи пособій при снаряженіи на дѣйствительную службу казаковъ этого выселка(76). Но сумма эта, поступивъ въ войско-

*) Подтвержденнаго пунктомъ «в» такого-же приказа 1892 г. № 305.

вой капиталъ, не расходовалась по своему прямому назначенію и къ 1880 г. дала даже прирощеніе, обратившись въ 4758 рублей(77). Расходъ по назначенію началъ производиться изъ нея значительно позже и чрезвычайно экономно, такъ какъ еще въ 1899 году этихъ денегъ въ войсковомъ капиталѣ оставалось 3435 рублей(78).

Ассигнованіе это и является въ войскѣ началомъ образованія станичныхъ капиталовъ, предназначенныхъ въ помощь недостаточнымъ казакамъ при снаряженіи на службу

Положеніемъ 1879 года и послѣдовавшими затѣмъ разъясненіями его(79), какъ мы уже видѣли, введено обложеніе казаковъ неспособныхъ къ службѣ, но способныхъ къ труду денежнымъ сборомъ, въ размѣрѣ до 20 руб. съ каждаго, въ доходъ особаго станичнаго капитала, который названъ вспомогательнымъ.

Такой капиталъ образованъ въ каждой станицѣ и для него установлена особая отчетность. Изъ этихъ капиталовъ выдаются нуждающимся казакамъ ссуды или *безвозвратныя пособія,* опредѣленіе размѣра которыхъ и назначеніе зависитъ отъ каждаго станичнаго общества въ частности(80).

До 1885 года, не только станичныя общества но даже и само войсковое управленіе не сознавало всей важности назначенія вспомогательныхъ капиталовъ, такъ какъ за освобожденіе 6-ти неспособныхъ къ полевой службѣ казаковъ отъ отбыванія повинности при войсковой конюшнѣ и будто-бы для уравненія этой послѣдней повинности по войску, взыскивало съ 1882 года по раскладкѣ изъ вспомогательныхъ капиталовъ всѣхъ станицъ около 570 руб. въ годъ для найма на конюшню вольной прислуги, замѣнившей съ этого года казаковъ, служившихъ тамъ по наряду(81). И только ревизія генералъ-адъютанта Свистунова, указавшая на такое неправильное употребленіе вспомогательныхъ капиталовъ, прекратила расходъ ихъ не по назначенію.

Въ общемъ доходы станичныхъ вспомогательныхъ капиталовъ не велики, такъ какъ казаковъ, способныхъ къ труду, но не способныхъ къ службѣ—немного и общества сравнительно рѣдко облагаютъ ихъ въ полномъ размѣрѣ, опредѣляя такой сборъ преимущественно въ предѣлахъ отъ 5 до 10 рублей.

Въ 1896 году, въ видахъ уравненія тяжести службы и увеличенія доходовъ вспомогательныхъ капиталовъ, Военный Совѣтъ опредѣлилъ неспособныхъ къ службѣ казаковъ облагать установленнымъ денежнымъ сборомъ, начиная *съ третьяго года* состоянія ихъ сверстниковъ въ приготовительномъ разрядѣ(82) и, такимъ образомъ, способный къ труду, но неспо-

собный къ службѣ казакъ уплачиваетъ опредѣляемый ежегодно обществомъ сборъ въ теченіе 18 лѣтъ.

Вспомогательные капиталы имѣются во всѣхъ станицахъ, но таблицы размѣровъ ихъ здѣсь не приводится, такъ какъ идея накопленія здѣсь уже совершенно неприложима и большая или меньшая величина ихъ—явленіе чисто случайное, зависящее не отъ искусства управленія ими, а отъ нужды въ помощи съ ихъ стороны, почему сравнительно порядочный капиталъ въ текущемъ году, можетъ быть израсходованъ безъ остатка въ слѣдующемъ.

Въ общемъ же, величина вспомогательныхъ капиталовъ, вслѣдствіе необходимости частой выдачи изъ нихъ безвозвратныхъ пособій, на столько невелика, что, помимо ихъ, обществамъ приходится нерѣдко помогать въ снаряженіи своимъ сочленамъ и изъ станичныхъ средствъ.

Отсюда уже выдаются только ссуды, съ уплатой ихъ въ опредѣленный срокъ или съ переводомъ въ вспомогательный капиталъ при первомъ накопленіи въ немъ средствъ.

Наиболѣе практикуемый способъ пополненія ссудъ въ тотъ или другой капиталы - отдача земельнаго пая должника въ аренду на срокъ его полевой службы, чѣмъ въ большинствѣ случаевъ долгъ заемщика и погашается ко времени увольненія его на льготу изъ первоочереднаго полка.

На сколько въ послѣднее время затруднительно положеніе казаковъ при снаряженіи своихъ сыновей на службу и какъ великъ упадокъ ихъ благосостоянія, видно уже изъ того одного, что по расчетамъ войскового управленія въ 1901 году число нуждающихся въ ссудахъ и пособіяхъ близится къ 50% всего окружного наряда(73), почему оно въ томъ-же году и ходатайствовало объ увеличеніи кредита изъ войскового капитала для этой цѣли до десяти тысячъ рублей.

Снаряженіе льготныхъ казаковъ.

Какъ мы уже знаемъ, казаки полковъ 2-й и 3-й очереди обязаны имѣть въ совершенной исправности все то военно-служебное имущество и оружіе, съ которымъ они должны были явиться еще въ первый разъ къ отбыванію повинности въ первоочередномъ полку.

Хотя по ст. 59-й положенія 1879 г казаки полка 3-й очереди и не обязаны имѣть въ мирное время въ наличности строевыхъ лошадей, которыхъ они заводятъ при мобилизаціи, но это обстоятельство, въ своей сущности, нисколько не измѣняетъ сути дѣла, такъ какъ эти казаки, на основаніи ст. 78 того же положенія, обязаны являться въ кампаментный

сборъ конными, т. е. обязаны имѣть всегда или лошадь, или деньги въ запасѣ; семирѣченскіе-же казаки предпочитаютъ послѣднее и за самыми ничтожными исключеніями имѣютъ всѣ лошадей.

При увольненіи казаковъ изъ первоочереднаго полка они все военно-служебное имущество имѣли или, по крайней мѣрѣ, должны были имѣть, а потому на ихъ обязанности оставалось поддерживать его въ должной степени исправности, а войсковому управленію, на отвѣтственности котораго лежитъ обязанность наблюденія за этимъ, предстояло принять рядъ мѣръ къ побужденію казаковъ сохранить и своевременно ремонтировать это имущество.

Такъ какъ намъ уже извѣстны всѣ условія, среди которыхъ протекла жизнь семирѣченскаго казака до 1904 года, извѣстна и та мѣра возможности, которую онъ былъ въ состояніи приложить къ исполненію своей вышеприведенной обязанности, поэтому здѣсь остается указать только мѣры побужденія, принимавшіяся войсковымъ управленіемъ къ исправному содержанію льготными казаками своего военно-служебнаго имущества.

Въ числѣ этихъ мѣръ—главыми являлись осмотры обмундированія и снаряженія, всѣ-же остальныя только второстепенными.

Какъ мы уже знаемъ, осмотры всего снаряженія до 1893 года производились исключительно въ лѣтнихъ кампаментныхъ сборахъ лицами, ихъ инспектировавшими, а съ 1893 г. въ особые дни, такъ какъ въ 1892 г. наказному атаману было предоставлено право собирать льготныхъ казаковъ для этихъ осмотровъ помимо лѣтнихъ сборовъ(54).

Производство осмотровъ въ особые отъ кампаментовъ дни явилось лучшимъ контролемъ, чѣмъ такіе-же осмотры въ лѣтнихъ учебныхъ сборахъ, такъ какъ въ послѣдніе, какъ мы уже знаемъ, привлекалось только $^3/_4$ всего числа казаковъ 2 полка и $^1/_4$—3-го, вслѣдствіе чего отъ ежегоднаго осмотра ускользалъ составъ цѣлаго полка, который, кромѣ того, могъ снабдить своими вещами, на время осмотра, казаковъ кампамента, что и наблюдалось много разъ.

Осмотры-же съ 1893 г. назначались обыкновенно въ мартѣ мѣсяцѣ и, преимущественно, въ одинъ день по всему войску или въ два—одинъ для южныхъ и другой для сѣверныхъ станицъ. Эти осмотры производились офицерами, завѣдующими станицами въ военномъ отношеніи, и казаки тѣхъ выселковъ, которые расположены не особенно далеко отъ своихъ станицъ, стягивались къ заранѣе опредѣленному при-

казомъ или циркуляромъ по войску дню въ свои станицы. Здѣсь офицеры осматривали всѣ предметы обмундированія и снаряженія всѣхъ казаковъ приготовительнаго и строевого разряда *обязательно въ одинъ день*, почему казаки, въ случаяхъ недостатка какихъ либо изъ обязательныхъ въ снаряженіи вещей уже не имѣли возможности позаимствоваться. Послѣ осмотра офицеры доносили войсковому правленію у кого именно и какія недостатки оказались, а точно такъ-же и о ихъ причинахъ, т. е. отъ нерадѣнія или мотовства или-же отъ бѣдности и другихъ уважительныхъ причинъ.

Какъ послѣ осмотровъ въ кампаментахъ до 1893 г., такъ и послѣ только что указанныхъ, всѣ неисправные въ своемъ снаряженіи казаки, неисправность которыхъ происходила отъ неуважительныхъ причинъ, подвергались болѣе или менѣе продолжительному аресту при станичныхъ правленіяхъ*), а относительно недостатковъ въ снаряженіи станичнымъ атаманамъ предписывалось принять самыя энергичныя мѣры къ ихъ исправленію.

Тѣхъ-же казаковъ, на которыхъ не дѣйствовали приведенныя мѣры, войсковое управленіе съ 1891 г. начало представлять къ выкомандированію не въ очередь на полевую службу, о чемъ было уже сказано выше([83]).

Въ 1901 г. право командующаго войсками округа примѣнять эту карательную мѣру къ неисправнымъ казакамъ продолжено еще на 5 лѣтъ([84]) и, такимъ образомъ, въ рукахъ мѣстной власти на долго еще имѣлось достаточно сильное средство побужденія казаковъ къ болѣе исправному содержанію своего военно-служебнаго имущества

Лѣтопись формъ снаряженія съ 1880 по 1904 годъ.

Формы снаряженія, какъ офицеровъ, такъ и казаковъ, установленныя Восочайшимъ повелѣніемъ 13 іюля 1867 года и нѣсколько видоизмѣненныя въ періодъ до 1880 г. оставались, за самыми ничтожными исключеніями**), безъ измѣненія до 1893 года.

Въ этотъ-же періодъ времени постепенно вошла въ употребленіе казаковъ какъ повседневная одежда, сначала армячная, а потомъ изъ коричневаго малескина верхняя рубаха, къ которой въ 1890 г. командующимъ войсками Омскаго военнаго округа разрѣшены козыри для патроновъ, отороченные малиновой тесьмой([85]). Такая рубаха, представляя дешевую и

*) Отъ 7 до 30 сутокъ—смотря по степени и причинамъ неисправности.

**) Въ 1882 году введена плечевая портупея.

удобную одежду, употребляется казаками всегда и вездѣ, за исключеніемъ парадныхъ и смотровыхъ случаевъ.

1893 годъ. Высочайшимъ повелѣніемъ 22 февраля—27 октября утверждена существующая въ послѣднее время форма обмундированія для казачьихъ войскъ (кромѣ кавказскихъ) и вмѣсто мундира съ короткой юбкой, застегивавшагося на крючки по срединѣ груди, введенъ длиннополый, съ боковой, налѣво, застежкой, а въ Семирѣченскомъ войскѣ малиновый околъ фуражки замѣненъ чернымъ. Кромѣ того, введена произвольнаго темнаго цвѣта „теплушка", такого же покроя, какъ мундиръ, но стеганная на ватѣ, которая должна была бы одѣваться и подъ мундиръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ введена и отличающаяся отъ строевой форма для офицеровъ, служащихъ по внутреннему управленію войска, т. е. для чиновъ войскового правленія, у которыхъ околъ фуражки, верхъ папахи и воротникъ мундира назначены красные, брюки-же сѣросиняго цвѣта

Одновременно съ измѣненіемъ формы одежды отмѣнены и кожанные чехлы, въ которыхъ имѣли семирѣченскіе казаки свои винтовки во всѣхъ случаяхъ, кромѣ парада въ пѣшемъ строю.

Въ приказѣ по военному вѣдомству № 305, въ которомъ объявлена новая форма обмундированія, между прочимъ снова подтверждено, что: «въ требованіяхъ относительно внѣшняго вида предметовъ обмундированія и снаряженія казачьихъ, не гвардейскихъ, частей . . . . . необходимо принимать во вниманіе, что каждый казакъ снаряжается и обмундировывается на собственный счетъ, а потому требовать отъ казаковъ въ этомъ отношеніи полнаго однообразія, существующаго въ регулярныхъ войскахъ, не представляется возможнымъ (п. «в.»).

Вслѣдъ за утвержденіемъ новыхъ формъ обмундированія были объявлены и сроки ихъ введенія. По этимъ правиламъ обмундированіе новой формы должно было быть заведено: офицерами—къ 1 января 1896 г., казакамъ, зачисленнымъ въ приготовительный разрядъ въ 1893 г.,—съ этого года, а зачисленнымъ до 1893 г.—къ 1 января 1896 года завести только новые патронташи и пояса, а всѣ прочіе предметы помѣрѣ изнашиванія соотвѣтствующихъ частей обмундированія стараго образца Для всѣхъ-же болѣе старшихъ по возрасту казаковъ—заведеніе предметовъ новаго обмундированія не обязательно, но и не запрещено (86).

1895 годъ. Высочайшимъ повелѣніемъ 2 мая введены и новые образцы коннаго снаряженія.

Назначено сѣдло, по типу, близкое къ кавказскому, безъ вальтрапа или чепрака и съ кожанными переметными сумками, вмѣсто чрезвычайно неудобнаго въ употребленіи суконнаго чемоданчика (87)

Сроки и порядокъ введенія образцовъ новаго снаряженія опредѣлены такъ: для офицеровъ—все снаряженіе обязательно съ 1 января 1899 года, какъ и для казаковъ наряда этого года; казакамъ-же строевого разряда первоочереднаго и льготныхъ полковъ снаряженіе разрѣшено имѣть стараго образца, замѣняя его части новыми по мѣрѣ изнашиванія бывшихъ, за исключеніемъ переметныхъ сумъ и арчаковъ. Сумы всѣмъ строевымъ и льготнымъ казакамъ предписано завести къ 1 января 1899 года, а старые арчаки замѣнить новыми, если только существовававшій арчакъ не удовлетворялъ хотя одному изъ указанныхъ въ правилахъ допуску въ размѣрахъ (88). Но въ 1898 году указанные сроки введенія новыхъ образцовъ снаряженія отдалены до 1901 года (89).

Черный околъ фуражки, введенный въ 1893 году, замѣненъ малиновымъ, а козырекъ присвоенъ казакамъ во всѣхъ мѣстностяхъ имперіи (90).

ИСТОЧНИКИ

къ части III, главѣ VII исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска.

№№ по порядку.

1 Прик. по воен. вѣд. 1892 г. № 135.
2 Прик. по Семирѣч. к. в 1880 г. № 274.
3 Прик. по воен. вѣд. 1880 г. №291 объявл. въ прик. по Семир к. в. т. г. № 283.
4 Всепод. отчетъ о сост. Семир. к. в. за 1880 г. Прик. по Семир.-же в. 1883 г. № 49.
5 Прик по Семир к. в 1883 г. № 131.
6 Высоч. повел. 14 августа, 11 декабря 1890 г. объявл. въ прик. по Семир. к. в. 1891 г. № 51.
7 Прик. по Семир. к в. 1884 г. № 143.
8 Арх. войск. пр-нія Семир к. в., оп. д. воен. отд., дѣло 1884 г., № 24/50, листъ 210. Записка о значеніи Семир. к. в.
9 Прик. по воен. вѣд. 1884 г. № 250.
10 Прик. по войск. Омск. воен. окр. 1884 г. № 250.
11 Тоже по воен. вѣд. 1885 г. № 231.
12 Тоже 1887 г. № 67.
13 Тоже 1887 г. № 230.
14 Прик. по войск. Семир. обл. 1888 г. № 75.
15 Высоч. прик. 31 мая 1888 г.
16 Прик. по Семир. к. в. 1888 г. № 137.
17 Арх. Семир. штаба, оп. д. стр. отд., дѣло 1888 г. № 68, р-тъ упр нія Бахтин. воин. н-ка 12 сент. 88 г. № 511.
18 Прик. по Семир. к. в 1889 г. № 180.
19 Прик. по Омск. воен. окр 1891 № 82.
20 Высоч. повел. 15 іюня 1868 г. объявл. въ сборн. правит. распор. по каз. войск за 1868 ст. 86.
21 Прик. по воен. вѣд. 1891 г. № 293.
22 Прик. по Семир. к. в. 1892 г. № 80.
23 Тоже 1891 г. № 225.
24 Прик. по воен. вѣд 1892 г. № 250.
25 Тоже 1892 г. № 316
26 Циркуляръ гл. шт. 1895 г. № 142, прик. по воен. вѣд 1895 г. № 104.
27 Высоч. прик. 7 іюня 1895 г.
28 Прик. по воен вѣд. № 244.
29 Прик. по Семир. к. в. 1898 г. № 113.

30 Высоч. повел. 25 дек. 1898 г. объявл. въ прик. по воен. вѣд. 98 г. № 343.
31 Высоч. прик. 25 отк. 1899 г.
32 Прик. по воен. вѣд 1899 г. № 222.
33 Тоже 1900 г. № 148.
34 Журналомъ общ присут. войск. пр нія Семир. к. в. 10 окт. 1901 г.
35 Высоч. прик. по воен. вѣд. 10 дек. 1900 г.
36 Прик. по Семир к в. 1902 г. № 167.
37 Составлена по всепод. отчет. за соотвѣт. годы.
38 Прик. по Семир. каз. в. 1880 г. № 252.
39 Всепод отчеты о сост. Семир. к в. за 1880—1886 годы.
40 Прик по Семир. к. в. 1886 г. № 159.
41 Тоже 1889 г. № 34 и другіе соотвѣтствующіе.
42 Тоже 1903 г. № 91.
43 Составл. на основан. прик по Семир. к. в за соотвѣт. г.г. о выкомандированіи молодыхъ каз. на укомплект. № 1 полка.
44 Прик. по воен. вѣд. 1892 г. № 135.
45 Вся статья составлена на основ. приказ. по в., въ которыхъ объявлены отчеты объ инспекціи этихъ сборовъ.
46 Прик. по Семир. к. в 1884 г. № 89.
47 Тоже 1890 г. № 10.
48 Тоже 1887 г. № 185 и другіе.
49 Тоже 1892 г. № 278.
50 Всепод. отч. о сост. Семир. к. в. за 1886 г. Прик. по Семир. к. в, 1882 г. № 170, 57 и др. и прик. по воен. вѣд. 1885 г. № 235.
51 Приказы по Семир. к. в. 1889 г. № 233 и Высоч. прик. 16 декаб. 1889 г.
52 Прик. по Семир. к. в. 1894 г. № 297.
53 Тоже 1903 г. 85.
54 Прик по воен. вѣд. 1892 г. № 164.
55 Прик. по Семир. к. в. 1901 г. № 56 и 1902 № 74.
56 Всепод. отчетъ о сост Семир к. в за 1882 г.
57 Прик. по Семир. к. в. 1884 г. № 214.
58 Всепод. отчетъ о сост. Семир к. в. за 1888 г.
59 Приказы по Семир. к. в. 1891 г № 115 и 1899 г. № 186
60 Прик. по воен. вѣд. 1893 г. № 19.
61 Полож. воен. совѣт. 14 янв 1884 г, Всепод. отчетъ о сост. Семир. к. в. за 1886 г. и прик по Семир. к. в 1902 г. № 124.
62 Всепод отчетъ о сост. Семир. к. в. за 1886 г.
63 Прик. по Семир к в. 1895 г. № 144.
64 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в, оп. д. хоз. отд, дѣло 1897 г, № 73, листы 125, 126, 150 и 304.

То же дѣло 1897 г. № 73.

Прик. по Семир. к. в. 1882 г. № 130.

Тоже 1883 г. № 74.

Прик. по войск. Омск. воен. окр. 1885 г. № 140 и по Семир. к. в. 1885 г. № 186.

Прик. по Семир. к. в. 1889 г. № 2.

Цирк. по каз. войск. Омск. воен. окр. 1891 г. № 5 и прик. по Семир. к. в. 1891 г. № 82.

Сборникъ правит. распор. по каз. войск за 1894 г. ст. 477.

Личн. Всепод отчетъ о сост. Семир. к. в наказ, ат-на за 1897 г.

Арх. войск. пр-нія Семир. к. в, оп. д. воен. отд., дѣло 1901 г. № 78, р-тъ и. д наказ ат-на генер. Жигалина 7 ноября 1901 г. № 9308 въ штабъ Туркест. воен. окр.

Ра-тъ наказ. ат-на Семир. к. в. 15 ноября 1900 г. № 8654 въ главн. упр-ніе каз. войскъ.

Сборн. правит. распор. по каз. войск. за 1903 г. ст. 386

Сборн. правит. распор. по каз. войск. 1877 г. т. XIII ст. 142.

Прик: по Семир. к. в. 1879 г. № 204 и вѣдомости о сост. войск. капит. до 1880 г., объявл. въ прик. по войску.

Всепод отчетъ о сост. Семир. к. в. за 1899 г.

Приказы по Семир. к в 1880 г. № 274 и 1892 г. № 80.

Арх. войск. пр нія Семир к. в., оп. д воен. отд, дѣло 1879 г. № 18/63, циркул. распоряж. войск. пр-нія Семир. к. в. 22 дек. 1880 г. ст. ат-намъ.

Тотъ же арх. и опись, дѣло 1885 г. № 19/114 лист. 20 отчетъ генер.-адъютант. Свистунова.

Прик по воен. вѣд. 1896 г № 270 и по Семир. к. в. 96 года № 233.

Списокъ неиспр снаряженнымъ каз, приложенный къ приказу по войску № 293/1891 г. и приказ. въ Омск. воен. окр. № 1/1892 г.

Прик по Семир к. в 1901 г. № 167.

Тоже 1890 г № 102.

Прик. по воен. вѣд. 1892 г. № 318.

Тоже 1895 г. № 125.

Прик. по воен. вѣд. 1895 г. № 234.

Высоч. повел. 29 мая 1898 г., объявл. въ прик. по воен. вѣд. 1898 г. № 146.

Высоч. повел. 13 февраля 1891 г., сообщенное телеграммой н ка окр. Туркестанскаго штаба 15 февраля 1901 года наказному атаману.

Глава VIII-я

Офицерскій составъ войска въ періодъ съ 1880 по 1904 годъ.

Составъ и комплектованіе.

О численности состава офицеровъ въ Семирѣченскомъ войскѣ даетъ достаточно полное представленіе таблица, приложенная въ концѣ статьи „Лѣтопись военной организаціи» предъидущей главы, а потому здѣсь остается сказать только о способахъ комплектованія офицерскаго состава въ изслѣдуемый періодъ времени.

Способы комплектованія остались тѣ же, что и прежде —два: приливъ извнѣ и юнкерами, окончившими курсъ въ Оренбургскомъ юнкерскомъ училищѣ, прибавился-же еще одинъ—выпуски изъ военныхъ училищъ.

Всеподданнѣйшій отчетъ о Семирѣченскомъ к. войскѣ за 1883 годъ такъ характеризуетъ состояніе комплектованія въ началѣ интересующаго насъ періода времени.

Съ 1867 въ войско принимали всѣхъ, кто только хотѣлъ вступить, „не стѣсняясь родомъ оружія“ поступившихъ, почему въ 1872 году офицеры невойскового сословія занимали уже 75% всего состава и «къ тому времени образовался» даже „сверкомплектъ офицеровъ. Затѣмъ началось обратное явленіе: офицеры регулярныхъ войскъ, *надежды которыхъ* на быстрое повышеніе въ чинахъ, расчитывавшихъ при этомъ на боевыя отличія *не оправдались*, начали обратно переводиться въ Европейскую Россію или пошли дальше въ Восточную Сибирь. Такимъ образомъ, элементъ офицеровъ невойскового происхожденія постепенно уменьшался, элементъ-же войсковыхъ офицеровъ сталъ прибывать чрезъ выпускъ изъ Оренбургскаго юнкерскаго училища“.

Съ увеличеніемъ числа вакансій Семирѣченскаго войска въ этомъ училищѣ съ 6 на 12, вытѣсненіе пришлыхъ началось энергичнѣе, такъ какъ изъ Оренбургскаго училища еже-

годно прибывало отъ 4 до 6. окончившихъ тамъ курсъ, при чемъ почти половина изъ нихъ по первому разряду, т. е. съ правомъ производства безъ вакансій. Эти производившіеся занимали всѣ открывавшіеся вакансіи и образовали даже сверхкомплектъ, чѣмъ закрыли доступъ въ войско постороннимъ. Въ 1883 году изъ 44 офицеровъ войска 35 были войскового сословія и только 9 невойскового.

Въ отношеніи образовательнаго ценза офицерскій составъ войска въ 1883 году распредѣлялся слѣдующимъ образомъ. Съ цензомъ юнкерскихъ училищъ было 63, 6%, военныхъ училищъ—11, 3%, другихъ учебныхъ заведеній—9% кадетскихъ корпусовъ—6, 8% и получившихъ домашнее образованіе 9, 3%.

Вслѣдствіе такого распредѣленія образовательнаго ценза указанный отчетъ признаетъ, что „образовательный цензъ офицеровъ Семирѣченскаго войска стоялъ далеко не на высокой степени и нельзя ожидать повышенія этого ценза", такъ какъ Оренбургское училище подавляло своими выпусками приливъ извнѣ. Поэтому въ отчетѣ-же возбуждено ходатайство о сокращеніи числа вакансій войска въ Оренбургѣ съ 12 на 6 и на получившуюся этимъ путемъ экономію открыть возможное число вакансій для войска, но не въ Сибирскомъ, какъ ближайшемъ, а почему-то въ Донскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Первая часть ходатайства была исполнена и въ 1885 году число вакансій войска въ Оренбургскомъ училищѣ сокращено до 6-ти(1).

По представленію командующаго войсками Омскаго военнаго округа эти 6 вакансій въ 1887 году закрыты, отправленіе въ Оренбургъ съ этого года совсѣмъ прекращено, а вмѣсто этого Военный Совѣтъ въ 1888 году разрѣшилъ войску имѣть въ Сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ 7 вакансій, замѣщаемыхъ дѣтьми офицеровъ, чиновниковъ и неслужащихъ дворянъ *войсковаго сословія*, по одной ежегодно, начиная съ 1888% учебнаго года и съ платою по 450 руб. въ годъ за каждую изъ войскового капитала.

Избраніе стипендіатовъ предоставлено наказному атаману(2).

Этими распоряженіями правительства доступъ въ офицеры нижнимъ чинамъ однако не былъ закрытъ—мнѣніемъ Государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ 12 мая 1887 года, опредѣлено, что казаки, пользующіеся правами по образованію, дѣлятся на три разряда и изъ каждаго, по выдержаніи установленнаго экзамена, могутъ быть произведены

въ офицеры, но при условіи прослуженія въ нижнемъ званіи до производства: для перваго разряда — одного года, а для втораго и третьяго — трехъ лѣтъ([3]). Но этимъ правомъ, со времени его установленія, никто изъ казаковъ Семирѣченскаго войска не воспользовался, почему, съ теченіемъ времени, число офицеровъ съ цензомъ военныхъ училищъ въ войскѣ постепенно увеличивалось и къ 1904 году близилось уже къ половинѣ всего состава.

Приливъ офицеровъ регулярныхъ войскъ хотя продолжался и въ описываемый періодъ времени, но уже далеко не въ той мѣрѣ, какъ въ предъидущемъ. Съ 1880-го по 1904 годъ въ войско было переведено всего только 10 посторонникъ офицеровъ([4]), исключено-же и умерло за тотъ-же періодъ вмѣстѣ съ переведенными въ войско до 1880 года—30([5]).

Каковы были нѣкоторые изъ исключенныхъ изъ войска офицеровъ и могли ли они приносить ожидавшуюся отъ нихъ пользу, видно уже изъ того одного, что 9 изъ нихъ для понужденія уйти изъ войска зачислены были „по войску, т. е. отставлены отъ службы безъ содержанія([6]). Нѣкоторые носили только войсковую форму, но въ войскѣ совершенно не служили.

Служба офицеровъ. Положеніемъ 1879 года служба офицеровъ была назначена постоянной, т. е. увольненіе на льготу, существовавшее до 1880 года исключено, хотя исключеніе это было только формальнымъ, такъ и до 1880 г. льготы или правильной періодической службы для офицеровъ въ войскѣ тоже не было.

Введенія такой службы и приходилось избѣгать, такъ какъ при условіяхъ равной для всѣхъ льготы—офицеры регулярныхъ войскъ не пошли-бы на службу въ войско, ибо на льготѣ имъ не на что было бы существовать.

Вмѣсто льготы и, повидимому, до нѣкоторой степени для образованія запаса офицеровъ, положеніемъ 1879 года установлено зачисленіе „по войску".

Состояніе по войску заключается въ томъ, что офицеръ отчисляется съ дѣйствительной службы, не получаетъ никакого содержанія, но, въ тоже время обязанъ всегда и во всѣхъ случаяхъ носить установленную военную форму([7]); до 38-ми лѣтняго возраста не имѣетъ права выйти въ отставку, до 33 хъ лѣтъ можетъ быть призываемъ за все время состоянія по войску два раза въ лѣтніе кампаментные сборы, гдѣ получаетъ только суточныя деньги: об.-офицеръ 45 к., шт.-офицеръ—60 коп.; на полевую дѣйствительную службу можетъ быть приз-

ванъ только въ военное время по мобилизаціи, а въ мирное — неиначе, какъ по его желанію.

Въ Семирѣченскомъ войскѣ это зачисленіе офицеровъ по войску практиковалось только какъ карательная мѣра, и примѣнялось еще въ отношеніи подхорунжихъ, окончившихъ курсъ въ юнкерскомъ училищѣ по второму разряду и желавшихъ оставить дѣйствительную службу съ производствомъ въ первый чинъ.

Исключивъ льготу изъ службы семирѣченскихъ офицеровъ, положеніе 1879 года однако внесло въ порядокъ дѣйствительной службы ту-же періодичность, назначивъ одну часть офицеровъ служить въ распоряженіи войскового начальства, другую въ первоочередномъ полку.

Такимъ образомъ, около половины всего штатнаго, по мирному времени, состава офицеровъ первоочереднаго полка всегда состоять въ войскѣ, гдѣ одинъ изъ нихъ завѣдуетъ войсковымъ музыкантскимъ хоромъ и, въ послѣднее время, мобилизаціонной частью въ войсковомъ правленіи, одинъ — войсковой оружейной мастерской, а отъ 8 до 10 офицеровъ завѣдывали станицами въ военномъ отношеніи.

Войсковое управленіе придерживалось правила не держать офицеровъ въ своемъ распоряженіи болѣе трехъ лѣтъ подъ рядъ каждаго, дѣлая въ этомъ отношеніи чрезвычайно рѣдкія исключенія. Вслѣдствіе этого служба об.-офицеровъ распредѣлялась такъ: 3 года въ войскѣ и 3—4 въ первоочередномъ полку, что крайне тяжело отзывалось на ихъ матеріальномъ положеніи.

Об.-офицеръ постоянно ведетъ кочевую жизнь: прибывая въ войско, ему, особенно семейному, необходимо обзавестись хотя какой нибудь обстановкой, при которой возможна жизнь интеллигентнаго человѣка; чрезъ три года эта обстановка, а иногда и верховая лошадь, продаются за безцѣнокъ и офицеръ переходитъ въ полкъ, гдѣ повторяется то-же самое и такъ постоянно, чрезъ каждые три—четыре года.

Въ послѣднее же время, когда полкъ передвинутъ изъ Семирѣчья въ Фергану, семейному офицеру приходится, при переѣздахъ туда и обратно, приплачивать еще изъ собственности къ тѣмъ прогоннымъ деньгамъ, которыя ему отпускаются, если только по условіямъ передвиженія онѣ ему будутъ отпущены, такъ какъ об.-офицеру до чина есаула положено прогонъ только на пару почтовыхъ лошадей. Такая жизнь постепенно разоряетъ офицера, вводитъ его въ долги и застав

ляетъ должать не только въ свой полковой офицерскій капиталъ, но и частнымъ лицамъ на тяжелыхъ условіяхъ.

Въ 1882 году, въ первый разъ по введеніи положенія 1879 года, состоялось зачисленіе офицеровъ въ штатъ полка и по войску Высочайшимъ приказомъ. Всего было зачислено въ 1-й полкъ, кромѣ командира полка, 4 шт.-офицера и 26 об.-офицеровъ, а по войску - 7(8).

Относительно уравненія по чинамъ съ регулярными войсками сказано уже въ началѣ этой главы.

Въ 1890 году, въ дополненіе общихъ правилъ о воинской повинности казачьихъ войскъ, постановлено: воспретить совершенно вступленіе въ бракъ офицерамъ состоящимъ на дѣйствительной службѣ, до 23-хъ лѣтняго возраста; съ 23-хъ до 28-ми лѣтъ разрѣшать женитьбу по представленіи имущественнаго или денежнаго обезпеченія, приносящаго не менѣе 250 руб въ годъ дохода и только, начиная съ 28-ми лѣтняго возраста, разрѣшать бракъ безъ обезпеченія. Кромѣ того, рѣшеніе вопроса о пристойности брака—было предоставлено начальнику, разрѣшающему бракъ(9)

Въ 1899 году введены для офицеровъ предѣльные сроки службы, по которымъ могли быть оставляемы на дѣйствительной полевой службѣ въ казачьихъ частяхъ шт.-офицеры только до возраста въ 58 лѣтъ, а об.-офицеры 53-хъ.

Матеріальное положеніе офицеровъ.

То или иное матеріальное положеніе офицеровъ, какъ извѣстно, зависитъ главнымъ образомъ отъ размѣра содержанія, которымъ они обезпечены, отъ вида и рода службы, которую они несутъ и отъ мѣстораспоположенія той части войскъ, гдѣ они служатъ. Всѣ же остальныя условія обстановки быта офицеровъ, хотя и имѣютъ извѣстное, иногда, даже и очень немаловажное значеніе, но, во всякомъ случаѣ, представляются второстепенными по сравненію съ тремя этими главными.

Кромѣ того, имѣетъ еще чрезвычайно важное значеніе и удовлетвореніе офицеровъ пенсіями въ отставкѣ, разсматривая это удовлетвореніе помимо принципа отплаты и обезпеченія слугъ государства въ старости.

Въ зависимости отъ всѣхъ этихъ условій и разсмотримъ матеріальное положеніе офицеровъ Семирѣченскаго войска въ интересующій насъ періодъ времени.

По штатамъ положенія 1879 г. семирѣченскимъ офицерамъ было назначено жалованіе въ слѣдующихъ окладахъ, которые указаны за всѣми узаконенными вычетами и по усиленному окладу.

Чины и родъ службы.	Виды содержанія.				ВСЕГО.
	Жалованіе		Изъ Государственнаго казначейства.		
	Изъ государственнаго казначейства.	Изъ войскового капитала.	Столовыя	Порціоны	
	Въ рубляхъ.				
Строевымъ.					
Полковнику, командиру полка .	792	240	1500	—	3732
— добавочныхъ . .	—	—	1200		
Подполковнику, помощнику командира полка.	591	204	600	—	1395
Подполковнику завѣдующему сѣверными станицами . . .	591	204	—	192	987
Адъютанту, казначею, завѣдующимъ оружіемъ и учебной командой	—	—	210	—	—
Войсковому старшинѣ командиру сотни.	489	171	300	—	960
Войсковому старшинѣ, не командующему сотней	489	171	—	192	852
Есаулу, командиру сотни . .	365	184	300	—	849
— не командующему сотней	365	184	—	96	645
Сотнику, субалтернъ-офицеру .	318	150	—	96	564
Хорунжему — — . .	276	138	—	96	510
Чинамъ войскового правленія по штату 1882 года[10]					
По должностямъ:	изъ	войско	в о г о	капита	ла.
Предсѣдателю	—	1300	1000	—	2828
Ему-же квартирныхъ и на наемъ прислуги	—	—	528		

Совѣтнику	—	900	600	—	1885
Ему-же квартирныхъ и на наемъ прислуги	—	—	385		
Дѣлопроизводителямъ, бухгалтеру и журналисту *каждому* . .	—	400	300	—	892
Имъ-же квартирныхъ и на наемъ прислуги каждому . . .	—	—	192		

Кромѣ содержанія указаннаго выше для строевыхъ офицеровъ, имъ оставлены и квартирныя деньги по окладу 1869 года[11] и раціоны по числу строевыхъ и вьючныхъ лошадей, назначенныхъ по чинамъ и должностямъ въ зависимости отъ періодически утверждавшихся цѣнъ на фуражъ.

Въ 1881 году окладъ порціонъ съ 96 увеличенъ до 183 рублей въ годъ[12].

Въ 1899 году содержаніе офицерамъ увеличено и назначено уже по слѣдующимъ окладамъ за всѣми узаконенными вычетами въ годъ[13].

Чины и родъ службы.	Жалованіе	Столовыя	Квартирныя	ВСЕГО.
	Въ рублях ъ.			
Строевымъ.				
Полковникъ, командиръ полка.	1536	2700	428	4664
Войсковой старшина . .	1344	360	285	1989
Есаулъ, командиръ сотни .	1080	360	171	1611
Подъесаулъ	948	—	171	1119
Сотникъ	876	—	114	990
Хорунжій	804	—	114	918

Съ введеніемъ окладовъ жалованія по табели 1899 года порціоны уже не выдавались, а раціоны, еще въ 1884 году, какъ отдѣльный видъ довольствія, присвоенный всѣмъ семирѣченскимъ офицерамъ по чинамъ и числу лошадей—отмѣнены и оставлены только тѣмъ лично, которые получали ихъ въ послѣднее передъ отмѣной время, въ томъ размѣрѣ въ какомъ они имъ отпускались до мая 1884 года и только на срокъ ихъ службы въ Туркестанѣ[14].

Вмѣсто раціонъ, не получавшимъ ихъ, назначены фуражныя деньги, размѣръ которыхъ не представляетъ постоянной величины, такъ какъ зависитъ отъ цѣнъ утвержденныхъ въ установленномъ порядкѣ на овесъ и сѣно для извѣстнаго періода года и опредѣленной мѣстности.

Въ 1900 году увеличено содержаніе и чинамъ войскового правленія, при чемъ источникъ этого содержанія оставленъ тотъ-же войсковой капиталъ (15).

По должностямъ въ годъ:	Жалованіе.	Столовыя.	Квартирныя.	На прислугу.	ВСЕГО
	Въ рублях ъ.				
Предсѣдателю . . .	2004	2100	128	100	4932
Совѣтнику	900	600	285	100	1885
Дѣлопроизводителямъ, бухгалтеру и журналисту — каждому	405	300	142	50	892

Приведенные оклады содержанія строевымъ офицерамъ были-бы въ извѣстной степени достаточны и офицеръ могъ бы на нихъ удовлетворительно существовать, если-бы служба его протекала постоянно въ Семирѣчьѣ, гдѣ цѣны на жизненные продукты не высоки, и если-бы эта служба не была-бы въ той степени кочевой, какую мы видѣли въ предъидущемъ очеркѣ.

При изложенныхъ условіяхъ кочевой службы семирѣченскому офицеру на каждомъ новомъ мѣстѣ своего назначенія приходится обзаводиться, хотя далеко и не тѣмъ, что обыкновенно принято понимать подъ словомъ „обстановка“, но предметами первой необходимости и домашняго хозяйства, такъ какъ вездѣ съ собою возить онъ ихъ не можетъ Живя на одномъ мѣстѣ три—четыри года, у офицера какъ и у каждаго, сколько нибудь интеллигентнаго человѣка невольно является желаніе скрасить свою, далеко неприглядную, жизнь, хотя какими либо предметами сверхъ тѣхъ, что составляютъ крайнюю необходимость. Вслѣдствіе этого домашній инвентарь увеличивается и ростъ его зависитъ отъ характера, степени выдержки и большей или меньшей способности офицера отказывать себѣ въ своихъ дѣйствительныхъ или кажущихся нуждахъ. А такъ какъ людей съ твердою волей, властно обуз-

дывающихъ свои побужденія, всегда и вездѣ меньшинство, то очевидно, что и семирѣченскій офицеръ, не составляющій въ этомъ случаѣ исключенія, не всегда можетъ соразмѣрять свои приходы съ расходами. За три четыре года жизни на мѣстѣ въ квартирѣ офицера набирается извѣстное количество такихъ вещей, которыя онъ, при всемъ желаніи, не можетъ перевезти съ собою на новое мѣсто служенія. Вещи эти приходится продавать за безцѣнокъ. Это повторяется и при другихъ переводахъ.

Постепенно офицеръ принужденъ бываетъ должать:—вычеты въ офицерскій капиталъ, уплата краткосрочныхъ займовъ, разсчетъ въ магазинахъ или лавкахъ за взятые матеріалы или продукты—сводятъ офицерское содержаніе къ половинѣ, а то иногда и къ трети мѣсячнаго оклада и офицеръ уже оказывается въ тискахъ нужды.

Пока первочередный полкъ квартировалъ въ Семирѣчьѣ, эти тиски ощущались сравнительно немногими, менѣе устойчивыми въ жизни, но съ переходомъ полка въ Фергану—тамъ познакомился съ ними почти весь составъ об.—офицеровъ, такъ какъ цѣны на привозные изъ Европейской Россіи товары нѣсколько выше, чѣмъ въ Семирѣчьѣ, жизненные-же продукты, оцѣнка труда, квартиры и отопленіе сравнительно чрезвычайно дороги, а содержаніе осталось то-же самое. Въ Семирѣчьѣ офицеръ покупалъ себѣ верховую лошадь отъ 60 до 100 руб., въ Ферганѣ тѣхъ же качествъ коня нельзя купить дешевле 150—200 рублей.

Всѣ эти неблагопріятныя условія въ первые-же два года службы въ Ферганѣ расшатали благосостояніе многихъ офицеровъ, особенно семейныхъ, которымъ по нуждѣ приходится имѣть и лишнюю наемную прислугу и нести разные накладные расходы.

Юртовый надѣлъ въ 10—15 десятинъ, который имѣютъ офицеры войскового сословія, при дешевизнѣ арендныхъ цѣнъ на землю въ Семирѣчьѣ, совершенно не можетъ приносить никакой помощи, особенно при условіи воспрещенія положеніемъ 1891 года*) отдавать юртовый надѣлъ въ аренду на срокъ болѣе одного года.

Въ 1883 году въ 1-мъ Семирѣченскомъ полку учрежденъ полковой заемный офицерскій капиталъ, для основанія котораго было позаимствовано изъ войскового капитала тысяча рублей[16].

*) Собственно мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержд. 3 іюня 1891 г.

Полковой офицерскій капиталъ, благодаря неограниченности размѣровъ взносовъ и вкладовъ участниковъ по положенію о такихъ капиталахъ 1878 года(17), бережливости офицеровъ того времени и ихъ постоянной службѣ, разросся и въ нѣсколько лѣтъ достигъ суммы въ десять тысячъ рублей. Дѣйствующее въ послѣднее время положеніе объ офицерскихъ капиталахъ, ограничивъ вклады и взносы, задержало развитіе полкового капитала, хотя онъ и при этихъ условіяхъ является едва ли не однимъ изъ самыхъ крупныхъ въ частяхъ Туркестанскаго округа.

Польза и значеніе этого капитала не требуютъ комментарій.

Еще положеніемъ 1879 года была предусмотрѣна необходимость помощи офицерамъ изъ войскового капитала. Этимъ положеніемъ были установлены два вида такихъ вспомоществованій—безвозвратныя пособія и ссуды.

Пособія выдавались въ размѣрѣ не болѣе третного оклада жалованія „недостаточнымъ офицерамъ, предназначеннымъ въ отдаленныя командировки". Ссуды-же дѣлились на двѣ категоріи: процентныя и безпроцентныя, которыя назначено выдавать на основаніи особыхъ правилъ, Высочайше утвержденныхъ 10 декабря 1881 года(18).

По этимъ правиламъ ссуды безъ процентовъ, въ размѣрѣ не болѣе годового оклада жалованія, могли быть выдаваемы *только* офицерамъ *войскового* сословія *въ случаѣ бѣдствій отъ пожаровъ, наводненій, падежей скота* и другихъ подобныхъ причинъ, а точно такъ-же и для снаряженія на службу, съ уплатою ихъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ. Право отсрочки уплаты ихъ, въ особо уважительныхъ случаяхъ еще на три года, предоставлено наказному атаману.

Ссуды изъ 6% годовыхъ назначено выдавать „во всѣхъ остальныхъ случаяхъ", но тоже только лицамъ войскового сословія. Наибольшій размѣръ этихъ ссудъ опредѣленъ въ двѣ тысячи рублей въ однѣ руки, на срокъ до 5-ти лѣтъ включительно, а уплата ихъ должна быть обезпечена залогомъ %-ныхъ бумагъ или недвижимымъ имуществомъ.

Отсрочки уплаты здѣсь назначены только въ 20 дней—при залогѣ процентныхъ бумагъ и въ 3 мѣсяца—при залогѣ недвижимыхъ имуществъ.

Въ общемъ, послѣднія ссуды обставлены тяжелыми условіями, почему пользованіе ими со стороны офицеровъ большая рѣдкость.

Безпроцентныя-же ссуды должны выдаваться только при вышеуказанныхъ условіяхъ, что даже особо было разъяснено Военнымъ Совѣтомъ въ 1896 году войсковому управленію Семирѣченскаго войска(19), вслѣдствіе чего офицеру не представляется возможнымъ получить помощь и здѣсь для поддержанія своего пошатнувшагося благосостоянія.

До 1882 года отставные семирѣченскіе офицеры войскового сословія пенсій не получали и на основаніи положенія о Сибирскомъ казачьемъ войскѣ 1861 года, какъ мы уже знаемъ, надѣлялись землями въ размѣрѣ 400 десятинъ шт.-офицеры и 200 об.-офицеры, но каждый разъ съ разрѣшенія Туркестанскаго генералъ-губернатора(20).

30 іюля 1882 года утверждено Высочайшей властью положеніе Военнаго Совѣта объ обезпеченіи офицеровъ и чиновниковъ Семирѣченскаго к. войска землями и пенсіями(21).

По этому положенію, всѣмъ офицерамъ войскового сословія, вышедшимъ ко дню его объявленія на мѣстѣ въ отставку, а точно такъ-же вдовамъ и сиротамъ отставныхъ назначено отвести земельные надѣлы въ вышеприведенныхъ размѣрахъ, при чемъ эти надѣлы опредѣлено отдать получившимъ ихъ въ потомственную собственность, а войсковому управленію предложено составить и представить на утвержденіе подробную инструкцію о порядкѣ надѣла и ввода во владѣніе этими землями.

Благодаря возникновенію злополучнаго вопроса о душевой нормѣ земли для войска, съ которымъ, естественно, оказался связаннымъ и отводъ въ потомственную собственность земель отставнымъ, вопросъ о вводѣ ихъ и ихъ наслѣдниковъ во владѣніе уже розданными землями и по настоящее время (1907 г) не приведенъ къ концу.

Отставные офицеры и ихъ наслѣдники до послѣдняго времени владѣютъ отведенными имъ землями безъ всякихъ крѣпостныхъ актовъ, имѣя въ доказательство своего права на владѣніе единственно только вышеприведенное положеніе Военнаго Совѣта

Такое неукрѣпленное крѣпостнымъ актомъ владѣніе не можетъ приносить владѣльцамъ всѣхъ тѣхъ выгодъ, какія предполагались правительствомъ при изданіи узаконенія о немъ и нерѣдко ставитъ этихъ владѣльцевъ въ затруднительное положеніе въ хозяйственныхъ операціяхъ на юридически не укрѣпленной за ними землѣ.

Всѣмъ офицерамъ, вышедшимъ въ отставку послѣ объявленія приведеннаго положенія въ Семирѣчьѣ—назначены пенсіи, которыя, для уравненія съ пенсіями отставныхъ офицеровъ регулярныхъ войскъ, слагались изъ двухъ окладовъ—пенсій изъ государственнаго казначейства и войскового капитала.

Еще 19 февраля 1880 года положеніемъ объ эмиритальной кассѣ военно сухопутнаго вѣдомства офицеры всѣхъ казачьихъ войскъ признаны участниками этой кассы(22) и, та-

кимъ образомъ, послѣ уравненія казачьихъ офицеровъ въ 1884 году въ окладахъ пенсій съ офицерами регулярныхъ войскъ (23), семирѣченскіе отставные офицеры были обезпечены въ той-же мѣрѣ, какъ и регулярные, т. е. что только съ 1884 г. семирѣченскіе офицеры были дѣйствительно уравнены въ своихъ служебныхъ правахъ съ регулярными.

ИСТОЧНИКИ

къ части III гл. VIII, исторіи Семирѣченскаго каз. войска.

1 Прик. по воен. вѣд. № 215/1855 г.
2 Приказы по воен. вѣд. 1888 г. № 228, 1889 г. № 270 и по Семир. к в. 1888 г. № 206.
3 Приказъ по воен. вѣд. 1887 г. № 103.

4 ## СПИСОКЪ

офицеровъ, зачисленныхъ въ Семир. к. войско съ 1880 года. Продолженіе списка, приложеннаго въ источникахъ къ части II, гл. III въ примѣчаніи 142.

№ по порядку.	Чинъ, фамилія и предъидущій родъ службы.	№ приказа по войску о зачислен.	Какимъ чиномъ зачисленъ.
	Въ 1880 году.		
73	Брониковскій отст. ротмистръ 13 уланскаго Владимірскаго полка.	130	Сотник
74	Леонтовичъ шт.-капит. 13 драгунскаго Военнаго ордена полка.	153	—
75	Графъ Развадовскій подпоручикъ С.-Петербургскаго гренадерскаго полка.	183	Хорунж.
	Въ 1881 году.		
76	Маркизъ-де-Траверсэ отст. подпоручикъ 4 Туркест. лин б-на.	38	Хорунж.
77	Прибыль поруч. 60 пѣхот. Замосцскаго полка (22 мая).	100	Сотник.
	Въ 1885 году.		
78	Захаровъ ротмистръ, состоявш. по армейск. кавалеріи адъютантомъ въ Семир. штабѣ; съ назначен. Совѣтникомъ войск. пр-нія Семир. к. в. *(вторично).*	207	Есаул.
	Въ 1889 году.		
79	Крупенниковъ ротмистръ; об.-офиц по		

	воен. части при Токмакскомъ уѣзд. н-кѣ; съ назначен. Совѣтникомъ войск пр-нія Семир. к. в. *(вторично)*.	155	Есаул.
	Въ 1893 году.		
80	Ярковъ хорунжій, сост. по Сибирскому каз. войску.	96	Хорунж.
81	Бакуревичъ Подполковникъ Пишпекской мѣстной команды; съ назнач. Совѣтникомъ хоз. отд. войск. пр нія Семир. к. в.	285	Войск. старш.
	Въ 1898 году.		
82	Родственный корнетъ приморск. драгунскаго полка, съ назначеніемъ адъют. къ ком-щему войсками Туркестанскаго в. округа (въ войскѣ совсѣмъ не былъ).	100	Хорунж.

5

СПИСОКЪ

офицеровъ, отчисленныхъ изъ войскъ съ 1880 года. Продолженіе списка, приложеннаго въ источникахъ къ ч. II, главѣ III, въ примѣчаніи 143.

№ по порядку.	Чинъ и фамилія.	№ приказа по в. объ отчислен.	№ по порядку.	Чинъ и фамилія.	№ приказа по в. объ отчисленіи.
	Въ 1880 г.		54	Есаулъ Рачинскій.	47
			55	Сотники: Чановъ.	47
48	Войск. старш. Винклеръ	260	56	— Петровъ.	47
	Въ 1881 г.		57	— Фитингофъ.	47
			58	— Прибыль.	47
49	Войск старш. Савицкій. (Умершіе.)	6	59	Войск старш. Лебедевъ.	144
50	Сотникъ Леонтовичъ (Умершіе.)	6	60	Хорунж. баронъ Менгденъ умеръ.	156
51	— Броникovскій (Умершіе.)	154	61	Хорунж. маркизъ-де-Траверсэ.	157
	Въ 1882 г.		62	Полковн. Колесниковъ.	178
52	Полковникъ бар. Штакельбергъ.	47		**Въ 1883 г.**	
53	Есаулъ Карель.	47	63	Полковн. Ливенцовъ.	64

64	Сотникъ Подгорѣцкій.	78
65	Войск. старш. Булацель	85
66	— Маріуца.	124
67	Есаулъ Захаровъ.	162
	Въ 1886 г.	
68	Войск. старш. Антоновъ	84
69	Есаулъ Крупенниковъ.	158
	Въ 1887 г.	
70	Войск. старш. Жуковъ.	152
	Въ 1888 г.	
71	Полк. Принцъ.	123
	Въ 1890 г.	
72	Войск. старш. Машинъ умеръ.	143
	Въ 1891 г.	
73	Есаул. гр. Разводовскій	222
	Въ 1893 г.	
74	Есаулъ Фриндландеръ.	97
	Въ 1895 г.	
75	Есаулъ Крупенниковъ умеръ	—
	Въ 1896 г.	
76	Войск. ст. Захаровъ.	104
	Въ 1899 г.	
77	Хорунж. Родственный.	82

6 Прик. по Семир. к. войска № 285|1880 г., № 39|1881 г., № 87 1881 г., № 58|1882 г.
7 Разъясненіе Гл. упр-нія каз. в. 8 января 1898 г. № 19, объявлен. въ прик. по Семир. к. в. 1898 г. № 89.
8 Высоч. прик. 20 февр. 1882 г. и прик по воен. вѣд. 1879 г. № 209.
9 Прик. по воен. вѣд. 1890 г. № 122.
10 Тоже 1882 года № 27.
11 Тоже 1869 года № 343.
12 Тоже 18?1 года № 244.
13 Прик. по воен. вѣдом. № 141|1899 г, № 363 1869 г. и № 271|1884 года
14 Прик. по воен вѣд. 1884 г. № 47.
15 Выс. повел. 6 декабря 1900 г.
16 Прик. воен. вѣд 1883 г. № 69.
17 Тоже 1878 г. № 255.
18 Прик. по Семир. к. в. 1882 г. № 51
19 Сборн правит распор. по к в. 1896 г. ст. 589.
20 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д, пост. изъ каз. отд. Семир. штаба, дѣло 1870 - 76 г. № 446.
21 Прик. по воен. вѣд. 1882 г. № 246.
22 Тоже 1880 г. № 42.
23 Тоже 1884 г. № 250.

Глава IX-я

Войсковыя учрежденія.

Какъ мы уже знаемъ изъ прежде сказаннаго *), что дѣйствительное оборудованіе войсковой оружейной мастерской всѣми необходимыми для нея инструментами состоялось только во второй половинѣ декабря 1880 года, почему мастерская и могла фактически открыть свои дѣйствія только съ этого времени. Войсковая мастерская.

Штатъ и положеніе о войсковой оружейной мастерской были объявлены еще въ 1877 году (1).

По этимъ положенію и штату разрѣшено въ войскѣ собственно двѣ мастерскихъ, но была открыта только одна и въ ней сосредоточенъ весь штатный составъ.

На мастерскую, кромѣ исправленія оружія, возложена обязанность подготовлять оружейныхъ подмастерьевъ и оружейниковъ, для чего, по штату, и предоставлено содержать въ ней 6 учениковъ, въ возрастѣ отъ 17 до 19 лѣтъ, и курсъ ихъ обученія назначенъ трехлѣтній.

Обученіе учениковъ производилось самими начальниками мастерской, назначавшимися обыкновенно изъ офицеровъ, окончившихъ курсъ въ казачьемъ отдѣленіи офицерской стрѣлковой школы въ г. Ораніенбаумѣ, и оружейными мастерами, изучившими свое дѣло въ той-же школѣ.

Мастерская, постепенно развиваясь, черезъ нѣсколько лѣтъ своего существованія имѣла уже въ своемъ составѣ столярное отдѣленіе, а со времени командированія офицеровъ и казаковъ войска въ офицерскую кавалерійскую школу, гдѣ послѣдніе обучались кузнечному дѣлу, мастерская, получила возможность, при помощи окончившихъ тамъ курсъ казаковъ, организовать и кузнечное отдѣленіе, видная часть дѣятельности котораго направлена на раціональную ковку лошадей.

Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, явилась возможность исполнять частные заказы и на средства отъ нихъ увели-

*) Часть II, гл. III ст. «Вооруженіе».

чить обстановку служащихъ и рабочій инвентарь мастерской, а уже вслѣдствіе этого мастерская въ послѣдніе годы могла, какъ мы уже знаемъ, помочь казакамъ и въ снаряженіи на службу, изготовляя для нихъ сѣдла и всѣ прочіе предметы коннаго и пѣшаго снаряженія.

Еще въ концѣ 1890-тыхъ годовъ войсковое управленіе, въ видахъ удешевленія и улучшенія снаряженія казаковъ, начало ходатайствовать объ учрежденіи при мастерской шорнаго и портняжнаго отдѣленій на средства войсковой Алматинской богадѣльни, которую, какъ неисчерпывающую цѣлей призрѣнія, проектировало закрыть. Станичныя-же общества, со своей стороны, въ 1898 году, представили въ войсковое правленіе приговоры, въ которыхъ они предлагали—всѣ, удѣляемыя ими на содержаніе богадѣльни, денежныя средства обратить на открытіе и содержаніе ремесленныхъ отдѣленій при войсковой мастерской, мотивируя свое ходатайство въ приговорахъ той реальной пользой, которую могли принести ремесленныя отдѣленія обществамъ, приготовляя знающихъ свое дѣло шорниковъ и портныхъ, отсутствіе которыхъ у нихъ ведетъ къ переплатѣ и другимъ серьезнымъ неудобствамъ при снаряженіи молодыхъ казаковъ на службу (²).

Однако, Военный Совѣтъ въ 1901 году отклонилъ такое представленіе войскового правленія и предложилъ войти съ ходатайствомъ объ учрежденіи ремесленныхъ отдѣлеій на средства войскового капитала (²), что и было вскорѣ исполнено.

Журналомъ 4 сентября 1903 года Военный Совѣтъ разрѣшилъ учредить при войсковой мастерской, на средства войскового капитала, два военно-ремесленныхъ отдѣленія—портняжное и шорно-сѣдельное, открытіе и оборудованіе которыхъ состоялось уже въ 1904 году.

Войсковой музыкантскій хоръ.

Изъ прежде сказаннаго мы знаемъ, что часть средствъ, ассигнованныхъ въ 1772 году на содержаніе ремесленныхъ отдѣленій при Алматинскомъ и Капальскомъ училищахъ, были обращены въ 1875 г. на содержаніе 14-ти трубачскихъ учениковъ *). Наличность этихъ учениковъ и подала, вѣроятно, наказному атаману генералу Колпаковскому мысль—завести въ войскѣ свой музыкантскій хоръ и тѣмъ болѣе, что въ составѣ мѣстнаго областного хора были уже казаки, обученные музыкѣ, которые, съ комплектомъ трубачскихъ

*) Часть II, гл. II ст. «Промыслы».

учениковъ, представляли собою готовый матеріалъ для образованія хора (2).

По представленію наказнаго атамана, Военный Совѣтъ въ 1877 году разрѣшилъ образовать войсковой хоръ музыки изъ 25 казаковъ, состоящихъ на службѣ въ 1-мъ полку, а для комплектованія его допустилъ обученіе музыкѣ при хорѣ нужнаго числа казачьихъ малолѣтковъ, разрѣшивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ежегодный расходъ изъ войскового капитала на содержаніе хора въ суммѣ 1200 рублей (4).

Фактически войсковой хоръ началъ свое существованіе только съ конца января 1880 года.

Хоръ былъ составленъ изъ 7 урядниковъ и 18 казаковъ, взятыхъ частью изъ полка, а частью изъ мѣстнаго областного хора (3), состоявшихъ на службѣ тоже въ 1-мъ Семирѣченскомъ полку.

Постоянное-же откомандированіе 7-ми урядниковъ изъ полка оказалось чрезвычайно не выгоднымъ въ строевомъ отношеніи для этого полка, почему наказный атаманъ и распорядился урядниковъ, откомандированныхъ въ хоръ, считать въ полку въ комплектѣ казаковъ, а разницу жалованія доплачивать имъ изъ заигранныхъ хоромъ денегъ (5). Но отъ такой комбинаціи войско и полкъ были избавлены, по ходатайству войскового управленія, Военнымъ Совѣтомъ, который, въ 1882 году къ штату 1-го Семирѣченскаго полка разрѣшилъ добавить 5 сверхсрочно служащихъ урядниковъ, съ жалованіемъ отъ казны и съ постояннымъ откомандированіемъ ихъ въ войсковой музыкантскій хоръ (6)

Вмѣстѣ съ этимъ хоръ получилъ возможность обособиться отъ 1-го полка, при которомъ онъ до того состоялъ, и распоряженіемъ наказнаго атамана въ декабрѣ того-же 1882 г., подчиненъ во всѣхъ отношеніяхъ предсѣдателю войскового правленія(7).

Отпускаемые ежегодно изъ войскового капитала 1200 р. употреблялись исключительно на уплату жалованія наемному капельмейстеру, а расходы на музыкальные инструменты и вообще на весь инвентарь хора, а точно такъ же на одежду и содержаніе учениковъ, производились изъ заработанныхъ хоромъ денегъ.

Оркестръ хора собственно бальный, такъ какъ въ составъ оркестра входятъ преимущественно инструменты струнные и деревянные, съ добавленіемъ только для аккомпанимента — мѣдныхъ, а точно такъ же литавръ, барабановъ и т. д.

Войсковая Александровская богадѣльня

Злодѣяніе 1 марта 1881 г, жертвою котораго палъ Царь-Освободитель, подало войсковому управленію мысль увѣковѣчить въ Семирѣченскомъ войскѣ память погибшаго Императора учрежденіемъ богоугоднаго заведенія.

Съ этой цѣлью станичнымъ обществамъ было предложено принять участіе въ устройствѣ и содержаніи войсковой богадѣльни, цѣлью которой было постановлено призрѣніе въ ея стѣнахъ бѣдныхъ и немощныхъ стариковъ и старухъ войскового сословія(8).

Въ іюлѣ 1881 года, по представленію вр. наказнаго атамана генерала Левашова, вр. командующимъ войсками Туркестанскаго военнаго округа была уже послана управляющему военнымъ министерствомъ телеграмма такого содержанія: „казаки Семирѣченскаго войска испрашиваютъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе въ войскѣ богадѣльни въ память мученической смерти Императора Александра II, въ которой будетъ содержаться до 30 бѣднѣйшихъ обоего пола лицъ всѣхъ станицъ войска. Средства: 246 р., собранныхъ единовременно, 200 руб., отчисляемыхъ по войсковой смѣтѣ на выдачу пособій недостаточнымъ казакамъ, 2144 р.—годовое пожертвованіе на вѣчныя времена отъ 10 до 13 коп. съ души всего войска".

Императоръ Александръ III, по докладѣ Его Величеству этой телеграммы, 16 іюля изъявилъ свое согласіе на учрежденіе богадѣльни и на наименованіе ее „Александровскою"(9).

Уставъ богадѣльни былъ утвержденъ только 13 апрѣля 1883 года(10).

Въ началѣ 1884 г. богадѣльня была открыта въ г. Вѣрномъ, а до этого было издано по войску оповѣщеніе, которымъ желающіе поступить въ нее приглашались заявить о томъ чрезъ станичныхъ атамановъ войсковому правленію. Такіе желающіе оказались только въ южныхъ станицахъ, ближайшихъ къ Вѣрному, а изъ сѣверныхъ никто желанія не изъявилъ(11) и богадѣльня была открыта при наличности 5-ти призрѣваемыхъ(8).

Въ общемъ число призрѣваемыхъ въ богадѣльни обыкновенно колебалось отъ 8 до 10 и рѣдко болѣе, хотя вся обстановка богадѣльни, капиталъ которой уже къ 1898 году возросъ до 9590 р.(12), не можетъ вызывать никакихъ нареканій.

Причиною малаго числа призрѣваемыхъ является, вѣроятнѣе всего, крайняя неуживчивость и нелюбовь къ подчиненію правиламъ богадѣльни устарѣвшихъ мужчинъ и особенно женщинъ.

Во всякомъ случаѣ, только такимъ ничтожнымъ числомъ призрѣваемыхъ, въ сравненіи съ числомъ дѣйствительно нуждающихся въ призрѣніи, и могло быть вызвано извѣстное уже намъ ходатайство всѣхъ станичныхъ обществъ, вносящихъ ежегодно на богадѣльню свои пожертвованія. размѣръ которыхъ въ 1898 году достигалъ уже 1408 р., о закрытіи богадѣльни, какъ не исчерпывающей своего назначенія, и объ обращеніи ея капитала и пожертвованій на дѣло болѣе полезное - учрежденіе ремесленныхъ отдѣленій.

ИСТОЧНИКИ

къ части III, главѣ IX исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска.

№№ по порядку.

1 Приказъ по воен. вѣд. 1877 г. № 209.

2 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. дѣлъ воен. отд., дѣло 1901 г. № 78, р-тъ Семир. наказ. ат-на 7 нояб. 1901 г. № 9308 н-ку Туркест. окр. штаба.

3 Тотъ-же арх., оп. д., поступ. изъ каз. отдѣленія Семир. штаба, дѣло 1876 г. № 30|60 листъ 132.

4 Приказъ по воен. вѣд. 1877 г. № 396.

5 Приказъ по Семир. к. в. 1880 г. № 22.

6 Тоже 1882 г. № 154.

7 Тоже 1882 г. № 233.

8 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д. хоз. отд., дѣло 1885 г., № 64|128, р-тъ Семир. наказ. ат-на 8 марта 1886 г. № 615 к щему войск. Омскаго воен. окр.

9 Прик. по Семир. к. в. 1881 г. № 183.

10 Журналъ Военнаго Совѣта 13 апрѣля 1883 г., объявл. въ прик. по Семир. к. в. № 140|1883 г.

11 Арх. войск. пр-нія Семир. к. в., оп. д. воен. отд., дѣло 1885 г., № 19|14, листъ 20, отчетъ генер.-адъют. Свистунова.

12 Смѣта доходовъ и расходовъ Александровской богадѣльни Семир. к. в. за 1898 г.

Глава X-я

Войсковыя регаліи и депутаціи

Войсковыя регаліи.

Семирѣченское войско существуетъ только 37 лѣтъ (1867—1904). За такой сравнительно короткій срокъ существованія ему не представилось возможности оказать особыхъ услугъ своей родинѣ, не представлялось возможности оказать выдающихся подвиговъ на полѣ брани, тѣхъ подвиговъ, какіе принято ознаменовывать особыми знаками благоволенія Царствующихъ.

Семирѣченское войско произошло отъ Сибирскаго, отъ него-же и наслѣдовало миссію службы на далекой окраинѣ, службы оплота и проводника русской государственной идеи, службы незамѣтной, но тяжелой и требующей огромнаго напряженія силъ. Наибльшую тяжесть этой службы Семирѣченскіе казаки вынесли еще тогда, когда составляли часть войска Сибирскаго, а потому, какъ его часть и удостоены пожалованія Георгіевскимъ знаменемъ и Высочайшей грамотой.

6 декабря 1903 г. Его Императорское Величество нынѣ царствующій Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ собственноручнымъ подписомъ утвердить грамоту на имя войска слѣдующаго содержанія:

Копія.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

НАШЕМУ Семирѣченскому казачьему войску.

Въ 1882 году исполнилось 300 лѣтъ съ того достопамятнаго для Государства Россійскаго дня, когда Сибирская Ер-

макова вольница прощена Московскимъ Царемъ и признана Царскою служилою ратью, получившей впослѣдствіи наименованіе Сибирскаго казачьяго войска. Въ 1867 году изъ части Сибирскихъ казаковъ было образовано Семирѣченское казачье войско, доблестно поддержавшее въ средне-азіатскихъ походахъ боевую славу своихъ предковъ Сибирскихъ казаковъ. Въ ознаменованіе трехъ вѣковой доблестной службы Сибирскихъ и неразрывно связанныхъ съ ними исторіей молодыхъ Семирѣченскихъ казаковъ, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ жалуемъ вѣрнолюбезному Семирѣченскому казачьему войску НАШЕМУ войсковое Георгіевское знамя, съ надписью вокругъ знамени: „Семирѣченскому казачьему войску, получившему свое начало отъ доблестныхъ Сибирскихъ казаковъ“, съ означеніемъ на знамени годовъ: „1582—1903“ и съ присоединеніемъ къ сему знамени орденской Александровской ленты Да свидѣтельствуетъ потомству сія священная хоругвь о доблестной службѣ Семирѣченскихъ казаковъ и о неизмѣнномъ къ нимъ благоволеніи НАШЕМЪ, которое они стяжали себѣ горячею преданностью Престолу и отечеству. На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано: „НИКОЛАИ“. Скрѣпилъ Военный Министръ, Генералъ Адъютантъ Куропаткинъ Дана сія въ Царскомъ Селѣ 6 декабря 1903 года Въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ записана подъ № 493.

Депутація отъ войска.

Семирѣченское войско начало свою жизнь въ ту эпоху, когда государственный строй имперіи принялъ по отношеніи казаковъ уже ту форму, которая собственно исключала прежнія непосредственныя сношенія центральнаго правительства съ казачьими войсками, не только въ отношеніи заявленія послѣдними своихъ нуждъ правительству, но даже и въ смыслѣ простого выраженія, по иниціативѣ народной, вѣрноподданническихъ чувствъ своему Верховному Вождю.

Поэтому Семирѣченское войско и не могло посылать тѣхъ депутацій, которыя являлись-бы въ столицу въ качествѣ народныхъ пословъ.

Въ 1872 году, по идеѣ наказнаго атамана, генерала Колпаковскаго, была снаряжена въ Петербургъ депутація въ составѣ: самаго наказнаго атамана, хорунжаго Ивана Волкова, трехъ урядниковъ и одного казака.

Цѣль этой депутаціи—поднести Государю Наслѣднику отъ войска презентъ: альбомъ съ видами Семирѣчья, чучела звѣ-

рей и птицъ, убитыхъ въ Семирѣчьѣ казаками.

Депутація въ февралѣ имѣла счастье представиться Его Величеству и Государю Наслѣднику, которымъ презентъ былъ милостиво принятъ(1).

Въ 1882 году, ко дню коронованія Императора Александра III, отъ войска была командирована депутація въ составѣ: предсѣдателя войскового правленія полковника Щербакова, сотника Хлыновск го и урядниковъ станицы Капальской Давида Шевелева, Сергіопольской—Михаила Чеусова(2).

Въ 1891 году, будучи еще Государемъ Наслѣдникомъ, изволилъ возвращаться, чрезъ Сибирь, изъ своего путешествія на Востокъ Его Императорское Величество, нынѣ царствующій Государь. Въ г. Омскѣ, для встрѣчи и привѣтствія Высокаго Путешественника собрались разныя депутаціи, а въ томъ числѣ, по распоряженію командующаго войсками Омскаго военнаго округа, была назначена депутація и отъ Семирѣченскаго войска въ составѣ: наказнаго атамана, предсѣдателя войского правленія, командира 1-го полка, двухъ об.-офицеровъ, одного сотеннаго вахмистра, девяти станичныхъ атамановъ и пяти выборныхъ отъ станичныхъ обществъ(3).

16 іюля семирѣченская депутація представлялась Его Императорскому Высочеству Августѣйшему Атаману и была счастлива поднести войсковую хлѣбъ-соль и арматурный письменный приборъ въ мозаичной шкатулкѣ (работы своей войсковой мастерской).

Его Императорскому Высочеству благоугодно было въ тотъ-же день осчастливить вр. наказнаго атамана телеграммой слѣдующаго содержанія: „Прошу передать семирѣченскимъ казакамъ мою искреннюю благодарность за присланную съ депутаціей войсковую хлѣбъ-соль. Былъ счастливъ видѣть ихъ славныхъ представителей здѣсь Омскѣ“(4).

Въ 1896 году, ко дню Священнаго коронованія Его Императорскаго Величества, нынѣ царствующаго Государя, отъ войска была командирована въ Москву депутація въ составѣ: наказнаго атамана генерала Иванова, предсѣдателя войскового правленія полковника Волкова, подъесаула Осипова и двухъ вахмистровъ.

17 мая депутація имѣла счастіе представиться ихъ Императорскимъ Величествамъ—Государю и Государынѣ и, поднося хлѣбъ-соль, принести вѣрноподданническое поздравленіе съ совершившимся Священнымъ коронованіемъ(5).

30 марта 1908 года
Ст. Б.-Алматинская.

Н. Леденевъ.

ИСТОЧНИКИ

къ части III, главѣ X исторіи Семирѣченскаго казачьяго войска.

1 Арх. войск. пр-нія Семир. к. войска, оп. дѣлъ, поступ. изъ казачьяго отдѣленія Семир. Штаба, дѣло 1872 г. № 31/55.

2 Прик. по Семир. к. в. 1884 г. $\frac{18 \text{ января } № 11}{15 \text{ іюня } № 126.}$

3 Предпис. штаба Омскаго военнаго окр. 4 февр. 1891 г. № 780 наказ. ат-ну Семир. к. войска.

4 Прик. по Семир. к. в. 1891 г. № 169 и примѣч. 3 здѣсь.

5 Прик. по Семир. к. в. 1891 г. № 169.

Типографія Семирѣч. Областн. Правленія.

Приложение № 1.

Ростъ общественныхъ капиталовъ: ихъ приходъ, расходъ въ теченіе каждаго года и наличность къ 1 января слѣдующаго за указаннымъ года; всѣ цифры въ рубляхъ.

Годы	Б.-Алматинская.			Софійская			Коксуйская			Капальская			Сарканская			Лепсинская			Сергіопольская			Урджарская			Голубевская			Мало-Алматинская			Надеждинская			Каскеленская			Всего во всѣхъ станицахъ войска			На каждую душу войскового населенія наличнаго капитала въ среднемъ.	
	Приходъ	Расходъ	Наличность	Приходъ	Расходъ	Наличность	Приходъ	Расходъ	Наличность	Приходъ	Расходъ	Наличность	Приходъ	Расходъ	Наличность	Приходъ	Расходъ	Наличность	Приходъ	Расходъ	Наличность	Приходъ	Расходъ	Наличность	Приходъ	Расходъ	Наличность	Приходъ	Расходъ	Наличность	Приходъ	Расходъ	Наличность	Приходъ	Расходъ	Наличность	Приходъ	Расходъ	Наличность	К.	Р.
1880	18275	15035	11869	8051	6053	2395	1959	2103	699	2373	1604	2150	1280	979	783	1053	1008	1394	1213	1158	400	680	557	161	—	—	—										34886	28501	19855	„	98¼
1881	24067	22004	13931	11696	10122	3970	2109	1851	956	1878	2378	1605	1363	1930	216	1421	1227	1588	4033	3189	1244	811	864	107	—	—	—										47381	43570	23666	1	16
1882	18524	22242	10214	4583	4210	4342	2056	2179	833	3404	2299	2754	3081	2361	935	1049	2520	117	2685	1915	2014	3127	2250	984	—	—	—										38511	39980	22197	1	5
1883	19752	21225	8742	7657	8605	3395	4586	4623	795	3437	4835	1357	1614	2058	492	1425	1489	53	1348	2796	567	2089	2316	757	3093	2932	161										45006	50882	16322	„	76
1884	19420	18330	9832	15008	13143	5260	6556	3805	3547	3671	4113	914	3928	3616	805	13958	12509	1501	3114	2002	1679	2596	1848	1505	8916	3921	155										72172	63291	25202	1	15
1885	18963	23704	5092	847	5569	538	2259	3516	2289	2984	3628	270	2427	2783	449	5511	5711	1301	1225	1539	1365	2178	2221	1459	3228	2955	428										39626	5 632	13 97	„	60
1886	22096	18848	8340	9488	3600	6426	1611	2268	1633	2164	2121	3258	1876	1710	614	3234	4291	5849	3110	3429	1047	1564	2132	891	6023	5922	529										51170	44325	28590	1	28
1887	15280	16228	7391	1812	6023	2215	2706	2415	1924	2053	1920	3391	1912	1539	987	2415	2393	5871	2439	2531	955	2031	1989	933	4199	4340	389										34852	39382	24060	1	6
1888	62547	65047	4891	10688	9763	3140	2726	2206	2444	2086	3160	2318	1045	1039	994	2092	2249	5713	2778	2495	1238	1788	1363	1359	1809	1671	527										8756	8 995	22628	„	98
1889	22104	24509	2396	4943	7722	361	1410	2134	1720	1689	2510	1497	2461	2620	835	3094	2750	6057	2475	2803	910	855	1476	737	962	1256	233										39998	47876	14750	„	63
1890	18402	17047	3751	5361	5144	6388	1399	2032	1087	1392	1301	2242	1532	1647	1780	3280	2935	6402	2218	2276	852	2168	2060	846	2523	2565	675										38278	37012	21027	1	7
1891	9119	9661	3209	3342	3909	5821	1473	1546	1014	2919	2967	2194	1917	1801	1896	2136	2396	6142	2083	2087	847	1898	1692	1052	3897	3740	832										28789	29803	23012	„	94
1892	12468	12427	1114	6687	6431	5054	2966	1656	445	3283	3191	1364	2133	2133	848	4414	3413	5854	2546	2313	665	1084	1058	13	4898	1189	1116										40183	338 5	16477	„	64
1893	15935	14046	3003	7938	7021	5971	2124	1948	621	2416	2475	1306	2345	2337	856	13776	14403	5228	2291	2210	746	1438	1377	75	2684	3775	25										50952	49595	78 3	„	70
1894	—	—	4621	—	—	6884	—	—	828	—	—	2371	—	—	1253	—	—	5726	—	—	1933	—	—	124	—	—	895										—	—	24641	„	95
1895	17476	17225	4873	8672	9794	5762	8113	7425	1516	2523	2865	2029	10185	10477	962	4168	4517	5377	4406	3650	2689	1825	1808	141	5280	3523	2653										62652	61288	26006	„	98
1896	56041	53535	7379	25838	24934	6666	13538	13870	1184	5480	6606	902	11366	10953	1375	4284	5011	4650	11670	10952	3407	6625	4777	1990	3181	3203	2631										138027	33815	30 87	1	9
1897	53552	51649	7001	20751	19870	6492	15146	14491	1839	7270	6939	1234	2291	3193	474	13426	13474	4603	14325	13246	4486	8695	7663	3022	3686	5305	1013			2282			1056				139 47	135634	31502	1	22
1898	33433	31722	8712	20226	20268	6450	5013	4176	2676	4109	3967	1376	9383	8149	1708	7980	8707	3876	11602	10369	57 9	9569	9150	3442	10764	100 9	1758	18755	18891	2146	14038	13286	1808				44872	138704	39670	1	40
899	38450	37190	9972	19716	17197	896	5921	5800	2797	10201	11031	546	13483	11769	3422	9144	7900	5120	14381	12826	7274	9079	9839	2681	7357	6835	1280	17966	18542	1570	12593	12491	1910				158291	151420	45541	1	58
900	39698	37515	12155	20170	19956	9183	9577	10147	2227	11039	11120	465	19051	14268	8205	25260	22621	7759	14971	14311	7934	11317	10569	3429	5529	4533	2276	17453	16071	2952	13168	12245	2833				87233	73356	594 8	2	2
901	56469	42755	13192	21491	19969	10869	11408	11651	2148	11878	11565	708	22037	16831	8532	42129	27966	10779	18259	15656	10790	12674	11426	4297	5173	5129	1465	17054	16604	4663	13101	13625	2271			1909	231 673	93717	7 623	2	40
902	33005	31684	14513	27385	25961	12424	5121	4173	1918	10185	9873	877	25788	19810	12005	13424	12226	9076	27625	25422	12998	14669	13610	4126	6694	5868	2418	17210	16396	5134	13157	12599	2629	15244	14356	3280	209537	19 978	81398	2	59
903	30051	28628	15938	30036	29664	10783	6935	4803	2290	9488	9241	740	18775	18017	9764	24008	24453	7980	18452	14723	17035	11585	12343	5649	6340	5426	3415	17364	16261	6217	12488	13012	2523	15667	15473	3559	201289	192047	85893	2	66

ТАБЛИЦА А.

Приложеніе № 2.

роста населенія Семирѣченскаго к. войска съ 1880 по 1904 годъ (5).

Годы.	Къ началу каждаго года состояло населенія войскового сословія.		Прибыло въ теченіе года.						Убыло въ теченіе года						Конечный результатъ за годъ всего				Состояло населенія къ 1 января слѣдующаго года		
			Естествен. приростъ (родилось).		Зачислено въ войско изъ другихъ сословій.		Всего прибыло за годъ.		Умерло въ теченіе года.		Исключено изъ войскового сословія.		Всего убыло за годъ.		Прибыло.		Убыло.				
	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	Всего.
1880	10548	9243	521	494	24	48	545	542	316	309	9	38	325	347	220	195	—	—	10768	9438	20206
1881	10768	9438	483	418	20	7	503	425	392	331	—	—	392	331	111	94	—	—	10879	9532	20411
1882	10879	9532	635	641	52	153	687	794	361	346	29	40	390	386	297	408	—	—	11176	9940	21116
1883	11176	9940	502	494	134	93	636	587	575	518	10	—	585	518	51	69	—	—	11227	10009	21236
1884	11227	10009	598	517	71	71	669	588	395	343	10	11	405	354	264	234	—	—	11491	10243	21734
1885	11491	10243	503	497	46	51	549	548	404	325	161	124	565	449	—	99	16	—	11475	10342	21817
1886	11475	10342	557	533	20	40	577	573	342	271	7	23	349	294	228	279	—	—	11703	10621	22324
1887	11703	10621	501	514	11	15	512	529	381	327	13	21	394	348	118	181	—	—	11821	10802	22623
1888	11821	10802	578	553	16	41	594	594	421	360	3	19	424	379	170	215	—	—	11991	11017	23008
1889	11991	11017	584	559	9	35	593	594	458	387	6	25	464	412	129	182	—	—	12120	11199	23319
1890	12120	11199	623	582	4	49	627	631	415	327	4	40	419	367	208	264	—	—	12328	11463	23791
1891	12328	11463	627	603	15	44	642	647	373	345	10	38	383	383	259	264	—	—	12587	11727	24314
1892	12587	11727	671	591	24	36	695	627	449	341	15	18	464	359	231	268	—	—	12818	11995	24813
1893	12818	11995	679	596	8	6	687	602	352	365	12	4	364	369	323	233	—	—	13141	12228	25369
1894	13141	12228	677	600	30	78	707	678	378	334	13	13	391	347	316	331	—	—	13457	12559	26016
1895	13457	12559	735	627	25	47	760	674	483	452	12	14	495	466	265	208	—	—	13722	12767	26489
1896	13722	12767	695	657	13	47	708	704	465	394	14	28	479	422	229	282	—	—	13951	13049	27000
1897	13951	13049	682	685	12	61	694	746	439	399	46	43	485	442	209	304	—	—	14160	13353	27513
1898	14160	13353	753	656	13	58	766	714	368	315	31	38	399	353	367	361	—	—	14527	14714	28241
1899	14527	13714	737	685	12	78	749	866	459	429	28	49	487	478	262	288	—	—	14789	14002	28791
1900	14789	14002	760	704	8	51	768	755	484	388	12	32	496	420	272	335	—	—	15061	14337	29398
1901	15061	14337	662	671	22	61	684	732	465	444	20	59	485	503	199	229	—	—	15260	14566	29826
1902	15260	14566	801	841	519	499	1320	1340	520	467	51	78	571	545	749	795	—	—	16009	15361	31370
1903	16009	15361	787	774	83	146	870	920	447	402	13	43	460	445	410	476	—	—	16419	15836	32255
	—	—	—	—	1191	1815	—	—	—	—	529	798	—	—	662	1017	—	—			
					30	06					12	27			16	79					

ТАБЛИЦА Б.

роста населенія по поселеніямъ войска съ 1880 по 1904 годъ. (Изъ послѣдней графы предыдущей таблицы.)

	Названія поселеній по ихъ послѣдней номенклатурѣ въ 1903 году.	1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903
1	Станица Б.-Алматинская	2155	2308	2251	2253	2465	2251	2290	2320	2329	2369	2374	2423	2481	2537	2609	2691	2771	2858	2940	2976	3035	3074	3167	3259
2	— М.-Алматинская	1834	1822	1804	1806	1832	1892	1963	2002	2035	2096	2104	2172	2254	2276	2306	2333	2401	2432	2493	2541	2634	2676	2779	2876
3	Выселокъ: Илійскій	174	182	189	193	191	186	188	196	191	200	205	210	216	232	256	251	267	287	299	289	294	306	330	390
4	— Чингильдинскій	—	—	5	упразднен.			—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5	Станица: Каскеленская	997	1068	1087	1062	1023	989	1023	1051	1081	1091	1102	1154	1196	1227	1262	1255	1302	1353	1385	1438	1498	1518	1588	1642
6	— Софійская	2880	2843	2779	2708	2822	2707	2787	2825	2889	2907	2982	3044	3087	3206	3287	3347	3403	3469	3558	3649	3705	3761	3866	3948
7	— Надеждинская	1673	1771	1813	1743	1944	1872	1934	1992	2047	2049	2130	2096	2263	2327	2409	2425	2521	2589	2642	2721	2804	2820	2887	2977
8	— Коксуйская	442	450	429	451	473	454	476	494	511	502	524	529	538	554	565	583	590	592	615	626	642	651	660	661
9	Выселокъ: Сарканскій	12	12	14	14	11	11	11	9	8	упразднен.			—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10	— Кугалинскій	129	128	131	127	135	146	151	154	152	155	160	166	169	171	187	189	191	194	205	209	199	202	204	211
11	— Попутный	185	266	265	272	282	283	286	295	307	323	348	348	362	378	412	417	420	453	457	462	468	486	529	545
12	— Царицинскій	—	—	11	19	47	44	46	48	60	66	71	77	79	83	86	94	96	103	108	113	101	105	упразднен.	
13	— Джангизъ-Агачскій	77	77	70	70	80	82	83	84	87	90	93	100	102	103	103	103	106	109	115	114	116	118	129	126
14	— Карабулакскій	457	456	492	523	510	521	541	549	567	608	630	631	648	673	691	697	715	726	745	752	737	754	781	802
15	— Каратальскій	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	196	204
16	Станица: Капальская	1584	1626	1889	1913	1854	1884	1909	1936	1958	1974	1981	2011	2053	2093	2109	2135	2148	2152	2188	2208	2245	2215	2222	2240
17	Выселокъ: Арасанскій	330	390	364	368	368	373	373	373	373	380	384	379	391	400	401	441	434	439	459	467	487	507	514	342
18	Станица: Сарканская	1515	1430	1491	1576	1295	1592	1608	1627	1628	1637	1679	1722	1717	1749	1824	1828	1860	1890	1948	2011	2019	2048	2096	2151
19	Выселки: Абакумовскій	47	66	72	75	96	97	100	100	99	98	101	104	105	106	108	128	133	141	146	151	154	153	159	148
20	— Аксуйскій	37	38	42	42	40	43	43	43	44	45	46	48	52	53	56	58	61	—	—	—	—	60	53	59
21	— Басканскій	71	60	58	61	61	67	70	74	74	74	77	81	79	79	80	95	98	102	105	106	109	103	111	126
22	Станица: Лепсинская	2831	2554	2896	2824	2790	2882	2948	2957	3008	3058	3089	3106	3164	3197	3294	3131	3171	3289	3383	3438	3435	3482	3549	3614
23	Выселки: Тополевскій	476	530	541	559	632	692	696	691	726	751	790	846	857	890	928	960	977	966	1017	1034	1073	1107	1113	1101
24	— Каркалинскій	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	202	207	211	212	207	207	207	205	301
25	Станицы: Урджарская	1039	1021	1025	1049	1029	1051	1052	1046	1065	1067	1085	1082	1088	1110	1116	1132	1116	1147	1169	1182	1200	1188	1225	1238
26	— Сергіопольская	544	520	497	494	531	528	534	535	530	535	544	555	541	530	507	513	507	518	524	524	525	553	564	575
27	— Голубевская	378	402	336	353	497	417	433	450	449	439	448	475	485	491	514	546	557	571	587	597	711	732	773	794
28	Выселки: Хоргосскій	—	—	162	162	169	164	166	170	170	174	176	165	167	168	166	178	172	131	133	143	144	140	650	783
29	— Чунджинскій	50	50	69	77	85	104	111	118	121	117	120	121	133	132	128	145	149	150	160	173	179	180	198	198
30	— Подгорный	89	139	181	181	205	215	223	196	206	208	242	263	273	279	289	303	311	321	328	335	343	348	359	366
31	— Охотничій	200	202	253	261	267	270	279	288	293	298	298	298	305	306	315	302	305	309	309	308	309	311	318	331
32	— Николаевскій	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	8	8	8	8	8	7	11	11	11	17	19	21	115	156
		20206	20411	21116	21236	21734	21817	22324	22623	23008	23319	23791	24314	24813	25369	26016	26489	27000	27513	28241	28791	29398	29826	31370	32255

Приложение № 3

Свѣдѣнія о состояніи народнаго образованія и средствахъ для него въ Семирѣченскомъ к. войскѣ въ періодѣ съ 1880 по 1904 годъ(30).

Годы.	Казачьихъ народныхъ школъ въ войскѣ		Число учившихся въ казачьихъ народныхъ школахъ въ войскѣ			Церковно-приходскихъ школъ.	Число учившихся въ церковно-приходскихъ школахъ			Всего въ войскѣ		Училось въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ низшихъ, среднихъ и высшихъ, КРОМѢ ЮНКЕРОВЪ И ФЕЛЬДШЕРОВЪ.		Всего учившихся войскового сословія	На какое число душъ войскового населенія приходилось.		Источники средствъ на народное образованіе				
																	Войсковой капиталъ		На народныя школы	
	Въ станицахъ	Въ выселкахъ	Мальчиковъ	Дѣвочекъ	Всего		Мальчиковъ	Дѣвочекъ	Всего	Учебныхъ заведеній	Учащихся	Въ мужскихъ	Въ женскихъ		Одинъ учащійся	Одно учебное заведеніе	Стипендіи въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.	На народныя школы	Станичнаго общественнаго капитала	Областной земскія суммы и отъ министерства народнаго просвѣщенія.	ВСЕГО.
																	В Ъ Р У Б Л Я Х Ъ.				
1880	11	16	709	189	898	—	—	—	—	27	898	161	85	1144	17,6	789,1	3000	—	1914	13711	18625
1881	12	16	800	198	998	—	—	—	—	28	998	118	69	1185	17,2	729,0	3000	—	8000	13711	24711
1882	12	16	817	163	980	—	—	—	—	28	980	134	98	1212	17,4	754,1	1200	—	8000	11161	20361
1883	12	13	710	166	876	—	—	—	—	25	876	116	34	1026	20,7	849,4	1200	—	9016	17287	27503
1884	12	14	686	196	882	—	—	—	—	26	882	127	53	1062	20,4	836,0	1176	-	8113	13711	23000
1885	15	14	671	159	830	—	—	—	—	29	830	92	45	967	22,5	752,3	1879	50	10127	13711	25767
1886	17	8	766	180	946	—	—	—	—	25	946	50	10	1006	22,2	893,0	1975	2308	17067	2180	23530
1887	16	5	517	86	603	—	—	—	—	21	603	107	47	757	29,8	1077,3	1431	2258	5883	8625	18197
1888	13	5	522	67	589	—	—	—	—	18	589	146	73	808	28,4	1278,2	1916	2258	6227	5905	16306
1889	11	7	517	62	579	—	—	—	—	18	579	165	89	833	28,0	1295,5	2228	2258	5888	5995	16368
1890	11	7	544	71	615	—	—	—	—	18	615	166	85	866	27,4	1321,7	2513	2258	5749	6205	16725
1891	11	7	535	61	596	—	—	—	—	18	596	163	91	850	28,6	1350,8	2719	2258	5749	6205	16931
1892	12	5	588	66	654	—	—	—	—	17	654	157	82	893	27,5	1459,6	2418	2258	5789	5380	15945
1893	12	5	595	85	680	—	—	—	—	17	680	143	94	917	27,6	1492,3	2658	2308	5745	12579	23290
1894	14	5	599	153	752	—	—	—	—	19	752	218	46	1016	25,6	1369,3	3025	2258	7511	13698	26492
1895	14	5	573	171	744	—	—	—	—	19	744	190	61	995	26,6	1394,1	2833	2258	7823	13489	26403
1896	14	5	544	135	679	—	118	19	137	19	816	121	31	968	29,9	1421,0	3575	2258	6686	6600	20119
1897	14	5	562	154	716	—	213	69	282	19	998	133	37	1168	23,5	1448,0	4626	2258	7949	6403	21236
1898	14	5	576	169	745	—	215	71	286	19	1031	129	35	1195	23,6	1486,3	5035	2258	6080	7516	20889
1899	14	5	—	—	—	—	—	—	—	19	—	—	—	1330	21,6	1515,3	5916	2258	6150	5428	19572
1900	14	5	—	—	—	—	—	—	—	19	—	—	—	1452	20,0	1547,3	5864	2258	6372	6725	21219
1901	14	5	—	—	—	—	—	—	—	19	—	—	—	1413	21,1	1569,8	6013	2258	6892	9968	25131
1902	17	4	—	—	—	10	—	—	—	30	—	—	—	1500	20,9	1045,7	5571	2258	7314	11909	27052
1903	18	4	—	—	—	9	—	—	—	32	—	—	—	1523	21,2	1008,0	6197	2258	7314	18366	34135

Скотоводство въ Семирѣченскомъ к. войскѣ[47].

Приложение № 6.

Годы	Лошади.										Рогатый скотъ.									
	Общая численность въ войскѣ.	Приходилось на 100 душъ населения въ среднемъ.	Количество на 100 душъ въ среднемъ по отдѣльнымъ поселеніямъ колебалось.				Количество на семью въ 5 душъ по отдѣльнымъ поселеніямъ колебалось.				Общая численность въ войскѣ.	Приходится на 100 душъ населения въ среднемъ.	Количество на 100 душъ въ среднемъ по по отдѣльнымъ поселеніямъ.				Количество на семью въ 5 душъ по отдѣльнымъ поселеніямъ колебалось.			
			Наименьшее въ станицахъ.		Наибольшее въ станицахъ.		Наименьшее въ станицахъ.		Наибольшее въ станицахъ.				Наименьшее въ станицахъ.		Наибольшее въ станицахъ.		Наименьшее въ станицахъ.		Наибольшее въ станицахъ.	
1880	16683	82,5	—	70,6	—	114,7	—	3,5	—	4,8	10125	51,0	—	32,8	—	85,8	—	1,6	—	4,2
1881	17407	85,0	—	68	—	121	—	3,5	—	6,0	9984	49	—	27	—	78	—	1,3	—	4,0
1882	18313	86,0	—	60	—	150	—	3,0	—	7,5	8280	39	—	25	—	82	—	1,6	—	4,1
1883	19823	93,3	—	66,4	—	153,8	—	3,3	—	7,6	8301	39,8	—	24,7	—	78,4	—	1,2	—	3,9
1884	20710	95,2	—	72	—	155,7	—	3,6	—	7,7	9321	42,9	—	14,3	—	82,8	—	0,7	—	4,1
1885	22242	101,9	—	75	—	247 3	—	3,5	—	12,4	9937	45,5	—	13,2	—	84,8	—	0,7	—	4,2
1886	21768	97,5		62,2		249,3	Лепсин.	2,6		12,5	11797	52,8		13,9		96,6		0,5		4,8
1887	22280	98,0		63		270		3,1		13,5	12255	54		16		106		0,8		5,3
1888	23625	102,0		68		272		3,4		13,6	13606	59		8		114		0,4		5,7
1889	24684	106,0		60		279		3,0		14,0	14158	61		17		113		0,8		5,7
1890	27381	115,0		60		280		3,0		14,0	17911	75		18		124		0,9		9,7
1891	28250	116,0		64		304		3,2		15,2	15956	66		32		138		1,6		6,8
1892	30653	123,0		70		324		3,5		16,2	19406	78		41		173		2,0		8,6
1893	31220	123,0		66		347		3,3		17,3	21021	80		43		219		2,1		11
1894	32346	124,4		69		360		3,4		17,8	19072	73,4		39		168		1,9		8,3
1895	31232	118,0		74		359		—		—	15558	59		23		164		—		—
1896	31466	117,0		74		351		—		—	17903	66		30		220		—		—
1897	32019	127,0		63		352		—		—	19229	70		28		182		—		—

Алматинская. Уржарская. Алматинская. Уржарская. Ст. Лепсинская. Ст. Голубевская. Ст. Лепсинская. Ст. Голубевская. Саркан. Урджар.

Скотоводство въ Семирѣченскомъ к. войскѣ *(продолженіе предыдущей)* (47)

Годы.	Овцы.										Всѣхъ домашнихъ животныхъ вмѣстѣ.									
	Общая численность въ войскѣ.	Приходилось на 100 душъ населенія въ среднемъ.	Количество на 100 душъ въ среднемъ по отдѣльнымъ поселеніямъ колебалось.				Количество на семью въ 5 душъ по отдѣльнымъ поселеніямъ колебалось.				Всего	Всего приходилось на 100 душъ въ среднемъ.	Количество на 100 душъ въ среднемъ по по отдѣльнымъ поселеніямъ.				Количество на семью въ 5 душъ по отдѣльнымъ поселеніямъ колебалось.			
			Наименьшее въ станицахъ.		Наибольшее въ станицахъ.		Наименьшее въ станицахъ.		Наибольшее въ станицахъ.				Наименьшее въ станицахъ.		Наибольшее въ станицахъ.		Наименьшее въ станицахъ.		Наибольшее въ станицахъ.	
1880	7432	31,8	—	4,8	—	220,5	—	0,2	—	11	34540	170.9	—	116,4	—	388,6	—	5,8	—	19,3
1881	4312	21	—	4,0	—	236	—	0,2	—	11,7	31703	155	—	104	—	432	—	5,2	—	21,5
1882	3568	16	—	5,0	—	79	—	0,1	—	3,9	30161	142	—	116	—	314	—	5,8	—	15,6
1883	5013	23,6	—	0,3	—	206	—	0,01	—	10,4	33137	156,4	—	124	—	435	—	6,2	—	21,3
1884	5971	27,4	—	4,3	—	91	—	0,2	—	4,5	36002	165,6	—	125,3	—	306,9	—	6,2	—	15,3
1885	5100	23,3	Ст. Лепсинская Урджар.	0	Ст. Голубев.	105,3	Лепсинская Урджар.	0	—	5,2	37279	170,8	—	120,5	—	316,6	—	6	—	15,8
1886	9745	43,6		0		174,7		0	Голубев.	8,7	43310	194		89,9	Голубев.	382,8		3,3	Голубев.	19,1
1887	10408	46		0		116		0	Сергіоп.	6,2	44943	198		98	Сергіоп.	349		4,9		17,7
1888	10775	47		8		106		0,4	Голубев.	5,2	48006	208		90	Урджар.	365		4,5		18,2
1889	16994	73		7	Урджар.	371		0,4	Урджар.	18,5	55836	239		101	Урджар.	743		5,0		37,2
1890	14976	63		8	Саркан.	148		0,4		8,4	60268	253		102	Саркан.	542		5,1	Саркан.	27,1
1891	14983	61		11	Саркан.	168		0,6	Сергіопольск.	9,5	59189	243		138		523		6,9		26,2
1892	14281	57		13	Сергіоп.	475		0,7		8,7	64340	259		148		542		7,4		27,3
1893	17333	68	Алмат.	8	Сергіоп.	208	Алмат.	0,4		10,4	69574	270		130		577		6,5		28,8
1894	17177	66.1	Софійск.	29	Голубев.	449	Алмат.	1,5		18,4	68590	263,9		163		672		8,1		33,2
1895	17074	64	Алмат.	32	Сергіоп.	134	—	—	—	—	63864	241		160		614		—		—
1896	21996	81	Софійск.	46		269	—	—	—	—	71365	227		181	Сергіоп.	841		—		—
1897	20602	75	Софійск.	21		272	—	—	—	—	71850	261	Саркан.	150	Сергіоп.	845	—	—	—	—

Приложение № 7

ТАБЛИЦА

пчеловодства и его доходности по войсковымъ отчетамъ

Годы.	Количество ульевъ въ войскѣ.	Количество ульевъ колебалось: По отдѣльнымъ поселеніямъ войска — Наименьшее въ станицахъ		Наибольшее въ станицахъ		На семью въ 5 душъ въ среднемъ — Наименьшее въ станицахъ		Наибольшее въ станицахъ		Всего собрано пудовъ: Меду	Воску	Сборъ по отдѣльнымъ поселеніямъ колебался въ пудахъ: Меду — Наименьшее количество въ станицахъ		Воску — Наименьшее количество въ станицахъ		Меду — Наибольшее количество въ станицахъ		Воску — Наибольшее количество въ станицахъ	
1880	14237	Станица Сергіопольская	36	—	4316	—	0,3	—	10,9	7252	3415	—	18	—	7	—	2158	—	956
1881	12375		0	—	4060	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1882	13645		0	—	4950	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1883	12213		0	—	5900	—	0,2	—	10,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1884	14854		0	—	5700	—	0,1	—	10,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1885	14153		0	—	5700	—	0,1	—	9,9	3552	176	—	5	—	½	—	936	—	45
1886	20023		0	—	5842	—	0,2	—	9,6	14823	1107	—	80	—	4	—	4381	—	328
1887	19888		0	Лепсин.	5633	Капал.	0,2	Урджарская	10,1	6340	43	Голуб.	25	Капал.	3	Лепсин.	1485	Софійская	145
1888	20322		0	Лепсин.	5632	Голуб.	0,06		9,4	3842	67	Голуб.	30	Капал.	2	Алмат.	1275		438
1889	22768		0		6873	Голуб.	0,3		9,2	6104	845	Капальская	31	Капал.	2	Софійск.	2268		524
1890	24309		0		7141	Капальская	0,4		11,6	8699	954		47	Голуб.	5	Софійск.	2587		554
1891	24077		0		6561		0,4	Лепсин.	9,0	8486	854		0	Капал.	0	Алмат.	1779		436
1892	28367		0		7720		0,6	Лепсин.	12,2	10991	593	Капальская	22	Капал.	2	Лепсин.	3268	Алмат.	186
1893	19193		0		4984		0,4	Урджар.	9,4	1626	186	Софійск.	0	Голуб. и Капал.	0	Саркан.	570	Алмат.	68
1894	19916		0		6275	Голуб.	0.2	Лепсин.	9 5	5656	66	Голуб.	3		½	Лепсин.	1569	Урджр.	200
1895	21102		0		6977	Капал.	0.6	Кокс.	12,4	4511	38	Голуб.	5	Голубовская	½	Лепсин.	2718	Лепсин.	149
1996	23320		0	Софійс.	6248	Голуб.	1,3	Урджарская	18,9	6568	75	Капал.	39		4	Алмат.	2585	Алмат.	331
1897	21289		0		4038	Голуб.	0,8		10,8	4614	559	Капал.	25		6	Лепсин.	1660	Б.-Алмат.	163
1898	21188	Голуб.	450	Лепсин.	4350	Капал.	1,4		8,9	3321	406	Урджар.	104	Капальск.	6	Лепсин.	901	Софійск.	86
1899	23042	Голуб.	270	ская	5580	Голуб.	0,9		7,6	2713	315	Голуб.	40		3	Кокс.	696	Алмат.	87
1900	18489	Капал.	497	Софійс.	3346	—	—	—	—	2257	300	Б.-Алмат.	31		4	Лепсин.	707	Лепсин.	69
1901	19709	Голуб.	164	Лепсин.	3613	—	—	—	—	4586	557	Голуб.	48		7	Коксуйская	997	Софійск.	215
1902	24525	Б.-Алмат.	237	Кокс.	5671	—	—	—	—	7574	649	Б.-Алмат.	100	Б.-Алмат.	5		2391	Лепсин.	166
1903	27523	Голуб.	420	Кокс.	5822	—	—	—	—	8839	811	Голуб.	50	Б.-Алмат.	6		1150	Лепсин.	241

Годы.	Средніи цѣны за пудъ: Меду — Высшія — Станицы	Р./К.	Низшія — Станицы	Р./К.	Воску — Высшія — Станицы	Р./К.	Низшія — Станицы	Р./К.	Всего собрано на сумму — Рубли	Доходность на семью въ 5 душъ колебалась въ среднемъ по отдѣльнымъ поселеніямъ: Наименьшее по станицамъ — Стан.	Р./К.	Наибольшее по станицамъ — Стан	Р./К.
1880	—	—	—	5/,,	—	—	—	—	70906	—	1/49	—	40/60
1881	—	7/,,	—	5/,,	—	30,,	—	20,,	149504	—	—	—	15/44
1882	—	7/,,	—	5/,,	—	25,,	—	20,,	141400	—	—	—	—
1883	—	7/,,	—	—	—	25,,	—	18,,	48608	—	1/10	—	38/76
1884	—	—	—	5/,,	—	—	—	—	38469	—	"/25	—	34/7
1885	—	11/20	—	3/80	—	18,,	—	12,,	24095	—	"/13	—	11/63
1886	—	8/,,	—	4/,,	—	15,,	—	11,,	83171	—	1/17	—	30/87
1887	Голуб.	8/,,	Лепсин.	3/,,	Алмат.	23,,	Сарк.	12,,	38905	Голуб.	1/1	Урджарская	35/88
1888	Капал.	6/40	Лепсин.	3/50	Голуб. Алмат.	20,,	Кокс.	14,,	30407	Капальская	"/49		17/58
1889	Алмат.	6/,,	Сарк.	3/,,	Софійск.	20,,	Алмат.	14,,	39648		"/30		25/35
1890	Голуб.	6/,,	Лепсин. Урджар.	3/75	Капал.	18,,	Голуб.	11,,	46038		"/60		25/65
1891	Голуб.	5/75	Сарк.	3/25	Саркан.	19,,	Алмат.	12,,	51457		0		34/76
1892	Урджр.	6/,,	Лепсин.	6/50	Голуб.	32,,	Копал.	8/50	58329		"/11	Софійск.	51/,,
1893	Сарк.	11/,,	Алмат.	6/50	Саркан.	22/50	Кокс.	15/60	17052		0	Сарк.	12/95
1894									35606	Голуб.	"/11	Сарк.	14/12
1895									26053	Голуб.	"/13	Урджр.	15/62
1996									27958	Капал.	"/78	Урджр.	23/60
1897									24643	Сарк.	"/82	Коксуйская	13/85
1898									23427	Б.-Алмат.	1/26		10/15
1899									18278	Голуб.	"/92		8/78
1900									13914				
1901									30217	Свѣдѣній не имѣется			
1902									46488				
1903									45400				

Свѣдѣній не имѣется

ТАБЛИЦА *(продолженіе предыдущей)*

земли, съ распредѣленіемъ ея по поселеніямъ, по качеству и въ другихъ отношеніяхъ.

Годы.	РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ЗЕМЛИ ВЪ ДЕСЯТИНАХЪ ПО ПОСЕЛЕНІЯМЪ НА МУЖСКУЮ ДУШУ, СЪ РАЗДѢЛЕНІЕМЪ НА УДОБНУЮ И НЕУДОБНУЮ.																						Въ среднемъ выводѣ по всѣмъ поселеніямъ.		РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ЗЕМЛИ ПО ВОЙСКУ.						Всего въ войскѣ земли.		
	В. Баскансκій.		Ст. Лепсинская.		Выс. Тополевскій.		— Каргалинскій.		Ст. Урджарская.		— Сергіопольская.		— Голубевская.		Выс. Хоргосскій и съ 1889 г. Николаевскій.		— Чунджинскій.		Подгорный.		Охотничій.				Всего въ юртовомъ надѣлѣ станицъ.			Въ войсковомъ запасѣ.					
	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной			Удобной.	Средне-удобной и неудобной	ВСЕГО.	Розданой въ пенсіонные надѣлы.	Свободной.	ВСЕГО.	Удобной.	Средне-удобной и неудобной	ВСЕГО.
																									Десятинъ.			Десятинъ.			Десятинъ.		
1888	17	—	20	1	37	7	—	—	52	12	52	362	28	6	127	4	30	5	19	3	34	2	30	15	363854	181328	545182	5046	23859	28905	384847	189240	574088
1889	26	1	20	1	35	7	—	—	52	12	51	357	29	6	102	3	32	5	18	2	32	2	28,8	14,9	349006	181134	530140	6130	21865	27995	371359	186776	558135
1890	25,6	1,1	20,1	1,5	33,7	6,4	—	—	35,9	58,4	49,2	345,4	28,3	6,1	64,1	3,5	31,4	4,8	15,2	2,2	33,3	1,6	27,8	17,2	314817	207532	522349	5050	28544	33594	342726	213217	555944
1891	24,4	1	26	1,5	31,5	6	—	—	36	58,6	49,2	345,4	26,6	5,7	68,2	3,8	32	4,8	13,9	2	33	1,5	27,2	16,9	314817	207532	522349	5050	28544	33594	342726	213217	555944
1892	25,6	1,1	19,8	1,5	31,2	6	—	—	36,3	59,1	50,6	355	26	5,6	66,8	3,7	28,6	4,3	13,2	1,9	31,7	1,5	26,7	16,6	314817	207532	522349	5050	28544	33594	342726	213217	555944
1893	25,6	1	19,6	1,4	29,5	5,5	—	—	35,6	58,2	51,1	358	25,8	5,5	64	3,5	28	4,2	13	1,9	31	1,5	23,9	15,7	314817	207532	522349	5050	28544	33594	342726	213217	555944
1894	25,7	1,1	19,3	1,4	28,3	5,4	—	—	35,9	58,3	51	357,4	25	5,4	66,1	3,7	30,9	4,7	13	1,9	31,6	1,6	25,4	15,8	314817	207532	522349	5050	28544	33594	342726	213217	555944
1895	20,4	0,9	19,2	1,4	27,2	5,1	—	—	35,5	59,6	50,3	352,5	23,4	5,0	62,3	3,4	25,3	3,8	12,7	1,9	34,2	1,7	23,0	15,0	314817	207532	522349	5050	28544	33594	342726	213217	555944
1896	19,2	0,8	19,1	1,4	26,5	5	—	—	36,4	59,2	51,3	359,9	22,9	4,9	62	3,5	24	3,7	12,7	1,9	33,8	1,7	22,6	14,9	314817	207532	522349	5050	28544	33594	342726	213217	555944
1897	18,9	0,8	18,6	1,4	26,8	5,1	—	—	35,4	57,6	50,4	353,7	22,1	4,8	73,7	4,1	24,2	3,7	12,3	1,8	32,7	1,6	22,2	14,7	314817	207532	522349	5050	28544	33594	342726	213217	555944
1898	18,8	0,8	18,3	1,2	25,5	4,8	—	—	34,1	55,5	50,1	351,3	21,4	4,6	72,9	4	23,9	3,6	12,2	1,2	32,7	1,6	23,6	14,7	314827	207528	522356	5051	28543	33594	342736	213215	555951
1899																							21,3	14	314827	207528	522356	5051	28543	33594	347405	213597	561002
1900				Дальнѣйшихъ свѣдѣній не имѣется.																			18,4	11,2	314827	207528	522356	5051	28543	33594	347405	213597	561002
1901																							18,4	11,2	314827	207528	522356	5051	28543	33594	347405	213597	561002
1902																							23,2	10,5	371910	167649	539559	5065	9366	14431	383385	169195	552580
1903																							19,5	8,2	374657	167963	542626	5065	33685	38750	410276	171100	581376

Примѣчаніе. Составлена по Всеподданнѣйшимъ отчетамъ о состояніи Семирѣченскаго к. войска за соотвѣтствующіе годы.

Приложеніе № 4.

ТАБЛИЦА

земли, съ распредѣленіемъ ея по поселеніямъ, по качеству и въ другихъ отношеніяхъ.

Годы.	РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ЗЕМЛИ ВЪ ДЕСЯТИНАХЪ ПО ПОСЕЛЕНІЯМЪ НА МУЖСКУЮ ДУШУ. СЪ РАЗДѢЛЕНІЕМЪ НА УДОБНУЮ И НЕУДОБНУЮ.																													
	Ст. Б.-Алматинская.		— М.-Алматинская.		Выс. Илійскій.		Ст. Каскеленская.		— Софійская.		— Надеждинская.		— Коксуйская.		Выс. Кугалинскій.		— Попутный.		— Царицинскій.		— Джангызъ-Агачскій.		— Карабулакскій.		— Карагальскій.		Ст. Копальская.		Выс. Арасанскій.		Ст. Сарканская.		Выс Абакумовскій.		— Аксуйскій.	
	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной	Удобной	Неудобной
1888	46	4	24	—	22	67	43	3	19	2	19	3	32	9	24	4	41	9	31	8	23	9	17	6	—	—	27	21	16	9	34	16	75	6	45	13
1889	35	2	35	2	22	65	23	2	19	2	18	3	32	9	24	4	32	11	27	7	22	8	16	6	—	—	27	21	16	8	34	16	80	7	45	13
1890	22,2	2,1	22,2	2,1	21,1	63	41,8	3,1	18,2	2,6	17,5	3,2	35,2	8,5	23,0	4,4	35,2	8,2	24,4	6,1	20,8	8	15,9	5,7	—	—	25,1	20,5	15,7	8,5	34	16	22,7	2,1	41,7	12
1891	21,6	2	21,6	2	20,9	62,5	40,4	3	18	2,4	17	3	34,7	8,4	21,8	4,1	35,2	8,2	22,1	5,5	20	7	15,8	5,6	—	—	24,6	20,1	15,9	8,5	33	15,6	21,3	2	40	11,5
1892	21,1	1,9	21,6	1,9	20,7	62	39,4	2,9	17,5	2,4	16,5	3	34,3	8,3	20,9	4,2	33,6	7,8	22,7	5,6	19,6	7,4	15,4	5,6	—	—	24,1	19,7	15,2	8,2	33,2	15,6	20	1,9	37	10,7
1893	22,7	1,9	22,7	1,9	19	57	37,6	2,7	16,5	2,3	15,9	2,9	30	8,1	20,6	4	32,5	7,1	22,1	5,4	19,2	7,3	14,8	5,3	—	—	23,4	19	14,9	3	32,2	15,2	20	1,9	35,1	10
1894	20,3	1,9	20,3	1,9	20	53,7	36,4	2,6	16,4	2,8	15,5	2,8	33,2	8,0	19,4	3,7	30,0	7	21,8	5,2	19,2	7,3	14,3	5,1	—	—	23,2	19	14,8	2,5	31,2	14,7	20,4	1,9	33,3	9,6
1895	19,7	1,8	19,7	1,8	17,6	52,6	36,9	2,7	16,1	2,3	15,4	2,8	32,6	7,9	19 4	3,7	30	7	19,1	4,3	19,2	7,4	14,3	5,1	—	—	23	18,7	12,9	6,9	31,3	14,8	14,5	1,4	33,3	9,7
1896	19	1,8	19	1,8	16,6	49,7	35,4	2,6	15,9	2,2	14,9	2,7	32,4	7,9	19	3,7	24,6	6,9	18,3	4,5	18,5	7	14	5	—	—	28,8	18,6	13	7	30,9	14,6	13,5	1,3	30,3	8,8
1897	13,9	1,8	24,7	1,7	15,3	45,7	33,8	2,5	15,8	2,2	14,4	2,6	32,8	8	18,5	3,6	28	6,5	17,3	4,3	17,9	6,8	13,6	4,6	—	—	22,6	18,4	12,9	6,9	31,9	14,9	12,7	1,2	-	—
1898	13,6	1,8	23,9	1,7	14,8	44,2	33,2	2,5	15,4	2,1	14,2	2,6	31,4	7,6	17,5	3,4	27,6	6,4	16,4	4,0	16,7	6,4	13	4,6	—	—	22,2	18,2	12,4	6,7	31	14,4	12,2	1,2	-	—
1899																																				
1900											Дальнѣйшихъ				свѣдѣній		не имѣется.																			
1901																																				
1902																																				
1903																																				

ТАБЛИЦА

Приложение № 5-й.

зернового хозяйства и его доходность.[45])

ГОДЫ.	Въ урожай собрано.			Средній по войску урожай.		Средняя годовая по войску цѣны за четверть въ 8 пудовъ въ станицахъ.						Стоимость по этимъ среднимъ цѣнамъ всего собраннаго въ войскѣ урожая.	Приходится изъ урожая на каждую душу войскового населен. въ среднемъ		Заработокъ отъ хлѣбопашества на душу населенія по поселеніямъ войска колеблется			
						Пшеница.		Рожь.		Овесъ.			Хлѣбомъ.	Деньгами.	отъ		до	
	Ярового.	Озимаго.	Всего.	Ярового	Озимаго.	Высшія.	Низшія.	Высшія.	Низшія.	Высшія.	Низшія.							
	четверти.			с	мъ.	Р./К.	Р./К.	Р./К.	Р./К.	Р./К.	Р./К.	рубли	ч-ти.	Р./К.	руб.	коп.	руб.	коп.
1880	192240	6368	198608	7,(	7,3	10/90	8/82	8/87	7/51	6 3	4/92	1419998	9,8	79/27	41	40	117	—
1881	406609	5288	411897	9,3	14,9	13/„	4 30	12/„	3/60	8 „	2/25	1617079	20,1	74/56	15	—	180	85
1882	404717	15273	419990	11,	9,0	12/50	5/„	8/50	3/50	5 75	1/87	2225540	19,8	105/30	50	—	234	—
1883	439447	8040	447487	9,	4,7	9/50	5/20	7/50	4/„	5 25	2/„	2220080	21,0	104/„	26	—	253	—
1884	347132	3164	350296	6,	1,5	9/50	3/67	8/50	3/15	5 12	2/„	1431120	16,1	65/84	17	—	131	—
1885	366259	11415	377674	8,	7,0	6/70	3/5	5/50	3/5	3 75	1/80	1268157	17,3	58/„	24	—	117	—
1886	261627	15980	277607	7,	6,9	4/50	1/74	3/50	1/48	3 12	1/7	565425	12,4	25/„	18	—	41	—
1887	242286	13212	255548	6,	5,0	4/80	1/45	3/25	1/40	2 25	1/10	623683	11,5	27/56	11	—	58	—
1888	240651	28708	269359	8,	6,8	5/50	2/65	4/80	1/80	3 40	1/30	848480	11,7	36/87	17	—	56	—
1889	313554	34898	348452	8,	7,2	5/50	2/45	4/55	1/71	2 80	1/10	1047800	14,9	44/83	17	—	61	—
1890	369872	38881	408753	3,	8,1	5/30	2/2	3/15	1/52	2 25	1/„	776500	17,1	32/63	9	6	55	49
1891	228148	21373	249521	6	6,9	4/„	1/10	3/20	„/70	2 53	„/80	623880	10,2	27/69	16	95	56	1
1892	248608	16739	265347	6	6,4	5/20	2/60	4/„	2/25	2 50	1/40	605709	10,6	24/41	14	13	39	97
1893	161289	16228	177517	4	5,6	10/„	3/80	6/„	2/80	4 50	1/60	—	6,0	—	—	—	—	—
1894	231533	18345	249878	7	6,6	8/„	2/„	7/„	2/„	4 „	1/20	—	9,6	—	—	—	—	—
1895	300515	31296	331811	7	9,4	4/20	1/30	3/80	1/20	2 75	„/85	—	10,5	—	—	—	—	—
1896	244092	16014	260106	6	5,5	4/17	2/20	3/36	1/50	2 50	1/30	—	?	?	—	—	—	—
1897	—	—	—	—	—	7/50	4/„	5/75	2/80	3 80	1/30	-	—	—	—	—	—	—

Примѣчаніе. Начиная съ 1897 год[ы] ійсковые годовые отчеты, главный источникъ составленія этой таблицы, уже не даютъ цифръ урожая и др. спеціально для одного казачьяго населенія, смѣшавъ урожаи, [по]енные войсковымъ и невойсковымъ населеніемъ, вмѣстѣ. Цѣны-же на продукты съ 1898 года въ этихъ отчетахъ показаны не дѣйствительныя, а, такъ называемыя, „спра[во]чныя„ часто имѣющія мало общаго съ дѣйствительными, высшими и низшими.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.	Строка.	Напечатано.	Нужно читать.
21	12	Понимается	Поднимается
30	18	Завершились	Завершилась
35	3	Отведенныя	Отведенные
35	17	Премя	Время
41	38	Ненавидившихъ	Ненавидѣвшихъ
42	14	Согласія	Согласіе
58	33	Въ которымъ	Въ которомъ
76	25	Дивверсію	Диверсію
77	10	Укрѣленія	Укрѣпленія
85	23	Яцкому	Яицкому
86	25	Нацравились	Направились
86	42	За остожкомъ	За острожкомъ
99	14	Помо-и	Помощи
144	31	Спожившимся	Сложившимся
147	34	Представлялось	Предоставлялось
152	8	Преджде	Прежде
163	1	Войскамъ	Войскомъ
173	39	Работы	Работѣ
179	44	Особеннаго	Особенно
203	16	Посоленій	Поселеній
203	31	Съ тѣ годы	Въ тѣ годы
206	3	Тобольское	Тобольской
206	37	Оказалось	Оказалась
215	42	Возлежена	Возложена
216	10	Эа 1867 годъ	За 1867 годъ
217	27	Въ каранѣ	Въ коранѣ
218	6	Чиргизъ	Киргизъ
218	9	Акраины	Окраины
218	13	Условіямъ	Условіемъ
218	27	Недѣловъ	Надѣловъ
218	28	Коммунизъ	Коммунизмъ
218	31	Помятуя	Памятуя
218	36	Взлядъ	Взглядъ
219	29	Самоуправле-	Самоуправленіе
220	10	Представленныхъ	Предоставленныхъ
221	20	Вообые	Вообще

222	39	Склонныхъ	Склоннымъ
223	11	Управлвнію	Управленію
224	29	Казами	Казаками
225	29	Приживающія	Проживающія
227	19	Случемъ	Случаемъ.
227	26	Отдѣленіе	Отдѣленія.
228	43	Представлеоія	Представленія.
229	7	Подполковнакъ	Подполковникъ
229	29	Предварительнаго	Предварительнаго
230	16	Наслѣдованное	Наслѣдованнаго
232	9	Расчетѣ	Расчетъ.
240	11	сбереженія	сбереженія
241	16	представлено	предоставлено
242	11	установленномъ всѣхъ для казачьихъ войскъ	установленномъ для всѣхъ казачьихъ войскъ
245	24	по успотрѣнію	по усмотрѣнію
256	34	сравнені	сравненіе
256	37	лѣтнѣе	лѣтнее
263	40	дѣсятинный	десятинный
268	37	ни чего	ничего
273	31	Тикая	Такая
276	2	вознагражденіе	вознагражденія
281	18	неудобность	надобность
281	28	како	какое
284	27	введеніе	введенія
285	7	убѣжденнымъ	побѣжденнымъ
285	16	представить	предоставить
287	28	наилучшіе	наилучшія
288	17	напривленіи	направленіи
292	17	нар.	напр.
297	17	наждаго	каждаго
298	21	еднственнымъ	единственнымъ
301	33	опредѣлнномъ	опредѣленномъ
319	1	болшинствомъ	большинствомъ
336	18	постононнихъ	постороннихъ
339	34	молго-бы	могло-бы
344	22	стиницу	станицу
369	31	сущеотвованію	существованію
372	27	милолѣтковъ	малолѣтковъ
373	2	состедоточилось	сосредоточилось
377	38	попахи	папахи
384	25	впослѣдствіа	впослѣдствіи
385	11	казачьхъ	казачьихъ
389	40	премени	времени

390	30	пременно	временно
408	28	аружіе	оружіе
419	9	упоребленія	употребленія
421	8	вемени	времени
431	31	Дли	Для
450	11	Пшичевичъ	Писчевичъ
459	1	Предъидующаго	Предъидущаго
472	3	Чна что	На что
472	4	Полубилъ	Получилъ
472	5	Осооое	Особое
472	20	Крѣпосцу	Крѣпостцу
485	41	Гокмака	Токмака
486	11	Проложеія	Проложенія
493	22	Совѣмъ	Совсѣмъ
493	22	Но предположено	Не предположено
515	20	Занявъ ее	Занявъ ея.
519	1	Представи-и	Представили
523	39	Утряда	Отряда
527	24	Вастилались	Растилались
603	38	Двугихъ	Другихъ
603	39	Генералъ-губернатовъ	Генералъ-губернаторъ
605	39	Веенія	Веденія
607	7	Закоондательномъ	Законодательномъ
615	3	На тебя	На себя.
652	11	Возжожно	Возможно.
671	18	Бѣвочекъ	Дѣвочекъ
730		Колпаковскато	Колпаковскаго
743	19	Назницы	Разницы
743	3	Полько	Только
745	14	Командируемыхъ	Командируемымъ
745	4	Въ подгорой	Въ подгорной
757	14	Семирѣченскимъ	Семирѣченскомъ
760	13	Доказываютъ	Доказываетъ
761	19	Поданы	Подана
778	11	Семирѣченскато	Семирѣченскаго
794	14	Западной	Запасной
817	15	Приводенные	Приведенные
817	9	Четыри	Четыре